

Евразийский юридический журнал

№ 12 (175) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОПОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САПИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям:
12.00.00 Юридические науки
08.00.00 Экономические науки
09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 22.01.2023
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 12 (175) 2022

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)
AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)
BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
GUSEINOV Abdusalam Abdulkherimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)
KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)
RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"
RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)
RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)
SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))
TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 22.01.2023
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects – Dryakhlov S. P.
Desktop publishing – Brylev S. O.
Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasianlaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н., доцент
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, к.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадатович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджaddinovich, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Iqbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Л. К. Айвар:

Равноправна, экономически независима, политически активна, благополучна – такой видит женщину Национальная стратегия 2023-2030
Интервью с Людмилой Айвар, Заслуженным адвокатом, доктором юридических наук, профессором, Председателем общероссийского движения «За права женщин России». 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гатаулина Э. В.

Необходимость разработки правовой базы для защиты объектов наследия ЮНЕСКО 16

Панов Ф. Ю.

Право третьего государства обжаловать ограничительные меры Европейского союза в Суде Европейского союза. Пример Венесуэлы 18

Дроздова М. А., Сорокина Е. В., Удалова Д. В.

Устойчивый транспорт: международно-правовые аспекты 25

Отрашевская А. М.

Вклад латиноамериканских интеграционных объединений в реализацию международно-правового режима регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 28

Афган Абдул Салам

Самоопределение и применение силы в международном праве 31

Винницкий Д. В.

Злоупотребления соглашениями об избежании двойного налогообложения и меры противодействия 36

Гаглов О. Ф.

Двойное гражданство в непризнанных и частично признанных государствах 39

Латыпова А. Ф.

Технологии искусственного интеллекта и отдельные аспекты международного космического права 43

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Глинщикова Т. В., Небиеридзе Д. Н.

Наследственные правоотношения в международном частном праве 47

Ермакова Е. П.

Климатические споры в суде Европейского Союза 49

Секачева А. А.

Правовое регулирование сферы PropTech в странах ЕС 52

Струговец Л. А.

Особенности и последствия рассмотрения дел о защите климата 55

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Беликов Е. О.

Правовая система КНР и борьба с коррупцией в свете решений XX съезда КПК 58

Вильнова В. А.

Категория вреда как фактор законодательных изменений 63

Владиминова Д. С.

Публичные и частные начала правового регулирования геномных отношений 65

Довгань К. Е.

Признаки рамочных правовых актов в Российской Федерации 67

Карев Д. А., Полковникова Т. В.

Судебно-арбитражная практика в механизме финансово-правового регулирования 69

Коваленко Н. Е.

Полисемия как «капкан» для юридической науки: анализ работ Л. И. Петражицкого 71

Сидорова А. В., Ефремова Е. А.

Сравнительно-правовой анализ дефиниции «информация» (на примере России и стран СНГ) 73

Самусенко Т. М.

Правоприменительная деятельность: цель и функции 76

Воситов Х. А.

Гражданское общество и институциональные основы защиты прав человека 79

Жидких М. А.

Признаки делегированного толкования норм права как разновидность официального толкования права 82

Мусина К. С.

Юридические аспекты толкования правосубъектности искусственного интеллекта 84

Хут Д. Ш.

Баланс личных, общественных и государственных интересов как отражение сущности права 86

Ямщикова Э. М.

Место декларативных норм в системе классификации норм права 88

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Антоненко Т. Ф., Бердникова С. А., Орлова С. В.

Правовое регулирование рабочего времени, организация труда на приисках Сибири в XIX веке 90

Евсеев И. В.

Из истории верхнеуральской тюрьмы: гипотезы мученической смерти Петра Крутицкого 94

Мамедов Т. С.

Становление политики в сфере борьбы со стихийными бедствиями, применяемой в Турецкой Республике 99

Антоненко Т. Ф., Бердникова С. А., Орлова С. В.

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди мусульман в Западной Сибири в XIX веке 102

Герасименко А. А.

Управление органами борьбы с экономическими преступлениями в СССР в послевоенное время 107

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Артышко К. В., Озеров О. Э.

Проблемы преодоления цифрового неравенства в России: право на доступ в интернет и его соотношение с конституционным правом на равенство возможностей 109

Сисакьян А. К.

Конституционное правосознание – высшая форма правосознания в обществе и государстве 112

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дибиров Ю. С.

Проблемы проведения административной реформы и пути их решения на новейшем этапе развития российского государственного управления 115

Зиньков Е. Н., Голубцова К. И.

К вопросу о применении мер административного пресечения 117

Плеханова Е. А., Рудницкая А. П., Ахметова Г. З.

Разработка проекта Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций с указанием сроков хранения 119

Пономарёв О. В., Юртаев В. А., Сергеева К. А.

Полномочия Федеральной налоговой службы по выявлению и раскрытию налоговых преступлений: расширить нельзя ограничить 124

Посулихина Н. С.

Актуальные проблемы оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий 127

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Миташова А. А., Иваненко И. Н., Родин Д. Я.

К вопросу о мерах предварительной защиты по административному иску 131

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.

К вопросу о реализации положений о банкротстве физических лиц 133

Дамбаева И. В.

К вопросу о функциях нотариата в гражданском обороте 136

Сергеева К. А., Юртаев В. А., Вронская М. В.

Удаление отзыва клиента: актуальные проблемы правового регулирования в контексте правоприменения 138

Захаров К. Л., Сикач А. С.,

Карлухина Е. С., Чекулаев С. С.

Сравнительно-правовой анализ институтов защиты детей в Российской Федерации и Китайской Народной Республике 141

Зимнева С. В., Авдеев К. О.

Соотношение задатка и обеспечительного платежа как способов обеспечения обязательств в гражданском праве 145

Кирсанов А. Н., Гревцев Н. А.

О некоторых аспектах взаимодействия брокера с розничным инвестором 147

Лысцев Б. С., Ванеева М. А.

К вопросу административной деятельности полиции, осуществляемой при предупреждении, выявлении и пресечении правонарушений в области охраны собственности 150

Маленькая Е. А., Малинова А. Г.

Пределы свободного использования произведений при применении онлайн-технологий в образовательном процессе 153

Вишняков Р. В.

Криптовалюта и иная виртуальная валюта в денежных и иных обязательствах по законодательству Российской Федерации 156

Ермоленко К. И., Пупышев М. А., Малахов А. В.

Целесообразность введения в России концепции единого объекта недвижимости 159

Костин А. В.

Применение норм гражданского права для восполнения пробелов уголовного законодательства 162

Лысцев Б. С., Коновалова С. И., Захарова Е. Е.

Особенности правового регулирования садоводческих некоммерческих товариществ 165

Мараховская К. Г., Карпец С. И.,

Платонова А. Д., Малахов А. В.

О некоторых проблемах правового регулирования земельного сервитута в Российской Федерации 168

Набиуллин Э. Ф.

Современные тенденции правового регулирования несостоятельности (банкротства) 170

Милентенкова Я. В.

К вопросу о соотношении договорной и внедоговорной (деликтной) ответственности 172

Саманба И. Л.

Защита прав граждан в зимний период 174

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Васькина А. А., Гаевая А. А.

Актуальные проблемы доступности правосудия в гражданском процессе 180

Афанасьева Н. В.

Актуальные проблемы применения ст. 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации 183

Монахов Г. Д., Васькина А. А.

Особое мнение судей судов общей юрисдикции: плюсы и минусы и зарубежный опыт 187

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Герман Е. С., Ломакина И. Г.

Релокация как эффективный способ минимизации рисков «ухода» крупных компаний с российского рынка 191

Клевцов М. И., Оловянная А. С.

Роль профсоюзов в жизни современного российского общества 194

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Артышко К. В., Озеров О. Э.

К вопросу о легализации (легитимизации) религиозных (конфессиональных) браков в Российской Федерации 196

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Гасанов О. Б.

Проблема правового регулирования и правоприменения при установлении зон с особыми условиями использования территорий 199

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

Ананьева Е. О., Мишина А. А.

Проблемы соблюдения конституционного права человека и гражданина на жилье на примере обеспечения им молодых семей 206

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Оловяннаякова А. С., Клевцов М. И.

Значение геоинформационных технологий при регулировании земельных правоотношений 209

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Николаенко Н. С., Дерендяева С. Д., Пономарёв О. В.

Направления совершенствования формирования и исполнения бюджета муниципального образования (на примере Дальнереченского городского округа) 212

Шульга А. А., Шильдт Л. А.

Оценка тенденций иностранных инвестиций в особые экономические зоны Российской Федерации 214

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Ананьева Е. О., Круть А. А.

Коучинг в управлении персоналом организации 217

Магоня П. Д.

Особенности антимонопольного регулирования на цифровых рынках 220

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Бажанов С. А., Коваленкова В. О.

К вопросу о влиянии на численность «тюремного населения» декриминализации отдельных составов преступлений небольшой и средней тяжести (по результатам мониторинга, проведенного в 2016 г.) 222

Гриднева М. В.

Особенности исполнения обязательных работ в современных условиях 225

Еремина А. А., Вассалатий Ж. В.

К вопросу о квалификации убийства матерью новорожденного ребенка: теоретические и практические проблемы 228

Зорина Н. С.

Личность несовершеннолетнего преступника и жертва преступления 230

Квитко А. В.

Экологическая преступность: особенности, причины высокого уровня латентности, проблемы выявления и раскрытия 232

Кузьмин С. С., Лакеев А. А.

Перспективы смертной казни как вида уголовного наказания в российском уголовном праве 234

Макаров Р. В., Габдрахманов Ф. В.

Тяжкий вред здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ): ошибки правоприменителя, их причины и последствия 237

Осадчая Н. Г., Плехотнюк А. Н.

Некоторые проблемы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции в сфере экономики 239

Новоселова С. С.

Проблемы определения временных сроков при убийстве матерью новорожденного ребенка 241

Пантюшина А. И.

Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ): особенности объективной стороны состава преступления 243

Расторопов С. В., Расторопова О. В.

Вопросы экстрадиции в дружественные государства лиц, совершивших преступления, которые не наказываются лишением свободы в Российской Федерации 247

Ступина С. А.

Уголовная ответственность за диверсионную деятельность через призму законодательных новелл 250

Шломина В. В.

Феномен скулштинга как правовая и социальная проблема современности 253

Омарасхабов М., Кухтяева Е. А.

Об эффективности применения освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономики 256

Сыч К. А.

Позитивный метод в истории науки уголовного права 258

Якимова Е. М., Егоров Ю. Н., Сошин А. А.

Особенности квалификации смежных преступлений и административных правонарушений в сфере денежного обращения 261

Бажанов С. А.

К вопросу о влиянии на следственную и судебную практику по статье 157 Уголовного кодекса РФ вступления в силу Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ (по результатам исследования, проведенного в 2016-2017 гг.) 263

Симолян С. А.

Этапы развития законодательства, регулирующего отношения долевого строительства, становление ответственности за нарушение строительного законодательства 266

Суровикина А. Е.

Предупреждение использования сети «Интернет» для ввоза на территорию Российской Федерации и сбыта фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий 269

Гришин Н. С.

Несоответствие требованиям безопасности как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ 272

Мараховская К. Г., Карпец С. И., Дерендяева С. Д.

Проблема применения плагиата в научно-образовательной сфере 275

Нечевин И. Д.

Виктимологические аспекты торговли подростками: история и современность 277

Татаринев А. В.

Особенности назначения наказания большим наркоманией 281

Ульянов А. С.

К вопросу об основаниях построения перечня уголовных наказаний 284

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Архипкин И. В., Корнакова С. В.

К вопросу об асимметрии правил о допустимости доказательств 287

Коновалова Е. Е. Проблемы «специализированного толкового словаря» в современном уголовно-процессуальном законодательстве.....	289	Селюжицкая Г. М. Особенности этапа доследственной проверки сообщений о мошенничествах, совершенных в отношении лиц пожилого возраста.....	330
Курбатова Г. В., Цибульская Г. Э. Исторические предпосылки зарождения института народного представительства в судебном разбирательстве.....	293	Хорев М. В. Проблема определения источника повышенной опасности для целей криминалистики.....	333
Магомедова К. Б., Рамазанов Т. Б. Прокурорский надзор на стадии возбуждения уголовного дела.....	295	Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Судебно-медицинская оценка смерти спортивных туристов (альпинистов) в горной местности.....	335
Сочивко О. И. Особенности расследования оперативно-следственными группами убийств, совершенных в условиях неочевидности.....	298	Исаев А. И. Особенности производства осмотра по делам о контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий.....	337
Поликарпова О. С. К вопросу о допустимом сроке неявки защитника, приглашенного для участия в следственных и иных процессуальных действиях.....	302	КРИМИНОЛОГИЯ	
Расторопов С. В., Петрова Т. Н., Чигрина О. Р. Экспертная оценка ненадлежащего оказания медицинской помощи в уголовном судопроизводстве: погоня за количеством или качеством?.....	305	Коноплева А. Д., Терехов А. М., Кувычков С. И., Мазунова А. А. Анализ результатов рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности, прошедших через районные суды Нижегородской области.....	340
Сенченко С. К. К вопросу о самостоятельности адвоката в уголовном судопроизводстве.....	308	Соколов И. А. Информационная безопасность органов прокуратуры Российской Федерации: сущность, содержание, основные понятия.....	342
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		Ступина С. А. Факторы наркотизации женщин в отдельном регионе Российской Федерации: на примере Красноярского края.....	345
Бажанов С. А., Жиляев Р. М. К вопросу об изменении численности осужденных за кражу и мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию.....	311	Чакиев М. А. К вопросу обеспечения гарантий прав и законных интересов инвалидов, ставших жертвами общественно опасных деяний.....	348
Гамзатова М. М., Кухтлева Е. А. Понятие и правовое регулирование применения к осужденным средств исправления.....	314	СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Клопотенко А. Г. Краткосрочные выезды осужденных за пределы исправительного учреждения: проблемы оснований реализации законного интереса.....	317	Ермакова Е. П. Влияние климатических судебных разбирательств на деятельность правительств в сфере «изменения климата»: стратегические судебные иски.....	350
Уткина Т. В. Предупреждение и предостережение как средства обеспечения исполнения наказаний без изоляции от общества.....	319	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Чулунов Е. А. Исправительные работы: уголовно-правовой аспект.....	321	Иванова Л. А. Деятельность органов внутренних дел при проведении массовых мероприятий.....	355
КРИМИНАЛИСТИКА		ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
Бугера М. А. К вопросу об особенностях криминалистической характеристики хищений средств сотовой связи.....	323	Оспищев Р. И. Актуальные проблемы правового положения иностранцев в Российской Федерации.....	358
Красненко Ю. В. Современное состояние и влияние криминалистической деятельности на эффективность раскрытия и расследования преступлений.....	325	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Минкина Е. С. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных организованной преступной группой: правовой и аналитический аспект.....	328	Кушхов Х. Л. К вопросу о принципах взаимоотношений органов публичной власти и религиозных объединений.....	361
		Гаврикова А. М. Верховная власть: признаки, типы и функции.....	363

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

Егоренков Д. В., Белецкий А. А.

О некоторых вопросах образования
вузовской системы МВД 365

Латыпова Э. Р., Егорова Д. Д.

Межэтническое и межкультурное
общение студентов в вузах 368

Недзелюк Т. Г.

Проектная деятельность в преподавании курса
«История государства и права зарубежных стран»
для студентов-юристов 371

Шардинов А. Ш., Сергеев А. П., Маджуга А. Г.

Формирование профессиональной компетентности
курсантов военного учебного центра вуза
в контексте интерактивного обучения 373

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Митяева Ю. В., Видова Т. А., Головастова Ю. А.

Политико-правовой анализ сущностных аспектов
реализации концепта миграционной политики Российской
Федерации, ее развития и совершенствования 377

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

Устинова О. В.

Социальное самочувствие населения
сельских поселений 385

Якупова Г. А., Габдрахманова Л. Н.,

Валитова Н. Э., Гареев Э. С., Минкович А. М.
Достоинства и недостатки блогосферы
в современной России 387

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ

Грин Д. М.

Исследование влияния коррупции
на экономический рост России 389

Карпов А. А.

Экономико-правовой статус региона
в системе государственного управления
пространственным развитием России 394

Клявлиня Я. М., Клявлин М. С.,

Мустафина А. И., Данилов Н. В.
Энергосберегающие мероприятия в системе вентиляции 397

Мехдиев С. Т., Сулейманова Ф. Х., Бондаренко А. В.

Реклама продуктов банковского сектора 399

Попова Ю. А.

Проблема определения ставки дисконтирования
для учёта операций аренды по ФСБУ 25/2018 403

Шалагин А. Ю., Харисова К. Р., Латыпова Э. Р.

Финансирование здравоохранения
постпандемийного периода 405

Чумляков К. С., Чумлякова Д. В.

Формирование портфеля стратегий
интернационализации транспортной инфраструктуры 407

Брондз В. А.

Теоретические предпосылки формирования
инновационной среды предприятия 410

Галимнуров А. Ф.

Инновационные факторы перехода
от постиндустриальной к цифровой
эпохе развития общества 413

Долда Н. И.

Перспективы интернационализации российских
малых и средних предприятий с использованием
торговых интернет-площадок 416

Янтудин А. Н., Киреева О. А.

Конкуренция как вектор развития корпоративного
научно-проектного комплекса вертикально
интегрированной нефтегазодобывающей компании 419

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ

Костина О. В., Шугуров М. В.

Мистический компонент онтологических
исканий М. Хайдеггера: направления
и результаты междисциплинарного синтеза 421

Тимощук А. С.

Россия и мир: когнитивно-смысловые
операторы будущего 424

Чудина-Шмидт Н. В.

Экстремизм и терроризм: от мысли к действию 427

Хазипова Э. Р.

Роль убеждений о мире и ценностях
как поведенческие детерминанты
современной молодёжи 429

Хисматуллин С. А.

Особенности политического сознания молодежи 432

Иксанов Р. А., Гарипов Р. К., Ильясов Р. Р.

Неиграющий человек и познавательный дискурс 434

Рахматуллина З. Я., Кутлова Р. Р.

Отечественная система образования в условиях
современных информационных вызовов 436

ОБЗОР

Устинова О. В., Пивоварова И. В.

Социальная безопасность:
результаты научных исследований 438

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 439

CONTENTS

PERSONA GRATA

L. K. Ayvar:

Equal, economically independent, politically active, prosperous – this is how the National Strategy 2023-2030 sees a woman

Interview with Lyudmila Ayvar, Honored Lawyer, Ph.D. in Law, Professor, Chairman of the All-Russian movement “For the Rights of Women of Russia” 14

INTERNATIONAL LAW

Gataullina E. V.

The need to develop a legal framework for the protection of UNESCO heritage sites 16

Panov F. Yu.

The right of a third State to appeal the restrictive measures of the European Union to the Court of Justice of the European Union. The example of Venezuela 18

Drozdova M. A., Sorokina E. V., Udalova D. V.

Sustainable transport. International legal aspects 25

Otrashevskaya A. M.

Latin American integration associations and implementation of the international legal regime on access to genetic resources and the fair and equitable sharing of benefits arising from their utilization 28

Afghan Abdul Salam

Self-determination and use of force in international law 31

Vinnitskiy D. V.

Abuse of double taxation treaties and countermeasures 36

Gagloev O. F.

Dual citizenship in unrecognized and limited recognized states 39

Latypova A. F.

Artificial intelligence technology and certain aspects of international space law 43

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Glinshchikova T. V., Nebieridze D. N.

Inheritance relations in private international law 47

Ermakova E. P.

Climate disputes in the Court of Justice of the European Union 49

Sekacheva A. A.

Legal regulation of the Protech sphere in the EU countries 52

Strugovets L. A.

Features of consideration of court cases on climate protection 55

THEORY OF STATE AND LAW

Belikov E. O.

The legal system of the People’s Republic of China on combating corruption in the light of the decisions of the XX congress of the CPC 58

Vilnova V. A.

Category of harm as a factor of legislative changes 63

Vladimirova D. S.

Public and private principles of the genomic relations legal regulation 65

Dovgan K. E.

Signs of framework legal acts in the Russian Federation 67

Karev D. A., Polkovnikova T. V.

Judicial and arbitration practice in the mechanism of financial and legal regulation 69

Kovalenko N. E.

Polysemy as a «trap» for legal science: an analysis of the L. I. Petrazhitskie’s works 71

Sidorova A. V., Efremova E. A.

Comparative legal analysis of the definition of “information” (on the example of Russia and CIS countries) 73

Samusenko T. M.

Law enforcement activity: purpose and functions 76

Vositov Kh. A.

Civil society and institutional framework protection of human rights 79

Zhidkikh M. A.

Signs of a delegated interpretation of the law as a kind of official interpretation of law 82

Musina K. S.

Juridical aspects of the interpretation of the legal personality of artificial intelligence 84

Khut D. Sh.

The balance of personal, public and state interests as a reflection of the essence of law 86

Yamshchikova E. M.

The place of declarative norms in the system of classification of norms of law 88

HISTORY OF STATE AND LAW

Antonenko T. F., Berdnikova S. A., Orlova S. V.

The legal regulation of working time, organization of labour in Siberian gold mines in the 19th century 90

Evseev I. V.

From the history of the Verkhneuralskaya prison: Hypotheses of the martyrdom of Peter Krutitsky 94

Mammadov T. S.

Formation of a policy in the field of disaster management applied in the Republic of Turkey 99

Antonenko T. F., Berdnikova S. A., Orlova S. V.

Missionary activity of the Russian Orthodox Church among Muslims in Western Siberia in the XIX century 102

Gerasimenko A. A.

Management of bodies for combating economic crimes in the USSR of the post-war period 107

CONSTITUTIONAL LAW

Artyshko K. V., Ozerov O. E.

The problems of overcoming the digital divide in Russia: the right to internet access and its relationship to the constitutional right to equal opportunity 109

Sisakyan A. K.

Constitutional consciousness is the highest form of legal consciousness in society and the state 112

ADMINISTRATIVE LAW

Dibirov Yu. S.

Problems of administrative reform and ways to solve them at the latest stage of development of Russian public administration 115

Zinkov E. N., Golubtsova K. I.

On the issue of the application of administrative preventive measures 117

Plekhanova E. A., Rudnitskaya A. P., Akhmetova G. Z.

Development of a draft list of documents generated in the course of the activities of the Ministry of Education and Science of Russia and its subordinate organizations, indicating the periods of storage 119

Ponomarev O. V., Yurtaev V. A., Sergeeva K. A.

The powers of the Federal Tax Service to identify and disclose tax crimes: expandable, cannot be limited 124

Posulikhina N. S.

Actual problems of providing medical care using telemedicine technologies 127

ADMINISTRATIVE JUDICIARY

Mityashova A. A., Ivanenko I. N., Rodin D. Ya.

On the issue of preliminary protection measures in an administrative claim 131

CIVIL LAW

Ananjeva E. O., Ivliev P. V.

On the issue of the implementation of the provisions on the bankruptcy of individuals 133

Dambaeva I. V.

On the issue of the functions of a notary in civil circulation 136

Sergeeva K. A., Yurtaev V. A., Vronskaya M. V.

Deleting a customer review: legal regulation and jurisprudence 138

Zakharov K. L., Sikach A. S.,

Karpukhina E. S., Chekulaev S. S.

Comparative legal analysis of child protection institutions in the Russian Federation and people Republic of China 141

Zimneva S. V., Avdeev K. O.

The correlation of the deposit and the security deposit as ways to secure obligations in civil law 145

Kirsanov A. N., Grevtsev N. A.

About some aspects of the broker's interaction with the retail investor 147

Lystsev B. S., Vaneeva M. A.

On the issue of administrative activities of the police, carried out in the prevention, detection and suppression of offenses in the field of property protection 150

Malenkaya E. A., Malinova A. G.

Limits of free use of works in the application of online technologies in the educational process 153

Vishnyakov R. V.

Cryptocurrency and other virtual currency in cash and other obligations under the legislation of the Russian Federation 156

Ermolenko K. I., Pupyshev M. A., Malakhov A. V.

The expediency of introducing the single property unit concept in Russia 159

Kostin A. V.

The adaptation of civil law for filling the blanks in the criminal legislation 162

Lystsev B. S., Konovalova S. I., Zakharova E. E.

Features of legal regulation of horticultural non-profit partnerships 165

Marakhovskaya K. G., Karpets S. I.,

Platonova A. D., Malakhov A. V.

Some problems of land easement's legal regulation in the Russian Federation 168

Nabiullin E. F.

Modern trends in the legal regulation of insolvency (bankruptcy) 170

Milentenkova Ya. V.

On the question of the ratio of contractual and non-contractual (tort) liability 172

Samanba I.L.

Protection of citizens' rights in winter 174

CIVIL PROCESS

Vaskina A. A., Gaevaia A. A.

Actual problems of accessibility of justice in civil proceedings 180

Afnasjeva N. V.

Actual problems of application of Article 50 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation 183

Monakhov G. D., Vaskina A. A.

Dissenting opinion of judges of courts of general jurisdiction: advantages and disadvantages and foreign experience 187

LABOUR LAW

German E. S., Lomakina I. G.

Relocation as an effective way to minimize the risks of large companies "leaving" the Russian market 191

Klevtsov M. I., Olovyannikova A. S.

The role of trade unions in the life of modern Russian society 194

FAMILY LAW

Artyshko K. V., Ozerov O. E.

On the legalization (legitimization) of religious (confessional) marriages in Russian Federation 196

ECOLOGICAL LAW

Gasarov O. B.

Russian and American experience in legal regulation of activities in zones with special conditions for the use of territories: a comparative study 199

HOUSING LAW

Ananjeva E. O., Mishina A. A.

Problems of observance of the constitutional right of a person and a citizen to housing by the example of providing them to young families 206

LAND LAW

Olovyannikova A. S., Klevtsov M. I.

The importance of geoinformation technologies in the regulation of land legal relations 209

FINANCIAL LAW

Nikolaenko N. S., Derendyaeva S. D., Ponomarev O. V.

Directions for improving the formation and execution of the municipal budget (on the example of the Dalnerechensk city district)..... 212

Shulga A. A., Shildt L. A.

Assessment of foreign investment trends in special economic zones of the Russian Federation..... 214

ENTREPRENEURIAL LAW

Ananjeva E. O., Krut A. A.

Coaching in the organization's personnel management 217

Magonya P. D.

Features of antimonopoly regulation in digital markets 220

CRIMINAL LAW

Bazhanov S. A., Kovalenkova V. O.

On the issue of the impact on the number of the "prison population" of decriminalization of certain minor and moderate crimes (based on the results of monitoring conducted in 2016)..... 222

Gridneva M. V.

Features of execution of compulsory works in modern conditions 225

Eremina A. A., Vassalatiy Z. V.

On the question of the qualification of the murder of a newborn child by a mother: theoretical and practical problems 228

Zorina N. S.

The identity of the juvenile offender and the victim of the crime 230

Kvitko A. V.

Environmental crime: features, causes of a high level of latency, problems of detection and disclosure..... 232

Kuzmin S. S., Lakeev A. A.

Prospects for the death penalty as a type of criminal punishment in Russian criminal law 234

Makarov R. V., Gabdrakhmanov F. V.

Serious harm to health due to negligence (article 118 of the Criminal Code of the Russian Federation): mistakes of the law enforcement officer, their causes and consequences 237

Osadchaya N., Plokhotnyuk A. N.

Some problems of improving the criminal law counteraction to corruption in the economic sphere 239

Novoselova S. S.

Problems of determining time limits when a mother kills a newborn child 241

Pantyushina A. I.

Public dissemination of knowingly false socially significant information that entailed grave consequences (Article 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of the objective side of the crime..... 243

Rastoropov S. V., Rastoropova O. V.

Issues of extradition to friendly states of persons who have committed crimes that are not punishable by imprisonment in the Russian Federation 247

Stupina S. A.

Criminal liability for sabotage activities through the prism of legislative novels 250

Shlomina V. V.

The phenomenon of schoolshooting as a social and legal problem of our time 253

Omarashabov M., Kukhtyaeva E. A.

On the effectiveness of the application of exemption from criminal liability for crimes in the field of economics 256

Sych K. A.

A positive method in the history of the science of criminal law 258

Yakimova E. M., Egorov Yu. N., Soshin A. A.

Peculiarities of qualification of related crimes and administrative offenses in the sphere of money circulation..... 261

Bazhanov S. A.

On the issue of changing the investigative and judicial practice under Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the entry into force of Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016 (based on the results of a study conducted in 2016-2017) 263

Simonyan S. A.

Stages of development of legislation governing the relationship of shared construction, the formation of responsibility for violation of construction legislation 266

Surovikina A. E.

The prevention of the use of the Internet for the importation into the territory of the Russian Federation and the sale of falsified, substandard and unregistered medicines and medical devices 269

Grishin N. S.

Non-compliance with safety requirements as a Constructive sign of the corpus delicti provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation 272

Marakhovskaya K. G., Karpets S. I., Derendyaeva S. D.

The problem of plagiarism in the scientific and educational sphere 275

Nechevin I. D.

Victimological aspects of trafficking in adolescents: history and modernity..... 277

Tatarinov A. V.

Peculiarities of sentencing for drug addicts 281

Ulyanov A. S.

On the question of the grounds for constructing a list of criminal penalties..... 284

CRIMINAL PROCESS

Arkhipkin I. V., Kornakova S. V.

On the question of the asymmetry of the rules on the admissibility of evidence..... 287

Konovalova E. E.

Problems of the "specialized explanatory dictionary" in modern criminal procedure legislation 289

Kurbatova G. V., Tsybul'skaya G. Z. <i>Historical prerequisites for the origin of the institute of people's representation in judicial proceedings</i>	293	Shamurzaev T. T., Ardashev R. G. <i>Forensic medical assessment of the death of sports tourists (climbers) in mountainous areas</i>	335
Magomedova K. B., Ramazanov T. B. <i>Prosecutor's supervision at the stage of initiation of a criminal case</i>	295	Isaev A. I. <i>Features of inspection in cases of smuggling alcoholic products and (or) tobacco products</i>	337
Sochivko O. I. <i>Features of the investigation by operational investigatives groups of murders committed in conditions of non-obviousness</i>	298	CRIMINOLOGY	
Polikarpova O. S. <i>On the question of the permissible period of non-appearance of the defender invited to participate in investigative and other procedural actions</i>	302	Konopleva A. D., Terekhov A. M., Kuvychkov S. I., Mazunova A. A. <i>Analysis of the results of consideration of corruption-related criminal cases that passed through the district courts of the Nizhny Novgorod region</i>	340
Rastoropov S. V., Petrova T. N., Chigrina O. R. <i>Expert assessment of inadequate medical care in criminal proceedings: the pursuit of quantity or quality?</i>	305	Sokolov I. A. <i>Information security of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: essence, content, basic concepts</i>	342
Senchenko S. K. <i>On the question of the independence of a lawyer in criminal proceedings</i>	308	Stupina S. A. <i>Factors of narcosis of women in a separate region of the Russian Federation: on the example of the Krasnoyarsk Territory</i>	345
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		Chakiev M. A. <i>On the issue of guaranteeing the rights and legitimate interests of disabled people who have become victims of socially dangerous acts</i>	348
Bazhanov S. A., Zhilyaev R. M. <i>On the issue of changing the number of convicts for theft and petty theft committed by a person subjected to administrative punishment</i>	311	JUDICIARY	
Gamzatova M. M., Kukhtyaeva E. A. <i>The concept and legal regulation of the use of corrective measures to convicts</i>	314	Ermakova E. P. <i>The impact of climate litigation on the activities of Governments in the field of "climate change": strategic lawsuits</i>	350
Klopotenko A. G. <i>Short-term visits of convicts outside the correctional institution: problems of the grounds for the realization of legitimate interest</i>	317	LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Utkina T. V. <i>Prevention and caution as a means of ensuring the execution of punishments without isolation from society</i>	319	Ivanova L. A. <i>Activities of internal affairs bodies during mass events</i>	355
Chulunov E. A. <i>Correctional labor criminal-legal aspect</i>	321	HUMAN RIGHTS	
CRIMINALISTICS		Ospishchev R. I. <i>Actual problems of the legal status of foreigners in the Russian Federation</i>	358
Bugera M. A. <i>To the question of the features of the criminalistic characteristics of theft of the means of</i>	323	STATE AND LAW	
Krasnenko Yu. V. <i>The current state and impact of criminalistic activities on the effectiveness of the disclosure and investigation of crimes cellular communication</i>	325	Kushkhov Kh. L. <i>To the question of the principles of relations between public authorities and religious associations</i>	361
Minkina E. S. <i>Criminalistic characteristics of crimes committed by an organized criminal group: legal and analytical aspect</i>	328	Gavrikova A. M. <i>Supreme power: elements, types and functions</i>	361
Selyuzhitskaya G. M. <i>Features of pre-investigation verification of reports of fraud committed against the elderly</i>	330	PEDAGOGY AND LAW	
Khorev M. V. <i>The problem of determining the source of increased danger for the purposes of forensics</i>	333	Egorenkov D. V., Beletskiy A. A. <i>About some questions education of the higher education system of the Ministry of Internal Affairs</i>	365
		Latypova E. R., Egorova D. D. <i>Inter-ethnic and intercultural communication of students in higher educational institutions</i>	368
		Nedzelyuk T. G. <i>Project activity in teaching the course "History of State and Law of foreign countries" for law students</i>	371

Shartdinov A. S., Sergeev A. P., Madzhuga A. G. <i>Formation of professional competence of cadets of the military training center of the university in the context of interactive learning</i>	373	PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
POLICY AND LAW		Kostina O. V., Shugurov M. V. <i>The mystical component of M. Heidegger's ontological search: directions and results of interdisciplinary synthesis</i>	421
Mityaeva Yu. V., Vidova T. A., Golovastova Yu. A. <i>Political and legal analysis of the essential aspects of the implementation of the concept of migration policy of the Russian Federation, its development and improvement</i>	377	Timoschuk A. S. <i>Russia and the world: cognitive and semantic operators of the future.....</i>	424
SOCIOLOGY AND LAW		Chudina-Schmidt N. V. <i>Extremism and terrorism: from thought to action.....</i>	427
Ustinova O. V. <i>Social well-being of the population of rural settlements</i>	385	Khazipova E. R. <i>The role of beliefs about the world and values as behavioral determinants of modern youth.....</i>	429
Yakupova G. A., Gabdrakhmanova L. N., Valitova N. E., Gareev E. S., Minkovich A. M. <i>Достоинства и недостатки блогосферы в современной России</i>	387	Khismatullin S. A. <i>Features of the political consciousness of young people</i>	432
ECONOMY. LAW. SOCIETY		Iksanov R. A., Garipov H. K., Ilyasov R. R. <i>General trends in the development of domestic legislation in the field of land easements</i>	434
Grin D. M. <i>Study on corruption effects on the Russian economic growth</i>	389	Rakhmatullina Z. Ya., Kutlova R. R. <i>General trends in the development of domestic legislation in the field of land easements.....</i>	436
Karpov A. A. <i>Economic and legal status of the region in the system of state management of spatial development of Russia</i>	394	REVIEW	
Klyavlina Ya. M., Klyavlin M. S., Mustafina A. I., Danilov N. V. <i>Energy-saving measures in the ventilation system.....</i>	397	Ustinova O. V., Pivovarova I. V. <i>Social security: research results</i>	438
Mehdiyev S. T., Suleymanova F. Kh., Bondarenko A. V. <i>Advertising products of the banking sector</i>	399	INFORMATION FOR AUTHORS.....	439
Popova Yu. A. <i>The problem of determining the discount rate for accounting for lease transactions according to FSB 25/2018.....</i>	403		
Shalagin A. Yu., Kharisova K. R., Latypova E. R. <i>Financing of post-pandemic health care</i>	405		
Chumlyakov K. S., Chumlyakova D. V. <i>Formation of a portfolio of strategies for the internationalization of transport infrastructure</i>	407		
Brondz V. A. <i>Theoretical prerequisites for the formation of an innovative enterprise environment</i>	410		
Galimnurov A. F. <i>Innovative factors of transition from the post-industrial to the digital era of society development.....</i>	413		
Dolda N. I. <i>Prospects for the internationalization of Russian small and medium enterprises using internet trading plants.....</i>	416		
Yantudin A. N., Kireeva O. A. <i>Competition as a vector of the development of the corporate r&d complex of a vertically integrated oil and gas producing company.....</i>	419		

**Л. К. АЙВАР:
РАВНОПРАВНА, ЭКОНОМИЧЕСКИ НЕЗАВИСИМА, ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНА,
БЛАГОПОЛУЧНА – ТАКОЙ ВИДИТ ЖЕНЩИНУ НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ
2023-2030**

Интервью с Людмилой Айвар, Заслуженным адвокатом, доктором юридических наук, профессором, Председателем общероссийского движения «За права женщин России».

**L. K. AYVAR:
EQUAL, ECONOMICALLY INDEPENDENT, POLITICALLY ACTIVE, PROSPEROUS –
THIS IS HOW THE NATIONAL STRATEGY 2023-2030 SEES A WOMAN**

Interview with Lyudmila Ayvar, Honored Lawyer, Ph.D. in Law, Professor, Chairman of the All-Russian movement "For the Rights of Women of Russia".

Айвар Л. К.

Визитная карточка: Айвар Людмила Константиновна, Заслуженный адвокат, Председатель Общероссийской общественной организации «За права женщин России», доктор юридических наук, профессор, Академик РАЕН, Член «Ассоциации юристов России», Член «Всемирной ассоциации юристов», известный российский адвокат, Входит в элиту международного рейтинга The Legal 500, Председатель президиума коллегии адвокатов, Председатель Общественного экспертного совета при Уполномоченном по правам человека Москвы, Председатель экспертного совета при Уполномоченном по правам предпринимателей в Москве, участвовала в качестве ведущей в телевизионных проектах на телеканале Россия-1 в программе «Суд идет», на телеканале МИР в программе «Приговор», ведущая программы «Женщина в праве» на радио Медиаметрикс, автор колонки в журнале Огонек, в 2003 г. в НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации защитила докторскую диссертацию по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. Тема диссертации – «Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе».

– Уважаемый Людмила Константиновна, благодарим Вас за желание принять участие в беседе с читателями на страницах «Евразийского юридического журнала». Основным лейтмотивом нашей беседы будут права современной женщины в России. Как на Ваш взгляд сегодня решается вопрос – равная оплата за равный труд?

– Правительство России утвердило Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2023-2030 гг. Ключевые цели – принцип равноправия, повышение экономической независимости и политической активности женщин, профилактика женского неблагополучия. На начало 2022 года в стране проживали 145,6 млн. человек, из них 77,9 млн. составляли женщины. Это более половины населения страны. При высоком уровне образования и занятости российских женщин практически не меняется разрыв в заработной плате женщин и мужчин: он по-прежнему сохраняется на высоком уровне в 28 %.

В Национальной стратегии действительно отражены существенные вопросы, которые ставят современную женщину на ступеньку ниже, чем мужчин и это несмотря на то, что, и уровень образования современной россиянки значительно вырос, и женский труд становится все более востребованным, и женщины приходят, если не на смену, то в напарники мужчинам в тех профессиях, о которые раньше даже помыслить не могли. Женщина – первый пилот воздушного судна, женщина – капитан корабля, женщин допустили ко многим мужским специальностям и это правильно. Хотя по этому поводу были многочисленные дискуссии, а радикально настроенные граждане до сих пор считают, что основная задача женщины, это рождения детей и хозяйство, тем не менее, Минтруд не согласился с таким патриархальным подходом и открыл для женщин новые возможности. Хочу вам сказать, что женщины не побросали свои семьи и своих детей и не побежали массово занимать «мужские» профессии, но те, кто жалел использовать такую возможность, её получили.

– Почему же такая существенная разница в заработной плате?

– Во многом огорчает сохранившийся пережиток разницы в заработной плате, но это происходит и в том числе в связи с тем, что женщины занимают менее оплачиваемые должности, чем мужчины, и если такая разница имеет место за равный труд, это уже вопрос трудовой инспекции и прокуратуры с негативными последствиями для работодателя. Нужно об этом знать и не бояться отстаивать свои права. Я часто вижу, что работницы не хотят идти на конфликт с

руководством при очевидном нарушении их трудовых прав лишь бы не потерять работу.

Всё же 28 % это значительная разница в зарплате и необходимо стремиться преодолеть эти вызовы, не случайно в стратегии появились задачи по «повышению цифровой грамотности», «интереса к точным наукам», «популяризации технических специальностей» среди женщин. То есть, государство предлагает женщине осваивать новые специальности и получать новые возможности, и этим нужно пользоваться.

– А как сейчас выглядит гендерное равенство на руководящих позициях?

– Стратегия также указывает на отсутствие гендерного равенства в российском обществе, в частности, в предпринимательстве (в малом и среднем бизнесе только 30 % компаний возглавляют женщины, в крупном их еще меньше), в политике (в Госдуме среди депутатов только 16,3 % женщин). В региональных органах власти ситуация лучше – около четверти (25,8 %) областных и краевых правительств составляют женщины. Однако среди всех депутатов процент почти такой же, как и в Госдуме. Но, в то же время, на государственных позициях ниже уровнем работают в основном женщины, а мужчина – он начальник. Возьмем школу – большинство учителей женщины, медучреждения – тоже самое, домоуправления, ЖЭКи, МФЦ и т.д. Но женщина хочет расти интеллектуально, профессионально, физически и тут ей мешает стеклянный потолок.

– Решается ли каким-либо образом в новой Национальной стратегии вопрос домашнего насилия?

– С моей точки зрения, очень мало внимания в стратегии уделено домашнему насилию, также изменилась формулировка данной проблемы. Если в ранее действовавшей стратегии это называлось «профилактика и предупреждение социального неблагополучия женщин и насилия в отношении женщин», то в новой стратегии это звучит иначе «профилактике социального неблагополучия женщин». То есть наличие общепризнанной в стране проблема домашнего насилия зашторена безобидными формулировками и что может стоять за термином «социальное неблагополучие» тоже остается непонятным, поскольку в законодательства такого понятия нет. В стратегии социальное неблагополучие женщин характеризуется широким спектром жизненных ситуаций, которые включают значительное снижение дохода, потерю работы, ухудшение здоровья, внутрисемейные и бытовые конфликты, насилие в отношении женщин.

– В России есть кризисные центры, где женщина может найти защиту. Разве они не спасают и не помогают?

– Несмотря на наличие кризисных центров в стране, их катастрофически не хватает. Да, центры могут первое время помочь женщинам и детям, сбежавшим от семейного тирана, но это не решение вопроса. Дано пора принять закон о профилактике семейно-бытового насилия, который так долго и громко обсуждается уже не первый десяток лет, но так и не доходит даже до его внесения в Государственную Думу. Это средневековые. Большинство стран мира, в том числе и бывшие республики СССР приняли такие законы и их применение показало, что количество насилия в семье значительно снизилось, законы работают эффективно, почему же наше общество так боится этого закона.

– Женщины часто подвергаются сексуальным домогательствам на работе. Как защитить себя?

– Порадовало меня то, что наконец-то открыто заговорили о сексуальных домогательствах на работе. Эта постыдная тема наконец вышла из тени и есть уверенность в том, что правоохранительные органы подойдут к расследованию таких дел с высокой долей ответственности, не отмахиваясь от потерпевшего, которого зачастую, как и в ситуациях с домашним насилием, изнасилованием, выставляют виновным в произошедшем. Похотливых начальников нужно пресекать и прежде чем они успеют засунуть руки в неподобающие места или сально вульгаризировать, они сильно задумаются относительно ответственности и репутации.

– Какие проблемы ещё вас волнуют?

– Во многом остаются нерешенными вопросы «реальных» алиментов.

Задолженность по алиментам в России поставила исторический рекорд. 156 миллиардов рублей. Вы только вдумайтесь в эту цифру.

Мы неоднократно обсуждали вопрос о создании алиментного фонда с целью поддержания жизнеобеспечения детей. Но пока этот вопрос не движется. В данном контексте меня восхищает пример Израиля, где государство оплачивает необходимые суммы на содержание ребенка, даже если кто-то из родителей не платит алименты, а потом эти деньги взыскиваются в доход государства, которое обеспечивало детей всем необходимым, с недобросовестного родителя или с родителя, который не может какой-то период оплачивать сумму на содержание детей. Или в Италии, например, невозможно вступить в следующий брак достижения согласия о выплате алиментов.

– Если женщинам позволили работать в «мужских» специальностях, как это может сказаться на их здоровье и есть ли какие-то программы для женщин по сохранению их репродуктивных функций?

– Декларируется курс на «профилактику нарушений репродуктивного здоровья и развитие системы охраны репродуктивного здоровья», «обеспечение медико-социальной поддержки беременных женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации», «формирование у женщин с раннего детства ценности здоровья и ответственного отношения к своему здоровью» — в прошлой стратегии задач в этом направлении было меньше.

В таком пристальном внимании к репродуктивному здоровью видится, прежде всего, решение демографических проблем. Это достаточно важная тема, однако современная женщина не настроена на многодетность и наличие в семье 3 и более детей в наше время уже воспринимается, как подвиг. При этом женщина часто не в состоянии совмещать освоение новых профессий, карьерный рост и рождение детей. Для этого необходимо создавать условия, как минимум обеспечить всех яслями, детскими садами или выплачивать работающим женщинам пособие на няню. Кстати, это будет и проще и дешевле.

– Кстати, за последнее время в России увеличилось количество разводов. С чем это связано?

– Меня очень волнует растущее количество разводов и падение статистики по заключенным бракам. Статистики говорят, что каждый третий брак распадается. Браки стали скороспелыми и краткосрочными, что меня лично пугает. Часто в таких браках остаются дети, которые живут в неполной семье. Я часто думаю, что это – распушенность, безнравственность, безответственность или таковы современные условия жизни и так выглядит общественный договор между мужчиной и женщиной. Я, как практикующий адвокат, часто работаю по сложным делам о разводах, которые сопряжены с разделом имущества и определением места жительства детей.

Расторжение брака в России очень простая и быстрая процедура, никто не озадачивается вопросом сохранения семьи. Несмотря на то, что в законе прописаны медиационные процедуры, которые суд должен предоставить сторонам, однако эта процедура добровольная и зачастую ей пренебрегают, не исполняется судами также предусмотренный в законе срок для примирения сторон. То есть, как я понимаю, государство в лице судебной власти, не заботится о сохранении семьи.

– Недавно прозвучала инициатива о получении согласия мужа на аборт. Как Вы к этому относитесь?

– Ну и конечно нельзя не затронуть вопрос о запрете абортов. Сегодня некоторые деятели начали предлагать разрешать аборт только с согласия мужа. Мнения как всегда разделились, но радует, что в законодательных органах есть здравомыслящие люди, которые не пропускают такие инициативы. Женщина не должна ни с кем вступать в диалог относительно своего тела, своего здоровья. Любопытно, как быть женщине у которой нет мужа, женщине которая состоит в браке, но с мужем не живет и забеременела она совершенно от другого мужчины? У кого в таком случае получать согласие?

Женщина должна быть свободна в принятии решения в отношении себя и своего тела.

Что касается запрета прерывания беременности и выведение этой медицинской услуги из системы ОМС, полагаю, что это грозит катастрофой и может привести к увеличению числа нежеланных детей в неполных и неблагополучных семьях. Более того, добровольные аборты будут делать как вынужденные по фиктивным медицинским показаниям. Сердобольный врач всегда может «поставить» диагноз, требующий прерывания беременности. Это ещё и создаст коррупционную кормушку. Не говоря уже о кустарных абортах, или мы забыли сколько советских женщин погибло от них во времена запрета. Да и беби-боксы в нашей стране не прижились. Чиновники посчитали, что это слишком дорого. И куда в таком случае девать нежелательного ребеночка, если он все-таки родился? Страшно вспомнить где только не находили детей, и в холодильниках, и на помойках, и в мусорных контейнерах. Простите за цинизм.

В целом, я надеюсь, что принятие новой Стратегии подтолкнет к принятию новых законов в интересах женщин, которые будут эффективно работать.

– В заключение наш традиционный вопрос: что бы Вы пожелали сотрудникам и читателям Евразийского юридического журнала?

– Прежде всего, хочу выразить глубокую благодарность за возможность участвовать в вашем проекте и печататься на страницах столь авторитетного издания. Вы делаете большое и важное дело. Спасибо вам большое.

Хотела бы пожелать всей команде, работающей над созданием этого журнала и читателям уверенности в завтрашнем дне, процветания и творческих успехов, процветания вашему журналу.

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

ГАТАУЛЛИНА Элина Винеровна

старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий, Исполнительный директор Комитета Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО

Целью данного исследования является обсуждение основных вопросов, связанных с правовой природой обязанности по охране геопарков. Эта проблема стала особенно актуальной сравнительно недавно, хотя возникла она гораздо раньше. Интерес к ней, однако, постоянно растет, о чем свидетельствует систематически увеличивающаяся нормативная база и многочисленные монографии, посвященные анализу многих правовых институтов охраны геопарков и объектов ЮНЕСКО. Этот интерес также объясняется развитием движения ЮНЕСКО и количества объектов, внесенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: движение ЮНЕСКО, геопарк, закон, социально-экономическое развитие, Конвенция об охране всемирного наследия.

GATAULLINA Elina Vinerovna

senior lecturer of International law and international relationship sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technologies, Executive Director of the Committee of the Republic of Bashkortostan for UNESCO

THE NEED TO DEVELOP A LEGAL FRAMEWORK FOR THE PROTECTION OF UNESCO HERITAGE SITES

The purpose of this study is to discuss the main issues related to the legal nature of the obligation to protect geoparks. This problem has become particularly relevant relatively recently, although it arose much earlier. Interest in it, however, is constantly growing, as evidenced by the systematically increasing regulatory framework and numerous monographs devoted to the analysis of many legal institutions for the protection of UNESCO geoparks and sites. This interest is also due to the development of the UNESCO movement and the number of sites inscribed on the UNESCO World Heritage List.

Keywords: UNESCO movement, geopark, law, social and economic development, The World Heritage Convention.

Социально-экономические изменения, происходящие в стране и мире, несут с собой новые явления и ожидания, влияющие на сферу охраны памятников. Памятники, понимаемые в более широком смысле как материальное и нематериальное наследие, признаются международным сообществом в качестве одного из факторов устойчивого развития, имеющего все большее значение для современных обществ, в том числе в рамках деятельности ЮНЕСКО.

Глядя на движение по сохранению всемирного наследия с точки зрения 50 лет, прошедших с момента принятия Конвенции, прежде всего, следует сказать, что это начинание достигло несомненного успеха. По единодушному мнению многих экспертов и наблюдателей, это самая успешная деятельность международного сообщества в сфере культуры и охраны наследия. ЮНЕСКО рассматривает Список всемирного наследия как флагман своей деятельности и как доказательство смысла и эффективности международного культурного сотрудничества. Такие оценки можно обосновать, сославшись на следующий ряд аргументов:

1. Движение по сохранению всемирного наследия – это поистине глобальное начинание. Идея международного сотрудничества по охране наследия возникла в XIX веке и получила полное развитие в XX веке. Конвенции о всемирном наследии предшествовало принятие ряда международных соглашений (Гаагские конвенции, Пакт Рериха), разработка ряда международных доктринальных документов и несколько международных кампаний по спасению исчезающих памятников. Однако именно движение за всемирное наследие объединило элементы всех этих видов деятельности, придав им поистине глобальный характер.

На сегодняшний день Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия ратифицировали 194 страны. Это невероятное достижение, учитывая тот факт, что в настоящее время членами Организации Объединенных Наций являются 193 страны. Список Всемирного наследия ЮНЕСКО действительно интернационален. Перечисленные в нем объекты расположены на территории 167 стран мира.

Уникальные процедуры, организационная система и учреждения (Центр всемирного наследия) были созданы для целей движения по сохранению всемирного наследия. Созданная сеть консультативных организаций позволяет проводить оцен-

ку различных групп наследия, представляющих все регионы, исторические периоды, культуры и религии мира. Благодаря этому всемирное наследие ЮНЕСКО стало широко узнаваемым и уважаемым во всем мире брендом.

2. Список всемирного наследия ЮНЕСКО достиг очень значительного количественного и качественного развития. На сегодняшний день в Список внесено 1 154 объекта. Среди них 897, которые относятся к категории «культурные объекты», 218 объектов, относящихся к категории «природные объекты» и 39 объектов представляют собой «смешанные объекты». Такое значительное количество объектов, отобранных в процессе тщательного анализа и оценки, в которых очень важным фактором является репрезентативность и универсальная ценность объекта, делает собранную коллекцию действительно широким представительским срезом мирового наследия.

Список постоянно пополняется множеством новых номинаций, представляющих категории, которые вносят дополнение и разнообразие в существующий перечень. Во время каждой сессии Комитета всемирного наследия представителями 21 страной-участницей Конвенции о всемирном наследии оцениваются 30 – 40 новых номинаций. Это небольшой процент от более чем 1740 объектов в 179 странах, включенных в предварительный список. Огромное количество ожидающих рассмотрения номинаций накладывает дополнительные критерии и требования. Это способствует реализации политики, принятой в области сохранения всемирного наследия, – построению Списка, который будет максимально репрезентативным для природного и культурного наследия всей планеты и человечества.

3. Для выявления критериев объекта всемирного наследия была разработана комплексная система оценки номинируемых объектов. Эта система включает в себя все элементы, важные для оценки универсальной ценности объекта, его защиты и функционирования. Поэтому на практике это наиболее совершенная и комплексная методология анализа объектов наследия (по сравнению с различными национальными системами оценки и анализа памятников).

Объекты ЮНЕСКО сочетают в себе образовательные мероприятия и вовлеченность местного населения, а также щадящий туризм для общего устойчивого развития региона. Чем больше историко-культурных ценностей конкретной страны внесено в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, тем привле-

кательнее ее имидж. Флажки на карте – достопримечательно-сти, считающиеся уникальными с общемировой точки зрения, – привлекают внимание выбирающих для себя направление для путешествия и заставят собраться в дорогу [4].

Российская Федерация занимает почетное девятое место по количеству объектов, включенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО – 11 природных и 20 культурных объектов.

В 2018 году в число наиболее популярных объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в России вошли Московский Кремль и Красная площадь, Исторический центр и группа памятников Санкт-Петербурга, исторические памятники Великого Новгорода и его окрестностей, Кижский погост в Карелии (в 2017 году посетили 180 тысяч туристов), историко-культурный комплекс на Соловецких островах в Белом море вырос почти в 2,5 раза и составил без малого 62 тысячи человек [2].

На порядок увеличился и поток туристов в Ярославскую область, помогло сделать город более узнаваемым включение в Список Исторического наследия центра Ярославля.

В странах СНГ также широко развита практика включения объектов в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Так, например, у Узбекистана это 5 объектов – исторические центры Бухары, Самарканда, Хивы и Шахрисабза, а также Угам-Чаткальский национальный парк [3]. От Республики Казахстан в Списке также значатся 5 наименований – мавзолей Ходжи Ахмета Яссауи, петроглифы Тамгалы, Сарыарка – степи и озера Северного Казахстана, а также комплекс объектов Великого Шелкового пути в Чаньбань-Тянь-Шанском коридоре и Западный Тяньшань. У Монголии это 5 объектов – Убсунурская котловина, Культурный ландшафт долины реки Орхон, Комплекс петроглифов в Монгольском Алтае, Великая гора Бурхан-Халдун и окружающий её священный ландшафт и трансграничный объект (Россия и Монголия) Ландшафты Даурии.

Наследие Республики Башкортостан представлено «Наскальной живописью пещеры Шульган-Таш» включенного в Предварительный Список Всемирного наследия по номинации «культурный объект» (2018 год) и «Башкирскими Шиханами: Торатау, Юрактау и Куштау» по номинации «природный объект» (2022 год).

Можно выделить следующие критерии туристической привлекательности того или иного объекта – развитие инфраструктурных благ, таких как: транспорт, дороги, пути сообщения, связь, коллективные средства размещения, наличие медицинских учреждений, организаций досуга и отдыха, установка информационных стендов об объекте на нескольких языках, минимизация антропогенного воздействия, научно-просветительская деятельность, доступность для всех групп населения, вовлечение местного населения в управление объектом.

Устойчивый туризм – это «вид туризма, который учитывает интересы как местных жителей, так и путешественников, культурное наследие и окружающую среду». Центр всемирного наследия ЮНЕСКО имеет обширную программу по устойчивому туризму, обеспечивающую взаимодействие и диалог между различными заинтересованными сторонами в целях защиты природных и культурных ценностей. Сектор естественных наук также включает устойчивый туризм в свою программу «Человек и биосфера» и в программу по глобальным геопаркам, тем самым поощряя устойчивые подходы к туризму.

ЮНЕСКО защищает то, что нематериально – традиции, архивы, памятные вещи, которые остаются записью коллективной памяти. Сочетание этих элементов, старых и современных, создает огромное богатство нашей национальной культуры в европейском ландшафте. Результатом этой деятельности становится модернизация эффективных инструментов правовой защиты и эффективного управления культурным наследием в России. Необходима постоянная модернизация перечней обязательств, предписаний и запретов по отношению к владельцам и пользователям памятников.

Все более популярными становятся Глобальные геопарки ЮНЕСКО – это единые, унифицированные географические районы, где объекты и ландшафты, имеющие международное геологическое значение, управляются с использованием целостной концепции защиты, образования и устойчивого развития, с привлечением местных сообществ.

Всемирное наследие вдохновляет и распространяет новые области, методологии и стандарты для исследований и защиты наследия. Для защиты всемирного наследия – глобального геопарка ЮНЕСКО «Янган-Тау» были разработаны новые концептуальные и аналитические инструменты, в том числе закон о геопарках. Как правило, они служат для совершенствования

форм анализа товаров и оценки их стоимости, а также для совершенствования методов защиты и управления.

В настоящее время существует 177 глобальных геопарков ЮНЕСКО в 46 странах. В России только геопарк «Янган-Тау» (Салаватский район, Республика Башкортостан) входит в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО. Представители геопарка «Янган-Тау» находятся в постоянном контакте с зарубежными коллегами, проводят консультационные встречи, семинары, делятся знаниями и пройденным путем по открытию геопарка. Так, в мае 2021 года прошел интенсивный курс с участием представителей Республики Кыргызстан, города Москвы, Ульяновской области, Республики Крым. Узнаваемость Глобального геопарка ЮНЕСКО «Янган-Тау» распространяется по странам СНГ и всему миру, на карте Глобальных геопарков ЮНЕСКО, на территории России флажок только у нас. Второй геопарк Республики Башкортостан – геопарк «Торатау» имеет статус стремящегося геопарка на получение статуса Глобального геопарка ЮНЕСКО.

Башкортостан является пионером в разработке и запуске закона о геопарках – до этого времени на территории России и постсоветского пространства не встречалось подобной практики. В области закона сложилась собственная система основных понятий, выражающих и отражающих существенные черты геопарка. Решения о создании геопарков в Башкортостане принимаются Правительством республики, а границы таких территорий утверждаются с учетом мнения органов местного самоуправления муниципальных образований, на территориях которых создаются геопарки. Следует, однако, помнить, что непросто сформулировать определение данного правового понятия, однозначно характеризующее его нормативное содержание. Эти трудности касаются и концепции обязательства по охране геопарков.

В частности, определены особенности правового режима геопарков, закреплено определение понятия «геопарк» как «территории, включающей в себя объекты, имеющие особую геологическую, биологическую, экологическую ценность, представляющая научный, образовательный, культурный, исторический и туристский интерес» [1].

Конкретизированы основные задачи и направления развития геопарков. В частности, они предполагают сохранение объектов природного и культурного наследия, экологическое просвещение, развитие туризма и социально-экономическое развитие муниципальных образований, расположенных на территории геопарков.

Всемирное наследие способствует комплексному восприятию наследия. Исторические памятники и природные ценности традиционно воспринимаются как отдельные места и объекты – взаимосвязь между ними и сходство с другими ценностями не выявляются и не ищутся. Как правило, их ценность строится за счет подчеркивания их уникальности и оригинальности.

Пристайейный библиографический список

1. Закон Республики Башкортостан от 27 сентября 2022 года № 609-з «О геопарках в Республике Башкортостан». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://npa.bashkortostan.ru/365886/> (дата обращения: 12.12.2022).
2. Максаковский Н. В. Предварительный список Всемирного наследия России: история развития, современный состав, пути оптимизации // Наследие и современность. – 2018. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/predvaritelnyy-sposok-vsemirnogo-naslediya-rossii-istoriya-razvitiya-sovremennyy-sostav-puti-optimizatsii> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Сирожидинов З., Мадатов Р. А., Мадатов А. Проблемы сохранения архитектурных памятников Узбекистана // Синергия. – 2018. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-sohraneniya-arhitekturnyh-pamyatnikov-uzbekistana> (дата обращения: 19.12.2022).
4. Зачем включать объекты культурного наследия в списки ЮНЕСКО. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/unasledovat-chtobysokhranit.html> (дата обращения: 12.12.2022).

ПАНОВ Филипп Юрьевич

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ПРАВО ТРЕТЬЕГО ГОСУДАРСТВА ОБЖАЛОВАТЬ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СУДЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. ПРИМЕР ВЕНЕСУЭЛЫ

22 июня 2021 года апелляционная инстанция Суда Европейского союза в деле C-872/19 P Venezuela v Council отменила решение Суда общей юрисдикции ЕС и все же признала наличие у государств, не входящих в ЕС, права обжаловать в суды ЕС ограничительные меры, принятые институтами Союза. Данное решение стало неожиданностью для Совета Европейского союза (ответчик) и поддерживающих его позицию Европейской комиссии и ряда государств-членов Союза, которые были убеждены, что учредительные акты Европейского союза и, в частности, статья 263 Договора о функционировании Европейского союза не наделяют суд правом рассматривать иски третьих государств об аннулировании актов Союза.

Автор исследует правила подсудности споров Суду Европейского союза в категории дел о снятии санкций и разбирается в причинах и основаниях, по которым государства, не входящие в ЕС, были включены Судом ЕС в круг лиц, способных оспаривать нормативные правовые акты Союза по статье 263 ДФЕС.

Ключевые слова: Суд Европейского союза, ограничительные меры, санкции, locus standi, подсудность спора, Венесуэла.

PANOV Philip Yurjevich

postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

THE RIGHT OF A THIRD STATE TO APPEAL THE RESTRICTIVE MEASURES OF THE EUROPEAN UNION TO THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION. THE EXAMPLE OF VENEZUELA

On June 22, 2021, the Court of Appeal of the European Union in the case C-872/19 P Venezuela v Council overturned the decision of the Court of General Jurisdiction of the EU and still recognized that non-EU states have the right to appeal to the EU courts restrictive measures taken by the institutions of the Union. This decision came as a surprise to the Council of the European Union (the respondent) and the European Commission and a number of member States of the Union supporting its position, who were convinced that the constituent acts of the European Union and, in particular, article 263 of the Treaty on the Functioning of the European Union do not give the court the right to consider claims of third States for the annulment of acts of the Union.

The author examines the rules of jurisdiction of disputes to the Court of the European Union in the category of cases on lifting sanctions and examines the reasons and grounds for which non-EU states were included by the EU Court in the circle of persons capable of challenging the Union's normative legal acts under Article 263 of the TFEU.

Keywords: Court of the European Union, restrictive measures, sanctions, locus standi, jurisdiction of the dispute, Venezuela.

Введение

В научной литературе, посвященной вопросу односторонних ограничительных мер¹, как правило, отмечается возникшая в последнее время тенденция отказываться от применения всеобъемлющих санкций в отношении целого государства в пользу так называемых «умных» санкций, применяемых в отношении отдельных лиц [1], [5, с. 41-42]. По мнению автора настоящей статьи, такие утверждения недалеки от истины. Вместе с тем необходимо отметить, что возросшее внимание исследователей к санкциям в отношении отдельных лиц повлекло снижение проработки вопроса об оспаривании санкций, принятых в отношении государств. Как следствие в соответствующем правовом регулировании долгое время могли существовать пробелы, восполнение которых, как демонстрирует практика, не являлось первоочередной задачей.

Одним из примеров таких пробелов может являться молчание статьи 263 Договора о функционировании Европейского Союза² (далее – «ДФЕС») о возможности, не явля-

ющегося членом Европейского Союза (далее – «Союз» или «ЕС»), обращаться за защитой своих прав в Суд Европейского союза. Если не учитывать политические мотивы, то обозначенный пробел мог входить в число основных причин, почему государства, подвергнутые ограничительным мерам ЕС, не пытались защитить свои права в Суде Европейского союза. Ситуация существенно изменилась после рассмотрения Большой палатой Суда Европейского союза апелляционной жалобы Венесуэлы по спору с Советом Европейского союза об отмене действующих в отношении нее санкций Союза.

Целью данной статьи является изучение выводов Суда Европейского союза, изложенных им в решении по апелляционной жалобе Венесуэлы. Кроме того, будет рассмотрено решение Суда общей юрисдикции, ставшее предметом обжалования, а также даны комментарии общего характера о режиме ограничительных мер ЕС в отношении Венесуэлы и гарантиях судебной защиты прав лиц, в отношении которых действуют санкции ЕС.

1. Общая информация об ограничительных мерах Европейского союза в отношении Венесуэлы

Решение о применении ограничительных мер Европейским Союзом принимается в соответствии с его Общей внешней политикой и безопасностью (далее – «ОВПБ»). Решение о введении санкций принимается Советом ЕС, при этом, в

1 Для целей настоящей статьи понятия «ограничительные меры» и «санкции» предлагается считать равнозначными.

2 Treaty on the Functioning of the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (дата обращения: 10.02.2022 г.).

силу отнесения такого решения к ОВПБ, для его принятия требуется согласие всех государств-членов Союза.

Ограничительные меры экономического характера Европейского Союза в отношении Венесуэлы были введены 13 ноября 2017 года. По замыслу Совета Европейского Союза, установленные ограничения должны были в дополнение к действиям политического и дипломатического характера оказать содействие в разрешении политического кризиса в этом латиноамериканском государстве. Ограничительные меры ЕС в отношении Венесуэлы традиционным образом [5] были оформлены посредством принятия Советом Европейского союза Решения №2017/2074 и Регламента №2017/2063 «Об ограничительных мерах в связи с ситуацией в Венесуэле»³ (далее – «Акты о санкциях»).

В общих чертах Акты о санкциях предусматривают ограничения торгового, финансового и визового характера. В частности, лицам, находящимся под юрисдикцией Европейского союза, запрещено поставлять в Венесуэлу или для использования в Венесуэле товары военного назначения, товары, используемые для проведения внутренних репрессий, а также товары и технологии, предназначенные для отслеживания и перехвата телефонных и интернет-сообщений. Кроме того, им запрещено оказывать услуги, связанные с данными товарами и предоставлять соответствующее финансирование, в том числе финансировать соответствующее производство и распространение таковых.

Акты о санкциях также наделяют Совет Европейского союза правом применить блокирующие санкции в отношении физических и юридических лиц, а также их аффилированных лиц, причастных к серьёзным нарушениям прав человека в Венесуэле, репрессиям в отношении гражданского общества и демократической оппозиции, лиц, иным образом подрывающих демократию и верховенство права в стране.

Из приведенного выше краткого обзора ограничительных мер ЕС в отношении Венесуэлы можно заметить, что объектами, против которых они направлены, являются одновременно частноправовые субъекты (блокирование активов физических и юридических лиц) и публичноправовой субъект – Венесуэла как государство (ограничение доступа некоторых товаров на ее территорию).

2. Гарантии судебной защиты прав лиц, в отношении которых действуют санкции Европейского союза

Гарантии защиты прав субъектов, в отношении которых были введены санкции, предусматриваются правом ЕС: положениями ДФЕС, Хартии Европейского союза об основных правах (далее – «Хартия») и находят свое подтверждение в правоприменительной практике Суда Европейского союза.

В первую очередь представляется необходимым выделить статью 263 ДФЕС, предусматривающую компетенцию Суда Европейского союза контролировать правомерность нормативных актов ЕС, а также решений, принимаемых институтами ЕС (кроме рекомендаций и заключений), а также актов Европейского парламента и Европейского совета, на-

правленных на создание правовых последствий в отношении третьих лиц. С этой целью Суд Европейского союза рассматривает иски о признании недействительными данных актов, если они соответствуют условиям статьи 263 ДФЕС. В число лиц, имеющих право обращаться в суды ЕС с исками об аннулировании таких актов, относятся в первую очередь государства-члены ЕС и институты Союза (так называемые привилегированные заявители), а также любые физические и юридические лица, непосредственно затронутые такими актами. Для принятия Судом к рассмотрению заявления любого физического или юридического лица необходимо соблюдение ряда требований:

- истец является адресатом оспариваемого акта или оспариваемый акт непосредственно и индивидуально затрагивает истца; или

- оспариваемый акт не подлежит имплементации [в национальное законодательство государств-членов Европейского союза] и непосредственно затрагивает заявителя;

- оспаривание акта осуществляется на основании отсутствия компетенции, нарушения существенного процедурного требования, Договоров ЕС, любой нормы, относящейся к их применению или злоупотребления полномочиями⁴.

Помимо указанного, статья 263 ДФЕС устанавливает срок исковой давности для обращения в Суд ЕС с подобным иском об оспаривании – два месяца, которые отсчитываются, в зависимости от случая, с момента опубликования акта, с момента уведомления о нем истца или – при отсутствии такого опубликования или уведомления – со дня, когда истец узнал о данном акте⁵. Примечательно, что для целей абзаца 6 статьи 263 ДФЕС не имеет значения статус истца – одинаковый срок исковой давности установлен для всех категорий заявителей.

Совместное толкование положений статей 24 Договора о Европейском союзе (далее – «ДЕС») и 215 ДФЕС указывает, что применение ограничительных мер Союза происходит в соответствии с его Общей внешней политикой и безопасностью. По общему правилу, Суд Европейского союза не обладает юрисдикцией в отношении положений, касающихся ОВПБ, а также в отношении принятых на их основе актов⁶. Исключением является наличие у Суда компетенции, необходимой для вынесения решений по делам, возбужденным на основании абзаца 4 статьи 263 ДФЕС для контроля законности решений, предусматривающих ограничительные меры в отношении физических и юридических лиц.

Помимо приведенных выше положений ДФЕС представляется необходимым рассмотреть в данном разделе применимые положения Хартии⁷, которая вступила в силу 1 декабря 2009 года. О своей принципиальной готовности учитывать вопросы защиты прав человека при рассмотрении исков об оспаривании актов и действий органов ЕС Суд Европейского союза впервые заявил задолго до принятия Хартии. Как отмечает Сергей Гландин Суд ЕС при рассмотрении вопроса о нарушении органами системы социального обеспечения права на жизнь в решении по делу Staudler 1969 года впервые провозгласила, что будет защищать «основные права

3 См., Council Decision (CFSP) 2017/2074 of 13 November 2017 concerning restrictive measures in view of the situation in Venezuela (OJ L 295 14.11.2017, p. 60), Council Regulation (EU) 2017/2063 of 13 November 2017 concerning restrictive measures in view of the situation in Venezuela (OJ L 295 14.11.2017, p. 21).

4 Абзацы 2, 4 статьи 263 ДФЕС.

5 Абзац 6 статьи 263 ДФЕС.

6 Абзац 1 статьи 275 ДФЕС.

7 Charter of Fundamental Rights of the European Union (OJ C 326, 26.10.2012, p. 391-407).

человека, как они вытекают из общих принципов права Сообщества» [3, с. 123-125].

Ряд прав и свобод лица, гарантированных ему Хартией, может быть нарушен вследствие включения данного лица в санкционный список ЕС. В силу положений статьи 51, ее основными адресатами являются не частные лица, а органы и институты ЕС, а также государства-члены Союза при реализации ими права ЕС. Таким образом, Совет Европейского союза в своей деятельности обязан соблюдать положения Хартии.

Приведенный в Хартии перечень прав и свобод человека содержит, помимо прочего, права на эффективные средства судебной защиты и доступ к правосудию, которые стали регулярной причиной отмены Судом Европейского союза действия ограничительных мер в отношении отдельных лиц в случаях, когда действие ограничительных мер основывается на сведениях, предоставленных третьими государствами в связи с осуществлением ими уголовного преследования такого лица.

Впервые на необходимость Совета Европейского союза обеспечить соблюдение статьи 47 Хартии при включении лица в санкционный список указала апелляция Суда Европейского союза в деле бывшего премьер-министра Украины Николая Азарова. Если включение в санкционный список было основано на исходящем от третьего государства постановлении о возбуждении уголовного производства и сопровождающих его документах, Совет ЕС обязан проверить соблюдение в таком государстве права фигуранта санкционного списка на эффективные средства правовой защиты и доступ к правосудию. Иными словами, Совет Европейского союза не может принимать на веру информацию третьего государства и обязан проверить, насколько она соответствует действительности, в частности, не было ли прекращено производство по уголовному делу, не был ли вынесен оправдательный приговор и не истекли ли процессуальные сроки [3, с. 127].

Кроме того, защите прав фигурантов санкционных списков помогает статья 41 Хартии под названием «Право на хорошее управление», предусматривающая, что каждое лицо имеет право на рассмотрение его дела институтами ЕС беспристрастно и в разумный срок. В указанное право включены, в частности, следующие аспекты:

- право каждого лица быть заслушанным до принятия по отношению к нему меры индивидуального характера, влекущей для него неблагоприятные последствия;
- право каждого лица на доступ к затрагивающему его информационному досье при соблюдении законных интересов в виде конфиденциальности, профессиональной и коммерческой тайны;
- обязанность органов Европейского союза мотивировать свои решения.

Руководствуясь приведенными выше положениями, фигуранты санкционных списков обращаются в Совет Европейского союза с требованием предоставить составленное на них досье, послужившее обоснованием применения санкций.

В случае удовлетворения иска об исключении из санкционного списка, соответствующему фигуранту может быть выплачена компенсация причиненных убытков⁸. При этом

какая-либо единая методика расчета такой компенсации к настоящему моменту отсутствует, что можно объяснить лишь тем, что соответствующая судебная практика пока еще только формируется.

Другими положениями Хартии, традиционно упоминающимися в исках об отмене ограничительных мер, связанных с блокированием средств и экономических ресурсов, являются статья 16 (свобода предпринимательства) и статья 17 (право собственности).

Граждане и организации третьих государств, в отношении которых действуют ограничительные меры ЕС, нередко обращаются к положениям статьи 263 ДФЕС. В отечественной науке отмечалось, что в практике Суда Европейского союза по оспариванию санкций обычно используются следующие основания для оспаривания: 1) отсутствие правовых оснований; 2) отсутствие адекватной мотивировки; 3) нарушение права на защиту; 4) нарушение права собственности как одного из фундаментальных прав человека; 5) явная правовая ошибка; 6) явная ошибка в оценке фактических обстоятельств дела; 7) нарушение принципа пропорциональности и т.д. Некоторые из этих оснований, такие как нарушение права на защиту, отсутствие правовых оснований, нарушение права собственности, нарушение принципа пропорциональности, рутинно отклоняются Судом Европейского союза [4].

Таким образом, право ЕС предусматривает достаточно широкие гарантии защиты прав частноправовых субъектов, против которых были введены ограничительные меры.

Государства-члены ЕС также могут обратиться в Суд Европейского союза с иском об обжаловании нормативного правового акта Союза, однако в силу статьи 215 ДФЕС применение ограничительных мер ЕС к членам ЕС исключено. Для них предусмотрена специальная процедура ограничения их прав, гарантированных учредительными договорами Союза, которая содержится в статье 7 ДЕС⁹.

Однако, как уже было указано выше, в тексте статьи 263 ДФЕС в качестве субъекта, наделенного правом обжаловать акты ЕС, не упоминается государство, не являющееся членом ЕС, причем, независимо от того, затрагивает ли соответствующий акт ЕС непосредственно такое государство.

Существует два способа «снять» санкции – политический и юридический. Поскольку третьи государства, как следует из буквального прочтения текста статьи 263 ДФЕС, лишены права обжаловать акты ЕС в Суд Европейского союза, единственный доступный им способ добиться смягчения или отмены действующих в отношении них ограничений – политический [2]. Вместе с тем, в июне 2021 года закончилось рассмотрение дела *C-872/19 P Venezuela v Council*, где круг лиц, способных оспаривать нормативные правовые акты ЕС о введении ограничительных мер, был расширен за счет включения в него третьих стран.

3. Обращение Венесуэлы в Суд Европейского союза

3.1. Суд первой инстанции

6 февраля 2018 года Венесуэла направила в Суд Европейского союза общей юрисдикции (далее – «СОЮ») иск об отмене Актов о санкциях в затрагивающей ее части. Положения, предусматривающие возможность введения блоки-

⁸ См., например, решение Суда ЕС общей юрисдикции от 2 июля 2019 года по делу T-406/15 *Mahmoudian v Council*.

⁹ Treaty on European Union (OJ C 326, 26.10.2012, p. 13-390).

рующих санкций в отношении некоторых физических или юридических лиц, в данном иске не оспаривались¹⁰.

В основе линии защиты со стороны Совета ЕС как ответчика лежало отсутствие в статье 263 ДФЕС прямого указания на право третьего государства обжаловать акты органов и учреждений ЕС в Суд Европейского союза. Учитывая это, а также то, что Венесуэла не могла быть, по мнению Совета Европейского союза, приравнена к физическому или юридическому лицу, у СОЮ не оставалось, как полагал ответчик, выбора кроме как признать иск неприемлемым. Ответчик указывал, что даже если бы данное заявление было принято к рассмотрению, положения актов о санкциях не затрагивают непосредственно Венесуэлу, поскольку они адресованы не ей, а лицам, находящимся под юрисдикцией ЕС¹¹.

Для знакомых с правоприменительной практикой Суда Европейского союза в сфере ограничительных мер последний аргумент Совета Европейского союза вряд ли покажется удивительным. Он использовался им ранее в деле по иску российской корпорации «Алмаз-Антей» об отмене действующих против него ограничительных мер ЕС¹². Совет Европейского союза, в частности, пытался доказать, что ограничительные меры ЕС не оказывают непосредственного воздействия на Алмаз-Антей, поскольку адресованы только лицам, находящимся под юрисдикцией ЕС, а не в-третьих государствах¹³. Данный подход не был воспринят Судом Европейского союза, в связи с чем в решении было указано, что запрет резидентам ЕС вести деятельность с субъектом, в отношении которого действуют ограничительные меры, непосредственно затрагивает деятельность последнего¹⁴.

Вероятно, имеющийся негативный опыт стал причиной корректировки данного аргумента – Совет Европейского союза указывал, что Венесуэла, в отличие от Алмаз-Антея, не была упомянута в Актах о санкциях в качестве объекта ограничительных мер. Кроме того, Совет указывал на широкий по своей природе характер государственной деятельности, который не позволяет признать ее подверженной влиянию ограничительных мер¹⁵.

Доводы Совета Европейского союза убедили СОЮ. 20 сентября 2019 года иск Венесуэлы был признан неприемлемым, поскольку она, как указал Суд, не относится к числу частноправовых субъектов, а ее деятельность не затронута актами о санкциях.

3.2. Суд апелляционной инстанции

Посчитав, что решение Суда Европейского союза общей юрисдикции было вынесено в нарушение принципов права Европейского союза, Венесуэла 28 ноября 2019 года направила апелляционную жалобу, в которой просила:

- отменить обжалуемое решение первой инстанции в той части, в которой оно признает иск Венесуэлы неприемлемым;
- признать иск приемлемым и вернуть дело на повторное рассмотрение по существу в Суд Европейского союза общей юрисдикции;
- обязать Совет Европейского союза оплатить судебные расходы.

Таким образом, перед Судом ЕС как апелляционной инстанцией не стоял вопрос о рассмотрении дела по существу. Предметом дела выступали выводы суда первой инстанции в части признания иска неприемлемым. Для разрешения переданного на рассмотрение дела апелляции предстояло дать ответы на два вопроса: может ли третье государство быть признано юридическим лицом по смыслу статьи 263 ДФЕС и можно ли согласиться с выводом суда первой инстанции, что Акты о санкциях не затрагивают деятельность Венесуэлы.

20 января 2021 года было опубликовано Заключение генерального адвоката Европейского союза Джерарда Хогана¹⁶, в которой указывалось на ошибочное признание СОЮ иска Венесуэлы неприемлемым. Генеральный адвокат предложил вернуть дело в СОЮ с тем, чтобы он мог пересмотреть свои выводы по вопросу приемлемости иска и по результатам приступить к рассмотрению дела по существу. Господин Хоган указал, что международному праву известен принцип судебной вежливости (*judicial comity*), в соответствии с которым суверенные государства вправе обращаться в суды других государств, если между ними отсутствуют фактические военные действия. Целесообразным подходом было отмечено следование судебной системы Союза сложившейся международно-правовой практике и принципу судебной вежливости, которому также следовали бы суды государств-членов Европейского Союза в случае принятия такими государствами аналогичных ограничительных мер.

По мнению генерального адвоката Хогана, существовавшая на тот момент практика позволяла говорить о возможности признания государства юридическим лицом для целей абзаца 4 статьи 263 ДФЕС, при этом Суд общей юрисдикции сам ранее указывал, что исключение третьих государств из сферы действия статьи 263 ДФЕС противоречило бы цели данной статьи¹⁷. Более того, такой подход не поставит, по мнению господина Хогана, Европейский союз в невыгодное положение, поскольку направлен на обеспечение принципа верховенства права.

А) Возможность признания государства «юридическим лицом»

Прежде всего Суд Европейского союза решил рассмотреть первый вопрос о возможности отнесения Венесуэлы к категории «юридическое лицо» по смыслу абзаца 4 статьи 263 ДФЕС. Ввиду неоднозначности данного вопроса и в целях установления правовой определенности Суд Европейского союза обратился к Европейской комиссии и государствам-членам в порядке статьи 24 Статута Суда Европейского союза с предложением изложить видение данной проблематики.

10 Исковое заявление Венесуэлы от 6 февраля 2018 года по делу T-65/18 Venezuela v Council, зарегистрированное 23 марта 2018 года.

11 Параграфы 25-28 Решения Суда общей юрисдикции от 20 сентября 2019 года по делу T-65/18 Venezuela v Council.

12 Параграф 57 Решения Суда общей юрисдикции от 13 сентября 2018 года по делу T-515/15 Almaz-Antey v Council

13 Там же.

14 Там же.

15 Параграф 37 Решения Суда общей юрисдикции от 20 сентября 2019 года по делу T-65/18 Venezuela v Council.

16 Заключение генерального адвоката Хогана от 20 января 2021 года по делу C-872/19 P Venezuela v Council.

17 Заключение 73-82 Правовой позиции генерального адвоката Хогана от 20 января 2021 года по делу C-872/19 P Venezuela v Council.

Свои позиции суду направили: Европейская комиссия, Бельгия, Болгария, Германия, Эстония, Греция, Литва, Нидерланды, Польша, Словения, Словакия и Швеция.

Все полученные правовые позиции можно условно разделить на три категории: допускающие признание третьего государства юридическим лицом для целей статьи 263 ДФЕС (Бельгия, Болгария, Германия, Эстония, Латвия, Литва и Нидерланды), не допускающие такового (Греция, Польша, Словения, Словакия и Швеция) и допускающие приравнивание в исключительных случаях (Европейская комиссия).

Совет Европейского союза указал на возможность признания третьего государства юридическим лицом для целей статьи 263 ДФЕС в исключительных случаях и в делах, не относящихся к исследуемой категории дел. В частности, если соответствующее право было предоставлено третьему государству нормативным правовым актом Союза или на основании международного договора, заключенного таким государством с Союзом.

Общим правилом, на которое указывал Совет Европейского союза и поддерживающие его стороны третьи лица, является отсутствие у третьего государства возможности использовать статью 263 ДФЕС, поскольку международные отношения Европейского союза с таким государством находятся в публично-правовой плоскости и, как следствие, регулируются международным публичным правом. Особенностью международного правопорядка, на которую обратил внимание Совет Европейского союза, является отсутствие у любого субъекта международного права возможности искать судебной защиты от публично-правовых действий другого субъекта международного права в судах последнего. В результате признания приемлемым иска Венесуэлы Суд Европейского союза мог поставить Союз и его членов в менее привилегированное положение по сравнению с государствами, суды которых не уполномочены рассматривать жалобы третьих государств по вопросам публичного порядка¹⁸.

Европейская комиссия допускала признание третьего государства юридическим лицом в ситуациях, когда оно действует в частном качестве (*acta jure gestionis*) или если спор возник из международного договора Союза с таким третьим государством. Указанное правило, как считала Европейская комиссия, не применимо к рассматриваемому делу, ввиду публично-правовой природы ограничительных мер ЕС в отношении Венесуэлы¹⁹.

В качестве дополнительного аргумента Советом ЕС заявлялось необоснованное расширение Судом Европейского союза своей компетенции в случае признания иска приемлемым²⁰.

Государства-члены ЕС, занявшие сторону истца, указывали, что признание государства юридическим лицом для целей абзаца 4 статьи 263 ДФЕС не противоречит международному публичному праву. В ином случае, если государство, не являющееся членом ЕС, не может рассматриваться как «юридическое лицо», оно было бы лишено возможности защитить свои интересы в соответствии с требуемыми юридическими стандартами. Подобный отказ данному государству в реализации права на эффективную судебную защиту

означал бы ограничительное толкование принципа верховенства права, закрепленного в статье 2 ДЕС²¹.

Суд ЕС в своем решении указал, что поскольку статья 21 ДЕС, которая содержит некоторые общие положения о внешнеполитической деятельности ЕС, и статья 23 ДЕС, регулирующая некоторые вопросы реализации ОВПБ, отсылают к принципам статьи 2 ДЕС, институтам ЕС необходимо соблюдать основополагающие принципы права ЕС при введении ограничительных мер²².

Помимо необходимости соблюдать принцип обеспечения эффективной судебной защиты Суд Европейского союза отметил автономный характер определения термина «юридическое лицо» [6]. Судом было отмечено, что поскольку текст статьи 263 ДФЕС не содержит отсылки к понятию «юридическое лицо», содержащемуся в национальном законодательстве государств-членов, данный термин является автономным для права ЕС, который подлежит единообразному толкованию на всей территории ЕС независимо от национального законодательства его членов²³.

Кроме того, для толкования термина «юридическое лицо» Суд Европейского союза посчитал необходимым учитывать не только текст статьи 263, но и контекст ее применения, а также – преследуемые ей цели. В частности, было отмечено, что положения права ЕС не предусматривают возможность лишения отдельных юридических лиц права на обращение в Суд Европейского союза, что, в свою очередь, свидетельствует о недопустимости ограничительного толкования статьи 263 ДФЕС²⁴.

Существующая правоприменительная практика судов Европейского Союза давно указывала на необходимость включения третьих государств в число так называемых непривлекенных заявителей. Ранее неоднократно признавалось, что правом на обращение с заявлением об аннулировании нормативного акта института Союза обладают помимо частноправовых юридических лиц, государственные организации²⁵. Указанное право, кроме того, признается, как следует из прецедентной практики Суда Европейского Союза, за публично-правовыми образованиями, наделенными отдельными атрибутами государств такими как Гибралтар²⁶ и Голландские Антильские Острова²⁷.

Впоследствии предстоит установить, могут ли международные соглашения Союза с третьими государствами предоставлять последним привилегии, связанные с обращением в суды ЕС. В какой-то мере этот вопрос был затронут СОЮ в решении по делу *C-70/04 Swiss Confederation v Commission* о применении статьи 20 Соглашения между Европейскими Сообществами и Швейцарией о воздушном транспорте²⁸.

21 Там же. Параграф 36.

22 Там же. Параграф 49.

23 Параграф 42 Решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу № C-872/19 P *Venezuela v Council*.

24 Там же. Параграфы 42-43.

25 См., например, Решение Суда ЕС по делу C-264/16 P *Deutsche Bahn and Others v Commission*, Решение Суда ЕС по делу C-561/17 P *Uniwersytet Wrocławski and Poland v REA*.

26 См., Решение Суда общей юрисдикции по делу T-176/09 *Government of Gibraltar v Commission*.

27 См., Решение Суда общей юрисдикции по объединенным делам T-163/97 и T-179/97 *Netherlands Antilles v Council and Commission*.

28 *Agreement between the European Community and the Swiss Confederation on Air Transport* (OJ L 114, 30.4.2002, p. 73-90).

18 Параграфы 26-27, 30-32 Решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу C-872/19 P *Venezuela v Council*.

19 Там же. Параграфы 37-38.

20 Там же. Параграф 28.

Положения указанной статьи устанавливали исключительную компетенцию Суда Европейских Сообществ в части вопросов, касающихся действительности решений институтов Европейских Сообществ, принятых на основании полномочий, предоставленных данным международным договором. К сожалению, этот вопрос не получил детальной проработки.

Не дожидаясь решения апелляционной инстанции Суд общей юрисдикции по заявлению Королевства Камбоджи признал, что принципиальное исключение третьих государств из сферы действия абзаца 4 статьи 263 ДФЕС противоречило бы целям этой статьи²⁹.

Государства, не являющиеся членами Европейского Союза, не могут претендовать на статус «привилегированного» заявителя, однако вправе возбуждать дела в соответствии с правом на иск, предоставленным юридическим лицам. К такому выводу Суд общей юрисдикции пришел в 2009 году при рассмотрении заявления Польши об отмене решения Европейской Комиссии «О переходных мерах, которые должны были быть приняты в отношении торговли сельскохозяйственной продукцией в связи с присоединением Чешской Республики, Эстонии, Кипра, Латвии, Литвы, Венгрии, Мальты, Польши, Словении и Словакии»³⁰. Польша желала отложить разбирательство по делу до ее вступления в Союз, когда она получит «привилегированный» статус, однако суд посчитал возможным рассмотреть заявление Польши как «непривилегированного» заявителя³¹.

Тем не менее, примеры Швейцарии и Польши вряд ли могли быть взяты за основу при решении вопроса по заявлению Венесуэлы. У нее не заключен международный договор с Европейским Союзом, предусматривающий рассмотрение дел Судом Европейского Союза, который был у Швейцарией, а также она не является государством, намеревающимся вступить в Союз, которым на момент рассмотрения своего обращения судом являлась Польша.

Таким образом, в распоряжении Суда ЕС на момент рассмотрения дела была прецедентная практика, в соответствии с которой, во-первых, правом на обращение в Суд Европейского Союза наделены в том числе государственные структуры³². Во-вторых, как показали приведенные выше примеры, существовали предпосылки признания государств, не являющихся членами Союза, обладающими правом на обращение в Суд Европейского Союза с иском об аннулировании на основании абзаца 4 статьи 263 ДФЕС.

Важным является вывод Суда Европейского Союза, что, если сам факт существования какого-либо субъекта достаточен для применения ограничительных мер Союза, его также должно быть достаточно для признания за этим субъектом права на обжалование этих мер³³. Ранее Суд Европейского Союза пришел к этому выводу в деле по заявлению Рабочей

партии Курдистана, признав за ней право на обращение в суд на основании абзаца 4 статьи 263 ДФЕС³⁴.

Таким образом, Суд Европейского союза пришел к выводу, что третье государство должно быть наделено правом обращения в Суд Европейского союза на основании абзаца 4 статьи 263 ДФЕС, если были соблюдены все необходимые условия, предусмотренные данной статьей³⁵.

Суд признал суверенное государство «юридическим лицом, регулируемым публичным международным правом», права которого, так же, как и права любого частноправового субъекта, могут быть нарушены актом Европейского Союза³⁶. Для обеспечения эффективной судебной защиты данного государства необходимо предоставить ему возможность обратиться в Суд Европейского союза с иском об отмене акта Союза, нарушающего его права.

Такой подход не противоречит аргументам об отсутствии у Союза возможности оспаривать публично-правовые акты третьих государств в их судебных учреждениях. Как указал Суд Европейского союза, недопустимо ставить обязательства Союза по обеспечению верховенства права и соблюдению права на эффективную судебную защиту в зависимость от взаимных действий третьих государств по отношению к Союзу³⁷.

Б) Влияние ограничительных мер на Венесуэлу

После признания Венесуэлы юридическим лицом для целей статьи 263 ДФЕС, Суду Европейского союза для решения вопроса о приемлемости ее иска следовало оценить: оказывают ли санкции Европейского союза непосредственное воздействие на Венесуэлу.

При решении указанного вопроса Суд Европейского союза не воспринял аргументацию суда первой инстанции, указав, что формальное отсутствие Венесуэлы в санкционном списке не является достаточным для утверждения об ее неподверженности воздействию ограничительных мер. Необходимо оценить, насколько положения актов о санкциях в части ограничений, касающихся Венесуэлы, оказывают влияние на ее деятельность³⁸.

Устоявшаяся судебная практика Суда Европейского союза для признания меры, имеющей непосредственное воздействие на какое-либо лицо, требует соблюдения двух условий: непосредственное влияние такой меры на правовое положение лица и отсутствие свободы действий лиц, обязанных соблюдать данную меру (соблюдение такой меры должно носить автоматический характер и проистекать из права)³⁹.

Апелляция согласилась с первой инстанцией в части необходимости для решения данного вопроса оценивать цель,

29 Параграфы 45-46 Решения Суда общей юрисдикции по делу T-246/19 Cambodge and CRF v Commission.

30 Там же. Параграфы 47-48. См., также параграф 52 Решения Суда общей юрисдикции по делу T/257-04 Poland v Commission.

31 Commission Regulation (EC) No 1972/2003 of 10 November 2003 on transitional measures to be adopted in respect of trade in agricultural products on account of the accession of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia (OJ 2003 L 293, p. 3).

32 Параграфы 46-47 Решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу № C-872/19 P.

33 Там же. Параграф 78.

34 Соответствующие выводы содержатся, например, в параграфе 112 Решения Суда ЕС по делу C-229/05P PKK and KNK v Council.

35 Параграф 50 Решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу № C-872/19 P Venezuela v Council.

36 Там же. Параграф 50.

37 Там же. Параграфы 51-52.

38 В указанных статьях содержатся запреты на поставку в Венесуэлу некоторых товаров, оказание связанных с ними услуг и предоставление финансирования.

39 См., например, выводы Суда ЕС в решении от 5 ноября 2019 года в объединенном производстве по делам C-663/17 P, C-665/17 P и C-669/17 P ECB v Trasta Komercbanka and Others или в решении от 3 декабря 2020 года по делу C-461/18 P Changmao Biochemical Engineering v Distillerie Bonollo and Others.

содержание и сущность оспариваемой меры, а также правовой и фактический контекст ее принятия. Однако, в отличие от первой инстанции Суд Европейского союза указал, что, поскольку упоминание Венесуэлы содержится в названии актов о санкциях, а также в некоторых их статьях – это свидетельствует о непосредственной направленности действия ограничительных мер на Венесуэлу. Более того, запрет лицам вступать в сделки в отношении Венесуэлы (в том числе в сделки с участием государственных органов Венесуэлы) фактически означает запрет Венесуэле вести соответствующие деловые отношения с лицами, находящимися под юрисдикцией ЕС⁴⁰. Апелляция указала, что в Суд Европейского союза общей юрисдикции допустил ошибку, отказавшись признать непосредственное влияние ограничительных мер ЕС на Венесуэлу.

В) Решение по апелляционной жалобе

Учитывая вышеизложенную аргументацию, Суд Европейского союза отменил решение Суда общей юрисдикции и признал приемлемым иск Венесуэлы об отмене действующих в отношении нее ограничительных мер. Таким образом, Суд отказался встать на сторону Совета Европейского союза, указывавшего, что Акты о санкциях не влекут никаких правовых последствий, способных затронуть интересы Венесуэлы, и требовавшего по этой причине признать иск последней неприемлемым.

Признание Венесуэлы юридическим лицом, регулируемым публичным правом, позволило Суду применить абзац 4 статьи 263 ДФЕС и установить право суверенного государства на обращение с иском об оспаривании актов институтов ЕС наравне с частноправовыми субъектами. Суд ранее указывал, что иск об оспаривании актов институтов ЕС должен быть доступен во всех случаях принятия институтами ЕС мер, создающих правовые последствия вне зависимости от характера и формы этих мер⁴¹. При этом обращение в Суд Европейского союза предполагает, что аннулирование оспариваемого акта должно само по себе принести выгоду оспаривающему его лицу⁴².

Учитывая вывод о непосредственном отношении оспариваемых положений Актов о санкциях к Венесуэле, суд апелляционной инстанции указал, что аннулирование оспариваемых запретов способно само по себе принести выгоду Венесуэле⁴³, и признал иск Венесуэлы приемлемым, а дело направил в Суд Европейского союза общей юрисдикции для рассмотрения по существу.

Заключение

До недавнего времени за оспариванием решения о введении ограничительных мер в Суд Европейского союза обращались только физические и юридические лица. Исковое за-

явление Венесуэлы, рассмотренное в настоящей статье, стало первым примером обращения государства, не являющегося членом ЕС, с аналогичным требованием.

Суд Европейского союза отказался от буквального толкования положений ДФЕС в угоду соблюдения принципов верховенства права и права на судебную защиту. Суд принял к своему рассмотрению иск третьего государства об оспаривании нормативных правовых актов ЕС, несмотря на отсутствие такой возможности в статье 263 ДФЕС.

Важную роль в формировании нового подхода сыграл автономный характер термина «юридическое лицо», который должен толковаться независимо от национального законодательства государств-членов. Такая аргументация позволила Суду Европейского союза признать государство юридическим лицом, регулируемым международным публичным правом, права которого могут быть нарушены актом Европейского Союза. Как следствие, третье государство, чьи права были нарушены актом Союза обладает возможностью обратиться в Суд Европейского союза с иском об отмене такого акта.

Представляется преждевременным рассматривать перспективы разрешения спора по существу, однако стоит отметить, что новый подход Суда Европейского союза может стать важным прецедентом в практике оспаривания действия ограничительных мер Союза. Вполне вероятно, что в скором времени Суду Европейского союза придется рассматривать новые обращения третьих государств с требованием отменить действующие против них санкции Союза.

Пристатейный библиографический список

1. Alexander K. *Economic Sanctions: Law and Public Policy*. New York, 2009. С. 359.
2. Гландин С. В. Можно ли добиться исключения из санкционного списка Европейского Союза? // *Международное правосудие*. 2016. № 2 (18). С. 46-60.
3. Гландин С. В. – Становление конституционного стандарта по Хартии ЕС об основных правах в практике суда ЕС по категории дел об исключении из санкционных списков // *Закон*. 2019. № 7. С. 120-132.
4. Гудков И., Мизулин Н. «Санкционная война» ЕС и России в свете права ВТО // *Право ВТО*. 2014. № 2. С. 46-52.
5. Дораев М.Г. – Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М., 2016. С. 206.
6. Исполинов А. С. Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского Союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Часть 1. дело Achmea // *Российский юридический журнал*. 2021. № 2 (137). С. 56-76.

40 Параграфы 65-69 Решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу №С-872/19 P Venezuela v Council.

41 Параграф 26 решения Суда ЕС от 16 июля 2015 года по делу С-425/13 Commission v Council, параграф 14 решения Суда ЕС от 28 апреля 2015 года по делу С-28/12 European Commission v Council of the European Union.

42 Параграф 82 решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу №С-872/19 P Venezuela v Council параграф 103 решение Суда ЕС от 21 января 2021 года по делу С-471/18 P Germany v Esso Raffinage.

43 Параграф 83 Решения Суда ЕС от 22 июня 2021 года по делу №С-872/19 P Venezuela v Council.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-25-27

ДРОЗДОВА Мария Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

СОРОКИНА Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

УДАЛОВА Дарья Викторовна

старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I

УСТОЙЧИВЫЙ ТРАНСПОРТ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются актуальные вопросы международно-правового регулирования устойчивого развития международных транспортно-логистических экосистем в контексте современных тенденций развития международного права и новых геополитических вызовов, создающих значительные препятствия для реализации глобальной экологической повестки во всех сферах, включая транспорт и логистику. С учетом актуальной социально-экономической ситуации в мире, вызванной введением международных санкций и ограничений в международной логистике, повлекших изменение парадигмы развития трансграничного сотрудничества, дальнейшее формирование регламентации устойчивого транспорта будет происходить в рамках регионального сотрудничества в таких организациях, как ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Ключевые слова: международное право, устойчивый транспорт, логистика, транспортно-логистические экосистемы, устойчивое развитие.

DROZDOVA Mariya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of History, philosophy, political science and sociology sub-faculty of the Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railways

SOROKINA Elena Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice

UDALOVA Darya Viktorovna

senior lecturer of Accounting and auditing sub-faculty of the Emperor Alexander I St. Petersburg State University of Railway Engineering

SUSTAINABLE TRANSPORT: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

The article deals with topical issues of international legal regulation of the sustainable development of international transport and logistics ecosystems in the context of current trends in the development of international law and new geopolitical challenges that create significant obstacles to the implementation of the global environmental agenda in all areas, including transport and logistics. Taking into account the current socio-economic situation in the world, caused by the introduction of international sanctions and restrictions in international logistics, which led to a change in the paradigm for the development of cross-border cooperation, further formation of the regulation of sustainable transport will take place within the framework of regional cooperation in such organizations as the EAEU, SCO and BRICS.

Keywords: international law, sustainable transport, logistics, transport and logistics ecosystems, sustainable development.

В 2022 году одновременно реализовались практически все риски для развития глобальной транспортно-логистической экосистемы, такие как волатильность и замедление экономики, рост цен на энергоносители, рост тарифов на транспортные услуги и их страхование, разрыв устойчивых логистических маршрутов и повышение уровня угроз в сфере кибербезопасности интеллектуальных транспортных систем. Таким образом, сфера международного транспорта и логистики в этом году столкнулась с беспрецедентными вызовами, требующими формирования новой парадигмы развития, включая область реализации ESG-инициатив. При этом центральными направлениями международно-правового регулирования трансграничного сотрудничества явля-

ются формирование нормативной базы для регламентации внедрения цифровых сервисов и технологий во всех отраслях экономики, включая транспорт, а также устойчивое развитие человечества и результатов его деятельности. Цифровизация транспортно-логистической отрасли позволила повысить экологическую эффективность сферы грузоперевозок. На современном этапе развития транспортно-логистический комплекс является одним из крупнейших потребителей новых цифровых сервисов и технологий.

Роль транспортной отрасли в современной парадигме экологической стабильности велика, транспорт является главным потребителем энергоресурсов в мире. Рост экономик как отдельных стран, так и целых регионов напрямую

зависит от развитости транспортно-логистической экосистемы, обеспечивающей экономическую связанность территорий. Ускоряющиеся темпы внедрения цифровых сервисов и новых технологий на основе единого подхода к экологическим стандартам и регламентам могут стать драйвером устойчивого развития транспорта даже в сложных социально-экономических условиях. Для этого необходима реализация международно-правовых инициатив по гармонизации национальных подходов в указанной сфере и, в частности, в сфере железнодорожных грузовых перевозок.

При подготовке исследования автором были использованы методы анализа, синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также толкование международных и национальных правовых актов.

В исследовании автор руководствовался международной нормативно-правовой базой, а также законодательством РФ, задающими стратегические направления, концептуальные подходы в сфере реализации глобальной и региональной повестки развития устойчивого транспорта, а также экспертными моделями и мнениями представителей научного и бизнес-сообществ по вопросам устойчивого развития транспортно-логистических экосистем в условиях Индустрии 4.0, таких как О. Д. Покровская, и другие исследователи [1], [2], [3], [4], [5].

В последние десятилетия увеличилось количество экологических инициатив в транспортной сфере. Одним из первых международных документов, устанавливающих значение транспортной сферы для реализации концепции устойчивого развития, стал итоговый документ ООН 1992 года «Планта земля». Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1994 года и Парижское соглашение к указанной конвенции 1996 года заложили основу для формирования международно-правовой базы по устойчивому развитию. Основной целью инициатив является создание эффективной системы взаимодействия между государствами и принятия на себя обязательств по сокращению выбросов CO₂.

В настоящее время на глобальном уровне основополагающими являются концептуальные документы ООН:

Резолюция ГА ООН № 66/288 «Будущее, которого мы хотим» (2012) определяет перспективы человечества в XXI веке на основе концепции устойчивого развития, базой которого должна стать «зеленая» экономика;

«Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015);

Парижское климатическое соглашение (2015), определяющее приоритеты борьбы с климатической угрозой в мире и во всех странах до 2030 – 2050 годов [9], [10], [11].

Цели устойчивого развития ООН на 2016-2030 гг. предусматривают формирование политики устойчивого развития в сфере транспорта, закрепляя необходимость снижения негативного влияния отрасли на экологию [7], [8]. Документ включает 17 целей и трансформация транспортной инфраструктуры, входящая в задачи цели № 9, является необходимым условием для достижения устойчивого развития.

Вышеперечисленная нормативно-правовая база ООН создает глобальную основу и задают необходимые векторы развития для формирования национального и регионального законодательства в сфере устойчивого транспорта. Но с учетом актуальных тенденций развития международного сотрудничества, когда регионализация трансграничного со-

трудничества и фрагментация мировой экономики становятся ведущими трендами, разработка стандартов устойчивого развития транспортной сферы на уровне таких организаций как ЕАЭС, ШОС, БРИКС становится актуальным и эффективным инструментом реализации глобальной экологической повестки.

В 2021 году в рамках ЕАЭС был подписан меморандум о содействии устойчивому развитию транзитного потенциала и экологической безопасности железнодорожного транспорта стран-участниц ЕАЭС. Одной из главных целей меморандума является совершенствование экологических параметров железнодорожного транзита в Евразийском регионе, который в настоящее время уже отличается наименьшим углеродным следом. АО «Объединенная транспортно-логистическая компания – Евразийский железнодорожный альянс» (ОТЛК ЕРА – крупнейший оператор транзитных контейнерных перевозок контейнеров из Китая в Европу, РФ и Беларусь, является главным актором процессов диджитализации и внедрения технических инноваций, одной из задач которых стало достижение экологического баланса на железнодорожном транспорте и логистике без выбросов CO₂. Реализация проекта в среднесрочной перспективе позволит значительно снизить углеродный след без дополнительной финансовой нагрузки на грузоотправителей. Международные санкции, фактически закрывшие авиасообщение со странами ЕС, способствуют развитию железнодорожной логистики на маршруте Россия – Китай, что способствует реализации экологической повестки с точки зрения сокращения выбросов углекислого газа и негативного влияния на окружающую среду, поскольку железнодорожный транспорт является одним из самых экологически чистых видов мобильности.

Значительным шагом в реализации экологической повестки на транспорте должно стать принятие в 2023 году Концепции по внедрению принципов «зеленой» экономики в ЕАЭС [6].

Основными факторами, способствующими реализации концепции устойчивого транспорта на региональном уровне, являются:

- расширение сферы применения беспилотных технологий, включая сервис доставки грузов дронами;
- повышение роли железнодорожных перевозок, как одного из самых экологически чистых видов транспорта;
- разработка новых стандартов экологической безопасности в транспортной отрасли на международном уровне;
- развитие микромобильного транспорта на международном уровне.

Главными трендами развития международных транспортно-логистических экосистем в настоящее время являются их цифровизация, фрагментация (регионализация) и экологизация сферы перевозок. Международно-правовое регулирование на всех уровнях (глобальном, региональном, национальном) создает необходимую основу для формирования актуальных стандартов и правил развития отрасли. При разработке нормативных документов необходимо учитывать взаимозависимость потребности транспорта в развитии, расширении и внедрении инноваций, комплексность его технической регламентации с актуальной экологической повесткой. Причем, представляется, что формирование стандартов устойчивого развития должно начинаться на региональном уровне в рамках транспортно-логистической экоси-

стемы региона. Такой путь позволит как создать достаточный масштаб для эффективного продвижения экологической парадигмы отрасли, так и определить эффективные рычаги контроля за ее реализацией.

1. Таким образом, можно заключить, что новые геополитические вызовы и международные, повлекшие дезинтеграционные процессы в экономике, и, как следствие, приостановку интеграционных процессов в сфере транспорта и логистики, рост цен на энергоносители, тормозят реализацию концепции устойчивого транспорта и экологических инициатив в логистической отрасли.

С учетом актуальной социально-экономической ситуации основными трендами международно-правового регулирования устойчивого транспорта должны стать:

– разработка единых стандартов энергоэффективности транспортной отрасли на региональном уровне (в частности, в рамках ЕАЭС);

– гармонизация транспортно-экологического законодательства стран-партнеров;

– разработка единой международной региональной транспортной политики в рамках ЕАЭС;

– разработка системы цифровых сервисов анализа экологической эффективности транспортных услуг;

– совместная реализация стратегии по минимизации выбросов в окружающую среду в сфере международных перевозок.

Представляется, что дальнейшее развитие формирования новых правил развития устойчивых транспортно-логистических экосистем будет происходить в рамках таких организаций как ЕАЭС, ШОС, БРИКС. При этом энергетический суверенитет государств является необходимым условием для формирования актуальной повестки в сфере экологии как на национальном, так и на межгосударственном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Покровская О. Д. Логистические накопительно-распределительные центры как основа терминальной сети региона. – Новосибирск, 2012. – 184 с.
2. Покровская О. Д. Состояние транспортно-логистической инфраструктуры для угольных перевозок в России // Инновационный транспорт. – 2015. – № 1 (15). – С. 13-23.
3. Покровская О. Д. О терминологии объектов терминально-складской инфраструктуры // Мир транспорта. – 2018. – Т. 16. № 1 (74). – С. 152-163.
4. Покровская О. Д. Логистическая классность железнодорожных станций // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2018. – № 2 (38). – С. 68-76.
5. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. – 2022. – № 1. – С. 80-94.
6. О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов «зелёной» экономики // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ekonomika-06.2022.pdf?ysclid=lakqx5esqy42827714 \(дата обращения: 17.11.2022\).](https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b34/Doklad-zelenaya-</div><div data-bbox=)

7. Цели устойчивого развития ООН // Официальный сайт ООН. – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 17.11.2022).
8. Цели устойчивого развития ООН и Россия // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации официальный сайт. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf?ysclid=lajbp32flb795718568> (дата обращения: 17.11.2022).
9. Резолюция ГА ООН № 66/288 «Будущее, которого мы хотим» // Официальный сайт ООН. – 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2012/A_RES_66_288_TheFutureWeWant_r.pdf (дата обращения: 17.11.2022).
10. Резолюция ГА ООН (A/70/L.1) «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Официальный сайт ООН. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 17.11.2022).
11. Рамочная конвенция ООН об изменении климата 2015 г. // Официальный сайт ООН. – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/rus/l09r.pdf> (дата обращения: 17.11.2022).

ОТРАШЕВСКАЯ Анастасия Михайловна

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ВКЛАД ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИЮ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ГЕНЕТИЧЕСКИМ РЕСУРСАМ И СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА СПРАВЕДЛИВОЙ И РАВНОЙ ОСНОВЕ ВЫГОД ОТ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать влияние латиноамериканских объединений, в частности Андского сообщества наций и Организации американских государств, на распространение режима регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения. Разработка региональной международно-правовой базы началась задолго до вступления в силу Нагойского протокола регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 2010 г., вместе с тем в настоящее время государства сталкиваются с проблемами при имплементации норм на национальном уровне, начинает формироваться судебная практика в рамках региональных судебных органов.

Ключевые слова: право международных организаций, Нагойский протокол, Андское сообщество наций Организация американских государств, генетические ресурсы, биоразнообразие.

OTRASHEVSKAYA Anastasiya Mikhaylovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

LATIN AMERICAN INTEGRATION ASSOCIATIONS AND IMPLEMENTATION OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGIME ON ACCESS TO GENETIC RESOURCES AND THE FAIR AND EQUITABLE SHARING OF BENEFITS ARISING FROM THEIR UTILIZATION

This article attempts to analyze the impact of Latin American associations, in particular the Andean Community of Nations and the Organization of American States, on the dissemination of the regime regulating access to genetic resources and the fair and equal sharing of benefits from their use. The development of a regional legal framework began long before the entry into force of the Nagoya Protocol Regulating Access to Genetic Resources and the Fair and Equal Sharing of Benefits from Their Use in 2010, but currently States are facing problems in implementing norms at the national level, judicial practice is beginning to take shape within regional judicial bodies.

Keywords: law of international organizations, Nagoya Protocol, Andean Community of Nations Organization of American States, genetic resources, biodiversity.

Становление международного режима регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения (далее – «ДГРСИВ») началось в 90-х годах XX века, когда произошел резкий технологический скачок, генетические ресурсы, генетический материал растений, животных и микроорганизмов, представляющий фактическую или потенциальную ценность, стали использовать в различных областях медицины, фармакологии, косметологии, здравоохранения, продовольствия. Более того, мировое сообщество начало акцентировать свое внимание на сохранении биологического разнообразия, в частности стоит упомянуть Конференцию в Рио-де-Жанейро 1992 г. и Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 г. (далее – «КБР»).

Регион Латинской Америки и Карибского бассейна обладает огромным генетическим потенциалом, более того, на территории рассматриваемых государств проживает множество коренных народов, чья деятельность неразрывно связана традиционными знаниями, территориями их проживания. В связи с этим некоторые государства предприняли попытки правового регулирования и установления режима ДГРСИВ задолго до принятия и вступления в силу Нагойского протокола регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 2010 г. (далее – «Нагойский протокол»). В настоящей статье будет рассмотрена деятельность Андского сообщества наций (далее – «Андское сообщество») и Организации американских государств (далее – «ОАГ») в контексте установления режима ДГРСИВ.

Уже в 1993 году Андское сообщество, куда входят Боливия, Колумбия, Эквадор, Перу, приняло Решение 345, касающееся общей системы защиты прав владельцев отдельных видов растений, в котором впервые была выражена приверженность установлению общего режима в отношении

ДГРСИВ в регионе. Это обязательство было воплощено в реальность, когда Андское сообщество разработало первый региональный подход к режиму общего доступа в форме Решения 391 «Общий режим доступа к генетическим ресурсам» в 1996 году – первая правовая основа для режима ДГРСИВ. После утверждения Решение применимо в государствах-членах Андского сообщества, но различные факторы, такие как отдельные возражения, технические неясности, правовые различия и институциональные ограничения привели к тому, что андские государства были вынуждены разрабатывать политику, институциональную основу и нормативные правовые акты для содействия осуществлению Решения 391 на национальном уровне [5].

Решение 391 устанавливает как общие принципы, так и конкретные правила доступа. Среди принципов в нем признается национальный суверенитет над генетическими ресурсами, право коренных народов, общин на принятие решений в отношении их традиционных знаний, важность регионального сотрудничества между андскими странами и принцип должной осмотрительности (due diligence). Правила доступа применяются к генетическим ресурсам, дераиватам, нематериальным благам (традиционные знания, инновации и практика). Процедура доступа включает в себя заявку стороны, запрашивающей ресурс, заключение договора (взаимно согласованные условия), предварительное обоснованное согласие стороны-поставщика, процедуру регистрации.

Договор на доступ подписывается специализированным национальным органом и заявителем, но ст. 34 Решения 391 также требует, чтобы договор учитывал права и интересы поставщиков генетических ресурсов. От заявителя может потребоваться подписать дополнительные соглашения с другими заинтересованными лицами, участвующими в предоставлении доступа: землевладельцем, на территории которого запрашивается генетический ресурс, организацией, ответ-

ственной за сохранение *ex situ*, владельцем ресурса. Особо стоит выделить права коренных народов, проживающих на территориях, где расположен ресурс; при доступе к традиционным знаниям договор должен включать положения о справедливом распределении выгод между поставщиком знаний и пользователем.

Интересно, что заявки и договоры могут включать в себя следующие элементы: участие местного населения в исследовательской деятельности; поддержка исследований внутри государства; передача технологий и знаний (включая биотехнологии); предоставление информации о происхождении, состоянии исследования о ресурсах; меры по наращиванию потенциала; хранение собранных материалов в национальных системах; условия передачи материалов, к которым имеется доступ, третьим лицам. Такие требования коррелируют с принципом справедливого распределения выгод от применения генетических ресурсов.

Особо стоит выделить защиту прав интеллектуальной собственности, которая по настоящий момент вызывает споры и дискуссии в контексте режима ДГРСИВ, в частности в рамках ВОИС. Национальные патентные ведомства андских государств должны запрашивать у заявителей договор о доступе, когда продукт или процесс, который они хотят «защитить», возможно, был разработан с использованием генетических ресурсов. Права интеллектуальной собственности будут недействительными, если при доступе не соблюдены установленные правовые положения [4].

Кроме того, в 2000 г. было принято Решение 486 о промышленной собственности, в котором были разработаны некоторые положения о соблюдении, предусмотренные в предварительных положениях Решения 391. Согласно ст. 26 Решения 486, заявки на патентование изобретений, включая генетический материал или традиционные знания, происходящий из государств региона, должны содержать соответствующий договор о доступе, лицензию, разрешение на использование традиционных знаний.

В июле 2002 года Андское сообщество приняло Региональную стратегию в области биоразнообразия, Решение 52327, в которой указаны правовые и институциональные трудности, с которыми сталкиваются Андские страны при осуществлении Решения 391. Стратегия предлагает, среди прочих мер, конкретизировать предмет, консолидировать административные механизмы, наращивать научный потенциал, обеспечить финансовую поддержку и создать информационную систему. Однако сложилась такая ситуация, при которой каждое из государств-участников интерпретирует Решение по-своему [6], что затрудняет единообразное применение правил. Одна из главных проблем заключается в том, как интерпретировать и применять Решение 391 для стимулирования исследований и повышения ценности генетических ресурсов в андском регионе.

Было разработано несколько инициатив и проектов в поддержку осуществления Решения 391 на национальном уровне, включая мероприятия по наращиванию потенциала и проект Руководства к Решению. Некоторые эксперты [7] также высказали мнение о необходимости пересмотра Решения, исходя из трудностей, с которыми столкнулись стороны при его осуществлении на национальном уровне, но до 2012 года не было принято решения, исходя из соображения, что более уместно поддержать Комитет по генетическим ресурсам (орган Андского сообщества по ДГРСИВ), который проводит регулярные обсуждения начать официальный процесс пересмотра решения в свете новых международных событий, включая принятие Нагойского протокола, однако в настоящий момент каких-либо изменений не было внесено, государства проводят активную разработку национальных механизмов имплементации.

Между тем, стоит отметить, что в рамках Андского сообщества начинает формироваться судебная практика. Так, Суд Андского сообщества (далее – «Суд») в Предварительном толковании № 170-IP-2020 от 21 июня 2021 года, опубликованном в Официальном вестнике Картахенского соглашения № 4276 от 25 июня 2021 года, проанализировал Указ Колумбии № 2687 от 2002 года. В частности, статья, продлевающая срок действия сертификатов на сорта растений, была приведена в соответствии с Решением 345. В частности, Суд истолковал статью 21 Решения 345, в соответствии с которым срок

действия сертификата составляет от 20 до 25 лет в случае виноградных лоз, лесных деревьев, фруктовых деревьев, и от 15 до 20 лет для других видов, отсчитываемых с даты его выдачи, как установлено компетентным национальным органом.

С другой стороны, колумбийский Указ устанавливает в ст. 1, что срок действия охраны составляет 25 лет в случае виноградных лоз, лесных деревьев, фруктовых деревьев и 20 лет для других видов, отсчитываемых от даты предоставления. Согласно Указу 2687/02 это изменение было внесено с целью адаптации внутреннего стандарта к Конвенции УПОВ 1991 г., между тем, представляется интересным тот факт, что Конституционный суд Колумбии, пересматривая Закон № 1518 от апреля 2012 года (принятие Конвенции УПОВ 1991), постановил объявить его недействительным, поскольку счел, что в рамках процедуры принятия закона предварительная консультация с общинами коренных народов не проводилась, что является необходимым предварительным этапом для надлежащего соблюдения процедуры рассмотрения законопроекта [3].

Как установил Суд, колумбийский стандарт соответствует нормам Сообщества, поскольку он предоставляет национальным властям большую свободу действий при установлении периода защиты. В этом смысле национальный стандарт будет нарушен только в том случае, если он предоставляет большую или меньшую защиту, чем та, которая установлена в статье 21 решения 345.

Другим региональным объединением, которое стоит упомянуть в рамках распространения режима ДГРСИВ, является ОАГ, однако здесь сразу стоит отметить, что организация осуществляет не правотворческую деятельность, а скорее административную, аналитическую, консультационную. ОАГ является основной организацией, действующей на территории Южной и Северной Америки, она объединяет 35 государств, служит форумом для решения различных вопросов, включающих защиту прав человека, экономическую, социальную, культурную политики, сферу законодательства и многие другие. В связи с тем, что большинство государств являются также участниками Нагойского протокола, обсуждение вопросов ДГРСИВ, традиционных знаний, получения выгоды от использования занимают особое место в деятельности ОАГ.

Например, государства предварительно затрагивают проблемы, которые поднимаются в рамках Конференции сторон КБР, так в 2016 году в Гватемале было проведено Региональное совместное подготовительное совещание для Латинской Америки и Карибского бассейна о международной торговле видами фауны и флоры, КБР и протоколам к ней. Генеральный секретарь Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (далее – «СИТЕС») и Исполнительный секретарь КБР созвали совещание в Антигуа (Гватемала), с 22 по 26 августа 2016 года: встреча проводилась в партнерстве с Генеральным секретарем ОАГ. Поддержка ОАГ соответствует мандату и обязательствам, принятым государствами-членами ОАГ по наращиванию потенциала для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия посредством поддержки проектов и осуществления Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, и Конвенции о биологическом разнообразии и Межамериканской программе устойчивого развития. В части ДГРСИВ были затронуты: Комитет по соблюдению, деятельность Вспомогательного органа по осуществлению, Механизм посредничества, вопросы бюджета, меры по оказанию помощи в наращивании потенциала, необходимость и условия глобального многостороннего механизма совместного использования выгод, оценку и обзор эффективности Протокола, включая обзор прогресса в достижении Айтинского целевых задач в области биоразнообразия по Нагойскому протоколу. Представители ОАГ регулярно участвуют по различным вопросам работы КБР и Нагойского протокола, во встречах КС.

В рамках ОАГ также действуют Межамериканская комиссия по правам человека (далее – «МКПЧ») или «Комиссия») и Межамериканский суд по правам человека (далее – «МСПЧ») или «Суд»), которые уделяют особое внимание защите экологических прав отдельных лиц и их групп, в частности коренных народов. Проблема защиты коренных

народов является одной из ключевых для рассматриваемого региона и на КБР и Нагойский протокол также был сделан акцент в рамках Комиссии.

В рамках анализа развития права на здоровую окружающую среду для коренных народов в части «Панамазонии» (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, Гайана, Суринам, Гвиана, Бразилия). МКПЧ отмечает, что большинство существенных воздействий на окружающую среду в бассейне Амазонки обусловлено деятельностью по добыче полезных ископаемых и разработке, животноводство, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, а также незаконная заготовка древесины. Действительно, МКПЧ получила отчеты о сценариях невозвратимой деградации окружающей среды, вызванной загрязнением рек, обезлесением и утратой биоразнообразия. Согласно имеющейся информации, негативное влияние усиливается из-за бездействия государств, составляющих Панамазонию, по смягчению последствий действий, как законных, так и незаконных. Больше всего страдают коренные народы и народы, ведущие племенной образ жизни, которые в значительной степени зависят от экосистем, в которых они проживают, из-за сокращения доступности природных ресурсов, что ставит под угрозу здоровье и сохранение народов.

Комиссия признала тесную связь между обеспечением средств к существованию человека и сохранением здоровой окружающей среды и отметила, что ухудшение состояния окружающей среды может негативно сказаться на доступе к воде и осуществлении ряда прав человека, в том числе прав на жизнь, здоровье, питание [2]. Суд по правам человека в своем Консультативном заключении ОС-23/17 установил, что для уважения и обеспечения прав на жизнь и личную неприкосновенность, государства обязаны предотвращать значительный ущерб окружающей среде как на своей территории, так и за ее пределами. В том же Консультативном заключении Суд подчеркнул не только то, что Сан-Сальвадорский протокол прямо закрепляет право на здоровую окружающую среду в статье 11. С этой целью Суд по правам человека принял во внимание, что Хартия ОАГ провозглашает обязательство государств-членов добиваться всестороннего развития и что, поскольку существует тесная взаимосвязь между защитой окружающей среды, устойчивым развитием и правами человека, подтверждается право на окружающую среду как отдельное самостоятельное право.

В соответствии со статьей 19 Американской декларации о правах коренных народов 1997 г. группы имеют право жить в гармонии с природой и право на здоровую, безопасную и устойчивую окружающую среду, что является необходимыми условиями для полного осуществления права на жизнь и коллективное благополучие. Следует подчеркнуть, что Суд отметил, что коренные народы особенно уязвимы к ухудшению состояния окружающей среды не только из-за «духовной» связи, которую они поддерживают со своими территориями, но и потому, что их выживание и экономическая практика зависят от природных ресурсов, которые на них находятся [1]. Таким образом, неблагоприятное воздействие на их окружающую среду может существенно сказаться на доступных природных ресурсах и тем самым поставить под угрозу их традиционный образ жизни. В этой связи условия реализации проектов по добыче природных ресурсов, деятельность которых, как правило, осуществляется на землях и территориях, исторически населенных коренными народами и народами, могут оказывать серьезное воздействие на окружающую среду. Так обстоит дело с незаконной добычей полезных ископаемых, особенно в регионе Амазонки, что приводит к интенсивной вырубке лесов и загрязнению почв и рек из-за использования таких веществ, как, например, ртуть.

Другими последствиями этой деятельности являются сокращение количества и качества источников воды; истощение сельскохозяйственных почв; нарушение собственных производственных систем; сокращение рыболовства, фауны, флоры и биоразнообразия в целом; и нарушение баланса, который составляет основу жизни, этническое и культурное воспроизводство коренных народов. Как ранее предупреждала МКПЧ, в странах Амазонки воздействие на окружающую среду будет иметь серьезные последствия для физического и культурного выживания коренных народов. Это свидетельствует о настоятельной необходимости принятия государ-

ствами мер по предотвращению эскалации нарушений. В частности Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Перу, Суринам и Эквадор в этой связи являются участниками КБР и Нагойского протокола.

Интересным механизмом, функционирующем в рамках ОАГ представляется Межамериканская информационная сеть по биоразнообразию, которая занимается принятием и продвижением стандартов и протоколов экоинформатики (созданию инструментов для доступа и анализа данных природных систем) во всех государствах Северной и Южной Америки, способствуя тем самым рациональному использованию биологической информации для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. Это в первую очередь межправительственная инициатива, но в ней активно участвует широкий круг неправительственных организаций и других участников.

Таким образом, ОАГ оказывает координационную поддержку при реализации Нагойского протокола, многие вопросы проходят первоначальное обсуждение в рамках региона именно на площадке ОАГ, разрабатываются рекомендации, представители принимают активное участие во встречах КС. Организация осуществляет активное участие при техническом осуществлении проектов и их финансировании. Более того, в свете перспективы применения КБР и Нагойского протокола в качестве правовой базы для рассмотрения споров в рамках механизмов ОАГ по защите прав человека, МКАПЧ уже предоставляет в своих анализах и отчетах разъяснения о влиянии принятых документов на права человека, группы лиц, в частности коренных народов.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Междунaродно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: учебник. – Москва: РУДН, 2015. – С. 205-206.
2. Солнцев А. М., Отрашевская А. М. Развитие концепции экологических прав человека в практике Межамериканского суда по правам человека // *Международное правосудие*. – 2022. – № 1 (41). – С. 57-78.
3. Bravo, E. Normativas sobre Semillas en América Latina al Servicio del Control Corporativo. Red por una América Latina libre de Transgénicos. – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: DOI: <https://doi.org/10.17141/letrasverdes.22.2017.2676>.
4. Cabrera A., Ribadeneira M. y Camacho D. La propiedad intelectual en verde: obtenciones vegetales, indicaciones geográficas y cambio climático. Guía para el capacitador, manual para el alumno y presentación. Quito: Instituto Ecuatoriano de la Propiedad Intelectual, IEPI. (sin publicar) – 2014.
5. Carrizosa S. Diversity of Policies in Place and in Progress in Santiago Carrizosa et al., eds., *Accessing Biodiversity and Sharing the Benefits: Lessons from Implementing the Convention on Biological Diversity, IUCN Environmental Policy and Law Paper No. 54*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ucanr.edu/repository/fileaccess.cfm?article=54957&p=NVTZKF> (дата обращения: 28.01.2023).
6. Lapeña I., Ruiz Müller M., eds., *Acceso a Recursos Genéticos, Propuestas e Instrumentos Jurídicos, SPDA, Peru*. – 2004.
7. Nemogá G. et al. *La Investigación sobre Biodiversidad en Colombia. Propuesta de ajustes al Régimen de Acceso a Recursos Genéticos y Productos Derivados y a la Decisión Andina 391 de 1996, Universidad Nacional de Colombia, Bogotá*. – 2010. – Pp. 661-662.

AFGHAN Abdul Salam

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

SELF-DETERMINATION AND USE OF FORCE IN INTERNATIONAL LAW

The right to self-determination is the fundamental right, which is recognized by many international treaties including the United Nations Charter. It is now a rule of "jus cogens". In establishing this right, the UN General Assembly played a pivotal role. Adoption of landmark resolutions on the issue, not only gave legal status to the right to self-determination but also did a great deal in eradicating the evils of colonialism. The UN Security Council was relatively less active for the obvious reason of lack of consensus among its five permanent members. International law still does not allow unilateral use of force even for the support of the people having the right to the first level of self-determination. Such use of force may not amount to interference in the internal affairs of a state, as it is not an internal issue, but it would violate another basic principle of international law, namely, the general prohibition on the threat or use of force. As for the people having a 'second level' right of self-determination, military support to them would amount to interference in the internal affairs of a state and would constitute the crime of 'indirect' aggression.

Keywords: self-determination, use of force, UN Charter, UN Security Council, Human Rights, humanitarian intervention, terrorism.

АФГАН Абдул Салам

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Право на самоопределение относится к фундаментальным правам и признано международным правом и Уставом Организации Объединенных Наций. Теперь это норма jus cogens. В закреплении этого права ключевую роль сыграла Генеральная Ассамблея ООН. Принятие ключевых резолюций по этому вопросу не только придало правовой статус праву на самоопределение, но и сыграло большую роль для искоренения колониализма. Относительно менее активен был Совет Безопасности ООН по очевидной причине отсутствия консенсуса среди пяти его постоянных членов. Международное право до сих пор не допускает произвольного одностороннего применения силы для поддержки народов, борющихся за независимость в нарушение положений Устава ООН. Такое применение силы не может приравниваться к вмешательству во внутренние дела государства, поскольку это не является вопросом внутренней компетенции, но нарушает другой императивный принцип международного права, а именно, запрет на угрозу силой или ее применение. Что же касается народов, обладающих правом на самоопределение «второго уровня», то осуществляемая им военная поддержка будет равносильна вмешательству во внутренние дела государства и «косвенной» агрессии.

Ключевые слова: право на самоопределение, применение силы, Устав ООН, Совет Безопасности ООН, права человека, гуманитарная интервенция, терроризм.

This paper discusses the right to self-determination which means to select their economic, social, and political situations. "As a matter of fact, it may not necessarily conflict with territorial integrity and state sovereignty, since self-determination does not always require people to separate from their mother state". Furthermore, "even in cases where self-determination leads to reformed secession and the creation of a new independent state, self-determination applies before independence, while territorial integrity usually applies post-independence" [1]. "The right to self-determination was first expressed in the American and French revolutions at the end of the 18th century, and was considered as the principle that guaranteed democratic consent in an emerging state entity" [2]. "Self-determination was used as the driving ideology behind the decolonization of Latin America when the former colonies of Spain and Portugal sought to become independent states" [3]. Self-determination served to give independence to colonially defined territories.

After World War I, US President Woodrow Wilson applied the idea of self-determination to minorities, offering them the choice of political belonging over plebiscites. Wilson brilliantly stated in a speech to the United States Congress on February 11, 1918, that self-determination is more than a slogan; it is an imperative principle. "Wilson's ideas translated somewhat directly into the dissolution of the Austro-Hungarian and Ottoman empires in the wake of World War I, resulting in many smaller states (Austria, Hungary, Turkey, Czechoslovakia, Yugoslavia, Finland, Estonia, Latvia, Lithuania, and Poland). At

the same time, V. Lenin relied on self-determination to express the idea that people "express their political will to rid themselves of the bourgeois oppression" [4]. "During World War II, the Nazi regime used autonomy to justify the reunification of the German nations" [5]. Although in the era before the UN Charter, self-determination was more of political thought than a legal norm, self-determination has never been mentioned in the Statute of League of Nations, nor has it been accepted in any international treaty prior to the UN Charter. "During the UN era, self-determination became one of the main tools of decolonization. "Article 1 of the United Nations Charter states that it is one of the main goals of the United Nations to develop friendly relations among nations based on respect for the principle of equal rights and self-determination of peoples, and to take other appropriate measures to strengthen universal peace" [5].

Through the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) adopted in 1966, as well as through several General Assembly resolutions, right to self-determination became a legal norm from a political ideology. Article 1 of the ICCPR provides that "all peoples have the right of self-determination. By virtue of that right they freely determine their political status and freely pursue their economic, social and cultural development" [6]. The 1960 Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples provides in Article 2 that "all peoples have the right to self-determination; by virtue of that right they freely determine their political status and freely pursue their economic, social, and cultural development" [7].

In 1970 the Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations attempted to establish the legal norm of self-determination in the United Nations scheme by declaring that states have an obligation to refrain from aggressive actions that deprive peoples of their right to self-determination, and that(?) colonized people have the right to self-determination under the United Nations Charter" [8]. Currently, an important question of international law regarding the right to self-determination is whether this right extends beyond decolonization and if so, what are its (the?) limits. There is no clear rule in international law regarding whether self-determination applies in cases other than decolonization. Separatist conflict today is not addressed by the United Nations Charter, the International Covenant on Civil and Political Rights, or two General Assembly resolutions that refer specifically to the context of decolonization.

Undoubtedly, the Declaration of Friendly Relations of 1970, which proposed the right to self-determination is relevant in the example of decolonization and gave it to people whose interests were not represented by their government: *"Nothing in the foregoing paragraphs shall be construed as authorizing or encouraging any action which would dismember or impair, totally or in part, the territorial integrity or political unity of sovereign and independent States conducting themselves in compliance with the principle of equal rights and self-determination of peoples as described above and thus possessed of a government representing the whole people belonging to the territory without distinction as to race, creed or color"* [8].

In many cases, governments that do not act in accordance with the principles of equal rights, and self-determination of people have been considered to have received support from some but not the whole people belonging to the territory. Scholars base this argument on a close examination of the declaration's overall textual content, which mentions the term self-determination a total of eight times, the first seven occurring either as a general reference or in the context of decolonization. In addition, scholars have reached this decision based on a review of the history of the Declaration's negotiations, which reflects the concerns of many governments about the possible negative impact of the right to extended self-determination on existing state borders. Furthermore, scholars have argued that the government's practice at the time of the adoption of the Declaration clearly indicated the government's support for autonomy only in the context of decolonization. In light of this, experts agree that the Declaration does not automatically transform into international law just because it grants a wide right to self-determination [9].

Thus, according to leading scholars, international law in 1970 lacked a customary norm authorizing the self-determination of non-colonial peoples, and even today it could be argued that states are extremely reluctant to recognize self-determination as a norm. The right to self-determination has nevertheless been invoked after the era of decolonization. Some specialists have argued that international law has evolved to accept the right to self-determination outside the context of decolonization [9].

Taking into account the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), which both ensure that all people are entitled to self-determination, this dispute arose partly out of an overall assessment of the Declaration of Friendly Relations. "Determination as well as subsequent UN declarations in the 1990s that affirmed this right for linguistic, national or cultural groups. As was pointed out, UN declarations dealing with the right to self-determination do not clearly distinguish between colonized and non-colonized peoples: UN declarations dealing with the issue of self-determination at the level do not differentiate based on location" [9].

Perhaps, the most important question here is what categories of 'people' are entitled to self-determination. Thus, it is explicitly emphasized in the preamble: "The need for the creation of

conditions of stability and well-being and peaceful and friendly relations based on respect for the principles of equal rights and self-determination of all peoples, and of universal respect for, and observance of, human rights and fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language or religion" [10]. Then, it is specifically mentioned about the "important role of the United Nations in assisting the movement for independence in Trust and Non-self-governing Territories" [11]. After this, it is categorically declared: "All peoples have an inalienable right to complete freedom, the exercise of their sovereignty and the integrity of their national territory" [12]. The operative part of the Declaration reaffirms this: "All peoples have the right to self-determination; by virtue of that right they freely determine their political status and freely pursue their economic, social and cultural development" [13].

In 1945, with the establishment of the UN, five States were given permanent seats in the Security Council. They were given the "veto" power, which meant that the UN could take no punitive action unless these five States reached some sort of understanding and agreement. It was thought that peace at the global level could be achieved only if the interests of these big powers were protected. They were given the 'primary' responsibility to maintain peace at the international level. But soon after the establishment of the UN, the so-called "cold war" started between the USA and the USSR. "The other States willingly or unwillingly joined either the capitalist or the communist bloc. Then, the veto right was frequently used to save the 'belligerent state'. Thus, USSR blocked the Security Council resolutions against North Korea in 1950, as did the USA for Israel.

The Western nations were trying from the very beginning to secure a one-sided treaty on terrorism that would suit their point of view by including the liberation struggle within its scope" [14]. This was, however, not possible in the UN General Assembly for the presence of a great majority of underdeveloped non-western States. Nor was it possible for them to adopt resolutions of their choice passed by the Security Council due to the presence of the USSR and China (in 1971, Peoples republic of China got a permanent seat at the UN Security Council). It became more difficult than ever for the USA and its allies to use the UN forum for their bloc interests.

G-7 declared several communiqués on terrorism without a reference to the causes of terrorism or to the legitimate struggle for self-determination rights. General Assembly passed the Resolution against terrorism: "Measures to prevent international terrorism which endangers or takes innocent human lives or jeopardizes fundamental freedom, and study of underlying causes of those forms of terrorism and acts of violence which lie in misery, frustration, grievance and despair and which causes some people to sacrifice human lives, including their own, in an attempt to affect radical changes" [15].

In December 1991, the USSR disintegrated and it is from there onwards that the wording of the resolutions at the General Assembly has also changed. So, just before the disintegration of the USSR, the General Assembly passed a resolution having the title: *"Measures to eliminate international terrorism"*. Although this resolution still contained the clauses relating to self-determination which is against colonial as well as racist regimes, it reflected the new mood of the West [16].

While it is true that after the disintegration of the USSR, and particularly after 9/11, the international community has focused more on the issue of eliminating terrorism, it does not mean that international law rules regarding the legitimacy of the struggle for self-determination right has in any way changed. The arguments for this view are the following:

1. "New rules of customary international law do not come to be spontaneous. For a practice to convert into a custom it must fulfill certain conditions. First of all, this practice must be general and not confined to one particular state or group of States. Then, it must be uniformly practiced, this uniform and general practice

must be followed consistently for a long period. Last but not least, there is the requirement of *opinio juris* i.e. States must follow this practice as a legally binding course of conduct and not merely out of goodwill or for the sake of expediency" [17].

2. Then, "there is a particular class of the rules of customary international law, called the rules of *jus cogens*, which are deemed so fundamental that they cannot even be altered by treaty" [18]. So, any subsequent practice contrary to the rules of *jus cogens* will deem as a violation of international law and not as a new custom. "It also means that rules of *jus cogens* are self-perpetuating in nature. Hence, a custom cannot come into being if it is in violation of a rule of *jus cogens*. However, even if it were accepted as a theoretical possibility, it would require a very long period of universal violation of the rule till it attains more sanctity and strength than the earlier rule" [17]. Although there is no general agreement as to what are the rules, which can be said to have become rules of *jus cogens*, self-determination has no doubt achieved that exalted status. "Even if the status of *jus cogens* were denied for the right to self-determination there is no denying of the fact that international law, both in customary and treaty form, has considered it as a fundamental right for all human beings. Now, let us see whether there is any evidence in recent state practice showing that a new custom superseding the older rules has evolved" [19].

After the 9/11 incidents, the Organization of Islamic Conference, having 57 member States, in its extraordinary session of foreign ministers held in April 2002 declared in unequivocal terms that struggling for self-determination has been legitimate based on the international law rules, and that it should not be confused with terrorism. Section 8 of the Kuala Lumpur Declaration says: "We reiterate the principled position under international law and the Charter of the United Nations of the legitimacy of resistance to foreign aggression and the struggle of peoples under colonial or alien domination and foreign" "occupation for national liberation and self-determination. In this context, we underline the urgency for an internationally agreed definition of terrorism, which differentiates such legitimate struggles from acts of terrorism" [20].

In September 2002, while addressing the 56th session at the UN General Assembly, General Pervez Musharraf of Pakistan regretted that the resolutions of the UN on Kashmir had remained unimplemented. He further said: "The question is whether it is people asking for their rights in accordance with the UN resolutions are to be called terrorists or whether it is the countries refusing to implement UN resolutions who are perpetrating states terrorism" [21].

Simply, all that means that there is no evidence relating to a "new customary rule" that has changed the law relating to self-determination.

The use of force and the right to self-determination can be seen from three different, though interrelated, perspectives. First, may a government of a state use force against people striving for self-determination? Second, if force is used against these people, legally or otherwise, do they have the right to take up arms and use force for the vindication of their right to self-determination? Third, can other states provide military support to these people?

Article 2 point 4 of the Charter of the UN forbids the use of force not only against the territorial integrity or political independence of States, but also in any other manner inconsistent with the purposes of the UN Charter. "One of these purposes is to develop friendly relations among nations based on respect for the principle of equal rights and self-determination of peoples; this is an international responsibility for all States, including colonial Powers. Therefore, it is illegitimate to use armed force or repressive measures, with a view to supporting or maintaining colonial domination, against peoples striving to throw off the colonial yoke in the exercise of their right to self-determination" [22].

"The illegality of the use of force against such peoples derives from the fact that such action prevents the exercise of a legitimate right deriving from the principle of equal rights and

self-determination of peoples; from the fact that the General Assembly has repeatedly declared that the use of force to deprive dependent peoples of their inalienable rights constitutes a flagrant violation of the UN Charter and the Declaration on the granting of independence to colonial countries and peoples; and from the UN practice of opposing the idea that the struggle of colonial peoples for their liberation — the most important phenomenon of the modern age should be regarded as a violation of the prohibition of the use of force. For the provisions of the Charter solemnly recognize the right of oppressed colonial peoples to defend themselves against foreign oppression; the use of force by peoples under colonial domination is not a derogation from the principle of non-use of force stated in Article 2 point 4 of the Charter if it is provoked by coercive actions committed by colonial Powers in order to prevent colonial peoples from exercising their right to self-determination. The right of self-defense of peoples under colonial domination is the counterpart of the right of peoples to defend their national identity against acts of force or coercion which leave them no alternative. The principle of equal rights and self-determination of peoples is the logical and natural consequence of the principle of individual freedom and, from this point of view, the subjection of a people to colonial or foreign domination constitutes a negation of fundamental human rights. Consequently, colonization, neo-colonialism and racial discrimination, their main corollary, are now recognized as illegal by the UN and by international law. In many cases, racial discrimination is a legacy of colonialism, and other inhuman policies such as apartheid are condemned along with it. The illegality of colonialism, alien exploitation, racial discrimination and apartheid has become a generally accepted rule of contemporary international law, deriving from the Charter. This is borne out by the fact that several United Nations organs have been established to combat these harmful practices and to promote self-determination" [22].

After the breakup of the former Yugoslavia and the USSR several entities, which were previously federating units in large states, claimed statehood. The European Community (EC) issued its 'Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and the Soviet Union and also a 'Declaration on Yugoslavia'. In these, the EC indicated its approach to the recognition of new states arising out of the turmoil in Eastern Europe. Interestingly enough, the EC put forward requirements for recognition that went far beyond the conditions of statehood found in the Montevideo Convention on the Rights and Duties of States 1933. Article 3 of the Montevideo Convention states that "the political existence of the state is independent of recognition by the other states. Even before recognition the state has the right to defend its integrity and independence, to provide for its conservation and prosperity, and consequently to organize itself as it sees fit, to legislate upon its interests, administer its services, and to define the jurisdiction and competence of its courts. The exercise of these rights has no other limitation than the exercise of the rights of other states according to international law" [24]. Thus, recognition was to be dependent on respect for established frontiers, respect for human rights, guarantees of minority rights, acceptance of nuclear no-proliferation, and a commitment to settle disputes peacefully. This does not necessarily mean that the EC suggested additional conditions for statehood. But it does show the growing concern in the international community about the protection of minorities' rights. It proves the point that states are no more deemed free to use force against their own population.

Hence, the conclusion is that states cannot use force even against people having second-level right to self-determination. States are duty-bound to ensure the protection of the rights of minorities. The resolutions of the General Assembly also acknowledge the legitimacy of support by other states to people striving for self-determination. Thus, the Declaration of the Principles of International Law 1970 says: "In their action against, and resistance to, such forcible action pursuit of the exercise of their

right to self-determination, such people are entitled to seek and to receive support in accordance with the purposes and principles of the Charter” [23].

The UN Charter recognizes the right to self-determination, as do all the organs of the UN. But the Charter does not specifically mention any mode for vindicating this right nor does it mention any particular mode by which other states can help the people striving for this right. It does, however, mention the principle of non-interference in the internal affairs of other states.

Thus, on the one hand, is the legitimacy of the liberation struggle and support to it, and on the other is the principle of non-interference. The same is the case with the 1984 Resolution on Inadmissibility of the policy of State terrorism and any actions by States aimed at undermining the socio-political system in other sovereign States and the 1989 Resolution on Measures to prevent international terrorism which endangers or takes innocent human lives or jeopardizes fundamental freedoms and study of the underlying causes of those forms of terrorism and acts of violence which lie in misery, frustration, grievance and despair and which cause some people to sacrifice human lives, including their own, in an attempt to effect radical changes.

We noted above that liberation struggle in case of people having the right of ‘first level’ self-determination is not an ‘internal affair’. So, supporting these people would not amount to interference in the internal affairs of other states and, hence, it would neither violate the Declaration of the principles of International Law nor the UN Charter as such. It will, therefore, be in conformity with the consensus definition of aggression as well.

As noted above, there is the general acknowledgment regarding the legitimacy as well as the legality of moral and diplomatic support for the people having the ‘first level’ right of self-determination. But material and military support to these people is a contentious issue. While most of the developing countries have been persistently claiming legitimacy for military support to these people, it has been denied by the developed states. However, there is almost a consensus that forcefully depriving these people of their right to self-determination amounts to a ‘threat to the peace’. It, therefore, justifies, rather necessitates, action under Chapter VII of the UN Charter. Enforcement action can be taken against the state using force against these people. This was the basis of the UN action in East Timor.

So, a safe conclusion would be that military support to these people could be provided by the international community through the expression of its will in a resolution of the UN Security Council authorizing the use of force. If these people are deprived forcefully then military action under the authority of the UN can be taken against the state resorting to the use of force.

In the colonial situation, movements of resistance to colonialism are entitled to receive military support from states, which led to the ultimate win of the movements. Some states would deny the legality of diplomatic or even moral support to these people [26]. However, the growing concern in the international community about the protection of human rights, especially for minority groups, would make it legitimate to give them moral and diplomatic support.

The advanced countries were unwilling to acknowledge the legitimacy of such use of force. They took the request that legitimizing such use of force would not only amount to disruption in the international system by instigating tendencies in different parts of the world but would also lead to interfering in the internal affairs of other states. That is the reason why we see a strong emphasis on the principle of non-interference in the General Assembly resolutions on the subject. They also took the appeal that giving legitimacy to the use of force for liberation would amount to legitimizing some kind of terrorism on a subjective basis. In this regard, here comes the subject of terrorism and liberation struggle and of distinction between them. This matter legally becomes more problematic and complicated.

The emerging states, on the other hand, were of the opinion that a difference must be made between terrorism and liberation struggle. Their affirmation was more on the freedom and liberty of people than on the protection of the scheme.

Resolutions adopted by the UN General Assembly, particularly Resolution 3314 were a kind of consensus between these two different, rather conflicting, opinions. Thus, these resolutions emphasize the principle of non-interference: But at the same time they give legitimacy to the people’s struggle for the justification of their right to self-determination. They also openly legitimize care for such people. Possibly, the key resolution for analysis is the consensus definition of aggression [45]. Resolution 3314 of the UN General Assembly defines ‘aggression’ and thereby facilitates the task of the Security Council in determining, under Article thirty-nine of the Charter, whether or not an act of use of force has been committed by a state. It gives a long list of acts that constitute use of force. Once more, like other resolutions, it also emphasizes “the duty of states not to use armed force to deprive people of their right of self-determination, freedom, and independence”, while at the same time prohibiting the use of force “to disrupt territorial integrity”. It, but, gives an exception to the liberation struggle from the explanation of aggression, which is very significant: “Nothing in this Definition, and in particular article 3, could in any way prejudice the right to self-determination, freedom, and independence, as derived from the Charter, of peoples forcibly deprived of that right and referred to in the Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, particularly peoples under colonial and racist regimes or other forms of alien domination: nor the right of these peoples to struggle to that end and to seek and receive support, in accordance with the principles of the Charter and in conformity with the above-mentioned Declaration” [25].

According to the aforementioned declaration, the use of force for the right to self-determination will be legal if the following three conditions are fulfilled, namely:

1) That those who resort to the use of force for this purpose must be under colonial, racist, or any other form of alien domination. This basically means people have the primary level of the right to self-determination.

2) That resort to the use of force can be made only when they are forcibly deprived of their right to self-determination. The same is true of the right to seek and receive external military support in this regard.

3) That the use of force must be within the limitations of international law, particularly the UN Charter and the Declaration on Principles of International Law.

The right to self-determination of the people has found a legal position in international law in this century. “When the demands of autonomy were not met, the use of force to achieve it was considered one of the ways to achieve it. While many people support the use of peaceful means to achieve freedom, some like Michael Walzer see the use of force as the only way out. He actually limits any right to self-determination to those who wish to define themselves as a group through the violent and bloody struggles they wish to wage” [26]: “communities that do not combat are not entitled to self-determination, for, actually, they are not honest communities at all” [27].

Paragraph 4 of Article 2 of the UN Charter prohibits the threat or use of force by all members against the territorial integrity or political independence of any country or in any way opposing to the Charter of the United Nations. “Pomerance defines that article as an often-cited candidate for *jus cogens* status. The strength of this article in international law is one of the main reasons for the significant resistance in recognizing the right of national liberation movements to use force for the right to self-determination of their nations. On the other hand, there has always been supporting for the defense of the use of force by national liberation movements in one of the few situations where the use of force is legitimate. So far, many countries have both accepted the use of force by these

movements and in some situations actively supported the use of force politically, occasionally, financially and militarily. For instance; France supported the secession of Biafra from Nigeria during the secession years. Both the USSR and Cuba supported Eritrean independence movements until the Derg came to power in Ethiopia. Many Arab countries supported Eritrean independence with unpredictable degrees of support during the years of armed struggle. The US, Israel, and Iran supported the Iraqi Kurdistan independence movement in northern Iraq until almost 1975" [28]. Following "the Persian Gulf War, Iraqi Kurds revolted against the Iraqi regime. This uprising was suppressed by Iraqi government forces. Many Kurds went to Turkey and Iran. As a result, the Allied coalition forces, consisting of the US, UK and French forces stationed in Turkey, created and still maintain a buffer zone in Iraq" [29].

The right to self-determination was described as being largely the product of customary international law and was argued to have three operational contexts. People laboring under foreign occupation were generally found to be in a good legal position, primarily because of their pre-existing statehood. However, the position of colonized and culturally oppressed peoples was discovered to be bleaker, given their comparatively limited international legal personality.

The UN Charter makes it clear that human rights largely, and self-determination more exactly, are lawfully protected and that foreign states may not infringe on them. Every state has the responsibility to promote, through joint and separate actions, the recognition of the principle of equal rights, and the self-determination of people in accordance with the provisions of the Charter. States can also render assistance to the UN in carrying out the duties entrusted to it by the Charter regarding the application of the principle.

Legitimacy concerning the use of force to justify the self-determination right relates directly to the issue of threat to the peace. Governments may not consider atrocities against own citizens to be an "internal competence" matter. And the struggle of those with the right to self-determination is certainly not an internal matter of the state. Therefore, it is absolutely illegal to use force to deprive people of their right to self-determination. Moreover, there are restraints of international humanitarian law as well. The most important these are: inviolability of civilian and non-combatant population and property; the principle of proportionate use of force; protection of the wounded, sick, ameliorated, and captured combatants; and restrictions on the means and methods of warfare.

It is the violation of any of these norms that turns the liberation struggle into terrorism. The UN Charter has envisaged a detailed mechanism for the collective use of force. Hence, when a state forcibly deprives people of their right to self-determination it is the duty of the international community to use all necessary measures, including the use of force, to help the oppressed people in vindicating their rights in accordance with international law.

Reference bibliographic list

1. Anne Peters, the principle of uti possidetis juris: how relevant is it for issues of secession? // Self-determination and Secession in International Law (2014).
2. Thomas M. Franck, The Emerging Right to Democratic Governance. // 92 American Journal of International Law 46-91 (1998).
3. Alejandro Alvarez, Latin America and International Law. // 3 American Journal of International Law 269, 271 (1909).
4. Anthony Whelan, Wilsonian Self-Determination and the Versailles Settlement. //43 International and Comparative Law Quarterly 99 (1994).
5. U.N. Charter art. 1.

6. International Covenant on Civil and Political Rights art. 1, December 16, 1966, 999 UNTS 171.
7. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples, GA Res. 1514 (1960).
8. Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Co-operation among States in Accordance with the Charter of the United Nations, GA Res. 2625 (1970).
9. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo (Advisory Opinion) 2010 ICJ 404 (July 22).
10. Chapter IX – International Economic and Social Co-operation, Article 55 of the NU Charter.
11. General Assembly resolution, 1514 (XV), 1960.
12. Martin Ayong Ayim, Former British Southern Cameroons Journey Towards Complete Decolonization // AuthorHouse 206 (2010).
13. Antonio Cassese, Self-Determination of Peoples a Legal Reappraisal // 12 Hersch Lauterpacht Memorial Lectures (1995).
14. Alex-Obot-Odora, Defining international terrorism, E law – Murdoch University Electronic Journal of Law, no 1. March 1999. <[http:// Pandora.nla.gov.au/parchive/2001/z2001-Feb-26/www/Murdoch.edu.au/elaw/issues/v6n1/obote-odora61_notes.html](http://Pandora.nla.gov.au/parchive/2001/z2001-Feb-26/www/Murdoch.edu.au/elaw/issues/v6n1/obote-odora61_notes.html)>.
15. General Assembly resolution, 3034 (XXVII) (1972).
16. AkramZaki, Terrorism: Myth and Reality. - Institute of policy studies, Islamabad, 2002.
17. Martin Dixon, Textbook on International law // Online Resource Centre (2013).
18. Vienna Convention on the law of Treaties, 23 May 1969.
19. Alex Obot-Odora, Defining international Terrorism, E Law. // Murdoch University Electronic journal of law, vol.6, no 1, March 1999.
20. OIC Declaration of Foreign Ministers on Terrorism, 1-3 April 2002 in Kuala Lumpur Malaysia.
21. Husain Haqqani, Pakistan's Endgame in Kashmir, India Review, Volume 2, No. 3, July 2003.
22. Aureliu Cristescu, the Right to Self-Determination, Historical and Current Development on the basis of United Nations Instruments, New York, 1981.
23. United Nations General Assembly: Resolution 2625 (XXV) Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Co-Operation Among States in Accordance with the Charter of the United Nations.
24. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States 1933.
25. Definition of Aggression, United Nations General Assembly Resolution 3314 (XXIX).
26. Loqman Radpey, Self-Determination and Use of Force in Rojava // Journal of Human Rights and Social Work (2021).
27. Neil MacCormick, "Is Nationalism Philosophically Credible?" in Willaim Twinning (ed) Issues of Self-Determination, (Aberdeen: Aberdeen University Press, 1991).
28. Michael Walzer, Just and Unjust Wars, (New York, 1977) p.93 quoted by Juha Räikkä, "On National Self-Determination: Some Problems of Walzer's Definition" in Issues of Self-Determination.
29. Alexis Heraclides, The Self-Determination of Minorities in International Politics. – London: Frank Cass, 1991.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯМИ ОБ ИЗБЕЖАНИИ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В настоящей статье рассматриваются вопросы необоснованного применения налоговых соглашений (СИДН), возможных злоупотреблений и соответствующих средств правовой защиты, которые могут быть использованы для защиты баланса интересов налоговой системы и частных интересов налогоплательщиков. Кроме того, автор рассматривает и специальные правила против злоупотреблений в связи с применением СИДН к отдельным видам пассивных доходов в свете сложившихся тенденций судебной практики.

Ключевые слова: налог, налоговое право, международное налоговое право, двойное налогообложение, модельные конвенции, ОЭСР, ООН, соглашение об избежании двойного налогообложения.

VINNITSKIY Danil Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor, LLC, Head of Tax and financial law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute

ABUSE OF DOUBLE TAXATION TREATIES AND COUNTERMEASURES

This article discusses the issues of improper use of tax treaties (DTCs), possible abusive arrangements which can be used for that purposes and respective legal remedies which may be invoked in order to protect the balance between the interests of tax system and private interests of taxpayers. In addition, the author have mentioned and systemized selected typical forms of abusive action in connection with DTCs application in the light of main case-law trends and effective and proportional legal countermeasures/ legal remedies.

Keywords: tax, tax law, international tax law, double taxation, model conventions, OECD, UN, double taxation avoidance agreement.

Соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН) являются важным инструментом, облегчающим международную торговлю и трансграничные инвестиции. Однако в международной практике иногда встречаются и злоупотребления СИДН, когда последние пытаются применить вне контекста их целей и установленных нормативных правил международным правом. Оспаривать применение СИДН по мотиву злоупотребления следует с большой осторожностью, поскольку это создает элементы неопределенности в регулировании трансграничных отношений [3, с. 397]. Кроме того, концепция злоупотребления СИДН не может никак отождествляться с российской внутригосударственной практикой о «налоговых злоупотреблениях» / «налоговой недобросовестности», поскольку имеет конкретную нормативную основу и применяется весьма ограниченно.

Обратимся к указанной нормативной основе, которая позволяет разрешать возникающие споры правовым образом. Важным элементом правовой базы противодействия злоупотреблениями СИДН являются сами положения СИДН. Поскольку, как показывает статистический анализ, положения всех двусторонних налоговых договоров (СИДН), как правило, на 95 % воспроизводят текст соответствующих одноименных Модельных конвенций в области налогообложения (ОЭСР¹ или ООН²), то проблему злоупотребления

СИДН можно рассмотреть в контексте анализа Модельных конвенций ОЭСР / ООН и официальных комментариев к ним [2, с. 50].

Действительно, на протяжении всего периода существования Модельной конвенции ОЭСР с 1963 г. не прекращались обсуждения проблемы злоупотребления (или ненадлежащего использования СИДН / «improper use of the tax treaty») и предлагались различные варианты решения. Впрочем, в первой редакции Комментариев к Модельной конвенции 1963 г. вопросы злоупотребления непосредственно не упоминались. Однако уже в редакции Комментария 1977 г. к статье 1 указывается: «It may be appropriate for Contracting States to agree in bilateral negotiations that any relief from tax should not apply in certain cases, or to agree that the applications of the provisions of domestic laws against tax avoidance should not be affected by the Convention». Таким образом, согласно мнению разработчиков Комментария 1977 г., договаривающиеся государства могли предусмотреть в двустороннем налоговом договоре возможность применения антиуклонительных положений национального права в сфере, регулируемой данным договором [6, с. 463].

При разработке уточненной версии Модельной конвенции ОЭСР в 1993 г. и Комментариев к ней государства-члены ОЭСР не смогли прийти к единому мнению о том, насколько могут применяться национальные антиуклонительные нормы для обоснования отказа в получении выгод по налоговому договору, особенно если сам договор содержит специаль-

развитыми и развивающимися странами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2014/09/UN_Model_2011_UpdateRu.pdf (дата обращения: 21.01.2023).

1 Модельная конвенция по налогам на доход и капитал Организации экономического сотрудничества и развития (ред. от 21 ноября 2017 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.keepeek.com/DigitalAsset-Management/oecd/taxation/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2015-fullversion_9789264239081-en# (дата обращения: 23.01.2023).

2 Типовая конвенция Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между

ные антиуклонительные правила. Также в рамках дискуссии обсуждался вопрос, насколько такой базовый принцип, как «substance-over-form» («существо превалирует над формой»), имманентно заложен в смысл любых применяемых положений международного налогового договора [1, с. 62].

Лишь при принятии новой редакции Комментариев к Модельной конвенции ОЭСР в 2003 г. удалось достичь общего мнения о том, что к числу целей налоговых конвенций относится в том числе предотвращение обхода налога и уклонения от налогообложения (см. § 7 Комментария к ст. 1) [4, с. 465]. Следует учитывать, что данное правило касается как случаев злоупотребления самой конвенцией («Improper use of the Convention»), так и злоупотребления с использованием положений внутригосударственного налогового права, касающихся вопросов трансграничного налогообложения. В обоих случаях Комментарий к Модельной конвенции ОЭСР, начиная с 2003 г., позволяет не предоставлять выгоды по налоговому договору при обнаружении явных признаков злоупотребления («abusive arrangements»).

Как известно, период глобализации мировой экономики характеризовался особенным усилением конкуренции налоговых систем за приток капитала и привлечение субъектов экономической деятельности [7, с. 548], [8, с. 328], [9, с. 824]. Более того, по мнению многих экспертов, соответствующие десятилетия (1980 - 2010) продемонстрировали также впечатляющий рост офшорной индустрии (по некоторым данным более 50 % мировых финансовых операций совершались в офшорных/низконалоговых юрисдикциях). После прошедшей череды мировых экономических и финансовых кризисов данные факты стимулировали государства задуматься над разработкой универсальных/глобальных механизмов противодействия уклонению от налогообложения и обходу налогов, в том числе с использованием формата работы G8, G20, глобального форума по фискальной транспарентности, ОЭСР, БРИКС и т.д.

Офшорные финансовые центры («off shore financial centres») могут выполнять различные функции в системе организации бизнес-процессов. В частности, они могут использоваться в качестве вспомогательного звена с целью вхождения на рынок определенного государства либо в качестве места аккумуляции и сохранения капитала в условиях низкого уровня налогообложения. Выбор конкретного офшорного центра диктуется целой совокупностью коммерческих соображений. Однако в целом важным является отсутствие налогообложения корпоративного дохода (прибыли) и капитала, отсутствие удерживаемых налогов при вывозе капитала (и осуществлении платежей) [5, с. 184]. Кроме того, имеет значение наличие благоприятного налогового договора для уменьшения удерживаемых налогов при перечислении средств из государства основного местопребывания. В качестве показательного примера можно упомянуть старый договор между Республикой Кипр и Российской Федерацией (СССР)³, который предусматривал налогообложение дивидендов по ставке 0 % при выплате последних компанией – резидентом РФ в пользу акционера (участника) – резидента

Республики Кипр. Учитываются также неналоговые соображения, в частности, обеспечение режима банковской тайны, удобные условия учреждения компании и другие факторы⁴.

В свете усиливающейся налоговой конкуренции между государствами и практики использования офшорных юрисдикций определенное место в международном налоговом праве приобрела разработка мер против уклонения от налогообложения. Отметим, в национальном налоговом законодательстве согласно международной практике используются самые различные меры против уклонения от налогообложения, в частности: 1) правила о трансфертном ценообразовании («transfer pricing rules»); 2) система правил, препятствующих применению офшорных юрисдикций («anti-haven measures»); 3) включая правила о зарубежных контролируемых корпорациях/контролируемых иностранных компаниях («controlled foreign corporation – CFC»); 4) правила тонкой/недостаточной капитализации («thin capitalization rules»), и т.п.

Но, кроме того, разработаны и специальные юридические конструкции, включаемые непосредственно в налоговые договоры, например, правила об ограничениях на получение выгод по налоговому договору («anti-treaty shopping provisions/LOB»), правила о бенефициарном владельце («beneficial owner»), правила вытянутой руки («arm's length»), применяемые, в частности, между ассоциированными предприятиями, и т.д. Более того, сама по себе первая статья любого СИДН, предусматривающая распространение налогового договора именно на резидентов договаривающихся государств, выступает в качестве первого и самого важного барьера, препятствующего ненадлежащему применению СИДН («unproper use of the tax treaty»), т. е. злоупотреблениями СИДН. Объем официальных комментариев по этому вопросу, которые сопровождают статью 1 Модельной конвенции ОЭСР / ООН, в полной мере подтверждает указанное предположение о практической значимости соответствующей вводной статьи любого СИДН.

На новый уровень регулирования вопросов злоупотребления СИДН поднялось в ходе разработки и принятия международного пакета документов, связанных с борьбой с так называемой «глобальной офшорной экономикой». В частности, ключевым результатом этого явилось заключение значительным числом стран, представляющим крупнейшие экономики, Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Заклучена в г. Париже 24.11.2016)⁵. В преамбуле к данному документу особо отмечаются факторы, определяющие направления борьбы с злоупотреблениями СИДН. Назовем некоторые из них:

(1) правительства несут значительные потери бюджета в части налога на прибыль организаций из-за агрессивного международного налогового планирования, в результате которого прибыль искусственно выводится на территории, где

3 Соглашение между Правительством Российской Федерацией и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал от 05 декабря 1998 г. (ред. от 08 сентября 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4 Кроме офшорных режимов в чистом виде можно выделить также налоговые режимы в отдельных странах, благоприятствующие инвестициям в определенный сектор экономики. Многие развивающиеся страны стремятся именно таким образом привлечь иностранные инвестиции в ту или иную индустрию.

5 Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Заклучена в г. Париже 24.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

она не облагается налогом или облагается по пониженной ставке;

(2) размывание налоговой базы и вывод прибыли из-под налогообложения (далее - BEPS) является актуальной проблемой не только для промышленно развитых стран, но и для формирующихся экономик и развивающихся стран;

(3) важно обеспечить налогообложение прибыли по месту ведения основной экономической деятельности, в результате которой формируется прибыль и создается стоимость.

В целом, Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения в части III особенно выделила следующие типовые формы злоупотреблений СИДН:

(1) Операции по переводу дивидендов (статья 8 Многосторонней конвенции)

(2) Доходы от отчуждения акций или долей участия, стоимость которых представлена преимущественно недвижимым имуществом (статья 9 Многосторонней конвенции)

(3) Правило против уклонения от уплаты налогов постоянными представительствами, расположенными в-третьих юрисдикциях (статья 10 Многосторонней конвенции)

(4) Применение налоговых соглашений в целях ограничения прав Стороны в отношении налогообложения своих резидентов (статья 11 Многосторонней конвенции).

В заключение отметим, что важнейший фактор, который предопределил развитие борьбы с злоупотреблениями СИДН и, в частности, само появление Многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения – это практики агрессивного налогового планирования, допускавшие крупнейшими транснациональными корпорациями, что заметно влияло на мировую экономику и налоговые доходы крупнейших государств СИДН. В этом контексте, обсуждая тему злоупотреблениями СИДН, никогда нельзя выпускать из фокуса проблему защиты прав и законных интересов рядовых налогоплательщиков, в т. ч. при применении СИДН. Особенно это значимо в отношении компаний малого и среднего бизнеса, физических лиц, поскольку эти категории лиц нередко ограничены в возможностях эффективной защиты своих прав, в частности, могут не иметь доступа к высококвалифицированной юридической помощи, в то время как некоторые разделы «анти-офшорных правил» и особенно положения Многосторонней конвенции крайне сложны по своему содержанию и практике применения. Любые концепции злоупотребления СИДН не должны использоваться как инструменты, мешающие обычной хозяйственной деятельности или становиться самостоятельным препятствием для реализации свободы движения капитала, поставок товаров, оказания услуг, перемещению лиц или для реализации иных фундаментальных экономических свобод.

Пристатейный библиографический список

1. Lang M. Introduction to the Law of Double Taxation Conventions. Wien - Amsterdam: IBFD - Linde, 2010. P. 62.
2. Vinnitskiy D. V., Kurochkin D. A. Tax Compliance in a Globalized World: Russian Perspective // Russian Law: theory and practice, 2017. № 1. P. 50-66. ISSN: 1811-9077.
3. Винницкий Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб., 2003.
4. Российский ежегодник международного налогового права / Под ред. проф. Д. В. Винницкого (с общей информацией на англ., фр., нем., исп. и итал.), СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. № 1 (ISBN 978-5-91661-011-6) 465 с.
5. Винницкий Д. В. Применение международных соглашений об избежании двойного налогообложения при удержании налога с агентского вознаграждения (на примере соглашения между РФ и ФРГ от 29.05.1996) // Российский юридический журнал. 2017. № 6 (117). С. 184-191.
6. Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. М.: СТАТУТ, 2017. 463 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/107807>.
7. Лифшиц И. М. Международное финансовое право и право Европейского союза: взаимодействие и взаимовлияние: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 548 с.
8. Толстопятенко Г. П. Европейское налоговое право. Сравнительно-правовое исследование. М.: НОРМА, 2001. 328 с.
9. Шахматев А. А. Международное налоговое право. М.: Международные отношения, 2014. 824 с.

ГАГЛОЕВ Олег Феликсович

министр юстиции Республики Южная Осетия, соискатель научной степени кандидата юридических наук в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО В НЕПРИЗНАННЫХ И ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье рассматривается вопрос сосуществования феномена двойного гражданства и категорией непризнанных и частично признанных государств. Как правило, граждане непризнанных и частично признанных государств обладают еще одним гражданством. Автор подробно останавливается на вопросе – считать ли таких граждан бипатридами? И считать ли гражданство непризнанных и частично признанных государств в качестве полноценного, классического гражданства?

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что, индивиды, имеющие одновременно гражданство государства-члена ООН и гражданство непризнанного или частично признанного государства, должны рассматривать с точки зрения индивида и, несмотря на статус государства гражданства, признаваться лицами с двойным гражданством, поскольку такое лицо имеет устойчивые идентичные правовые связи с обоими государствами образованиями, реально пользуются предоставляемыми ими юридическими правами и выполняют установленные ими обязанности.

Ключевые слова: двойное гражданство, лица с двойным гражданством, непризнанное государство, частично признанное государство.

GAGLOEV Oleg Felixovich

Minister of Justice of the Republic of South Ossetia, competitor for the scientific degree of Ph.D. in Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

DUAL CITIZENSHIP IN UNRECOGNIZED AND LIMITED RECOGNIZED STATES

The article examines the coexistence of the phenomenon of dual citizenship and institute of unrecognized and limited recognized states. As a rule, citizens of unrecognized and limited recognized states have another citizenship. The author elaborates on the question - should such citizens be considered bipatrids? And whether to consider the citizenship of unrecognized and partially recognized states as a full-fledged, classic citizenship?

As a result of the analysis, the author concludes that individuals who simultaneously have the nationality of a UN Member State and the nationality of an unrecognized or limited recognized state should be considered from the perspective of an individual and, despite the status of the state of nationality, be recognized as having dual nationality, since such an individual has stable identical legal ties with both state entities, effectively enjoys the legal rights provided by them and fulfills the obligations established by them.

Keywords: citizenship, nationality, dual citizenship, dual nationality, dual nationals, limited recognized state, unrecognized state.

Гаглоев О. Ф.

События, в первую очередь, последнего десятилетия XX века стали причиной появления ряда вновь образованных государств, в отношении которых в научной литературе чаще всего используются термины «непризнанное государство» и «частично признанное государство» [4], [9], [10]. В зарубежной научной литературе к данной категории государств применяются такие термины, как «спорные государства», «непризнанные государства», «квазигосударства» или «государства де-факто» [6, с. 298]. На наш взгляд, наиболее удачными являются дефиниции «непризнанного» и «частично признанного», в качестве которых определяются государства, государственный суверенитет которых соответственно не признан государствами-членами Организации Объединенных наций либо признан только небольшим количеством государств-членов Организации Объединенных наций, в силу чего их участие в международных отношениях в основном ограничено правовым полем признающих их государств. К числу частично признанных в настоящее время относят следующие государства: Республика Китай (Тайвань), Сахарская Арабская Демократическая Республика, Турецкая Республика Северного Кипра, Государство Палестина, Республика

Южная Осетия, Республика Абхазия, Республика Косово, ряд других; а еще недавно относили Донецкую и Луганскую народные республики.

Как и другие государства, непризнанные и частично признанные государства также обладают своим гражданством. Однако в силу своего непризнания подавляющим большинством стран, их гражданство, как правовой институт, а также официальные документы, выданные этими ими и подтверждающие правовой статус их граждан, на территориях большинства стран мира не порождают правовых последствий.

В целях ведения активной хозяйственной деятельности и приобретения возможности свободно перемещаться за пределами своих государств, граждане непризнанных и частично признанных государств стремятся получить гражданство (подданство) другого государства (других государств), поэтому процент лиц с двойным гражданством среди граждан непризнанных и частично признанных государств значительно выше, чем в других государствах.

Так, подавляющее большинство граждан непризнанных Приднестровской Молдавской Республики и Нагорно-Карабахской Республики являются одновременно гражданами,

соответственно, Республики Молдова и Республики Армения. Кроме того, среди граждан указанных непризнанных государств велика численность граждан, обладающих также российским гражданством. Среди граждан частично признанных Республики Южная Осетия, Республики Абхазия и Республики Косово также есть лица, обладающие гражданством государств, не признающих указанные молодое государства.

Более того, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 183 от 24 апреля 2019 года «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»¹, граждане на тот момент непризнанных Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики вправе были обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке.

Таким образом, на практике имеется значительное количество случаев, когда лицо обладает гражданством непризнанного либо частично признанного государства, а также гражданством государства – члена Организации Объединенных Наций. В связи с этим возникают вопросы и правовые коллизии. Так, например:

– рассматривать ли в качестве лица с двойным гражданством гражданина Российской Федерации, имеющего также гражданство Республики Косово, учитывая, что Российская Федерация не признает государственного суверенитета Республики Косово?

– признавать ли в качестве бипатрида гражданина Соединенных Штатов Америки, имеющего также гражданство Республики Южная Осетия, учитывая, что Соединенные Штаты Америки не признают государственного суверенитета Республики Южная Осетия?

– являлись ли граждане Российской Федерации, имевшие на руках паспорта граждан Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, лицами с двойным гражданством до признания государственного суверенитета данных республик Российской Федерацией и распространялись ли на них ограничения и запреты, установленные внутренним законодательством Российской Федерации?

В части участия лиц с двойным гражданством в управлении государством, ограничения и запреты, установленные национальным законодательством государств, остаются не применимыми в отношении рассматриваемой категории граждан в силу непризнания государством, установившим ограничения и запреты, другого государства. Так, например, ограничения и запреты, установленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством Российской Федерации, с точки зрения российского государства могут не распространяться на граждан Российской Федерации, состоящих также в гражданстве Республики Косово или Приднестровской Молдавской Республики.

В то же время вышеупомянутый Указ Президента Российской Федерации № 183 от 24 апреля 2019 года «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» признал наличие

у непризнанных в тот момент Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики своего гражданства, что, на наш взгляд, можно трактовать как признание со стороны Российской Федерации института гражданства у непризнанных и частично признанных государств.

Надо отметить, что практика Российской Федерации и ранее часто относилась к непризнанным государствам и выданным ими документов с точки зрения *real politics*, указывая, что «международное право определяет в качестве критерия законности и действительности того или иного акта непризнанного образования соответствие такого акта правам и интересам его жителей»².

Определенные сложности рассматриваемая категория лиц испытывает и в решении вопроса о возложении на них обязанностей по несению военной службы. Вследствие того, что непризнанным и частично признанным государствам практически невозможно присоединиться к Конвенции о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, а также к Европейской конвенции о гражданстве, и, кроме того, проблематичным является заключение ими двусторонних международных договоров об урегулировании вопросов воинской службы бипатридов, лицам с двойным гражданством непризнанного или частично признанного государства приходится исполнять обязанности по военной службе в обоих государствах.

Как известно, институт двойного гражданства образует особый правовой статус лица, имеющего устойчивую политическую, социальную и юридическую связь с двумя и более государствами и обладающего правами, свободами и обязанностями в полном объеме во всех этих государствах. Мы с уверенностью можем сказать, что устойчивая политическая, социальная и юридическая связь во всех приведенных примерах имеется – несмотря на свой международно-правовой статус данные государственные образования представляют своим гражданам разный по своему объему и содержанию набор прав и корреспондирующим их обязанностям.

Однако остается дискуссионным также вопрос и о том, имеет ли такой индивид связи именно с государствами – то есть, являются ли непризнанные и частично признанные государства государствами как таковыми *de jure* с точки зрения международного права?

Учитывая содержание Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 года³ и закрепленные им признаки государства, полагаем, что всеми формальными признаками государства выше обозначенные непризнанные и частично признанные образования обладают. Однако, поскольку вопросы признания государств выходят за пределы предмета данной статьи, то остановимся только на статусе указанных граждан. Тем более, что в отечественной научной литературе, на наш взгляд, справедливо отмечается «политическая заинтересованность крупных государственных образований и международных организаций в возникновении одних новых государств или напротив игнорировании или препятствовании в отношении других образований, пре-

1 Указ Президента Российской Федерации № 183 от 24 апреля 2019 года «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке».

2 Письмо Министерства иностранных дел Российской Федерации в Федеральную нотариальную палату Российской Федерации от 02.07.2007 № 8349/дп. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.notariat.ru/press_2491_23.aspx.htm.

3 Конвенция о правах и обязанностях государств. Монтевидео. 26 декабря 1933 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf>.

тендующих на самоопределение» [4, с. 189], и «эта заинтересованность входит, порой, в противоречие с установленными международно-правовыми положениями» [4, с. 189].

Европейский суд по правам человека отметил, что «международное право признает законность некоторых юридических договоренностей и действий, например регистрации рождения, смерти и брака, «последствия которых могут игнорироваться лишь в ущерб жителям той или иной территории»⁴, отсылая при этом к аналогичным выводам в Консультативном заключении Международного Суда ООН от 21 июня 1971 года «Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности»⁵. То есть Европейский суд по правам человека настаивает на сохранении прав и свобод человека, а именно признания правосубъектности несмотря на непризнанный статус государства, что соответствует содержанию статьи 6 Всеобщей декларации прав человека 1948 года⁶. Более того, в решении акцент делается на запрете умаления прав и свобод человека, а гражданство, исходя из статьи 15 Всеобщей декларации прав человека, есть ничто иное как право человека.

В отечественной научной литературе отмечается наличие в зарубежных странах ряда внутригосударственных судебных прецедентов, согласно которым «судебный орган при принятии решения исходил из положения, согласно которому, если государство не признано, то, таким образом и не существует, и согласно этой логике принял соответствующее решение при разрешении иска между сторонами по хозяйственным вопросам» [1, с. 92].

В качестве примера можно привести решения, непосредственно связанные со статусом Тайваня: дело *Romania v. Cheng*⁷ и дело *Parent v. Singapore Airlines Ltd*⁸. В последнем случае суд констатировал, что Тайвань удовлетворяет критериям государственности в соответствии с Конвенцией Монтевидео, и отметил, что правительство Канады на практике признает «эффективную политическую независимость Тайваня».

Данные прецеденты, однако, не препятствуют и случаям обратного характера, «когда в отношении непризнанного государства признаются его атрибуты, в том числе паспорта, а также правосубъектность зарегистрированных в этом образовании юридических лиц» [1, с. 92].

Полагаем, что данные судебные прецеденты носят частный характер и, как правило, вытекают только из положений внутригосударственного права соответствующих государств без учета основополагающих норм международного права и

прогрессивного развития международного права прав человека.

На наш взгляд, противоречащим основам международного права прав человека является позиция Л. А. Бердегуловой, которая заключает, что «отсутствие международного признания легитимности самопровозглашенного государства, что в большинстве случаев трактуется как нелегитимность этого образования, приводит к логичному выводу о невозможности присвоения лицам, обладающим этнической и территориальной ему принадлежностью, юридического гражданства» [2, с. 13], а «правовой статус физического лица, объявленного гражданином квази-государства, носит производный характер от статуса самого квазигосударства и его места в международных сношениях» [2, с. 16].

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе⁹ от 1 августа 1975 года, Парижская хартия для новой Европы¹⁰ от 21 ноября 1990 года и ряд международно-правовых документов по человеческому измерению¹¹ однозначно установили, что защита прав человека является «вопросом первостепенного значения для международного сообщества»¹² и частью одного из императивных принципов современного международного права (*jus cogens generalis*).

Нерациональным и следующим принципу экстерриториальности является и законодательство отдельных государств по данному вопросу. Так Государство Израиль приняло в 1952 году закон о гражданстве, на основании которого израильские суды признали палестинское гражданство «лишенным содержания» [3]. В то же время Мутаз Кафишех отмечает «полноценность» палестинского гражданства¹³, несмотря на то, что «Палестина не была независимым государством» [8].

В европейской юридической науке высказывается мнение, что «результатом неполного или ограниченного суверенитета является неполное и ограниченное регулирование гражданства, а не полное его отсутствие» [7]. А Гезим Красники также отмечает, что «негативное влияние отсутствия суверенитета и оспариваемой государственности на качество гражданства и индивидуальных прав и защиты неизбежно» [6, р. 311]. По нашему убеждению, отсутствует и какая-либо связь между статусом гражданина и статусом государства, поскольку их взаимоотношения регулируются, прежде все-

4 Пункт 45 Решения Европейского суда по правам человека от 23 марта 1995 года № 15318/89 по делу «Лоизиду (Loizidou) против Турции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurpcourt.ru/uploads/ECHR_Loizidou_v_Turkey_18_12_1996.pdf.

5 Консультативное заключение Международного Суда ООН от 21 июня 1971 года «Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии (Юго-западная Африка) вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legal.un.org/icsjsummaries/documents/russian/st_leg_serfi.pdf.

6 Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

7 Судебная практика Канады: *Romania v. Cheng*, N.S.R.2d 13, 45, 1997.

8 Судебная практика Канады: *Parent v. Singapore Airlines Ltd.*, R.J.Q. 2003

9 Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. С. 544-589.

10 Парижская хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 года // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 42-54.

11 Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. М.: Издательство политической литературы, 1989; Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Подписан в г. Копенгагене 29.06.1990); Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Подписан в г. Москве 03.10.1991) // Советский журнал международного права. 1991. № 3-4. С. 115-133.

12 Венская декларация и программа действий, принята в г. Вене 25 июня 1993 года на 2-ой Всемирной конференции по правам человека // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 521-540.

13 Речь идет о палестинском гражданстве, имевшем место в рамках Британского мандата на управление Палестиной и существовавшем с 1925 года по 1948 год.

го, национальным законодательством, находящимся вне непосредственного влияния внешнеполитических аспектов.

Фактор отсутствия у государства широкого международного признания, в первую очередь, проявляется в возможности частично признанного государства осуществить дипломатическую защиту своего гражданина. При предоставлении мер дипломатической или консульской защиты рассматриваемой категории лиц, с одной стороны, исключены коллизии при определении эффективного гражданства лица с двойным гражданством в силу того, что государство-ответчик не признает само существование государства второго гражданства потерпевшего лица. С другой стороны, в силу тех же причин, возникают сложности в оказании дипломатической и консульской защиты лицу с двойным гражданством непризнанным или частично признанным государством. Однако дипломатическую защиту согласно походу, изложенному в Консультативном заключении Международного Суда ООН по делу об убытках на службе ООН от 19 апреля 1949 года, помимо государства могут осуществлять и иные субъекты международного права. И в то же время, дипломатическую защиту рассматриваемой категории бипатридов может осуществлять и государство их второго гражданства.

Тот же Гезим Красники подчеркивает «исключительную актуальность множественного гражданства, а также творческую и гибкую политику» [6, с. 312] отдельных непризнанных и частично признанных государств, что в конечном итоге наделяет их граждан «весомым статусом, правами и защитой» [6, с. 312]. Сложно не согласиться, что двойное гражданство для граждан непризнанных и частично признанных государств является способом решения проблем и неудобств, которые объективно существуют в связи с особым правовым статусом государства их гражданства.

А. А. Яковлев, на наш взгляд, справедливо отмечает, что «в международном праве не имеет значения факт признания за тем или иным лицом множественного гражданства со стороны государств его гражданства. С точки зрения международного права имеет значение фактическое состояние индивида в гражданстве двух или более государств. При этом все гражданства лица являются действительными» [5]. Рассматривая статус физического лица, необходимо прежде всего отталкиваться от характера его связей с государственным образованием, наличием или отсутствием таких связей. Государство, гражданином которого является индивид, может быть непризнанным, однако этот факт несколько не отменяет обязанностей лица по уплате налогов, несению военной службы и т.д. Полагаем, что вопрос признанности государства международным сообществом является больше политологическим фактором, не влияющим на юридическое содержание гражданства.

Подводя итог рассмотрению проблематики двойного гражданства при наличии у физического лица гражданства непризнанного или частично признанного государства, полагаем, что с точки зрения формально-юридического подхода рассматриваемая категория лиц в международном праве должна признаваться лицами с двойным гражданством, невзирая на статус государств, гражданством которых такое лицо обладает, так как эти лица имеют устойчивые связи с обоими государственными образованиями, реально пользуются предоставляемыми ими юридическими правами и выполняют установленные ими обязанности.

Пристатейный библиографический список

1. Барциц А. Л. Юридическая природа суверенитета непризнанных и частично признанных государств на примере Республики Абхазия // Государственная служба. 2015. № 2(94). С. 92-95.
2. Бердегулова Л. А. Совершенствование правовой модели статуса гражданина квази-государственного образования // Вопросы российского и международного права. 2017. № 1А. С. 12-20.
3. Толстых В. Л., Ааси Дж. Палестинское гражданство: прошлое, настоящее, будущее // Московский журнал международного права. 2019. № 4. С. 31-45.
4. Цховребов К. И. Проблемы статуса непризнанных и частично признанных государств в современном мире // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2013. № 4. С. 186-189.
5. Яковлев А. А. Правовое регулирование вопросов гражданства: соотношение международного права и права Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. Тюмень, 2003. С. 196.
6. Gezim Krasniqi. Contested States as Liminal Spaces of Citizenship: Comparing Kosovo and the Turkish Republic of Northern Cyprus // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18. Issue 3.
7. Khalil, Asem. (2007). Palestinian nationality and citizenship current challenges and future perspectives. CARIM research reports 2007/07. San Domenico di Fiesole: European University Institute (EUI) and the Robert Schuman Centre for Advanced Studies (RSCAS). P. 39.
8. Qafisheh, Mutaz. 2007. The International Law Foundations of Palestinian Nationality. A Legal Examination of Palestinian Nationality under the British Rule. Genève. 339 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/20642418.pdf> (accessed date: 01.08.2019).
9. Соколов С. Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск. 8 февраля 2013 года. С. 43-45.
10. Демичева Т.А. Международно-правовое признание государств: непризнанные и частично признанные государства // Киберюрист. 2020. № 4. С. 14-20.

ЛАТЫПОВА Айсылу Флоридовна

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать последствия использования искусственного интеллекта через призму международного космического права, включая то, в какой степени действующие положения международного права в целом отвечают вызовам, связанным с использованием новейших технологий на основе искусственного интеллекта. Несмотря на все преимущества, которые несет в себе использование искусственного интеллекта в процессе освоения космического пространства, данный феномен бросает серьезный вызов ключевым установкам международного космического права. Особенно остро в данном контексте стоят вопросы, касающиеся ответственности государств за ущерб, причиненный космическими объектами с искусственным интеллектом, а также обеспечение конфиденциальности и защита данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, международное космическое право, ответственность, автономия, правосубъектность.

LATYPOVA Aysylu Floridovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY AND CERTAIN ASPECTS OF INTERNATIONAL SPACE LAW

This article attempts to analyze the implications of artificial intelligence through the lens of international space law, including the extent to which current provisions of international law generally meet the challenges posed by the use of advanced technologies based on artificial intelligence. Despite all the benefits the use of artificial intelligence brings to the field of space exploration, this phenomenon still poses a serious challenge to the key tenets of international space law. Particularly acute in this context are issues concerning state liability for damages caused by space objects equipped with artificial intelligence, as well as ensuring confidentiality and data protection.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, international space law, liability, responsibility, autonomy, legal personality.

Современные технологии, оснащенные алгоритмами искусственного интеллекта (ИИ), обладают большим потенциалом для использования в космической деятельности ввиду специфики космического пространства. Любая деятельность в космосе сопряжена с высоким риском причинения ущерба, будь то запуск космических объектов, размещение космических модулей, добыча ресурсов на Луне и других небесных телах. В связи с этим, использование автономных систем, основанных на технологиях ИИ и машинного обучения (machine learning), рассматривается в качестве потенциального решения множества задач, возникающих в процессе освоения космического пространства. Речь идет о таких сферах, как сбор и анализ данных, управление космическим движением, удаление космического мусора, эксплуатация ресурсов, управление спутниками, полеты к планетам, сбор образцов на небесных телах и т.д.

Несмотря на научно-технический прогресс, следует констатировать ощутимые пробелы как в международном праве в целом, так и в международном космическом праве, в частности, в отношении соответствующего регулирования этой сферы деятельности, сопряженной с серьезными рисками. Результаты развития в научно-технической сфере должны использоваться так, чтобы минимизировать все потенциальные негативные последствия, а значит, соответствующее правовое регулирование должно в некоторой степени предвосхищать эти события. Это соображение чрезвычайно актуально в отношении технологий ИИ. Здесь целесообразно выделить ключевые аспекты применительно ко всему циклу использования технологий ИИ при осуществлении космической деятельности, которые нуждаются в правовом осмыслении: правовое содержание понятия «искусственный интеллект»; установление областей, в которых наиболее эффективно могут использоваться технологии ИИ, и рисков, которые в этой связи возникают; установление потенциальных правовых по-

следствий использования технологий ИИ в космической деятельности и анализ подходов к решению проблем в части правового регулирования.

В доктрине существуют различные подходы к определению того, что собой представляет «искусственный интеллект». Несмотря на разногласия по отдельным аспектам, большинство исследователей соглашаются с тем, что ИИ – это компьютерные системы, которые в чем-то похожи на человеческий разум [8] – когнитивная технология, которая имитирует человеческий разум.

Несмотря на то, что общепризнанного и закрепленного на международном уровне определения понятия «искусственный интеллект» не существует, и ученые определяют его содержание, исходя из целей конкретного исследования, все они, в целом, приходят к консенсусу по поводу его базовых характеристик. Так, в рамках специализированного учреждения Организации Объединённых Наций (ООН) по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) ИИ определяется как «машина, способная имитировать определенные функции человеческого интеллекта, включая такие его свойства, как восприятие, обучаемость и логическое мышление, а также способности к решению задач, языковому взаимодействию и даже художественному творчеству». Другие вариации даны отдельными правоведом, в частности, проф. О. А. Ястребов определяет его как «результат человеческой деятельности, представляющий собой сложную совокупность коммуникационных и технологических взаимосвязей, обладающую способностью логически мыслить, управлять своими действиями и корректировать свои решения в случае изменения внешних условий» [3, с. 41].

Наряду с термином «искусственный интеллект» в исследованиях встречается также термин «машинное обучение» (machine learning). Машинное обучение, как разновидность ИИ, относится к целой системе компьютерных программ,

обладающих схожими характеристиками. Определяются такие технологии тем, что, анализируя большое количество данных и выделяя в них необходимые закономерности, они применяют полученные результаты для выполнения различных заданий и поиска эффективных автоматизированных решений [16, с. 1311].

Рассматривая вопросы терминологии («искусственный интеллект», «машинное обучение»), необходимо исходить из того, что термины «интеллект» и «обучение» используются не в прямом значении, а, скорее, в метафорическом. Современные системы ИИ не являются «интеллектуальными» или «мыслящими», а машина не «обучается» в прямом смысле. Подобные технологии способны приводить к разумным результатам без использования интеллекта, как мы его определяем применительно к людям.

По мере того, как системы ИИ становятся все более сложными, вопрос относительно возможной правосубъектности, в том числе, в контексте международного права, приобретает все большую актуальность. Первая и основная правовая проблема, возникающая в связи с использованием таких систем, заключается в установлении юридической ответственности за наступление вредных последствий в результате использования ИИ. Вторая проблема касается получения преимуществ, извлекаемых в результате использования ИИ, в частности защита прав интеллектуальной собственности [9, с. 212].

Считается, что отправной точкой для установления того, когда машина достигает уровня необходимой автономии (сопоставимого с человеческим), является успешное прохождение теста Тьюринга. Также, в практике международных органов встречается предложение о придании особого правового статуса роботам, чтобы по крайней мере, самые сложные автономные роботы могли быть признаны имеющими статус электронных лиц, ответственных за возмещение любого ущерба».

До недавнего времени вопрос об ответственности самой машины за ее действия даже не возникал, поскольку она не считалась субъектом как таковым, а только объектом или инструментом лица, который ее создал или запрограммировал [4, с. 128]. Такой подход является традиционным и не требует внесения каких-либо изменений в действующие нормы права [4, с. 133]. Однако с постепенным распространением ИИ, с учетом научно-технического развития, а также перехода с автоматизированной деятельности на полную автономию, эта проблема встает совершенно под другим углом. В силу этого появляются иные подходы к решению вопроса относительно статуса ИИ.

Выдвигаются идеи установления правового статуса ИИ по аналогии с животными, а именно, в качестве юридических объектов, наделенных правосубъектностью [2, с. 200]. Другой дискуссионный подход предлагает рассматривать ИИ как полноценный субъект правоотношений. В пользу довода о том, что статус ИИ сравним со статусом юридического лица, исследователи ссылаются на то, что, по мере достижения системой ИИ автономии на уровне человека, они должны иметь право на статус, сопоставимый с физическими лицами [10]. Согласно другому соображению, которое представляется более обоснованным, правовой статус системы с элементами ИИ и совершенно автономной системы должен различаться. Автономные машины могут быть признаны «полноценным киберсубъектом общества», но спектр прав и обязанностей должен различаться в соответствии с набором их функционала [2, с. 200]. Также некоторые ученые выделяют такое понятие как «электронное лицо», где ИИ является его важной составляющей [3].

Тем не менее несмотря на то, что машины с ИИ могут получать так называемые «разумные» результаты на основе данных путем самостоятельного принятия решения, как такового отношения к интеллекту или разуму в прямом (чело-

веческом) смысле слова они не имеют, поскольку когнитивный процесс человека при принятии решения происходит совершенно по-другому [16, с. 1308]. Соответственно, такая способность «умных» машин не может быть приравнена к принятию решений физическим или юридическим лицом [12, с. 7].

На сегодняшний момент о полной реализации потенциала, связанного с использованием ИИ в космосе говорить сложно. Технологии ИИ, и в особенности машинное обучение, еще только развиваются для целей космической отрасли, однако уже сейчас можно наблюдать постепенное внедрение такого рода элементов в космическую деятельность.

Одним из примеров того, как технологии ИИ могут преобразовывать деятельность в космосе, являются спутники дистанционного зондирования. Количество данных, получаемых, благодаря использованию таких новейших спутниковых технологий, как, например, «Коперник» или «SmartSat», во много раз увеличивает необходимость их обработки. Спутники собирают данные, которые потом передаются наземной станции. Использование технологий ИИ на Земле и в космосе может открыть новую эпоху в работе с информацией и данными. С помощью ИИ получаемые данные смогут сразу проверяться и обрабатываться спутником и далее передаваться будут уже только наиболее актуальные и необходимые из них, что снизит затраты на передачу, а также позволит сосредоточиться на анализе наиболее важной информации.

Помимо работы с данными, ИИ активно используется для мониторинга работы космических объектов, осуществляя наблюдение за действиями других спутников, планет и космического мусора, и при необходимости совершая корректирующие действия [6]. Подобные устройства используются, например, SpaceX для предотвращения столкновения спутников с другими объектами [6].

Другим примером использования ИИ в космосе являются так называемые «роботы-помощники» для экипажа космических станций. Так, например, робот SpaceX или робот-помощник CIMON [6, с. 428].

Устройства, оснащенные ИИ, становятся незаменимы в процессе исследования пространств в космосе, которые могут быть опасны для людей. Так, марсоход NASA был запущен для исследования Марса. ИИ предоставляет марсоходу возможность собирать и анализировать данные и самим решать, какую информацию отправлять обратно на Землю, а что можно сделать без участия человека [15, с. 133]. NASA также создало Группу ИИ, которая занимается фундаментальными исследованиями планирования ИИ с применением научного анализа, эксплуатации космических аппаратов, анализа миссий, операций в сети глубокого космоса и космических транспортных систем.

Отдельно стоит отметить использование новейших технологий для удаления космического мусора. Европейское космическое агентство (ЕКА) планирует запустить первую в мире космическую миссию по удалению мусора ClearSpace-1, оснащенную камерой с ИИ для поиска мусора.

Приведенные выше примеры указывают на то, что освоение космоса с помощью технологий ИИ нуждается в должной правовой оценке. До недавнего времени развитие технологий ИИ происходило в некоторого рода нормативном вакууме, и в настоящий момент по-прежнему принято очень мало положений, затрагивающих непосредственно специфику данной проблемы.

В рамках деятельности Комитета по космосу все чаще затрагиваются вопросы, касающиеся использования технологий ИИ в космическом пространстве – это использование ИИ для обработки спутниковых снимков, которые были использованы для получения высокоточной и быстро доступной информации об урожайности сельскохозяйственных культур, автономный помощник астронавта, оснащенный

ИИ и т.д. Тем не менее, сейчас этот вопрос не обсуждается в качестве отдельного пункта повестки заседаний Комитета и его подкомитетов. В этой сфере, однако уже появляются национально-правовые инициативы на уровне отдельных государств, что, с одной стороны, способствует развитию правового регулирования, но, с другой - потенциально может привести к доминированию интересов отдельных государств при осуществлении деятельности в космосе.

Действующие основные договоры по космосу, принятые в 60-е и 70-е годы, по понятным причинам, не содержат положений, регулирующих использование технологий ИИ, устанавливая лишь общие принципы, охватывающие любую деятельность в космическом пространстве и на небесных телах. Акты «мягкого права», которые играют большую роль в регулировании космической деятельности, также не содержат положений, касающихся использования технологий ИИ. С учетом специфики ИИ и областей его применения отсутствие специального регулирования в этой сфере чревато возникновением множества сложных ситуаций в будущем.

Внедрение автономных систем на базе ИИ в космическую деятельность не может обойтись без юридических последствий, особенно в том, что касается вопросов ответственности. Вопросы ответственности в международном космическом праве регулируются положениями Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор 1967 г.) 1967 года г., и Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (Конвенция 1972 г.).

Режим ответственности по Договору 1967 г. строится на положении общей ст. VI, которая устанавливает ответственность государств за международное противоправное деяние, а также на положении ст. VII, которая уточняется положениями Конвенции об ответственности 1972 года. Так, согласно ст. VII Договора 1967 г., международная ответственность лежит на запускаящем государстве. Запускающим государством является тогда, когда оно осуществляет или организует запуск космического объекта, или когда запуск космического объекта осуществляется с его территории или установок. Положения ст. VII Договора 1967 г. конкретизируются ст. II и III Конвенции об ответственности, которые устанавливают режим абсолютной (или объективной) ответственности за ущерб, причиненный космическим объектом на Земле или воздушному судну в полете, и ответственность в зависимости от вины за ущерб, причиненный в космическом пространстве или на небесном теле. Определяющим критерием для установления ответственности служит непосредственно место причинения ущерба, т.е. на поверхности Земли или за его пределами [6]. При этом ответственность возлагается исключительно на государства, поскольку негосударственные акторы не могут быть привлечены к ответственности по международному космическому праву.

Развитие технологий ИИ создает потенциал для осуществления сложной деятельности в заведомо опасной среде космического пространства. Применительно к реализации ответственности за ущерб, причиненный в результате использования таких технологий в космическом пространстве, возникает ряд вопросов.

Во-первых, в Конвенции 1972 г. отсутствует определение понятия «вины», и не установлены четкие критерии ее оценки [6, с. 436]. Установить наличие вины в конкретном случае по ст. III в принципе является задачей достаточно сложной, и ни в одном из известных случаев причинения ущерба в космосе в результате столкновения не была применена Конвенция об ответственности [14, с. 251]. Более того, установление вины предполагает наличие стандартов должной осмотрительности (*due care*), что достаточно проблематично в случае использования столь новых технологий. Также представляется, что будет иметь значение то, в какой степени использова-

ние ИИ привело к возникновению ущерба. Иными словами, важно определить, на каком этапе и в какой степени при осуществлении космической операции использовались такие технологии – был ли ущерб причинен вследствие решений, принятых ИИ (вполне возможно в скором будущем), или на основе данных, полученных с использованием технологий ИИ (такие программы есть уже сейчас).

Термин «лица», используемый в ст. III Конвенции об ответственности 1972 г., также порождает вопросы. Понятие «лицо», как оно используется в статье III, обычно относится к образованию, обладающему юридическими правами и обязанностями, как, в частности, физическое или юридическое лицо [6, с. 436]. В комментарии к статье отмечается, что ответственность за ущерб по ст. III касается группы или категории лиц, в отношении которых запускающее государство несет ответственность, то есть в более широком смысле включает всех лиц и виды космической деятельности, которые, предположительно, подпадают под действие ст. VI Договора 1967 г. [14, с. 255]. При этом если предыдущее толкование концепции ответственности за космическую деятельность и порядка вменения такой ответственности отсутствует, то толкование Конвенции с целью ограничить сферу ее применения невозможно, поскольку это противоречит цели и задачам этой Конвенции [14, с. 255]. На практике же все будет зависеть от установления вины запускающего государства и доступных средств доказывания [14, с. 256].

Поскольку ответственность по ст. III Конвенции 1972 г. предусматривает установление «вины государства» или «вины лиц», сложно представить, как решение, принятое интеллектуальным космическим объектом, может подпадать под понятие «вины». А значит, и привлечение запускающего государства к ответственности за ущерб, причиненный таким объектом, в случае коллизии, будет весьма проблематичным.

Далее, согласно ст. II Конвенции 1972 г. государства должны нести абсолютную ответственность за ущерб, причиненный их космическими объектами на поверхности Земли. В данной ситуации препятствий для привлечения к ответственности государств, использующих технологии ИИ, как таковых, не наблюдается. Сложность реализации такой ответственности возникает в контексте ст. VI Конвенции, которая предусматривает отмену правила по ст. II в случае, если «запускающее государство докажет, что ущерб явился полностью или частично результатом грубой небрежности либо действия или бездействия, совершенных с намерением нанести ущерб, со стороны государства-истца, либо физических или юридических лиц, которых оно представляет». Подобное исключение в случае с объектом с ИИ практически невозможно. Понятие «грубая небрежность» не определяется ни Конвенцией, ни комментарием к ней, который лишь отсылает к «стандарту осмотрительности» (*standard of care*). Некоторые ученые в данном случае исходят из того, «грубая небрежность» имеет, в первую очередь, ментальную составляющую и является результатом человеческой мыслительной деятельности, которая в принципе не может быть свойственна машинам [6, с. 10]. Таким образом, в отсутствие четких критериев стандарта осмотрительности и с учетом того, что они, безусловно, устанавливаются в зависимости от уровня научно-технического развития, применение соответствующих положений Конвенции весьма проблематично.

Несмотря на всю пользу, которую может принести использование технологий ИИ, с их развитием возникают также определенные этические и социальные риски.

Остро встает вопрос об использовании ИИ параллельно с космическими технологиями в контексте осуществления деятельности правоохранительных органов [15, с. 137]. Несомненно, ИИ и космические технологии могут помочь в предупреждении или раскрытии преступлений, как, например, в ситуации, когда, благодаря спутниковым снимкам, пресекается незаконное выращивание наркотических средств [12] и

т.д. Однако, при этом следует учитывать, что использование таких технологий не должно нарушать права человека.

Справедливо отмечается, что использование технологий в неправильных целях и/или неправильными лицами может существенно навредить, причем ущерб может как нематериальным (ограничение права на свободу выражения мнений и дискриминация), так и материальным, в частности, ущерб здоровью людей, включая их возможную гибель [12, с. 14]. Применительно к использованию технологий ИИ, в качестве вызывающих наибольшую обеспокоенность, ученые выделяют два аспекта: обеспечение конфиденциальности и защита личных данных, а также их неправильное хранение [12, с. 14]. Так, в частности, речь идет о следующих проблемах: повсеместное распространение «данных распознавания лиц» (*facial recognition*); отсутствие транспарентности (субъект не информируется о том, что его персональные данные собираются); отслеживание и де-анонимизация данных; отсутствие права доступа, исправления и удаления данных (т.н. эффект черной коробки (*black-box effect*)); предвзятость и дискриминация, и, как следствие, недостоверные результаты и многие другие [12, с. 14-16].

Отдельную обеспокоенность вызывает совместное использование различных технологий, что может привести к серьезным нарушениям прав человека. Так, данные, полученные с помощью наблюдения за Землей, могут анализироваться с помощью технологий распознавания лиц и объединяться с данными местоположения и данными, полученными с камер безопасности, что серьезным образом ставит вопрос обеспечения их конфиденциальности [12]. В этой связи следует отметить Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (№ 108), принятую в рамках Совета Европы, которая исходит из широкого толкования понятия «персональные данные» и определяет допустимые границы использования технологий распознавания лиц. Эта Конвенция является единственным международным договором о защите данных, и к ней может присоединиться любое государство.

В заключение можно сказать, что развитие технологий ИИ создало беспрецедентные возможности для освоения космического пространства и осуществления новых видов космической деятельности. Вместе с тем их внедрение в космическую деятельность влечет за собой определенные юридические последствия. Использование космических технологий, способных функционировать полностью автономно от человека, может привести к непредсказуемым результатам, что ставит перед международным сообществом важные вопросы, решение которых предстоит найти.

Основную сложность представляет собой установление сущности понятия «искусственный интеллект», поскольку для того, чтобы эффективно регулировать правоотношения, необходимо понимать, что представляет собой их предмет и объект. Другой проблемой является неопределенность правового статуса ИИ. Учитывая автономный от человека характер, ИИ представляет собой «самостоятельную личность», которая принимает решения, основываясь, в том числе, на способности к самообучению. В этом контексте применять для определения статуса ИИ существующие правовые категории нецелесообразно. Вопрос же относительно того, можно ли рассматривать ИИ в качестве самостоятельного субъекта права, может предполагать разные ответы.

Использование ИИ в космической деятельности чревато рисками, отличными от таковых в случае применения данных технологий на Земле. Это связано, в первую очередь, с особенностями самого космического пространства – любая деятельность в нем опасна сама по себе. В этой связи, международному сообществу необходимо направить усилия на разработку специальных положений, касающихся использования технологий ИИ в космическом пространстве. Действующие международные договоры в области регулирования

деятельности государств в космическом пространстве *per se* не охватывают вопросы, возникающие в связи с потенциальным использованием технологий ИИ. Государствам предстоит рассмотреть вопросы разработки текста нового международного договора; либо же внесение изменений в действующие договоры или принятие заявления о толковании, если это хотя бы временно может стать адекватной мерой с целью урегулирования отношений, возникающих в связи с использованием технологий ИИ в космической деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Бадухто А. Н., Романов А. А. Искусственный интеллект в космической технике: состояние, перспективы развития // Ракетно-космическое приборостроение и информационные системы. - 2019. - Т. 6. - N 1. - С. 65–75.
2. Шестак В. А., Волеводз А. Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. - 2019. - Т. 13. - N 2. - С. 197-206.
3. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. - 2018. - Т. 13. - N 2. - С. 36–55.
4. Морхат П. М. Искусственный интеллект: Правовой взгляд: Научная монография. – М.: Буки Веди, 2017. – С. 257.
5. Bayern S. The Implications of Modern Business Entity Law for the Regulation of Autonomous Systems. - 2015. - Stan.Tech. L.Rev. - Vol. 19. – P. 93–112.
6. Bratu I., Lodder A. R., Linden T. Autonomous Space Objects and International Space Law: Navigating the Liability Gap // Indonesian Journal of International Law. - 2021. - Vol. 18. - № 3. – P. 423–446.
7. Burri T. Artificial Intelligence and International Law // German Yearbook of International Law. - 2017. - Vol. 60. – P. 91–108.
8. Carrillo R. M. Artificial intelligence: From ethics to law. Telecommunications Policy. - 2020. - Vol. 44. - № 6.
9. Chesterman S. AI and the problem of autonomy. Notre Dame Journal on Emerging Technologies. - 2020. - Vol. 1. - Iss. 2. – P. 210-250.
10. Chesterman S. Artificial Intelligence and the Limits of Legal Personality // International and Comparative Law Quarterly. - 2020. - Vol. 69. – P. 819–844.
11. Friedland P., Lum H. Building Intelligent Systems: Artificial Intelligence Research at NASA Ames Research Center. - NASA Ames Research Center, 1987.
12. Gal G. A., Santos C., Rapp L., Markovich R., Torre L. Artificial intelligence in Space. Research Gate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/342377395_Artificial_intelligence_in_space (дата обращения: 01.11.2022).
13. Gorove S. Liability in Space Law: An Overview Space Law. - 1983. Annals of Air and Space Law. - Vol. 8. – P. 137–146.
14. Hobe S., Schmidt-Tedd B., Schrogl K-U. Cologne commentary on Space law. Berliner Wissenschafts-Verlag, 2013. - Vol. 2. - 780 p.
15. Soroka L., Kurkova K. Artificial Intelligence and Space Technologies: Legal, Ethical and Technological Issues // Advanced Space Law. - 2019. - Vol. 3. – P. 131-139.
16. Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview Harry // Georgia State University Law Review. - 2019. - Vol. 35. - Iss. 4. – P. 1305-1337.

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

НЕБИЕРИДЗЕ Давид Никоевич

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В статье авторы анализируют один из наиболее актуальных и важных институтов международного частного права – трансграничное наследование. Авторы исследуют достаточность правового регулирования наследственных правоотношений, осложненных иностранным элементом, а также выдвигают собственные идеи по его улучшению с целью эффективной защиты прав и интересов граждан различных государств. Авторы обращают внимание на целесообразность участия России в ряде международных договоров, содержащих нормы о трансграничном наследовании.

Ключевые слова: наследственные правоотношения, международное частное право, иностранный элемент, трансграничное наследование, коллизионные нормы.

GLINSHCHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

NEBIERIDZE David Nikoevich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

INHERITANCE RELATIONS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

In the article, the authors analyze one of the most relevant and important institutions of private international law – cross-border inheritance. The authors investigate the sufficiency of the legal regulation of hereditary legal relations complicated by a foreign element, and also put forward their own ideas for its improvement in order to effectively protect the rights and interests of citizens of various states. The authors draw attention to the expediency of Russia's participation in a number of international treaties containing rules on cross-border inheritance.

Keywords: inheritance relations, private international law, foreign element, cross-border inheritance, conflict of laws rules.

О возникновении трансграничного наследования можно говорить при наличии в отношениях по наследованию иностранного элемента. Они могут быть осложнены наличием как одного вида иностранного элемента, так и сочетанием нескольких, так, например, наследодатель или наследники могут быть гражданами различных государств или, допустим, проживать в разных странах. На данный момент приходится говорить о том, что преобладающим методом регулирования отношений по наследованию представляется коллизионно-правовой.

Применимое право к наследственным отношениям, осложненным присутствием иностранного элемента, понимают, как наследственный статут [1]. Большинство стран в коллизионных нормах указывают то, что единственный или основной статут наследования – личный закон наследодателя (закон страны его гражданства или domicilio). Законодательство нашей страны подходит к вопросу определения наследственного статута несколько иначе, поскольку закрепляет положение о том, что наследственным статутом движимого имущества является право страны, которая являлась последним местом жительства наследодателя, недвижимого – право страны, в которой это имущество находилось.

Сфера вопросов, регламентированных нормами наследственного статута, до сих пор не установлена, он определяет не только общие вопросы наследования, но и специальных вопросов, которые содержат в себе наследование на основании закона, завещания, в порядке наследственного договора.

Дополнительно к национальному законодательству, содержащему коллизионные нормы, отсылающие к необходимому для применения праву, Российская Федерация уча-

ствует в ряде многосторонних и двухсторонних договоров, затрагивающих вопросы наследования. Так, договоры с Ираном, Кубой, Польшей и некоторыми другими странами имеют в своем содержании подробные правила о наследовании, в противовес этому, нормы договоров с такими странами как Греция, Кипр, Финляндия касаются только предоставления национального режима в этой области и определения права, применимого к форме завещаний. Также, важно упомянуть Минскую конвенцию 1993 г., распространяющуюся только на страны СНГ, которая также поднимает вопросы регулирования наследственных отношений, а именно наследование движимого и недвижимого имущества, форме завещания и т.д.

Один из общераспространенных пробелов в договорах о правовой помощи – отсутствие дефиниции «места жительства». Не редки случаи в практике отношений по наследованию, осложненному иностранным элементом, когда это вызывает серьезные затруднения у суда. Зачастую основанием для вывода о проживании лица в определенном месте служит факт регистрации по месту жительства гражданина. Однако, по-нашему мнению, для наиболее обоснованного определения места жительства наследодателя, авторы считают, что следует обращать внимание на законность, длительность и непрерывность его проживания в определенном месте.

В процессе изучения данного вопроса, авторы пришли к выводу о том, что России для облегчения разрешения наследственных дел, как для самих наследников, так и для правоприменительных органов, стоит распространить практику подписания двусторонних соглашений о правовой помощи с как можно большим количеством стран.

На данный момент развития международного частного права в области трансграничного наследования незначительное количество универсальных международных конвенций. К ним относятся Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений, от 5 октября 1961 г.; Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц от 2 октября 1973 г. (имеется в виду управление наследственным имуществом, находящимся за границей); Конвенция о праве, применимом к наследованию в силу смерти, от 1 августа 1989 г.; Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания, от 26 октября 1973 г. Несмотря на их небольшое количество, Российская Федерация так и не приняла участие ни в одном из них [2].

Авторы считают, что участие нашей страны крайне необходимо в вышеназванных конвенциях, на это имеется ряд причин, которые будут приведены нами далее.

Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания, от 26 октября 1973 г., применяющаяся в таких странах как Бельгия, Канада, Италия и др. содержит в себе типовую форму завещания для договаривающихся сторон, которая облегчает процедуру международного признания завещания, совершенного в определенной форме. Конвенция в целом упрощает наследственные отношения, осложненные иностранным элементом. Вместе с тем, в странах, не являющихся участниками Вашингтонской конвенции 1973 г., действительность международного завещания признается, при условии, если в силу коллизионных норм к форме завещания применяется право страны, которая почувствует в данной конвенции.

Участие Российской Федерации в данной конвенции облегчило бы порядок международного признания завещаний, составленных в нашей стране, что в свою очередь способствовало гораздо более быстрому и эффективному осуществлению своих прав субъектами наследственных правоотношений. Вопрос о том, почему Россия не подписала и не ратифицировала данную конвенцию не находит ответа, так как типовая форма, предложенная в ней не противоречит форме предусмотренной для завещания в нашем законодательстве. В связи с этим, считаем, что участие ней необходимо и никаким образом не нарушает интересы государства.

Также отдельного внимания заслуживает Конвенция о создании системы регистрации завещаний от 16 мая 1972 г. Конвенция содержит в себе положения о создании в каждом государстве–участнике Конвенции системы регистрации завещаний. Конвенция направлена на эффективную борьбу с ситуациями, когда о завещании не было известно в другом государстве, что облегчило бы открытие факта наличия завещания или актов, его отмены и изменения после смерти завещателя.

Государства–участники назначают органы, уполномоченные передавать другим государствам–участникам информацию о записях в созданном реестре завещаний, а также принимать и передавать запросы от органов, назначенных в других государствах.

Создание в Российской Федерации национального реестра завещаний и ратификация Конвенции 1972 г. позволили бы избежать ситуаций, когда наследник мог попросту не знать о существующем завещании. Попытки создания национального реестра завещаний на данный момент не увенчались успехом, поэтому о подписании и ратификации Базельской конвенции 1972 г. пока что говорить рано.

Несмотря на приведенные нами доводы о необходимости участия Российской Федерации в вышеназванных международных конвенциях, нельзя утверждать, что есть реальная перспектива ратификации хотя бы одной из указанных конвенций. Отказ нашей страны от международного сотрудничества в данной сфере несет ущерб в первую очередь правам наших граждан и юридических лиц.

Вместе с тем, стоит расширить количество двухсторонних договоров о правовой помощи, в которых содержались бы положения, касающиеся наследования, так как с достаточно большим количеством государств, где проживают наши соотечественники на постоянной основе, таких договоров нет или положения о наследовании, охватывают крайне небольшое количество вопросов.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в отношениях по наследованию, осложненных иностранным элементом может возникнуть проблема, связанная с оговоркой о публичном порядке. Этот важный институт международного частного права наиболее активно применяется в сфере наследственных и семейных отношений [3]. Согласно отечественному законодательству, иностранное право не применяется, если оно противоречит публичному порядку Российской Федерации. Таким образом, не подлежат применению положения иностранного наследственного права о наследственных привилегиях в силу возраста или пола и т. д.

Отдельно стоит вопрос о том, стоит ли признавать наследственные права однополых партнеров. Полагаем, поскольку субъективное право лиц возникло законно на основании нормативно-правовых актов иностранного государства, и его исполнение не влечет нарушения прав других лиц, применять оговорку о публичном порядке нецелесообразно.

Пристатейный библиографический список

1. Звеков В. П. Международное частное право: курс лекций. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. – 667 с.
2. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. - 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 672 с.
3. Глинщикова Т. В., Костенко О. С. Перспективы развития законодательства Российской Федерации в сфере трансграничных семейных отношений // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 4 (24). – С. 342-345.

ЕРМАКОВА Елена Петровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

КЛИМАТИЧЕСКИЕ СПОРЫ В СУДЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА*

В статье отмечается, что в настоящее время на рассмотрении Суда правосудия ЕС и Суда общей юрисдикции ЕС находятся или уже были завершены 46 климатических споров, среди которых: дело «Armando Carvalho» (2018), дело «EU Biomass» (2019), дело «ClientEarth and Ecologistas» (2021) и др. При этом, ни один климатический спор еще не был рассмотрен по существу, в рассмотрении подавляющего большинства споров было отказано по процессуальным основаниям. Наиболее обсуждаемыми исками стали так называемое «Всенародное дело о климате» и дело «О биомассе». Оба дела были отклонены как недопустимые. В обоих случаях суд ЕС следовал устоявшейся доктрине «Плауманна». После этого в «Орхусский регламент» ЕС были внесены поправки, облегчающие подачу исков для неправительственных организаций. Полагаем, что прецедент Плауманна является слишком ограничительным и не обеспечивает надлежащего доступа к правосудию.

Ключевые слова: климатические иски, Парижское соглашение, Суд правосудия ЕС, Суд общей юрисдикции ЕС, дело «Armando Carvalho», «Всенародное климатическое дело», дело «EU Biomass», доктрина Плауманна.

ERMAKOVA Elena Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

CLIMATE DISPUTES IN THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION**

The article notes that 46 climate disputes are currently under consideration by the EU Court of Justice and the EU Court of General Jurisdiction, among which: the case "Armando Carvalho" (2018), the case "EU Biomass" (2019), the case "ClientEarth and Ecologistas" (2021) and others. At the same time, no climate dispute has yet been considered on its merits, the consideration of the vast majority of disputes has been refused on procedural grounds. The most discussed lawsuits were the so-called "National Climate Case" and the "Biomass Case". Both cases were dismissed as inadmissible. In both cases, the EU Court followed the well-established "Plaumann" doctrine. After that, the "Aarhus Regulation" of the EU was amended to facilitate the filing of claims for non-governmental organizations. We believe that the Plaumann case is too restrictive and does not provide adequate access to justice.

Keywords: climate lawsuits, the Paris Agreement, the EU Court of Justice, the EU Court of General Jurisdiction, the Armando Carvalho case, the National Climate Case, the EU Biomass case, the Plaumann doctrine.

В последние годы многочисленные неправительственные экологические и природоохранные организации возбудили более двух тысяч дел против национальных правительств за их неспособность достичь целей, содержащихся в Парижском соглашении 2015 года по борьбе с изменением климата¹. Это соглашение уникально по двум причинам. Во-первых, Парижское соглашение было ратифицировано почти всеми странами мира, на долю которых приходится более 95 % глобальных выбросов парниковых газов. Во-вторых, в нем содержится конкретная климатическая цель, которую национальные правительства обещали достичь². Эта цель заключается в поддержании глобальных температур значительно ниже 2°C и предпочтительно не более чем на 1,5°C выше доиндустриального уровня. В конкретных терминах ученые, работающие с Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК), продемонстриро-

вали, что для достижения этой цели выбросы парниковых газов должны сократиться вдвое к 2030 году и должны достичь чистого нуля к 2050 году.

В рамках Европейской «зеленой сделки» Европейская комиссия внесла свой определяемый на национальном уровне вклад в соответствии со статьей 7 Парижского соглашения [1]. Комиссия заявила, что до 2030 года она намерена сократить выбросы парниковых газов на 40 % по сравнению с уровнем 1990 года. Однако, неправительственные организации и отдельные граждане ЕС посчитали цели Европейской Комиссии недостаточно амбициозными.

Первым обращением в суд ЕС стало дело «Armando Ferrao Carvalho and Others v. The European Parliament and the Council» (2018), или так называемое «Всенародное климатическое дело» (*People's climate case*). В мае 2018 года десять семей из восьми стран (Германия, Италия, Кения, Португалия, Румыния, Фиджи, Франция, Швеция) направили в Европейский суд общей юрисдикции (EU General Court) иск против Европарламента и Совета ЕС, обвиняя их в допущении чрезмерно высокого уровня парниковых газов³.

Европейский суд общей юрисдикции - судебный орган первой инстанции в рамках судебной системы Европейского Союза. Созданный 1986 году Единым европейским актом, суд начал свою работу 1 января 1989 года как Европейский суд первой инстанции и был нацелен ускорить рассмотрение дел в расширяющемся Европейском Союзе. Высшую ступень в судебной системе ЕС занимает Суд правосудия ЕС (European

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00270 «а».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20-011-00270 "a".

1 Litigation Cases // Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/litigation_cases?jurisdiction%5B%5D=European%20Court%20of%20Human%20Rights&jurisdiction%5B%5D=European%20court%20of%20human%20Rights (дата обращения: 03.10.22).

2 Soler M. (2021). European Union: Has The CJEU Shut The Door On Climate Change Litigation? // Mondaq. 23 April 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mondaq.com/climate-change/1061256/has-the-cjeu-shut-the-door-on-climate-change-litigation> (дата обращения: 03.10.22).

3 Новель А. (2019). Изменение климата: новая тема в судебной практике // UNESCO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.unesco.org/courier/2019-3/izmenenie-klimata-novaya-tema-v-sudebnoy-praktike> (дата обращения: 02.10.22).

Court of Justice) [2]. В настоящее время по данным «Climate Change Laws of the World» на рассмотрении Суда правосудия ЕС и Суда общей юрисдикции ЕС находится или уже было завершено 46 климатических споров, среди которых дело «Armando Carvalho» (2018), дело «EU Biomass Plaintiffs v. European Union» (2019), дело «ClientEarth and Ecologistas en Acción v. Spain» (2021) и др.⁴. При этом, ни один климатический спор еще не был рассмотрен по существу, в рассмотрении подавляющего большинства споров было отказано по процессуальным основаниям.

Дело «Armando Ferrao Carvalho and Others v. The European Parliament and the Council» (2018)

Согласно пресс-релизу от апреля 2019 года, истцы требовали от лидеров ЕС сокращения к 2030 году выбросов парниковых газов по крайней мере на 55 % по сравнению с уровнем 1990 года. По их убеждению, текущий целевой показатель в 40 % «не соответствует реальной потребности в предотвращении опасного изменения климата и является недостаточным для защиты таких основных прав человека, как право на жизнь, здоровье, труд и частную собственность».

Иск состоял из двух основных компонентов. Во-первых, истцы подали иск об аннулировании (nullification), прося суд объявить три правовых акта ЕС ничтожными (void) за неспособность установить адекватные целевые показатели выбросов парниковых газов. Этими актами ЕС являются: 1) Директива 2003/87/ЕС, регулирующая выбросы от крупных электростанций (СТВ); 2) Регламент 2018/ЕС о выбросах от промышленности, транспорта, зданий, сельского хозяйства и т.д.; и 3) Постановление 2018/ЕС о выбросах и абсорбции в результате землепользования, изменений в землепользовании и лесного хозяйства (LULUCF). Истцы утверждали, что неадекватные сокращения выбросов нарушают законы более высокого порядка, которые защищают основные права на здоровье, образование, род занятий и равное обращение, а также обеспечивают обязательства по охране окружающей среды. Эти законы включают: Хартию основных прав ЕС, Договор о функционировании Европейского союза (ДФЕС), Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижское соглашение⁵.

Вторая часть иска касалась внедоговорной ответственности. Статья 340 TFEU предусматривает механизм судебного запрета при соблюдении трех условий: 1) имеет место незаконное действие учреждения (учреждений) ЕС, 2) незаконное деяние является серьезным нарушением закона, который защищает индивидуальные права, и 3) существует причинно-следственная связь между нарушением и ущербом.

В мае 2019 года Европейский суд первой инстанции не вынес решения по существу, но отклонил дело по процессуальным основаниям, посчитав, что истцы не могут возбудить дело, поскольку они недостаточно затрагиваются этой политикой (критерий «прямой и индивидуальной озабоченности»). Суд пришел к выводу, что истцы не имели права возбуждать дело, поскольку изменение климата так или иначе затрагивает каждого человека, а прецедентное право ЕС требует, чтобы истцы затрагивались оспариваемым деянием таким образом, который «свойственен им, или в силу обстоятельств, при которых они отличаются от всех других лиц»⁶.

В июле 2019 года истцы подали апелляцию в Европейский суд правосудия, утверждая, что Суд общей юрисдикции ЕС допустил ошибку, заключив, что истцы не имеют

процессуальной правоспособности в соответствии со статьей 263 ДФЕС. 25 марта 2021 года Европейский суд правосудия (ЕС) оставил в силе постановление Суда общей юрисдикции и признал претензии истцов недопустимыми (inadmissible) на основании неспособности истцов продемонстрировать, что на них индивидуально повлияла климатическая политика ЕС. Суд ЕС заявил, что «доводы апеллянтов, в дополнение к их общей формулировке, приводят к выводу о том, что для любого заявителя существует «locus standi», поскольку основополагающее право всегда, вероятно, будет так или иначе затронуто мерами общего применения, такими как те, которые оспариваются в настоящем деле».

«Locus standi» — это спорный вопрос в исках по борьбе с изменением климата, отмечала Л. Хорнколь (Люксембургский институт Макса Планка)⁷. В таких исках либо отдельные лица, особенно пострадавшие от изменения климата, либо группы экологических интересов добиваются отмены законодательных актов, которые, по их мнению, недостаточно далеко идущие, и/или жалуются на бездействие правительства в отношении мер, направленных на изменение климата. Барьеры для групп, заинтересованных в защите окружающей среды, как правило, очень высоки, поскольку отстаивание таких репрезентативных исков является исключительным. Лишь голландское законодательство предоставляет общественным организациям правовой статус в случае, если затрагиваются общественные интересы, которые они стремятся защитить (ст. 3:305а Гражданского кодекса Нидерландов) — ситуация, которая привела к знаменательному делу «Urgenda» по изменению климата.

Индивидуальным истцам также приходится нелегко. Как правило, они должны продемонстрировать прямую связь между правовым актом или бездействием государства и их ситуацией. Снова и снова в иске присутствует гипотетический элемент: разрушительные последствия изменения климата часто только начинаются, а истинные последствия станут очевидными только позже — событие, которого истцы хотели бы избежать. На уровне ЕС прямой доступ к Суду правосудия ЕС (CJEU) для физических лиц против законодательных актов Союза в целом, был предметом многочисленных споров.

Допустимость (Admissibility) является препятствием, которое не может преодолеть большинство исков в области изменения климата. Статья 263(4) ДФЕС требует доказательств прямого и индивидуального ущерба, который нанесен истцу (истцам) акты ЕС. Хотя прямой ущерб также может быть оспорен, индивидуальный ущерб является решающим фактором, в том числе и в данном иске. В своем знаменитом решении по делу «Плауманна» («Plaumann»)⁸ Суд правосудия ЕС (CJEU) установил очень высокие барьеры для подтверждения индивидуального ущерба физических или юридических лиц: оспариваемый акт должен затрагивать их «по причине определенных атрибутов, которые им свойственны, или по причине обстоятельств, в которых они отличаются от всех других лиц»⁹. Таким образом, в деле «Armando Carvalho» (2018) Суд ЕС не пожелал изменять или отменять прецедент

4 Litigation Cases//Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/litigation_cases?jurisdiction%5B%5D=European%20Court%20of%20Human%20Rights&jurisdiction%5B%5D=European%20court%20of%20human%20Rights (дата обращения: 05.10.22).

5 Armando Ferrao Carvalho and Others v. The European Parliament and the Council // Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/geographies/european-union/litigation_cases/armando-ferrao-carvalho-and-others-v-the-european-parliament-and-the-council-51a1fc07-ccad-4c1b-bdd8-09e8ff2ec1a1 (дата обращения: 05.10.22).

6 Там же.

7 Hornkohl L. (2021). The CJEU dismissed the People's Climate Case as inadmissible: the limit of Plaumann is Plaumann // European Law Blog. 6 APRIL 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://europeanlawblog.eu/2021/04/06/the-cjeu-dismissed-the-peoples-climate-case-as-inadmissible-the-limit-of-Plaumann-is-Plaumann/> (дата обращения: 03.10.22).

8 Judgment of the Court of 15 July 1963. Plaumann & Co. v Commission of the European Economic Community. Case 25-62 // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61962CJ0025> (дата обращения: 03.10.22).

9 Pagano M. (2019). Overcoming Plaumann in EU environmental litigation: an analysis of NGOs legal arguments in actions for annulment // Diritto e processo: derecho y proceso - right & remedies, 2019, pp. 311-360. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdl.handle.net/1814/68121> (дата обращения: 03.10.22).

«Плауманна» или предоставлять исключение в конкретных обстоятельствах¹⁰.

Толкование Суда ЕС прекрасно иллюстрирует высокие барьеры, которые воздвигает доктрина *Плауманна*, особенно по сравнению с действующими требованиями для истцов - физических лиц на уровне государств-членов ЕС. Некоторые государства-члены, такие как Германия или Италия, уже предоставляют лицу процессуальную правоспособность, если истец утверждает, что затрагивается его субъективное право. Даже такие системы, как французская, которые, как и Суд ЕС, следуют доктрине *Плауманна*, де-факто требуют только того, чтобы истец пострадал лично и серьезно. Может быть стандарты, установленные доктриной *Плауманна* для прямого доступа к Суду ЕС, чрезмерно высоки¹¹?

Дело «EU Biomass Plaintiffs v. European Union» (2019) (дело «О биомассе»)

Дело также может быть найдено под названием «Sabo and Others v Parliament and Council». В марте 2019 года граждане из шести стран (Эстонии, Ирландии, Франции, Румынии, Словакии и США) подали иск против Европейского Союза в Суд ЕС общей юрисдикции, чтобы оспорить обращение с лесной биомассой как с возобновляемым топливом в пересмотренной Директиве ЕС о возобновляемых источниках энергии 2018/2001 (известной как RED II). Директива RED II требовала, чтобы государства-члены ЕС достигли общеевропейской цели в 32% потребления энергии из возобновляемых источников к 2030 году. Истцы утверждали, что Директива RED II ускорит широкомасштабное опустошение лесов и значительно увеличит выбросы парниковых газов, не считая выбросов CO₂ от сжигания древесного топлива¹².

Истцы описывали свой иск как документирующий экологические, социальные и общественные последствия для здоровья, связанные с увеличением лесозаготовки, производства древесных гранул и производства энергии биомассы, обусловленной политикой Директивы ЕС в сфере лесной биомассы. Они утверждали, что эта политика несовместима с экологическими целями Договора о функционировании ЕС и нарушает Хартию ЕС об основных правах (статьи 32 и 57)¹³.

6 мая 2020 года Суд первой инстанции отклонил дело на том основании, что оспариваемая директива ЕС является актом общего применения, заявители не находятся в ситуации, отличной от неопределенной и не поддающейся определению группы граждан ЕС, и поэтому директива не имеет к ним индивидуального отношения. Истцы обратились с апелляционной жалобой в Европейский суд правосудия¹⁴.

14 января 2021 года Европейский суд правосудия отклонил апелляцию, оставив в силе решение суда низшей инстанции о прекращении дела по действующим основаниям. Суд решил, что суд низшей инстанции (Европейский суд общей юрисдикции) не допустил юридической ошибки, придя к выводу о том, что истцы не доказали, что оспариваемая директива имеет для них индивидуальную значимость [4].

10 Hartmann J. (2022). European Climate Litigation: A Tale of Two Courts // GNHRE. 13th April 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gnhre.org/community/european-climate-litigation-a-tale-of-two-courts/> (дата обращения: 03.10.22).

11 Hornkohl L. (2021).

12 Simon F. (2019). EU dragged to court for backing forest biomass as 'renewable energy' // EURACTIV. March 4, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/eu-dragged-to-court-for-backing-forest-biomass-as-renewable-energy/> (дата обращения: 03.10.22).

13 Catanoso J. (2022). Activists vow to take EU to court to fight its forest biomass policies // Mongabay. March 14, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mongabay.com/2022/03/activists-vow-to-take-eu-to-court-to-fight-its-forest-biomass-policies/> (дата обращения: 03.10.22).

14 EU Biomass Plaintiffs v. European Union // Climate Change Laws of the World (2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/geographies/european-union/litigation_cases/eu-biomass-plaintiffs-v-european-union (дата обращения: 03.10.22).

Выводы:

1. Очевидно, что перенесение вопросов о защите климата и климатическом кризисе в залы судебных заседаний, является эффективным способом борьбы за защиту окружающей среды. Однако, если на национальном уровне климатические активисты одержали ряд громких побед в судах (дело «Urgenda», дело «Neubauer, et al. v. Germany»), то на региональном уровне дела о климате в Суде правосудия ЕС (СЖЕУ) зашли в тупик.

2. Наиболее обсуждаемыми исками, поданными в Суд ЕС (СЖЕУ), были так называемое «Всенародное дело о климате» и дело «О биомассе». Оба иска были выдвинуты непосредственно против Европейского Союза. Истцы оспорили ряд нормативных актов ЕС, утверждая, что указанные акты нарушили как учредительные договоры ЕС, так и права человека (права истцов) в соответствии с Хартией ЕС об основных правах.

3. Оба дела были отклонены как недопустимые, поскольку истцы не выполнили строгие процессуальные требования Суда ЕС (СЖЕУ). В обоих случаях суд следовал устоявшейся доктрине «Плауманна» (Plaumann doctrine), которая делает практически невозможным для отдельных лиц или организаций, представляющих экологический интерес, возбуждать дела в Европейском суде правосудия (СЖЕУ). Заметим, что после этих решений были реформированы правила о подаче исков в Суд ЕС. В «Орхусский регламент» ЕС (Aarhus Regulation) были внесены поправки, облегчающие запрос на «внутренний пересмотр» (internal review) – процедуру, которая позволяет некоторым неправительственным организациям просить Европейскую комиссию рассмотреть вопрос о том, противоречит ли принятый ею акт экологическому праву ЕС¹⁵.

4. Можно полностью согласиться с мнением Л. Хорнколь¹⁶ и других авторов о том, что в отношении климатических исков прецедент *Плауманна* является слишком ограничительным и не обеспечивает надлежащего доступа к правосудию. Проблема в том, что изменение климата затрагивает всех, нынешнее и будущие поколения. Как утверждали истцы, тот факт, что эффект от нормативных актов ЕС является общим и, следовательно, ущерб является более серьезным, делает соответствующие правовые акты непригодными для судебного пересмотра в соответствии с доктриной *Плауманна*. Суд ЕС становится жертвой заблуждения: чем серьезнее вред, тем больше людей пострадало, тем меньше шансов на индивидуальную защиту – довольно парадоксальный результат.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е. П. О проекте общеевропейского закона о климате и проблемах нормативного регулирования «зеленого» финансирования в Европейском Союзе // Государство и право. - 2020. - № 5. - С. 96-107. DOI: 10.31857/S013207690009682-2.
2. Энтин Л. М. Лиссабонский договор и реформа Европейского Союза // Журнал российского права. - 2010. - № 3 (159). - С. 104-115.
3. Фролова Е. Е. Новая экосистема финансового рынка Европейского Союза: цифровизация и устойчивость народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2020. - Том 24. - № 3. - С. 673-694.
4. Van Zeben, J. The Role of the EU Charter of Fundamental Rights in Climate Litigation // German Law Journal. - 2021. - № 22 (8). - P. 1499-1510. Doi:10.1017/glj.2021.78.

15 Hartmann J. (2022). Op. cit.

16 Hornkohl L. (2021). Op. cit.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-52-54

СЕКАЧЕВА Александра Александровна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народа

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ PROPTech В СТРАНАХ ЕС

В публикации осуществлен анализ правовой регламентации технологий в недвижимости в Европейском союзе. Рассмотрен феномен PropTech. Определен уровень законодательного регулирования обозначенных технологий в ЕС. Перечислены новейшие нормативные акты ЕС, которые могут стать самыми весомыми документами для всего международного сообщества. Речь идет о законах о цифровых рынках и о цифровых сервисах. Кроме этого, исследовано законодательство о защите персональных данных. Сделаны выводы об ужесточении правовой регламентации данной области. Перечислены имеющиеся правовые проблемы, связанные с использованием PropTech.

Ключевые слова: международное право, PropTech, технологии, Европейский союз, цифровизация.

SEKACHEVA Alexandra Alexandrovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL REGULATION OF THE PROTECH SPHERE IN THE EU COUNTRIES

The publication analyzes the legal regulation of technologies in real estate in the European Union. The phenomenon of PropTech is considered. The level of legislative regulation of the designated technologies in the EU has been determined. The latest EU regulations are listed, which can become the most significant documents for the entire international community. We are talking about laws on digital markets and digital services. In addition, the legislation on the protection of personal data has been investigated. Conclusions are drawn about the tightening of the legal regulation of this area. The existing legal problems related to the use of PropTech are listed.

Keywords: international law, PropTech, technologies, European Union, digitalization.

Еще десять лет назад довольно проблематично было представить в практической деятельности словосочетание «цифровизация в недвижимости». Современный период характеризуется существенным ростом развития отрасли недвижимости, однако раньше последняя достаточно медленно адаптировалась к происходящим трансформациям. Указанное возможно объяснить пандемией коронавируса, которая ускорила цифровую модернизацию всех сфер жизнедеятельности общества.

Анализируемый процесс возможно описать в качестве изменения ключевых принципов определенной деятельности согласно требованиям современной цивилизации, осуществляемого посредством введения новейших технологий, процессов и стратегий.

В настоящее время технологии в недвижимости стремительно разрушают устоявшиеся стереотипы о прохождении ряда этапов, таких как поиск, покупка, аренда или продажа и т. д.

Инновации активно выдают реакцию на возникающие потребности различных отраслей экономики в виде актуальных и продуктивных решений. После реализации этапа финансовых технологий (сокращенно FinTech) в мировую практику пришла новая тенденция в виде технологий в недвижимости (сокращенно PropTech).

Нет никаких сомнений в том, что PropTech на текущий момент находится в центре реализуемой цифровой революции.

Прежде, чем перейти в характеристике стран Европейского союза, невозможно не упомянуть об отечественном опыте в исследуемой сфере.

В Российской Федерации осуществляется активное освоение технологий в недвижимости. На текущий момент одним из актуальных вопросов является переход страны к технологии BIM (в переводе означающая бизнес, информация, моделирование).

Наиболее продвинутыми странами в применении обозначенной выше технологии являются США, Великобритания, а также страны Европейского союза.

Стоит отметить, что в Европе довольно широкая и перспективная экосистема технологий в недвижимости, которая насчитывает практически 3 тысячи стартапов и 15 национальных сетей PropTech. Последние функционируют с целью создания взаимосвязи между стартапами и корпорациями в сфере недвижимости, облегчая цифровую трансформацию в рассматриваемой области.

Ввиду указанного в 2019 году в Брюсселе страны ЕС объединились, создав в результате Europe PropTech House. Организация, которую финансирует Европейский Союз, имеет своими задачами расширение трансграничного сотрудничества, оказание помощи европейским институтам в создании правовой базы, адаптированной к новым технологиям PropTech, помочь стартапам и масштабируемым компаниям в экспорте продукции на новые европейские рынки.

Еще раньше, в 2016 году для обмена опытом между странами Европейского союза относительно применения BIM-технологии была организована EU BIM Task Group.

Таким образом, исходя из опыта ЕС в сфере PropTech, можно предположить, что правовое регулирование данного термина находится на высоком уровне.

Тем не менее, попытка определить понятие PropTech является несколько затруднительной. Отчет Университета Оксфорд представил исследуемый термин в качестве трех составляющих:

1. умные здания, являющие собой технологию, облегчающую использование зданий и управление ими;
2. FinTech, рассматриваемые как технологии, которые способствуют облегчению торговли недвижимостью;
3. экономика совместного потребления, представляющая собой технологию, которая упрощает использование пространства посредством взаимодействия потребителей и продавцов через приложения, платформы или сайты [1, с. 6].

Помимо перечисленных, в отчете имеются два дополнительных элемента PropTech:

1. ConTech - решения технологического характера, предназначенные для проектирования, планировки и строительства (например, цифровой двойник, печать 3 д, робототехника и пр.);
2. LegalTech - технология, созданная для оптимизации операций и изменения условий торговли недвижимостью.

Обзор применяемых инноваций способствует лучшему пониманию того, каким образом PropTech может вызвать изменения сферы недвижимости. Кроме этого, следует задуматься о проблемах правового характера, с которыми сталкивается общество по мере внедрения и распространения рассматриваемой технологии.

Европейские страны, безусловно, далеко ушли от других государств в сфере нормативного регулирования средств защиты и конфиденциальности. Американцы уже длительное время пытаются обогнать ЕС, однако по настоящее время успехи США в обозначенной области не могут противостоять странам Европейского союза.

Так, в текущем году ЕС завершил деятельность по разработке серьезных правовых актов. В начале ноября 2022 вступили в силу два новых закона:

1. О цифровых рынках (DMA, расшифруемая как Digital Markets Act);
2. О цифровых сервисах (DSA, расшифруемая как Digital Services Act).

Перечисленные нормативные акты характеризуются в качестве первого исчерпывающего свода норм, необходимых для онлайн-платформ, от которых сфера технологий в недвижимости имеет существенную зависимость. Вполне очевидно, что новые законы повлияют, в первую очередь, на деятельность таких крупных платформ, как Эпл или Гугл. Ввиду принятия новых правил указанным гигантам придется кардинальным образом пересмотреть правила применения магазинов приложений.

Новое законодательство охватывает практически все составляющие цифрового сегмента. Законом «О цифровых рынках» предлагает набор нормативных установок, предназначенных для крупных платформ. Для них введено понятие посредника. К последнему, например, относится компания:

1. обладающая весомым экономическим положением на рынке ЕС;
2. обладающая существенной посреднической позицией, то есть может соединить множество предприятий;
3. обладающая либо имеющая высокий потенциал к тому, чтобы занимать прочное положение на рынке (это зна-

чит соответствовать первым двум элементам в течение трех лет подряд)¹.

Интересно отметить и то, что распространение рассматриваемых законов не ограничено только Европейским союзом. Нормативные акты содержат требования, в соответствии с которыми будут установлены организации, которые могут обладать статусом посредника. После присвоения последнего компании дается полгода для того, чтобы «подстроить» деятельность под новые требования.

Таким образом, целью указанных нормативно-правовых актов являются два преимущественных направления:

1. борьба с монополизацией цифрового рынка, заключающаяся в препятствии крупным компаниям подавлять конкурентов;
2. ужесточение регулирования предлагаемого потребителю контента.

Представляется, что совместными усилиями эти законы создадут самые крупные и весомые правила для всего мирового интернета. Они могут прийти на замену известным правилам, также разработанными Европейским союзом, именуемые Общее положение о защите данных (GDPR).

General Data Protection Regulation - нормативный акт, принятый Евросоюзом в 2016 году с тем, чтобы осуществить регулирование и усовершенствовать прозрачность и открытость обработки персональных данных². Он устанавливает требования к обработке, о передаче и защите личной информации потребителей.

Интересно отметить, что под действие указанного выше закона подпадают не только привычные данные (например, имя), но и специфические:

1. IP-адрес;
2. файлы cookie;
3. информация о геолокации.

Распространение GDPR происходит на всех операторов, которые осуществляют обработку данных граждан Европейского союза и других лиц, которые находятся на его территории. При этом имеет место ситуация, когда нормы обозначенного закона относятся и к иным странам, например:

1. банк иного государства должен учитывать нормы GDPR в процессе обработки данных клиентов-граждан этой страны при нахождении последних в ЕС;
2. дочерняя организация компании государства, которая осуществляет деятельность на территории ЕС;
3. применение файлов cookie на сайте с интерфейсом на языках ЕС [2, с. 27].

Базисом нормативных положений General Data Protection Regulation выступают принципы, содержание которых следует изобразить в виде таблицы 1.

Стоит отметить, что правовое регулирование ЕС сферы, связанной с технологиями в недвижимости, идет по пути

1 Digital Markets Act // Most recent version from May 11, 2022. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.digital-markets.eu> (дата обращения: 20.11.22).

2 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504&qid=1532348683434> (дата обращения: 20.11.22).

Таблица 1. Принципы GDPR

Наименование	Суть
законность, открытость, справедливость	соответствие процесса обработки персональных данных закону, осуществление общедоступной политике по работе с личными сведениями;
минимизация сведений	анализ только такого объема персональных данных, который необходим для достижения указанных целей;
точность	обрабатываемые сведения верны и точны (так как в ином случае субъект данных может потребовать их удалить или изменить);
ограничение целей	анализ персональных данных реализуется для конкретных и четко поставленных целей;
ограничение хранения	после достижения цели обработки сведения должны быть удалены;
конфиденциальность	анализ персональных данных осуществляется безопасно, а сведения защищены от незаконного доступа.

ужесточения. Последнее действует в отношении операторов, обрабатывающих личные данные пользователей. Анализируемое законодательство защищает, в первую очередь, субъектов персональных данных.

Также среди ключевых целей выделяют:

1. предоставление гражданам контроля над персональными сведениями;
2. внедрение актуальных стандартов реализации защиты информации;
3. цифровизация процесса, связанного с защитой данных;
4. создание правовой базы для международного сообщения;
5. обеспечение строгого соблюдения принятых норм участниками ЕС³.

Помимо этого, закон предусматривает, что операторы обязаны получить согласие потребителя на обработку сведений, а последний имеет право потребовать полной информации о содержании этих данных и условиях, при которых они обрабатываются. Также субъекты личных сведений могут требовать удаления информации о себе даже без наличия достаточных к тому причин.

Безусловно, помимо успеха ЕС в правовом регулировании сферы PropTech, имеется ряд проблем, в том числе нормативного характера.

Интеллектуальная собственность и защита данных: могут возникнуть вопросы юридического характера о том, как данные были получены и каким образом их защищать. Проблема возникает ввиду специфичности PropTech и ее малой изученности.

Возможная блокировка: технология PropTech в ближайшем будущем будет иметь для бизнеса в сфере недвижимости решающее значение, ввиду чего следует избегать подобной проблемы.

Возникновение новых видов соглашений. В сфере PropTech будут фигурировать искусственный интеллект или автоматизация, ввиду чего потребуются изменить привыч-

ную форму соглашений. Например, применение новых технологий на этапе строительных работ, таких как цифровая печать или беспилотный летательный аппарат, потребует от юристов их нормативного закрепления.

Резюмируя, стоит отметить, что, несмотря на наличие некоторых проблемных аспектов, сфера PropTech стремительно развивается, принося области недвижимости эффективность и продуктивность. Европейский союз сделал существенные шаги на пути к активному использованию технологий в недвижимости посредством принятия ряда нормативных актов и регулярно совершенствуя их.

Пристатейный библиографический список

1. PropTech 2020. The future of Real Estate. University of Oxford Research. Saïd Business School. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sbs.ox.ac.uk/sites/default/files/2020-02/proptech2020.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Чурилов А. Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 21-29.
3. Одинцов С.В. Цифровые права – для цифровой эпохи // Современное право. – 2019. – № 9. – С. 74-77.

3 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504&qid=1532348683434> (дата обращения: 20.11.22).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-55-57

СТРУГОВЕЦ Лилия Александровна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов, юристконсульт

ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ КЛИМАТА

В статье рассматриваются особенности рассмотрения судебных дел о защите климата в странах Евросоюза на примере нескольких последних решений, вынесенных на протяжении 2022 года, и предлагаются способы выявления и управления возникшими потенциальными финансовыми и репутационными рисками для ответчиков, приводящие к изменению политики и законодательства в вопросах защиты климата.

Ключевые слова: изменение климата, судебные разбирательства, выбросы углерода, декарбонизация, эмитенты ценных бумаг, устойчивое развитие, климатическое законодательство, управление климатом.

STRUGOVETS Liliya Alexandrovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, legal adviser

FEATURES OF CONSIDERATION OF COURT CASES ON CLIMATE PROTECTION

The article examines the specifics of the consideration of climate protection court cases in the EU countries on the example of several recent decisions made during 2022 and suggests ways to identify and manage potential financial and reputational risks for defendants that lead to changes in policy and legislation on climate protection.

Keywords: climate change, litigation, carbon emissions, decarbonization, issuers of securities, sustainable development, climate legislation, climate management.

Прозрачность в судебном процессе

По мере того, как изменение климата продолжает набирать обороты, вызывая все более экстремальные, изменчивые и непредсказуемые погодные явления по всему миру, все большее число компаний, стран и эмитентов могут столкнуться с растущим числом судебных проблем в отношении своих стратегий или предполагаемого (осознанного) отсутствия усилий по борьбе с изменением климата. Успешные или нет, такие дела могут не только повысить осведомленность о последствиях изменения климата, но и привлечь внимание к тем, кто недостаточно раскрывает информацию о климате или проводит операции, связанные с изменением климата, что придаст силы глобальным усилиям по декарбонизации.

Инвесторы, регулирующие органы, клиенты и другие ключевые заинтересованные стороны все чаще призывают к прозрачности рисков и возможностей компаний и стран, связанных с климатом. В ответ на это корпоративная отчетность быстро выросла: 90 % компаний из S & P-500 опубликовали отчет об устойчивом развитии в 2020 году, по сравнению только с 20 % в 2011 году (Институт управления и подотчетности, 2020).

Все чаще компании, особенно в Европе, используют интегрированную систему отчетности, в соответствии с которой они раскрывают информацию, связанную с устойчивым развитием, вместе с традиционными финансовыми отчетами в одном документе. Комиссия США по ценным бумагам и биржам также недавно объявила о предложении по новым правилам обязательного раскрытия информации об измене-

нии климата [1, с. 1]. Тенденции указывают на то, что объем раскрытия информации, связанной с устойчивым развитием, вероятно, продолжит расти с течением времени. В то же время заинтересованные стороны все чаще требуют раскрытия высококачественной информации, которая подчеркивает значительные финансовые риски в условиях изменения климата.

С этой целью во всем мире растет число судебных разбирательств, в которых ссылаются на законы о ценных бумагах в попытке заставить эмитентов ценных бумаг быть более прозрачными в отношении рисков и возможностей, связанных с климатом.

Судебный процесс включает в себя широкий спектр юридических аргументов, начиная, среди прочего, от:

– мошенничества или введение в заблуждение о том, что эмитент знал о рисках, связанных с изменением климата, и решил не раскрывать их, поскольку они обоснованно полагают, что это снизит оценку их предложений ценных бумаг;

– утверждения о том, что эмитент не сделал достаточных действий для измерения, а затем раскрытия своих климатических рисков.

Реже, но примечательно, встречаются даже так называемые иски о «промывании», в которых утверждается, что маркетинговые материалы компаний ложно рисуют радужную картину климатических рисков и стратегического позиционирования эмитента. В приведенном ниже тематическом исследовании приводится пример юридических проблем,

1 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sec.gov/files/sec-2021-agency-financial-report.pdf>.

непосредственно связанных с раскрытием информации эмитентом о климате (или ее отсутствием).

Этот актуальный вопрос может вновь возникнуть в будущих судебных процессах по климату: т.е. те, кто принимают недостаточно амбициозные цели на 2030 год и далее, могут быть либо оспорены, либо обойдены истцами, добивающимися более амбициозных действий.

В связи с этим, недавнее решение Федерального конституционного суда Германии по делу *Neubauer* может «стать канарейкой в угольной шахте» для ЕС. Кроме того, было установлено, что Германия нарушила фундаментальные права, предусмотренные Конституцией (Основным законом), в обстоятельствах, когда она нацелена на сокращение выбросов по меньшей мере на 55 % к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года. ЕС поставил перед собой такую же цель в соответствии с новым Климатический закон ЕС [2, с. 1].

Транснациональные сети внесли жизненно важный вклад в успех *Climate Case* Ирландия, помогая обеспечить, чтобы уроки климатических судебных процессов в других странах могли эффективно перенести на ирландский контекст. С самых первых дней работы над делом и кампании в Ирландии, Ургенда и ее Сеть климатических судебных процессов играли жизненно важную вспомогательную роль, предлагая советы и поддержку [3, с. 1]. В этом отношении вклад юристов Ургенды: Денниса ван Беркеля, Тессы Хан и Люси Максвелл. Особенно следует отметить, что директор Ургенды – Маржан Миннесма также посетила Ирландию для участия в ряде мероприятий в поддержку дела в преддверии слушаний в Высоком суде.

В целом, помимо непосредственной юридической команды и команды кампании, в деле были задействованы многочисленные юристы и другие эксперты как в Ирландии, так и за рубежом.

Решение Верховного суда было по-разному охарактеризовано в прессе: «переломный момент», «сейсмический», и «поворотный момент для управления климатом в Ирландии».

Одно из самых важных заявлений о правах поколений и предлагающее признаки того, как личные права и конституционные обязанности могут быть представлены в экологическом контексте в будущем».

Пробелы в законодательстве, влияющие на исход дел

Примечательной особенностью Ургенды и «Климатического дела Ирландии» является то, что право ЕС не было в делах заявителей, что может показаться странным для тех, кто считает ЕС лидером в области климатического законодательства и политики.

Климатическое законодательство ЕС не является привлекательной перспективой, поскольку:

– его разделение между системой торговли выбросами (ETS) и выбросами, не относящимися к ETS;

– его сложное использование базовых показателей, которые в некоторых случаях отличаются от базового показателя 1990 года, обычно используемого РКИК ООН;

– его сложное использование базового показателя 1990 года.

РКИК ООН, а также множество правовых инструментов создают сложный лабиринт, в котором суд может быстро запутаться.

Стратегия, использованная в деле *Climate Case Ireland*, была намного проще и чище, поскольку факты были настолько на стороне истцов, что четкое изложение этой истории было одним из самых мощных оружий FIE [4, с. 1]. Данная стратегия включала в себя анализ десятилетия:

1) сравнение общего объема выбросов парниковых газов на национальном уровне в 1990 году с прогнозируемым уровнем в 2020 году;

2) сравнение этих цифр с рекомендациями МГЭИК относительно необходимого сокращения между 1990 и 2020 годами;

3) разработка юридических аргументов, основанных на разрыве между законом и исполнением решения суда.

Однако не это является главной причиной того, что законодательство ЕС не занимало заметного места. Скорее, дело в том, что ЕС сам принял цель на 2020 год, которая не достигала 25 – 40 % рекомендованных МГЭИК: (всего лишь) 20-процентное сокращение по сравнению с уровнем 1990 года.

Таким образом, соблюдение обязательств по законодательству ЕС или вклад в достижение коллективной цели ЕС на 2020 год не может быть хорошей защитой от предполагаемого нарушения фундаментальных прав, основанного на разрыве между МГЭИК и целями государства-члена ЕС.

Влияние климатических судебных разбирательств на изменения в законодательстве и политике

Прямым результатом победы FIE в деле «Климатическое дело Ирландии» стало то, что Национальный план по смягчению последствий изменения климата 2017 года был отменен, что означало необходимость разработки нового плана, соответствующего законодательству [5, с. 1].

Необходимо было разработать новый, юридически соответствующий План. Интересно, однако, что государство не стало дожидаться исхода дела до разработки нового плана: оно составило новый План действий по защите климата в 2019 году и пыталось опираться на этот новый план при защите в разбирательстве по климатическому делу Ирландии,

2 Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021. Establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 («European Climate Law») (OJ L 243, 9.7.2021, P. 1). Germany has since raised its 2030 target to at least 65 % and brought forward its net zero target year to 2045: Clean Energy Wire (2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1119> (дата обращения: 01.10.2022).

3 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.urgenda.nl/en/themes/climate-case/global-climate-litigation.

4 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.climatecaseireland.ie/>

5 Adelmant V., Alston P., and Blainey M. (2021b). Courts, Climate Action and Human Rights: Lessons from the Friends of the Irish Environment v. Ireland Case. In Rodríguez-Garavito, C. (ed.), *Litigating the Climate Emergency: How Human Rights, Courts and Legal Mobilization Can Bolster Climate Action*. – Cambridge University Press. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=3763200.

утверждая, что Национальный план по смягчению последствий изменения климата 2017 года был «живым документом» и что суд не должен отменять этот план как неадекватный, поскольку суд должен принять во внимание учитывать последующие изменения, такие как План климатических действий 2019 года.

Верховный суд понял это, согласившись с аргументом FIE о том, что План действий по изменению климата 2019 года в любом случае не является уставным: «он не является планом в том смысле, в котором этот термин используется в Законе 2015 года. Он, например, не прошел через процесс общественных консультаций, который предусмотрен Законом 2015 года».

В любом случае, давление, созданное «Климатическим делом Ирландии», явно было одним из важных факторов, способствовавшим разработке нового, более амбициозного Климатического плана действий на 2019 год, всего через два года после принятия Национального плана по смягчению последствий 2017 года.

Как прокомментировал в то время один из ведущих юристов в области охраны окружающей среды, «я не сомневаюсь в том, что дело было главным среди мотивов для срочного принятия правительством своего Климатического Плана действий в области климата в июне 2019 года» [6, с. 1-23].

Климатическое дело Ирландии было первым делом, в котором ирландские суды привлекли правительство к ответственности за бездействие в отношении изменения климата. Это дело является одним из трех столь же громких, «стратегических» климатических дел на международном уровне, в которых высший национальный суд установил, что политика правительства по смягчению последствий изменения климата не соответствует закону [7, с. 1].

Эта цепочка событий может представлять интерес о разделении властей в климатическом судопроизводстве: в данном случае воздействие дела было нелинейным и исполнительная власть приняла новый климатический план не потому, что ей приказал это сделать суд, а, в частности, потому что правительство могло опираться на этот новый план при защите в суде.

В решении, опубликованном 29 апреля 2021 года, Федеральный конституционный суд Германии присоединился к другим судам по всему миру в их критике правительств за неспособность принять эффективные меры против изменения климата. Суд постановил, что Закон Германии о защите климата от декабря 2019 года недостаточен для выполнения обязательств Германии по климату.

Принцип устойчивого развития лежит в основе обоснования решения, требуя, чтобы политические действия учитывали последствия для нынешнего и будущих поколений [8, с. 1].

В Германии есть свое собственное революционное суждение, сложившееся из дела Нойбауэра и др. против Германии. Вынесенное Конституционным судом Германии (Bundesverfassungsgericht или GCC) и установившее требование к законодателю о более эффективной и быстрой защите от изменения климата [9, с. 1].

В конечном счете Суд потребовал пересмотра закона к концу 2022 года.

Таким образом, наиболее громкие дела показывают, что суды, привлекая правительства и компании к ответственности за недостаточные действия по решению проблемы климата могут компенсировать отсутствие политической воли и вовлеченности государств, а также отсутствие эффективного применения существующих нормативных положений о защите климата.

Пристатейный библиографический список

1. Adelmant V., Alston P., and Blainey M. Human rights and climate change litigation: one step forward, two steps backwards in the Irish Supreme Court // *Journal of Human Rights Practice*. – 2021a. – Vol. 13. – № 1. – Pp. 1-23.

6 Adelmant V., Alston P., and Blainey M. Human rights and climate change litigation: one step forward, two steps backwards in the Irish Supreme Court // *Journal of Human Rights Practice*. – 2021a. – Vol. 13. – No 1. – Pp. 1-23. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scilit.net/journal/130666> (дата обращения: 01.10.2022).

7 Kelleher Orla. The Supreme Court of Ireland's decision in Friends of the Irish Environment v Government of Ireland («Climate Case Ireland»). EJIL: Talk! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/the-supreme-court-of-irelands-decision-in-friends-of-the-irish-environment-v-government-of-ireland-climate-case-ireland/> (дата обращения: 01.10.2022).

8 Bäumler J. Sustainable development made justiciable: the German constitutional court's climate ruling on intra- and inter-generational equity. EJIL: Talk!, blog of the European Journal of International Law. – 2021. – 8 June. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/sustainable-development-made-justiciable-the-german-constitutional-courts-climate-ruling-on-intra-and-inter-generational-equity/> (дата обращения: 01.10.2022).

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2021/bvg21-031.html> (дата обращения: 22.02.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-58-62

БЕЛИКОВ Евгений Олегович

студент 1 курса Группы 22Б12-Ю (с углубленным изучением китайского языка и права КНР (код 40.03.01)) кафедры теории и истории государства и права Факультета Юриспруденции Санкт-Петербургского государственного университета

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КНР И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XX СЪЕЗДА КПК

XX съезд КПК начал свою работу 16 октября 2022 г. в Пекине, на котором присутствовало 2340 делегатов от 96 миллионов членов коммунистической партии.

Выступая на съезде с докладом генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин отразил долгосрочные планы внутренней и внешней политики.

Китай должен стать великой и современной социалистической страной по всем критериям – вот цель которая должна быть достигнута, провозглашено в докладе. Поставлена задача достичь такую цель в два этапа.

Первоначально до 2035 г. – осуществить социалистическую модернизацию, а начиная с 2035 до 2049 г., достигнуть рубежей процветающего, сильного демократического и развитого социалистического государства в честь столетнего юбилея КНР.

Проведя успешную всеобъемлющую модернизацию, не эксплуатируя природные и трудовые ресурсы слабо развитых стран, не имея колоний, Китай является второй такой страной в цивилизованном мире.

Китай не требует от других стран пренебрегать своей автономией подчиняясь гегемонии, и это реальная принципиальная позиция КНР, о чем заявлено в отчетном докладе ЦК КПК XX съезду партии.

Целью данной работы является анализ антикоррупционной политики, как элемента правовой системы КНР до и после XX съезда КПК.

Объектом исследования является Антикоррупционная система КНР.

Предмет исследования – правовые реформы КНР на рубеже XX и XXI столетий.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии исторического значения XX съезда КПК и правовой системы КНР о борьбе с коррупцией

Возможность практического применения: результаты проведенной работы целесообразно использовать в качестве лекционного материала для студентов юридических факультетов, как будущей основы кадрового состава органов прокуратуры и следствия, проводя сравнительный анализ достоинств и недостатков антикоррупционной борьбы КНР, сравнивая результаты этой борьбы с аналогичными целями и задачами, решаемыми в Российской Федерации.

Ключевые слова: XX съезд КПК, КНР, коррупция, антикоррупционная политика, правовая система.

BELIKOV Evgeniy Olegovich

student of the 1st course of the Group 22B12TH(with in-depth study of the Chinese language and the law of the People's Republic of China (code 40.03.01)) Theory and history of state and law sub-faculty of the Faculty of Jurisprudence of the Saint Petersburg State University

THE LEGAL SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA ON COMBATING CORRUPTION IN THE LIGHT OF THE DECISIONS OF THE XX CONGRESS OF THE CPC

The XX Congress of the CPC began its work on October 16, 2022 in Beijing, attended by 2,340 delegates from 96 million members of the Communist Party.

Speaking at the congress with a report, General Secretary of the CPC Central Committee Xi Jinping reflected long-term plans for domestic and foreign policy.

China should become a great and modern socialist country by all criteria – this is the goal that should be achieved, the report proclaims. The task is to achieve such a goal in two stages.

Initially until 2035 – to carry out socialist modernization, and from 2035 to 2049, to reach the frontiers of a prosperous, strong democratic and developed socialist state in honor of the centennial anniversary of the PRC.

Having carried out a successful comprehensive modernization, without exploiting the natural and labor resources of poorly developed countries, without having colonies, China is the second such country in the civilized world.

China does not require other countries to neglect their autonomy by submitting to hegemony, and this is the real principled position of the PRC, as stated in the report of the CPC Central Committee to the XX Party Congress.

The purpose of this work is to analyze the anti-corruption policy as an element of the legal system of the People's Republic of China before and after the Twentieth Congress of the CPC.

The object of the study is the Anti-Corruption System of the People's Republic of China. The subject of the study is the legal reforms of the People's Republic of China at the turn of the XX and XXI centuries.

The theoretical significance of the work lies in the disclosure of the historical significance of the Twentieth Congress of the CPC and the legal system of the People's Republic of China on the fight against corruption

The possibility of practical application: It is advisable to use the results of the work carried out as a lecture material for law students, as a future basis for the personnel of the prosecutor's office and investigation bodies, conducting a comparative analysis of the advantages and disadvantages of the anti-corruption struggle, comparing the results of this struggle with similar goals and objectives being solved in the Russian Federation.

Keywords: XX CONGRESS of the CPC, PRC, corruption, anti-corruption policy, legal system.

Введение

В своей статье специалист по Китаю Е. И. Кычанов писал, «чтобы узнать страну, надо знать ее право. Чтобы полнее изучить историю страны, надо изучить и историю ее права» [1].

Говоря о правовой системе КНР надо отметить ее смешанный характер, который представляет собой комплекс и древние правовые традиции, и современное законодательство, основанное на идее «социализм с китайской особенностью», при этом затрагивая некоторые принципы романо-германского права.

Коррупция - это собирательный термин [4, с. 21]. Как отмечает ООН, попытки дать определение коррупции «непрерывно сталкиваются с юридическими, криминологическими и во многих странах политическими проблемами» [5, с. 10]. Согласно Конвенции ООН в уголовном законодательстве большинства стран мира ставится акцент не на коррупцию, а на конкретное коррупционное действие, такое как дача взятки, попытку подкупить должностное лицо, воровство государственной собственности, нецелевое использование имущества, злоупотребление служебным положением и его влиянием, незаконное обогащение и некоторые другие.

Что касается китайского права, то в нем предусмотрена уголовная ответственность за все деяния, которые отражены в Конвенции ООН в отношении коррупции.

Распространёнными фактами привлечения к уголовной ответственности получили решения судов против государственных чиновников и в первую очередь по трем составам преступлений: взятка (ст. 385-386 УК КНР) [6], хищение (ст. 382-383) и злоупотребление служебным положением в корыстных целях (ст. 397).

Конвенция возлагает на государства обязательства признать уголовно наказуемыми разные аспекты коррупции, но не предписывает конкретных мер наказания, предоставляя возможность странам участникам самостоятельно определить ответственность виновного лица.

В уголовном кодексе КНР два вида совершенных преступлений предусматривают максимальную меру наказания - смертную казнь. Это получение взятки и за хищение государственной собственности (ст. 383, 386).

Хочется отметить, что смертная казнь сегодня теряет свою эффективность.

Главной проблемой сегодня становится утечка похищенных капиталов за рубеж.

Иностранные государства, как правило, отказывают в запросах по экстрадиции и возвращению капиталов, ссылаясь на правозащитные соображения, если подозреваемому на родине грозит смертная казнь [3, с. 222].

Методы и принципы исследования

В настоящей работе применялся в первую очередь «Исторический метод» исследования, что позволило получить и изучить исторически значимые материалы по исследуемой теме. Мы смогли собрать максимальный объем информации по изучаемому вопросу с возможностью изучить материал в деталях, ознакомиться с фактами познаваемого материала во всем конкретном многообразии исторического процесса.

Примененный метод исследования процесса «Правовая система КНР о борьбе с коррупцией в свете решений XX съезда КПК» позволил изучить как причинно-следственные связи изучаемого вопроса, так и результаты применения правовых норм в борьбе с этим пагубным явлением в обществе.

Применение логического метода позволило нам исследовать общие закономерности и результаты применения объекта познания.

Большое значение в настоящей работе имеет и статистический метод, применение которого позволило определить

цифровые значения, дающие характеристику изучаемого вопроса.

Антикоррупционная политика КНР, как элемент правовой системы

Основными особенностями в китайском мировоззрении и воспитании отводится родственным связям. Для любого китайца главное – это верность и преданность своей семье. И эта вера является главенствующей в его поведении.

Традиционная религия конфуцианство и даосизм ориентированы на семью и семья является основой жизни в китайском обществе.

Конфуцианская догма «почтение к родителям» стоит выше, чем закон и отношение к государству.

Почитаешь своих родителей – значит, будешь почитать Императора и Небо. Не почитаешь родителей, но уважаешь Императора и Небо, значит с большой долей вероятности притворяешься или будешь слабовольным. Это основа или фундамент, который лежит в основе становления законопослушного гражданина [7].

Преобладание норм морали над правовыми нормами, не исключая самых важных, стоят в основе решения любых проблем общественной жизни.

В основе такого понимания права является нормы конфуцианского учения. Именно они лежали в основе идеологии в Китайской империи практически до революционных событий 1911 г.

Следуя нормам конфуцианства на первом плане стоит воспитание и убеждение, а принуждение и власть переходит на второй.

Китайцы не разделяют европейскую идею права, ее строгость и абстрактность. Для каждого из них интересы всех должны стоять в основе жизни в обществе, а не убеждение в своих правах каждого из его членов. Нужно быть готовым идти на компромисс, забыть о себе в интересах общего дела.

Любое решение должно отвечать критерию справедливости и гуманности. Его не должны втискивать в границы юридической нормы. А компенсация нанесенного вреда не должна быть неподъемным грузом на плечах виновного и привести к разорению его семьи.

Следуя нормам этического учения конфуцианства, любой кто считает по отношению к себе пренебрежимым правилами «ли» - правилами справедливости и в гармонии поведения, обязан следовать к разрешению конфликтной ситуации спокойно и беспристрастно, спокойно обсуждая возможность решения возникшей проблемы. В противовес разжиганию страстей и разногласий, вознося свои права в основу и обращаясь в суд.

Субъективное право, как таковое в Китае отсутствовало вплоть до начала XX века.

Основной источник права в КНР - закон и нормативный акт.

Именно они лежат в основе Конституции, документах Постоянного комитета ВСНП, постановлениях Государственного совета, в подзаконных актах других государственных органов управления на местах.

«Смертоносная война» в Китае ведется с коррупцией. Переход к рыночной экономике от плановой и лег в основу этой борьбы с таким явлением. И такой борьбой характеризуются 80 годы 20 века.

Эти годы под руководством нового руководителя Компартии Си Цзиньпина ознаменовались началом борьбы против чиновников всех уровней, которые превышали свои властные полномочия. Началась компания с целью раскрытия целого ряда крупных преступлений, связанных с коррупцией. А начиная с конца 2012 года эта борьбы продолжилась еще с большей силой против тех, кто решил поживиться государственными деньгами.

Выступая на Политбюро ЦК КПК в декабре 2012 года Си Цзиньпин, обратился к чиновникам с призывом сменить свой роскошный образ жизни на обычный, «чтобы завоевать доверие и поддержку» населения [8].

Так, ведя борьбу с коррупцией в разных направлениях, придается особое внимание на принятие соответствующих постановлений, директив и резолюций с целью усовершенствования законодательства для борьбы с коррупцией.

Совершенствуя уголовное законодательство КНР в «Закон о борьбе с коррупцией и взяточничеством» вошел один из 17 предложенных вариантов [9] и был принят 14 марта 1997 год (вступив в силу 1 октября 1997 года). Надо заметить, что он не был нигде опубликован, стал закрытым документом и подлежал использованию только судебными и прокурорскими работниками [2, с. 27].

Следуя принимаемым законам, входящими в уголовный кодекс, для коррупционных чиновников и пойманных за руку партийных деятелей любого звена стали выносить очень жесткие приговоры. Это были большие сроки тюремного заключения или в отдельных случаях смертная казнь.

Совершенствовались и применяемые методы сметной казни. Расстрел заменили гуманной смертной инъекцией. Появилась и двухлетняя отсрочка в исполнении приговора, которая позволила получить замену: пожизненное заключение взамен смертной казни. При этом требовалось искреннее раскаяние и примерное поведение осужденного. Но конфискация имущества оставалась всегда.

В Китае 27 октября 2005 года была ратифицирована Конвенция ООН по борьбе с коррупцией и 14 декабря 2005 года вступила в законную силу.

Помимо ранее уже существовавших структур для борьбы с продажными чиновниками такими как ЦК КПК по контролю за дисциплиной в конце 2007 года в Китае создали Национальное бюро борьбы с коррупцией при Верховной народной прокуратуре КНР. К функциям этого учреждения стали относиться задачи по выявлению коррупционеров, разработка мер по борьбе с коррупцией и даже самостоятельные ведения расследований. На местах создавались аналогичные структуры.

Существенным достижением в сформированной базе по законодательству, связанной с пресечением коррупционных связей стал «Закон о государственных служащих» 2005 года, в котором определены меры наказания для сотрудников управленческого аппарата КНР в случае их причастности к взяточничеству или нарушения дисциплины. Сегодня уже нет «неприкосновенных» должностей среди чиновников и госслужащих.

Продолжая антикоррупционную борьбу был принят Закон «О борьбе с отмыванием денег». Ротация кадров на всех уровнях власти стала одним из способов борьбы, с целью разорвать складывающиеся со временем как служебные и родственные, так дружеские и иные связи между чиновниками во всех органах власти.

За время проведения реформ в экономике не ушли от уголовной ответственности более миллиона чиновников партийно-государственных учреждений.

Даже угроза смертной казни не останавливает коррупционеров. Страх не препятствует сговору между представителями бизнеса и членами чиновничьего аппарата. Возможно плодотворной почвой для коррупционеров является развитие экономики от политических реформ, что позволяет чиновникам уходить от контроля со стороны общественности при управлении госимуществом. Это позволяет коррупционерам использовать народные активы переводя их в личную собственность.

Начиная с 2007 года ЦК КПК постановляет проявлять снисходительность к тем, кто добровольно согласится сознаться в преступлении или преступном деянии.

С октября 2007 года по июнь 2012 года было подано более 6,606 млн. жалоб в отношении коррупционных лиц. И как результат, было привлечено к ответственности более 668 тыс. человек, нарушивших антикоррупционное законодательство.

С 2007 по 2012 годы в Китае было рассмотрено более 640 тыс. коррупционных преступлений. И свыше 660 тыс. коррупционеров наказаны [10].

Зарубежные эксперты считают, что потери в экономике от деятельности коррупционных чиновников в КНР составляют ежегодно 13-17 % ВВП, около 20 % государственных денег перетекает в карманы нерадивых чиновников. Такими чиновниками отмывается более 25 млрд. долл. Объем нецелевых затрат из бюджета составляет более 8,5 млрд. долларов.

Анализируя итоги 2010 года по имеемым в открытой печати данным высшую меру наказания и пожизненный срок заключения в Китае получили 11 чиновников высшего ранга. Среди которых, четверо чиновников получили пожизненный срок и семеро приговорены к высшей мере - смертная казнь.

ЦБ КНР в опубликованном отчете за июнь 2011 года заявил о том, что за предыдущие двадцать лет за пределы границ Китая сбежали более 16 тысяч партийных чиновников, часть из них покинули Родину в неизвестном направлении. Среди них оказались и чиновники органов безопасности, и юстиции, руководители Государственных предприятий, ведомств, расположенных за пределами КНР. Они увезли с собой не менее 800 млрд юаней или 127 млрд долларов. Обращает на себя внимание скорость вывоза за пределы Родины чиновниками членов своих семей.

В связи с создавшейся ситуацией были приняты новые правила, в которых установлена необходимость предоставлять информацию своим руководителям о любом изменении в своем семейном положении, месте проживания своих детей и супруги в случае предполагаемого выезда за границу, о своих доходах, жилье, которое находится в собственности и инвестициях своей семьи.

С января 2022 года на новый уровень поднялась борьба с преступлениями, связанными с земельными участками, получением образования и в сфере защиты окружающей среды, в вопросах трудоустройства и здравоохранения, получении социальной защиты и области, связанной с безопасностью пищевых продуктов и лекарственных средств.

Центральной роль в такой борьбе отводится непосредственно самому генеральному секретарю Си Цзиньпину, о чем заявлено на пленуме ЦК КПК, который проходил с 9 по 12 октября 2022 г.

Пленум определил день проведения XX съезда КПК с 16 октября этого года под председательством своего лидера. На Пленуме было заявлено о безоговорочной победе с коррупцией, результаты которой отражены в коммюнике.

Партия считает, что к 2035 году как экономика, так и научно-техническая мощь страны достигнут значительного роста. Возрастут и доходы среди городского населения и среди граждан, занимающихся сельским хозяйством.

Сократится разрыв в уровне жизни между этими категориями населения.

Произойдет модернизация в системе государственного управления на базе внедрения ключевых цифровых технологий.

При этом борьба с коррупцией будет продолжаться.

И прежде всего она будет направлена в такие отрасли как образование и социальное обеспечение, медицину и экологию. Будут решаться вопросы борьбы с бедностью.

С этой целью, защищая социальную справедливость, поставлен вопрос о необходимости создать такую систему в государстве, при которой чиновник не осмелится и не сможет иметь желание создавать коррупционные связи. У нас нет альтернативы борьбе с коррупцией, заявил Си Цзиньпин. Мы должны усилить контроль и надзор за всеми категория-

ми чиновников, должностными лицами, ужесточить меры их ответственности, создать более жесткие меры наказания в том числе на выборных процедурах и движении по служебной лестнице. И эта работа должно стать непрерывной для нашей партии и ее членов, если мы хотим быть навсегда как передовая часть общества, сохранить и чистоту своих рядов, и жизнеспособность самой партии.

С 2012 по 2020 годы привлеченных к ответственности чиновников за коррупционные правонарушения составило более 4 миллионов человек. При том, что численность КПК составляет 90 миллионов, это очень большая цифра.

Уголовная ответственность сроком от 1 до 7 лет грозит за взятку от 5000 юаней, что составляет примерно 58,5 тысячи рублей, а при сумме ниже, то чиновнику грозит строгое дисциплинарное взыскание и потеря должности. За последнее пятилетие к уголовной ответственности был привлечен 101 функционер ЦК КПК. При этом обычно виновными становятся руководители провинций, чиновники городов центрального подчинения. Попадаются и руководители национальных топливно-энергетических и финансовых, страховых и транспортных компаний. За период с 2017 по 2020 годы в Китай репатрировано из-за рубежа свыше 6 тысяч сбежавших функционеров. При этом, эти люди в 2019-м вернули в казну порядка 586 миллионов долларов США.

На сегодняшний день в Китае взятки деньгами уже стараются не брать. Счета с доходами и расходами под жестким контролем со стороны контрольных органов. Чиновники низшего ранга не отказываются от подарков, пользуются нецелевым использованием служебной машины, путешествиями по миру и другими расходами за государственный счет. Провозят роскошные свадьбы и дорогие похороны родственников.

А чиновники более высокого ранга, как правило, получают благодарности в иного рода – в виде роскошных строений на берегу моря или шикарных апартаментов в зарубежных странах. Не отказываются и от персональных яхт и дорогих автомобилей, причем регистрируют их или на своих родственников, или на подконтрольных им лицам.

Одним их характерных примеров стала гибель 23-х летнего сына бывшего начальника канцелярии ЦК КПК Лин Цзихуа. Парень совершил аварию и врезался на своем «Феррари» огромной стоимости в бетонную стену. Такое событие привлекло внимание к отцу виновного со стороны органов партийного контроля. При проверке зарплаты отца оказалось, что этих денег не хватает на покупку такого автомобиля. Попытка как-то замаять гибель своего сына, подключив все свои связи в полиции, не привели к успеху. Состоялся суд, отцу предъявили обвинение в коррупции и вынесли приговор о пожизненном сроке заключения.

В последние годы применение смертной казни к государственным казнокрадам применяют все реже. Этой меры наказания заслуживают чиновники при получении взятки в размере от 100 тысяч юаней, что составляет более 1,1 миллиона рублей. Таким образом, пожизненное заключение становится заменой высшей мере наказания. Если виновный заслуживает смертного приговора, то этот факт становится обнародованным по всем каналам телевидения КНР. А после приведения приговора в исполнения родственникам выставляют счет на 8 юаней, что составляет 93,5 рубля за две пули, которыми виновный был расстрелян.

У всех на слуху решение суда в Тяньцзине, который казнил бывшего председателя государственной компании по управлению активами China Huarong Лай Сяомина. Следственные органы установили, что виновный руководитель возглавляя компанию получил взятку на 280 миллионов долларов.

Коррупционер имел более ста дорогих апартаментов и такое же число любовниц, о ком он заботился, особо устраивая их на работу в госкомпанию [11].

Значительная чистка партийных рядов началась в Китае в 2012 году и связано это с избранием Си Цзиньпина Генеральным секретарем КПК. Первоначальные действия нового руководителя партии стали: ужесточение партийного контроля среди чиновников высшего уровня власти. Результаты такой работы не заставили себя долго ждать. В 2013 году ранее занимавший пост секретаря парткома города центрального подчинения Чунцин Бо Силай, и занимавший до этого пост члена Политбюро Центрального комитета КПК, был исключён из партии. Он получил в суде приговор пожизненного лишения свободы за коррупционные связи и растрату государственной казны в особо крупном размере.

Аналогичные преступления и аналогичное наказание получил бывший министр общественной безопасности КНР, который контролировал правоохранительные органы КНР, член Постоянного комитета Политбюро в 2007-2012 годах Чжоу Юнкана.

Такие решения по возбужденным уголовным делам против чиновников высокого ранга дало ясный сигнал всем коррумпированным членам КПК о том, что теперь неприкасаемых не будет.

Борьба с коррупцией в Китае ведется системно. От ответственности и как следствие от наказания за мздоимство нет возможности уйти.

Условно всех партийных функционеров разделили на категории [12]:

«**Тигры**» – это лица, занимающие должности в центральных органах КПК и в правительстве, являются руководителями крупного государственного предприятия или финансового учреждения.

«**Мухи**» – это аппаратчики низшего уровня в уездах или в городских районах.

«**Лисы**» – это коррупционеры, которые смогли бежать за рубеж, унеся с собой награбленное.

Помимо выше названных фигурируют и «**голые богачи**» – это государственные чиновники, которые отправили из КНР в другие страны своих членов семей, а украденные денежные средства обезопасили на оффшорных счетах.

Всеми этими категориями лиц в первую очередь занимаются члены Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД). Это фактически партийная спецслужба, у которой создана разветвленная сеть территориальных органов контроля и свои оперативно-розыскные, силовые и следственные подразделения. Свою деятельность они не ограничивают только территорией Китая. Они негласно работают в странах, где пытаются скрыться от правосудия сбежавшие коррупционеры. Члены ЦКПД работают и пределами КНР, принуждая коррупционеров вернуться на родину и вернуть похищенные деньги. Надо отметить, что им удается, как правило этого добиться. Обвинение в коррупции в Китае это клеймо на весь род.

Как ни странно звучит, но основным источником информации о коррупционерах являются доносы граждан. Именно с доноса начинается практически 60-70 % всех расследований против коррупционных чиновников. За год таких доносов бывает более трех миллионов. Кроме этого ведется мониторинг и аккаунтов в социальных сетях чиновников, их детей и жен.

Любой донос рассматривается незамедлительно. И если он получает подтверждение, то подозреваемого тут же изолируют от общества, исключая возможность препятствовать следствию и оказывать давление на свидетелей. И впоследствии уже дело направляется в Верховную народную прокуратуру КНР.

Наказание преследует не только самого коррупционера, но и членов его семьи до дальних его родственников с конфискацией имущества, исключением из партии и увольнением с работы.

Масштабы такой работы в настоящее время настолько огромны, что по информации из открытых источников под следствием находится до 10 % всех чиновников страны. Если учесть численность населения Китая, то это огромная цифра. По своей сущности все эти показательные расстрелы коррупционеров, которые предали свою Коммунистическую партию и присваивающих государственную собственность, есть инструмент борьбы с врагами партии и попытками усмирить бунтующие элитные группы.

Заключение

В 2022 году успешно завершил свою работу XX-й съезд КПК, на котором провозглашен величественный план возрождения великой китайской нации.

Борьба со взяточничеством в КНР носит как уголовный, так и политический характер. Основное направление этой борьбы является противодействие частному капиталу в создании в КПК отдельных групп влияния, создание фракций, которые пытаются оказывать давление на принятие решений в государственной политике.

Одним из основных вопросов на съезде стояла проблема подавления коррупции. Партия считает, что это коррупция наносит самый большой вред как партии так и самому обществу в вопросах экономического роста КНР.

Партия развернула бескомпромиссную и беспрецедентную борьбу с коррупционерами. Были ликвидированы затаившиеся опасности как внутри партии, так и в самом государстве и армии. В настоящее время в Китае стоит задача построить «чистое государство».

Это не что иное, как предупреждение для членов внутренней оппозиции. КПК намерено и впредь жестко бороться с ее проявлениями.

В текущем моменте времени существуют и новые риски. Так, за последние десятилетия при активном развитии IT технологий, социальных сетей, цифровизация экономики, при активном участии крупного частного капитала, эти направления имеют огромные рычаги возможного давления на членов общества в сфере государственного управления.

Остаются риски сохранения коррупционной составляющей как внутри КПК так и непосредственно в вооруженных силах страны.

Центральная комиссия, которая занимается проверкой дисциплины (ЦКПД) и является главным надзорным органом, призвала повысить бдительность и не допускать «снисхождения к гражданам, которые не оставили своих целей создавать свои фракции и группы по интересам. Экспансия капитала есть источник коррупции и поставила своей целью разорвать связь между политической властью и частным капиталом.

Искоренение коррупции и борьба с ней в последнее десятилетие приобрела невиданные масштабы в истории страны. «Народ дал нам власть и мы должны делать то, что следует делать. Нам придется обидеть тех, кого следует обидеть... Если мы не обидим коррупционеров, то мы обидим 1,3 млрд граждан нашей страны» [13].

Пристайный библиографический список

1. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII-XIII вв.). М., 1986. С. 3.
2. Современное право КНР / Под ред. Л.М. Гудошникова и Л. Кржижковского. М., 1985. С. 27.
3. Брюн Ж.-П. и др. Руководство по возврату активов для специалистов-практиков. М.: Всемирный банк и УНП ООН. 2012. С. 222; Stephenson K.M. et al. Barriers to Asset Recovery. Washington: The World Bank and UNODC, 2011.
4. UN Guide for Anticorruption Policies / UNODC. Vienna, 2003. P. 21-34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.unodc.org/pdf/crime/corruption/UN_Guide.pdf.

5. The Global Programme against Corruption. UN Anti-Corruption Toolkit / UNODC. Vienna, 2004. P. 10.
6. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики. Принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukknr.ucoz.ru/index/0-11> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
7. Антикоррупционная кампания в КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/680204> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
8. Закон КНР о противодействии коррупции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://martaponti.ru/zakon-knr-o-protivodeistvii-korrupcii-antikorrupcionnaya-kampaniya-v-knr.html> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
9. Антикоррупционная кампания в КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doverie25.ru/statyi/41-antikorrupcionnaya-kampaniya-v-knr.html> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
10. Журнал LIVE. Правда и мифы о коррупции в Китае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://masterok.livejournal.com/7748644.html> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
11. Журнал ПАРТНЕР. Как Китай борется с коррупцией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2021/6/174/10440/kak-kitaj-boretsja-s-korrupciej?lang=ru> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
12. Пятый пленум 19-й Центральной комиссии по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая (КПК) (январь 2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oblgazeta.ru/society/120029/> (дата обращения: 13.01.2023 г.).
13. Си Цзиньпин. Противодействие коррупции в Китае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skurkys.livejournal.com/1030555.html> (дата обращения: 13.01.2023 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-63-64

ВИЛЬНОВА Валентина Андреевна

аспирант Пензенского государственного университета, адвокат пензенского филиала Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы

КАТЕГОРИЯ ВРЕДА КАК ФАКТОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье рассматривается категория вреда как основание законодательных изменений. Интерес к данной проблематике связан с большим массивом новых нормативно-правовых актов, принятие которых стало результатом развития собственной социокультурной, национальной, конституционной идентичности, а также ответом на глобальные трансформации, происходящие на международной арене. Проанализирован механизм появления правового запрета, побудительным мотивом которого выступает вред как социальное явление. А также рассмотрено преобразование вреда как социального явления в правовую форму. Дано понятие категории вреда, ее соотношение с системой ценностей, закрепляемой правом.

Ключевые слова: категория вреда, социальный вред, ценность, система ценностей, правотворческий процесс, изменения законодательства.

VILNOVA Valentina Andreevna

postgraduate student of the Penza State University, lawyer of the Penza branch of the Moscow Interregional Bar Association

CATEGORY OF HARM AS A FACTOR OF LEGISLATIVE CHANGES

The article considers the category of harm as the basis for legislative changes. Interest in this issue is associated with a large array of new legal acts, the adoption of which was the result of the development of their own socio-cultural, national, constitutional identity, as well as a response to global transformations taking place in the international arena. The mechanism of the emergence of a legal prohibition is analyzed, the motive of which is harm as a social phenomenon. It also considers the transformation of harm as a social phenomenon into a legal form. The concept of the category of harm, its correlation with the system of values, enshrined in law, is given.

Keywords: category of harm, social harm, value, system of values, law-making process, changes in legislation.

Вильнова В. А.

Президент Российской Федерации в обращении к гражданам неоднократно отмечал, что мир вступил в период революционных трансформаций, которые носят фундаментальный характер. Общество прибывает в состоянии поиска новых стратегий устойчивого развития и закрепления новых ценностных ориентиров.

Изменения законодательства, сопровождая социальные, политические, экономические перемены, которые выступают в роли факторов этих изменений, создают основу для формирования механизмов реализации принятых обществом ценностей.

Среди ключевых ценностей называются как широко применяемые конституционно-правовые понятия и принципы (свобода, права человека, демократия, равноправие, гражданский мир, безопасность, суверенная государственность, правосудие, верховенство права, государственное единство, разделение властей, парламентаризм и др.), так и социально-нравственные категории, гуманитарный смысл которых конституционализируется благодаря их включению в текст конституции (счастье, любовь, добро, справедливость, солидарность, уважение, преданность, верность, общая судьба, единство народа, согласие, долг и др.) [8, с. 88].

Конституционные поправки 2020 года закрепили сложившиеся социокультурные и духовные ценности как основу национальной идентичности и самоидентификации российского народа, установили приоритет национальных начал в праве над универсальными [9, с. 409], [5, с. 66].

Категория вреда напрямую связана с системой ценностей, принятой в обществе. Это соответствует нормативному и доктринальному толкованию вреда. Согласно первому объектом вреда является благо, охраняемое законом, второму – благо, имеющее социальную и культурную значимость (ценность) в обществе.

Право нормативно закрепляет систему ценностей социума, и тем самым унифицирует понятие вреда, как пося-

гательства на общественно-значимые блага, и противостоит ему посредством запретов и санкций. В этом проявляется его охранительная функция [3, с. 76].

Сбалансированное состояние урегулированности общественных отношений воспринимается индивидами и их коллективами в качестве ценности; названная ценность достигается посредством правомерного поведения, то есть поведения, соответствующего нормам права [7, с. 59]. Так право становится ценностью, а вред синонимом противоправности.

В то же время вред нельзя ограничить только критерием противоправности. Безусловно, что любое нарушение права есть вред. Но также известны случаи, когда возможно причинение вреда общественным отношениям и благам, которые еще не приобрели своего правового закрепления. В таком случае вред, как фактор объективной действительности, становится основанием или побудительным мотивом для правового регулирования, защиты и охраны этих отношений и благ.

Следует отметить, что вред может рассматриваться и как самостоятельное социальное явление, которое имеет место во всех сферах жизни общества политической, экономической, культурной.

Западные ученые П. Хиллард, К. Пантасис, С. Томбс, Д. Гордон сформировали отдельную науку о социальном вреде – земиологию, которая противопоставляется традиционной криминологии. Однозначный взгляд на определение социального вреда отсутствует, однако представители данного направления едины в том, что социальный вред понятие более широкое, чем преступление, и должно включать в себя все негативные деяния, даже те, которые не криминализованы [10, с. 298].

Определение сущности социального вреда осложняется его оценочным характером. Представляется справедливой позиция Т. Реймена согласно которой, социальный вред трансформируется в риски, которыми нужно управлять; и

задачей ученых, юристов, политиков становится изобретение оригинальных способов смягчить наихудшие последствия возможного вреда [11, с. 147].

Данный подход созвучен с мнением В. М. Сырых о том, что «искусство правотворческого органа в том и состоит, чтобы найти такие юридические средства, которые позволяли бы нейтрализовать негативные факторы и усиливали бы действие позитивных. В противном случае действие негативных факторов будет более интенсивным, нежели правовых средств» [1, с. 168].

В юридическом смысле термином «фактор» обозначаются причины, движущие силы возникновения и развития правовых норм. Социальным фактором законодательной деятельности следует считать то или иное явление общественной жизни, так или иначе воздействующее на выявление потребности в правовом регулировании, на разработку, принятие, изменение или отмену закона, на его нормативное содержание [2, с. 64].

Проанализируем механизм воздействия категории вреда на законодательные изменения на примере Федерального закона от 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, педофилии и смены пола (далее – ФЗ № 479).

В ФЗ № 479 были внесены следующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений наступает независимо от того, на кого она направлена; установили ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных предпочтений, смены пола, педофилии; ужесточили ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних; ввели ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения (предпочтения), либо информации, способной вызвать у них желание сменить пол.

В пояснительной записке к проекту ФЗ № 479 перечислены негативные и потенциально вредоносные действия – пропаганда, то есть публичное одобрение и формирование привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, педофилии и смены пола; формы их реализации – распространение через средства массовой информации и сеть «Интернет», через проведение общественных мероприятий, демонстрация таких отношений в кино, литературе, продукции музыкальной индустрии.

Их вред заключается в том, что они направлены на социальную группу детей и молодежи, которые еще не способны критически мыслить и сформировать свое зрелое отношение к подобным явлениям. А также они несут угрозу демографическому росту и экономическому развитию страны, поскольку подрываются его основные традиционные институты: семьи, материнства, детства, которые в новой редакции Основного закона Российской Федерации закреплены как основополагающие ценности российского общества.

Так, часть 1 статьи 38 Конституции устанавливает, что материнство и детство, семья находится под защитой государства, а часть 4 статьи 67.1 Конституции, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики. Пункт «ж1» части 1 статьи 72 Конституции определяет, что брак есть союз мужчины и женщины. Пунктом «в» части 1 статьи 114 Конституции установлено, что Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики, в том числе поддержку укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей [12].

На предложенном примере можно проследить последовательность действий, в результате которых появляется нормативно-правовой запрет на причинение вреда. Первоначально законодатель закрепляет благо, признаваемое социумом в качестве ценности, которое приобретает правовую защиту и охрану. Затем формулируются конкретные усло-

вия, которые образуют состав административного правонарушения, влекущего юридическую ответственность.

Таким образом, действия опасные и вредоносные по своей сути (распространении информации, одобряющей нетрадиционные отношения, смену пола, педофилию) стали основанием для правового регулирования в результате которого, вред как социальное явление трансформировалось в правовое. Произошло преобразование квалификации первоначального явления, из вредного оно становится противоправным. И именно категория вреда, которая объединяет его социальную природу и правовую форму является необходимым звеном, влияющим на изменения законодательства.

Как верно отмечают А. В. Малько и М. А. Костенко целенаправленно воздействовать на правовую действительность возможно только при условии наличия алгоритма действий, скоординированных и поддержанных необходимыми инструментами, требующимися для позитивных изменений в праве [6, с. 25]. Алгоритм действий заключается в постоянном правовом мониторинге и контроле над категорией вреда, уточнении ее содержания, результатом которых становятся законодательные изменения.

Пристатейный библиографический список

1. Акопян О. А., Власова Н. В., Грачева С. А. [и др.]. Правовые модели и реальность: монография / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. - Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. - XIV. - 280 с.
2. Власенко Н. А. и др. Нормотворческая юридическая техника. - Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2011. - 312 с.
3. Лазарев В. В. Избранное последнего десятилетия. - Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. - 760 с.
4. Вильнова В. А. Категория вреда в механизме правового регулирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - № 9. - С. 122-125.
5. Лукьянова В. Ю. Новый концепт соразмерности универсальных и национальных ценностей в российском законодательстве // Журнал российского права. - 2022. - Т. 26. - № 9. - С. 53-69.
6. Малько А. В., Костенко М. А. Юридическая техника и юридическая технология: комплексный характер взаимодействия // Государство и право. - 2022. - № 7. - С. 22-29.
7. Суменков С. Ю. Правомерное поведение как содержательная основа правопорядка // Юридическая наука и практика: вестник нижегородской академии МВД России. - 2021. - № 1 (53). - С. 58-61.
8. Умнова-Конюхова И. А. Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен // Государство и право. - 2021. - № 5. - С. 81-93.
9. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник российской академии наук. - 2020. - Том 90. - № 5. - С. 403-414.
10. Paddy HILLYARD, Christina PANTAZIS, Steve TOMBS et Dave GORDON (dir.), Beyond Criminology: Taking Harm Seriously, Black Point, Fernwood Publishing, 2004, 352 pages.
11. Thomas Raymen The Enigma of Social Harm and the Barrier of Liberalism: Why Zemiology needs a theory of the Good // Justice, Power, and Resistance: The Journal of the European Group for the Study of Deviance and Social Control. - 2019. - V. 3. - Issue 1. - P. 134-163.
12. Пояснительная записка к Федеральному закону 05.12.2022 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. № 217472-8 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности (duma.gov.ru) (дата обращения: 22.12.2022).

ВЛАДИМИРОВА Дарина Сергеевна

преподаватель кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАСТНЫЕ НАЧАЛА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос о соотношении частных и публичных начал в правовом регулировании геномных отношений, гармоничное использование позволит разработать наиболее эффективные способы защиты нарушенных прав, установить стабильность в развитии геномных отношений. Для целей настоящей статьи дан краткий анализ международной судебной практики, отечественного законодательства на предмет вмешательства государства в соответствующие сферы общественных отношений.

Ключевые слова: частное право, публичное право, геномные отношения, правовое регулирование, баланс частных и публичных интересов.

VLADIMIROVA Darina Sergeevna

lecturer of Theory of state and law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

PUBLIC AND PRIVATE PRINCIPLES OF THE GENOMIC RELATIONS LEGAL REGULATION

This article has considered the issue of the relation between private and public principles in the legal regulation of genomic relations, harmonious usage will allow to develop the most effective ways to protect violated rights, establish stability in the development of genomic relations. For purposes of this article the brief analysis of international judicial practice, domestic legislation concerning the state intervention in the relevant areas of public relations is provided.

Keywords: private law, public law, genomic relations, legal regulation, balance of private and public interests.

В теории права проблема соотношения частного и публичного начал в регулировании общественных отношений не является новой. Достаточно подробно этот вопрос рассмотрел в своей работе Б. Б. Черепахин [5], продемонстрировав сложности в выделении универсальных критериев. Тем не менее, вопрос является актуальным в особенности при включении в предмет правового регулирования новых общественных отношений. Таковыми являются геномные отношения, специфика которых ставит новые задачи и вызовы при выборе тех или иных методов и способов правового воздействия и формировании особого правового режима. Кроме того, на сегодняшний день остаются неопределенными пределы вмешательства государства в сферу регулирования использования геномных технологий, развитие которых в науке и активное использование в медицине идет стремительными темпами. В целом, исторические реалии не раз подтвердили необходимость разумного сочетания частных и публичных начал в правовом регулировании, что позволяет закрепить относительное равенство субъектов права и их особый правовой статус, установить стабильность развития геномных отношений, определить эффективные способы защиты нарушенных прав и восстановления законных интересов.

Как правило, в качестве существенного критерия деления права на частное и публичное рассматривают частный или общий (публичный) интерес. В своей первооснове геномные отношения ближе к проявлению частнопровых начал, поскольку затрагивают конкретного индивида, его нематериальные блага и косвенно с ними связанные материальные. В качестве основных нематериальных благ выступают: жизнь, здоровье, личная жизнь и ее тайна, персональные

данные, генетическая информация, материнство, отцовство, детство и другие.

Поскольку изначально нематериальное благо служит исключительно частным целям, а именно личным интересам гражданина – лица, которому они принадлежат. Реализация личного неимущественного права, возникающего по поводу этого блага, направлена на выявление, развитие и сохранение индивидуальности личности [3, с. 40]. Соответственно при его использовании в публичных целях возникает необходимость нахождения баланса между частными и публичными интересами [2, с. 144]. Кроме того, особенность нематериальных благ предполагает в большей своей степени охрану общественных отношений, объектом которых они являются.

Преобладание частных начал в регулировании геномных отношений, определенный уровень свободы, характерный для данных отношений не только позволяет реализовывать законный интерес конкретного индивида, но и служит серьезной основой для развития науки в целях удовлетворения возникающих в этой связи потребностей. Ранее, например, вопросы материнства затрагивали ограниченный объем возможностей, на сегодняшний момент наука допускает рождение дизайнерских детей. Представляется, что в данном случае государство, в случае если и не устанавливает каких-либо дополнительных правовых ограничений или требований, то занимает наблюдательную позицию, вероятно осуществляя сбор информации для дальнейшего правового регулирования.

Международная судебная практика на сегодняшний день уже содержит в себе примеры необходимости поиска баланса частных и публичных интересов, например, в отношении использования и хранения генетической и геномной

Владимирова Д. С.

информации. ЕСПЧ в известном деле «Перуццо и Мартенс против Германии» по вопросу создания адекватных гарантий эффективной защиты сохраненных персональных данных от неправомерного использования и злоупотребления.

В другом деле «Ван дер Вельден против Нидерландов» поддержал вмешательство в право на уважение личной жизни, которое не является его нарушением до тех пор, пока такое вмешательство соответствует целям защиты общественного порядка, когда рассматривался вопрос взятия и хранения клеточного материала и составления геномного профиля осужденного. Тем не менее, подчеркнул уже не единожды необходимость надлежащего регулирования вопросов установления адекватных гарантий эффективной защиты сохраненных персональных данных от неправомерного использования и злоупотребления, которое может быть несовместимо с положениями статьи 8 Конвенции.

Нарушение границ допустимого вмешательства в право на уважение личной жизни ЕСПЧ продемонстрировал в деле «Марпер против Соединенного Королевства» в отношении вопроса хранения клеточного материала и геномного профиля, что такое вмешательство неоправданно, когда хранится и используется клеточные материалы и информация лиц, подозревавшихся, но не признанных в установленном порядке виновными в совершении преступлений. Суд в данном деле дополнительно отметил спорность возможности бессрочного хранения таких данных, а также необходимость дифференциации сроков хранения в отношении лиц, совершивших преступления различной степени тяжести, и рекомендовал исключить бланкетный и неизбирательный характер права хранения генетических и геномных данных.

Еще одной распространенной сферой общественных отношений, в которой активно используются геномные технологии, где также актуален вопрос определения баланса частных и публичных начал в правовом регулировании является зачатие, вынашивание и рождение детей, использование вспомогательных репродуктивных технологий с возможностью внесения изменений в геном ребенка и рождения дизайнерских детей. По мнению некоторых авторов в данном вопросе вмешательство в частные интересы может быть необходимо и оправдано, поскольку излишняя свобода способна нанести урон не только морально-нравственным ориентирам, но и способно повлечь трансформацию природы родительских отношений. За основу в таком случае берется защита частного интереса, носителем которого является сам ребенок – слабая сторона данных правоотношений.

Вопросы материнства в целом относятся к тайне личной жизни, закрепленной частью 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации, где устанавливается право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Конституционный суд Российской Федерации указал, что в понятие «частная жизнь» так же включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер¹.

Рождение «дизайнерских детей» стало возможным благодаря применению предимплантационной генетиче-

ской диагностике, в результате проведения которой можно выбрать эмбрион с необходимыми характеристиками. Изначально созданная генетическая технология, призванная отслеживать наследования тяжелых болезней, позволила рассматривать и иные варианты ее использования, в том числе и так называемого «негативного улучшения», ярким примером которого является поиск возможностей появления на свет у глухих родителей глухонемого ребенка. Таким образом, может идти речь о необходимом ограничении прав родителей на выбор рождаемого ребенка.

Таким образом, возможность установления определенных требований в отношении, например, предельного возраста субъектов, использующих вспомогательные репродуктивные технологии, количества и качества параметров при выборе эмбриона в результате предимплантационной генетической диагностики будет потенциально являться прямым вмешательством в частные интересы и личную жизнь непосредственно.

Оправданность такого подхода кроется в том, что сама по себе возможность вмешательства в геном будущего ребенка затрагивает глубоко философские вопросы [1, с. 33], [4, с. 43-44] и само по себе может нарушать право на идентичность, а значит может влиять на всю потенциальную жизнь такой личности. Несмотря на то, что возможность человеческого конструирования и внедрение его активного использования в настоящее время не представляется возможным, поскольку влечет за собой серьезные антропологические риски [2, с. 150], сам по себе вопрос уже требует структурного реагирования в рамках правового поля.

Таким образом, в вопросе определения баланса частных и публичных интересов при регулировании геномных отношений нужно учитывать обстоятельства каждого конкретного случая: в одних - вмешательство государства в права человека, а именно в его частную жизнь, может являться необоснованным на примере бессрочного хранения генетической и геномной информации, однако же в других ситуациях, связанных с активным применением генетических технологий в сфере медицины и науки стоит рассмотреть возможность такого ограничения.

Пристатейный библиографический список

1. Богданова Е. Е. Соотношение частных и публичных начал в правовом регулировании сферы использования геномных и вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2021. - № 1 (11). - С. 32-46.
2. Ксенофонтова Д. С. Правовые основы геномной терапии: в поисках баланса интересов // Lex russica. - 2019. - № 6. - С. 143-152.
3. Малеина М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. - 2014. - № 7. - С. 40-47.
4. Монтоммери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского суда по правам человека. - 2018. - № 3. - С. 42-56.
5. Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве. - М., 2003.

1 Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

ДОВГАНЬ Ксения Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент Юридического института Алтайского государственного университета

ПРИЗНАКИ РАМОЧНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эффективность правового регулирования зависит от многих факторов. В этом вопросе особое значение отводится средствам и источникам правового регулирования. Особыми свойствами обладают рамочные правовые акты. В результате проведенного анализа были определены признаки рамочных правовых актов: комплексный и общий характер; регламентация широкого круга общественных отношений, которые предполагают последующую конкретизацию; содержание относительно определенных норм, которые создают правовую неопределенность в содержании правоотношений.

Ключевые слова: рамочные правовые акты, рамочное правовое регулирование, относительно определенные нормы, конкретизация, неопределенность.

DOVGAN Kseniya Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Altai State University

SIGNS OF FRAMEWORK LEGAL ACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The effectiveness of legal regulation depends on many factors. In this issue, special importance is given to the means and sources of legal regulation. Framework legal acts have special properties. As a result of the analysis, the signs of framework legal acts were identified: complex and general; regulation of a wide range of social relations, which require further specification; the content of relatively certain norms that create legal uncertainty in the content of legal relations.

Keywords: framework legal acts, framework legal regulation, relatively certain norms, concretization, uncertainty.

Довгань К. Е.

Источники правового регулирования имеют важное значение в вопросе укрепления правовой системы и совершенствования законодательства. Не менее важным является разработка эффективного механизма правового регулирования. С. Л. Зивс отмечает, что форма права влияет на эффективность правового регулирования [6, с. 7]. В этом вопросе особое значение отводится источникам правового регулирования.

В юридической литературе разработаны устоявшиеся классификации источников правового регулирования по различным критериям, например, в зависимости от формы выражения, используемых юридических средств, субъектов правотворчества, видов регламентированных правоотношений и др.

С. С. Алексеев определял нормативный правовой акт в качестве основного источника права нашего государства, «формой существования юридических норм» [2, с. 423]. Рассматривал правовой акт, как «внешнее выражение воли, волевых действий (государства, отдельных лиц), направленных на достижение определенного юридического эффекта» [2, с. 415]. И. С. Самощенко также отмечал функциональную связь правового акта с нормами права [10], [11].

Н. Г. Александров рассматривал источники права в рамках деятельности государственных органов [1, с. 53]. В зависимости от статуса органов власти, объема их законодательных полномочий возможно разделение уровней правового регулирования. Однако, это проблематично в силу их тесного взаимодействия [13, с. 159]. В основе разделения часто лежит критерий как субъект правотворчества. Если правовой акт создается федеральным органом, то он относится к федеральному законодательству, если субъектом федерации, то к законодательству субъекта.

А. В. Малько, И. Н. Исаков выделяют разноуровневые правовые системы [8], [9]. Так, для федеративных государств

характерны внутрифедеральные правовые системы [9, с. 6]. В разноуровневых правовых системах открывается «простор» для регионального, локального и индивидуального правового регулирования [8, с. 26]. С одной стороны, это способствует развитию правового регулирования соответствующих уровней, а с другой, может «создавать угрозу сепаратизма, экстремизма, «парада суверенитетов»» [8, с. 26-27] и т.д.

Выражение волевых действий органов государственной власти производится с помощью определенных правовых средств и в определенной форме. Цель правового регулирования определяет выбор определенной формы нормативного правового акта и набора правовых средств. Юридическая техника правового акта определяет его качество [14]. В нормативных правовых актах есть постоянные элементы, в том числе общие положения, которые лежат в основе для правового регулирования.

Рамочное законодательство (рамочный закон, закон-рамка, скелетный закон) как источник правового регулирования существует в зарубежных странах давно и каждый обладает определенными особенностями. Также данный источник существует и в международном праве, например, в области экологического права. Кроме того, при исследовании вопросов правового регулирования в федеративных государствах встречаются упоминания о рамочном правовом регулировании и рамочном законодательстве. Рамочное правовое регулирование является элементом нормативного правового регулирования. К инструментарию рамочного правового регулирования относятся рамочные правовые акты. На основе анализа присущих им элементов, были выделены их общие признаки.

Во-первых, стоит отметить структурные компоненты рамочных правовых актов. По своему содержанию они носят общий, комплексный характер.

Рамочные правовые акты и акты кодификации имеют общие черты. С. С. Алексеев отмечал особенности общих норм в кодифицированных актах: «закрепляют юридические особенности данной отрасли, подотрасли, правового института. А это придает особую юридическую силу кодифицированным актам. Все иные нормативные акты должны издаваться применительно к кодифицированным, хотя бы в них изменялись или отменялись те или иные предписания кодифицированного акта» [2, с. 441]. По мнению С. С. Алексеева, «главный из кодификационных актов – конституция – принимается и изменяется в особом порядке» [2, с. 441]. Еще Л. И. Брежнев, говоря о проекте Конституции СССР 1977 года на седьмой сессии Верховного Совета СССР, отмечал, что она закрепляет «главные, принципиальные положения», которые «раскрываются и конкретизируются» [3, с. 524] в иных актах.

Во-вторых, в основе предмета правового регулирования лежит широкий круг вопросов, в результате чего становится необходимой последующая конкретизация положений рамочного правового акта. «Традиционно охватывают широкий круг вопросов, иногда предельно широкий. В силу этого структурно они выглядят нередко так: преамбула, общий раздел (глава), содержательная часть (статутный раздел; регламентный раздел (главы); раздел о компетенции; раздел об ответственности и др.); раздел о заключительных (или переходных) положениях» [14, с. 55].

В отечественной правовой системе рамочные правовые акты представлены в формах: федерального закона, закона, национальных программ, стратегий, концепций и т.п., включающие в себя определенный набор юридических средств. Механизм правового регулирования предполагает, что в основе данных актов закреплены пределы правового регулирования, используются относительно определенные нормы, общие нормы, которые конкретизируются в других актах, например, в законе субъекта РФ. Примером могут служить нормативные правовые акты в области молодежной политики.

Так, М. И. Семенов отмечает, что федеральные законы в сфере совместного ведения являются рамочными законами (устанавливающие пределы (рамки) правового регулирования [12, с. 76]. При этом стоит отметить, что рамочный правовой акт может конкретизироваться и в актах органов исполнительной власти. В данном случае проявляются не только юридические свойства конкретизации, но и временные, пространственные, социально-экономические, идеологические и иные.

Изменение объема содержания общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования характерно для федеративных государств. Рамочное регулирование используется для расширения предмета правового регулирования, путем разделения компетенции, определения основных прав и обязанностей, которые будут конкретизированы в последующем. В силу многоуровневости правового регулирования в федеративных отношениях рамочное правовое регулирование применяется в свете разграничения предметов ведения и полномочий РФ и субъектов РФ.

В-третьих, содержательная часть рамочных правовых актов состоит из относительно определенных норм.

По мнению Н. А. Власенко «неопределенность рамочных законов обеспечивает гибкость и сбалансированной правового регулирования» [4, с. 75]. М. И. Семенова считает, что рамочные законы «содержат общерегулятивные нормы, не регулирующие общественные отношения напрямую», «при

определенных условиях и федеральный рамочный закон может регулировать общественные отношения, теряя при этом свои черты как принципиального закона» [12, с. 76-77]. А. В. Иванов, рассматривая законодательство в области обращения отходов, выделял «рамочное базовое законодательство», к которому относил Директивы [7, с. 59]. С. В. Глотова отмечает, что рамочное законодательство, как и Директивы, содержит обязательные нормы, которые реализуются иными субъектами на основе их усмотрения «с учетом их особенностей и потребностей» [5, с. 24].

Таким образом, рамочные правовые акты обладают рядом признаков. К ним относятся: комплексный и общий характер; регламентация широкого круга общественных отношений, которые предполагают последующую конкретизацию; содержат относительно определенные нормы и создают правовую неопределенность в содержании рамочного правового акта.

Пристатейный библиографический список

1. Александров Н. Г. Понятие источника и права. - Москва: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. - Вып. VIII. - С. 47-54.
2. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. - Москва: Статут, 2010. - 781 с.
3. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. - Москва: Политиздат, 1978. - Т 6. - 680 с.
4. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. - Москва: НИЦ ИНФРА-М, ИЗиСП, 2014. - 157 с.
5. Глотова Светлана Владимировна. Директивы Европейского Сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 1999. - 195 с.
6. Зивс С. Л. Источники права. - Москва: Наука, 1981. - 239 с.
7. Иванов А. В., Запорожский Д. Г. Обращение с твердыми бытовыми отходами, организационные, технологические и финансово-экономические аспекты (российский и зарубежный опыт). - Калининград: Изд-во ФГОУ ВПО «КГТУ», 2007. - 432 с.
8. Исаков И. Н. Разноуровневые правовые системы: монография / Под редакцией А. В. Малько. - Москва: Юрлитинформ, 2021. - 358 с.
9. Малько А. В., Исаков И. Н. Разноуровневые правовые системы: проблемы упорядочения их взаимосвязей // Вестник Российской правовой академии. - 2017. - № 2. - С. 5-10.
10. Самощенко И. С. Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства // Правоведение. - 1969. - № 3. - С. 26-33.
11. Самощенко И. С. Основные черты нормативных актов социалистического государства // Советское государство и право. - 1968. - № 4. - С. 22-30.
12. Семенов М. И. Представительные органы местного самоуправления в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. - 147 с.
13. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. - М., Юрист, 2001. - 376 с.
14. Юридическая техника: учебное пособие / Под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. - Москва: Эксмо, 2009. - 272 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-69-70

КАРЕВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

ПОЛКОВНИКОВА Татьяна Владимировна

магистрант института права Самарского государственного экономического университета

СУДЕБНО-АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА В МЕХАНИЗМЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рассмотрены сущность института правового регулирования и специфика правового регулирования общественных отношений, вытекающих из аккумуляции, использования и перераспределения денежных фондов. Раскрыта важность судебной защиты финансовых отношений и порядок разрешения споров посредством судопроизводства. Выделены аспекты судебной практики как элемента финансово-правового регулирования; на примере материалов судебной практики рассмотрена специфика разрешения финансовых конфликтов.

Ключевые слова: правовое регулирование, финансовые правоотношения, финансово-правовое регулирование, судебный процесс, судебная практика, институты публичной власти.

KAREV Dmitriy Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

POLKOVNIKOVA Tatyana Vladimirovna

magister student of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

JUDICIAL AND ARBITRATION PRACTICE IN THE MECHANISM OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION

The concept of legal regulation and the features of legal regulation of public relations arising from the use and redistribution of monetary funds are considered. The importance of judicial protection of financial relations and the procedure for resolving disputes through legal proceedings are revealed. Aspects of judicial practice as an element of financial and legal regulation are highlighted, the specifics of resolving financial conflicts are considered on the example of judicial practice materials.

Keywords: legal regulation, financial legal relations, financial and legal regulation, judicial process, judicial practice, institutions of public power.

В структуре современного государства финансовое регулирование приобретает особую роль в силу важности как самих финансовых отношений, положенных в основу централизованного воздействия со стороны институтов публичной власти, так и тех прав, интересов и свобод, которые опосредуются данным видом правоотношений. Как отмечает Лагутин И. Б., правовое регулирование в целом понимает под собой целенаправленное воздействие на систематически повторяемые, волевые, устойчивые общественные отношения с целью их упорядочивания, нормирования и приведения к результату, обеспечивающему правопорядок и сохранность интересов в жизни человека и общества [3, с. 46]. В свою очередь Прокина Я. С. полагает, что механизм правового регулирования связан с возможностью регламентации общественных отношений посредством системы средств и инструментов, которые впоследствии используются в правотворческой и правоприменительной деятельности для обеспечения правового статуса всех субъектов, реализующих свои функции в пределах государства и общества [8, с. 289]. В этом контексте ряд авторов отмечают важность симбиоза таких элементов как нормы права, юридические факты, правоотношения, образующих каркас правового регулирования. Другая группа научных исследователей полагает разумность дополнительного выделения в структуре правового регулирования правосознания, законности, правотворчества и правопорядка.

Тем самым, исходя из вышесказанного, можно резюмировать, что финансово-правовое регулирование есть ни что иное как нормативное воздействие на систему финансовых отношений для их целенаправленной систематизации и упорядочивания для обеспечения интересов органов государственной и местной власти с точки зрения грамотного аккумуляции, распределения и перераспределения денежных средств [4, с. 75]. В этом смысле важно не только обеспечить правоотношения, обуславливающие формирование и использование денежных фондов, но и защитить права тех

субъектов права, интересы которых сопряжены с финансовыми отношениями. В таком случае одним из эффективных способов защиты является деятельность судов и содержание принятых ими решений, образующих специфику судопроизводства и практику рассмотрения судебных дел [12, с. 126].

Примером судебной защиты интересов, опосредующих использование, распределение и перераспределение денежных средств, может выступить деятельность Арбитражного суда Краснодарского края при рассмотрении дела № А32-45661/2021 от 27 декабря 2021 г. Так, истец - Администрация Трудового Сельского поселения Ейского района обратилась в суд с требованием взыскать с ответчика «АССА» неустойку в размере 2929,25 руб., расходы по оплате услуг представителя в размере 70000 руб., а также госпошлину в сумме 13 311 руб. Причиной возникшего спора послужило невыполнение в срок подрядчиком – ООО «АССА» работ по благоустройству парка. Цена контракта на производство соответствующих работ составила 6620968,68 рублей, однако в установленный контрактом срок работы в полном объеме произведены не были. Таким образом, на основании того, что договорные обязательства не были исполнены надлежащим образом, суд принял решение удовлетворить исковые заявления истца [9].

Несмотря на то, что до сих пор в правовой науке не выработано унифицированного понятия на предмет того, что следует понимать под судебной практикой, тем не менее, представители научной общественности полагают, что это есть ни что иное, как деятельность судов, результатом которой становится уточнение правового акта, создание и транслирование нормативных положений, выработка ориентиров при последующем аналогичном разрешении спорных вопросов в судебном процессе и т.д. [2, с. 12]. При этом ряд исследователей полагают, что судебная практика есть не что иное, как формулируемые судебные решения всех судебных органов в РФ; другая группа представителей научной обще-

ственности говорят исключительно о разъяснениях, данных вышестоящими судебными инстанциями.

В свете изучения важности и особенностей применения судебной практики, которая, по выражению Кузнецов Э. В., приобретает роль самостоятельного источника права в контексте регулирования правоотношений, стоит сослаться на содержание двух постановлений Пленума Верховного Суда РФ: № 12 от 30.06.2020 г. и № 13 от 30.06.2020 г., закрепляющих аспекты применения прецедентного права в РФ. Так, к примеру, в отношении деятельности кассационных судов уточняется, что в полномочия судебных органов входит проверка принятых со стороны судов первой и апелляционной инстанции решений тем правовым позициям, которые в ретроспективе озвучивал Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ). В целом принятые постановления направлены на то, чтобы не только сделать судебную практику единой в границах Российского государства, но и обеспечить равную трактовку позиций Верховного Суда РФ как высшего судебного органа по решению экономических и иных споров. В данном случае это будет приводить к тому, что арбитражные суды нижестоящих инстанций обязаны будут учитывать обзор судебной практики ВС РФ в контексте разрешения конкретного спора. Тем самым опыт индивидуально-правовой деятельности судов, положенный в основу рассмотрения арбитражных дел, будет базироваться, учитывать и конкретизироваться с точки зрения разъяснений, транслируемых Верховным Судом РФ коллегам их иных судебных инстанций.

При этом, говоря про практику финансово-правового регулирования, стоит обратить внимание на труд Сангаджиевой К. В., отмечающей, что не каждый аспект деятельности суда стоит трактовать в качестве судебной практики [11, с. 225]. Так, принципиальным становится цель и предмет деятельности, поскольку в основе судебной практики лежит финансово-правовой конфликт, требующий разрешения, а сама деятельность суда подчинена процедуре его рассмотрения. Таким образом, судебная практика в механизме финансово-правового регулирования – это урегулирование финансовых конфликтов посредством реализации правоприменительной деятельности суда. Такого же мнения придерживается Поляков С. Б., утверждая, что при решении дел, связанных с использованием денежных фондов и затрагивающих интересы публичной власти, судебная практика выражает накопленный судами опыт в части использования и применения законодательства, систематизированный в судебных решениях по конкретным делам [7, с. 14].

Примером может выступить деятельность Арбитражного суда Тульской области при рассмотрении дела А68-12770/2020 от 13 января 2022 г. Так, истец – ООО «ГК Эльф» обратился в суд с просьбой признать незаконным решение № 5-Д от 27.05.2019, принятое по итогам выездной налоговой проверки в части доначисления НДС в сумме 3199502 руб., налога на прибыль в сумме – 3555002 руб. и пени по двум налогам в сумме 2544005 руб. Согласно результатам проверки, предоставленной ответчиком – Межрайонной инспекцией ФНС № 13 по Тульской области, истец неверно произвел отчисления указанных налогов по причине неправомерности применения налоговых вычетов по НДС. Вместе с тем суд, выслушав доводы сторон и изучив материалы дела, пришёл к выводу о том, что у налогоплательщика отсутствовала целесообразность понесенных затрат для получения в дальнейшем налогового вычета, что, тем самым, в последующем некорректно отразилось при уплате НДС и налоге на прибыль организации. Тем самым суд решил отказать в удовлетворении требований ООО «ГК Эльф» и иск отклонить [10].

В таком случае судебная практика как элемент финансово-правового регулирования представляет собой совокупность нижеследующих элементов:

- спорные вопросы, обуславливающие финансовые правоотношения, требующие своего разрешения;
- направления разрешения финансовых конфликтов;
- аспекты конкретизации, применения и разъяснения положений финансового законодательства, способствующие уточнению порядка разрешения финансового конфликта;
- образцы правовых предписаний;

– выводы, сформулированные судом в отношении конкретной категории дел, вытекающей из финансово-правовых отношений [1, с. 13-14].

Таким образом, можно резюмировать, что финансово-правовое регулирование представляет собой юридически сконцентрированное, управляемое со стороны публичных органов власти воздействие на финансовые отношения, опосредующие аккумуляцию, использование и перераспределение денежных фондов. В таком случае судебная практика как элемент финансово-правового регулирования есть результат деятельности судов как субъектов права, связанная с изданием судебных актов индивидуального правового регулирования, разрешающих финансовый конфликт, положенный в основу судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаев А. Ю., Абесалашвили М. З. Правоположение и функции судебной практики // Актуальные вопросы развития современного общества. Сборник научных статей 9-ой Международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 12-14.
2. Кузнецов Э. В. Юридическая наука и судебная практика в России и зарубежных странах // Юридическая наука: история и современность. - 2018. - № 5. - С. 11-19.
3. Лагутин И. Б. Денежное право в системе российского финансового права // Lex Russica. - 2018. - № 6 (139). - С. 45-51.
4. Никитин Д. А., Козаченко Б. П., Агаджанян А. В. К вопросу о соотношении механизма правового регулирования и механизма процессуально-правового регулирования // Теория государства и права. - 2019. - № 2 (14). - С. 74-78.
5. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/?ysclid=l4vt40ji13595345672 (дата обращения: 27.06.2022).
6. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356424/?ysclid=l4vt344acq360304766 (дата обращения: 27.06.2022).
7. Поляков С. Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал российского права. - 2018. - № 9 (261). - С. 13-18.
8. Прокина Я. С. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования // Молодой ученый. - 2020. - № 25 (315). - С. 289-290.
9. Решение от 27 декабря 2021 г. по делу № А32-45661/2021 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mJa0kPQ7KjIW/> (дата обращения: 23.06.2022).
10. Решение от 13 января 2022 г. по делу № А68-12770/2020 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/T9XAJDGi5Qg1/> (дата обращения: 23.06.2022).
11. Сангаджиева К. В. Судебная защита как вид государственной защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации // Образование и право. - 2021. - № 3. - С. 224-233.
12. Чуева А. С., Моховая Т. А. К вопросу о системе финансово-правового регулирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2018. - № 3. - С. 125-128.

КОВАЛЕНКО Наталья Евгеньевна

аспирант Юридического института Алтайского государственного университета

ПОЛИСЕМИЯ КАК «КАПКАН» ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: АНАЛИЗ РАБОТ Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО

Данная статья посвящена анализу трудов Л. И. Петражицкого, раскрывающих проблематику в языке юридической науки, проведена параллельная связь с работой философа Л. Витгенштейна. В результате чего сделан вывод о необходимости модернизации и развития юридического языка для правильного его применения, а также приведена современная проблематика определения субъекта правоотношения в современном обществе.

Ключевые слова: право, Петражицкий, язык, семантика, правоотношение, субъект права, полисемия.

KOVALENKO Natalya Evgenjevna

postgraduate student of the Institute of Law of the Altai State University

POLYSEMY AS A «TRAP» FOR LEGAL SCIENCE: AN ANALYSIS OF THE L. I. PETRAZHITSKIE'S WORKS

This article is devoted to the analysis of the of L. I. Petrazhitzkie's works, revealing the problems in the language of legal science, a parallel connection is made with the work of the philosopher L. Wittgenstein. As a result, it was concluded that it is necessary to modernize and develop the legal language for its correct application, and also given the modern problems of determining the subject of legal relations in modern society.

Keywords: law, Petrazhitzky, language, semantics, legal relationship, subject of law, polysemy.

Коваленко Н. Е.

Л. И. Петражицкий посвятил часть своих работ проблеме развития языка науки, однако данная тема поднималась не единожды. Так можно проследить связь с деятельностью Венского кружка 1925 года, в частности Карнап занимался исследованием семантики [4], а Л. Витгенштейн выпустил в тот же период фундаментальный труд - «Логико-философский трактат».

Научная мысль должна быть свободна от зависимости слов, используемых в качестве описания одних и тех же явлений на протяжении длительного времени. В этом кроется главный момент, многозначность термином, приводящее к проблеме правильного понимания терминов и научного языка в целом. Данную ситуацию Л. И. Петражицкий описывал как «лингвистическую привычку». «Человеческие склонности и привычки представления и мышления в этической области, а равно привычки называния, склад человеческой речи- основывается на проекционной точке зрения» [6, с. 52]. Л. И. Петражицкий приходит к тому, что анализ фактов словоупотребления позволит определить семантику употребляемых слов, выражений, которая свойственна определенной сфере, именно в языке происходит «лингвистическое отложение» накопленной в процессе социального приспособления опыта и правовой реальности [5], [7]. «Значение слова - это его употребление в языке», - писал Л. Витгенштейн [1].

Л. И. Петражицкий поднял проблему «языкового капкана», когда юристы слепо следуют своему профессиональному опыту, правовым традициям и привычкам, в результате чего научность объясняемых явлений уходит на второй план. В качестве примера приводится профессором проблема толкование права. Он отмечает, что юристы субъективно относились к определению сущности права, в результате чего сформировалась тенденция определения права ими же [6].

Соответственно, их не интересует то, как в обществе трактуется право, что оно включает в себя. Для юристов оно заранее определяется как ошибочное, главное в определении права, это «профессионально-юридическое словоупотребление» и не более того. Так возник «лингвистический критерий», в основе которого лежит «профессиональная привычка», не всегда отражающая истинную картину реальности. Л. И. Петражицкий не согласен с данной семантикой, он предлагает отбросить лингвистические привычки при формировании базовых категорий, понятий в научном знании, тем более необходимо отказаться от метафорических наименований, которые создают трудность понимания и восприятия юридической догмы [7].

Данная проблема не теряет актуальности и в настоящее время. Сколько существует правовых категорий, понятий, имеющих разные смыслы, в основном, их определяют, как многозначные, проявляется феномен полисемии. Полисемия, в переводе с греческого означает «многозначность», характеризуется длительным периодом развития и функционирования в обществе, от чего и приобретает многозначность. Очевидно, это связано с прогрессивным развитием человечества, формированием новых институтов, усложнением межличностных связей и форм управления. При этом рассматривается научная теория, как средство «экономии мышления». Так П. Дюгем предположил, что теория путем синтезирования, классификации, систематизации большого числа научных теорий, гипотез выводит несколько обобщенных тезисов, представляющих наибольшее значение [3]. В современном, информационном обществе, где идет активное внедрение продуктов цифровизации, возникают новые отношения, участниками которых могут становиться не только люди, в результате чего возникает ряд дискуссий, касательно

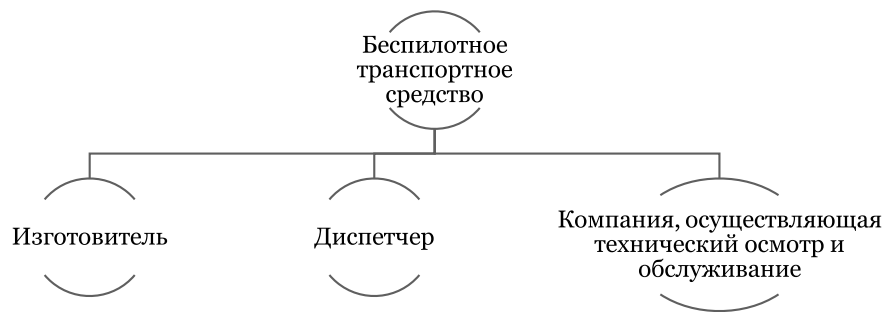

Рисунок 1. Лица ответственные за вред, причиненный беспилотным транспортным средством

вопроса участников правоотношений, объекта правоотношений, ответственности участников и т.п. На первый взгляд, сложности возникнуть не может, но тот самый «языковой капкан», о котором писал в свое время Л. И. Петражицкий [5] не дает полноценно осуществлять правовое регулирование современных отношений, будучи приверженцем старых юридических позиций, обновления содержательного плана правовых механизмов, в соответствии с модернизацией общественного и государственного строя, не произошло, а говорить о внедрении новых правовых конструкций не приходится. Ярким примером того, может служить определение субъекта права в современном государстве.

Классически выделяют в качестве субъекта права физических лиц и их организации, юридические лица и иные государственно-правовые образования. С течением времени новые формы выявлены не были, хотя образование юридических лиц ставилось под сомнение еще Л. И. Петражицким [5] и рядом других представителей юридической доктрины. Сейчас же, с появлением технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ), появились мнения, согласно которым ИИ будет считаться субъектом правоотношений, а вопрос ответственности рассматривается субсидиарно. В действительности это выглядит не совсем верно, с точки зрения теории права в современный период, где субъектом должен являться человек, как творец права. К примеру, управление транспортным средством осуществляет водитель - человек, который подвергается ответственности в случае нарушения правил дорожного движения. В случае же совершения противоправных деяний с участием беспилотного транспортного средства, то возникал вопрос об ответственности лиц, когда как ответ был очевиден, виновным будет считаться человек. Так на рис. 1 приведен пример, наглядно показывающий круг ответственных лиц за вред причиненный беспилотным транспортным средством.

В лице субъекта наблюдаем «актуализирование правовой реальности». Происходит смещение акцента с рассмотрения сущностных характеристик субъекта (его воли, мотивов, эмоционально-нравственного содержания) на субъектно-правовые (характеристики) структуры, т.е. субъект права выступает как «структурная маска» для номинального участия в правоотношениях, исчезает такая характеристика права, как антропоцентричность. Коммуникативная и информационная теории по-новому рассматривают субъекта права, отдавая преимущество его внутреннему содержанию. Попросту происходит подмена понятий при наделении элементов в информационных отношениях статусом субъекта права, субъектно-объектная реальность предстает перед нами, как пишет А. В. Габов [2]. Из классического подхода к субъекту

права вынимают сущность, в большей степени неотделимая от человека и оставляют структурное содержание «субъекта права», тем самым происходит «поглощение субъекта структурой» [2].

Таким образом, приходим к тому, что основы, заложенные еще Л. И. Петражицким, касательно «языкового капкана», в результате которого происходит смещение смыслов правовых категорий, понятий, в конечном счете, приводит к полисемии, многозначности толкования. Именная же картина мира, сформировавшаяся на основе юридических привычек, традиций больше подходит для мира физических объектов, нежели чем для юридической доктрины и правовой материи от качества которых зависит уровень законности и правопорядка в государстве и обществе [5], [7]. Ярким примером полисемии как раз является категория «субъекта правоотношения», которым, фактически, выступает человек, наделенный множественностью ролей, однако, от этого сущность не меняется: субъект правоотношений – человек. Язык юриспруденции должен быть лаконичным, строго выверенным, инвариативным, ясным и точным, ученым не следует избегать семантической правильности изложения и создания новых языковых категорий для регулирования современной правовой реальной.

Пристатейный библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 568 с.
2. Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 105-122.
3. Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. – СПб.: Образование, 1910. – 341 с.
4. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М., 1959. – 383 с.
5. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908. – 265 с.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Лань, 2000. – 606 с.
7. Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. Е. В. Тимошина. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. – 1104 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-73-75

СИДОРОВА Анна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Самарского государственного экономического университета

ЕФРЕМОВА Елена Александровна

кандидат политических наук, доцент кафедры публичного права Самарского государственного экономического университета

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ «ИНФОРМАЦИЯ» (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И СТРАН СНГ)

На современном уровне развития человеческой цивилизации информация выступает общенаучной категорией. Ученые юристы реализуют достаточно большое количество научных исследований в области информации. Однако в подавляющем большинстве это отраслевые исследования. Объектом настоящего исследования выступит дефиниция «информация», нашедшая свое закрепление в нормативно правовых актах РФ и стран СНГ. Автор выделяет общие и отрицательные характеристики дефиниции, основываясь на сравнительном анализе формулирует предложения по реформированию российского законодательства.

Ключевые слова: информация, сведения, данные, классификация информации, законодательство, формы информации.

SIDOROVA Anna Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the Samara State University of Economics

EFREMOVA Elena Alexandrovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Public law sub-faculty of the Samara State University of Economics

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE DEFINITION OF “INFORMATION” (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES)

At the present level of development of human civilization, information is a general scientific category. Legal scholars carry out a fairly large amount of scientific research in the field of information. However, the vast majority of these are industry studies. The object of this study is the definition of “information”, which has found its consolidation in the normative legal acts of the Russian Federation and CIS countries. The author identifies the general and negative characteristics of the definition, based on a comparative analysis, formulates proposals for reforming Russian legislation.

Keywords: information, information, data, classification of information, legislation, forms of information.

Категория «информация» многоаспектна. Сегодня эта категория выступает одной из ключевых во многих отраслях науки. Юриспруденция не является исключением. Категория «информация» сегодня является одной из самых обсуждаемых как теоретиками [1], [2], [3], [4], [5] права, так и практиками [6], [7], [8], [9], [10].

В современном обществе информация в полной мере вовлечена в гражданский оборот, что заставляет государства разрабатывать меры регулирования правоотношений в сфере оборота информации. Национальные законодательства, регулируя правоотношения, в уже бесспорно сформировавшемся информационном обществе, не могут обойти стержневой вопрос – понятие «информация». От точности трактовки дефиниции «информация» напрямую зависит правосознание общества и правоприменительная практика.

В современном российском праве и праве зарубежных стран понятие «информация» закреплено на законодательном уровне. Ограниченность настоящего исследования не позволяет проанализировать большое количество правового массива различных стран, поэтому мы ограничимся анализом законодательства стран СНГ.

Так, в российском законодательстве под информацией понимается «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»¹. Однако законодатель не дает понятий сообщение и данные, их характеристик и отличительных особенностей. В российском праве информация выступает объектом правовых отношений (ст. 5 ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Законодатель приводит в данном нормативно-правовом акте два основания классификации информации: категория доступа и порядок ее предоставления (распространения). Закреплено и не маловажное дополнение в соответствии с которым законодатель может закрепить и иные виды информации, положив в основы обособления ее содержание или обладателя.

А вот в праве РБ сегодня информацию рассматривают как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явля-

1 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.

Сидорова А. В.

Ефремова Е. А.

ниях и процессах независимо от формы их представления»². В ранее действующем Законе РБ³ информация рассматривалась аналогичным образом, но отсутствовало указание на формы ее предоставления. Законодатель выделял такой вид информации как документированная, которая имеет следующие две формы: документ и документированный массив. Именно этот вид информации, признавался одним из объектов права собственности в сфере информатизации. К ним так же были отнесены и информационные ресурсы, и информационные технологии, и комплексы программно-технических средств, и информационные системы и сети (ст. 5 Закона «Об информатизации»). Действующий сегодня нормативно-правовой акт не содержит таких норм. В ст. 15 Закон РБ № 455-3, принятого 10.11. 2008 года законодатель закрепил подразделение информации исходя из категории ее доступа (общедоступная информация и информация, оборот которой ограничен). Положительным следует считать указание, закрепленное в ст. 6 согласно которого: «Право на информацию не может быть использовано для пропаганды войны или экстремистской деятельности, а также для совершения иных противоправных деяний»⁴.

Аналогичное понимание информации закреплено и в законодательстве Республики Узбекистан⁵. В законодательстве Узбекистана закреплено три вида информации: документированная, массовая и конфиденциальная информация. Согласно ст. 15 распространение информации, содержащей пропаганду войны и насилия, жестокости, идей терроризма и религиозного экстремизма и направленной на разжигание социальной, национальной, расовой и религиозной вражды запрещена в целях защиты информационной безопасности государства.

По такому же пути пошел, и законодатель в Республике Казахстан. Понятие информации нашло свое закрепление в Законе Республики Казахстан «О доступе к информации»⁶. Так, согласно ст.1 вышеуказанного нормативно-правового акта информацию необходимо рассматривать как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированных в любой форме»⁷. В законе закреплено понятие «информация с ограниченным доступом» к которой отнесены: государственные секреты; личная, семейная, банковская, коммерческая тайны; тайна медицинского работника; персональные данные ограниченного доступа; служебная информация с пометкой «Для служебного пользования».

Как сведения о лицах, предметах, объектах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления информация определялась и в утратившем силу законе Республике Киргизия «Об информатизации и электронном управлении»⁸. С 2017 г. вступил в силу Закон РК «Об электронном управлении», где закреплено иное: «информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»⁹. Мы видим, что кыргызский законодатель воспринял формулировку понятия информации, расположенную в российском законодательстве. Аналогично российскому законодательству законодательство РК не содержит понятий «сведения» и «данные», их характеристик и отличительных особенностей. В Законе Республики от 2017 года закреплены два вида информации: общедоступная и конфиденциальная информация. В соответствии со ст. 14 запрещен оборот информации, пропагандирующей войну, разжигание национальной, межрегиональной, расовой или религиозной ненависти и вражды, и иной информации за оборот которой предусмотрена юридическая ответственность в соответствии с законодательством Республики.

Таджикское законодательство определяет информацию как «сведения о лицах, предметах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления»¹⁰, но в то же самое время не закрепляет содержание термина «сведения». В соответствии с нормами Закона информация признается объектом права собственности государства, физических и юридических лиц. При этом законодатель обособляет различные виды информации: государственная статистическая информация; массовая и правовая информации; информация о личности и справочно-энциклопедического характера; информация органов системы государственного управления; социологическая информация; информация о гражданах (персональные данные); секретная информация; конфиденциальная информация (ст. 1 Закон РТ «Об информации»). В ст. 8 закреплено право субъектов информационных отношений на информацию. Основным виды информации законодатель посвятил Главу III. В ст. 15 закреплено 15 видов информации, перечень является открытым.

В законодательстве РА не закреплено понятие «информация», но исходя из понятия «свобода информации» можно сделать вывод, что информация рассматривается как сведения. Они же рассматриваются как «сведения – полученные и оформленные в установленном законодательством порядке данные о личности, предмете, факте, обстоятельстве, событии, происшествии, явлении независимо от формы обладания ими или их материального носителя (текстовые, электронные документы, звукозаписи, видеозаписи, фотопленки, чертежи, схемы, ноты, карты)»¹¹.

В Республике Молдова вплоть до 2003 г. понятие «информация» в законодательстве отсутствовало, несмотря на то, что сфера оборота и защиты информации регламентирована

2 Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008 г. – № 279. – 2/1552.

3 Закон Республики Беларусь от 06 сентября 1995 г. № 3850-XII «Об информатизации» // Ведомости Верховного Совета. – 1995. – № 33. – Ст. 428.

4 Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2008 г. – № 279. – 2/1552.

5 Закон Республики Узбекистан от 12.12.2002 г. № 439-II «О принципах и гарантиях свободы информации» // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2003 г. – № 1. – Ст. 2.

6 Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 года № 401-V «О доступе к информации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 18.11.2022 г.) // «Казахстанская правда» от 19 ноября 2015 г. – № 222 (28098).

7 Там же.

8 Закон КР от 8 октября 1999 года № 107 «Об информатизации и электронном управлении» // «Эркин-Тоо». – № 83.

9 Закон КР от 19 июля 2017 года № 127 «Об электронном управлении» // «Эркин-Тоо». – № 84-85 (2809-2810).

10 Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года № 55 «Об информации» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2002. – № 4, ч. 2. – Ст. 320.

11 Закон Республики Армения от 22 октября 2003 года ЗР-11 «О свободе информации» // Официальные ведомости Республика Армения. – 5 ноября 2003 года. – № 2003/55 (290).

лась рядом нормативно-правовых актов: Законы «О доступе к информации»¹² и «Об информатике»¹³. Сегодня в Республике действует Закон «Об информатизации и государственных информационных ресурсах» в котором и закреплено понятие «информация», которая рассматривается как «сведения о лицах, субъектах, фактах, событиях, явлениях, процессах, объектах, ситуациях и идеях»¹⁴. Следует отметить, что в отличие от российского законодательства, в молдавском законе закреплено и понятие «данные», которые рассматриваются как «информация, представленная в определенной форме, позволяющей сообщать, толковать и обрабатывать ее»¹⁵, что следует признать положительной новеллой.

Закон Азербайджанской Республики «Об информации, информатизации и защите информации» определяет информацию как «факты, отзывы, знания, новости и сведения иного характера, созданные или полученные в результате любой деятельности, независимо от времени создания, формы выдачи и классификации»¹⁶. И в данном случае не уточняется что относится к фактам, отзывам, знаниям, новостям и сведениям иного характера. Что касается классификации информации, то законодатель выделяет: документированную информацию (документ); открытую информацию как вид документированной информации; конфиденциальную информацию. Последняя включает в себя как сведения о гражданах, учреждениях, предприятиях, организациях и других юридических лицах так и тайны (профессиональные тайны, коммерческую, следственную и судебную), и частные сведения.

Как мы видим, в подавляющем большинстве, законодательство стран СНГ содержит дефиницию «информация». Исключением здесь выступает законодательство Армении. Надо отметить, что дефиниции хоть и отличаются формулировками, но структурно выстроены однотипно. Все исследованные нами дефиниции, объединяет то, что информация опосредуется через сведения, а вот объем сведений в национальных дефинициях «информация» различен. Различны и классификации информации, нашедшие закрепление в законодательствах стран СНГ. Такое терминологическое единство можно рассматривать как продолжение правовых традиций, сформировавшихся еще в период общего, для стран СНГ, социалистического права. Положительным отличием российского законодательства следует признать указание на то, что информация есть объект правовых отношений. Нельзя не указать на недостаток, характерный для всех без исключений дефиниций, и это, то что законодатель не закрепляет понятий, выступающих элементами сведений, их характеристик и отличительных особенностей. На наш взгляд, назрела необходимость в закреплении в российском законодательстве таких понятий как «сообщение» и «данные», сформулировав их характеристики и отличительные особенности.

Пристатейный библиографический список

1. Грудцына Л. Ю. Информация, право и власть // Образование и право. – 2020. – № 5. – С. 26-30.
2. Юлдашев Юлдашев Ж. Информационная безопасность в системе защиты национальных интересов Российской Федерации // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2020. – № 2. – С. 72-82.
3. Фадеева Е. С. Правовой мониторинг институтов государства: дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2020. – 210 с.
4. Камалова Г. Г. Правовой режим информации ограниченного доступа: монография. – Ижевск: Издат. центр «Удмурдский университет», 2017. – 372 с.
5. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Под ред. А. А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с.
6. Осипенко А. Л., Луговик В. Ф. Проблемы доступа правоохранительных органов к скрываемой информации при раскрытии преступлений // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 60-68.
7. Долгаев В. В., Соколова А. В. Вопросы регламентации использования в качестве доказательств информации, содержащейся на электронных носителях // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1 (60). – С. 79-84.
8. Абдрахманов Д. В. Конституционно-правовые основы информационного общества в Российской Федерации: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2022. – 32 с.
9. Петровская О. В. Принцип достоверности в информационном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 204 с.
10. Джафарова Н. Т. Административная ответственность за правонарушения в области оборота информации: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 161 с.

12 Lege Nr. 982 din 11.05.2000 «Privind accesul la informație» // Monitorul Oficial. – Nr. 88-90. – Art Nr: 664.

13 Lege Nr. 1069 din 22.06.2000 «Cu privire la informatică» // Monitorul Oficial. – Nr. 73-74. – Art Nr: 547.

14 Lege Nr. 467 din 21.11.2003 «Cu privire la informatizare și la resursele informaționale de stat» // Monitorul Oficial. – Nr. 6-12. – Art Nr: 44.

15 Там же.

16 Закон Азербайджанской Республики от 3 апреля 1998 года №460-ПГ «Об информации, информатизации и защите информации» // «Сборник законодательства Азербайджанской Республики». – 30 июня 1998 года. – № 6. – Ст. 364.

САМУСЕНКО Татьяна Михайловна

кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЦЕЛЬ И ФУНКЦИИ

Правоприменительная деятельность обеспечивает проведение в жизнь общих норм права с учетом особенностей конкретной ситуации. А любая деятельность имеет свою цель, которая реализуется в функциях. А функции правоприменительной деятельности выражают сущность данного вида деятельности. При этом отмечается отсутствие единых оснований классификации функций правоприменительной деятельности. В статье рассматриваются цель правоприменительной деятельности и характеристика ее функций.

Ключевые слова: право, правоприменительная деятельность, цель права, функции правоприменительной деятельности, классификация функций.

SAMUSENKO Tatyana Mikhaylovna

Ph.D. in Law, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

LAW ENFORCEMENT ACTIVITY: PURPOSE AND FUNCTIONS

Law enforcement activities ensure the implementation of general rules of law, taking into account the specifics of a particular situation. And any activity has its own purpose, which is implemented in functions. The purpose reveals the role and meaning of this type of activity in the legal impact. And the functions of law enforcement activities express the essence of this type of activity. At the same time, there is a lack of common grounds for classifying the functions of law enforcement activities. The article discusses the purpose of law enforcement activity and the characteristics of its functions.

Keywords: law, law enforcement activity, purpose of law, functions of law enforcement activity, classification of functions.

Правоприменительная деятельность имеет важное теоретическое и практическое значение в вопросах реализации права. Несмотря на достаточное исследование проблемы применения права в советской юриспруденции [5], [10], [11], [13], [15], данная проблема актуальна и в современной российской юриспруденции. Интерес к применению права обусловлен прежде всего тем, что оно непосредственно связано с практической деятельностью государственных органов и структур гражданского общества, направленных на реализацию нормативно-правовых предписаний, принятие индивидуально-правовых (правоприменительных) актов, формирование юридической практики. Применение права представляет собой не простую формальную техническую процедуру: оно нацелено на обеспечение существования ценностей и структуры правовой системы.

Правоприменительная деятельность – это практическая деятельность специально уполномоченных на то субъектов. А любая деятельность имеет свою цель, потому что ничто не делается без достижения желаемой цели. Для того, чтобы начать действовать, нужно поставить определенные цели или единую цель. Именно цель составляет основу правовой политики и определяет основные направления совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности. Она отражает насущные общественные потребности и интересы, стимулирует и объединяет людей, направляет, ориентирует их на определённый качественно новый уровень жизни, а также обеспечивает использование необходимых и достаточных средств практической деятельности субъектов по ее претворению в жизнь [9, с. 31].

В юридической науке «цель» понимается как нечто объективное, подменяя ее такими понятиями как «результат», «итог», «объект» деятельности [12, с. 9]. Всякая деятельность успешна, если она приводит к цели. Но иногда деятельность может не привести к желаемым результатам или результат может быть иным и цель останется недостигнутой. Именно на этапе реализации правовых норм, в процессе целенаправленной деятельности субъектов происходит трансформация правового регулирования в конкретные результаты.

Правоприменительная деятельность представляет собой индивидуально (казуальное) правовое воздействие на персонально определенных участников конкретных общественных отношений. В процессе данной деятельности происходит упорядочение общественных отношений, то есть их регулирование. Цель раскрывает роль и смысл данного вида деятельности в правовом воздействии. Цель «представляет собой отражение определенных ценностей в виде модели желаемого социального результата, достижимого при помощи правовых средств» [3, с. 166].

Цель правоприменительной деятельности включает в себя официальную цель, установленную в праве. Субъектом такой цели является законодатель, который выступает от имени государства. Цель, которая формируется в праве, должна удовлетворять двум условиям: во-первых, соответствовать по своему содержанию объективным закономерностям (то есть быть истинными) и, во-вторых, быть обеспеченной реальными средствами своего осуществления (то есть быть реальными) [20, с. 60].

Помимо цели, установленной в праве, конкретный субъект, реализующий норму права, имеет и свою собственную цель. Поэтому цели правоприменительной деятельности можно подразделить на общие и частные. Цели должны приводить к реальным социально положительным результатам. Общей целью правоприменительной деятельности является обеспечение нормальной жизнедеятельности общества и свободное развитие человека. Цель правоприменительной деятельности, как отмечает В. А. Сапун, - «удовлетворение не личных потребностей правоприменительных органов, а прежде всего потребности и интересы лиц, реализующих права и обязанности, а конечном счете, потребности и интересы всего общества» [18, с. 189]. Существует достаточно большой объем прав и обязанностей, которые не могут быть реализованы личностью без вынесения компетентными органами или иными уполномоченными на то субъектами соответствующих актов применения права. В результате правоприменительной деятельности субъекты права наделяются соответствующими субъективными правами и испытывают негативное воздействие права.

Цель правоприменительной деятельности реализуется в ее функциях.

В теории права активно исследовались функции права [1], [14], [16], [17], но мало внимания уделялось функциям правоприменения. Отсутствие единого подхода в понимании функций правоприменительной деятельности вряд ли можно оценить положительно.

Функции правоприменительной деятельности выражают конкретное проявление функций права, обеспечивая их реализацию в конкретных условиях. Но правоприменительной деятельности присущи и свои специфические правоконкретизирующие функции, которые и выражают сущность данного вида деятельности.

Функции внутренне присущи правоприменительной деятельности. Они определяются ролью, которую правоприменительная деятельность играет в правовом воздействии на общественные отношения. Под функциями правоприменительной деятельности понимаются основные направления ее воздействия на общественные отношения [8, с. 31].

Анализ юридической литературы позволяет прийти к выводу об отсутствии единства мнений относительно критериев, количества и содержания функций правоприменительной деятельности.

Правоприменительная деятельность «выполняет в основном две юридические функции: а) *правообеспечительную* и б) *индивидуального (казуального) воздействия* права на общественные отношения» [4, с. 91]. Правообеспечительная функция, по мнению И. Я. Дюрягина, носит чисто «служебный» характер, так как в ней выражается сама необходимость осуществления правоприменительной деятельности: когда без соответствующих решений правоприменительных органов оказывается невозможной реализация правовых норм.

Функция индивидуального (казуального) воздействия на общественные отношения является следствием способ-

ности правоприменительной деятельности быть средством индивидуального правового регулирования и воздействия права на общественные отношения. Данная функция выполняет в основном конкретизирующую задачу [4, с. 91-92].

В. Н. Карташов в зависимости от сферы общественной жизни, которая подвергается воздействию со стороны правоприменения предлагает разграничить все функции правоприменения на экономическую, политическую, социальную, идеологическую, демографическую, экологическую и др. Но указанные функции не раскрывают специфику правоприменительной деятельности, поэтому автор выделяет специфические юридические функции, где в качестве критерия выступает характер совершаемых субъектом правоприменительных действий и полученный результат. К специально-юридическим функциям относятся регистрационно-удостоверительная, регулятивно-ориентационная, правоконкретизирующая, правоохранительную, включающую в себя подфункции: правообеспечительная, функция социально-правового согласия и установления компромиссов, координационная, контрольная, правосполнительная, правотворческая и иные функции [6, с. 308-309].

Е. А. Киреева, рассматривая правоприменение как вид социальной деятельности, выделяет общесоциальные и специально-юридические функции. В общесоциальных функциях отражается связь правоприменения с общественными процессами, его характеристика как средства воздействия на отдельные социальные сферы с учетом специфики каждой из них. К общесоциальным функциям она относит экономическую, политическую, социальную, экологическую и др. К основным специально – юридическим функциям относит: познавательную функцию, индивидуального регламентирования общественных отношений, правонаделительную и правоохранительную. Критерием выделения соответствующих функций правоприменения выступают стадии правоприменительной деятельности [7, с. 36].

В. В. Ковалева считает, что функция правоприменения зависит от правоприменительной ситуации, на основе которой осуществляется правоприменительная деятельность. В этой связи она выделяет пять правоприменительных ситуаций, которым соответствуют четыре функции правоприменения: регистрационно-удостоверительная, правообеспечительная, регулятивно-ориентационная и правоохранительная [8, с. 32].

Что касается видов правоприменительных ситуаций, то в юридической литературе по этому вопросу нет единства мнений [2, с. 116], [6, с. 297-298], [19, с. 26-27]. Таким образом, не существует жесткой привязки функции правоприменительной деятельности к правоприменительной ситуации, так как одна функция может проявляться в разных правоприменительных ситуациях.

Безусловно, особый интерес представляют собой специально-юридические функции правоприменительной деятельности. Анализируя представленные точки зрения, можно прийти к выводу, что они «пересекаются». Так правонаделительная и регистрационно-удостоверитель-

ная функции совпадают полностью, так как в результате регистрационной деятельности государства субъекты наделяются новыми правами и обязанностями. Грань между правостановительной и правообеспечительной весьма условна.

Представляется не совсем удачной выделение правоохранительной функции. Правоприменительная деятельность осуществляется специальными субъектами права, обладающими государственно-властными полномочиями и выражается в принятии решений, содержащих факультативные правовые средства, которые призваны обеспечить правовую активность и надлежащую правореализующую деятельность. Правовые средства, содержащиеся в правоприменительных актах, подключаются к механизму реализации права в качестве факультативных юридических инструментов. Государственно-принудительный характер охранительных правовых средств обеспечивает существование государственно-властной деятельности особого вида – правоохранительной. Правоохранительная функция – это функция права, которая в свою очередь, является критерием для классификации политико-правовых явлений, поэтому правоохранительным может быть вид применения права, а не его функция.

Таким образом, единых оснований классификации функций правоприменительной деятельности нет, да и, наверное, не может быть. Речь может идти об установлении таких оснований, которые отражают существенные характеристики правоприменительной деятельности. В качестве такой характеристики могла бы выступать роль правоприменительной деятельности в процессе правового регулирования.

Правоприменительная деятельность только тогда можно рассматривать как социальную ценность, когда ее цели успешно реализуются, а функции осуществляются.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов А. И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права. – Самара: ООО «Форт», 2008. – 318 с.
2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
3. Ветютнев Ю. Ю. Применение инструментального подхода к праву // Журнал российского права. – 2004. – № 8. – С. 165-167.
4. Дюрягин И. Я. Право и управление. – М.: Юрид. лит., 1981. – 168 с.
5. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. – 247 с.
6. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2 т. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – Т. 1. – 547 с.
7. Киреева Е. А. Применение норм права как вид социальной деятельности в современной России // Вестник Челябинского государственного универ-

- ситета. Право. – 2013. – № 27 (318). – Вып. 38. – С. 33-37.
8. Ковалева В. В. Теория правоприменительной деятельности. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2018. – 68 с.
9. Кулапов В. Л. Соотношение целей, задач и функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 2 (97). – С. 30-35.
10. Лазарев В. В. Применение советского права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 208 с.
11. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та 1982. – 144 с.
12. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. – Саратов: Изд-во СГАП, 2003. – 296 с.
13. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.
14. Палазян А. С. Современное право: функциональный аспект: монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2009. – 383 с.
15. Правоприменение в советском государстве / Отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1985. – 304 с.
16. Радько Т. Н. Теория функций права: монография. – М.: Проспект, 2015. – 272 с.
17. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – 106 с.
18. Сапун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 4. – С. 185-191.
19. Сапун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Современное государство и право: вопросы теории и истории. Сборник научных трудов / Отв. ред. Т. М. Самусенко. – Владивосток, 2004. – С. 26-27.
20. Экимов А. И. Категория цели в науке права // Философские проблемы государства и права / Под ред. Д. А. Керимова, Л. С. Явича. – Ленинград, 1970. – С. 51-58.

ВОСИТОВ Хамзаали Абдувохитович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общих и специальных юридических дисциплин Юридического института Тихоокеанского государственного университета

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются вопросы институциональных основ гражданского общества в контексте признания и защиты прав человека. Теоретические аспекты институциональных основ определяются на рациональности и взаимодействии общества с государством, образовавшиеся на нормативном, социально-культурном, экономическом и идеологическом направлении. Доктринальный подход основывается на различных концепциях учёных, исследующих гражданское общество как составную часть социального института.

Ключевые слова: институциональная основа, институты общества и государства, гражданское общество, права человека.

VOSITOV Khamzaali Abduvokhitovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of General and special disciplines sub-faculty of the Institute of Law of the Pacific State University

CIVIL SOCIETY AND INSTITUTIONAL FRAMEWORK PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

The article deals with the institutional foundations of civil society in the context of the recognition and protection of human rights. The theoretical aspects of the institutional foundations are determined by the rationality and interaction of society with the state, formed on the normative, socio-cultural, economic and ideological. The doctrinal approach is based on various concepts of scientists who study civil society as an integral part of a social institution.

Keywords: institutional framework, institutions of society and the state, civil society, human rights.

Круг социальных институтов необычайно широк, основными его элементами выступают общественный и государственный строй, которые показывают взаимоотношение политических, экономических, юридических, культурных, нравственных и других обобществленных институциональных основ. Французский правовед Морис Ориу, основатель теории институционализма, поставил перед собой задачу перестроить методологические основы правоведения так, чтобы в него вписались «традиционные» ценности либерализма. В этой связи была разработана институциональная концепция общества и государства, которая явилась исходным принципом и утверждением двух самостоятельных начал: индивидуальной и социальной [9], [1, с. 4-5].

М. Ориу в своих исследованиях выводил два типа институтов: институт-группа (корпорация) и институт «отношений с Другими», под институтом-группой он понимал «феномен взаимопроникновения индивидуальных сознаний, охватываемых общей идеей и процессом мышления друг друга». Такой институт порождает порядок «социального» («институционального») права. К числу институтов-групп он относит различные формы организации общности: семья, профсоюзы, акционерное общество, церковь, государство и др. Под институтом «отношений с Другими» он понимал феномен существования «объективных идей», идей, уравнивающих справедливость в отношениях между индивидами и группами [6, с. 405-407], [11, с. 206]. К тому же М. Ориу, исследовав взаимоотношения между институтом-группой и институтом «отношений с Другими», пришел к выводу, что ин-

ститут-группа – это наиболее глубокий слой социальной действительности права. Это значит, что общество состоит не только из официальных, организованных на высоком политическом уровне государственных институтов, но также и из общественных, социальных институтов, не обладающих государственно-властными полномочиями, но играющих важную роль в обществе, в процессе решающих множество социальных проблем, в том числе и по защите прав человека. Они называются институтами гражданского общества.

Другой стороной выступают взгляды Д. Норта, о том, что институциональная основа развития экономики определяет баланс, рациональность между институтом (создана на нормативной основе), экономикой (защиты прав собственности) и обществом [8, с. 6, 21], а институционализация нацелена на взаимодействие людей.

К тому же российский учёный Г. В. Мальцев определил, что «в любом обществе, независимо от степени его сложности и типа, развивается сеть институтов, на которые ложится основная работа по организации социального порядка», и если экономические, культурные, нравственные интересы человека в своем первоначальном виде просто социальный факт, то институт, безусловно, нормативное комплексное устройство. «Институт – созданная на нормативной основе многоликая социальная структура, способная выступать в различном формате, объединять своим действием все или почти все общество и государство» [5, с. 5-6]. Вместе с тем природа социальных институтов необыкновенно широк и находится на разных уровнях формирования общества.

Опираясь на взгляды и позиции М. Ориу, Д. Нор-та и Г.В. Мальцева в настоящей статье предлагаем ввести институционализацию защиты прав человека, в процессе которой объединяется институциональная концепция общества и государства, взаимосвязанные и взаимообусловленные между собой. Считаем, что эти независимые институты будут дополнять друг друга в соответствии с социокультурной особенностью, идеологией и юридической спецификой цивилизационно-культурного общества.

Категория «гражданское общество» исторически связана с попытками представить такую модель общественного устройства, в которой воплощались бы существующие жизненные реалии и нуждающиеся в утверждении и защите ценности. Термин «гражданское общество» употребляется в трех основных значениях: «первое – гражданское (civilis), цивилизованное общество противопоставляется нецивилизованному, варварскому обществу; второе – имеется в виду феномен античного полиса – гражданская община; третье – гражданское общество трактуется как буржуазное общество, в котором сфера частных дел и интересов освобождается от прямого воздействия государственно-властных институтов, становится автономной, непосредственно не зависящей от государства сферой жизнедеятельности людей» [10, с. 6].

Развитие концепции гражданского общества было предложено такими мыслителями, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, И. Кант, Т. Пейн и др. Углубленное представление о гражданском обществе прослеживается во взглядах И. Канта.

Он подходит к понятию и сущности гражданского общества диалектично. Исследуя противоречивые качества человеческой природы – неуступчивость, негибкость, честолюбие и в то же время желание к согласию, И. Кант пришел к заключению, что определяющий способ обобщения свободы индивида в объединение с другими является причиной (целью) становления (образования) гражданского общества [4, с. 95].

Особенно интересна идея Г. Гегеля, не только отличавшего политическое государство от гражданского общества, но и представлявшего первое как идею разума, свободы и права, а второе – как формальное равенство людей, господство частной собственности, имеющие свои положительные и отрицательные стороны [2, с. 421-428]. Объясняя концепцию Г. Гегеля, следует подчеркнуть его объективное указание на беспомощность гражданского общества, определяемого как сила столкновений частных интересов и направленного на решение многих общих проблем, в котором некая степень влияния государства все-таки видится.

В современной юриспруденции категория «гражданское общество» представляется учеными в разных плоскостях. По мнению В. В. Лазарева, «гражданское общество выступает в качестве совокупности общественных отношений, которые позволяют: во-первых, подходить к нему конкретно-исторически (выделять различные общественные формации, различать этапы развития общества); во-вторых, выявить специфику главных сфер общественной жизни (экономический, духовный); в-третьих, называть

субъектов социального общения (личность, семья, нация, государства и др.)» [13, с. 78]. Взгляды В. В. Лазарева близки научным идеям С. С. Алексеева, Г. В. Мальцева, К. Е. Сигалова, Р. Ш. Сативалдыева в том, что они подходили к этому вопросу не только в формационном, но и в цивилизационном контексте.

А также в научной литературе представлена система гражданского общества. В эту систему входят следующие основные компоненты (структурные части): 1) гуманитарный (свободные индивиды); 2) социальный (деление общества на социальные группы, слои, классы); 3) экономический (формы и отношения собственности, производства, обмена, потребления и т. д.); 4) духовный (культура, религия, наука, образование, и т. д.); 5) информационный (средства и формы информации, общественное мнение и т. д.); 6) территориально-управленческий (местное самоуправление); 7) организационный (различные формы объединений) [7, с. 285-287].

К тому же структурные части гражданского общества присущи всем современным демократическим, правовым государствам. Но следует отметить, что особенности и институты гражданского общества во многом зависят от государственного режима, уровня обеспечения и защиты естественных прав и свобод человека, правовой культуры, правового сознания, социального обеспечения населения и многих других компонентов социокультурной жизни отдельно взятой страны. К тому же внутреннее стремление социума обеспечивается более высоким уровнем защиты прав и свобод человека.

По мнению А. Н. Головистиковой, отличительная черта гражданского общества – его культурный и политический плюрализм: такое общество жизнеспособно, если его участники имеют хороший уровень правосознания и интеллектуальной способности, свободны и самостоятельны к своим действиям. Гражданское общество генерирует развитие самосознания, способность индивида к объективному самоотчету [12, с. 291-292].

Развитие общества во многом зависит от социально-экономических, политических, духовно-нравственных, религиозных, семейных, культурных и других общественных отношений, которые формируют политику государства, выражают волю граждан общества. В соответствии с данным подходом разные общественные, религиозные организации, движения, экономические ассоциации осуществляют свою деятельность в контексте защиты прав человека, потому что в этом отношении сам человек со своими индивидуальными, профессиональными, семейными, религиозными, традиционными и другими потребностями выступает как личность в гражданском обществе.

С. Хасанов, М. Хасанов определяют категорию «гражданское общество» как совокупность неполитических отношений, связывающихся между собой социально-культурными, духовными и нравственно-семейными ценностями, которые самостоятельно развиваются без влияния государства на основе потребности личности и общества. По их мнению, становление и развитие гражданского общества во многом зависит от горизонтальных связей между людьми

ми, в которых прослеживаются социальная солидарность и историческая преемственность духовно-культурных и экономических ценностей [14, с. 150]. К этой парадигме можно добавить, что гражданское общество выступая как самостоятельный институт (по отношению с государством) основывается на таких ценностях, как признание прав человека, его неприкосновенность, разнообразие всех форм собственности, трудовая и предпринимательская деятельность, объединения и свобода мнений.

В вышеприведенных взглядах наблюдаются определенные ракурсы, каждый из которых имеет свои положительные и отрицательные стороны, поэтому хотелось бы подчеркнуть справедливость мнения В. П. Малахова о том, что «гражданское общество не представляет собой универсальное и однотипное со всеми обществами образование, а специфично в применении к каждому конкретному обществу, поэтому следует признать множество модельных и эмпирических вариаций гражданского общества» [3, с. 359]. В связи с этим роль гражданского общества в современном правовом пространстве формируется на основе согласия властных и общественных институтов, обеспечивая гражданский мир и постоянный диалог.

При этом взаимосвязь гражданского общества с личностью расценивается как принципы прав человека в конструкции гражданского общества. Поэтому, по нашему мнению, с теоретической стороны индивид как основной субъект гражданского общества должен стремиться: во-первых, к осуществлению защиты своих прав и интересов, а во-вторых, чтобы его интересы были направлены во благо и совпали с общественными установками. Однако не стоит забывать, что традиционные принципы, такие как законность, естественные права человека, равенство всех перед законом, гуманизм, уважение и достоинство, во многом зависят от политического и социально-экономического положения страны, а также правового сознания самого человека, в-третьих, структура гражданского общества в странах с демократическими традициями служат инструментами в диалоге между обществом и государством, направленным на предупреждение нарушений прав человека со стороны государства.

Пристатейный библиографический список

1. Воротилин Е. А. Политико-правовая теория институционализма М. Ориу (историко-критический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1979. – 16 с.
2. Гегель Г. Философия права // История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсисянца. – М., 2002. – С. 421-428.
3. Гражданское общество: учебник / Под общ. ред. В. П. Малахова, А. С. Автономова, В. В. Гриба; [рук. авт. кол. В. В. Гриб]. – М.: МГИМО, 2016. – 389 с. (автор главы – В. П. Малахов).
4. Кант И. Собр. сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. А. В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 1. – 544 с.

5. Мальцев Г. В. О социальной природе юридических институтов // Институционализация в праве: Сборник научных статей. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 5-23.
6. Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. – 480 с.
7. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2002. – 552 с.
8. Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
9. Ориу М. Основы публичного права / Сост.: Р. С. Куракин, К. П. Прибыткова, М. А. Рассказов, Е. В. Семенова. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 574 с.
10. Орлова О. В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. – М.: МЗ Пресс, 2005. – 119 с.
11. Права человека: энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. – 656 с. (автор энциклопедической статьи – М. Ю. Мизулин).
12. Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А., Саидов А. Х. Теория государства и права: учебник / Под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 613 с. (автор главы – А. Н. Головистикова).
13. Теория права и государства: учебник / Под ред. В. В. Лазарева. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Право и закон, 2001. – 576 с. (автор главы – В. В. Лазарев).
14. Хасанов С., Хасанов М. Теория государства и права (на тадж. языке): учебник. – Душанбе: Илм, 2017. – 496 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-82-83

ЖИДКИХ Максим Алексеевич

аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

ПРИЗНАКИ ДЕЛЕГИРОВАННОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

На различных этапах правотворчества возникает потребность толкования нормы права. С целью понимания смысла нормативно-правовых актов и происходит толкование права, в том числе, и делегированного. Объективные причины интереса к проблеме делегированного официального толкования норм права – это глобальные изменения в сфере формирования нормативно-правовой базы, что требует полного изучения содержания рассматриваемого вида толкования. В настоящее время не в полной мере изучены все возможности делегированного толкования. Ввиду указанного, в статье подробно анализируются признаки делегированного официального толкования норм права.

Ключевые слова: толкование, делегированное толкование, признаки толкования, нормы права, акт толкования, принципы толкования.

ZHIDKIKH Maxim Alexeevich

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

SIGNS OF A DELEGATED INTERPRETATION OF THE LAW AS A KIND OF OFFICIAL INTERPRETATION OF LAW

At various stages of lawmaking, there is a need to interpret the rule of law. In order to understand the meaning of legal acts, the interpretation of the law, including the delegated one, takes place. The objective reasons for the interest in the problem of delegated official interpretation of the rules of law are global changes in the sphere of formation of the legal framework, which requires a full study of the content of the type of interpretation under consideration. At present, all the possibilities of delegated interpretation have not been fully explored. In view of the above, the article analyzes in detail the signs of a delegated official interpretation of the law.

Keywords: interpretation, signs of interpretation, rules of law, delegated interpretation, act of interpretation, principles of interpretation.

Жидких М. А.

Особое значение толкование права возникает при смене политического строя (после распада СССР 1991 года). В это время являются еще действующими старые законы предшествующего периода, однако, появляется необходимость приспособления их к новым условиям правовой действительности.

До сих пор в Российской Федерации применяются сохранившие юридическую силу нормативно-правовые акты союзного государства. Ввиду того, что они не вписываются в современную изменчивую реальность, данные акты требуют к себе особого внимания интерпретатора. Важное место среди этих причин является недостаточность общеправовых знаний об эффективных методах толкования уже изданных нормативно-правовых актов, способах своевременной интерпретации норм. Из указанного следует, что без активной научной деятельности в указанной сфере и накопления определенных знаний не представляется возможным добиться правильного делегированного толкования.

В современных условиях появляется потребность создания новой теоретической базы о делегированном толковании норм права. Фундаментом этого является выделение определенных признаков рассматриваемого вида толкования, так как без понимания указанного невозможно осуществлять интерпретационную деятельность с целью преодоления неопределенности закона, установлению истинного смысла предписаний, в которые законодатель вложил словесную формулировку.

Первым признаком делегированного толкования, являющимся видом официального толкования является то, что оно носит правотворческий характер.

Как отмечают Н. И. Матузов и А. В. Малько, «правотворчество характеризуется тем, что оно представляет собой активную, творческую, государственную деятельность; основная продукция его – юридические нормы, воплощающиеся главным образом в нормативных актах» [1, с. 144].

Исходя из указанного следует, что делегированное толкование является правотворческим процессом, так как основные признаки правотворческого процесса безусловно охватывают данным видом толкования, а его результаты обладают такой же юридической силой как и толкуемые нормы права.

Делегированное толкование, в свою очередь, представляет собой такое условие, которое позволяет творчески действовать органу, которому предоставлено данное право. Кроме того, это средство коммуникации между органом, предоставившим права толковать определенную норму и интерпретатором, с целью достижения общих задач толкования.

Вторым признаком делегированного толкования являются его особые субъекты, те органы, должностные лица, которым законом предоставлены полномочия интерпретировать правовой акт.

Такими органами, в том числе, являются высшие судебные органы – Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ. Осуществлением делегированного толкования занимается Пленум Верховного Суда РФ.

Среди судебных органов, осуществляющих делегированное толкование, особое место занимают толкования права КС РФ. Данные полномочия отражены в ст. 106 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», согласно которой «толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений» [2, ст. 5045].

Кроме того, деятельность КС РФ по толкованию права может создавать судебные прецеденты, являющимися обяза-

тельными для всех заинтересованных лиц и вступающими в источник права.

Стоит отметить, что в пределах своих полномочий делегированное толкование осуществляют органы исполнительной власти: Правительство, подчиненные ему министерства, ведомства, службы, комитеты.

Например, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации дает разъяснения по вопросам, отнесенным к компетенции Министерства, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [3, ст. 5.16].

Третьим признаком делегированного официального толкования является то, что оно происходит посредством доступного, понятного, но обновленного интерпретатором языком.

Толкование норм права – это сложный интеллектуально-волевой процесс, направленный на установление точного смысла правовой нормы, раскрытие в ней воли законодателя, который существует в двух формах: уяснение и разъяснение.

Как указывает Л. А. Морозова: «толкование в форме уяснения представляет собой внутренний мыслительный процесс, проходящий в сознании субъекта толкования (интерпретатора). При этом используются различные приемы толкования – грамматический, логический и др.

Толкование в форме разъяснения (интерпретации) является продолжением мыслительной деятельности на предыдущей стадии, но эта сторона деятельности адресована другим субъектам. Разъяснения содержания правовой нормы дают государственные органы, должностные лица, другие специально уполномоченные на толкование норм права субъекты» [4, с. 268].

Можно сказать, что уяснение нормы права – это самоинтерпретация, а разъяснение – самовыражение.

В герменевтике противопоставляются истолкование и наделение смыслом. Итальянский ученый Э. Бетти пишет: «Как в истолковании, так и в наделении смыслом задействована способность духа к постижению, однако они отвечают на разные требования. Наделение смыслом дух осуществляет по отношению ко всему необъятному миру в целом (чего нельзя сказать об истолковании); но в некотором более высоком и точном смысле он делает это только по отношению к тому, что подобно духу» [5, с. 67].

Однако, стоит обратить внимание, что толкование норм права в любом случае обладает смыслом. Делегированное толкование всегда есть познание истинного смысла принятой нормы вышестоящего органа.

Четвертым признаком является то, что содержание делегированного толкования базируется на определенных принципах, которые образует взаимосвязанную систему. Именно они позволяют эффективно функционировать рассматриваемому виду толкованию.

Этими принципами, в том числе, являются:

- принцип законности, который обеспечивает соблюдение интерпретатором всех правовых предписаний;
- принцип объективности обязывает в процессе толкования субъекту действовать объективно при изучении какого-либо нормативно-правового акта, в связи с чем акт толкования будет являться недвусмысленным, четко передающий задачу предписания;
- принцип стабильности не позволяет субъектам всячески изменять волю законодателя;
- принцип единства процесса толкования позволяет субъектам однотипно уяснять и разъяснять смысл нормы права;
- принцип профессионализма предполагает у интерпретатора определенных юридических навыков и знаний;
- принцип определенности означает, что все результаты толкования четко сформулированы в соответствующем акте толкования. В Я. Любашиц указывает, что «определенность нормативного правового акта толкования является необходимым условием эффективности дальнейшей правоприменительной деятельности» [6, с. 396];
- принцип удобства пользования актом делегированного официального толкования юридической нормы пред-

полагает, что текст акта должен иметь понятную структуру и содержание, а сам акт доступен для изучения в доступных каждому заинтересованному лицу ресурсах.

Пятым признаком является то, что делегированное официальное толкование в значительной степени находится под влиянием органа, который предоставил ему право толковать.

В связи с тем, что органы, осуществляющие делегированное толкование норм, не являются создателем их в отличие от аутентичного толкования, в котором органы, создающие нормы и интерпретирующие, едины, поэтому эти органы делегированного толкования имеют зависимость, определенное влияние органа, предоставившего такие полномочия.

Зачастую в положениях того или иного министерства закреплено возможность, например, нижестоящего департамента давать разъяснения какой-либо нормы.

Таким образом, акт толкования, который распространяется на определенную группу лиц, может иметь для них такой же авторитет, что и акты этого министерства.

Шестым признаком является то, что акт толкования, который появляется в результате интерпретационной деятельности субъекта, носит обязательный характер для лиц и объединений, на которых распространяется юрисдикция интерпретирующего органа. Таким могут являться органы здравоохранения, судебные органы и так далее.

Нормативность актов делегированного толкования норм права имеет особый характер, при этом это выражается не в толковании и создании новых юридических норм, не в изменении структуры и содержании нормы права, а этот характер заключается в раскрытии, уточнении смысла нормы права, который заложен законодателем.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод, что делегированное толкование норм права имеет следующие признаки:

1. Делегированное толкование норм права имеет правотворческий характер;
2. Субъектами делегированного толкования выступают особые органы и должностные лица, которым предоставлена возможность заниматься интерпретационной деятельностью;
3. Процесс толкования происходит путем обновленного интерпретатором языка;
4. Содержание делегированного толкования состоит из определенных принципов, объединяющихся во взаимосвязанную систему.
5. На органы и должностные лица делегированного толкования, которым предоставлено право толковать правовые предписания, распространяется влияние органа, предоставившего им этого право.
6. Обязательный характер акта делегированного толкования для определенного круга лиц.

Таким образом, делегированное толкование норм права – это ресурс, который посредством наделения интерпретатора полномочиями вышестоящего органа нужен для осуществления им определенных действий, позволяющих преодолеть неопределенность нормативно-правовых предписаний.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004. – С. 144.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2021. – № 27 (часть 1). – Ст. 5045.
3. Положение о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.06.2012 года № 610 (ред. 26.10.2022 г.) // «Российская газета». – 2012. – Ст. 5.16.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник. – М., 2010. – С. 268.
5. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М., 2011. – С. 67.
6. Любашиц В. Я. Теория государства и права: Уч. пособие. – М., 2015. – С. 396.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-84-85

МУСИНА Камилла Салаватовна

аспирант кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В данной статье анализируются вопросы определения правосубъектности искусственного интеллекта. Исследуются инновационные технологии в деятельности судей, возможности использования электронной системы «Блокчейн». В данной научной статье анализируется законодательство в целях поиска путей модернизации для устранения коллизий, вопросы установления общих положений об ответственности за преступные деяния роботов, совершенные из-за технических сбоев искусственного интеллекта (беспилотных летательных аппаратов) и без какого-либо присутствия антропогенного участия и умышленного вмешательства человека. Представлены результаты анализа философской значимости, а также юридических и онтологических вопросов, возникающих не только из фактического состояния развития искусственного интеллекта, но и из вполне реальной перспективы будущих модификаций искусственного интеллекта кибернетических организмов.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, дроны, электронное лицо, физические лица, юридические лица, научно-технический прогресс, авторское право, патентная защита, беспилотник, законодатели, уголовное преследование, судья.

MUSINA Kamilla Salavatovna

postgraduate student of Theory of law and state sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

JURIDICAL ASPECTS OF THE INTERPRETATION OF THE LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

This article analyzes some issues of determining legal status of artificial intelligence in law and legislation. Innovative technologies utilized by judges and possibilities of using the electronic Blockchain system are investigated. This article analyzes legislation in order to explore ways of modernization to eliminate collisions, establishing general provisions on liability for criminal acts by robots, committed due to technical failures of artificial intelligence and (unmanned flying vehicles) without any presence of anthropogenic involvement and intentional human intervention. The presented results of the analysis are of philosophical significance, as well as of legal and ontological significance and are arising not only from the actual state of development of artificial intelligence but also from the very real prospects of future modifications of artificial intelligence of cybernetic organisms.

Keywords: legal personality, artificial intelligence, drones, electronic person, judge, individuals, legal entities, scientific and technological progress, copyright, patent protection, drone, legislators, criminal prosecution, judge.

Мусина К. С.

Artificial intelligence technologies are actively used in various fields of human activity today. Often in everyday life, while using modern means of information technologies that have already become familiar to us, whether it is machine translation of texts from foreign languages or a search for information in Internet search engines, we do not even imagine or simply do not think that we are dealing with machines operating on the basis of neural networks. There are also more sophisticated gadgets, for example, autonomous car controls, facial recognition of criminals by photos or videos from surveillance cameras, diagnosis of diseases, etc. – all of which have become available thanks to progress in the development of *artificial intelligence* (further – «AI») technologies.

Meanwhile, academic literature notes the expansion of possible areas of use of artificial intelligence technologies and an increase in their further potential, which in the long term should be practically unlimited.

Artificial intelligence systems are beginning to be used in the creation of various kinds of content, which is traditionally considered to be art, including works of fine art, musical compositions and literary texts. It does not do without «smart» machines and when creating many scientific and technical solutions. From the point of view of intellectual property law, this means nothing more than the use of artificial intelligence systems

in the creation of potentially protectable results of intellectual activity.

Scientists and practitioners around the world are increasingly asking questions related primarily to the legal protection of the results created by artificial intelligence systems. The following debatable questions are more relevant: are such results subject to protection as objects of intellectual property rights? Who is the author of the results created by machines? Who owns the rights to them?

The search for answers to these questions should begin with considering the aspect of creative activity as a necessary condition for granting legal protection.

The new concept of the legal personality of an «electronic person» is a hybrid by definition and incorporates through integration some elements of the existing concepts of the term of legal personality of individuals, but mostly legal entities, without losing independence and uniqueness.

In the modern world, scientific and technological progress has reached unprecedented proportions. However, a fairly conservative legal science does not always respond in timely manner to the achievements of science and technology, thereby solving legal issues much later than the modern world requires. In view of this, the overly rapid development of artificial intelligence leads to the emergence of gaps in legislation.

Particularly acute within the framework of this problem is the question of determining the subject of responsibility for acts by artificial intelligence. One of the main aspects of identifying the subject of responsibility was the determination of the legal status of a robot. It is worth noting that it is possible to consider artificial intelligence as a subject of law only under the condition of a certain degree of autonomy. According to the European Parliament resolution of 16 February 2017¹, in which legal aspects of artificial intelligence problems were addressed, autonomy is the ability of a robot to make decisions and implement them independently, without external control or influence. However, this property is a purely technical characteristic of a robot and depends on the quality of programming and the talent of the programmer, thanks to the development of functionality, robots are able to act autonomously and make quasi-independent decisions. Perhaps, in this case, it would be advisable to determine the status of a bot depending on the degree of its autonomy. For decades, machines have autonomously produced works that have traditionally been subject to copyright and patent protection. At the same time, guarantees are needed that a human being will be able to intervene in the actions and decisions of artificial intelligence at any time. Also, the Resolution establishes the principle of transparency: every decision of a robot must be rational and understandable to a human being. So, within the framework of modern legal science, discussions are underway about the legal status of *artificial intelligence*, whether it is an individual human being, a legal entity or whether a robot should be classified as an animal.

Over the past few years, there have already been several deadly precedents involving self-driving cars [1]. For example, in the USA in 2016, a car accident occurred due to the fault of a car moving in autopilot mode, as a result of which a person died [2]. Also known is the case of an accident caused by an unmanned vehicle of *Google*. The next fatal example due to automated futuristic technologies is a 48-year-old anesthesiologist Omar Awan, who was burned alive in his car (Tesla) due to a malfunction and failure of the automatic door opening system [3]. Omar Evan's widow, together with her lawyer Grossman, went to court [4]. Who should be held accountable in the event of such acts committed by a robot endowed with artificial intelligence? Legislators in most foreign countries do not provide clear answers. For example, one of foreign authors, considering the issue of criminal prosecution, came to the following conclusions: if it was found that the self-driving autopilot violates the speed limit on the road on which it is located, the law may well impose criminal liability on the airport whose program was driving the vehicle at the time of the accident.

For example, according to Article 1095 of the Civil Code of the Russian Federation, in the presence of harm caused due to shortcomings, the seller or manufacturer of the goods bears responsibility, and as a general rule, the tortfeasor himself is responsible for the harm caused². So, in which capacity *artificial intelligence* should be considered: a harm-giver or a commodity?

To begin with, we need to figure out who can become responsible for the acts of *artificial intelligence*. First, it can be a manufacturer that is responsible for the quality and safety of goods. Secondly, the responsible person can also be the user whose behavior resulted in harm. Thirdly, the seller may be liable for selling knowingly malfunctioning goods. And, finally, the robot itself can be endowed with tortfeasance if it is

impossible to determine another responsible subject. However, is it worth establishing an unambiguous subject? For example, if this person is a robot, other legal subject will be able to use this status of the robot to evade responsibility: manufacturers will be able to program robots for violations, third parties will be able to reprogram them, and users will be able to exploit them. And also, the question will certainly arise: do robots have the means to compensate for the damage. Accordingly, if robots are endowed with tortfeasance, then it is necessary to provide them with other features of their legal status. If responsibility is assigned to the manufacturer, then the condition of incorrect operation is overlooked, i.e. users will pay less attention to the rules of usage and the number of incidents will only increase, or users will specifically create conditions for the commission of an offense so that manufacturers will compensate for the damage. And also, if an *artificial intelligence* device has a certain autonomy, the manufacturer may not be involved in the decision made by the robot. If a user is responsible, probable incorrect programming is not taken into account, which means that manufacturers will be negligent in creating and programming *artificial intelligence*, and if harm is caused to the user, it will be impossible to obtain compensation for harm. As for determining the value of objectivity and the contrast between human and mechanical decision-making, in legal proceedings, living people, especially in criminal proceedings, are irreplaceable. Overestimating the value and impartial objectivity of sentences automatically issued by robots is extremely absurd. When people - judges, for example - make decisions, it is obvious that, as human beings, they may give preference to some of them, judging over others overly influenced by emotion or prejudice.

So, it follows from the foregoing that an unambiguous definition of the subject of responsibility is relevant and has serious shortcomings. Perhaps, several characteristics should be highlighted that should be taken into account when determining the legal personality and the subject of responsibility for acts of *artificial intelligence*. For example, the degree of autonomy of a given robot, whether the subject has the intent to commit offenses using *artificial intelligence*, and whether there has been improper programming or usage.

Пристатейный библиографический список

1. The Guardian. Google's Self-Driving Cars Have Never Gotten a Ticket, 13 November 2015.
2. «Euro news» / US recorded a fatal accident involving a car on autopilot // 2018. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.euronews.com/2018/03/31/tesla-in-fatal-car-crash-driving-on-auto-pilot> (date of reference: 26.08.2022).
3. Periodical publication «Washingtonpost». [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.washingtonpost.com/business/2019/10/23/man-died-burning-tesla-because-its-futuristic-doors-wouldnt-open-lawsuit-alleges/> (date of reference: 17.08.2022).
4. Awan Family Tesla Lawsuit. [Electronic resource]. – Access mode: <https://archive.org/details/6517391-Awan-family-Tesla-lawsuit/page/n3/mode/2up> (date of reference: 20.08.2022).

1 Official Journal of the European Union, European Parliament resolution of 16 February 2017 // 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV (2017) 0051. Available at: [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&from=EN> [Accessed 3 September 2022].

2 Part Two of the Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996 № 14-Federal Law / Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996. – January 29. – № 5. – 410.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-86-87

ХУТ Диана Шамсудиновна

аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

БАЛАНС ЛИЧНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СУЩНОСТИ ПРАВА

В статье рассматривается правовая природа интереса, а также анализируются характерные особенности личных, общественных и государственных интересов. В работе исследуется концепция баланса интересов как отражение сущности права и некоторые сложившиеся в науке подходы к его пониманию. Акцентируется внимание на необходимости установления баланса личных, общественных и государственных интересов в процессе правотворчества и правореализации.

Ключевые слова: интерес, баланс личных, общественных и государственных интересов.

KNUT Diana Shamsudinovna

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Saratov State Academy of Law

THE BALANCE OF PERSONAL, PUBLIC AND STATE INTERESTS AS A REFLECTION OF THE ESSENCE OF LAW

The article discusses the legal nature of the interest, as well as analyzes the characteristic features of personal, public and state interests. The article explores the concept of the balance of interests as a reflection of the essence of law and some of the scientific approaches to its understanding. Attention is focused on the need to establish a balance of personal, public and state interests in the process of law-making and law-realization.

Keywords: interest, balance of personal, public and state interests.

Хут Д. Ш.

Категория «интерес», истоки которой берут свое начало в философии, закрепились в различных областях знания, в том числе юридической науке. Рудольф фон Иеринг по праву считается основоположником «юриспруденции интересов». В своей знаменитой монографии «Борьба за право», автор отмечал, что «первейшая задача права – это уравновешивание различных интересов в обществе и нахождение разумного баланса между ними» [1], [9].

Исследованием интереса в праве занимались многие до-революционные, советские ученые, а также продолжают заниматься современники. В последние десятилетия вопросы, связанные с балансом интересов, приобрели особую актуальность в рамках некоторых отраслевых дисциплин [2].

Изучение вопросов, связанных с установлением баланса личных, общественных и государственных, является актуальным, так как интерес – это движущая сила права, заложенная в основе правообразования, формирования права, правотворчества и правореализации, при этом соблюдение баланса интересов на всех этапах правотворческой и правореализационной деятельности способствует обеспечению стабильности, законности и правопорядка в обществе. В нормативных правовых актах, а также в судебных правоприменительных актах категории «интерес», «баланс интересов» активно применяются. Одним из направлений деятельности большинства правоприменительных органов, особенно судебных, является установление баланса интересов. Это во многом определяется реализацией сущностной природы права в целом.

Интерес – это то, что побуждает любого индивида, различные социальные общности (класс, нацию, группу) к активному действию или воздержанию от действия по поводу достижения удовлетворения насущных потребностей. Для того чтоб определить значение исследуемой категории в праве и установить взаимосвязь с сущностью права, необходимо вспомнить ключевую причину возникновения права. Право

– социальный регулятор общественных отношений (наряду с обычаями, нормами морали и религии), появившийся в период, когда существовавшие социальные нормы не могли урегулировать формирующиеся отношения обмена и обеспечить формальное равенство участников, установить необходимый баланс их интересов. Так, Д. В. Дождев отмечает, что «римские правоведы наделяли право ощутимой жизненностью, способностью удовлетворять и примирять самые различные интересы и обеспечивали практическое функционирование правовой системы» [3].

С. В. Михайлов, изучив природу интереса, указывает о наличии трех подходов к его пониманию, согласно которым интерес – категория: 1) субъективная, существующая только в случае его осознания субъектом, 2) объективная, существующая независимо от его осознания субъектом, 3) диалектическая, объединяющая объективное и субъективное начала [4].

На наш взгляд, интерес может быть как объективным, так и субъективным. Субъект права может не осознавать свой интерес и действовать в силу сложившихся жизненных обстоятельств. Например, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, происходит неосознанно, так как субъект права заранее не может обдумать варианты возможного поведения и предусмотреть последствия совершаемого действия. Также интерес может быть субъективным, осознанным выбором средств и способов удовлетворения потребностей субъекта. К примеру, собственник помещения по своему усмотрению может сдавать свое имущество в аренду, а может и не сдавать. Действие собственника будет являться осознанным и направленным на достижение собственного интереса, чаще всего заключающегося в получении материальной выгоды.

Личный (индивидуальный) интерес побуждает субъекта права к осуществлению активного действия или воздержанию от действия. Каждый субъект, вступая в определенные правоотношения, преследует свой собственный интерес, на-

пример, при заключении договора меня интересам обеих сторон удовлетворяет взаимобмен товарами. При этом у каждого из участников соответствующих правоотношений есть права и корреспондирующие им обязанности в целях поддержания баланса интересов между ними. Индивидуальный интерес может проявляться и вне правоотношений, в частности, при соблюдении норм права, выражающихся в воздержании от активных действий в целях ненарушения установленных запретов (человек не крадет, не убивает и т.д.).

Право выражает не только интерес каждого, а прежде всего, интересы самого общества. Во-первых, «право основано на психологии большинства людей, которые устанавливают определенный средний показатель выработки и действия своих интересов в условиях социальной среды» [5], во-вторых, любой индивид преследует свой личный интерес, который может в целом противоречить интересам общества. Безусловно, каждый индивид участвует в формировании и изменении общественного интереса, но можно говорить о некотором приоритете общественного интереса над личным, так как индивид рождается в определенный период исторического развития общества, где устоявшиеся общественные ценности формируют его потребности и интересы.

Особого внимания заслуживает государство в лице государственных органов как представитель интересов общества и каждого индивида в отдельности. Именно публичная власть может установить и обеспечить баланс личных и общественных интересов путем правотворчества, а также путем осуществления контроля за соблюдением законности, правопорядка и при необходимости применения мер ответственности за нарушение норм права.

В юридической науке нет единого подхода к пониманию баланса интересов. На отраслевом уровне (конституционном, трудовом, гражданском и т.д.) даются различные определения баланса интересов, но в основном авторы придерживаются узкого подхода, отражающего особенности в отдельно взятой сфере правового регулирования. Поэтому изучение концепции баланса интересов должно быть осуществлено именно на теоретическом уровне для возможности определения особенностей содержания и форм его выражения в отраслевых дисциплинах.

Так, например, А. Ф. Пьянкова под балансом интересов понимает «такое состояние правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов» [6].

На наш взгляд, такой подход представляется узким, сводящим баланс интересов исключительно к правоотношениям. Во-первых, интересы в праве могут быть реализованы и вне правоотношений, во-вторых, право в целом предназначено для соблюдения баланса интересов личных, общественных и государственных.

Поддерживая точку зрения В. Л. Кулапова, отметим, что баланс интересов представляет собой «особое состояние – оптимальный режим жизнедеятельности государства, гражданского общества и личности, объективно необходимое состояние юридически значимых интересов субъектов права, направленных на создание надлежащих условий их благоприятного развития, обеспеченных возможностью государственного воздействия» [7].

Баланс интересов – категория оценочная и «подвижная», несмотря на то, что интересы участников различных правоотношений являются согласованными (сбалансированными), содержание самого баланса интересов является различным в зависимости от определенных объективных и субъективных факторов: исторического периода, уровня правосознания и правовой грамотности субъектов права, развития гражданского общества и т.п. Безусловно, соблюдение баланса интересов во всем является невозможным. Потребности и интересы каждого индивида меняются с течением времени, что в

дальнейшем находит свое отражение в меняющихся интересах общества и, соответственно, государства.

Анализируя соотношение интересов в публичном праве, С. А. Белоусов приходит к выводу о том, что «в публичном праве изначально заложен дисбаланс между публичными и частными интересами в пользу первых» [8], в связи с тем, что законодатель, являясь представителем публичной власти, обладает изначально «преимуществом». Считаем, что такой дисбаланс необходимо преодолевать. Поступательное развитие права, отличающееся справедливостью, а также высокой эффективностью, возможно только при соблюдении баланса личных, общественных, государственных интересов и недопущении преобладания государственного интереса над общественным.

Баланс интересов закладывается в процессе правотворческой деятельности. Без понимания правотворческими органами сущности и социального назначения права, причин правового регулирования тех или иных социально значимых общественных отношений, последствий такого регулирования, невозможно установление необходимого баланса интересов.

Эффективная правотворческая деятельность не гарантирует положительных результатов без возможности воплощения их в жизнь, то есть без дальнейшей правореализационной деятельности субъектов права, выражающейся в различных формах (соблюдении, использовании, исполнении и применении).

Несмотря на то, что интересы выражаются во всех формах реализации права, соотношение индивидуальных и общественных интересов является различным. Например, при соблюдении приоритетными являются общественные интересы. При использовании приоритетными являются индивидуальные интересы, так как субъект права по своему желанию пользуется предоставленным ему субъективным правом. Процесс установления баланса интересов наиболее ярко выражен в правоприменительной деятельности, осуществляемой компетентными субъектами, наделенными властными полномочиями.

Таким образом, сбалансированная воля общества, обеспечивающая разумное соотношение личных, общественных и государственных интересов при регулировании социально значимых отношений отражает сущность права. При этом в целях установления правового баланса личные, общественные и государственные интересы должны рассматриваться всегда в комплексе.

Пристатейный библиографический список

1. Иеринг Р. Борьба за право. – М., 1991. – С. 8.
2. Бабкин А. И. Баланс частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях. Злоупотребление правом // Закон. – 2005. – № 2. – С. 14-18.
3. Дождев Д. В. Римское частное право: практический курс. – М., 2018. – С. 8.
4. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. – М., 2002. – С. 17-18.
5. Халиков А. Н. Взаимосвязь категории интереса в психологии и праве // Философия права. – 2018. – № 3. – С. 14-15.
6. Пьянкова А. Ф. Концепция баланса интересов и ее место в гражданском праве России // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 124.
7. Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / Под ред. В. Л. Кулапова. Саратов, 2021. – С. 14.
8. Белоусов С. А. Баланс интересов и его нарушение в публичном праве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 2. – С. 22.
9. Кулаков В. В., Воронов И. Ю. Баланс интересов работника и работодателя // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 215-221.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-88-89

ЯМЩИКОВА Элина Малхазиевна

аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, адвокат филиала «Алейников и партнеры» Межрегиональной коллегии адвокатов

МЕСТО ДЕКЛАРАТИВНЫХ НОРМ В СИСТЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ НОРМ ПРАВА

В статье, путем обобщения и анализа мнений ученых, исследуется место декларативных норм в системе классификации норм права. Автор присоединяется к точке зрения о том, что нормы-декларации являются специализированными нормами права. Также исследуется неопределенность и разрозненность понятийного аппарата и предлагается использование унифицированных терминов «декларативная норма права» и «норма-декларация».

Ключевые слова: норма права, признаки нормы права, классификация норм права, специализированные нормы права, декларативная норма, норма-декларация.

YAMSHCHIKOVA Elina Malzakhievna

postgraduate student of State-legal disciplines sub-faculty of the Penza State University, attorney of branch «Aleynikov and partners» Interregional bar association of Moscow

THE PLACE OF DECLARATIVE NORMS IN THE SYSTEM OF CLASSIFICATION OF NORMS OF LAW

In the article, by generalizing and analyzing the opinions of scientists, the place of declarative norms in the system of classification of legal norms is investigated. The author joins the point of view that the norms-declarations are specialized norms of law. The uncertainty and fragmentation of the conceptual apparatus is also investigated and the use of the unified terms "declarative rule of law" and "norm-declaration" is proposed.

Keywords: the rule of law, signs of the rule of law, classification of the rules of law, specialized rules of law, declarative norm, norm-declaration.

Ямщикова Э. М.

Право, в широком понимании, представляет собой огромную совокупность юридических норм. В этой связи норма права является исходным элементом права. В свою очередь, в общей теории права понятие «норма права» определено как общеобязательное, формально – определенное правило поведения, установленное и обеспечиваемое государством и направленное на регулирование общественных отношений [1, с. 316], [2, с. 184], [3, с. 280].

По мнению О. Э. Лейста, которое было поддержано в работах М. Н. Марченко, правовая норма носит общий характер. Как утверждают теоретики, ее главным отличием от иных велений, распоряжений является то, что она не носит персональный характер, а адресована кругу лиц, объединяемых характерными признаками. Она направлена на регулирование не конкретного, отдельно взятого правоотношения, а вида общественных отношений; норма права действует на неограниченное количество случаев; она продолжает действовать после реализации в индивидуальных отношениях и в поведении конкретных людей» [4, с. 589].

Общепринято выделять следующие отличительные свойства нормы права: государственно-властный характер; обеспеченность силой государственного принуждения и нормативность, которая включает в себя формальную определенность, общеобязательность и институциональность [2, с. 177-184].

В свою очередь, вышеперечисленные признаки нормы права характерны для всех правовых норм, однако, как указывают в своих работах А. В. Малько и А. Ю. Саломатин, такой основной признак правовой нормы как предоставительно-обязывающий характер не у всех юридических норм выражен в одинаковой степени: четче всего он виден в регулятивных нормах, в которых фиксируются как права, так и обязанности субъектов. В декларативных и дефинитивных

нормах предоставительно-обязывающий характер выражен слабо, так как данные нормы нельзя отнести к конкретным нормам поведения [5, с. 161].

В юридической литературе при перечислении признаков правовой нормы обычно для полноты характеристики стремятся указать всю их совокупность, включающую как исключительные, специфические признаки, присущие только нормам права, так и общие - относящиеся и к иным видам социальных норм [6]. При этом при характеристике правовой нормы, ученые, как правило, рассматривают ее признаки с позиции внутригосударственного права, не принимая в расчет специфические особенности международного права.

По нашему мнению, подобный односторонний подход к данному вопросу не в полной мере способствует выявлению характерных черт, присущих исключительно норме права как уникальному феномену, который позволил бы осуществить более четкое разграничение, с одной стороны, между правовыми и иными социальными нормами, также выступающими в качестве регулятора общественных отношений, а с другой — между нормами права и ненормативными положениями. В этой связи, при характеристике именно декларативных норм, большинство которых содержится в международном праве, данный подход применяется не самым лучшим образом.

Что касается классификации правовых норм, то она позволяет обозначить место и роль юридических норм в системе правового регулирования, глубже понять их природу и значение. Следует также обратить внимание на то, что в общепринятом понимании к классификации правовых норм подходят с позиции многоаспектности.

В теории права норма представляет собой определенный стандарт, образец, эталон, модель поведения участников социального общения. Все нормы принято разделять на

технические – регулирующие отношения между людьми и внешним миром, природой, техникой; и социальные – общеобязательные правила поведения, регулирующие отношения между людьми, отражающие закономерности общественного развития и потребности современной практики. Таким образом, норма права – это одна из разновидностей социальных норм [7, с. 50-52].

Нормы права достаточно разнообразны, их можно классифицировать по различным основаниям. На наш взгляд, наиболее обобщенным признаком, в зависимости от которого классифицируются правовые нормы, выступает их роль в механизме правового регулирования. Таким образом, в зависимости от функциональной роли нормы права подразделяют на исходные (отправные), общие и специальные (специализированные).

В своих работах А. В. Малько и А. Ю. Саломатин относят декларативные нормы к исходным нормам в силу того, что они определяют основы правового регулирования общественных отношений, его цели, задачи, пределы и направления [5, с. 165].

В свою очередь, А. В. Баранов также указывает на то, что декларативные нормы представляют собой предписания, закрепляющие основные устои правовой действительности, определяющие основы существующего общественного строя, общие моральные, политические, идеологические основы законодательства, «общие», «основные» начала права [8, с. 6]. Однако, анализируя место данного вида правовых норм в системе российского права, А. В. Баранов приходит к иному, чем А. В. Малько и А. Ю. Саломатин выводу, который, на наш взгляд, является более теоретически обоснованным и точным.

По мнению А. В. Баранова, правовые декларации обладают рядом специфических свойств, которые позволяют выделить их в особую разновидность – специализированные нормы права, наряду с правовыми принципами, правовыми дефинициями, правовыми целями, задачами, презумпциями и фикциями, оперативными и коллизионными предписаниями [12, с. 26]. Помимо А. В. Баранова, данной точки зрения также придерживаются В. В. Кожевников и М. В. Мартыненко, также исследующие проблемы специализированных норм права [10].

Более того, А. В. Барановым также было выработано и предложено определение термина «специализированная норма права» – это особым образом сформулированное общеобязательное, формально-определенное правило общего характера, выполняющее в механизме правового регулирования специфические функции, выражающееся в том, что эти нормы оказывают определительно-обеспечительное воздействие на систему права [9, с. 29].

Однако, следует отметить, что в теории права отсутствует системный подход к анализу декларативных норм права, а также определению их правовой природы. Так, А. В. Баранов [8], [9], С. С. Алексеев [11], М. И. Байтин, В. К. Кабаев [12] рассматривают декларативные нормы в качестве специализированных норм права, В. М. Горшенев [13] и В. А. Рыбаков [14] нетипичных нормативных предписаний, Т. Н. Мирошниченко аномалий в праве [15], М. Л. Давыдова нормативно-правовых предписаний, не выражающих нормы права [16], Л. А. Морозова исходных норм [17], В. М. Шафиров нормативных обобщений высокой степени общности [18].

Аналогичным образом обстоит ситуация с неопределенностью в терминологии. В общепринятом понимании исследуемый вид правовых норм именуется декларативными нормами или нормами-декларациями. В свою очередь, А. В. Баранов именуется их учредительными или нормы-начала [8], В. А. Рыбаков целеустановительными [14].

Таким образом, проведя анализ отечественной доктрины относительно места декларативных норм в системе классификации норм права, следует отметить, что наиболее

рациональной и обоснованной, на наш взгляд, является позиция, предложенная А. В. Барановым, касаемо отнесения норм-деклараций именно к специализированным нормам права. Также для унификации понятийного аппарата в правовой доктрине предлагается использовать единое наименование данного вида норм как нормы-декларации или декларативные нормы.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. – М., 2010. – С. 316.
2. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – С. 177-184.
3. Корельский В. М. Теория государства и права. – М., 2002. – С. 280.
4. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. – М., 2002. – С. 589.
5. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права. – Пенза, 2012. – С. 161-165.
6. Вопленко Н. Н. право в системе социальных норм. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 86.
7. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю., Макеева Н. В. Теория государства и права: тематическое содержание, ключевые понятия курса. – Пенза, 2017. – С. 50-52.
8. Баранов А. В. Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 13-19.
9. Баранов А. В. К вопросу о понятии и месте специализированных норм в системе российского права // Вестник Омского университета. – 2017. – № 1 (50). – С. 22-30.
10. Кожевников В. В., Мартыненко М. В. Специализированные нормы современного российского права: юридическая природа, классификация и место в системе правовых норм // Современное право. – 2014. – № 4. – С. 6.
11. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 70-72.
12. Байтин М. И. Кабаев В. К. Нормы советского права. Проблемы теории. – Саратов, 1987. – С. 159.
13. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113-118.
14. Рыбаков В. А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 3 (36). – С. 24-29.
15. Мирошниченко Т. Н. Нетипичные явления в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1985. – С. 22-23.
16. Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. – Волгоград, 2001. – С. 13.
17. Морозова Л. А. Теория государства и права. – М., 2014. – С. 230.
18. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. – Красноярск, 2004. – С. 159-160.

АНТОНЕНКО Татьяна Фёдоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

БЕРДНИКОВА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ОРЛОВА Светлана Владимировна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ, ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА НА ПРИИСКАХ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования рабочего времени, отдыха, организации крепостного, на землях Кабинета, и вольнонаемного труда в общеимперском и горном законодательстве России XIX века на примере сибирских приисков, исследована дифференцированная регламентация труда в горной промышленности, где императивные нормы рабочего времени, отдыха и т.п. сочетались с нормами диспозитивного характера.

Ключевые слова: отсутствие единых стандартов рабочего времени, организации труда, «Регламент», и «Работные регулы», принудительный труд, правовой статус мастеровых, организация труда на сибирских приисках Кабинета, малолетние рабочие, продолжительность рабочего времени, сверхурочные работы, здоровье горных рабочих, износ рабочей силы, время отдыха, нормативно-правовые акты о рабочем времени и организации труда, государственные службы, обеспечивающие реализацию законодательства о труде на сибирских приисках.

ANTONENKO Tatyana Fyodorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

BERDNIKOVA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ORLOVA Svetlana Vladimirovna

senior lecturer, of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

THE LEGAL REGULATION OF WORKING TIME, ORGANIZATION OF LABOUR IN SIBERIAN GOLD MINES IN THE 19th CENTURY

The article considers the problems of legal regulation of working time, rest time, organization of serf labour on the Cabinet's lands, and organization of civilian labour by the general and mountain legislation of the Russian Empire in the 19th century. Regulation of Siberian gold-diggers labour is analyzed as an example paying attention to peculiarities of mountain industry where imperative norms of the hours of work and rest were combined with dispositive rules.

Keywords: absence of unified standards of working time and labour organization, "Reglament", "Work regulis", forced labour, legal status of workmen, labour organization in Cabinet's Siberian gold-mines, minor workmen, duration of working time, overhours, health of mountain workmen, wear and rear of labour man-power, rest time, legal normative acts on working time and labour organization, government services for protection of labour law in Siberian gold-mines.

До 1861 года в Российской империи не существовало единых стандартов правового регулирования рабочего времени, организации труда и правовой защиты работников. По мере образования каждой отрасли промышленности формировались соответствующие правила регулирования труда, которые оказывали влияние на другие ведомства. Так формировалось единое централизованное законодательство о труде. Этот процесс завершился в России в начале XX века.

В XVIII веке была предпринята попытка законодательно закрепить продолжительность рабочего времени. В XII главе «Регламента адмиралтейству» (5 апреля 1722 года) продолжительность рабочего дня в течение весны и лета составляла 13,5 рабочих часов, с 4,5 утра до 7-8 вечера с часовым или двухчасовым перерывом на обед. Зимой, в ноябре-январе, когда нет «нужного дела», во время мира «не работать и на те дни работных денег не давать»¹. Устроитель уральских горных заводов Генкин представил правительству проект наказа, где предполагал установить 14-часовой рабочий день летом, 12-часовой – весной и осенью, 10-часовой – зимой и 20-дневный отпуск летом. Наказ не был принят [17, с. 11].

2 сентября 1741 года были утверждены «Регламенты» и «Работные регулы» суконным и каразейным предприятиям.

«Регламент» требовал соблюдать правила пожаробезопасности, содержать в чистоте и порядке рабочие места, прогулы рабочих по вине заведения оплачивать «без всяких оговорок немедленно и исправно», строить госпитали, выдавать рабочую одежду в рассрочку, так как рабочие и мастеровые плохо одеты, «насилу и целую рубаху на плечах имеют». «Регламент» устанавливал штрафы «по справедливости».

«Работные регулы» закрепляли 17-часовой рабочий день с марта по октябрь с 4 утра до 9 вечера с двухчасовым перерывом на обед, с ноября по февраль – 16-часовой рабочий день с 4 утра до 8 вечера с часовым перерывом на обед и 8-часовую работу без перерыва с 4 утра до 12 дня – в субботу².

До второй половины XIX века промышленность в России была развита слабо, формирование рынка вольнонаёмной рабочей силы было невозможно, крайне затруднён был отход крестьян из деревень. Поэтому к заводам, рудникам, приискам приписывали крестьян, покупали, направляли на них каторжников, бродяг, нищих, закрепляли навечно наёмных работников. Приписные крестьяне преобладали в основном на Урале, в Карелии, Сибири. Формально они оставались государственными, но как крепостные отбывали барщину на заводских работах.

1 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Изд. 1830. Т. IX. № 3937.

2 ПСЗ. Изд. 1830. Т. IX. № 6858.

Крайне слабо регулировался труд свободных лиц до второй половины XIX века. Обилие законодательного материала, содержавшего нормы по частным вопросам, и своеобразный порядок ведомственной систематизации правовых норм влекли множество технических неудобств при осуществлении деятельности органов суда и управления. На этом этапе трудовое законодательство было фрагментарным и казуистичным, административное вмешательство государства носило карательный и принудительный характер [2, с. 14].

Данную особенность можно проследить с XVIII века на примере появления и развития горного права. До XVIII века горные заводы, промыслы находились под контролем воевод, горной администрации не было. Управление горной промышленностью начинается после появления Рудного приказа (1715 год), Берг – коллегии, основных горных законов – «Берг – Привилегии» (1719 год)³, «Берг – Регламент» (1739 год) [5, с. 10] и др.

Горным законодательством предусматривалось использование только принудительного труда. «Подобно тому, как помещик заведовал, до известной степени, всякого рода делами своих «подданных» (как нередко назывались крепостные) в пределах своего имения, так и горное начальство должно было являться в своих округах начальством до некоторой степени общим»; и действительно, горное правление имело в своем ведении и полицию, и суд, и школы, и церкви и т.д. в пределах горных округов [18, с. 168].

В начале XIX века в России продолжало действовать Соборное уложение 1649 года, законодательство Петра I и его преемников. Нормативный материал не был по-прежнему систематизирован, что способствовало произволу чиновников, администрации, полиции и судов.

В Сибири постоянно не хватало рабочей силы. Горные работы на алтайских и нерчинских заводах и приисках, принадлежащих Кабинету⁴, производились не вольнонаёмными рабочими, а мастеровыми, которые еще с 1761 года, после освобождения от подушного налога, были приравнены к лицам, состоявшим на военной службе. Заводы и прииски пополнялись мастеровыми через рекрутские наборы с крестьян, приписанных к ним. Мастеровыми становились дети мастеровых и рабочих всех нижних чинов, состоящих на заводской службе и находящихся в отставке, а также незаконно рожденные дети от их вдов и дочерей.

Никто из горных рабочих не мог быть переведён в другое сословие без разрешения Кабинета, а после перевода в ведомство Министерства финансов – без согласия министра финансов. Мастеровые разделялись на команды под руководством горных офицеров. «Они содержались в порядке и повиновении по Воинскому уставу Петра I, и за разные проступки и преступления мастеровые и все нижние чины, состоящие на заводской службе, судились военным судом»⁵.

В 1858 году в начале реформ Александра II возник спор о правовом статусе рабочих на сибирских землях Кабинета. Кабинет считал горнорабочих «оседлыми военнослужащими». В Министерстве императорского двора была другая точка зрения, согласно которой «...мастеровых Алтайского и Нерчинского горных округов нельзя рассматривать как рабочих военнослужащих... или как военнорабочих. Хотя они подлежат рекрутским правилам набора, служат определенные сроки и, для большей дисциплины в их трудовом ремесле, подчинены строгостям воинского устава, тем не менее ... по самому роду занятий, по оседлости и праву иметь свои дома и хозяйства в селениях они не имеют характера солдат...» [1, с. 154] С одной стороны, условия труда и быта горнорабочих были организованы по подобию военных поселений, с другой стороны, имелось сходство с посессионными уральскими горными заводами.

Самой тяжёлой была работа на сибирских золотых приисках. Поэтому сюда ссылали горнорабочих за разные провинности с других заводов и рудников. Помещики могли отправлять своим провинившихся крепостных на золотые промыслы с правом требовать их обратно. До 1855 года мастеровых переводили на другие прииски только с разрешения горного правления. В 1855 году это правило было отменено, ни один рабочий с этого времени не был ограждён от самодурства местных управляющих [3, с. 35].

Среди рабочих на золотых приисках были и подростки с 12 лет. В Положении 1828 года о мастеровых Кольвано – Воскресенских заводов отмечено: «Дети причисляются к командам мастеровых, не прежде как по прошествии 12 лет, но дотоле, пока достигнут совершенного возраста и укрепления сил, употребляются только к «разбору руд и другим легким занятиям» [3, с. 35]. Рабочие в возрасте от 12 до 18 лет считались подростками, им разрешалось работать не более 8 часов в сутки в дневное время⁶. По штату 1849 года на Алтайских золотых промыслах полагалось 234 подростка, из них 111 в возрасте до 15 лет [1, с. 397]. С семи лет, а с 1849 года – с восьми, мальчики должны были учиться в заводских или приисковых школах, если только отец до 12 лет не захотел обучать детей дома, если встречалось очень редко.

Работы на золотых приисках приравнялись к каторге. Холод, казарменная жизнь в сырых помещениях, постоянный дым (замёрзшую землю оттаивали кострами), работы по колену в воде в дождливый период, плохая пища вызывали болезни, высокую смертность. Накануне отмены крепостного права, управляющие казёнными промыслами были вынуждены давать отпуска от 1 до 3 месяцев малолетним рабочим, старикам, ослабленным после болезни.

На кабинетских золотых приисках работали круглый год, в одну, две и три смены. В 1852 году трёхсменная работа стала общим правилом. Горнорабочий, если были три смены, работал от 242 до 248 дней в году.

Продолжительность рабочего времени в дневные и ночные смены равнялись 12 часам. Дневная смена начиналась в 4 утра, ночная – в 16 часов. При этом рабочие должны выполнять задания, летом в пять, зимой в семь рабочих смен по штатам 1849 года. Выполнившие задания не могли уйти с работы, невыполнившие должны были доработать в выходные дни. За непослушание – наказание розгами и палками.

С 1835 года с одобрения министра финансов горнорабочие с их согласия могли быть привлечены за двойную плату к сверхурочным работам в выходные дни. В основном рабочих стогнали на такие работы насильно. Один рабочий Царево – Николаевского промысла в военном суде 1841 года показал: «...После наказания розгами за уход со старательской работы Я, не надеясь избавиться от назначенной нам работы, в которую мы, хотя и не каждую гульную неделю употреблялись, но всё же доводилось иногда находиться в одной против желания нашего, в тот же день сговорился с другим рабочим убить кого –нибудь». 13 сентября 1841 года трое рабочих «... посланы были с прочими из казармы в гульную неделю на старательскую работу», работать отказались, «за такую ленность и упрямство наказаны по мере вины лозою [3, с. 20]. Наказание было совершенно противозаконно, так как в выходные дни рабочие могли работать только с их согласия. По воскресеньям и праздникам обязательные работы на приисках не производились.

Горнорабочие на кабинетских золотых приисках получали жалованье, провиант, муку часто очень плохого качества, кормовые, «порционные» деньги. Получая небольшое жалованье, рабочие стремились обзавестись своим хозяйством.

На новых промыслах рабочие вынуждены были строить себе казармы. Построенные нередко из хитового леса дома в сильные морозы промерзали насквозь, по стенам текла вода. Из-за сырости у рабочих начиналась «гнилая горячка», от плохого питания – цинга. Эти и другие болезни были распространены на всех приисках. Зимой число больных доходило до 17 %. Главные причины – «...сырое и суровое

3 ПСЗ. Т. V. № 3464.

4 Кабинет Его Императорского Величества утвержден в 1704 году Петром I; являлся его канцелярией, ведал казной и имуществом царя, вел переписку. В 1826 году вошел в Министерство императорского двора, ведал личным имуществом царя (землями, заводами, рудниками, лесами, драгоценностями).

5 ПСЗ. Т. III. № 1960.

6 ПСЗ. Т. III. № 1960; Т. XIII. № 11335; Т. XXVII. № 26050.

местоположение золотоносных россыпей, глубокие снега и позднее наступление тёплой погоды в тех местах, работы ... почти во вседневной сырости ..., а особенно теснота в наскоро выстроенных избушках, лазаретах, в которых вдруг накапливается неожиданно большое число больных» [4, с. 57, 60-61].

Промысловые больницы находились в неудовлетворительном состоянии: вместо коек – нары, сырые помещения, теснота, недостаток лекарств, белья, обуви. Горнорабочие по штатам 1849 года во время пребывания в больнице получали половину жалования.

Рабочие на алтайских заводах и приисках работали бессрочно, до потери трудоспособности. По Положению 1828 года никто из мастеровых не освобождался «... от непрременной обязанности производства работ, как токмо получением отставки, данной от горного правления». Главной причиной отставки считалась только «неспособность к работе по болезням, увечью или старости»⁷. Отставным выдавалась пенсия по положению 1797 года, рабочим унтер – офицерского звания – 20 рублей, рядовым – 10 рублей, вдовам – 5 рублей, сиротам – 3 рубля в год. С 1836 года наименьший размер пенсии составлял 6 рублей (ассигн.), а с 1840 года, с переводом на серебро – 1 рубль 72 копейки в год. С 1828 года пенсионеры получали провиант по 2 пуда в месяц [3, с. 11-12].

В случае безупречной службы в течение 25 лет по Положению комитета министров от 11 марта 1825 года рабочие, взятые на прииски и заводы из крестьян в результате рекрутского набора, могли также уйти в отставку. Но таких рабочих было мало, так как по высочайшему же повелению нельзя было отправлять в отпуск, в отставку оштрафованных мастеровых «и тех из них, кто будет оставлен в подозрении и затем не вполне одобрительно вести себя». Некоторых мастеровых в отставке иногда принимали в богадельни. В таком случае пенсия не выдавалась⁸.

За совершённые правонарушения на приисках Кабинета рабочие подвергались суровым телесным наказаниям розгами и палками. За второй и следующие побег, за наговор на себя о совершении уголовного преступления для избавления от работы наказывали шпицрутенами. Виновных иногда помещали в исправительные казармы на срок от 3 до 12 месяцев, при этом арестованным сбрасывали половину головы и ежедневно отправляли на самые тяжёлые работы [9, с. 101].

К середине XIX века принудительный труд, военно-крепостной режим оказались невыгодными по сравнению с вольнонаёмным трудом, который использовали частные золотопромышленники.

В первой половине XIX основным районом добычи золота становится Восточная Сибирь. За четверть века «золотая лихорадка» распространилась от Алтая до Тихого океана. Из 553 приисков на Урале и Сибири в 1861 году 283 находились в Восточной Сибири [11, с. 226]. После реформы 1861 года на золотых приисках Восточной Сибири добывалось от 64,3 до 75,5% общероссийского золота. Урал, например, давал 17,2-28,7%, а Западная Сибирь лишь 4,6-7,2 % всего добываемого золота в России [19].

С 1882 по 1903 год в Российской империи было принято девять главных законов, которые стали основой промышленного (трудового) права. Кроме законов в фабрично – заводское и горное законодательство России входили административные акты министерств, присутствий, которые утверждались императором и с 1863 года публиковались в Собрании узаконений и распоряжений правительства, издававшимся Правительствующим сенатом. Административные акты представляли собой либо разъяснения и дополнения к законам о труде, либо самостоятельные источники трудового права, содержащие в основном нормы по технике безопасности. К источникам трудового права относились также правила внутреннего распорядка, коллективные договоры, обычаи (обыкновения) [6, с. 6-9, 11-12], [15, с. 36].

После 1861 года все источники трудового законодательства в горной промышленности делились на общие (Устав о промышленном труде 1913 года) и специальные (Дополни-

тельные правила 1861 года, Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов 1861 года, Уставы горный, о промышленности, о частной золотопромышленности (Свод законов, т.7), сборники узаконений о частных золотом и горном промыслах с разъяснениями к продолжениям к Своду законов и распоряжениям правительственных мест и должностных лиц.

20 декабря 1895 года был принят закон «О найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы» взамен ст. ст. 662, 664-675, 677-680 и 687-706 «Устава горного и в изменения и дополнения других подлежащих узаконений». Он состоял из двух разделов: «А. Относительно надзора за порядком, благоустройством и безопасностью на частных золотых и платиновых промыслах» и «Б. Относительно найма рабочих на частные золотые и платиновые промыслы» [8].

После отмены крепостного права все рабочие, приписанные к горным заводам, рудникам, приискам, получили «права свободных сельских обывателей личные, по имуществу и по состоянию», хотя были исключения. Этот процесс регулировался Дополнительными правилами от 19 февраля 1861 года, а также Положением о горнозаводском населении казенных горных заводов от 8 марта 1861 года [10, с. 511-529], [12]⁹. Дополнительные правила касались населения частных, казенных, кабинетских горных заводов и приисков ведомства Министерства государственных имуществ и Министерства финансов.

Процесс перехода в свободное сословие, юридически крестьянское, происходил в течение двух лет. Согласно разделу «О порядке поступления горнозаводских людей в заводские работы» Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов от 19 февраля 1861 года, освобождённые от крепостного труда рабочие могли снова устраиваться на прииски, горные заводы, рудники по найму на добровольных условиях сроком не более трёх лет, «по истечении сих сроков условия могут быть возобновляемы [10, с. 519].

Все работающие в горной промышленности были разделены на мастеровых и рабочих. «Мастеровые суть те, кои исполняют все технические, заводские или рудничные работы, требующие известного знания и навыка; сюда же относятся и те должностные люди (служители) по части технической, хозяйственной или письменной, которые приняты будут по найму. Рабочие суть те, кои занимаются по заводу разными не техническими или вспомогательными работами» [10, с. 519].

Положение о горнозаводском населении казённых горных заводов установило минимальный, 12-летний возраст приема на работу на прииски, рудники, горные заводы с согласия родителей (ст. ст. 52, 53, 307).

Рабочее время, его распределение долгое время регулировалось индивидуально, по договору или обычаю. В разных отраслях промышленности России сформировалась своя система норм, регулирующая рабочее время и отдых. Так, очевидец сообщал, что на золотых приисках Енисейского округа Енисейской губернии рабочие «... работают по 18 часов, всегда голодные, оборванные и за этот каторжный труд дается им по 20 копеек серебром в сутки, но из этой суммы высчитывается ещё более половины за сахар, табак...» и штрафы¹⁰.

Именно в эту сферу труда государство начинает постоянно и динамично вмешиваться, устанавливая государственно-административный контроль. По закону от 12 июня 1897 года «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» дневное рабочее время не должно было превышать 11,5 часов в сутки, а по субботам и накануне праздников – 10 часов, также устанавливались 66 обязательных дней отдыха в году: 52 воскресных и 14 общегосударственных праздников. В 1900 году было добавлено ещё три праздничных дня [16, с. 70-71].

В законе впервые в России дается определение рабочего времени, в том числе ночного – между 9 часами вечера и 5 ча-

7 ПСЗ. Т. III. № 160.

8 ПСЗ. Т. XXIV, отд. II, прил. С. 129.

9 Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов // Российское законодательство X-XX веков. Т. 7. М., 1989. С. 352-370.

10 Судебный вестник. 1872. № 7. С. 54.

сами утра, если две и более смены – до 4 утра. Впервые в российском законодательстве появилось понятие сверхурочных работ, которые допускались по особому соглашению между администрацией и работником.

Контроль за соблюдением рабочего законодательства на сибирских приисках был возложен на окружных инженеров, горных исправников, чинов полиции. Окружные инженеры наблюдали за исполнением постановлений о трудовой деятельности женщин, подростков и малолетних рабочих, за исполнением работодателями и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения, рассматривали и утверждали таксы, табели, расписания и правила внутреннего распорядка, которые составляли горно-заводские управления, для рабочих принимали меры к предупреждению споров и недоразумений между нанимателями и рабочими «путем исследования их на месте возникших неудовлетворений и миролюбивого соглашения сторон» [13, с. 408-410].

Нормы, которые регулировали рабочее время малолетних (от 12 до 15 лет) имели императивный характер. Общая продолжительность работы малолетних рабочих – не более 8 часов в сутки. Ночные работы малолетних на приисках, подростков (от 15 до 18 лет) и «лиц женского пола» были запрещены. Однако ст. 124 Устава о промышленности в случае уважительных причин (аврал и т.п.) разрешала губернаторам допускать подростков и женщин к ночным работам.

Законодательство о найме работников на сибирские прииски было гораздо либеральнее по вопросу регулирования рабочего времени: в нём вовсе не упоминалось о нормах рабочего времени для приисковых рабочих (исключения составляли малолетние, подростки и женщины). Определение продолжительности рабочего времени было отнесено исключительно к договору между сторонами. Например, в договоре С. А. Степановой 1888 года с рабочими-киргизами (прииск Семиполатинско-Семиреченского горного округа) сказано: «... Из рабочего дня должно полагаться на завтрак 1 час, на обеденное время и отдых 2 часа в день; работа должна быть даваема нам урочная». Затем следовало определение размеров урока (среднего количества выработки пласта). Количество рабочих часов не обозначалось потому, что оно зависело от времени окончания урока [14, с. 86].

Согласно докладу А.П. Кузнецова обществу врачей Енисейской губернии средняя продолжительность рабочего времени на Енисейских приисках в 1891-1892 гг. была 10-11 часов, рабочий день начинался с 6-7 утра, перерывы на завтрак, обед и ужин составляли 3-3,5 часа с коротким отдыхом по 8 минут несколько раз. Средняя выработка на одного рабочего – забойщика была 650-850 пудов земли в день [7, с. 6-7].

В законе «О найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы» указывалось, что «... в случае несчастных происшествий на промыслах, как то: пожара, наводнения и т. п., рабочие и в праздничные дни не вправе отказываться от содействия к прекращению бедствия» (ст. 28), но по отдельному соглашению работника и работодателя, т. е. согласия работника. Устанавливалась 120 – часовая предельная годовая норма сверхурочных работ.

Таким образом, с 1861 года содержание трудового договора в горном законодательстве полностью соответствовало требованиям, изложенным в общем законодательстве о труде Российской империи, но императивные нормы о рабочем времени, времени отдыха и организации труда сочетались с нормами диспозитивного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Алтай: историко-статистический сборник. Томск, 1890. 607 с.
2. Бердникова С. А. Правовое регулирование труда в России до начала XX века (на примере горной промышленности): учебн. пособие. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 108 с.
3. Зобнин Н. Мастерские Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. Прило-

- жение к «Восточному обозрению» 1891 года. СПб., 1892. С. 1-48.
4. Зобнин Н. Приписка крестьян на Алтае // Алтайский сборник. 1859. Т. 1. С. 51-68.
5. Историческое описание горных дел в России (Высоч. утв. доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства). Ч. 1. СПб., 1807. 108 с.
6. Кисилев И. Я. Трудовое право в России: история. М., 2001. 371 с.
7. Кузнецов А. П. Некоторые данные к вопросам о количестве выработки, о времени рабочего дня, о пищевом довольствии и об улучшении быта рабочих на золотых промыслах. Красноярск, 1892. 21 с.
8. О найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы. Томск, 1895. 14 с.
9. Орлов Н. А. Об уничтожении телесных наказаний // Русская старина. 1881. № 5. С. 90-113.
10. Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов // Положение о сельском состоянии. СПб., 1876. С. 511-529.
11. Сведения о частном промысле в России. СПб., 1863. 603 с.
12. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. Т. 1. СПб., 1900. С. 1254-1359.
13. Свод уставов горных по официальному изданию 1893 года // Сборник узаконений и распоряжений правительства / Сост. А. Скоров. Т. 1. М., 1895. 492 с.
14. Семевский В. И. Очерки быта рабочих на сибирских золотых промыслах // Сибирский сборник. Иркутск, 1895. Вып. 1. С. 86-102.
15. Сосна Б. И., Горелко Н. А. Историко-правовое исследование источников трудового права России // История государства и права. 2001. № 5. С. 35-41.
16. Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. СПб., 1999. 196 с.
17. Шельмагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века). М., 1947. 183 с.
18. Штоф А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1882. 224 с.
19. Хроленок С. Ф. К вопросу о промышленном перевороте в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири (1860-1900 гг.) // Экономическое и общественно – политическое развитие Сибири в 1861-1917 гг. Новосибирск, 1969. С. 99.

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович

Уральский институт управления, филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ИЗ ИСТОРИИ ВЕРХНЕУРАЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ: ГИПОТЕЗЫ МУЧЕНИЧЕСКОЙ СМЕРТИ ПЕТРА КРУТИЦКОГО

В настоящей статье рассматривается вопрос раскрытия некоторых особенностей исторического развития Российского государства, отраженных в жизненном пути Петра Полянского. При изучении известных фактов из открытых источников автор приходит к выводу, что казнь Петра Полянского была предрешена сложившимися обстоятельствам. К этому времени в обществе и государстве свершилось три знаковых события, в соответствии с которыми было принято решение о ликвидации Петра Полянского.

Первое событие отразило произошедшие изменения в управлении православной церкви и назначении нового местоблюстителя патриаршего престола вместо П. Полянского. Представители обновленческой церкви шли на сближение с новой властью. Получилось так, что сначала митрополит Сергей был провозглашен Местоблюстителем, затем, спустя некоторое время приговор в отношении П. Полянского был приведен в исполнение.

Второе событие отразилось в том, что осенью 1937 года появилось новое обвинительное дело в отношении священнослужителей Челябинской области. Все они были изобличены как «участники контрреволюционной повстанческой террористической организации церковников Партия угнетенных христиан». При расследовании этого дела многие другие дела были приобщены к нему. Дело в отношении митрополита П. Полянского было объединено с другими делами священнослужителей Омской и Челябинской областей по обвинению епископа Антония Миловидова и еще 127 священников. 01 сентября 1937 года в отношении Полянского было подготовлено обвинительное заключение по следственному делу Д. П16935. Специальная «тройка» при УНКВД по Челябинской области утвердила приговор 2 октября 1937 года.

Третья часть отражает изменения в политике и праве, что привело к появлению внесудебных троек для вынесения приговоров. В указанное время в СССР всё было подчинено выполнению пятилетних планов. Государству для выполнения поставленных задач были нужны деньги и люди. Государство вновь обратилось к опыту прошлого – репрессиям, но с более жесткими мерами проведения, включая и изменение системы учреждений исполнения наказания. Политизоляторы и тюрьмы закрывались в связи с невозможностью использовать эти учреждения в реализации экономических планов.

На сопоставлении фактов можно уверенно говорить, что казнь была проведена в Верхнеуральской тюрьме, но при этом место захоронения обнаружить пока не представляется возможным. Приговор был приведен в исполнение в Верхнеуральской тюрьме. Это косвенно подтверждается приказами по тюрьме, в которых указывалось, что этапов из тюрьмы за сентябрь – октябрь не было организовано. Да и организация этапа была делом хлопотным из-за отсутствия техники для перевозки. К этому добавляется, что в последние месяцы Петр Полянский не вставал из-за серьезного недуга, который мог привести к его смерти в случае транспортировки. Представители власти этого не желали. Скорее всего, властям надо было наказать смертью Петра Полянского за несгибаемость.

Но в этом случае встает вопрос о месте захоронения. Если верить высказываниям ветеранов учреждения и мнениям местных краеведов, то расстрелянных вывозили на старое кладбище и хоронили в одной братской могиле.

Ключевые слова: митрополит, местоблюститель, тюрьма, репрессивная политика, место захоронения.

EVSEEV Ivan Valentinovich

Ural Institute of Management, branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation

FROM THE HISTORY OF THE VERKHNEURALSKAYA PRISON: HYPOTHESES OF THE MARTYRDOM OF PETER KRUTITSKY

This article discusses the issue of revealing some features of the historical development of the Russian state, reflected in the life path of Peter Polyansky. When studying known facts from open sources, the author comes to the conclusion that the execution of Peter Polyansky was predetermined by the circumstances. By this time, three significant events had taken place in society and the state, in accordance with which a decision was made to liquidate Pyotr Polyansky.

The first event reflected the changes that had come about in the administration of the Orthodox church and the appointment of a new locum tenens of the patriarchal throne in place of P. Polyansky. Representatives of the obnavlenchesky church went for rapprochement with the new government. It so happened that at first Metropolitan Sergius was proclaimed Locum Tenens, then, after some time, the sentence against P. Polyansky was carried out.

The second event was reflected in the fact that in the autumn of 1937 a new accusatory case appeared against the clergy of the Chelyabinsk region. All of them were exposed as "participants in the counter-revolutionary insurgent terrorist organization of churchmen, the Party of Oppressed Christians." During the investigation of this case, many other cases were added to it. The case against Metropolitan P. Polyansky was combined with other cases of the clergy of the Omsk and Chelyabinsk regions on charges of Bishop Anthony Milovidov and 127 other priests. On September 1, 1937, an indictment was prepared against Polyansky in the investigative case of D. P16935. A special "troika" at the UNKVD in the Chelyabinsk region approved the verdict on October 2, 1937.

The third part reflects the changes in politics and law that led to the emergence of extrajudicial troikas for sentencing. At that time, everything in the USSR was subordinated to the fulfillment of the five-year plans. The state needed money and people to fulfill its tasks. The state again turned to the experience of the past - repression, but with more stringent measures, including a change in the system of institutions for the execution of punishment. Political isolators and prisons were closed due to the inability to use these institutions in the implementation of economic plans.

By comparing the facts, we can confidently say that the execution was carried out in the Verkhneuralsk prison, but at the same time it is not possible to find the burial place. The sentence was carried out in the Verkhneuralsk prison. This is indirectly confirmed by the orders for the prison, which indicated that the stages from the prison for September-October were not organized. And the organization of the stage was troublesome because of the lack of equipment for transportation. To this is added that in recent months, Pyotr Polyansky did not get up due to a serious illness that could lead to his death in case of transportation. The authorities did not want this. Most likely, the authorities should have punished Pyotr Polyansky with death for his inflexibility.

But, in this case, the question arises about the place of burial. If we believe the statements of the veterans of the institution and the opinions of local historians, then the executed were taken to the old cemetery and buried in one mass grave.

Keywords: metropolitan, locum tenens, prison, repressive policy, burial place.

История окружает нас. Она, как правило, отображается в каких-либо источниках, в том числе в конкретных документах и биографиях живших и живущих людей. Каждая жизнь уникальна с точки зрения жизненного пути, отображенных в ней исторических фактов. Кто-то прожил свою жизнь ярко и оставил след в истории и сердцах людей, а кто-то прожил непримечательную жизнь, но те и другие участвовали в исторических событиях. Переживали возникшие изменения. История вошла в их биографии в виде документов и событий, отразилась в характере определенных исторических лиц. Ими мы восхищаемся и ставим биографии таких граждан в пример.

В настоящей работе мы остановимся на некоторых исторических событиях, которые повлияли на биографию Петра Полянского, жизненный путь которого в настоящее время является примером нестигаемой воли и истинного служения.

Надо отметить, что мы не впервые обращаемся к биографии Петра Полянского. Еще в 1996 году мы впервые обратились к биографии Петра Полянского в книге «Страницы истории Верхнеуральской тюрьмы», где указали некоторые биографические даты в жизненного пути П. Полянского [6, с. 58]. С этого времени прошло уже более 25 лет. Казалось, что за это время все архивные материалы изучены, все научные гипотезы высказаны и проверены.

Но, в настоящий момент, несмотря на многие исследования, остается вопрос о последних днях Петра Полянского в Верхнеуральской тюрьме и месте его захоронения. В своих рассуждениях мы попытаемся дать ответ на эти вопросы.

Прежде чем приступить к озвучиванию основных тезисов, я бы желал остановиться на общеизвестных событиях и датах, отнесенных к жизни Петра Полянского, т.к. в некоторых изданиях указываются иные даты и факты [7, с. 341-369].

Как указано в разнообразных источниках Петр Полянский 02 октября 1937 года был приговорен к высшей мере наказания. 10 октября 1937 года расстрелян в тюрьме города Магнитогорска [11, с. 35-51], как считают некоторые исследователи. Что не вызывает сомнения – то, что Петр Полянский был расстрелян 10 октября 1937 года, но где, это вызывает законный вопрос.

Для того, чтобы понять, для чего и с какой целью это было сделано после 10 лет содержания в местах лишения свободы, необходимо сопоставить все значимые факты

В отношении П. Полянского в 1937 году было заведено новое следственное дело по обвинению его в заговоре служителей культа против советской власти. К этому времени в обществе и государстве свершилось три знаковых события, в соответствии с которыми было принято решение о ликвидации Петра Полянского.

Первое. Для российского общества и священнослужителей мира Петр Полянский считался на 1 января 1937 года уже умершим. Вместо него, согласно написанному Петром Полянским завещанию, местоблюстителем становился митрополит Сергей. Это произошло следующим образом. 27 декабря 1936 года Московской Патриархией было принято определение, согласно которому богослужебное поминовение митрополита Петра прекращалось, а в качестве Местоблюстителя предписывалось помянуть митрополита Сергия: «С 1-го января наступающего 1937 года ввести за богослужениями в церквах Московского Патриархата поминовение по следующей форме: после «Святейших Патриархов Православных» возносится имя «Патриаршего Местоблюстителя нашего Блаженнейшего митрополита Сергия», а там, где полагается полный титул: «Патриаршего Местоблюстителя

нашего Блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского» [18], [19].

22 марта 1937 года Патриархией был издан указание на имя митрополита Елевферия «о принятии к сведению» завещательного распоряжения митрополита Петра от 5 декабря 1925 года, написанного им на случай его кончины. Наконец, только в номере за март – апрель 1937 года «Голоса Литовской православной епархии» (к тому времени, по сути, единственного печатного органа, остававшегося в распоряжении Московской Патриархии) был напечатан официальный некролог, сообщавший о кончине святителя Петра [3, с. 21].

Таким образом, сначала митрополит Сергей был провозглашен Местоблюстителем, затем, спустя почти три месяца, было «принято к сведению» завещание митрополита Петра, на основании которого состоялось это провозглашение, и лишь после этого за рубежом появилось официальное сообщение о его кончине, в силу которого и было приведено в действие завещание [11, с. 35-51].

Второе. В августе 1937 года Управлением НКВД по Челябинской области «была вскрыта и ликвидирована повстанческая организация духовенства и церковников», состав которой якобы достигал свыше 1 000 участников. Было выявлено около 127 лидеров нового движения из числа священнослужителей. Все обвиняемые были приговорены к высшей мере социальной защиты – расстрелу. При изучении следственных дел расстрелянных проявляются нестыковки, а в некоторых случаях проявляются явные дописки и вклеенные новые документы, что говорит о фальсификации документов [15, с. 61-65].

О масштабах репрессий против духовенства на Среднем Урале в период «большого террора» свидетельствуют данные, содержащиеся в докладной записке на имя Н. И. Ежова «Об итогах работы по ликвидации и разгрому контрреволюционных формирований и антисоветских элементов по Уралу за период с 1 октября 1936 года по июль 1938 года». За это время в области было арестовано несколько сотен лиц, имеющих отношение к православной церкви. Правительственная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий в 1990-х годах пришла к выводу, что в 1937 году было арестовано 136 900 православных священников, из них расстреляно 85 300; в 1938 году арестовано 28 300, расстреляно 21 500; в 1939 году арестовано 1500, расстреляно 900; в 1940 году арестовано 5100, расстреляно 1100; в 1941 году арестовано 4000, расстреляно 1900 [16, с. 38].

К осени 1937 года появилось новое обвинительное дело в отношении священнослужителей Челябинской области. Все они были изобличены как «участники контрреволюционной повстанческой террористической организации церковников Партия угнетенных христиан». Групповое дело «Дело контрреволюционной организации церковников «Партия угнетенных христиан» во главе с епископом Антонием (Миловидовым)» [15, с. 61-65].

При расследовании этого дела многие другие дела были приобщены к нему. Дело в отношении митрополита Полянского было объединено с другими делами священнослужителей Омской и Челябинской областей по обвинению епископа Антония Миловидова и еще 127 священников. Следствием было изобличено нелегальное объединение под названием «Повстанческо-террористическая организация духовенства Челябинской области» [15, с. 61-65].

1 сентября 1937 года в отношении Полянского было подготовлено обвинительное заключение по следственному делу Д. П16935. Специальная «тройка» при УНКВД по Челябин-

ской области утвердила приговор 2 октября 1937 года [6, с. 58] (Archival file D. P16935. Investigative case on the charge of Metropolitan Peter (Polyansky) in 1937). В обвинении указывалось: «...активный участник повстанческо-террористической организации духовенства...», ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР. Приговор: высшая мера наказания – расстрел с конфискацией имущества. Данное решение было оформлено в соответствии с приказом НКВД СССР № 00447.

Особенности ведения следствия были описаны в четвертом разделе приказа, где определялось, что следствие проводилось ускоренно и в упрощенном порядке. В папке следственного дела должны были содержаться следующие документы: ордер на арест, протокол обыска, анкета обвиняемого, протокол допроса, обвинительное заключение, акт о приведении решения в исполнение. При предъявлении приговора упор делался на предварительный агентурно-учетный материал, что на практике позволяло допросить обвиняемого один раз. По делу составлялось «краткое» обвинительное заключение. О возможности какого-либо применения физического воздействия (избиений и пыток) в ходе следствия по приказу № 00447 не говорилось да и в целом их применение не требовалось [4]. Дело формировалось на основе оперативных разработок и донесении из местных органов правопорядка. Решения выносились «тройкой» заочно – по материалам дел, представляемых органами НКВД из мест содержания обвиняемых, а иногда и вовсе без таких материалов. Процедура рассмотрения дел была свободной, протоколы не велись.

За два года (1937 – 1938 годы) УНКВД по Челябинской области было арестовано 25 368 человек, из них приговорено 14 379 человек к ВМН, остальные – к различным срокам лишения свободы. При этом тройками УНКВД Челябинской области было рассмотрено следственных дел на 16 786 человек, по которым приговорено 8 656 человек к ВМН [1].

Необходимо отметить, что всего по стране «тройками» с августа 1937 по ноябрь 1938 года было осуждено 767 397 граждан, из них 386 798 – по «первой категории» [9, с. 104-125]. Работа «троек» УНКВД выстраивалась на основании ведомственного приказа. В шестом разделе приказа НКВД СССР № 00447 определялся порядок приведения приговоров «троек» в исполнение. Основанием для него служила утвержденная выписка из протокола решения «тройки», которую направляли по месту содержания приговоренного. Приговор исполнялся с обязательным сохранением в тайне времени и места приведения [5, с.24–30].

Третье. В указанное время в СССР всё было подчинено выполнению пятилетних планов. Государству для выполнения поставленных задач были нужны деньги и люди. Государство вновь обратилось к опыту прошлого – репрессиям, но с более жесткими мерами проведения, включая и изменение системы учреждений исполнения наказания.

Именно с этого времени началось новое реформирование исправительно-трудовой системы. При реорганизации в 1934 году НКВД СССР Тюремный отдел ОГПУ был реорганизован в Тюремный отдел АХУ НКВД СССР, который курировался представителями Главного Управления государственной безопасности (ГУГБ) [4, с. 116-128]. Начальником Тюремного отдела стал М. В. Попов (Пост. ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1934 года). Тюремному отделу АХУ НКВД СССР были переданы все бывшие политизоляторы ОГПУ особого назначения: Бутырский, Сретенский, Челябинский, Верхнеуральский, Суздальский и Ярославский.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 года и приказа НКВД № 00122 от 29 октября 1934 года [4, с. 381] при переводе из республиканских НКЮ всех мест заключения в НКВД СССР были переданы и тюрьмы (называвшиеся изоляторами), а также близкие им по характеру режима так называемые «дома заключения». В это же время началась подготовка и к ликвидации Верхнеуральского политизолятора. К 1936 году только в Верхнеуральске еще функционировал политический изолятор, хотя учреждение официально стало именоваться «тюрьмой № 4». Это произошло из-за удаленности изолятора и того, что этапы в изолятор и из него шли через Челябинск и Чебаркуль.

По поводу существования политического режима 2 марта 1937 года нарком внутренних дел Н. И. Ежов на пленуме ЦК ВКП(б) произнес пламенную речь:

«Нам казалось и всем кажется совершенно законным, что заклятые враги народа, осужденные к отбытию тюремного заключения – троцкисты, зиновьевцы, правые – они отбывают наказание тюремное. Но на деле, по существу, тюремного наказания никто из осужденных не нес. В системе НКВД имеются тюрьмы особого типа или политизоляторы. Эти политизоляторы, я без преувеличения могу сказать, больше походят на принудительные дома отдыха, нежели на тюрьмы. Такие политизоляторы имеются в Суздале, Челябинске, Верхнеуральске и в ряде других мест. Внутреннее содержание в тюрьме преступников, осужденных, таково, что они тесным образом общаются друг с другом, имеют возможность обсуждать свои вопросы, разрабатывать планы своей антисоветской деятельности. Причем внутритюремная связь в изоляторе была совершенно узаконена. Люди собирались совершенно открыто.

Осужденным предоставлялось право пользоваться литературой, бумагой, письменными принадлежностями в неограниченном количестве. Все, что хочешь. Наряду с казенным пайком все заключенные имели возможность получать продукты с воли в любом количестве и любого ассортимента, в том числе и водку. Во многих случаях арестованным предоставлялась возможность отбывать наказание вместе со своими женами (Смех. Молотов: «Во всяком случае мы так не сидели раньше») ... «Камеры большие и светлые, с цветами на окнах. Есть семейные комнаты...» (Читает) ...ежедневные прогулки заключенных, мужчин и женщин, по 3 часа» (Смех. Берия: «Дом отдыха») Однако, товарищи, эти условия никак не удовлетворяли заключенных, и они систематически обращались с требованиями «облегчения невыносимого режима», который им устроили. Вот с этими требованиями они обращались буквально каждый день и в ответ на это они получали облегчение даже этого режима... [10, с. 13-27].

Я приведу вам несколько примеров ответов на заявления осужденных с требованием облегчения их положения. Вот пишет по Верхне-Уральскому изолятору 10 февраля 1936 г. начальник Верхне-Уральской тюрьмы особого назначения Бизюков: «Объявить заключенным ответ по тюрьме: ...Комарова перевести в одиночную камеру № 50...». Давались указания и общего порядка. Приведу выдержку, из письма, из ответа, который был дан начальнику Челябинской тюрьмы Начекину: «Заключенные имеют право выписывать все... (Читает.) во всех камерах устроить полки для книг». Как видите самый тон этого распоряжения тон подобоострастного и внимательного отношения к заключенным. В результате этого был такой случай, что когда ныне расстрелянному Каменеву не вовремя доставили телеграмму из почтового управления, по его заявлению было учинено специальное расследование.

Начальник тюрьмы учинил специальное следствие и чуть было не посадил начальника почты [10, с. 13-27]. Данные факты указывают на довольно мягкий режим содержания заключенных политизолятором до 1936 года.

Грязнов Г. П. – бывший представитель МГБ СССР при Верхнеуральской особой тюрьме № 4. В личных беседах рассказывал, что в одной из камер второго этажа содержался известный священник. Начальник тюрьмы, старший лейтенант государственной безопасности И. М. Бизюков [4, с. 116-128], лично каждую неделю посещал этого осужденного. Вел долгие беседы. По праздничным дням священнослужитель доставал из своего небольшого деревянного сундука расшитые христианские одежды и молился в одиночестве. Его после ужина одного выводили на прогулку в небольшой огород в две грядки у прогулочного двора. По мнению Г. П. Грязнова, возможно, это был П. Полянский.

Высказывание Г. П. Грязнова подтверждал и другой бывший контролер Верхнеуральского политизолятора – Ершов, который в 1935 – 1939 годах служил в тюрьме. При встрече в 1997 году он рассказывал, что в тюрьме на втором этаже в одиночной камере, рядом с проходом, содержался известный московский священнослужитель, который сильно болел. Для него специально сделали две грядки для лука и чеснока, так как он болел цингой. Иногда ему позволяли утром и вечером гулять и работать в этом импровизированном огороде. Также Ершов подтверждал, что начальник тюрьмы разрешал иногда священнослужителю по великим православным праздникам служить службу в камере, которую могли слушать другие священнослужители, отбывающие наказание в политизоляторе. На третьем этаже в одной из камер содержалось более 20 священнослужителей и в одной камере – несколько монахинь.

Данный священнослужитель в момент прибытия еще как-то передвигался, а где-то зимой 1936 – 1937 года сильно заболел и почти не стал ходить, а к лету 1937 года всё время лежал [21, с. 83-91].

Другой служащий, Крюков, был водителем в тюрьме. Он утверждал, что в тюрьму приходило множество писем для какого-то христианского чина. Письма и другую корреспонденцию для этого сидельца всегда забирал начальник тюрьмы.

Все вышеуказанные свидетели утверждают, что с 1935 года в изоляторе происходило ужесточение режима. 11 ноября 1935 года приказом НКВД № 00403 политизоляторы и изоляторы НКВД были переименованы в тюрьмы НКВД. Заключенные политизоляторов вывозились на новые процессы или ликвидировались на месте. Это было вызвано тем, что многие из заключенных изоляторов уже считались расстрелянными по приговорам судов. Верхнеуральский политизолятор находился на значительном удалении от транспортных центров, а так как транспорта в распоряжении администрации тюрьмы не было, то исполнения приговора по новым делам производили в тюрьме. Каждую неделю в тюрьме осуществляли исполнение приговора, в подвальных помещениях. Толстые стены и перегородки глушили звуки выстрелов. Поздней ночью тела расстрелянных грузили на подводу и вывозили на старое кладбище. Этапы в это время были очень редки. И, в основном, этапы отправлялись в Челябинск через Чебаркуль. Данную мысль подтверждают скупые строки книги приказов Верхнеуральской тюрьмы. В распоряжении начальника было две конские подводы и один автомобиль.

Представленные выводы подтверждают подчиненность Верхнеуральского политизолятора Тюремному отделу АХУ

НКВД СССР, а не УНКВД Челябинской области. Магнитогорская тюрьма была включена в состав УНКВД Челябинской области. К этому стоит добавить, что тюрьма в Магнитогорске была достроена только в 1934 году. И представляла собой перевалочное здание в два этажа, где собирались этапы на строительные объекты Магнитогорского комбината. Магнитогорская тюрьма была небольшой. Это подтверждает книга приказов по выделению суточного наряда. Наряд по тюрьме состоял из 8 служащих младшего начальственного состава, который не отличался дисциплинированностью [2, с. 42-47]. К слову сказать, в Верхнеуральском политизоляторе суточный наряд был более взвода охраны, а это – 30 служащих. Рядом с тюрьмой располагались две казармы в два этажа батальона охраны.

По утверждению Г. П. Ершова в 1937 году в тюрьме происходила чистка спецконтингента. «Политические» были разделены и смешаны по камерам с осужденными по уголовным статьям УК СССР. Политические осужденные стали выводиться из нее на новые процессы [21, с. 83-91]. Но, по мнению многих историков, таких как А. С. Смыкалин, В. П. Мотревич, Г. А. Гончаров, этапов не было, в тюрьму поступали лишь документы о новых процессах, по которым исполнение приговора производилось в подвале тюрьмы, т. е. этапы были уже заполнены новым контингентом арестованных.

Новое дело в отношении Петра Полянского проводилось в усеченном формате и 2 октября 1937 года, в связи с окончанием рассмотрения, постановлением «тройки» УНКВД по Челябинской области было принято решение о расстреле Петра Полянского (Крутицкого). Согласно справке: «...приговор был приведен 10 октября 1937 года в 16 часов. Начальник 3 отделения УТБ УНКВД по Челябинской области лейтенант Подобедов» [20, с. 4-5].

Приговор был приведен в исполнение в Верхнеуральской тюрьме. Это косвенно подтверждается приказами по тюрьме, в которых указывалось, что этапы из тюрьмы за сентябрь – октябрь не было организовано. Да и организация этапа было делом хлопотным из-за отсутствия техники для перевозки. К этому добавляется, что в последние месяцы Петр Полянский не вставал из-за серьезного недуга, который мог привести к его смерти в случае транспортировки. Представители власти этого не желали. Скорее всего, властям надо было наказать смертью Петра Полянского за несгибаемость.

Но, в этом случае встает вопрос о месте захоронения. Если верить высказываниям ветеранов учреждения и мнениям местных краеведов, то расстрелянных вывозили на старое кладбище и хоронили в одной братской могиле.

Но, согласно мнению профессора В. П. Мотревича – специалиста по захоронениям, возможно, некоторых хоронили прямо в тюрьме, такие случаи известны по европейским тюрьмам, так и по российским учреждениям. В документах для личного дела же указывалось место, которое было отведено для этого.

Известный исследователь Урала, специалист по историческим захоронениям В. П. Мотревич приводит пример, с захоронением японских военнопленных в Свердловской области вблизи п. Сухой Лог. По документам архивной справки в местной березовой роще было захоронено несколько умерших японских военнопленных. В роще были и надмогильные холмы и таблички с номерами захоронения, но при вскрытии обнаружилось, что под могильными холмами нет захоронений. Оказалось, что из-за нежелания администрации лагеря в момент смерти хоронить умерших, их хоронили на

территории лагеря, а для отчетности сделали холмики в ближайшей роще, что было проще и дешевле.

Данную версию о захоронении некоторых расстрелянных нам подтвердили бывшие начальники Верхнеуральской тюрьмы 1972 – 1986 годов – А. М. Кузин и А. И. Кузнецов. С их слов, во время возведения нового больничного корпуса в 1970 г. при прокладке шурфов под фундамент были найдены останки несколько десятков людей, а также было найдено три крынки с документами 1930-х годов [7, с. 55].

Из воспоминаний начальников учреждений следует, что надзиратели-контролеры и охрана учреждения после ликвидации политрежима в тридцатые-сороковые годы не имели представления, кого содержат в камерах тюрьмы, т. к. у заключенных были только определенные порядковые номера на тюремных робах, а разговаривать с заключенными строжайше было запрещено. Был известен случай в Верхнеуральской тюрьме, когда сотрудница учреждения попробовала беседовать с осужденным. Результат – 5 лет заключения в исправительно-трудовом лагере.

Имена и фамилии были известны только начальнику и оперативникам учреждения. После длительного срока заключения заключенные были похожи друг на друга.

Да, расстрелы в Верхнеуральской тюрьме производились в начале октября 1937 года. По выпискам из личных дел можно с уверенностью сказать, что в начале октября 1937 года в тюрьме было произведено несколько десятков исполнения приговора в отношении представителей православной церкви. При этом рядовые исполнители приговоров и обслуживающий персонал в том числе и похоронных команд не могли представлять кого им приходилось хоронить. Тела расстрелянных не всегда вывозились на кладбище из-за административных проблем с транспортом и с учетом «человеческого фактора». В силу этого обстоятельства можно высказать гипотезу, что тело Петра Полянского могло быть захоронено на территории тюрьмы или на городском кладбище.

По мнению местных краеведов В. А. Ашиткова и А. М. Вернигорова тело Петра Полянского было вывезено из тюрьмы на местное кладбище и захоронено. Для обозначения захоронения на месте могилы был поставлен крест с местной часовни, а на рядом стоящей лиственнице был вырезан православный крест. Данное убеждение краеведов сформировалось на основе воспоминаний жителей города, которые осуществляли уход за могилами на кладбище [17, с. 55].

В настоящий момент перед исследователями встает вопрос обнаружения возможного места захоронения Петра Полянского, т. к., если даже найдется выписка из архива о месте захоронения, то необходимо будет провести ряд экспертиз, которые, возможно, помогут поставить точку в биографии Петра Полянского. Работа в архивах продолжается как на региональном, так и на федеративном уровне.

Пристатейный библиографический список

- Архив президента РФ АП РФ. – Ф. 3. – Оп. 24. – Д. 489. – Л. 2, 7-14. Подлинник. Машинопись.
- Архив текущих документов. Магнитогорская тюрьма. Книги приказов 1936-1938 гг. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 42-47.
- Голос Литовской православной епархии. – 1937. – № 3-4. – С. 21-22.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-9401. – Оп. 1. – Д. 463. – Л. 381.
- ГАРФ. – Ф. Р7523. – Оп. 7. – Д. 232. – Л. 116-128.
- Гребенщикова И. В. К вопросу о деятельности «троек» НКВД СССР в годы массовых репрессий (1937-1938 гг.) на территории Свердловской области // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 24-30.
- Евсеев И. В. Страницы истории Верхнеуральской тюрьмы. – Екатеринбург, 1997. – 152 с.
- Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2. – Тверь, 2001. – С. 341-369.
- Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. – 637 с.
- Лезина Е. ВЧК и ее преемники: методы террора и практики дискриминации // Вестник общественно-политического мнения. – 2017. – № 3-4 (125).
- Из речи т. Ежова. 2 марта 1937 года. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года» 2 марта 1937 г. Вечернее заседание // Вопросы истории. – 1994 года. – № 10. – С. 13-27.
- Мазырин А. Поместный Собор 1917-1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2008. – Вып. 11:4 (29). – С. 35-51.
- Оперативный приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 года № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» // Архив текущих документов Магнитогорской тюрьмы. Книги приказов 1934-1937 гг. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1.
- Приказ НКВД СССР № 00122 «О передаче исправительно-трудовых учреждений НКЮ союзных республик в НКВД СССР». 29 октября 1934 г. Копия // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. – М., 2000. – С. 233-234.
- Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. – С. 303-307.
- Худобородов А. Л., Яшина М. А. Репрессивная политика Советского государства в отношении русской православной церкви (1920-1930-е гг.) // Вестник южно-уральского государственного университета. – 2011. – № 30. – С. 61-65.
- Яковлева А. Н. По мощам и елей: [преступления КПСС против народов России]. – Москва: Евразия, 1995. – 191 с.
- Верхнеуральский некрополь: [285-летию города Верхнеуральска посвящается/ авторы – В. Ашитков, А. Вернигоров] – Верхнеуральск; Магнитогорск, Магнитогорский дом печати, 2020. – 112 с.
- Хроника // Церковная жизнь. – 1937. – № 4-5. – С. 72-73.
- Соборное покаяние Глав Православных Церквей // Церковная жизнь. – 1937. – № 7-8. – С. 100-102.
- Нежный А. Расследование. Третье имя // Огонек. – №4. – 1992. – С. 4-5.
- Евсеев И. В., Смыкалин А. С. Верхнеуральский политический изолятор («особая» тюрьма) // Вопросы истории. – 2008. – № 3. Март. – С. 83-91.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-99-101

МАМЕДОВ Тамиз Салех оглы

аспирант Российского университета дружбы народов

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ СО СТИХИЙНЫМИ БЕДСТВИЯМИ, ПРИМЕНЯЕМОЙ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Правовые нормы, касающиеся организации борьбы со стихийными бедствиями в Турецкой Республике, претерпевают изменения после каждого произошедшего природного события путем принятия специального закона, относящегося к этому событию. Поворотным моментом в области совершенствования правовых норм в области предупреждения и ликвидации стихийных бедствий в Турции стало землетрясение в Мраморном море в 1999 году. Это землетрясение, повлекшее за собой огромные человеческие жертвы и широкомасштабный ущерб, выявило недостатки системы по предупреждению и ликвидации стихийных бедствий в стране и указало на необходимость разработки новой политики, соответствующей развивающемуся подходу к управлению в ситуациях со стихийными бедствиями в мире. Сразу после землетрясения в Мраморном море, в кратчайшие сроки было издано большое количество законов и постановлений, в том числе постановление № 4452 "О мерах по борьбе со стихийными бедствиями и мерах по устранению ущерба, причиненного стихийными бедствиями".

В этом исследовании политика в сфере борьбы со стихийными бедствиями, применяемая в Турецкой Республике, будет рассмотрена с учетом существующих правовых норм.

Ключевые слова: катастрофа, политика в отношении стихийных бедствий, правовое регулирование.

MAMMADOV Tamiz Saleh oglu

postgraduate student of the Peoples' Friendship University of Russia

FORMATION OF A POLICY IN THE FIELD OF DISASTER MANAGEMENT APPLIED IN THE REPUBLIC OF TURKEY

The legal norms concerning the organization of disaster management in the Republic of Turkey undergo changes after each natural event that has occurred through the adoption of a special law relating to this event. A turning point in the improvement of legal norms in the field of prevention and elimination of natural disasters in Turkey was the earthquake in the Marmara Sea in 1999. This earthquake, which caused enormous loss of life and widespread damage, revealed the shortcomings of the system for the prevention and elimination of natural disasters in the country and pointed to the need to develop a new policy that corresponds to the evolving approach to managing natural disasters in the world. Immediately after the earthquake in the Sea of Marmara, a large number of laws and regulations were issued in the shortest possible time, including Resolution No. 4452 "On measures to combat natural disasters and measures to eliminate damage caused by natural disasters."

In this study, the disaster management policy applied in the Republic of Turkey will be considered taking into account existing legal norms.

Keywords: disaster, policy on natural disasters, legal regulation.

Мамедов Т. С.

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью быстрой и своевременной реакции органов государственной власти на чрезвычайные ситуации. Управление стихийными бедствиями представляет собой очень широкую концепцию, которая подразумевает управление ресурсами в соответствии с общими целями при участии всех учреждений и организаций. Государственные учреждения и организации участвуют в осуществлении мер по планированию, руководству, координации, поддержке и реализации работ, которые будут проводиться до и после стихийных бедствий, с целью предотвращения стихийных бедствий и уменьшения ущерба от их последствий.

Эволюция подходов к борьбе со стихийными бедствиями естественным образом развивается на основе опыта стихийных бедствий, а также знаний и извлеченных уроков из прошлых катастроф. Землетрясение, наводнение, оползень, лавина, камнепад и т. д. до сих пор невозможно точно рассчитать, где стихийных бедствий будет меньше, а где больше. То, что известно о катаклизмах в результате научных разработок, на самом деле является лишь предположениями. Поскольку предотвратить природные удары человеческими руками не-

возможно, ущерб, который может возникнуть в результате стихийных бедствий или техногенных катастроф в этом процессе, должен быть направлен на минимизацию в результате заранее принятых мер. Каждое бедствие оставляет определенный отпечаток на обществе, а также последствия, из которых необходимо извлечь урок. Однако некоторые стихийные бедствия, особенно те, которые затрагивают большую территорию и наносят серьезный ущерб, наносят более серьезные раны пострадавшим обществам, чем другие [9].

Управление стихийными бедствиями – это предмет, который необходимо решать и изучать с помощью совместной работы нескольких отраслей науки, а не только одной дисциплины. Кроме того, возможные последствия стихийных бедствий касаются всех слоев общества; это требует единства и совместной борьбы, выходящей за рамки усилий определенного сегмента или учреждения. Таким образом, в борьбе со стихийными бедствиями также участвуют все слои общества, включая государственные учреждения и организации, частный сектор, академические организации, неправительственные организации, средства массовой информации и отдельные лица, а также международные организации. Для эффективного управления стихийными бедствиями необхо-

димо, чтобы каждое учреждение координировало свои действия и сотрудничало, принимая на себя ответственность с общей ответственностью [14, р. 11-12].

Обзор становления правовых норм в сфере управления стихийными бедствиями

В Статье 5 Конституции от 1982 года говорится, что основные цели и обязанности государства заключаются в том, чтобы *“защитить независимость и целостность турецкой нации, неделимость страны, Республики и демократии, обеспечивать благополучие, мир и счастье людей и общества; стремиться к устранению политических, экономических и социальных барьеров, которые ограничивают основные права и свободы человека, несовместимые с принципами социального правового государства и справедливости, материальные и духовные ценности человека”*.

Управление стихийными бедствиями и связанные с ним мероприятия – это виды деятельности, которые должны выполняться в стране администрацией или под надзором и контролем администрации. Действительно, на основании Статьи 5 Конституции *“Обеспечение благополучия, мира и счастья людей и общества”* можно сделать вывод, что действия администрации в отношении стихийных бедствий также входят в число основных целей и обязанностей государства [10, р. 12]. Здесь администрация в соответствии с законодательством, касающимся борьбы со стихийными бедствиями, планирует и координирует деятельность по борьбе со стихийными бедствиями в национальном масштабе выполняет свои цели и задачи в этом направлении, создавая и реализуя их.

Чтобы предотвратить стихийные бедствия и уменьшить ущерб от стихийных бедствий, в первую очередь необходимо хорошо знать опасности и риски, которые могут привести к стихийным бедствиям. В частности, в процессе управления стихийными бедствиями, который считается процессом тотальной борьбы, требующим принятия превентивных мер до того, как произойдут события, приведшие к стихийным бедствиям, и их устранения наиболее рациональными способами и методами после того, как они произойдут, или уменьшения негативных последствий, которые могут вызвать стихийные бедствия, ответственность и ответственность ложатся на каждого, от самого простого человека до самых компетентных органов [3, р. 70].

Именно по этим причинам совместное и успешное выполнение системы управления стихийными бедствиями имеет первостепенное значение для устранения всех негативных последствий стихийных бедствий во всех их аспектах.

С 1959 года и последующий период были годами, в течение которых произошли значительные институциональные и политические изменения, в соответствии с развитием и изменениями в международной сфере, направленными на снижение ущерба от стихийных бедствий в нашей стране. Наиболее важным из них является принятие в 1959 году Закона № 7269 *“О мерах по оказанию помощи населению в результате стихийных бедствий, наносящих вред здоровью”*, который все еще действует с различными поправками. В соответствии с этим законом были организованы работы, которые необходимо выполнить до, во время и после стихийных бедствий, чтобы уменьшить ущерб от стихийных бедствий. Согласно Закону после того, как произошло стихийное бедствие, сначала принимается решение о том, повлияло ли бедствие на общую жизнь, и в соответствии с этим решением планируются работы на месте стихийного бедствия. Затем начинается процесс, состоящий из таких этапов, как поиск, спасение, оказание первой помощи, оказание неотложной помощи, выявление ущерба, временное жилье, определение правообладателей, определение новых поселений, а также строительство, передача и передача постоянного жилья. Кроме того, наиболее важной особенностью рассматриваемого закона является то, что он объединяет все предыдущие законы, направленные на сокращение ущерба от стихийных

бедствий, в единый закон, а работа, проводимая до, во время и после стихийных бедствий, основана на бюджете.

Если рассматривать конституционные положения по этому вопросу, стоит остановиться на Законе № 6771 от 21.01.2017 *«Закон о внесении изменений в Конституцию Турецкой Республики»*. В Статьи 119 и 2709 Конституции 1982 были внесены поправки – Статья 119 Конституции 1982 года, измененная Законом № 6771 и озаглавленная *“Чрезвычайное положение”*; *«Президент Республики; война, возникновение ситуации, требующей войны, мобилизация, восстание, решительный и решительный протест против Родины или Республики, распространение актов насилия, которые ставят под угрозу неделимость страны и нации изнутри или снаружи, появление широко распространенных актов насилия, направленных на уничтожение конституционного строя или основных прав и свобод, серьезное нарушение общественного порядка в результате насильственных действий, конечно, во всей стране или в одном регионе в случае возникновения стихийных бедствий или опасных эпидемий или тяжелой экономической депрессии, Он может объявить чрезвычайное положение сроком не более шести месяцев»*. Статья 120 Конституции 1982 года стала регулирующей чрезвычайное положение, а Статья 122 – регулирующей военное положение. Статья 6771 Закона № 16 / Е была отменена.

С точки зрения правовых норм, поворотным моментом в области ликвидации последствий стихийных бедствий и координации в Турции стало землетрясение в Мраморном море 17 августа 1999 года. Это землетрясение, повлекшее за собой огромные человеческие жертвы и широкомасштабный ущерб, болезненно продемонстрировало необходимость пересмотра вопроса управления стихийными бедствиями в стране. С целью восстановления нормальной жизни в регионе, восстановления экономики региона и принятия необходимых правовых мер в кратчайшие сроки, 27.08.1999 г. и № 4452 *“Был принят Закон о полномочиях по мерам по борьбе со стихийными бедствиями и мерам по устранению ущерба, причиненного стихийными бедствиями, и на основании этого Закона о полномочиях; с 17 августа 1999 г. по июль 2000 г. был принят Закон о полномочиях, За период, предшествовавший его началу, было принято множество законов, постановлений, постановлений и постановлений [5, р. 29]. Эти правила предназначены как для решения проблем, вызванных землетрясением, так и для устранения недостатков, связанных с институциональной структурой и законодательством по борьбе со стихийными бедствиями [3, р. 5].*

Наиболее важным изменением, внесенным в институциональном смысле после землетрясения в Мраморном море, является *“Указ-закон о внесении изменений в Закон о внесении изменений и принятии указа-закона об организации премьер-министра” № 583, опубликованный в Официальном журнале № 23884 от 22 ноября 1999 года. 3 того же указа. С веществом; авариный эффективного управления в целях реализации чрезвычайным ситуациям, государственных учреждений и организаций обеспечить создание центров, определить принципы работы в этом центре, и обеспечить координацию между ними, управления в чрезвычайных ситуациях требовать событий, предотвращению и уменьшению убытков, учреждений и организаций, принимать меры, необходимые для коротких и долгосрочных планов, подготовка информации и создание банков и смотреть, оценки чрезвычайных ситуаций в случае пройденный, общественной и частной ответственности на все виды наземных. Было создан Президиум по управлению стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями (AFAD), который взял на себя обязанности по оказанию координационных услуг при использовании морских и воздушных судов, а также средств спасения и оказания помощи, принятию стимулирующих мер для добровольных организаций и лиц, оказывающих помощь в чрезвычайных*

ситуациях, обеспечению координации в получении, обслуживании и доставке предметов первой необходимости.

Президент Турции по чрезвычайным ситуациям 14 июня 2000 г. и № 24079, опубликованный в Официальном вестнике № 600, озаглавленный “Указ-закон о внесении изменений в Закон о внесении изменений в Закон об организации канцелярии премьер-министра”, с теми же обязанностями, что и в “Главное управление по чрезвычайным ситуациям Турции” был преобразован.

Постановлением № 586 “О внесении изменений в муниципальный закон и Закон о гражданской обороне”, изданным на основании Закона о полномочиях № 4452 и опубликованным в Официальном вестнике № 23919 от 27.12.1999 г., были созданы центральные подразделения гражданской обороны в 11 провинциях, поисково-спасательные подразделения гражданской обороны в провинциях и управления гражданской обороны в районах. Кроме того, соответствующим декретом были также установлены принципы, согласно которым муниципалитеты могут выполнять свои обязанности за пределами своей зоны ответственности в случае стихийных бедствий, а добровольные организации должны участвовать в поисково-спасательных службах [3, р. 5].

В соответствии с Постановлением № 586 от 27.12.1999 г. и вступившим в силу 27.09.2000 г. Постановление № 587 “Декрет-закон об обязательном страховании от землетрясений”, подготовленный на основе Закона о полномочиях № 4452 с целью облегчения бремени для населения, поскольку стоимость постоянного жилья, построенного в связи с необходимостью обеспечения жильем людей, чье жилье было разрушено или сильно повреждено после землетрясения в Мраморном море, серьезно обременяет государственное финансирование [5, р. 29]. С помощью этого закона была создана Корпорация страхования от стихийных бедствий (DASK), которая является государственным юридическим лицом для ведения бизнеса по обязательному страхованию от землетрясений. В соответствии с Законом № 6305 “О страховании от стихийных бедствий”, опубликованным 18.05.2012, учреждению была предоставлена более надежная правовая база. С принятием нового закона; В дополнение к сделкам с титулами и жилищными кредитами, был введен контроль ZDS октяб্রে в сделках по подписке на электроэнергию и воду, что позволило DASK предоставлять гарантии на случай других стихийных бедствий [12, р. 23].

Выводы

В период после 1999 года стало приобретать все большее значение принятие более эффективных и устойчивых подходов к реагированию, восстановлению и восстановлению в политике после стихийных бедствий, а также работа по снижению рисков и обеспечению готовности в политике до стихийных бедствий. С созданием Президиума по управлению стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями (AFAD) после 2009 года произошел процесс разработки политики в отношении стихийных бедствий, которая меняется и трансформируется во всем мире. Для эффективного осуществления политики в этом процессе возникла необходимость принятия таких мер, как правовая инфраструктура, соответствие техническим разработкам, удовлетворение потребностей в персонале, эффективное включение в процесс таких компонентов, как поддержка гражданского общества и граждан, обеспечение координации.

Опять же, благодаря “Закону о страховании от стихийных бедствий” № 6305, опубликованному 18.05.2012, который также получил более прочную правовую основу, DASK способствует скорейшему и полному предоставлению финансовой поддержки, которая будет утешительной для тех, кто понес материальный ущерб, а также моральный упадок в обществе из-за ущерба и убытков, понесенных во время землетрясения и других стихийных бедствий.

Когда мы вместе читаем общую карту опасности землетрясений в Турции с коэффициентом участия в обязательном страховании от землетрясений по регионам, уровень участия в обязательном страховании от землетрясений остается на уровне 47,3% для страны, где как природные, так и техногенные катастрофы, такие как Турция, происходят довольно часто, и не было обеспечено адекватной осведомленности о рисках. Можно также сказать, что люди недооценивают реальность и опасность землетрясения. Здесь в качестве полезных шагов можно перечислить обеспечение адекватной осведомленности общественности, в первую очередь со стороны AFAD и соответствующих государственных органов, принятие новых правовых актов в направлении повышения уровня страховки. Кроме того, для решения проблем системы необходимо учитывать опыт развитых стран и стран, подверженных риску стихийных бедствий, в области страхования от стихийных бедствий и их рекомендации в этой области. Однако, как развивающаяся страна, Турция также должна учитывать собственные проблемы.

В связи с этим необходимо углубить работу в области управления стихийными бедствиями, которая является сложной и очень чувствительной областью государственной политики в государственном управлении Турции. Таким образом, можно будет избежать материальных и моральных потерь, понесенных в результате стихийных бедствий в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Doğan B. Türkiye’de Afet Yönetim Politikalarının Analizi: Paydaşlar. Etkinlik ve Sorunlar.
2. Sakarya Üniversitesi 6. Kamu Politikaları Çalıştayı Bildiriler Kitabı, 16-18. Eylül, 2015.
3. Ergünay O. Afet Yönetimi: Genel İlkeler, Tanımlar, Kavramlar. Acil ve Afet Dergisi, Cilt. 2.
4. Sayı. 4, Acil ve Afet Derneği. Ankara, 2014.
5. Fani R. Erciş Depremi Özelinde Türkiye’de Afet Yönetimi. YYÜ SBE Kamu Yönetimi Ana.
6. Bilim Dalı, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Van, 2014.
7. Gürlek Y. Türkiye’de ve Dünya’da Deprem Sigortacılığı”. İstanbul Teknik Üniversitesi Fen.
8. Bilimleri Enstitüsü. Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Haziran, 2006.
9. Press F., Hamilton R. M. Mitigating Natural Disasters, Science, Vol. 284, Issue: 5422, 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://science.sciencemag.org/content/284/5422/1927>.
10. Şahin A. U. Afet Yönetimi Faaliyetlerinin Kamu Hizmeti Kavramı Çerçevesinde. 2014.
11. Değerlendirilmesi. Tesam Akademi Dergisi. Temmuz, 1(2).
12. Taylan A. Zorunlu Deprem Sigortası ve Kentsel Risk Yönetimi. Planlama Dergisi, TMMOB.
13. Şehir Plancıları Yayını, Sayı:2007/2, Yıl: 2007.
14. Türkiye Afet Yönetimi Strateji Belgesi, 10.06.2015.

АНТОНЕНКО Татьяна Фёдоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

БЕРДНИКОВА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ОРЛОВА Светлана Владимировна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СРЕДИ МУСУЛЬМАН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

В статье на конкретном историческом материале исследуется миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди мусульманского населения Западной Сибири. Авторы статьи раскрывают взаимосвязь государственной переселенческой политики и христианизации мусульманского населения, ее основные методы и формы, анализируют проблемы.

Ключевые слова: ислам, конфессии, миссионерская программа, Макарий Глухарев, архимандрит, миссионерские структуры, Священный Синод.

ANTONENKO Tatyana Fyodorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

BERDNIKOVA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ORLOVA Svetlana Vladimirovna

senior lecturer, of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

MISSIONARY ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AMONG MUSLIMS IN WESTERN SIBERIA IN THE XIX CENTURY

The article considers missionary activities of the Russian Orthodox Church among Muslims of Western Siberia. The basis of analysis contents concretes historical materials. The authors clue interdependence between the state migration policy and Christianization of Muslims, characterize methods and forms of the activities and analyze its problems.

Keywords: Islam, confessions, missionary program, Macarius Gluckharev, archimandrite, missionary structures, Holy Synod.

В XIX веке деление населения осуществлялось не по национальному, а по конфессиональному признаку и всякий православный человек считался русским. Удельный вес православного населения в России во второй половине XIX века составлял примерно 70 – 80 %. По Всероссийской переписи населения в 1897 г. из 125,7 млн. человек (без Финляндии) православных было 87 384 480 человек, старообрядцев – 2 173 738, мусульман – 13 829 42 [2], с. 14].

В XIX веке политика Российской государства в отношении ислама становится противоречивой и сложной. С середины XIX века, особенно после Крымской войны 1953-1956 гг. и до 1917 г. мусульманская вера рассматривалась правительством как угроза власти, а не как чужеродное православному государству вероисповедание. Это вызывало недовольство мусульманского населения и массовое возвращение новокрещённых мусульман в свою родную веру. Вместе с тем политика империи не предусматривала насильственного искоренения ислама как религии [1, с. 34]. Государство стремилось наладить централизованный контроль над конфессиями. В этот период ведётся разработка миссионерской программы, основные положения которой были изложены архимандритом Макарием Глухаревым и заключались в воцерковлении инородческого населения и его просветительстве на основах христианской морали при сохранении языковой самобытности [4].

С 70-х годов XIX в. в Российской империи нарастает мусульманский сепаратизм и в отношении ислама принимается ряд ограничений свободы религиозной жизни мусульман: строгие ограничения на создание просветительских обществ, запрет на совершение паломничества в Мекку [18, с. 90]. Подобная политика проводилась и в Западной Сибири. По данным Н. М. Ядринцева, из 142191 инородцев Тобольской и

Томской губерний, исповедующих ислам, было 126126 человек. Широкое распространение получает идея создания государства с единой религией и с «размытыми» национальными признаками.

В 1882 г. Священным Синодом было разрешено открыть Киргизскую миссию, которая входила в состав Алтайской духовной миссии. Целью этой миссии являлась борьба с исламом в степи [13, с. 39].

Архиепископ тобольский Варлаам выразил опасения при открытии миссии на обсуждении этого вопроса на очередном заседании Миссионерского общества. Они заключались в следующем. Миссионерские действия на юге Западной Сибири тобольские духовные власти по-прежнему признают «преждевременными и опасными». В подтверждение этому архиепископ указывал на ряд положений в данном вопросе: киргизы разбросаны на большом расстоянии; исповедуют магометанскую веру; особой расположенности к христианству не имеют; миссионерство возможно вести на расстоянии около 10 верст от казачьих линий; вследствие взятия русскими Ташкента возникло «возбуждение и возмущение» в среде мусульман, которое может усугубиться при появлении миссии. Однако Председатель Миссионерского общества князь Николай Голицын в ноябре 1866 г. обратился к архиепископу Варлааму по поводу открытия миссионерского стана на юге Сибири. Его мотивировка сводилась к единственному тезису: «Учреждение Миссии – вопиющая необходимость». Начальником миссии был назначен священник Филарет Синьковский. На содержание миссии в Усть-Каменогорске Российское миссионерское общество обещало выделять ежегодно из своего фонда 840 руб. (на содержание православной миссии в Туркестанском крае Миссионерское общество потратило 20 000 руб.).

Вопросы противомусульманской деятельности постоянно обсуждались на самом высоком уровне. Наиболее круп-

ным событием стал миссионерский съезд в Казани, куда 8 июля 1885 г. съехались 9 епископов Поволжья и Урала. На нем впервые был вынесен на публичное обсуждение вопрос о роли в России православия и мусульманства. В одном из выступлений участников съезда говорилось, что в качестве мер к «ослаблению и пресечению магометанской пропаганды» следует «употребить все усилия к тому, чтобы обратить их в христианство и через это породнить с русским населением». Отмечалось также, что «магометанство есть сила крепкая, сплоченная, организованная, борьба с которой требует самоотверженной, неустанной деятельности» и согласования интересов церкви и государства. Предполагалось устройство специальных «убежищ для приготовившихся к вступлению в христианство». Эти убежища, по мысли участников съезда, должны были предоставлять монастыри и архиерейские дома, где могли на время укрыться от разгневанных родственников мусульмане, пожелавшие принять православие. Отмечалось, что «инородцы, при недавнем сравнительно своем знакомстве с христианством, не смогли ещё выйти из того религиозно-нравственного состояния, которое называется двоеверием. У крещённых татар замечается по местам склонность и приверженность к магометанству» [19, с. 403–406].

Зачастую мусульмане, принявшие христианство, были верны своим обычаям и традициям. Имело место враждебное отношение к тем, кто предал ислам. Дело доходило до избиения, а в некоторых случаях и до убийства новокрещённых. Миссионер Е. Елисеев сообщает об убийстве в Зайсане принявшего православие казаха [2, с. 123].

В записках миссионеров также содержатся сведения об отношении мусульман к своим родственникам, принявшим православие. Так, мать, узнавшая, что её дочь приняла православие, была огорчена настолько, что до крови исцарапала себе лицо. Были также случаи похищения новокрещённых, возвращения в свои семьи, особенно детей и женщин [22]. Ещё одной причиной враждебного отношения было то, что работа миссии увязывалась с русификаторской политикой государства. Поэтому ислам воспринимался ими как этнический признак, и они всячески сопротивлялись слиянию с русским населением. К тому же, миссионеры, в основном, имели слабую подготовку и действовали неумело. Ярким подтверждением является то, что обратив незначительную часть инородцев в православие, миссионеры проводили политику гонения на остальное население. Так, миссионер Большенарымского стана, показывая книги православного содержания татарину, передал ему брошюру «Христианская вера в сравнении с мухамедовой – лучше». Тот просто позеленел от злости и выбежал вон» [23].

Расцвет русского миссионерства приходится на следующий период (1870 – 1905 гг.), когда десятки непросвещённых народов получают от миссионеров письменность, школы, храмы, книжную культуру на родном языке. Создаются и быстро развиваются внутренние и внешние миссии. В то же время происходит внедрение и распространение сект, в том числе социалистической и атеистической направленности. Проходят первые миссионерские съезды, создаются епархиальные миссионерские структуры.

Период с 1905 – 1917 гг. протекает в условиях бурного распространения сект, учений социализма и атеизма. Основные усилия в России направлены на борьбу с этими течениями. Заканчивается период гибелью Православной Империи.

Христианское просвещение народов России происходило медленно из-за низкого образовательного уровня священников, отсутствия общедоступной христианской литературы на русском языке, неосведомлённости православной паствы о содержании Библии. Духовное невежество становилось причиной распространения сект, ересей, сохранения двоеверия. Вплоть до революции 1917 г. сохранялись элементы язычества. Из-за границы просачивались протестантские секты, находившие сторонников среди православных. Сказывались последствия раскола и параллельное существование православных и старообрядцев.

Антимусульманская деятельность РПЦ во второй половине XIX – начале XX века зависела от изменений в государственной политике, которая была направлена на усиление роли государства, где православная церковь играла значительную роль в распространении культурного влияния среди сибирского автохтонного населения. На результаты миссионерской деятельности Русской Православной Церкви среди мусульманского населения в Западной Сибири в XIX – начале XX века очень сильно влияла политическая обстановка: ислам составлял довольно сильную конкуренцию православию и государственная власть не стремилась проводить открытую христианизацию мусульманского населения. Из-за опасения волнений власти не позволяли церкви заниматься миссионерством во вновь присоединённых южных землях, и только в 80-е гг. XIX века там была открыта православная миссия.

Большое значение стали придавать периодическим изданиям. Начиная с 1874 г. в Москве Православным миссионерским обществом каждую неделю издавался журнал «Миссионер», а с 1893 г. – «Православный благовестник» в которых публиковались новости о миссионерской деятельности в Северо-Западной Сибири. А с 1882 г. появились и местные издания. Например, «Тобольские епархиальные ведомости», где публиковались отчёты и информация о миссионерской деятельности [11].

Во второй половине XIX века активно развивался процесс институализации миссионерской деятельности РПЦ в Западной Сибири. Были определены методы и формы миссионерства, осуществлялась профессиональная подготовка миссионеров, издавалась религиозная литература. Так, в Тобольской епархии в 1872 г. открылся комитет православного миссионерского общества, целью которого являлось расширение и усиление миссионерского дела [3, с. 8].

В конце XIX века стало очевидным, что принудительная христианизация не приносит желаемых результатов. В связи с этим наметилось новое направление в миссионерской деятельности. Тобольский священник, писатель, этнограф И. С. Голошубин писал: «В прежнее время обращение инородцев в христианство было чисто внешнее. Совсем другим характером отличается (за последние 30 – 40 лет) деятельность миссионеров нового времени. Здесь на первый план ставится забота о сознательном усвоении инородцами христианского учения и, особенно, о христианском воспитании детей новокрещённых. Поэтому устройство инородческих школ – одна из первейших забот миссионеров. Теперешние миссионеры стараются изучить язык инородцев и на нём излагают евангельские истины и совершают богослужение. Миссии устраивают больницы, богадельни и прочее».

Как видим, методы распространения христианства в Сибири, где ранее места казались дикою степью, где паслись табуны киргизского скота и раздавался дикий крик, там теперь вместо киргизских кочевьев расположены целые русские поселения и сформированы самостоятельные приходы. Так, переселение имеет не только политическое и экономическое значение в истории Сибири, но оно важно и в том отношении, что помогло скорее основать многим приходам в епархии, а это в целях чисто миссионерских является шагом вперёд.

Миссионер Гурий Кассианович Михайлов после окончания Казанской учительской семинарии был сельским учителем, а затем рукоположен в сан священника. Его направили в село Карачино, куда он прибыл 5 мая 1905 г. Он отмечал в своём дневнике, что дела Тобольской противомусульманской миссии складываются не совсем удачно, поскольку приходится общаться с татарами-магометанами, в высшей степени фанатиками, которых убедить креститься очень трудно». Он считал, что в короткое время вряд ли что можно изменить, так как ещё не готова материальная база, нет пособий для бе-сед [12].

Миссионеры постоянно разъезжали по татарским селениям, где знакомились с муллами, учениками медресе и вели с ними беседы на татарском языке. На языке сибирских татар проходили и обряды крещения, что усиливало воздействие на новокрещённых. Так, один из принимавших крещение, Гизатулла, во время обряда постоянно вздыхал и говорил: «Как понятно и прекрасно! От родного отца не слыхал я того доброго наставления, что слышу теперь. Оказывается, все хорошее есть и у вас, т. е. христиан; я напрасно медлил с крещением, думая, что нет в Христианстве того, что слышу» [20, с. 252–253].

В 1906 г. Тобольскую противомусульманскую миссию переименовали в «Тобольскую центральную миссию». Это объяснялось тем, что «ведению миссии подлежат не только мусульмане, но и все инородцы Тобольской епархии, кроме северной её части». По новому положению, миссионер и тол-

мач в миссии состояли на епархиальной службе, совмещая её с миссионерской должностью епархиального противораскольнического и противомусульманского миссионера-проповедника с жалованием в 3000 руб. в год. Кроме них, в миссии находилось 12 сотрудников (9 священников, 2 диакона и 1 псаломщик), но жалования за миссионерскую деятельность они не получали, состоя на службе в тех или иных приходах. Все они происходили из крещёных татар, а потому татарским языком владели в совершенстве. Всего в ведении миссии находилось около 100 000 мусульман, проживавших в 437 селениях, в которых находились 134 мечети и 268 татарских школ. За три года было окрещено 64 мусульманина [7, с. 27].

Несмотря на возросший штат противомусульманских миссионеров, количество мусульман, пожелавших принять крещение, из лиц, постоянно проживавших в Западной Сибири, оставалось незначительным. По данным из отчётов обер-прокурора Св. Синода и благочинных Тобольской епархии, с 1901 по 1915 г. приняло православие следующее число мусульман (см. таблицу 1):

Таблица 1. Число мусульман, окрещённых в период 1901-1915 гг.

Годы	Число окрещённых мусульман
1901	6
1903	12
1904	5
1906	8
1907	5
1908	26
1909	11
1910	3
1911	7
1912	6
1913	9
1915	4

В начале 1910 г. в Абатскую волость Ишимского уезда на поселение были сосланы 5 крестьян из Казанской губернии, принадлежащие к мусульманской секте «Васьевцев», или «Божьему полку». С первых дней пребывания в Сибири они принялись за агитацию, в основном на сельских ярмарках в Ишимском и Ялуторовском уездах, разъясняя суть идей организации своей секты. Основателем секты был житель г. Казани, некто Вайсов, который за основу всего учения принял полное неподчинение правящей власти, а следовательно, Российскому правительству и законам империи. Согласно представлениям сектантов, отрицание власти изложено в Коране, где сказано: «власть ... принадлежит одному только Богу» [5].

Сектанты отвергали военную службу, не платили налоги, а в присутственных местах не снимали шапок перед портретом императора, отказывались приветствовать и представлять властей.

Св. Синод в октябре 1911 г. на своём заседании обсуждал мероприятия «по противодействию исламской пропаганде среди мусульман России». Отмечались «фанатичная ненависть ко всему русскому и христианскому, искусно и искусственно раздуваемая и среди этой части населения. Мусульманское население Западной Сибири пополняли переселенцы из России: черемисы, мордва. По данным Статистического комитета, число мусульман-переселенцев в Западную Сибирь к 1909 г. составило 30 000 человек. Сибирские миссионеры ратовали за то, чтобы новокрещённым мусульманам предоставлялась возможность селиться совместно на свободных землях и образовывать новые поселения неподалёку от русских деревень. Это объяснялось тем, что мусульмане, «по присущей им крайней фанатичности», изгоняли христиан из своего общества всевозможными притеснениями и преследованиями. По их стойким убеждениям, принявший христианство татарин не мог пользоваться земельными угодьями в своём обществе, а потому, лишённый земли, вынужден был идти наниматься в работники к русским. Такие поселения новокрещённых возникли в начале XX в. в Орен-

бургской, Томской и Иркутской епархиях, но лишь в 1913 г. для этих целей стали отводиться земли в Велижанской волости Тюменского уезда Тобольской губернии. Но дальше отведения земель дело не пошло, и в августе 1917 г. выпускается воззвание, призывающее прихожан жертвовать личные средства на «новокрещённую колонию». Миссионер И. Петров собрал около полутора тысяч рублей, которые он сдал в Епархиальный училищный совет [8, с. 75-80].

Как видим, во второй половине XIX в. сибирской церкви удалось открыть ряд противомусульманских миссий на юге Западной Сибири в местах обитания кочевого туземного населения. Первоначально инициатива по продвижению христианства на юг края принадлежала частному лицу и была поддержана иерархами церкви, но не встретила поддержки у светских властей, которые не видели перспективы благоприятной миссионерской деятельности. Церковь играла первостепенную, если не главную роль в распространении культурного влияния среди сибирского автохтонного населения во вновь присоединённых к российской короне землях. Открытие противомусульманской миссии в начале XX в. центре Западной Сибири говорит об усилении роли церкви и её поддержке государством, когда деятельность среди мусульман становится приоритетной и её направленность меняется с юга к центру. Но ожидаемого прорыва в этом направлении не произошло из-за устойчивости позиций ислама в Сибири.

Характерной тенденцией становится привлечение миссионеров с Поволжья, где деятельность РПЦ среди мусульман имела более прочные позиции и был накоплен достаточный опыт в этом плане. Но и их приезд не принёс существенных результатов, поскольку небольшой период их проповедничества не мог привести к изменению мировоззрения сибирских мусульман и их отказу от ислама. Происходящие изменения в антимусульманской деятельности Русской Православной Церкви во второй половине XIX в. – начале XX в. находились в прямой связи с изменениями внутренней государственной политики, направленной на усиление роли государства. Окончательное свертывание противомусульманской миссии произошло после признания государством права личности на свободу вероисповедания (1905 г.). Православные миссионеры оказались неспособными удержать процесс перехода «номинальных» христиан в ислам, найти адекватные методы борьбы с усилением ислама и утверждения православия среди мусульман.

С конца XVII в. на территории Западной Сибири стало распространяться старообрядческое учение, что сопровождалось массовыми самоожжениями. Против самоподжигателей принимались административные меры, но должных результатов не дали. К «увещеванию» воинствующих старообрядцев были привлечены клирики официальной церкви. Первым среди них стал митрополит Игнатий (Римский-Корсаков). Он обратился к ревнителям «старинного благочестия» с так называемым «Посланием». В 1702 г. его сменил митрополит Филофей (Лещинский), ставший непримиримым борцом с церковной оппозицией.

В 1722 г. произошли волнения жителей г. Тары, вызвавшие новую волну самоожжений. Способствовал этому и указ Св. Синода от 17 мая 1722 г., которым на духовенство налагалось обязательство нарушения тайны исповеди. При этом старообрядцев продолжали записывать в двойной подушный оклад, к чему было привлечено значительное число церковнослужителей, так как они были людьми, «разумеющими грамоту».

К середине XVIII в. политика, проводимая правительством в отношении старообрядцев, достигла крайних форм, что выразилось в применении к ним репрессивных методов воздействия. В период, когда Тобольско-Сибирская епархия находилась под управлением Сильвестра (Гловатского) (1749 – 1755 гг.), Сенат и Св. Синод приняли ряд указов, в соответствии с которыми требовалось, чтобы усилия и гражданских, и духовных властей были объединены в противодействии раскольничеству. «Записавшихся в раскол в последнюю ревизию» надлежало отсылать в духовные правления с целью выяснения причин, по которым произошёл отход от православной церкви.

Таким образом, в XVIII веке имело место тесное сотрудничество государства и Русской Православной Церкви, её

сопричастностью к внутренней политике правительства, где миссионерство служило достижению целей и решению задач, поставленных временем. Следует отметить, что только Православная церковь могла распространять свое вероучение среди населения империи.

Во второй половине XIX века Русская Православная Церковь активизировала противосектантскую и противораскольническую миссионерскую деятельность чтобы распространять православие и помогать возвращению «заблудших» и «отпавших» чад в ограду церкви. Миссионерская деятельность вплоть до середины XIX века существовала в форме отдельных миссий, направленных на распространение христианства среди иноверцев, и практически не касалась сектантов и старообрядцев. К тому же миссионерская работа фактически полностью лежала на приходском духовенстве, что делало её малоэффективной.

Общая либерализация общественной жизни, освобождение крестьян от крепостной зависимости в результате реформ императора Александра II привели к быстрому разрушению традиционного сельского уклада жизни. Значительная часть малообразованных крестьян, оторванных от земли, направлялась в города, где они становились объектом воздействия различного рода идей от социализма до сектанства и различного рода религиозного вольнодумства. Все это способствовало быстрому распространению сект. Церковные власти понимали, учитывая опыт прошлого, что только административных и законодательных мер недостаточно для борьбы с сектантами и раскольниками и ограждения православного населения от их влияния. «Необходимо было наладить хорошо организованную миссионерскую работу в епархиях, организовать противораскольничью и противосектантскую миссии, улучшить положение приходского духовенства, поднять его образовательный уровень и укрепить православную веру и нравственность» [9, с. 396]. 22 октября 1853 года в сибирские города пришло постановление Священного Синода в котором предписывалось епархиальным епископам, на чьей территории проживали старообрядцы, выбрать 1 – 2 священников или монашествующих, знакомых с расколом. По мнению В. Ю. Сафронова, эту дату можно считать началом планомерной противораскольничьей деятельности в Западной Сибири в XIX веке [15, с. 316-317].

С осени 1861 г. на территории Западной Сибири стали действовать постоянные противораскольничьи миссионерские станы. В 1863 г. архиепископ Варлаам сообщал в Священный Синод, что в 1863 г. миссионерами обращено всего 12 человек старообрядцев. Из-за столь малочисленных обращённых он предлагал ликвидировать институт миссионерства и не тратить напрасно казённых денег. Назывались следующие причины: деятельность противораскольничьих миссионеров сопряжена с большими неудобствами и даже опасностью для жизни, а успехов от их трудов не предвидится.

Нежелание церковных иерархов заниматься вопросами раскола было связано с отсутствием подготовленных кадров, нежеланием оказывать помощь миссионерам со стороны сибирской администрации, противоречивой политикой государства по отношению к старообрядцам. Число староверов, которые пришли в лоно Православной Церкви, было незначительно. Бесперспективность противоречивой деятельности происходила, в том числе, и из-за того, что староверы не видели причин и перспектив отказа от старой веры, так как смена вероисповедания не приносила им материальных выгод или повышения социальных благ.

В результате реформ императора Александра II был поднят образовательный уровень духовенства, учреждены новые епархии. Была сформирована законодательная база, которая позволяла организовать полноценную миссионерскую деятельность среди староверов и сектантов. Для подготовки миссионерских кадров в духовных семинариях и академиях открывались отделения, где готовили миссионеров для работы прежде в его среди раскольников. Как на высшем церковном, так и на епархиальном уровнях начинает проводиться активная миссионерская политика среди старообрядцев и раскольников. Синодом издаются нормативные акты, направленные на упорядочивание и координацию миссионерской деятельности духовенства,

вовлечению мирян в эту работу. В 1864 г. Кабинет Министров принял устав «О правилах для учреждения Православных церковных братств»¹. В нем предусматривалось создание в приходах, монастырях, в епархиях с благословения епархиального архиерея церковных братств – объединений духовенства и православных мирян с целью проведения миссионерской и просветительской деятельности среди населения. Ярким примером является создание братства Святого Гурия и братства великомученика Дмитрия Солунского. На наш взгляд, миссионерская деятельность, направленная на ограничение влияния старообрядчества претерпела изменения в 80-е годы XIX века. Вышел императорский Указ, по которому старообрядцам разрешили открыто проводить церковные службы, обряды, в том числе в специально устроенных молитвенных домах, ремонтировать старые здания с разрешения губернатора и открывать новые молитвенные дома с разрешения обер-прокурора Синода, но запрещалось строить колокольни, а также они получили большинство гражданских прав: заниматься промышленностью и торговлей, получать паспорта на общих основаниях.

Священный Синод обязал духовенство заниматься регулярным проповедничеством на территориях, где старообрядцы были наиболее активны. Но после 1905 года, когда был принят закон о свободе вероисповедания, выступления миссионеров не приносили положительных результатов и негативно влияли на отношения верующих к православным священникам.

На рубеже XIX-XX столетий возникло огромное количество религиозных образований, что было воспринято властью и РПЦ как серьёзная угроза для государства и церкви. Миссионеры сосредоточились на работе со старообрядцами и сектантами. Сложность миссионерской работы в начале XX века среди староверов и сектантов состояла в том, что у старообрядцев существовали различные толки, а между территориями, где они проживали, были большие расстояния. Несмотря на усилия миссионеров, среди сибирских прихожан наблюдался рост перешедших в старообрядчество.

В конце XIX – начале XX века в Западной Сибири активно формировались секты протестантов, которые могли стать серьёзным конкурентом и старообрядцам и Русской Православной Церкви. Их последователями стали не только люди из «простого народа», но и представители аристократов и интеллигенции. Христианские конфессии сектантского типа расходились с Православной Церковью, прежде всего на почве догматики. Они делали акцент на разуме, проповедовали идеи свободы и всеобщего равенства, практически отвергали всякую обрядность (в отличие от староверов) или сводили её к минимуму, поэтому за ними закрепилось название – рационалистические. Кроме того, они отрицали духовную иерархию («перед Богом все равны»), таинства исповеди («между Богом и верующим в него не должно быть посредника»), почитание святых, икон, мощей. Широкое распространение секты получили в пореформенный период, что вызывало сильное беспокойство как светских, так и церковных властей. Для борьбы с сектантством стали созываться Всероссийские миссионерские съезды. На первом съезде, проходившем в Москве в 1887 г., было принято решение использовать в отношении сектантов самые радикальные меры, вплоть до лишения гражданства. Аналогичные меры применялись и к «упорствующим раскольникам».

Второй миссионерский съезд в 1891 г. в Москве констатировал: «Быстрый рост этих сект является серьёзной опасностью для государства». Съезд постановил: «Всем сектантам должно быть воспрещено покидать свои места жительства. Паспорта сектантов должны быть помечены особым образом, чтобы их нигде не принимали ни на работу, ни на жительство, пока жизнь в России не станет для них невыносимой. Дети их должны силою отбираться и воспитываться в православной вере» [10, с. 9].

Третий миссионерский съезд (Казань, 1897 г.) обратился к светским властям с просьбой оказать помощь миссионер-

1 «О правилах для учреждения Православных церковных братств» высочайше утвержденное положение Кабинета министров от 8 мая 1864 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. 39. – Отд. 1. – № 40863. – С. 409-410.

скому движению изданием законов для ограждения православия и пресечения активности сект, которые опасны как для православия, так и государства. В решении съезда констатировалось, что «принадлежность к некоторым исповеданиям – признать порочным обстоятельством, которое бы давало обществу право высылать их последователей в Сибирь». Предлагалось сослать «совратившихся» без суда по приговорам сельских сходов [16, с. 245-247].

Четвертый миссионерский съезд проходил в 1908 г. в Киеве. Многие выступавшие на нём клирики отметили активизацию сектантов, которые вовлекали в свои секты молодёжь из крестьян, мастеровых, солдат, приходивших на заработки в города. Сектанты создавали свои больницы, школы, проводили свои съезды [17].

Пятый миссионерский съезд проходил в Херсонской области, в Бизюковском монастыре с 26 июня по 4 августа 1917 г. Съезд констатировал «небывалую пропаганду сектантства». На нём была поставлена задача вести борьбу не только с сектантством, но и с социализмом. Для решения этой проблемы планировалось привлечь к миссионерству монастыри, регулярно проводить миссионерские съезды, создать Миссионерский совет при Синоде, а также открыть специальные миссионерские школы. В конце XIX века в России насчитывалось до 20 миссионерских монастырей, в основном в Заволжье, Приуралье, в Западной и Восточной Сибири. В частности, в Западной Сибири это были Знаменский в Тобольске, Свято-Никольский в Верхотурье, Преображенский в Тюмени. Но осуществить это уже не удалось [6].

Существенную, в основном материальную, поддержку сибирским миссионерам оказывало Православное миссионерское общество и его комитеты в период расцвета (1865-1880 гг.). Но со временем участие Православного миссионерского общества в деятельности миссий сокращалось: всё меньше собиралось взносов, всё реже комитеты обсуждали назревшие проблемы борьбы с раскольниками и сектантами.

Одним из институтов, пытавшихся обновить миссионерскую деятельность, были специальные архиерейские съезды: в 1885 и 1897 гг. в Казани, в 1886. – в Киеве, в 1910 г. – в Иркутске, на которых обсуждались задачи борьбы с сектантством, выстраивались новые формы и методы работы миссионеров. На съездах происходил обмен мнениями по актуальным вопросам между представителями со всей Сибири. Решая назревшие проблемы, съезды помогали формировать региональные сообщества священнослужителей [21, с. 28].

Природно-климатические условия Западной Сибири детерминировали особые требования к навыкам и качествам миссионеров. Большие годовые амплитуды температур, отсутствие дорожной инфраструктуры, горы (Горный Алтай), перемежающиеся с топяными и болотами, куда могли провалиться лошади, требовали от проповедников смелости и физической силы. Сибирь воспринималась миссионерами как «край света». Всё это сказывалось на их деятельности. Например, труднодоступные места миссионер мог посещать непродолжительное время, иногда раз или два в год, и это влияло на качество усвоения православной культуры местным населением.

Во-вторых, эти факторы влияли на здоровье миссионера, а при отсутствии специальной подготовки и нужных навыков в работе приводили к болезням, а иногда и к смерти. Однообразная пища, простая одежда, сложные бытовые условия – таков был выбор человека, который должен был жертвовать собой. Как предписывалось официальными церковными документами, осуществлять миссионерскую деятельность нужно было терпеливо, с любовью к делу, знать местные языки, уметь взаимодействовать с местным населением. Не у всех миссионеров это получалось.

Вместе с тем реализация Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» показала, что успехи миссионерской деятельности не столь значительны. Начался массовый уход из православия.

Таким образом, в начале XX века миссионерская работа среди старообрядцев и сектантов была сопряжена со множеством проблем. Причинами этого было в том числе изменение политической ситуации. «Закон о свободе вероисповедания» поставил православную церковь в одинаковое

положение с другими конфессиями. Миссионеры вынуждены были применять новые формы и методы работы, которые в данный момент не были найдены. Кроме того, анализ источников показывает, что и среди сибирских иерархов, и среди рядовых священнослужителей отсутствовала заинтересованность и личная инициатива в этой работе. Миссионеры испытывали недостаточную финансовую поддержку со стороны государства, отсутствовала постоянная политика духовной власти на местах. Нехватка миссионерских кадров, незнание языков также не способствовали успеху миссионерства. Всё вышесказанное позволяет сделать вывод, что миссионерская политика среди мусульман, старообрядцев, сектантов и раскольников не являлась достаточно эффективной.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев И. Л. Ислам. Некоторые особенности его эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX вв. (К вопросу о взаимовлиянии цивилизационных логик в российской истории) // Религиоведение. – 2002. – № 2. – С. 19-40.
2. Басилов В. Н., Кармышева Д. Х. Ислам у казахов до 1917 г. – М., 1997.
3. Векшина Н. М. Деятельность Русской православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – СПб., 2014.
4. Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. – М., 1894.
5. ГУТО ГА в г. Тобольске. – Ф. 156. – Оп. 29. – Д. 26. – Л. 2.
6. Деяния Пятого миссионерского съезда. – М., 1917.
7. Елисеев Е. Миссии Тобольской Епархии // Церковные ведомости. – 1906. – № 41.
8. Елисеев Е. Миссионерская хроника // ТЕВ. – 1912. – № 5. – С. 75-80.
9. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1989. – 688 с.
10. Карев А. Основные факторы, содействовавшие возникновению и развитию братства евангельских христиан-баптистов в России // Братский вестник. – 1957. – № 4. – С. 5-39.
11. Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири в XIX – начале XX века. Дисс. канд. ист. наук. – Тюмень, 1999.
12. Михайлов Г. Миссионерский отдел: Из дневника сотрудника противомусульманской миссии священника Гурия Михайлова // ТЕВ. – 1907. – № 7.
13. Октябрьская И. В. Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2005.
14. Пастырское послание епископов православной греко-русской церкви // ТЕВ. – 1886. – № 10-11.
15. Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков. Дис. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2007. – 405 с.
16. Скворцов В. М. Деяния III Миссионерского съезда в Казани. – М., 2011.
17. Скворцов В. М. Миссионерский посох. – СПб., 1912.
18. Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский торкокультурологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 7.
19. Томские епархиальные ведомости. – 1882. – № 10.
20. Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отдел. – 1906. – № 11.
21. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700-1917. – М. 2003.
22. Центр хранения архивного фонда Алтайского края; ЦХАФ А.К. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 14.
23. ЦХАФ. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 48.

ГЕРАСИМЕНКО Артём Александрович
адыюнт Академии управления МВД России

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ БОРЬБЫ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СССР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В статье рассмотрена деятельность органов борьбы с экономическими преступлениями (Отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС)) в послевоенное время (1945-1953 годы). В процессе написания статьи были изучены теоритические и практические материалы по заданной тематике. На основе изучения соответствующего нормативно-правового материала, практики показывается изменения в системе управления и деятельности ОБХСС. В указанный временной промежуток изменяется вектор проводимой государством уголовно-правовой политики в аспекте усиления охраны социалистической собственности.

Ключевые слова: социалистическая собственность, уголовно-правовая политика, хищение, спекуляция, уголовная ответственность, публичная собственность, ОБХСС.

GERASIMENKO Artem Aleksandrovich
adjunct of the Academy of MIA of Russia

MANAGEMENT OF BODIES FOR COMBATING ECONOMIC CRIMES IN THE USSR OF THE POST-WAR PERIOD

The article considers the activities of the bodies for combating economic crimes (Departments for combating theft of socialist property (OBKhSS)) in the post-war period (1945-1953). In the process of writing the article, theoretical and practical materials on a given topic were studied. Based on the study of the relevant regulatory material, practice, changes in the management system and activities of the OBKhSS are shown. During the specified time period, the vector of the criminal law policy pursued by the state changes in the aspect of strengthening the protection of socialist property.

Keywords: socialist property, criminal law policy, embezzlement, speculation, criminal liability, public property, OBKhSS.

Образование аппаратов Отделов борьбы с хищением социалистической собственности (далее – ОБХСС) должно было обеспечить защиту экономической основы Советского государства. Инициатором их создания был Наркомат внутренних дел СССР. В декабре 1936 г. на совещаниях руководящего состава НКВД СССР Н. Ежов, говоря о хищениях социалистической собственности и должностных преступлениях, указал, что если данные преступления не носят признаки организованной контрреволюции, то их необходимо передавать милиции [1]. В марте 1937 г. отделы БХСС были созданы как специализированные милицейские аппараты. В литературе редко упоминается о том, что первый год на них, кроме борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией возлагалась борьба и с мелким вредительством, что говорит об определенной преемственности с Главным управлением государственной безопасности (далее – ГУТБ) НКВД СССР.

В послевоенное время главной задачей являлось восстановление разрушенного войной народного хозяйства. На оккупированных немцами территориях были полностью уничтожены тысячи городов и сел, заводов и фабрик, сожжены и разрушены около миллиона жилых домов, школ и других объектов социальства. Восстановление разрушенного требовало колоссальных денежных, материальных и трудовых затрат, и государство, в меру своих возможностей, делало все чтобы восстановить разрушенные фабрики и заводы, жилье и другую инфраструктуру. В этих условиях особенно важно было не допустить расхищения и разбазаривания народного достояния, обеспечить сохранность всех восстановительных ресурсов.

Послевоенная разруха, усугубленная неурожаем 1946 г., предопределила основные направления деятельности аппаратов БХСС.

27 июля 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли Постановление «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи»¹. МВД СССР направило на места директиву, обязывающую активизировать борьбу с хищениями и разбазариванием хлеба. В частности, предписывалось завершать расследование дел этой категории в течение 20 дней.

В 1946 году для поднятия статуса начальников отделов БХСС они назначались помощниками начальников управле-

ний милиции. Кроме того, в МВД республик, УВД краев и областей создавались отделения по борьбе со спекуляцией.

25 октября 1946 г. Совет Министров и ЦК партии приняли очередное Постановление «Об обеспечении сохранности государственного хлеба», в котором говорилось, что во многих республиках, краях, областях совершенно неудовлетворительно проводится в жизнь июльское постановление.² Ведущая роль в исправлении положения отводилась МВД, которое организовывало систематическую проверку силами оперативного состава состояния сохранности хлеба, выделив работников для оперативного обслуживания перевозок хлеба, закрепив оперативных работников за крупными складами для повседневной проверки, контроля и наблюдения по обеспечению сохранности хлеба и т.п.

В сороковых годах на органы милиции возложили обязанности по регулярной проверке состояния и сохранности зерна на государственных заготовительных пунктах и привлечении к строгой ответственности виновников порчи, хищения и разбазаривания хлеба. Все материалы о злоупотреблениях немедленно передавали в прокуратуру.

Широкое распространение в послевоенные годы получило такое уродливое явление как спекуляция. В нее вовлечены были чаще всего лица, нигде не работавшие. Наиболее распространенными видами спекуляции были скупка и сбыт сельскохозяйственных продуктов, перепродажа скота, скупка зерна и муки с последующей выпечкой по спекулятивным ценам, мелкая спекуляция на рынках. Это явление не только дезорганизовывало снабжение населения промышленными и продовольственными товарами, но и порождало другие, более опасные виды преступлений. Предметом спекуляции нередко становились товары, похищенные либо незаконно полученные за взятки в государственных учреждениях или на кооперативных предприятиях.

Милиция выявляла спекулянтов, преграждала им путь на рынки во всех крупных городах. На рынках создавали филиалы отделений милиции.

13 сентября 1946 г. издается Постановление Совета Министров СССР «Об усилении борьбы со спекуляцией», в тексте которого аппараты БХСС были обязаны создать отделения по борьбе со спекуляцией за счет перераспределения их штатной численности³.

1 Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 июля 1946 г. «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи».

2 Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 25 октября 1946 г. «Об обеспечении сохранности государственного хлеба».

3 Постановление Совета министров СССР от 13 сентября 1946 г. «Об усилении борьбы со спекуляцией»

В послевоенные годы советские граждане преимущественно снабжались по продовольственным и промтоварным карточкам. Преступления, совершаемые в карточной системе, наносили серьезный материальный ущерб государству, дезорганизовывали торговлю и плановое снабжение населения продуктами. Поэтому милиция активизировала борьбу с куплей, продажей и перепродажей продовольственных и промтоварных карточек на рынках, вокзалах и т.п. Изданный 6 сентября 1946 года приказ МВД СССР «Об усилении борьбы с хищениями, кражами и злоупотреблениями продовольственными и промтоварными карточками» объявил эту работу «одной из первоочередных задач»⁴.

Послевоенное состояние оперативной обстановки в стране, новые задачи мирной жизни, потребовали принятия необходимых мер по совершенствованию деятельности службы БХСС. В 1947 году отдел БХСС ГУМ подучил новый статус - был реорганизован в Управление БХСС. Положение об Управлении определяло его следующую структуру: секретариат и пять отделов. Первый отдел руководил работой аппаратов БХСС Европейской части СССР, второй - аппаратов БХСС Среднеазиатских республик и Сибири, третий - осуществлял оперативное обслуживание объектов народного хозяйства в Москве, четвертый - руководил расследованием уголовных дел и расследовал наиболее сложные дела, пятый - осуществлял всю информационную работу. (Заметим, что в 1948 году был создан шестой отдел, на который возлагались функции борьбы с фальшивомонетничеством).

На Управление, таким образом, возлагались следующие основные функции: руководство оперативной, следственной и профилактической работой служб БХСС республиканских, краевых, областных и городских управлений милиции; изучение и обобщение методов, применяемых преступниками, подготовка и разработка директив и методических указаний по борьбе с хищениями, спекуляцией, контрабандой, фальшивомонетничеством и взяточничеством и принятие мер профилактики характера по устранению причин и условий, способствующих совершению этих преступлений; осуществление проверок работы периферийных органов милиции по линии БХСС и оказание им практической помощи; ведение учета результатов оперативной и следственной работы периферийных отделов БХСС; поддержание связи с Прокуратурой СССР и Прокуратурой РСФСР по вопросам прокурорского надзора за законностью дел, которые велись аппаратами БХСС; проведение оперативной работы на объектах министерств СССР и РСФСР.

В ходе денежной реформы увеличилось число случаев изготовления и сбыта фальшивых денежных знаков. 24 июня 1948 г. МВД СССР издало приказ «О мероприятиях по усилению борьбы с фальшивомонетничеством»⁵. В нем говорилось, что «появились в последнее время в ряде мест фальшивые денежные знаки, изготовленные с применением технических средств (клише, фоторепродукция) и от руки путем копирования и рисования». В частности, в феврале 1948 г. в Иркутске на рынке были изъяты из обращения 4 фальшивых сторублевых билета, напечатанные с клише, изготовленных граверным способом.

31 мая и 8 июля в Барнауле изъяли 3 аналогичных билета. Преступников, их изготовивших, не задержали. Приказ предусматривал постановку на учет всех ранее судимых за фальшивомонетничество, заподозренных в таковом или могущих по характеру деятельности быть причастными к этим преступлениям (граверов, литографов, шелкографов, фотографов, светокопировальщиков, чертежников, художников и др.). По окончании расследования надлежало высылать в ОБХСС УМ МВД СССР копии обвинительных заключений и судебных приговоров.

В 1947 г. МВД СССР был намечен широкий комплекс мер по развитию системы подготовки и переподготовки руководящих и оперативных кадров. Министерство признавало, что подготовка и переподготовка руководящих кадров милиции в школах и по внешней учебе поставлена неудовлетворительно. Школы не стали основной базой подготовки квалифицированных работников УР и БХСС. Отмечалось, что выпускаемые из школ оперативные кадры не имеют среднего юридического образования, что отрицательно сказывается на их практической

работе. Не проводилось и теоретическое обобщение опыта оперативной работы УР, БХСС и других спецотделов.

МВД СССР наметило в течение 4-5 лет охватить системой школьного обучения весь руководящий и оперативный состав, предусмотрев наряду со специальными дисциплинами юридическую подготовку.

В послевоенные годы наблюдается курс на понижение роли МВД при этом происходит укрепление роли Министерства государственной безопасности. Так «В октябре 1949 г. из МВД в МГБ передаются пограничные войска и милиция»⁶.

16 августа 1950 г. после инспектирования органов милиции министр государственной безопасности СССР В. Абакумов направил на места директиву, в которой по всем направлениям деятельности милиции признавалась неудовлетворительная. По результатам рассмотрения директивы Министерством были подготовлены предложения по укреплению милиции, которые легли в основу Постановления Правительства СССР «О мерах по усилению работы милиции», принятого 22 августа 1950 г.⁷ В результате Главного управления милиции было реорганизовано. В его составе создавались ряд управлений, в числе которых и УБХСС (предупреждение, пресечение и раскрытие хищений социалистической собственности, спекуляции и фальшивомонетничества).

С середины 1950-х гг. аппараты БХСС все больше ориентировались на помощь со стороны общественности. Приказ МВД СССР от 23 мая 1955 г. «О мерах улучшения работы по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией» обязывал «все органы милиции, аппараты БХСС улучшить работу по информации трудящихся, общественных организаций, руководителей предприятий, учреждений и колхозов. По каждому делу о хищении, мошенничестве и спекуляции выступать перед трудящимися, мобилируя их на охрану социалистической собственности и оказание помощи милиции в борьбе с расхитителями, дельцами, жуликами, спекулянтами»⁸.

Кроме того, в послевоенные годы в связи с ростом преступности последовательно увеличивался объем работ по расследованию преступлений.

В 1954 г. в следственных отделах областных (краевых) управлений милиции работало по 10 человек (в 2 с лишним раза меньше, чем в ОУР или ОБХСС).

В апреле 1955 г. было образовано Министерство внутренних дел РСФСР. В составе управления милиции МВД РСФСР был создан отдел уголовного розыска и отдел БХСС, руководившие подчиненными аппаратами на территории республики. Но почти любая проверка местных органов милиции вскрывала существенные недостатки в деятельности аппаратов БХСС. Так, коллегия МВД РСФСР 28 августа 1956 г. после обсуждения вопроса «О работе МВД Татарской АССР» вынесла решение: «состояние борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией находится на низком уровне. Аппараты БХСС в основном занимаются возбуждением дел о мелких и очевидных преступлениях, не уделяя должного внимания разработке и разоблачению крупных организованных и замаскированных расхитителей».

Вместе с тем, в рассматриваемый период времени состоялись решения, приведшие к серьезным негативным последствиям. Прежде всего, это ликвидация МВД СССР, в результате чего оказались ослабленными межреспубликанские связи между аппаратами уголовного розыска и БХСС, обмен опытом борьбы с преступностью, использование в этой области новейших достижений науки и техники. Помимо этого, резко сократилось финансирование оперативно-розыскной работы, ликвидировались целые звенья единой системы сил и средств данного направления деятельности органов внутренних дел.

Пристайный библиографический список

- Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» - Николай Ежов. - М.: РОССПЭН, 2008. - С. 252-289.

4 Приказ МВД СССР от 6 сентября 1946 года «Об усилении борьбы с хищениями, кражами и злоупотреблениями продовольственными и промтоварными карточками».

5 Приказ МВД СССР от 24 июня 1948 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с фальшивомонетничеством».

6 Интернет-сайт Академии управления МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://a.mvd.pf/mvd/Universitet/Akademija/istoriya-akademii-upravleniya/2022> (дата обращения 17.11.2022).

7 Постановления Правительства СССР от 22 августа 1950 г «О мерах по усилению работы милиции».

8 Приказ МВД СССР от 23 мая 1955 г. «О мерах улучшения работы по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией».

АРТЫШКО Кирилл Владимирович

студент направления «Юриспруденция» Дальневосточного федерального университета

ОЗЕРОВ Олег Эдуардович

студент направления «Юриспруденция» Дальневосточного федерального университета

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ: ПРАВО НА ДОСТУП В ИНТЕРНЕТ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРАВОМ НА РАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Статья посвящена проблемным вопросам правового регулирования преодоления цифрового неравенства в России. В материале право на доступ в интернет рассматривается как составляющая права на информацию. Рассматривается актуальная для информационного общества проблема неравенства возможностей, усугубляемая отсутствием доступа в интернет. Высказывается мнение о необходимости внесения изменений в нормативно-правовые акты, регулирующие преодоление цифрового неравенства, включая Федеральный закон «О связи», для реализации определенной Конституцией политики, обеспечивающей достойную жизнь и свободное развитие человека, обеспечения социальной защищенности уязвимых социальных групп.

Ключевые слова: интернет, равенство возможностей, социальная справедливость, право на информацию, право на интернет, социальное государство, цифровое неравенство, проблемы неравенства, малый населенный пункт, государственная политика.

ARTYSHKO Kirill Vladimirovich

student of the direction "Jurisprudence" of the Far Eastern Federal University

OZEROV Oleg Eduardovich

student of the direction "Jurisprudence" of the Far Eastern Federal University

THE PROBLEMS OF OVERCOMING THE DIGITAL DIVIDE IN RUSSIA: THE RIGHT TO INTERNET ACCESS AND ITS RELATIONSHIP TO THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO EQUAL OPPORTUNITY

The article deals with the problematic issues of legal regulation of overcoming the digital divide in Russia. The article considers the right of access to the Internet as a component of the right to information. The problem of inequality of opportunities, which is aggravated by the lack of access to the Internet, is discussed. An opinion is expressed about the need to amend legal acts regulating the overcoming of digital inequality, including the Federal Law "On Communications", in order to implement the policy defined by the Constitution, which ensures a decent life and the free development of people, and to ensure the social protection of vulnerable social groups.

Keywords: internet, equal opportunity, social justice, right to information, right to the Internet, social state, digital inequality, inequality issues, small population, public policy.

Современное общество в развитых государствах является информационным, то есть основанным на процессе производства, передачи, хранения, обработки и реализации информации. Информация в свою очередь является естественной ценностью, которая может быть воплощена в материальном виде или же носить нематериальный характер. Доступ к информации, таким образом, понимается как основополагающее, неотъемлемое и присущее человеку и гражданину право, охраняемое и обеспечиваемое государством по причине высокой значимости общественных отношений, складывающихся в информационной сфере. Презюмируется, что доступ к сети «Интернет» и соответствующее право на интернет являются составляющей частью доступа к информации и права на информацию [1].

Вместе с тем предметом научных обсуждений является проблема неравного доступа у разных социальных

групп к информации в большинстве государств, в том числе демократических и стремящихся к социальной справедливости. Неравный доступ к информации не является порождением современности, он существовал во все предшествующие эпохи. Проблема «информационной бедности» решалась с постепенным формированием, международным признанием и нормативным закреплением в XIX-XX веках основополагающих прав человека. Так, Всеобщей декларацией прав человека, принятой в 1946 году, за каждым человеком признается свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ [2]. Но уже в XXI веке с развитием телекоммуникационных технологий человечество вступило в эпоху доминирования отдельного вида информационного неравенства – цифрового, характеризующегося ещё более острым социальным разрывом.

Артышко К. В.

Озеров О. Э.

Под цифровым неравенством принято понимать совокупность ограничений в использовании передовых средств коммуникации и взаимодействия с информацией, возникающих у различных социальных групп (как правило и так социально дискриминируемых). Поскольку обладание современными телекоммуникационными средствами (например, доступом к сети «Интернет») позволяет пользоваться благами информационного общества, иметь более широкий спектр возможностей (в том числе и для получения, реализации информации), усугубляется проблема неравенства в возможностях в сравнении с теми лицами, которые не имеют доступа к таким средствам.

Теория неравенства в возможностях тесно связана с определением справедливости и является предметом широких научных дискуссий как в правовой и экономической, так и в иных сферах, потому для лаконичности под теорией неравенства в возможностях в данной статье мы будем понимать меру зависимости результатов индивида (уровень его дохода, образование, положение в социальной иерархии в целом) от сторонних факторов, на которые этот индивид не может существенно, качественно повлиять [3]. Статьей 7 Конституции Российская Федерация провозглашается социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Под свободным развитием человека в соответствии с принципами социальной справедливости следует понимать противодействие неравенству возможностей, присущему уязвимым социальным группам. В свою очередь, поскольку умение взаимодействовать с информацией в современном мире является ценным умением и сегодня сосредоточено преимущественно в сети «Интернет», можно утверждать, что от наличия или отсутствия доступа к интернету (и результатов наличия доступа, т.е. целей пользователя интернет-сети) прямо зависит уровень образования, дохода и, следовательно, уровень благосостояния и благополучия индивида.

Сетью «Интернет» в Российской Федерации на 2022 год по разным оценкам пользуется около 89 % населения [4]. Приведенная статистика тем не менее не учитывает полного характера и регулярности использования интереса. Проблема цифрового неравенства крайне актуальна для России и наиболее ярко проявилась себя в период пандемии COVID-19. Объявленный режим самоизоляции и перевод студентов и школьников на дистанционное обучение выявил, что несмотря на высокую долю пользователей интернета в стране есть множество регионов и населенных пунктов, сталкивающихся с постоянными проблемами при доступе к мировой сети: интернет либо не доступен вообще, либо доступен со значительными перебоями. Местность проживания представляется одним из критериев, по которым можно судить о наличии цифрового неравенства, неравенства в реализации права на доступ к информации, фактически закрепленного ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, и обостряющегося вследствие этого неравенства в возможностях.

Федеральный закон «О связи» является основным нормативным актом, направленным на сокращение цифрового неравенства по критерию местности. В статье 57 данного акта устанавливается гарантия оказания универсальных услуг связи, к которым относятся в том числе услуги по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», оказываемые с использованием точек доступа. Указанная норма, как нам видится, является обобщенным нормативным закреплением права на доступ в интернет и направлена на обеспечение проживающих в малонаселенных местностях (в населенных пунктах с населением от ста до пятисот человек) минимальным уровнем доступа к сети. Техническое обслуживание и качество интернет-доступа при этом нередко критикуется. Кроме того, на законодательном уровне нет единого выработанного механизма и инструмента обеспечения доступа к интернету в малых сельских населенных пунктах с населением менее ста человек, то есть вышеуказанная гарантия, в сущности, не носит общий характер и не способствует комплексному решению проблемы цифрового неравенства.

Считаем, что сознательное невключение малых сельских населенных пунктов в сферу действия федерального закона и формирование очередности обеспечения населенных пунктов доступом к интернету по численности населения в рамках федерального проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика» является ошибочным, нарушающим принцип равенства прав и свобод человека и гражданина, закрепленный статьей 19 Конституции РФ. Видится необходимым внести изменения в статью 57 Федерального закона «О связи» и предусмотреть обеспечение универсальными услугами связи малые населенные пункты, численностью населения до 100 человек, в соответствии со статьей 19 Конституции.

Необходимо отметить, что проживание в малонаселенных сельских местностях уже накладывает на многих лиц существенные ограничения в возможностях получить образование, трудоустроиться, обеспечить достойный уровень жизни. Приоритизация по численности населения создает неконкурентную для данных лиц общественную среду, лишает возможностей, предоставляемых современными телекоммуникационными сетями, в частности интернетом, в различных сферах жизни. В образовании это, прежде всего, возможность использовать универсальные источники информации, обучаться дистанционно, что особенно актуально для тех населенных пунктов, в которых отсутствуют образовательные организации; не нужно забывать и о подготовке обучающихся школ к Единому государственному экзамену. Около половины старшеклассников обращаются к услугам репетитора [5], поскольку результаты ЕГЭ прямо сказываются на возможности поступить в университет. Естественно, что сельские поселения в большинстве случаев лишены возможности «живого» взаимодействия с репетитором, вместе с тем не имеют возможности общения с репетитором дистанционно. При этом равные шансы получить

качественное образование являются важной составляющей конституционно закрепленного права на равенство возможностей.

Существенные проблемы в области правового регулирования встречаются и в случае населенных пунктов численности от 100 до 500 человек, где по закону гарантировано предоставление универсальных услуг связи, в частности интернета. Порядок предоставления универсальных услуг связи регулируется Постановлением Правительства «О мерах по организации оказания универсальных услуг связи» [6]. В настоящем акте отсутствует регулирование взаимодействия органов власти и местного населения по вопросу о месте установки точек доступа к сети интернет, порядок обслуживания места точки доступа, отсутствует порядок надлежащего информирования местного населения о возможностях подключения к сети интернет. Регулированием не охватывается и зимний период, когда выход в интернет через точку доступа, установленную на улице, является проблематичным для жителей, и иные факторы, в том числе географические, влияющие на стабильность связи. Перечисленные проблемы свидетельствуют о пробелах в правовом регулировании государственной политики и программ по преодолению цифрового неравенства, более того — они могут усугубить положение в отдельных населенных пунктах, в которых только формально, в соответствии с правовыми актами и установленными показателями, проблема цифрового неравенства разрешена, при фактической неизменности и консервации проблемы.

В настоящий момент можно выделить два ключевых подхода к решению проблемы цифрового неравенства: прагматический (или экономический), смотрящий на проблему с точки зрения экономического потенциала обеспечения интернетом всех граждан государства, и социально-правовой подход, подразумевающий проведение государством справедливой социальной политики, основанной на принимаемых обществом нормах права, направленной на формирование системы социальной защищенности, обеспечение равных возможностей для самореализации посредством уравнивания начального положения.

Учитывая последний зарубежный опыт и практику закрепления права на доступ в интернет как неотъемлемого права человека, Российской Федерации как социальному и правовому государству при определении государственной политики в области преодоления цифрового неравенства надлежит руководствоваться прежде всего конституционно определенными принципами проведения социальной политики и подходить к решению проблемы основательно. Внесение соответствующих изменений в правовые акты, отдельное законодательное или даже конституционное закрепление права на доступ в интернет позволили бы придать большее значение и внимание решению проблемы разрыва в социальных, цифровых и информационных возможностях.

Пристатейный библиографический список

1. Хуснутдинов А. И. Право на доступ в интернет – новое право человека? // СКО. – 2017. – № 4 (119). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-dostup-v-internet-novoe-pravo-cheloveka> (дата обращения: 10.01.2023).
2. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 10.01.2023).
3. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2020. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neravenstvo-vozmozhnostey-traktovka-metody-i-problemy-otsenki> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Simon, Kemp «Digital 2022: The Russian Federation» // DATAREPORTAL: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-russian-federation> (дата обращения: 22.01.2023).
5. «Опрос: к репетиторам обращались 49 % россиян» // ТАСС: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/12346405> (дата обращения: 22.01.2023).
6. О мерах по организации оказания универсальных услуг связи: постановление Правительства РФ от 21 апреля 2005 г. № 241 // Собрание законодательства Российской Федерации. – Сборник № 17 от 25.04.2005. – Статья № 1572.

СИСАКЬЯН Арус Качпероновна

кандидат юридических наук, доцент департамента образования Троицкого филиала Челябинского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ – ВЫСШАЯ ФОРМА ПРАВОСОЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Автор статьи акцентирует внимание на доминирующей роли конституционного правосознания, влияющей на процесс правопонимания и толкования Конституции и действующего законодательства РФ. Анализируются причины, препятствующие достижению высокого уровня конституционного правосознания. Объясняется необходимость изучения конституционного правосознания. В процессе формирования достаточного уровня конституционного правосознания следует помнить о необходимости популяризации юридического знания среди российского населения.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное правосознание, дефекты конституционного правосознания, демократическое и правовое государство, конституционализм, конституционная идеология и конституционная психология.

SISAKYAN Arus Kachperonovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Department of Education of the Troitsk branch of the Chelyabinsk State University

CONSTITUTIONAL CONSCIOUSNESS IS THE HIGHEST FORM OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN SOCIETY AND THE STATE

The author of the article focuses on the dominant role of constitutional legal awareness, which affects the process of legal understanding and interpretation of the Constitution and the current legislation of the Russian Federation. The reasons preventing the achievement of a high level of constitutional legal awareness are analyzed. The necessity of studying the constitutional legal consciousness is explained. In the process of forming a sufficient level of constitutional legal awareness, it should be remembered that it is necessary to popularize legal knowledge among the Russian population.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional legal consciousness, defects of constitutional legal consciousness, democratic and legal state, constitutionalism, constitutional ideology, and constitutional psychology.

Развитие институтов гражданского общества, укрепление демократических начал и укоренение идеи конституционализма в России во многом зависят от активной гражданской позиции россиян, уровня их правовой культуры и конституционного правосознания. При этом ценность конституции как догмы права и конституционализма, неперемennого условия для формирования демократического и правового государства, с развитыми и функционирующими институтами гражданского общества сомнений не вызывают.

Рядовые граждане имеют лишь самые поверхностные представления о Конституции РФ, в то время как таковая является организующим началом государственного бытия. Конституционные нормы, в сравнении с иными, ординарными нормами права, более всего совмещают в себе нравственные, политические и правовые начала.

Конституция РФ провозглашая конституционные права и обязанности, гарантируя политическую и экономическую свободы человека и гражданина оказывает организующее воздействие на все стороны жизни человека. Более того, априори устанавливает необходимость модификации всей системы законодательства, что объясняется ее широкими законотворческими возможностями, реализация которых просматривается через нормативно-правовое, формально-юридическое влияние на правотворческий процесс, а также посредством воздействия на содержание нормативных правовых актов, конституционных принципов, идей, в совокупности своей составляющих конституционное мировоззрение российского общества. Произшедшие не так давно конституционные преобразования в

России (как, впрочем, и предшествующие им годами ранее конституционные реформы) отчетливо выявили существующие проблемы конституционного мировоззрения россиян. Ведь именно в период нормативно-правовой трансформации более всего проявляется уровень конституционной культуры граждан, поскольку желание и стремление участвовать в государственно-правовой жизни государства, в общем смысле и образует конституционное правосознание.

Анализ и оценка конституционного правосознания, понимание дефектов и природы возникновения таковых, позволят сделать более точечными меры воздействия, понять первопричины непоследовательного конституционного развития России и возникающих, в связи с этим проблем конституционной теории и практики.

К вероятным причинам деформаций конституционного правосознания чаще всего относят: низкий уровень экономического благосостояния и социальной обеспеченности населения, утомленность и не оправдавшиеся ожидания от продолжающихся свыше 25 лет социально-экономических и политических преобразований, нестабильную международную обстановку, специфику правового менталитета россиян, которой характерно стремление жить согласно устоявшимся традициям и обычаям, нежели принятым законам, соборность и патриархальность мировоззрения, закостенелость развития и религиозность.

Население должно уловить эйдос всякой политики - право и государство создаются для обеспечения внутреннего порядка, предполагающего баланс интересов всех людей.

Несомненным пороком современного конституционного правосознания является отсутствие ощущения сопричастности себя с событиями, происходящими в государстве. Вместе с этим, вырабатывая политику формирования высокого уровня конституционного правосознания, государство должно наполнить ее созданием эффективно-механизма защиты конституционных прав и условий, обеспечивающих формирование здорового полноценного конституционного правосознания. Гражданская ответственность личности, установленные законом обязанности должны соответствовать предоставленным правам и свободам, иначе социальной солидарности не достигнуть. Требуя здоровое конституционное правосознание населения, органам публичной власти, выступающим в лице правоприменителя и правотворца, прежде всего необходимо сформировать соответствующую такому уровню правосознания среду обитания.

Действенность любого нормативного акта зависит не только от совершенства юридической техники, используемой при его написании, но и от эмоционально-волевого настроя, нравственных установок общества. Конституция РФ в таком случае, не только не является исключением, но и должна служить неким эталоном для всех иных нормативно-правовых актов. Не последняя роль в данном случае отводится именно ценностно-положительному отношению граждан к конституции государства; от этого зависит ее «трудоспособность». Пропасть между конституционными положениями и доверием к ним со стороны россиян неминуемо приводит к пропаганде правового нигилизма и отрицанию Конституции РФ, дефектам конституционного баланса общественной жизни. Делает право невосстребованным в обществе [1, с. 5]. В таких обстоятельствах, невозможным становится говорить о доверии к Конституции РФ со стороны населения, равно как и внушить ему непререкаемость конституционных прав и обязанностей, что в совокупности своей формирует конституционное правосознание, глубокие деформации которого разрушают конституционный правопорядок. Очевидно, что искоренение конституционного нигилизма, конституционализация юридического мышления должны стать первоочередными задачами, стоящими перед российским государством, в противном случае конституционные ценности, связанные с идеями о демократии, гражданском обществе и правовом государстве, так и останутся недостижимыми идеалами.

Что есть конституционное правосознание? В общем смысле — это представления и ориентации индивида о строении и сущности государства, методах государственного правления, знание присущих ему прав, свобод и обязанностей, вера в незыблемость их и знание законных способов защиты нарушенных прав.

В процессе усвоения конституционного правосознания существует проблема, значительно усложняющая процесс внедрения и убедительного обоснования данного явления в материю конституционной теории и практики, и связана она с представлением о существовании конституционного правосознания лишь только потому, что есть такой документ как Конституция. Очевидно, что фактиче-

ская конституция не определяет сути конституционализма и его качественный уровень; и если ряд принятых конституционных положений реализованы фрагментарно, то причиной тому вовсе не конституционное несовершенство [2], [6]. Столь ограниченное восприятие конституционного правосознания делает его не более, чем инструкцией к прочтению самой конституции. В конечном счете нельзя упрекнуть в отсутствии конституционного правосознания население тех государств, где отсутствует «писанная» конституция, например Великобритания, Новая Зеландия, Канада, Австралия, Израиль. Поскольку вся та информация, что традиционно воплощает в себе конституционный текст, в указанных государствах, несомненно, получила нормативно-правовую регламентацию (иначе и быть не может), однако в ином нормативном обрамлении.

Конституционные идеи и установки, в единстве своим образующие конституционное правосознание находят воплощение в тексте конституции. Регламентированные основным законом страны базовые социальные ценности, сформулированные в качестве конституционных принципов, основ конституционного строя, системы прав, свобод и обязанностей личности есть ничто иное как результат и отражение определенного уровня конституционного правосознания на конкретном этапе государственно-правового развития.

Неверно полагать, что конституционное правосознание оказывает влияние только на процесс конституционного правотворчества и реализации норм конституционного права. Конституционная вариация правового сознания является высшей формой правового мировоззрения не только в силу методологического и фундирующего свойства конституционного права, как ведущей отрасли в системе российской права; значительной ролью данный вид правосознания обладает в процессе правореализации в целом [3].

Уровень конституционного правосознания, то в какой степени индивид информирован о конституционных ценностях, раскрывающих смысл основополагающих принципов права определяет поведение лица в значимой с точки зрения закона ситуации, а в дальнейшем демонстрирует степень эффективности механизма реализации права.

Современная теория конституционного права располагает пусть и немногочисленными исследованиями в области одноименного правосознания, однако учеными неоднократно были предприняты попытки сформулировать дефиницию данной категории и наш взгляд, наиболее удачной из них является понимание конституционного правосознания, сформулированное профессором И. А. Кравцом. «Это особый вид правового сознания, в котором отражаются представления и чувства отдельной личности, социальной группы, общества в целом о Конституции, ее роли в правовом регулировании, правах человека, способе справедливого и демократического правления» [4, с. 328].

Об «особом участии» конституционного правосознания в процессе реализации права рассуждает Н. В. Мамитова, говоря, что «повышение эффективности механизма реализации прав и свобод человека связано с тем, что в

конституционном праве укрепляется понимание конституционной системы защиты прав человека, в которой стимулирующую роль выполняет правосознание, обеспечивая активизацию разнообразных средств, предусмотренных в законе» [5].

В содержание конституционного правосознания населения нужно вкладывать мировоззрение не только рядовых граждан, не имеющих отношения к вопросам государственного строительства, но и лиц, профессиональная деятельность которых связана с государственным и муниципальным управлением и в этом вопросе, на них возлагается не только ответственность, свойственная всем гражданам РФ, но и эксклюзивные обязательства, связанные с созданием полноценных условий для реализации прав и свобод человека, удовлетворенность обеспечением и исполнением которых ложится в основу здорового конституционного правосознания. И в этом смысле деформация конституционного правосознания законодателя, как, впрочем, любого должностного лица, наделенного властными полномочиями, еще более губительна, как с точки зрения оценивания качества принимаемых ими нормативных актов, так и влияния на конституционное правосознание населения, по отношению к которому оно приобретает средообразующий характер. Конституционность практической деятельности должностных лиц должна быть ориентирована на недопущение дальнейшего отдаления граждан от государства, укрепление в них веры в чувство конституционной законности и правопорядка.

В заключение изложенного, хотелось бы сказать следующее.

Россия находится лишь в начале пути формирования здорового конституционного правосознания. Ортодоксальное развитие конституционного правосознания россиян обусловит эффективность реализации положений Конституции РФ, что, в конечном счете, укоренит идею конституционализма, приблизив ее ценностным ориентирам и моральному императиву граждан. Укоренение ее в определенной степени будет зависеть от того, удастся ли нам осознать ценность конституционного правопорядка, обеспечить его для эволюционного развития по пути упрочнения демократического порядка, построения правового государства, развития институтов гражданского общества и приверженности идеям конституционализма.

Отсутствие, равно как и непонимание ориентиров конституционного правосознания явление крайне небезопасное для государственно-правового пространства, более того, чревато слабопрогнозируемыми последствиями для будущих поколений. Важнейшими ориентирами для нас должны стать искоренение конституционного нигилизма и правового анархизма, дефектов конституционной психологии граждан и как итог последовательная реализация правовых ценностей конституционной идеологии. Едва ли не единственным и верным путем последовательного конституционного развития является непрерывное «воспитание» правосознания, «основанное на формировании юридического мышления» [7].

Мы убеждены, что конституционная компонента всякого национального правосознания является его квинтэссенцией, детерминирующей либо наличие высоких достижений в государственно-правовой области, либо фиксирующей направления деятельности по пути общественной конституционализации.

Такая, достаточно простая схема существования быть ответственными за происходящие в государстве события и понимать пределы своих конституционно-правовых свобод и есть основа полнокровного конституционного правосознания.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. - 1994. - № 2. - С. 5.
2. Добрынин Н. М. Конституционализм и парадигма общественных отношений в России: исторический опыт, конформизм или неизбежность перемен // Конституционное и муниципальное право. - 2020. - № 1. - С. 3.
3. Баринов Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. - Ростов-на-Дону, 2001. - 209 с.
4. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). - Москва — Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. - С. 328.
5. Мамитова Н. В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. - 2005. - № 4.
6. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: Монография. 2-изд., перераб. - М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. - С. 24.
7. Авдеев Д. А. Конституционализация юридического мышления граждан как условие обеспечения прав человека // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 4. - С. 21.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ НА НОВЕЙШЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу проблем проведения административной реформы в соответствии с поставленными целями в современный период российской государственности.

Автор выявляет то, что задачи современных административных преобразований не всегда решаются эффективно. Также констатируется и то, что административная реформа, являясь сломом устоявшейся модели функционирования управленческих органов, объективно представляет собой проблему актуальную не только для России, но и для других государств мирового сообщества.

В статье описывается ряд проблем, возникающих в процессе административных преобразований и предлагаются варианты их решения.

Ключевые слова: административная реформа, трансформация, федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства, функции, государственное администрирование, правоприменение.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE REFORM AND WAYS TO SOLVE THEM AT THE LATEST STAGE OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN PUBLIC ADMINISTRATION

The article is devoted to the analysis of the problems of carrying out administrative reform in accordance with the goals set in the modern period of Russian statehood.

The author reveals that the tasks of modern administrative transformations are not always solved effectively. It is also stated that the administrative reform, being a breakdown of the established model of functioning of administrative bodies, objectively represents a problem that is relevant not only for Russia, but also for other states of the world community.

The article describes a number of problems that arise in the process of administrative transformations and suggests options for their solution.

Keywords: administrative reform, transformation, federal ministries, federal services, federal agencies, functions, public administration, law enforcement.

Дибиров Ю. С.

Проведение административной реформы в Российской Федерации сталкивается со множеством трудностей, но такого рода трудности представляют собой проблему не только в России, с ними сталкиваются практически во всех странах, так как трансформация, преобразование – это всегда слом устоявшихся практик, методов и способов функционирования.

Целями административной трансформации являются: а) повышение доступности и качества услуг, оказываемых российским государством; б) пресечение неконструктивного государственного вмешательства в функционирование хозяйствующих субъектов в сфере экономики и финансов (прекращение избыточности, увеличение экономических эффектов от государственного администрирования).

Очень важное значение административная реформа в России приобретает, в том числе и, реформируя внутренние управленческие отношения, которые являются одним из главных факторов повышения темпа общественного и экономического развития страны.

Анализ принятых в области государственного администрирования нормативных правовых актов, включая организацию их подготовки и реализации, свидетельствует о том, что задачи современных административных преобразований решаются не совсем эффективно.

Проблемы, возникающие при реализации административной реформы, генерируются постоянно, некоторые из них носят субъективный характер, большинство объективный, некоторые временны, а некоторые стойко не решаются, на преодоление некоторых нужно направить значительные

или даже огромные средства, какие-то лежат строго в правовой плоскости и требуют регламентации иным образом.

Реализация административных трансформаций сталкивается с тремя крупными проблемами.

Первая проблема: невозможность осуществления преобразований, которые являются глубокими, системными и сложными без профессиональной платформы в виде специального органа.

Если даже для того, чтобы серьезно реорганизовать предприятие руководителем последнего привлекаются специалисты-управленцы. Государственное администрирование – это гораздо более сложная область. В Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует такой орган государства, на который можно было бы возложить проведение оценки эффективности управления в государственной и муниципальной сферах, готовил бы трансформации в сфере управления и был бы ответственным за все эти функции.

В РФ актуален на сегодня метод работы посредством создания комиссий, которые не всегда могут решать возникающие проблемы на высоком профессиональном уровне и быть ответственными за это.

Вторая проблема вытекает из того, что трансформации государственного администрирования являются сложными, многогранными и пролонгированными, превращаясь в итоге постоянно длящийся процесс. Для оптимизации и увеличения эффективности этого процесса необходимы серьезные системные и концептуальные усилия, а также возможность проводить координацию работы тех или иных ведомств в виде конкретных компетенций. Отсутствие перечисленного

дезорганизирует аппарат государства, вызывает последствия в виде нестабильной работы субъектов государственного администрирования, порождает кадровые и организационные проблемы.

Исследование проблем административных трансформаций свидетельствует о том, что нужно изменять подходы к проведению управленческих преобразований, приняв соответствующую реалиям концепцию и взаимосвязанную с ней стратегию проведения реформы государственного администрирования. Эти документы должны содержать в себе четко прописанные функции, приоритеты, структуру и алгоритмы модернизации всей системы государственных органов исполнительного звена и государственного администрирования вообще, связав все два уровня государственного администрирования – федеральный и региональный, а также органы местного самоуправления.

Третья проблема состоит в том, что направление административных преобразований сфокусировано в одной плоскости, тогда, когда есть и другие плоскости приложения сил, и которые при том могут послужить факторами повышения эффективности производимых трансформаций в сфере государственного администрирования. В частности, такой плоскостью является статус государственного служащего, с его правами, обязанностями и условиями деятельности. Здесь цель заключается в изменении условий работы чиновников, то есть вектор усилий должен быть направлен на организацию работы, на экономическую мотивацию, нравственные и моральные условия, на повышение культуры в корпоративной чиновничьей среде, которые являются в итоге залогом того, что государственный служащий будет работать максимально эффективно.

Ценность таких мер заключается в том, что они могут кардинально поменять отношение конкретного служащего и всего бюрократического аппарата в целом к выполняемым функциям, повысить качество работы и привести к исключению коррупционных проявлений.

Опыт проведения таких реформ в развитых странах может быть привнесен и в российское государственное администрирование.

Конечно, понятно, что этот подход к улучшению условий работы государственных служащих сильно зависит от экономической конъюнктуры в стране, но зарубежный опыт, в особенности сингапурский раскрывает все преимущества этого подхода.

К числу главных достижений административных преобразований, проведенных в 2003-2010 гг. можно отнести регламентацию новой для России системы федеральных органов исполнительной власти, основанной на разграничении их компетенции по направлениям деятельности: по нормативному правовому регулированию, по осуществлению контроля и надзора, по управлению имуществом государства и оказанию государственных услуг [4].

После принятия Указа Президента 09.03.2004 № 314¹ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» прошло много лет и необходимо проанализировать практику его реализации.

В частности, уже в первый год реализации административных трансформаций функция по применению права в виде права издавать индивидуальные правовые акты, вести кадастры, реестры и регистры была отменена. То есть федеральные министерства получили возможность осуществлять функции по применению права [3].

Далее, с 2006 по 2008 гг. было упразднено 7 федеральных агентств, функции которых передавались федеральным министерствам, в чьем ведении они находились. То есть статус федеральных агентств допускает осуществление ими функции правотворчества.

Запрет, закрепленный в Указе Президента РФ № 314 на осуществление федеральными службами и агентствами указанных направлений деятельности, неоднократно критиковался учеными.

В России сегодня можно констатировать то, что федеральные службы и агентства все чаще вовлекаются в процесс правотворчества. По мнению В. П. Уманской около 30 процентов федеральных служб и агентств наделены правотвор-

ческими полномочиями, которыми они на основании президентского указа не были наделены [5].

Такое положение вещей видится представителям науки административного права как возврат к прежней системе, которая не увязывала функциональную определенность и организационную определенность органов исполнительной власти [1].

Аналогичного мнения придерживается и ряд других исследователей [2].

Анализ практики осуществления функции правотворчества федеральных органов исполнительной власти позволяет обозначить достаточно серьезные проблемы, нуждающиеся в решении:

1) Федеральные службы ввиду осуществления функции правоприменения могут быстро обнаружить проблемы, нуждающиеся в правовом регулировании. Однако предусмотренный ступенчатый подход, когда федеральная служба вносит в Правительство РФ или в федеральное министерство проекты правовых актов увеличивает хронологический период реагирования на возникающие проблемы;

2) для осуществления функции правотворчества в определенных сферах деятельности в федеральных министерствах не всегда располагают специалистами с высокой квалификацией, так как действующие работники основной упор делают на решении вопросов стратегического назначения, тогда, когда правоприменение большей частью относится не к их компетенции;

3) недостаточно урегулирована ответственность федеральных министерств за пробелы и качество в нормативно-правовом регулировании.

Между федеральными министерствами и службами, которые находятся в ведении первых, возникают разногласия.

Что касается вопросов разграничения сфер ответственности между федеральными органами, осуществляющих регулирование и федеральными органами, осуществляющих контрольные и надзорные функции, здесь также существуют проблемы, при решении которых нужно учесть следующее:

1) органы контроля должны быть ограничены в осуществлении правового регулирования в вопросах, отнесенных к их ведению, так как это ведет к смещению функций и соответственно к негативным последствиям;

2) контролирующие органы должны обладать независимостью от органов регулирования, так как это может привести к искажению объективных показателей конечной работы органов контроля;

3) регламентировать контроль предпочтительнее на уровне федерального законодательства, а не на уровне федерального ведомства.

Таким образом, путь административных трансформаций в Российской Федерации фактически только начался и нужно привнести еще многое, причем в разных векторах содержательной направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Гензюк Э. Е., Шмалый О. В. К вопросу о контрольно-надзорных функциях органов исполнительной власти // Пробелы в российском законодательстве. - 2012. - № 6. - С. 211.
2. Заверткина Е. В., Куракин А. В., Карпухин Д. В. Проблемы разграничения функций федеральных органов исполнительной власти как итог административной реформы // Современное право. - 2018. - № 1. - С. 19.
3. Перов С. В. Контрольно-надзорные и регуляторные функции федеральных органов исполнительной власти: проблемы разграничения в контексте административной реформы // Lex russica. - 2019. - № 2. - С. 71.
4. Старостин С. А. Административная реформа в Российской Федерации: предварительные итоги, проблемы и перспективы // Материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конференции, посвящ. памяти д. ю. н., проф., заслуж. деятеля науки РФ В. Д. Сорокина (15 марта 2013 г.): в 2 ч. - СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2013. - Ч. 1. - С. 25.
5. Уманская В. П. Система правовых актов органов исполнительной власти: теоретические и прикладные аспекты: Дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2014. - С. 246-248.

1 Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 20.11.2020) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-117-118

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права Института права Самарского государственного экономического университета

ГОЛУБЦОВА Ксения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье анализируются вопросы применения мер административного пресечения. Применение мер административного пресечения осуществляется непосредственно в момент совершения противоправного деяния, при этом для применения таких мер не требуется установления вины правонарушителя. Все меры административного воздействия, направленные на пресечение правонарушений, призваны прекратить совершаемое противоправное деяние, предотвратить наступление общественно опасных последствий. Меры административного пресечения возлагают на должностных лиц применение специальных методов и средств по предотвращению совершаемого противоправного деяния. Осуществление данных мер является необходимым инструментом для защиты жизни и здоровья граждан. Проблема соблюдения прав и свобод граждан в деятельности правоохранительных органов на протяжении длительного времени продолжает быть объектом изучения многих ученых и практиков, поскольку эта тема на сегодняшний день является малоисследованной.

Ключевые слова: меры административного пресечения, противоправное деяние, административное правонарушение, правонарушитель, должностное лицо, гражданин.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public law sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

GOLUBTSOVA Kseniya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE PREVENTIVE MEASURES

The article analyzes the issues of the application of administrative offense measures. The application of administrative preventive measures is carried out directly at the moment of the commission of an illegal act, while the application of such measures does not require the establishment of the offender's guilt. All administrative measures aimed at suppressing offenses and crimes are designed to stop the illegal act being committed, to prevent the onset of socially dangerous consequences. Administrative preventive measures impose on officials the use of special methods and means to prevent the illegal act being committed. The implementation of these measures is a necessary tool to protect the life and health of citizens. The problem of observance of the rights and freedoms of citizens in the activities of law enforcement agencies for a long time continues to be the object of study of many scientists and practitioners, since this topic is currently little explored.

Keywords: measures of administrative restraint, illegal act, administrative offense, offender, official, citizen.

Меры пресечения являются распространенным способом воздействия на субъекты административных правоотношений, что требует за собой дополнительного толкования и устранения противоречий в правовых актах относительно их применения.

Законодательная регламентация не усматривает в своем понимании понятия мер административного пресечения, однако содержание его раскрывается в юридической литературе. Меры административного пресечения характеризуются как способы и приемы воздействия, предусмотренные нормами административного права, направленные на прекращение административного правонарушения в момент совершения противоправного деяния [1].

Меры административного пресечения определяются совокупностью определенных средств, способных прекратить совершение административного правонарушения. Непосредственно сами меры предпринимаются с целью недопущения наступления негативных последствий, противоречащих действующему законодательству [2].

Проявление мер пресечения с административной стороны предполагает осуществление таких средств, приемов и способов лицами, наделенными специальными полномочиями по предупреждению и пресечению административных правонарушений.

В качестве мер пресечения по делам об административных правонарушениях, в соответствии со ст. 27.1 КоАП РФ применяются такие меры, как доставление, административное задержание, личный досмотр, медицинское освидетельствование, и т.д. Таким образом, применяются все меры, направленные на предотвращение наступления общественно опасных последствий в части совершения административного проступка.

Целью применения мер административного пресечения является, прежде всего, пресечение административного правонарушения, то есть направление мер на прекращение его совершения.

В юридической литературе также различают и другие цели, а именно:

- прекращение противоправного деяния;
- ликвидация противоправных действий;
- предупреждение наступления общественно опасных последствий;
- создание условий, направленных на привлечение правонарушителя к административной ответственности [3].

Все цели направлены на устранение совершения самого противоправного деяния, а также последствий. Суть пресечения заключается в недопущении окончания совершения противоправного деяния, то есть способности в определенный момент направить все приемы и способы на прекращение

таких действий. Особенность именно мер административного пресечения заключается в возможности государственных органов применять на правонарушителя меры административного воздействия, с целью прекращения противоправного деяния, то есть в их распоряжении имеется конкретно установленный инструментарий по работе с пресечением административных правонарушений [4].

Поддерживая точку зрения А. В. Кешишяна, отметим, что меры административного пресечения призваны обеспечивать, прежде всего, безопасность, так как предотвращая совершение административных правонарушений или преступлений, государство реализует свою обязанность по обеспечению гарантий охраны жизни и здоровья граждан, а также общества от преступных посягательств [5].

Таким образом, меры административного пресечения характеризуются следующими признаками:

- применение мер административного пресечения актуально в случае возникновения реально опасной ситуации;
- меры пресечения направлены на прекращение совершения противоправного деяния, а также его ликвидацию;
- меры административного пресечения реализуются посредством вмешательства должностных лиц в незаконную деятельность правонарушителя;
- для применения мер административного пресечения не требуется установление вины правонарушителя;
- применение мер административного пресечения происходит непосредственно в момент совершения противоправного деяния;
- характер мер административного пресечения зависит от степени опасности совершаемого противоправного деяния правонарушителем.

В соответствии с данными признаками можно установить, что применение мер административного пресечения осуществляется непосредственно в момент совершения противоправного деяния, при этом, для применения таких мер не требуется установления вины правонарушителя. Все меры административного воздействия, направленные на пресечение правонарушений, призваны прекратить совершаемое противоправное деяние, предотвратить наступление негативных последствий.

Стоит отметить, что при исследовании проблем правового регулирования и обеспечения законности при применении мер административного пресечения в большинстве случаев рассматривается законность таких действий должностных лиц, но не изучается вопрос о способах обеспечения законных прав граждан или юридических лиц, в отношении которых применяются разнообразные меры административного пресечения.

Меры административного пресечения априори выступают в качестве средств обеспечения правопорядка и защиты граждан, общества и государства от противоправных посягательств. Суть применения мер административного пресечения состоит в принуждении лица, совершающего противоправное деяние, прекратить его продолжение, в целях недопущения негативных последствий.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» государственные органы и их должностные лица составляют основу государственной системы и фактически являются самыми многочисленными субъектами в области применения административного ресурса в виде мер административного пресечения [6]. Непосредственно на данные органы власти возлагается обязанность применения мер административного пресечения, а также возникает ответственность за сохранность прав граждан.

При осуществлении деятельности по пресечению правонарушений должностные лица руководствуются, прежде всего, нормами действующего законодательства, предписы-

вающие недопущения ущемления прав и свобод граждан. При осуществлении мер административного пресечения в отношении лица, совершающего противоправные деяния, также не допускается ущемление его прав. Должностное лицо вправе использовать все имеющиеся атрибуты по пресечению противоправной деятельности, между тем, также необходимо понимать, где находятся границы свободного усмотрения в деятельности субъектов применения мер административного пресечения.

Проблема заключается в том, что в отношении конкретно установленных ситуаций законодателем предписана необходимость применения мер административного пресечения и каких именно, в других же случаях меры административного пресечения могут применяться на усмотрение должностного лица. В этом случае должностные лица стоят перед выбором применения рассматриваемых мер, поскольку необходимо учесть в совокупности все факторы, являющиеся предпосылками к применению мер административного пресечения.

Таким образом, повышение качества и уровня законности применения должностными лицами мер административного пресечения может осуществляться посредством обеспечения должностных лиц правовой информацией относительно применения таких мер. В связи с чем, в совокупности применяемых норм субъекты административно-правовых (административно-пресекательных – авт.) отношений смогут усовершенствовать уровень правосознания, что существенным образом окажет влияние на практическом применении рассматриваемых мер.

Пристатейный библиографический список

1. Вечерникова Д. В., Копцов С. В. Проблемы применения доставления как меры административного пресечения, осуществляемой сотрудниками вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации // Общество и право. – 2021. – № 1 (75). – С. 84.
2. Беликова С. Б., Марзаганова А. М. Меры административного пресечения, реализуемые сотрудниками полиции для противодействия правонарушениям несовершеннолетних // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 29. – С. 515.
3. Кайнов В. И., Шеншин В. М. О правовой регламентации некоторых мер административного пресечения, применяемых правоохранительными органами: новации административного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 6 (299). – С. 33.
4. Губарева Т. И., Трусов А. И., Ефимов А. А. Концептуализация института принуждения в административно-правовой науке // Юридическое образование и наука. – 2022. – № 9. – С. 37.
5. Кешишян А. В. Меры административного пресечения в области безопасности дорожного движения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5-4 (56). – С. 17.
6. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 09 марта 2004 г. № 314 // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.01.2023).

ПЛЕХАНОВА Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), г. Москва

РУДНИЦКАЯ Анастасия Павловна

кандидат политических наук, доцент Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), г. Москва

АХМЕТОВА Гулнур Заировна

кандидат экономических наук, доцент Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), г. Москва

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ПЕРЕЧНЯ ДОКУМЕНТОВ, ОБРАЗУЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНОБРНАУКИ РОССИИ И ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ЕМУ ОРГАНИЗАЦИЙ С УКАЗАНИЕМ СРОКОВ ХРАНЕНИЯ*

В современных условиях представляется актуальным составление ведомственного перечня документов, который составит основу документооборота Минобрнауки России и подведомственных ему организаций. Предложенное исследование является попыткой обобщить исторический опыт составления перечней документов, рассмотреть подходы к составлению ведомственного перечня на примере Минобрнауки России и подведомственных ему организаций, этапы его разработки. Исследование носит не только теоретический характер, но и имеет практическое значение, так как полученные результаты могут быть применены Минобрнауки России и подведомственными ему организациями, другими федеральными органами исполнительной власти, иными субъектами научной, научно-технической и образовательной сферы для ведения делопроизводства, составления типовых номенклатур дел с указанием сроков хранения, при разработке сводных, индивидуальных номенклатур дел организаций, экспертизе ценности документов для отбора на временное / постоянное архивное хранение.

Ключевые слова: перечень документов, срок хранения, схема звенности перечня документов, номенклатура дел, управленческая документация, образование, наука, нормативно-правовое регулирование.

PLEKHANOVA Elena Alexandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Russian Research Institute of Economics, Policy and Law in the Scientific and Technical Field (RIEPP), Moscow

RUDNITSKAYA Anastasiya Pavlovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of the Russian Research Institute of Economics, Policy and Law in the Scientific and Technical Field (RIEPP), Moscow

AKHMETOVA Gulnur Zairovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Russian Research Institute of Economics, Policy and Law in the Scientific and Technical Field (RIEPP), Moscow

DEVELOPMENT OF A DRAFT LIST OF DOCUMENTS GENERATED IN THE COURSE OF THE ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIA AND ITS SUBORDINATE ORGANIZATIONS, INDICATING THE PERIODS OF STORAGE

In modern conditions, it seems relevant to draw up a departmental list of documents, which will form the basis of the document flow of the Ministry of Education and Science of Russia and its subordinate organizations. The proposed study is an attempt to summarize the historical experience of compiling lists of documents, to consider approaches to compiling a departmental list using the example of the Russian Ministry of Education and Science and its subordinate organizations, and the stages of its development. The study is not only theoretical in nature, but also has practical significance, since the results obtained can be applied by the Ministry of Education and Science of Russia and its subordinate organizations, other federal executive authorities, other subjects of the scientific, scientific, technical and educational sphere for record keeping, drawing up standard nomenclatures cases indicating the periods of storage, in the development of consolidated, individual nomenclatures of the files of organizations, examination of the value of documents for selection for temporary / permanent archival storage.

Keywords: list of documents, storage period, link scheme of the list of documents, nomenclature of cases, management documentation, education, science, legal regulation.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания № 075-01614-22-06 от 28.10.2022 (проект «Научно-методическое обеспечение разработки проекта Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России, а также документов, образующихся в процессе деятельности организаций, подведомственных Минобрнауки России, с указанием срока хранения за исключением документов, регулирующих научно-техническую деятельность»).

Введение. Актуальность разработки проекта Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки России) и в подведомственных ему организациях с указанием срока хранения, обусловлена отсутствием нормативно закрепленных указаний для организаций, подведомственных Минобрнауки России, о хранении документов, специфических для образовательной и научно-технической сферы.

В соответствии с ч. 1 ст. 23, ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 22.10.2004 №125 «Об архивном деле в Российской Федерации» Государственные органы Российской Федерации разрабатывают и утверждают перечни документов, созданных в процессе их деятельности.¹

В связи с поручением Правительства РФ от 26.03.2020 № ДЧ-П-44-2409 (№ 27626-вх-пр от 30.03.2020) ФОИВ должен разработать или переработать перечень документов с указанием сроков их хранения, предусмотренных ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ². Для выполнения указанного поручения Росархив в 2020 г. направил во все ФОИВ письмо с рекомендациями по организации разработки (переработки) Перечней и необходимостью представления вносимых ими изменений в действующие

71 ФОИВ, не имеющим современных Перечней документов, было рекомендовано завершить их разработку не позднее 1-го квартала 2022 г. На 19.09.2022 г. было утверждено 11 перечней документов³.

В связи с этим, составление универсального Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций с указанием сроков хранения (далее – проект Перечня документов) является актуальной задачей.

Объектом исследования является массив документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций. Цель исследования состоит в разработке проекта Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций.

Созданный проект Перечня документов будет способствовать формированию Перечня электронных документов Минобрнауки России и подведомственных ему организаций, а также облегчит переход на электронный документооборот.

Инструменты мониторинга

Исходными данными для разработки проекта Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций с указанием срока хранения, послужили нормативные акты, регулирующие сферу науки и образования Российской Федерации, локальные нормативные акты, номенклатуры дел Минобрнауки России и подведомственных ему организаций. Проанализированы нормативные правовые

акты, определяющие функции Минобрнауки России, его подведомственных организаций, локальные акты Минобрнауки России, определяющие функционал его департаментов, сводная номенклатура дел Минобрнауки России, номенклатура дел научных и образовательных организаций, иных подведомственных Минобрнауки России организаций (поликлиник, больниц, санаториев, домов культуры, учреждений ЖКХ и т. д.). Для углубленного понимания специфики деятельности подведомственных Минобрнауки России организаций были изучены данные их официальных интернет-сайтов, уставы, заявленные виды деятельности.

Результаты исследования

Первый отечественный опыт структурирования документов, возникающих в сфере государственного управления, реализован в СССР в 1943 году под названием «Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности народных комиссариатов и других учреждений, организаций и предприятий СССР, с указанием срока хранения материалов». После вышеуказанного в оборот вводились новые перечни, часть отменялась. (Типовой перечень документов).

Вышеупомянутые перечни устанавливают сроки хранения для Типовые перечни определяют сроки хранения документации [1]. На основе типовых перечней прорабатываются и затем принимаются ведомственные перечни, которые в свою очередь, согласовываются с Росархивом [2].

Специфика разрабатываемого Перечня документов, регулирующих образовательную, научно-техническую сферу, предопределяет широкое использование данных о документации, образующейся в процессе осуществления деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций.

Важным объединяющим свойством для всех документов, образующихся в ходе реализации универсальных функций центрального аппарата Минобрнауки России, подведомственных ему научных и образовательных организаций высшего образования, иных организаций, как осуществляющих, так и не осуществляющих научно-техническую деятельность, является определение сроков их хранения.

18 подведомственных Минобрнауки России организаций осуществляют постоянное хранение документов Архивного фонда РФ, находящихся в государственной собственности. Кроме того, они имеют право осуществлять решение о включении документов в состав Архивного фонда Российской Федерации, имеют также экспертные фондово-закупочные комиссии (ЭФЗК) и экспертно-проверочные комиссии (ЭПК).

Укрупненно процесс разработки Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных ему организаций, с указанием сроков хранения можно представить в виде пяти этапов:

1. Составление проекта перечня документов, образующихся в процессе осуществления деятельности Минобрнауки России и подведомственных организаций, с указанием

1 Приказ Росархива от 22.05.2019 № 71 «Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления».

2 Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об архивном деле в Российской Федерации».

3 Размещенных в «Консультант плюс».

срока хранения, за исключением документов, регулирующих научно-техническую деятельность.

2. Корректировка сформированного проекта Перечня документов по рекомендациям и предложениям рабочей группы Минобрнауки России и его структурных подразделений.

3. Рассмотрение представленного проекта Перечня документов Центральной экспертной комиссией (ЦЭК) Минобрнауки России и ЦЭПК при Росархиве.

Правовую основу процесса разработки проекта Перечня документов, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России составили следующие нормативные акты, документы:

– Приказ Росархива от 20.12.2019 № 236 «Об утверждении Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения»;

– Методические рекомендации по подготовке перечней документов, образующихся в процессе деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также в процессе деятельности подведомственных им организаций, с указанием сроков их хранения, разработанные Росархивом и ВНИИДАД;

– Приказ Росархива от 22.05.2019 № 71 «Об утверждении Правил делопроизводства в государственных органах, органах местного самоуправления»;

– Приказ Минкультуры России от 31.03.2015 № 526 «Об утверждении правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях»;

– Сводная номенклатура дел Минобрнауки России и др.

Специфика работы по созданию проекта Перечня документов состояла в необходимости унификации видов документов и сроков их хранения для подведомственных Минобрнауки России организаций, которые сильно отличаются как по видам деятельности (высшие учебные заведения, учреждения дополнительного профессионального образования, научно-исследовательские организации, дома ученых, библиотеки, архивы, издательства, племенные хозяйства, ведомственные поликлиники, больницы, пансионаты, санатории, жилищно-коммунальные управления и хозяйства, детские сады и др.), так и по организационно-правовым формам (федеральные государственные бюджетные учреждения, федеральные государственные унитарные предприятия).

Проект Перечня документов содержит специальную документацию, отражающую деятельность ведомства и подготовлен в соответствии со сформированной и утвержденной ЦЭПК Росархива структурой, охватывающей 19 разделов, подразделы в них и звенность или состав уровней управления и организаций и их деятельность. Наполнением Перечня документов послужили документы, образующиеся в ходе реализации универсальных функций

центрального аппарата Министерства, научных и образовательных организаций высшего образования, иных организаций, как осуществляющих, так и не осуществляющих научно-техническую деятельность.

Для составления Перечня документов осуществлялось создание списка нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Минобрнауки России и подведомственных ему организаций, содержащихся в справочной правовой системе «КонсультантПлюс», в том числе Регламента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, положений о департаментах Минобрнауки России. В процессе работы были изучены ведомственные перечни документов, размещенные в справочной правовой системе «КонсультантПлюс», утвержденные за последние годы, обобщены принципы их формирования, которые применены при разработке проекта Перечня документов.

При осуществлении работы были запрошены и изучены действующие номенклатуры дел Минобрнауки России, ведущих научных организаций, образовательных организаций высшего образования, иных организаций, чья деятельность включает в себя научную компоненту, организаций, не осуществляющих научно-техническую деятельность на предмет выявления документов, образующихся в процессе осуществления деятельности. В результате в проект Перечня документов, образующихся в процессе осуществления образовательной и научной, научно-технической деятельности организациями, подведомственными Минобрнауки России, с указанием сроков их хранения, вошли формулировки наименований ряда документов, содержащиеся в исследованных номенклатурах дел организаций.

В выборку организаций, чьи документы были запрошены для анализа, отобраны государственные учреждения науки, подведомственные Минобрнауки России, вошедшие в перечень ведущих организаций по оценке результативности деятельности научных организаций по показателям, представленным в базе данных, содержащей сведения об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения (БД РД НО).

Данные научные организации были признаны ведущими на основе анализа, проведенного в соответствии с методикой определения ведущих организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, определенной в протоколе заседания межведомственной комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций от 20.12.2019 № МН-П-28-МК, а также критериям отнесения организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы, к ведущим организациям, определенных в протоколе заседания Межведомственной комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций от 27.03.2019.

Организации высшего образования для запроса номенклатур дел были отобраны по принципу географического охвата территории страны, разнообразию их отраслевой принадлежности. Были составлены списки подведомственных Минобрнауки России организаций на основе изучения уставов организаций, размещенных в открытом доступе в сети Internet, а также видов экономической деятельности организаций в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД) путем запроса сведений из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) на сервисе Федеральной налоговой службы России.

В число подведомственных организаций входят 854 организации различных организационно-правовых форм. Более половины (59,3 %) составляют научные организации, четверть (25,9 %) – образовательные организации высшего образования. В составе многих организаций высшего образования имеется достаточно разветвленная сеть филиалов по всей стране.

Документы, имеющие непосредственное отношение к реализации функций Минобрнауки России по организации системы управления, планирования и финансового обеспечения деятельности, разделены на три раздела (разделы 1–3).

Для разработки Перечня документов, образующихся при осуществлении учета и отчетности, трудовых отношений, кадрового обеспечения (разделы 4–6) в процессе деятельности Минобрнауки России и подведомственных организаций с указанием сроков хранения, важное значение имели локальные нормативные акты подведомственных Минобрнауки организаций, регламентирующие режим и условия труда, состав и структуру кадров, функции и задачи подразделений, должностные обязанности работников и т.д. Данные разделы включают документы по трудовым отношениям, организации труда и служебной деятельности, оплате и нормированию труда, пенсионному обеспечению, охране труда, противодействию коррупции, установлению и повышению квалификации, профессиональной переподготовке, проведению аттестации работников Минобрнауки России и подведомственных ему организаций, награждению.

Разделы 7–9, отражающие регулирование научно-технической сферы в соответствии со спецификой функций, возложенных на Минобрнауки России: «Государственная научно-техническая политика»; «Научная, научно-техническая деятельность и ее сопровождение»; «Разработка и производство экспериментальных, опытных образцов и новых технологий» были подготовлены в рамках государственного задания на 2021 г. № 075-00897-21-06 «Разработка проекта Перечня документов, регулирующих научно-техническую сферу, образующихся в процессе деятельности Минобрнауки России, а также документов, образующихся в процессе деятельности организаций, подведомственных Минобрнауки России, с указанием срока хранения», заказчиком которого являлся Минобрнауки России.

Разделы 10–12 Перечня документов («Осуществление образовательной деятельности») имеют отношение к мо-

лодежной политике общих бюджетных организаций и направленных на социальную поддержку молодежи.

Была выделена общая категория организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в которую включаются сами образовательные организации, т. е. некоммерческие организации, основная уставная деятельность которых – осуществление образовательной деятельности; организации, осуществляющие обучение – это любые организации, осуществление образовательной деятельности для которых является дополнительным видом деятельности. Для данных организаций был сформирован перечень документов, который, в настоящее время, возможно, будет меняться, т. к. федеральными органами власти обозначен уход от Болонской системы образования, действующей в России с сентября 2003 г.: «24 мая министр науки и образования Валерий Фальков впервые заявил о планах ухода России от Болонской двухуровневой системы высшего образования – бакалавриата и магистратуры, – а уже 25 мая Госдума начала работу по полному выходу из нее» [3].

При наполнении раздела 13 «Международное сотрудничество» использовались документы, формирующиеся в процессе деятельности Департамента международного сотрудничества Минобрнауки России, вузов, научно-исследовательских организаций и др. В соответствии с п. 4.13 Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, Минобрнауки России взаимодействует в установленном порядке с государственными органами иностранных государств, международными и иностранными организациями.

На основании подп. 6 п. 6 Положения о Министерстве иностранных дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11.07.2004 № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» полномочия по расширению научно-технического обмена Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями также предусмотрены для Министерства иностранных дел Российской Федерации, однако Министерство иностранных дел не имеет в своей структуре подразделений, непосредственно осуществляющих указанные полномочия.

Таким образом, Минобрнауки России в большей степени осуществляет деятельность в сфере международного научно-технического сотрудничества и международного сотрудничества в сфере высшего образования, которые находят свое выражение в различных видах документов.

Раздел 14 «Информационная деятельность» включает документы по информационной деятельности: сбору (получению) и распространению информации, рекламе; издательской деятельности; библиотечному обслуживанию; музейной деятельности. Раздел 15 «Производство продукции (товаров, работ, услуг) организациями» включает документы по производству продукции (товаров, работ, услуг) организациями.

Раздел 16 «Материально-техническое обеспечение деятельности» содержит документы, связанные с материально – техническим обеспечением процесса. Раздел 17

«Административно-хозяйственные вопросы» включают документы по содержанию зданий, сооружений и т.д. Раздел 18 «Обеспечение режима безопасности организации, гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций» содержит документы, раскрывающие организацию охраны, пропускного режима, защиты от терроризма и пожарной безопасности. Раздел 19 «Социально-бытовые вопросы» содержит документы об оказании социальных услуг и социальной помощи работникам: социальное страхование, социальная защита; оказание жилищно-коммунальных услуг; еда и т.д.

Заключение

За прошедшие десятилетия изменились процессы в образовательной и научной сферах, подходы к комплектованию архивов, экспертизе ценности документов, изменились типы, виды документов, документооборот. Разработанный Перечень документов был создан впервые с 1956 г. Его также дополнили проект общих положений, список сокращений и указатель видов документов по статьям проекта Перечня документов. В ходе разработки проекта в него вносились корректировки с учетом замечаний, полученных от представителей Минобрнауки России и иных рецензентов проекта. Разработанный проект Перечня документов прошел апробацию в подведомственной Минобрнауки России организации ФГБУ РИЭПП.

Уникальность разработанного Перечня документов в том, что он разработан также для таких подведомственных Минобрнауки России организаций, как библиотеки и музеи, в том числе библиотеки и музеи Российской академии наук, медицинские организации, детские сады, детские оздоровительные лагеря, дома ученых, пансионаты, производственные организации, сельскохозяйственные организации, дендрарии и ботанические сады, в том числе федерального значения, лесничества и охотоведные хозяйства, опытные станции и ряда других.

Разработанный Перечень документов будет ориентиром и фундаментом для делопроизводства как центрального аппарата Минобрнауки России, так и подведомственных организаций сектора науки и высшего образования России. Его применение будет способствовать оптимизации и унификации состава управленческих документов и сроков их хранения, источниковедческой работы в Минобрнауки России и подведомственных ему организациях, практики работы архивов по проведению экспертизы научной и исторической ценности документов и пополнения Архивного фонда РФ ценной документальной информацией.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева Л. П., Муравьева Н. А., Савостина Е. А. Особенности создания и применения ведомственных перечней документов со сроками хранения на современном этапе // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 5. С. 13-21.
2. Самсонова Т. Н. Управление документами в аспекте развития нормативной базы делопроизводства // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2021. № 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-dokumentami-v-aspekte-razvitiya-normativnoy-bazy-deloproizvodstva> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Россия отказывается от Болонской системы – бакалавриата и магистратуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2022/05/26/bolonsky> (дата обращения: 10.11.2022)
4. Солдатова С. Э., Ушакова С. Е. Анализ и разработка методического подхода к формированию структуры перечня документов, регулирующих научно-техническую сферу, образующихся в процессе деятельности федеральных органов исполнительной власти и подведомственных им организаций // Управление наукой и наукометрия. 2021. № 4.
5. Бурова Е.М. Перечни документов со сроками хранения // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2009. № 3. С. 52-62.
6. Мещерина, Т. А. Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения: история подготовки, основные положения // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 37-43.
7. Альбрехт Б. В., Романова Е. А., Симонова Е. Р. Новый «Перечень типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения» // Вестник ВНИИДАД. 2020. № 3. С. 8-20.

ПОНОМАРЁВ Олег Владимирович

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета

ЮРТАЕВ Вячеслав Александрович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПОЛНОМОЧИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РАСШИРИТЬ НЕЛЬЗЯ ОГРАНИЧИТЬ

Целью данной работы является анализ действующего законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации для выработки предложений по совершенствованию полномочий ФНС в сфере выявления и раскрытия налоговых преступлений. Авторами подвергается критической оценке нынешнее положение ФНС в данном процессе, предлагаются концептуально новые направления деятельности органа, а также приводится сравнительный и ретроспективный анализ деятельности органов ФСП РФ и органов ФНС. Полученные результаты предлагаются для использования в дальнейшей деятельности законодателя по реформированию и преобразованию деятельности органов ФНС, а также улучшению межведомственного сотрудничества в области противодействия преступлениям налоговой направленности. По результатам научного моделирования, авторами сформулированы умозаключения, на основании которых предлагаются конкретные изменения в нормативно-правовую базу Российской Федерации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, ОРД в ФНС, налоговые преступления, налоговая полиция, выявление налоговых преступлений, полномочия ФНС, взаимодействие ФТС и ФНС.

PONOMAREV Oleg Vladimirovich

senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Far Eastern Federal University

YURTAEV Vyacheslav Alexandrovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

SERGEEVA Kseniya Alexeevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE POWERS OF THE FEDERAL TAX SERVICE TO IDENTIFY AND DISCLOSE TAX CRIMES: EXPANDABLE, CANNOT BE LIMITED

The purpose of this work is to analyze the current legislation and law enforcement practice in the Russian Federation in order to develop proposals for improving the powers of the Federal Tax Service in the field of detecting and disclosing tax crimes. The authors critically assess the current position of the Federal Tax Service in this process, propose conceptually new areas of activity of the body, and also provide a comparative and retrospective analysis of the activities of the bodies of the Federal Tax Service of the Russian Federation and the bodies of the Federal Tax Service. The results obtained are proposed for use in the further activities of the legislator to reform and transform the activities of the Federal Tax Service, as well as to improve interdepartmental cooperation in the field of combating tax crimes. Based on the results of scientific modeling, the authors formulated conclusions, on the basis of which specific changes are proposed to the regulatory framework of the Russian Federation.

Key words: operational-search activity, operational-search activity in the FTS, tax crimes, tax police, detection of tax crimes, powers of the FTS, interaction between the Federal Customs Service and the FTS.

Налоговые правоотношения являются по истине «жизненно важными» для государства. От своевременного и полнообъемного получения налоговых платежей зависит функционирование многих сфер жизни общества. О важности совершенствования налогового регулирования подчёркивалось в последнем послании Президента РФ к Федеральному Собранию, что, очевидно, говорит о необходимости должной защиты данной сферы деятельности государства и более детального контроля с его стороны от действий недобросовестных налогоплательщиков. Одним из проявлений такого «действия» является совершение преступления [1].

По данным судебной статистики, предоставленной на официальном интернет-портале Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за январь-декабрь 2021 года было осуждено порядка 320 лиц за совершение налоговых преступлений, предусмотренных статьями 198–199.4 УК РФ. Каза-

лось бы, капля в море, но за аналогичный период, по данным статистики, предоставляемой органами внутренних дел Российской Федерации, субъектами учёта зарегистрировано 5543 сообщений о преступлениях налоговой направленности. Крах очевиден – лишь 6% процентов от удельной массы фигурантов были направлены на скамью подсудимых. Таким образом, нами обращается особое внимание на низкую раскрываемость преступлений налоговой направленности [2, 3].

Размышления о причинах найденного феномена наводят нас на мысль о специфической криминалистической характеристики рассматриваемых составов преступлений. Налоговые преступления отличаются сложностью, разнообразием следовой картины, динамикой способов совершения, организованностью, невозможностью применения частных практик расследования, в силу уникальности каждого, и латентностью. Подобное описание вполне оправдывает

ранее упомянутую удельную долю раскрытых преступлений и приводит нас к выводу о необходимости более профессионального подхода к выявлению и раскрытию налоговых преступлений [4].

Обратим внимание на имеющуюся картину в системе органов государственной власти РФ. В соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 151 УПК по делам, предусмотренным ст. 198-199.4 УК, предварительное следствие проводится следователями Следственного комитета РФ. Анализ данного пункта подтверждает мысль о явной необходимости более профессионального подхода к расследованию налоговых преступлений, так как, по мнению законодателя, следователь Следственного комитета РФ является экспертом в преступлениях коммерческой направленности, экологических, должностных и многих других преступлениях, требующих узкопрофильной профессиональной подготовки. Перед нами наглядный пример влияния количества на качество работы.

При дальнейшем исследовании уголовно-процессуального законодательства, в ч. 1.3 ст. 140 УПК, мы находим относительно «свежую» формулировку о том, что возбуждение уголовного дела по преступлениям, предусмотренным ст. 198-199.4 УК, возможно только после получения материалов, направленных налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Это невольно наводит нас на вывод о том, что юридически полномочия по возбуждению уголовных дел находятся у следственных органов, а фактически – у налоговых. Иначе говоря, инициатором уголовного преследования сделали налоговые органы.

Находясь в механизме привлечения к уголовной ответственности по преступлениям налоговой направленности, ФНС имеет широкий перечень межведомственных соглашений, которые, по нашему мнению, делают её «оторванной» от общего механизма, в связи с ограниченностью полномочий и невозможностью в дальнейшем участвовать в процессе привлечения к уголовной ответственности.

Обнаруженная картина представляется для нас интересной, так как мы видим, что участие ФНС в процессе выявления и раскрытия преступлений является посредственным, то есть лишённым вовлечённости, заключающимся в исключительном оформлении и передаче сообщений, на основании которых принимаются дальнейшие юридические важные решения в отношении уголовного дела. В этот довод прекрасно ложится формулировка из п. 3 ст. 32 НК из которой прямо следует, что полномочия ФНС в части привлечения к уголовной ответственности заканчиваются на выставлении требования по итогам проверки. Дальнейшие действия налогоплательщика по его неисполнению, влекут передачу материалов в следственный орган, если сумма недоимки больше порогов, предусмотренных ст. 198-199.4 УК РФ.

Данные выводы о «превентивной» роли ФНС в выявлении и раскрытии налоговых преступлений легли в основу решения о моделировании ситуации внедрения в Федеральную налоговую службу полномочий о ведении оперативно-розыскной деятельности.

Очевидно, что возбуждению уголовного дела предшествует получение сообщения о преступлении, которое также может быть получено посредством оперативно-розыскной деятельности, которая представляет под собой проведение оперативно-розыскных мероприятий, задачей которых является: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, добывание информации о событиях или дей-

ствиях (бездействии), создающих угрозу экономической безопасности Российской Федерации и др.

Нам представляется, что проверочная деятельность органов ФНС на современном этапе представляет из себя суррогат оперативно-розыскной деятельности. Анализ ст. 89-101 НК наводит на мысль о схожести содержания этих статей с содержанием ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако, существует ряд отличий.

Во-первых, в случае с НК мы имеем дело с мероприятиями налогового контроля, которые могут быть реализованы исключительно в рамках выездной или камеральной налоговой проверки, в то время как оперативно-розыскные мероприятия не имеют аналогичной привязки к какому-либо процессу и являются динамичной и постоянной деятельностью органа, осуществляющего ОРД.

Во-вторых, целью мероприятий по налоговому контролю является контроль за соблюдением налогоплательщиком, плательщиком сборов, плательщиком страховых взносов или налоговым агентом законодательства о налогах и сборах, а целью оперативно-розыскной деятельности – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

В-третьих, основанием проведения мероприятия по налоговому контролю, по логике главы 14 НК, является решение руководителя (заместителя руководителя) налогового органа, а основанием проведения оперативно-розыскного мероприятия в свою очередь является целый ряд оснований, установленный ст. 7 ФЗ «Об ОРД».

Анализ отличий позволяет сделать вывод о том, что оперативно-розыскные мероприятия имеют более широкое содержание, нежели мероприятия по налоговому контролю. Они не поддаются соотнесению в силу совершенно разных областей регулирования. Де-факто, они схожи, так как направлены на получение юридически значимой информации о действиях (бездействиях) определённых субъектов, но, де-юре, это два совершенно разных процесса. В связи с этим, мы считаем, что область полномочий по осуществлению ОРД необходимо передать ФНС. Данный шаг, по нашему мнению, позволит уменьшить бюрократическую нагрузку межведомственного взаимодействия, улучшит показатели раскрываемости за счёт более профессионального подхода, даст возможность налоговому органу оформлять сообщения о преступлениях не только в рамках проведения проверок, а также позволит вести негласную контрольную деятельность, способствующую более эффективному изобличению злоумышленников.

На современном этапе подобные процедуры регулируются совместным приказом МВД и ФНС установлен порядок предоставления результатов ОРД в ФНС для принятия решений о наличии отсутствии в действиях лица какого рода нарушений. Аналогичный приказ с аналогичным содержанием существует и в структуре взаимодействия ФНС и ФТС. Мы считаем, что данные вопросы ФНС может решать без иницирования межведомственных запросов, путём самостоятельных действий¹.

1 Приказ МВД России № 317, ФНС России N ММВ-7-2/481@ от 29.05.2017 «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности налоговому органу»; Приказ Федеральной налоговой службы и Федеральной таможенной службы от 20 ноября 2017 г. №№ ММВ-7-2/950@/1815 «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности налогового органу»).

Авторы обращают внимание, что такой шаг в области государственного строительства уже наблюдался в истории Российской Федерации. Законом Российской Федерации от 24 июня 1993 г. № 5238-1 «О федеральных органах налоговой полиции» был учреждён Департамент налоговой полиции Российской Федерации, который в дальнейшем был переименован в Федеральную службу налоговой полиции Российской Федерации (ФСНП). В соответствии с нормативно-правовой базой орган был наделён полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности [5].

Упразднение данной службы в целях совершенствования выявления, предупреждения и пресечения налоговых преступлений и правонарушений, по нашему мнению, лишь повернуло данный процесс в обратное русло, печальный результат которого мы можем видеть в статистических данных².

Продолжая мысль о моделировании, стоит обратить внимание на последующие этапы действий после получения сообщения о преступлении. Как упоминалось ранее, полномочия на принятие решений в отношении уголовного дела переданы должностным лицам Следственного комитета РФ, которые могут принять решение на основании полученных ими из ФНС материалов о наличии в действиях лиц состава налогового преступления.

Данная конструкция не выдерживает одного весомого довода – как быть, если этот материал не может быть оформлен и (или) направлен? Например, органом ФНС получена информация о готовящемся преступлении или заявление о таком преступлении. По ведомственным каналам, руководствуясь ч. 3 ст. 32 НК, чисто формально передать такое сообщение невозможно. Нам представляется очевидным, что своевременная реакция на такое сообщение – залог успешного раскрытия уголовного дела.

По нашему мнению, ст. 32 НК должна быть дополнена ч. 3.1 и изложена следующим образом: «В случае получения налоговым органом информации о готовящемся налоговом правонарушении, размер которого позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, руководитель (заместитель руководителя) налогового органа обязан в течение 48 часов с момента получения такой информации направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Мы считаем, что данная норма позволит усовершенствовать имеющиеся полномочия ФНС в области выявления преступлений налоговой направленности. Упоминание руководителей, по нашему мнению, позволит сбалансировать возможность злоупотреблений со стороны налогового органа, так как прямо возлагает ответственность на лицо, принявшее такое решение.

Подводя итоги нашего рассуждения, мы приходим к ряду следующих выводов. Во-первых, внедрение полномочий по осуществлению ОРД в налоговые органы позволит более своевременное выявлять налоговые преступления, и как следствие реагировать на них.

Во-вторых, выход за рамки налоговых проверок позволит иметь «статичную» функцию в системе ФНС, направленную на гласное, так и негласное наблюдение за налогоплательщиками, деятельность которых вызывает нездоровый интерес. Как следствие, это повлечёт за собой перестроение имеющейся системы получения и обработки сообщений о налоговых преступлениях и позволит ликвидировать бюрократизм, вызванный громоздкой структурой межведомственного взаимодействия. Более профессиональный подход к решению такого рода задач в длительной перспективе обещает более высокий уровень выявления таких преступлений, но влечёт также и длительность процесса перестроения имеющейся системы.

Учитывая исторический опыт противодействия преступлениям в налоговой сфере, представляется разумным наделить ФНС полномочиями по осуществлению ОРД посредством создания профильных подразделений ФНС России.

Пристатейный библиографический список

1. Ежегодное послание Президента РФ к ФС за 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/51307> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Отчёт о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/userimages/10-a/10-a-svod-2021.xls> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/sb_21_12.pdf (дата обращения: 16.11.2022).
4. Ефимова В. В. Криминалистические особенности современных налоговых преступлений и их отличие от иных налоговых правонарушений // *Налоги*. - 2022. - № 1. - С. 39.
5. Бажанов С. В. Краткий экскурс в новейшую историю налоговых органов Российской Федерации // *Безопасность бизнеса*. - 2020. - № 3. - С. 55.

2 Указ Президента РФ от 11.03.2003 N 306 (ред. от 07.12.2016) «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации»).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-127-130

ПОСУЛИХИНА Наталья Семёновна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры медицинского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ*

В статье рассматриваются проблемы реализации прав граждан на доступную и качественную медицинскую помощь, в том числе с использованием телемедицинских технологий. В настоящее время до конца не решен вопрос о правовом статусе телемедицинских технологий, что создает серьезные риски нарушения прав граждан в рассматриваемой сфере. Показано, что для совершенствования механизмов правовой защиты вышеуказанных категорий граждан, законодателю требуется отличать оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий и иных форм цифрового (дистанционного) взаимодействия врача и пациента. Автором также обосновывается необходимость конкретизации правового статуса телемедицинских услуг в общей структуре медицинской помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации.

Ключевые слова: телемедицинские технологии, защита прав, цифровое взаимодействие, искусственный интеллект, оператор информационной системы.

POSULIKHINA Natalya Semyonovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Medical law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ACTUAL PROBLEMS OF PROVIDING MEDICAL CARE USING TELEMEDICINE TECHNOLOGIES

The article deals with the problems of realizing the rights of citizens to affordable and high-quality medical care, including using telemedicine technologies. At present, the issue of the legal status of telemedicine technologies has not been fully resolved, which creates serious risks of violating the rights of citizens in this area. It is shown that in order to improve the mechanisms of legal protection of the above categories of citizens, the legislator needs to distinguish between the provision of medical care using telemedicine technologies and other forms of digital (remote) interaction between a doctor and a patient. The author also substantiates the need to specify the legal status of telemedicine services in the overall structure of medical care provided to citizens of the Russian Federation.

Keywords: telemedicine technologies, rights protection, digital interaction, artificial intelligence, information system operator.

Посулихина Н. С.

Распространение новой коронавирусной инфекции во всем мире стало катализатором организационно-правовых трансформаций в сфере управления здравоохранением. Несмотря на то, что больше половины опрошенных граждан (53 %) положительно оценили деятельность государственных органов, занимающихся проблемами, вызванными эпидемией коронавируса, в 2021 году¹, система здравоохранения столкнулась с целым рядом организационно-правовых трудностей в сфере обеспечения доступной и качественной медицинской помощи населению, что и по сей день создает риски нарушения конституционного права на бесплатную медицинскую помощь.

Так, распространение новой коронавирусной инфекции потребовало от системы здравоохранения перепрофилирования основного коечного фонда, занятого в сегменте оказания плановой медицинской помощи, в целях обеспечения необходимых мощностей для оказания неотложной помощи пациентам с признаками новой коронавирусной инфекции. Данное обстоятельство привело к ограничению права пациентов на оказание плановой медицинской помощи по различным иным профилям медицинской деятельности. Одним из решений вопроса по обеспечению доступа граждан к плановой медицинской помощи в указанных условиях стало

активное внедрение телемедицинских технологий в организации здравоохранения. Однако несовершенство действующего нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере привело к серьезным системным проблемам по получению гражданами гарантированного минимума качественной медицинской помощи.

Во-первых, следует отметить, что в настоящее время до конца не решен вопрос о правовом статусе телемедицинских технологий, что в свою очередь создает серьезные риски нарушения прав граждан в рассматриваемой сфере. Так, следует отличать оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий и иных форм цифрового (дистанционного) взаимодействия врача и пациента.

Так, Приказ Минздрава России от 19.03.2020 № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» неоднократно указывает, что наряду с применением телемедицинских технологий медицинская помощь пациентам с подтвержденным диагнозом новой коронавирусной инфекции COVID-19 оказывается с использованием иных способов дистанционного взаимодействия. При этом законодатель не определяет четкий перечень этих способов и правила оказания медицинской помощи с их использованием. Данное обстоятельство привело к тому, что целый блок отношений, складывающихся между пациентом и медицинской организацией, оказался вне поля правового регулирования, а значит в случае неблагоприятного исхода

* Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

1 Исследование ФОМ Интегральные индексы // Сайт ФОМ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://covid19.fom.ru/post/borba> (дата обращения: 01.12.2022).

по итогам соответствующего взаимодействия отсутствуют какие-либо правовые гарантии возмещения причиненного ущерба ввиду предоставления некачественной медицинской услуги.

Более того, правовой статус телемедицинских технологий также урегулирован фрагментарно, что создает определенные риски при их практическом использовании медицинскими организациями. Так, телемедицинская технология может рассматриваться в трех различных правовых статусах, требующих различных подходов к нормативно-правовому регулированию:

1) телемедицинская услуга как форма оказания медицинской помощи. Настоящий подход представлен в настоящее время в профильном приказе Минздрава России, посвященном оказанию медицинской помощи с использованием рассматриваемых технологий. Так, в соответствии с пунктом 4 Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утв. Приказом Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий», медицинская организация оказывает медицинскую помощь с применением телемедицинских технологий по видам работ (услуг), указанным в лицензии на осуществление медицинской деятельности².

Однако соответствующий подход к определению правового статуса телемедицинских услуг требует установления соответствующих требований к медицинским организациям, оказывающим медицинскую помощь с применением соответствующих технологий. Однако ныне действующее Постановление Правительства о лицензировании медицинской деятельности³ не содержит каких-либо требований, предъявляемых к медицинским организациям для осуществления медицинской помощи с использованием цифровых технологий, что представляется существенным пробелом нормативного правового регулирования рассматриваемых отношений.

2) оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий как отдельный самостоятельный вид медицинской деятельности.

Примечательно, что в соответствии с Поручением Правительства РФ «О решениях по итогам выступления Михаила Мишустина в Государственной Думе с отчетом Правительства Российской Федерации о результатах деятельности за 2021 год» Минздраву России (М. А. Мурашко), Минцифры России (М. И. Шадаеву) совместно с ФОМС поручено проработать вопрос целесообразности применения телемедицинских технологий в качестве отдельной услуги в системе обязательного медицинского страхования⁴, в связи с чем

можно сделать вывод о том, что реализация данного подхода предполагает расширение перечня видов работ, услуг, составляющих медицинскую деятельность с утверждением профильного приказа о порядке предоставления соответствующего вида медицинской помощи. С точки зрения лицензионного законодательства при принятии данного подхода необходимо утвердить ряд лицензионных требований, предъявляемых к медицинской организации, соблюдение которых необходимо для оказания соответствующего вида медицинской помощи с применением цифровых технологий.

3) телемедицинская технология как инновационная цифровая технология, регулируемая нормами экспериментального правового режима в соответствии с частью 11 статьи 3 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». При принятии соответствующего подхода необходимо разработать программу экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в системе здравоохранения.

Таким образом, в зависимости от выбранного законодательством подхода необходимо внести коррективы в действующее законодательство с целью конкретизации правового статуса телемедицинских услуг в общей структуре медицинской помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации.

Во-вторых, наряду с рекомендацией руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья организовать оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий гражданам с подтвержденным диагнозом новой коронавирусной инфекции COVID-19, состояние которых позволяет наблюдаться на дому, а также с признаками или подтвержденным диагнозом внебольничных пневмоний, острыми респираторными вирусными инфекциями, гриппа законодатель (в Приказе Минздрава России от 19.03.2020 № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19») предлагает обеспечить при наличии технической возможности и с учетом требований о защите информации применение современных информационных технологий и информационных систем в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, в том числе *применение технологий искусственного интеллекта* (включая диагностику новой коронавирусной инфекции COVID-19, основанную на анализе изображений, обработку естественного языка и распознавание речи, интеллектуальную поддержку принятия решений). Иными словами, соответствующий нормативно-правовой акт вводит в оборот *нового субъекта здравоохранительных отношений*, правовой статус которого также не определен, что создает дополнительные сложности в обеспечении прав и свобод человека и гражданина при оказании медицинских услуг с его участием. В этой связи актуальной проблемой в сфере оказания медицинской помощи с использованием цифровых технологий является вопрос определения правосубъектности искусственного интеллекта в целях его использования в сфере здравоохранения.

Так, 10 октября 2010 г. Президент РФ утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Отметим, что понятие «искусственный интеллект» активно используется в различных правовых актах. Например, Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) указывает такой вид

2 Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018.

3 Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 23. – Ст. 4091.

4 Поручение Правительства РФ «О решениях по итогам выступления Михаила Мишустина в Государственной Думе с отчетом Правительства Российской Федерации о результатах деятельности за 2021 год» // Документ опубликован не был.

товара: «Роботы человекоподобные с искусственным интеллектом» (базовый No 090778, класс 09)⁵.

В российской практике под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека⁶.

В контексте развития искусственного интеллекта и робототехники для юридической науки особую актуальность приобретает изучение традиционной проблемы правоспособности, понятия лица, юридической личности, участвующей в имущественных отношениях [2, с. 17]. Понятие «субъект права» может претерпеть существенные изменения, что довольно красноречиво демонстрируют следующие примеры.

На рассмотрении Европейского парламента находился законопроект о предоставлении роботам статуса «электронной личности». По мнению автора законопроекта (*Мадди Дельво-Стер*) по мере того, как роботы начинают действовать все более автономно, становится все сложнее считать их «лишь орудиями в руках других субъектов» – производителя, владельца или пользователя [4, с. 83]. Отметим, что отношение экспертов в области искусственного интеллекта, робототехники, права и этики было в большей степени негативным. Свыше 150 экспертов-представителей 14 стран выступили с открытым письмом Европейскому парламенту, где осуждали данный законопроект⁷.

Тем не менее, в феврале 2017 г. Европейский парламент одобрил резолюцию о гражданско-правовых нормах, регулирующих вопросы робототехники. Основной темой документа стал вопрос гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный роботами. Несмотря на то, что Европарламент утверждает, что «на современном этапе ответственность должна лежать на человеке, а не на роботе», в резолюции подчеркивается, что распределение ответственности и ее соразмерность правонарушению представляет собой сложную задачу. Главным критерием при определении ответственности должен выступать уровень автономности принятия решений роботом. Таким образом, подразумевается, что специальным правовым статусом «электронных лиц» (*electronic persons*) будут наделены наиболее сложные автономные роботы, которые будут ответственны за любой причиненный ими вред, а также иметь определенные права и обязанности.

В 2016 г. юристы фирмы Dentons предложили законопроект «О внесении изменений в ГК РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». Однако конечной целью авторов было не внесение изменений в законодательство, а инициация экс-

пертной дискуссии о системном законодательном регулировании в области робототехники [1, с. 50]. В соответствии с документом роботом-агентом является робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. В случае регистрации модели робот-агент наделяется правоспособностью. Ответственность за действия робота-агента, по общему правилу, несет его владелец и собственник, однако основания для ответственности могут возникнуть и в результате действий иных лиц, например производителя роботов, разработчика и т. д.

Стоит проанализировать доводы, критикующие признание роботов субъектами права. Так, в ранее упомянутом отечественном законопроекте юридической фирмы Dentons роботы не представляют устройства, способные к самообучению. Поскольку, согласно положениям законопроекта, единственное предназначение таких агентов заключается в их участии в гражданском обороте, т. е. в заключении сделок, представляется, что разработчики имели в виду достаточно простые компьютерные программы, которые активно используются бизнесом уже не одно десятилетие [3, с. 36]. Что касается резолюции Европарламента 2017 г., то документ рассматривает правосубъектность роботов лишь в долгосрочной перспективе и применим только к высокоразвитым автономным роботам.

Таким образом, если признание робота субъектом права имеет какой-либо смысл или назначение, то оно заключается в более эффективном и сбалансированном распределении ответственности. Напротив, если робот не способен возместить нанесенный им вред, необходимость признания его субъектом права становится проблематичной [3, с. 36].

В качестве одного из способов решения проблемы возмещения вреда роботом является введение *обязательной системы регистрации роботов и страхования их ответственности*. В качестве альтернативы может выступить реализация доктрины *respondeat superior*, согласно которой вышестоящее лицо всегда ответственно за действия своего агента, работника или иного подконтрольного ему лица, в указанном случае – робота.

Стоит отметить, что прецеденты наделяния роботов частичной правоспособностью уже существуют в зарубежной юридической практике. Например, в 2017 году власти Саудовской Аравии предоставили гражданство человекоподобному роботу. Затем в Японии искусственному интеллекту по имени *Shibuya Mirai*, представляющему собой чат-бот, было предоставлено резидентство [5, с. 58]. Таким образом, страны – лидеры в области цифровизации проявили свою готовность признать роботов субъектами права.

Действительно, присвоение электронной программе статуса субъекта права вызывает некоторые опасения. Такое нововведение провоцирует риски наделения человеческими правами и обязанностями предмет, который по сути является лишь набором алгоритмов.

Таким образом, вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта и возможности его применения в сфере здравоохранения, пределы возможных компетенций соответствующего субъекта, риски распределения ответственности за некачественную медицинскую помощь и многие другие вопросы должны быть нормативно установлены в рамках специального правового режима. Представляется целесообразным обратиться к части 11 статьи 3 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», закрепляющей возможность разработки и установления программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, в рамках

5 См.: Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ) (Одиннадцатая редакция, издание 1-е, принята в г. Ницце 15.06.1957) (с изм. и доп. от 2017 года) // СПС «КонсультантПлюс».

6 См.: Ст.2 ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

7 См.: Ксенофонтова А. Бесправный механизм: почему ученые выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/science/article/504118-roboty-evroparlament-yuridicheskoye-lico> (дата обращения: 27.11.2022).

которой целесообразно установить условия экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по вопросу применения технологий искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, перечень услуг, оказываемых с применением соответствующих технологий, вид ответственности, применяемой к субъектам экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, с указанием условий ее наступления и другие специальные условия соответствующего режима⁸.

В-третьих, трансформация правового статуса субъектов здравоохранительных правоотношений в условиях цифровизации экономики связана в том числе с появлением нового субъекта здравоохранительных отношений – оператора информационной системы. При этом статус этого субъекта не установлен законодательно, что создает определенные киберриски.

Так, пункт 22 Приказа Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»⁹ в числе участников консультаций (консилиумов врачей) при оказании медицинской помощи в экстренной и неотложной формах с применением цифровых технологий называет:

- а) лечащего врача;
- б) консультанта (врачи – участники консилиума).

При этом в числе субъектов отсутствует оператор информационной системы несмотря на то, что в других нормах соответствующего приказа упоминание о таком субъекте имеется. Например, при дистанционном наблюдении за состоянием здоровья пациента в том числе осуществляется направление сообщений лечащему врачу, в том числе от пациентов, операторов информационных систем, используемых для дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента, а также медицинских работников, обеспечивающих дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента. Таким образом, фактически оператор информационной системы является участником здравоохранительных отношений, складывающихся по поводу оказания медицинской помощи пациенту.

Так, под оператором информационной системы в сфере здравоохранения понимается уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, иные федеральные органы исполнительной власти в сфере охраны здоровья и их территориальные органы, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации на создание, развитие и эксплуатацию государственной информационной системы в сфере здравоохранения субъекта Российской Федерации, организации, назначенные указанными органами, органы управления Федеральным фондом обязательного медицинского страхования и территориальных фондов обязательного медицинского страхования в части, касающейся персонифицированного учета в системе обязательного медицинского страхования,

медицинские организации и фармацевтические организации¹⁰.

Особо следует отметить, что оператор информационной системы не является стороной договора на оказание медицинских услуг, совершаемых с использованием цифровой платформы. Операторы цифровых платформ обладают широким спектром обязанностей. Именно они должны организовать и осуществлять внутренний контроль за передачей данных. В частности, оператор цифровой платформы должен назначить контролера или сформировать службу внутреннего контроля, утвердить порядок осуществления внутреннего контроля, а также организовать систему управления рисками. Для этого необходимо согласовать и утвердить документы, устанавливающие правила управления рисками, и назначить ответственное лицо. При этом действующий в настоящее время Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности»¹¹ не содержит соответствующих требований, предъявляемых к обеспечению системы безопасного оборота информации в информационных системах медицинских организаций, что создает риски и угрозы несанкционированного распространения информации о здоровье граждан (врачебной тайны) неопределенному кругу лиц, что, в свою очередь, создает предпосылки нарушения прав и законных интересов граждан при получении медицинской помощи с использованием средств цифровой инфраструктуры. В этой связи представляется целесообразным внести соответствующие дополнения в действующий Приказ Минздрава об организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, дополнив его разделом, связанным с организацией контроля безопасности оборота информации в информационных системах медицинской организацией.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. – 2017. – Вып. 6 (55). – С. 50.
2. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 17.
3. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 36.
4. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 83.
5. Тиунова А. И. Робот как субъект правоотношения – миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 2 (28). – С. 58.

8 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

9 Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 10.01.2018.

10 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

11 Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.10.2020.

МИТАШОВА Анастасия Анатольевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ИВАНЕНКО Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета

РОДИН Денис Яковлевич

доктор экономических наук, доцент кафедры денежного обращения и кредита Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ИСКУ

В работе раскрывается понятие и сущность института мер предварительной защиты административного иска. Анализируются подходы деятелей науки к понятию мер предварительной защиты административного иска ввиду отсутствия легального закрепления указанного термина. Приводится перечень видов мер, существующих в настоящий момент в законодательстве, акцентируется внимание на его открытость. Проанализированы статистические данные с сайта Судебного Департамента ВС РФ за 2019, 2020 и 2021 гг. о рассмотрении и удовлетворении судами общей юрисдикции заявлений о применении мер предварительной защиты административного иска, сделан вывод о ежегодном снижении показателей. Приведен пример из судебной практики об отказе в удовлетворении заявления о применении мер предварительной защиты административного иска. Сформулирован вывод по теме исследования.

Ключевые слова: меры предварительной защиты, административный иск, виды мер, административное судопроизводство.

MITYASHOVA Anastasiya Anatoljevna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

IVANENKO Igor Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil process and international law sub-faculty of the Kuban State University

RODIN Denis Yakovlevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Monetary circulation and credit sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ON THE ISSUE OF PRELIMINARY PROTECTION MEASURES IN AN ADMINISTRATIVE CLAIM

The paper reveals the concept and essence of the institute of measures of preliminary protection of an administrative claim. The approaches of scientists to the concept of measures of preliminary protection of an administrative claim due to the lack of legal consolidation of this term are analyzed. The list of types of measures currently existing in the legislation is given, attention is focused on its openness. Statistical data from the website of the Judicial Department of the Armed Forces of the Russian Federation for 2019, 2020 and 2021 are analyzed. On the consideration and satisfaction by the courts of general jurisdiction of applications for the application of measures of preliminary protection of an administrative claim, it is concluded that there is an annual decline in indicators. An example is given from judicial practice on the refusal to satisfy an application for the application of measures of preliminary protection of an administrative claim. The conclusion on the research topic is formulated.

Keywords: preliminary protection measures, administrative action, types of measures, administrative proceedings.

В главе 7 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [1] отражены нормы, раскрывающие сущность и процессуальный порядок применения мер предварительной защиты административного иска. Примечателен тот факт, что само понятие данного института не закреплено в тексте процессуального кодекса.

На просторах научной доктрины встречаются определения данного института, выработанные представителями юридической сферы и отражающие их собственное научное видение на данный счет. Так, один из современных административистов - М. Ю. Стариков в своих научных трудах отмечает, что меры предварительной защиты представляют собой применяемые судом по правилам административного судопроизводства по заявлению административного истца или лица, обратившегося в суд в защиту прав других лиц или неопределенного круга лиц, срочные временные меры, которые направлены на обеспечение прав, свобод и законных интересов административного истца или неопределенного круга лиц, на предотвращение нарушения законности в сфере административных и иных публичных правоотношений [2, С. 49.]. Следует отметить, что В. В. Ярков характеризует такие как срочные временные меры, направленные на обеспечение прав, свобод, законных интересов административного истца [3, С. 162-163]. В свою очередь О. А. Ястребов дает следующее определение мерам предварительной защиты административного иска – это превентивные средства, позволяющие гарантировать реальное исполнение будущего судебного решения по делу и защиту права путем сохранения необходимых доказательств, предотвращения или минимизации вреда имуществу, интересам и

безопасности стороны спора, предположительно являющейся носителем защищаемого права [4, С. 15].

Таким образом, меры предварительной защиты административного иска правомерно охарактеризовать как административный процессуальный институт, выражающийся в принятии судом запретов и (или) ограничений, соотносимых и соразмерных заявленным требованиям, необходимых для недопущения нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца или неопределенного круга лиц.

Основная цель, стоящая перед данным институтом – предоставить заявителю (административному истцу) гарантии того, что определенные ограничения и запреты, наложенные на действия противоположной стороны спора (в данном случае публичного властного органа), позволят эффективно исполнить судебное решение по административному иску, а также обеспечить защиту нарушенного или оспариваемого права. При этом необходимо забывать о крайне важном условии – меры должны быть соотносимы с заявленным требованием и соразмерны ему [1].

Достижению указанной цели способствует ряд частных задач, таких как приостановление в отношении истца неправомерных действий, устранение ситуаций, затрудняющих исполнение судебного решения, обеспечение со стороны суда необходимых доказательств, искоренение причинения вреда защищаемым правам и интересам заявителя (административного истца).

Следует отметить, что закрытого перечня мер предварительной защиты административного иска в тексте процессуаль-

ного кодекса не установлено, однако, анализ ч. 2 ст. 85 КАС РФ позволяет сделать вывод, что видами таких мер являются следующие:

- 1) Приостановление полностью или в части действия оспариваемого решения;
- 2) Запрет совершать определенные действия;
- 3) Иные меры предварительной защиты, если КАС РФ не предусмотрен запрет на принятие мер предварительной защиты по определенным категориям административных дел.

В настоящий момент существуют разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 г. № 36, и в соответствии с п. 27 к «иным мерам» относятся наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц; возложение на ответчика, других лиц, в том числе не являющихся участниками судебного процесса, обязанности совершить определенные действия или воздержаться от совершения определенных действий; приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому в судебном порядке [5]. При этом выбор определенной меры предварительной защиты административного иска возлагается именно на административного истца, а не на суд, поскольку может принять только такую меру, о которой непосредственно ходатайствовал истец.

О востребованности института мер предварительной защиты административного иска целесообразно судить в результате анализа сводных статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [6]. Так, в 2019 г. судами общей юрисдикции общее количество принятых судами административных исковых заявлений составило 5 006 167 дел, из них всего было рассмотрено 775 заявлений о применении мер предварительной защиты административного иска, из которых было удовлетворено 519. В 2020 г. общее количество принятых административных исков составило 6 690 170 дел, количество поданных заявлений о применении мер предварительной защиты иска незначительно сократилось до 701, из них всего 450 были удовлетворены судами. В 2021 г. показатели вновь пошли на уменьшение, так общее количество принятых судами исков составило 2 040 854 дела, всего рассмотрено 351 заявление о применении мер предварительной защиты иска, из которых лишь 261 подлежали удовлетворению. Таким образом, не смотря на все преимущества исследуемого института, статистические показатели наглядно свидетельствуют о том, что в рамках административного судопроизводства меры предварительной защиты административного иска не имеют столь положительного успеха, более того, динамика его применения движется в сторону уменьшения, в отличие, например, от гражданского судопроизводства с аналогичным институтом (в качестве сравнения, в 2019 г. общее количество принятых судами исковых заявлений составило 15 709 321 дело, суды рассмотрели 14 102 заявления об обеспечении иска, из которых 10 102 подлежали удовлетворению).

В судебной практике также существует немало прецедентов, когда заявителю отказывают в удовлетворении заявления о принятии мер предварительной защиты административного иска. Так, взыскатель подал административный иск о бездействии пристава-исполнителя одновременно с ходатайством о применении таких мер. Суды трех инстанций в удовлетворении ходатайства отказали, поскольку на момент его подачи исполнительный лист в пользу взыскателя погасили в полном объеме, в связи с чем суды не усмотрели доказательств невозможности защиты прав истца без применения мер предварительной защиты, со ссылкой на тот факт, что заявление заявителем не было обосновано [7].

К настоящему времени проведено не мало исследований в области применения мер предварительной защиты административного иска. Хотелось бы отметить, что в результате одного из таких научных деятелей А. В. Автахова, проведя глубокий анализ судебной практики в данной области, выявила, что одной из наиболее популярных категорий административных споров одновременно с подачей заявления о применении мер предварительной защиты административного иска выступают судебные дела об оспаривании решений и действий сотрудников Федеральной службы судебных приставов (ФССП) Российской Федерации, распространенным в данном случае видом меры предварительной защиты иска выступают приостановление исполнительного производства в отношении должника, а также приостановление действия конкретного постановления или решения пристава-исполнителя. [8, С. 29].

Существует возможность отменить примененные судом меры предварительной защиты. Как правило, такая возмож-

ность возникает либо по инициативе участника дела, либо по собственной инициативе суда в том случае, если отпали основания для применения таких мер. Лица, не согласные с подобным судебным решением вправе подать частную жалобу на определение суда. При этом применение мер предварительной защиты продолжит действовать, а непосредственно исполнение определения об их отмене приостановится. Более того, сложилась судебная практика, когда определения судов предыдущих инстанций могут быть отменены по мотивам отсутствия полной информации по мерам предварительной защиты. Так, например, пятый апелляционный суд общей юрисдикции отменил определение суда первой инстанции об удовлетворении ходатайства, поскольку судья не указал обстоятельства явной опасности нарушения прав истца и не мотивировал свои выводы [9].

На наш взгляд, институт мер предварительной защиты административного иска определенно имеет под собой позитивное начало, и важное ключевое значение для административного судопроизводства в целом, и для защиты прав, свобод, законных интересов граждан – в частности. Его непосредственное закрепление в тексте процессуального закона безусловно важно и значимо, равно как институты обеспечения иска в гражданском и арбитражном судопроизводствах. Данный механизм необходимо активно развивать на практике, повышать всецело его эффективность и востребованность среди граждан, нуждающихся в судебной защите своих прав и законных интересов, когда существует явная опасность их нарушения.

Пристайный библиографический список

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Стариков М. Ю. Меры предварительной защиты по административному иску: к истории формирования правового института и процессуальной формы // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 3. С. 45-58.
3. Янков В. В. Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / Отв. ред. В. В. Янков; Урал. гос. юрид. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2021. 662 с.
4. Ястребов О. А. Меры предварительной защиты как институт административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2016. № 12. С. 13-18.
5. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) // Российская газета. 03.10.2016. № 222.
6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по первой инстанции по рассмотрению административных дел и применению института мер предварительной защиты административного искового заявления за 2019, 2020 и 2021 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (Дата обращения: 30.01.2023 г.).
7. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2019 № 88а-458/2019 // Электронный ресурс. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2023 г.).
8. Автахова А. В. Практика применения судами мер предварительной защиты по административному иску // Проблемы административного судопроизводства : Международная научно-практическая конференция, Тверь, 19 апреля 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет», Юридический факультет. Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 28-30.
9. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 21.11.2019 № 66а-28/2019 // Электронный ресурс. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.01.2023 г.).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются основные положения законодательства Российской Федерации о банкротстве физических лиц и некоторые проблемы, возникающие при проведении отдельных процедур несостоятельности. В работе приводятся примеры участия и привлечения к участию в судебном разбирательстве третьих лиц, не заявляющих собственных требований относительно предмета спора. В исследовании рассматриваются моменты, связанные с возможностью мошенничества при проведении процедуры банкротства, попытки за счет собственности добросовестных приобретателей решить финансовые вопросы по выплатам кредиторам. Кроме того, рассматривается проблема привлечения к судебному разбирательству третьих лиц и их обязанность доказывания в арбитражном суде статуса добросовестного приобретателя, лица, не причинившего своими действиями вреда и другие значимые вопросы.

Ключевые слова: гражданское законодательство, законодательство о несостоятельности (банкротстве), физические лица, мошенничество, третьи лица.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS ON THE BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS

The article discusses the main provisions of the legislation of the Russian Federation on the bankruptcy of individuals and some problems that arise during certain insolvency procedures. The paper provides examples of the participation and involvement in court proceedings of third parties who do not declare their own claims regarding the subject of the dispute. The study examines the issues related to the possibility of fraud during the bankruptcy procedure, attempts to solve financial issues on payments to creditors at the expense of the property of bona fide purchasers. In addition, the problem of bringing third parties to court proceedings and their obligation to prove in the arbitration court the status of a bona fide acquirer, a person who has not caused harm to other significant issues by his actions, is considered.

Keywords: civil legislation, legislation on insolvency (bankruptcy), individuals, fraud, third parties.

Современный период времени и развитие законодательства нашего государства, кажется, предусматривает все стороны защиты граждан и способы для восстановления их нормальной жизнедеятельности. Даже тяжелые жизненные обстоятельства рассматриваются законами страны и позволяют гражданину как взять долгосрочные кредитные обязательства для урегулирования нормального уровня жизнедеятельности для своей семьи, так и освободиться от имеющихся долгов. В помощь таким проблемам приходят положения законодательства о банкротстве физических лиц.

В современной России несостоятельность или банкротство для физического лица стала предусматриваться с 1 октября 2015 года, при внесении изменений в основания для признания, саму процедуру и в последствия банкротства для физического лица согласно положениям федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». До этого момента

такие проблемы, хотя и рассматривались законодателем, но не принимались на подобном уровне. Вопросы несостоятельности касались в Российской Федерации юридических лиц. [1]

С одной стороны, применение рассматриваемой практики стало возможностью для многих граждан нормализовать свою жизнь. Например, в условиях той же пандемии коронавирусной инфекции, когда большинство граждан в России лишились своего заработка полностью или в части, не смогли выплачивать займы и кредиты (ипотеки), положения данного федерального закона стали единственным способом освобождения от имеющихся долгов. Так, только начало 2020 года ознаменовалось принятием в судах 22356 заявлений от граждан и индивидуальных предпринимателей об объявлении себя банкротом. Это количество превысило на 68 % зафиксированные заявления за аналогичный период

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

в 2019 году. [2] Что же касается первого полугодия 2022 года, то в российских судах признаны банкротами 121,3 тысячи граждан и индивидуальных предпринимателей, что еще на 37,8 % больше аналогичного периода 2021 года. [3]

Банкротство физического лица, как правило, является признанием его неспособности погашения долгов по обязательным платежам, в которые входят выплаты штрафов, займов и микро займов, налогов и даже оплаты услуг ЖКХ. Для таких граждан предусматривается несколько процедур. Такие как реструктуризация задолженности, включающая в себя своеобразную реабилитацию на основании заявления самого неплательщика. В данном случае, назначенный судом финансовый управляющий, исследует и дает оценку финансовым активам заявителя и делает вывод о возможности восстановления платежеспособности должника. Помогает составить план реструктуризации долга с графиком выплат кредиторам.

Другой процедурой является сама реализация имущества. В подобной ситуации все имущество, на которое может быть обращено взыскание, включают в конкурсную массу и реализуют на торгах для дальнейшей возможности денежной компенсации кредиторам.

Что касается индивидуальных предпринимателей, то в соответствии с ФЗ от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» к подобным отношениям применяются нормы параграфов 1.1 и 4 главы 10.

Однако, для проведения подобных процедур требуется финансовый управляющий, то есть определенное лицо, уполномоченное судом проводить определенные действия по поиску, выявлению денежных средств и имущества, которое можно было бы реализовать и тем самым, уменьшить долги предполагаемого банкрота.

Деятельность финансового управляющего никакими положениями закона не ограничены. В свете этого, можно предположить, что он принимает все меры и на свое усмотрение указывает на сокрытое, по его мнению, имущество и в состоянии признавать недействительными совершенные за последние три года сделки.

Так, например, в арбитражном суде Рязанской области рассматривается дело № А-54-5643/2021 по банкротству индивидуального предпринимателя К. В 2019 году данное лицо у знакомых и иных физических и юридических лиц взял займы на общую сумму более 30 млн. руб. и приобрел земли под сельхоз угодья в районе. Затем, переведя эту землю в статус ее назначения для индивидуального жилищного строительства, продал часть участков другому предпринимателю, который в свою очередь распродал купленные участки отдельным гражданам. Теперь, не имея возможности или желания, расплатиться с долгами и, пытаясь признать себя банкротом, обратился в суд.

Все совершенные сделки проверены и одобрены Росреестром. На момент их заключения предприниматель являлся платежеспособным и признаков банкротства не имел. В противном случае Росреестр не одобрил и не зарегистрировал подобные сделки. Участки земли, в текущем году, уже несколько лет как имеют разных собственников, которыми являются как супружеские пары, так и отдельные граждане. У них имеются присвоенные адреса с номерами домов. На отдельных из них проводится строительство жилых домов, а на некоторых уже зарегистрированы таковые и собственники

платят налоги. Однако, финансовый управляющий по делу привлекает данных собственников в качестве третьих лиц без заявления собственных требований и просит суд аннулировать сделки купли-продажи земельных участков с уже построенными и введенными в эксплуатацию домами.

Таким образом, получается, что если в данном суде будет принято соответствующее решение, то собственники домов, стоимость которых на текущий период времени составляет от 5 до 7 млн. руб. лишатся своей собственности, так как невозможно перенести капитальное строение на какой-либо участок земли на неопределенное расстояние. Следовательно, с одной стороны, мы видим исполнение норм законодательства о банкротстве, с помощью которого ведется поиск материальных ценностей, собственности и иного финансового актива для уплаты долгов. Но с другой стороны, добросовестные приобретатели могут лишиться последней надежды на жизнь в старости в собственном доме с приусадебным участком, который при его обработке должен стать одним из способов организации нормальной жизнедеятельности целой семьи.

Как показал анализ собственников этих участков, большинство из них брали кредиты на покупку самой земли и строительство домов. При чем, кредитные обязательства еще не закрыты. И, в случае, принятия решения арбитражным судом Рязанской области в пользу финансового управляющего и аннулирования договоров купли-продажи, простые граждане, вложившие в участки цены больше в 5-6 раз от их первоначальной стоимости, останутся с долгами и без имущества. Им останется только подать заявление о включении их в реестр кредиторов, доказывать стоимость построенных домов и истребовать ее от того же должника в судебном порядке.

При таком положении, суд принял сторону финансового управляющего и привлек в качестве третьих лиц собственников домов, построенных на купленных земельных участках. Даже факт того, что предприниматели между собой осуществляли сделку в среднем по 60 тыс. руб. за участок в 7-8 соток, а продажа третьим лицам осуществлялась за 400-600 тыс. руб. не привела к выводам о том, что данные собственники не могли своими действиями причинить кому-либо вред и являются добросовестными приобретателями, а отсутствие полученных за реализацию земли денежных сумм на лицевом счете продавца, якобы, не имеет признаков мошеннических действий. Со стороны государственных структур также ничего подозрительного не обнаружено и сделки были зарегистрированы.

Проблема арбитражного рассмотрения подобных дел связана с длительностью процесса. И эта длительность не основывается на реальном времени проведения судебных заседаний, в которых заинтересованные лица, в данном случае приобретатели, должны нести бремя доказывания своей правоты, денежных затрат, пользования недвижимостью, заключения договоров с обслуживающими организациями – водоканалом, электросетью, регион газом. К ним относятся переносы заседаний суда сроком на месяц из-за дополнительных ходатайств, объединения производств, привлечения иных лиц и тому подобное. Только собственники – третьи лица в подобной ситуации не уверены в том стоит ли продолжать и заканчивать строительство, как решится вопрос с признанием их права на земельные участки и что будет с их

недвижимостью в виде построенных и недостроенных жилых домов.

В случаях банкротства мошеннические действия можно рассмотреть как в деятельности финансового управляющего, который всеми возможными способами пытается решить вопрос по собственному заработку, так и в действиях потенциального должника. Ведь не имея желания выплачивать суммы, взятые по договорам займа и без договора на основании расписок.

Положениям законодательства о банкротстве могут воспользоваться лица, действительно нуждающиеся в прохождении подобной процедуры, так и граждане, пожелавшие просто списать с себя долги, несмотря на имеющиеся возможности их оплатить. Еще одним проблемным вопросом является судебная статистика, которая показывает, что большая часть долгов банкротов является «не списываемыми».

Преступления в сфере банкротства являются одними из самых сложных для расследования и раскрытия. Применение имеющихся норм права о «криминальном» банкротстве, такие как ст. ст. 195-197 Уголовного кодекса РФ, не распространено в практике деятельности правоохранительных органов. Что касается судебной статистики, то имеющиеся примеры по рассмотрению подобных дел не составляют единую основу, а достаточно противоречивы.

Сама доля подобных преступлений в году составляет не более 1-2 %. Как показывает практика – это около шестидесяти человек осужденных, из которых за преднамеренное банкротство могут быть признаны виновными до 80 %, а остальные только за неправомерные действия при банкротстве. Таким образом, кроме ст. 196 и 196 УК РФ иные нормы не применяются. [4]

С момента принятия норм о банкротстве физических лиц были сделаны попытки подготовки Постановления Верховного суда РФ по делам о криминальном банкротстве, но оно так и не вышло в свет. Сегодня роль арбитражного судопроизводства по делам о несостоятельности находится в противоречии с уголовным производством по тем же делам. К примеру, арбитражный суд, принимая на рассмотрение очередное заявление о признании несостоятельным гражданина или индивидуального предпринимателя не рассматривает и не запрашивает информацию о наличии предыдущих банкротных производств у данного лица. Хотя наличие таковых могло бы стать одним из доказательств реализации преступной схемы криминального банкротства и ухода от оплаты долгов.

В рассмотренном примере по банкротству индивидуального предпринимателя К в арбитражном суде Рязанской области есть подобные моменты. Поскольку сегодня вся информация о рассматриваемых судами производствах и решениях находится в открытом доступе, но даже для обычного гражданина не составит труда узнать о том, что предприниматель уже не однократно признает себя банкротом, только регионы страны отдалены друг от друга. Следовательно, при невнимательности должностных лиц к подобным обстоятельствам, наличию условий для усмотрения в действиях заявителей признаков фиктивного (криминального) банкротства и определенных решений судов, например, об аннулировании сделок и возвращении имущества в конкурсную массу для дальнейшей реализации, будут страдать третьи лица – добросовестные приобретатели. Кроме них к

подобным делам в качестве виновных в проведении сделки без проверки сторон на предмет платежеспособности государственные органы не привлекаются.

С учетом укоровившегося среди населения мнения, что если не хочешь платить по долгам, то можно объявить себя банкротом, нормы рассматриваемого закона становятся не реальным способом выхода из трудной жизненной ситуации, а возможностью ухода от оплаты долгов.

Таким образом стоит рассмотреть возможность принятия Постановления Верховного суда РФ «О фиктивном (криминальном) банкротстве», в котором предусмотреть разъяснения об обязательных проверках истории лиц, желающих объявить себя банкротами. Кроме того, стоит законодательно установить лиц, контролирующую деятельность финансовых управляющих и все же определить права добросовестных приобретателей собственности и компенсации их расходов, в том числе и морального вреда, на участие в судебном процессе в случае удостоверения судом в их «невиновности».

Приставный библиографический список

1. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Банкротство юридических лиц // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 173-174.
2. Гадиева Т. Р., Надолинская В. В. Банкротство физических лиц в условиях финансового кризиса // В сборнике: Российское право на современном этапе. Сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 252-256.
3. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bankrot.fedresurs.ru/?attempt=1> (дата обращения: 10.01.2023 г.).
4. Противоречия судебной практики по делам о криминальном банкротстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/protivorechiya-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-kriminalnom-bankrotstve/> (дата обращения: 10.01.2023 г.).

ДАМБАЕВА Изабелла Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ НОТАРИАТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

В данной статье анализируются новеллы законодательства по расширению функций нотариуса в сфере гражданского оборота. На основании законодательства и правоприменительной практики сделан вывод, что соответствующая деятельность законодателя нацелена на более глубокое вовлечение нотариата в гражданский оборот. При этом важное значение имеет развитие электронных технологий в нотариате.

Ключевые слова: гражданский оборот, гражданское законодательство, нотариус, функции нотариата, сделки, электронный документооборот.

DAMBAEVA Isabella Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty of the Ural State Law University

ON THE ISSUE OF THE FUNCTIONS OF A NOTARY IN CIVIL CIRCULATION

This article analyzes the novelties of the legislation to expand the functions of a notary in the field of civil circulation. On the basis of legislation and law enforcement practice, it was concluded that the relevant activity of the legislator is aimed at a deeper involvement of the notary in civil circulation. At the same time, the development of electronic technologies in the notary is of great importance.

Keywords: civil circulation, civil legislation, notary, functions of a notary, transactions, electronic document management.

Дамбаева И. В.

В современной правовой системе России значимое место занимает нотариат. Современный российский нотариат доступными ему средствами обеспечивает единство экономического пространства, свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, являясь по своей природе публично-правовым институтом, в рамках которого производится реальное обеспечение прав и законных интересов участников экономического оборота. Кроме того, нотариат призван осуществлять превенцию нарушений при переходе права собственности, что является решающим фактором в стабилизации гражданского оборота

По мере развития и усложнения общественных отношений развивается и национальное законодательство, включая законодательство о нотариате. По мере совершенствования законодательства происходит расширение функций нотариуса в сфере экономического (гражданского) оборота.

«Нотариат в Российской Федерации выступает в роли полифункционального гражданско-правового института, обеспечивающего охрану прав и свобод, а также законных интересов граждан» [1, с. 42].

«Мы должны четко понимать, что от того, насколько нотариусы сегодня готовы быстро и эффективно выполнять свои полномочия, зависит то, как завтра законодатель будет рассматривать возможность расширения компетенции нотариального сообщества, направленного на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц» [2, с. 6].

Одним из подтверждений этому служит постепенное расширение полномочий нотариуса относительно семейных правоотношений. Так, ФЗ № 391-ФЗ [3] было введено обязательное нотариальное удостоверение соглашения о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака. ФЗ №217-ФЗ [4] закрепил нотариальное удостоверение супругами совместного завещания.

Изменения произошли относительно сделок с недвижимым имуществом, где собственником недвижимого имущества является несовершеннолетний недееспособный гражданин. Сейчас сделки, связанные с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделки по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину, подлежат нотариальному удостоверению [5]. «Вовлечение в нотариальную сферу в

обязательном порядке сделок со специальным субъектным составом, в частности с лицами, обладающими неполной гражданской дееспособностью, обусловлено необходимостью введения публичного контроля со стороны нотариата с целью защиты прав таких лиц как наиболее слабой стороны в сделке» [6, с. 42].

Следует согласиться, что «эти правила, конечно, усложняют подобные сделки, но следует подчеркнуть, что они направлены прежде всего не на усложнение гражданского оборота, а на более высокий уровень защиты интересов указанных лиц в силу их особенной дееспособности... это даст только положительный эффект в будущем» [7, с. 29].

Принципиально важными стали такие решения законодателя как признание повышенной доказательственной силы нотариально оформленных документов¹.

На расширение функций нотариуса повлияло, прежде всего, принятие закона о новых обязанностях нотариуса. По итогам заседания Государственной Думы от 26 июля 2018 года было принято решение, согласно которому в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и в ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» были внесены некоторые изменения. Они были обусловлены тем, что стало сложно отделять, какие действия относятся к осуществлению исключительно нотариальной деятельности, а какие относятся к услугам правового и технического характера. Четкое разграничение необходимо для осуществления точной оплаты труда нотариусов. Ещё более усложнили ситуацию информатизация нотариальной деятельности, а именно, развитие «электронного нотариата» [8, с. 221], [9, с. 198].

Данные казусы разрешились посредством внесения изменений в действующие Основы законодательства РФ о нотариате. Согласно нововведениям функции нотариуса были уточнены перечнем услуг, относящихся к «услугам правового и технического характера». Теперь в обязанности нотариуса

1 В соответствии с частью 5 статьи 61 ГПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 186 ГПК РФ, или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия. Аналогичная норма установлена в части 5 статьи 69 АПК РФ.

входят правовая экспертиза удостоверяемых им документов, разъяснение заявителям правовых последствий совершаемого действия, их консультация, изготовление документов, копий, скан-образов документов, отображений на бумажном носителе образов электронных документов и информации и т.д. Также нотариус несет полную имущественную ответственность за результаты своей профессиональной деятельности.

На основании статьи 30 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате ФНП РФ ежегодно устанавливает предельные размеры платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера для каждого субъекта РФ и размещает на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информацию о предельных размерах платы за оказание нотариусами услуг правового и технического характера, а также о конкретных размерах такой платы в каждом субъекте Российской Федерации на текущий год².

В гражданский оборот все более тесно интегрируются цифровые технологии. В этих условиях нотариат должен сохранять способность обеспечить стабильность гражданского оборота в новую, цифровую эпоху. Новые механизмы электронного взаимодействия нотариусов с лицами, обращающимися за совершением нотариальных действий, удалено или дистанционно способствуют повышению доступности оказания правовой помощи нотариусами в условиях цифровизации современного общества. Развитие электронного документооборота со временем вытеснит из нотариальной практики самые простые нотариальные действия, например, освидетельствование верности копий и подлинности подписей.

Современный нотариат – это электронные реестры Единой информационной системы нотариата, публичные электронные реестры уведомлений о залогах, проверки подлинности и актуальности нотариальных доверенностей, эффективное электронное взаимодействие с государственными ведомствами, кредитными организациями (банками), защита нотариальных актов полностью от возможной подделки, имущественная ответственность за результаты профессиональной деятельности. В частности, функции нотариуса были расширены относительно обязанности направлять необходимую документацию в электронной форме в Росреестр в определенных случаях. Например, после удостоверения сделки с недвижимостью (а также в случае выдачи свидетельства о праве на наследство и о праве пережившего супруга) нотариусу необходимо не позднее окончания рабочего дня «направить в электронном виде заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы в Росреестр». Если в электронном формате направить заявленные документы невозможно, то в течение двух рабочих дней эти документы предоставляются на бумажном носителе нотариусом в соответствующий регистрирующий орган. Стоит отметить, что стороны-заявители сохраняют свое право на самостоятельную государственную регистрацию [10, с. 291].

Более того, в соответствии с изменениями, внесенными в 2022 году, заявителю предоставлена возможность направить «сведения об отмене доверенности для внесения в реестр распоряжений об отмене доверенностей через единую информационную систему нотариата, в том числе посредством единого портала государственных и муниципальных услуг» [11]. Посредством подобных функциональных преобразований производится формирование цифрового гражданского оборота в условиях информационной безопасности.

«Дальнейшее развитие нотариуса должно осуществляться по пути расширения спектра полномочий нотариуса, куда активно должны внедряться компетенции по совершению исполнительных надписей. Такое расширение благотворно повлияет на работу российских судов, снизит их нагрузку, а также упростит реализацию и защиту прав заинтересованных в исполнительных надписях лиц» [12, с. 91]. Отметим, что с 25 октября 2019 года согласно ст. 12 ФЗ № 193-ФЗ [13] медиативное соглашение, удостоверенное нота-

риально, будет иметь силу исполнительного документа. Сторонам нет необходимости обращаться в суд или третейский суд для принудительного исполнения данного соглашения. «Очевидно, что расширение компетенции нотариуса на сферу судопроизводства по гражданским делам будет иметь положительное значение как для его участников, так и для всего судопроизводства в целом» [14, с. 50].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что функции нотариата как значимого правового института постепенно расширяются. Это позитивно скажется не только на контроле все большего числа различных частноправовых отношений, но и на повышении уровня гарантированности прав и свобод человека и гражданина посредством более качественного предоставления государственных услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Пономарев С. С. Понятие нотариата и нотариальной деятельности в действующем российском законодательстве // Экономика, социология и право. – 2017. – № 12. – С. 40-42.
2. Иутин Ю. В. Приоритеты и ключевые задачи развития нотариата на 2019–2023 годы // Нотариальный вестник. – 2018. – № 10-11. – С. 4-6.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2015 № 391-ФЗ // Консультант-Плюс.
4. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 19.07.2018 № 217-ФЗ // Консультант-Плюс.
5. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 20.07.2015. – № 29 (ч. I). – Ст. 54.
6. Чашкова С. Ю. Удостоверение нотариусом сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 3. – С. 41-47.
7. Татаринцева Е. А. Функции нотариата в возникновении и развитии правоотношений по воспитанию детей в семье // Нотариус. – 2015. – № 1. – С. 27-31.
8. Кузнецов П. У. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 325 с. // Образовательная платформа Юрайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/468537> (дата обращения: 24.01.2023).
9. Медведев И. Г. Настольная книга нотариуса: В 4 т. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015. Т. 1: Организация нотариального дела. – 717 с.
10. Газизуллина Л. З., Сбоева И. М. Нотариальная форма сделок с недвижимым имуществом как эффективный инструмент обеспечения защиты прав граждан // Экономика в меняющемся мире. Сборник научных статей. – Казань, 2019. – С. 290-294.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 14.07.2022 № 339-ФЗ // Консультант-Плюс.
12. Ахмедова М. К. Современные проблемы развития нотариата в РФ // В сборнике: Результаты современных научных исследований и разработок. Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 88-91.
13. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Консультант-Плюс.
14. Горина А. В. Возможности нотариата в сфере внесудебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-3 (49). – С. 49-51.

2 Сайт Федеральной нотариальной палаты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/help/tarify-naslugi-pravovogo-i-tehnicheskogo-haraktera/> (дата обращения: 25.01.2023).

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЮРТАЕВ Вячеслав Александрович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ВРОНСКАЯ Мария Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Дальневосточного федерального университета

УДАЛЕНИЕ ОТЗЫВА КЛИЕНТА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Цель настоящей работы – исследование юридической сущности отзыва в интернете в контексте анализа наличествующей в настоящее время судебной практики для установления актуальных проблем правоприменения и формулирования предложений по их устранению. Настоящее исследование актуально ввиду отсутствия единого подхода в судебной практике по поводу природы выражения своего мнения в интернете, предоставления возможности редактировать опубликованные отзывы и их влияние на деловую репутацию юридического лица. Предметом исследования являются законодательство, регулирующее распространение сведений о юридических лицах, выражении мнения в сети Интернет и судебная практика их применения. Выявлено отсутствие единообразия в позиции судов по поводу применения данного института, в связи с чем авторами предлагаются варианты актуализации действующего законодательства.

Ключевые слова: отзыв, Интернет, деловая репутация, удаление отзыва, выражение объективного мнения, несоответствие сведений действительности, диффамация.

SERGEEVA Ksenia Alexeevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

YURTAEV Vyacheslav Alexandrovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

VRONSKAYA Mariya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Far Eastern Federal University

DELETING A CUSTOMER REVIEW: LEGAL REGULATION AND JURISPRUDENCE

The purpose of the work is to analyze the nature of a review on the Internet, which has developed in judicial practice; formulating the grounds for deleting the published review and the prospects for their improvement. This study is relevant due to the presence of debatable opinions in doctrine and judicial practice regarding the nature of expressing one's opinion on the Internet, providing the opportunity to edit published reviews and their impact on the business reputation of a legal entity. The subject of the study is legislation and judicial practice to the chosen issue. The absence of a clear position of the courts regarding this institution was revealed, which is why the authors propose options for updating the current legislation.

Keywords: feedback, Internet, business reputation, deletion of feedback, expression of an objective opinion, inconsistency of information with reality.

Ежедневно мы сталкиваемся с необходимостью выражения собственного мнения. Отзывы в интернете стали основанием принятия решения о том, кому из исполнителей услуги или какому товару отдать предпочтение. Однако не все представленные нашему вниманию комментарии о товаре (услуге) являются достоверными. Остро стоит проблема оценки соответствия действительности отзывов в интернете, возможности их редактирования, удаления устаревших. В настоящее время в судебной практике по данному вопросу нет единой позиции, что осложняется и практически полным отсутствием правового регулирования данного института, что будет в дальнейшем подвергнуто критическому анализу по ходу изложения настоящего исследования.

Рассмотрим дело № А07-34887/2019 в рамках которого, истец оставил положительный отзыв на сайте ответчика, однако спустя год его мнение кардинально изменилось. Истец считает опубликованную информацию не просто не соответствующей действительности, но и оказывающей негативное

влияние на его деловую репутацию. Решениями первой и апелляционной инстанций удовлетворено требование клиента удалить хороший отзыв о юридической фирме, так как его мнение поменялось [1]. При этом суды в обоснование нарушения прав на выражение объективного мнения и публичного его размещения в этом деле установили, что формат сайта не позволяет лицу, предоставившему отзыв, удалить или изменить его самостоятельно, равно как и опубликовать новый отзыв, содержащий отрицательное мнение о работе ответчика, что подтверждает тезис о наличии формально не установленного в российском законодательстве, субъективного права на отзыв.

Между тем анализ норм международного права свидетельствует об ином. Стоит обратиться к Международному пакту о гражданских и политических правах (ст. 19), которым закрепляется право на свободное выражение и распространение своего мнения. По мнению ЕСПЧ, свобода придерживаться своих мнений включает в себя право менять свое мне-

ние в любое время и по любым причинам, по свободному выбору человека (Постановление ЕСПЧ от 15 октября 2015 г. Дело «Перинчек против Швейцарии»).

Разделяя практику судебного толкования и установления права на отзыв, стоит отметить, что не оставляя отзыв на сайте, пользователь должен осуществлять свое право добросовестно, не злоупотребляя им, а следовательно обязан ознакомиться с правилами его размещения. Все мнения граждан публикуются наряду с отзывами от иных лиц. То есть сайт может содержать не только отрицательные, но и положительные отзывы о деятельности компании, при этом такие отзывы носят характер субъективного мнения лиц, выразивших свое впечатление о деятельности лица (Определение СКЭС ВС РФ от 28 марта 2018 г. № 305-ЭС17-19225 по делу № А40-97932/2015), что не может рассматриваться как нарушение прав клиента.

В этом аспекте необходимо обратиться к вопросу о разграничении утверждения о факте, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочного суждения, которые не являются предметом судебной защиты, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности (ППВС от 24 февраля 2005 г. № 3), что является одним из основных причин отказа в исковых требованиях по подобным спорам [4].

Для отнесения отзыва к одной из категорий, исходя из разъяснений Верховного Суда РФ, необходимы специальные знания в области лингвистики, и при отсутствии экспертизы классификация отзыва не может считаться однозначной. Однако, Верховный Суд формулирует правовую позицию указывает, что факт распространения не соответствующих действительности, порочащих честь и достоинство сведений может быть подтвержден любыми доказательствами, отвечающими требованиям относимости и допустимости (Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации от 16 марта 2016 г.). В данном случае авторами усматривается противоречие правовой позиции суда высшей инстанции, что не способствует формированию единообразной правоприменительной практики.

В иных судебных актах право на отзыв признаётся реализацией права на свободу слова (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2022 г. № Ф05-24479/22 по делу № А40-14425/2022), не опирающееся на факты, но это не уменьшает вред, наносимый репутации организации. По нашему мнению, в современных экономических условиях разграничение между этими категориями необходимо для выбора способа защиты нарушенного права, а отказ в иске ввиду «свободы слова» не отвечает перспективе потери потенциальных клиентов для компании.

Далее обратим внимание на то, что отсутствие согласия на публичное размещение отзыва в сети Интернет не может расцениваться как нарушение права. Конституцией РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова, никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ППВС от 24 февраля 2005 г. № 3). В материалах вышеуказанного дела не содержится факт просьбы,

принуждения или поощрения за оставленное хорошее мнение на сайте.

Более того, размещение отзывов – это не распространение массовой информации (ст. 2 Закона РФ «О СМИ»), так как ответчик в вышеуказанном деле не зарегистрирован в качестве СМИ в установленном законом порядке, и указанные идентифицирующие стороны договора, данные, не предназначены для большого круга лиц, а опубликованы лишь на локальном сайте компании, что свидетельствует об отсутствии какого-либо ущерба деловой репутации для других лиц.

С другой стороны, отсутствие формальной регистрации сайта в качестве СМИ не является однозначным поводом для отказа в подобных требованиях. Верховный Суд неоднократно указывал на то, что для правильной квалификации ресурса необходимо оценить фактическое поведение пользователей по обращению с сайтом, информацию, которая на нем размещается, форму и порядок её размещения, аудиторию, на которую она направлена, периодичность её размещения и обновления (вышеуказанное Определение СКЭС ВС РФ). Однако такие требования обоснованы только в случае признания несоответствия действительности оспариваемой информации, и как следствие – неисполнение обязанности удалить ее, что исключает ответственность за причиненный вред [5].

Стоит отметить, что в доктрине выделяется понятие «диффамация» (распространение порочащих сведений, независимо от того, соответствуют они действительности или нет). Ряд исследователей предлагают ввести ответственность за распространение правдивых порочащих сведений, так как это влечет за собой причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации [3]. Однако нам представляется это неприменимым в современных реалиях. Отсутствие негативных сведений о юридическом лице не позволяет сложить объективное мнение о его деятельности, не помогает сделать правильный выбор в условиях рыночной экономики, отчего влечет нарушение прав потребителей и другие неблагоприятные последствия.

Обратим внимание на то, что законодательство РФ не обязывает компании удалять устаревшие сведения. Может возникнуть вопрос о достоверности подобного формирования имиджа компании, его рекламы за счет положительных отзывов (п. 10 ч. 3 ст. 5 Закона «О рекламе»). Клиент, оставляя свое мнение на сайте, обычно подразумевает наличие описываемых фактов в реальности, которые формируют у потенциального клиента представление об истце [2]. Доказать несоответствие оспариваемых сведений действительности достаточно сложно, и в вышеуказанном деле истец этого не сделал. Ввиду этого, по нашему мнению, права и законные интересы истца не нарушены притом, что на сайте обычно указывается дата публикации отзыва, и на тот момент соответствовал действительности.

Таким образом, конфликты, возникающие между представителями тех или иных организаций, не должны ложиться в основу судебных споров. Законодательство и судебная практика подтверждают тот факт, что выражение мнения не ограничивается возможностью отказаться от него в одностороннем порядке. Только в случае предоставления необходи-

мых доказательств несоответствия действительности сведений (то есть опровержения суждений), указанных в отзыве о контрагенте, можно добиться желаемых результатов. Объективная реальность ежедневно заставляет нас обращаться к отзывам в интернете, и их удаление ведёт не только к недоверию к лицу, оказывающему услугу, но и к отсутствию возможности сформировать определённое мнение о чём-либо.

Ввиду этого законодателю необходимо выработать универсальные предписания по поводу размещения мнения пользователя в сети «Интернет», которые не связаны с честью, достоинством и деловой репутацией. Суды решают подобные дела по аналогии, что не соответствует нынешним требованиям цифровизации и категории дела в целом. Ведь обстоятельствами, имеющими значение для такого дела, являются факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер сведений, несоответствие этих сведений действительности (ППВС от 24 февраля 2005 г. № 3).

Удаление отрицательных отзывов – более распространённая практика, нежели рассмотренный выше случай, поэтому суды разрешают подобные дела достаточно однообразно. Для этого изначально суду необходимо установить наличие обстоятельств, имеющих значение для дела (для удовлетворения иска должны быть все перечисленные): факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности (п. 7 ППВС от 24 февраля 2005 г. № 3).

Здесь вновь подчёркивается необходимость разработки правового регулирования положительных отзывов в сети «Интернет». Актуальное явление в настоящее время – так называемая «накрутка». Компании могут стимулировать к написанию положительных отзывов не только клиентов, но и своих же сотрудников, «фейковых» пользователей. Сведения, указанные в таких отзывах, не соответствуют действительности, не носят порочащий характер, однако могут ввести в заблуждение пользователя.

Следующий пример, который стоит проанализировать, – дело № 78-КГ22-44-К3. Юридическое лицо обратилось в суд о защите деловой репутации и компенсации вреда в связи с размещением негативного комментария, который содержит недостоверные сведения, порочащие деловую репутацию истца. Ответчик в комментарии утверждала, что менеджеры Истца занимаются подделкой протоколов.

Стоит обратить внимание на позицию Верховного Суда по этому делу. Прежде всего указывается, что для того, чтобы установить наличие неблагоприятных последствий в результате размещения комментария, необходимы доказательства и пояснения, свидетельствующие о сформированной репутации истца до публикации. К тому же механизм возмещения вреда репутации (путём возмещения причинённого ущерба) не предполагает право суда определить размер вреда самостоятельно, поэтому истцу необходимо доказывать состав убытков (Определение ВС РФ от 8 ноября 2022 г. по делу № 78-КГ22-44-К3). Это представляется нам несправедливым. Истец может доказать нарушение, представив доказательства правомерности действий менеджеров, но не может точно доказать размер вреда. Отказ судов в предоставлении защиты Истцу на том основании, что он не смог ввиду независимых

от него причин (специфика спора) доказать размер вреда, расценивается нами необоснованным.

Верховный Суд также определяет, истец не доказал, что его репутация была сформирована до нарушения, отчего невозможно установить наличие неблагоприятных последствий в результате размещения комментария. Однако стоит обратить внимание на то, что комментарий указывает не на плохие услуги, а на неправомерные действия его менеджеров.

Таким образом, в настоящий момент общим основанием для удаления как положительного, так и отрицательного отзыва в Интернете является только распространение персональных данных (фамилия, имя, отчество, место работы) в связи с отсутствием согласия лица на размещение его данных на сайте с отзывами (ФЗ «О персональных данных»). Нам представляется необходимым расширить этот список несоответствием действительности указанных сведений, с чем связана и обязанность компаний проверять актуальность как положительных, так и отрицательных отзывов. Целесообразно дать возможность обеим сторонам подобных споров доказать, соответствует ли публичный отзыв действительности, что должны обеспечивать суды. Полагаем, формированию единообразия судебной практики и устранением выявленных нами проблем правоприменения, и перспектив законодательной формализации, может стать научное осмысление содержания и юридической квалификации права на отзыв.

Пристатейный библиографический список

1. Дело № А07-34887/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9ee1519e-3cef-412d-bcfd-052b2ae9dcd7> (дата обращения: 11.11.2022).
2. Дело № А60-12162/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6hclP4vQBPYI> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Янушевская Ю. И. Институт диффамации // Научные исследования XXI века. – 2022. – № 3 (17). – С. 195.
4. Аюпов О. Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Томск, 2013. – 224 с.
5. Прохоренко Д. В. Ответственность информационных посредников за диффамацию в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 27. – С. 74-94.

ЗАХАРОВ Кирилл Леонидович

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

СИКАЧ Артём Сергеевич

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАРПУХИНА Елизавета Сергеевна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

ЧЕКУЛАЕВ Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТОВ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье приведено описание и анализ российского и китайского института защиты детей со ссылками на законодательство, учитываются особенности общественного устройства и анализируется роль государства и негосударственных органов в защите законных прав и интересов детей. Основной целью данного исследования является вывод общих положений и различий, которые помогут вывести наиболее эффективные меры и полномочия, которые необходимы для института защиты детей. Анализируя нынешние интеграционные тенденции, заключается вывод о необходимости более тесного международного сотрудничества между обеими странами для защиты детей, в частности, возможности заключения международного договора РФ и КНР об усыновлении.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, ювенальная юстиция, законодательство, компетенция, ответственность, профилактика, сиротство, организация детей-сирот, усыновление.

ZAKHAROV Kirill Leonidovich

student bachelor of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University.

SIKACH Artem Sergeevich

student bachelor of the 3rd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPUKHINA Elizaveta Sergeevna

student bachelor of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University.

CHEKULAEV Sergey Sergeevich

Ph.D. in of Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CHILD PROTECTION INSTITUTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article provides a description and analysis of the Russian and Chinese Institute for the Protection of Children with references to legislation, considers the peculiarities of the social structure and analyzes the role of the state and non-state entities in protecting the legitimate rights and interests of children. The main purpose of this research is to derive common provisions and differences that will help to derive the most effective measures and powers that are necessary for the institution of child protection. Analyzing the current integration trends, it is concluded that there is a need for closer international cooperation between both countries to protect children, especially the possibility of concluding an international treaty between the Russian Federation and the PRC on adoption.

Keywords: guardianship and guardianship authorities, juvenile justice, legislation, competence, responsibility, prevention, orphanhood, organization of orphans, adoption.

Наиболее важным и всеобъемлющими международно-правовым актом, регулирующим сферу защиты прав и интересов детей, является Конвенция о правах ребенка, принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. Российская Федерация и Китайская Народная Республика приняли и ратифицировали данный международно-правовой акт, тем установив гарантию соблюдения неотъемлемых и неотчуждаемых

прав детей, в частности: право на жизнь, имя, приобретение гражданства, на образование, пользования благами социального обеспечения, свободно выражать свое мнение, свободу мысли, совести и религии. В каждой стране существует институт защиты детей и в связи с особенностями общественного и исторического развития в каждой стране есть особенности при решении вопроса защиты детей.

Российская Федерация, являясь социальным государством, согласно ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, берет на себя обязанность обеспечить достойную жизнь гражданам нашей страны и заботиться о благосостоянии каждого члена общества.

Решение вопросов по осуществлению опеки и попечительства относится к деятельности органов государственной власти субъекта РФ самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ. В ч. 2 ст. 132 Конституции РФ установлено, что органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями с отправкой необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств¹.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»², орган опеки и попечительства - орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В обязанности органа опеки и попечительства в первую очередь относится установление лиц, которым необходима опека и попечительство для защиты их прав и законных интересов.

В общем порядке в течение месяца со дня поступления информации об ребенке, оставшемся без попечения родителей, органы опеки и попечительства назначают опекуна (попечителя). В случае невозможности назначения опекуна (попечителя) в течение месяца опека над несовершеннолетним временно переходит к органам опеки и попечительства (п. 1 ст. 35 ГК РФ).

Согласно вышеупомянутому пункту, назначение опекунов (попечителей) происходит по месту жительства несовершеннолетнего, но при наличии заслуживающих внимания обстоятельств, опекун (попечитель) может быть назначен по его месту жительства. Назначение опекуна и попечителя оформляется постановлением главы местной администрации по месту жительства подопечного или опекуна (попечителя) и выдается опекунское удостоверение. Для контроля над тем, как опекун (попечитель) воспитывает и обеспечивает несовершеннолетнего кроме постановления и удостоверения оформляется личное дело подопечного, которое включает: документы, необходимые для установления опеки (попечителя) и акты органов опеки и попечительства, которые оформляются при проверке условий проживания несовершеннолетнего.

Опека или попечительство устанавливаются над детьми, оставшимися без попечения родителей (п. 1 ст. 145 СК РФ) в случае:

- смерти родителей;
- лишение, ограничение их родительских прав;
- признание родителей недееспособными, болезнь родителей;
- их длительное отсутствие, уклонение родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов;

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

– отказ родителей взять своих детей из воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения и других аналогичных учреждений.

Желание ребенка – важный и необходимый элемент при подборе опекунов и попечителей (п. 2, 3 ст. 35 ГК РФ и п. 1, 2 ст. 146 СК РФ). В свою очередь гражданин, который желает стать опекуном (попечителем) должен в письменной форме в виде заявления уведомить уполномоченные органы опеки и попечительства.

Для полноценной защиты детей, которые остались без попечения родителей обязательства по их защите и представлений интересов на период установления опеки переходят к органам опеки и попечительства [1].

В настоящий период существует ряд тенденций, которые характеризуют увеличивающуюся роль государства в защите прав детей и их закрепления в российском законодательстве. Например, контроль и методическое сопровождение федеральной исполнительностью власти деятельности органов опеки и попечительства как органов исполнительной власти субъектов федерации³. Согласно ч. 5 ст. 6 Федерального закона № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» Правительство Российской Федерации делегирует полномочия федеральных органов исполнительной власти следующим образом:

1) Контроль за деятельностью органов опеки и попечительства относится к полномочиям федеральной службы по надзору в сфере образования и науки⁴;

2) Утверждение требований к профессиональным знаниям и навыкам работников органов опеки и попечительства относится к полномочиям Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и для квалифицированного и качественного исполнения Министерством труда и социальной защиты утвержден профессиональный стандарт «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних»⁵;

3) Утверждение дополнительных профессиональных программ для работников органов опеки и попечительства, разработка методических материалов по вопросам деятельности по опеке и попечительству относится к полномочиям Министерства образования и науки Российской Федерации⁶ и для высококвалифицированного исполнения были разработаны методические рекомендации⁷.

3 Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М., 2012.

4 Постановление Правительства РФ от 15.07.2013 № 594 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки» (в ред. от 28.03.2015) // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 3971.

5 Приказ Минтруда России от 18.11.2013 № 680н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. 2014. 17 янв.

6 Постановление Правительства РФ от 03.06.2013 № 466 «Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации» (в ред. от 30.06.2014) // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2923.

7 Рекомендации по совершенствованию деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,

Нормативно-правовой базой для защиты детей в Китайской Народной Республике выступает множество нормативно-правовых актов: конституция, гражданский кодекс, закон о защите несовершеннолетних, закон об усыновлении.

В конституции КНР, как и в конституции РФ брак, семья, материнство и дети находятся под защитой государства, законодательно закреплена обязанность родителей воспитывать, обучать своих несовершеннолетних детей, как и совершеннолетние дети обязаны поддерживать, помогать своим родителям и запрещается жестокое отношение к несовершеннолетним детям.

Согласно закону КНР о защите несовершеннолетних при решении вопросов, связанных с несовершеннолетними, должны выполняться следующие требования:

1. Предоставление особой и преимущественной защиты несовершеннолетним;
2. Уважение личного достоинства несовершеннолетних;
3. Защита частной жизни и личной информации несовершеннолетних;
4. Соблюдение закона и особенностей физического и психического развития несовершеннолетних;
5. Учет мнения несовершеннолетних;
6. Сочетание защиты с образованием.

Данные требования в КНР коррелируют с принципами, которые применяются при решении вопроса о защите детей в РФ.

Компетенция и деятельность органов опеки и попечительства в Китайской Народной Республике регламентирована разделом II Гражданского Кодекса, принятого на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 28 мая 2020 года и вступившего в силу 1 января 2021 года⁸.

В случае если родители несовершеннолетнего умерли или не могут быть попечителями своих несовершеннолетних детей следующие лица имеют право выступать в качестве опекунов: (ст. 27 ГК КНР)

1. дедушка и бабушка по материнской и отцовской линии;
2. старший брат или сестра;
3. любое лицо или организация, выразившее желание выступить в качестве опекуна с согласия комитета городского, сельского населения или органом гражданской администрации в месте проживания несовершеннолетнего.

В отличие от РФ в КНР определен конкретный список лиц, которые наиболее подходят в качестве опекунов, и они в первую очередь рассматриваются при подборе, в свою очередь законодательное закрепление представителей старшего поколения в качестве опекунов вызван традиционным устройством китайской семьи с совместным проживанием трех поколений в одном доме и конфуцианских традиций, которые исторически играли важную роль в устройстве семьи и устройства государства в целом.

При этом в случае возникновения спора об определении опекуна комитет городского, сельского населения или орган гражданской администрации по месту жительства несовершеннолетнего принимает решение о назначении с учетом его мнения.

При отсутствии лиц, которые в соответствии с законодательством пригодны к назначению опекуном орган гражданской администрации может быть назначен опекуном, комитет городского либо сельского населения может выступать в качестве опекуна при наличии соответствующих условий. (ст. 31 ГК КНР)

Важная роль возложена на судебную систему, именно по решению суда происходит отмена опеки, и в дальнейшем решением суда постановляются необходимые временные меры для опеки, а также в соответствии с принципом наибольшего благоприятствования подопечному в соответствии с законодательством назначает опекуна, если прежний опекун:

1. Совершает гражданско-правовые отношения, причиняющие вред физическому или психическому здоровью подопечного;
2. Не выполняет обязанности, не имеет возможности их выполнять с отказом делегирования все или часть обязанностей;
3. Выполняет действия, которые ущемляет законные права и интересы подопечного. (ст. 36 ГК КНР)

Детские приюты КНР играют особую роль в усилиях страны по уходу за детьми. Дома-интернаты и некоторые учреждения социального обеспечения, которые также принимают на опеку и воспитание детей-сирот, в основном детей, потерявших родителей во время стихийных бедствий или аварий, а также детей, брошенных родителями по причине серьезной или почти непоправимой умственной или физической инвалидности, или потому, что они заразились серьезной болезнью.

Таковы способы воспитания сирот под опекой в КНР: учреждения социального обеспечения, созданные правительством или коллективами для опеки и воспитания некоторых сирот до их совершеннолетия, и обеспечивают жизнеобеспечение идиотских и серьезных инвалидов-сирот, находящихся под их опекой; часть детей-сирот воспитывается в домах граждан под опекой социальных учреждений; некоторые сироты усыновлены местными гражданами, а небольшое количество - иностранными гражданами в соответствии с соответствующими законами.

Помимо социальных учреждений, созданных правительством и обществом для заботы о сиротах и брошен-

8 в целях создания в них условий воспитания, приближенных к семейным, а также привлечению этих организаций к профилактике социального сиротства, семейному устройству и постинтернатной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, утв. письмом Минобрнауки России от 18.06.2013 № ИР-590/07 «О совершенствовании деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Вестник образования. 2013. № 18.

8 Civil Code of the People's Republic of China (принята третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 28.05.2020) Доступ из справ. - правовой системы «China Law Translate». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/en/civilcode/>

ных детей, государство поощряет граждан усыновлять этих детей, чтобы они могли вести нормальную семейную жизнь и расти здоровыми телом и разумом. В целях защиты законного усыновления и законных прав заинтересованных лиц, а также для обеспечения ухода и воспитания усыновленных несовершеннолетних Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял закон об усыновлении. В соответствии с этим законом Министерство юстиции и Министерство гражданских дел с одобрения Государственного совета опубликовали для реализации Порядок усыновления детей иностранцами в Китайской Народной Республике.

Все процедуры усыновления проводятся в соответствии с законом. Как китайские граждане, так и иностранцы должны соответствовать требованиям, установленным законом, и пройти все необходимые процедуры. При проведении процедур усыновления соответствующего лица соответствующие ведомства правительства взимают плату строго в соответствии с законом. В соответствии с законом усыновитель оплачивает в дом социального обеспечения расходы на воспитание усыновленного, которые затем используются для улучшения условий жизни других детей в учреждении. Эта стоимость определяется в основном путем переговоров между двумя сторонами.

Большая часть средств для детских приютов поступает из ассигнований государственных и местных финансовых ведомств (средства заложены в бюджет как полные операционные расходы домов престарелых в финансовом отчете каждого года), дополненных другими средствами, такими как коллективный сбор средств, благотворительные лотереи и пожертвования. С 1990 по 1994 год местные финансовые отделы выделили в общей сложности 515 миллионов юаней непосредственно городским домам социального обеспечения для детей (из этой суммы 40 процентов используются непосредственно для обеспечения средств к существованию детей) с ежегодным приростом в 25,5 процента. тем самым гарантируя основные потребности детей. За этот период государство выделило 740 млн юаней специально на благоустройство домов престарелых для детей⁹.

Средства, получаемые каждым домом социального обеспечения по всей стране, различаются из-за разного уровня экономического развития в каждой области. В экономически развитых районах средние расходы на ребенка в месяц составляют от 400 до 500 юаней, а в менее развитых районах - от 200 до 300 юаней. Прожиточный минимум детей в домах престарелых обычно не ниже, чем у местных жителей, ввиду сравнительно низких цен в стране.

Дома социального обеспечения для детей в Китайской Народной Республике приняли довольно полную, систематизированную административную систему. Система требует, чтобы дети находились под наблюдением в течение двух-трех месяцев, прежде чем они будут при-

няты. В течение периода наблюдения соответствующие подразделения разыскивают родителей ребенка или подтверждают его или ее идентификацию, в то же время проводится всесторонний медицинский осмотр ребенка и практикуется изоляция детей, страдающих инфекционными заболеваниями. В каждом доме социального обеспечения для детей разработаны строгие правила и положения, касающиеся всех аспектов внутреннего управления и жизни детей - воспитания, ухода, медицинского обслуживания, реабилитации, научных исследований, реабилитации по месту жительства, обучения и вспомогательных услуг.

Для надзора за выполнением этих административных процедур отделы по гражданским делам проводят регулярные проверки. Подразделения, прошедшие проверки без нарушений получают высокую оценку, а те подразделения или отдельные лица, которые серьезно нарушают правила, наказываются.

Анализ институтов защиты детей и законодательства Российской Федерации показал, что общие принципы устройства защиты детей, в частности активное участие государства, общие основания для установления опеки, роль судебной власти и неправительственных организаций в защите детей позволяет сделать вывод о возможности заключения международного договора РФ и КНР об усыновлении. Нынешние тенденции в международных отношениях обеих стран позволяют рассмотреть более тесное сотрудничество стран в устройстве детей, которым необходима попечительство, а общие принципы и устройство институтов защиты детей облегчают данную возможность.

Пристатейный библиографический список

1. Сергеев А. П. Гражданское право: Учебник. Часть 1 / Под ред. проф. Сергеева А. П., Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – С. 73.

9 Детские дома в КНР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.china.org.cn/e-white/children/c-6.htm> (дата обращения: 07.09.2022).

ЗИМНЕВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент Тюменского государственного университета

АВДЕЕВ Кирилл Олегович

магистрант Института государства и права Тюменского государственного университета

СООТНОШЕНИЕ ЗАДАТКА И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОГО ПЛАТЕЖА КАК СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В данной статье авторами рассматривается вопрос соотношения задатка и обеспечительного платежа с точки зрения их сущности как обеспечительных средств.

В целях всестороннего рассмотрения обозначенного вопроса авторы проводят подробный анализ исследуемых обеспечительных средств, обращаясь к особенностям всего института обеспечения в гражданском праве, которые характерны для каждого отдельно взятого способа обеспечения, проводят сравнение задатка и обеспечительного платежа с точки зрения сходств и различий в механизме действия как обеспечительного средства. Авторами выделяются чёткие критерии разграничения рассматриваемых обеспечительных средств друг от друга и делается вывод о степени целесообразности выделения обеспечительного платежа как отдельного обеспечительного средства.

Ключевые слова: способы обеспечения, обеспечительные средства, задаток, обеспечительный платёж, исполнение обязательств, восстановительно-возместительная функция.

ZIMNEVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Tyumen State University

AVDEEV Kirill Olegovich

magister student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

THE CORELLATION OF THE DEPOSIT AND THE SECURITY DEPOSIT AS WAYS TO SECURE OBLIGATIONS IN CIVIL LAW

In this article, the authors consider the issue of the ratio of the deposit and the security deposit from the point of view of their essence as security funds.

In order to comprehensively consider the identified issue, the authors conduct a detailed analysis of the security funds under study, referring to the features of the entire institution of security in civil law, which are characteristic of each individual method of security, compare the deposit and the security deposit in terms of similarities and differences in the mechanism of action as security tool. The authors highlight clear criteria for distinguishing the considered security funds from each other and conclude on the degree of expediency of allocating a security deposit as a separate security asset.

Keywords: methods of security, security funds, deposit, security payment, fulfillment of obligations, restorative function.

На сегодняшний день институт обеспечения в гражданском праве России играет существенную роль в обеспечении стабильности и предсказуемости экономических отношений между участниками рынка благодаря разработанному инструментарию, направленному на обеспечение имущественных интересов кредитора.

Глава 23 Гражданского кодекса Российской Федерации на сегодняшний день выделяет семь отдельных видов обеспечительных средств, каждое из которых обладает своими особенностями, преимуществами, недостатками и спецификой применения. Тем не менее, все закреплённые способы обеспечения существуют для достижения единой цели – обеспечения имущественных интересов кредитора от неисполнения или ненадлежащего исполнения основного обязательства должником путём восстановления его изначального имущественного положения за счёт имущества должника или иных лиц.

Исходя из указанного, сущностью любого обеспечительного средства является его восстановительно-возместительная природа, поскольку главной задачей при применении какого-либо из способов обеспечения является именно защита прав и имущественного интереса кредитора и обеспечение гарантированности в восстановлении его нарушенного имущественного положения вследствие неисполнения обязательства должником, что предоставляет кредитору дополнительные гарантии при осуществлении гражданско-правовых отношений и позволяет ему вести экономическую

деятельность, которая может нести в себе риски неисполнения обязательства должником.

Безусловно, функция стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательства и функция карательного воздействия на должника при применении обеспечительных средств также присутствует, однако указанные функции играют второстепенную, производную роль по отношению к главной – восстановительно-возместительной функции. Специфика обеспечительных средств и гражданской ответственности заключается не в карательной направленности воздействия на виновное лицо и необходимости к принуждению его претерпевать негативные последствия, а в приоритете поддержания экономической стабильности гражданского оборота посредством предоставления «гарантий» восстановления своего имущественного положения стороне, которая пострадала от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Именно с точки зрения данного подхода к сущности обеспечительных средств в рамках данной статьи проводится сравнительный анализ задатка и обеспечительного платежа как способов обеспечения обязательств.

Согласно п. 1 ст. 380 ГК РФ, задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения.

Задаток может использоваться в целях: 1) предотвращения неисполнения обязательств; 2) удостоверения наличия

денежных средств у обязанного осуществлять платежи субьекта; 3) подтверждения факта наличия обязательственных отношений между лицами [1].

Обеспечительный платёж, по смыслу п. 1 ст. 381.1 ГК РФ, представляет собой денежную сумму, вносимую одной стороной в пользу другой стороны, обеспечивающая денежное обязательство, в том числе и обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, а также обязательство, возникшее на основании п. 2 ст. 1062 ГК РФ.

Общий механизм возмещения убытков устанавливается статьёй 15 ГК РФ и заключается в совокупности действия следующих элементов: «исчисление размера убытков, «источник возмещения», «возместительное действие». Главной особенностью обеспечительных средств в сравнении с общим механизмом возмещения убытков является то, что каждое из представленных в ГК РФ средств обеспечения обязательств «упрощает» один или одновременно несколько элементов механизма возмещения убытков.

Так, задаток и обеспечительный платёж «упрощают» элемент «источника возмещения» и «возместительного действия», так как, если по общему правилу источник возмещения определяется должником самостоятельно или по решению суда, а активное возместительное действие по передаче имущества кредитору выполняет сам должник, то в случае с задатком и обеспечительным платежом источником возмещения является непосредственно переданная кредитору денежная сумма, а возместительное действие осуществляет сам кредитор, поскольку в его владении уже находится имущество, которое является предметом возмещения убытков.

Как задаток, так и обеспечительный платёж выполняют в первую очередь восстановительную функцию, поскольку предоставляют кредитору возможность получить удовлетворение имущественного интереса и восстановить нарушенное право посредством обращения в свою пользу суммы задатка и обеспечительного платежа полностью или в части. Однако в данном случае существенным отличием является направленность обеспечительного действия каждого из представленных средств. Если обеспечительный платёж обеспечивает только интересы кредитора, посредством предоставления только ему возможности исполнять восстановительную функцию [2], то задаток направлен на обеспечение интересов обеих сторон, поскольку в случае нарушения исполнения обязательства должником кредитор вправе обратиться в свой доход всю сумму задатка, но если ответственным за неисполнение обязательства является кредитор, то сумма задатка подлежит возврату должнику в двойном размере.

Кроме того, основная функция задатка заключается в обеспечении обязательства должника по установлению основного обязательства в будущем, тогда как функциональная направленность обеспечительного платежа сконцентрирована на обеспечении исполнении самого основного обязательства.

Также немаловажным отличием следует считать, что обеспечительный платёж выполняет свою восстановительную функцию в полном объёме как в случае неисполнения обязательства, так и в случае ненадлежащего исполнения обязательства должником. В данном случае закон устанавливает тождество данных условий для возникновения возможности применения возместительного механизма. Задаток же, в свою очередь, в полной мере выполняет восстановительную функцию только в случае неисполнения основного обязательства, так как в случае ненадлежащего (то есть частичного) исполнения обязательства получателем задатка двойная сумма задатка не подлежит взысканию.

Аналогичным образом отличается порядок возврата сумм обеспечительного платежа и задатка в случае неисполнения основного обязательства получателем денежных средств или отсутствия факта наступления обстоятельств, предусмотренных договором. В данном случае обеспечительный платёж, по общему правилу, подлежит возврату в полном объёме стороне, совершившей платёж, в то время как задаток подлежит возврату в двойном размере как средство возмещения убытков задаткодателя в связи с ненаступлением обстоятельств, предусмотренных договором.

Важно отметить, что как обеспечительным платежом, так и задатком обеспечиваются денежные договорные обязательства. Тем не менее, задаток подлежит внесению исключительно в денежной форме, в то время как для внесения обеспечительного платежа предусмотрены альтернативные формы выражения, как, например, акции, облигации, векселя и другие ценные бумаги [3].

Относительно зачёта внесённых сумм в счёт исполнения обязательства также существуют различия между двумя обеспечительными средствами. Сумма задатка подлежит такому зачёту только в том случае, если задаткодатель исполнил своё основное обязательство по договору, тогда как условия зачёта суммы обеспечительного платежа определяются условиями договора между сторонами и могут варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств гражданско-правовых отношений.

Помимо указанного, соглашение о задатке вне зависимости от вносимой суммы всегда заключается в письменной форме в соответствии с требованиями п. 2 ст. 380 ГК РФ, тогда как обеспечительный платёж не связан прямыми требованиями закона к форме заключения соглашения о его внесении, в связи с чем требования к форме соглашения определяются в соответствии с общими требованиями к формам сделок, установленными ГК РФ.

Таким образом, несмотря на определённое сходство в сущности и механизме действия задатка и обеспечительного платежа как средств обеспечения исполнения обязательств, они обладают рядом ключевых отличий, позволяющих выделять их в качестве самостоятельных средств, направленных на обеспечение разных обязательств. В связи с существенной разницей в предмете и способах воздействия на гражданско-правовые отношения, недопустимо проводить прямое сравнение указанных обеспечительных средств в контексте необходимости выделения наиболее «оптимального» и «лучшего» из них. Каждое из рассматриваемых обеспечительных средств выполняет, хотя и в рамках схожего механизма действия, разные функции и наиболее применимы в разных гражданско-правовых отношениях, вследствие чего первоочередным вопросом становится чёткое определение сущности обязательств, подлежащих обеспечению, исходя из чего делается выбор в пользу того или иного обеспечительного средства.

Авторы полагают, что в рамках гражданского оборота обеспечение обязательства внесением задатка в большей степени уместно и эффективно в отношении консенсуального договора, обязательства по которому подлежат исполнению одновременным действием, например, в отношении договора купли-продажи или подряда, когда речь идёт о стороне покупателя или заказчика, в то время как использование обеспечительного платежа наиболее оправдано в отношении длящихся обязательств, носящих периодический характер исполнения, как при договоре аренды, лизинга или поставки, поскольку направлены на обеспечение долговременных отношений, в рамках которых кредитор уверен в исполнении очередного обязательства по договору должником, что подтверждает оправданность его выделения в отдельный вид обеспечительных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Удалова Н. М. Задаток как способ обеспечения исполнения обязательств // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 1. – С. 25-27.
2. Гасников К. Д. Правовая природа обеспечительного платежа и применения неустойки и убытков в рамках предварительного договора // Комментарий. Практика рассмотрения эконом. споров (судеб.-арбитраж. практики) / Под ред. В. Ф. Яковлева. – 2015. – № 21. – С. 124-127.
3. Анциферов О. Д. Обеспечительный платёж по предварительному договору купли-продажи жилья // Законодательство и экономика. – 2007. – № 1. – С. 73-75.

КИРСАНОВ Алексей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ГРЕВЦЕВ Николай Алексеевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БРОКЕРА С РОЗНИЧНЫМ ИНВЕСТОРОМ

Написание статьи было обусловлено большим притоком за последние несколько лет на финансовый рынок розничных инвесторов, которые не обладают необходимыми знаниями и навыками работы на фондовом рынке. Брокеры, в свою очередь, воспользовались данной ситуацией и активно начали привлекать на брокерское обслуживание как можно больше клиентов, при этом допуская значительное число злоупотреблений при взаимодействии с клиентами. В статье подробно исследуются основные проблемные аспекты взаимодействия брокера с розничным инвестором. В частности, авторами рассматриваются вопросы содержания договора о брокерском обслуживании, исследуется международный опыт регулирования взаимодействия финансовых посредников со своими клиентами, а также предлагаются различные варианты совершенствования отечественного законодательства в целях развития российского финансового рынка. Указанные предложения могут быть использованы законодателем при подготовке соответствующих нормативных актов.

Ключевые слова: брокер, розничный инвестор, фондовый рынок, договор о брокерском обслуживании, финансовый рынок, финансовый посредник.

KIRSANOV Alexey Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

GREVTSEV Nikolay Alexeevich

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ABOUT SOME ASPECTS OF THE BROKER'S INTERACTION WITH THE RETAIL INVESTOR

The writing of the article was due to the large influx of retail investors into the financial market over the past few years who do not have the necessary knowledge and skills to work in the stock market. Brokers, in turn, took advantage of this situation and actively began to attract as many clients as possible to brokerage services, while allowing a significant number of abuses when interacting with clients. The article examines in detail the main problematic aspects of the broker's interaction with a retail investor. In particular, the authors consider the issues of the content of the brokerage service agreement, explore the international experience of regulating the interaction of financial intermediaries with their clients, and also offer various options for improving domestic legislation in order to develop the Russian financial market. These proposals can be used by the legislator in the preparation of relevant regulations.

Keywords: broker, retail investor, stock market, brokerage agreement, financial market, financial intermediary.

Введение

Большое количество людей в нашей стране в последнее время начали активно интересоваться темой инвестиций. Брокер является профессиональным участником рынка ценных бумаг, который предоставляет возможность физическим лицам для торговли на финансовом рынке. Финансовый посредник открывает гражданам мир инвестиций, позволяя им заключать сделки с различными финансовыми инструментами. Физическое лицо становится клиентом брокера путем заключения с ним договора о брокерском обслуживании.

Договор о брокерском обслуживании представляет собой основной документ в правоотношениях брокера со своими клиентами, который определяет взаимные права, обязанности, а также регулирует порядок разрешения возникающих в процессе взаимодействия споров. Данное соглашение играет ключевую роль при взаимодействии брокера с розничным инвестором, поскольку юридически закрепляет условия их сотрудничества. При заключении данного договора будущий клиент должен подписать ряд достаточно объемных документов, которые, как правило, человек просто не читает. К таким документам, в частности, относятся Анкета Инвестора; депозитарный договор; заявление о присоединении клиента к условиям предоставления брокерских услуг

[1], являющихся неотъемлемой частью договора о брокерском обслуживании. Количество и наименование необходимых для подписания документов у различных брокеров может отличаться.

Вместе с тем в настоящее время часто возникает вопрос о справедливости условий такого соглашения, а также вопрос о добросовестности выполнения именно финансовой организацией своих обязанностей в рамках сотрудничества с клиентами. Такие дискуссии появляются, прежде всего, по причине увеличения количества розничных инвесторов за последние несколько лет на российском финансовом рынке. Серьезные опасения также вызывает кратный рост числа недобросовестных действий, которые допускают брокеры в своей профессиональной деятельности по отношению к розничным инвесторам, поскольку вследствие отсутствия правовых механизмов и нормативной базы они остаются безнаказанными. 2020 год, безусловно, можно определить, как прорывной год для российского фондового рынка. Такой рывок был обусловлен такими факторами как низкие ставки по депозитам, волатильность фондового рынка, привлекательные и агрессивные рекламные кампании профессиональных участников рынка ценных бумаг, мягкой денежно-кредитной политикой государства, а также появившимися доступными

и функциональными мобильными приложения брокеров. По итогам того года число инвесторов увеличилось более чем в два раза [2, с. 2.], в результате чего почти десять миллионов человек в России были клиентами различных финансовых посредников. 2021 год продолжил данную тенденцию и, по данным Банка России, по состоянию на 31.12.2021, уже больше двадцати миллионов человек находилось на брокерском обслуживании в нашей стране. Однако 2022 год для российского финансового рынка стал годом вызовов и глобальной трансформации. В отношении ряда финансовых компаний со стороны ряда недружественных России государств были введены беспрецедентные санкции, которые создали определенные трудности не только этим компаниям, но и их клиентам. Именно в этот период особо остро проявилась проблема неравнозначного положения сторон договора о брокерском обслуживании. Очевидно, что профессиональные участники рынка ценных бумаг, осуществляющие брокерскую деятельность, не были готовы к такому значительному притоку розничных инвесторов.

Анализ договорных отношений брокера и розничного инвестора

На наш взгляд, финансовые посредники за последние годы в своем развитии взаимодействия с розничными инвесторами прошли несколько этапов. Первый этап был ознаменован удивлением от возросшего интереса населения нашей страны к теме инвестиций и не пониманием того, как предоставить клиентам качественный сервис. Второй этап иллюстрируется осознанием того факта, что они получили уникальную возможность увеличить свою прибыль за счет новых клиентов. Именно в рамках данного этапа брокеры начали формировать регуляторную среду взаимодействия с инвесторами, учитывая лишь собственную выгоду и потребности. Интересы массового инвестора были проигнорированы, поскольку именно брокер является автором договора о брокерском обслуживании. Наконец, третий этап можно охарактеризовать периодом для решения возникших проблем, часть из которых появились в связи с недобросовестным поведением брокером по отношению к розничным инвесторам в два предыдущих этапа.

На наш взгляд, представляется важным проанализировать договорную конструкцию, которая оформляет взаимодействие брокера с розничным инвестором. Как уже было отмечено выше, таким связующим документом является договор о брокерском обслуживании. Данное соглашение может быть оформлено как по модели договора поручения, а также договора комиссии [3], [4]. Среди характерных черт конструкции поручения в договоре о брокерском обслуживании можно выделить необходимость заключения брокером сделок купли-продажи ценных бумаг на основании поручения клиента и в строгом соответствии с условиями, обозначенными в данном поручении. Модель договора комиссии может проявляться в том, что оплата услуг финансового посредника производится путем внесения инвестором заранее согласованного в положениях договора о брокерском обслуживании вознаграждения. Вместе с тем решения судебных инстанций исследования в нашей стране не всегда совпадают с позициями ученых, изложенными в доктринальных исследованиях. В судебной практике имеют место акты, в которых договор о брокерском обслуживании признается агентским договором [5], [6]. Основанием для такой трактовки указывается соответствующая сущность правоотношений сторон данного соглашения. На наш взгляд, договор о брокерском обслуживании представляет собой разновидность договора возмездного оказания услуг и является рамочным договором. Конкретная же юридическая модель сотрудничества определяется сторонами договора непосредственно при его заключении.

Важным аспектом взаимодействия брокера с розничным инвестором является тот факт, что договор о брокерском обслуживании создается профессиональным участником, а «непрофессионал» в соответствии со статьей 428 Гражданского кодекса Российской Федерации обязан присоединиться к такому договору. Потенциальный клиент, не обладая сравнимой с брокером экспертизой, вынужден принимать предлагаемые ему условия сотрудничества без возможности их изменения. Такое положение очевидно создает договорную диспропорцию, делая розничного инвестора заведомо слабой стороной правоотношений, поскольку финансовый посредник разрабатывает условия такого соглашения, прежде всего, учитывая собственные интересы и защищая свои права. Такое пренебрежение положением клиента, на наш взгляд, приводит к совершенно обоснованным претензиям клиентов, которые обнаруживают такие ущемляющие условия уже в процессе взаимодействия с брокером. Вместе с тем с юридической точки зрения такие требования не могут являться обоснованными, поскольку при заключении договора о брокерском обслуживании клиент соглашается со всеми его положениями. Единственным способом клиента защиты своих прав в таком случае может быть обращение в суд, ссылаясь на пункт 2 статьи 4 Федерального закона от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», в котором сформулировано правило, запрещающее брокерам включать в соглашения с клиентами положения, которые ограничивают права инвесторов по сравнению с правами, предусмотренными законодательством Российской Федерации о защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг, под страхом ничтожности таких условий. Однако, следует отметить, что отечественные инвесторы пока не слишком активно используют судебный способ защиты своих прав.

Еще одним проблемным аспектом при взаимодействии брокера с розничным инвестором является субъективный фактор, который выражается в том, что подавляющее большинство инвесторов не желают подробно знакомиться с условиями договора о брокерском обслуживании. Недобросовестные брокеры зачастую пользуются этим и позволяют себе включать по умолчанию в текст договора ущемляющие права и интересы клиента условия:

- автоматическое подключение маржинального кредитования;
- возможность направления претензий и жалоб брокеру только на бумажном носителе по месту его нахождения;
- отсутствие установленного срока для зачисления и вывода денежных средств с брокерского счета;
- исключение ответственности брокера за технические свои в системах интернет-трейдинга;
- информирование клиентов об условиях изменения договора о брокерском обслуживании, в том числе тарифов брокерского обслуживания, только путем размещения данной информации на сайте брокера.

По нашему мнению, вышеизложенные факты свидетельствуют о доминирующем положении финансового посредника в правоотношениях со своими клиентами. Очевидной новацией в области регулирования финансовых посредников представляется введение запрета на включение в содержание договора о брокерском обслуживании условий, которые ущемляют положение розничного инвестора по сравнению с положением брокера. На наш взгляд, это позволит в какой-то степени сгладить имеющуюся договорную диспропорцию в правоотношениях.

При рассмотрении вопроса о взаимодействии брокера с розничным инвестором нельзя не упомянуть о чрезмерном объеме договора о брокерском обслуживании, который не предоставляет инвестору возможность ознакомиться с его содержанием в понятном и удобном виде. На наш взгляд, это является одной из ключевых проблем во взаимодействии бро-

кера с розничным инвестором. Клиент изначально не имеет возможности понять условия брокерского обслуживания и оценить для себя целесообразность заключения соглашения с тем или иным финансовым посредником. Из-за отсутствия необходимых знаний в случае возникновения проблемных ситуаций инвестор начинает предъявлять брокеру, клиентом которого он является, необоснованные претензии. Это, в свою очередь, порождает конфликтную ситуацию, вследствие которой, как правило, клиент остается без удовлетворения собственных требований в силу положений подписанного им же договора о брокерском обслуживании. Появление таких ситуаций негативно сказывается как на развитии финансового рынка России в целом, так и на ожиданиях отдельного клиента от планируемых инвестиций, в частности. По нашему мнению, необходимо путем тесного взаимодействия представителей финансового рынка с регулирующими органами прийти к решению об адаптации содержания и упрощении содержания договора о брокерском обслуживании. Одним из вариантов решения данного вопроса может стать информирование клиентов путем предоставления основных условия такого соглашения в удобной табличной форме. Такая практика информирования клиентов уже положительно себя зарекомендовала в случае с кредитными договорами [7].

Зарубежный опыт взаимодействия брокера и розничного инвестора

При изучении темы взаимодействия брокера с розничным инвестором считаем целесообразным обратиться также к зарубежному опыту. В этой связи интересным представляется опыт Соединенных Штатов Америки. В США существует механизм страхования денежных средств, размещенных на брокерских счетах розничных инвесторов, который осуществляется за счет фонда SIPC [8]. Securities Investor Protection Corporation представляет собой негосударственный фонд, который обеспечивает защиту прав и законных интересов розничных инвесторов при банкротстве финансовых посредников. В случае банкротства брокера в США сумма страхового возмещения может достигать до 500 000 долларов США. Кроме того, страхованию в США подлежат различные ценные бумаги, которые учитываются на депозитарных счетах розничных инвесторов. Таким образом, в случае несостоятельности финансового посредника финансовые активы и/или денежные средства клиента могут быть переведены к другому профессиональному участнику финансового рынка либо же стоимость активов клиента будет компенсирована специализированной корпорацией в размере до 500 000 долларов США. При этом необходимо отметить, что в США не подлежат страхованию производные финансовые инструменты, например, фьючерсные контракты, заключаемые розничными инвесторами на бирже. В европейских странах также существует подобный механизм страхования инвестиций розничных инвесторов, однако страховая сумма возмещения не превышает 20 000 евро, а получить компенсацию возможно только на банковский счет клиента [8]. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании подобного механизма страхования инвестиций граждан и в нашей стране. При этом, безусловно, в процессе обсуждения данной инициативы должны участвовать как государственные органы, так и представители профессионального сообщества. Только нахождение баланса интересов сможет обеспечить эффективную систему, которая будет защищать интересы розничных инвесторов, так и придаст новый импульс развития фондового рынка путем повышения доверия граждан к инвестированию.

Заключение

Таким образом, взаимодействие брокера с розничным инвестором представляется собой сложный процесс. Оно строится, прежде всего, на условиях договора о брокерском

обслуживании. Автором данного соглашения является только брокер, что не позволяет обеспечить соблюдение принципов равноправия и свободы договора. На наш взгляд, соблюдение баланса интересов финансовой организации и клиента должно быть основой такого соглашения, что сделает их правоотношения более справедливыми и прозрачными. Достижение такого баланса возможно осуществить, в том числе путем реализации тех предложений, которые были изложены в настоящей статье. Кроме того, полагаем целесообразным использование приведенного зарубежного опыта при дальнейшем совершенствовании регулирования в сфере взаимодействия финансовых посредников со своими клиентами. С учетом происходящих изменений и преобразований отечественного финансового рынка это может вернуть доверие инвесторов к теме инвестиций, а также расширить круг потенциальных инвесторов.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева Ю., аналитик ГК «ФИНАМ», «Как правильно заключить брокерский договор» // Финам, статья от 17.07.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finam.ru/education/likbez/kak-pravilno-zaklyuchit-brokerskiy-dogovor-20190423-143842/>.
2. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг за 2020 год. Информационно-аналитический материал. Банк России, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/32068/review_secur_20.pdf.
3. Берзон Н. И. Рынок ценных бумаг: учебник для академического бакалавриата / Под общей редакцией Н. И. Берзона. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019.
4. Татьянников В. А. Рынок ценных бумаг: учебник под общ. ред. В. А. Татьянникова; М-во науки и высшего обр. Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2015 № 09АП-5811/2015 по делу № А40-135751/14 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.05.2016 № 09АП-15805/2016 по делу № А40-4686/16 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Указание Банка России от 10.12.2019 № 5350-У «О табличной форме условий кредитного договора, договора займа, которые заключены с физическим лицом в целях, не связанных с осуществлением им предпринимательской деятельности, и обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, перечень которых определен пунктами 1 - 13, 15 и 16 части 9 статьи 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 года №353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Зарубежный и российский брокер: сравнение, InvestProfit Прозрачное инвестирование. Финансовый блог, 15.05.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investprofit.info/zar-vs-ross-broker/>.

ЛЫСЦЕВ Борис Сергеевич

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

ВАНЕЕВА Мария Андреевна

слушатель Факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России

К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ, ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье авторами анализируются основные проблемы практической деятельности сотрудников полиции в области охраны собственности, предлагаются некоторые рекомендации по решению существующих проблемных вопросов. Приводится анализ правонарушений данного вида, на основе которого предлагается уделить внимание составам, не определяющим основные показатели оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, в целях разработки для них методических рекомендаций, позволяющих на достаточном уровне предупреждать, выявлять и пресекать правонарушения в области охраны собственности

Ключевые слова: административная деятельность полиции, сотрудник полиции, собственность, защита собственности, административное законодательство, квалификация, правонарушения в сфере охраны собственности, предупреждение, выявление, пресечение, проблема, решение, практическая рекомендация.

LYSTSEV Boris Sergeevich

senior lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

VANEEVA Mariya Andreevna

student of the Faculty of Police Training for Public Order Units of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE POLICE, CARRIED OUT IN THE PREVENTION, DETECTION AND SUPPRESSION OF OFFENSES IN THE FIELD OF PROPERTY PROTECTION

In this article, the authors analyze the main problems of the practical activities of police officers in the field of property protection, and offer some recommendations for solving existing problematic issues. An analysis is given of offenses of this type, on the basis of which it is proposed to pay attention to the compositions that do not determine the main indicators of the operational and service activities of employees of the internal affairs bodies, in order to develop methodological recommendations for them that allow, at a sufficient level, to prevent, detect and suppress offenses in the field of protection property

Keywords: administrative activity of the police, police officer, property, protection of property, administrative legislation, qualification, offenses in the field of property protection, prevention, detection, suppression, problem, solution, practical recommendation.

Статья 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее ФЗ «О полиции») определяет основные направления деятельности полиции, при реализации которых формируются определенные показатели оперативно-служебной деятельности, позволяющие сделать правильные выводы об эффективности административной деятельности конкретных подразделений полиции. Достаточно большой объем обязанностей полиции, определенный ст. 12 ФЗ «О полиции» зачастую усложняет выполнение задач, поставленных перед сотрудниками полиции в рамках реализации основных направлений деятельности. С учетом складывающейся в настоящее время оперативной обстановки, сотрудники всех структурных подразделений органа исполнительной власти в сфере внутренних дел должны быть особенно собраны и сосредоточены на выполнении своих служебных обязанностей и достижении задач, поставленных перед ними высшим руководством. Но при появлении и решении новых, наиболее актуальных вопросов, касающихся контроля за вновь появившимися составами и соблюдения правопорядка внутри страны из-за нестабильной внешнеполитической обстановки, не стоит забывать и о таких составах, мотив для

совершения которых будет актуален всегда, вне зависимости от политической и иной обстановки в стране. Хотя стоит упомянуть, что правонарушений в сфере охраны собственности и лиц, пытающихся их совершить, воспользовавшись таким положением вещей все больше.

Основным направлением деятельности полиции во все времена было и остается после защиты личности, общества, государства от противоправных посягательств – предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, в том числе в области охраны собственности, так как корыстный мотив является самым сильным и, как бы это не звучало, самой сильной антиобщественной установкой. Именно поэтому противодействие правонарушений в области охраны собственности должно быть в приоритете у сотрудников полиции, а также иных сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих административный надзор за неопределенным кругом лиц. При этом считаем необходимым отметить, что в профессиональной подготовке сотрудников полиции, как в учебных заведениях, так и в рамках профессиональной подготовки в территориальных органах, должен делаться упор не только на изучение составов,

определяющих основные показатели оперативно-служебной деятельности в области охраны собственности, но и иных перечисленных в главе 7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ). Проблема здесь, по нашему мнению состоит в том, что необходимо более предметная структуризация данной главы, ведь перечень составов достаточно обширен и многообразен, настолько, что рядом с покушениями на собственность государства, его недр, расположены такие правонарушения как порча, повреждение чужого имущества, что по сути, несоизмерно и несоизмеримо. Кроме того, действия сотрудников полиции и должностных лиц иных государственных учреждений и органов по предупреждению, выявлению и пресечению данных правонарушений будут достаточно сильно отличаться. А значит, целесообразно систематизировать правонарушения по видовому объекту, на который посягает правонарушитель, а именно в соответствии с Конституцией РФ по видам собственности, закрепленным в ней: частная, государственная, муниципальная. Это позволит наиболее подробно изучать имеющиеся составы, а также разработать эффективные методические рекомендации, содержащие приемы по предупреждению, выявлению и пресечению данных сгруппированных составов.

В силу существующего многообразия правонарушений, закрепленных в главе 7 КоАП РФ, для правильной квалификации каждого из них сотруднику органов внутренних дел необходимо иметь достаточный объем знаний в различных отраслях права, таких как: земельное право, патентное право, авторское право, законодательства о недрах и т.д. Покушения на разные виды собственности могут быть абсолютно различными, от стандартной порчи частного, муниципального или государственного имущества, до незаконного занятия земель и неправомерного пользования недрами, что, по сути, является собственностью, имеющей соответствующий статус. Также речь идет и об авторских и смежных правах на интеллектуальную собственность, ведь закон и правоохранительные органы обязаны защищать все виды собственности. Но лишь обладая определенными специальными знаниями, сотрудник полиции сможет своевременно предупредить, или уже выявить правонарушение данного вида.

Так, например, для квалификации состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.35 КоАП РФ, сотруднику полиции необходимо знать Временный регламент Организации работы федерального агентства по управлению федеральным имуществом по согласованию сделок федеральных государственных унитарных предприятий [1], основанных на праве хозяйственного ведения, в отношении закрепленного за ними федерального имущества, а также разбираться в особенностях порядка проведения подобных сделок.

В случае выявления или же пресечения административного правонарушения, предусмотренного статьей 7.2 КоАП РФ, сотрудник полиции должен иметь представление о статье 11 Закона «О недрах». В ней определен порядок пользования недрами в случае получения определенного документа, а именно лицензии на осуществление данных действий в оговоренный законом срок и при соблюдении заранее установленных условий и обязательств. При этом, для более точной квалификации и разъяснения понятий, данных в данном законе необходимо знать и толковать и иные нормативные

документы, такие постановления пленума Верховного Суда РФ [2].

При обучении в образовательных организациях высшего образования МВД России курсанты и слушатели – будущие сотрудники полиции приобретают соответствующие компетенции, позволяющие правильно толковать и применять нормативные правовые акты различного уровня по силе и действию, но, к сожалению, не все действующие сотрудники органов внутренних дел имеют профильное образование, а иногда, не имеют и юридическое образование. А значит, сотрудник, не обладающий соответствующими компетенциями, не сможет грамотно и своевременно выявлять, квалифицировать и предупреждать правонарушения в сфере собственности без соответствующей дополнительной подготовки, что порождает проблему, которую наука и ее достижения вполне, а прежде всего руководство территориальных подразделений способны решить. Недостаточный уровень образования сотрудников не только негативно влияет на качество выполнения поставленных служебных задач, но также дискредитирует образ сотрудника полиции перед гражданами, и соответственно негативно влияет не только на конкретного сотрудника, но и на отношение к полиции в целом, а значит на всех сотрудников ОВД.

Таким образом, проблема недостаточной осведомленности и квалификации сотрудников органов внутренних дел является реальной и актуальной, но в то же время, и вполне решаемой. Ведь только от самих сотрудников и их непосредственных руководителей зависит количество и качество информации, получаемой ими в процессе профессиональной деятельности, обучения, переобучения или повышении квалификации. Достаточно лишь системно и обоснованно подойти к этому вопросу, не только с практической точки деятельности, но и в том числе с научной точки зрения, и учитывая географические, политические и национальные особенности региона, в котором расположено то или иное подразделение.

Не смотря на то, что сотрудники полиции могут и также оказывают содействие в квалификации и вынесении решений по некоторым составам, например ст. 7.1, 7.2, 7.3. - 7.6, 7.7., 7.27 и иным, далеко не все составы рядовой сотрудник полиции сможет выявить или же предотвратить. Это может происходить, как нами уже указывалось выше, в силу недостаточного опыта, знаний в конкретной области, например, природопользования или же патентования, а также элементарной недостаточности полномочий, в пределах которых он должен реализовывать государственную политику в области охраны собственности. Ведь по некоторым составам 7 главы КоАП РФ сотрудники полиции не имеют права составлять протоколы об административном правонарушении. Или же в случае выявления правонарушения ошибочно могут сделать вывод о подлинности правоустанавливающего документа, или же, наоборот о признаках подделки того или иного документа, что тоже негативно сказывается на административной деятельности полиции в данном направлении.

Другой проблемой административной деятельности полиции по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сфере охраны собственности является недостаточность внимания, которое уделяется вопросу предупреждения правонарушений данного вида. Не смотря на многообразие санкций, применяемых к правонарушителям,

посягающим на собственность какого – либо вида, количество данных правонарушений хоть и становится меньше, но все же, остается одним из самых распространенных. Именно поэтому в этом вопросе следует уделить особое внимание мерам по предупреждению подобных правонарушений. Сфера охраны собственности одна из самых незащищенных перед преступными посягательствами, так как она доступна всем, отличается лишь способ посягательства и видовой объект, на который оно направлено. Ведь если бы сотрудники полиции, прежде всего, занимались превентивными мероприятиями, то в дальнейшем не пришлось бы выявлять и пресекать уже существующие и произошедшие правонарушения. Хотя предупреждение правонарушений одно из центральных, важнейших аспектов деятельности сотрудника органов внутренних дел любого структурного подразделения, которому должно уделяться основное время. Но в силу реализации иных направлений деятельности, определенных ФЗ «О полиции», сотрудники органов внутренних дел не могут позволить себе все рабочее время посвящать исключительно превентивной деятельности.

Таким образом, необходимо сделать вывод о существовании множества актуальных проблем в рамках осуществления практической деятельности сотрудников полиции в сфере охраны собственности. Это говорит о реально существующих недочетах в административном законодательстве, но в том числе показывает и то, что эти вопросы действительно волнуют представителей власти, осуществляющий административную деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в области охраны собственности. Проведенный анализ показывает, что некоторые вопросы можно урегулировать доработкой законодательства в части рекомендаций и пояснений. К примеру, пояснений и конкретных ссылок на иные нормативные правовые акты, которые будут в дальнейшем разъяснены сотрудникам полиции при составлении методических рекомендаций. А также в целях более детального изучения данного аспекта деятельности целесообразно предусматривать дополнительные методические занятия с сотрудниками государственных органов, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных 7 главой КоАП РФ, с такими как органы, осуществляющие федеральный государственный надзор в области промышленной безопасности, с должностными лицами государственных учреждений, осуществляющих федеральный государственный лесной надзор, с должностными лицами органов, осуществляющих региональный государственный жилищный надзор, должностными лицами федерального антимонопольного органа и его территориальных органов и иными лицами, разъясняющими тонкости и детали для квалификации данных деяний.

К тому же, еще одной рекомендацией к решению существующих проблем является усиленная подготовка сотрудников, осуществляющий административную деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сфере охраны собственности. Необходимо провести более углубленное изучение составов, которые являются менее распространенными, не отражают основные показатели оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, а значит, по ним производство ведется гораздо реже, соответственно и методических рекомендаций и намного меньше, чем скажем для правонарушений, предус-

мотренных такими статьями как 7.17 и 7.27 КоАП РФ. Данные методические рекомендации должны касаться как профильных учебных заведений, так и территориальных органов, в которых ведется производственная и преддипломная практика, а также дополнительное обучение и наставничество на начальных этапах практической работы молодых сотрудников, как окончивших профильное образовательное учреждение, так и лиц, с высшим образованием.

Подводя итог, мы видим, что рассматриваемый нами вопрос поднимает множество проблемных вопросов, существующих по данному направлению деятельности полиции, как законодательного, так и прикладного характера. Но даже при существующих недочетах и пробелах нужно искать положительные аспекты. Ведь только выявив проблемные вопросы, и поняв, в чем заключается решение, мы имеем реальную возможность устранить эти коллизии и изменить в лучшую сторону административную деятельность полиции по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в области охраны собственности.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Росимущества от 17.09.2007 № 169 «Об организации работы Федерального агентства по управлению федеральным имуществом по согласованию сделок с имуществом федеральных государственных унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения» (вместе с «Временным регламентом организации работы Федерального агентства по управлению федеральным имуществом по согласованию сделок федеральных государственных унитарных предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения, в отношении закрепленного за ними федерального имущества»).
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11 (ред. от 04.03.2021) «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-153-155

МАЛЕНЬКАЯ Екатерина Андреевна

магистр юриспруденции, руководитель юридического отдела ООО «Синхронизация», г. Москва

МАЛИНОВА Анна Григорьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Освещаемый в статье вопрос о пределах свободного использования произведений науки, литературы и искусства при применении онлайн-технологий сегодня актуален не только для высших и средних учебных заведений, но и для любых других субъектов образовательного процесса, к которым относятся, в частности, различные онлайн-школы, онлайн-курсы, культурные и просветительские площадки и др., предоставляющие образовательные услуги с помощью создания и реализации различных информационных продуктов – образовательных курсов, лекций, тренингов и т. д.

Ключевые слова: образовательный процесс, онлайн-технологии, произведения, свободное использование произведений, объект интеллектуальных прав.

MALENKAYA Ekaterina Andreevna

master of jurisprudence, Head of the Legal Department of the LLC "Synchronization", Moscow

MALINOVA Anna Grigorjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the O. E. Kutafina Moscow State Law University (MSLA)

LIMITS OF FREE USE OF WORKS IN THE APPLICATION OF ONLINE TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The problems covered in the article are relevant not only for higher educational institutions, but also for any other subjects of the educational process, which include, in particular, various online schools, private universities, cultural and educational platforms that provide educational services through the creation and implementation of various information products – educational courses, lectures, trainings, etc.

Keywords: educational process, online technologies, works, free use of works, object of intellectual rights.

Маленькая Е. А.,

Малинова А. Г.

В процессе осуществления дистанционной образовательной деятельности с применением онлайн-технологий услугодатели часто сталкиваются с вопросом о допустимости и пределах свободного использования объектов интеллектуальных прав, предусмотренных ст. 1274 Гражданского кодекса (далее ГК) РФ в иллюстрационных целях при создании образовательных продуктов. В п. 1 ст. 1274 ГК РФ перечислены семь случаев, когда допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора и источника заимствования, свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях [3, с. 219-221]. Казалось бы, такой обширный перечень должен был предусмотреть буквально все возможные случаи, но это не так и вопросы по этому поводу, как возникали, так и возникают. В качестве примера рассмотрим случай, когда в целях оказания дистанционной образовательной услуги разрабатывается курс лекций по режиссуре, в котором автор курса анализирует и производит экспертный разбор ряда кинематографических произведений. При этом в лекциях автор использует путем демонстрации (включения в запись онлайн-курса) извлечения (фрагменты) из этих кинематографических произведений с целью передачи слушателям новых знаний, новых сведений, а также своей экспертной оценки этих произведений. Учитывая, что у любого кинематографического произведения есть правообладатель, возникает вопрос: насколько допустимо ис-

пользование такого произведения (в т. ч. его фрагментов) без согласия правообладателя? По существу, речь здесь идет о правомерности цитирования кинематографического произведения полностью или фрагментарно.

Следует заметить, что цитирование является наиболее типичным и распространенным способом свободного использования произведений в процессе образования вообще, и дистанционного, в особенности. В течение продолжительного времени в отношении этого способа свободного использования произведений в отечественном праве преобладал подход, в соответствии с которым возможность цитирования распространялась исключительно на текстовые произведения. Поэтому для правоприменительной практики оказалось весьма своевременным разъяснение высшей судебной инстанции, в котором значение понятия «произведение» рассматривается с максимально широкими позициями. Как отмечено в подпункте «а» п. 98 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ», «положениями подпункта 1 пункта 1 статьи 1274 ГК РФ допускается возможность цитирования любого произведения, в том числе фотографического, если это произведение было правомерно обнародовано и если цитирование осуществлено в целях и в объеме, указанных в данной норме».

Таким образом, допустимость свободного использования произведений в виде цитирования распространяется на использование вообще любых произведений, в том числе и фрагментов из любых кинематографических произведений, любых музыкальных произведений, любых произведе-

ний изобразительного искусства (произведений живописи, скульптуры и графики). Совершенно естественно, что при цитировании отдельных видов произведений имеются особенности. Например, при цитировании музыкальных произведений в каждом отдельном случае необходимо решить, когда, где и как совершить требуемое законом «обязательное указание имени автора и источника заимствования», а также и названия произведения. Такое цитирование возможно путем осуществления ссылок на фрагменты партитуры используемого произведения в партитуре музыкального произведения, создаваемого другим автором. Но возникает вопрос, каким образом доводить до сведения слушателей подобное цитирование? Представляется, что эта проблема может быть решена, например, указанием в программе мероприятия информации о таком цитировании, или предварительным объявлением ведущего (конферансье) в начале исполнения такого произведения о допущенном цитировании с определенной минуты исполнения.

В то же время рассматриваемая ст. 1274 ГК РФ не содержит каких-либо допустимых пределов цитирования или способов определения таких пределов. В качестве одного из подходов к определению допустимых пределов цитирования, заслуживает внимания позиция А. С. Ворожечин в отношении серии фотографий (фотографий из фоторепортажей, фотообзоров). Автор предлагает «учитывать соотношение общего количества фотографий с количеством используемых» [1, с. 6]. Применение такого подхода возможно и при определении пределов использования других видов произведений – музыкальных, кинематографических, литературных и т. п. Представляется, что не должно быть существенной разницы в выработке подходов в зависимости от вида цитируемого произведения, а определяющим фактором должно быть именно соотношение общего количества хронометража исполнения произведения с количеством используемых фрагментов из этого произведения при цитировании. Обозначенный подход основан на критерии не злоупотребления правом в процессе использования фрагментов чужих произведений в образовательных целях. В спорных случаях, для подтверждения вопроса о том, были ли превышены пределы допустимого использования, необходимо установить, в насколько целесообразном объеме использовались фрагменты чужого произведения в иллюстративных целях, нельзя ли было добиться поставленной лектором цели при более минимальном использовании чужой интеллектуальной собственности, не пытался ли автор контента искусственно наполнить объем своего информационного продукта за счет использования в превышенном объеме чужого объекта интеллектуальных прав. Например, если в онлайн-курсе используются фрагменты из кинематографических произведений в виде цитирования, при этом соотношение таких используемых в курсе фрагментов с общим хронометражем фильма является незначительным, то такое использование должно признаваться соответствующим требованиям подпункта 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ, при соблюдении иных установленных указанной нормой условий.

Однако необходимо отметить, что аналогичный подход не должен применяться в отношении цитирования одиночных (не серийных) фотографий и изображений произведений изобразительного искусства. «С фотографиями и произведениями живописи, - подчеркивается в литературе, - ситуация обстоит сложнее. В техническом смысле подобные объекты могут быть разделены на фрагменты, но в большинстве случаев такие элементы будут непоказательны и непригодны для целей правомерного цитирования. (...) Картина либо фотография представляет ценность только как целый объект» [2, с. 62].

С таким взглядом можно согласиться лишь частично, поскольку не всегда требуется демонстрация всего произведения целиком – порою достаточно продемонстрировать

именно фрагмент, например, с целью описания техники изображения света или объема.

Очевидно, что на сегодняшний день в отечественном законодательстве отсутствуют четкие критерии, определяющие объем допустимого цитирования изображений (фотографий, художественных произведений и т. п.), а также их фрагментов. В цивилистике предлагается следующий подход: «...В этом случае должны учитываться размер (степень сжатия) изображения, качество воспроизведения. Для предоставления публике информации о творчестве художника или фотографа, раскрытия их замысла достаточно небольшого изображения. Подобная миниатюра не может заменить оригинальный объект, удовлетворить эстетические потребности публики. У правообладателей сохраняется возможность коммерциализации подобных объектов, в том числе посредством организации выставки работ, предоставления издательствам лицензий на размещение их в высоком разрешении в качестве иллюстраций к статьям либо в отдельных альбомах репродукций» [2, с. 62].

На наш взгляд, указанный подход представляется не вполне обоснованным при цитировании таких произведений именно в процессе осуществления онлайн-образования. Когда речь идет о цитировании, допустим, работ фотографа в разработанном онлайн-курсе по обучению слушателей основам и особенностям фотографического искусства, то при определении допустимых пределов цитирования следует в первую очередь руководствоваться целью использования указанных произведений (фрагментов таких произведений) при их цитировании. Если в своем курсе лектор излагает, объясняет, критически оценивает работы изучаемого фотографа и при этом демонстрирует слушателям изображения фотографий этого фотографа, то в этом случае, на наш взгляд, не является принципиальным вопрос размера (степени сжатия), качества изображений цитируемых фотографий автора, так как квалифицирующим признаком цитирования является все-таки изложение (раскрытие) мысли автора произведения – в нашем случае конкретного фотографа.

Представляется, что следует признавать правомерным цитированием использование в процессе онлайн-образования таких произведений независимо от размера (степени сжатия), качества используемых изображений цитируемых фотографий при условии, что такие изображения используются для объяснения, раскрытия мысли, художественного языка и творческого подхода изучаемого фотографа.

Еще один важный вопрос в контексте свободного использования произведений (в том числе фрагментов произведений) связан с некоторой долей правовой неопределенности понятия свободного использования произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях. Сегодня отсутствует полная ясность при попытке ответить на вопрос, что именно имеется в виду законодателем под указанными целями и можно ли отнести свободное использование произведений в онлайн-курсе к учебным целям в том случае, если онлайн-школа является коммерческой организацией (субъектом предпринимательской деятельности), основной целью деятельности согласно уставу такой онлайн-школы, является не обучение, а извлечение прибыли.

Согласно подпункту 6 п. 1 ст. 1274 ГК РФ допускается «публичное исполнение правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении, осуществляемое без цели извлечения прибыли в образовательных организациях, медицинских организациях, организациях социального обслуживания и учреждениях уголовно-исполнительной системы работниками (сотрудниками) данных организаций и учреждений и лицами, соответственно обслуживаемыми данными организациями или содержащимися в данных учреждениях». По поводу этого случая в литературе отмечается, что свободное использование произведения в информационных, научных, учебных и культурных

целях устанавливает ограниченный перечень возможностей и, хотя не запрещает живое публичное исполнение произведения в коммерческих целях напрямую, но, ограничивает возможности извлечение прибыли. Некоторые специалисты считают возможным распространять требование о запрете извлечения прибыли на всю указанную статью ГК РФ несмотря на то, что из буквального толкования статьи это не следует [4].

«Само по себе использование произведения в информационных, научных, учебных и культурных целях, – полагает Г. Э. Добрякова, – не означает обязательного некоммерческого характера такого использования, большинство объектов авторского права участвуют в коммерческом обороте, их экземпляры могут быть проданы, а доступ осуществляется по подписке» [4]. Нет оснований не согласиться с этим выводом. Соответственно, и точка зрения, согласно которой запрет на извлечение прибыли, распространяется не на всю ст. 1274 ГК РФ, а исключительно на подпункт 6 п. 1 указанной статьи, также представляется обоснованной.

Подтверждением вышеизложенному является, например, положение, установленное п. 6 ст. 1275 ГК РФ, согласно которому образовательные организации вправе создавать копии (в том числе в электронной форме) отдельных статей и малообъемных произведений, и предоставлять эти копии обучающимся и педагогическим работникам для проведения экзаменов, аудиторных занятий и самостоятельной подготовки в необходимых для этого количествах при условии отсутствия цели извлечения прибыли. Подчеркнем, что законодатель отдельно указал в качестве необходимого условия для разрешенного свободного использования - отсутствие у образовательных организаций цели извлечения прибыли. В связи с этим в правоприменительной практике у образовательных организаций нередко возникает необходимость подтвердить соблюдение этого условия. В качестве доказательства, подтверждающих отсутствие у образовательных организаций цели извлечения прибыли, чаще всего являются обстоятельства, доказывающие учебный характер этой деятельности, ее учебные цели, ее учебные задачи.

Анализ судебной практики позволяет выявить несколько обстоятельств, которые могут использоваться в качестве доказательств, подтверждающих наличие учебных целей в деятельности образовательных организаций по разработке онлайн-курсов.

1) Образовательной организации для подтверждения факта использования произведений именно в учебных целях допустимо сослаться на ГОСТ 7.60-2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения». Согласно п. 3.2.4.1.7 указанного ГОСТ, «учебным изданием является издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся разного возраста и ступени обучения»¹.

2) Использование онлайн-школой в описании своих курсов термина «учебные задачи» (приобретение знаний в определенной научной области, формирование навыков) является также подтверждением наличия учебных целей при свободном использовании произведений онлайн-школой².

3) Если в наименовании обучающего материала онлайн-школой используется понятие «учебный материал»³ это яв-

ляется подтверждением того, что онлайн-школа определяет свой продукт именно в качестве «курсов». А это является подтверждением наличия учебных целей при свободном использовании произведений.

Обстоятельствами, подтверждающими наличие учебных целей при разработке и реализации курсов онлайн-школами, может являться также наличие у онлайн-школы лицензии на образовательную деятельность, в том числе по подвиду «дополнительное образование» либо «дополнительное профессиональное образование», а также использование онлайн-школой в качестве кода своего юридического лица кода образовательной, учебной или просветительской деятельности по Справочнику кодов общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД).

Особо следует отметить, что положения ст. 1274 ГК РФ не подлежат применению по отношению к музейным объектам. В соответствии с п. 2 ст. 36 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» передача прав на использование в коммерческих целях воспроизведений музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в музеях в Российской Федерации, осуществляется музеями в порядке, установленном собственником музейных предметов и музейных коллекций. Следовательно, если в лекциях онлайн-курса предполагается возможность использования изображения экспонатов, находящихся в музейном фонде, то у распространителя этого курса возникает обязанность получить у музея разрешение на подобное использование изображений экспонатов посредством заключения договора с музеем на возмездной основе. В случае отсутствия соответствующего согласия музея на такое коммерческое использование воспроизведений экспонатов музея последний вправе подать иск и взыскать упущенную выгоду. Судебная практика подтверждает, что недопустимо свободное использование изображения объекта культурного наследия без разрешения музея и соответственно заключения договора на платной основе⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Ворожевич А. С. Правомерное цитирование как случай свободного использования различных объектов авторского права // Закон. - 2019. - № 7. - С. 169-182. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Ворожевич А. С., Козлова Н. В. Случаи свободного использования объектов авторских прав: сущность, общий обзор // Вестник гражданского права. - 2019. - № 5. - С. 43-78.
3. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / И. А. Андреев, И. З. Аюшеева, А. С. Васильев [и др.]: под ред. С. А. Степанова. - М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2011. - 712 с.
4. Добрякова Г. Э. Сравнительный анализ институтов разрешенного использования и доктрины fair use в правовом регулировании РФ и США // Юрист. - 2022. - № 2. - С. 29-33. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

1 Решение Нижегородского районного суда (г. Нижний Новгород) № 2-1676/2017 от 6 марта 2017 г. по делу № 2-1676/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2 Решение Балтийского городского суда (Калининградская область) № 2-567/2018 от 23 октября 2018 г. по делу № 2-263/2018~М-162/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

3 Решение Балтийского городского суда (Калининградская область) № 2-567/2018 от 23 октября 2018 г. по делу № 2-263/2018~М-162/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4 Определение Верховного суда Российской Федерации № 310-ЭС21-11876 от 27.07.2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-156-158

ВИШНЯКОВ Роман Владимирович

аспирант Московского городского педагогического университета

КРИПТОВАЛЮТА И ИНАЯ ВИРТУАЛЬНАЯ ВАЛЮТА В ДЕНЕЖНЫХ И ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются особенности регулирования криптовалюты и иных цифровых активов с 2014 по 2021 год. Помимо этого в статье исследуются проблемы, которые возникают ввиду сокращения оборота наличных денежных средств и перехода на цифровые финансовые активы. Изучаются также различные предложения органов власти для регулирования вопросов, связанных с криптовалютой и цифровыми деньгами, а также их место в системе объектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые активы, правовое регулирование, валюта, денежный суррогат.

VISHNYAKOV Roman Vladimirovich

postgraduate student of the Moscow City Pedagogical University

CRYPTOCURRENCY AND OTHER VIRTUAL CURRENCY IN CASH AND OTHER OBLIGATIONS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the features of the regulation of cryptocurrency and other digital assets from 2014 to 2021. In addition, the article explores the problems that arise due to the reduction in cash turnover and the transition to digital financial assets. Various proposals of the authorities to regulate issues related to cryptocurrency and digital money, as well as their place in the system of objects of civil legal relations, are also being studied.

Keywords: cryptocurrency, digital assets, legal regulation, currency, monetary surrogate.

Регулирование цифровых активов, в особенности криптовалюты в Российской Федерации началось с 2014 года. До настоящего времени по данному вопросу появилось большое количество научных разработок, статей, а также три федеральных закона.

За последние годы криптовалюта приобрела растущий социальный, правовой и экономический интерес. Наиболее типичными чертами этого нового явления являются сильный рост цен и высокая волатильность. Исследования, развернутые в этой области, не слишком многочисленны и не единодушны. Некоторые исследователи считают это явление «пузырем», поскольку они не согласны с тем, что ценовая модель криптовалюты оправдывается или объясняется их внутренней стоимостью. Также существуют многочисленные вопросы, связанные с правовым регулированием криптовалюты.

Так, был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где содержится определение цифровых активов. Согласно ст. 1 под цифровыми активами понимаются «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [8]. Однако вопрос о том, что понимается под криптовалютой так и не нашел законодательного закрепления, что говорит о его неоднозначности.

За последние несколько лет появилось большое количество правовых форм выпуска, а также обращения с криптовалютой. Так, наиболее ярким примером токены, а также государственная криптовалюта и иные. В классическом понимании под криптовалютой понимаются платежные еди-

ницы, которые имеют исключительно расчетную функцию и не удостоверяющие дополнительных прав требования к эмитенту». В качестве таковых можно привести в пример Bitcoin и Ethereum.

Вопрос о должном правовом регулировании криптовалюты еще с момента ее возникновения обсуждался по трем аспектам: гражданско-правовым, финансово-правовым и уголовно-правовым. Ученых в области гражданского права волновала в первую очередь правовая природа этих цифровых активов, которая выражается в характере прав на криптовалюту, а также ее роль и место в объектах гражданских прав и квалификация сделок с ней. Так, в 2019 году были внесены нововведения в Гражданский кодекс Российской Федерации, а также появилась статья, касающаяся цифровых прав [1].

Несмотря на то, что за последние годы было создано множество виртуальных валют, биткойн является самой известной из них и регулярно освещается в новостях. Валюта без установленного создателя ценится ее пользователем за децентрализованное управление, без какой-либо возможности правительства влиять на денежную массу. Широко упоминаются преимущества биткойна, например, такие как очень быстрые платежи по всему миру, прекращение инфляции, вызванной попытками правительств решить свои собственные проблемы, или высокий уровень конфиденциальности транзакций.

Ответить на вопрос в виде четкого утверждения, что «криптовалюта — это деньги» не совсем «беспроблемно». Теоретическое определение денег рассматривает их как «любой актив, который обычно принимается для оплаты товаров или услуг или для погашения долга». В случае криптовалюты мы получаем несоответствие определения с требованием всеобщего признания.

Существовали и продолжают существовать до сих пор финансово-правовые дискуссии, которые касаются реализации «антиотмывочного» законодательства к криптовалюте. Велись также разговоры о соотношении денежных суррогатов и криптовалюты, а также список разрешенных и за-

прещающих операция с криптовалютой и последующее наказание за незаконные действия с данными цифровыми активами [5, с. 21].

Деятельность рынка цифровых денег, в том числе и криптовалюты представляется как результат научного и технического процесса, а также результатом стремительно-го развития денежного обращения. Однако как-либо остановить или воспрепятствовать развитию этого процесса не представляется возможным и даже целесообразным. Так, государственная модернизация расчетов оказали положительный результат. Например, сократился объем расходов, государственного характера, касаемо выпуска денег. Кроме того, была увеличена платежная прозрачность. Здесь также можно сказать и о модернизации регулирования процессов инфляции.

Помимо этого, государство стремится к тому, чтобы снизить объем денежных средств в наличной форме, а именно операций с использованием таких средств. Все это влечет за собой появление некоторых проблемных вопросов в регулировании всех государств без исключения. Особенностью этих проблем является тот факт, что все они так или иначе связаны с криптовалютой.

Очевиден тот факт, что рынок такой цифровой валюты ежегодно растет. Это оказывает влияние на денежные процессы их обращения, а также непосредственно влияет на внутригосударственную экономику. Следовательно, важно не только рассмотреть направления влияния криптовалюты на платежные системы, но также и изучить вопросы, связанные с влиянием криптовалюты на процессы регулирования финансового рынка, в том числе и на политику, которая проводится Центральным Банком в области обеспечения финансовой стабильности.

Все вышеназванные вопросы можно условно разделить по трем направлениям [6]:

- Во-первых, модернизация в структурном аспекте денежных агрегатов;
- Во-вторых, рост скорости денежного обращения;
- В-третьих, рост денежного объема в экономическом государственном секторе.

Ввиду того, что криптовалюта имеет ценность материального характера и реализуется как средства платежа, можно сказать, что отношения связанные с этими цифровыми активами представляются в качестве вещных или абсолютных. В абсолютных правоотношениях владельцу «противостоит» круг пассивно обязанных субъектов, а также данное право защищается от любого посягательства со стороны иных - третьих лиц. Проблема возникает в том, что относительно криптовалюты такое посягательство не представляется реальным с физической точки зрения.

Как уже говорилось, рынок криптовалюты постоянно и стремительно растет, однако большая доля государств не ощущает этого в денежной массе национальной экономики, что говорит о незначительных объемах. Статистика показывает, что каждый день порядка двадцати тысяч человек по всему миру совершают около трех ста транзакций с криптовалютой.

В современных условиях цифровизации монетарные власти и национальные правительства разрабатывают различные стратегии организации обращения с денежными активами. Так, страны с конвервативными установками и методами ведения государственного управления устанавливают полный запрет и введение ответственности уголовного характера за использование криптовалют. В числе таких государств можно отметить Эквадор, а также Боливию. Однако существуют и государства, которые оказались более прагматичными и одобрили использование криптовалюты. Так, Правительство Таиланда официально признало, что реализация цифровых активов (криптовалюты) является законным, хотя первоначально негативно относилась к данному объекту.

Здесь же можно выделить и Испанию, которая признала биткойны как электронную платежную систему [11, с. 51].

Существуют также стратегии, которые устанавливают частичные ограничения на операции, связанные с криптовалютой и иными цифровыми активами, что показательно в Канаде или Индии. Также криптовалюта в некоторых странах является иностранной валютой (Швейцария). В Соединенных Штатах Америки криптовалюта приравнена к имуществу и подвергается налогообложению. В Норвегии, например, криптовалюта – это биржевой актив. Таким образом, государства по-разному восприняли появившиеся за последние годы цифровые объекты, что обуславливает индивидуальный подход к их регулированию, исходя из особенной экономики и установок власти.

Говоря о Российской Федерации, то в 2015 году был представлен законопроект № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который являлся новой моделью уже существующего Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации.

Именно в этом нормативном документе впервые затронули вопросы, связанные с денежным суррогатом (заместитель законного платежного средства). В проекте нормативного акта он характеризовался в качестве реализованного (выпускаемого) на российской территории объекта прав имущественного характера. Здесь же указывалось, что суррогат – это также средство, которое выпускается в электронном виде с целью использования его для обмена или непосредственно в качестве средства платежа [2]. Однако стоит заметить, что в 2018 году данный проект был отклонен.

После этого уже осенью 2016 года Федеральная налоговая служба Российской Федерации опубликовала письмо, где исследовался правовой статус криптовалюты на всей территории российского государства. В документе указывалось, что в отечественном законодательстве не нашли своего нормативного закрепления понятия криптовалюты и денежного суррата, а также определения виртуальной валюты.

По мнению Федеральной налоговой службы РФ это усложняет процесс правового регулирования криптовалютных операций ввиду того, что налоговые органы не получают информацию об операциях с этими цифровыми активами, ввиду чего отслеживать на территории России эти операции не представляется возможным. Приводя в качестве аргументов мировой опыт регулирования криптовалюты, Федеральная налоговая служба России внесла законодательную инициативу о внесении изменений в Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [8], которые должны были являться фундаментом для правового регулирования криптовалюты на территории российского государства. Эти изменения касались в частности определения субъектов контроля за криптовалютой на рынке цифровой валюты. После этого обсуждения регулирования цифровых денег и криптовалюты утихло.

Затем в 2020 году был принят важнейший Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу с 01.01.2021 г. В качестве ключевых положений в данном нормативном акте можно отметить [9]:

- Под цифровыми активами следует понимать ценные бумаги;
- Финансовые активы цифрового характера могут выступать в качестве объектов в договоре залога или же в рамках договора купли-продажи;
- Возможность покупки цифровой валюты осуществляется через иностранные биржи;
- Обычная криптовалюта относится к цифровой валюте;

• Финансовые организации, которые планируют осуществлять обращение цифровых активов, а также осуществление операций с ними, должны быть зарегистрированы на территории российского государства в реестре, который находится в ведении ЦБ РФ. Помимо этого, они обязаны получить необходимую лицензию для осуществления данной деятельности;

• Цифровая валюта – это платежное средство, следовательно, выступать в качестве платежного средства для услуг и товаров она не может.

Если рассматривать цифровую валюту с точки зрения гражданского законодательства, то стоит упомянуть Федеральный закон 18.03.2019 г №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [7], которая касается цифровых прав. Этот законодательный акт закрепляет понятие «цифрового права» (юридический аналог термина «токен»), которое теперь содержится в ст. 141.1 ГК РФ.

Крашенинников П., указывает, что: «Закрепление понятия «цифровое право» в Гражданском кодексе позволит определить его место в системе объектов гражданских прав, допустить оборот этого объекта, в том числе куплю-продажу, а также предоставить защиту гражданам и юридическим лицам по сделкам с цифровыми правами» [3].

На сегодняшний день в Российской Федерации до сих пор существуют дискуссии, которые связаны с регулированием криптовалюты. Так, Центральный Банк России подготовил законопроект, по которому все операции с криптовалютой будут наказываться штрафом до одного миллиона рублей [10]. Однако с таким подходом не согласны Министерство финансов Российской Федерации, а также Правительство Российской Федерации, которые выступают с инициативой проводить все криптовалютные операции через российские банки. Президент Российской Федерации также выступил против введения наказания за обращение с криптовалютой, аргументировав это следующими положениями [12]:

• В криптовалюте хранят свои сбережения порядка шести миллионов граждан. При этом общая сумма составляет несколько триллионов рублей, что не позволяет введения ответственности за использования этих цифровых активов;

• Блокчейн и криптовалюта представляются привлекательными для большого количества инновационных проектов, однако Российская Федерация не является страной, где такие проекты существуют, что обуславливает необходимость привлечения таких инвесторов в национальные проекты;

• Следовательно, необходимо сохранять такие позиции, так как это оказывает положительный эффект на национальную экономику.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что в Российской Федерации существует острая необходимость создания четкой правовой системы регулирования цифровых активов и, в частности, криптовалюты. Существующие на сегодняшний день нормы не могут урегулировать этот процесс даже на половину, что говорит о недостаточном нормативном закреплении и развитии цифровых активов. Разные страны по-разному относятся к нововведениям в области денежного оборота, который существенно изменился в условиях трансформации и цифровизации общества, поэтому Российская Федерация должна опираться на свои национальные особенности и создавать собственную правовую базу для криптовалюты и иных цифровых денежных активов.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2020) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // Российская газета. – 1994. – Ст. 3691.

2. Проект Федерального закона № 957581-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139890#0326973589401316_4 (дата обращения: 06.02.2022).
3. Профильный комитет рассмотрел поправки в проект, создающий основу для регулирования отношений в цифровой экономике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/29828/> (дата обращения 03.02.2022).
4. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Правовое регулирование криптовалют в России: современное состояние и перспективы развития // Гражданско-правовая аналитика, семейное право, земельное право. – 2018. – № 4. – С. 154-157.
5. Русанова П. А. Правовое регулирование криптовалюты в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – С. 20-29.
6. Рыжов Н. А. Анализ перспектив правового регулирования криптовалют в рамках обеспечения национальной и международной безопасности // Юрист. – 2018. – № 5.
7. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – Ст. 201.
8. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (последняя редакция) // Российская газета. – 2001. – С. 9012.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 « 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 06.02.2022).
10. ЦБ подготовил проект о запрете криптовалюты и предложил штрафы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2022/620f75b69a7947762be3a633> (дата обращения: 12.02.2022).
11. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 43-74.
12. Путин обсудил с правительством ситуацию с коронавирусом и криптовалютой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/01/27/putin-obsudil-s-pravitelstvom-situaciiu-s-koronavirusom-i-kriptovaliuty.html> (дата обращения: 05.02.2022).

ЕРМОЛЕНКО Кирилл Игоревич

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПУПЫШЕВ Марк Александрович

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

МАЛАХОВ Александр Валентинович

доцент кафедры трудового и экологического права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В РОССИИ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ

Статья посвящена вопросу целесообразности внедрения концепции единого объекта недвижимости в российское гражданское право. Анализируются содержание и проблемы существующего принципа единства судьбы земельного участка и объектов. Сравняется зарубежное регулирование указанного вопроса в различных правовых порядках. Изучены положения законодательства по указанной проблеме.

Ключевые слова: единый объект недвижимости, недвижимое имущество, единство судьбы, земельный участок, единый недвижимый комплекс.

ERMOLENKO Kirill Igorevich

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

PUPYSHEV Mark Alexandrovich

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

Malakhov Alexander Valentinovich

associate professor of Labour and ecological law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING THE SINGLE PROPERTY UNIT CONCEPT IN RUSSIA

The article is devoted to the issue of expediency of introducing the concept of a single real estate object into Russian civil law. The content and problems of the existing principle of the unity of the fate of a land plot and objects are analyzed. The foreign regulation of this issue is compared in various legal orders. The provisions of the legislation on this problem are studied.

Keywords: single property unit, real estate, the unity of fate, a land plot, a single property unit complex.

В целях комплексного и всеобъемлющего понимания содержания права недвижимости в России необходимо изучить историю законодательного регулирования данного вопроса.

После прихода к власти большевиков была принята Конституция РСФСР 1918 г., ст. 3 которой отменяла частую собственность на землю, объявляла всю землю общенародным достоянием. Данное положение сохранялось большую часть советской истории России.

Так в Земельном кодексе 1970 г., действовавшем до 1991 г., была закреплена норма следующего содержания: «государственная собственность на землю, возникшая в результате национализации, составляет основу земельных отношений в СССР». Из чего следовало, что земельные участки не могли находиться в собственности у граждан или организаций. В это же время согласно ст. 105 ГК РСФСР 1964 г. в личной собственности граждан мог находиться жилой дом.

Сочетания указанных норм порождали правовой дуализм, при котором земельный участок находился в собственности государства, а жилой дом на нем в собственности гражданина.

Перемены начались в 1990 г., были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле, предусматривавшие в ст. 5 введение титула «пожизненного наследуемого владения земельным участком», что можно считать квазичастной собственностью. Значение этого можно оценить как попытку восстановления права частной собственности на землю в стране [12].

Окончательное оформление и законодательное закрепления права частной собственности на землю произошло лишь после распада СССР в 1993 г. с принятием Конституции РФ. В ч. 2 ст. 9 и ч. 1 ст. 36 Конституции РФ закреплено, что земли могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности граждан [8].

Таким образом, земли, ранее принадлежавшие государству, начали постепенно переходить к другим собственникам в результате приватизации, для обеспечения этого перехода, а также для сохранения стабильности гражданского оборота, в 2001 г. п. 5 ч. 1 ст. 1 ЗК РФ закреплён принцип единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ними объектов.

Согласно вышеуказанному принципу, все, прочно связанные с земельным участком объекты, следуют его судьбе. Другими словами, принцип единства судьбы прав на земельный участок и прав на строение, возведенное на нем, основан на идее, что лицо, обладающее правом собственности на строение, должно иметь права на земельный участок, на котором оно расположено [4].

На практике встречаются случаи злоупотребления данным принципом, когда собственники недвижимости, находящейся на земельном участке, на основании ст. 35 ЗК злоупотребляют своими правами. Например, широко известное дело «Верево», которое было рассмотрено Президиумом ВАС¹, так, ООО «Верево» в середине 2000-х продало сельско-

1 Постановление Президиума ВАС РФ от 17.01.2012 № 4777/08. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

хозяйственные земли другому лицу. На участке располагались ирригационные системы. После продажи земельного участка ООО «Верево» обратилось в суд с иском о признании права собственности на ирригационную систему к добросовестному приобретателю данного земельного участка, так как в 1988 году она была приобретена «Верево».

Суд первой инстанции признал право собственности, обосновывая это тем, что элементы системы неразрывно связаны с землей, переместить их невозможно, соответственно это недвижимость (130 ГК). Суды апелляционной и кассационной инстанции поддержали решение. Затем спор рассматривается в ВАС, Президиум отменяет судебные решения, в иске отказывает и признаёт ирригационную систему составной частью земельного участка.

Таким образом, если бы решение суда первой инстанции осталось в силе, то ООО «Верево» на основании преимущественного права покупки могло бы злоупотребить своим правом. Возникновение спора обусловлено тем, что в Российской Федерации право собственности на объекты, расположенные на земельном участке, и право собственности на сам участок отделены друг от друга.

Ещё одной неразрешённой проблемой принципа единства судьбы является то, что при наследовании земельного участка с расположенным на нём объектом разными лицами, данный принцип нарушается. В своё время эта проблема была усугублена Постановлением Пленума Верховного Суда от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»², в п. 79 установлено, что земельные участки и расположенные на них здания, строения, сооружения выступают в качестве самостоятельных объектов (ст. 130 ГК РФ), поэтому завещатель вправе сделать в отношении них отдельные распоряжения, в том числе определить судьбу только принадлежащего ему строения или только земельного участка [1].

Соответственно наследодатель может завещать дом одному или нескольким наследникам, а земельный участок вообще в завещании фигурировать не будет. В данном случае опираясь на действующее законодательство, дом достанется лицу или лицам, указанным в завещании, а вот земельный участок будет наследоваться по закону. Эту позицию ВС изложил в Определении от 06.02.2018 г. по делу № 87-КГ17-14³, где он, основываясь на позиции ПП ВС № 9 пришел к выводу, что дом и земельный участок выступают самостоятельными объектами недвижимости, и соответственно отсутствие воли наследодателя относительно судьбы земельного участка означает, что данный земельный участок будет наследоваться на общих основаниях.

Однако, если произойдёт несовпадение наследников по закону и наследников по завещанию, то происходит явное нарушение принципа единства судьбы, так, земельный участок будет принадлежать одному лицам, а дом другому.

Таким образом, мы можем наглядно увидеть противоречие в законодательстве, следуя принципу единства судьбы необходимо следить, чтобы собственник земельного участка и строений на нем совпадал, но фактически Верховный Суд ПП № 9 создаёт определённые препятствия для осуществления данного принципа.

Переходя к концепции единого объекта, необходимо обратиться к римскому праву. Так, ещё в римском праве был принцип *superficies solo cedit* («сделанное над поверхностью

следует за поверхностью»), этот принцип заключается в том, что объекты, которые находятся на земельном участке, следуют юридической судьбе этого участка. Из этого следует, что все сооружения, возведенные на земельном участке, представляют собой составную часть земельного участка, а значит и переходят к собственнику земельного участка.

Для комплексного и всестороннего понимания применимости принципа *superficies solo cedit* в российском праве необходимо произвести анализ зарубежного регулирования в данной области.

Так, Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) в ст. 94 относит к составным частям земельного участка и те права, которые связаны с правом собственности на земельный участок. Однако данный принцип имеет определенные изъятия, что проистекает из ст. 95 ГГУ, в частности связанные с объектами и правами, носящими временный характер, например объекты, тесно связанные с земельным участком, но предназначенные для временных целей. К упомянутому выше изъятию также относятся и постройки, возведенные лицом, осуществляющим временное владение земельным участком, а также постройки, находящиеся во временной связи с земельным участком, не являющимися при этом принадлежностями (п. 2 ст. 97 ГГУ [9]).

На все указанные изъятия из правила ст. 94 ГГУ распространяется правовой режим движимых вещей, хотя они и отвечают формальным требованиям, позволяющим относить их к принадлежности земельного участка, а значит к недвижимым вещам.

В силу ограниченности прав лиц, возводящих указанные постройки или иных факторов, позволяющих отграничить данные объёмы от земельного участка по темпоральному критерию, немецкий законодатель делает прямое изъятие из принципа единого объекта, позволяющее участникам гражданского оборота самостоятельно определять судьбу определенных видов вещей.

Что касается законодательства Франции, то модель, установленная в ФГК аналогична ГГУ, однако имеется дополнение, заключающееся в том, что по ней составной частью земельного участка являются еще и объекты, расположенные на и под земной поверхностью [5].

Таким образом, в немецком и французском законодательстве регистрации подлежит только право на земельный участок, а объекты, расположенные на нем, всегда следуют за судьбой земельного участка, так как не обладают самостоятельностью.

Иная модель существует в ряде азиатских стран, в Таиланде и Объединенных Арабских Эмиратах. В этих государствах отсутствует частная собственность на земельные участки. По этой причине право частной собственности возможно лишь на объекты, расположенные на земельных участках, что юридически отделяет недвижимые здания, строения, сооружения от земель, с которыми они тесно связаны [11]. В этом случае при отчуждении объекта недвижимости, расположенного на земельном участке, происходит отчуждение лишь непосредственно его, в силу независимости земли и недвижимости на ней.

Переходя к рассмотрению отечественного регулирования описанного выше вопроса, следует обратиться к действующему законодательству и актуальной судебной практике.

На данный момент в соответствии со ст. 130 ГК к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Таким образом, можно заключить, что российское законодательство разделяет земельный участок и объекты, расположенные на нем, ввиду этого возникает дихотомия, ведущая к целому ряду правовых неопре-

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3 Определение ВС по делу Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.02.2018 № 87-КГ17-14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

делённостей, создающих проблемы, которые описаны в данной статье.

В России право собственности регистрируется на земельный участок и отдельно на здания, сооружения на нём. Статья 131 ГК устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. Указанная норма приводит к спорам между регистратором и собственником, в которых отнесенность во всех случаях буре возлагаться на последнего [10].

В 2013 году в ГК была введена ст. 133.1 о едином недвижимом комплексе, согласно которой недвижимой вещью, участвующей в обороте как единый объект, может являться единый недвижимый комплекс – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов, либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь. Из этой нормы становится ясным стремление законодателя к постепенному внедрению принципа единого объекта [3].

Судебной системе России не чуждо понятие единого объекта. Так, определение СКГД ВС РФ от 9 октября 2018 г. № 20-КГ18-25 судом были учтены те обстоятельства, что объекты недвижимости и земельный участок представляли собой единый имущественный комплекс, вследствие чего переход права собственности на земельный участок не мог являться основанием для удовлетворения требований о сносе зданий.

Кроме того, российское законодательство и до 2013 года в некоторых случаях объединяло земельный участок и здание на нем, например, согласно п. 1 ст. 652 ГК арендатор может пользоваться земельным участком, занятым арендуемым зданием или сооружением, без соответствующего договора в силу закона в течение срока аренды недвижимости, что подтверждено п. 22 ПП ВАС РФ от 24.03.2005 № 11⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российской правовой системе не чужда концепция *superficies solo cedit*. Однако она все еще не является органической частью законодательства. По мнению авторов, это связано прежде всего с тем, что влияние исторического фактора велико, а кроме того, полный переход к единому объекту требует огромных усилий от законодателей, регистратора и судебной системы по выработке новых для государства способов управления, контроля и регулирования.

С точки зрения авторов, введение принципа единого объекта недвижимости позволит прояснить правовой режим недвижимости, расположенной на земельных участках. По причине того, что собственники земельных участков регистрируют как самостоятельные объекты недвижимости то, что по своей правовой природе является составной частью участка или вовсе движимым имуществом. Возникает ряд проблем, связанных с оспариванием дальнейших сделок по отчуждению земельных участков с такими объектами.

Уменьшение нагрузки на регистрационную систему. Следствием внедрения данного принципа станет снижение количества недвижимых вещей, подлежащих государственной регистрации, что уменьшит нагрузку на регистраторов, результатом этого станет оптимизация расходов бюджета средств.

Внедрение концепции упростит налогообложение. Может быть установлен единый налог на недвижимость, что приведет к повышению собираемости оных [7].

Оборот недвижимости будет значительно упрощен. По причине снижения необходимых для регистрации действий, а также снижения рисков признания сделки ничтожной. Это благоприятно скажется на экономических взаимоотношениях субъектов гражданского права.

Однако, как ранее упоминалось, введение концепции единого объекта повлечет необходимость внесения изменений в законодательные акты, что вызовет необходимость значительных корректировок существующего реестра. Кроме того, судебной системе придется выработать новые подходы, рассмотреть огромное число споров, вызванных вносимыми изменениями.

На сегодняшний день авторам видится, что концепция единого объекта является крайне перспективной для внедрения в российское гражданское право. Но модифицировать существующее законодательство необходимо постепенно и поэтапно.

Пристатейный библиографический список

1. Акиньшина А. В. Проблемы реализации принципа единства юридической судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов в наследственных правоотношениях // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2013. – № 8 (151).
2. Алексеев В. А. Единый объект недвижимости: поэтапное движение к цели или дезорганизация правового регулирования // *Вестник экономического правосудия.* – 2018. – № 8.
3. Алексеев В. А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // *Закон.* – 2022. – № 4.
4. Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем. – Москва: Статут, 2020.
5. Бетхер В. А. Самовольное создание и (или) изменение объектов недвижимости в Российской Федерации (гражданско-правовой аспект). – Москва: Юстицинформ, 2017. – С. 37-38.
6. Доваатова Е. В. Особенности регулирования «единого объекта недвижимости» и объектов недвижимости, связанных «единой судьбой» // *Законодательство.* – 2007. – № 8.
7. Казаченков С. Д. О значимости категории «имущественное налогообложение» в современных условиях // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета.* – 2022. – № 3.
8. Мустакимов Н. С., Попрухина Е. А. Исторический аспект регулирования правоотношений собственности на землю в России // *Марийский юридический вестник.* – 2016. – № 4 (19).
9. Наумов Е. Л. О понятии недвижимости // *Законодательство.* – 2015. – № 5.
10. Османова Д. О. Малоэтажный жилой комплекс: понятие и особенности правового режима // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2022. – № 10.
11. Пархоменко Д. В., Предтеченская Е. А. Единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимого имущества // *Интерэксперто-Сибирь.* – 2018. – № 3.
12. Романов В. И. Право собственности на землю в России: понятие, содержание, история становления // *Марийский юридический вестник.* – 2005. – № 4.
13. Чаплин Н. Ю. Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // *Журнал российского права.* – 2019. – № 1.

4 Постановление Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства».

КОСТИН Андрей Васильевич*

студент 4 курса Факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ДЛЯ ВОСПОЛНЕНИЯ ПРОБЕЛОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается вопрос о восполнении пробелов уголовного законодательства с помощью норм гражданского права. В частности, рассматривается вопрос об изъятии в доход государства имущества, полученного преступным путём, с помощью норм ГК РФ, посвящённым недействительным сделкам, в то время как применение конфискации имущества по нормам УК РФ является невозможным.

Ключевые слова: конфискация, сделка, недействительная сделка, ничтожная сделка, изъятие в доход государства, получение взятки, дача взятки.

KOSTIN Andrey Vasiljevich

student of the 4th course of the Faculty of History and Law of the Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University

THE ADAPTATION OF CIVIL LAW FOR FILLING THE BLANKS IN THE CRIMINAL LEGISLATION

The article deals with the issue of filling gaps in criminal legislation with the help of civil law norms. In particular, the issue of the seizure of property obtained criminally by means of the norms of the Civil Code of the Russian Federation devoted to invalid transactions is being considered, while the application of confiscation of property according to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation is impossible.

Keywords: confiscation, transaction, invalid transaction, void transaction, withdrawal to state revenue, receiving a bribe, giving a bribe.

Ст. 52 УК РФ, предусматривающая конфискацию имущества, как отдельный вид наказания, утратила силу ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹. Вновь в УК РФ конфискация имущества была введена ФЗ от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»² в качестве иных мер уголовно-правового характера.

Ст. 9 УК РФ устанавливает, что «Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния»³. При этом ст. 10 УК РФ регламентирует: «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет».

В ст. 10 УК РФ не упоминаются иные меры уголовно-правового характера. Однако, отсутствие конфискации в УК РФ с 08.12.2003 – 27.07.2006 г. улучшает положение лица, совершившего преступление тем, что не будет изъято имущество, полученное в результате совершения преступлений, указанных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Большой разрыв между изъятием из УК РФ конфискации имущества, как отдельного вида наказания, и её возвращение в качестве иной меры уголовно-правового характера создало множество проблем. Одной из которых является то, что лицо, совершившее преступление, могло сохранить денежные средства, полученные в результате получения и дачи взятки, что полностью обесценивало уголовно-правовое воздействие.

Данную проблему не способно решить уголовное законодательство, но способно решить гражданское законодательство. Например, получение и дача взятки являются преступлениями по УК РФ, однако, по ГК РФ данные отношения будут квалифицироваться как ничтожные сделки.

П. 2 ст. 168 ГК РФ предусматривает, что «Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки»⁴.

* Научный руководитель: Гета М. Р., к.ю.н., доцент ВАК.

1 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

2 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон [от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3452.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ, в ред. от 25.03.2022 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2022. – № 13. – Ст. 1952.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федер. закон [от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ, в ред. от 16.04.2022 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2022. – № 16. – Ст. 2601.

Нормы УК РФ устанавливая уголовную ответственность за совершение преступлений, *de facto* такие деяния запрещают (например, получение и дача взятки), на что прямо указано в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Тем самым действия по получению и даче взятки являются с точки зрения гражданского законодательства ничтожными сделками по п. 2 ст. 168 ГК РФ, так как данные действия посягают на публичные интересы и нарушают требования уголовного закона. Однако, в судебной практике отражён иной подход к этому вопросу.

Ст. 169 ГК РФ устанавливает, что «сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные ст. 167 ГК РФ. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход РФ все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом».

Как отметил КС РФ «понятия «основы правопорядка» и «нравственность», как и всякие оценочные понятия, наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика, однако они не являются настолько неопределёнными, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений»⁵.

Особенностью ст. 169 ГК РФ являлось то, что ГК РФ в ред. № 57 от 23.07.2013 г. содержало положение, что «При наличии умысла у обеих сторон такой сделки – в случае исполнения сделки обеими сторонами – в доход РФ взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой стороны взыскивается в доход РФ все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного»⁶. И в настоящее время имеется три подхода к пониманию ст. 169 ГК РФ.

Согласно первому подходу ст. 169 ГК РФ применяется к сделкам, которые противоречат императивным нормам закона, защищающим основы правопорядка или нравственности. Разграничение данного подхода к пониманию ст. 169 ГК РФ и п. 2 ст. 168 ГК РФ строилось по тому, что «Системное толкование ст. 168 и 169 ГК РФ приводило некоторых юристов и суды к следующему выводу: обычная противозаконная сделка ничтожна по ст. 168 ГК РФ, но, если сделка противоречит закону и к тому же посягает на основы правопорядка или нравственности, мы имеем особый, квалифицированный случай незаконной сделки, к которому применяется не ст. 168 ГК РФ, а более строгая к сторонам ст. 169 ГК РФ» [3, с. 530]. В судебной практике первоначально был закреплён именно данный подход. Согласно п. 1 постановление Пленума ВАС от 10.04.2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 ГК РФ» (утратило силу) «При определении сферы применения ст. 169 ГК РФ судам необходимо исходить из того, что в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые не просто не соответствуют требованиям за-

кона или иных правовых актов (ст. 168 Кодекса), а нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение определенных видов объектов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг»⁷. Данный подход имел формально допустимую логику разграничения п. 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ. Но с 1 сентября 2013 г. из ст. 169 ГК РФ было удалено указание на изъятие в доход государства имущества, полученного по сделке, что допускается в настоящее время только в случаях установленным законом, однако, таких случаев на данный момент не установлено.

Второй подход, разграничивая п. 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ, предусматривает, что ст. 169 ГК РФ не применяется к сделкам, нарушающие императивные нормы закона и распространяется на сделки, не запрещённые законом, но посягающие на основы правопорядка или нравственности. Тем самым при данном подходе п. 2 ст. 168 ГК РФ является фильтром грубой отчистки, цель которого признать ничтожными сделки, противоречащие прямо установленным императивным законодательным запретам. Ст. 169 ГК РФ при этом является фильтром тонкой отчистки, которые признаёт ничтожными сделки, соответствующие нормам закона, но посягающие на основы нравственности и правопорядка⁸. Именно данный подход и разделяется отечественной доктриной [1, с. 356], [2, с. 151], [3, с. 530].

Третий подход является максимально широким и смешивает гипотезы п. 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ. Согласно данному подходу, ст. 169 ГК РФ применяется как в отношении сделки, противоречащей императивным нормам закона, так и к сделкам, которые соответствует букве закона, но противоречат с основами нравственности и правопорядка. Судебная практика в настоящее время отражает именно данный подход. П. 85 постановление Пленума ВС № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывает, что «В качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои» суд в качестве примера относит в частности «сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, на-

5 См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации»: опр. Конституц. Суда Рос. Федерации [от 08.06.2004 г. № 226-О]. Документ опубликован не был // Консультант Плюс: справ. правовая система.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федер. закон [от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ, в ред. от 23.07.2013 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2013. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4078.

7 О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации [от 10.04.2008 г. № 22] // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 5.

8 Бевзенко, Р. С. Ничтожность сделок, противных добрым нравам статья 169 ГК РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=neujBVXicKM> (дата обращения: 26.06.2022).

правленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми»⁹.

Несмотря на то, что в качестве примеров приведены деяния, запрещённые уголовным законодательством (кроме сделок, нарушающие основы отношений между родителями и детьми), исчезло упоминание, что для применения ст. 169 ГК РФ сделка должна обязательно противоречить конкретным нормам закона. Однако наличие в иллюстративном перечне сделок, нарушающих основы отношений между родителями и детьми, даёт основание полагать, что ст. 169 ГК РФ может также применяться и к сделкам, которые не противоречат императивным нормам закона, так как данная сделка российским законодательством не запрещена.

Тем самым получение и дачу взятки судебная практика, с точки зрения гражданского законодательства, квалифицирует как ничтожную сделку, противоречащую основам нравственности и правопорядка.

П. 1 ст. 4 ГК РФ устанавливает, что «акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие».

Тем самым, что действия гражданского и уголовного законодательства во времени отличаются между собой, это можно использовать для изъятия в доход государства имущества, полученного преступным путём.

Например, совершение преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ (получение взятки), ст. 291 УК РФ (дача взятки) в период с 08.12.2003 – 27.07.2006 г., в момент которого отсутствовала конфискация имущества в УК РФ, могло квалифицироваться как ничтожная сделка и имущество быть изъято в доход государства по ст. 169 ГК РФ.

Однако, встаёт вопрос о сроках исковой давности. Общий субъективный срок исковой давности составляет 3 года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 и п. 1 ст. 196 ГК РФ). Объективный срок исковой давности составляет десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен (п. 2 ст. 169 ГК РФ). С периода возвращения в УК РФ конфискации имущества в 2006 г. прошло более 10 лет. Однако, п. 9 ст. 3 ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей ГК РФ» регламентирует, что «Установленные положениями ГК РФ (в редакции настоящего Федерального закона) сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года. Десятилетние сроки, предусмотренные п. 1 ст. 181, п. 2 ст. 196 и п. 2 ст. 200 ГК РФ (в редакции настоящего Федерального закона), начинают течь не ранее 1 сентября 2013 года»¹⁰. Тем самым общий субъективный срок исковой

давности не должен истечь до 01.09.2013 г. Что вполне возможно, так как правоохранительные органы могут узнать о совершённом преступлении не сразу (п. 1 ст. 181 ГК РФ), субъективный срок исковой давности может прерываться (ст. 203 ГК РФ),¹¹ приостанавливаться¹² (ст. 204 ГК РФ).

В качестве заявителя исковых требований, в просительной части которого содержится требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки, может выступать прокурор, который вправе обратиться в суд с заявлением в защиту интересов РФ, в соответствии со ст. 45 ГПК РФ¹³.

Судебная практика по данным спорам малочисленна. Однако имеются примеры, когда вышеописанные иски требований были удовлетворены судом. Например, в Решении № 2-2085/2017 от 19 декабря 2017 г. по делу № 2-2085/2017¹⁴ указано, что Прокурор в порядке ст. 45 ГПК РФ обратился с иском заявлением в защиту интересов РФ и просил применить последствия недействительности ничтожной сделки, а именно взыскать в доход РФ денежные средства в размере 100 000 руб., полученные лицом в качестве взятки. В данном деле суд квалифицировал получение взятки ответчиком в качестве антисоциальной сделки (ст. 169 ГК РФ) и удовлетворил требования прокурора.

Тем самым, несмотря на то, что в УК РФ могут содержаться пробелы, они могут быть восполнены другими отраслями российского права, в том числе и гражданским законодательством. Следовательно, нормы и институты отечественного гражданского права, создают собственный инструментальный противодействия коррупционной преступности, который усиливает эффективность мер правового реагирования на это проявление социального зла в современном обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Белов А. В. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты: учебник для академического бакалавриата и магистратур. – М.: Юрайт, 2016. – 497 с.
2. Ем В. С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14. – № 6. – С. 140-165.
3. Карапетов А. Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с.

9 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: пост. Пленума Верховного Суда Рос. Федерации [от 23.06.2015 г. № 25] // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. – 2015. – № 8.

10 О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон [от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ, в ред. от 28.12.2016 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2327; 2017. – № 1 (ч. 1). – Ст. 40.

11 ГК РФ в ред. № 55 от 28.06.2013 г. в качестве оснований предусматривала не только совершение обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга, но и предъявление иска в установленном порядке. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федер. закон [от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ, в ред. от 28.06.2013 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2011. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7015.

12 Если судом оставлен без рассмотрения иск, предъявленный в уголовном деле, начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения.

13 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ, в ред. от 11.06.2022 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2022. – № 24. – Ст. 3939.

14 Решение № 2-2085/2017 от 19.12.2017 г. по делу № 2-2085/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/rIJAzWIXQmUp/> (дата обращения: 26.06.2022).

ЛЫСЦЕВ Борис Сергеевич

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

КОНОВАЛОВА Светлана Игоревна

старший преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

ЗАХАРОВА Елена Евгеньевна

преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ САДОВОДЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ

В статье авторами проводится анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность садоводческих некоммерческих товариществ. Отдельное внимание авторами уделено проблемам правоприменительной практики действующего законодательства в обеспечении нормальной хозяйственной деятельности садоводческих некоммерческих товариществ.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, садоводческое некоммерческое товарищество, правовое регулирование, хозяйственная деятельность товарищества, правоприменительная практика.

LYSTSEV Boris Sergeevich

senior lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

KONOVALOVA Svetlana Igorevna

senior lecturer of Organization of police work sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ZAKHAROVA Elena Evgenjevna

lecturer of Organization of police work sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF HORTICULTURAL NON-PROFIT PARTNERSHIPS

In the article, the authors analyze the normative legal acts regulating the activities of horticultural non-profit partnerships. The authors pay special attention to the problems of law enforcement practice of the current legislation in ensuring the normal economic activity of horticultural non-profit partnerships.

Keywords: normative legal act, horticultural non-profit partnership, legal regulation, economic activity of the partnership, law enforcement practice.

Правовое регулирование – это воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и развития, осуществляемое при помощи системы правовых средств, представляющих собой многообразные правовые явления, такие как нормы права, юридические факты, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации прав и обязанностей.

Вышеуказанное определение справедливо и к правоотношениям, возникающим между гражданами в садоводческих некоммерческих товариществах. Достаточно большое количество людей в настоящее время принимает решение о перемещении из большого и шумного города в пригород, находящийся на доступном отдалении от места работы, учебы и других интересов. Однако, земель населенных пунктов, имеющих статус ИЖС (индивидуального жилищного строительства) или ЛПХ (личное подсобное хозяйство), недостаточно. Выходом из этой ситуации для многих становится приобретение загородной недвижимости в различных садоводческих некоммерческих товариществах или дачных некоммерческих партнерствах, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения. При этом администрации населенных пунктов преимущественно у которых расположены такие товарищества не имеют обязанности обеспечения таких объединений коммунальными услугами, а также соответствующей инфра-

структурой. Таким образом, участникам садоводческих некоммерческих товариществ необходимо самостоятельно решать вопросы обеспечения своих земельных участков и построенных на них объектов недвижимости водой, газом, электричеством, а также вопросы обслуживания такие как чистка дорог, охрана и т.д.

Основными правовыми регуляторами садоводческих некоммерческих товариществ выступает ряд нормативных правовых актов:

Конституция Российской Федерации;

Федеральные законы: Гражданский кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации;

Постановления правительства Российской Федерации.

Так, например, согласно Конституции Российской Федерации, гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации. Данное положение исключает возможность правового регулирования садоводческих некоммерческих товариществ субъектами Российской Федерации с применением регионального законодательства.

Земельный кодекс Российской Федерации регулирует правила пользования и охраны земель, порядок возникновения и прекращения прав на землю и ограничение таких прав.

Постановления Правительства Российской Федерации также регулируют ряд правоотношений в садоводческих

товариществах, как правило, связанных с условиями присоединения инфраструктуры товарищества к электроснабжению, водоснабжению, газоснабжению и др.

Исследуя правовое положение товариществ собственников недвижимости, П. В. Крашенинников совершенно справедливо указывает на необходимость изменения законодательства с целью приведения его в соответствие с ныне действующими научно-теоретическими и практическими условиями [1]. Поскольку выше нами указывалось на невозможность регулирования садоводческих некоммерческих товариществ субъектами Российской Федерации с применением регионального законодательства, то необходимо остановиться на такой особенности правового регулирования как наличие специального нормативного правового акта: Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 № 217-ФЗ. Данный инструмент пришел на смену Федеральному закону «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15.04.1998 № 66-ФЗ и начал действовать с 01 января 2019 года. Какие же изменения в правовом регулировании некоммерческих товариществ появились с началом применения нового закона?

Кардинально изменился понятийный аппарат, исключивший из себя понятие «дачное партнерство». Предыдущий нормативный правовой акт определял садовый участок как предоставленный гражданину или приобретенный им в первую очередь для выращивания сельскохозяйственных культур, а также для отдыха с правом возведения жилого строения, но без права регистрации в нем. Новый закон определил садовый участок, преимущественно как земельный участок, предназначенный для отдыха, а потом уже для выращивания сельскохозяйственных культур и, самое главное, с правом размещения садовых домов, жилых домов, хозяйственных построек и гаражей, то есть регулятор предоставил возможность круглогодичного нахождения граждан на своей земле в построенных ими домах. При этом важно учитывать, что строительство жилого дома на таком участке должно соответствовать правилам землепользования и застройки, которые определяются местными властями. Данные положения позволили учесть внутреннюю миграцию населения, а также интересы государства в части освоения земель и создания на них соответствующей инфраструктуры.

Фактически была стерта грань между садоводческими и огородническими товариществами и дачными партнерствами, так как теперь понятие «дача» законодательно отсутствует и поглощается, а СНТ является видом товарищества собственников недвижимости.

Для члена товарищества теперь может быть установлено только два вида взносов: членские и целевые. Самое главное в этой новелле – исчерпывающий перечень по назначению денежных средств, по каждому виду взносов. Однако такой перечень создает определенные проблемы в правоприменительной практике. Так, например, в случае если некоммерческое товарищество имеет в собственности

линии электропередач, а также трансформаторные подстанции для обеспечения бесперебойного питания собственников земельных участков в своих границах электроэнергией, то у него возникает обязанность оплаты «потерь» за «переток» этой электроэнергии, объем которых ежемесячно меняется в зависимости от количества потребленной электроэнергии. На практике, председатели товариществ, включают оплату потерь в виде процентного соотношения в ежемесячный платеж за оказанную коммунальную услугу. С точки зрения нового правового регулятора это неправильный механизм, так как на осуществление расчетов с организациями, осуществляющими снабжение тепловой и электрической энергией, водой, газом, водоотведение на основании договоров, заключенных с этими организациями, могут быть использованы исключительно членские взносы. Соответственно, органами управления товариществом, необходимо рассчитывать максимальные объемы «потерь» и включать их в проект приходно-расходной сметы. В случае не освоения всей суммы по данному разделу переносить остаток в резервный фонд товарищества.

Очень важным мы считаем, появившийся запрет на получения членских и целевых взносов органами управления товарищества путем передачи наличных средств, так как безналичный расчет с использованием расчетного счета СНТ позволяет исключить возможные коррупционные нарушения со стороны председателя и правления товарищества.

Отдельное внимание стоит обратить на целевые взносы, которые могут быть установлены исключительно в связи:

- 1) с подготовкой документов, необходимых для образования земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в целях дальнейшего предоставления товариществу такого земельного участка;
- 2) с подготовкой документации по планировке территории в отношении территории садоводства или огородничества;
- 3) с проведением кадастровых работ для целей внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о садовых или огородных земельных участках, земельных участках общего назначения, об иных объектах недвижимости, относящихся к имуществу общего пользования;
- 4) с созданием или приобретением необходимого для деятельности товарищества имущества общего пользования;
- 5) с реализацией мероприятий, предусмотренных решением общего собрания членов товарищества.

Основной проблемой при утверждении таких взносов является то, что они обязательны для уплаты всеми членами товарищества. В связи с этим может возникнуть типичная ситуация, когда определенное количество участников товарищества принимают решение о создании какого-либо имущества, например, газопровода, а оставшаяся часть членов указывает на отсутствие необходимости в нем и отказывается уплачивать данный целевой взнос. При этом

строительство такого имущества все же осуществляется с привлечением дополнительных средств желающих, но по окончании строительства и ввода в эксплуатацию оно становится общим имуществом членов товарищества. В попытках хоть как-то вернуть потраченные сверх установленного целевого взноса денежные средства, группа «инвесторов» устанавливает платеж с каждого кто выразит в последующем желание присоединиться к данной инфраструктуре. При этом 217-ФЗ определяет право собственности на общее имущество членов СНТ, как принадлежащее на праве общей долевой собственности лицам, являющимся собственниками земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, пропорционально площади этих участков. Кроме того, при переходе права собственности на садовый или огородный земельный участок, расположенный в границах территории садоводства или огородничества, доля в праве общей собственности на имущество общего пользования нового собственника такого земельного участка равна доле в праве общей собственности на указанное имущество общего пользования предыдущего собственника такого земельного участка. Так, садоводческим некоммерческим товариществом был подан иск к собственнику земельного участка об обязанности демонтировать прибор учета электрической энергии и расторжении договора технологического присоединения к электрическим сетям с сетевой организацией ввиду того, что ни предыдущий собственник, ни ответчик не участвовали в строительстве воздушной линии электропередач, принадлежащей собственникам земельных участков – инвесторам. При этом в подтверждение своих доводов были предоставлены договоры подряда на строительство данного объекта. На вопрос суда о том, были ли у предыдущего собственника участка или у ответчика задолженности по членским и целевым взносам, поступил отрицательный ответ. В результате чего был сделан вывод, что ответчик является участником общей долевой собственности и был вправе осуществить технологическое присоединение в соответствии с действующим законодательством, а товарищество не вправе требовать от него дополнительную плату за это имущество. Таким образом, из толкования соответствующих положений закона следует, что у собственников земельных участков в границах СНТ, добросовестно оплативших взнос на создание имущества не возникает обособленного права собственности на это имущество, и оно переходит в режим общей долевой собственности всех участников. При этом у органа управления товарищества возникает лишь право принудительного взыскания целевого взноса с неплательщика, в установленном законом порядке.

Ранее лица, осуществляющие ведение садоводства или огородничества на земельных участках, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, без участия в товариществе, должны были заключать с товариществом договор на пользование за плату имуществом общего пользования. Новый правовой регулятор определил право использовать имущество общего пользования такими лицами, расположенное в границах территории

садоводства или огородничества, на равных условиях и в объеме, установленном для членов товарищества и обязан вносить плату за приобретение, создание, содержание имущества общего пользования, текущий и капитальный ремонт объектов капитального строительства, относящихся к имуществу общего пользования и расположенных в границах территории садоводства или огородничества, за услуги и работы товарищества по управлению таким имуществом в порядке, установленном 217-ФЗ, равном суммарному ежегодному размеру целевых и членских взносов члена товарищества.

В ходе последних из значимых изменений 217-ФЗ, стоит также отметить, правила приема в члены товарищества. Так ранее, прием в члены товарищества являлся исключительной компетенцией общего собрания, что вызывало ряд проблем, ввиду проведения общего собрания в большинстве случаев один раз в год. Теперь, прием в члены товарищества осуществляется на основании заявления правообладателя садового или огородного земельного участка, расположенного в границах территории садоводства или огородничества, которое подается в правление товарищества лично либо посредством почтового отправления (заказным письмом) для его последующего рассмотрения правлением товарищества, что позволяет более оперативно разрешать заявления о желании вступить в товарищество.

Важность правового регулирования СНТ стоит в практической плоскости. Собственники земельных участков в границах СНТ по большей части являются обычными гражданами, не имеющими соответствующего образования, позволяющего толковать законодательство в необходимом объеме. По многим вопросам они обращаются сети «Интернет». Однако, в рамках проведенного, анализа особенностей правового регулирования деятельности садоводческих некоммерческих товариществ, можно уверенно сказать, что нормативные правовые акты эволюционируют вслед за потребностями, возникающими у этих объединений собственников недвижимости.

Пристатейный библиографический список

1. Крашенинников П. В. Роман с юридическим лицом // Российская газета. – 2014. – № 6440 (168). – С. 1.

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ПЛАТОНОВА Александра Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

МАЛАХОВ Александр Валентинович

доцент кафедры трудового и экологического права Юридического школы Дальневосточного Федерального университета

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО СЕРВИТУТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведен анализ правовой природы земельного сервитута, были рассмотрены изменения, внесенные в нормативно-правовую базу, регулирующую данный институт, для выявления актуальных проблем правового регулирования и поиска решений для устранения существующих законодательных пробелов. Несмотря на нацеленность института земельного сервитута на обеспечение баланса частных и публичных интересов, рядом норм действующего законодательства этот баланс нарушается, в связи с чем необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы. Результаты исследования подтвердили факт наличия в действующем земельном законодательстве ряда нерешенных вопросов, на которые неоднократно указывали представители правовой науки.

Ключевые слова: сервитут, земельный сервитут, ограничение права на землю, земельное законодательство, публичный сервитут.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPETS Svetlana Igorevna

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

PLATONOVA Alexandra Dmitrievna

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

MALAKHOV Alexander Valentinovich

associate professor of Labor and environmental law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University

SOME PROBLEMS OF LAND EASEMENT'S LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the legal nature of the land easement, reviewed the changes made to the regulatory framework governing this institution to identify current problems of legal regulation and search for solutions to eliminate existing legislative gaps. Despite the focus of the land easement institute on ensuring a balance of private and public interests, a few norms of the current legislation violate this balance, and therefore further improvement of the regulatory framework is necessary. The results of the study confirmed the fact that there are a few unresolved issues in the current land legislation, which have been repeatedly pointed out by representatives of legal science.

Keywords: easement, land easement, restriction of the right to land, land legislation, public easement.

Проблемы правового регулирования земельного сервитута, определения его сущности и порядка применения неоднократно рассматривались в отечественной научной литературе.

Так, С. Н. Рыбина и Н. А. Ешкелева в исследовании анализируют результаты последних реформ земельного и гражданского законодательства и приходят к выводу о текущем отсутствии в отечественном правовом поле единой концепции регулирования земельного сервитута ввиду недостаточного урегулирования отдельных спорных моментов [3, с.7-15].

К похожим выводам в своем исследовании приходит Г. А. Волков, который отмечает, что последние этапы развития российского законодательство приблизили его к грани нарушения конституционных прав на землю [1, с. 219-236].

Д. Стренин и А. Н. Приженикова рассматривают преимущественно публичный сервитут, оценивая его как институт, обеспечивающий баланс интересов сторон, однако также не оставляют без внимания существующие пробелы законодательства [4, с.128-131].

И. И. Гордиенко, трактуя сервитут как важное ограничение вещного права на земельные участки, обеспечивающее баланс публичных и частных интересов, указывает на многообразии проблем, связанных с реализацией таких правоотношений [2, с.92-96].

Таким образом, анализ литературных источников демонстрирует актуальность анализа действующего законодательства на предмет выявления насущных проблем правового регулирования и поиска вариантов их решения.

Сервитут происходит от латинского слова «servitus» (обязательство, вещь в услужении) и представляет собой традиционный институт гражданского и земельного права, восходящим к римскому праву [4, с. 128]. В России институт земельного сервитута появился сравнительно недавно: введен с принятием первой части Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), в ст. 274 которого отражено содержание сервитута как права ограниченного пользования чужим зе-

мельным участком¹. В соответствии с положениями ГК РФ сервитут относится к вещным правам, в связи с чем на него распространяются признаки вещных прав (например, право следования, бессрочность и т. д.). В Земельном кодексе РФ (ЗК РФ) положения о сервитуте закреплены в ст. 23, в которых обозначен порядок установления земельного сервитута, а также выделяются признаки публичного сервитута и принципы его отграничения от частного сервитута².

Таким образом, при законодательном регулировании земельного сервитута проявляются межотраслевые связи данного правового института. Это выражается во взаимном влиянии друг на друга норм земельного, гражданского и иных отраслей права. В ряде случаев такой межотраслевой характер земельного сервитута обуславливает возникновение некоторых проблем, например, в разграничении правового регулирования сервитутов разных типов. ЗК РФ регулирует публичный сервитут, тогда как частный сервитут сегодня урегулирован положениями ГК РФ. В то же время до 2015 г. ЗК РФ закреплял классификацию земельных сервитутов на частный и публичный, в связи с чем С.Н. Рыбина указывает на то, что законодатель не следовало отказываться от такой подробной регламентации в новых редакции. [3, с. 10].

Данная точка зрения представляется справедливой, т. к. действующий ЗК РФ в настоящее время сосредоточен именно на отграничении публичного сервитута, в то время как само понятие «сервитут» остается неуточненным в положениях отечественного законодательства. В этой связи целесообразным шагом представляется приведение к единообразию положений ГК РФ и ЗК РФ путем уточнения понятия «сервитут» в ЗК РФ и закрепления в ЗК РФ и ГК РФ классификации на публичный и частный сервитуты, с возможностью ее расширения, например, посредством введения запретительного сервитута, запрещающего собственнику совершать определенные действия в отношении чужого недвижимого имущества.

Стоит отметить также, что, несмотря на трактовку представителями правовой науки земельного сервитута как ограничения вещного права на земельные участки, обеспечивающего баланс публичных и частных интересов, вызывают вопросы некоторые аспекты обеспечения этого баланса. Так, например, действующим законодательством предусмотрено прохождение документами-обоснованиями для установления публичного сервитута обязательных общественных обсуждений или публичных слушаний (ст. 5.1 Градостроительного кодекса РФ)³, в то время как для обычных (частных) сервитутов такое обоснование не конкретизировано. С одной стороны, такой подход законодателя выглядит логично, с учетом общественного характера публичного сервитута. С другой, на практике в данном случае могут возникать некоторые проблемы. Проиллюстрируем данное предположение на практике.

В настоящее время ЗК РФ в ст. 39.37 предусматривает возможность установления публичного сервитута для проведения изыскательских работ только для линейных объектов и связанных с ними сооружений, в то время как проведение изыскательских работ во всех остальных случаях допускает установление обычного (частного) сервитута. В то же время, как справедливо отмечает Г. А. Волков, частные сервитуты могут устанавливаться в отношении земельных участков, которые находятся в государственной или муниципальной собственности, а также для земельных участков в границах особых экономических зон для строительства и эксплуатации объектов инфраструктуры [1, с. 231–232].

В данном случае важно, что проведение изыскательских работ и строительство объектов инфраструктуры имеют общественно значимый характер, поскольку они предполагают не просто использование земельных участков, но и внесение

изменений в генеральные планы населенных пунктов, а также рациональное и безопасное использование земельных ресурсов. В силу этих причин отсутствие обязательных общественных обсуждений или публичных слушаний в подобных случаях может привести к нарушениям со стороны недобросовестных субъектов. Как следствие, для рассматриваемых случаев необходимо установление публичных сервитутов или же внесение в действующее законодательство положения о необходимости проведения подобных слушаний и обсуждений для документов-обоснований частных сервитутов, предусматривающих проведение изыскательских работ или строительства инфраструктурных объектов.

Также нельзя не упомянуть об определении размера платы за сервитут [2, с. 94–95]. ЗК РФ не предусматривает определения порядка платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам, – данный порядок определяется ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и методическими рекомендациями, которые содержат перечень обстоятельств, принимаемых к учету при определении платы за сервитут в отношении обременяемых земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам. Данный перечень учитывает и затруднения хозяйственной деятельности в связи с осуществлением публичного сервитута, и существовавшее до обременения положение земельного участка, и стоимость имущества правообладателей земельных участков⁴.

В то же время, данные методические рекомендации закрепляют положение о том, что обстоятельство, влияющее на расчет размера платы за публичный сервитут, учитываются однократно. Однако и публичный, и частный сервитут могут предполагать различный характер интенсивности использования земельных участков, в связи с чем и условия использования и состояние участка могут изменяться неоднократно, а результаты деятельности на таких участках могут иметь общественно значимый характер, а потому рекомендация об однократном учете обстоятельств, влияющих на установление размера платы, представляется нецелесообразной. Таким образом, самым оптимальным решением для определения платы за земельный сервитут в рассматриваемых случаях будет являться ее установление с учетом специфики каждого конкретного сервитута.

Изложенный материал позволяет прийти к выводу о том, что, несмотря на нацеленность института земельного сервитута на обеспечение баланса частных и публичных интересов, рядом норм действующего законодательства этот баланс нарушается, в связи с чем необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы.

Пристатейный библиографический список

1. Волков Г. А. Земельные сервитуты: развитие и проблемы гарантий прав // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161. Кн. 1.
2. Гордиенко И. И. Правовые проблемы, возникающие при установлении сервитута на земельный участок // Имущественные отношения в РФ. – 2019. – № 4 (211).
3. Рыбина С. Н., Ешкилева Н. А. Проблемы правового регулирования земельного сервитута в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. № 2А.
4. Стренин Д. Публичный сервитут в земельном праве: новое в законодательстве // Образование и право. – 2020. – № 3.
- 1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- 2 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
- 3 Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 14.07.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 16.
- 4 Приказ Минэкономразвития России от 04.06.2019 г. № 321 «Об утверждении методических рекомендаций по определению платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам» // СПС Консультант-Плюс.

НАБИУЛЛИН Эдуард Фагимович
аспирант Университета управления «ТИСБИ»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Процедура банкротства должника – юридического лица является довольно-таки популярной процедурой среди кредиторов, используемой в целях получения денежных средств. Однако не стоит забывать, что данная процедура оказывает серьезное влияние на экономическую составляющую нашей страны. Процедура банкротства является эффективным механизмом в удовлетворении требований кредиторов, при этом происходит очищение страны от низкоэффективных организаций, тормозящих развитие экономики. Помимо этого, данная процедура может помочь должнику восстановить свою деятельность, попавшего в тяжелую ситуацию, если, конечно, будет введена соответствующую процедуру (наблюдение, внешнее управление), что позволит сохранить все активы компании и рабочие места. С учетом настоящих реалий, связанных с пандемией COVID-19 и экономической нестабильностью в 2022 году, государству пришлось ввести новое понятие «мораторий» и утвердить его на законодательном уровне в виде нормы. Данная норма подразумевает защиту бизнеса в непростой экономической ситуации и предоставляет ему, в случае необходимости, отсрочку для решения имеющихся финансовых проблем. Имеющаяся статистика, собранная за 2 (два) последних года действия моратория, позволяет утверждать об эффективности данной меры. В данной статье мы будем разбирать нормативно-правовые акты, принятые и связанные с такими институтами, как банкротство, а также попытаемся отследить применение данных норм и их влияние в целом на банкротство в современных реалиях.

Ключевые слова: банкротство организаций, мораторий, внешнее управление, наблюдение, конкурсное производство.

NABIULLIN Eduard Fagimovich
postgraduate student of the University of Management «TISBI»

MODERN TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

The bankruptcy procedure of a debtor – a legal entity is a fairly popular procedure among creditors used to obtain funds. However, do not forget that this procedure has a serious impact on the economic component of our country. The bankruptcy procedure is an effective mechanism in satisfying creditors' claims, while the country is being cleansed of low-performing organizations that slow down the development of the economy. In addition, this procedure can help the debtor to restore its activities, who has fallen into a difficult situation, if, of course, an appropriate procedure (supervision, external management) is introduced, which will save all the company's assets and jobs. Taking into account the real realities associated with the COVID-19 pandemic and economic instability in 2022 years, the state had to introduce a new concept of "moratorium" and approve it at the legislative level in the form of a norm. This provision implies the protection of business in a difficult economic situation, and provides it, if necessary, a delay to solve existing financial problems. The available statistics collected over the last 2 (two) years of the moratorium allows us to assert the effectiveness of this measure. In this article, we will analyze the regulatory legal acts adopted and related to such institutions as bankruptcy, and also try to track the application of these norms and their impact on bankruptcy in general in modern realities.

Keywords: bankruptcy of organizations, moratorium, external management, supervision, bankruptcy proceedings.

Основопологающим документом, регулирующим институт банкротства, является Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Данный нормативно-правовой акт активно дорабатывается и совершенствуется с учетом судебной практики, тенденций в стране и мире. Последним изменением, введенным в вышеуказанный закон, является понятие «мораторий» (ст. 9.1.). Изначально данное понятие было введено Федеральным законом от 01.04.2020 года № 98-ФЗ, как механизм ответных мер возникших и возникающих проблем в экономике, в связи с пандемией COVID-19. В последующем оно было дополнительно использовано в Постановлении Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 (ред. от 13.07.2022) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами».

Статистика банкротства организаций в настоящее время и основные современные проблемы

Аналитика портала Федресурс показывает, что количество поданных заявлений о банкротстве организаций в разрезе 2015 – 2022 года неуклонно снижается.

Многие специалисты и эксперты в один голос утверждали, что введение такого механизма, как «мораторий», не поможет проблемным компаниям решить свои вопросы, стабилизировать бизнес и, после окончания действия моратория, ожидается взрывной всплеск подачи заявлений о банкротстве организаций и открытия конкурсных произ-

водств. Однако вышеуказанного взрыва не произошло. Да, действительно, количество поданных заявлений о банкротстве компаний в 2021 году выросло на 3,75% по сравнению с 2020 года, но всё равно осталось на отметке ниже, чем в 2018 году. Стоит так же отметить, что мораторий распространялся не на все компании, а только на те, которые пострадали по причине введения государством ограничений на фоне пандемии COVID-19. Тем самым можно отметить, что мораторий сыграл положительную роль, чем того ожидали и прогнозировали эксперты.

В самом начале становления такого института, как «банкротство», многие использовали его как лазейку, чтобы целенаправленно освободиться от обязательств и долгов перед кредиторами. Многие интернет-ресурсы, уличные столбы были увешаны объявлениями «Законно спишем долги». И ведь действительно, пару лет назад ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» был «сыроват», не имел под собой никакой судебной практики, и использование его происходило формально без «отступа влево, вправо». Однако на сегодняшний день устранено множество пробелов в законодательстве, введены новые нормы, даны разъяснения, создана колоссальная судебная практика, позволяющая отбить какое-либо желание должника освободиться от задолженности перед кредиторами умышленно, злоупотребив своим правом. Одним из таких нововведений можно назвать механизм субсидиарной ответственности директора, учредителей и иных контролирующих должника лица. Благодаря данному механизму

кредиторы имеют больше возможностей и шансов получить свои денежные средства и (или) иное имущество с должника, а должник в свою очередь подходит к вопросу банкротства с большей осмотрительностью. Помимо этого, пользуются большой популярностью механизмы по оспариванию сделок должника по выводу активов компании, что позволяет дополнительно увеличить шансы кредиторов [1, с. 25-29].

Как указывалось ранее, в самых ранних годах становления институт банкротства имел множество пробелов. Данными пробелами активно пользовались должники, чтобы ликвидировать юридическое лицо и уйти от обязательств. Указанные годы банкротства можно именовать «пробиторскими» по причине того, что в эти годы невозможно было в полной мере привлечь должников к ответственности, тем самым происходило ущемление прав кредиторов. В современных же реалиях ситуация поменялась кардинальным образом, и последние годы института «банкротства» можно именовать как «кредиторскими». Те самые изменения, такие как: субсидиарная ответственность директора, учредителей и иных контролирующих лиц должника, оспаривание сделок должника по выводу активов позволяют нам с уверенностью об этом утверждать [2, с. 176].

Статистика Федресурса указывает, что в 2021 году количество заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника и заявлений по оспариванию сделок, по сравнению с 2020 годом, увеличилось на целых 4%.

Процедура банкротства, даже при таком активном и эффективном усовершенствовании за небольшой промежуток времени, на сегодняшний день всё равно имеет достаточное количество недостатков. Одними из таких недостатков можно назвать:

1. Продолжительный срок ведения процедуры банкротства.
2. Небольшое количество процедур в рамках банкротства, направленных на вывод компании из кризиса, что позволило бы избежать многих дальнейших проблем для всех участников дела.
3. Высокие затраты на ведение процедуры банкротства.

Моратории на проведение процедуры банкротства
Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в 2020 году был дополнен статьей 9.1 Мораторий на возбуждение дел о банкротстве. Данная статья была введена Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ. Вышеуказанная статья и мера принимались как противовес тем экономическим последствиям, которые возникли и возникли в связи с ограничениями, введенными по причине наличия пандемии COVID-19, в рамках антикризисных мер Правительства Российской Федерации. Тем самым государство навсегда закрепило понятие моратория в банкротном законодательстве, дабы обезопасить организации от негативных последствий, как со стороны экономических последствий, так и со стороны активных кредиторов.

Впервые мораторий был введен с 06 апреля 2020 года по 06 октября 2020 года, который впоследствии был продлен до 07 января 2021 года.

Стоит отметить один из важных нюансов. Мораторий распространялся не на все организации, а только на те, которые, по мнению Правительства РФ, наиболее серьезно пострадали из-за пандемии COVID-19 в следующих отраслях, а именно:

- общественное питание, гостиничный бизнес, перевозки, культура, образование и др.
- системообразующие предприятия;
- стратегические предприятия и стратегические акционерные общества.

После продления моратория до 07 января 2021 году из вышеуказанного списка были исключены системообразующие и стратегические компании.

Как указывалось ранее, многие прогнозы экспертов о большом всплеске заявлений о признании должника несостоятельным после окончания действия моратория, не оправдались. Мера, хоть её и изначально критиковали, показала свою эффективность. Да, действительно, количество поданных заявлений о банкротстве компания в 2021 году выросло на 3,75% по сравнению с 2020 года, но всё равно оста-

лось на отметке ниже, чем в 2018 году. Помимо данной меры поддержки компаний, бизнесу оказывалась и иная помощь от Правительства, которая тоже сыграла свою роль.

Второй раз мораторий был введен в 2022 году Постановлением Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 (ред. от 13.07.2022) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами». В 2022 году уже не требовалось каких-либо дополнений или изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», а достаточно было лишь Постановления Правительства, так как имелась ранее введенная статья 9.1.

Отличием данного постановления было то, что оно распространялось не на конкретные пострадавшие отрасли и компании от COVID-19, а на все юридические и физические лица, индивидуальных предпринимателей. Стоит заметить, что мораторий лишь ограничивает права кредиторов подавать заявление о несостоятельности (банкротстве) должника, но не самого его. Должник имеет право обратиться в суд или МФЦ с заявлением о признании самого себя банкротом [3, с. 272].

Постановление также сформировало список ограниченный, действующих на компании, попавшие под мораторий, а именно:

1. Запрет на выплаты дивидендов участникам и распределение между ними.
2. Запрет на выдел доли имущества в пользу участника, в связи с его выходом из состава акционеров, приобретение размещенных акций или выплату действительной стоимости доли.
3. Запрет на реализацию buyback.
4. Запрет на прекращение обязательств путем зачета.
5. Запрет на подачу заявления о банкротстве в отношении другого лица.
6. Запрет на обращение взыскания на заложенное имущество, в том числе во внесудебном порядке.

Многие крупные и устойчивые компании, такие как ПАО «НК Роснефть», ПАО «Лукойл» в период экономической нестабильности, связанной с COVID-19, продолжили получать прибыль и сохранили свою платежеспособность. Но так как они относятся к системообразующим и (или) стратегическим компаниям, то в отношении них действовал мораторий, который предусматривал запрет на выплату дивидендов и совершение других действий.

После многочисленных обсуждений в законодательстве о банкротстве было предусмотрено право компании на выплату участникам дивидендов, но при условии, что она откажется от своего права на действие моратория в отношении неё. Данное право реализуется путём подачи заявления о соотвествующем отказе через портал Федресурс.

Наличие моратория позволяет компания, имеющие финансовые проблемы и сложности, стабилизировать свою деятельность и продолжить выполнять функцию, как работодателя.

Заключение

На основании проведенного исследования в настоящей статье, можно с уверенностью утверждать, что изменения, вносимые в законодательство о банкротстве, позволяют сохранить и сбалансировать предпринимательскую деятельность на территории нашей страны. Введение такого понятия, как «мораторий», позволило многим компаниям разобраться в финансовых трудностях и остаться «на плаву».

Приставный библиографический список

1. Кораев К. Б. Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям // Юрист. – 2018. – № 2. – С. 25-29.
2. Виктор Химичев. Защита прав кредиторов при банкротстве. – М.: Wolters Kluwer, 2020. – 176 с.
3. Исик Л. В. Банкротство и финансовое оздоровление. – М.: Дело и сервис, 2021. – 272 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-172-173

МИЛЕНТЕНКОВА Яна Владимировна

аспирант кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДОГОВОРНОЙ И ВНЕДОГОВОРНОЙ (ДЕЛИКТНОЙ) ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Гражданское право, как наука, на сегодняшний момент не дает однозначных ответов на вопросы о взаимосвязи договорной и внедоговорной (деликтной) ответственности. Тем не менее, вопрос о соотношении данных видов ответственности имеет принципиально важное значение для наиболее эффективного, а главное, правомерного применения норм в конкретных случаях, чтобы обеспечить защиту и восстановление нарушенных прав. В данной статье определены сходства двух видов ответственности посредством детального анализа гражданско-правовой ответственности, как родового понятия. Указаны характерные особенности разграничения договорной и деликтной ответственности. Выявлена и обоснована необходимость классификации ответственности на договорную и деликтную.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, договорная ответственность, деликтная ответственность, обязательство.

MILENTENKOVA Yana Vladimirovna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Saratov State Academy of Law

ON THE QUESTION OF THE RATIO OF CONTRACTUAL AND NON-CONTRACTUAL (TORT) LIABILITY

Civil law, as a science, currently does not provide unambiguous answers to questions about the relationship between contractual and non-contractual (tort) liability. Nevertheless, the question of the correlation of these types of liability is of fundamental importance for the most effective, and most importantly, the lawful application of the norms in specific cases to ensure the protection and restoration of violated rights. This article identifies the similarities of the two types of liability through a detailed analysis of civil liability as a generic concept. The characteristic features of the differentiation of contractual and tort liability are indicated. The necessity of classifying liability into contractual and tort is identified and justified.

Keywords: civil liability, contractual liability, tort liability, obligation.

Милентенкова Я. В.

Большим теоретическим и практическим значением обладает вопрос о соотношении договорной и внедоговорной (деликтной) ответственности, поскольку позволяет выявить область применения каждой из них, а также определить характерные черты и основополагающие функции этих двух разновидностей ответственности. Аналогия между договорной и внедоговорной ответственностью проводилась еще в римском праве, когда Гай различал обязательства *ex contractu* и обязательства *ex delicto*. Это двоякая схема обязательственного права в настоящий момент устарела, но дихотомия между договором и гражданским правонарушением (деликтом) остается прочно укоренившейся в юриспруденции.

И договорная, и внедоговорная (деликтная) ответственность являются видами гражданско-правовой ответственности, поэтому они обладают множеством сходных черт. Для того, чтобы определиться с ними, необходимо проанализировать понятие гражданско-правовой ответственности, как родового для рассматриваемых видов ответственности.

Широко известным в науке остается определение гражданско-правовой ответственности, высказанное О. С. Иоффе, где ответственность и санкция за правонарушение являются синонимами. Он не раз говорил, что речь идет не просто о санкции за правонарушение, а о такой санкции, которая влечет определенные лишения имущественного или личного неимущественного характера. [1, с. 277]

Совершенно точное определение дают А. В. Прокаев и О. Г. Строкова относительно гражданско-правовой ответственности, по их мнению, она представляет собой оценку со стороны государства, выражающуюся в осуждении поведения субъекта, которое не соответствует требованиям гражданско-правовых норм и реакцию государства заключающуюся в применении к нему мер ответственности в виде либо лишения субъективного права либо возложении дополнительной юридической обязанности [3, с. 132].

Общей целью гражданско-правовой ответственности по отношению к правонарушителю выступает наказание имущественного характера, и применение охранительных мер. Данная цель реализуется посредством осуществления ряда функций, а именно стимулирующей, превентивно-воспитательной и компенсационной. Основанием гражданско-правовой ответственности всегда выступает гражданское правонарушение. Субъектами ответственности выступают как физические лица, так и организации, а также публично-правовые образования, которые обладают правосубъектностью.

Вышеуказанные отличительные признаки гражданско-правовой ответственности присущие договорной и внедоговорной (деликтной) ответственности, позволяя говорить об их схожести. Тем не менее, говоря о соотношении, всегда интерес вызван вопросом о различиях рассматриваемых понятий.

Классификация ответственности на договорную и внедоговорную дается в зависимости от основания ее возникновения.

Чаще всего под договорной ответственностью принято понимать ответственность, наступающую в случаях неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательства, возникшего из договора [4, с. 389].

Внедоговорная ответственность имеет место, если нарушение обязательства возникло не из договора, а по другим основаниям. Зачастую внедоговорную ответственность называют также деликтной, связывая ее с обязательствами из причинения вреда (деликтами), которые, по сути, и представляют собой форму гражданско-правовой ответственности. Однако, мнения насчет синонимичности понятий внедоговорной и деликтной ответственности в науке расходятся, что вызывает основание для дискуссий. Деликтная ответственность всегда возникает, когда вред причиняется лицом, которых не состоит ни в каких обязательственных правоотношениях с потер-

певшей стороной, а договорная прямо вытекает из существа договора – главное и поверхностное расхождение рассматриваемых видов ответственности.

Одинаковым является перечень условий, при наличии которых наступает ответственность за нарушение договора и причинение вреда. Говоря о структуре состава правонарушения и входящих в него элементов важно мнение С. С. Алексеева, который сформулировал свою позицию следующим образом: «Если классифицировать общие признаки состава гражданского правонарушения, единые как для «договорной», так и для «внедоговорной» ответственности, то их следует распределить по трем сторонам состава: 1) объект, 2) субъект, 3) объективная сторона (объективированный вредоносный результат, противоправность, причинная связь)» [5, с. 49].

Вина, как обязательный признак субъективной стороны правонарушения, часто выделяется ученым как отличительная черта договора и деликта. Но со сравнительной точки зрения требование вины не является подходящим критерием, чтобы отличить деликтную ответственность от договорной ответственности за многочисленные причины. В-первых, юристы используют принцип вины как в деликте, так и в договоре. Во-вторых, допускаются многочисленные исключения к строгой ответственности в договорном праве. Следовательно, чаще отдается предпочтение комбинированному подходу.

В договорных обязательствах ответственность имеет «подстраховочный», вторичный характер и имеет место, когда одна или обе из сторон не исполнили свои обязанности, тем самым нарушили договор и вытекающее из него обязательство. Похожий смысл можно найти в высказываниях О. С. Иоффе, который считал, что «договорная ответственность особого обязательства не порождает и осуществляется путем присоединения к существующему между сторонами обязательству новой обязанности нарушителя (по возмещению убытков, уплате штрафов и т.п.)» [6, с. 48].

По деликтным обязательствам ответственность носит первичный характер, выступая содержанием обязательства. Ее состав включает в себя содержание обязанности правонарушителя, то есть нести определенные лишения и неблагоприятные последствия в виде обязанности по возмещению вреда, вследствие его причинения. Деликтная ответственность традиционно основывается на моральной порицаемости, следуя римским понятиям *iniuria* и *culpa*. Таким образом, договорное право было создано для определения прав и обязанностей сторон, заключающих договоры, в то время как деликтное право определяет обязанности широкой ответственности в отношении того, какой тип поведения является социально приемлемым.

Еще одним важным отличием выступает метод правового регулирования ответственности. Нормы, регулирующие внедоговорную ответственность, являются преимущественно императивными. Обязанности в деликтах устанавливаются законом, следовательно, деликтная ответственность более структурированная и строгая. Напротив, для договорного вида ответственности характерно диспозитивное регулирование, поскольку в случае, если участник договора не выполнит свою обязанность, то к нему будет применяться мера ответственности, которую сами стороны выбрали и указали в своем соглашении.

Очень важно разграничить случаи возмещения вреда по условиям двух разных видов ответственности. Если вред был причинен в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, то нормы ответственности за неправомерное поведение не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или в соответствии с условиями заключенного договора. Нормы деликтной ответственности не будут применяться, если вред был получен в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договора. Вред в таком случае возмещается по правилам договорной ответственности и в соответствии с условиями, которые определили стороны.

В частных случаях нормы о внедоговорной ответственности можно увидеть и в договорных обязательствах – еще один

пример соотношения анализируемых видов ответственности.

Так, согласно ст. 1084 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, возмещается по правилам, предусмотренным гл. 59 ГК РФ, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности. В данном случае по правилам о деликтных обязательствах возмещается не любой вред, причиненный при исполнении договорных обязательств, а только вред, причиненный жизни и здоровью гражданина, и при условии, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности [7, с. 1084].

В гражданском законодательстве есть и другие случаи, когда можно применить нормы, регулирующие деликтные обязательства по отношению к обязательствам, вытекающим из договора (например, ст. 800 ГК).

Еще один вариант соотношения договорной и внедоговорной (деликтной) ответственности дается Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ). В своем Постановлении, а именно пункте 4.3 КС РФ подчеркивает, что возмещение причиненного вреда, осуществляется на основании договора и в соответствии с его условиями, однако не исключается распространение на отношения между потерпевшим и лицом, причинившим вред, общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах из причинения вреда [8, с. 4.3]. Акт толкования КС РФ дает возможность одновременно применять два вида ответственности.

Таким образом, соотношение деликтной и договорной ответственности проявляется в их сходстве, т.к. они являются разновидностями гражданско-правовой ответственности, в их совместном применении в отдельных случаях, предусмотренных законом. Тем не менее, давнее разделение между договорным и деликтным правом материализовалось в виде ряда важных существенных различий между ними. Дихотомия между договорной и внедоговорной ответственностью все еще прочно существует в науке. Однако, четкая грань между договорной и внедоговорной ответственностью стала размытой. Различия между рассматриваемыми видами ответственности носят постепенный характер. Подводя итог, можно сказать, что давнее *summa divisio obligationum* по-прежнему важно, но его нельзя поддерживать в полной мере.

Приставный библиографический список

1. Иоффе О. С. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 574 с.
2. Роцин М. Е. К вопросу о понятии гражданско-правовой ответственности // Современная наука: теория и практика. – 2015. – № 1 (8). – С. 22-31
3. Прокаев А. В., Строкова О. Г. Методологическое исследование внедоговорной ответственности и внедоговорного обязательства // Вестник СПЮА. – 2019. – № 5 (130). – С. 132-142.
4. Гражданское право: Учеб.: В 3 т. Т. 1. - 6-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 776 с.
5. Алексеев С. С. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки. – М., 1959. – 176 с.
6. Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Новый Гражданский кодекс РСФСР. – Л., 1965. – С. 231.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; (Часть 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2017 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Ариуншенко, Г. С. Бересневой и других» // Собрание законодательства РФ. – 13.03.2017. – № 5. – Ст. 400.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-174-179

САМАНБА Иван Леонидович

аспирант 4 курса Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В ЗИМНИЙ ПЕРИОД

В настоящей статье приводится краткая характеристика жилищных правоотношений в России, оценивается состояние работы органов государственной власти при реализации ими полномочий по координации деятельности организаций жилищно-коммунального комплекса в период обильных снегопадов, образования наледи и сосулек на территории Санкт-Петербурга.

В частности, раскрываются основные проблемные вопросы, с которыми сталкиваются как граждане, так и органы государственной власти и организации сферы жилищно-коммунального хозяйства Санкт-Петербурга в зимний период, описываются причины недостаточной защищенности граждан, их имущества, предлагаются пути повышения качества работы коммунальных служб и оперативного восстановления нарушенных прав.

Обосновывается целесообразность совершенствования существующих механизмов защиты в случае причинения ущерба здоровью и имуществу граждан в результате ненадлежащего обслуживания уполномоченными организациями подведомственной территории, в том числе путем изменения нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: защита прав граждан, жилищные правоотношения, организации жилищно-коммунального хозяйства, органы государственной власти.

SAMANBA Ivan Leonidovich

postgraduate student of the 4th course of the A. S. Pushkin Leningrad State University

PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS IN WINTER

This article provides a brief description of housing legal relations in Russia, assesses the state of work of public authorities in the exercise of their powers to coordinate the activities of organizations of the housing and communal complex during heavy snowfalls, the formation of ice and icicles on the territory of St. Petersburg.

In particular, it reveals the main problematic issues faced by both citizens and public authorities and organizations of the housing and communal services sector of St. Petersburg in winter, describes the reasons for the lack of protection of citizens and their property, suggests ways to improve the quality of public services and prompt restoration of violated rights.

The expediency of improving the existing protection mechanisms in case of damage to the health and property of citizens as a result of improper maintenance by authorized organizations of the subordinate territory, including by changing the regulatory framework, is substantiated.

Keywords: protection of citizens' rights, housing legal relations, housing and communal services organizations, public authorities.

Введение

Известно, что зима в Санкт-Петербурге – это время года, когда улицы, дворы и тротуары превращаются в зону повышенной опасности, что требует принятия действенных мер, направленных на недопущение случаев травмирования жителей города, причинению ущерба их имуществу.

Права человека органично вплетены в социальную деятельность людей, их общественные отношения, способы бытия индивида. Они являются нормативной формой взаимодействия, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения противоречий, с нормальным функционированием общества и государства [1, с. 8-9].

Существующие способы защиты прав граждан, такие как, присуждение к исполнению обязательства, возмещение убытков, взыскание морального вреда, в условиях массовых нарушений не являются достаточными, поскольку подразумевают длительный как претензионный, так и судебный порядок разбирательства.

Жилищно-коммунальное хозяйство (далее также – ЖКХ) в экономике страны является одной из ведущих отраслей, которая обладает огромным потенциалом: доля ос-

Саманба И. Л.

новных фондов превышает 26% от их общего объема России, годовой оборот ЖКХ – 4,7 трлн. руб., в сфере работает более 65 тыс. организаций и свыше 243 тыс. человек [2].

Под надлежащим предоставлением жилищно-коммунальных услуг понимается – надежное и устойчивое обеспечение холодной и горячей водой, электрической энергией, газом, отоплением, отведение и очистка сточных вод, содержание и ремонт жилых домов, придомовой территории, а также благоустройство населенного пункта в соответствии с установленными стандартами, нормами и требованиями [3].

Задача настоящей статьи – рассмотреть проблемные вопросы отрасли ЖКХ, затрагивающие практически каждого жителя не только Санкт-Петербурга, но и всей Российской Федерации, оценить достаточность нормативно-правового регулирования данных правоотношений, предложить пути повышения эффективности защиты и восстановления нарушенных прав со стороны уполномоченных органов государственной власти и организаций ЖКХ.

Тема соблюдения прав граждан в зимний период является актуальной, поскольку именно в это время года значительно увеличиваются случаи причинения вреда их здоровью и имуществу, что требует от уполномоченных должностных

лиц органов государственной власти принятия исчерпывающих мер по защите граждан.

Краткая характеристика жилищных правоотношений в России

Несмотря на отсутствие понятия жилищных прав в древней Руси, в те времена имелись нормативно-правовые акты, регламентирующие вещные и иные проистекающие из них права. Так, собственник по Русской Правде имел право распоряжаться своим имуществом, вступать в договоры, получать доходы с имущества, требовать его защиты при посягательствах [4].

В течение XX века в России действовали различные системы, регламентирующие вопросы жилищных прав граждан, обусловленные изменениями принципов осуществления государством публичных полномочий.

Например, жилищные отношения до октябрьской революции 1917 года регулировались частным правом и представляли собой, как правило, отношения по купле-продаже, найму жилых помещений, строительству самостоятельных жилых строений, в том числе доходных домов. По сути, жители страны решали свои жилищные проблемы самостоятельно, без участия государства [5, 556 с. 2.].

В советский период становление советского права шло параллельно с формированием советского государства и характеризовалось отказом от дореволюционной правовой системы.

В ходе становления советского государства в качестве первоисточника права предлагалось применить так называемое революционное правосознание, что являлось следствием попытки построения правового регулирования государства и общества на иных, отличных от предшествующих, принципах построения права и государства. Считалось, что правовое регулирование в дореволюционной России не может соответствовать принципам построения государства нового типа, следовательно, не может применяться. Возникла ситуация правового вакуума, в условиях которого революционное правосознание предлагалось рассматривать в качестве основного источника права. Теоретической основой данного предложения являлись работы П. И. Стучки [6, с. 13-20].

Таким образом, в советский период, который получил в литературе название административно-командный, действовали нормативные правовые акты, содержащие в себе нормы, соответствующие тому периоду времени. В свою очередь переход страны к новому алгоритму системы управления и экономической формации определил создание новой формы жилищного законодательства, отвечающей требованиям изменившейся объективной реальности.

Жилищные правоотношения по своей сути являются частью социальных отношений, возникающих при взаимодействии соответствующих субъектов. Жилищному правоотношению присущ ряд общих признаков, позволяющих оценивать имеющуюся совокупность правоотношений в качестве определенного социального взаимодействия. Представители общей теории права относят к числу таких общих признаков общественный и волевой характер правоотношений, их основанность на законе, специфичность содержания, выражающегося во взаимных правах и обязанностях субъектов правоотношений, и ряд иных моментов [7, с. 9-114].

В настоящее время жилищные правоотношения в Российской Федерации регулируются Жилищным кодексом РФ, введенным в действие федеральным законом РФ от 29.12.2004

№ 188-ФЗ, как основным источником жилищного права, регулирующим практически весь спектр взаимоотношений между субъектами указанных взаимоотношений.

С принятием нового Жилищного кодекса РФ и связанного с ним комплекса иных нормативных правовых актов, жилищное законодательство РФ существенно трансформировалось. Обозначился радикальный отказ от административно-планового метода регламентации данной сферы.

По своей сути ЖК РФ призван регулировать общественные отношения с участием граждан, юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления по всем вопросам, определенным в нем, в том числе в части оказания населению качественных жилищно-коммунальных услуг.

Нормативно-правовое регулирование полномочий надзорных органов государственной власти в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Жилищное законодательство в силу положений ч. 1 ст. 72 Конституции РФ находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Как правильно отмечено Кустовой Е., законодательство Российской Федерации в области жилищного фонда предусматривает множество нормативных актов, которые принимаются на разных законодательных уровнях [8, с. 101-105].

Согласно ст. 20 Жилищного кодекса РФ под государственным жилищным надзором понимается деятельность уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений действующего жилищного законодательства органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами.

Постановлением правительства Санкт-Петербурга от 23.11.2004 № 1849 утверждено Положение о Государственной жилищной инспекции Санкт-Петербурга (далее – Инспекция), согласно которому на территории города функции по осуществлению государственного надзора в рассматриваемой сфере возложены на Инспекцию.

Указанный жилищный надзор также осуществляется в отношении правил по благоустройству придомовой территории, предусмотренных множеством нормативно-правовых актов как федерального, так и регионального уровня.

Обобщая понятие жилищной Инспекции, Долгополов П.С., верно указал основные целевые функции указанного органа, включающие в себя полномочия государства по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений в сфере ЖКХ, а также привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности [9].

Например, за нарушения требований по содержанию общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, в том числе за необеспечение надлежащей уборки придомовой территории в период выпадения обильных снегопадов, непринятие мер по удалению сосулек и наледи, управляющая компания может быть привлечена Инспекцией к административной ответственности по ст. 14.1.3 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами без лицензии или осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований, в том числе грубых), а ТСЖ, ЖСК

и ЖК – по ст. 7.22 КоАП РФ (нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений).

Обеспечение благоустройства на территории Санкт-Петербурга возложено на районные администрации, которые уполномочены в соответствии с п. 3.10.7 Положения об администрации района Санкт-Петербурга, утвержденного постановлением правительства Санкт-Петербурга от 19.12.2017 № 1098, в пределах своей компетенции привлекать виновных лиц к административной ответственности за нарушения требований правил благоустройства города по ч. 5 ст. 20 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге».

Основной задачей зимней уборки автомобильных дорог (улично-дорожной сети) является обеспечение такого состояния дорог, искусственных дорожных сооружений, в том числе тротуаров и велодорожек, при котором достигается беспрепятственность работы городского транспорта, безопасное движение пешеходов и транспортных средств.

За несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при уборке от снега и наледи улично-дорожной сети (далее также – УДС), либо непринятие мер по своевременному устранению помех в дорожном движении в случаях, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения статьей 12.34 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, реализация которой находится в зоне полномочий органов внутренних дел в лице государственной инспекции по безопасности дорожного движения.

Несмотря на введенные в 2022 году ограничения на проведение проверок представителей предпринимательского сообщества, вопросы защиты прав граждан в сфере ЖКХ не могут быть исключены из поля зрения контрольно-надзорных органов.

Особую роль в защите социальных прав граждан обеспечивает прокуратура, осуществляющая от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории России.

Вопросы исполнения законов и соблюдения прав и интересов граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства на протяжении многих лет не теряют актуальности и находятся на постоянном контроле Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹.

Одним из основных направлений деятельности прокуратуры в соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» является осуществление надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, о чем прямо говорится в приказе Генеральной прокуратуры РФ от 03.03.2017 № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в жилищно-коммунальной сфере».

Следует отметить, что введенные постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» огра-

ничения по проведению проверок субъектов малого бизнеса не распространяются на деятельность органов прокуратуры Российской Федерации.

Организационно-распорядительными документами Генпрокуратуры РФ и прокуратуры Санкт-Петербурга не запрещены проверки представителей малого и среднего бизнеса по обращениям граждан, что позволяет активно защищать интересы жителей города от произвола «жилищников».

Как правильно указывает Смирнов А. Ф., предметом прокурорского надзора являются действия и бездействие должностных лиц, которые оцениваются с точки зрения их соответствия требованиям закона. По результатам такой оценки делается вывод о допущенных нарушениях и применяются акты прокурорского надзора, позволяющие устранить выявленные нарушения [10, с. 402]. Нельзя не согласиться с Асташкиной Е. Ю. и Труфановым М. Е., по мнению которых, только через установление административно-правовых запретов нарушения прав граждан, действий, предусмотренных составами соответствующих административных правонарушений, и обеспечение возможности обращения к уполномоченным должностным лицам контрольно-надзорных государственных органов с требованием о защите нарушенного права проявляется охранительный потенциал механизма административно-правового регулирования [11, с. 55-58].

Для пресечения фактов нарушений законов прокурору предоставлен широкий «инструментарий», с помощью которого он защищает права граждан. Немаловажную роль в указанном перечне занимают представление прокурора об устранении нарушений закона, предостережение о недопустимости нарушения закона и иные формы прокурорского реагирования.

Кроме того, органы прокуратуры обладают полномочиями возбуждать дела об административных правонарушениях о любых составах, предусмотренных КоАП РФ. Например, прокурор уполномочен возбуждать дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 12.34, 14.1.3, 7.22 КоАП РФ, ст. 20 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге».

Анализируя юрисдикцию органов прокуратуры через призму положений статьи 28.4 КоАП РФ, наделяющей соответствующими полномочиями прокурора, необходимо учитывать нормы части 2 статьи 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», прямо запрещающей подменять иные государственные органы при осуществлении надзора за исполнением законов.

С учетом изложенного, предпочтительной формой реализацией полномочий по привлечению виновных лиц к административной ответственности в рассматриваемой сфере является не возбуждение дел о вышеназванных правонарушениях прокурором, а направление таких материалов в уполномоченные органы власти на рассмотрение для принятия ими решений в порядке КоАП РФ.

В то же время, в КоАП РФ имеются статьи, по которым возбуждать дела об административных правонарушениях, в том числе в сфере ЖКХ могут исключительно органы прокуратуры. В качестве примера можно привести положения статьи 5.39 КоАП РФ, которой установлена административная ответственность за неправомерный отказ в предоставлении гражданину, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, не-

1 Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки информационному агентству «ТАСС» от 31.01.2017 // Офиц. сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/special/smi/interview/1158961>; Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки газете «Известия» от 25.04.2017. Офиц. сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/genprokuror/interview/document-1187388/>.

своевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации.

Как правило, суть вышеуказанного нарушения заключается в непредоставлении или несвоевременном предоставлении гражданину информации по его запросу обсуживающей многоквартирный жилой дом управляющей организацией, ТСЖ, ЖСК и т.д.

Таким образом, на территории города проблемами осуществления регионального контроля и надзора в области ЖКХ в основном обеспечивают Инспекция, районные администрации и органы прокуратуры города в пределах своих полномочий.

Способы защиты прав граждан: проблемные вопросы восстановления нарушенных прав

Природа механизмов реализации и защиты прав человека – это результат деятельности мыслителей различных научных направлений на протяжении не одного столетия. Концепции о правах человека, о равенстве среди людей, о защите нарушенных прав и т.д. есть яркое выражение идей о защищенности социально-правового статуса человека в современном обществе [12, с. 4].

Защита прав личности должна осуществляться независимо от социального положения, взглядов, религиозных или политических убеждений, и обеспечивать реальные возможности для восстановления нарушенных прав со стороны уполномоченных институтов органов публичной власти.

Несмотря на наличие на территории города уполномоченных органов государственной власти, наделенных полномочиями по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности, к сожалению, как показывает практика, факты нарушений прав жителей Санкт-Петербурга в сфере благоустройства и ЖКХ носят массовый характер, о чем свидетельствуют многочисленные негативные публикации в СМИ.

Мониторингом состояния законности в рассматриваемой области установлено, что одной из причин некачественной уборки города является недостаточное количество дворников и работников ручного труда практически во всех районах Санкт-Петербурга, а в ряде случаев – специальной техники у специализированных организаций.

Например, из 1 426 многоквартирных жилых домов (далее – МКД), расположенных на территории Пушкинского района Санкт-Петербурга – 734 МКД находятся в управлении ООО «Жилкомсервис № 1 Пушкинского района Санкт-Петербурга» и ООО «Жилкомсервис № 2 Пушкинского района Санкт-Петербурга», у которых в штатах в начале 2022 года имелось всего 75 дворников, что явно не было достаточным².

Только с 01.01.2022 по 25.01.2022 на территории Пушкинского района Санкт-Петербурга вследствие ненадлежащей уборки из-за гололеда пострадало не менее 70 граждан, получивших травмы верхних и нижних конечностей, что превысило показатель 2021 года в два раза (37 пострадавших в 2021 г.)³.

Несмотря на недостаточность дворников и работников ручного труда в ООО «Жилкомсервис № 1 Пушкинского района Санкт-Петербурга» и ООО «Жилкомсервис № 2 Пушкинского района Санкт-Петербурга» на сайтах управляющих

компаний в начале 2022 года были размещены объявления о наличии вакансий с установлением оплаты труда дворникам, слесарям-сантехникам, плотникам и электромонтерам от 18 000 руб. до 20 000 руб., что даже являлось ниже минимального размера (21 500 руб.) определенного региональным соглашением о минимальной заработной плате в Санкт-Петербурге на 2022 год⁴. Очевидно, что подобные предложения не могли быть привлекательными для большинства специалистов сферы ЖКХ.

Кроме того, в Санкт-Петербурге существует проблема по уборке улично-дорожной сети и внутриквартальных территорий, связанная не только с нехваткой работников ручного труда, но и с неправильной организацией подобных работ со стороны районных и городских органов власти.

Так, уборка внутриквартальной территории Адмиралтейского района Санкт-Петербурга на основании заключенного в 2022 году с СПб ГКУ «Жилищное агентство Адмиралтейского района» контракта фактически была возложена на управляющие организации (ООО «ЖКС № 2 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга», и его субподрядчиков ООО «ЖКС № 1 Адмиралтейского района Санкт-Петербурга» и ООО «СТИЛЕС»), на которых и так в рамках заключенных с жителями района договоров по управлению многоквартирными домами возложены обязанности по уборке подведомственной внутриквартальной территории, что привело к одномоментному осуществлению работ на дополнительных объектах, как следствие, к снижению качества уборки в целом.

На примере Адмиралтейского района Санкт-Петербурга в части уборки улично-дорожной сети также можно констатировать сбои в работе со стороны уполномоченных организаций жилищно-коммунального хозяйства.

Установлено, что обязанность по организации уборки объектов УДС Адмиралтейского района на основании государственного контракта, заключенного с Комитетом по благоустройству Санкт-Петербурга возложена на подведомственное указанному комитету предприятие – СПб ГУДП «Центр».

Несмотря на наличие специализированного предприятия для уборки УДС района в период выпадения в конце 2022 года значительного числа атмосферных осадков, работа СПб ГУДП «Центр» не была организована надлежащим образом, что привело к увеличению количества пострадавших от падения на гололеде граждан.

Анализом находящихся на балансе СПб ГУДП «Центр» сил и средств, установлено, что из 144 единиц специализированной техники, задействованной в обслуживании территории УДС Адмиралтейского района 29 из-за неисправности не использовались, при этом в период выпадения обильных атмосферных осадков задействовалось фактически лишь 46 единиц такой техники. Причиной неиспользования имеющегося у предприятия потенциала технических средств была связана с недостаточностью водителей, которых до начала зимнего периода предприятие не нанимало⁵.

Изложенное свидетельствует, что уполномоченными органами власти Санкт-Петербурга своевременные меры по подготовке к прохождению зимнего периода не принима-

2 Информация администрации Пушкинского района Санкт-Петербурга от 27.01.2022 № 07-34-15770/21-0-35.

3 Информация администрации Пушкинского района Санкт-Петербурга от 17.01.2022 № 07-34-448/22-0-1.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Gikomservis1pushkin.ru/vacancy и [Электронный ресурс]. – Режим доступа: жкс2пушкин.рф/vacancy от 21.01.2022.

5 Информация администрации Адмиралтейского района Санкт-Петербурга от 30.12.2022 № 01-27-1728/22.

лись, а существующая «схема» работы явно не отвечает потребностям не только отдельно взятого района города, но и всего Санкт-Петербурга.

Коммунальные услуги являются существенной статьей расходов для граждан со средним и низким уровнем доходов. Однако, однозначно утверждать, что государство, определяя правовое регулирование сферы ЖКХ, принимает исключительно сторону потребителя-гражданина и защищает его интересы в полном объеме, нельзя [13; с. 23 - 36].

В тоже время увеличение управляющими компаниями и иными организациями оплаты труда дворникам и работникам ручного труда спровоцирует рост платы за жилищно-коммунальные услуги для жителей, что может привести к возникновению социальной напряженности на территории города.

На мой взгляд, решение проблемы нехватки рабочей силы в организациях ЖКХ, возможно путем предоставления целевых субсидий правительством Санкт-Петербурга наиболее крупным управляющим компаниям города (с долей государственного участия в уставном капитале), а также посредством привлечения к выполнению работ по уборке УДС и внутриквартальных территорий специализированных организаций со стороны.

Без надлежащего контроля за целевым и эффективным расходованием средств бюджетов различных уровней на благоустройство и содержание города, а также получаемой от жителей платы за жилищно-коммунальные услуги невозможно выстроить эффективную систему работы сферы ЖКХ.

В то же время нельзя не учитывать постоянно возрастающую нагрузку на государственных служащих во всех сферах управленческой деятельности, в том числе и в области ЖКХ, которая приводит к постоянной необходимости оптимизации рабочего времени посредством внедрения электронных способов работы и взаимодействия.

В настоящее время многие получаемые гражданами услуги невозможны без использования информационных технологий и электронного документооборота.

На электронном взаимодействии, как правильно отмечено Бойченко И. С., основано осуществление функционирования государственных информационных систем, включая обеспечение вопросов информационной безопасности в сфере электронного взаимодействия, применение информационных технологий в области образования и науки, культуры и медицины, финансовой и банковской сферы, Интернет-торговли, нотариата, использование социальных сетей и различных информационных сервисов и др. [14, с. 38-44].

Нельзя не согласиться с мнением Уваевой М., что не вовремя убранный снег, наледь, сосульки подвергают чудовищному риску жизнь, здоровье, имущество людей (вследствие непосредственного воздействия «орудий природы», невозможности подъехать к зданиям машинам медицинской, пожарной, спасательной служб и т.д.) [15, с. 85-95].

Существующие способы электронного взаимодействия граждан и органов государственной власти не обеспечивают незамедлительного восстановления нарушенных прав, так как до настоящего времени нет единой информационно-электронной платформы, с законодательным установлением алгоритма действий уполномоченных органов по оперативному решению (в день обращения) проблемы конкретного пострадавшего в результате ненадлежащей уборки территории.

Следует отметить, что действующее жилищное законодательство обеспечивает достаточно демократичные формы

участия непосредственно граждан в данных правоотношениях. Так, вопросы содержания и благоустройства придомовой территории, условия их оказания и выполнения, размер их финансирования – решаются на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме, общем собрании членов товарищества собственников жилья, общем собрании членов кооператива.

При этом необходимо учитывать, что граждане в случае наличия замечаний к уборке территории вправе в зависимости от выбранного способа управления МКД, предъявлять требование о поддержании порядка на придомовой территории в организацию, с которой они заключили договор на выполнение работ и оказание услуг по содержанию и ремонту общего имущества в доме, управляющую организацию, товариществу собственников жилья, жилищному или иному специализированному потребительскому кооперативу, которые обязаны принять меры по исполнению своих обязательств перед жителями.

В случае игнорирования своих требований граждане вправе обращаться с жалобами и заявлениями в органы жилищного надзора, которые рассматривают указанные обращения в соответствии с их полномочиями в рамках положений Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ».

В действующей редакции законодательства о порядке рассмотрения обращений закреплен лишь общий срок рассмотрения заявлений граждан – 30 дней со дня их регистрации, на основании которого уполномоченные органы, как правило, рассматривают обращения в пределах указанного срока.

Действительно, гражданское законодательство закрепляет обязанность по компенсации виновным лицом вреда здоровью личности или имуществу гражданина, уточняя, что возмещению в этих случаях подлежит утраченный потерпевшим доход, который он имел либо мог иметь, а также произведенные им расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение и т.п.

Как показывает «жизненная» практика уполномоченные должностные лица органов контроля и надзора не принимают в кратчайшие сроки меры по ликвидации самой причины ущерба здоровью и имуществу граждан, что приводит к многократному повторению подобных фактов.

В зимний период на территории Санкт-Петербурга одним из самых частых случаев причинения вреда здоровью граждан является падение в местах, не обработанных противогололедными материалами, а имуществу – повреждение припаркованных автомобилей сосульками и снегом с крыш домов или общественных зданий.

Несмотря на имеющиеся механизмы защиты прав, на практике они не являются достаточно эффективными, так как для решения вопроса о применении материальной ответственности действует исключительно судебный способ защиты, который является сложным и длительным для большей части населения города.

Например, для подтверждения произведенных затрат на лечение необходимо наличие платежных документов, а для поврежденных транспортных средств – заключение специализированной организации о сумме ущерба и ряд других документов.

Более того, в случае отказа со стороны виновного лица в добровольном порядке компенсировать вред здоровью (включая моральный) или имуществу пострадавшего, то у

последнего остается лишь право судебной защиты, что для большинства граждан является «хлопотным делом». При этом действующее на федеральном и на региональном уровне законодательство в настоящее время не предусматривает специальные (сокращенные) сроки решения проблем пострадавших граждан и их имущества из-за ненадлежащей уборки территории в административном порядке.

Заключение

Формирование комфортных условий проживания граждан в зимний период возможно при установлении механизма оперативного реагирования на проблемы жителей города при внедрении электронных способов взаимодействия не только специализированных служб и уполномоченных органов государственной власти между собой, но и с гражданами, в том числе путем создания мобильного приложения, позволяющего оперативно (в течение суток) обрабатывать поступающую информацию.

Решение проблемы нехватки рабочей силы в управляющих компаниях и специализированных работников в дорожных предприятиях видится путем предоставления последним целевых субсидий правительством Санкт-Петербурга, а не за счет повышения платы гражданам за жилищно-коммунальные услуги.

Для реализации вышеизложенного не потребуются глобальных изменений действующего законодательства, достаточно будет внести необходимые изменения в некоторые нормативно-правовые акты Санкт-Петербурга, регламентирующие вопросы благоустройства и применения цифровых технологий, а также уточнение некоторых статей бюджета Санкт-Петербурга путем пересмотра расходов сферы ЖКХ в части определения более приоритетных трат.

Создание (в качестве пилотного проекта) фонда компенсаций при правительстве Санкт-Петербурга, денежные средства которого будут использоваться для возмещения ущерба гражданам и их имуществу с правом последующего регресса к виновным лицам, также будет способствовать реальному и оперативному восстановлению нарушенных прав жителей города.

Внедрение современных технологий реагирования по всем случаям причинения вреда здоровью и имуществу граждан приведет к улучшению состояния законности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также повысит уровень доверия населения к органам государственной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Лукашева Е. А. Права человека. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М, 1999. С. 8-9.
2. Климентьева С. В. Проблемы ЖКХ в условиях пандемии («Правовые вопросы недвижимости»). – 2021. - № 2// СПС КонсультантПлюс. 2021.
3. Сперанская Л. В. Жилищно-коммунальные услуги// СПС КонсультантПлюс. 2022.
4. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства XI-XII веков / Под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952 (далее - ПРП. Вып. 1). С. 122, 126, 130 - 131.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Спарк, 1995. - 556. - С. 2.

6. Стучка П. И. Народный суд в вопросах и ответах. - М.: Книгоиздательство «Коммунист», 1918. - С. 13-20.
7. Халфина Р. О. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. - М.: Юрид. лит., 1973. - С. 490; Общее учение о правоотношении. - М.: Юрид. лит., 1974. - С. 9-114.
8. Кустова Е. Споры с управляющей компанией по уборке территории // Жилищное право. 2016. № 2. С. 101-105.
9. Долгополов П. С. Жилищная инспекция// СПС КонсультантПлюс. 2022.
10. Прокурорский надзор: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. - М.: Юрайт, 2016. - 402 с.
11. Асташкина Е. Ю., Труфанов М. Е. Институт административно-правовой защиты личных неимущественных прав граждан: тенденции совершенствования // Административное право и процесс. - 2021. - № 10. - С. 55-58.
12. Резер Т. М., Кузнецова Е. В., Лихачев М. А. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина: учеб. пособие // [под общ. ред. Т. М. Резер]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. - 110 с.
13. Толстых М. Перерасчет за услуги ЖКХ: анализ споров // Жилищное право. - 2018. - № 4. - С. 23-36.
14. Бойченко И. С. Правовое обеспечение электронного взаимодействия при формировании информационного общества в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. - 2017. - № 1. - С. 38-44.
15. Уваева М. Уборка снега, мусора // Жилищное право. - 2016. - № 3. - С. 85-95.

ВАСЬКИНА Алина Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ГАЕВАЯ Анжелика Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В данной работе авторами анализируется институт доступности правосудия в гражданском процессе и выявляются актуальные проблемы, возникающие в рамках исследуемого института. Для систематизации и упорядочивания различных проблем доступности правосудия авторами была произведена их классификация, критерием которой выступает специфический предмет. Первая группа проблем доступности правосудия – проблемы, непосредственно препятствующие реализации права на судебную защиту. Ко второй группе проблем доступности правосудия относятся проблемы, связанные с недостаточно обеспеченным уровнем простоты и ясности устройства судебной системы. Следующая группа проблем доступности правосудия – проблемы, связанные с недостаточным обеспечением и облегчением путей доступа к правосудию. Отдельно авторами рассматривается проблема чрезмерности судебных расходов, поскольку она является одной из центральных проблем доступности правосудия, во многом на обращение в суд за защитой нарушенных прав и интересов прямо влияет совокупность всех связанных с этим расходов. При исследовании проблематики авторы ориентируются на актуальную судебную практику.

Ключевые слова: доступность правосудия, гражданский процесс, актуальные проблемы, проблема безосновательного отказа в принятии искового заявления, проблема определения подсудности, проблема чрезмерности судебных расходов.

VASKINA Alina Alexandrovna

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

GAEVAYA Angelika Alexandrovna

student of the School of Law of the Far Eastern Federal University

ACTUAL PROBLEMS OF ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS

In this paper, the authors analyze the institute of accessibility of justice in civil proceedings and identify current problems arising within the framework of the institute under study. In order to systematize and organize various problems of accessibility of justice, the authors have made their classification, the criterion of which is a specific subject. The first group of problems of accessibility of justice are problems that directly hinder the realization of the right to judicial protection. The second group of problems of accessibility of proceedings includes problems associated with an insufficiently secured level of simplicity and clarity of the structure of the judicial system. The next group of problems of accessibility of justice is the problems associated with insufficient provision and facilitation of access to justice. Separately, the authors consider the problem of excessive court costs, since it is one of the central problems of accessibility of justice, in many respects the appeal to the court for the protection of violated rights and interests is directly affected by the totality of all related costs. When studying the problems, the authors focus on current judicial practice.

Keywords: accessibility of justice, civil procedure, current problems, the problem of groundless refusal to accept a statement of claim, the problem of determining jurisdiction, the problem of excessive court costs.

Проблемы доступности правосудия можно разделить на три группы, в зависимости от специфики предмета.

Итак, первая группа проблем доступности правосудия – проблемы, непосредственно препятствующие реализации права на судебную защиту. К данной категории относятся проблемы, в результате возникновения которых лицо лишается возможности реализовать право на судебную защиту на постоянный срок (например, в случае отказа в принятии искового заявления) или на временный срок (например, в случае возвращения искового заявления). Спектр проблем в данной группе весьма разнообразен, поскольку проблемы, препятствующие реализации права на судебную защиту, могут возникнуть на любой из стадий гражданского процесса. Так, например, на стадии возбуждения производства по делу, могут возникнуть проблемы в виде безосновательного отказа в принятии искового заявления. На стадии подготовки к делу к судебному разбирательству лицо, являющееся обязательным соучастником (например, собственник в деле о выселении), не будет привлечен судом к производству, тем самым лишив его права на судебную защиту. На стадии судебного разбирательства может возникнуть проблема ненадлежащего уведомления стороны, которая существенным образом ограничит доступность правосудия, поскольку лицо

будет лишено возможности реализовать право на разрешение спора в судебном порядке надлежащим образом, с его непосредственным участием.

Отдельного внимания заслуживают проблемы безосновательного отказа в принятии искового заявления к производству суда (отказ в принятии искового заявления, возвращение искового заявления, оставление искового заявления без движения).

Согласно обобщению судебной практики Первого кассационного суда об ошибках при разрешении вопроса о принятии иска к производству [1], судьями в основном правильно разрешается вопрос о возможности принятия искового заявления к своему производству и об отказе в принятии искового заявления. Однако имели место случаи, когда судьи необоснованно оставляли без движения исковое заявление, возвращали его, а также отказывали в принятии искового заявления, тем самым лишив лицо права на судебную защиту.

В некоторых случаях судьи необоснованно оставляли иски без движения, а впоследствии возвращали их истцу, ссылаясь на то, что в них не указаны обстоятельства, на которых истцы основывают свои требования, а также доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Однако проверка наличия всех доказательств, на которых основаны

требования заявителя, не свойственна стадии возбуждения дела и отсутствие какого-либо документа не может свидетельствовать о несоблюдении требований, предъявляемых к заявлению. Такие доказательства могут быть представлены как при подготовке дела к судебному разбирательству, так и в ходе рассмотрения дела по существу [2]. В данном случае оставление дела без движения и его дальнейшее возвращение неправомерно ограничивает право на судебную защиту и противоречит идеям доступности правосудия, существенно нарушая их.

Основания необоснованного отказа в принятии искового заявления также весьма разнообразны.

В ряде случаев судьи ошибочно полагали, что у истца отсутствует субъективное право на обращение за судебной защитой. Например, отказывая в принятии иска Т.М.К. о сносе самовольной постройки, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что у истца отсутствует право на обращение в суд с требованиями о сносе самовольной постройки, так как действовать от имени администрации муниципального района, на территории которого находятся спорные объекты, он не уполномочен [3].

Некоторые судьи отказывали в принятии искового заявления в связи с тем, что имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, при этом не всегда учитывая, что, если хотя бы один из названных элементов меняется, спор не будет тождественным [4], [5].

Также в практике имели место случаи отказа в принятии искового заявления на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) по мотиву того, что оно не подлежит рассмотрению в судах. Так, например, отказывая в принятии искового заявления, суд первой инстанции, с позицией которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что рассмотрение заявленных требований относится к исключительной компетенции решений общих собраний садоводов, собраний членов товарищества, собрания правления, но не к компетенции суда. Суд кассационной инстанции установил, что в соответствии с положениями Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ), решение собрания может быть оспорено, соответственно выводы суда первой и апелляционной инстанций являются ошибочными и не основанными на нормах материального и процессуального права [7]. Последнее основание отказа в принятии искового заявления тесно связано со второй группой проблем доступности правосудия.

Ко второй группе проблем доступности производства относятся проблемы, связанные с недостаточно обеспеченным уровнем простоты и ясности устройства судебной системы. В первую очередь это трудности, возникающие при определении подсудности гражданских дел. Данная проблема всегда была актуальна для правовой системы России, ввиду сложившейся дифференциации судов, систему и структуру которых весьма непросто понять лицам, желающим обратиться в суд за защитой. Из вышеуказанной судебной практики можно заметить, что сложности в верном определении подсудности возникают не только у лиц, желающих обратиться в суд за судебной защитой, но также и у самого суда.

Для разрешения данной проблемы необходимо принимать комплексные меры. В первую очередь необходимо усовершенствовать юридическую технику главы 3 «Подсудность» ГПК РФ с точки зрения обеспечения понятности и доступности положений ГПК РФ населению. Так, например, следует четко отграничить виды подсудности друг от друга на законодательном уровне. Вполне возможно закрепление в Кодексе доктринальных терминов «родовая подсудность», «территориальная подсудность» и их дальнейшее толкование для облегчения понимания института подсудности. Так-

же необходимо отграничение на законодательном уровне подсудности (бывшей подведомственности) от иных видов подсудности. Помимо внесения правок в действующее законодательство, необходимо проводить работу с населением, позволяющую расширить их уровень правосознания.

Следующая группа проблем доступности правосудия – проблемы, связанные с недостаточным обеспечением и облегчением путей доступа к правосудию. Так, например, это недостаточное техническое обеспечение судов общей юрисдикции (особенно районных судов); высокие судебные расходы; высокая нагрузка судей. Вышеуказанные факторы существенно препятствуют реализации права на судебную защиту и снижают уровень доступности правосудия. Для разрешения данного круга проблем в первую очередь необходимо увеличить государственное финансирование судебной системы.

Отдельного внимания заслуживает проблема чрезмерности судебных расходов. Она является одной из центральных проблем доступности правосудия, поскольку во многом на обращение в суд за защитой нарушенных прав и интересов прямо влияет совокупность всех связанных с этим расходов. В случае, когда судебные расходы являются непосильными, лицо фактически «лишается» права на судебную защиту. Таким образом доступность правосудия перестает обеспечиваться вовсе.

Под судебными расходами понимаются затраты, которые понесли участники процесса на его ведение.

Согласно ч. 1 ст. 88 ГПК РФ, судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела. Перечень издержек предусмотрен ст. 94 ГПК РФ. При этом стоит отметить, что данный перечень не является исчерпывающим.

В подавляющем большинстве случаев с проблемой чрезмерности судебных расходов сталкиваются физические лица при обращении в суды общей юрисдикции по гражданским делам. Так, например, тяжким бременем на доходы физического лица ложатся весьма дорогостоящие расходы на представителя, нотариальные расходы (например, для того, чтобы нотариально удостоверить документ, заверить переписку, оформить доверенность и др.), почтовые расходы (оплата всех почтовых операций, например, направление всем лицам, участвующим в деле, копии искового заявления), транспортные расходы (например, чтобы добраться до места слушания дела, если лицо проживает в другом городе), расходы на проживание (также если лицо приехало на судебное заседание из другого города), расходы на экспертизу, а также госпошлина.

Осознавая примерный размер понесенных затрат на судебный процесс и учитывая возможный риск неудовлетворения исковых требований, физическое лицо, вероятнее всего, предпочтет не доводить дело до суда и смирится с установившейся несправедливостью по отношению к нему. Развитие событий данным образом противоречит не только принципу законности, но и идеям доступности правосудия, ведь лицо фактически самостоятельно лишает себя права на судебную защиту из-за объективно сложившихся обстоятельств.

Рассмотрим способы снижения судебных расходов. В процессуальной литературе пока преобладают традиционные взгляды на способы облегчения доступа к правосудию для лиц, не имеющих возможности оплатить судебные расходы. Большинство авторов полагают, что необходимо расширить льготы по оплате государственной пошлины, освободить граждан от уплаты судебных издержек с возмещением их за счет средств бюджета, создать муниципальные адвокатуры, оказывающие бесплатную юридическую помощь и по гражданским делам [7]. Однако данные способы весьма затратны и в настоящее время с учетом экономической ситуации данные предложения являются нереализуемыми.

На наш взгляд, для разрешения проблемы чрезмерности судебных расходов необходимо подходить комплексно, в зависимости от вида судебных расходов.

Так, для разрешения проблемы чрезмерности госпошлины, законодателю следует установить пределы взимания госпошлины, подобно тем пределам, которые обозначены в абз. 6 п. 1 ч. 1 ст. 333.19 Налоговый кодекс РФ «свыше 1 000 000 рублей - 13 200 рублей плюс 0,5 процента суммы, превышающей 1 000 000 рублей, но не более 60 000 рублей». Такая политика представляется наиболее рациональной, чем политика, направленная на расширение перечня льгот по оплате государственной пошлины. Так, из-за активного предоставления льгот существенно сократится государственный бюджет, соответственно снизится финансирование судебной системы, что, безусловно, окажет негативное влияние на обеспечение доступности правосудия. Необходимо установить такой размер госпошлины, которого было бы достаточно для обеспечения эффективного правосудия.

Для разрешения проблемы чрезмерности судебных издержек в российскую правовую систему необходимо внедрить институт страхования на случай необходимости разрешения конфликта в суде и возникновения судебных издержек, подобно тому, как это реализовано в Латвии и Армении [8].

В российской правовой системе на сегодняшний день разрешено страховать всё, что не запрещено законом (ст. 928 ГК РФ). Соответственно, в России возможно застраховать и случай возникновения судебных издержек при разрешении конфликта в суде. Однако данный вид страхования не распространён в России. При постепенном внедрении его в российскую действительность вполне возможно частично разрешить проблему чрезмерности судебных издержек.

Отдельного внимания заслуживает проблема чрезмерных расходов на представителя, которая существенным образом ограничивает доступность правосудия и пути ее разрешения.

В первую очередь стоит отметить, что на сегодняшний день юридические услуги весьма дорогостоящие, поэтому пошлины далеко не каждому. Так, Постановлением Совета Адвокатской палаты Приморского края от 25.06.2020 г. [6] установлены минимальные размеры вознаграждения адвоката за оказываемую юридическую помощь, в том числе и при участии адвоката в гражданском судопроизводстве (раздел 3). Например, вознаграждение адвоката за подготовку дела, составление искового заявления составляет минимум 15 000 рублей за день занятости. Адвокату для того, чтобы качественно подготовиться к делу, безусловно, одного дня недостаточно.

При этом стоит отметить, что подготовка к делу не включает в себя участие в качестве представителя доверителя в суде первой инстанции. Участие в суде – отдельный вид юридической помощи адвоката, вознаграждение за которую составляет минимум 15 000 рублей в день, при этом в случае цены иска общая сумма вознаграждения за оказываемую юридическую помощь - от 5 % от цены иска.

Как правило, именно из-за дорогостоящих юридических услуг лицо фактически лишается права на обращение в суд. Так, физическое лицо понимает, что выступать в суде без представителя ему будет весьма затруднительно, ввиду отсутствия специальных юридических знаний, а представителя позволить себе он не может, поэтому не обращается в суд вовсе.

Второй проблемой в рамках чрезмерности расходов на представителя является то, что даже в случае удовлетворения исковых требований взыскать в полном объеме расходы на оплату услуг представителя, которые составляют значительную долю судебных издержек, на практике довольно сложно – в большинстве споров заявленные к взысканию суммы признаются судами чрезмерными и снижаются. Так, например, в исковом заявлении истец просил суд взыскать с ответчика расходы на оплату юридических услуг в размере 40 000 рублей. Однако суд вынес решение о компенсации юридических услуг в размере 5 000 рублей, сославшись на разумные

пределы (ч. 1 ст. 100 ГПК РФ). Разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

Таким образом, при намерении лица реализовать право на обращение в суд, камнем преткновения становятся чрезмерные расходы на представителя. При этом даже в случае удовлетворения исковых требований нет никакой гарантии того, что расходы на представителя будут в полной мере возмещены.

Полагаем, что для разрешения данной проблемы в первую очередь необходимо самой стороне спора тщательно спрогнозировать возможный исход разбирательства дела; оценить разумность или, наоборот, чрезмерность расходов на представителя с точки зрения правовых позиций Верховного суда РФ. Однако физическим лицам без юридического образования сделать это весьма непросто. Поэтому, на наш взгляд, в российский рынок услуг необходимо внедрить услугу по подбору представителя, в зависимости от сложности дела, цены иска, возможного времени на подготовку и других критериев, учитываемых судом при вынесении решения о возмещении расходов на представителя. Данная услуга будет предоставляться квалифицированным юристом, который будет выступать в роли связующего элемента между будущей стороной спора и представителем. Внедрение данной услуги позволит существенно сократить расходы на представителя, когда будет представляться такая возможность, например, ввиду несложности дела. При этом будут соблюдаться разумные пределы. Также для снижения судебных издержек на представителя необходимо активнее организовывать бесплатные юридические клиники на уровне юридических ВУЗов. Для закрепления данного метода на практике, государству следует активно поощрять деятельность по оказанию бесплатной юридической помощи.

Приставный библиографический список

1. Обобщение судебной практики Первого кассационного суда общей юрисдикции об ошибках при разрешении вопроса о принятии иска к производству // 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=38>.
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2021 г. № 88-9194/2021, 9-234/2020.
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 марта 2020 г. № 88-4622/2020, 9-30/2019.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2021 г. № 88-3151/2021, 9-733/2020.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 марта 2020 г. № 88-8259/2020, 9-979/2019.
6. Постановление Совета Адвокатской палаты Приморского края от 25.06.2020 г.
7. Приходько И. А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. 2005 г.
8. Савинова А. В. Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4-3. – С. 153-156.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-183-186

АФНАСЬЕВА Нелли Владимировна

аспирант кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета имени М. М. Сперанского РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 50 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются современные актуальные проблемы применения ст. 50 ГПК РФ: представители, назначаемые судом; определяется роль принципов гражданского процесса при применении ст. 50 ГПК РФ; выявляются слабые стороны применения судами института представления по назначению суда. Результатами проведения исследования являются авторские предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, представление по назначению суда, состязательность, диспозитивность, юридический факт, неизвестность места жительства ответчика, суд, судебное решение, место регистрации ответчика.

AFANASJEVA Nelli Vladimirovna

postgraduate student of Civil law and process sub-faculty of the M. M. Speransky Faculty of Law of the RANEPA under the President of the Russian Federation

Афанасьева Н. В.

ACTUAL PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTICLE 50 OF THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the current topical problems of the application of Article 50 of the Civil Code of the Russian Federation: representatives appointed by the court; the role of the principles of civil procedure in the application of Article 50 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation is determined; weaknesses of the application by courts of the institution of representation by appointment of the court are identified. The results of the study are the author's proposals for improving civil procedural legislation.

Keywords: civil procedure, representation by appointment of the court, adversarial, dispositivity, legal fact, unknown place of residence of the defendant, court, court decision, place of registration of the defendant.

Возникновение института представительства по назначению суда в отечественной истории права берет свое начало с Устава гражданского судопроизводства от 1864 г. (далее – Устав). В данном Уставе содержится норма о том, что каждый поверенный может отказаться от представления интересов в силу разных причин. Присяжным поверенным назывался адвокат при суде или при судебной палате. Суд в таком случае, назначал поверенному определенный срок, в течении которого он должен был нести обязанности представителя. Таким образом, обеспечивалась защита представляемого на срок, назначаемый судом.

Но если представляемый проживал в другом месте, то он мог так и не узнать о том, что представитель отказался представлять его интересы в суде. [2, с. 59]. В статье 254 Устава закреплено, что председатель назначает вместо отказавшегося поверенного другого, после того как он отказался представлять интересы представляемого¹. Данная статья была введена для того, чтобы защитить права доверителя, если он не знает об случившейся ситуации с отказом представления его интересов адвокатом ввиду того, что он находится в другом городе.

Помимо этого, также существовала норма о том, что если место жительства должника неизвестно², то взыскатель мог попросить суд назначить должнику представителя для того, чтобы процесс состоялся, а также для соблюдения базового процессуального принципа состязательности.

Похожие нормы были и в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. [1] Но далее, представительство по назначению суда из Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. полностью пропадают.

Представительство по назначению суда появляется в начале двухтысячных годов в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Законодатель при введении статьи 50 ГПК РФ преследовал цель обеспечить судебную защиту лиц, которые не могут сделать это самостоятельно, ввиду того что их местоположение неизвестно, и они не знают о поданном против них иске. Данная норма обходит принцип диспозитивности ввиду того, что сам представляемый не заявлял о защите своих прав другим лицом. Но с другой стороны данная статья реализует, такие основные принципы, как состязательность и принцип равноправия сторон. А также, права ответчика на судебную защиту и на получение юридической помощи, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Кроме того, с помощью данной статьи реализуется для истца возможность осуществить право на осуществление правосудия и рассмотрение дела в положенный законодательством срок.

Назначение судом адвоката ответчику способствует более быстрому и всестороннему исследованию фактических обстоятельств по делу, так как адвокат ответчика может указать на те значимые обстоятельства дела в пользу ответчика, которые может пропустить суд.

Статья 50 ГПК РФ позволяет рассмотреть дело с участием двух сторон, которые находятся в состязательной позиции к друг другу (представляют доказательства суду, задают вопросы друг другу). Данный факт способствует сохранению равновесия между тяжущимися сторонами, которого не

1 Судебные уставы. Второе дополненное издание. Часть первая. 1864 г. с. 142. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/372592>.

2 Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. // Справочная правовая система «Гарант».

было бы, если бы у ответчика не имелось представителя, а также способствует помощи реализации принципа объективной истины. Даже несмотря на то, что многие научные умы считают, что данный принцип невозможно осуществить в судебном процессе, участие адвоката со стороны ответчика, который в силу объективных причин не может участвовать в процессе, позволяет суду наиболее приблизиться к реализации данного принципа. А принцип объективной истины помогает суду реализовать цель гражданского процесса – правильное и своевременное разрешение гражданских дел.

Помимо осуществления судом принципа объективной истины остается открытым вопрос касательно реализации принципа состязательности и равноправия сторон со стороны истца при применении ст. 50 ГПК РФ. Васьковский Е. В. придерживался мнения, что принцип состязательности сторон неразделим с позицией, что стороны должны находиться в равных позициях профессиональной защиты. К примеру, если одну из сторон представляет человек с высшим юридическим образованием, а другую сторону человек не знающий грамоты, то о никаком равенстве сторон не может идти и речи³. Из вышесказанного вытекает следующий вопрос: не будет ли нарушен принцип состязательности и равноправия сторон, если судом будет назначен адвокат для ответчика? Ведь истец может выступать в суде без помощи профессионального представителя, что в свою очередь, может снизить его шансы на решение суда в его пользу.

Но даже в этом случае, законодатель решил сохранить равновесие касательно равноправия сторон, ограничив перечень полномочий представителя по назначению суда. Согласно принципу диспозитивности, судебный процесс начинается с момента подачи иска истцом. У него есть время и возможность ознакомиться с нормативно-правовой базой по своему спору самостоятельно либо с помощью человека, обладающего профессиональными знаниями в области юриспруденции, также собрать доказательства и выработать выигрышную и наиболее удачную позицию по делу. Со стороны ответчика, который не знает о начавшемся судебном процессе, подготовка к судебному делу представляет собой более сложную задачу. Назначение судом представителя ответчику осуществляет равноправие между тяжущимися сторонами.

Возникает вопрос о полной реализации принципа состязательности при применении статьи 50 ГПК РФ, так как представитель не имеет никакой связи со своим представляемым. Из-за чего, усложняется выработка правовой позиции по делу и сбора доказательственной базы.

Данную ситуацию, изменить невозможно. Принцип состязательности при применении ст. 50 ГПК РФ все равно будет страдать. Но на данный момент, это является лучшим решением для уравнивания сторон в процессе, пусть и не в полной мере.

Единственным основанием, закрепленным в законе, применения ст. 50 ГПК РФ является неизвестность места жительства ответчика и отсутствие у ответчика представителя. При этом, допускаются и иные случаи, указанные в законе.

Рассмотрим основания применения ст. 50 ГПК РФ более детально. Основаниями применения данной статьи являются такие юридические факты как:

1. факт неизвестности места жительства ответчика
2. факт отсутствия у ответчика представителя
3. согласие конкретного адвоката защищать интересы ответчика
4. определение суда о назначении адвоката [3, с. 40].

Что же представляют собой юридические факты? К числу юридических фактов относят события объективной действительности (буря, наводнение и т.д.) и факты-действия

индивидуумов (подача иска, заключения договора). Помимо этого, некоторые авторы выделяют факты-состояния явленной действительности (отсутствие стороны в процессе, болезнь). Факты-состояния не всегда являются юридическими фактами. Юридическими они становятся, в том случае, если имеют значение для наступления тех или иных последствий, указанных в законодательстве⁴.

Подведя итог вышесказанному, неизвестность места жительства ответчика можно отнести к фактам-состояния. Законодатель связал неизвестность места жительства ответчика с назначением ему представителя судом.

Рассмотрим каждый факт по отдельности и спорные вопросы, связанные с ним.

1. Такой автор, как Бортникова Н. А. придерживается точки зрения, что факт неизвестности места жительства ответчика не является основанием возникновения представительства по назначению суда. По мнению Бортниковой Н. А. мотивированное определение суда о назначении представителя является фактом, влекущим назначение представителя ответчику. Данная позиция представляется не совсем верной, так как суд должен удостовериться, что место жительства ответчика неизвестно. В данном случае, один факт вытекает из другого. Нет никакого смысла назначать ответчику представителя, если известно местонахождение ответчика, и он знает о процессе. В ст. 50 ГПК РФ закреплено, что суд назначает представителя при неизвестности места жительства ответчика. Факт неизвестности места жительства ответчика входит в гипотезу данной нормы, как и факт отсутствия у него представителя. Гипотезой является часть правовой нормы, которая содержит в себе условия применения ее. В свою очередь, законодатель точно указал в ст. 50 ГПК РФ на данный юридический факт, как на один из фактов для возникновения представительства по назначению суда.

Вызывают не малое количество споров у авторов обязанность истца доказывать неизвестность места жительства ответчика при подаче им искового заявления. По мнению Табак И. А. вышесказанная обязанность полностью лежит на истце, согласно принципу состязательности (принцип состязательности включает в себя распоряжение доказательствами). Если истец в своем иске ссылается на то, что место жительства ответчика неизвестно, то обязанность доказывания данного факта лежит на нем [4, с. 180]. В свою очередь, Казиханова С. С. придерживается другой точки зрения. Данный автор ссылается на Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», который значительно сузил доступ граждан к источникам информации (в том числе, доступ к информации места жительства). Даже если истец подаст заявление в миграционные службы о предоставлении информации о месте проживания ответчика, он получит отрицательный ответ. Судом сам факт неизвестности места жительства ответчика выясняется уже после подачи заявления истцом.

Данная точка зрения имеет место быть, так как обязанность истца предоставлять сведения о неизвестности места жительства ответчика является перекладыванием ответственности с суда на истца касательно поиска информации о местонахождении ответчика. Так как, на суде лежит определенное обязательство по уведомлению участников процесса о назначении судебного заседания, он должен предпринять все возможные попытки уведомить ответчика по делу. (отправить извещение по почте либо запросы о местонахождении ответчика в компетентные органы и т.д.) Плюс ко всему, суд имеет гораздо больше полномочий для получения информации о местонахождении ответчика, нежели истец.

3 Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. // Справочная правовая система «Гарант».

4 Чеговадзе Л. А., Рябов А. Е., Юридические факты: события, действия, состояния // Правосудие в Поволжье. Январь-февраль 2004. // Справочная правовая система «Гарант».

Если бы данная обязанность полностью лежала на истце, то он мог бы вполне злоупотребить данным правом (предоставить неверную информацию). Суд может не ограничиваться одними запросами в УФМС, помимо этого он может получать выписки из домовых книг, рапорты участковых полицейских, также отправлять запросы в управляющие компании для предоставления информации об оплате ответчиком услуг ЖКХ, в органы внутренних дел для получения сведений, не находится ли лицо в розыске.

В случае если, вышеуказанные попытки найти ответчика не увенчаются успехом, то в этом случае суд назначает представителя ответчику, согласно ст. 50 ГПК РФ.

2. Помимо вышерассмотренного факта неизвестности местонахождения ответчика, судом нужно установить такой факт как отсутствие представителя у ответчика. Для этого, суд должен определить есть ли у данного ответчика законные представители, опекун либо доверительный управляющий имуществом.

3. Следом, после установления судом вышеуказанных фактов, выносится определение о назначении адвоката. Данное определение, суд должен отправить в надлежащее адвокатское образование, согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»⁵.

По мнению Шакирьянова Р. В. суд должен выносить вышеуказанное определение во время принятия заявления к производству, так как за этим следует этап подготовки дела к судебному разбирательству, во время которого представитель ответчика уже может совершать какие-либо процессуальные действия, как и истец, либо его представитель⁶. Казиханова С. С. не разделяет данного мнения, в связи с тем, что суд не обладает полнотой информации и достаточным количеством сведений, которые служат основанием для назначения ответчику представителя [3, с. 95]. Ведь истец может умышленно утаить сведения о местоположении ответчика, преследуя цель ограничить вторую сторону в ее правах на защиту. Учитывая данный факт, назначать представителя ответчику, основываясь только лишь на сведения истца, является как минимум нецелесообразным. Так или иначе, назначение представителя судом должно быть оправданным решением.

Помимо вышеуказанных спорных вопросов, суды часто выносят определение о назначении представителя без мотивировочной части: не указывая те обстоятельства, на основании которых было принято решение назначать адвоката лицу, место жительства которого неизвестно [4, с. 183]. Данная практика имеет негативный окрас, в связи с тем, что суд должен всегда выносить обоснованные судебные акты: будь то решения суда, либо определения.

На практике суды часто выносят протокольные определения о назначении представителя ответчику, прямо во время судебного заседания⁷. Данная тенденция противоречит законодательству, а точнее п. 19 Постановления Пленума Верховного суда от 24 июля 2008 г. № 11. Данный пункт гласит о том, что суд должен направить определение в соответствующее адвокатское образование. В связи с тем, что судьи выносят протокольное определение – отправка его в адвокатское об-

разование не представляется возможным. Невзирая на что в Пленуме Верховного Суда указана обязательная отправка определения, практика складывается не совсем верным способом.

Для избежание расхождения практики и законодательства, было бы верным дополнить статью 50 ГПК РФ обязанностью суда по отправке определения о назначении адвоката в соответствующее адвокатское образование.

4. Существуют различные точки зрения касательно факта согласия конкретного адвоката защищать интересы ответчика. В определении о назначении адвоката ответчику не указывается информация о конкретном адвокате. Существует точка зрения, что согласие адвоката представлять интересы ответчика не является одним из фактов основания возникновения представительства по назначению суда, так как в определении указывается адвокатское образование, а не конкретный адвокат. Противоположной точки зрения придерживается Казиханова С. С., которая основывается на том, что суд вступает в процессуальные правоотношения не с адвокатским образованием, а с адвокатом, участвующим в деле. На основании определения о назначении адвоката, невозможно определить какой именно адвокат будет представлять интересы ответчика. Только после согласия адвоката представлять интересы ответчика, он получает ордер на защиту ответчика в суде [3, с. 42]. Данная точка зрения представляется более верной, в связи с тем, что в ст. 50 ГПК РФ не указан порядок назначения адвоката ответчику. Исходя из вышеуказанного, применяется практика по аналогии с уголовным процессом, где назначаемый адвокат выражает свое согласие на представление интересов в суде. Если же определенный адвокат, решит не давать свое согласие на защиту ответчика в суде, то по логическому умозаключению, защита ответчика определенным адвокатом произведена не будет.

При назначении судом адвоката на практике случаются спорные ситуации связанные с неизвестностью места жительства ответчика.

Для начала рассмотрим случай, когда лицо снялось с регистрационного учета и нигде больше не регистрационный учет не встало. Часто суды не назначают представителя ответчику, в случае, когда суд не располагает информацией о новом месте жительства ответчика, а по старому адресу гражданин снят с учета. Позиция судей такова, что если гражданин снялся с регистрационного учета, он должен встать на новый регистрационный учет либо оставить данные о своем следующем месте жительства, так как ответственность за получение повесток и т.д. лежит полностью на нем. Если он не выполняет данное обязательство, то берет на себя ответственность за наступление неблагоприятных последствий, в виде того, что лишается возможности отстаивать свои интересы в судебном заседании. Но наравне с этим существует судебная практика, когда суды назначают представителя лицу, которое нигде не зарегистрировано.

Приведем пример из практики, АО «Группа Ренессанс Страхование» обратилось в суд с иском к Биктимирову Д. В. о взыскании убытков в порядке регрессивных требований. Ответчик на судебное заседание не явился. Согласно сведениям, представленным сотрудником отдела адресно-справочной работы УВМ ГУ МВД России по Челябинской области, Биктимиров Д. В. был зарегистрирован по месту жительства, но снят с учета в связи с переездом. По адресу, указанному в исковом заявлении, не проживает, а также по адресу, указанному в адресной справке, судебную корреспонденцию не получает, местонахождение неизвестно. Суд назначил представителя ответчику, согласно ст. 50 ГПК РФ⁸.

Проанализировав решение суда, можно заметить, что суд предпринял попытки известить сторону ответчика о су-

5 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 г. Москва «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/07/02/sud-dok.html>.

6 Шакирьянов Р. В. Применение нормы ГПК РФ об участии назначаемых судом адвокатов при рассмотрении гражданских дел. Адвокат. 2006. Апрель № 4. // Справочная правовая система «Гарант».

7 Решение Родниковского районного суда от 26 ноября 2020 г. по делу № 2-407/2020; Решение Ржевского городского суда от 29 июля 2020 г. по делу № 2-554/2020; Решение Родниковского районного суда от 10 сентября 2020 г. по делу № 2-274/2020.

8 Решение Тракторозаводского районного суда г. Челябинск от 21 июля 2020 г. по делу № 2-2501/2020.

дебном заседании, отправив запрос в УВМ ГУ МВД России по Челябинской области. Были ли отправлены другие запросы для нахождения местожительства ответчика – в решении указано не было, также неизвестно, были ли попытки уведомить ответчика по телефону. Согласно Федеральному Закону РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» регистрация по месту жительства или отсутствие регистрации не является основанием ограничения либо условием реализации прав и свобод граждан, установленных Конституцией Российской Федерации⁹.

Естественно, если у гражданина отсутствует регистрация, это не является основанием для отказа в предоставлении ему таких конституционных прав, как право на судебную защиту либо профессиональную защиту. К тому же, суд имеет все возможности для поиска местонахождения стороны по делу.

Также, существует такой спорный момент в судебной практике при применении ст. 50 ГПК РФ, когда суд располагает сведениями о месте регистрации ответчика, но фактическое место проживания его неизвестно. К примеру, ответчик находится в длительной командировке либо в отъезде и не знает, а также не имеет возможности узнать о судебном деле, где он является одной из сторон.

Истец обратился в суд с иском к ответчику в связи с тем, что в квартире, принадлежащей истцу на праве собственности, зарегистрирован ответчик, которая не проживает в ней длительное время, не несет бремя содержания этого имущества и не является членом семьи истца. Ответчик на судебном заседании не присутствовал, о времени и месте судебного заседания был извещен. Настоящее место жительства ответчика неизвестно, иное место проживания или нахождения ответчика судом не установлено. Суд назначил адвоката ответчику согласно ст. 50 ГПК РФ¹⁰.

Суд располагал информацией о месте регистрации ответчика, но уведомить его не смог, в связи с тем, что ответчик не проживает по месту регистрации. Суд поступил верно, назначив представителя ответчику. Лицу, которое не знает и не имеет возможности узнать, в силу объективных причин, о времени и месте судебного заседания, должен назначаться представитель, согласно ст. 50 ГПК РФ.

Третьим случаем, встречающимся на практике, является, когда у лица есть регистрация, но фактическое место проживания его неизвестно, ввиду того, что он недобросовестным образом.

Ответчик на момент подачи иска находился в розыске в связи с уклонением от уплаты алиментов. скрывается от какой-либо правовой ответственности (лицо находится в уголовном розыске, либо скрывается от уплаты алиментов).

К примеру, истец подал иск в суд, в котором просил признать ответчика утратившим право пользования жилым помещением. Мовкалова Н. П. являлась собственником жилого помещения, где был зарегистрирован её бывший супруг Арепьев Е. В., а точнее ответчик. Брак между сторонами был расторгнут. На основании договора установлении долей и купли-продажи квартиры ответчик должен был сняться с регистрационного учета.

Ответчик отсутствовал на судебном заседании, место его фактического проживания истцу известно не было. Судом были отправлены различные запросы в соответствующие ор-

ганы, но безрезультативно. Суд назначил данному ответчику представителя, согласно ст. 50 ГПК РФ¹¹.

Если суд назначает представителя ответчику, он не должен забывать о презумпции «добросовестного отсутствия» ответчика [5]. Если ответчик умышленно скрывается от правосудия, либо меняет свое место жительства узнав о начале судебного процесса против него, то в этом случае возникает вопрос о его добросовестности, что влечет за собой вопрос о том, нуждается ли данный ответчик в профессиональной защите своих прав в суде.

Зная информацию о том, что ответчик умышленно уклоняется и скрывается от уплаты налогов, суд назначил ему представителя. Но ответчик умышленно скрывался от гражданско-правовой, а возможно и уголовной ответственности, о добросовестности тут не может идти и речи.

Вывод из всего вышесказанного можно сделать такой, замысел законодателя при введении статьи 50 ГПК РФ был в том, чтобы ответчик, место жительства которого неизвестно, имел возможность защиты своих прав в судебном процессе. Но остается множество вопросов применения данной статьи на практике. К примеру, нужно ли назначать представителя лицу, которое находится в розыске? В какой момент верно считать, что место жительства ответчика неизвестно: когда он не проживает по месту регистрации, или когда снялся с регистрационного учета? Остается надежда, что законодатель расширит и дополнит данную статью, так как она содействует реализации важных принципов гражданского процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Бортникова Н. А. Представительство по назначению суда в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2011 – С. 38.
2. Казиханова С. С. Назначение судом присяжных поверенных по гражданским делам по Уставу гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Статья. – М., 2015. – С. 59.
3. Казиханова С. С. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. – С. 95.
4. Табак И. А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук, 2006. – С. 180.
5. Чистякова О. П. Представительство в суде // Гражданское процессуальное право: Учебник / Под ред. М. С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 101.

9 Федеральный Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 01.04.2019) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>

10 Решение Родниковского районного суда от 26 ноября 2020 г. по делу № 2-407/2020.

11 Решение Мирнинского районного суда от 9 июля 2020 г. по делу № 2-684/2020.

МОНАХОВ Герман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ВАСЬКИНА Алина Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В данной работе автором анализируется институт особого мнения судей с позиции его положительных и отрицательных черт, выделяемых как юристами-учеными, так и в судебной практике, а также с позиции его законодательного закрепления в нормативно-правовых актах ряда европейских стран. Так, автором было констатировано, что фактически многие черты особых мнений судей, такие как способствование независимости судей и эффективности судопроизводства, в зависимости от конкретной правовой системы и ожиданий от судопроизводства могут быть истолкованы с обеих позиций: как с положительной, так и отрицательной. Что касается вопроса законодательного закрепления в различных европейских правовых системах, то автором было установлено, что практически во всех странах континентальной правовой системы особое мнение запрещено, что связано прежде всего с государственной политикой и господством принципа тайны совещательной комнаты. В завершении своей работы автором были определены некоторые факторы, которые повлияли на состояние рассматриваемого правового института в европейских странах, в том числе и в России. К числу таковых факторов автором были отнесены излишняя бюрократизация судебной системы и отличие в понимании сущности права.

Ключевые слова: особое мнение судьи, тайна совещательной комнаты, гражданский процесс, уголовный процесс, независимость судей, эффективность судопроизводства, коллегиальное рассмотрение дела в суде.

MONAKHOV German Dmitrievitch

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

VASKINA Alina Alexandrovna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

DISSENTING OPINION OF JUDGES OF COURTS OF GENERAL JURISDICTION: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES AND FOREIGN EXPERIENCE

In this paper, the author analyzes the institution of a special opinion of judges from the perspective of its positive and negative features, identified by both legal scientists and in the judicial practice, as well as from the position of its legislative consolidation in the normative legal acts of a number of European countries. Thus, the author stated that the actual many features of the dissenting opinions of judges, such as promoting the independence of judges and the effectiveness of judicial proceedings, depending on the specific legal system and expectations from judicial proceedings can be interpreted from both positions: both positive and negative. As for the issue of legislative consolidation in various European legal systems, the author found that in almost all countries of the continental legal system, dissenting opinions are prohibited, which is primarily due to state policy and the rule of the principle of secrecy of the conference room. At the end of his work, the author identified some factors that influenced the state of the legal institution in question in European countries, including Russia. Among these factors, the author attributed excessive bureaucratization of the judicial system and the difference in understanding the essence of law.

Keywords: dissenting opinion of a judge, secrecy of the conference room, civil procedure, criminal procedure, independence of judges, efficiency of judicial proceedings, collegial consideration of the case in court.

Принцип единоличного и коллегиального рассмотрения дел в суде уже долгие годы является важной составной частью судебной системы многих стран современного мира. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что коллегиальное рассмотрение дела способствует наиболее объективному и всестороннему исследованию судом всех фактических обстоятельств и юридических фактов по рассматриваемому делу. Отметим, далеко не всегда судьи, входящие в одну коллегию, приходят к единому мнению, и в данном случае решение принимается большинством голосов. Однако в такой ситуации возникает проблема, когда какой-либо судья, имеющий отличное от большинства судей мнение не может его выразить общественности или другим участникам судебного разбирательства. В судебной практике и законодательстве ряда стран для решения этой проблемы появился такой инструмент как особое мнение.

Практика присоединения отдельных мнений к решению суда возникла в Верховном суде США, корни которой

отыскиваются в британской традиции принятия решений по порядку. Одним из знаковых событий для американской юриспруденции, связанным с особым мнением одного из судей, является арбитражное разбирательство в Алабаме 14 сентября 1874 года. Во время вынесения решения английский арбитр, не согласившийся с мнением остальных судей коллегии, сэр Александр Кокберн, не подписал это решение. Он передал объемный документ, который хотел приложить к протоколу. Граф Склопис, председатель трибунала, сказал, что это будет сделано. Однако этот документ не был приложен к копии, переданной Соединенным Штатам, а был напечатан в «London gazett».

Для английской и американской судебной системы особое мнение является привычной чертой судебного процесса. Можно вспомнить особые мнения, которые американские юристы особенно чтят. В качестве таковых следует называть особое мнение судьи Холмса, а также особое мнение судьи Анзилотти, которое профессор Брайерли назвал «непре-

взойдённой ценностью для американской юриспруденции». Отметим, что именно вследствие того, что в англо-американском праве особое место выделяется обязательной силе прецедентов, английские и американские юристы находят крайне полезными особые мнения, которые помогают определять является ли решение по данному делу чётко установленным правилом для разрешения аналогичных дел или же нет.

Также особые мнения крайне полезны с точки зрения понимания того, получило ли это решение единогласное одобрение суда или было вынесено большинством голосов судей коллегии. С точки зрения американских и английских юристов факт несогласия может показать как то, что заключение суда представляет собой обоснованное убеждение, принятое с превозмоганием противоположной, но более слабой, позиции такого же независимого и образованного судьи, так и совсем обратное.

Напротив, для правовых систем континентальной правовой семьи особое мнение судей является чуждым явлением. Как справедливо отмечал господин Хадсон: «Для многих континентальных европейских юристов особое мнение считают аномальным, если вообще не тем, за что предадут анафеме» [8]. Во многих европейских странах запрет на публикацию или даже секретное фиксирование особых мнений подкрепляется именно принципом тайны совещательной комнаты, согласно которому обсуждение решения по делу должно происходить тайно, в отдельной совещательной комнате, за закрытыми дверями, а решение выносится, как правило, без оглашения мнения несогласных судей и выносится судом как единоличным государственным органом, осуществляющим правосудие.

В зарубежной юридической литературе неоднократно высказывались аргументы как в поддержку введения института, так и против него. Одним из весомых аргументов в поддержку особых мнений является сохранение независимости судей и свобода выражения их мнений. По мнению некоторых авторов, возможность вынесения индивидуального заключения гарантирует внутреннюю независимость судей, то есть их автономию от других членов коллегии судей. Индивидуальные мнения позволяют судьям сохранять свою интеллектуальную целостность, позволяя им не подписываться под решением, рассуждения и выводы которого они не разделяют. Как писал У.Дж. Бреннан: «С этой точки зрения право публиковать отдельные мнения может способствовать независимости судов, а также их появлению и, как следствие, легитимности судов в глазах общественности» [3].

Однако этим же аргументом, но с другой мотивировкой, оперируют и противники особых мнений судей. Так, Дж. Лаффранк писал о том, что при коллегиальном принятии решения голос каждого судьи остается неизвестным общественности, следовательно, членам коллегии не нужно опасаться потенциальных профессиональных последствий своих решений и они свободны принимать решения, руководствуясь своей личной совестью [11]. Этот аргумент особенно весом, когда судьи назначаются или переназначаются исполнительной властью. На наш взгляд, данный аргумент несостоятелен, что подтверждает хотя бы тот факт, что именно в США и Англии, где особые мнения являются неотъемлемой частью судебной системы, уровень независимости судов является крайне высоким.

Другим аргументом, которым оперируют обе стороны, является обеспечение авторитета суда и ясности судебных решений. Сторонники особых мнений судей, обращаясь к нему, указывают на то, что авторитет суда должен основываться

не на секретности, а на качестве. Как отмечала судья Верховного Суда США Гинзбург: «Нет ничего лучше, чем впечатляющее несогласие, чтобы побудить автора мнения большинства уточнить свое первоначальное обращение»¹.

Действительно, если несогласие тщательно составлено и распространено среди коллегии до принятия окончательного решения, оно может заметно повысить качество судебного решения, заставив большинство отреагировать на аргументы несогласных. По нашему мнению, особое мнение в суде общей юрисдикции может повысить качество судебного решения ещё и тем, что для судей коллегии отпала бы необходимость искать консенсус, что как раз и способно обеспечить обоснованность и ясность судебного решения. Отметим, что даже многие противники особых мнений судей нередко подчёркивают проблему того, что в поиске консенсуса судьи привносят в решение неясные и нечёткие суждения и аргументы, что сильно вредит пониманию данного судебного решения [6].

Мы и отмечали ранее, у этого аргумента есть и иная сторона. Как отмечалось в деле *Brown v Board of Education*, как только решение суда является окончательным, оно должно соблюдаться, независимо от причин, подтверждающих его². Демонстрация наличия разногласий между судьями, которые его приняли, и причин, которые заставляют некоторых прийти к альтернативному выводу, может поколебать веру людей в судебную власть и подорвать авторитет решения и суда, который его принял. На наш взгляд, это действительно весомый аргумент, поскольку именно исполнение решения суда является самой сложной и непредсказуемой частью в первую очередь гражданского процесса.

Разделение во мнении между судьями, принявшими решение, может только стимулировать должника к его исполнению. Также некоторые авторы отмечают, что закрепление права судей на особые мнения может превратить правосудие в некое подобие шоу, что может выразиться в том, что некоторые судьи будут придерживаться особого мнения не из-за своей внутренней моральной потребности выразить свою правовую позицию, а из-за желания добиться огласки для себя, обрести известность, что безусловно может нанести серьёзный ущерб авторитету судебной системы и доверию к ней [12].

И третий обоюдоострый аргумент, который при должной мотивировке, можно использовать каждой из двух позиций – это эффективность судопроизводства и экономические затраты.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, разрешение судьям писать длинные, отнимающие много времени возражения вместо того, чтобы требовать от них сотрудничества в подготовке единого окончательного решения суда, может значительно замедлить процесс судебного обсуждения. Более того, разрешение на публикацию отдельных мнений также имеет экономические издержки. Так, в ряде европейских стран, запрещена публикация особых мнений судьями судов общей юрисдикции именно из экономических соображений. Особенно актуален этот аргумент для тех стран, в которых судьи должны публиковать свои решения на нескольких официальных языках своего государства.

Ещё одним достаточно интересным аргументом в пользу особых мнений считаем аргумент М. Политиса о том, что «публикация особых мнений является своего рода «предо-

1 Ginsburg, *op. cit.*, at 3.

2 *Brown v Board of Education*, 347 U.S. 483 (1954).

хранительным клапаном», дающим выхлоп чувствам проигравшей стороны» [14]. Так, он отмечал, что побеждённый истец может найти утешение в том факте, что его взгляды произвели впечатление на меньшинство судей и были изложены в особом мнении. В данном случае проигравшая сторона будет уверена в том, что её аргументы не были проигнорированы судьями, однако в противостоянии с противоположными аргументами просто проиграли в борьбе. Также М. Политис подчёркивал то, что особое мнение – это не только психологическое преимущество, но и возможность судьи, который не согласен с мнением своих коллег, выразить своё собственное мнение, что должно побудить суд уделять внимание всем аспектам дела.

Таким образом, анализ аргументов «за» и «против» особого мнения судей, которыми оперируют представители юридического сообщества разных стран, не даёт однозначного ответа на вопрос о том, является ли особое мнение фактором, которое оказывает благоприятное развитие на развитие национальной судебной системы и общество, или же наоборот дестабилизирует их. Полагаем, что ответ на этот вопрос будет всегда разным в зависимости от правопорядка, в котором этот институт будет реализовываться, а также в зависимости от состояния правовой системы, политической власти и развития общества в конкретном государстве.

Стоит отметить, что сегодня среди представителей континентальной системы права есть как те страны, в которых запрещены особые мнения судей, так и те, в которых они частично разрешены. Бельгийская судебная система основана на принципе секретности обсуждений, который интерпретируется в Бельгии как принцип, запрещающий публикацию особых мнений судей [15]. Кассационная суд Бельгии признал, что тайна обсуждения является принципом бельгийского законодательства, и подтвердил то, что судьи обязаны ее соблюдать. Более того, Суд постановил, что любые нарушения такой тайны, в том числе путем опубликования индивидуальных мнений судей относительно подлежащего принятию решения, наказуемо в соответствии со статьей 458 Уголовного кодекса. Впрочем, в присяге, которую приносят бельгийские судьи, прямо не упоминается о тайне совещаний, однако судьи, строго следуют этому принципу: отдельные мнения никогда не публикуются.

Французская судебная система придерживается принципа секретности обсуждений, который был недвусмысленно истолкован как запрещающий публикацию мнений. Государственный совет Франции признал, что принцип тайны совещания судей является общим принципом французского публичного права, запрещающим даже представление решения как единогласного, поскольку это привело бы к раскрытию индивидуального голоса каждого из судей, участвующих в обсуждении [4].

Тайна обсуждений по-прежнему закреплена законом, а также является частью присяги, которую судьи должны принести при вступлении в должность [2]. Этот принцип является обязательным для судей судов общей юрисдикции, которые перед вступлением в должность дают клятву сохранять тайну обсуждений и голосования и не высказывать публично свою позицию по любому вопросу, в отношении которого Конституционный совет обладает или может в будущем обладать юрисдикцией.

Однако, как нами уже было упомянуто выше, среди стран континентальной правовой системы есть и те, в которых публикация особых мнений судей допускается. Так, в Испании все судьи, в том числе и судьи судов общей юрис-

дикции, имеют право публиковать особое мнение. Исторически сложилось так, что Испания не придерживалась традиции секретности совещания судей в той же степени, что Франция.

Во-первых, судьи, имеющие особое мнение, могут заносить его в отдельный реестр, который председатель суда хранит в тайне. Практика так называемого *voto reservado* была сохранена в Гражданско-процессуальном кодексе и в Уголовно-процессуальном кодексе Испании. Согласно нормам ГПК и УПК Испании особые мнения судей, занесённые в упомянутый реестр, могут быть раскритикованы только в случае подачи апелляции в Верховный Суд Испании.

Во-вторых, испанской судебной практике известны случаи, когда публиковались отдельные мнения. Конституция 1978 года прямо предусматривает право судей Конституционного суда Испании публиковать свои особые мнения [13]. Это правило, которое не было включено в первоначальный проект Конституции, было принято единогласно, потому что его посчиталось гарантией прозрачности и ограничением полномочий большинства судей. В Органическом законе о Конституционном суде далее уточняется, что отдельные мнения включают как особые, так и совпадающие мнения.

Впоследствии возможность принятия отдельных заключений была также распространена и на судьи общей юрисдикции. В 1985 году были внесены изменения в статью 260 Органического закона о судебной системе, которыми и было введено право судей судов общей юрисдикции публиковать свои особые мнения [1]. Как отмечается в испанской юридической литературе, эта реформа была вызвана практикой судей Конституционного Суда, а также давней традицией общественного несогласия [13].

Отдельные мнения обычно прилагаются к решениям, принимаемым по очень деликатным вопросам. По мнению ряда испанских ученых-юристов, использование отдельных мнений не повлияло на авторитет судебной системы и доверие к ней, хотя иногда это приводило средства массовой информации к «политизации» вопроса. Более того, в некоторых случаях отдельные мнения впоследствии становились мнением большинства, что приводило к изменениям в толковании закона.

В законодательстве Российской Федерации также закреплено право как судей Конституционного Суда, так и судей судов общей юрисдикции на особое мнение. В ГПК РФ это право закреплено в ст. 15 и в ст. 197. Так, согласно ст. 15 ГПК РФ «Судья, не согласный с мнением большинства, может изложить в письменной форме свое особое мнение, которое приобщается к делу, но при объявлении принятого по делу решения суда не оглашается».

Однако, как отмечается и в юридической литературе, судьи крайне редко прибегают к данному инструменту. Прежде всего это объясняется психологическим аспектом и теми факторами, о которых мы писали выше, а именно: подрыв авторитета суда, недоверие граждан судебному решению и т.д. Как отмечает Д. А. Басангов: «Особые мнения разрушают целостность судебного решения, усложняют понимание и размывают его обязательность, обнаруживают политические пристрастия судей» [16].

По мнению Н. Шиняевой, оглашение и публикация особых мнений судей нарушают тайну совещательной комнаты тем, что обнародуют общественности детали дискуссии и тонкостей дела [17]. В результате можно сделать вывод о том, что, несмотря на законодательное дозволение судьям судов общей юрисдикции прикладывать свои осо-

бые мнения к судебным решениям, российская судебная практика и юридическая доктрина относятся с недоверием к данному институту, что подтверждает некое зародышевое состояние института особого мнения в российской судебной системе.

Таким образом, анализ законодательного дозволения особых мнений судей в странах континентальной правовой системы показал, что во многих из них законодатель запрещает публикацию особых мнений, а в ряде случаев и само их существование. На наш взгляд, подобный подход объясняется даже не какой-то правовой традицией или разницей в принципе формировании права по сравнению со странами англо-саксонской правовой семьи. Прежде всего это объясняется крайней бюрократизацией структуры судебной системы и несколько прямолинейными представлениями о сущности права.

Не стоит отрицать тот факт, что по сравнению с судьёй в стране англо-саксонской правовой системы типичный судья в стране континентальной системы права ощущает себя скорее как публичное должностное лицо, часть государственного механизма, а не как толкователь закона, который наделён независимостью и имеет свою индивидуальность по сравнению с другими органами управления.

Л. Жезе описывал французскую судебную систему как «одну из многих государственных служб, где судьи распределяют товары правосудия точно так же, как организация общественного обслуживания распределяет электричество» [9]. Так, он отмечал и то, что различие между вынесением судебных решений и административной деятельностью становится всё менее очевидной. Закон – вот чем занимаются государственные должностные лица. Задача судьи – оценить этот закон с позиции права, вывести его собственную правовую оценку и сформулировать правило, которое он может применять, а не в том, чтобы просто выбирать норму из большого арсенала норм и просто применять эту норму к фактам. Деятельность судьи ни в коем случае не должна сводиться к чему-то подобному, что делает административный служащий. На этой позиции и стоит американское и английское юридическое сообщество [5]. Как отмечал Д. Гаггенхайм: «важно признание того, что судебные институты являются независимыми правовыми явлениями, а не просто учреждениями для механического применения материального права» [10].

Закон – это живое существо. Наиболее полная и верная оценка направления его развития возможна только в условиях независимости судебной системы и выполнения судом тех задач, которые перед ним ставит право и общество, а не государство. Развитие права напрямую зависит от развития судебной практики, от понимания реального состояния и состава судебного решения, понимания спора, который мог возникнуть между судьями при его вынесении. Безусловно, особое мнение является тем инструментом, который способен помочь развитию права и достижению правосудием его истинных целей. Мы признаём тот факт, что многие правовые системы не способны его воспринять в качестве важной составляющей судопроизводства в силу различных административных и политических факторов. Однако, на наш взгляд, допущение особого мнения судей в какой-либо форме, пусть даже путём тайного оглашения только участникам конкретного судебного процесса или путём занесения в секретный реестр, способно оказать положительное влияние на развитие национальной судебной системы, в том числе и российской.

Пристатейный библиографический список

1. Art. 260, Ley Orgánica 6/1985 del Poder Judicial; contrary to the practice in many States (e.g. the USA), all judges must sign the final decision, even if they dissent. Moreover, according to Art. 206, if the judge rapporteur does not agree with the majority, he must refuse to draft the judgment and write a reasoned dissent.
2. Art. 448, code de procédure civile, and art. 6, ordonnance 58-1270, cit. (for ordinary judges); art. 3, ordonnance 58-1067 portant loi organique sur le Conseil constitutionnel, 7 November 1958 (for constitutional judges).
3. Brennan, op. cit., at 438; with regard to the British tradition, also see J. Alder, Dissents in courts of last resort: tragic choices? in *Oxford Journal of Legal Studies*, n. 20/2000, 221-246, part. at 233.
4. Conseil d'Etat, 17 nov. 1922, Lebon 1922 849, cited in J.-P. Ancel, Les opinions dissidentes. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.courdecassation.fr/IMG/File/opinions_dissidentes_jp_ancel.pdf. Conseil d'Etat, 15 October 1965, in Mazel, *Droit administratif*, 1965, n. 377, cited in Lécuyer, op. cit., at 199.
5. Dickinson, op. cit. supra. note 27, at 76; Arnold, loc. cit. supra note 17, at 629.
6. Edward, op. cit., at 557: “a disadvantage of the collegiate approach is that the judgment may simply cloak an inability to reach a clear decision. A camel is said to be a horse designed by a committee, and some judgments of the Court of Justice are camels.”
7. Guggenheim, *Vilkerrechtsprozessrecht und inaterielles Recht* (1931) I1 ZT. F. OFF. Rr. 555-576.
8. Hudson, *Ten Years of the World Court* (1932) 11 For. Aff. 81, 90.
9. Jeze L. *Les PRINCIPES GENERAUX DU droit administratif* (3d ed. 1926) 23-26, treats of the “service public de justice civile”.
10. Guggenheim, *Vilkerrechtsprozessrecht und inaterielles Recht* (1931) I1 ZT. F. OFF. Rr. 555-576.
11. Laffranque, J., Dissenting opinion and judicial independence, in *Juridica international*, 2003, 162-172; M. Kirby, *Judicial dissent – common law and civil law traditions*, in *Law quarterly review*, 2007, 379-400.
12. Luchaire and Vedel, op. cit.; Malenovsky, op. cit., at 38.
13. Mastor, op. cit., 114-118. Also T. Freixes, *La pratique des opinions dissidentes en Espagne*, in *Nouveaux Cahiers du Conseil Constitutionnel*, 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseilconstitutionnel/francais/nouveaux-cahiers-du-conseil/cahier-n-8/la-pratique-des-opinions-dissidentes-espagne.52543.html> (citing the statute of the Constitutional Court of the Second Spanish Republic).
14. Mr. Justice Frankfurter in *United States v. Morgan*, 313 U. S. 409, 421 (1941).
15. Nelissen B. *Judicial loyalty through dissent or why the timing is perfect for Belgium to embrace separate opinions*, in *Electronic Journal of Comparative Law*, 2011; Art. 2, Décret du 20 juillet 1831 concernant le serment.
16. Басангов Д. А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
17. Шиняева Н. ВАС РФ начинает публиковать особые мнения своих судей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pra vo. ra/news/ vie w/5 5006/>.

ГЕРМАН Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

ЛОМАКИНА Ирина Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления, доцент кафедры конституционного и административного права Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

РЕЛОКАЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ «УХОДА» КРУПНЫХ КОМПАНИЙ С РОССИЙСКОГО РЫНКА

В статье рассмотрены отдельные варианты оформления прекращения или изменения трудовых отношений с работниками иностранных компаний при вынужденном прекращении их деятельности под давлением введенных против Российской Федерации санкций. Предлагается более внимательно реагировать на формирующуюся со стороны компаний-работодателей практику оформления отношений с трудовыми коллективами (зачастую многотысячными) при принятии решения свернуть производство на территории России. В частности, дается анализ понятия релокации, используемой компаниями как наиболее эффективный способ минимизации неизбежных рисков.

Ключевые слова: эффективность, минимизация риска, релокация, ликвидация компании-работодателя, сокращение численности или штата сотрудников.

GERMAN Elena Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

LOMAKINA Irina Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and business law sub-faculty of the Novosibirsk University of Economics and Management, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

RELOCATION AS AN EFFECTIVE WAY TO MINIMIZE THE RISKS OF LARGE COMPANIES "LEAVING" THE RUSSIAN MARKET

The article discusses some options for the termination or change of employment relations with employees of foreign companies in case of forced termination of their activities under the pressure of sanctions imposed against the Russian Federation. It is proposed to react more carefully to the practice of forming relations with labor collectives (often many thousands) on the part of employer companies when making a decision to curtail production in Russia. In particular, the analysis of the concept of relocation used by companies as the most effective way to minimize unavoidable risks is given.

Keywords: efficiency, risk minimization, relocation, liquidation of the employer company, reduction of the number or staff of employees.

Казалось бы, мы только что пережили и преодолели стресс пандемии, которая бросила множество вызовов трудовому законодательству. Но тут последовал новый удар. Санкции, уход иностранных компаний, приостановка деятельности бизнеса, повышение ключевой ставки, инфляция – все это, и многое другое, безусловно, затрагивает трудовые правоотношения и требует гибкого подхода законодателя, которому приходится учитывать интересы и нужды как бизнеса, так и наемных работников. По состоянию на начало сентября 2022 года 34 % крупнейших иностранных компаний, работавших в России, ограничили деятельность в стране, 15 % решили покинуть ее через передачу новому собственнику российского подразделения и 7 % заявили о полном уходе с отечественного рынка

без продажи бизнеса¹. В иностранном бизнесе или смежных областях в России занято до 8 млн человек. Иностранный бизнес напрямую формирует 2 млн рабочих мест в российской экономике, а еще 4-6 млн граждан связаны с ним косвенно. В компаниях, которые приостановили или каким-либо образом ограничили деятельность на российском рынке после начала конфликта на Украине и ввода западных санкций, занято до 350 тыс. россиян².

1 Об этом говорится в исследовании Центра стратегических разработок «Картина иностранного бизнеса в новых экономических условиях» (от имени России функции учредителя в нем исполняет Минэкономразвития). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/633e94809a79475aa5d84f00>.

2 Там же.

Герман Е. С.

Ломакина И. Г.

Пару лет назад мы вынужденно научились действовать оперативно в отсутствие четких механизмов регулирования целого ряда вопросов. На сегодня можно уверенно сказать, что такие механизмы есть – вопрос, как их использовать во благо и с минимальными потерями и рисками как для бизнеса, так и для работников.

Какие механизмы используют компании, уходящие с российского рынка или приостанавливающие свою деятельность в России? Как они увольняют работников? Какие способы оптимизирования расходов на офис или заработную плату применяют? Различные варианты, используемые для оформления приостановления деятельности компаний, отчетливо показывают нам, насколько актуальны на сегодняшний день положения Трудового кодекса РФ, закрепляющие процедуры проведения сокращений, ликвидации, простоев, иных способов выхода работодателя из непростой ситуации. Как показало исследование Ассоциации европейского бизнеса, около 40 % работающих в России зарубежных организаций, начиная с лета, уже приняли ряд негативных HR-мер по отношению к персоналу. Так, 17 % компаний отправили персонал в отпуск, 9 % вывели работников в простой, 8 % сократили зарплаты, а 5 % провели частичные сокращения. Порядка 60 % организаций также заявили о среднем или высоком риске закрытия бизнеса в ближайшей перспективе³.

При этом, безусловно, вполне ожидаема реакция законодателя на кризис: им вводятся и закрепляются особенности регулирования трудовых отношений в ограниченный датами период времени (на 2022 год), а также дополнительные меры поддержки, помогающие минимизировать неизбежные риски, не нарушить права работников, позволяющие последним самостоятельно решать на что соглашаться из предлагаемых работодателями вариантов.

На текущий момент законодатель вносит достаточно неординарные предложения, «корректировки» действующего законодательства. Во-первых, бросающееся в глаза, после февральских событий практически «безграничное» расширение полномочий исполнительным органам власти на 2022 год, в связи с чем Правительство РФ можно назвать «всемогущим» в сфере трудового права. Так, Правительство устанавливает «правила игры» в данной сфере независимо от федерального законодательства как в части регулирования трудовых отношений и непосредственно к ним примыкающих, так и в области, например, содействия занятости, трудоустройства граждан, может вводить особенности проведения проверок, иных контрольных мероприятий в отношении работодателя. В частности, постановление Правительства РФ № 511 от 30.03.22 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 году» устанавливает порядок временного перевода работника к другому работодателю.

Содержание постановления вызывает скорее больше вопросов, чем ответов на злободневные проблемы работодателей, и, по всей видимости, вряд ли большинство из них воспользуется описанным в постановлении механизмом.

Наибольшую проблему в настоящее время, по мнению авторов, представляет процедура «ухода» компании-работодателя с российского рынка. Понятно, что это растянутый во времени процесс. Какой алгоритм действий использует работодатель, заявивший об уходе из России или приостановлении своей деятельности, имея при этом нередко многотысячные трудовые коллективы? Эти механизмы связаны, как правило, с увольнением работников, либо с оптимизацией расходов, и соответственно, требуют компетентных знаний, как это правильно оформить в соответствии с российским трудовым законодательством. Самый «прозрачный», на взгляд авторов, механизм – это ликвидация юрлица, т.е. увольнение работников в связи с ликвидацией. Далее следует назвать сокращение численности или штата, активно применяется соглашение сторон о прекращении трудовых отношений. Как один из более перспективных и влекущих наименьший уровень социальной напряженности вариант – смена собственника компании, заявившей об уходе с российского рынка, когда иностранный бизнес продает или передает свои активы российским инвесторам.

Решение о ликвидации принимает собственник – классическая норма гражданского законодательства. В результате принятого решения о ликвидации увольнению подлежат все сотрудники компании, даже те категории, которых законодатель традиционно «опекает» в повышенном объеме при увольнении по другим основаниям. При этом как способ максимально доступной защиты для работников, закон требует от работодателя безукоризненного соблюдения процедуры ликвидации, а, следовательно, и увольнения работников.

В течение текущего года большую популярность получил термин «релокация» (от англ. relocation). Применительно к трудовым отношениям под релокацией предлагается понимать перемещение одного или группы специалистов в другой регион или даже страну с целью продолжения исполнения своих трудовых функций⁴. Такой вариант является самым оптимальным для организации, испытывающей дефицит кадров в одном из своих филиалов и избыток в другом. В действующем трудовом законодательстве такое понятие отсутствует. Тем не менее, на практике наиболее актуальными и востребованными, как представляется, следует назвать три варианта релокации сотрудников:

- увольнение работника и прием уже в иностранную компанию;
- направление работника в командировку за пределы Российской Федерации; и наконец,
- оформление трудового договора о дистанционной работе.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/10/06/2022/62a0b1cc9a794715859efe59?from=article_body.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/business-ideas-2022>.

Самым «урегулированным» среди названных вариантов поведения работодателя можно назвать дистанционную работу. Но использование ее в качестве релокации не однозначно трактуется на практике, в том числе уже и судебной. Нет достаточной убедительности и последовательности в высказывании различных позиций, в том числе, в разъясняющих письмах Минтруда РФ. Многие специалисты в области трудового права подчеркивают, высказывая собственное мнение, что каких-либо неразрешимых проблем, на которые уповает Минтруда, нет. Нет преград к оформлению трудового договора именно о дистанционной работе, зная заранее, что выполнять свои трудовые функции данный работник будет за пределами нашей страны.

Более «ущербным» для работодателя по сравнению с предыдущим, выглядит такой вариант релокации как направление работника в командировку. Работодателю в этом случае приходится возмещать работнику многочисленные расходы, предусмотренные Трудовым кодексом РФ. При этом работнику необходимо предоставить целый «релокационный пакет» – компенсация расходов, которые несет сотрудник при территориальной смене работы (ст. 168.1 ТК РФ), включающий в себя оплату транспортных расходов на собственный переезд, а также членов его семьи (ст. 169 ТК РФ). Сюда же могут быть отнесены расходы на наем жилого помещения для их проживания. Размеры и порядок возмещения затрат могут быть установлены коллективным договором, действующим в компании, иным нормативным актом компании либо непосредственно трудовым договором, либо иными нормативными документам Российской Федерации.

Не менее «популярным» в течение непродолжительного времени (в частности, при объявлении в сентябре текущего года частичной мобилизации) стал другой вид релокации – увольнение работника из компании в России и прием его в ту же, но уже иностранную компанию за рубежом. Профессор Финансового университета при Правительстве РФ Александр Сафонов уверен: «Риски для рынка труда, связанные с поведением международных компаний, еще реализовались не в полной мере. В ближайшей перспективе мы все равно увидим продолжающееся влияние от ухода или уменьшения объема деятельности зарубежных компаний. Будут и сокращения рабочих мест, и попытки вывезти лучших специалистов за границу»⁵. Наиболее популярными направлениями релокации работников стали ОАЭ, Кипр, Турция, Германия, Грузия, Армения, Беларусь. Но и в этом случае необходимо учесть абсолютно очевидные «минусы» использования данного варианта. Безусловно, если достигнуто соглашение, устраивающее обе стороны трудового договора, каких-либо дополнительных проблем такая «передислокация» повлечь не должна. Но в каждом конкретном случае придется тщательно просматривать и учитывать, каковы правила, традиции, законодательство о трудоустройстве иностранных граждан страны релока-

ции, какова политика страны в целом в отношении возможности найма иностранных лиц, требования к работе в самой компании, требования к иностранным работникам, процедура их официального оформления, въезд в страну, правомерность пребывания или проживания, необходимость открытия банковских счетов для физических лиц, налогообложение и т.п. Следует помнить и понимать, что для каждой юрисдикции есть свои особенности.

В целом следует отметить, чем лояльнее и максимально уважительно стороны трудового договора позволят себе относиться к контрагенту, объективно взвешивая предлагаемые варианты дальнейшего сосуществования, тем эффективнее реализуется цель исключения или минимизации рисков, которым подвергаются как работники, так и компании-работодатели в ситуации одинаково сложной для них. Остается надеяться на благоразумие и терпимость, которые помогут пережить непростые времена с наименьшими потерями для участников трудовых отношений, и без того характеризующихся, без дополнительных осложнений, повышенной социальной напряженностью.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/10/2022/633e94809a79475aa5d84f00>.

КЛЕВЦОВ Максим Иванович

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна

магистрант Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье рассматриваются вопросы о правовом положении и о значимости профессиональных союзов в современных условиях. Как показывает практика, любые изменения в общественной жизни ставят перед профсоюзами все больше новых задач. В связи с этим требуется постоянное обновление и «освежение» трудового законодательства, в частности, в области регулирования деятельности профсоюзных организаций.

Ключевые слова: профсоюзы, трудовое законодательство, права работников, функции профсоюзов.

KLEVTSOV Maxim Ivanovich

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

OLOVYANNIKOVA Alexandra Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

THE ROLE OF TRADE UNIONS IN THE LIFE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

This article discusses the issues of the legal status of trade unions and their significance in modern conditions. As practice shows, any changes in public life pose more and more new tasks for trade unions. In this regard, constant updating and “refreshing” of labor legislation is required, in particular, in the field of regulating the activities of trade union organizations.

Keywords: trade unions, labor legislation, workers' rights, functions of trade unions.

Социально-экономические изменения, которые происходят в России и в остальном мире в последнее время захватывают все больше сфер общественной жизни. В таких условиях важно помнить, что одним из основных демократических принципов построения жизни является активное участие граждан в управлении общественными процессами.

Право на объединение, в том числе на создание профессиональных союзов для защиты своих интересов установлено статьей 30 Конституции РФ.

Правовые основы деятельности профсоюзов установлены в ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (далее – Закон «О профсоюзах»). В данном нормативном акте закреплено и легальное определение профессиональных союзов – «это добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов». Кроме того, защитная функция профсоюзов закреплена и в главе 58 Трудового Кодекса РФ. Исходя из данных положений, следует вывод, что функции защиты прав и интересов работников в сфере труда, представительство их интересов являются основными законодательно закрепленными функциями профессиональных союзов в РФ.

Между тем, безусловно стоит отметить, что роль профсоюзов начала стремительно меняться после распада СССР и принятия новой Конституции в 1993 году, затем и Трудового кодекса в 2001 году.

Ранее роль профсоюзов была заметно шире, так, например, они могли участвовать в управлении государственными и общественными делами, в решениях политических, культурных и иных вопросов. Согласно новопринятым же норма-

тивным актам, функции профессиональных союзов начали сводить к «защите своих интересов».

В настоящее время законодательно не закреплена классификация функций профессиональных союзов в РФ. Представляется, что можно разделить направления деятельности профсоюзов следующим образом:

- направленные на защиту прав и интересов граждан;
- направленные на защиту прав и интересов членов профсоюзов;
- функции представительства и сотрудничества [1].

Не трудно догадаться, что защитная функция является основной для профсоюзов при реализации их деятельности. Конечным результатом этой функции должно быть восстановление нарушенных законных социально-трудовых прав и интересов работников, а также профилактика таких нарушений в будущем.

Как уже упоминалось, за последние годы профессиональные союзы утратили большое количество своих прав, что повлекло снижение эффективности в реализации защитной функции и, как следствие, значительно уменьшилось количество граждан, вступающих в профсоюз. Так, согласно рекрутинговому агентству Superjob.ru, на момент начала 2022 г. членами профсоюзов являются лишь 5 % работающих граждан. Еще 39 % когда-то состояли в профсоюзах ранее и 56 %, которые никогда не состояли в профсоюзных организациях [4]. В таких условиях профсоюзам банально становится некого защищать.

В науке деятельность профсоюзов по реализации ими защитной функции рассматривается в узком и широком смысле. В широком смысле она заключается в выявлении и формировании интересов членов профсоюзов, в обеспечении реализации этих прав и интересов. В узком же смысле подразумевается деятельность по предупреждению нарушений и восстановлению трудовых прав работников.

Такая функция профсоюзов как правотворчество также стала очень ограничена. На данный момент она сведена к участию в разработке проектов нормативных актов, связанных с социально-трудовыми правами. Важно заметить, что право профессиональных союзов на законодательную инициативу может быть закреплено на уровне субъектов РФ, чем большинство регионов страны и пользуются.

Одной из форм реализации защитной функции профсоюзов является социальное партнерство. Определение этого явления дано в ст. 23 ТК РФ, где сказано, что это система отношений между работниками, работодателями, направленная на согласование интересов в рамках трудовой деятельности. При этом стоит отметить, что социальное партнерство на практике не ограничивается трудовыми отношениями, главной целью социального партнерства является развитие правового гражданского общества в целом.

Важным элементом деятельности профессиональных союзов также является возможность создания правовых и технических инспекций труда, осуществляющих контроль за соблюдением трудового законодательства. В рамках выполнения своих функций инспекции взаимодействуют с государственными и муниципальными надзорными органами в сфере соблюдения норм трудового законодательства. В ст. 372 ТК РФ установлено, что при принятии локального нормативного акта должно быть учтено мнение выборного органа первичной профсоюзной организации с участием инспекции труда. В случае наличия разногласий между работодателем и профсоюзом, последний имеет право обжаловать в инспекцию труда принятый локальный нормативный акт, которая, в свою очередь, в течение месяца обязана провести проверку и вынести решение.

Весомую часть в деятельности профессиональных союзов в настоящий момент занимает защита прав работников в досудебных и судебных органах. Трудовые споры, возникающие без правонарушений по поводу установления или изменения условий труда, подлежат рассмотрению комиссиями по трудовым спорам и судами. При этом согласно ранее действующему законодательству (ст. 219 КЗоТ) эта категория споров разрешалась непосредственно путем переговоров между работодателем и профессиональным союзом. Право на судебную защиту профсоюзами закреплено в настоящий момент ст. 46 ГПК РФ, ст. 23 Закона «О профсоюзах». Реализовано это право может быть как посредством обращения в защиту прав конкретных работников по их просьбе, так и по собственной инициативе в защиту прав и интересов неопределенного круга лиц.

Можно ли однозначно сказать, что изменения, коснувшиеся трудового законодательства и законодательства о профсоюзах последние два десятилетия, – однозначно негативные? Чтобы ответить на этот вопрос, следует снова обратиться к статистике.

В соответствии с данными опроса ВЦИОМ, 73 % работников считают, что их права защищаются недостаточно (для сравнения – в 2010 году такого мнения придерживались 80 % опрошенных). Лишь 13 % респондентов отметили, что профсоюзы следят за соблюдением норм трудового права в организациях. Около 45 % опрошенных не видят реальных действий по защите своих прав в компании, при этом в случае возникновения сложных противоречивых ситуаций в компании, лишь 6 % готовы обратиться за помощью в профсоюзные организации [3].

Данные опроса позволяют сделать вывод, что сама функция по защите прав и интересов работников в сложных

ситуациях остается востребованной, однако доверия для обращения к профсоюзам с целью решения данных проблем с каждым годом все меньше.

Низкую эффективность деятельности профессиональных союзов можно связать как с уменьшением их прав законодательно, так и с отсутствием «силового ресурса» – фактически стали запрещены забастовки, ограничены возможности переговоров и т.д. Работодатель во многих вопросах выслушивает мотивированное мнение профсоюза, но не обязан с ним соглашаться и может продолжать действовать в своих интересах.

Стоит также сказать, что большинство профсоюзных организаций не считают необходимым проводить информационное просвещение о своей деятельности, что ведет к выводам о бездействии последних.

Таким образом следует сказать, что роль профессиональных союзов в последние годы снизилась до минимума в сравнении с прошлым веком. Они до сих пор продолжают осуществлять функции защиты прав и интересов работников, однако доверия в массах все меньше. Представляется, что законодательно правовое положение профессиональных союзов стоит изменить либо в сторону увеличения их роли, либо в сторону полной реорганизации, чтобы не оставлять в «промежуточном» положении. Кроме того, было бы правильно обязать профессиональные союзы вести свою деятельность гласно, открыто, в том числе с использованием сети Интернет и социальных сетей.

Как бы то ни было, профсоюзы в Российской Федерации до сих пор являются наиболее массовой общественной организацией трудящихся, они создают основу посредничества между администрацией организации и наемными сотрудниками, они все еще имеют потенциал для улучшения условий производственной деятельности и повышения уровня качества трудовой жизни. На наш взгляд, партнерство организаций с профсоюзными объединениями является показателем «цивилизованности» бизнеса, желания работодателя налаживать контакт с наемными работниками.

Пристатейный библиографический список

1. Макарова В. А., Гончаров М. А. Место и роль профсоюзов в жизни современного российского общества // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 121.
2. Рушева А. В. Роль профсоюзной организации в повышении качества трудовой жизни работников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 3 (43).
3. Права трудящихся – и защищены ли они? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115092> (дата обращения: 20.10.2022).
4. Членами профсоюзов в России являются лишь 5 % граждан? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3494855.html> (дата обращения: 25.10.2022).

АРТЫШКО Кирилл Владимирович

студент направления «Юриспруденция» Дальневосточного федерального университета

ОЗЕРОВ Олег Эдуардович

студент направления «Юриспруденция» Дальневосточного федерального университета

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ЛЕГИТИМИЗАЦИИ) РЕЛИГИОЗНЫХ (КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ) БРАКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье авторы рассматривают вопрос о возможных исторических, культурологических и иных причинах, предпосылках и последствиях легитимизации конфессиональных браков в современных российских реалиях. Уделяется внимание противоречию принципа светского государства данной новелле. Исследуются преимущества конфессионального брака и его популяризации в обществе в свете негативных тенденций брачности и государственной политики в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Анализируются российские и зарубежные статистические и социологические исследования в области института брака, в том числе религиозного. В выводах обосновывается особый характер и влияние брака, заключенного посредством религиозных обрядов, на институт брака в целом, подчёркивается необходимость принятия новеллы для предотвращения его деградации.

Ключевые слова: религиозный брак, семейное право, церковное бракосочетание, брак, институт брака, институт семьи, религиозные объединения, традиционные ценности, заключение брака, регистрация брака.

ARTYSHKO Kirill Vladimirovich

student of the direction "Jurisprudence" of the Far Eastern Federal University

OZEROV Oleg Eduardovich

student of the direction "Jurisprudence" of the Far Eastern Federal University

ON THE LEGALIZATION (LEGITIMIZATION) OF RELIGIOUS (CONFESSIONAL) MARRIAGES IN RUSSIAN FEDERATION

In the article the authors consider the question of possible historical, cultural and other reasons, preconditions and consequences of the legitimization of confessional marriages in modern Russian realities. Attention is paid to the contradiction of the principle of the secular state to this novelty. The advantages of confessional marriage and its popularization in society in the light of negative trends in marriage and the state policy in the field of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values are investigated. Russian and foreign statistical and sociological studies of the institution of marriage, including religious marriage, are analyzed. The conclusions substantiate the special nature and influence of marriage concluded through religious ceremonies on the institution of marriage in general, emphasizing the need to adopt the novelty to prevent its degradation.

Keywords: religious marriage, family law, church marriage, marriage, institution of marriage, family institution, religious associations, traditional values, solemnization of marriage, marriage registration.

Прежде всего необходимо отметить, что брак, имеющий юридическую силу, на сегодняшний день признается законодательством Российской Федерации только в том случае, если он был заключен в органах записи актов гражданского состояния (Семейный кодекс РФ, ст. 1, ч. 2). Государственная регистрация брака является правоустанавливающим юридическим фактом, порождающим взаимные права и обязанности супругов [1, с. 35]. Альтернативные способы заключения брака семейным законодательством не предусмотрены, хотя, несомненно, в обществе, как российском, так и зарубежном, распространена практика религиозных (конфессиональных, церковных) браков, заключаемых представителями религиозных объединений (священнослужителями) посредством специальных, часто исторически сложившихся, традиционных обрядов и церемоний. Например, некоторыми христианскими течениями, преимущественно православного вероучения, практикуется чин церковного благословения брака, главной частью которого является обряд венчания – его история насчитывает несколько тысяч лет [2].

Правовой статус браков, заключаемых не государственными органами и даже не в присутствии их представителей,

регулируется государствами по-разному: либо признается только гражданская форма брака, либо только религиозная, либо же признаются обе формы брака [3]. Как было уже отмечено, российское законодательство не признает правовых последствий, вытекающих из религиозного брака, аргументируя это светским характером государства, что установлено статьей 14 Конституции РФ. Религиозные объединения отделены от государства, не могут подменять собой государственные органы или выполнять их функции [4]. Однако апеллирование к светскому характеру государства не является основательным аргументом, не позволяющим легализовать конфессиональный брак.

Приведем в пример Королевство Испания, которое согласно статье 16 своей Конституции является светским, что вытекает из следующего конституционного положения: «Никакое верование не может иметь характера государственной религии. При этом органы публичной власти должны принимать во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживать вытекающие из этого отношения сотрудничества с Католической церковью и другими конфес-

Артышко К. В.

Озеров О. Э.

сиями». На этой норме основывается Гражданский кодекс Испании (Codigo Civil), который, учитывая широкую религиозность испанского общества, стремится законодательно урегулировать общественные потребности и в статье 49 закрепляет религиозную форму заключения брака наравне с гражданско-правовой.

Подобный характер сочетания светской государственной политики при сотрудничестве с религиозными объединениями свойственен многим государствам, в которых признается религиозная форма заключения брака. К ним помимо Испании относятся Великобритания, Дания, Италия, Греция и иные. Это является отражением многоаспектной (исторической, культурной, институциональной) роли религии и церкви в социальной жизни этих государств. Религиозные объединения оказывали и оказывают влияние и на общественную жизнь российского государства. Наличие двух форм заключения брака за рубежом является компромиссом между объективными государственными интересами и национальными духовными ценностями, многолетним традиционным укладом общества.

Возвращаясь к России и анализируя роль религиозных объединений в становлении государства, кратко отметим исторический контекст развития института брака. По причине доминирования религии в общественной жизни Российской империи до самого прихода к власти большевиков единственной (за исключением регистрации брака для старообрядцев) формой заключения брака являлся брак, заключенный посредством религиозных обрядов. Только такой брак порождал правовые последствия и имел юридическое значение [5]. После октябрьской революции 1917 года и принятия Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве ситуация изменилась с точности до наоборот — единственным способом заключения брака была определена светская государственная регистрация брака, а вместе с тем фактически произошло и слияние двух понятий — заключения и регистрации брака (одним из способов реализации новеллы может являться их законодательное разделение). При этом религиозный брак не утратил полностью своей роли — во-первых, правовое заключение продолжили иметь те церковные браки, которые были заключены до вступления в силу соответствующих нормативных актов, во-вторых, юридическое значение религиозным бракам вскоре было придано вновь, правда не всем, а только тем, что были заключены во время Великой Отечественной войны на оккупированных территориях и до восстановления на них советских органов записи актов гражданского состояния [6].

Так, прослеживается важная историческая роль конфессиональных браков в России, их присущность российскому обществу, при этом отсутствие в современной действительности их узаконенности скорее является наследием строгой советской политики в сфере религиозных объединений, построенной на светских принципах, которая сегодня уже не актуальна в виду повторного переосмысления государством роли религиозных объединений в общественной жизни, курса на диалог и сотрудничество с ними, а также на восстановление исторической преемственности с дореволюционным прошлым.

Отдельно актуальность и востребованность легитимизации конфессиональных браков в Российской Федерации необходимо рассматривать через анализ протекающих в современных российских реалиях явлений, а также методов воздействия государственной политики на эти явления, сущности и целей государственной политики как в социальной, так и в духовной сфере жизни общества.

Говоря о развивающихся сегодня процессах в сфере брака и семьи, нельзя не отметить пагубные тенденции. Согласно официальной статистике, приводимой Федеральной службой государственной статистики, в 2021 году было зарегистрировано 923550 браков, или 6,3% на 1000 человек населения. При этом в том же 2021 году число разводов достигло 644209 человек, или 4,4% на 1000 человек населения. Для сравнения, в 2011 году было зарегистрировано 1316011 браков, или 9,2% на 1000 человек населения. Количество раз-

водов превышало 669 тысяч, или 4,7% на каждую 1000 человек населения [7]. Таким образом, в 2011 году соотношение количества заключенных браков к количеству разводов равнялось 50-и процентам — один развод приходился на каждые два брака. В 2021 году это соотношение увеличилось до 70-и процентов, при этом количество разводов уменьшилось в сравнении с 2011 году незначительно, в отличие от количества заключаемых браков.

Вполне естественно и закономерно, что в подобных условиях одним из приоритетных направлений современной государственной политики в Российской Федерации является сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Регулирование данного направления государственной политики осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Одной из основных задач национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» является сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей, в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины. Наравне с ней существует и ещё одна задача — поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям. Отдельно устанавливается, что привлечение институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является одним из основных организационных инструментов реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [8]. Особая роль религиозных объединений в становлении и развитии духовности и культуры также подчеркивается в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Исходя из содержимого названных положений, закрепленных в законодательстве и актах стратегического планирования, становится очевидно, что государство заинтересовано в привлечении религиозных объединений к обсуждению и выработке решений, касающихся институтов брака и семьи, которые лежат не только в юридической (правовой) плоскости, но и в социологической, рассматриваются как объекты социологической науки [9]. Актуальность и необходимость легитимизации конфессиональных браков обуславливается имеющимися в современной общественной жизни вызовами традиционным ценностям. Одним из эффективных инструментов предупреждения таких вызовов, в соответствии с основами государственной политики, является деятельность религиозных объединений и занимаемое ими положение, что также предопределяется многолетним историческим опытом и особой ролью мировых религий в становлении российского общества и государства.

Согласно статистике Фонда «Общественное мнение» [10] из каждых восьми состоящих в браке верующих россиян только один обвенчался, то есть прошёл через обряд заключения религиозного брака. При этом порядка 29% опрошенных верующих хотели бы обвенчаться. В исследовании подчеркивается, что нередко желание скрепить узы «перед Богом» носит характер тренда, является следствием общественного интереса к религии в последнее время. Однако нельзя исключать тот факт, что при наличии узаконенной возможности заключать браки в религиозных объединениях, общий процент таких браков возрос бы в несколько раз.

В свете этого отдельно рассмотрим социально-психологический аспект конфессиональных браков, который неразрывно связан со сложными нравственными и моральными определениями и мировоззрениями как отдельных религиозных объединений, конфессий, так и каждого конкретного человека. Естественно, что такие категории, как «нравственность», «религиозность», «набожность» и «богобоязненность» не могут иметь законодательного закрепления в российском законодательстве, но именно они определяют отличитель-

ные особенности конфессионального брака, подчеркивают его преимущества (с точки зрения традиционных ценностей, в частности ценности крепкой семьи) в сравнении с браком гражданским, регулируемым правом.

Фактор, который имеет наибольшее значение в данном вопросе – какого характера религиозная практика и как религиозная приверженность влияют на институт брака, в частности, на процент разводов, проще говоря – правда ли, что религиозные люди, придерживающиеся практик своей религии на регулярной основе, разводятся в среднем меньше, чем нерелигиозные люди и нерегулярно практикующие верующие? Для ответа на данный вопрос справедливо будет обратиться к зарубежным исследованиям из области социологии.

Исследование брака в Оклахоме, проведенное профессором Скоттом Стэнли из Денверского университета совместно с командой ведущих социологов США, показало, что сильная религиозная вера, как правило, влечет и высокий уровень моральных и психологических качеств, позволяющих избежать развода.

Представители молодого поколения, пожилые люди, независимо от пола и дохода, относящие себя к религиозным людям, показали сравнительно высокий средний уровень приверженности своим партнерам и удовлетворенности браком при более низком уровне негативного взаимодействия с партнером и меньшей склонности думать о разводе. Перечисленные положительные факторы и способствуют снижению риска развода среди верующих.

Люди, относящие себя к религиозным, с меньшей вероятностью уже пережили развод в сравнении с нерелигиозными опрошенными. Аналогичным образом, люди, сообщившие в исследовании о более частом посещении религиозных служб, значительно реже разводились [11].

Другое исследование, проведенное директором Национального проекта по браку и ведущим социологом Университета Вирджинии, США, У. Брэдфорд Уилкоксом выявило «активные консервативные протестанты», регулярно посещающие церковь, с гораздо меньшей вероятностью разведутся по сравнению с теми, у кого нет религиозной принадлежности [12].

Из исследований зарубежных социологов можно подчеркнуть, что религия играет важную роль в семейных отношениях между приверженцами различных конфессий. Религиозный брак, представляющий собой скрепление союза между мужчиной и женщиной перед лицом «высшего свидетеля», статистически является более надежным и пригодным для формирования крепкой семьи. Сама процедура заключения брака для религиозного человека, если таковая осуществляется посредством религиозных обрядов, оказывает воздействие на его внутренние качества, способствует осознанному и ответственному подходу к заключению брака и к жизни в браке. Здесь же нельзя исключать участия религиозного объединения в семейной жизни конфессиональных людей. Например, священнослужители могут выступать дополнительным актором примирения супругов на грани развода.

Социально-психологический аспект конфессионального брака является основным аргументом в пользу легитимизации. В нынешних условиях легализация конфессиональных браков потенциально приведет к их популяризации и более широкой распространенности. Это, во-первых, будет способствовать реализации государственной политики, подробно исследованной выше, и сохранению института брака; во-вторых, в полной мере соответствует традиционным и духовным ценностям, способствует их закреплению в общественном сознании. Отдельно отметим, что в свете глобальных мировых изменений и тенденций государственная политика Российской Федерации в области сохранения традиционных ценностей является необходимой и закономерной защитой общественных интересов от негативно воздействующих на российскую национальную и культурную модель явлений современности. Законодательное признание конфессиональных браков позволит, с одной стороны, усилить роль религиозных объединений в общественном диалоге, в частности в сфере сохранения традиционных ценностей, с другой – скорректировать негативные с точки зрения демографии тенден-

ции в институте брака путем популяризации таких браков. Анализируя зарубежные модели легализации конфессиональных браков и причины их сохранения в иностранных государствах несмотря на введение светских браков и проводя сравнение с историей брака (как светского, так и религиозного) в России, а также сравнивая роль религиозных объединений в становлении иностранных государств и России, возникают определенные закономерности и основания для пересмотра нынешних подходов к форме заключения брака. Такой пересмотр позволит обновить фундаментальную структуру брака как в юридическом, так и в социологическом контексте, восстановить его историческую преемственность, укрепить в общественном сознании ценности крепкой семьи и брака, обеспечить их нравственное содержание.

Пристатейный библиографический список

1. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А. Семейное право: Учебник / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2008. 302 с.
2. протоиер. Владислав Цыпин. Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 864 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/kanonicheskoe-pravo/6 (дата обращения: 01.01.2023).
3. Трофимец И. А. Государственная регистрация и конфессиональная форма брака в России и за рубежом // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2011. № 1.
4. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 39. Ст. 5 п. 2 с изм. и допол. в ред. от 05.12.2022.
5. Вахромеева О. Б. Церковная форма брака в дореволюционной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1-1.
6. Гавриш И. В. Придание религиозному заключению брака статуса зарегистрированного в органах ЗАГС брака. Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. 2019. № 3.
7. Браки и разводы: Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.01.2023).
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации [интернет-портал]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 01.01.2023).
9. Семенова Л. В. Семья. Понятие, виды, структура, проблемы. – Текст: непосредственный // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 18.
10. Осипова И. Отношение православных к обряду венчания. – Текст: электронный // Фонд Общественное Мнение (ФОМ): [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fom.ru/blogs/10742> (дата обращения: 01.01.2023).
11. Johnson C. A., Stanley S. M., Glenn N. D., Amato P. A., Nock S. L., Markman H. J. and Dion M. R. Marriage in Oklahoma: 2001 Baseline Statewide Survey on Marriage and Divorce. [Electronic resource]. – Access Mode: https://www.researchgate.net/publication/240108285_Marriage_in_Oklahoma_2001_baseline_statewide_survey_on_marriage_and_divorce.
12. Bradford W. Wilcox and Elizabeth Williamson, “The Cultural Contradictions of Mainline Family Ideology and Practice,” in *American Religions and the Family*, edited by Don S. Browning and David A. Clairmont (New York: Columbia University Press, 2007), p. 50.

ГАСАНОВ Орхан Бабек оглы

аспирант кафедры земельного и экологического права Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Правовое регулирование зон с особыми условиями использования территорий (далее – ЗОУИТ) в Российской Федерации базируется на целом комплексе нормативных правовых актов разного уровня, что создает межотраслевой характер правового регулирования ЗОУИТ.

Большое количество нормативно-технических и правовых норм, определяющих статус ЗОУИТ в России, создают предпосылки для возникновения правовых неопределенностей и коллизий в регулировании данных территорий.

Правоприменение, связанное с установлением ЗОУИТ в России, сопряжено с рядом проблем, часть из которых обусловлена недостаточной проработанностью норм права, а часть – возникновением конфликта частного и публичного интересов.

Исследование проблематики правоприменения необходимо в целях выявления не только наиболее сложных аспектов, но и для определения путей решения существующих проблем.

Ключевые слова: правовое регулирование зон с особыми условиями использования территорий, сравнительно-правовой анализ зон, система правового регулирования зон с особыми условиями использования территорий, правовой статус зон с особыми условиями использования территорий.

GASANOV Orkhan Babek ogly

postgraduate student of Land and environmental law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia

RUSSIAN AND AMERICAN EXPERIENCE IN LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES IN ZONES WITH SPECIAL CONDITIONS FOR THE USE OF TERRITORIES: A COMPARATIVE STUDY

The legal regulation of zones with special conditions for the use of territories (hereinafter – ZOUIT) in the Russian Federation is based on a whole set of regulatory legal acts of different levels, which creates an intersectoral nature of the legal regulation of ZOUIT.

A large number of regulatory, technical and legal norms defining the status of ZOUIT in Russia create prerequisites for the emergence of legal uncertainties and conflicts in the regulation of these territories.

Law enforcement associated with the establishment of LSG in Russia is fraught with a number of problems, some of which are due to insufficient elaboration of legal norms, and some of which are caused by the emergence of a conflict of private and public interests.

A study of the problems of law enforcement is necessary in order to identify not only the most difficult aspects, but also to determine how to solve existing problems.

Keywords: legal regulation of zones with special conditions for the use of territories, the system of legal regulation of zones with special conditions for the use of territories, the legal status of zones with special conditions for the use of territories.

Введение

Основная гипотеза проводимого исследования, заключается в том, что многообразие ЗОУИТ в Российской Федерации, ведет к отсутствию единой системы правового регулирования ЗОУИТ, в силу различных целей установления ЗОУИТ на различных территориях. На фоне многоуровневого и обширного законодательства в России возникают правоприменительные проблемы, обусловленные возникновением конфликта интересов, потребностью использования ЗОУИТ различными субъектами правоотношений.

Правовое регулирование ЗОУИТ осуществляется нормами главы 19 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) [1]. Отметим сразу, что упущением положений земельного законодательства является отсутствие понятия ЗОУИТ (который раскрыт через цели создания, что является привычным для российского законодательства, особенно в природоресурсной области), вместе с тем, определение ЗОУИТ дано в статье 1 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) [2].

В ЗК РФ конкретизированы виды, характеристики и назначение каждой из ЗОУИТ, которых существует на данный момент 28 позиций, перечисленных в статье 105 ЗК РФ: зоны охраны объектов культурного наследия; защитная зона объекта культурного наследия; зона охраняемого военного объекта, охранная зона военного объекта, запретные и спе-

циальные зоны, устанавливаемые в связи с размещением указанных объектов; охранная зона особо охраняемой природной территории (государственного природного заповедника, национального парка, природного парка, памятника природы); санитарно-защитная зона и т.д.

В законе ЗОУИТ разграничены, как и требования к ним, предполагающие установление определенных ограничений. Пересечение различных зон, с позиции теории исключается, однако на практике подобные проблемы возникают нередко. Разрешение споров, невзирая на их многочисленность, еще не позволило сформировать единообразие судебной практики. Как следствие определенные сложности сохраняются, что отчасти усугубляется изменением законодательства, предполагающего фиксацию статуса и границ ЗОУИТ, не предусматривающего обязанности внесения сведений относительно ранее установленных ЗОУИТ в Единый кадастр недвижимого имущества. Многие из существующих проблем обусловлены именно различием в том, как устанавливались ЗОУИТ ранее, и как они должны устанавливаться в настоящее время.

Методы исследования

В рамках настоящего исследования использовался сравнительно-правовой метод, методы анализа и синтеза. Помимо этого, в исследовании используются общие методы на-

учного познания, а также частноправовые методы научного исследования: формально-правовой подход, правовой анализ и другие.

Результаты

ЗОУИТ как зоны с особым правовым режимом создаются не только в России, они существуют в большинстве государств мира, в том числе в США. Невзирая на то, что сам термин ЗОУИТ является всеми однозначно воспринимаемым и толкуемым, в теории, как справедливо отмечает И. Ю. Башаева, он не раскрыт [9, с. 15], хотя, безусловно, присутствуют предлагаемые исследователями формулировки. Часть исследователей связывает ЗОУИТ с охранными территориями, полагая, что именно придание специальных условий охраны позволяет отграничить ЗОУИТ от иных специальных зон. Другая часть – с целями использования как выбранным критерием обособления.

Некоторые исследователи, как, например, О. А. Золотова [12, с. 10], полагают, что охрану как самостоятельный критерий можно использовать для определения понятия ЗОУИТ только в узком смысле. Если рассматривать сам термин более широко, то под определение подпадают все зоны, где присутствует режим специальной охраны.

Е. В. Потапова, М. С. Красавцева, Ю. В. Безбородова и А. А. Макаров делают акцент на защите права граждан, как критерия выделения ЗОУИТ [14, с. 63].

Все приведенные воззрения, а также многие иные, могут быть определены как справедливые. Следует принимать во внимание, что каждый исследователь рассматривает ЗОУИТ с определенной, суженной позиции, либо, исследует только понятие безотносительно к множеству возможных ЗОУИТ с учетом действующего российского законодательства.

Можно подискутировать с мнением С. С. Гореловой и А. В. Лукьяненко, с точки зрения которых ЗОУИТ ориентированы только на охраны объектов окружающей среды [10, с. 22], потому что в законе положения относительно ЗОУИТ связываются не только с окружающей средой.

Более правильной представляется позиция Д. Р. Атаяр, по убеждению которой установление ЗОУИТ обусловлено либо потребностью в охране самой территории, либо необходимостью обеспечения безопасности населения в следствие специфики возможного воздействия размещаемых на территории ЗОУИТ объектов [8, с. 217].

В Российской Федерации, в соответствии с положениями пункта 1 статьи 106 ЗК РФ, ЗОУИТ устанавливаются на основании федерального законодательства, либо на основании решений, принимаемых Правительством РФ в отношении конкретного вида ЗОУИТ.

Установление ограничений в части возможности использования ЗОУИТ, наличие специальных режимов, предполагает, что указанные зоны становятся недоступными для определенных видов деятельности, на их территории есть ограничения в части осуществления строительства, а также ряд иных. При этом законодатель определяет ЗОУИТ как предназначенные для удовлетворения публичных интересов, порой в ущерб интересам частным. Изъятие земельного участка для целей расположения ЗОУИТ при условии возмещения причиненного вреда лишь отчасти компенсирует собственнику его убытки.

В свете изменения правового регулирования ЗОУИТ в настоящее время на практике возникают проблемы вследствие того, что ранее установленные ЗОУИТ не внесены в Единый кадастр, что предполагает отсутствие общедоступ-

ных сведений о наличии ограничений. Когда же подобные ограничения выявляются, а выявляются они, как правило, только в случае явного нарушения частных интересов, то спор разрешается в судебном порядке. При этом, как справедливо отмечает в своем исследовании О. П. Зиновьева, разрешение подобных споров, с учетом правовых позиций высших судов, осуществляется не в пользу частного, а в пользу публичного интереса [11, с. 82].

Иными словами, в настоящее время дисбаланс частного и публичного явно присутствует. При установлении факта ограничения или нарушения частных интересов суды констатируют возможность заявления требования о выкупе земельного участка, на котором отчасти фактически размещена ЗОУИТ.

Вторым вариантом разрешения проблем с практической точки зрения, как отмечают Е. В. Менис и А. А. Васильев, является заявление в суде требования об изменении границ ЗОУИТ таким образом, чтоб частные интересы соблюдались [13, с. 101], то есть и ЗОУИТ, имеющая определенное назначение, была сохранена, и частный интерес в использовании определенной части данной зоны был удовлетворен, но без ущерба для землепользователей.

Проблема во втором случае возникает, как справедливо указывает Н. Н. Федоскин вследствие того, что границы ранее установленных ЗОУИТ не внесены в Единый кадастр [16, с. 156]. Проиллюстрировать проблематичность отсутствия регистрации данных о зоне ЗОУИТ можно на следующем примере из судебной практики.

Первый арбитражный апелляционный суд, рассматривая дело по спору относительно охранных зон тепловых сетей и кабельных линий электропередач, пришел к интересному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требования о переносе кабельной линии за пределы охранной зоны тепловых сетей [21]. Причина возникновения спора по данному делу, с точки зрения истца – наличие риска возникновения аварий и затруднение доступа к тепловым сетям. По делу было установлено, что по тепловым трассам установлена охранная зона, а применительно к кабельным линиям электропередач – нет.

Не углубляясь в исследование всех обстоятельств дела, хотелось бы заострить внимание на причине отказа в иске – суд пришел к выводу, что организации должны самостоятельно договориться об обслуживании тех и других сетей.

Вывод суда о том, что при отсутствии установления ЗОУИТ в отношении кабельных линий электропередач им все равно придается правовая охрана, представляется в целом правильным. На период переходного периода, по истечении которого все зоны ЗОУИТ должны быть внесены в Единый кадастр, что облегчит разрешение вопросов относительно наличия или отсутствия ограничений, соблюдать все ограничения необходимо, потому что, как справедливо указывают А. А. Ушанов, Ф. П. Румянцев и А. В. Климова, речь идет исключительно об изменении подхода к фиксации статуса ЗОУИТ в соответствии с измененным законодательством [15, с. 137], что не предполагает непризнания ранее установленных ЗОУИТ.

Однако можно поспорить с необидительностью доводов истца о том, что слишком близкое нахождения теплосетей и электрических кабелей не создает риска возникновения аварий и травмирования людей. Данный факт важен. Функционирование указанных объектов сопряжено с риском причинения вреда, их опасность повышена. Следовательно, момент их охраны, а также возможности расположения в такой бли-

зости, что при аварии на одном объекте может произойти авария на ином, следует учитывать. Регулироваться данный вопрос исключительно на основании договоренностей между собственниками объектов и обслуживающими организациями не должен.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует проблемность правоприменительного подхода. При наличии конкуренции ЗОУИТ, а также значимых рисков аварий и опасности для людей, суды принимают решения формально. Сама ссылка на потребность достижения договоренностей относительно обслуживания тепловых и электрических сетей свидетельствует о пробеле в праве, об игнорировании одного из основополагающих принципов – обеспечения безопасности при размещении опасных объектов как основания установления ЗОУИТ.

Хотелось бы отметить, что все же не все суды занимают подобную позицию. Например, Второй арбитражный апелляционный суд пришел к иному выводу [17]. По этому делу возник конфликт частного и публичного интереса. Спор разрешался между собственником частного аэродрома и собственником полигона ТБО. Муниципальное образование, привлеченное к участию в деле, заняло позицию собственника полигона ТБО, настаивая на том, что данный полигон необходим для удовлетворения потребностей населения муниципального образования. Собственник аэродрома акцентировал внимание на рисках скопления птиц, что будет препятствовать эксплуатации. Причина возникновения спора – отсутствие регистрации ЗОУИТ применительно к аэродрому, отсутствия данных о границах зоны, что в итоге не было учтено при вводе полигона ТБО в эксплуатацию.

Данное дело – скорее редкий случай, когда частные интересы были действительно учтены, им был отдан приоритет перед публичными. Позиция судов, которые указали на наличие рисков и определили их как основание для признания недействительным разрешения на ввод в эксплуатацию полигона ТБО, представляется верной.

Еще одна проблема – это возникновение столкновения интересов при установлении ЗОУИТ для различных целей, что предлагается исследовать на примере из судебной практики по делу, рассмотренному Третьим арбитражным апелляционным судом [22].

По данному делу истец – юридическое лицо, получившее лицензию на разработку недр, оспаривало отказ органа местного самоуправления в предварительном согласовании для осуществления недропользования границ земельного участка. Орган местного самоуправления, принимая подобное решение, указал, что предлагаемые границы пересекаются с уже существующим земельным участком, на котором расположено кладбище, а также земельным участком, находящимся в собственности муниципального образования и предназначенном для выпаса сельскохозяйственных животных, для сенокосения и выпаса скота, что предполагает установление ЗОУИТ. При этом орган местного самоуправления предложил недропользователю обратиться с заявлением в государственный орган субъекта РФ об изъятии земельного участка, расположенного под кладбищем и сельскохозяйственными угодьями, полагая, что только в этом случае будет возможно предоставление его части недропользователю.

Суды пришли к выводу о том, что принятое органом местного самоуправления решение является неправомерным, то есть выбор был сделан в пользу недропользователя. В целом можно согласиться с данной позицией, но следует учесть еще один момент – это отсутствие достаточных доказа-

тельств, представленных органом местного самоуправления. Спор действительно присутствует. Как земельные участки под кладбищами, так и пастбища имеют особый правовой статус, хотя не относятся к категории ЗОУИТ. Разработка недр повлечет за собой снятие верхнего слоя почвы, то есть ни кладбище, ни пастбища сохранить не удастся. Конфликт интересов присутствует и такого способа разрешения, который удовлетворил бы обе стороны спора, в настоящее время нет. В некоторой мере был бы уместен сервитут, но только тогда, когда он не проходит по территории кладбища. Применительно к землям сельскохозяйственного назначения при разработке недр возможность их дальнейшего использования крайне затруднительна.

На практике также нередко возникает конфликт интересов, обусловленный наличием полномочий у органов государственной власти по изъятию земельных участков в целях установления ЗОУТ. Анализ судебной правоприменительной практики России позволяет утверждать, что чаще всего споры возникают вследствие изъятия земельных участков, находящихся в частной собственности, вследствие потребности в установлении на них режима ЗОУИТ. Подобное дело, в частности, было предметом рассмотрения Арбитражного суда Волго-Вятского округа [18]. Данный спор возник вследствие потребности изъятия земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения для целей размещения на нем линейного объекта – автодороги. Неравноценность предоставляемого взамен земельного участка стала причиной возражения со стороны собственника. Суды всех инстанций пришли к выводу о правомерности изъятия земельного участка, что стало причиной удовлетворения требований государственного органа об изъятии земельного участка. Следует обратить внимание и на то, что строительство линейного объекта осуществлялось органами местной власти и в их интересах, а земельный участок был изъят на основании решения государственного органа регионального уровня.

Данный пример наглядно демонстрирует, что интересы государства, а также местные интересы, если анализировать ситуацию с позиции судебной правоприменительной практики, приоритетны по отношению к частным интересам, что становится не всегда обоснованной причиной дифференциации уровня правовой защиты субъектов отношений.

Как еще один пример, когда приоритетными становятся интересы государства, можно привести дело, ставшее предметом рассмотрения Верховного Суда РФ [20].

По данному делу спор возник вследствие того, что общество фактически было лишено права пользования принадлежащими ему земельными участками вследствие распространения на них приказа заместителя Минобороны России, согласно которому была установлена зона военного объекта. Оснований для удовлетворения требований общества высший суд не усмотрел, отметив при этом, что фактически земельные участки были расположены за территорией муниципального образования.

Возникновение подобных ситуаций в практике отчасти обусловлено тем, что в границах ЗОУИТ установлены и особые правила по использованию соответствующего земельного участка, которые:

- а) распространены на все объекты, находящиеся как над поверхностью земельного участка, так и под ней, если законодательством не установлено иное (ч. 2 ст. 104 ЗК РФ);
- б) устанавливают ограничения либо запреты на строительство, либо использование объектов недвижимого имущества, либо использование земельного участка для иных

целей, нежели установленных правовым режимом соответствующей ЗОУИТ (ч. 2 ст. 104, ч. 2 ст. 106 ЗК РФ).

Следует обратить внимание на то, что в судебной практике дополнительно выражена позиция, касаемо необходимости установления исчерпывающего перечня видов зданий, сооружений, их применения на таких участках [19].

Наличие правоприменительных проблем, возникновение спорных ситуаций по делам, в рамках которых оспаривается изъятие земельного участка, во многом связано с существующими особенностями правового регулирования как вопросов изъятия, так и вопросов установления ЗОУИТ, как особых территорий со специальным режимом. Поиск путей решения существующих проблем, как правило, предполагает возможность обращения к анализу опыта прошлых периодов или к исследованию зарубежного опыта. Поскольку опыт советского периода не может рассматриваться как приемлемый для современности в силу того, что в целом земля принадлежала государству, у которого отсутствовала обязанность компенсации и существовало ничем не ограниченное право изъятия и перераспределения земельных участков, для целей анализа предлагается обратиться к сравнительному исследованию зарубежного законодательства, для чего в качестве примера выбраны США как государство, где правовое регулирование изъятия земельных участков имеет определенное сходство с российским.

В США, к ЗОУИТ относятся территории, на которых установлены особые правила их использования, целью которых является обеспечение защиты или сохранение отдельных элементов окружающей среды либо исторического памятника (события). Наибольшее количество охранных зон создано в Национальной лесной системе, состоящей из двух компонентов: федеральные леса США и леса отдельных штатов, которые, в свою очередь содержат в себе отдельные охранные зоны для сохранения конкретных видов животной фауны, либо же водной экосистемы. Итак, в Национальной лесной системе существуют следующие виды охранных зон:

1. Водные охранные зоны – они устанавливают правовой режим охраны таких объектов, как: реки, озера, болота, которые расположены в Национальной лесной системе для сохранения существующей в них флоры и фауны;

2. Зоны охраны особо ценных лесов, а также уникальных природных комплексов. Так, примерами можно привести такие охранные зоны, как например зона охраны ущелья Бовен штат Колорадо (ранее здесь добывали золото из ручьев ущелья) (Bowen Gulch Protection Area), в составе которой находится земельный участок леса Арапахо – около 11 600 акров (16 U.S.C. § 532). Подобные охранные зоны созданы для сохранения редких видов деревьев, например, как секвойя либо же особо старых лесных участков.

3. Зоны охраны территорий, на которой обитает разнообразная животная фауна либо же на ней располагаются пути их миграции.

4. Охранные зоны живописных мест, примером которой можно привести Mount Pleasant national Scenic Area (16 U.S.L. § 545). В этом горном районе кроме живописных пейзажей сохраняются и водные источники (в российской терминологии – ключи), представляющие уникальное природное явление.

5. Охранные зоны, созданные для осуществления научно-исследовательской, рекреационной и образовательно-просветительской деятельности, а также для охраны фауны на ней обитающей. Так, примером можно привести Yagnina Hand Area, созданная на федеральных землях в штате Оре-

гон в 1993 г. (43 U.S.C. § 1702). Отметим, что данный вид охранной зоны управляется руководителем DOI (United States Department of the Interior), оно же – МВД США, поскольку по целевой направленности режим охраны зон с курортной составляющей очень похож на режим национальных парков.

6. Рыболовно-охотничьи зоны охраны. Данные зоны создаются в целях сохранения и увеличения популяции отдельных видов животных, птиц и рыб в Национальной лесной системе. Отметим, что в отличие от всех других зон в этих зонах разрешается ограниченное любительское рыболовство и охота на определенные виды животных и птиц. Примером охранной зоны рыболовства и охоты является Heely Bottle Special Management Area (16 U.S.C. § 539K) на территории штата Вашингтон.

7. Зоны охраны пустынь. Так, наряду с охранными зонами федеральное законодательство установило на федеральных землях и землях штатов отдельные зоны охраны пустынных территорий и их обитателей. Земли пустынь не входят в Национальную лесную систему, но также представляют территорию нетронутой природы со своими особенностями и уникальным животным и растительным миром.

8. Зоны охраны питьевых источников. Особенностью правового режима рассматриваемых территорий является то, что в отличие от всех других видов охранных зон он устанавливается не законом, а решением органа исполнительной власти (федерации, штата, графства) или юридического лица, занимающегося снабжением населения питьевой водой. Законодательство определяет порядок установления зоны охраны источников питьевой воды и водоносных слоев, обязанности органа или юридического лица, установившего соответствующую охранную зону, финансирование разработанного плана необходимых мероприятий по управлению данной зоной.

Правовое регулирование ЗОУИТ перечисленных видов ЗОУИТ в Национальной лесной системе устанавливаются и их режим регулируется федеральным законодательством, собранном в кн. 16 Свода законов США (16 U.S.C. conservation).

Особенностью правового режима ЗОУИТ в США является то, что на 2/3 он состоит из запретов. Так, почти на всех указанных выше территориях запрещено: проведение какой бы то ни было деятельности, в том числе предпринимательской и научно-исследовательской. Так, научная же деятельность может производиться лишь на территориях с открытым доступом (курортные охранные зоны, зоны охраны рыболовства и охоты, зоны охраны археологических и палеонтологических раскопок, зоны охраны исторического и культурного наследия).

В России избран несколько иной подход к правовому регулированию. Во-первых, как уже было отмечено выше, оно является многоуровневым. Базовые и обязательные для всех положения закрепляются на уровне федерального законодательства. В части правом регламентации наделены субъекты РФ, органы местного самоуправления. Конкретизация же правовых норм, то есть установление определенных ЗОУИТ, происходит на правоприменительном уровне. Именно на этом уровне определяются более конкретизированные ограничения, и именно этот уровень наиболее проблематичен в аспекте правоприменения, потому что в нашей стране недостаточно развит институт взаимодействия различных министерств и ведомств, наделенных сходными по объему полномочиями, в том числе применительно к установлению режима ЗОУИТ в отношении конкретной территории.

Помимо обязательных правил, соблюдение режима ЗОУИТ в России обеспечивается за счет установления ответственности за его нарушение, однако непроработанным остается вопрос о том, каким именно образом надлежит поступать в ситуации совпадения интересов различных субъектов применительно к конкретному земельному участку. В случае с частными, как физическими, так и юридическими лицами, вопрос разрешается однозначно в пользу государства или муниципальных образований, чьи интересы суды определяют как приоритетные. При конфликте интересов различных ведомств ситуация становится более сложной, особенно в свете чрезмерно большого количества нормативных правовых актов.

В США, абсолютно все зоны охраны не подпадают под регулирование законодательных актов, устанавливающих правовой режим проведения разведки и добычи полезных ископаемых, сельскохозяйственную деятельность, которые, как правило, объявляются приоритетными. Зоны охраны природы запрещены для посещения туристами и любых третьих лиц, за исключением лесничих и охраны леса и, по необходимости, представителей контролирующих органов. Влияние человека максимально исключается на эти зоны.

Невозможно и проведение никаких строительных и реконструкционных работ на территории любой из перечисленных охранных зон. Так, запрещено даже строительство каких-либо новых дорог, допускается только поддержание уже существующих, а там, где их нет, возможна прокладка временных дорог в зимнее время. В России, практика охраны и использования ряда ЗОУИТ подразумевает непосредственное проведение строительных и реконструкционных работ на их территориях. Более того, проведение реконструкционных и строительных работы может носить плановый характер, например, при проведении работ на трубопроводе, либо на железной дороге.

В России законодательство устанавливает ряд ограничений на строительство зданий и сооружений, загрязнение окружающей среды и ухудшение свойств охраняемых территорий [7].

В США, в охранных зонах подземных источников питьевой воды и водоносных горизонтов, питающих эти источники, также запрещается хозяйственная деятельность, кроме необходимой для поддержания качества питьевой воды. В этих зонах также запрещена сельскохозяйственная деятельность, а также хранение любых продуктов и товаров. Особенностью этих типов охранных зон является то, что они устанавливаются по мере необходимости, и для каждой охранный зоны разрабатывается план управления безопасностью. В этом плане и в разработанных после него правилах определяется перечень запретов и разрешений.

Правовой режим всех рассмотренных выше зон охраны, за исключением рыболовно-охотничьи зон и рекреационных зон устанавливается бессрочно федеральным законом США либо же законом отдельного штата. Характерно, что процедуры прекращения действия правового режима охранный зоны не предусмотрено, допускается лишь их изменение границ в большую сторону.

В соответствии с пунктом 22 статьи 106 ЗК РФ, ЗОУИТ в России устанавливаются либо бессрочно, либо на определенный срок. Срок внесения территории в статус ЗОУИТ, определяется непосредственно в момент надления территории статусом ЗОУИТ.

В США, рыболовно-охотничьи зоны или зоны рекреации могут быть преобразованы в какой-либо вид иных ох-

ранных зон, с последующим запретом на посещение данных зон иными лицами. Но любые изменения в статусе охранный зоны или изменение ее границ могут быть произведены только внесением изменений в закон, которым охранный зона была установлена.

Исключением из общего правила является создание охранных зон для подземных источников питьевой воды и питающих их водоносных горизонтов. Охраняемые территории такого типа устанавливаются исполнительной властью штата или округа по требованию любого гражданина, юридического лица, общественного объединения. Федеральный закон определяет, как создаются эти районы, и содержит требования к заявкам и планам управления охраняемыми районами, если таковые имеются. В заявлении о присвоении охраняемого статуса территории, на которой расположены источники питьевой воды, должны быть отражены:

- описание гидрогеологических характеристик подземных источников питьевой воды и питающих их пластов;
- определение подземного источника питьевой воды как единственного или основного в данной местности;
- количество жителей, использующих подземный источник питьевой воды;
- экономические, социальные и экологические преимущества использования подземных источников питьевой воды;
- границы предлагаемой охранный зоны и обоснование этих границ;
- предлагаемые процедуры привлечения общества к обсуждению проекта создания охранный зоны.

После проведения общественных слушаний и утверждения проекта создания и плана управления охранный зоной федеральные и муниципальные органы власти обязаны создать агентство, которое будет управлять охранный зоной, созданной из подземных источников питьевой воды и питающих водоносных горизонтов. Субъект управления обязан ежегодно отчитываться о выполнении разработанного плана охраны отведенной территории и о качестве питьевой воды. Срок, на который устанавливается охранный зона для подземных источников питьевых вод и питающих их водоносных горизонтов, определяется текущей потребностью. Другими словами, срок охраны в решении о создании зоны не определяется. Зона поддерживается только до тех пор, пока есть необходимость.

В Российской Федерации практика проведения общественных слушаний, в части надления территорий статусом ЗОУИТ отдельных территорий, предусмотрена градостроительным законодательством. В земельном законодательстве такие положения отсутствуют, что допустимо рассматривать как недостаток правового регулирования.

В целом практика участия общественности в установлении статуса ЗОУИТ является положительной. Однако подобный опыт для российской действительности требует детальной проработки. Учитывая некоторые виды ЗОУИТ, предусмотренные в ЗК РФ, трудно себе представить участие общественности в определении статуса территории военного объекта, либо зоны охраняемого объекта, либо зоны безопасности с особым правовым режимом и т.п.

Стоит также рассмотреть подход США к охране морской среды. Охрана морской среды невозможна без охраны побережья США. До сих пор действует Закон об управлении береговой зоной 1972 года [25]. Этот федеральный акт закрепляет разрешительный порядок хозяйственных мероприятий в прибрежных пространствах. Очевидно, что данный

закон был принят исходя из чрезвычайной уязвимости и в то же время ценности береговых полос, которые были официально установлены.

Реализуются программы комплексного развития и охраны береговых зон: выявлялись допустимые пределы использования природных богатств, резервировались пространства для федеральных нужд (глубоководные порты, природные резерваты, военные объекты), сложилась система контроля за использованием этих важных природных благ.

В законодательстве США и ряда штатов присутствует многоплановый термин «водный фронт». Так называется полоса суши, оканчивающаяся в бассейне различных водоемов. Он часто имеет экологическое значение и часто характеризуется далеко не низкой антропогенной нагрузкой от хозяйственной деятельности. Поэтому считается необходимым ограничить доступ на акваторию таких зданий, строений и сооружений, размещение которых не является необходимым с инженерной точки зрения. По экологическим и другим причинам это правило стало частью федерального законодательства США и законов штата.

Еще одна причина возникновения этого правила кроется в необходимости обеспечивать свободный доступ граждан к акватории. В этом смысле правило водного фронта похоже на береговую полосу общего пользования из Водного кодекса РФ (далее – ВК РФ) [3]. Существует и дополнительная причина эстетического свойства: не закрывать обзор вида рек и озер, заливов и гаваней сплошь застроенными берегами. Это правило действует главным образом по отношению к публичным землям, а при ряде условий распространяется на частные земли [26].

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов.

1. Придание территории статуса ЗОУИТ, как в России, так и в США предполагает принятие решения уполномоченным на то государственным органом. Следовательно, особый статус ЗОУИТ выделен не только в России. Потребность в особых зонах возникает и в иных странах, что было проиллюстрировано на примере США.

2. В Российской Федерации виды ЗОУИТ имеют смешанный характер, которые условно можно разделить на следующие группы:

– ЗОУИТ, не предполагающие никакого антропогенного воздействия (особо охраняемые территории, национальные парки, заповедники);

– ЗОУИТ, предполагающие осуществление хозяйственной деятельности в целях поддержания функционирования территорий (зоны охраны объектов культурного наследия, санитарные и санитарно-оздоровительные местности);

– ЗОУИТ, предполагающие непосредственную хозяйственную деятельность (строительство, реконструкцию и т.п.) и имеющую плановый характер такой деятельности (зона объектов электроэнергетики, зоны линий и сооружений связи и т.п.).

Непосредственно в законе данная классификация не закреплена, она выведена на основании совокупного анализа и толкования действующих норм права. Однако, с учетом того, что ограничения применительно к ЗОУИТ могут различаться в зависимости от того, допускается ли на их территории хозяйственная деятельность, каков возможный объем антропогенного воздействия или оно вообще не предполагается, такая классификация необходима, потому что в итоге ее на-

личие позволит систематизировать и упорядочить действующее законодательство.

В целях совершенствования российского законодательства предлагается разделить виды ЗОУИТ в статье 105 ЗК РФ в соответствии с предлагаемой классификацией. Это позволит более конкретно определить правовой статус отдельного вида ЗОУИТ и создать на этой основе, наиболее качественную систему их правового регулирования, охраны и использования.

2. Система нормативно-правовых актов, регулирующих ЗОУИТ в России, является достаточно многочисленной, в силу межотраслевого характера правового регулирования ЗОУИТ.

Цели установления ЗОУИТ перечисленные в статье 104 ЗК РФ являются достаточно обширными и в некоторых моментах взаимоисключающими. Например, цели обороны и безопасности, напрямую могут затрагивать сохранность культурных объектов и т.п.

В результате на практике нередко пересекаются взаимоисключающие интересы как публичных образований и организаций, так и частных интересов.

3. Сравнение норм российского и американского права позволяет утверждать, что правовое регулирование ЗОУИТ в США осуществляется непосредственно на уровне штатов и муниципалитетов, при этом не исключает федерального регулирования правового статуса ЗОУИТ. Штаты и муниципалитеты определяют виды ЗОУИТ, а также то, какие территории подпадают под статус ЗОУИТ, а какие нет.

Регулирование правового статуса ЗОУИТ в России имеет в большей степени межотраслевой характер, а также осуществляется преимущественно на федеральном уровне.

4. Анализ правоприменительной практики позволил сделать вывод о том, что в России в настоящее время присутствует дисбаланс публичных и частных интересов при установлении ЗОУИТ. Кроме того, наделение множества государственных органов исполнительной ветви полномочиями по установлению ЗОУИТ в отношении определенной территории порождает правоприменительные проблемы, пересечение интересов различных ведомств и создание ситуации различных требований к охране ЗОУИТ. Следовательно, законодательство России в данной части нуждается в совершенствовании за счет разработки универсального механизма установки режима ЗОУИТ в отношении определенных территорий, при которой изначально максимально учитывались бы все интересы, что в итоге сведет к минимуму риск возникновения спорных ситуаций.

5. Законодательство переходного периода в связи с изменением подхода к фиксации статуса ЗОУИТ за счет внесения сведений в Единый кадастр недвижимого имущества, не учитывает возможных проблем. Анализ судебной правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что необязательность в течение определенного периода произвести учет ранее установленных ЗОУИТ приводит к тому, что затрагиваются как частные интересы, когда часть территории ЗОУИТ располагается на земельном участке, находящемся в частной собственности, так и публичные. Применительно к публичным интересам проблема проявляется в том, что различные ЗОУИТ предполагают разные, а порой и взаимоисключающие ограничения. Выбор в пользу тех или иных, то есть как в пользу частных или публичных, или публичных, но предполагающих наличие разных субъектов правоотношений, не всегда основывается исключительно на нормах права, присутствует и момент усмотрения судов, что не всегда корректно. Подобный проблематичный подход нуждается в изменении.

Пристатейный библиографический список

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.
2. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // «Парламентская газета». - № 5-6. - 14.01.2005.
3. «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // «Российская газета». - № 121. - 08.06.2006.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // «Российская газета». - № 238-239. - 08.12.1994.
5. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // «Собрание законодательства РФ». - 14.01.2002. - № 2. - Ст. 133.
6. Федеральный закон «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» от 23.02.1995 № 26-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6001.
7. Постановление Правительства РФ от 07.12.1996 № 1425 (ред. от 05.06.2013) «Об утверждении Положения об округах санитарной и горно-санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов федерального значения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12652/cfc26c7dade7329fa045c1626747b4a7799bbe50/#dst100032.
8. Атаяр Д. Р. Расположение земельного участка, на котором планируется строительство, в зоне с особыми условиями использования территории // Вопросы устойчивого развития общества. - 2022. - № 7. - С. 216-221.
9. Башаева И. Ю. Понятие зон с особыми условиями использования территорий и их отличительные признаки // Отечественная юриспруденция. - 2020. - № 2 (41). - С. 13-18.
10. Горелова С. С., Лукьяненко А. В. Особенности правового регулирования зон с особыми условиями использования территорий // Кадастр недвижимости, геодезия, организация землепользования: опыт практического применения. Материалы всероссийской (национальной) заочной научно-практической конференции. - Барнаул, 2022. - С. 21-26.
11. Зиновьева О. П. О некоторых вопросах возмещения убытков, причиненных установлением, изменением зон с особыми условиями использования территорий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2022. - Т. 9. - № 1. - С. 80-86.
12. Золотова О. А. К вопросу о понятии и видах зон с особыми условиями использования территорий // Экологическое право. - 2020. - № 3. - С. 9-13.
13. Менис Е. В., Васильев А. А. Проблемы правового регулирования перераспределения земельного участка в границах зон с особыми условиями использования территорий (ЗОУИТ) // Аграрное и земельное право. - 2022. - № 8 (212). - С. 99-102.
14. Потапова Е. В., Красавцева М. С., Безбородова Ю. В., Макаров А. А. Зоны с особыми условиями использования и озелененные территории городов // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. - 2021. - № 1 (33). - С. 63-76.
15. Ушанов А. А., Румянцев Ф. П., Климова А. В. Теоретические и практические проблемы установления зон с особыми условиями использования территорий // Научное обеспечение отрасли растениеводства и землеустройства сельскохозяйственных предприятий. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции научно-педагогических работников и молодых ученых, посвященной 120-летию со дня рождения д.б.н., профессора Елены Петровны Куклиной-Хрушевой. - Нижний Новгород, 2022. - С. 135-139.
16. Федоскин Н. Н. Вопросы строительства и землепользования в зонах с особым условием использования территории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2022. - № 8-2 (71). - С. 156-158.
17. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 03.08.2020 № 02АП-3988/2020 по делу № А28-13648/2018 // СПС КонсультантПлюс.
18. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.11.2021 № Ф01-6360/2021 по делу № А79-6498/2019 // СПС КонсультантПлюс.
19. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2022 N 88-3659/2022 // СПС КонсультантПлюс.
20. Решение Верховного Суда РФ от 16.02.2022 № АКПИ21-905 // СПС КонсультантПлюс.
21. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2022 № 01АП-7286/2022 по делу № А39-11765/2021 // СПС КонсультантПлюс.
22. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 09.11.2022 по делу № А74-3105/2022 // СПС КонсультантПлюс.
23. Охрана природы и воспроизводство природных ресурсов. - 2008. - № 2. - С. 21-24.
24. Anderson S. D. Watershed Management... // Boston Coll. Environ. Aff. Law Rev. - 1999. - 26. - № 2. - S. 339-386.
25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legcounsel.house.gov/Comps/Coastal%20Zone%20Management%20Act%20of%201972.pdf>.
26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leg.state.fl.us/statutes/index.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0200-0299/0253/Sections/0253.141.html.
27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coastal.ca.gov/>
28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oregon.gov/lcd/Commission/Pages/index.aspx>.
29. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.leg.state.fl.us/statutes/i№dex.cfm?App_mode=Display_Statute&URL=0200-0299/0253/Sections/0253.141.html.
30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coastal.ca.gov/>
31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oregon.gov/lcd/Commission/Pages/index.aspx>.
32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gencourt.state.nh.us/rsa/html/nhtoc/nhtoc-l-483-b.htm>.
33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.legis.wisconsin.gov/code/admin_code/Nr/100/115.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

МИШИНА Алина Андреевна

студент Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ЖИЛЬЕ НА ПРИМЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИМ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

В данной статье рассматриваются положения по соблюдению конституционного права человека и гражданина на жилье. В исследовании рассматриваются отечественное законодательство, федеральные и региональные целевые программы, и нормы жилой площади при обеспечении жильем молодых семей. В работе определяются особенности получения жилья для данной категории граждан, а также выявляются основные проблемы при реализации такого права. В статье приводятся примеры консервации жилых помещений и длительного отказа органов местного самоуправления от их предоставления нуждающимся семьям по договорам социального найма. Кроме того, делается попытка поиска путей для решения проблемы содействия со стороны государства по решению проблемы обеспечения жилой площадью рассматриваемой категории граждан.

Ключевые слова: конституционные права, молодые семьи, право на жилище, областная целевая программа, судебная практика.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

MISHINA Alina Andreevna

student of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROBLEMS OF OBSERVANCE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF A PERSON AND A CITIZEN TO HOUSING BY THE EXAMPLE OF PROVIDING THEM TO YOUNG FAMILIES

This article discusses the provisions on the observance of the constitutional right of a person and a citizen to housing. The study examines domestic legislation, federal and regional targeted programs, and living space standards when providing housing for young families. The paper defines the features of obtaining housing for this category of citizens, as well as identifies the main problems in the implementation of such a right. The article provides examples of the conservation of residential premises and the long-term refusal of local governments to provide them to needy families under social employment contracts. In addition, an attempt is being made to find ways to solve the problem of assistance from the state to solve the problem of providing living space for the category of citizens in question.

Keywords: constitutional rights, young families, the right to housing, regional target program, judicial practice.

Каждая создаваемая вновь семья мечтает о собственном жилье, в котором можно обустроить свой быт, растить детей и даже в морально-психологическом аспекте – создать для себя и своих близких необходимый микроклимат.

В России основной закон страны в нормах ст. 40 закрепляет за каждым гражданином право на жилище и указывает, что никто не может быть произвольно лишен своего жилища. Это означает, что каждому гражданину гарантирована законом возможность быть обеспеченным постоянной жилой площадью, ее неприкосновенность. Кроме того, данная норма предполагает возможность улучшения жилищных условий. При этом государственные органы на местах, так же как и органы местного самоуправления, должны создавать условия для жилищного строительства, а для малоимущих и иных категорий населения, относимых к понятию нуждающихся, предоставлять жилье из жилищного фонда по договорам социального найма.

Однако, нормами Конституции и других федеральных законов не оговорена обязанность государства обеспечивать граждан жильем. Свобода действий в отношении обустрой-

ства и право на жилище говорит о том, что любое лицо за свой счет, либо с привлечением средств государственного субсидирования имеет возможность арендовать, производить обмен, строить, приобретать для себя жилье (квартиры или дома).

Сегодня одной из наиболее незащищенных категорий населения в сфере жилья являются молодые семьи. Именно поэтому решение различных жилищных проблем данной категории семей – приоритетная задача органов государственной власти.

Качественный уровень жизни молодых семей, их жилищная обеспеченность и благоустроенность, как и прочие факторы, влияют на демографическую ситуацию региона и страны. Если ранее, в советский период все граждане могли рассчитывать на жилье из государственного фонда, то, к сожалению, на сегодняшний день большинству, в том числе и молодым семьям, приходится приобретать жилплощадь за собственные денежные средства.

На основании анализа возможностей соблюдения конституционного права на жилище, направленных на обеспечение жильем молодых семей, необходимо сфор-

мировать основные проблемы, возникающие при приобретении жилища, а также выдвинуть способы их преодоления.

Стоит отметить, что молодой семьей признается семья, после заключения брака которой не прошло три года (в случае если в семье были рождены дети, то на продолжительность брака государство не накладывает ограничение), при условии, что, хотя бы один из супругов моложе тридцатипятилетнего возраста. Также неполные семьи, состоящие только из матери или отца, которые моложе тридцати пятилетнего возраста [1].

Согласно этому определению, многие семьи, признанные в соответствии с законодательством молодыми, находятся в экономически неблагоприятном положении в силу своего возраста и, как следствие, не имеют в собственности жилья.

Итак, теперь обратимся к конкретным примерам решения данных проблем. Решать жилищные проблемы молодых семей помогают средства, заложенные в подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2020-2025 годы. В конкретном регионе примером таких программ может стать подпрограмма «Государственная поддержка молодых семей в улучшении жилищных условий на территории Рязанской области» и областная целевая программа «Жилище» на 2020-2025 годы [2].

Современные разработки и программы по поддержке молодых семей и семей с детьми устанавливают следующие основные задачи:

- 1) создание благоприятных условий для развития строительства жилья эконом класса в увеличенных масштабах;
- 2) увеличение доли обеспеченных жильем молодых семей с помощью содействия росту строительства жилых многоквартирных домов, а также путем совершенствования условий предоставления субсидирования и ипотечного кредитования для данной категории граждан;
- 3) обеспечение соответствия имеющихся жилищных условия молодых семей установленными стандартами (42 квадратных метра для семьи из двух человек, 18 квадратных метров на каждого члена семьи численностью 3 человека и более).

Исходя из данного примера, следует сказать о том, что Рязанская область проводит активную социальную политику по поддержке молодых семей в вопросе решения жилищных проблем.

С другой стороны, в регионе достаточно много «законсервированных» жилых помещений, которые могли бы использоваться по назначению, то есть для обеспечения нуждающихся в жилой площади. Однако, на протяжении длительного периода времени, который в отдельных случаях исчисляется уже десятилетиями, такое жилье остается невостребованным, несмотря на то, что оно не приватизировано, а значит не имеет иных собственников, кроме государственных структур.

Если не учитывать все специфические условия, обозначенные в региональной подпрограмме, то граждане должны соответствовать принципу нуждаемости в жилье, который

закреплен в статье 51 Жилищного Кодекса Российской Федерации [3, с. 231]:

1. Граждане проживают в квартире, с недостаточной площадью, не соответствующей размерам, положенным им по социальным нормам.
2. Лица не являются нанимателями жилья, не обладают собственной жилплощадью, полученной по договору найма.
3. Помещение, где живут граждане, не соответствует требованиям безопасности, санитарным нормам и т.д.
4. Один из жильцов страдает тяжелым психическим или инфекционным заболеванием, которое делает проживание других граждан с ним опасным.

Анализируя всё ранее сказанное, можно сделать вывод, что в области законодательного закрепления данные положения значительно облегчили бы жизнь гражданам, которые попадают в категории, перечисленные в статье 51 Жилищного Кодекса Российской Федерации, однако, при реализации на практике, молодые семьи сталкиваются с рядом серьезных проблем.

1) Старение молодых семей. Большое количество молодых родителей, желающих воспользоваться действующей программой, ожидает годами своей очереди. Когда она подходит, то они уже не являются молодыми, так как их возраст превышает 35 лет и их исключают из программы. Но эти действия являются неправомерными.

Если семья отвечала всем критериям, в том числе возрастному, на момент включения в список претендентов на получение социальной выплаты в планируемом году, то последующее исключение до получения социальной выплаты из-за превышения возраста в 35 лет, законом не предусматривается.

Обратимся к судебной практике. Например, Верховный Суд РФ по делу № 89-АПГ12-4 от 26.12.2012 определил решение Тюменского областного суда от 4 октября 2012 года отменить и принять по делу новое решение, которым отказать в удовлетворении заявления Л. Е. Кудрявцевой, поданного в своих интересах и в интересах несовершеннолетних детей Г. А. Кудрявцева и М. А. Кудрявцева, о признании недействующим пункта 6.4.1 Положения о порядке предоставления социальных выплат молодым семьям на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома, утвержденного постановлением Правительства Тюменской области от 23 марта 2011 года № 78-п «Об утверждении Положения о порядке предоставления социальных выплат молодым семьям на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального жилого дома» (в редакции постановления Правительства Тюменской области от 13 февраля 2012 года № 39-п) [4]. Нарушенные права были восстановлены.

2) Правовая неграмотность населения. Многие молодые семьи не проинформированы о том, что действуют различные программы по поддержанию данной категории семей, например, «Жилище», «Обеспечение жильем молодых семей» и т.д. И соответственно, из-за не информированности граждане не имеют возможности воспользоваться условиями государственной программы.

Хочется отметить, что формирование доступной системы правового информирования могло бы оказать действительную помощь для таких семей. Ведь из-за незнания не только своих прав, но и отсутствия информации о действующих программах по, например, льготному кредитованию, семьи с детьми и вновь созданные семьи могли бы позволить себе улучшить свои жилищные условия [5, с. 60].

3) Необоснованный отказ в обеспечении жильём молодых семей. Достаточно часто органы местного самоуправления для экономии бюджетных средств отказывают семьям по формальным причинам, не учитывая индивидуальную ситуацию каждой отдельной семьи. Также подобные действия могут быть связаны с коррупционной составляющей, либо минимальным количеством мест, предоставляемых для реализации таких возможностей в течение определенного календарного периода.

Таким образом, жилищная проблема всегда была одной из самых острых проблем для молодежи России. В прошлом все граждане получали жилье из государственного фонда, сейчас же многим из них приходится покупать жилье на собственные денежные средства или вступать в программы ипотечного кредитования на длительный период времени, что лишает такие семьи возможности для развития детей, создания возможностей регулирования вопросов поездок для оздоровления и отдыха и многое другое.

Как слабо защищенной категории населения, молодым семьям государство предоставляет возможность реализовать своё право на жилье через государственную программу «Молодая семья» и ряд региональных подпрограмм. Однако, такие программы действуют не во всех регионах и для того, чтобы попасть в такую программу требуется достаточно большой пакет документов, а количество мест программы весьма скромное.

Тем не менее, на практике молодые семьи встречаются с большим количеством проблем, для решения которых, мы предлагаем:

– совершенствовать процесс правового информирования и просвещения молодых семей, посредством оповещения через Официальный интернет-портал Российской Федерации «Госуслуги» о принятии органами местного самоуправления программ и возможностях получения льгот для приобретения жилья;

– усилить контрольно-надзорные мероприятия в сфере нарушения конституционного права молодых семей на получение жилья;

– организовать учет свободных квартир и иных жилых помещений, пригодных для использования по назначению, для обеспечения таким жильем нуждающиеся молодые семьи и семьи с детьми, на основании договоров социального найма. Учет такого жилья вести с обновлением перечня жилых помещений не менее раза в год.

Стоит учесть, что наличие жилплощади является одним из главных условий не только для создания семьи, но и появления в таких семьях детей. Это подтверждают и данные Росстата. Согласно им только в 2022 году из-за отсутствия

нормальных бытовых условий распалось более 10 % семей, а по причине бедности 33 % [6].

Пристатейный библиографический список

1. Программа молодая семья 2022, что надо знать. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/5bf68c3e9a79475a8f12a80d> (дата обращения: 14.01.2023 г.).
2. Семейная политика. Социальная сфера города Рязани. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://admrzn.ru/gorodskaya-sreda/programmy/zhilishnye-programmy/obespechenie-zhilem-molodyh-semej?ysclid=lcvtnpf9xq169455605> (дата обращения: 14.01.2023 г.).
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 14.01.2023 г.).
4. Определение Верховного суда РФ по делу от 26.12.2012 № 89-АПГ12-4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70307000/> (дата обращения: 14.01.2023 г.).
5. Ананьева Е. О. Формирование доступной системы правового информирования и оказания правовой помощи различным категориям граждан РФ // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2018. – № 11. – С. 54-61.
6. Статистика разводов и браков в России 2021-2022: таблицы по годам и регионам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://top-rf.ru/places/149-braki-razvody.html> (дата обращения: 14.01.2023 г.).

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна

магистрант юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

КЛЕВЦОВ Максим Иванович

магистрант юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЗНАЧЕНИЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В данной статье рассматривается роль географических информационных технологий – как результата цифровизации – в земельном управлении, установлении и предотвращении земельных правонарушений и рассмотрении земельных споров. Технологии ГИС позволяют оптимизировать данные процессы, экономить ресурсы и время уполномоченных органов и должностных лиц, а также предоставляют инструменты для справедливого и правомерного разрешения споров.

Ключевые слова: административное обследование, ГИС, геоинформационные технологии, границы земельных участков, земельные споры.

OLOVYANNIKOVA Alexandra Sergeevna

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

KLEVTSOV Maxim Ivanovich

magister student of the Institute of Law of the I. S. Turgenev Oryol State University

THE IMPORTANCE OF GEOINFORMATION TECHNOLOGIES IN THE REGULATION OF LAND LEGAL RELATIONS

This article examines the role of geographic information technologies – as a result of digitalization – in land management, the establishment and prevention of land offenses and the consideration of land disputes. GIS technologies make it possible to optimize these processes, save resources and time of authorized bodies and officials, provide remedies for fair and lawful dispute resolution.

Keywords: administrative survey, GIS, geoinformation technologies, land boundaries, land disputes.

Географическая информационная система – ГИС – помимо иного полезного инструментария, предоставляет широкие возможности для определения расположения объектов на местности. С помощью ГИС можно получить представления о различных пространственно-координированных явлениях [5, с. 352].

Естественно, что данные информационные технологии получили широкое распространение в сферах землеустройства и управления земельными ресурсами, кадастровой деятельности, картографии и градостроительства. Нельзя представить, чтобы современные реестры – в том числе ЕГРН – велись без учёта данных ГИС. Геоинформационные технологии позволяют создавать цифровые карты и планы местности, а также проводить мониторинг земель. По результатам последнего составляются соответствующие отчётные документы и тематические карты, направляемые в уполномоченные государственные органы.

ГИС также является базой данных о разнообразных объектах, позволяя осуществлять земельное управление и предоставляя инструменты для ведения земельного кадастра. Ориентируясь на данные ГИС, компетентные органы могут осуществлять оценку земель, прогнозирование и планирование развития земледелия на местности, а также моделирование рационального землепользования и охрану земельных ресурсов [5, с. 354].

При этом следует понимать, что кадастровая деятельность, землеустройство, учёт и мониторинг земель предполагают не только непосредственное использование геоинформационных систем, но и требуют дополнительных функций, позволяющих устанавливать, фиксировать и хранить многие атрибутивные параметры земельных участков, учитывать из-

менения, производимые на них со временем. Геоинформационные технологии в рамках земельных правоотношений не существуют в отрыве от рынка земель и экономической оценки земельных участков – кроме того, при рассмотрении земельных споров нередко имеет существенное значение «история» спорного земельного участка.

Тем более если учитывать, что информация о земельных участках «динамична»: она может меняться вследствие возникновения природных катаклизмов, аварий, границы участков деформируются, меняются собственники, возводятся новые и сносятся старые постройки и т.д. – в результате бумажная фиксация сведений о земельных участках быстро теряет актуальность и крайне неудобна для передачи между уполномоченными органами.

На данный момент сведения, полученные из ГИС, экспортируются в другие системы – и впоследствии обрабатываются в комплексе. Нередко уполномоченные лица обращаются с запросом к операторам/другим органам власти для получения интересующей их информации – тем не менее, следует понимать, что получение сведений таким методом является достаточно времязатратным.

Однако в целях оптимизации процессов, задействующих технологии ГИС, идёт активная разработка специализированных систем, позволяющих соединить эффективность ГИС и функции, необходимые для кадастрового учёта/мониторинга/прогнозирования и т.д., чтобы решать разнообразные задачи, стоящие перед правоприменителем.

В сущности, повышение эффективности организации землеустройства и земельного надзора на данном этапе напрямую связано с применением прогрессивных информационных технологий, обеспечивающих достоверность и

точность информации о земельных объектах – причём, как пространственной, представляющей возможность составить впечатление о местоположении объекта, так и иной важной (в том числе для суда и специализированных органов) информации.

Информация, предоставленная ГИС, наглядна, автоматизирована, она подлежит быстрому внесению корректировок и, кроме того, она не зависит от уровня квалификации проектировщика, в отличие от планов местности и карт земельных участков, составленных традиционными методами. Ещё одним неоспоримым достоинством ГИС является удобство поиска нужного объекта [6, с. 19].

В ходе земельного мониторинга возможно получение информации двух основных видов – общей и оперативной. Общая информация используется для осуществления планового учёта земель, она более «стабильна»; оперативная – для предотвращения и устранения земельных правонарушений. ГИС может предоставить самую оперативную информацию для осуществления инспекторской проверки в рамках риск-ориентированного подхода, благодаря чему инспектор способен отследить факт самовольного захвата земельного участка, анализируя данные дистанционного зондирования – в таком случае ему даже не требуется выезжать на местность для установления правонарушения [4, с. 156].

При этом под риск-ориентированным подходом принято понимать такой подход в осуществлении проверок, в соответствии с которым составляется перечень объектов, подлежащих проверке – данные объекты являются подверженными риску, – и данные объекты «проверяются» посредством применения наиболее эффективных, оперативных и экономичных с точки зрения временных затрат методов.

В результате органы земельного надзора получают удобный инструмент для быстрого реагирования на совершение правонарушения, вследствие чего нарушители быстрее привлекаются к ответственности, а собственники земельных участков вправе рассчитывать на более оперативное устранение негативных факторов, препятствующих использованию земельного участка.

Тем не менее, следует понимать, что не вся информация, предоставленная геоинформационными системами, является оперативной – она может обрабатываться в течение нескольких дней (вплоть до года). Зачастую получение более детальных, быстрых и точных снимков в высоком разрешении местности требует более высоких бюджетных вложений регионов, а потому используется сравнительно редко, учитывая экономически неблагоприятную ситуацию во многих субъектах Российской Федерации [7, с. 95]. В результате прогрессивные способы ведения земельного мониторинга и надзора не используются ввиду отсутствия достаточных источников их финансового обеспечения – применение менее эффективных средств становится вынужденной мерой.

Более того – важно учесть, что земельных объектов, подлежащих проверке в рамках риск-ориентированного подхода, также достаточно много, что, в свою очередь, вновь означает сложность реализации прогрессивных методов мониторинга в условиях ограниченных финансовых возможностей.

Административное обследование на основании данных, полученных с помощью применения ГИС, осуществляется в следующем порядке: по факту получения соответствующей информации проводится проверка (при возможности – дистанционными способами); уполномоченные должностные лица – в случае необходимости – запрашивают у операторов

ГИС нужные сведения; далее, в ходе дистанционного обследования, выносится решение о наличии либо отсутствии признаков правонарушения. В результате экономится время, которое бы затрачивалось на выездные проверки, и повышается эффективность деятельности уполномоченных инспекторов, соблюдается законность в сфере земельного и гражданского законодательства [4, с. 157]. Дистанционное зондирование земли (сокращённо – ДЗЗ) предоставляет возможности для установления факта неправомерного использования земельного участка.

Геоинформационные технологии способствуют и разрешению споров в судебном порядке – в особенности, если предметом спора является самовольная постройка или самовольный захват участка. Посредством сопоставления информации из Публичной кадастровой карты (ПКК) и данных ГИС можно выявить, в каком случае постройки нарушают границы ПКК и не соответствуют разрешённому использованию земель. При наличии нарушений лица, осуществившие самовольный захват участка, подлежат привлечению к административной ответственности (например, по ст. 7.1 КоАП РФ), а постройки – сносу [1, с. 36].

Геоинформационные технологии актуальны и при рассмотрении споров о реестровых ошибках. Поскольку выписка из ЕГРН является единственным прямым подтверждением права собственности на объект недвижимости, при наличии ошибок в записи ЕГРН, в том числе связанных с площадью и границами земельного участка, процедура доказывания права собственности становится гораздо сложнее [2, с. 135].

Со спорами о реестровых ошибках тесно связаны споры об установлении границ земельных участков. Высокая доля последних обусловлена тем, что границы земельных участков неправильно привязали к местности: причина состоит в том, что кадастровые работы на участке проводились до применения ГИС – в результате границы участка были установлены в местной системе координат, а не в государственной.

Для установления границ земельных участков в рамках судебных споров существенное значение имеют геоинформационные технологии. Дистанционное зондирование особенно удачно при проведении процедуры установления и уточнения границ земельных участков – оно способно измерить и рассчитать площадь многоконтурных земельных участков либо земельных участков неправильной формы, многочисленных либо крупных земельных участков одного собственника, измерения которых на местности требуют существенных временных и ресурсных затрат. Следует чётко понимать, что при отсутствии геоинформационных технологий для проведения подобного объёма работ понадобилось бы задействовать нескольких инспекторов, потратить не один день на проведение проверки, а также столкнуться с риском неточностей и погрешностей при осуществлении измерений на «проблемных» земельных участках.

В результате суду и иным уполномоченным органам гораздо проще установить факт реестровой ошибки, устранить ошибку, допущенные при межевании земель, установить правомерность/неправомерность землепользования, внести корректировки в ЕГРН и т.п.

Так, Ставропольским районным судом рассматривалось дело об установлении границ земельного участка и о признании наличия ошибки в сведениях ЕГРН. Для установления фактических границ земельного участка истца использовались материалы аэросъёмки ГИС «Планета». Дом снимался системой ежегодно с 2008 по 2020 год. В результате были

выявлены ошибки, допущенные кадастровым инженером и включённые в ЕГРН. Суд удовлетворил иск и признал новые, уточнённые границы земельного участка истца¹.

Кроме того, данные ГИС нередко используются в спорах об установлении кадастровой стоимости участков. Например, Алтайский краевой суд рассматривал дело, в ходе которого истец требовал ответчика (Росреестр) установить кадастровую стоимость участка равную его рыночной стоимости, ссылаясь на местоположение участка в центре города, подтверждая это сведениями из Дубль-ГИС и доказывая, что участок расположен в культурно-историческом районе города. В результате суд удовлетворил требования истца².

Применение географических информационных технологий во всех аспектах земельного регулирования является крайне перспективным. На данном этапе идёт разработка проектов цифрового землеустройства, позволяющего привязать и оптимизировать работу всех земельных объектов с применением технологий ГИС, САПР, ИКТ, для принятия оперативных проектных и управленческих решений [3, с. 105].

Таким образом, геоинформационные технологии обеспечивают ряд преимуществ при регулировании земельных правоотношений и рассмотрении земельных споров:

- технологии ДЗЗ предоставляют возможность проводить внеплановые инспекторские проверки дистанционными способами, оперативно выявлять факты земельных и гражданских правонарушений, привлекать правонарушителей к ответственности, существенно оптимизируя механизм административного обследования;

- ГИС способствуют более точному установлению границ земельных участков, выявлению ошибок межевания земель, наглядно указывают на допущение реестровых ошибок;

- при сопоставлении данных ППК и ГИС появляется возможность быстрого выявления фактов самовольного захвата земель, возведения самовольных построек, нарушения разрешённого использования земель.

Пристатейный библиографический список

1. Буклагин Д. С. Применение геоинформационных технологий и систем в землеустройстве // Информационные технологии, системы и приборы в АПК. АГРОИНФО-2021: Материалы 8-й Международной научно-практической конференции, р.п. Краснообск, 21-22 октября 2021 года. – Краснообск: Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий Российской академии наук, 2021. – С. 33-41.
2. Гусейнов Р. Г. Реестровые ошибки: правовая природа и актуальные проблемы // Лучшая студенческая статья 2020, сборник по материалам конференции. – 2020. – С. 134-136.
3. Папаскири Т. В. Аспекты цифрового землеустройства // Землеустройство, геодезия и кадастр: прошлое - настоящее - будущее: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию землеустроительного факультета, Горки, 25-27 сентября 2019 года. – Горки: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 2020. – С. 101-122.
4. Сергеева О. С. Применение геоинформационных технологий для повышения эффективности земельного надзора // Географический вестник. – 2019. – № 4. – С. 154-162.
5. Тырова А. С. Использование ГИС-технологий в землеустройстве и земельном кадастре // Управление объектами недвижимости и развитием территорий: Сборник статей международной научно-практической конференции, Саратов, 15 декабря 2017 года. – Саратов: ООО «Центр социальных агроинноваций СГАУ», 2017. – С. 352-355.
6. Шафиева Э. Т., Ермолаева М. Х. Использование ГИС-технологий в землеустройстве // NovaInfo.Ru. – 2018. – Т. 1. – № 93. – С. 18-22.
7. Юдин Е. А. Геоинформационные системы и их роль в землеустройстве // Вестник факультета землеустройства Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2016. – № 2. – С. 94-97.

1 Решение Ставропольского районного суда Самарской области № 2-1585/2019 2-590/2020 2-590/2020-М-23/2020 М-23/2020 от 5 февраля 2020 г. по делу № 2-1585/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/Rwo7b9aJFM6W/?regulartxt=ГИС®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo=Статья+7.1.+Самовольное+занятие+земельного+участка%28КОАП%29®ulardate_from=®ulardate_to=®ularworkflow_stage=®ulararea=®ularcourt=®ularjudge=&_id=1665679107100&snippet_pos=3478#snippet (дата обращения: 14.12.2022).

2 Решение Алтайского районного суда города Барнаул № 3А-850/2020 3А-850/2020-М-763/2020 М-763/2020 от 2 ноября 2020 г. по делу № 3А-850/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/19NwahgId7Qq/?regulartxt=земельный+участок+ГИС®ular-case_doc=®ularlawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ularworkflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1671015590905&snippet_pos=2994#snippet (дата обращения: 14.12.2022).

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного Федерального Университета

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного Федерального Университета

ПОНОМАРЁВ Олег Владимирович

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Дальневосточного Федерального университета

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕРЕЧЕНСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА)

Фундаментом основных сфер жизни муниципальных образований выступает прежде всего местный бюджет. Если в этом непрерывном процессе произойдут проблемы, сбой это прежде всего негативно скажется на состоянии всего общества. Для недопущения таких последствий необходимо регулярно совершенствовать формирование, а также исполнение бюджетов муниципальных образований, так это выступает первоочередной задачей для всех уровней власти.

Ключевые слова: местный бюджет, дефицит, формирование бюджета, исполнение бюджета, мобилизация доходов, оптимизация расходов.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student bachelor of the 3rd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

DERENDYAEVA Sophia Dmitrievna

student bachelor of the 3rd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

PONOMAREV Oleg Vladimirovich

senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Far Eastern Federal University

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE FORMATION AND EXECUTION OF THE MUNICIPAL BUDGET (ON THE EXAMPLE OF THE DALNERECHENSK CITY DISTRICT)

The foundation of the main spheres of life of municipalities is primarily the local budget. If problems and failures occur in this continuous process, this will primarily negatively affect the state of the entire society. To prevent such consequences, it is necessary to regularly improve the formation and execution of municipal budgets, as this is a priority task for all levels of government.

Keywords: local budget, deficit, budget formation, budget execution, revenue mobilization, cost optimization.

Стоит начать, с того, что бюджет Муниципального образования необходимо представить так, есть доходная часть бюджета, то есть те поступления, которые поступают на соответствующий счет муниципального образования, а также есть и расходная часть бюджета, то есть те обязательства, которые должно выполнить муниципальное образование, используя бюджетных средств.

Что касается составления и утверждения бюджетной части городского муниципального образования, то каждое образование в независимости от того, будь то сельская местность или поселение городского типа или муниципальный округ, каждое из этих образований будет обладать своим бюджетом, то есть своими персонализированными доходами и своими собственными расходами. Но не стоит забывать о том, что преследуется и некоторая взаимосвязь между уровнями бюджетов различных образований, так и взаимосвязь бюджетов Российской Федерации и её субъектов.

Если говорить о целях существования местного бюджета, то прежде всего он должен финансировать те обязательства, которые существуют у муниципального образования, если упрощать, то по сути расходную часть бюджета муниципального образования можно описать через те вопросы местного значения, которые закреплены за муниципальным образованием.

Что касается структуры, то структуру местного бюджета составляют доходная и расходная часть. В законодательстве нет точного описания из чего состоит расходная часть, а вот доходная часть напротив, описывается детально.

Прежде всего стоит заметить, что ст. 56 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не предоставляет точного перечня тех доходов или тех источников, которые соответствуют муниципальному бюджету, взамен этого есть бланкетные нормы, которые нас отсылают на налоговое законодательство, бюджетное законодательство и прочие законодательства, посвященные обязательным платежам, поскольку бюджет муниципальное образование это комплексный институт, который находится одновременно в нескольких отраслях права, здесь и налоговое и муниципальное и иное законодательство.

Доходная часть прежде всего формируется за счёт налоговых доходов – к ним в первую очередь относятся сборы и местные налоги, а также штрафы и различные налоговые неустойки в виде налоговой пени, и на основе неналоговых доходов, к которым относятся, например, доходы от продажи земельного участка. Безвозмездные поступления, выражающиеся в форме межбюджетных трансферт [4, с. 54].

Бюджетный кодекс выделяет три большие группы расходов местных бюджетов, это вопросы местного значения и иные во-

Таблица 1. Основные показатели бюджета города Дальнереченска [5]

Показатели бюджета	2022 год
Доходная часть	710 868 163,67 руб.
Расходная часть	686 165 320,17
Дефицит (млн рублей)	24 702 843,50 руб.

просы, решаемые органами местного самоуправления, отдельные государственные полномочия, переданные органам местного самоуправления, договоры, которые были заключены от лица образования муниципальными казенными учреждениями.

А также стоит отнести к разделам расходной части средств муниципального бюджета: общегосударственные вопросы, национальная оборона, национальная безопасность и правоохранительная деятельность, национальная экономика, жилищно-коммунальное хозяйство, охрана окружающей среды, образование, культура, кинематография, здравоохранение, социальная политика, физическая культура и спорт, средства массовой информации.

В современных реалиях практически все бюджеты местного значения дефицитные, проблема в преобладании расходов над доходами [1, с. 134].

Чтобы ликвидировать процесс дефицита следует применять ряд мер.

Применение таких мер прежде всего состоит в острой адаптации сложившейся экономики образования под непрерывно изменяющиеся запросы муниципального образования.

При анализе бюджета муниципального образования были рассмотрены различные направления и вариации усовершенствования бюджета Дальнереченского Городского округа.

Данный тип мер позволит: 1) повысить результаты в области управления бюджетным процессом; 2) запустить все механизмы, направленные на улучшение бюджета; 3) поднять эффективность реализации местных бюджетов.

Анализируя доходную и расходную часть Дальнереченского Городского округа, можно прийти к выводу, что за отчетный период (2022 год) бюджет города является дефицитным [2]. (См. Табл. 1.)

Для того, чтобы привести бюджета в Дальнереченска в состояние «баланса» следует обратиться к статистическим данным, из которых можно сделать вывод, что необходимо проведение определённого перечня мероприятий.

Таких как:

1) Отчисление подоходного налога.

Город Дальнереченск, на сегодняшний день имеет проблему массового оттока населения в более крупные и развитые города, многие жители покидают город с целью повышения уровня и качества своей жизни, поэтому поступления подоходного налога зачисляются не в бюджет Дальнереченска, а например в столицу Приморского края г. Владивосток.

Основной перечень услуг проживающие города Дальнереченска могут получить по месту своего жительства, в связи с этим происходит некий дисбаланс, к решению которого можно подойти, прибегнув к помощи отчислений подоходного налога по месту жительства.

2) Следует сделать акцент на постоянном и непрерывном мониторинге муниципальной собственности.

3) Провести ряд мероприятий, благодаря которым происходит значительное повышение арендных поступлений от муниципальной собственности и увеличение арендных площадей.

На данный момент арендная плата за сдачу муниципального имущества составляет в среднем около 44 тыс. рублей за квадратный метр, что в свою очередь почти в 1,5 раза меньше, чем цена у собственников.

4) Стоит провести оптимизацию бюджетной сети муниципальных учреждений и их штатной численности.

На данный момент, в Дальнереченском городском округе выделен Дальнереченский муниципальный район [3], который имеет большой дефицит в бюджете, что не даёт возможности реализовать ряд программ, которые бы смогли поднять уровень города. Таким образом, нужно провести мероприятие по объединению 2-х административных аппаратов, сократить штат, и таким образом сможем сэкономить значительную часть бюджетных средств города Дальнереченска.

Таким образом, используя все вышеуказанные способы по улучшению доходной и расходной частей бюджета позволят:

– в значительной степени повысить финансовое состояние г. Дальнереченска;

– применять эффективные механизмы по управлению бюджетным процессом города Дальнереченска;

– активизировать оздоровление финансов города.

В конечном итоге, данные мероприятия приведут если не бездефицитному состоянию бюджета города Дальнереченска, то приблизят Дальнереченский Городской округ к балансу в доходной и расходной части.

Пристатейный библиографический список

1. Богославцева Л. В. Муниципальные бюджеты в условиях реформирования местного самоуправления: учебное пособие. — М-во образования Рос. Федерации, Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2011. — 263 с.
2. Официальный сайт Дальнереченского Городского округа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dalnerokrug.ru/>.
3. Официальный сайт Дальнереченского Муниципального района» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dalmdr.ru/node/2452>.
4. Соломко И. М. Организация бюджетного процесса: учебник. — М.: КноРус, 2013. — 160 с.
5. Решение Думы Дальнереченского городского округа № 118 от 24.11.2022 года Отчет об исполнении бюджета Дальнереченского городского округа за 9 месяцев 2022 года.
6. Источник: Официальный сайт Дальнереченского городского округа. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dalnerokrug.ru/>.

ШУЛЬГА Анастасия Алексеевна

студент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШИЛЬДТ Лилия Абулаисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Продуктивным макроэкономическим инструментом вовлечения отечественных, иностранных вложений в государственную экономику, повышения ее конкурентоспособности является развитие особых экономических зон (далее – ОЭЗ) как приоритетное течение формирования государств. Экономическое формирование в государстве продвигается в кластерах интенсивного развития, где трейдерам предлагаются льготные условия ведения деятельности. В статье проведена оценка тенденций инвестиций в ОЭЗ, изучено влияние пандемии коронавирусной инфекции на ОЭЗ Российской Федерации.

Ключевые слова: свободная экономическая зона, инвестиции, иностранные инвестиции, инвесторы, резиденты, льготный налоговый режим, Covid-19.

SHULGA Anastasiya Alexeevna

student of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

SHILDT Liliya Abulaisovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

ASSESSMENT OF FOREIGN INVESTMENT TRENDS IN SPECIAL ECONOMIC ZONES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The advance of special economic zones (hereinafter referred to as SEZ) is a productive macroeconomic tool for involving domestic and foreign investments in the state economy, increasing its competitiveness as a priority course of the formation of states. Economic formation in the state is progressing in clusters of intensive development, where traders are offered preferential conditions for doing business. The article evaluates investment trends in the SEZ, examines the impact of the coronavirus pandemic on the SEZ of the Russian Federation.

Keywords: special economic zone, investments, foreign investments, investors, residents, preferential tax regime, Covid-19.

Главным инструментом инновационного развития считается особая экономическая зона. ОЭЗ – независимая часть территории страны, располагающаяся за пределами таможенной зоны страны, на которой действует особый льготный режим налогообложения. В Российской Федерации развивается 42 особых зоны, содействующие привлечению капиталовложений в экономику страны. Товары, которые завозят в свободную зону, освобождаются от уплаты таможенной пошлины и не припадают обычно принятому таможенному досмотру. Функционирующие льготные пошлины позволяют уменьшить расходы резидентов-инвесторов за счет таможенных льгот в комбинации с налоговыми преференциями. Работа особых экономических зон в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». В ФЗ № 116 от 22 июля 2005 г. внесены поправки от 26.03.2022 № 71-ФЗ [5].

Система рейтингов оценки, успешно применяющаяся в России, является важным инструментом мониторинга уровня развития инвестиционной, предпринимательской деятельности резидентов-участников ОЭЗ. Тенденция объема инвестиций резидентов в ОЭЗ, а также взаимодополняющих друг друга показателей, представлены в таблице 1.

Анализируя данные таблицы 1 следует, динамика размера капиталовложений в ОЭЗ РФ увеличилась на 3 % относительно 2019г, за счет стран-инвесторов, которые вошли в состав ОЭЗ, также за счет численности резидентов. 33

страны в 2019г получили налоговые льготы за счет того, что они являются резидентами и активно вкладываются в специальные зоны. Для организаций-резидентов ОЭЗ налоговая ставка по налогу, подлежащему зачислению в федеральный бюджет, равняется 2 % [1]. Инвестиции резидентов в СЭЗ увеличились в 1,8 раз, инвестиции иностранных инвесторов – в 2,4 раза, показав положительную динамику развития ОЭЗ. В 2021г увеличился объем инвестиций на 35 % по сравнению с 2019 за счет льготных условий, предоставляемых резидентам для реализации проектов, выбора оптимальной площадки с выгодными условиями. В результате роста числа участников - инвесторов для создания новых ОЭЗ в регионах РФ на 30 % выросло число рабочих мест, уровень безработицы сократился на 3 %. За 2019 г. курс доллара снизился на 10 %, поэтому инвестиционная активность компаний-резидентов ОЭЗ нестабильна [4]. Однако, в 2021 г. совокупные инвестиции выросли на 343,2 млрд. руб., за счет восстановления курсовой стоимости рубля.

В результате анализа применили трехфакторную линейную модель. Таким образом, степень тесноты связи объема инвестиций и количества стран-инвестора является очень высокой. Это означает, что фактором количества стран-инвестора можно объяснить 100 % изменения объема инвестиций в стране.

В период COVID-19 с 2020 г. по 2021 г. активность инвесторов возросла на 29,3 % за счет возможности получения льгот, ослабления ограничений на ведение промышленной

Таблица 1. Динамика показателей ОЭЗ России за 2019-2021 гг. (составлена авторами на основании данных из бухгалтерской отчетности ОЭЗ РФ) [1]

Показатели	2019г.	2020г.	2021г.	Отклонения в % (+/-)		
				2020/2019	2021/2020	2021/2019
Объем инвестиций резидентов, всего (млрд. руб.)	445,3	535,5	692,4	20,3	29,3	55,5
Объем инвестиций иностранных резидентов (млрд. руб.)	203,9	243,3	284,3	19,3	16,8	39,4
Доля зарубежных инвестиций в совокупном объеме (%)	51,7	54,3	46,9	5,03	-13,6	-9,3
Валютный курс [по данным мосбиржи за январь 2019-2021] [3]	67,35	61,90	74,22	-8,1	19,9	10,2
Выручка резидентов (млрд. руб.)	716,8	968,5	1 489,4	0,35	0,54	1,1
Количество созданных рабочих мест	36 839	42 120	48 025	14	14	30
Количество стран - инвестора	33	41	42	24	23	27
Количество резидентов (с иностранным участием)	707 (131)	796 (146)	931 (146)	13 (12)	17 (12)	32 (12)
Величина полученных налоговых и рубажных льгот (млрд. руб.)	34, 2	63,3	84,2	0,85	0,33	1,5

Таблица 2. Сравнительная оценка динамики инвестиций в ОЭЗ [6; 7]

ОЭЗ Регион расположения и регистрации	Объем инвестиций резидента (млн. руб.)			Отклонения в млн. руб. 2021/2019
	2019г.	2020г.	2021г.	
ОЭЗ ППТ «Алабуга», Республика Татарстан	152 099,2	168 790,5	181 726	29 627
ОЭЗ ТВТ «Иннополис», Республика Татарстан	28 525	37 676,3	53 080	24 555
ОЭЗ ТВТ «Санкт-Петербург», г. Санкт-Петербург	56 142,4	66 952,9	79 472	23 330
ОЭЗ ТВТ «Дубна», Московская область	35 017,1	44 308,7	51 075	16 058
ОЭЗ ППТ «Тольятти», Самарская область	17 727	20 851,6	25 646	7 919
ОЭЗ ППТ «Моглино», Псковская область	4 022,4	6 452,3	10 866	6 844
ОЭЗ ТВТ «Томск», Томская область	29 915,2	33 909,4	36 200	6 285

деятельности. В 2020 г. привлечено 41 страна-инвестора, количество созданных ОЭЗ составило – 8 ОЭЗ. COVID-19 катализировал процессы, в частности повысил значимость площадки для зарубежного бизнеса [5].

Согласно, результатам III национального рейтинга инвестиционной привлекательности СЭЗ Российской Федерации в таблице 2 отображены инвестиционно-важные особые зоны [6].

Из таблицы 2 следует, что объем инвестиций резидентов вырос на 59 123 млн. руб., за счет появления новых экономических зон в регионах ОЭЗ, привлечения зарубежных инвесторов и за счет налоговых преференций. Лидирую-

щую позицию занимает ОЭЗ промышленно-производственного типа «Алабуга», увеличила объем инвестиций на 20 % за 3 года за счет внебюджетных частных инвестиций резидентов, на начало 2021г. составили 144 931 млн. руб. (рисунок 1). За рассматриваемый период количество инвесторов изменилось на 1 единицу, составило 65 резидентов. Заключительной свободной экономической зоной в сравнительном анализе является ОЭЗ ППТ «Моглино», которая нарастила 17 % за анализируемый период, частные инвестиции составили 7 813 млн. руб., число инвесторов в 2021 выросло на 0,3 %, по сравнению с 2019 г. (рисунок 2). На основании выше описанного, следует, особые зоны

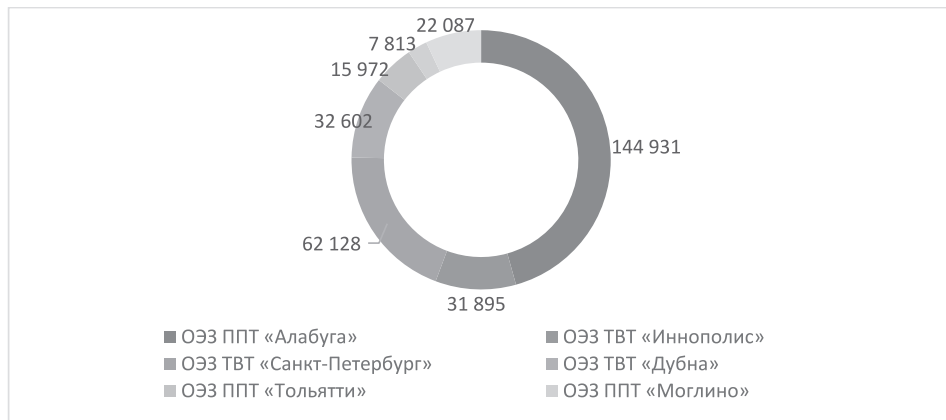

Рисунок 1. Внебюджетные частные инвестиции, млн. руб. (составлен авторами)

Внебюджетные частные инвестиции, млн. руб. (составлен авторами)

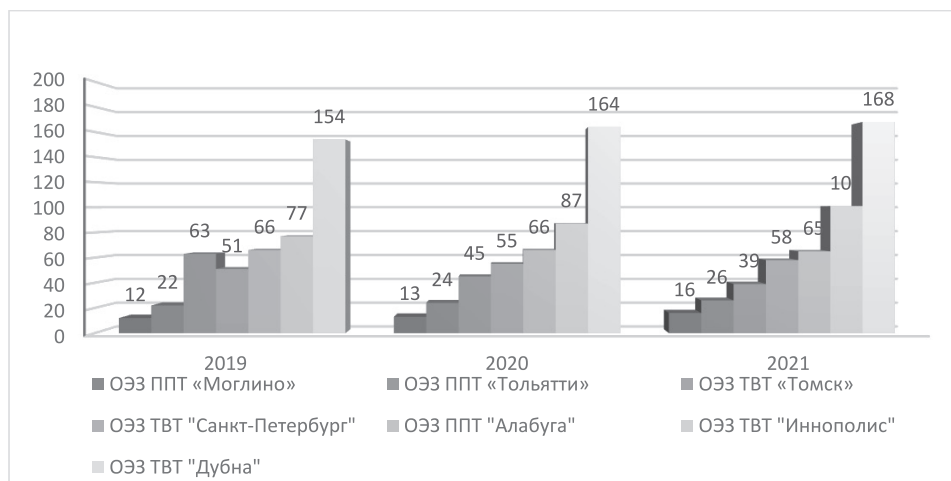

Рисунок 2. Численность инвесторов в ОЭЗ РФ, чел. (составлен авторами)

нарастили объемы инвестиций на 25 %, тем самым сохранив положительные изменения роста.

Предприятия с участием иностранных инвесторов занимают 30 % в объеме всех инвестиций в ОЭЗ и успешно продолжают наращивать свою деятельность вопреки нестабильности, что говорит о инвестиционной привлекательности отечественных ОЭЗ. Особая экономическая зона – уникальный механизм, который помогает формированию высокотехнологичных сфер экономики, исследованию современных технологий, создания ранее не известных типов продукции. За счет образования благоприятного инвестиционного климата и увеличения инновационной деятельности бизнеса, ОЭЗ считаются основным драйвером привлечения непосредственных индивидуальных вложений в регионы государства, увеличивая взаимовыгодное интернациональное сотрудничество в разных областях экономики и индустрии.

Пристатейный библиографический список

1. Бухгалтерский учет. Налоги // Бухгалтерская отчетность и финансовый анализ ОЭЗ РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bo.nalog.ru/>. (дата обращения: 10.09.2022).
2. Гаджиев М. М., Абакарова Р. Ш. Проблемы инвестиционной привлекательности особых экономических

зон регионов России. - 1 изд. - СПб., 2017. - 248 с. - (дата обращения: 26.08.2022).

3. Деготькова И. Особые экономические зоны: реформы // РБК. - 2022. - 08.02.2022. - Ст. 007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru>. (дата обращения: 26.08.2022).
4. Курс доллара // Московская биржа РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.moex.com/ru>. (дата обращения: 05.07.2022).
5. Особые экономические зоны // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.economy.gov.ru>. (дата обращения: 05.07.2022).
6. Особые экономические зоны России. Бизнес – навигатор // Ассоциация кластеров и технопарков России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru>. (дата обращения: 26.08.2022).
7. Шульга А. А. «Анализ динамики иностранных инвестиций в особую экономическую зону» // Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. - С. 262-265.
8. Экономическая статистика // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2022).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КРУТЬ Анатолий Александрович

преподаватель кафедры экономики и менеджмента Академии ФСИН России

КОУЧИНГ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматриваются нормы права, позволяющие внедрять в управленческую работу с персоналом организаций новых стилей и технологий управления, например, таких как коучинг. Современное развитие цифровых технологий и инновационных методов ведения предпринимательской и иной деятельности в организациях различных форм собственности, приводит к необходимости внедрения подобных управленческих технологий и дает возможность использовать подобные стили не только в коучменеджменте, но и использовать их как организацию правового коучконсультирования. В достаточно короткий период времени проводился ряд исследований по использованию коучинга, однако, практически ни в одном из них не рассматривались основы для их введения и правомерности применения на практике. Авторами исследования даются примеры работы коучинга в организациях при работе с персоналом и охватывается нормативная база по правомерности внедрения подобных технологий.

Ключевые слова: гражданское законодательство, организация, коучинг, персонал организации, управление, проблемы адаптации, правовое регулирование.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KRUT Anatoliy Alexandrovich

lecturer of Economics and management sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

COACHING IN THE ORGANIZATION'S PERSONNEL MANAGEMENT

The article discusses the norms of law that allow the introduction of new management styles and technologies, for example, such as coaching, into managerial work with the personnel of organizations. The modern development of digital technologies and innovative methods of doing business and other activities in organizations of various forms of ownership, lead to the need to introduce such management technologies and makes it possible to use such styles not only in coaching, but also to use them as an organization of legal coaching. In a fairly short period of time, a number of studies have been conducted on the use of coaching, however, practically none of them considered the basis for their introduction and the legality of their application in practice. The authors of the study give examples of coaching in organizations when working with personnel and cover the regulatory framework on the legality of the introduction of such technologies.

Keywords: civil legislation, organization, coaching, organization personnel, management, adaptation problems, legal regulation.

Современный период развития государства, экономики и отдельных организаций достаточно сложен в условиях постоянно пополняющихся санкций со стороны западных государств. Запрет на проведение совместной деятельности по отдельным видам договоров, участия иностранных специалистов в налаживании закупленного импортного оборудования на производствах, разрыв логистических цепочек поставок товаров, ресурсов и материалов, непосредственно повлиял на стиль работы отдельных организаций и на деятельность их персонала непосредственно.

Известно, что успешность для организации должна определяться изначально, способностью ее руководства изыскать не только материальные ресурсы, но и максимизировать участие каждого сотрудника организации в достижении поставленной задачи.

Недавний период пандемии коронавирусной инфекции показал, что построение управления персоналом организации не может оставаться в прежних рамках. Невозможность массового сбора сотрудников для проведения ежедневной работы, совещаний; введение норм Роспотребнадзора о дистанционных способах участия в организации

работы; изменение трудовых договоров с введением комбинированных и даже дифференцированных условий труда, привело к поиску новых технологий управлением и организации деятельности самого персонала.

Мы видим, что занятость варьируется от полной до временной и от полной до частичной занятости, даже от работы неполный рабочий день в компании и до работы на дому, вплоть до найма внештатных сотрудников. Такие изменения требуют рассмотрения параметров типовых трудовых договоров и разработки условий, способствующих решению вопросов, связанных с условиями труда и защитой прав работников (служащих), а также компенсаций за использование собственных технических средств и энергоресурсов без дополнительных договоров. [1, с.121] При этом основы законодательства для подобного изменения уже заложены. Правовая база гражданского законодательства и трудового позволяет вводить определенные изменения и в структуру управления персоналом организаций различных форм собственности.

С материальной стороны, достаточно большой подмогой для отдельных организаций стала система субсиди-

рования и дотаций. Поэтому в период пандемии удалось сохранить основу деятельности как среднего бизнеса, так и индивидуальных хозяйств, а также удержать крупные организации и компании, сохранив им возможность функционирования в привычных условиях. [2]

Все поменялось с начала 2022 года, когда были практически насильно оборваны договорные связи с зарубежными контрагентами. Изначально в основу новаций по изменению в системе руководства применились уже апробированные методы цифровизации. [3, с. 15] Еще одной технологией управления стало введение коучинга.

Первые исследования в России по выявлению теоретических и практических вопросов применения коуча начались в начале XXI века. Итоги проведенных конференций в Москве и Санкт-Петербурге показали, что российская действительность принимает коуч в двух понятных категориях. Так, новыми категориями являются разновидность консультирования и стиль менеджмента. Однако, современность заставила принимать коучинг как инновационный стиль управления персоналом.

Как ни странно, но требования, составляющие такую незнакомую для организаций технологию, составляют общие типичные и необходимые условия для выполнения любой деятельности. В целом проблема такой технологии при управлении персоналом организации заключается в самой новизне этой деятельности, что требует всестороннего применения ее в различной деятельности, а, следовательно, подготовки специалистов в различных областях.

Главной целью такой технологии является способность направить личностные резервы сотрудника на достижение самых лучших результатов, мобилизацию его внутренних ресурсов на работу в проблемных ситуациях, сохранения возможности принятия решений в условиях экстремальной деятельности и достижения целей. Благодаря построению такого направления и уклона в управлении персоналом, должна достигаться цель деятельности организации и, в целом, она достигается путем раскрытия внутреннего потенциала сотрудников. [4] Стоит отметить, что такая работа проводится с сотрудниками (работниками) не в отдельности, а вместе, то есть в группе либо со всем коллективом организации.

Имеется распространенное мнение о том, что сам коучинг является способом психотерапии либо обычным наставничеством. Существуют также коуч – тренинги, которые проводятся как обучающие техники. Как показывает практика, без проведения подобной основы не обойтись. Изначально изменение такой работы идет от индивидуального через командный к корпоративному коучингу, когда уже хорошо обученные руководители начинают проводить работу с большим количеством персонала и охватывают затем всю организацию.

Практики и специалисты в области «коучинговой школы» утверждают, что введение подобного стиля управления организацией на фоне уменьшения текучести кадров и затрат позволит развить деловое мышление сотрудников, повысит их ответственность и инициативность, а в результате позволит увеличить доходность компании либо способство-

вать достижению цели существования организации наиболее быстрым путем.

Сегодня в литературе можно выделить уже сформировавшиеся особенности внедрения такого стиля управления. К ним относится планирование, организация, координация и контроль. Перечисленное относится к ежедневно выполняемым функциям руководителя.

Стоит отметить, что подобное должно включать в себя и строиться на доверии подчиненного персонала и руководства. При наличии административной системы управления будет уже сложнее создать доверительные отношения, а и создана она в большей степени для поддержания порядка в государственных структурах власти с применением административно-распорядительных форм.

Конечно, коуч-менеджмент также можно применять не для всех организаций. Кроме того, он не подойдет абсолютно для всех сотрудников. Считается, что такой стиль управления наиболее выгоден в применении для вновь созданных и развивающихся организаций, в которых на данный момент происходит и освоение рынка, разработка и введение новых проектов, представление инновационных продуктов, технологий, актуальных на рынке сбыта и имеющих определенный спрос. Это общее направление для руководителей организации невозможно применить в действии без организации работы по отдельным направлениям. Например, одной из основ является анализ и разделение сотрудников организации для проведения с ними соответствующих подготовительных и основных мероприятий, направленных на систематизацию работы в направлении повышения эффективности деятельности самой организации.

В любой компании, учреждении, организации различных форм собственности персонал можно разделить по его качественным характеристикам. К ним относится пол, возраст, уровень образования и опыт работы. Современный работодатель старается совместить практически невозможное. Он ищет для приема на работу молодых, активных с профильным образованием и опытом работы сотрудников. Однако, подобное невозможно. В связи с этим персонал (сотрудников) условно возможно разделить на такие категории как Сотрудник – партнер, Сотрудник – специалист, Сотрудник – исполнитель и Сотрудник – новичок.

Самым опытным является первый вид работника. Ему не нужен постоянный контроль со стороны руководства. Он не нуждается в советах и помощи, способен самостоятельно в экстремальных ситуациях принимать важные решения и нести за них ответственность, предупреждая о своих решениях руководителя. В государственных учреждениях такие сотрудники включаются в списки лиц, способных к замещению руководящих должностей.

Второй тип относится к опытному сотруднику, который достаточное время проработал в организации либо в отрасли данного направления. Он способен выполнять поставленные задачи. Такой тип сотрудника имеет представление как организовать работу и достигнуть поставленной цели наиболее эффективным способом. Однако, ему со стороны руководителя, стоит уделить определенное внимание. С психологической точки зрения такой метод будет

оправдан, ведь сотрудник почувствует и собственную значимость, и возможность генерации идей и их применение на практике благодаря собственным способностям, которое оценивает руководство. А при определенном поощрении (благодарность, награждение, и простое озвучивание имени на совещании) такой работник будет стараться еще больше на благо организации, так как будет считать себя востребованным. С такой категорией коучинговый стиль управления работает наилучшим образом.

Третья категория объединяет персонал организации, успешно завершивший период стажировки. Выполняет свою работу в соответствии с поставленными требованиями. Таким лицам уже вполне возможно доверять выполнение сложных задач, но на основании подробных инструкций и с контролем поэтапного их выполнения. Сотрудник из рассматриваемой категории еще пытается осознать принципы и цели деятельности организации, в которой он работает. За ним лучше закрепить наставника или уделять больше внимания со стороны непосредственного руководителя, отвечать на все вопросы, разъясняя подробно и углубляясь в нюансы. В противном случае полученная самостоятельно информация может быть неправильно воспринята и применяться ошибочно, что не приведет к эффективной работе. Как будет исполнять в дальнейшем свои обязанности такой работник полностью зависит от руководства. На данном этапе возможно применение коучингового метода управления, поскольку возможны два варианта деятельности сотрудника. Он либо разочаруется в работе и будет безынициативно на основании только должностной инструкции выполнять свои обязанности, либо станет ориентироваться на более успешных сотрудников и стараться достичь успеха и продвижения по карьерной лестнице.

Ни одному предприятию или организации невозможно осуществлять свою деятельность без обновления кадрового состава, в который входят вновь принятые на должность лица, а также выпускники учебных образовательных заведений определенных специальностей. Это категория граждан, которые еще нигде себя не проявили. Они могли только недавно окончить ВУЗ и обладать теоретическими познаниями, не связанными с практической деятельностью. У таких сотрудников имеется достаточно большая потребность в постоянной «опеке» со стороны руководства. Поэтому в обязательном порядке с ними должны проводиться как индивидуальные, так и коллективные занятия, на которых будут разъясняться принципы и цели деятельности организации, приводиться положительные примеры работы отдельных сотрудников и их карьерного роста. О самостоятельном принятии решения от данной категории пока говорить не стоит, однако, именно она будет являться в будущем основой персонала организации при правильном подходе к ее приему и постепенному введению в жизнь компании.

Таким образом, в рассмотренном вопросе можно увидеть, что поиски новых стилей управления организацией немаловажную роль сыграли внешние факторы. Они показали, что оставаться на месте и требовать отлаженной работы в мире, осложненном политическими и экономическими изменениями, а также возникающими социальными

рисками невозможно. Руководство государства требует повсеместного введения инноваций для поддержания бизнеса и государственных структур в действии. Это приводит к постановке работы на новый уровень, основанный на изменениях гражданского и трудового законодательства, введения на их основе цифровых и IT технологий и ресурсов, которыми невозможно управлять без новаций в сфере управления персоналом.

Пристатейный библиографический список:

1. Ананьева Е. О., Махиборода М. Н. Трудовой договор и особенности его условий в XXI веке. Государственная служба и кадры. 2022. № 5. С. 120-122.
2. Makhiboroda M., Ananyeva E., Doucek I.P. Changes in transport activity regulation in the context of the coronavirus pandemic / В сборнике: E3S Web of Conferences. Сер. "International Scientific and Practical Conference "Development of the Agro-Industrial Complex in the Context of Robotization and Digitalization of Production in Russia and Abroad", DAIC 2020". 2020. С. 5006.
3. Ананьева Е. О., Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Гражданско-правовое регулирование вопросов цифровизации общества // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 14-18.
4. Заднепровская А. В. Зачем коучинг бизнесу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coach-school.com.ua/uslugi>. (дата обращения: 1.02.2023).

МАГОНЯ Павел Дмитриевич

аспирант кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия

ОСОБЕННОСТИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ

Антимонопольное регулирование в информационной экономике, продолжая следовать своим базовым принципам, должно учитывать особенности новых и быстро прогрессирующих цифровых рынков. Это нематериальная природа и форма товара, который почти не имеет стоимости воспроизводства, копирования и транспортировки, что усложняет анализ цифровых рынков, на которых обращаются такие товары. Также это множественность сторон, участвующих в интернет-платформах и сервисах, формальное предоставление продуктов с нулевой ценой, имеющих самостоятельную функциональную ценность и, соответственно, косвенно монетизируемых. К числу особенностей относятся товары, обращающиеся на цифровом рынке как объекты интеллектуальной собственности, что ограничивает возможности применения законодательства о защите конкуренции. Антимонопольное регулирование новых цифровых рынков нуждается в динамичном обновлении традиционных подходов, сложившихся в XX в. с учётом соблюдения прав и законных интересов субъектов рассматриваемой деятельности.

Ключевые слова: цифровой рынок, информационная экономика, конкуренция, антимонопольная политика, ограничение конкуренции.

MAGONIA Pavel Dmitrievich

postgraduate student of Financial law sub-faculty of the Russian State University of Justice

FEATURES OF ANTIMONOPOLY REGULATION IN DIGITAL MARKETS

Antitrust regulation in the information economy, while continuing to follow its basic principles, must take into account the peculiarities of new and rapidly progressing digital markets. This is the intangible nature and form of a commodity that has almost no cost of reproduction, copying and transportation, which complicates the analysis of the digital markets in which such goods are traded. It is also the plurality of parties involved in Internet platforms and services, the formal free provision of products that have an independent functional value and, accordingly, are indirectly monetized. Features include goods circulating on the digital market as objects of intellectual property, which limits the possibility of applying competition law. The antimonopoly regulation of new digital markets needs a dynamic update of the traditional approaches developed in the 20th century, to take into account the observance of the rights and legitimate interests of the subjects of the activity in question.

Keywords: digital market, information economy, competition, antimonopoly policy, restriction of competition.

Информационный этап развития российской экономики, как и все предыдущие, не свободен от нарушений конкуренции и проявлений монополизма. Выступая на XXIII ПМЭФ Президент России В. В. Путин указал на попытки «монополизировать новую технологическую волну, ограничить доступ к ее плодам», что является «главным источником нестабильности» [1]. Конкуренция на цифровом рынке далека от совершенства, и представляет собой доминирование олигополии или дуополии [2, с. 84].

Поставленные вопросы глобальны. Так, проблемы и особенности развития конкурентного права в период цифровой трансформации экономики отражены в докладе Европейской комиссии от 4 апреля 2019 г. «Конкурентная политика в цифровую эпоху» [3], а также в аналогичном британском правительственном докладе «Развивая цифровую конкуренцию» [4].

Неоднократно поставленная экспертами задача поиска «новых подходов» [5] к регулированию в анализируемой сфере требует выявления особенностей как рынков, связанных с информационными технологиями (цифровых рынков), так и подходов в контексте применения и совершенствования антимонопольного законодательства.

Прежде всего, это нематериальная природа и форма товара, почти не имеющего стоимости воспроизводства, копирования и транспортировки, что неизбежно влияет на глобальную по своему объёму сферу его реализации.

Кроме того, следует отметить наличие на таких рынках нескольких, а часто и множества сторон. Так, в стремительно растущих сервисах онлайн-заказов (например, такси, доставка товаров и т.п.) взаимодействуют не две стороны, а целые группы продавцов и покупателей. Помимо заказчика (на-

пример, пассажира) и исполнителя (например, доставщика, водителя) — это онлайн-платформа, рекламодатель, поставщик товаров (услуг). Еще одной особенностью является то, что на таких цифровых рынках продукт (или часть продукта), имея самостоятельную функциональную ценность, может прямо и не оплачиваться потребителем, который «платит» своим временем, персональными данными, вниманием и/или поведением.

Кроме того, абсолютное большинство товаров, обращающихся на цифровом рынке, являются объектом интеллектуальной собственности. Действующее российское законодательство о защите конкуренции в данном случае имеет ограниченные возможности применения. В этом смысле такие возможности есть у антимонопольных регуляторов ЕС, либо ЕАЭС. Российский же антимонопольный орган, руководствуясь ст. ст. 10, 13 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ, соблюдает баланс защиты интеллектуальных прав и конкуренции. В этом смысле ФАС России исходит из того, что «базовые принципы антимонопольного регулирования в целом применимы и к цифровому сектору» [6].

Особенностью экономической деятельности в цифровой среде является и то, что её участники избегают конкуренции в насыщенных сегментах, создавая новые рынки, где можно занять монопольное положение. Для целей антимонопольного регулирования новые цифровые рынки, именно в силу своей новизны, сложно поддаются объективному анализу в рамках традиционных подходов, сложившихся в XX в [7]. Сегодня цифровые товары и рынки формируются так быстро, что антимонопольные органы не всегда вовремя реагируют, не успевая детально их изучить.

В то же время традиционные подходы к антимонопольному регулированию требуют корректировки, но не замены новыми, так как возникновение и динамика цифровых рынков не изменили общих принципов антимонопольного регулирования в силу того, что на этих рынках допускаются те же традиционные нарушения в виде ограничения свободы экономической деятельности хозяйствующих субъектов, установления несправедливых цен и условий реализации, неправомерный отказ от заключения договора и т.д.

В соответствии с приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» методика анализа базируется на выявлении взаимозаменяемости товаров и продуктовых границ товарного рынка. Отметим сложность расчета параметров и объемов обращения определенного товара либо услуги на цифровом рынке, как и сложность их привязки к определенному материальному носителю или устройству. В данном случае количественный показатель не может быть базовым критерием и требует дополнения иными, например качественными критериями, которые бы дали возможность выявить доминирующее положение на цифровом рынке.

Особенностью цифровых рынков, как было указано ранее, является то, что обращающиеся на них товары могут прямо не монетизироваться, в связи с этим является затруднительным применение стандартного инструментария, например, теста гипотетического монополиста, и зачастую требуется разработка новых подходов к анализу взаимозаменяемости услуг цифровых онлайн-платформ, а также подходов к опросам участников цифровых рынков.

В целях антимонопольного регулирования основным качественным критерием оценки является потенциал влияния (управления) обращением товара на цифровом рынке согласно установленным законом пропорциям.

Анализируя ситуацию на цифровом рынке, где как мы указали выше, бывает сложно точно определить критерии оценки обращения товара, антимонопольный орган исходит из фактических обстоятельств потребления, поведения объекта проверки, имеющего признаки злоупотребления доминирующим положением, а также оценивает наступившие последствия. Оптимизируя базовый метод их оценки, следует выявлять особенности конкретного товара.

При этом антимонопольное законодательство не может включать указание всех товаров и нарушений, а лишь содержать общие принципы, которые будут применяться под типологию определенного, в том числе и цифрового товарного рынка. Его стремительное развитие просто не позволяет здесь что-либо детально законодательно регламентировать, поэтому также важны базовые принципы о необходимости определения последствий поведения, угрожающего конкуренции, уровень его влияния на рынок, принимая во внимание сетевые эффекты, каналы монетизации, возможное параллельное использование других онлайн-сервисов.

Предметом особого внимания антимонопольных органов остается экономическая концентрация на цифровых рынках, при которой объединяются не только активы, но и персональные данные потребителей, нуждающиеся в специальной охране.

При слиянии компаний и, соответственно, имеющейся у них информации, оно дает мультипликативный эффект.

При осуществлении антимонопольного контроля в сфере концентрации цифрового бизнеса есть особенности. Слияние компаний из разных, но связанных товарных рынков, находящихся в структуре широкого цифрового рынка, может препятствовать конкуренции в связи с наличием в структуре сделки персональных данных [6]. Монополизация больших данных, накопленных в цифровом виде о гражданах, их потребительских и иных предпочтениях способна не только стимулировать, но и моделировать потребительский спрос, а за ним и поведение.

В 2020 г. по поручению Президента России ФАС России были разработаны корректировки ФЗ «О защите конкурен-

ции». Ведомство стремилось получить доступ к персональным данным граждан, а также информации об абонентах услуг связи для противодействия монополизации рынка. С этой же целью предлагалось создать реестр участников рынка, ограничивающих конкуренцию. Предложения не были поддержаны как бизнес-сообществом, так и Правительством РФ, однако ФАС России предложили право брать объяснения с граждан, субъектов экономики, органов власти. Изложенные в них обстоятельства должны быть также приняты во внимание при учёте параметров экономической концентрации.

Таким образом, развитие антимонопольного регулирования в информационной экономике, сохраняя основные, законодательно закреплённые принципы, должно учитывать динамику и особенности диверсификации цифровых рынков. Особенности их конкурентного регулирования: нематериальная (виртуальная) природа и форма товаров, множественность участников виртуальных сделок на цифровых рынках, предоставление части продуктов с нулевой ценой, реально направленных на монетизацию, проблемы и задачи защиты интеллектуальной собственности. Выявленные особенности ставят задачу совершенствования действующего антимонопольного регулирования новых цифровых рынков.

Пристатейный библиографический список

1. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 6 июня 2019 г. // Президент России. 2019. 7 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/60707?fbclid=IwAR38iZbXoaP2u4H0E2Ht2LCuosityXmw_jAGwmJnMLk7R1IK_NA1Kta9VUc.
2. Бычков А. В., Шрам Д. В. Проблемы правоприменительной практики антимонопольного регулирования на цифровых рынках как показатель необходимости реформирования законодательства о защите конкуренции // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2 (30). С. 78-92.
3. Competition Policy for the Digital Era / European Commission., Directorate General for Competition rep. by J. Crémer, Y.-A. de Montjoye, H. Schweitzer.
4. Unlocking Digital Competition: rep. of the Digital Competition Expert Panel / ed. J. Furman. 2019. March. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/785547/unlocking_digital_competition_furman_review_web.pdf.
5. Джиоева Л. С. О новых подходах к антимонопольному регулированию в условиях цифровой экономики // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 1 (21). С. 32-37.
6. Заева Е. А. О конкуренции алгоритмов, больших данных и первых цифровых кейсах // Конкуренция и право. 2017. № 4. С. 39-46 <https://cljournal.ru/interview/179/>
7. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. Изд. 2-е испр. и доп. М.: НИУ ВШЭ, 2019.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

КОВАЛЕНКОВА Василиса Олеговна

главный специалист отделения делопроизводства и защиты государственной тайны ФКУ НИИ ФСИН России

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НА ЧИСЛЕННОСТЬ «ТЮРЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ» ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕБОЛЬШОЙ И СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МОНИТОРИНГА, ПРОВЕДЕННОГО В 2016 Г.)

В начале июля 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ, инициированный Верховным Судом Российской Федерации, который декриминализировал ряд составов преступлений небольшой и средней тяжести, а также дополнил существующий в уголовном законодательстве Российской Федерации перечень оснований освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Указанное обстоятельство послужило основанием для начала работы по проведению мониторинга и построению прогноза численности лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, которую проводил Научно-исследовательский институт ФСИН России с 2016 до 2018 гг. Предполагалось, что вступление указанных изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство повлечет существенное сокращение «тюремного населения». Однако анализ статистических данных показал лишь незначительный отток подозреваемых, обвиняемых и осужденных из мест лишения свободы по вышеуказанным категориям и составам преступлений по сравнению с предыдущими годами. В настоящей статье представлены лишь результаты первого этапа исследования, проведенного в 2016 г., то есть непосредственно после вступления в силу поправок в законодательство.

Ключевые слова: декриминализация, судебный штраф, численность лиц, находящихся в местах лишения свободы, мониторинг, прогноз.

BAZHANOV Sergey Andreevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

KOVALENKOVA Vasilisa Olegovna

chief specialist of the Department of Record Keeping and Protection of State Secrets of the Federal State Institution of the Research Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF THE IMPACT ON THE NUMBER OF THE “PRISON POPULATION” OF DECRIMINALIZATION OF CERTAIN MINOR AND MODERATE CRIMES (BASED ON THE RESULTS OF MONITORING CONDUCTED IN 2016)

At the beginning of July 2016, Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016, initiated by the Supreme Court of the Russian Federation, came into force, decriminalizing a number of crimes of minor and medium gravity, and also supplemented the list of grounds for exemption from criminal liability existing in the criminal legislation of the Russian Federation. responsibility of persons who have committed crimes of small and medium gravity for the first time. This circumstance served as the basis for starting work on monitoring and forecasting the number of persons held in pre-trial detention centers and correctional institutions, which was carried out by the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia from 2016 to 2018. It was assumed that the entry of these changes into the criminal and criminal procedural legislation would entail a significant reduction in the “prison population”. However, the analysis of statistical data showed only a slight outflow of suspects, accused and convicts from places of deprivation of liberty in the above categories and offenses compared to previous years. This article presents only the results of the first stage of the study conducted in 2016, that is, immediately after the amendments to the legislation came into force.

Keywords: decriminalization, judicial fine, number of persons in places of deprivation of liberty, monitoring, forecast.

Бажанов С. А.

Коваленкова В. О.

Таблица 1. Сведения о количестве, движении и составе лиц, содержащихся в СИЗО (с 01.08.2016 г. по 01.10.2016 г.)

Показатели		01.08.2016	01.09.2016	01.10.2016	в среднем за рассматриваемое время
Содержалось всего		110 022	106 063	104 108	106 731
из них	удовлетворяет требованиям ст. 76.2 УК РФ	4 612	4 403	4 729	4 581
	освобождено от уголовной ответственности в порядке ст. 76.2 УК РФ	75	60	58	64
Доля освобожденных от уголовной ответственности в порядке ст. 76.2 УК РФ к числу удовлетворяющих требованиям данной статьи		1,63	1,36	1,23	1,41
Доля освобожденных от уголовной ответственности в порядке ст. 76.2 УК РФ к общему числу содержащихся в СИЗО		0,068	0,056	0,055	0,059

В июле 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (далее – Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ). В соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ от уголовного наказания освобождаются лица, осужденные за совершение преступлений, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ):

1) частью первой статьи 116 УК РФ («Побои») – ввиду устранения преступности деяния в случае, если преступление было совершено в отношении лица, не являющегося для осужденного близким родственником, в противном случае приговор пересмотру не подлежит, поскольку новый уголовный закон не улучшает его положение;

2) статьей 157 УК РФ («Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей») – ввиду дополнения новым криминообразующим признаком – неоднократность, то есть совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию;

3) частью первой статьи 158 («Кража»), частью первой статьи 159 («Мошенничество»), частью первой статьи 159.1 («Мошенничество в сфере кредитования»), частью первой статьи 159.2 («Мошенничество при получении выплат»), частью первой статьи 159.3 («Мошенничество с использованием платежных карт»), частью первой статьи 159.5 («Мошенничество в сфере страхования») и частью первой статьи 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации») – ввиду устранения новым уголовным законом преступности деяния, в случае если стоимость похищенного имущества составляет менее 2,5 тыс. руб.

Следует учитывать, что Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ была вдвое повышена нижняя граница значительного ущерба, причиненного гражданину

(квалифицирующий признак ряда преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ) с 2,5 тыс. до 5 тыс. руб.

Помимо декриминализации некоторых деяний, увеличения суммы хищения чужого имущества, с которой наступает уголовная ответственность, и повышения нижней границы значительного ущерба, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ введено фактически новое основание освобождения лица от уголовной ответственности, трактуемое как «в связи с применением иных мер уголовно-правового характера».

Так, в соответствии со статьей 76.2 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа») лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при следующих условиях: а) преступление должно быть совершено впервые, б) относиться к категории небольшой или средней тяжести; в) причиненный преступлением ущерб должен быть возмещен или вред заглажен иным образом.

Разработчики Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ, как следует из пояснительной записки к нему, предполагали, что его реализация может позволить вывести из-под действия уголовного закона около 200 тыс. человек [1].

До рассматриваемых изменений в среднем в 2015 г. в следственных изоляторах (далее – СИЗО) находилось более 113,2 тыс. чел., в помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов (далее – ПФРСИ), находилось 4,7 тыс. чел., в исправительных учреждениях (далее – ИУ) отбывало наказание 539 тыс. чел. [2]. Более детальный анализ статистических данных показал, что в 2015 г. мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась судами в отношении 40 тыс. подозреваемых обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести (33,8 тыс. за совершение преступлений средней тяжести и 6,1 тыс. за преступления небольшой тяжести) [3]. В это же время в ИУ отбывало наказание более 14,9 тыс. осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести [1].

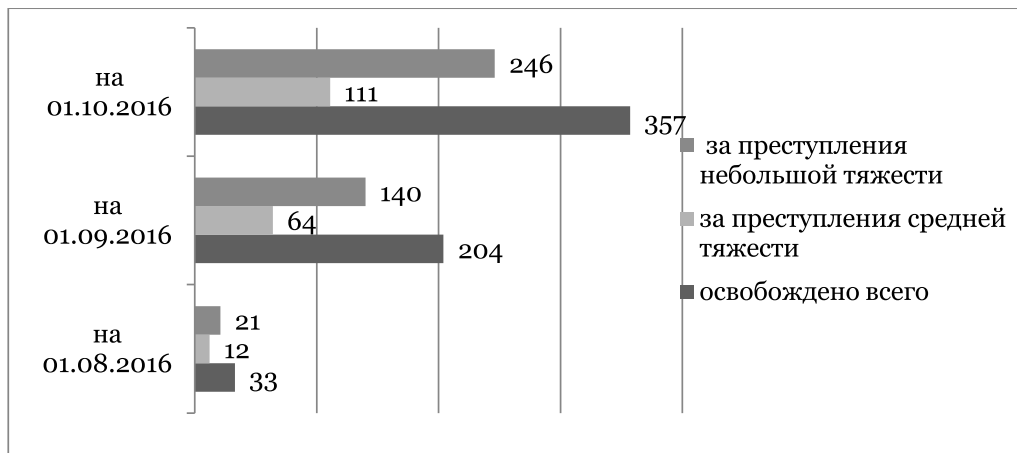

Рисунок 1. Данные о численности лиц, освобожденных из ИУ в связи с вступлением в силу поправок, внесенных в УК РФ, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, с разбивкой по категориям преступлений

Дальнейший анализ статистических данных, запрошенных из территориальных органов ФСИН России после вступления в силу вышеуказанных поправок, показал, что в СИЗО в среднем с 01.08.2016 по 01.10.2016 содержалось более 4,5 тыс. подозреваемых и обвиняемых впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, в отношении которых теоретически могло быть прекращено уголовное преследование [4]. В рассматриваемое время в ИУ отбывали наказание в виде лишения свободы за совершение впервые преступлений средней и небольшой тяжести в среднем – 15 тыс. чел.

Однако, несмотря на наличие формальных оснований для освобождения из мест лишения свободы, в связи с вступлением в силу Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ, из СИЗО на 01.10.2016 было освобождено 193 чел. (таблица 1) [4].

По состоянию на 01.10.2016 в связи с вступлением в силу поправок, внесенных в УК РФ, Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ из ИУ освобождено в общей сложности 594 чел. (рисунок 1).

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что принятие Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ существенного влияния на численность осужденных, отбывающих наказание в ИУ, в год принятия поправок (2016 г.) в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не оказало.

Пристатейный библиографический список

1. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 18.12.2022).
2. Отчет ФСИН России «Сведения о количестве, движении и составе лиц, содержащихся в местах лишения свободы (форма 1-УИС)» за 2015 г. –

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из модуля «Статистика ФСИН России» (дата обращения: 18.12.2022).

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.12.2022).
4. Жилиев Р. М., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Прогноз (мониторинг) количества лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, на краткосрочную перспективу – до 15.12.2016, среднесрочную перспективу – до 15.12.2017 и долгосрочную перспективу – до 15.12.2018. Аналитический материал. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2016. – 20 с.

ГРИДНЕВА Мария Викторовна

преподаватель-методист группы обеспечения качества образования Самарского юридического института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена изучению особенностей исполнения уголовного наказания в виде обязательных работ в современных условиях. В частности, в исследовании проводится анализ существующих проблем трудоустройства осужденных, страдающих алкоголизмом и наркоманией, а также рассмотрены некоторые проблемы в установлении оснований признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Гуманизация, являясь основным направлением современной уголовно-исполнительной политики предполагает расширение случаев назначения судами наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в том числе и посредством увеличения применения виновным в совершении преступлений обязательных работ. Однако несмотря на всю практическую значимость данного вида наказания, в настоящее время встречается немало проблемных вопросов, возникающих в процессе исполнения обязательных работ. Среди таковых в исследовании особое внимание уделяется тем недостаткам, которые возникают непосредственно при исполнении обязательных работ. Особое внимание автор обращает на необходимость разрешения имеющихся проблем на законодательном уровне путем внесения изменений и дополнений в нормы уголовно-исполнительного законодательства.

В заключении автор отмечает эффективность и значимость обязательных работ как вида уголовного наказания в современных условиях, акцентируя внимание на необходимости разрешения правовых коллизий в целях оптимизации практики исполнения обязательных работ.

Ключевые слова: осужденный, наказание, обязательные работы, сотрудник, уголовно-исполнительная инспекция, исполнение наказания.

GRIDNEVA Mariya Viktorovna

lecturer-methodologist of the support teams quality of education of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

FEATURES OF EXECUTION OF COMPULSORY WORKS IN MODERN CONDITIONS

The article is devoted to the study of the peculiarities of the execution of criminal punishment in the form of compulsory labor in modern conditions. In particular, the study analyzes the existing problems of employment of convicts suffering from alcoholism and drug addiction, and also considers some problems in establishing the grounds for recognizing a convicted person as a malicious violator of the established order of serving a sentence.

Humanization, being the main direction of modern penal enforcement policy, involves the expansion of cases of sentencing by courts that are not connected with isolation from society, including by increasing the use of compulsory labor by perpetrators of crimes. However, despite all the practical significance of this type of punishment, there are currently many problematic issues that arise in the process of performing mandatory work. Among those in the study, special attention is paid to those shortcomings that arise directly during the performance of mandatory work. The author pays special attention to the need to resolve existing problems at the legislative level by making amendments and additions to the norms of the penal enforcement legislation.

In conclusion, the author notes the effectiveness and importance of mandatory work as a type of criminal punishment in modern conditions, focusing on the need to resolve legal conflicts in order to optimize the practice of performing mandatory work.

Keywords: convicted person, punishment, compulsory work, employee, penal inspection, execution of punishment.

Обязательные работы представляют собой относительно новый вид наказания, появившийся в 2005 году и являющийся альтернативой наказания в виде лишения свободы. Концепция УИС до 2020 года, положившая начала курсу гуманизации уголовно-исполнительной политики, и её продолжившая Концепция УИС до 2030 года устанавливают, что при назначении виновному наказанию суду следует придерживаться принципа гуманности и ставить в приоритет наказание, характерной чертой которого является отсутствие изоляции от общества [1]. Так в настоящее время, если рассматривать с точки зрения иерархии уголовных наказаний согласно российскому законодательству, одним из первых наказаний с меньше степенью применяемых к осужденным ограничений является наказание с вида обязательных работ. Сущность данного вида наказания уже вытекает из названия самого наказания - выполнение обязательных работ. Однако обязательным карательным элементом указанного вида наказания является такая особенность, как безвозмездная основа выполнения работ. Кроме того, обязательным условием исполнения наказания в виде обязательных работ должно

дать то, что сами работы должны носить характер общественно-полезных работ. Только при соблюдении вышеуказанных условий, в также ряда других условий, на которых мы обратим внимание далее в настоящем исследовании, мы можем говорить об исполнении наказания в виде обязательных работ. В ином случае трудовая занятость осужденного может быть воспринята как простое трудоустройство в целях приобретения материальной выгоды.

Порядок и условия исполнения отбывания наказания обязательных регламентированы главой 4 УИК РФ и Приказом Минюста от 20 мая 2009 г. № 42 «Об утверждении Инструкции по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». Анализ положений указанных нормативно-правовых актов позволяет определить уголовно-исполнительные инспекции (далее - УИИ) в качестве органа УИС, который непосредственно контролирует надлежащее исполнение наказания в виде обязательных работ.

В настоящей работе особое внимание будет обращено порядку исполнения обязательных работ как вида уголовно-

го наказания с момента поступления приговора суда в УИИ и определение места отбывания наказания осужденным.

При вынесении решения судом о назначении виновному наказания в виде обязательных работ, последнее направляется в соответствующую организацию, исполняющую данный вид наказания (УИИ). Особое внимание следует обратить на то, что исполнение данного вида наказания должно быть организовано по месту жительства осужденного, которое определяется не местом его фактического проживания, а пропиской. После поступления в УИИ копии приговора (определения, постановления) суда в установленный законодателем пятнадцатидневный срок сотрудники УИИ определяют место работы осужденного на объектах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с УИИ. По истечении 15 дней с момента поступления приговора (постановления, определения суда) о назначении наказания в виде обязательных работ, осужденных к данному виду наказания уже обязан к нему приступить.

Отдельное внимание хотелось бы обратить на тот факт, что судам, на наш взгляд, при вынесении решения в назначении обязательных работ следует учитывать мнение подсудимого, особенно в случае, если налицо у осужденного отрицательный настрой на выполнение общественно-полезных работ. Так, после выдачи осужденному уведомления в явки в УИИ для постановки на учет как лица, отбывающего обязательные работы, не исключены случаи игнорирования данного требования. Однако законодатель оставляет без внимания данный факт и не указывает отклонение от обязательных работ в виде игнорирования явки для в УИИ для постановки на учет что, в свою очередь, согласно нормам действующего законодательства является фактом злостного уклонения от отбывания наказания. При совершении осужденным к обязательным работам подобного рода нарушения, со стороны сотрудников УИИ должно последовать немедленное реагирование в виде вынесения осужденному письменного предупреждения о том, что исполняемый вид наказания может быть заменен другим, более строгим видом наказания в соответствии с нормами действующего УК РФ.

Видим необходимым решение указанной проблемы на законодательном уровне, и, следовательно, необходимо внести соответствующие изменения в уголовно-исполнительное законодательство. Так в случае, если подтверждено, что в течение пяти дней с момента получения направления в организацию, где осужденный к обязательным работам должен отбывать наказание, последний не явился для трудоустройства без уважительных причин, то данный факт необходимо признавать нарушением порядка и условий отбывания наказания.

Одной из отличительных особенностей обязательных работ как вида уголовного наказания является то, что работы, в которых привлекаются осужденные, должны носить общественно-полезный характер, приносить благо обществу и быть безвозмездными. Последнее, в свою очередь, и представляет один из основных карательных элементов наказания, поскольку заработную плату за выполнение указанных работ осужденные не получают. Кроме того, карательным элементом является и тот факт, что в трудовой стаж часы, отработанные в порядке исполнения наказания в виде обязательных работ, не заносятся.

Обязанность осужденных добросовестно относиться к исполнению наказания в виде обязательных работ вытекает, в первую очередь, из того, что действующее законодательство среди средств исправления осужденных выделяет труд.

Таким образом рассматриваемый вид наказания, не связанный с изоляцией от общества, в качестве карательного элемента использует именно труд. При этом важным условием является сохранение общественной полезности труда, поскольку «не всякий труд способствует исправлению правонарушителей» [2, с. 12]. Поскольку общественная полезность, обязательность и наложение определенных обязательств характерны для обязательных работ, мы согласны с представленной точкой зрения.

Среди перечня работ, к которым привлекаются осужденные, нередко можно встретить: сбор сухой листвы в осенне-зимний период времени, уборка снега, благоустройство мест захоронений, санитарная обработка кроны деревьев в весенний период и т.д. Основным условием выполнения указанного рода деятельности является её исполнение в свободное от учебы и работы время.

Законодатель предусмотрел минимальное (60 часов) и максимальное время (480 часов), которое может быть назначено судами для отбывания осужденным обязательных работ. Соответственно ниже и выше установленных пределов данным вид наказания не может быть назначен. Кроме того, законодатель предусмотрел, что не допускается труд осужденного к обязательным работам свыше четырех часов в день.

Отметим, что если осужденный получит производственную травму при уборке снега, например, или выполнении иных общественно-полезных работ, то в соответствии с действующим трудовым законодательством осужденный вправе получить возмещения полученного увечья.

Порядок исполнения обязательных работ также включает в себя и перечень обязанностей сотрудников УИИ в процессе исполнения данного вида наказания, обязанности осужденных, а также обязанности администрации мест, где непосредственно трудятся осужденные, отбывания обязательные работы.

Так, в должностные обязанности сотрудников УИИ входит постановка на учет осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, в том числе и к обязательным работам, и его документальное оформление, ведение; контроль за надлежащим исполнением порядка и условий отбывания наказания; взаимодействие с представителями органов местного самоуправления по вопросам согласования перечня мест трудоустройства осужденных для выполнения общественно-полезных работ; осуществление учета рабочего времени осужденных и контроля за соблюдением лимитов отработанного времени в день/неделю.

Однако в равной степени законодатель не обошел стороной и осужденных к обязательным работам, наделив их следующими обязанностями: добросовестно относиться к труду, трудиться в местах, определяемых сотрудниками УИИ и представителями органов местного самоуправления, соблюдать временные ограничения отработки обязательных работ, отработать установленное приговором суда количество часов обязательных работ, уведомлять сотрудников УИИ о намерении сменить место жительства, а также являться в филиал УИИ по месту жительства в случае вызова инспектора. Администрация организаций, где трудятся осужденные, обязана осуществлять контроль за отбыванием наказания в виде обязательных работ, своевременно предоставлять информации о количестве отработанных осужденным часов и немедленно уведомлять сотрудников УИИ об уклонении осужденных от выполнения общественно-полезных работ.

Останавливаясь на вопросах осуществления контроля за исполнением осужденными наказания в виде обязатель-

ных работ отметим, что сложность данного контроля состоит именно в выполнении общественно-полезных работ, как правило, в выходные и праздничные дни (чтобы не нарушить двенадцатичасовое условие), и реже в будни по окончании основной работы. В связи с этим, на наш взгляд, в убытке остаются руководители организаций, где трудятся осужденные, которые вынуждены контролировать трудовой процесс практически круглосуточно. На наш взгляд законодателю необходимо установить дополнительные материальные преимущества для работодателей, принимающих на работу осужденных к обязательным работам, что, по нашему мнению, станет стимулирующим фактором осуществления надлежащего контроля за осужденными на производстве и отработкой ими необходимых часов для завершения исполнения наказания.

Предложенное решение, возможно, станет и решением таких проблем, как борьба с безработными осужденными, страдающими алкоголизмом и наркоманией, которых работодатель не заинтересован принимать к себе на производство, обременяя себя взаимодействием в сотрудниками УИИ и контролем порядка исполнения наказания.

Также считаем интересным предложить сотрудникам УИИ взаимодействовать с центрами занятости населения, что, на наш взгляд, позволит снизить уровень безработицы осужденных, страдающих алкоголизмом и наркоманией. В данном случае взаимодействие предполагает трудоустройство рассматриваемой категории осужденных под контролем центров занятости населения, владеющих информацией о вакантных местах для трудоустройства граждан.

Нахождение осужденного к обязательным работам в отпуске по основному месту работы не является причиной, по которой исполнение данного вида наказания может быть приостановлено. Чего не скажешь, например, о такой причине, как тяжелая болезнь осужденного или признание его инвалидом 1 группы. При наличии перечисленных причин, связанных с ухудшением здоровья осужденного, последний может быть освобожден от исполнения обязательных работ на основании ходатайства УИИ.

Одним из оснований предоставления отсрочки от отбывания обязательных работ являются беременность осужденной со дня ухода в отпуск по беременности и родам.

Считаем необходимым остановиться на вопросах ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде обязательных работ. В случае наступления таковых сотрудники УИИ выносят предупреждение о замене данного вида наказания более суровым в соответствии с действующим уголовным законодательством. Исключением являются случаи совершения осужденным злостных нарушений, к которым относятся:

- не выход на работу осужденного более двух раз в месяц без уважительных причин;
- нарушение осужденным трудовой дисциплины более двух раз в месяц;
- уклонение от отбывания наказания.

В случае уклонения осужденного от отбывания обязательных работ последний незамедлительно объявляется в розыск в случае, если ранее не удалось определить его текущее местоположение.

Рассматривая основания, по которым осужденного к обязательным работам следует считать злостно уклоняющимся в отбывания наказания, отметим, что в настоящее время на законодательном уровне нигде не определен перечень уважительных причин, при наличии которых осужденный

мог не выйти на работу. В данном случае ответственность по установлению наличия оснований признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания в виде обязательных работ или отсутствия таковых возлагается на сотрудников УИИ. Вместе с тем в случае принятия к производству представления инспекции о замене наказания более строгим окончательное решение о признании уважительности или неуважительности причин невыхода осужденного на обязательные работы принимает суд.

При этом законодатель не учел, что для выяснения уважительности причин невыхода осужденного на обязательные работы уголовно-исполнительная инспекция проводит проверку, в ходе которой делает необходимые запросы, опрашивает осужденного, его родственников и соседей. Подготовка запроса и получение на него ответа требуют определенного времени, которое редко составляет 3 дня. Исходя из этого, необходимо закрепить на законодательном уровне перечень обстоятельств, которые могут быть признаны уважительными причинами невыхода на обязательные работы.

Проблемы исполнения наказания в виде обязательных работ не исчерпываются лишь теми, что обозначены в работе. Важность устранения проблем, возникающих при исполнении данного наказания, обусловлена необходимостью повышения эффективности его отбывания, достижения цели исправления несовершеннолетних и снижения уровня повторной преступности.

Так, на основании вышеизложенного, можно сделать следующий вывод о целесообразности пересмотра и доработки законодательства, относящегося, в частности, к исполнению и отбыванию обязательных работ, устранению пробелов в действующем законодательстве и разрешении коллизий, что в свою очередь поможет судам правильно и объективно, в то же время справедливо назначать данный вид наказания. Несмотря на всю эффективность и действенность данного вида наказания, в настоящее время существует необходимость изучения уголовного и уголовно-исполнительного права и пересмотр положений УК РФ и УИК РФ, которые позволят оптимизировать практику исполнения уголовных наказаний в виде обязательных работ.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ [принят 29 апреля 2021 г. № 1138-р] // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru
2. Чубраков С. В. Уголовное наказание в виде обязательных работ (перспективные вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – 194 с.ф

ЕРЕМИНА Анна Андреевна

магистрант Института государства и права Тюменского государственного университета

ВАССАЛАТИЙ Жанна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В данной работе рассматриваются проблемы законодательной регламентации убийства матерью новорожденного ребенка, оказывающие, по мнению авторов, негативное влияние на правоприменительную практику. Авторами ставится вопрос о возможности квалификации деяния по статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации только при наличии у женщины особого психофизиологического состояния, которое оказало непосредственное влияние на совершение убийства новорожденного. Предлагается внесение корректировок в диспозицию рассматриваемой статьи в целях формирования единообразной практики.

Ключевые слова: момент начала жизни, неонатический, психическое расстройство, не исключающего вменяемость, психотравмирующая ситуация, родовый процесс, убийство новорожденного.

EREMINA Anna Andreevna

magister student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

VASSALATIY Zhanna Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

ON THE QUESTION OF THE QUALIFICATION OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER: THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS

This article discusses the problems of legislative regulation of the murder of a newborn child by a mother, which, according to the authors, have a negative impact on law enforcement practice. The authors raise the question of the possibility of qualifying an act under item 106 of the Criminal Code of the Russian Federation only if the woman has a special psycho-physiological condition that had a direct impact on the commission of the murder of a newborn. It is proposed to make adjustments to the disposition of the article in question in order to form a uniform practice.

Keywords: the moment of the beginning of life, neonaticide, a mental disorder that does not exclude sanity, traumatic situation, birth process, murder of a newborn.

Еремина А. А.

Вассалатий Ж. В.

Появление статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве отдельного привилегированного состава преступления было обусловлено необходимостью учета особого психофизиологического состояния женщины, вызванного спецификой родового процесса.

Если прибегнуть к буквальному толкованию статьи 106 УК РФ, можно заметить, что законодателем выделяются три самостоятельных альтернативных варианта совершения указанного преступления в зависимости от времени, от обстановки и от психоэмоционального состояния роженицы: 1) во время и сразу же после родов; 2) в условиях психотравмирующей ситуации; 3) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

При этом временной признак совершения преступления напрямую не связывается законодателем с наличием у роженицы особого эмоционального состояния. И на практике при квалификации подобного рода деяний криминообразующий фактор в виде психофизиологического состояния зачастую опускается и не принимается во внимание правоприменителем. Анализ имеющейся судебной практики показывает, что большая часть убийств новорожденных совершается именно непосредственно после родоразрешения при отсутствии у матери каких-либо отклонений психики, вызванных деторождением.

Так, например, приговором суда района имени Полины Осипенко Хабаровского края от 12.09.2016 по делу № 1-28/2016 по статье 106 УК РФ была осуждена Л. Г. Ваганова, которая совершила убийство своей новорожденной дочери после родов, положив ее на тлеющие угли в металлической печи и закрыв

дверцу топки. Мотивом совершения преступления послужило обычное нежелание Вагановой Л. Г. заниматься воспитанием родившегося ребенка¹. Приговором Базелинского районного суда Удмуртской Республики от 13.07.2020 по делу № 1-111/2020 был установлен факт убийства гражданкой Фофановой В. В. своего новорожденного ребенка непосредственно после рождения ввиду нежелания осуществлять за ним уход и заниматься его воспитанием, а также из-за опасений неустроенности личной жизни².

Видится, что в указанных ситуациях суды при квалификации рассматриваемых деяний по статье 106 УК РФ, руководствовались только лишь темпоральным признаком, отдельно выделяемым законодателем, при этом не обращая внимания на отсутствие у женщин каких-либо психических расстройств или обстоятельств, способных оказывать сильное воздействие на их эмоциональное состояние.

Более того, отдельное указание законодателем при конструировании статьи 106 УК РФ только на время совершения преступления как на самостоятельный альтернативный признак состава преступления порождает вопрос о правомерности квалификации по данной статье убийства новорожденного ре-

- 1 Приговор суда района имени Полины Осипенко Хабаровского края от 12.09.2016 по делу № 1-28/2016 // СПС «Консультант-Плюс».
- 2 Приговор Базелинского районного суда Удмуртской Республики от 13.07.2020 по делу № 1-111/2020 // СПС «Консультант-Плюс».

бенка в случае наличия у матери заранее обдуманного умысла на совершение преступления и производства ей приготовительных действий до начала родового процесса (на стадии беременности) в отсутствии психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Видится, что приготовительные действия в подобных случаях могут выражаться, в частности, в умышленном сокрытии беременности от близких, в намеренном непринятии мер к постановке на учет в медицинском учреждении, а также к созданию иными способами обстановки для совершения преступления. Так, например, из приговора Воротынского районного суда Нижегородской области от 13.07.2018 по делу № 1-34/2018 следует, что подсудимая С. А. Голубева, удостоверившись в своей беременности с помощью теста, хотела изначально ее прервать и избавиться от плода, но, решив, что будет рожать, скрыла этот факт от своей семьи и не встала на учет по беременности. Когда скрывать беременность было невозможно, подсудимая С. А. Голубева намеренно ввела в заблуждение членов своей семьи относительно своего положения, сказав, что у нее образовалась грыжа. А впоследствии сразу же после родоразрешения, не желая воспитывать родившегося ребенка, подсудимая причинила смерть новорожденному, закрыв ему наружные дыхательные пути, вследствие чего наступила механическая асфиксия. Действия С. А. Голубевой были квалифицированы судом по статье 106 УК РФ³.

Считаем, что оценка подобных действий в рамках привилегированного состава противоречит целям, ради которых законодатель пошел на смягчение ответственности для матерей новорожденных.

Данная проблема так же поднимается и в науке уголовного права. Так, например, Л. В. Иногамова-Хегай считает, что законодательно необходимо подвергнуть частичной корректировке диспозицию нормы, «увязав совершение данной разновидности преступления не только с моментом причинения смерти новорожденному, но и с особым психическим состоянием в этот момент его матери. А отсутствие такого состояния должно исключать ответственность по статье 106 УК РФ» [3, с. 21]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения. Действительно, в данном случае время совершения убийства должно коррелироваться с психофизиологическим состоянием женщины и рассматриваться с ним во взаимосвязи. Однако при этом, на наш взгляд, целесообразнее в принципе исключить из диспозиции статьи 106 УК РФ указание на время совершения преступления: «во время или сразу же после родов». Это объясняется следующим.

Во-первых, темпоральный признак, обозначенный в статье, как правило, ограничивается одними сутками после рождения ребенка, а наличие психотравмирующей ситуации и психического расстройства, не исключающего вменяемости, может являться условием привлечения к ответственности по статье 106 УК РФ при совершении рассматриваемого деяния в течение более длительного периода. Из этого логически вытекает «поглощение» одних условий другими. Дополнение темпорального признака новыми приведет к нагромождению законодательной конструкции, в связи с чем подобного рода корректировка диспозиции статьи видится излишней.

Во-вторых, сама законодательная формулировка «во время родов» расходится по смыслу с медицинским определением процесса родов, что порождает сложности при квалификации деяния, поскольку в некоторых случаях в принципе встает вопрос о наличии объекта уголовно-правовой охраны, поскольку неродившийся ребенок еще является плодом. В связи с этим планомерно встает вопрос, в какой момент жизнь ребенка становится объектом уголовно-правовой охраны? Согласно положениям федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов⁴. Соответственно, как законодатель допустил возможность лишения жизни еще неродившегося ребенка, не совсем ясно.

Необходимо обратить внимание еще на один аспект. Опять же законодателем определено, что квалификация деяния как убийства матерью новорожденного ребенка возможна и при его совершении «в условиях психотравмирующей ситуа-

ции». В такой формулировке законодатель не выстраивает причинную связь между наличием психотравмирующей ситуации и совершенным деянием. Употребляя термин «в условиях», законодатель допускает совершение убийства просто при наличии у женщины обстоятельств, способных вызвать у нее особое эмоциональное состояние, даже если они никак не связаны с совершенным деянием. Обязывает ли это правоприменителей устанавливать, что убийство произошло ввиду влияния на женщину именно психотравмирующей ситуации, а не иных обстоятельств? По букве закона – нет, по смыслу – да.

В связи с этим видится, что необходимо изменить в этой части диспозицию статьи, заменив термин «в условиях» на термин «обусловленное», что позволит показать наличие причинной связи между психотравмирующей ситуацией и убийством новорожденного.

Более того, до конца неясно, какой точно период жизни ребенка понимает законодатель под термином «новорожденный». В различных отраслях период новорожденности устанавливается разный: в педиатрии – до 1 месяца (принято использовать для целей уголовного права), в акушерстве – до 1 недели, в судебной медицине – до 1 суток. В науке уголовного права и на практике принято ориентироваться на срок, установленный для неонатального периода в педиатрии, то есть 1 месяц, однако не совсем ясно, как данный срок исчисляется в каждом конкретном месяце, ведь количество дней в них разнится от 28 до 31. Согласно МКБ-10, принятой Всемирной Ассамблеей Здравоохранения, неонатальный период длится 28 полных дней после рождения. В связи с этим, видится, что для целей уголовного права необходимо определять новорожденность, используя именно этот период.

Подводя итог нашему исследованию, считаем необходимым внести изменения в статью 106 УК РФ, исключив из нее указание на время совершения преступления как на самостоятельный составообразующий признак. Также считаем необходимым изменить термин «в условиях» на термин «обусловленное», говоря о психотравмирующей ситуации.

В связи с этим предлагается изложить статью 106 УК РФ в следующей редакции:

«Убийство матерью новорожденного ребенка, обусловленное психотравмирующей ситуацией, или совершенное в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости».

В целях формирования единообразной судебной практики предлагается внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 и добавить в него пункты следующего содержания:

1. «При рассмотрении дел об убийстве матерью новорожденного ребенка судам следует иметь в виду, что в действующей редакции ст. 106 УК РФ под новорожденным следует понимать родившегося ребенка, обладающего признаками живорождения и не достигшего на момент совершения в отношении него преступления возраста 28 дней»;

2. «Разъяснить судам, что при квалификации убийства новорожденного ребенка по ст. 106 УК РФ надлежит устанавливать, что деяние было обусловлено именно психотравмирующей ситуацией, а не какими-либо иными обстоятельствами, либо что оно было совершено в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. В иных случаях лишение жизни матерью новорожденного ребенка надлежит квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо для виновного находящего в беспомощном состоянии».

Если будет установлено, что приготовительные действия к убийству новорожденного велись матерью до начала родового процесса, то в случае совершения такого убийства, ее действия так же надлежит квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Пристатейный библиографический список

1. Брыксина Ю. А. Проблемы квалификации по статье 106 УК РФ. Анализ судебной практики // Оригинальные исследования. – 2021. – Т. 11. № 4. – С. 250-258.
2. Дядюк К. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. – 2017. – № 1. – С. 12-15.
3. Иногамова-Хегай Л. В. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник / Под ред. Иногамовой-Хегай Л. В. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 232 с.

3 Приговор Воротынского районного суда Нижегородской области от 13.07.2018 по делу № 1-34/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 23 ноября. – № 263.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА И ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В данной статье рассматриваются личность несовершеннолетнего преступника и жертва преступлений. Рассмотрена связь личности несовершеннолетнего преступника и жертвы преступления, а также и способ совершения преступления. Выявление истинного характера взаимоотношений «преступник-жертва» позволяет установить истинный мотив преступления, индивидуально-личностные особенности преступника, правильно квалифицировать преступление, уточнить обстоятельства его совершения. Такие признаки жертвы, как возраст, психическое и физическое состояние, социальное и должностное положение, имеют существенное значение для расследования.

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего преступника, несовершеннолетний, преступление, подросток, жертва.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service» of Russia

THE IDENTITY OF THE JUVENILE OFFENDER AND THE VICTIM OF THE CRIME

This article examines the identity of a minor criminal and a victim of crimes. The connection between the personality of a minor criminal and the victim of a crime, as well as the method of committing a crime, is considered. Revealing the true nature of the “criminal-victim” relationship allows us to establish the true motive of the crime, the individual and personal characteristics of the criminal, correctly qualify the crime, clarify the circumstances of its commission. Such signs of the victim as age, mental and physical condition, social and official position are essential for the investigation.

Keywords: the identity of a minor criminal, a minor, a crime, a teenager, a victim.

Зорина Н. С.

В современном мире актуальными криминологическими особенностями жертв несовершеннолетних преступников являются одним из информационно важных элементов криминологических характеристик. Существует ряд ключевых особенностей, влияющих на выбор преступником определенной категории жертв, где необходимо изучить особенности и конкретные качества, который образуют виктимный характер поведения жертвы.

По мнению В. П. Коновалова, виктимность представляет собой особую характеристику, выражающуюся в субъективной неспособностью (в силу личностных свойств) избегать собственной виктимизации в условиях, когда это является объективно возможным, или в высокой степени вероятности стать жертвой преступления [1].

Выбор жертвы преступлений несовершеннолетних во многом определяется конкретными свойствами их характера. Зачастую потерпевшими могут стать друзья со школы, соседи по двору, также дети младших классов. Чаще всего жертвами уличных грабежей становятся прохожие люди, но и здесь присутствует естественная взаимосвязь между свойствами жертвы и личностью виновного. В большинстве случаев жертвами являются граждане, которые не могут сопротивляться, такие, как пожилые люди, женщины, и обычные одинокие прохожие.

Необходимо отметить, что, характеризуя поведение жертвы на стадии возникновения криминальной ситуации, нужно отличать некоторые разновидности:

– провоцирующее, которые могут проявляться осознанно и нет, имеющее признаки антисоциального поведения;

– имеющее признаки легкомысленности, где проявляется чрезмерная доверчивость;

– никак не способствовавшее совершению преступления.

При изучении личности несовершеннолетнего преступника необходимо сказать об отношении к своим действиям, об уровне духовности и наличии внутренних моральных «барьеров». Зачастую у таких студентов отсутствует чувство стыда, их не интересуют проблемы других людей, бывают грубыми и наглыми. Несовершеннолетние с завышенной самооценкой, совершая преступление поддерживают свое эмоционально-волевое состояние, как в свою очередь студенты с низкой самооценкой таким образом стремятся самоутвердиться.

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеет определённую специфику, связанную с возрастными особенностями лиц, совершивших преступление. Большое значение в правильной организации расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеет знание подсистемы частной криминологической методики расследования преступлений – криминологической характеристики. Именно она позволяет следователю получить информацию для выдвижения обоснованных следственных версий о расследуемом событии в целом и отдельных его обстоятельствах, установлении основных направлений предотвращения, раскрытия и расследования преступлений. Относительно понятия и элементного содержания криминологической характеристики преступлений в литературе существует множество мнений. Так, ряд авторов определяют её как «...модель криминальных ситуаций и сопутствующих

им обстоятельство, а также последствия преступления определенной категории в форме материальных и идеальных следов, механизм противоправного деяния и способ совершения преступления, предмет преступного посягательства, позволяющие выдвигать версии о расследуемом событии в целом или об отдельных его обстоятельствах и видеть тактическую перспективу расследования» [2].

Однозначно, стоит сказать, что в механизме преступления существует взаимосвязь между преступником и потерпевшим, избирательность, определяемая стороной преступника. Ведь конфликт между преступником и жертвой может принимать разный формат. Более того, жертва преступления до криминального события отличается своим поведением. В зависимости от роли жертвы в ходе совершения преступного умысла выделяют виды поведения со стороны жертвы преступления, такие как: позитивное, нейтральное, провоцирующее. Под позитивным поведением подразумевается – поведение, направленное на устранение разногласий и конфликтных ситуаций, на пресечение преступления. Нейтральное поведение не способствует совершению преступления, но и не препятствует. Провоцирующее поведение часто называют отрицательным, так как данное поведение воздействует на формирование преступного намерения.

Прежде всего провокационное поведение жертвы, которое способствует проявлению у преступника отрицательных эмоций, как злость, ярость и гнев, приводит к правонарушениям. Вследствие чего, подросток, подвергаясь многократным унижениям, может в порыве гнева причинить физическую силу к обидчику.

Зачастую, несовершеннолетний может совершить преступление к своим одноклассникам, где подростки воспитываются в неблагополучных семьях и подвержены издевательствам, так называемому буллингу, что может привести к противоправному поведению.

Несомненно, стоит сказать, что жертва часто сама провоцирует на преступное деяние своим внешним вызывающим видом, разгульным образом жизни, проводя время с малознакомыми людьми, злоупотребляя спиртными напитками. Тем самым все эти факторы могут привести к совершению преступления.

Чаще всего становятся жертвами люди, которые могли принять меры, чтобы предотвратить преступление. Но из-за своей невнимательности могут оставить дверь либо окно открытым, а также открыть дверь незнакомым людям и тем самым спровоцировать кражу или ограбление по отношению к ним.

Зачастую несовершеннолетние, которые совершают преступления, действуют независимо от всех обстоятельств, возникающих в момент совершения преступления.

Чаще всего несовершеннолетние прибегают к примитивным способам совершения преступления, таким как:

- проникнуть в помещение через открытое окно;
- вторгнуться с помощью взлома, где не требуется физическая сила;
- используют простые варианты блокировки, которые они могут сделать сами.

Необходимо подчеркнуть, что механизм формирования преступлений, которые совершают несовершеннолетние, имеет свои отличительные черты, где в процессе совершения преступления выявляется значительное количество различных следов.

Рассматривая корреляционные связи между преступником и жертвой, можно сделать вывод, что они совершенно не однотипны, но в то же время можно заметить разные типы и уровни этих отношений. Необходимо выделить следующие виды по степени близости и продолжительности отношений жертвы с преступником: лица, которые состоят с несовершеннолетним преступником в близких или родственных свя-

зях; люди, знакомые с преступником (друзья, знакомые, иногда коллеги по работе); лица, не знакомые с преступником.

Особое внимание необходимо обратить на такой фактор как несчастная любовь, где подростки в силу своего возраста испытывают наивность, слишком доверчивы и в последствии получают разочарование в любви. Таким образом несовершеннолетним преступником может выступать подросток, которого бросили – безответная любовь, где ему не отвечают взаимностью и он, находясь в непонимании ситуации, начинает агрессивно себя вести к своей жертве. Сначала могут контролировать свою жертву, угрожать, следить и наблюдать за ней, но если увидят жертву с другим или с другой, то могут совершить преступление в виде хулиганства и даже убийства.

Подросток, находясь в длительном стрессе склонен реагировать дистрессом, возникающим при кризисных ситуациях и разрушающим моральное здоровье ребенка, которое влечет за собой психические отклонения. И тем самым дистрессы повышают риск психологического механизма преступного поведения.

Однозначно, стоит сказать, что и на государственном уровне рассматривается данная проблема и предлагаются пути их решения. В России подростки (несовершеннолетние) представляют возрастную группу до 18 лет под защитой государственных органов и официальных опекунов (родителей, близких, попечителей), гарантирующих заботу, защиту и охрану жизни и здоровья. Подростки как особая социально уязвимая группа попадают под Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ [3].

Следовательно, Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р была утверждена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», где определены меры на развитие, воспитание и социализацию молодежи, а также предполагает проведение комплексной профилактики негативных явлений в молодежной среде и разработку эффективных механизмов профилактики девиантного поведения молодежи [4].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что профилактические меры преступности несовершеннолетних заключаются в комплексе мер, которые прежде всего ориентированы на жизнедеятельность подростков и осуществляться компетентными органами и учреждениями. Процесс профилактики преступности несовершеннолетних должен быть динамичным и соответствовать современным тенденциям развития общества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Коновалов В. П. Изучение потерпевших от преступлений с целью совершенствования профилактики правонарушений. – М., 1982. – С. 6.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: учебник / Под ред. Р. С. Белкина. – М.: Норма, 2000. – С. 687-688.
3. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 29.01.2023).
4. Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 23. – Ст. 3307.

КВИТКО Антон Владимирович

аспирант Югорского государственного университета; Заместитель начальника управления Главного управления МЧС России по Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре, полковник внутренней службы

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ, ПРИЧИНЫ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ЛАТЕНТНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ

В статье рассматривается проблема экологических преступлений, их ценности, масштабов и последствий. Автором делается вывод о разрушительном характере экологической преступности, а также высоком уровне латентности данной категории преступлений, что требует большего внимания к совершенствованию механизма их выявления и раскрытия. Делается вывод, что разработка эффективных мер требует значительных изменений в политике на всех уровнях, в частности, предлагается пересмотреть формы и способы взаимодействия и коммуникации правоохранительных органов при расследовании преступлений рассматриваемой категории, а также повсеместно использовать современные цифровые средства в обозначенной деятельности.

Ключевые слова: латентность, экология, окружающая среда, экологическое преступление, экологическая преступность, причины экологической преступности.

КВИТКО Anton Vladimirovich

postgraduate student of the Ugra State University; Deputy Head of the Department of the Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for the Khanty-Mansi Autonomous okrug-Yugra, colonel of the internal service

ENVIRONMENTAL CRIME: FEATURES, CAUSES OF A HIGH LEVEL OF LATENCY, PROBLEMS OF DETECTION AND DISCLOSURE

The article deals with the problem of environmental crimes, their value, scale and consequences. The author concludes about the destructive nature of environmental crime, as well as the high level of latency of this category of crimes, which requires more attention to improving the mechanism for their detection and disclosure. It is concluded that the development of effective measures requires significant changes in policy at all levels, in particular, it is proposed to revise the forms and methods of interaction and communication of law enforcement agencies in the investigation of crimes in this category, as well as to widely use modern digital tools in the designated activities.

Keywords: latency, ecology, environment, environmental crime, environmental crime, causes of environmental crime.

Усиление защиты окружающей среды стало в центре внимания законодательных и нормативных инициатив во многих странах в последние десятилетия двадцатого века. Сила экологического движения и внимание, уделяемое экологическим преступлениям, опровергаются недостатком систематических данных о их масштабах и распространении, их виновниках и ответных действиях на них.

Важно понимать, что любые проблемы, касающиеся экологии не существуют обособленно от человеческого общества. Окружающая среда находится в опасности ввиду таких серьезных действий человека, которые способствуют загрязнению воздуха, воды и почвы и в целом загрязнению окружающей среды.

Посвяительство человека на природную среду восходит к доисторическим временам, когда наши предшественники впервые сжигали древесину для получения пищи, тепла и света. Однако, в настоящее время многие действия человека являются серьезной угрозой окружающей среде и общественному здоровью. Помимо этого, «качественной особенностью общественной опасности экологических преступлений является возможность наступления вредных последствий не в месте его непосредственного совершения, а в другой географической точке» [2, с. 66].

Существует мнение что ущерб окружающей среде от промышленного производства был неизбежной платой за экономический прогресс [1; 7]. Мы вынуждены не согласиться с указанной точкой зрения, поскольку технический прогресс и его составляющие не являются единственной и непосредственной причиной распространения экологической преступности. Если бы загрязнение и опасные отходы можно было контролировать, то корпорации и отдельные лица могли бы нести ответственность за свое противоправное по-

Квитко А. В.

ведение, и некоторые из этих проступков можно было бы считать преступлением. Таким образом, если бедствия были не естественными, а человеческими катастрофами, то лица, которые их совершают, могут совершать преступления.

Экологические преступления привлекают наибольшее внимание исследователей, а тематические исследования составляют значительную часть исследовательской литературы. Однако, единого мнения относительно сущности, понятия и характерных особенностей экологической преступности до сих пор не выработано. Подобного рода преступности и составляющие ее преступления в научной юридической литературе определяются как «уголовно наказуемые деяния, наносящие вред окружающей среде и ее компонентам» [6, с. 32], «нарушающие правила охраны природы путем негативного воздействия на природную среду, если эти деяния причинили существенный вред охраняемым отношениям» [3] и др.

Следовательно, приходим к выводу о том, что, для того, чтобы признать деяние экологическим преступлением оно должно носить противозаконный характер, наносить существенный вред окружающей среде, и, как следствие, безопасности и благополучию общества, поскольку окружающая среда является условием и средством обитания человека.

Федеральное законодательство криминализирует определенное поведение лиц, наносящее вред окружающей среде. В частности, предусмотрена уголовная ответственность за определенные умышленные действия, которые влекут. Ответственность за рассматриваемую категорию преступлений предусмотрена главой 26 Уголовного кодекса РФ. Они разнятся ввиду субъектов, объектов экологических преступлений и иных особенностей и элементов состава данного преступного посяательства.

До настоящего времени исследования на тему экологических преступлений/вреда были разделены между дисциплинами и усилиями по созданию междисциплинарной платформы, казалось бы, критически важным для продвижения общественных дискуссий вперед, в настоящее время разговор об экологических преступлениях / вреде расширился, и сегодня эти разговоры включают продолжающуюся дискуссию о различных способах концептуализации основных терминов, включая «окружающую среду», «вред» и «преступление».

На наш взгляд, необходимо рассматривать экологическую преступность с позиции междисциплинарного подхода. Важно учитывать, что применение оценочных показателей раскрываемости и уровня экологической преступности не совсем уместно и корректно. На наш взгляд, достоверной и исчерпывающей информации о реальной картине распространности экологических преступлений нет.

На правоохранительные органы возложена основная ответственность за реагирование на экологические правонарушения и преступления. Как правило, они не действуют энергично, и налагаемые наказания не являются суровыми. В то же время, следует заметить, что уголовное преследование экологических правонарушителей происходит нечасто.

Согласно статистике Верховного Суда РФ, экологические преступления составляют 1% в общей структуре уголовных дел, при этом наблюдается тенденция на снижение их числа. Такого рода статистика говорит о высоком уровне латентности рассматриваемой категории преступлений. Сказанное требует наиболее повышенного внимания к исследованию вопросов, связанных с выявлением причин высокой латентности экологических преступлений. Поскольку это «должно стать отправной точкой для совершенствования экологического законодательства и политики в сфере обеспечения экологической безопасности» [4, с. 17].

По нашему мнению, причинами латентности рассматриваемой категории преступлений являются такие как: недостаточное взаимодействие и коммуникация, что негативно отражается на эффективности расследования преступлений рассматриваемой категории; недостаточность интеграции и использования современных цифровых сервисов, спутниковых систем в выявлении и предупреждении экологических преступлений и некоторые другие.

Как верно отмечает В.М. Шеншин «в статистике отражается лишь небольшая часть фактически совершаемых посягательств на окружающую среду, а учет таких преступлений явно не соответствует складывающейся обстановке в сфере охраны окружающей среды, что подразумевает под собой бессмысленность проводимых мероприятий по выявлению, учету, раскрытию и предупреждению экологических преступлений» [9, с. 84]. Справедливость данного тезиса подчеркивается также тем, что «подсчитать экологический ущерб порой практически невозможно (например, выведение из оборота участка земли вследствие радиоактивного загрязнения)» [5, с. 52].

Эти проблемы с определениями осложняются междисциплинарными вопросами, возникающими между естественными и социальными научными дисциплинами. Экологический вред рассматривает основы истории, теории, экономики и биологии в качестве введения и обзора междисциплинарного характера этого предмета исследования. Это влечет тот факт, что категорию экологических преступлений расследуют множество органов дознания (МВД, МЧС, СК РФ). Подобного рода подведомственность объяснима особенностью отдельных экологических преступлений и их последствиями. Однако, стоит констатировать, что между указанными органами на практике сложилось недостаточное взаимодействие и коммуникация, что негативно отражается на эффективности расследования преступлений рассматриваемой категории. В связи с чем, предлагает установить на законодательном уровне формы и способы их взаимодействия, которые будут соответствовать принципам законности, оперативности, системности.

Крайне важно реагировать на ущерб окружающей среде, независимо от его специфического характера, происхождения и динамики. Однако, как лучше всего это сделать, всегда будет спорным. В качестве одной из причин латентности экологических преступлений и низкой их раскрываемости следует обозначить недостаточность интеграции и использования современных цифровых сервисов, спутниковых систем

в выявлении и предупреждении экологических преступлений.

Развитие цифровых технологий постепенно вносит в жизнь человечества различные изменения, связанные с совершенствованием различных отраслей экономики и промышленности. Постепенно продукты развития этих технологий становятся инструментами, без которых невозможно представить современную жизнь. Полностью полагаясь на технику в различных аспектах своей деятельности, человек постепенно попадает в зависимость от нее. Способность некоторых средств являются фактором, который нельзя игнорировать в современных правоотношениях, в том числе связанных с выявлением и раскрытием указанных преступлений.

Так, стоит отметить высокое значение геолокации в процессе выявления, расследования и раскрытия рассматриваемого вида преступности понимается процесс привязки определенного местоположения с помощью географических ссылок к объекту или субъекту. Имеющиеся в настоящее время разработки в области географической информации и технологий, от географических информационных систем до глобальных навигационных спутниковых систем, по нашему мнению, обладают потенциальной ролью как в раскрытии преступлений, так и в предупреждении преступности.

Помимо сказанного, видятся перспективы применения искусственного интеллекта в работе правоохранительных органов, касающихся рассматриваемой категории дел. К таким средствам можно отнести спутниковое наблюдение за большими участками лесов, использование мультиспектральных и панхроматических снимков, термальной карты, беспилотных летательных аппаратов для осмотра территории при помощи камеры и др. [8, с. 137]. Сказанное особенно касается труднодоступных регионов.

Подводя итог, отметим, что экология очень важна для здоровья и благополучия населения, а охрана окружающей среды является одной из главных задач страны. Эта ситуация определяет перспективу дальнейшего рассмотрения вопроса о юридической ответственности за экологические преступления и особенности выявления и раскрытия последних из-за недостаточности полноты исследования обозначенных в настоящей статье проблем, демонстрирующих недостатки в законодательном регулировании и правоприменении при выявлении и раскрытии экологических преступлений.

Пристатейный библиографический Список

1. Клетнева Е. Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: понятие, причины, условия и предупреждение: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.08 Казань, 2007. 260 с.
2. Кузнецова Н. И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 1. С. 64-69.
3. Лавыгина И. В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Байкал. гос. ун-т экон. и права. Иркутск, 2003. 20 с.
4. Романов А. А. О значении исследования латентной экологической преступности // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40). С. 16-20.
5. Савиченко И. А. Проблемы расследования экологических преступлений // Сибирский юридический вестник. 2004. № 1. С. 48-52.
6. Случевская Ю. А. Экологическая преступность: проблемы определения // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 28-33.
7. Татьяна Л. Г., Лукомская А. С., Юлдошев Р. Р. Понятие, сущность и современные перспективы предупреждения экологической преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 103-113.
8. Тихонова А. С. Дистанционные средства, соответствующие экологическим опасностям // Крымский научный вестник. 2019. № 4. С. 135-139.
9. Шеншин В. М. Отражение экологической преступности в статистике. Вопросы статистики. 2017. № 1 (11). С. 81-87.

КУЗЬМИН Сергей Спиридонович

старший преподаватель кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

ЛАКЕЕВ Алексей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

ПЕРСПЕКТИВЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью пересмотра отношения к смертной казни, что обусловлено кардинальными изменениями международно-политической обстановки, а также изменением условий, при которых было приостановлено применение данного вида уголовного наказания. Авторы, характеризуя эти изменения, приходят к выводу о целесообразности изменения редакции ст. 59 УК РФ относительно возможного применения смертной казни к иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Ключевые слова: угрозы национальной безопасности, особо тяжкие преступления против жизни, смертная казнь, устранение препятствий к применению смертной казни, перспективы применения смертной казни.

KUZMIN Sergey Spiridonovich

senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

LAKEEV Alexey Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

PROSPECTS FOR THE DEATH PENALTY AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

The article considers issues related to the need to revise the attitude towards the death penalty, which is due to radical changes in the international political situation, as well as changes in the conditions under which the use of this type of criminal punishment was suspended. The authors, characterizing these changes, come to the conclusion that it is advisable to change the wording of Art. 59 of the Criminal Code regarding the possible application of the death penalty to foreign citizens and stateless persons.

Keywords: threats to national security, especially grave crimes against life, the death penalty, elimination of obstacles to the use of the death penalty, prospects for the use of the death penalty.

При переходе в XXI век наша страна, после развала СССР, оказалась в глубоком комплексном кризисе, который распространился на все сферы жизнедеятельности: внешне- и внутривнутриполитическую, экономическую, финансовую, транспорт, экологию, социальную, медицину, науку и образование, культуру, искусство, спорт, вооруженные силы, законотворчество, правоохранительную деятельность, в том числе, непосредственно предназначенную для противодействия преступности и т.д.

Рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий сопровождаются использованием военной силы. Расшатывание общепризнанных норм и принципов международного права, ослабление и разрушение существующих международных правовых институтов, продолжающийся демонтаж системы договоров и соглашений в области контроля над вооружениями ведут к нарастанию напряженности и обострению военно-политической обстановки, в том числе вблизи государственной границы Российской Федерации. Ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником. Увеличивается опасность перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав. Космическое и информационное пространства активно осва-

иваются как новые сферы ведения военных действий. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию. Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества.

Такая характеристика угроз по отношению к России, изложенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года, является реальностью и находит свое подтверждение в развязывании вооруженного конфликта на Украине, который представляет для нашей страны серьезную проблему в условиях изменяющегося миропорядка. В вооруженном конфликте на стороне украинских националистов участвуют, по существу, все страны военного блока НАТО, частные военные компании, наемники. При этом, данными странами украинским вооруженным силам оказывается массированная помощь по всем направлениям: техническая, информационная, разведывательная, дипломатическая, финансовая и др.

В данном конфликте, в целях пресечения нападения на нашу страну, Главнокомандующий Вооруженными силами Президент РФ В. В. Путин 24.02.2022 года отдал приказ о начале Специальной военной операции (СВО) на территории Украины, результатом которой должны стать ее демилитаризация и денационализация. Проведение СВО является вынужденной мерой и носит оборонительный характер. Ее осуществление усугубляется тем, что войска Украины не соблюдают гуманитарных требований существующих международных Конвенций по ведению военных действий, применяя запрещенные методы и средства по отношению к военнопленным, мирному населению, работникам средств массовой информации. В этом смысле наибольшей жестокостью отличаются наемники, нацистские формирования, частные военные компании, которые не входят в сферу правового регулирования. Следственный Комитет РФ возбудил сотни уголовных дел по фактам массовых убийств населения, жестокого обращения и убийств российских военнослужащих, по случаям инсценировок якобы их преступных действий, применения оружия массового поражения, по террористическим и диверсионным актам и т.д.

При этом, очевидно, что завершение ВСО не будет полной гарантией безопасности общества, государства, населения от совершения террористических актов, диверсий, убийств и других особо тяжких преступлений. Безусловно, условия, в которых находится наша страна сегодня, существенно отличаются от условий 25-летней давности, когда Российская Федерация подавала заявление о вступлении в Совет Европы, от условий 2009 года, когда Конституционный Суд РФ вынес Определение о неприемлемости смертной казни для нашего общества.

Очевидно, основываясь на этом, а также учитывая, что вопросы уголовной ответственности и наказания, включая смертную казнь, должны определяться на основе условий и событий реальной жизни [1, с. 266], в последнее время УК РФ был дополнен рядом положений:

введена ответственность за добровольную сдачу в плен (ст. 352.1), мародерство (ст. 356.1), сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной или иностранной организацией (ст. 275.1), публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил РФ... (ст. 280.3), публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4), нарушение требований по защите государственной тайны (ст. 283.2), организационные формы диверсионной деятельности (ст. 281.1, 281.2, 281.3) и др.;

– в ст. 63 УК РФ введено отягчающее обстоятельство – совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения вооруженного конфликта;

– для большинства преступлений против военной службы законодатель ввел квалифицированные составы, включающие вышеприведенное отягчающее обстоятельство.

Данные отмеченные корректировки уголовного законодательства обусловлены необходимостью консолидации общества в противостоянии с западными странами и блоком НАТО, усиления предупредительного воздействия от наиболее опасных посягательств в настоящее время.

Вместе с тем, изменение международной ситуации, обстановки внутри страны повлекло изменение условий, при которых наша страна взяла курс на приостановление применения смертной казни, в связи с чем до общества необходимо довести позицию государства либо о подтверждении данного курса, либо о его корректировке. К изменению таких условий следует отнести:

а) прекращение каких-либо интеграционных процессов с Советом Европы, Евросоюзом и его структурами, по существу, находящимися на стороне нацистской Украины в вооруженном конфликте. Это, соответственно, освобождает Россию от выполнения обязательств, в том числе, и по отмене смертной казни, взятых при подаче заявления о вступлении в Совет Европы;

б) ослабление, еще в большей степени, обоснованности позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, в котором он ссылался, в том числе, и на международные обязательства как препятствие для отмены смертной казни;

в) вооруженный конфликт на Украине, сопровождающийся совершением особо тяжких преступлений против жизни не только российских военнослужащих, но и мирного населения, в отношении которых предусмотрена смертная казнь (ч. 2 ст. 105, 357 УК РФ), а также совершением особо тяжких преступлений против общественной безопасности (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ) и против государственной власти (ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, 317 УК РФ), включающих составы убийства;

г) субъектами преступлений, указанных выше в п. «в», в подавляющем большинстве являются иностранные граждане и лица без гражданства (наемники, члены частных военных компаний).

Данная агрессия западных стран направлена на ослабление России и удержание мирового господства. Соответственно, наша страна, Китай, Иран, Индия, страны Латинской Америки и др. в разной степени противостоят этому. По существу, это противостояние может продолжаться длительный период времени и сопровождаться другими вооруженными конфликтами. В этих условиях Россия должна иметь полный набор оборонительных средств по защите национальных интересов, включая правовые средства.

И в этой ситуации, мы убеждены, смертная казнь в уголовном праве, как оборонительное средство [2, с. 592], должна быть сохранена при условии ее применения только к иностранным гражданам, лицам без гражданства, участвующим в вооруженном конфликте на стороне противника, и совершающим особо тяжкие преступления против жизни (наемники, участники частных военных компаний, военнослужащие противника и др.).

Такой подход вполне справедлив, так как эти люди воспитаны в иных условиях, придерживаются иных нрав-

ственных ценностей и идеологии, несовместимых с нашими национальными ценностями. И применять к ним наказания, связанные, например, с лишением свободы или пожизненным лишением свободы, не всегда целесообразно. Заниматься исправлением «чужого» человека пожизненно или для того, чтобы вернуть его в свою страну исправленным по-нашему российскому стандарту, неэффективно и безнравственно по отношению к государству, обществу, потерпевшим. Возможность применения смертной казни для данной категории лиц должна быть сохранена в уголовном праве для того, чтобы они имели представление о правовых последствиях совершения ими преступлений, посягающих на жизнь человека.

Для того, чтобы закрепить данное положение в законе, предлагаем дополнить ст. 59 УК РФ примечанием в следующей редакции:

«Примечание. Смертная казнь за совершение особо тяжких преступлений против жизни, предусмотренных настоящим кодексом, может быть назначена только иностранному гражданину или лицу без гражданства».

Наряду с этим нововведением необходимо **дополнить санкции ч. 3 ст. 205 и ч. 3 ст. 291 УК РФ** наказанием в виде смертной казни. Это обусловлено тем, что квалифицированные составы террористического акта и диверсии охватывают умышленное причинение смерти (убийство) и введение для них смертной казни является системным решением, вытекающим из положения Конституции РФ, определяющим возможность назначения данного вида наказания за особо тяжкие преступления против жизни (ст. 20), к категории которых относятся указанные преступления.

В свою очередь, несмотря на дискуссионность темы, применение смертной казни к гражданам Российской Федерации, считаем неприемлемым. Основные аргументы сторонников и противников смертной казни хорошо известны, но мы выделим два аспекта: социальный и правоприменительный.

В социальном смысле неприемлемость смертной казни для соотечественников, совершивших соответствующие преступления, обусловлена непосредственной связью преступника (члена общества) с самим обществом и, соответственно, причастностью общества к формированию причин или условий общественно опасного деяния. Для ответственного общества преступление и преступник – социальное зло и социальная боль самого общества, преодоление которых должно осуществляться общественными (государственными) институтами в рамках функциональной деятельности по исполнению наказаний, определяемых судом.

В правоприменительном же аспекте применение смертной казни неприемлемо в настоящий период времени, в связи с позитивной динамикой преступности, в отношении которой предусмотрена смертная казнь. Общее количество лиц, осуждаемых к пожизненному лишению свободы ежегодно, сокращается и составляет за последние три года: 49 чел. в 2019 г., 44 чел. в 2020 г., 39 чел. в 2021 г.

Это обусловлено, в том числе, позитивной динамикой регистрации и осуждения по статьям УК РФ, предусматривающим смертную казнь. Например, общее количество лиц, осужденных по ч. 2 ст. 105, в 2015 г. составляло 1877 чел., а в 2021 г. – 1073 чел. Сокращение числа осужденных составляет почти двукратное значение. В данном случае, можно говорить о имеющем место превентивном воздействии пожизненного лишения свободы и возвращение в практику смертной казни может его нарушить.

Таким образом, подводя итог, мы можем говорить о том, что XXI век будет конфликтным, в связи с переустройством центров мирового влияния. Этот процесс будет сопровождаться террористической и диверсионной деятельностью, информационным противоборством, борьбой за источники и ресурсы жизнедеятельности, дальнейшим развитием компьютерных технологий и использованием их в преступных целях, осложнятся отношения за использование космического околоземного пространства.

Тем не менее, угроза ядерного самоуничтожения вынудит страны найти компромиссные решения. По вопросу применения смертной казни человечество и наша страна будет продолжать развиваться на основе гуманистических идей, выработанных в XVII-XVIII веках, постепенно ограничивая и отказываясь от нее с учетом реалий конкретного исторического отрезка времени.

Пристатейный библиографический список

1. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. – Тула: Автограф, 2000. – 272 с.
2. Ферри Э. Уголовная социология. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 658 с.

МАКАРОВ Руслан Вячеславович

адвокат Первой коллегии адвокатов Республики Марий Эл

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета

ТЯЖКИЙ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ (СТ. 118 УК РФ): ОШИБКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ, ИХ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассмотрены основные подходы науки и судебной практики при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел по ст. 118 УК РФ. Показаны ошибки, допускаемые правоприменителями при рассмотрении уголовных дел данной категории. Сделан вывод о необходимости ещё на этапе предварительного расследования тщательно выяснять все объективные и субъективные признаки преступления. Необходимо ограничивать неосторожное причинение вреда здоровью от умышленного или невинного причинения вреда здоровью человека.

Ключевые слова: уголовное право, тяжкий вред здоровью, неосторожность, умысел, профессиональные обязанности, ошибка.

MAKAROV Ruslan Vyacheslavovich

lawyer of the First Bar Association of the Republic of Mari El

GABDRAKHMANOV Farit Vadutovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Mari State University

SERIOUS HARM TO HEALTH DUE TO NEGLIGENCE (ARTICLE 118 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): MISTAKES OF THE LAW ENFORCEMENT OFFICER, THEIR CAUSES AND CONSEQUENCES

The article discusses the main approaches of science and judicial practice in the investigation and judicial review of criminal cases under Article 118 of the Criminal Code of the Russian Federation. The errors made by law enforcement officers when considering criminal cases of this category are shown. It is concluded that it is necessary to thoroughly clarify all objective and subjective signs of a crime even at the stage of preliminary investigation. It is necessary to distinguish careless harm to health from intentional or innocent harm to human health.

Keywords: criminal law, serious harm to health, negligence, intent, professional duties, mistake.

Среди преступлений, совершенных по неосторожности, особо выделяется ст. 118 УК РФ, сущность которой составляет причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности¹. Необходимость отграничения от смежных преступлений, определения формы вины и ее видов, установления профессиональных обязанностей представляют трудности для практических работников.

Статья 118 УК РФ является преступлением небольшой тяжести (лишение свободы на срок до 1 года) и характеризуется неосторожной формой вины. Здоровье человека – непосредственный и основной объект статьи 118 УК РФ. Но здоровье человека может быть объектом иных преступлений. Е. А. Рукавишников называет более двух десятков преступлений, где здоровье человека является дополнительным объектом (ст. 143, 263 и др. УК РФ) [9]. Из объективной стороны указанного преступления важно последствие в виде причинения тяжкого вреда здоровью. Поскольку требуются специальные познания обычно обращаются к заключению эксперта.

Из четырех элементов одной из центральных является субъективная сторона преступления в форме неосторожности. Она бывает в виде преступного легкомыслия (самонадеянности) или преступной небрежности. Причинение тяжкого вреда здоровью по легкомыслию имеет место, если лицо предвидело возможность причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего в результате своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение. Причинение тяжкого

вреда здоровью по небрежности означает, что лицо не предвидело возможности наступления тяжкого вреда здоровью потерпевшего в результате своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

При привлечении к уголовной ответственности за преступление, совершенное по неосторожности в форме преступной небрежности, следует иметь в виду, что закон требует в каждом конкретном случае устанавливать не только обязанность, но и реальную возможность лица предвидеть наступившие вредные последствия. Последняя может быть ограничена как объективными условиями, при которых возник несчастный случай с потерпевшим, так и субъективными особенностями человека. Главное отличие в том, что при легкомыслии виновный направляет свои усилия на предотвращение преступных последствий, а при небрежности их не предвидит [4].

Больше всего нарушений допускается правоприменителем при описании интеллектуального и волевого моментов различных форм вины. Так, суд в описательно-мотивировочной части приговора, установив, что Н. желал причинить потерпевшей телесные повреждения, для чего умышленно толкнул её в грудь, далее указывает, что тяжкий вред здоровью потерпевшей причинен Н. по неосторожности². Надо отличать, например, причинение тяжкого вреда здоровью от удара в лицо или последующего падения на землю или любой

1 Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 22 июня 2017 года по делу № 22-987/17.

твердый предмет. Направленность умысла виновного, время его возникновения влияют на квалификацию содеянного.

Виновность субъекта преступления есть базовая опора, на которой строится вменение лицу совершённого им преступления [10]. Необходимо различать причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности и невиновное причинение вреда. Это достигается путем применения положений статей 26-28 УК РФ. Так, по нашему делу К. и Н. были оправданы судом, поскольку «не предвидели возможности причинения тяжкого вреда здоровью малолетнему П. и по обстоятельствам дела не должны были и не могли их предвидеть»³.

Ошибка при расследовании преступления и судебном рассмотрении связана, как правило, с неправильным определением формы вины. Она может быть вызвана несоответствием между указанными в приговоре видами умысла и неосторожности и описанием их интеллектуального и волевого элементов [6], ошибочным выводом об умышленном характере действий виновного. Так, действия осужденного С. были переqualифицированы с ч. 1 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ, поскольку умысел виновного на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего Ш. установлен не был⁴. В другом деле, суд счёл необходимым переqualифицировать действия Н. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ, так как причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего было по неосторожности, и в последующем прекратил уголовное дело в связи с примирением сторон. Суд пришёл к выводу, что тяжкий вред здоровью Ч. был причинён при падении потерпевшего с высоты собственного роста. Подсудимый не желал и не предвидел возможности причинения ему тяжкого вреда здоровью, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть такие последствия, должен был понимать, что потерпевший может упасть и удариться о бетонный пол [1, с. 28-29].

Вторая группа ошибок связана с назначением наказания. Например, апелляционной инстанцией исключались смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. Так, исключено смягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ – совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств⁵. Фактическое признание в силу п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступлений сотрудниками полиции противоречило требованиям ч. 2 ст. 63 УК РФ⁶. Изменялись и виды наказания. Так, апелляционным постановлением изменен приговор суда и в качестве одного из ограничений установлен запрет на выезд за пределы территории муниципального образования города Апатиты Мурманской области (далее по тексту)⁷.

Третья группа нарушений связана с необходимостью мотивировать изменение квалификации действий виновных. Так, в описательно-мотивировочной части приговора о переqualификации действий П. с ч. 2 на ч. 1 ст. 118 УК РФ – причинение тяжкого вреда по неосторожности, не были мотивированы выводы относительно изменения квалификации⁸.

Как известно, статья 118 УК РФ состоит из двух частей, которые относятся к преступлениям небольшой тяжести. Если часть первую в литературе называют простой диспозицией [2], то часть вторую – квалифицированным составом [8]. Она предусматривает уголовную ответственность за то же деяние, то есть причинение тяжкого вреда здоровью по

неосторожности, лицом, которое не надлежаще исполняет свои профессиональные обязанности. Вред причиняется в той сфере и теми лицами, которые призваны гарантировать безопасность здоровья граждан. В уголовном праве эти лица именуются как специальные субъекты.

Е. А. Рукавишников назвал пять категорий субъектов преступления по ч. 2 ст. 118 УК РФ, в том числе лиц, работающих по гражданско-правовому договору, должностных лиц, военнослужащих, государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. Повышение ответственности ряда категорий граждан за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью нельзя рассматривать как нарушение принципа равенства (ст. 4 УК РФ) [9]. Еще на этапе расследования необходимо установить содержание профессиональных обязанностей и приобщить копии документов к материалам уголовного дела. Это может быть трудовой договор, соответствующий приказ, должностные обязанности и т.п. по ч. 2 ст. 118 УК РФ обычно квалифицируются действия воспитателя, медицинского работника, газосварщика и других.

Исследователи Радченко и В. П. Алехин предложили новую формулу неосторожности [7], Н. Л. Козельская – группировать неосторожные преступления в зависимости от наступивших общественно опасных последствий [5], Н. Д. Евлов и Е. А. Рукавишников – числа потерпевших [3] или специальной криминализации причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности двум и более лицам [9, с. 72-73].

Выводы. Важным еще на этапе расследования является выяснение всех объективных и субъективных признаков преступления. Поскольку тяжкий вред здоровью причиняется по неосторожности необходимо отграничить от умышленного или невиновного причинения вреда здоровью человека. Для квалификации по ч. 2 ст. 118 УК РФ первостепенное значение имеет содержание профессиональных обязанностей.

Приставный библиографический список

1. Галюкова М. И. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 25 (201). С. 27-31.
2. Евлов Н. Д. Диспозиции в составах преступлений, совершенных по неосторожности // Теория и практика общественного развития. - 2011. - № 2. - С. 207-209.
3. Евлов Н. Д. Уголовная ответственность и наказание за неосторожные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2001. - 189 с.
4. Зыков Д. А., Шеслер С. С., Шеслер А. В. Содержание небрежности как вида неосторожности // Вопросы российского и международного права. - 2019. - Том 9. - № 1А. - С. 143-148.
5. Козельская Н. Л. Неосторожность как форма вины // Законность и правоприменение в современном обществе. - 2010. - № 2-2. - С. 191-196.
6. Макаров Р. В., Габдрахманов Ф. В. Квалификационные ошибки при определении субъективной стороны преступления и их классификация // Евразийская адвокатура. - 2018. - № 2 (33). - С. 37-42.
7. Радченко С. Н., Алехин В. П. К вопросу о видах неосторожности в российском уголовном праве // В сборнике: Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Редакция: О. Н. Широков [и др.]. 2017. - С. 316-327.
8. Рукавишников Е. А. К вопросу о дифференциации уголовной ответственности по ст. 118 УК РФ // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 352. - С. 117-119.
9. Рукавишников Е. А. Критерии обоснованности установления уголовной ответственности за специальные виды причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности // Вестник Томского гос. ун-та. Право. - 2013. - № 3 (9). - С. 70-76.
10. Федорчукова Ю. Я. Ошибка в уголовно-правовом запрете и административная преюдиция // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 3 (130). - С. 266-277.

3 Приговор мирового судьи судебного участка № 51 Яранского судебного района Кировской области от 28 августа 2020 года по уголовному делу № 1-16/2020 // Приговор хранится в деле Первой коллегии адвокатов Республики Марий Эл.

4 Бюллетень Белгородского областного суда № 2 (февраль) за 2014 год.

5 Апелляционное постановление Чебоксарского районного суда Чувашской Республики от 9.11.2018 по уголовному делу № 10-23/2018.

6 Постановление президиума Ставропольского краевого суда от 31.07.2017 по делу № 44у-280/17

7 Апелляционное постановление Апатитского городского суда Мурманской области от 12 марта 2018 года по уголовному делу № 10-9/2018.

8 Апелляционное постановление Калининского районного суда г. Челябинска по делу № 10-11/2018 от 28 марта 2018 года.

ОСАДЧАЯ Наталья Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской государственного университета правосудия

ПЛОХОТНЮК Анастасия Николаевна

магистрант кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской государственного университета правосудия

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Данная статья посвящена анализу установленной в УК РФ ответственности за такое опасное коррупционное явление как хищение бюджетных средств. Авторы, изучив статьи, по которым квалифицируется данное деяние, обосновывают вывод о недостаточности имеющегося уголовно-правового потенциала для борьбы с хищением бюджетных средств. Авторы вносят предложение о введении новых статей в УК РФ и другие предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: коррупция, хищение, бюджетные средства, должностное лицо.

OSADCHAYA Natalya Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

PLOKHOTNYUK Anastasiya Nikolaevna

magister student of Criminal law sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

SOME PROBLEMS OF IMPROVING THE CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO CORRUPTION IN THE ECONOMIC SPHERE

This article is devoted to the analysis of the responsibility established in the Criminal Code of the Russian Federation for such a dangerous corruption phenomenon as embezzlement of budget funds. The author, having studied the articles according to which this act is qualified, justifies the conclusion that the existing criminal-legal potential is insufficient to combat embezzlement of budget funds. The author makes a proposal to introduce new articles in the Criminal Code of the Russian Federation and other proposals to improve legislation in this area.

Keywords: corruption, embezzlement, budget funds, official.

Преступления в сфере экономики могут относиться к коррупционным преступлениям в случае совершения их должностными лицами, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях или лицами, использующими своё служебное положение. Среди этих преступлений хотелось бы уделить особое внимание деяниям, связанным с хищением денежных средств из бюджета. По нашему мнению, такого рода действия представляют повышенную общественную опасность сразу по нескольким причинам. Во-первых, такие преступления наносят огромный ущерб не только государству в лице его органов, но и гражданам и организациям, которые являются налогоплательщиками, то есть от их совершения страдает весьма обширный круг неопределенных лиц. Во-вторых, такие преступления наносят не только имущественный ущерб, но и ставят под угрозу национальную безопасность в целом. В результате хищения бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов и достижение социально значимых результатов, работы выполняются не качественно, что приводит к обрушению стадионов, мостов, приведению в негодность зданий, сооружений, дорог и т.д. В-третьих, такие преступления приводят к разрастанию коррупции, поражающей как ржавчина все устои государства и общества. В-четвертых, когда возбуждаются уголовные дела против расхитителей государственной собственности, в том числе бюджетных средств, это всегда вызывает широкий общественный резонанс, спра-

ведливое негодование граждан и подрыв их доверия к органам государственной власти. В-пятых, в делах о хищениях бюджетных средств всегда фигурируют колоссальные суммы причиненного ущерба, в разы превышающие суммы, установленные законодателям для особо крупных размеров хищений. Исходя из этих аргументов, считаем необходимым серьезно усилить борьбу с хищением бюджетных средств уголовно-правовыми средствами. Такая проблема уже становилась предметом рассмотрения в юридической литературе. Так, например, И. В. Григорьева, проанализировав уголовное законодательство и практику привлечения к ответственности за хищения из бюджета, пришла к выводу, что хищения из бюджета квалифицируются по следующим статьям УК РФ: «мошенничество (предусмотрено ст. 159 УК РФ), мошенничество при получении выплат (предусмотрено ст. 159.2 УК РФ), присвоение или растрата (предусмотрено ст. 160 УК РФ) – главой 21 УК РФ определены как преступления, направленные против собственности» [1, с. 589]. Для этих составов характерно, что объектом в них является собственность, не зависимо от того какому субъекту она принадлежит: государству, предприятию или физическому лицу. В преступлениях, совершенных с использованием служебного положения виновного, появляется дополнительный объект: интересы государственной власти. Предметом в этих составах является чужое имущество, отдельно виды имущества и, в частности, бюджетные средства не выделяются. Объективная сторона

Осадчая Н. Г.

Плохотнюк А. Н.

этих деяний выражается в хищении чужого имущества путем обмана либо злоупотребления доверием, либо в присвоении и растрате вверенного виновному имущества. Субъективная сторона – во всех случаях прямой умысел и корыстная цель. Субъект может быть как общий, так и специальный. Последний предусмотрен в квалифицированных составах как лицо, использующее своё служебное положение. Отдельно необходимо обратить внимание на наказание за анализируемые преступления. «Самое тяжкое наказание за данные преступления – лишение свободы – предусмотрено сроком до 5 (по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ) либо до 6 (по ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160 УК РФ) лет. За совершение преступления по ч. 3 ст. 160 УК РФ предусмотрено также наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Самые тяжкие меры и виды наказаний за мошенничества, мошенничества при получении выплат, присвоениях и растратах предусмотрены соответственно ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.2, ч. 4 ст. 160 УК РФ, по которым в настоящее время квалифицируются хищения бюджетных средств при совершении организованной группой либо в особо крупном размере. Это наказания в виде лишения свободы на срок до 10 лет со штрафом в размере до 1 000 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового» [1, с. 590]. Следовательно, в соответствии со статьей 15 УК РФ данные деяния относятся к категории тяжких. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в анализируемых санкциях не установлен минимальный размер наказаний, а это значит, что он может составить минимум, предусмотренный Общей частью УК РФ. То есть в настоящее время за хищение бюджетных средств суд имеет полное право назначить наказание в виде лишения свободы сроком на два месяца со штрафом в пять тысяч рублей или без такового. Кроме того, в статье не учтен тот факт, что хищения бюджетных средств совершаются в размерах в сотни раз превышающих особо крупный размер, составляющий для хищений стоимость имущества в один миллион и выше. Очевидно, что потенциал статей 159, 159.2, 160 УК РФ явно не достаточен для борьбы с таким опасным коррупционным явлением как хищение бюджетных средств. Как справедливо отмечалось исследователями этой проблемы: «Данное обстоятельство указывает на невозможность при помощи действующих норм главы 21 УК РФ о преступлениях против собственности в полной мере решать охранительные и превентивные задачи, стоящие перед уголовным законом, а также соблюдать принцип справедливости уголовной ответственности при ее реализации в отношении лиц, совершивших хищения бюджетных средств с использованием своего служебного положения и в размере, значительно превышающем один миллион рублей» [2, с. 17]. Поэтому мы присоединяемся к мнению ученых, считающих необходимым введение отдельной статьи в УК РФ, позволяющей бы эффективно бороться с данным явлением. Так, И. В. Григорьева пишет: «...считаем, что законодательный подход, не делающий различий в охране имущества граждан, организаций, муниципалитетов или государства, не соответствует современным потребностям противодействия коррупционной и иной корыстной преступности, создавая угрозу экономической безопасности России» [3, с. 205]. С ней солидарны и другие ученые: «на сегодняшний день возникли основания для выделения нового состава хищения чужого имущества – хищение бюджетных средств, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в размере, который в два или более раз превышает особо крупный размер, установленный в примечании 4 к ст. 158 УК РФ» [2, с. 18]. Вместе с тем вызывает сомнения предложение о выделении государственной собственности в отдельный объект уголовно-правовой охраны. И. В. Григорьева утверждает, что «в настоящее время сформировались социальные и юридические

предпосылки для выделения государственной собственности в качестве относительно самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, что будет способствовать дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности и повышению эффективности предупреждения посягательств на соответствующие общественные отношения» [4, с. 120]. Мы считаем, что такой подход к охране государственной собственности будет противоречить Конституции РФ, которая устанавливает равную защиту всех форм собственности. Повышенная общественная опасность хищения бюджетных средств состоит не в том, что это преступление посягает на собственность государства, а в том, что при его совершении страдают дополнительные объекты: государственная власть и государственная безопасность. В то же время, мы считаем, что норма, предусматривающая ответственность за хищения бюджетных средств, должна находиться именно в 21 Главе УК РФ. Это аргументируется тем, что среди выявленных преступлений, связанных с незаконным освоением бюджетных средств, за 2019 – 2021 годы хищения в несколько раз превышают остальные виды преступных посягательств на бюджетные средства [5]. Можно утверждать, что хищения являются типичными видами посягательств на бюджетные средства и иное имущество, находящееся в государственной собственности.

Предлагаем ввести следующую уголовно-правовую норму в законодательство РФ.

Статья 160.1. Хищение бюджетных средств или иного имущества, находящегося в государственной собственности

1. Хищение бюджетных средств или иного имущества, находящегося в государственной собственности, в размере, превышающем два миллиона пятьсот тысяч рублей, совершенное путём мошенничества, присвоения или растраты, а равно использования служебных полномочий –

наказывается ...

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно в размере, превышающем десять миллионов рублей, –

наказывается ...

3. То же деяние, совершенное организованной группой, а равно в размере, превышающем сто миллионов рублей, –

наказывается ...».

Кроме того, необходимо внести дополнение в статью 104.1 пункт «а» о конфискации денег, ценностей или иного имущества, полученных в результате совершения преступления, предусмотренного статьей 160.1 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Григорьева, И. В. Уголовная ответственность за хищения бюджетных средств: постановка проблемы // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 588-592.
2. Борисов С. В., Моисеев С. С. О целесообразности выделения хищения бюджетных средств в самостоятельный состав преступления // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 15-19.
3. Григорьева И. В. Хищения государственных бюджетных средств как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5. – С. 204-206.
4. Григорьева И. В. Направления совершенствования уголовно-правовых мер по противодействию хищениям государственной собственности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 2. – С. 118-121.
5. Сведения ГИАЦ МВД России за 2019-2021 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 5.12.2022 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-241-242

НОВОСЕЛОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ СРОКОВ ПРИ УБИЙСТВЕ МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

В статье анализируются проблемы определения временных сроков при убийстве матерью новорожденного ребенка, таких как «во время родов» и «сразу после родов». Особенность преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ состоит в том, что потерпевшим всегда является новорожденный ребенок родившей его женщины, а субъектом – его биологическая мать. Появление данной нормы вызвало массу неоднозначных и противоречивых суждений среди ученых относительно оценки действий всех участников данного преступления и оснований выделения данного состава в привилегированный. Определенные сложности вызывают вопросы соотношения убийства матерью новорожденного ребенка со смежными составами преступлений, в частности, с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также с п. «б» ч.2 ст. 111 УК РФ.

Ключевые слова: новорожденный ребенок, убийство во время родов, убийство сразу после родов, судебно-медицинский критерий новорожденности, педиатрический критерий новорожденности, акушерский критерий новорожденности, биологическая мать, суррогатная мать, привилегированный состав убийства.

NOVOSELOVA Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow State Pedagogical University

PROBLEMS OF DETERMINING TIME LIMITS WHEN A MOTHER KILLS A NEWBORN CHILD

The article analyzes the problems of determining time periods when a mother kills a newborn child, such as “during childbirth” and “immediately after childbirth”. The peculiarity of the crime under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation is that the victim is always the newborn child of the woman who gave birth to him, and the subject is his biological mother. The appearance of this norm has caused a lot of ambiguous and contradictory judgments among scientists regarding the assessment of the actions of all participants in this crime and the grounds for allocating this composition to a privileged one. Certain difficulties are caused by the issues of the correlation of the murder of a newborn child by a mother with related crimes, in particular, with paragraph “с” of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as with paragraph “b” of Part 2 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: newborn baby, murder during childbirth, murder immediately after childbirth, forensic medical criterion of newborn, pediatric criterion of newborn, obstetric criterion of newborn, biological mother, surrogate mother, privileged composition of the murder.

Новоселова С. С.

Как представляется автору, право всегда шире по сравнению с законодательством и, видимо, изменение законодательства обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, немаловажную роль играют всевозможные преобразования в разных сферах общественной жизни, в частности: в социальной, экономической, духовной; во-вторых, поводом к указанным изменениям могут быть попытки усовершенствования отдельных категорий или институтов в праве. И то и другое является основой для осмысления социального заказа, касающегося извечного вопроса совершенствования действующего законодательства. Видимо отмеченное целиком и полностью относится и к проблеме, вынесенной в заглавии настоящей статьи.

01.01.1997 года в УК РФ была введена самостоятельная норма об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, которая является привилегированной по отношению к основному составу убийства, поскольку при его совершении в большинстве случаев имеют место нарушения психофизических свойств, связанных с изменением гормонального фона женщины во время беременности. По нашему мнению, речь идет о проявлении гуманизма по отношению к женщине, находящейся в состоянии волнения, вызванного родами. Однако следует отметить, что убийство матерью своего новорожденного ребенка является крайне аморальным, противоречащим человеческой сущности и природе деянием.

Появление ст. 106 УК РФ вызвало массу неоднозначных и противоречивых суждений среди ученых по поводу начала

уголовно-правовой охраны жизни. Несмотря на то, что в настоящее время в Российской Федерации имеются педиатрические, судебно-медицинские, биологические, акушерские критерии новорожденности ребенка, до сих пор существуют проблемы квалификации анализируемого деяния. Согласно сложившейся правоприменительной практике, и мнений большинства исследователей в анализируемой сфере, убийство во время родов – это причинение смерти ребенку с момента начала, но до окончания физиологических родов. Так, к примеру, по мнению Р.Шарапова, «намеренное умерщвление ребенка во время его рождения путем непосредственного воздействия на его организм может признаваться убийством» [5, с. 33] и содеянное следует квалифицировать как окончательное преступление. В то же время немалый интерес представляет точка зрения Т. В. Кондрашовой, полагающей, что «действия, направленные на прекращение жизнедеятельности рождающегося ребенка, когда он еще полностью не отделился от тела матери» [3, с. 12-13] необходимо квалифицировать через ст. 30 УК РФ как покушение на убийство. Однако доказать совершение такого преступления на практике крайне сложно, поскольку неродившийся ребенок – плод, за гибель которого уголовная ответственность, как известно, не наступает. По мнению ряда исследователей «действия, направленные на устранение опасности, грозящей женщине или неродившемуся младенцу, в результате которых может наступить смерть ребенка, если эта опасность не могла быть устранена иным способом, не должны рассматриваться как убийство» [1, с. 372].

Принято считать, что при убийстве «сразу после родов» признаки новорожденности должны устанавливаться на основании биологического судебно-медицинского критерия и связываться сроком продолжительностью «одни сутки» [2, с. 45]. Согласно данному критерию, новорожденный – младенец, у которого не исчезли наружные и внутренние признаки плода, такие как: наличие пуповины, следы крови на коже, родовая опухоль и иные, сохраняющиеся как правило в течение двадцати четырех часов с момента появления его на свет. В то же самое время в соответствии с судебно-медицинскими показателями ребенок считается новорожденным в течение семи суток после рождения, независимо от наличия у него признаков плода [4, с. 221]. Важно при этом отметить, что в ст. 106 УК РФ, к сожалению, не прописан, какой именно критерий новорожденности положен в основу определения периода «сразу после родов», что порождает определенные сложности и проблемы при применении данной нормы на практике. Лишение жизни новорожденного может быть совершено как в форме активного действия, например, нанесение всевозможных увечий, ран и т.д., так и в форме бездействия, в том числе путем осознанного отказа от кормления родной матерью своего новорожденного ребенка либо путем его оставления в местах с пониженной температурой, в том числе на улице в сильный мороз.

Как представляется автору, чтобы избежать возможных ошибок при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, в настоящее время назрела острая необходимость введения в данную норму примечания, устанавливающего начальный момент уголовно-правовой охраны жизни и законодательное закрепление соответствующего критерия новорожденности.

По УК РСФСР, действовавшему до 01.01.1997 г., убийство новорожденного ребенка являлось квалифицированным составом убийства, относилось к категории особо тяжких преступлений и ответственность за него наступала с 14-ти лет, что на взгляд автора являлось разумным и вполне обоснованным. По ст. 106 УК РФ, относящейся к категории преступлений средней тяжести, субъект – биологическая мать новорожденного, достигшая шестнадцатилетнего возраста ко времени совершения преступления.

Полагается, что в случае убийства своего новорожденного ребенка во время или сразу после родов мать, не достигшая 16-ти летнего возраста, не может быть вообще привлечена к уголовной ответственности ни по данной норме УК РФ, как не достигшая установленного возраста уголовной ответственности, по причине не возможности осознания всей ответственности и сущности материнства, ни по п. «в» ч. 2 ст. 105 действующего УК РФ, поскольку при конкуренции основного и привилегированного составов, а ст. 106 УК РФ является привилегированным составом по отношению к ст. 105 УК РФ, квалификация производится по статье УК, предусматривающей привилегированный состав. В тоже самое время, за убийство своего ребенка, достигшего, к примеру, двухмесячного возраста, его биологическая мать, не достигшая 16-ти летнего возраста на момент его совершения, будет привлечена к ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Известно, убийство матерью новорожденного ребенка – умышленное преступление. При этом, поскольку в диспозиции анализируемой нормы отсутствуют какие-либо оговорки по поводу момента возникновения и реализации умысла матери на убийство своего новорожденного малыша, идея на которое могла возникнуть во время ее беременности, можно сделать вывод, что даже преднамеренное, заранее спланированное, хладнокровное и обдуманное лишение жизни своего новорожденного ребенка, нередко из-за нежелания подвергать себя операции искусственного прерывания беременности, осуществленное в период, указанный законодателем, те «во время» или «сразу после родов» должно подлежать квалификации по ст. 106 УК, а не по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Такое смягчение ответственности со стороны законодателя может быть объяснено в нежелании матери воспринимать рождающегося человека как самостоятельного живого существа, что на наш взгляд является крайне неверным, излишне гуманным и лояльным, что способствует впоследствии порождению у женщин чувства безнаказанности, вседозволенности, несмотря на совершение столь циничного деяния.

Как уже ранее было сказано, субъектом ст. 106 УК РФ является биологическая мать новорожденного ребенка. Однако, абсолютно не ясно как поступить в ситуации, если

ребенка выносила и родила суррогатная мать, достигшая к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности и лишившая его жизни «во время» или «сразу после родов». Так, по мнению А. Н. Красикова [2, с. 46-47], суррогатная мать не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, так как она вынашивает не своего ребенка, исходя из родственных или меркантильных соображений. В диспозиции анализируемой нормы правильнее использовать термины не «мать», а «роженица» и «родильница» в силу того, что с момента начала процесса родов женщину называют роженицей, а после рождения плода, изгнания последа – родильницей.

Учитывая, что в ст. 106 УК речь идет о специальном субъекте преступления, которым суррогатная мать не является, ее действия, направленные на причинение смерти новорожденному ребенку в обозначенный законом отрезок времени, надлежит квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, относящегося к категории особо тяжких преступлений, в то время как действия биологической матери, лишившей жизни своего новорожденного ребенка «во время» или «сразу после родов» квалифицируются по ст. 106 УК РФ. С данной позицией сложно согласиться в полной мере, поскольку суррогатная мать выполняет те же функции вынашивания и рождения ребенка, что и любая биологическая мать, испытывая во время родов физические и психические мучения, что не может не сказаться на состоянии ее организма, в первую очередь, на состоянии ее психики, и, в конечном итоге, может найти выражение в совершении насильственных действий в отношении новорожденного ребенка.

Вместе с тем, с юридической точки зрения женщина считается матерью лишь с момента установления рождения ребенка органом записи актов гражданского состояния. Следовательно, возникает резонный вопрос, будут ли ее действия, направленные на лишение жизни новорожденного ребенка квалифицированы по ст. 106 УК РФ до записи ее в качестве биологической матери?

Вызывает также недоразумение и то, что при лишении жизни матерью новорожденного ребенка, а ведь речь идет о причинении смерти беззащитному малышу, уголовная ответственность намного ниже, поскольку квалификация осуществляется по привилегированной норме, нежели чем при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью малолетнему, являющимся квалифицированным составом ст. 111 УК РФ и представляет повышенную степень общественной опасности по сравнению со ст. 106 УК РФ, что проявляется в достаточно суровом и строгом наказании. К примеру, 15-летняя мать, лишив жизни новорожденного ребенка, освобождается от уголовной ответственности как не достигшая установленного законом возраста, в то время как 14-летняя девушка, причинив тяжкий вред здоровью своему новорожденному малышу, будет подвергнута наказанию на основании п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ на срок до десяти лет лишения свободы.

К сожалению, в настоящее время статья 106 УК РФ нуждается в полном ее преобразовании, поскольку указанная норма в действующей редакции противоречит принципу справедливости уголовного закона, способствует закреплению снисходительного отношения к матери, убившей своего ребенка, и подрывает конституционный принцип охраны жизни любого человека.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / Отв. ред. И. А. Подройкина. – Москва: Проспект, 2015. – 560 с.
2. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 212 с.
3. Кондрашова Т. В. Пробелы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – 348 с.
4. Андрушко П. А., Арямов А. А., Бабий Н. А. (и др.) Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / Отв. ред. А. И. Чуцаев. – Москва: Проспект, 2014. – 680 с.
5. Шарапов Р. К вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни // Уголовное право. – 1999. – № 4. – 80 с.

ПАНТЮШИНА Анастасия Игоревна

аспирант Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ПУБЛИЧНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОВЛЕКШЕЕ ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (СТ. 207.2 УК РФ): ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Подробно описывается юридическое содержание признаков, свойственных общественно-опасному действию через современное понимание публичности и способов придания правдивости заведомо ложной общественно значимой информации. Придается критике законодательное закрепление разнопорядковых общественно-опасных последствий, сопряженных с причинением вреда здоровью различной степени тяжести, в рамках одной нормы. Выводится несоответствие названия ст. 207.2 УК РФ ее содержанию. Доказывается необходимость криминализации в ч. 3 ст. 207.2 УК РФ использования средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») ввиду повышенной общественной опасности такого способа преступной активности на современном этапе.

Ключевые слова: общественно значимая информация, публичное распространение, фейк, вред здоровью, тяжкие последствия, материальный состав преступления.

PANTYUSHINA Anastasiya Igorevna

postgraduate student of the A. G. and N. G. Stoletovs Vladimir State University

PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE SOCIALLY SIGNIFICANT INFORMATION THAT ENTAILED GRAVE CONSEQUENCES (ARTICLE 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the structure of the objective side of the offense under Art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation). The legal content of the signs characteristic of a socially dangerous action is described in detail through the modern understanding of publicity and ways of giving truthfulness to deliberately false socially significant information. Criticism is given to the legislative consolidation of various socially dangerous consequences associated with causing harm to health of varying severity, within the framework of one norm. The inconsistency of the title of Art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation to its content. The necessity of criminalization in Part 3 of Art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation of using the mass media or electronic or information and telecommunication networks (including the Internet) due to the increased public danger of such a method of criminal activity at the present stage.

Keywords: socially significant information, public distribution, fake, harm to health, severe consequences, material elements of the crime.

Ввиду трендов последнего времени относительно быстротечного обновления действующего уголовного законодательства, ученым и правоприменителям необходимо умело ориентироваться в содержании юридически значимых компонентов новых составов преступлений. Универсальная практика дифференциации всех признаков любого состава преступления по четырем элементам апробирована годами и сомнению не подлежит. Но вместе с тем, юридическое содержание объективной стороны состава любого преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ, представляет особую значимость для правильной идентификации совершенного общественно опасного деяния в качестве преступного. Кроме этого, признаки объективной стороны преступления позволяют проводить разграничение между смежными составами. Соответственно теория объективной стороны имеет, на наш взгляд, принципиально важное значение в современной уголовно-правовой доктрине и практике.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть содержание признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ. Интерес к данному составу преступления обусловлен не только его новизной, но и наличием законодательно закрепленных признаков объективной стороны хотя уже и известных российскому уголов-

ному закону, но воплощенных через призму охраны совершенно новых общественных отношений, развивающихся в рамках обмена общественно значимой информации.

Так, диспозиция ч. 1 ст. 207.2 УК РФ содержит указание на публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека. Ученые уточняют содержание такой информации и указывают на «публичное распространение ... информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств» [1, с. 244].

Содержание указанной нормы уголовного закона свидетельствует о том, что объективная сторона преступления выражена в деянии, состоящем в действии, т.е. речь идет об активном поведении субъекта преступления. Центральным здесь выступает такой способ действия, как «распространение». Но, к сожалению, в самой ст. 207.2 УК РФ содержание данного понятия не раскрывается. Указывается лишь на обязательный публичный характер такого действия. Также с распространением напрямую связан и еще один указанный

в законе способ, заключающийся в придании распространяемой ложной информации вида достоверности. Рассмотрим эти способы подробнее.

«Распространение» подразумевает сообщение, доведение сведений о якобы действительных фактах, касающихся какой-либо общественно значимой информации, будто бы имевших место в прошлом или существующих в настоящее время и сопряженные с описанием конкретных фактов. «Публичный» согласно этимологии этого слова означает «в присутствии публики, открытый» [5, с. 547]. А «публика» – это «лица, находящиеся где-нибудь в качестве зрителей, слушателей, пассажиров и т.п., а также вообще – люди, общество» [5, с. 547].

С юридической стороны вопроса публичность в рассматриваемом контексте подразумевает, что распространяемая информация ориентирована на обширный круг потенциальных адресатов. Как правило распространяемая информация становится достоянием общественности, когда неопределенное число лиц может с ней ознакомиться (услышать, прочитать). Соответственно оповещается неограниченный, непсонифицированный круг граждан, который вводит в заблуждение относительно истинного содержания распространяемой информации. Иными словами, у субъекта преступления отсутствует персональная адресность распространяемых сведений.

При этом Верховный Суд РФ, раскрывая особенно сти признака публичности распространения информации, ориентирует правоприменительные органы на то, какие именно способы наиболее благоприятствуют совершению рассматриваемого преступления¹. Анализируя данные рекомендации, мы приходим к выводу о том, что традиционная известная издревле концепция отождествления публичного способа изложения информации с физическим выступлением перед большим количеством людей на митингах, шествиях, собраниях, использование плакатов и листовок хотя и признается в рассматриваемом контексте способом придания сведениям публичности, но явно утрачивает свою ресурсность. Современная эпоха цифровизации и погоня за оперативностью распространяемых данных настолько облегчает взаимодействие между людьми, что публичность такого распространения достигается, как правило, за счет использования средств массовой информации, сайтов в сети Интернет (социальные сайты типа ВК, ОК и т.п.), мессенджеров с соответствующей веерной рассылкой сообщений (например, Telegram и т.п.), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т.п.

Вместе с тем, для граждан, которые ознакомились с заведомо ложной общественно значимой информацией и поставили под соответствующим сообщением «лайк» или сделали его «репост» на своей публичной странице в Интернете, в последующем может расцениваться при наличии указанных в законе общественно опасных последствий как преступление, предусмотренное ст. 207.2 УК РФ (либо покушение на данное преступление – при отсутствии наступления общественно опасных последствий). Но при этом, анализируя практику

судов по иным уголовным делам, связанным с привлечением к ответственности за публичное распространение каких-либо сведений, отметим, что принципиальное значение в подобных случаях имеет направленность умысла. Умысел должен быть исключительно прямой: виновный должен осознавать общественную опасность своего действия, т.е. что та информация, которую он «лайкнул» или «репостнул» является априори недостоверной, общественно значимой, что такими его действиями она доводится до сведения других лиц (персонифицированных или не персонифицированных); виновный должен предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, закрепленных в ч. 1 или 2 ст. 207.2 УК РФ и желать их наступления. Соответственно подчеркнем, что в квалификации подобных преступлений как никогда прослеживается весьма тесная взаимообусловленность объективной стороны и субъективной стороны.

Вместе с тем, стоит отметить, что, как ни странно, использование средств массовой информации, либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» не указано в уголовном законе в качестве признаков, отягчающих ответственность по ст. 207.2 УК РФ. Хотя тренд по использованию такого признака именно как отягчающего свойственен для многих вновь принятых, либо подвергнутых редакции статей УК РФ (например, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, п. «в» ч. 2 ст. 151.2, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 282, п. «в» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ). Считаем, что указанный признак, характеризующий средства совершения преступления, необходимо предусмотреть в качестве особо отягчающего обстоятельства, как это сделано для большинства составов преступлений, сопряженных с публичными высказываниями относительно иной общественно значимой информации. В связи с этим предлагается дополнить ст. 207.2 УК РФ частью 3 следующего содержания:

«3. Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), - наказываются ...».

Далее опишем те альтернативно возможные формы преступного поведения, которые связаны с приданием заведомо ложной общественно значимой информации вида достоверной:

- ссылки на компетентные информационные источники или публичные высказывания авторитетных специалистов, блогеров;
- использование поддельных документов, видео- или аудиозаписей, либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям;
- фото- или видеомонтаж, в т.ч. с использованием компьютерных техник дополненной реальности.

Подчеркнем, что в современном неинформационном пространстве каждый день предлагается огромный объем информации. Измерить количество недостоверных сведений практически невозможно: чистую ложь заменили так называемые фейки [2], [7], [8], [9]. Растет количество сообщений, направленных не на информирование, а на привлечение внимания, в т.ч. о тех событиях, которые представляют для общества весьма важное значение, а иногда и вовсе сопряжены с качеством их жизни и деятельности. Это напрямую влияет на потребление контента – вместо достоверной информации люди становятся обманутыми, совершают не нужные действия или бездействуют в угоду преступников, которые такую информацию распространяют. Некоторые авторы даже

1 Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2020. - № 6.

расценивают это даже в качестве особой экстремистской деятельности, поскольку такие действия «имеют провокационный и даже агрессивный характер» [6]. Не вступая в дискуссию относительно отнесения подобного рода действий к экстремизму, отметим лишь, что о наличии или отсутствии ложности в сообщаемых сведениях во всех случаях необходимо проводить лингвистическую экспертизу [4].

Наконец, состав преступления, предусмотренный ст. 207.2 УК РФ, является материальным. В классическом уголовно-правовом понимании это означает, что общественно опасные последствия, закрепленные в ч. 1 и ч. 2 ст. 207.2 УК РФ обладают принципиальным криминообразующим значением, если они находятся в причинной связи с совершенных общественно опасным деянием и неизбежно являются его следствием.

По ч. 1 данной статьи в качестве них предусматривается причинение вреда здоровью человека.

Термин «здоровье» законодательно закреплен уже давно и обладает уголовно-правовой окраской, поскольку выступает одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны. Само же понятие «вред здоровью» может характеризоваться большим количеством признаков, которые указаны в диспозиции уголовно-правовых норм. Отправными служат признаки, закрепленные в общих нормах статей 111, 112, 115 УК РФ. На основании этого можем полагать, что норма, закрепленная в ст. 207.2 УК РФ, в этом контексте является бланкетной. Это означает, что для квалификации деяния по этой норме и установления наличия общественно опасного последствия в виде причинения вреда здоровью, необходимо обращаться к разъяснениям на уровне Министерства здравоохранения и содержанию общих норм, предусматривающих уголовную ответственность за причинение вреда здоровью различной степени тяжести. Соответственно криминогенным значением для квалификации по ч. 1 ст. 207.2 УК РФ обладает наступление у потерпевшего медицински подтвержденного диагноза, в соответствии с которым его здоровью причинен легкий, средней тяжести или тяжкий вред здоровью.

Стоит обратить внимание, что согласно общим нормам об ответственности за причинение вреда здоровью, причинение вреда здоровью наказывается по-разному исходя из следующей корреляции: чем более опасен для организма причиненный вред, тем выше степень ответственности (вид и размер наказания, указанного в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ). Однако на примере ч. 1 ст. 207.2 УК РФ обнаруживается ситуация, согласно которой указанная корреляция не соблюдается. А именно, наименее опасный вред здоровью по степени общественной опасности совпадает с наиболее опасным. Считаем, что это можно расценивать в качестве законодательного пробела, который по всей видимости может быть устранен только за счет правоприменительной деятельности. Имеется в виду, что, например, за причинение легкого вреда здоровью суды будут назначать менее строго наказание в рамках санкции ч. 1 ст. 207.2 УК РФ, а за причинение тяжкого вреда здоровью – более строгое. Вариативность выбора вида наказания по ч. 1 ст. 207.2 УК РФ в этом аспекте велика, поскольку предусмотрены такие относительно определенные наказания, как штраф, исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы.

По ч. 2 ст. 207.2 УК РФ предусматривается повышенная ответственность за причинение смерти человека или наступление иных тяжких последствий.

Относительно момента медицинского и юридического определения смерти человека в науке дискуссий не возникает. Все ученые единодушны во мнении, что смерть связывается с необратимыми биологическими процессами, протекающими в мозге человека, приводящими к летальному исходу. Например, современный исследователь А. П. Кузнецов дает следующее определение смерти: «Под смертью человека понимается завершение жизни, при котором прекращается деятельность центральной нервной системы, в результате чего в коре головного мозга наступает необратимый процесс распада белковых тел, и восстановление жизнедеятельности организма становится невозможным» [3, с. 29].

Констатация смерти законодательно регламентирована в ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. «О трансплантации органов и (или) тканей человека»². А более детальные правила определения момента смерти человека, в том числе критерии и процедуры установления смерти человека, утверждены постановлением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950³. Обращение к этим документам необходимо не столько с юридической точки зрения вопроса, сколько с медицинской. Ведь для подтверждения факта смерти сотрудники правоохранительных органов получают соответствующее медицинское заключение.

Что же касается понятия «иные тяжкие последствия», то в законе он официально не толкуется и не раскрывается, хотя имеет весьма длительную историю своего законодательного закрепления в различных нормах Особенной части УК РФ.

Судебная практика относительно квалификации тяжких последствий в иных составах преступлений, указывает, что к ним относится «самоубийство или попытка самоубийства потерпевшего лица»⁴; «оставление потерпевших без жилья или средств к существованию; длительная приостановка или дезорганизация работы предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения – электроэнергии, газа, тепла, водоснабжения и т.п.»⁵; «причинение значимого для организации материального ущерба, влекущего прекращение ее деятельности или доведение организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся кредитным обязательствам»⁶. А по некоторым уголовным делам наличие или отсутствие иных тяжких последствий суды напрямую связывают с суммой причиненного имущественного ущерба не только организациям, но и физическим лицам⁷.

2 Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 62; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 50 (часть III), ст. 8074.

3 Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2012. - № 39. - Ст. 5289.

4 О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16] // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 2.

5 О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14; в ред. от 18 октября 2012 г. № 21] // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2002. - № 8; 2012. - № 12.

6 О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21] // Российская газета. - 2021. - № 159.

7 См., например: Приговор Володарского районного суда от 21.10.2020 по делу № 1-65/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интер-

Руководствуясь указанными весьма широкими критериями, которые наполняют содержание признака «иные тяжкие последствия» отмечаем зависимость его установления в каждом конкретном случае от усмотрения следственных органов и суда. Это продиктовано наличием судебного усмотрения, которое вполне на законных основаниях существует в отечественной правоприменительной деятельности.

В заключении хотелось бы обратить внимание на некий диссонанс между названием ст. 207.2 УК РФ и ее фактическим содержанием. Так, в названии нормы прописано указание на тяжкие последствия, а согласно ее содержанию, сами тяжкие последствия предусмотрены только в ч. 2 этой статьи. Если следовать такой весьма противоречивой логике законодателя, то вред здоровью, предусмотренный в качестве последствия по ч. 1 этой статьи также относится к тяжким последствиям, которые указаны в названии статьи. Но это, во-первых, идет вразрез с законодательной конструкцией иных составов преступлений, где тяжкие последствия также обладают собственным криминальным значением и нередко служат именно обстоятельством, отягчающим ответственность. Во-вторых – с указанной нами выше правоприменительной деятельностью, когда суды в качестве иных тяжких последствий не рассматривают причинение вреда здоровью, поскольку последние также обладают самостоятельным уголовно-правовым значением.

Выход из сложившейся ситуации видится в упразднении в названии ст. 207.2 УК РФ указания на тяжкие последствия и закрепление ее в следующей редакции: «Статья 207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации».

Пристатейный библиографический список

1. Жилина Н. Ю., Миронюк И. В. К вопросу об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Становление и развитие профессии юриста: наследие поколений (памяти юристов-фронтовиков посвящается): Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 29–30 октября 2020 года / Отв. редактор О. В. Моисеева. - Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. - С. 241-247.
2. Каштанова П. А. Регулирование свободы слова в сети интернет в российской федерации // Вопросы российской юстиции. - 2020. - № 1. - С. 294-302.
3. Кузнецов А. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. - 2020. - № 11. - С. 28-31.
4. Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом

достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. - 2022. - Т. 17. - № 2. - С. 49-57.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. - Москва, 1986. - 797 с.
6. Сигарев А. В. Законодательство о противодействии экстремизму: требуется не либерализация, а модернизация // Российская юстиция. - 2021. - № 1. - С. 55-57.
7. Сомов В. А. Слухи как фактор трудового поведения в начальный период Великой Отечественной войны // Историческая психология и социология истории. - 2011. - № 4. - С. 19-32.
8. Сулейманова Ш. С., Назарова Е. А. Информационные войны: история и современность: учеб. пособие. - Москва: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. - 124 с.
9. Трахов А. И., Бешукова З. М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаком публичности // Теория и практика общественного развития. - 2020. - № 7. - С. 78-82.
10. Suleymanova Sh. S., Nazarova E. A. Information wars: history and modernity: textbook. allowance. - Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2017. - 124 p.
11. Trakhov A. I., Beshukova Z. M. Dissemination of deliberately false information (Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): new elements of crimes with a sign of publicity // Theory and practice of social development. - 2020. - № 7. - P. 78-82.

нет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 28.10.2022); Приговор Псковского гарнизонного военного суда от 29.10.2020 по делу № 1-40/2020 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 28.10.2022).

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

РАСТОРОПОВА Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции

ВОПРОСЫ ЭКСТРАДИЦИИ В ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ НЕ НАКАЗЫВАЮТСЯ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В основе экстрадиции обвиняемых либо осужденных по уголовным делам традиционно лежит правило «двойного вменения», согласно которому лицо выдается другому государству в тех случаях, когда совершенное им деяние признается преступным по законодательству как запрашивающего государства, так и государства, которое должно принять решение относительно выдачи.

Однако существует проблема различных подходов взаимодействующих стран при оценке того или иного деяния виновного, что влечет за собой различия в мерах правового реагирования, а именно: в видах наказания, предусмотренного за совершение того или иного преступления. Нельзя не учитывать также и существенной разницы в правовой терминологии уголовно-правовых диспозиций УК различных государств.

В зависимости от текущей правовой позиции государств СНГ и стран ШОС по взаимному согласованию при заключении договоров о правовой помощи в развитие современной международной обстановки и внутренней ситуации государств-участников соглашения норма Конвенции о правовом сотрудничестве государств «Обязанность выдачи» может принимать более довольно либеральный вариант изложения, заключающийся в том, что если просьба о выдаче касается нескольких преступлений, не каждое из которых наказывается в соответствии с законодательством двух государств лишением свободы, то запрашиваемая Страна может разрешать выдачу за такие преступления при условии, что лицо подлежит выдаче по крайней мере за одно преступление, наказываемых лишением свободы на срок свыше 1 года».

Ключевые слова: экстрадиция, международное сотрудничество, лицо, совершившее преступление, правило «двойного вменения» при экстрадиции.

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

RASTOROPOVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department of scientific support of Prosecutor's supervision and strengthening of the rule of law in the sphere of criminal law regulation, execution of criminal penalties and other measures of a criminal legal nature of the Research Institute of the Prosecutor's office of the Russian Federation, justice adviser

ISSUES OF EXTRADITION TO FRIENDLY STATES OF PERSONS WHO HAVE COMMITTED CRIMES THAT ARE NOT PUNISHABLE BY IMPRISONMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The extradition of accused or convicted in criminal cases is traditionally based on the rule of "double imputation", according to which a person is extradited to another state in cases where the act committed by him is recognized as criminal under the laws of both the requesting state and the state, which must decide on issuance.

However, there is a problem of different approaches of interacting countries in assessing this or that act of the perpetrator, which entails differences in legal response measures, namely: in the types of punishment provided for the commission of a particular crime. It is also impossible not to take into account the significant difference in the legal terminology of the criminal law dispositions of the Criminal Code of different states.

Depending on the current legal position of the CIS states and the SCO countries, by mutual agreement when concluding agreements on legal assistance, in the development of the current international situation and the internal situation of the states parties to the agreement, the norm of the Convention on Legal Cooperation of States "Obligation to Extradite" may take a more liberal version of the presentation, that if the request for extradition relates to more than one offense, none of which is punishable under the laws of the two States with imprisonment, the requested Party may allow extradition for such offenses, provided that the person is extradited for at least one of the offenses punishable by imprisonment for more than 1 year."

Keywords: extradition, international cooperation, the person who committed the crime, the rule of "double imputation" in extradition.

Расторопов С. В.

Расторопова О. В.

Одним из ключевых элементов международного сотрудничества в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам является институт выдачи лица, совершившего преступление, другому государству для привлечения его к уголовной ответственности. Подобное международное взаимодействие в юридической литературе справедливо рассматривается в качестве наиважнейшего условия для создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности и мирового правопорядка, представляет собой процесс выработки международных механизмов противодействия и пресечения преступлений, затрагивающих интересы международного сообщества [6].

Под выдачей преступников (или экстрадицией) в международном и уголовном праве понимается передача лица, совершившего преступление (подозреваемого, обвиняемого или осужденного), одним государством другому государству для привлечения его к уголовной ответственности или для исполнения в отношении последнего обвинительного приговора [3].

Выдача обвиняемых либо осужденных – это наглядный положительный пример поведения государств в международных отношениях, эталон соблюдения основополагающих норм международного права и договорно-правовых обязательств [2]. Вот почему отказ в исполнении последних свидетельствует о недружественном характере взаимоотношений между государствами, переводит статус их взаимодействия в разряд непредсказуемого, что не служит общей задаче эффективности противодействия различным проявлениям преступности в мире.

В международной практике получило признание правило, в соответствии с которым правовым основанием выдачи являются международные договоры о выдаче или правовой помощи по уголовным делам либо конвенции по борьбе с конкретными видами преступлений, а также национальное законодательство [4].

В договорах предусмотрены основания выдачи, исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих выдачу, подробные указания о составлении требований о выдаче, правила задержания подлежащих выдаче лиц, отсрочка выдачи и выдача на время, порядок передачи выдаваемых лиц и пределы их уголовного преследования после выдачи и другие вопросы.

При отсутствии международного договора государство может осуществить выдачу лица на основе принципа взаимности, т.е. в соответствии с заверениями иностранного государства, направившего запрос о выдаче, можно ожидать, что в аналогичной ситуации по запросу Российской Федерации будет произведена выдача ч. 2 ст. 462 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

На семинаре по обмену опытом, в процессе обучения на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры Российской Федерации прокуроров Республики Беларусь, последними был затронут вопрос о возможности изменения либо подготовке новой редакции статьи «Обязанность выдачи», содержащейся в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, по причине отказа Генеральными прокурорами государств СНГ при выдаче лица согласия на присоединение к приговору наказания, назначенного выдаваемому лицу по приговору, вынесенному до выдачи, если этот приговор не связан с лишением свободы.

Основанием для такого отказа служит, по мнению белорусских прокуроров, то обстоятельство, что согласие на присоединение приговора фактически является выдачей для его исполнения, что влечет за собой необходимость соблюдения положений пунктов 2, 3 статьи 56 Минской Конвенции и 66 Кишиневской Конвенции. Тем самым из-за несовершенства статьи «Обязанность выдачи» выданное лицо освобождается от исполнения ранее вынесенного в его отношении приговора. Также отмечается, что сложившаяся практика не соответствует одному из основных принципов уголовного права – принципу неотвратимости наказания.

Необходимо отметить, что обязанность выдачи устанавливается в соответствии с положениями Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заклучена в г. Кишиневе 07.10.2002), и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заклучена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) которая регламентирует, что:

– выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание;

– выдача для приведения приговора в исполнение производится за такие деяния, которые в соответствии с законодательством запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых лицо, выдача которого требуется, было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию.

Кроме того, следует подчеркнуть, что Российская Федерация в вопросах экстрадиции исходит из принципа взаимности, регламентация которого предусматривается в уголовно-процессуальном законодательстве. При этом выдача лица на основе принципа взаимности означает, что в соответствии с заверениями иностранного государства, направившего запрос о выдаче, можно ожидать, что в аналогичной ситуации по запросу Российской Федерации будет произведена со стороны иностранного государства подобная выдача.

Применение принципа взаимности, согласно УПК РФ, распространяется не только на выдачу, осуществляемую из Российской Федерации, но и на выдачу, которая запрашивается российской стороной. В соответствии с ч. 1 ст. 460 УПК РФ Российская Федерация может направить иностранному государству запрос о выдаче ей лица для уголовного преследования или исполнения приговора на основе письменного обязательства Генерального прокурора выдавать в будущем, на основе принципа взаимности, этому государству лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Следует заметить, что принцип взаимности при экстрадиции содержится в Уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. Но не только в этом заключается единообразное поведение государств в вопросе выдачи преступников.

Важным также является вопрос относительно круга тех деяний, которые при соответствующих обстоятельствах влекут взаимную экстрадицию. Все дело в том, что за основу принято правило «двойного вменения», согласно которому лицо выдается в тех случаях, когда совершенное им деяние признается преступным по законодательству как запрашива-

ющего государства, так и государства, которое должно принять решение относительно выдачи.

Указанное положение является общепризнанным в доктрине международного уголовного права, а также в договорно-правовой и судебной практике.

При рассмотрении проблем, связанных с «двойным вменением», кроме всего прочего, необходимо иметь в виду, что определение преступности деяния (характера и степени его общественной опасности) – это вопрос внутренней компетенции каждого государства.

Следовательно, возникает проблема различных подходов, взаимодействующих по вопросам экстрадиции государств к оценке того или иного деяния виновного, что влечет за собой различия в мерах правового реагирования, режиме отбывания назначенного наказания и т.д. Нельзя не учитывать также и существенной разницы в правовой терминологии уголовно-правовых диспозиций УК различных государств.

Совершенно понятно, что предметом экстрадиции может быть лишь выдача лица, совершившего преступление. Требование об экстрадиции не может иметь своим основанием совершение лицом иного правонарушения.

Это отнюдь не случайно, учитывая, что именно преступление рассматривается как наиболее серьезное нарушение правового порядка, причиняющее существенный ущерб интересам, являющимся объектом уголовно-правовой охраны. Общественная опасность преступных посягательств значительно выше по сравнению с другими правонарушениями. Причем, как правило, выдача запрашивается за наиболее серьезные деяния, караемые суровыми мерами наказания.

Однако, хотя выдача возможна лишь в случае совершения уголовного преступления, не каждое уголовное преступление влечет за собой безусловную выдачу, поскольку даже в тех случаях, когда рассматривается вопрос об экстрадиции лица, совершившего деяние, являющееся преступлением по законодательству обеих заинтересованных сторон, возможен отказ от выдачи по тому или иному основанию.

Преступления международного характера, будучи особо опасными деяниями довольно часто становятся основанием для экстрадиции, и ряд международно-правовых актов предусматривает выдачу совершивших их лиц для привлечения к уголовной ответственности либо отбывания назначенного наказания. Однако это отнюдь не означает, что иные общеуголовные преступления выпадают из орбиты экстрадиции.

Определение круга экстрадиционных преступлений и установление конкретных преступлений, за которые запрашивается экстрадиция, как правило, относится к предмету международных договоров и при этом не ограничивается преступлениями международного характера.

Важным требованием здесь выступает возможность осуждения за экстрадиционное деяние к лишению свободы на взаимоголасованный срок. Именно критерий тяжести наказания, установленного за экстрадиционное преступление, служит основой для определения круга преступлений, влекущих выдачу.

Как отмечается в юридической литературе, этот способ (т.е. определение экстрадиционных преступлений через критерий тяжести наказания) следует признать наиболее удачным, ибо он позволяет выдавать преступников без сложных правовых исследований относительно состава преступления, действующего законодательства и т.д. К тому же данный способ превалирует в международной договорно-правовой и национальной законодательной практике.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что применительно к Российской Федерации запрос об экстрадиции лица, совершившего преступление и скрывающегося на территории иностранного государства, может быть удовлетворен, если деяние соответствует правилу «двойного вменения» и наказывается лишением свободы на взаимоголасованный между запрашиваемой и запрашивающей сторонами (государствами) срок, который в период установления нового миропорядка, проведения специальной военной операции на территории Украины и появления недружественных по отношению к Российской Федерации государств, может быть пересмотрен в зависимости от текущей правовой позиции государств СНГ и стран ШОС по взаимному согласованию при заключении соответствующих договоров о правовой помощи в зависимости от современной международной обстановки и внутренней ситуации государств-участников соглашения.

Следовательно, предложение Генеральной прокуратуры Республики Беларусь относительно дополнения действующей редакции статьи «Обязанность выдачи» Конвенции нормой следующего содержания: «Если просьба о выдаче касается нескольких отдельных преступлений, каждое из которых наказывается в соответствии с законодательством обеих сторон, либо приговоров, вынесенных за наказуемые по законодательству Сторон преступления, но некоторые из них не отвечают условиям, изложенным в пунктах 2 и 3 настоящей статьи, запрашиваемая Сторона разрешает выдачу за такие преступления либо приговоры при условии, что лицо подлежит выдаче по крайней мере за одно преступление или приговор, влекущие выдачу», заслуживает поддержки и согласования с иными государствами участниками соглашений об экстрадиции преступников.

Пристатейный библиографический список

1. Быкова Е. В., Выскуб В. С. Экстрадиция и права человека: правило «двойной криминальности» // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2013. - № 1. - С. 8-10.
2. Действующее международное право: В 3 т. / Сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. - М., 1996. - Т. 1. - С. 72.
3. Лукашук И. И. Международное уголовное право. - М., 1999. - С. 9-12.
4. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. - СПб., 1900. - Т. 2. - С. 391.
5. Муртазина Г. И. Основные проблемы процедуры экстрадиции и пути их разрешения в условиях глобализации // Велес. - 2016. - № 12-1 (42).
6. Сафаров Н. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. - М.: Волтерс Клувер, 2005. - 416 с.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

В статье рассмотрены отдельные вопросы квалификации диверсии (ст. 281 УК РФ), а также преступлений по вновь введенным уголовно-правовым нормам, устанавливающим ответственность за диверсионную деятельность (ст. 281.1-281.3 УК РФ). Приведены некоторые положения по соотношению указанных деяний с преступлениями террористического характера. Отдельное внимание уделено анализу санкций ст. 281 УК РФ, что позволило сформулировать вывод о том, что для исключения разбалансированности механизмов ответственности за диверсию обоснованно пересмотреть наказание за это деяние.

Ключевые слова: преступление, наказание, диверсия, диверсионная деятельность, государственная измена.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

CRIMINAL LIABILITY FOR SABOTAGE ACTIVITIES THROUGH THE PRISM OF LEGISLATIVE NOVELS

The article deals with certain issues of the qualification of sabotage (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as crimes under the newly introduced criminal law norms establishing responsibility for sabotage activities (Articles 281.1-281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Some provisions on the correlation of these acts with crimes of a terrorist nature are given. Special attention is paid to the analysis of the sanctions of Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, which allowed us to formulate a conclusion that in order to exclude the imbalance of the mechanisms of responsibility for sabotage, it is reasonable to reconsider the punishment for this act.

Keywords: crime, punishment, sabotage, sabotage activity, high treason.

Ступина С. А.

В современных условиях, определяемых проводимой Россией Специальной военной операцией (далее – СВО), особую значимость приобретают уголовно-правовые средства противодействия преступлениям, посягающим на национальную безопасность, поскольку именно эффективно действующая репрессивная система способна стать адекватным барьером на пути лиц, которые своими действиями создают угрозу национальным интересам России, подрывают безопасность нашего государства.

Вначале немного данных официальной статистики [1].

Согласно показателям судимости Судебного департамента при Верховном Суде РФ по итогам 2003 г. за все преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ) был осужден 21 человек. По итогам 2021 г. за эти преступления осуждено 612 человек (527 – число осужденных по основной статье и 85 – по дополнительной квалификации).

В течение периода около двадцати лет, т.е. начиная с 2003 г., количество лиц, осуждаемых за государственные преступления, неуклонно росло. Спад отмечался только в 2009 г. и 2019 г. Причем снижение в 2019 г. было практически наполовину (-45,5 %), что напрямую связано с изменениями, внесенными федеральным законом от 27.12.2018 № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации», которыми фактически путем введения административной преюдиции в состав преступления, пред-

усмотренного ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», это деяние было «декриминализовано».

Пик по количеству таких лиц пришелся на 2017 г., по итогам которого было осуждено 645 человек за преступления по главе 29 УК РФ.

Что касается осужденных по ст. 281 УК РФ «Диверсия», то дела о таких преступлениях скорее исключение в судебной практике. Так, с 2014 г. в России за диверсию было осуждено менее десяти человек. К примеру, в 2019 г. – 3 человека (1- по ч. 1 ст. 281 УК РФ и 2 – по ч. 2 ст. 281 УК РФ), в 2018 г. – 2 чел. по ч. 2 ст. 281 УК РФ, в 2017 г. – 1 чел. по ч. 2 ст. 281 УК РФ. По итогам 2021 г., 2020 г. – ни одного осужденного по ст. 281 УК РФ. Аналогично и в 2014 г., 2015 г.

Вместе с тем реалии современной действительности свидетельствуют, что, независимо от того, что ранее по ст. 281 УК РФ мало лиц привлекалось к уголовной ответственности, такие действия представляют серьезную опасность для государственной безопасности, особенно в период СВО, и требуют пристального внимания со стороны как законодателя и научной общественности, так и правоприменителя.

В целях обеспечения защиты жизни и безопасности граждан, обеспечения государственной безопасности на государственном уровне своевременно разрабатываются и принимаются комплексные меры, в том числе уголовно-правовые.

Так, федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УК РФ дополнен нормами, предусматривающими уголовную ответственность за содействие диверсионной деятельности (281.1 УК РФ); прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (281.2 УК РФ); организация диверсионного сообщества и участие в нем (281.3 УК РФ).

Указанные нормы были введены в том числе и в связи с тем, что имеющиеся ранее в УК РФ меры ответственности за преступления диверсионной направленности не соотносились со степенью общественной опасности и организованности таких преступлений, совершение которых направлено на причинение значительного экономического ущерба, угрозы жизни и безопасности граждан, безопасности важных объектов [2].

Диверсионная деятельность, как показывают условия современной реальности, активно проводится противником в целях дестабилизации и представляют угрозу безопасности РФ.

При анализе указанных введенных норм по ответственности за диверсионную деятельность изначально следует отметить, что спорным является вопрос о санкциях.

Поскольку, одним из мотивов введения ст. 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ было исключение разбалансированности механизмов ответственности, а также неотвратимость и соразмерность наказания за такие преступные посягательства [2], то остается открытым вопрос о том, в связи с чем не изменены санкции за диверсию по ст. 281 УК РФ, в то время как в санкциях вновь введенных норм, предусматривающих уголовную ответственность за диверсионную деятельность (ст. 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ), практически во всех, за исключением ч. 3 ст. 281.1, ч. 2 ст. 281.3 УК РФ, установлено пожизненное лишение свободы.

Отдельно заметим, что по ч. 1 ст. 281 УК РФ предусмотрено за совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

К примеру же, по ч. 3 ст. 281.1 УК РФ за пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, – лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Такое пособничество не требует дополнительной квалификации по ст. 281 УК РФ.

Заметим, что состав диверсии по ст. 281 УК РФ не содержит такого квалифицирующего признака, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору.

Указанное следует учитывать, поскольку в случае пособничества в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, осуществленного участником организованной группы, совершившей такие преступле-

ния, уголовная ответственность должна наступать по ст. 281 УК РФ за диверсию, совершенную организованной группой.

Таким образом, для исполнителя диверсии при отсутствии отягчающих обстоятельств наказание максимально до пятнадцати лет лишения свободы, а для пособника – до двадцати лет.

Равно как для участника именно организованной группы, совершившей диверсию (ч. 2 ст. 281 УК РФ), а не участника диверсионного сообщества, максимальное наказание – двадцать лет лишения свободы, а для лица, осуществляющего склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, т.е., по сути, для подстрекателя к диверсии, максимальное наказание – это пожизненное лишение свободы.

Несоответствие санкций, предусмотренных ст. 281 УК РФ и вновь введенных норм, не способствует индивидуализации и дифференциации уголовного наказания.

Отдельного внимания заслуживают такие вновь введенные обстоятельства, отягчающие наказание, и предусмотренные п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ, как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии, признаки которых раскрываются законодателем в примечаниях 2-4 к ст. 281.3 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за организацию диверсионного сообщества и участие в нем.

В ч. 1 ст. 281.3 УК РФ предусмотрено такое действие, как создание диверсионного сообщества.

Следует обратить внимание на целеполагание диверсионного сообщества, что определяется тем, что такая устойчивая группа лиц, заранее объединилась в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Важно учитывать, что объединение лиц произошло именно с указанной целью.

В таком случае есть определенный момент для последующей манипуляции с квалификацией, поскольку цель при объединении лиц в сообщество может быть многоплановой или иной, например, совершение преступлений экстремистской направленности, что влечет ответственность по ст. 282.1 УК РФ, санкции норм которой существенно отличаются от санкций по ст. 281.3 УК РФ, так как максимально предусматривают двенадцать лет лишения свободы, в противовес пожизненному за организацию диверсионного сообщества.

Практический интерес вызывает формулировка «иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии».

Какие именно преступления законодатель имел в виду?

Возможно по аналогии с правоприменительной практикой по делам об организации террористического сообщества, можно говорить о таких иных преступлениях, совершаемых в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии, как бандитизм, вымогательство, посягательство на сотрудников правоохранительных органов, преступления в сфере компьютерной информации, легализация и т.д и т.п.

В действующем УК РФ нет ни одной уголовно-правовой нормы, которая предусматривала бы ответственность непосредственно за пропаганду, оправдание и поддержку диверсии, как, например, это предусмотрено ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма».

В контексте анализируемого нельзя не сказать и о появлении информационно-психологических видов диверсии. Такой термин используется и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

В свете событий с диверсией на Крымском мосту и той деструктивной деятельностью, которую вели в связи с этим укронацисты в информационно-телекоммуникационной сети интернет, возможно рассмотрение вопроса о целесообразности введения в составы преступлений диверсионной направленности такого квалифицированного состава, как «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»».

В этом контексте следует обратить внимание и на разъяснение, приведенное в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» о том, что квалификация преступления по признаку с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» проводится в том числе и в случае совершения преступления в соучастии, если связь между соучастниками в ходе подготовки и совершения преступления обеспечивалась с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Кроме этого, следует в условиях современных реалий и цифровых технологий дать ответ о возможности создания диверсионного сообщества для пропаганды, оправдания и поддержания диверсии в социальных сетях или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», поскольку те же иноагенты активно с помощью современных технологий привлекают к таким действиям лиц из эмоционально неустойчивой части российского общества.

Конечно же следует понимать, что, если речь идет о преступном, в анализируемом случае диверсионном, сообществе, то как у организаторов и руководителей, так и у участников такого сообщества единый, общий умысел на подготовку либо совершение преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии, а также все участники диверсионного сообщества осознают общую цель функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему.

Кроме этого, следует учитывать и все общие признаки преступного сообщества по ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Также следует принимать во внимание и готовность диверсионного сообщества реализовать свои преступные намерения, о чем может свидетельствовать, например, достижение договоренности между его участниками о публичном оправдании или поддержке диверсии и т.д.

Преступления диверсионной направленности по степени общественной опасности соотносимы с преступлениями террористической направленности, поскольку совершаются с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны [2].

Действительно, способы совершения диверсии и террористического акта идентичны. Отличие этих преступлений заключается в объекте посягательства, в направленности их действий и цели совершения.

Если же осуществляется диверсия или содействие диверсионной деятельности гражданином РФ в целях оказания помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, то полагаем, что в рассматриваемом случае совершенное следует квалифицировать по совокупности с государственной изменой по ст. 275 УК РФ.

Таким образом, как никогда назрела необходимость выработки Верховным Судом РФ разъяснений по квалификации преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за осуществление диверсионной деятельности.

Также полагаем обоснованным пересмотреть наказание за диверсию по ст. 281 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 31.12.2022).
2. Пояснительная записка к законопроекту № 253939-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за осуществление диверсионной деятельности). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/253939-8> (дата обращения: 31.12.2022).

ШЛОМИНА Валерия Валерьевна

следователь следственного отдела ОМВД России по Яковлевскому городскому округу Белгородской области

ФЕНОМЕН СКУЛШУТИНГА КАК ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

В данной статье рассматривается феномен скулшутинга с точки зрения взаимосвязанных этапов в поведении подростков, которые включают в себя: хроническое напряжение, неконтролируемое напряжение, острое напряжение, этап планирования и совершение массового убийства. Раскрыто содержание каждого этапа в отдельности с подкреплением примеров актов скулшутинга на территории Российской Федерации. Также проанализированы законодательные меры в сфере огнестрельного оборота оружия, аспекты регулирования международного молодежного движения «Колумбайн», направленные на предупреждение актов массовых убийств подростками в образовательных учреждениях. Предлагаются пути их совершенствования в данном направлении.

Ключевые слова: скулшутинг, молодежь, школьный стрелок, несовершеннолетние, колумбайн, массовое убийство.

SHLOMINA Valeriya Valerjevna

investigator of the Investigation Department of the DMIA of Russia for the Yakovlevsky urban district of the Belgorod region

THE PHENOMENON OF SCHOOLSHOOTING AS A SOCIAL AND LEGAL PROBLEM OF OUR TIME

This article examines the phenomenon of schoolshooting from the point of view of interrelated stages in the behavior of adolescents, which include: chronic tension, uncontrolled tension, acute tension, the planning stage and the commission of mass murder. The content of each stage is disclosed separately with the reinforcement of examples of schoolshooting acts on the territory of the Russian Federation. Also analyzed are legislative measures in the field of firearms trafficking, aspects of regulation of the international youth movement "Columbine" aimed at preventing acts of mass murder by teenagers in educational institutions. The ways of their improvement in this direction are proposed.

Keywords: schoolshooting, youth, school shooter, minors, columbine, mass murder.

В настоящее время особое внимание общества привлекают акты насилия в виде массовых убийств учащихся и работников образовательных организаций с применением оружия. Чаще всего такие преступления совершают либо несовершеннолетние ученики, либо лица, недавно окончившие данные учебные учреждения. Подобные действия в российской криминологии получили название «school shooting», «скулшутинг» (стрельба в школах - пер. с англ.) [1]. Однако, не всегда преступники в качестве предмета преступления используют огнестрельное оружие. В ход также идут ножи, бейсбольные биты, коктейли Молотова, топоры и даже самодельные взрывные устройства. Принято считать, что начало российского скулшутинга было положено в 2014 году. За последние восемь лет динамика данного феномена прогрессивно растет. Увеличивается как количество самих инцидентов, так и число жертв, пострадавших. В связи с этим возникла необходимость в исследовании проблемы совершения данного феномена и путей его предупреждения.

Впервые о случае скулшутинга заговорили после трагедии в школе «Колумбайн», произошедшей 20 апреля 1999 года. Через СМИ и интернет данный инцидент получил широкое распространение не только на территории США, но и по всему миру. После чего название школы «Колумбайн» стали использовать как синоним к массовым убийствам в образовательных учреждениях [2].

Чтобы объяснить генезис вооруженных нападений, совершенных учащимися в школах, американские психологи Эрик Мэдфис и Джек Левин выявили взаимосвязанную пятиэтапную последовательную модель. При этом они рассматривают каждый из этапов как обязательное условие для совершения преступления [3].

1. Хроническое напряжение. Данная стадия заключается в том, что подросток, испытывая различные жизненные трудности, начиная от семейных конфликтов, проблем со сверстниками, и заканчивая отсутствием материального успеха, неудачами в достижении индивидуальных целей, впадает в состояние долговременного разочарования. В следствие чего адаптироваться к сложившимся обстоятельствам несовершеннолетние могут с помощью различных форм девиантного и преступного поведения.

Так, 10 мая 2018 года, учащийся 1 курса Барабинского филиала Новосибирского колледжа транспортных технологий имени Н. А. Лунина Илья И. из двустольного охотничьего ружья ИЖ-12 совершил нападение на однокурсников со словами «Раньше вы надо мной шутили, теперь шутить буду я» [4]. В результате инцидента был ранен один учащийся, двое несовершеннолетних получили телесные повреждения, выпрыгивая в окно, спасаясь от нападавшего. Сам Илья И. застрелился в коридоре учреждения. Предположительно Илья И. стал жертвой издевательств одноклассников и сверстников. Не выдержав давления, таким способом он решил расправиться с обидчиками.

Однако, не всегда напряженные отношения со сверстниками приводят к подобным последствиям. Многие подростки могут годами ненавидеть школу и чувствовать себя чужаками в коллективе, но они продолжают терпеть негативный опыт до завершения образовательного процесса, а затем просто продолжают жить. Таким образом, для совершения преступления одного хронического напряжения недостаточно.

2. Неконтролируемое напряжение. В повседневной жизни напряжение у несовершеннолетних, как правило, сдерживается не только нормами поведения и морали, но и имеющимися социальными отношениями. При возникновении

у подростка конфликта, он, как правило, может обратиться за помощью к семье, школе, либо найти поддержку в коллективе, находящемся вне учебного учреждения. Некоторые так и не создают значимые социальные отношения, либо обращаются к маргинализированным личностям, которые готовы поддерживать и поощрять их жестокие антисоциальные чувства и убеждения.

Так, 15 января 2018 года в школе № 127 г. Пермь Лев Б. и Александр Б., вооружившись ножами, совершили нападение на учеников 4 класса и учительницу, после чего предприняли попытку самоубийства. В результате инцидента пострадали 15 человек, включая преступников. Стало известно, что Лев Б. имел вспыльчивый характер, был замкнут и не отличался хорошей успеваемостью. После изучения его личной страницы в социальной сети было обнаружено, что он являлся поклонником массового убийства в американской школе «Колумбайн», а также, что он интересовался биографией других стрелков из США [5]. Подельник Александр Б. был полной противоположностью Льва Б. и, скорее всего, попал под его влияние.

То есть, приверженность к традиционным нормам поведения и наличие у подростков прочных, правильных отношений с людьми, оберегают их от совершения преступных действий, а также от проявления агрессии и нетерпимости. Такие личности с прочными социальными связями заинтересованы в соблюдении общепринятых норм и с большой неохотой проявляют противоправное поведение.

3. Острое напряжение (краткосрочное негативное событие). Рассматривая все случаи массовых убийств в современной России, в большинстве имеются свидетельства острого напряжения, которое служит катализатором для преступника и воспринимается им как катастрофическая потеря. То есть, в отличие от хронического напряжения, острое напряжение – это особенно тревожные ситуации, которые кажутся трагическими для уже сломенного и разочарованного человека, который в силу обстоятельств потерял способность преодолевать испытания. С точки зрения обычного человека такие случаи могут быть названы незначительными либо несерьезными, однако, с позиции подростка, они имеют колоссальное значение, и могут быть восприняты как личная трагедия.

Так, 18 марта 2016 года молодой человек пришел в школу г. Находки к своей 15-летней подруге для выяснения отношений. В ходе беседы между молодыми людьми возник конфликт для предотвращения которого был вызван наряд полиции. Не дожидаясь приезда сотрудников полиции, юноша ворвался в кабинет директора, где находилась его девушка, и нанес ей смертельное ранение ножом. После чего покончил жизнь самоубийством [6].

4. Этап планирования. Испытав на себе продолжительное разочарование и отсутствие поддержки, подросток больше не чувствует в себе сил справиться со сложившейся негативной ситуацией, а значит он приходит к выводу, что терять в жизни ему больше нечего и он готов к тому, чтобы поквитаться со своими обидчиками и доказать миру, что его нельзя игнорировать и унижать. После этого он решается на совершение массового убийства, для чего ему придется потратить неопределенное количество времени, чтобы совершить преступление успешно. Зачастую планирование оказывается длительным и сложным процессом. Что касается школьных стрелков, то о спонтанности и случайности не может идти речи, так как данный акт служит решением накопившихся проблем, связанных с запятой самооценкой.

Так, на данном этапе преступник занимается приисканием подходящего оружия, разработкой плана нападения, намечает цели, готовит манифест и так далее.

5. Массовое убийство в учебном заведении. Как было указано ранее не все подростки, страдающие от хронического стресса и отсутствия социального контроля, совершают массовые убийства. Также не всегда такие люди, имея серьезные намерения и планируя подготовку к совершению преступления, доводят дело до конца, как правило, большое влияние имеют сопутствующие факторы, такие как доступ к оружию, взрывчатым веществам, свободный доступ в образовательное учреждение. Прежде всего, чтобы воплотить свой злой умысел в реальность, подросток должен уметь обращаться с оружием, понимать его устройство и принцип работы. Анализируя случаи скулшутинга, можно сделать вывод, что большинство подростков-преступников имели свободный доступ к оружию у себя дома, либо с раннего возраста увлекались им, что в дальнейшем и позволило воспользоваться оружием при совершении преступлений.

После каждого случая скулшутинга возникает вопрос о предупреждении данного инцидента. В настоящее время вся профилактика сводится к ужесточению контрольнопропускного режима в образовательных организациях, социально-психологическому мониторингу состояния обучающихся [7]. Помимо этого, в феврале 2022 года Верховный суд РФ по иску Генпрокуратуры признал террористическим и запретил в России международное движение «Колумбайн» («Скулшутинг») [8]. Такая правовая норма ужесточает ответственность за совершение массовых убийств в учебных заведениях и квалифицирует данные акты как терроризм, что в свою очередь, должно служить мерой устрашения для подростков. Тем не менее, анализ совершенных актов скулшутинга позволяет сделать вывод, что большинство преступников, еще на стадии планирования своих преступлений, рассчитывали на суицид, либо смерть от рук сотрудников правоохранительных органов при задержании. В связи с этим, принятая норма не в полной мере способствует достижению целей по предупреждению преступлений указанной категории.

Также в июле 2022 года имело место усиление государственного контроля за оборотом оружия в виде повышения возраста на приобретение гражданского огнестрельного оружия с 18 лет до 21 года [9]. Без сомнения, принятые государством меры должны внести существенный вклад в профилактику скулшутинга. Однако, этого недостаточно, в связи с тем, что большинство подростков при совершении массовых расстрелов использовали оружие, принадлежащее взрослым (родственникам). Это свидетельствует о халатном отношении взрослых владельцев огнестрельного оружия к своим обязанностям по его хранению. Связано это с тем, что ответственность владельцев огнестрельного оружия за его небрежное хранение составляет денежный штраф в сумме до 2000 рублей, и в настоящее время не ужесточена [10]. Необходимы такие законодательные изменения в сфере хранения огнестрельного оружия, которые будут стимулировать его владельцев исключать возможность попадания оружия в третьи руки.

Не нужно забывать, что основное значение в решении данной проблемы является выявление истоков самого феномена. Особое внимание должно быть уделено долгосрочной профилактике у учащихся, а именно создание благоприятного климата в учебных заведениях с целью снижения уровня хронического стресса у подростков. Проблема заключается в том, что учителя, школьные психологи до последнего момен-

та не обращают должного внимания на проблемных учеников до тех пор, пока те не доставляют хлопот и не становятся открытой угрозой для окружающих. Если бы педагоги в свое время сразу обратили внимание на специфическое поведение подростка (необычные увлечение, жестокость по отношению к животным, отсутствие дружеских отношений со сверстниками, замкнутость), а не ссылались на переходный возраст ребенка, и проявили бы к нему чуткость, помощь, то смогли бы многое изменить. Часто подростку требуется долгий период времени издевательств и пренебрежений для того, чтобы он стал разрабатывать смертоносный план отмщения. Как правило, к этому времени вмешательство взрослых может быть бесполезным.

Таким образом, в школьных учреждениях необходимо проводить учебные мероприятия, направленные на создание мира и социальной справедливости среди несовершеннолетних, а не применять индивидуальные меры по изменению каждого трудного ученика отдельно. Такие мероприятия будут учить подростков откладывать в сторону разногласия и развивать совместную деятельность с целью разрешения общих задач. Также необходимо совершенствовать учебные программы по разрешению конфликтов, целью которых будет обучить подростков справляться со своим гневом, агрессивным поведением, развить эмпатию и способность решать проблемы правопослушным путем. Данные программы должны помочь детям развить в себе эмоциональные и социальные навыки, внутреннюю дисциплину. Необходимы практические занятия и игры, которые научат подростков уверенности в себе, самоконтролю, сотрудничеству и общению. Благодаря этому у подростков появятся необходимые навыки, которыми они смогут поделиться со сверстниками. Необходимо не оставлять без присмотра эмоционально отчаявшихся детей, так как они испытывают на себе внутреннее напряжение, и когда оно потенциально перерастет в форму катастрофического события, важно оказывать рядом с ними и оказать социальную поддержку. Кроме того, как было указано ранее, каждый случай скулшутинга требует подготовки, и в этот период некоторые преступники рассказывают окружающим о своих намерениях. Это значит, что нужно серьезно относиться к любым угрозам, исходящим от подростков, и не скрывать важную информацию, так как это может предотвратить трагедию.

Резюмируя, можно сказать, что феномен скулшутинга для России является новым и в настоящее время находится в стадии изучения. Об этом свидетельствует участвовавшие случаи трагедий в образовательных учреждениях. После каждого такого случая законодателю приходится совершенствовать правовые нормы в различных сферах жизни с целью предупреждения массовых убийств. Следовательно, принимаемые законодательные меры в большей степени служат лечением симптомов болезни, а не ее первопричины. Значит, государству необходимо не только заниматься регулированием правовых норм, но и в большей степени направить силы на развитие стратегий в сфере образования с целью искоренения у подрастающего поколения самой мысли о возможности совершения массовых убийств.

Пристатейный библиографический список

1. Суходольская Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3 (77). С. 117-120.
2. Гончаров Л. А. «Колумбайн» и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29-31.
3. Jack Levin, Eric Madfis. Mass Murder at School and Cumulative StrainA Sequential Model // American Behavioral Scientist. 2009. № 52 (9). P. 1227-1245.
4. «Вы пошутили – и я шучу». Студент расстрелял подростков из отцовского ружья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20180510/1520275120.html> (дата обращения: 22.12.2022).
5. «Колумбайн» в Перми. Что известно о напавших на школу № 127. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ivbg.ru/7879710-kolumbajn-v-permi-cto-izvestno-o-napavshix-na-shkolu-127.html> (дата обращения: 23.12.2022).
6. Юноша ворвался к директору приморской школы, где убил девушку и себя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160318/1392030390.html> (дата обращения: 24.12.2022).
7. Борисова Н. Ф. Скулшутинг – новая криминальная угроза обществу // Российский правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 125-129.
8. Верховный суд признал террористическим и запретил в РФ движение «Колумбайн». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/819836> (дата обращения: 24.12.2022).
9. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. От 14.07.2022) «Об оружии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/bf02c10cdf4f0e8585bde194e0f1e786b56f897/ (дата обращения: 24.12.2022).
10. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.12.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/a0395ba9181f3e837c5ec60f879a3fe7fe08b80/ (дата обращения 25.12.2022).
11. Карпова А. Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93-108.

ОМАРАСХАБОВ Магомед

магистрант 2 года обучения Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

КУХТЯЕВА Елена Алексеевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Авторы статьи анализируют содержание норм об освобождении от уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере экономики (статья 76.1 УК РФ). Статья описывает содержание нормы, предусматривающей освобождение осужденных на основании ст. 76.1 УК РФ. В статье рассматриваются юридические и технические неточности, а также изучаются перспективы применения существующей редакции изучаемой статьи УК РФ. Названа цель статьи, которая раскрывает вопросы применения освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность; экономическое преступление; борьба с экономическими преступлениями.

OMARASHABOV Magomed

magister student of the 2nd year of study of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

KUKHTYAEVA Elena Alexeevna

senior lecturer of Criminal law and process sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

ON THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMICS

The authors of the article analyze the content of the norms on exemption from criminal liability for committing crimes in the field of economics (Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article describes the content of the norm providing for the release of convicts on the basis of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article discusses legal and technical inaccuracies, and also examines the prospects for applying the existing version of the article under study of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the article is named, which reveals the issues of the application of exemption from criminal liability for economic crimes.

Keywords: criminal liability; economic crime; combating economic crimes.

Вопрос эффективности применения освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономики является важным, поскольку необходимо изучить все особенности применения освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления.

Главная цель данной статьи - раскрыть вопросы применения освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления.

Коррупцию часто путают с экономическим преступлением, но это не так. В настоящее время существует множество определений коррупции. У каждого определения есть множество аспектов, которые могут повлиять на анализ и задачу судебного преследования. Определение фокусируется на общественной этике, а именно на том, что является нормой в обществе. По мнению авторов исследования, коррупцию можно определить как этическое смещение публичного и частного пространства. Второе представление объединяет проблемы коррупции с отсутствием прозрачности в государстве, будь то путем ограничения доступа к публичной информации или точечного найма определенных компаний в сфере товаров и услуг. Более того, есть и третьи определения коррупции: коррупция - это одна из многих частей более

сложного криминально-криминального явления, которое называется экономической преступностью. Кроме того, мы считаем что наше видение не ограничивается преступлениями государственных субъектов в частном секторе экономики. Это также распространяется и на преступления экономических субъектов частного сектора.

Экономическая преступность включает в себя широкий спектр преступлений, начиная от финансовых преступлений, совершенных банками, уклонения от уплаты налогов, незаконного оборота капитала, отмывания денег и до многих других.

По мнению многих экспертов, экономическая преступность наносит серьезный социальный ущерб. Он также затрагивает демократические институты, но и подрывает государственные ценности, сокращая имеющиеся ресурсы для осуществления государственной политики. Самые уязвимые - это те, кто больше всего нуждается в этой политике. Они становятся одной из главных жертв коррупции и экономических преступлений. Однако социальный ущерб от этой преступной деятельности обычно незаметен: помимо общего возмущения, очень сложно понять истинные последствия этих преступлений. Необоснованное и неэффективное рас-

Омарасхабов М.

Кухтяева Е. А.

следование таких преступлений и виновных свидетельствует о структурной безнаказанности нашей судебной системы в отношении этой преступной деятельности. Безусловно это связано с тем, что многие экономические преступления совершаются влиятельными субъектами политической и экономической власти. Скрытая причина экономической преступности - это скрытая сила, которая определяет отношения между экономикой и политикой. В последние десятилетия финансовая либерализация и рыночные реформы были завершены. После этого начался процесс постепенного захвата государства основными экономическими группами. Это захват выражается в мощном влиянии этих экономических субъектов на процессы принятия решений, реализации государственной политики и распределения экономических ресурсов [1].

Преступление любого рода запрещено под угрозой уголовного наказания, но характер и степень общественной опасности преступлений в Уголовный кодекс Российской Федерации различны. Некоторые преступления, направленные на жизнь и здоровье человека не могут быть раскрыты. Другие преступные деяния посягают на имущественные и экономические интересы государства в случае ущерба от нанесенных последствий. Так, российское законодательство предусматривает различные формы разрешения уголовных споров и одну из них – освобождение от уголовной ответственности. Положения о прекращении уголовного преследования, связанные с позитивным посткриминальным поведением лица, способствуют реализации общего воздействия уголовного права. Данный институт освобождения от уголовной ответственности соответствует широко распространенной в современном законодательстве идее компромисса. Правила уголовного права, допускающие компромиссы «представляют собой нормы о том что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и смягчено наказание в обмен на лица, совершившие деяния закона и обеспечивающие реализацию основных задач уголовного права» [2].

В ходе расследования экономических преступлений часто происходят злоупотребления, которые оказывают наиболее негативное влияние на развитие экономики нашей страны. Из-за противодействия этому виду преступлений и общей концепции гуманизации уголовной политики, федеральным налоговым законом Российской Федерации от 7 декабря 2011 года № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты» [Общая часть введенных изменений направлена на стимулирование лиц впервые совершивших экономические преступления к принятию добровольных мер для устранения причиненного им вреда. Потребность в разработке такого стандарта назрела давно, и его технические характеристики активно обсуждались в научной литературе. Принятие законодателем в общей части УК РФ данной нормы вызвало неоднозначную реакцию со стороны юристов-экспертов. Одной из важных результатов реформы уголовной системы стало появление в Уголовном кодексе РФ статьи 76.1, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности за ряд преступлений в сфере экономической деятельности. Это была норма, которая должна помочь пополнить бюджет и стимулировать позитивное постпреступное поведение лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности. С момента своего введения в законодательство эта норма неоднократно подвергалась критике. Главные тенденции современной уголовной политики – это гуманизация и либерализацию уголовного законодательства. С развитием ситуации, в настоящее время наблюдается тенденция к созданию специальных видов освобождения от уголовной ответственности, отличающихся по основаниям и условиям применения. Сегодня институт освобождения от уголовной ответственности помогает сократить уровень репрессивности уголовной политики и снизить расходы на

содержание органов уголовного правосудия. Помимо этого он помогает разгрузить следственные изоляторы и места лишения свободы. Тем не менее, эти изменения в уголовной политике государства должны быть хорошо продуманы и избегать «всепрощения», а также не должны касаться тяжелых, особо тяжелых или рецидивных преступлений. Я могу сказать о том, что институт освобождения от уголовной ответственности постепенно изменяется и является достаточно эффективным инструментом уголовного законодательства в борьбе с экономическими преступлениями. При условии правильного понимания самого понятия или назначения этого института. По сути, само уголовное законодательство не преследует цели наказания и не преследует своей целью наказание, а основное его назначение - исправление осужденного. Это позволит избежать более тяжелых последствий для потерпевшей стороны при уже совершенном преступлении.

С этой точки зрения, освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности - это отдельный вид деятельного раскаяния, который является императивным, безусловным и субъективным, нереабилитирующим.

Статья 76.1 УК РФ является поощрительной и призвана стимулировать позитивное постпреступное поведение виновного в целях: - снижения репрессий в отношении этого лица;

- Способствование расследованию преступлений. - предупреждение совершения нового преступления;
- восстановления нарушенного в результате совершения преступления общественного порядка путем возмещения ущерба личности, обществу и государству;-экономии на судебных расходах.

Под ущербом для бюджета России следует понимать только недоимку, а пени и штраф надлежит расценивать как санкции за нарушение налогового законодательства; однако при освобождении от уголовной ответственности выплата в бюджет должна быть произведена по правилам ч. 1 ст. 761 УК РФ. Если ущерб нанесен в результате совершения преступления, указанного ч. 2 ст. 761 УК РФ, возмещению подлежит только реальный размер ущерба как конструктивный признак объективной стороны экономического преступления. Если упущенная прибыль не относится к конструктивному признаку объективной стороны, или ущерб от подрыва деловой репутации физического или юридического лица возмещается в порядке, предусмотренном гражданским и арбитражным процессуальным законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Джинджолия Р. С., Боровиков В. Б. Российское уголовное право. В 2 частях. Общая часть. Учебно-наглядное пособие (схемы). – М.: Прометей. 2018. – 158 с.
2. Звечаровский И. Э., Бимбинов А. А., Боженков С. А., Грачева Ю. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / Под ред. Звечаровский И. Э. – М.: Проспект. 2020. – 688 с.
3. Капинус О. С. Уголовное право России. Особенная часть в 2 томах. Том 2. Учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт. 2017. – 504 с.

Сыч Константин Антонович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Академии ФСИН России

ПОЗИТИВНЫЙ МЕТОД В ИСТОРИИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Работа посвящена позитивному методу исследования, активно использованному в уголовно-антропологическом и уголовно-социологическом направлениях в истории науки уголовного права. Суть отмеченного метода состояла в использовании научных познаний в области антропологии, социологии, психологии, медицины и других отраслях науки. Отдельные результаты, полученные при использовании этого метода, уже воплощены в уголовном законодательстве ряда европейских государств (УК ФРГ, УК Испании, УК Франции и др.).

Ключевые слова: позитивный метод, меры социальной защиты, опасно состояние личности, преступный человек, новая социальная защита, личность преступника.

SYCH Konstantin Antonovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

A POSITIVE METHOD IN THE HISTORY OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW

The work is devoted to the positive research method actively used in the criminal-anthropological and criminal-sociological areas in the history of the science of criminal law. The essence of the noted method was the use of scientific knowledge in the field of anthropology, sociology, psychology, medicine and other branches of science. Some results obtained using this method have already been embodied in the criminal legislation of a number of European states (Criminal Code of Germany, Criminal Code of Spain, Criminal Code of France, etc.).

Keywords: positive method, social protection measures, dangerous state of the individual, criminal person, new social protection, criminal personality.

Сыч К. А.

В конце XIX века отчетливо наметилось научное направление, которое в последующем было названо социологическая школа уголовного права. Теоретической инструмент отмеченного научного направления с полным основанием можно назвать позитивный метод, согласно которому проблемы уголовного права должны исследоваться под углом зрения разных отраслевых наук: антропологии, уголовной статистики, психологии, социологии и других. Наука о преступлении и наказании была прежде изложением силлогизмов, отмечал Э. Ферри, созданных одной силой логического мышления [8, с. 35]. Необходимо заметить в этой связи, что данному научному направлению предшествовало направление, которое принято называть уголовно – антропологической школой. Их родство состояло в позитивном методе исследования, основанном на антропологических, психологических и социологических познаниях.

Теоретической основой антропологического направления в науке уголовного права, как известно, принято считать концепцию Ч. Ломброзо о «преступном человеке».

Представляется, что уголовно-антропологическое направление возникло в результате настоятельной потребности и поиска рациональных превентивных средств от преступности, поскольку традиционные меры уголовной наказания, основанных на выводах классической школы уголовного права, признавались малоэффективными.

Учение Ч. Ломброзо о «преступном типе» состояло в обосновании исключительно биологических (врожденных) причин преступности. Хотя этот вывод отмеченного ученого не получил должного одобрения научной общественности, тем не менее, его исключать из арсенала науки было ошибкой. Заслуга антропологической школы уголовного права, на мой взгляд, заключается в том, что оно поставило в центр всей проблемы противодействия преступности – личность преступника.

Основные претензии представителей уголовно-социологической школы в адрес антропологического направления состояли в отрицании ими социальных факторов преступности.

Необходимо заметить в этой связи, что Ч. Ломброзо изменил свою позицию в отношении социальных факторов преступности. Так, на III Уголовно-антропологическом Конгрессе, который состоялся в 1892 году в Брюсселе, Ломброзо выступил с докладом «Об основных принципах уголовно-антропологической школы, в котором отметил, что нельзя стремиться к разработке отдельно органической или социальной теории преступности, а нужно развивать путем комплексного исследования социально-органическую теорию преступности. Таким образом Ч. Ломброзо попытался объединить эти два научных направления, изучающих общую проблему, используя одну методологию, известную как позитивный метод.

Справедливости ради необходимо заметить, что отдельные ученые, в частности, профессор Н. С. Таганцев, отрицательно оценивали результаты отмеченного форума, называя этот конгресс «похоронами преступного человека» [7, с. 14-16].

Хотя некоторые из среды ученых усматривали, что уголовно-антропологическая школа вполне допускала и социальные факторы криминального поведения. К примеру, русский профессор Д. А. Дриль, указывал, что только странным недоразумением и нежеланием можно объяснить все ещё продолжающиеся обвинения уголовно-антропологической школы в том, что она игнорирует социальные факторы преступности [2, с. 351].

Тем не менее, большинство криминалистов в мире не воспринимали идей уголовно-антропологической школы, особенно идею о прирожденном «преступном типе».

Неслучайно, по-видимому, что на IV Международном уголовно-антропологическом конгрессе, который состоялся в 1896 году, Ч. Ломброзо занимал несколько иную позицию, высказываясь в пользу американских реформаториев для взрослых, в которых применяется правильная система физического и нравственно-умственного перевоспитания и оздоровления, а в отношении опасных преступников, он рекомендовал применение системы испытания [4, с. 27-29].

Следует заметить, что большинство положений антропологической школы уголовного права, не получив столь широкого признания в среде правоведов, все же отдельные её концепции существуют и в современных парадигмах. Ярким примером могут служить концепции:

1. Теория наследственного предрасположения к преступлению;
2. Теория конституционального расположения к преступлению;
3. Теория эндокринного расположения к преступлению;
4. Теория психологического расположения к преступлению;
5. Теория расового предрасположения к преступлению [1, с. 127].

Некоторые представители советской пенитенциарной науки, в особенности С. В. Познышев, разделял отдельные идеи рассматриваемого течения. Так, он в 1926 году опубликовал работу «Криминальная психология (преступные типы)», где выделял два типа преступников:

1. Эндогенный тип;
2. Экзогенный тип [6, с. 256].

Некоторые идеи антропологической школы уголовного права разделял профессор И. С. Ной. В частности, он полагал, что преступное деяние есть смешанный процесс, обусловленный биологическими и социальными факторами, а потому в предмет криминологической науки должны быть включены проблемы комплексного исследования личности преступника (биолого-физиологические, психологические, социологические, антропологические и др.) [5, с. 70-73].

Предложенные Ю. А. Алферовым типы преступников по существу являются пенитенциарными преступни-

ками с ограниченной вменяемостью. Отмеченные типы преступников исследовались с позиции исправительного (частной превенции) воздействия. И в этом качестве представляют научный интерес для современной пенитенциарной науки.

Как было отмечено в начале, вторым научным направлением, основанным на принципе позитивного метода в исследовании преступности и мерах по ее предупреждению, является направление, известное как социологическая школа уголовного права. Основные идеи этого направления в уголовно-правовой науке состояли в отрицании ряда принципов классической школы уголовного права (вины, наказуемости, справедливости и других), предлагая вместо них концепции опасного состояния личности, мер социальной защиты преступника, социально больного человека. На этой основе делались выводы, согласно которым вина, как фундаментальный принцип классической школы уголовного права, не дает полного знания о психическом состоянии лица, совершившим преступление, его мотивации и дальнейших намерениях, а потому должна быть заменена принципом опасного состояния личности. Поэтому преступник рассматривался, представителями уголовно-социологического направления, как больной в социальном значении, которого следует не наказывать, а лечить, посредством психологических, медицинских, социальных мер.

Вот почему, по мнению представителей этого направления, наказание признавалось негодным средством, не способным преодолеть преступность, как социально-негативное явление. Решение рассматриваемой проблемы, социологи видели в применении мер социальной защиты.

Уже на первом конгрессе социальной защиты, который состоялся в Сан-Ремо в 1947 году, были определены цели и задачи этого движения.

Однако, начиная с 1954 года, в движении социальной защиты, наметились два самостоятельных течения. Одно из них, естественно, тесным образом было связано с идеями Ф. Граматика, который отрицал всякое значение основных институтов уголовного права – преступления, наказания, вины, ответственности; второе же, основателем которого является М. Ансель, известно в юридической науке как «новая социальная защита».

Новая социальная защита М. Анселя, развиваясь в русле общей тенденции этого направления, тем не менее, все же не отрицает основных и фундаментальных положений и институтов уголовного права. Основным выводом М. Анселя состоит в том, что чувство индивидуальной ответственности является определенной психологической и социальной реальностью, с которой необходимо считаться [5, с. 14-16].

Вторую особенность своих взглядов, по сравнению с прежними теориями социальной защиты, сторонники рассматриваемого течения видели в том, что при применении специальных мер в отношении преступника должны быть соблюдены все правовые гарантии личности. Основанием применения указанных мер, утверждают они, не может быть только факт установления одного «опасного со-

стояния личности» без совершенного преступного деяния, которое свидетельствует о таком его состоянии.

В контексте рассматриваемой проблемы следует заметить, что в зарубежном уголовном праве отдельные положения позитивистских концепций, в первую очередь, учения об опасном состоянии личности и мер социальной защиты, уже реализованы в качестве законодательной модели (двухколейная система уголовно-правового реагирования). К примеру, немецкое уголовное законодательство предусматривает, наряду с наказанием, меры безопасности и предупреждения, которые основаны на идеях позитивистских концепций. Характеризуя меры безопасности в немецком уголовном праве, профессор А. Э. Жалинский отмечал, что меры безопасности, закрепленные в уголовном законодательстве Германии, связаны не с виной, а только с социальной опасностью субъекта деяния и могут назначаться при отсутствии вины [3, с. 292]. Основное отличие мер безопасности от наказания заключается в том, что они сконструированы по принципу превентивного воздействия на ситуацию, связанную с опасным состоянием личности, создающую реальную угрозу причинения вреда человеку, обществу или государству.

Ярким примером законодательной модели мер безопасности УК ФРГ, является превентивное заключение, назначаемое лицу за умышленные преступления к лишению свободы на срок не менее двух лет. Превентивное заключение в данном контексте может назначаться в отношении опасных рецидивистов, опасных сексуальных преступников, ограниченно вменяемых и других категорий опасных преступников. Юридическим основанием применения мер безопасности является принцип соответствия, закрепленный в ст. 62 УК ФРГ. Правовая природа отмеченного принципа состоит в том, что назначаемые меры безопасности должны соответствовать опасному состоянию личности. И это не единственный пример законодательной модели мер безопасности, основанных на выводах позитивистских тенденций. Целый ряд зарубежных уголовных законодательств, преимущественно европейских стран, предусматривают меры безопасности в русле двухколейной системы уголовно-правового реагирования (УК Франции, УК Испании, УК Италии и др.).

Таким образом, позитивный метод исследования правовых явлений, получивший свое обоснование в учениях уголовно-антропологической и уголовно-социологической школ, имеет все перспективы быть востребован в современных концепциях преступности. Другое дело, что он может быть применен лишь при исследовании проблем, лежащих за скобками уголовно-правовой догматики. В предмет исследования позитивного метода, на мой взгляд, могут и должны входить: личность преступника; уровень его опасного состояния; врожденные наклонности и социально приобретенные склонности, как факторы криминальной мотивации; криминальное сознание; криминальная субкультура и другие элементы. Полученные таким образом данные могут быть использованы при конструировании законодательных моделей мер безопасности и предупреждения (по классификации действующего УК РФ «Иные меры уголовно правового характера»).

При этом следует признать следующие недостатки формально-юридического подхода, на которые указывали представители позитивного метода:

- 1) отсутствие изучения личности преступника с позиций других отраслевых наук;
- 2) отсутствие исследований по опасному состоянию личности, как основанию применения мер социальной защиты (безопасности);
- 3) недостатки в изучении мер социальной защиты, как уголовно-правового реагирования на деяния, не являющихся преступными, но представляющих повышенную общественную опасность.

Пристатейный библиографический список

1. Гришаев П. И. Советская криминология: Курс лекций для студентов. М., 1977. С. 127.
2. Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с ней. СПб., 1912. С. 351.
3. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 292.
4. Ламброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике. СПб., 1843. С. 27-29.
5. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. М., 1975. С. 70-73.
6. Познышев С. В. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. С. 256.
7. См.: Алферов Ю. А. Типология преступников и исправительные программы М., 1991. С. 5-9.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1902. С. 14-16.
9. Ферри Э. Уголовная социология М., 1908. С. 35.

ЯКИМОВА Екатерина Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Байкальского государственного университета

ЕГОРОВ Юрий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета

СОШИН Алексей Александрович

старший преподаватель, подполковник полиции, кафедра тактико-специальной подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Проблемы квалификации смежных преступлений и административных правонарушений достаточно часто возникают в правоприменительной деятельности, что обусловлено единым объектом посягательства и необходимостью выявить наличие в деянии признаков общественной опасности, которой, если судить по легальному определению преступления, обладает только преступление. Вместе с тем именно законодатель устанавливает критерии разграничения смежных преступлений: они могут быть как четкие, так и оценочные, при этом правоприменители сталкиваются с определенными сложностями не только с применением оценочных критериев, но иногда и четких. Если же требуется совместная оценка и четких, и оценочных критериев, что, в частности, распространено при квалификации смежных правонарушений в сфере денежного обращения, то данные обстоятельства еще в большей степени требуют внимание правоприменителя. Сделан вывод, что при квалификации деяний в рассматриваемой сфере правоприменитель должен четко понимать с какими критериями он работает и как их необходимо оценивать.

Ключевые слова: денежное обращение, правонарушение, преступление, административное правонарушение, оценочный критерий, четкий критерий, квалификация.

YAKIMOVA Ekaterina Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Baikal State University

EGOROV Yuriy Nikolaevich

PhD in Law, Associate Professor of the Chair of Legal Support of National Security of Baikal State University

SOSHIN Aleksey Alexandrovich

senior lecturer of Special tactical training sub-faculty of the East-Siberian Institute of MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF RELATED CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE SPHERE OF MONEY CIRCULATION

Problems of qualification of related crimes and administrative offenses often arise in law enforcement activities. The presence of these difficulties is due to a single object of encroachment and the need to identify the presence of signs of public danger in the act, which, judging by the legal definition of a crime, has only a crime. At the same time, it is the legislator who establishes the criteria for distinguishing related crimes. The criteria can be clear and evaluative. Law enforcers face certain difficulties not only with the application of assessment criteria, but sometimes clear ones. If a joint interpretation of assessment and clear criteria is required, which is common in the qualification of related offenses in the field of money circulation, then these circumstances even more require the attention of the law enforcement officer. It was concluded that when qualifying acts in the field under consideration, the law enforcement officer should clearly understand with what criteria he works and how they need to be assessed.

Keywords: monetary treatment, offense, crime, administrative offense, evaluation criterion, clear criterion, qualification.

Под денежным обращением (далее также – ДО) в основном принято понимать движение денежной массы в наличной и безналичной форме. Следовательно, совершение преступлений и административных правонарушений (далее

также – АП) связано с нарушением установленных правил движение прежде всего денежных средств, используемых в качестве средства обращения и платежа в наличной и безналичной формах [3, с. 314]. Данные правонарушения должны

Якимова Е. М.

Егоров Ю. Н.

Сошин А. А.

обладать общественной опасностью (применительно к преступлениям) или общественной вредностью (как вариант: пониженным уровнем общественной опасности) (применительно к АП).

В целях обеспечения прозрачности операций с денежными средствами российским законодательством предусмотрена обязанность при осуществлении некоторых операций применять только безналичную форму расчетов. В частности, общим правилом осуществления расчетов между юридическими лицами является безналичный порядок их осуществления, однако это не единственный пример ограничения расчетов.

Противоправное деяние может быть выражено в различных действиях или бездействиях, поскольку российское валютное законодательство содержит большое число ограничений при осуществлении валютных операций. К примеру, работодатели физических лиц-нерезидентов должны осуществлять расчеты с ними через счета, открытые в уполномоченных банках или осуществляться переводами электронных денежных средств, поскольку выплата заработной платы работнику-иностранцу, не имеющему вида на жительство в России, временно пребывающему в РФ, признается валютной операцией (п. п. «а» п. 7, п. 9 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», абз. 14 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ»). Следовательно, выплата заработной платы таким категориям работников в наличной форме является АП, виновное лицо подлежит административной ответственности по ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ. Отметим, что в данной ситуации имеет место нарушение КоАП РФ, которое соотношение в УК РФ не имеет.

Ответственность за нарушение порядка денежного обращения и расчетов предусмотрена административным, гражданским, финансовым и уголовным законодательством. Выявление признаков преступлений в совершаемых деяниях осложняется необходимостью разграничения подобного рода преступлений со смежными АП.

Важно отметить, что в данной сфере часть преступлений не имеет соотношения с административными правонарушениями и часть АП не соотносится с преступлениями.

Так, вне зависимости от величины причиненного ущерба наступает уголовная ответственность по ст. 186 УК РФ, по ст. 174.1 УК РФ, по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, поскольку данные деяния обладают повышенной общественной опасностью, законодатель даже за совершение подобных деяний в незначительном размере видит угрозу особо охраняемым отношениям.

При этом вне зависимости от величины причиненного ущерба наступает административная ответственность по ст. 15.1 КоАП РФ за совершение правонарушения в сфере работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций, а также нарушения требований об использовании специальных банковских счетов.

Вместе с тем, в российском деликтном законодательстве содержится несколько смежных преступлений и АП. Соотносимые правонарушения в рассматриваемой сфере условно можно подразделить на две обособленные группы.

Первая группа состоит из деяний, посягающих на правила осуществления валютного законодательства (далее также – ВЗ) [1]. Внешнеэкономическая деятельность находится под особым контролем со стороны государства, поскольку в России заявлена необходимость ограничения оттока капитала за рубеж, необходимость активного противодействия трансграничной преступности. Под незаконными валютными операциями следует понимать как валютные операции, запрещенные ВЗ РФ, так и валютные операции, осуществленные с нарушением ВЗ РФ, в том числе валютные операции, расчеты по которым произведены, минуя счета в уполномоченных банках или счета (вклады) в банках, расположенных за пределами России, в случаях, не предусмотренных ВЗ РФ.

Соотношение имеют следующие деяния: ст. 15.25 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за совершение противоправных деяний в сфере ВЗ и ст. 193 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за уклонение от ис-

полнения обязанностей по репатриации денежных средств. Соотношение проводится по четкому стоимостному критерию: ст. 193 УК РФ применяется, если сумма незачисленных или невозвращенных денежных средств единовременно или несколько раз в течение года по проведенным валютным операциям превышает 100 000 000 рублей.

Опять же не все нарушения ст. 15.25 являются смежными с 193 поскольку объективная сторона 193 предусматривает невыполнение резидентом в установленный срок обязанности по возврату денежных средств. Таким образом, ст. 193 УК РФ имеет соотношение с п. 5 ст. 15.25 КоАП РФ.

Также подлежит разграничению ч. 1 ст. 15.25 КоАП и ст. 193.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за операции по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Так, разграничение с 15.25 проводится одновременно по субъективной и объективной стороне (то есть требуется применение как четких, так и оценочных критериев): ответственности по ст. 193.1 УК РФ предполагает вину в форме прямого умысла, при этом указанные документы должны содержать заведомо недостоверные сведения об основаниях, цели и назначении платежа.

Вторая группа содержит соотносимые правонарушения в сфере противодействия легализации незаконно полученных доходов [2].

Состав, установленный ст. 15.27 КоАП РФ «Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» и состав, установленные ст. 174 УК РФ «Неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (и легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем)» разграничиваются по сумме финансовых операций – по ст. 174 УК РФ сумма должна превышать 1500000 рублей.

Таким образом, правоприменителю в процессе квалификации деяний в сфере денежного обращения необходимо выполнить следующую последовательность действий: установить все элементы состава правонарушения, выявить наличие смежных составов преступлений или административных правонарушений, установить критерии, установленные ВЗ для разграничения деяний, квалифицировать деяние.

Сложности с квалификаций правонарушений в сфере денежного обращения связаны как со спецификой самой сферы совершения правонарушений, необходимостью наличия специальных экономических знаний для правильного понимания подлежащей оценке деятельности лиц, так и наличием в законодательстве смежных деяний.

Пристатейный биографический список

1. Артемов Н. М., Арзуманова Л. Л., Болтинова О. В., Саламова С. Я., Ситник А. А., Чо Ын Джин. Ответственность за нарушение финансового законодательства: уголовно-правовая и криминологическая характеристики преступлений, совершаемых в финансовой сфере // Всероссийский криминологический журнал. - 2017. - Т. 11. № 4. - С. 717-730. - DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).717-730.
2. Клочко А. Н., Логвиненко Н. И., Кобзева Т. А., Киселева Е. И. Легализация средств, полученных преступным путем, в сфере банковской деятельности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2016. - Т. 10. № 1. - С. 194-204. - DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).194-204.
3. Лагутин И. Б., Урда М. Н., Арбатская Ю. В., Васильева Н. В. Ответственность в сфере денежных отношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2015. - Т. 9. № 2. - С. 313-323. - DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).313-323.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НА СЛЕДСТВЕННУЮ И СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ ПО СТАТЬЕ 157 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 03.07.2016 № 323-ФЗ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННОГО В 2016-2017 ГГ.)

В результате проводившейся в стране в 2010-2020 гг. политики по либерализации и гуманизации уголовной политики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 31.07.2015 № 37 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесены законопроекты, предусматривающие декриминализацию некоторых составов преступлений небольшой и средней тяжести, как правило, по сути малозначительные и не представляющие большой опасности для граждан и государства, но по которым больше всего привлекалось к уголовной ответственности граждан, в том числе уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного ст. 157 УК РФ. Немногом менее года спустя вступил в силу Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ, в который вошло большинство предложений судейского сообщества. В настоящей статье автор представил анализ законодательства Российской Федерации и статистических данных, проведенный в 2016-2017 гг. в рамках научного исследования, посвященного принятию названного федерального закона, в части, касающейся влияния принятых изменений на следственную и судебную практику по ст. 157 УК РФ.

Ключевые слова: либерализация и гуманизация уголовной политики, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, мониторинг, декриминализация, 2016-2017 гг.

BAZHANOV Sergey Andreevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF CHANGING THE INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE UNDER ARTICLE 157 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONNECTION WITH THE ENTRY INTO FORCE OF FEDERAL LAW NO. 323-FZ OF JULY 3, 2016 (BASED ON THE RESULTS OF A STUDY CONDUCTED IN 2016-2017)

As a result of the policies on the liberalization and humanization of criminal policy held in the country in 2010-2020, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 31, 2015 No. 37 introduced draft laws to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation providing for the decriminalization of certain elements of crimes of small and medium gravity, which, as a rule, are essentially insignificant and do not pose a great danger to citizens and the state, but for which citizens were most prosecuted, including a criminally punishable act under Art. 157 of the Criminal Code of the Russian Federation. A little less than a year later, Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016 came into force, which included most of the proposals of the judicial community. In this article, the author presented an analysis of the legislation of the Russian Federation and statistical data, conducted in 2016-2017 within the framework of a scientific study devoted to the adoption of the named federal law, in terms of the impact of the adopted changes on the investigative and judicial practice under Art. 157 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: liberalization and humanization of criminal policy, malicious evasion of the payment of funds for the maintenance of children or disabled parents, monitoring, decriminalization, 2016-2017.

Бажанов С. А.

В соответствии со ст. 104 Конституции Российской Федерации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановлением от 31.07.2015 № 37 внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-про-

цессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

Таблица 1. Сведения о следственной и судебной практике по статье 157 УК РФ

Показатели		2016 г.	III квартал 2017 г.
Возбуждено уголовных дел		42461	43677
Прекращено уголовных дел в связи с изменением закона		17401	97
из них	дознателями	7274	5
	судом	10127	92

Столбец1

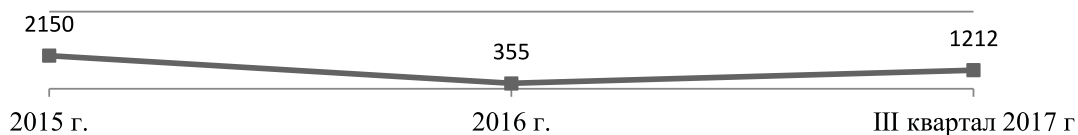

Рисунок 1. Сведения о количестве осужденных в ИУ по ст. 157 УК РФ с 2015 – 2016 гг. и III квартал 2017 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Данные законопроекты прежде всего были направлены на дальнейшую гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства и предусматривали декриминализацию целого ряда преступлений небольшой и средней тяжести, которые по сути своей не представляют серьезной опасности для граждан и государства, но доля которых значительна в общем числе привлекаемых к уголовной ответственности, в том числе и уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ст. 157 (Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Большинство предложений судейского сообщества легли в положения Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (далее – Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ), принятого законодателем почти год спустя.

Изначально инициаторы закона предполагали, что в результате его принятия из-под уголовной ответственности будет выведено примерно 200 тыс. человек ежегодно. Среди прочих составов преступлений (116 ч. 1, 158 ч. 1, 159 ч. 1 и т.д.) была декриминализована ст. 157 УК РФ в редакции Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ – ввиду дополнения новым криминообразующим признаком – неоднократность, то есть совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Вступление в силу поправок уголовного и уголовно-процессуального законодательства, внесенных Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, послужило основанием для проведения Научно-исследовательским институтом ФСИН России исследования – прогноз (мониторинг) количества лиц, содержащихся в следственных изоляторах

и исправительных учреждениях, на краткосрочную перспективу – до 15.12.2016, среднесрочную перспективу – до 15.12.2017 и долгосрочную перспективу – до 15.12.2018 (далее – мониторинг), в рамках которого среди прочих вопросов рассматривалось и влияние принятых поправок на следственную и судебную практику по ст. 157 УК РФ.

Необходимо напомнить о том, что до создания органов принудительного исполнения Российской Федерации (до 24.03.2021), согласно пункта 4 части третьей 3 статьи 151 УПК РФ, дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», проводилось дознавателями Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России). Весьма интересна и в какой-то части неоднозначна доступная статистика, свидетельствующая о не вполне благополучном положении дел в данной сфере жизни социума. Так, если, по данным ФССП России, дознавателями в 2016 г. было возбуждено более 42,4 тыс. уголовных дел, из которых после вступления в силу Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ прекращено более 17,4 тыс. уголовных дел, то уже в III квартале 2017 г. число возбужденных уголовных дел превысило эту цифру и составило более 43,6 тысяч, тогда как число прекращенных в связи с изменением закона составило всего лишь 97 уголовных дел (таблица 1) [1].

На фоне приведенных статистических данных о возбужденных и прекращенных уголовных делах по статье 157 УК РФ представляют интерес сведения о том, что, например, если в 2015 г. в исправительных учреждениях (далее – ИУ) по данной статье отбывало наказание более 2,1 тыс. человек, а в 2016 г. их количество, в связи с изменением закона, сократилось до 0,35 тыс. человек, то уже в III квартале 2017 г. вновь увеличилось более чем до 1,2 тыс. человек (рисунок 1) [2].

Как было сказано выше, исполнение уголовного наказания в виде штрафа на момент проведения мониторинга возлагалось законодателем на ФССП России (часть первая статьи 16 УИК РФ), а полученные в 2016 – 2017 гг. сведения об этой практике давали основание для следующих обоб-

Таблица 2. Сведения о практике исполнения судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера

Показатели		2016 г.	III кв. 2017 г.
Общее количество исполнительных производств, находившихся на исполнении в отчетном периоде		1527	7052
Всего окончено и прекращено исполнительных производств в отчетном периоде		887	4982
в том числе в связи с	выплатой судебного штрафа	778	3909
	возвращением исполнительного документа в суд	4	52
	направлением в суд представления об отмене судебного штрафа	105	1021
Остаток исполнительных производств на конец отчетного периода		631	1950
в том числе, по которым	не истек добровольный срок выплаты судебного штрафа	596	1410
	истек добровольный срок выплаты судебного штрафа, но не истек срок для направления в суд представления об его отмене	35	540

щений, имеющих отношение к предмету проводимого мониторинга.

По данным ФССП России [3], в 2016 г. у сотрудников службы находилось более 1,5 тыс. производств, связанных с исполнением судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, в III квартале 2017 г. – более 7 тыс. производств. Налицо, таким образом, довольно резкое увеличение числа случаев назначения судами данной меры уголовно-правового характера, что, по всей видимости, связано с реализацией линии уголовной политики, направленной на гуманизацию (экономия уголовной репрессии) или, другими словами, возможно и с активным воплощением в жизнь новаций уголовного закона.

Важно также отметить в данном контексте, что у 1,7 тыс. человек возникла реальная перспектива отмены рассматриваемой меры уголовно-правового характера в связи с невыплатой судебного штрафа (таблица 2).

Как видим, наша страна на момент проведения мониторинга фактически испытывала те же трудности, что и ведущие страны Западной Европы, особенно Германия, где подобные и схожие меры (и наказания) распространены наиболее широко, несмотря на сохраняющиеся, нередко непреодолимые трудности, связанные с обращением штрафов ко взысканию. В связи с этим следует подчеркнуть, что важен сам факт, угроза применения той или иной уголовно-правовой меры, угроза наказания, а не само исполнение меры или наказания, которое часто может искалечить личность, настроить ее против законодателя и властей, которые устанавливают правила правопослушного поведения в обществе. В этом, надо полагать, состоит (должно состоять), кроме всего прочего, касающегося карательной стороны уголовного наказания, и профилактическое предназначение рассматриваемого федерального закона и в значительной своей части практики его применения.

Пристатейный библиографический список

1. Отчет ФССП России «Сведения об организации дознания в ФССП России» (форма 4-2) за 2016 г. и III квартал 2017 г.: материалы сайта ФССП России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 22.11.2017).
2. Отчет ФСИН России «Количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, по статьям Уголовного кодекса» за 2015 – 2016 гг. и III квартал 2017 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из модуля «СтатОператор» (дата обращения: 22.11.2017).
3. Отчет ФССП России «Сведения о взыскании ФССП России денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации» (форма 1-3) за 2016 и III кв. 2017 г.: материалы сайта ФССП России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 22.11.2017).

СИМОНЯН Самвел Ашотович

соискатель кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ОТНОШЕНИЯ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, СТАНОВЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В представленной статье анализируется историко-правовое становление и развитие законодательства в сфере долевого строительства.

В процессе написания работы использовались: исторический метод, метод обобщения, метод системного анализа.

В статье проводится исследование этапов возникновения и развития законодательства в сфере долевого строительства. Рассматриваются следующие этапы исторического развития законодательства в изучаемой сфере: дореволюционный, советский, постсоветский. В настоящей работе перечисляются виды юридической ответственности за правонарушения в сфере долевого строительства в процессе развития законодательства, регулирующие отношения в сфере долевого строительства.

Автором осуществлено полное, всестороннее рассмотрение истории становления законодательства в сфере долевого строительства, что позволит иметь более точное и глубокое представление о долевым строительстве. Законодательство, регулирующее рассматриваемые общественные отношения, постоянно изменяется и развивается. Вместе с этим развиваются и способы совершения правонарушений в рассматриваемой сфере. Данная статья является ценным источником для лиц, изучающих проблемы законодательства в сфере долевого строительства.

Ключевые слова: развитие законодательства, участие в долевым строительстве, дореволюционный этап, советский этап, современный этап, административная ответственность, гражданская ответственность, уголовная ответственность.

SIMONYAN Samvel Ashotovich

competitor of Criminal law and criminology sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

STAGES OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION GOVERNING THE RELATIONSHIP OF SHARED CONSTRUCTION, THE FORMATION OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF CONSTRUCTION LEGISLATION

The article analyzes the historical and legal formation and development of legislation in the field of shared-equity construction.

The work used the historical method, the method of generalization, the method of system analysis.

The article conducts a study of the stages of the emergence and development of legislation in the field of shared construction. The following stages of the historical development of legislation in the area under study are considered: pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet. This article lists the types of legal liability for offenses in the field of shared construction in the process of developing legislation that regulates relations in the field of shared construction.

The author carried out a complete, comprehensive review of the history of the formation of legislation in the field of shared construction, which will allow you to have a more accurate and in-depth understanding of shared construction. The legislation regulating the social relations in question is constantly changing and developing. At the same time, methods of committing offenses in this area are also developing. This article is a valuable source for those studying the problems of legislation in the field of shared construction.

Keywords: development of legislation; participation in shared construction, pre-revolutionary stage, Soviet stage, modern stage, administrative responsibility, civil liability, criminal liability.

Введение

В настоящей статье проведено исследование развития долевого участия в строительстве недвижимости в постсоветский (современный) период, а также ответственности за нарушения порядка участия в таком строительстве. Исторический анализ позволяет выявить и проанализировать тенденции развития ответственности застройщика, выявить существующие в исследуемой области проблемы, разработать пути усовершенствования нормативно-правового регулирования изучаемых правоотношений. Данная тематика рассмотрена такими авторами, как – А. Абрамов [1], В. Н. Горлов [2], Я. А. Лапшина [7], С. А. Ступина [11], А. В. Дикун [4].

Этапы становления законодательства в сфере долевого строительства

В своем развитии строительство многоквартирных жилых домов прошло большую историю, характеризующуюся переходом от строительства индивидуальных жилых домов к многоквартирному и наоборот [6].

Исследователи называют следующие исторические периоды развития законодательства в области жилищного строительства:

- дореволюционный;
- советский [3];
- постсоветский (современный) [6] [9].

Дореволюционный этап развития российского законодательства о жилищном строительстве характеризуется заложением правовой базы по регулированию отношений подрядного строительства, как одного из способов строительства жилья. Российская империя занимала первое место в Европе по уровню благоустроенности, скученности и антисанитарии жилищного сектора [12].

Советское законодательство предусматривало гражданско-правовую ответственность за нарушение договорных обязательств; уголовную – за нарушение правил проведения строительных работ; административную – за нарушение установленного порядка осуществления строительной деятельности застройщиком.

Важным этапом в развитии законодательства о защите жилищных прав граждан в современный период является принятие 17 декабря 1992 г. Закон РФ № 4121-1 «Об административной ответственности предприятий, учреждений, организаций и объединений за правонарушения в области строительства» (далее по тексту – Закон № 4121).

Составом административного правонарушения являлось:

- строительство объекта без полученного в установленном порядке разрешения;
 - осуществление строительной деятельности без полученной в установленном порядке лицензии;
 - уклонение от исполнения или несвоевременное исполнение предписаний, выданных органами Государственного архитектурно-строительного надзора Российской Федерации;
 - нарушение правил приемки объекта в эксплуатацию.
- Видом административного взыскания, которое налагалось на правонарушителя, был штраф, размер которого зависел от вида административного правонарушения.

Федеральный закон об участии в долевом строительстве № 214-ФЗ

Следующим этапом развития жилищного законодательства является принятие 30 декабря 2004 г. Федеральному закону № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве).

До введения в действие Закона об участии в долевом строительстве, отношения по строительству основывались договорами долевого финансирования (инвестирования); договорами о совместной деятельности (простого товарищества) и т.д. По таким договорам сторона, вкладывающая деньги в строительство, становилась не собственником будущей квартиры, а участником строительства дома и несла все риски деятельности, связанной со строительством жилья. В связи с этим, России захлестнула волна афер и мошенничеств в сфере жилищного строительства, чтобы привлечь как можно больше средств вкладчиков, мошенники предлагали построить квартиры по цене ниже среднерыночной, регистрировали инвестиционные фирмы для аккумуляции денег инвесторов, но сами финансовыми средствами для жилищного строительства не располагали [10]. Вопросы гражданско-правовой ответственности рассматривались такими авторами, как – Е. Н. Фролкина [13], Е. В. Кирсанова [5].

Ситуация после принятия Закона об участии в долевом строительстве изменилась. Пробелы и противоречия в законодательстве, отсутствие действенного правового механизма защиты участников долевого строительства привели к криминализации строительной области в целом и области долевого строительства, в частности.

По мнению В. В. Малыгиной под мошенничеством в сфере долевого строительства понимают активные действия застройщика, побуждающие у участников долевого строительства желания в нужном для виновного направлении, например, путем хищения денежных средств дольщиков путем перевода их на счета фирм-однодневок, злоупотребления доверием граждан путем ссылки на имеющиеся правоотношения с крупнейшими строительными фирмами, административной территориальных образований; показ потенциальным покупателям чужих строительных площадок и домов в качестве своих; предъявления фиктивного договора между инвестором и застройщиком; предъявления гражданам, вносившим денежные средства на приобретение жилья реализованных квартир [8].

Анализ судебной практики позволяет установить способы совершения преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ:

- привлечение денежных средств участников долевого строительства до получения разрешения на строительство, опубликования, размещения и (или) представления проектной декларации в соответствии с законом и государственной

регистрацией права на земельный участок, предоставленной для строительства многоквартирного дома и иных объектов недвижимости. Так, приговором Промышленного районного суда города Ставрополя по делу № 1-208/14 от 29 октября 2014г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ гр-н М. Согласно материалам дела гр-н М. являлся генеральным директором ООО «Т», заключил договоры участия в долевом строительстве с потерпевшими, взяв на себя обязательства по строительству многоквартирного дома на земельном участке, расположенном по адресу: (...). При этом гр-н М. заранее знал невозможность исполнения взятых на себя обязательств, в связи с тем, что земельный участок, расположенный по адресу: (...), был предназначен для строительства производственной базы, на нем не мог быть возведен многоквартирный жилой дом.

Аналогичным способом совершены другие преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 159 УК РФ;

- нарушение договорных обязательств застройщиком.
- Суды подходили к вопросу неформально и так же применяли ст. 159 УК РФ при привлечении к ответственности за нарушение законодательства в сфере долевого строительства [14]. Примером может служить Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 16 июля 2015 г. по делу № 1-119/2015. В соответствии с вышеуказанным судебным постановлением, Е. являясь генеральным директором ООО «Х» признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Е. причинил ущерб гражданам - участникам договоров долевого строительства многоквартирных домов. Как видно из материалов дела, Е. заключал с потерпевшими договоры участия в долевом строительстве жилья, не имея намерений в дальнейшем выполнять данные договорные обязательства, вводя последних в заблуждение относительно исполнения своих обязательств перед дольщиками. Получив денежные средства Е. от дольщиков в кассу ООО «Х» не внес и, имея умысел на их завладение, достоверно зная, что в будущем ООО «Х» подлежит продаже, полагал, что задолженность ООО «Х» будет невозможно установить, в связи с отсутствием первичной бухгалтерской документации, таким образом, договорные обязательства с дольщиками будут неисполнимы.

Действия должностных лиц застройщика за нарушение законодательства о долевом строительстве квалифицировались по ст. 160 УК РФ (присвоение, растрата).

Проведенный анализ судебной практики по делам о привлечении к уголовной ответственности за нарушение законодательства в области долевого строительства позволяет сделать вывод, что присвоение или растрата осуществлялись виновными следующим способами:

- перевод должностными лицами застройщика денежных средств, поступавших от физических и юридических лиц по договорам долевого участия в строительстве жилых домов, на расчётные счета аффилированных ему юридических лиц, не выполнявших работы по строительству объектов недвижимости. Примером может служить приговор Кировского районного суда г. Астрахани по делу № 1-343/2015 от 22 июля 2015 г. По данному приговору гр-н А., являвшийся генеральным директором ООО, признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ. ООО в лице виновного гр-на А. заключило договоры участия долевого строительства. Гр-н А., под видом выполнения работ по строительству жилых домов, по вымышленным основаниям, противоправно направлял денежные средства, поступавшие в ООО от лиц по договорам долевого участия в строительстве указанных жилых домов, на расчётные счета аффилированных ему юридических лиц, не выполнявших работы по строительству жилого дома;

- снятие с расчетного счета по чекам должностным лицом застройщика. Примером может служить приговор Советского районного суда города Липецка по делу № 1-1/2013 от 25 марта 2015 г. Вышеназванным приговором к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ привлечена гр-ка Ж., являвшаяся генеральным директором ООО, выступившего застройщиком объекта – 10-этажного жилого дома. ООО в лице гр-ки Ж. заключило договоры долевого участия в стро-

ительстве с гражданами и юридическими лицами. Гр-ка Ж. имея умысел на хищение денежных средств, вверенных ей участниками долевого строительства, используя свое служебное положение, из корыстных побуждений, в целях личной наживы, похитила путем растраты денежные средства осуществив по чекам снятие суммы с расчетного счета ООО;

– зачисление денежных средств с расчетного счета застройщика на расчетный счет должностного лица застройщика. Примером может служить приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области по делу № 1-2/2014 от 21 января 2014 г. Вышеназванным приговором к уголовной ответственности по ст. 160 УК РФ привлечен гр-н П., являвшимся председателем ЖСПК-№. Гр-н П. от лица ЖСПК-№ принял обязательство за счет средств инвесторов приобрести у самого себя, гр-на П., в собственность кооператива для строительства дома два земельных участка. Гр-н П. обязался в установленном законом порядке передать земельные участки кооперативу и обеспечить государственную регистрацию права собственности соответствующих объектов недвижимости на ЖСПК-№. Обязательство застройщика по ведению строительства только на принадлежащем жилищному кооперативу земельном участке прямо предусмотрено и ч.3 ст. 110 ЖК РФ. Являясь собственником вышеуказанных земельных участков, гр-н П. из корыстных побуждений безвозмездно присвоил часть полученных от инвесторов денежных средств, являющихся имуществом кооператива, путем безналичного перечисления денег с расчетного счета ЖСПК-№ на расчетный счет индивидуального предпринимателя гр-на П. Зачислив на свой расчетный счет деньги кооператива, гр-н П. право собственности на вышеуказанные земельные участки в пользу ЖСПК-№ не передал, денежные средства кооперативу не вернул.

Этот период закончился принятием Федерального закона от 01.05.2016 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости» (далее по тексту – ФЗ № 139) Уголовный кодекс РФ (далее по тексту – УК РФ) дополнен ст. 200.3, предусматривающей уголовную ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости на сумму свыше трех миллионов рублей.

Выводы

В конце статьи подведем итоги:

1. Законодательство в области жилищного строительства прошло следующие этапы: дореволюционный; советский; постсоветский (современный).

2. С принятием Закона об участии в долевом строительстве начинается новый этап развития ответственности за нарушение законодательства в области строительства жилья – установление уголовной ответственности. За нарушение законодательства об участии в долевом строительстве руководителей и должностных лиц застройщиков привлекали за мошенничество, присвоение, растрату и др.

3. Застройщики привлекались к уголовной ответственности за следующие деяния: строительство объекта без получения разрешения; осуществления строительства без лицензии; уклонение или несвоевременное исполнение предписаний органов Государственного архитектурно-строительного надзора РФ; нарушение правил приемки объекта в эксплуатацию.

Заключение

Данная статья позволила автору произвести анализ развития законодательства в сфере долевого строительства. В статье были рассмотрены основные этапы развития законодательства в сфере долевого строительства, виды юридической ответственности за нарушение законодательства в рассматриваемой сфере. Рассмотрены ситуации, в которых

застройщик привлекается к административной, уголовной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамов А. Долевое строительство: история и практика // Жилищное право. – 2013. – № 2. – С. 7-18.
2. Горлов В. Н. Возникновение коммунальных квартир в первые годы советской власти // Вестник государственного областного университета. – 2016. – № 4. – С. 85-91.
3. Давлетшина Р. М. Метод народной стройки как один из способов решения жилищной проблемы на Южном Урале после окончания Великой Отечественной войны // Сборник трудов конференции «Россия в условиях кризиса XIX-XX веков. – 2017. – С. 143-148.
4. Дикун А. В. Договор участия в долевом строительстве. Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 22.
5. Кирсанова Е. В. Правовое регулирование долевого строительства многоквартирных домов с привлечением средств граждан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2008. – С. 79.
6. Кицай Ю. А. История становления жилищных правоотношений в России по управлению квартирными домами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 12. – С. 284-287.
7. Лапшина Я. А. Обманутые дольщики – проблемные аспекты применения уголовно-правовой нормы // Вопросы российского и международного права. – 2017. – № 6а. – С. 129-138.
8. Малыгина В. В. Особенности расследования мошенничества в жилищной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 229 с.
9. Петрова Ю. А. Генезис развития жилищного законодательства в России (вопросы теории и практики) // Вестник Московского университета МВД им. В. И. Кикотя. – 2014. – № 10. – С. 175-182.
10. Светличный А. В. Характеристика преступлений, совершаемых при долевом строительстве жилья // Российский следователь. – М.: Юрист, 2007. – № 22. – С. 25-27.
11. Ступина С. А. Привлечение денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости: отдельные вопросы квалификации // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 9. – С. 147-150.
12. Сушина Т. Е. Защита прокурором жилищных прав граждан-участников долевого строительства многоквартирных домов. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2016. – С. 10.
13. Фролкина Е. Н. Гражданско-правовая ответственность за нарушение инвестиционного договора в строительстве: автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 25.
14. Шевяков Р. Уголовная ответственность застройщика за нарушение закона об участии в долевом строительстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://защита-дольщиков.рф/articles/154-criminal> (дата обращения: 01.03.2022).
15. Щирбинин А. Г. Особенности правового регулирования долевого участия граждан в строительстве жилых помещений для личных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2003. – 165 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-269-271

СУРОВИКИНА Анна Евгеньевна

адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ДЛЯ ВВОЗА НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СБЫТА ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ

В статье рассматриваются тенденции развития и использования современных технологий в области незаконного оборота медицинской продукции в Российской Федерации. При анализе современного состояния преступности в этой области акцентировано внимание на контрольно-надзорной и регулятивной функциях государственных органов. Автором также обосновывается необходимость совершенствования технической базы для предупреждения преступлений, связанных с ввозом и сбытом фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, и разработки и фиксации правил (рекомендаций) правоохранительным органам для охраны здоровья граждан в этом аспекте.

Ключевые слова: фармацевтический рынок, интернет-торговля, фальсифицированные, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства, качество и безопасность.

SUROVIKINA Anna Evgenjevna

postgraduate student of Criminal policy sub-faculty of the Academy of the MIA of Russia

THE PREVENTION OF THE USE OF THE INTERNET FOR THE IMPORTATION INTO THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SALE OF FALSIFIED, SUBSTANDARD AND UNREGISTERED MEDICINES AND MEDICAL DEVICES

The article discusses the trends in the development and use of modern technologies in the field of illicit trafficking in medical products in the Russian Federation. When analyzing the current state of crime in this area, attention is focused on the control, supervisory and regulatory functions of state bodies. The author also substantiates the need to improve the technical base for the prevention of crimes related to the import and sale of falsified, substandard and unregistered medicines and medical devices, and the development and fixation of rules (recommendations) for law enforcement agencies to protect the health of citizens in this aspect.

Keywords: pharmaceutical market, e-commerce, falsified, substandard and unregistered medicines, quality and safety.

Ввоз на территорию Российской Федерации и сбыт фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок является злободневной проблемой российского общества в современных условиях. Сущность этой проблемы состоит в угрозе жизни и здоровью населения, усиливающейся из-за того, что чаще всего фальсификации подвергаются медицинские товары регулярного, а то и ежедневного применения.

Фармацевтический рынок в современных реалиях является активно развивающейся и особо значимой экономической составляющей российского государства, что, согласно переписи аптек, проведенной аналитической компанией «RNC PHARMA» в третьем квартале 2022 года, подтверждается наличием около 78 тысяч аптечных организаций, из которых почти 25 % находятся в государственной и муниципальной собственности, остальные же сосредоточены в руках частных поставщиков.¹ Эта ситуация закономерно обостряет конкуренцию между ними, влечет

увеличение количества и объемов ввозимых товаров, предназначенных для реализации, что, в свою очередь, неизбежно приводит к снижению качества ввозимых лекарственных средств и медицинских изделий, к возрастанию попыток обойти национальное законодательство.

В условиях обострения международных отношений и конфликта между Российской Федерацией и Республикой Украиной вопрос качества ввозимых лекарственных препаратов и медицинских изделий стоит особенно остро, поскольку значительная доля этой продукции после перемещения через государственную границу направляется военным служащим и лицам, находящимся на прилегающих территориях.

Согласно предоставленной Росздравнадзором информации о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств за 2021 год, ежегодно незначительно снижаются как динамика изъятия из обращения лекарственных средств (в 2021 году было изъято 443 серии лекарственных средств, качество которых не отвечало установленным требованиям, в 2020 году – 540, в

¹ Анализ инфраструктуры фармацевтического рынка // Официальный сайт ООО Аналитическая компания «АРЭНСИ Фарма».

– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rncph.ru/PharmacyList> (дата обращения: 05.11.2022).

2016 году – 2000), так и динамика выявления фальсифицированных лекарственных препаратов (в 2021 году – 2 серии, в 2020 году – 3 серии).² Несмотря на это, нельзя сказать о том, что этот вид злоупотреблений стал менее общественно опасным, поскольку потребителями фальсифицированной и недоброкачественной лекарственной продукции и биологически активных добавок являются все слои населения, а видовым объектом соответствующих преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие здоровье граждан и общественную нравственность.

Так, доля серий недоброкачественных лекарственных средств отечественного промышленного производства по итогам 2021 года составила 70,5 % (80 торговых наименований 136 серий), зарубежного промышленного производства – 29,5 % (37 торговых наименований 57 серий),³ что создает базу для совершения трети таких преступлений с осуществлением ввоза на территорию Российской Федерации.

Воздушный транспорт является самым доступным и массовым для перемещения пассажиров и грузов, а, значит, именно с использованием возможностей авиационных сообщений совершается наибольшее количество преступлений, связанных с ввозом фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборотом фальсифицированных биологически активных добавок. По данным ИЦ УТ МВД России по ЦФО, в 2022 году только правоохранительными органами, обеспечивающими безопасность грузоперевозок в аэропорту Домодедово, зарегистрировано 11 материалов, связанных с незаконным ввозом на территорию Российской Федерации товаров, предназначенных для фармацевтического рынка.

Кроме этого, в условиях быстроразвивающейся информатизации общества, особое внимание следует уделять ввозу и сбыту не отвечающих требованиям законодательства Российской Федерации лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок посредством сети «Интернет», а также недопущению распространения соответствующей маркетинговой рекламы о продаже и местах приобретения таких препаратов. Дело в том, что в результате развития высоких технологий, открытости страны мировому сообществу растет незащищенность граждан от противоправного и неблагоприятного контента в сети «Интернет», усугубляются проблемы, связанные с различными направлениями жизнедеятельности общества, и, в частности, со сферой охраны здоровья населения и посягательствами на него.

Именно по этой причине в 2020 году Федеральным законом от 01.04.2020 № 95-ФЗ «О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁴

в статью 238.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации⁵ введены часть 1.1 и пункт 3 примечания. Законодателем это преступление отнесено к категории тяжких, так как степень общественной опасности его высока вследствие возможных негативных последствий для жизни и здоровья большого круга лиц, заканчивающихся в некоторых случаях в том числе летальным исходом [1, с. 48].

Следует отметить, что уголовная ответственность за совершение подобных преступлений наступает в случае, если стоимость обозначенных лекарств и биологически активных добавок, введенных в оборот незаконным способом, составляет свыше 100 тысяч рублей. В ином случае предусмотрена административная ответственность по части 3 статьи 6.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.⁶

По сообщениям главы Росздравнадзора А. Самойловой, с января по сентябрь 2022 года заблокировано 24000 Интернет-сайтов, предоставляющих возможность для нелегальной реализации медицинской продукции. По данным Всемирной организации здравоохранения, именно медикаментозное лечение и ошибки при использовании лекарственных препаратов являются ведущей причиной нанесения предотвращаемого вреда пациентам в медучреждениях всего мира.⁷

Стоит сказать о том, что мониторинг Росздравнадзора – это единственный способ противостоять незаконной торговле препаратами через интернет. Росздравнадзор осуществляет мониторинг сайтов с сентября 2020 г. Блокируются ресурсы, которые, в частности, торгуют фальсифицированными препаратами, незарегистрированными в России лекарствами, рецептурными препаратами, а также сайты, предлагающие купить наркотические и психотропные препараты или спиртосодержащие препараты с долей этилового спирта свыше 25 %. По данным ВОЗ, в более чем 50 % случаев лекарства, приобретенные через Интернет на незаконных сайтах, скрывающих свои физические адреса, являются поддельными [1, с. 121].

В соответствии с Правилами выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам,⁸ для ре-

// Российская газета. – № 73. – 06.04.2020.

2 Информация о результатах государственного контроля (надзора) в сфере обращения лекарственных средств за 2021 г. // Официальный сайт Росздравнадзора. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2022/3/21/1647868237_58597-1-13049 (дата обращения: 05.11.2022).

3 Там же.

4 Федеральный закон от 01.04.2020 № 95-ФЗ «О внесении изменений в статью 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»

5 Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – № 25. – 17.06.1996. – Ст. 2954.

6 Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации» // Российская газета. – № 256. – 31.12.2001.

7 В Росздравнадзоре сообщили о блокировке 24 тыс. сайтов за нелегальную торговлю лекарствами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/861917> (дата обращения: 05.11.2022).

8 Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 № 697 (в ред. от 31.05.2021) «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского

лизации лекарственных средств таким способом аптечные учреждения должны иметь лицензию на дистанционную розничную торговлю препаратами для медицинского применения.

Безусловно, в интересах тех категорий населения нашей страны, которые не могут самостоятельно посещать аптечные учреждения, осуществление покупок посредством сети «Интернет» является удобной возможностью для удовлетворения своих потребностей. Кроме того, с 2020 года в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации в стране, связанной с вспышкой заболеваемости COVID-19, многие граждане освоили интернет-ресурсы, и походам в аптеки и организации здравоохранения с целью приобретения медицинских товаров предпочли курьерские доставки. Кроме того, что в результате обращения граждан к такого рода доставкам (будь то почта, или курьер) повышается риск порчи товара, а также нарушения условий его хранения (в том числе температурный режим), покупатель фактически лишается возможности проконсультироваться с фармацевтом, что может привести к неэффективному самолечению.

В этой связи, гражданам стоит обращаться только к проверенным интернет-ресурсам, имеющим лицензию на реализацию медицинских изделий, лекарственных средств и биологически активных добавок. По данным Росздравнадзора, всего с начала осуществления лицензионной деятельности в этой области, то есть с мая 2020 года по 2 октября 2022 года выдано 456 таких разрешений.⁹ Поскольку такое количество выданных лицензий относительно невелико на фоне общего значительного числа аптечных учреждений, положительным моментом могло бы стать создание общедоступной интернет-базы, содержащей полный перечень организаций, получивших лицензию на реализацию медицинской продукции, а также создание в этих организациях телефонов «горячей линии» для быстрой связи покупателей с фармацевтами и возможности получения рекомендаций по препаратам.

Таким образом, использование дистанционных технологий при ввозе на территорию Российской Федерации и последующем сбыте лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок имеет как положительные, так и существенные отрицательные стороны. Однако, хотя законодатель, идя в ногу со временем, справедливо ввел уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 238.1. УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок», вопрос о теоретической и практической проработке этого нововведения остается до сих пор нерешенным, в связи с повышенной

латентностью данных преступлений и сравнительно небольшой судебной практикой. В этой связи для правоохранителей важны ответы на следующие злободневные вопросы: как осуществляется механизм сбыта с использованием сети «Интернет»; каким образом происходит процесс установления связи в сети «Интернет» между продавцом и покупателем; каковы особенности личности преступника и жертвы этих преступлений; и, главное, как с учетом возрастающей тенденции анонимности в сети «Интернет» выявлять не случайные, а готовящиеся целенаправленные деяния, связанные с ввозом на территорию нашей страны и сбытом в ней не отвечающих требованиям российского законодательства лекарственных и медицинских препаратов, а также биологически активных добавок?

Пристатейный библиографический список

1. Романова А. Э. Дистанционная реализация лекарственных средств как возможная новелла в российском законодательстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 120-124.
2. Смирнов А. М. Противодействие теневому фармацевтическому рынку в России в части привлечения к уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 2. – С. 48-51.

применения дистанционным способом» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005180035> (дата обращения: 05.11.2022).

⁹ Реестр выданных разрешений на дистанционную торговлю лекарственными препаратами. // Официальный сайт Росздравнадзора. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/ods> (дата обращения: 05.11.2022).

ГРИШИН Никита Сергеевич

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

НЕСООТВЕТСТВИЕ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 238 УК РФ

В статье рассматривается сущность категории «несоответствие требованиям безопасности» в контексте предмета преступления, уголовная ответственность за которое предусмотрена статьей 238 УК РФ. Анализируется современное законодательство в сфере защиты прав потребителей, а также положения постановления Пленума Верховного Суда РФ, относительно применения статьи 238 УК РФ. Формулируются авторские предложения относительно редакции указанного акта судебного толкования.

Ключевые слова: безопасность товаров, опасные товары, работы, состав преступления, услуги.

GRISHIN Nikita Sergeevich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

NON-COMPLIANCE WITH SAFETY REQUIREMENTS AS A CONSTRUCTIVE SIGN OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the essence of the category “non-compliance with security requirements” in the context of the subject of the crime, criminal liability for which is provided for by Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes the current legislation in the field of consumer protection, as well as the provisions of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the application of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author’s proposals regarding the wording of the said act of judicial interpretation are formulated.

Keywords: safety of goods, dangerous goods, works, corpus delicti, services.

Безопасность товаров, продукции, услуг и работ является актуальной и злободневной темой для общества в любой период его существования. Это обусловлено тем, что именно от приведенных категорий зачастую зависит жизнь и здоровье человека-потребителя, в той или иной мере. В современном мире товары, работы и услуги окружают людей повсеместно, что актуализирует вопросы правового регулирования данной сферы жизнедеятельности. Уголовно-правовые меры защиты прав потребителей являются самыми суровыми из закрепленных российским законодательством, что обуславливается важностью охраняемых объектов. Статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливается уголовная ответственность за оборот товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Анализ состава преступления, содержащегося в представленной уголовно-правовой норме, дает понять, что одним из ключевых его конструктивных признаков следует считать «несоответствие товаров, продукции, услуг и работ требованиям безопасности». Поскольку товары, услуги, продукция и работы являются предметом преступления, ответственность за которое установлено статьей 238 УК РФ, то их несоответствие требованиям безопасности будет свойством данного предмета, причем обязательным, без которого невозможна реализация уголовной ответственности по данной норме.

Содержание признака «несоответствия требованиям безопасности» являлось дискуссионным в научном сообществе с момента принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. Это было связано с появившейся теорией презумпции опасности пищевой продукции, обозначенной И. С. Ивановым [3]. Ее суть заключалась в том, что, исходя из содержания пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», товары с истекшим сроком годности, в случае их реализации, считаются некачественными и опасными. В этом случае проведение экспертизы по установлению свойств такой продукции необязательно, а лицо, осуществлявшее сбыт, подлежит уголовной ответственности по статье 238 УК РФ. Однако, с данной позицией следует не согласиться. Законодатель в статье 3 Федерального закона от 02.01.2000 № 29-ФЗ четко использует конъюнкцию в сочетании с дизъюнкцией, посредством союзов «и (или)», что может означать лишь то, что приведенные элементы (опасность и некачественность) могут использоваться как вместе, так и отдельно друг от друга. Подобная позиция была высказана множеством ученых, в том числе А. В. Сухановым [7, с. 78]. Вместе с тем, для правильного применения уголовно-правовой нормы, содержащейся в диспозиции статьи 238 УК РФ, считаем необходимым разграничить понятия «некачественных» и «опасных» товаров.

Наиболее приемлемое и обобщенное понятие «качества продукции» можно найти в ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции» [1]. В нем под исследуемой категорией понимается совокупность свойств продукции, позволяющая удовлетворять определенные потребности, в соответствии с ее назначением. Значит, некачественным будет считаться тот товар или продукция, которые утратили часть своих свойств, вследствие чего они теперь не могут в полной мере удовлетворить потребности человека, для которых были созданы. Опыт распространения на территории Российской Федерации контрафактной продукции, который часто освещается СМИ, позволяет сделать вывод о том, что некачественным может быть признан также товар, который приведёнными свойствами изначально и вовсе не обладал. По аналогии с этим, услуги и работы также будут признаваться некачественными, если их фактическое содержание не будет соответствовать заявленному и не будет удовлетворять потребностей людей, для которых они реализовывались.

Понятие «опасных товаров, продукции, услуг и работ» прямо следует из содержания статьи 7 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2]. Под ними следует понимать товары, продукцию, услуги и работы, которые при обычных условиях реализации способны причинить реальный вред жизни и здоровью потребителя. Обычными условиями следует признавать те, которые связаны с использованием товара, услуги или работы по их прямому назначению, без необходимости соблюдения каких-либо специальных правил, за исключением тех, которые устанавливаются самим производителем (лицом, предоставляющим услуги или работы). Под реализацией законодатель понимает использование, хранение, транспортировку и утилизацию. Итак, сравнительный анализ показывает, что понятия «некачественных» и «опасных» товаров, услуг и работ резко отличаются, а потому за оборот первых законодательством РФ предусмотрена административная ответственность (статья 14.4 КоАП РФ), а за оборот вторых – уголовная (статья 238 УК РФ).

25 июня 2018 года Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации», в котором орган судебного толкования разъяснил ряд особенностей, касающегося конструктивного признака «несоответствия требованиям безопасности», в контексте статьи 238 УК РФ [5]. При анализе Постановления становится понятным, что для указанного признака законодатель предусмотрел сложную систему построения. Для признания товара, услуги, продукции или работы несоответствующими требованиям необходимо наличие двух условий:

1) указанные категории должны не отвечать требованиям безопасности, указанным в соответствующих нормативных правовых актах, то есть их фактическое содержание прямо нарушает требования, указанные в законодательных актах, предъявляемые к составу, конструкции, свойствам или качеству. Следует заметить, что, по

нашему мнению, качество товаров (услуг или работ) не может определять их несоответствие требованиям безопасности, поскольку, как было установлено ранее, эта категория определяет именно ту совокупность свойств, которые касаются возможности удовлетворения потребностей человека. Значит, небезопасный товар априори некачественный, но не наоборот. Исходя из этого, считаем необходимым исключить указание на «качество товара, услуги или работы» из пункта первого рассматриваемого Постановления;

2) указанные категории должны быть опасными для жизни и здоровья человека, причем опасность должна быть реальной. Верховный Суд РФ также указывает, что под реальной опасностью следует понимать способность товаров, продукции, услуг или работ в обычных условиях потребления (использования) привести к наступлению смерти или причинению тяжкого вреда здоровью человека. При этом, сама реальная опасность, при необходимости, может быть установлена с участием экспертов или специалистов.

Так, приговором № 1-46/2022 от 9 февраля 2022 г. по делу № 1-46/2022 Шатурского городского суда Московской области была осуждена по части 1 статьи 238 УК РФ гражданка Н., которая в кустарных условиях изготовила и сбывла спиртосодержащую жидкость, полученную путем смешивания непищевого этилового спирта с водой. Опасность данной продукции была установлена и подтверждена в заключении эксперта [6].

Анализ судебной практики показывает, несмотря на то, что разъяснение Верховного Суда РФ относительно применения статьи 238 УК РФ содержит диспозитивное указание на возможность использования специальных познаний экспертов и специалистов, подавляющее большинство дел рассматривают уже при наличии заключения судебной экспертизы. Однако, считаем возможным выделить ряд ситуаций, при которых выполнение данных действий необязательно для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности по статье 238 УК РФ:

– товар, продукция, услуга или работа по своим внешним признакам могут быть оценены как опасные для жизни и здоровья человека. Это могут быть органолептические, конструктивные или иные свойства;

– вред здоровью или жизни человека уже были причинены на момент расследования и достоверно известно, что это произошло вследствие потребления (использования) товара (услуги или работы). Следует заметить, что в этом случае, уже будет проведена судебно-медицинская экспертиза, которая и укажет на причину вреда здоровью или смерти потерпевшего.

Непоследовательным кажется указание Верховного Суда РФ на то, что лишь в случае, когда товары (услуги или работы) могли повлечь причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, их следует считать опасными. Упускается возможность причинения этими предметами средней тяжести и легкого вреда здоровью. Урегулирование этого вопроса кажется нам необходимым ввиду того, что:

1) нарушается единство отраслевого законодательства и единство юридической терминологии. Напомним, что Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» в статье 7 прямо указывает на то, что опасность товара связана именно с возможностью причинения вреда здоровью, а значит, речь идет как о тяжком, так и о средней тяжести и легком вреде здоровью [2];

2) относительно понятия «опасности для здоровья» Пленум Верховного Суда РФ уже давал разъяснения, применительно к составу разбоя, в постановлении от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где в пункте 21 говорится, что «под насилием, опасным для жизни или здоровья (статья 162 УК РФ), следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью» [4]. В таком случае, вновь прослеживается непоследовательность;

3) в случае, если действительно составом преступления, уголовная ответственность за которое установлена в статье 238 УК РФ, охватывается лишь реальная возможность товара (услуги или работы) причинить тяжкий вред здоровью или повлечь смерть человека, вопрос с реальной возможностью причинения средней тяжести и легкого вреда здоровью остается не обьятым в правовом понимании. С одной стороны, в КоАП РФ имеется статья 14.4, связанная с продажей некачественных товаров. Но, как уже было указано нами, качество товара связано, в первую очередь, с возможностью удовлетворения потребностей человека, а в нашем случае речь идет о возможности причинения вреда здоровью. Значит, оборот таких товаров должен наказываться строже, чем предусматривает санкция статьи 14.4 КоАП РФ, но при этом такой нормы нет, если исключить возможность квалификации по статье 238 УК РФ. Например, 3 июня 2022 года в городе Тольятти за сутки были госпитализированы более 30 человек, в их числе, четыре ребенка и беременная женщина. Причина – острое пищевое отравление. Следствием установлено, что все госпитализированные пользовались услугами доставки японской кухни [8]. При этом, пищевое отравление далеко не всегда может быть признано экспертами признаком тяжкого вреда здоровью (в зависимости от тяжести самого отравления и сопутствующих признаков). В таком случае, виновные лица не смогут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 238 УК РФ?

В связи с вышесказанным, считаем необходимым внести в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» указание на то, что реальная опасность товара, продукции, услуги или работы означает возможность при их использовании повлечь смерть человека или причинить тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью. Безусловно, это расширит спектр применения статьи 238 УК РФ, что можно расценивать как определенное ужесточение в рамках уголовной политики, однако, на наш взгляд, это будет наиболее правильным толковани-

ем нормы, поскольку приведет ее в соответствие с законодательством РФ в сфере защиты прав потребителей и позволит устранить пробелы в уголовно-правовой охране основных прав и свобод человека, в первую очередь, в области здоровья населения.

Пристатейный библиографический список

1. ГОСТ 15467-79 «Управление качеством продукции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Иванов И. С. Продажа товара с истекшим сроком годности: уголовная или административная ответственность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. 2014.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Приговор № 1-46/2022 от 9 февраля 2022 г. по делу № 1-46/2022 Шатурского городского суда Московской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sud-praktika.ru> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Суханов А. В. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: уголовно-правовые аспекты: дис ... канд. юридических наук: 12.00.08. - Ростов-на-Дону, 2014. - 208 с.
8. Сайт информационного агентства «Газета.ru». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru>. (дата обращения: 23.11.2022).

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 3 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической Школы Дальневосточного Федерального Университета

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ПЛАГИАТА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема плагиата в научных публикациях и квалификационных работах, которую многие люди не воспринимают всерьез, и особенно не осознают вероятность наступления возможных последствий при занятии данной деятельностью. Плагиат – весьма часто встречающийся вариант неэтичного поведения, заключающийся в использовании результатов чужого авторского труда, и выдача их за свою работу. В статье представлены результаты анализа литературных и правовых источников о причинах и видах плагиата, а также о возможных этических и юридических последствиях. Кроме того, в работе были рассмотрены правовые нормы разных стран, касающиеся наступления юридической ответственности за плагиат.

Ключевые слова: плагиат, плагиатор заимствование, Закон об авторском праве, Интернет, оригинал, научная работа.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPETS Svetlana Igorevna

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

DERENDYAEVA Sofya Dmitrievna

student of the 3rd bachelor course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE PROBLEM OF PLAGIARISM IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPHERE

The article deals with the current problem of plagiarism in scientific publications and qualifying works, which many people do not take seriously, and especially do not realize the likelihood of possible consequences when engaging in this activity. Plagiarism is a very common variant of unethical behavior, which consists in using the results of someone else's author's work and issuing them for their work. The article presents the results of the analysis of literary and legal sources on the causes and types of plagiarism, as well as possible ethical and legal consequences. In addition, the paper considered the legal norms of different countries concerning the occurrence of legal liability for plagiarism.

Keywords: plagiarism, plagiarist, borrowing, copyright law, internet, original, scientific work.

Плагиат происходит от латинского слова "plagiarius" (похититель). Существует множество определений данного понятия, в рамках нашей работы, мы возьмем за основу определение А. Б. Барихина: «плагиат – непосредственное заимствование чужих идей, технических решений, изобретений, части или целых произведений науки, литературы или искусства без указания источника» [1, с. 960]. В наши дни в Интернете практически все доступно бесплатно. Люди могут без усилий загружать, скачивать, просматривать или искать любой текст, аудио и видео. Безусловно, доступность информации, размещенной в Интернете, облегчила нашу жизнь, но люди злоупотребляют этим преимуществом, представляя чужие работы как свои собственные ради славы, академических льгот, денег, личных интересов и т. д.

Плагиат чаще всего практикуется в академических кругах и исследованиях. В Интернете размещены всевозможные виды литературных статей, образовательных материалов, исследовательских работ, которые находятся в свободном доступе. Эта возможность облегчает людям поиск необходимой информации, благодаря которой они могут получать знания, повышать свой уровень грамотности, образованности и компетентности.

Например ранее, когда не было Интернета, людям, в поисках образовательных материалов и сведений, приходилось либо посещать библиотеки, либо покупать дорогие

книги. Теперь же в условиях современной жизни мы просто вводим желаемую тему в нашем браузере и получаем тысячи результатов поиска. В результате имеющихся возможностей некоторые люди зачастую используют найденный образовательный контент, статьи, исследовательские работы в неблагоприятных целях.

Почему плагиаторы прибегают к заимствованию чужой информации? Одним из самых популярных доводов является – лень или нежелание человека прилагать необходимые усилия. Другими объяснениями могут служить желание признания или уверенности в хорошей оценке, или нехватка времени. Может быть также недостаток таланта или, по крайней мере, кажущийся недостаток таланта¹.

Заимствование научных текстов, использование чужой интеллектуальной собственности является актуальной проблемой в наше время, требующей эффективных решений и методов борьбы с ней. Почему плагиат неэтичен? Потому что фактически плагиатор представляет чью-то оригинальную работу, как свою собственную, не имея на это права. В реальном мире, считается, что, если кто-то другой берет чьи-то вещи без соответствующего разрешения, этот че-

1 The Ethics (and Crime) of Plagiarism. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://people.howstuffworks.com/ethics-and-crime-plagiarism.htm> (дата обращения: 15.01.2023).

довек – “вор”, и это является наказуемым преступлением. Аналогичным образом ситуация представлена и в виртуальном мире.

Плагиат влияет на честность ученых, студентов, обучающихся. Исследователям присваивается докторская степень на основе их научных работ, студентам выставляются оценки в соответствии с их домашним заданием. Занятие плагиатом не способствует усвоению знаний и информации. Плагиатор может представлять опасность для общества, организаций, в которых будет работать, поскольку не обладает полными знаниями о соответствующей работе. Если мы используем плагиатный контент для нашей личной выгоды, ради прибыли, популярности и для других целей, такой поступок, безусловно, неэтичен и аморален, потому что нас вознаграждают за то, чего мы на самом деле не делали.

К сожалению, приходится подтвердить тот факт, что на сегодняшний день плагиат в научно-образовательной области стал массовым явлением. Ситуация усложняется тем, что если использование чужих научных статей и диссертаций зачастую можно проследить и принять необходимые меры к устранению проблемы, то наблюдение за огромным объемом курсовых, дипломных работ и магистерских диссертаций, чаще всего, остается без эффективного контроля и регулирования [3, с. 64].

В связи с упущением законодателя в этой области многие авторы выдвигают собственные предложения по ограничению заимствований в научных публикациях. Так, в будущем возможно ограничение максимально допустимого объема одиночного заимствования до 0,01 авторского листа [2, с. 25]. Некоторые ВУЗы устанавливают собственные «пороги», которые разнятся от 5 до 50 % разрешенного плагиата в зависимости от научной работы. Однако, необходимо понимать, что никакая статья не будет оригинальной на 100 %, поскольку каждая новая работа основывается на предшествующих ей исследованиях. Поэтому необходимо лишь внимательно и правильно цитировать все используемые вами источники. В обратном же случае, студенту, например, может грозить отчисление².

Юридические последствия плагиата могут быть весьма серьезными. Законы об авторском праве являются абсолютными. Нельзя использовать материалы другого человека без цитирования и ссылки. Автор имеет право подать в суд на плагиатора. Некоторый плагиат также может считаться уголовным преступлением, которое может привести к тюремному заключению. Те, кто зарабатывает на жизнь написанием, такие как журналисты или авторы, особенно подвержены проблемам плагиата. Те, кто часто пишет, должны быть всегда бдительны, чтобы не ошибиться³.

Последствиями копирования и использования чужой работы, материалов могут являться определённые денежные потери. Многие новостные сообщения и статьи разоблачают плагиат со стороны журналистов, авторов, общественных деятелей и исследователей. В ситуации, когда автор подает в суд на плагиатора, первому может быть предоставлена денежная компенсация. В случае, когда журналист работает в журнале, газете или другом издательстве, или даже если ученик уличен в плагиате в школе, нарушителю плагиата может потребоваться выплатить денежные штрафы.

В России предусмотрена ответственность за данное преступление 146 статьей Уголовного кодекса Российской Федерации «нарушение авторских и смежных прав». Так, если плагиат причинил крупный ущерб автору, то человек будет наказан штрафом в размере до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо обязательными работами на срок

до 480 часов, либо исправительными работами на срок до 2 года, либо арестом на срок до 6 месяцев.

В других же странах предусмотрены не только статьи, а целые законы, регулирующие отношения, связанные с плагиатом, например:

1. В Индии нет никаких прямых положений или законов, касающихся плагиата, но раздел 57 Закона об авторском праве 1957 года предоставляет автору оригинала право требовать авторства на свою работу.

Раздел 57 также включает термин “особые права” для оригинальных авторов. Здесь особые права считаются моральными правами и запрещают плагиат.

Раздел 63 закона об авторском праве Индии 1957 года признает нарушение авторских прав преступлением и предусматривает наказание за нарушение авторских прав и нарушение статьи 57. Наказание будет в виде штрафа и тюремного заключения на срок от 6 месяцев до 3 лет.

Раздел 51 Закона об авторском праве Индии определяет, когда действие считается нарушением авторских прав.

2. В законе об авторском праве США нарушение авторских прав указано в 17 USC 106, согласно которому нарушение авторских прав происходит, когда кто-либо создает или распространяет копии охраняемого произведения. Согласно документу, плагиат не считается незаконным или преступлением, но он морально неприемлем.

Закон об авторском праве § 504 предоставляет владельцу право выбора возмещения в форме установленного законом ущерба и фактического ущерба или прибыли⁴.

3. Закон об авторском праве КНР защищает произведения от их неправомерного распространения в информационных сетях. Если в Интернете обнаружено нарушение авторских прав, правообладатель может связаться с провайдером, чтобы отключить ссылки или прекратить доступ к контенту. В таком случае лицо, совершившее преступление, может быть оштрафовано. Отказ Интернет-провайдера удалить соответствующие ссылки влечет за собой солидарную с виновником ответственность за ущерб, причиненный потерпевшему [4, с. 114].

Таким образом, последствия плагиата имеют далеко идущие последствия, и никто от этого не застрахован. Ни невежество, ни высокий статус не освобождают человека от этических и юридических последствий совершения плагиата. Прежде чем приступать к какому-либо письменному проекту, необходимо узнать о правильном заимствовании. Лень или нечестность могут привести к испорченной репутации, потере карьеры и юридическим проблемам.

Приставленный библиографический список

1. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Книжный мир. – 2010.
2. Котляров И. Д. Некорректные заимствования: сущность, проблемы оценки и методы противодействия // Педагогический журнал Башкортостана. – 2011. – № 5.
3. Плещенко В. И. О плагиате в научных публикациях и выпускных работах // Высшее образование в России. – 2018. Т. 27. – № 8-9.
4. Пыжиков Н. С. Особенности регулирования прав интеллектуальной собственности в КНР // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 4.

2 Справочник учебного процесса НИУ ВШЭ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/studyspravka/plagiat/?roistat_visit=7638248 (дата обращения: 17.01.2023).

3 Consequences of Plagiarism. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ithenticate.com/resources/6-consequences-of-plagiarism> (дата обращения: 15.01.2023).

4 Plagiarism vs Copyright Infringement: Rules and Differences. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legamart.com/articles/plagiarism-vs-copyright-infringement/> (дата обращения: 15.01.2023).

НЕЧЕВИН Иван Дмитриевич

аспирант кафедры криминологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОРГОВЛИ ПОДРОСТКАМИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье исследована система виктимологических аспектов торговли подростками, затронуты исторический и современный опыты по противодействию торговли подростками как юношами, так и девушками.

Ключевые слова: виктимология, торговля, рабство, подростки, юноши, девушки, проституция, принудительный труд.

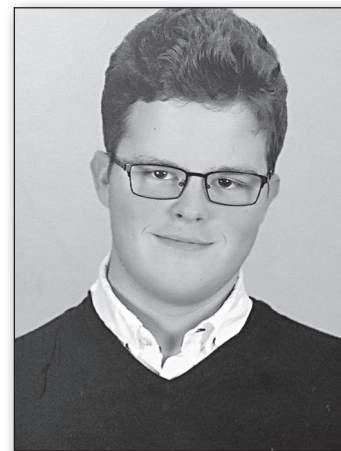
NECHEVIN Ivan Dmitrievich

postgraduate student of Criminology sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF TRAFFICKING IN ADOLESCENTS: HISTORY AND MODERNITY

The article examines the system of victimological aspects of trafficking in adolescents, touches on historical and modern experience in combating trafficking in adolescents, both boys and girls.

Keywords: victimology, trafficking, slavery, teenagers, boys, girls, prostitution, forced labor.

Нечевин И. Д.

Для того, чтобы восторжествовало зло, нужно лишь одно - чтобы хорошие люди бездействовали.

Эдмунд Бёрк

«Nemo prudens punit, quia peccatum est, sed ne peccetur.¹».

И. Начало XXI в. отмечено во всем мире активизацией социальных, экономических и политических процессов, определяющих сложную и противоречивую картину развития современной цивилизации. Мировое сообщество осознавало, что самой большой опасностью для человечества является интенсивно растущая национальная и транснациональная международная преступность, которая, в настоящее время, включает в себя как традиционно уголовные, так и военные, экономические и глобально террористические угрозы.

Доминирующей криминологической тенденцией за 22 года нового тысячелетия является существенный рост общего объема преступности на Европейском континенте, в том числе, на всем постсоветском пространстве, повышение ее тяжести и общественной опасности с одновременным отставанием социально-правового контроля от расширяющихся процессов криминализации общественных отношений. Такими процессами стала торговля подростками, которая представляет собой один из наиболее прибыльных видов преступного «бизнеса».

По оценке автора, размеры прибылей, получаемых на данной «деятельности», занимает четвертое место после наркобизнеса и торговли оружием, а также киберпреступности (на сегодняшний день, занимает первое место в мире). На 2022 год существуют преступные группировки, специализирующиеся на отдельных видах торговли людьми, а именно: торговле девушками и юношами с целью их сексуальной эксплуатации и использовании в порнобизнесе; торговля

подростками с целью противоправного усыновления/удочерения; торговля юношами для эксплуатации их труда и использования в вооруженных конфликтах, например: в 2021 году Сотрудники Федеральной службы безопасности (ФСБ) России задержали в 37 регионах нашей страны 106 сторонников запрещенной в России украинской неонацистской молодежной группировки «М.К.У.», созданной 21-летним гражданином Украины Егором Красновым. Операция позволила сорвать акцию, к которую Краснов готовил акции в различных регионах России. Он готовился отдать указания своим сторонникам через мессенджеры и социальные сети совершить серию террористических актов и массовых убийств. В числе задержанных сторонников «М.К.У.» установлено трое администраторов интернет-сообществ данной организации, пропагандировавших по указанию Краснова экстремистскую идеологию и призывавших совершать насильственные акции. Еще двое задержанных - подозревались в подготовке вооруженных нападений на образовательные учреждения. Новых членов группировки, как правило школьников, агенты украинских спецслужб сначала вовлекали в незначительные нарушения порядка, потом предлагали распечатать, расклеить листовки, могли дать задание – к примеру, избить бездомных или совершить акт вандализма. Других отправляют следить и снимать эти правонарушения на камеру (но чаще нарушители и сами снимали на телефон и выкладывали в сеть свои незаконные действия). За такие кадры - им даже иногда кидали деньги на карту. Вот таким образом украинские спецслужбы дистанционно собирали на школьников компромат, который в будущем мог быть легко использован для шантажа. Например, чтобы мотивировать молодых людей уже к совершению заказных убийств и терактов: кто отказывался совершать уголовные преступления на территории Российской Федерации, украинские спецслужбы грозили выдать сотрудникам российской контрразведки. Следователи отмечали, что наибольшее распространение «М.К.У.» получила в Пензенской области и Республике Коми. Там была пресечена преступная деятельность аффилированных с «М.К.У.» сразу двух экстремистских ячеек, численностью пять и восемь человек. Во время задержаний у юношей были изъяты гладко-

¹ Всякий разумный человек наказывает не потому, что был совершен проступок, но для того, чтобы он не совершался впредь (Сенека).

ствольные и нарезные охотничьи ружья, боеприпасы, пневматические пистолеты, охолощенные пистолеты и автоматы (проверяется информация о намерениях их переделки в боевые аналоги), арбалеты, большое количество холодного оружия, баллончики со слезоточивым газом. Юношей инструктировали довольно четко. Даже на случай провала. Во время задержания, когда опера ФСБ ломали входную дверь, один из подозреваемых попытался уничтожить записи в компьютере, а когда спецназ ворвался в квартиру сам лег на пол и скрестил руки за спиной. Среди задержанных администраторов запрещенной в России организации, которые собирали заявки на вступление «М.К.У.» оказались даже девушки. Им было проще обрабатывать российских подростков. В отношении Егора Краснова расследуется уголовное дело по ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 105 УК России, он объявлен в международный розыск. По информации следствия Краснов обвиняется в организации более десятка убийств на территории Московской и Ленинградской областей. При этом главарь преступной группировки не гуляет по Крещатику, а находится в украинской тюрьме за уголовное преступление, откуда и продолжает вести свою подрывную деятельность под покровительством украинских спецслужб. Следует отметить, что это не первое массовое задержание членов запрещенной «М.К.У.» в России. Весной 2021 года сотрудники ФСБ и Следственного комитета России задержали 14 сторонников украинских радикалов из неонацистского сообщества в Геленджике и Ярославле. При обыске у них нашли нацистскую литературу, холодное оружие и инструкции по изготовлению бомб. Неонацистская символика и обнаруженные пособия свидетельствовали: задержанные готовились к совершению терактов в России и неоднократно нападали с оружием на людей. Само название запрещенной в России организации «М.К.У.» – расшифровывается как «Маньяки. Культ убийства»². Наиболее опасным видом данной деятельности является торговля подростками с целью трансплантации органов и тканей, или так называемое «насильственное донорство».

II. Исторически, на протяжении нескольких столетий человечество прилагало значительные усилия по борьбе с торговлей людьми как вопиющим нарушением прав и свобод человека, и явлением, не совместимым с общественным прогрессом. В России, в конце XIX в. торговля подростками получила свое новое развитие, требуя от современного общества решительных действий в противостоянии данному явлению.

Впервые, в отечественной истории в Российском уголовном законодательстве, предусматривалась ответственность за похищение подростков, но специалисты того времени отмечали, что это преступление разнообразного характера: оно является то лишением свободы, то сокрытием прав состояния, то посягательством на авторитет семейной власти. Но основной его характер – лишение свободы.

К похищению подростков, в Российской Империи относили:

- 1) продажу в рабство (ст. 1410);
- 2) похищение младенцев (ст. 1407-1408);
- 3) удержание «заблудившихся детей» (ст. 1409);
- 4) похищение девушек/женщин (ст. 1529, 1530, 1549, 1580, 1582)³.

Несмотря на то, что Российская Империя никогда не занималась торговлей рабами, но, законодатель все-таки реагировал на те явления, которые имели место в жизни. Так, ст. 1410, 1411 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (с изменениями в 1885 г., в связи с утверждением

19.02.1861 г. Манифеста Александра II и «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости») устанавливали ответственность за продажу в рабство «азиатцам или другими иноплеменникам подданных Российской Империи или находящихся под покровительством ее законов, а также за торг африканскими неграми». Данные положения сохранились и в Уголовном Уложении 1903 г.

Законом предусматривалась ответственность за похищение девушек/женщин в целях: изнасилования (ст. 1529); обольщения (ст. 1530), с обещанием вступить в брак (ст. 1531); в целях вступления в брак против ее воли (ст. 1549); замужней женщины (ст. 1580); с ее согласия (ст. 1582).

Однако, эти составы не отражали, в полной мере, сути происходящих явлений. Для России XIX в., как и для других государств, весьма актуальной была проблема торговли женщинами в целях разврата (занятия проституцией – помещались в такие учреждения, как бордели). Против этого развернулось мощное общественное движение как внутри страны, так и на международном уровне.

Соответственно этому в законодательство вносились изменения и дополнения. Так, это нашло отражение в проектах: 1895 г., 1898 г., 1901 г., 1902 г. В проекте 1895 г. предусматривалось: 1) неисполнение установленных правил для предупреждения непотребства; 2) принятие в «дом разврата» (бордель) лица женского пола моложе определенного возраста.

В проекте Особого совещания при Государственном Совете 1901 г. эти рамки значительно расширились и здесь предусматривались: 3) склонение лица женского пола промышлять развратом, посредством: насилия, угрозы, обмана или злоупотребления власти; 4) склонение всеми способами к выезду из России с целью «обратить ее на промысел развратом за границей»; 5) занятие указанными преступными деяниями профессионально; 6) извлечение лицом мужского пола, также профессионально, имущественной выгоды получения ее от промышляющей развратом женщины, находящейся под его влиянием или в его зависимости (сутенерство).

В проекте Особого присутствия Госсовета 1902 г. ко всем этим деяниям было дополнено: 7) вербование в виде профессии с целью «получения имущественной выгоды лиц женского пола для обращения ими разврата в промысел». Все эти формы преступных деяний сохранились и в окончательной редакции Уложения 1903 г. (ст. 526-529).

Таким образом, можно констатировать, что распространяющиеся, в настоящее время, такие деяния, как: торговля людьми, обращение в рабство, принудительный труд, не являются принципиально новыми для России. Возрождение их в общественной жизни требует соответствующей реакции законодателя.

Представляется, что отечественный опыт законодательства в данной области может быть полезным.

III Установлено, что современное порабощение начинается с надежды на лучшую жизнь. Экономические причины являются определяющими при принятии решения о выезде за рубеж с целью трудоустройства и лучшей доли.

В настоящее время, в современном Российском обществе, наблюдаются процессы феминизации безработицы. По исследовательским данным автора, среднестатистический безработный – это женщины до 35 лет (иногда до 45) с общим средним образованием. Самая уязвимая, в плане трудоустройства, аудитория – женщины без профессии и трудового опыта. Каждый второй безработный – в возрасте до 35 лет. Каждый пятый – выпускник школы (особенно сельской).

Невозможность трудоустроиться в своей стране толкает людей на поиск рабочих мест за границей.

К основной группе риска относятся женщины и дети как наиболее уязвимые категории населения, и как результат – до 95% пострадавших от торговли людьми являются девушки и юноши.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/28368/4517930/>

3 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (с изменениями в 1885 г., в связи с утверждением 19.02.1861 г. Манифеста Александра II и «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»).

Современное рабство не знает разграничений по полу, возрасту и национальности. Однако, если женщины, в большинстве своем, становятся жертвами сексуального рабства и эксплуатации, то мужчины используются в трудовом рабстве, а также при незаконной трансплантации внутренних органов. Подростки принуждаются к оказанию сексуальных услуг, попрошайничеству, могут стать жертвами незаконного усыновления/удочерения.

IV К сожалению, на сегодняшний день, приходится констатировать то, что таких данных о торговле подростками в мире не существует, так как преступления, связанные с нею, как правило, не выделяются в статистике, информация о них собирается бессистемно и зачастую носит фрагментарный, косвенный характер.

Однако, некоторые количественные данные характеризуют масштабы этого явления. Так, по данным Конгресса США, около 8 млн. подростков ежегодно становятся жертвами торговли⁴. Около сто тысяч из них ежегодно попадают в США, а по данным ООН, две трети секс-работниц подросткового возраста в Японии составляют эмигрантки

(около сто тысяч)⁵, на европейском секс-рынке, по исследовательским данным автора и экспертов ОБСЕ, доминируют выходцы из постсоветских стран Восточной Европы (Украина, Белоруссия, страны Балтии и т.д.)⁶.

Однако, имеющиеся статистические данные не отражают реального положения дел, так как рассматриваемые преступления имеют характер повышенной латентности.

Главными причинами роста данных преступлений во многом сходны с криминогенными факторами, обуславливающими преступность (торговля подростками) в целом:

- резкое снижение уровня материального обеспечения значительных слоев населения;
- негативное влияние средств массовой информации и ослабление цензуры;
- моральные разложение общества в целом и ослабление семейных связей, особенно, в неблагополучных семьях;
- рост числа несовершеннолетних, употребляющих алкогольные напитки, наркотические средства и психотропные вещества (по данным Минздрава, приблизительно из 2 млн. лиц, страдающих алкоголизмом, 60 тыс. подростки до 15 лет)⁷;
- целенаправленное воздействие криминальных структур, вовлекающих подростков в занятие проституцией и совершение антиобщественных действий.

Изучение данной проблемы показывает, что, например, в России в 2020 году было выявлено всего 15 преступлений за торговлю подростками. Тогда, как в одной ФРГ было выявлено 1012 пострадавших от торговли подростками, где граждане РФ составили 350 человек.

Понимая всю сложность положения, на тридцатом пленарном заседании

Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ в 2008 году был принят Закон «О противодействии торговле людьми», состоящий из 10 глав. В первой главе – общие положения даны были правовые и организационные системы противостояния торговле подростками в РФ, дано правовое положение жертвы торговли подростками, а также определены виды и пределы ответственности за торговлю подростками. Главным достоинством проекта закона – были даны понятия (дефиниции), используемые в настоящем законе, например:

– вербовка – наем, набор для каких-либо работ, привлечение к какой-либо деятельности, в том числе противоправной, вовлечение в состав какой-либо организации, в том числе деятельность которой запрещена законом;

– государство назначения – государство, на территории которого осуществляется эксплуатация физических качеств жертв торговли подростками или привлечение их к принудительному труду;

– государство происхождения – государство, с территории которого осуществляется вывоз жертв торговли подростками, либо граждане которого являются жертвами торговли подростками, либо на территории которого действует и/или зарезервировано юридическое лицо, осуществляющее торговлю подростками, либо служащее прикрытием торговли людьми;

– государство транзита – государство, через территорию которого осуществляются мероприятия по торговле подростками.

Впервые дано понятие, что такое:

– долговая кабала – положение или состояние, возникающее вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если определенная в надлежащем порядке ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга, либо если продолжительность этой работы не ограничена каким-либо сроком, либо если характер работы и размер оплаты труда не определены;

– жертва торговли подростками – лицо, пострадавшее от торговли подростками, независимо от того, имелось ли согласие данного лица на вербовку, перевозку, передачу, продажу или иные действия, связанные с торговлей подростками;

– крепостное состояние – такое пользование землей, при котором землепользователь обязан по обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять для него определенную работу за вознаграждение или без такового, если он не может по своей воле изменить данное состояние.

Также определено, что подневольное состояние означает выполнение любой работы или оказание услуг под угрозой наказания, на выполнение которых лицо добровольно не давало согласия.

Очень четко были определены преступления, связанные с торговлей подростками – это преступления, предусмотренные статьями Уголовного кодекса Российской Федерации:

- а) ст. 120 (Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации);
- б) ст. 126 (Похищение человека);
- в) ст. 127-1 (Торговля людьми);
- г) ст. 127-2 (Разглашение конфиденциальных сведений о жертве торговли подростками);
- д) ст. 127-3 (Использование рабского труда);
- е) ст. 127-4 (Долговая кабала);
- ж) ст. 127-5 (Незаконные действия с документами в целях торговли подростками);
- з) ст. 127-6 (Вербовка людей в целях эксплуатации);
- и) ст. 127-7 (Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов с целью торговли подростками);
- к) ст. 133 (Понуждение к действиям сексуального характера);
- л) ст. 154 (Незаконное усыновление/удочерение);
- м) ст. 240 (Вовлечение в занятие проституцией);
- н) ст. 240-1 (Содействие занятию проституцией).

Также было зафиксировано, что такое противодействие торговле подростками – это деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/>

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/>

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/>

торговли подростками, оказанию помощи пострадавшим от торговли подростками.

Было определено, что:

– *рабство* – это состояние или положение лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все правомочия, присущие праву собственности;

– *подросток (подростки)* – лицо (лица), не достигшее восемнадцатилетнего

возраста;

– *суррогатная мать* – женщина, родившая ребенка в результате применения медицинского метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона в целях его вынашивания;

– *торговля подростками* – осуществляемые в целях: эксплуатации, вербовки, перевозок, передач, укрывательства или получение подростков путем применения силы или угрозы ее применения, а также путем принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо;

– *торговцы людьми* – это физическое или юридическое лицо, которое самостоятельно или в группе лиц совершает любые действия, связанные с торговлей подростками, а также должностное лицо, которое своими действиями содействует торговле подростками, а равно не препятствует и не противостоит ей, хотя обязано это делать в силу своих должностных полномочий;

– *убежище* – специальное учреждение, осуществляющее деятельность по противодействию торговле подростками, созданное в соответствии с настоящим Федеральным законом порядке и предназначенное для временного проживания жертв торговли подростками;

центр – специальное учреждение, осуществляющее деятельность по противодействию торговле подростками, созданное в соответствии с настоящим Федеральным законом порядке и предназначенное для конституционной, юридической, социальной помощи жертвам торговли подростками;

– *шантаж* – принуждение жертвы торговли подростками к совершению каких-либо действий под угрозой применения насилия, либо повреждения или уничтожения имущества жертвы или близких ей лиц, а равно под угрозой распространения сведений, порочащих жертву или близких ей лиц, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам жертвы или близких ей лиц.

– *эксплуатация* – принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов и/или тканей подростка, эксплуатация проституции или порнографии других лиц, а также иные формы эксплуатации лица в целях совершения действий сексуального характера.

Представляется, что проблему торговли подростками следует изучать как комплексную проблему, несущую в себе угрозу национальной безопасности не только в Российской Федерации, но и всего Мира в целом, поскольку деятельность международных преступных группировок подрывает государственную экономику и стабильность, нарушает основные права и свободы человека, тормозит общественный прогресс. Органы государственного управления, неправительственные учреждения и международное сообщество должны объединить свои усилия для выработки эффективных стратегий противодействия современному рабству – торговле подростками, а для этого необходимо создать в Российской Федерации Федеральную межведомственную комиссию по противодействию торговле подростками в РФ и за ее пределами (на правах комитета), которая обязана:

– выработать основы государственной политики в области противодействия торговле подростками в Российской

Федерации и за ее пределами, и рекомендации, направленные на повышение эффективности работы по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению торговли подростками и осуществлению деятельности по торговле подростками;

– осуществлять сбор и анализ информации о масштабе, состоянии и тенденциях торговли подростками на территории Российской Федерации;

– осуществлять координацию деятельности региональных комиссий, рассматривать предложения органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации о создании убежищ для временного проживания жертв и торговли подростками, а также осуществлять контроль за работой региональных комиссий и функционированием специальных учреждений по противодействию торговле людьми;

– выработать предложения о совершенствовании законодательства Российской Федерации в области противодействия торговле людьми;

– организовать кампании по повышению осведомленности населения о проблемах торговли людьми.

Макаренко А. С. в свое время пророчески сказал, что:

«Самые правильные, разумные, продуманные педагогические методы не принесут никакой пользы, если общий тон вашей жизни плох. И, наоборот, только правильный общий тон подскажет вам и правильные методы обращения с ребенком, и прежде всего правильные формы дисциплины, труда, свободы игры и... авторитета.»⁸

Пристатейный библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022).
3. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1ФЗ (ред. от 11.06.2022).
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/28368/4517930/>.
5. Уложение о наказании уголовных и исправительных 1845 г. (с изменениями в 1885 г., в связи с утверждением 19.02.1861 г. Манифеста Александра II и «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»).
6. Уложение 1903 г.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>.
9. Закон «О противодействии торговле людьми» (постановление № 30-11 от 3 апреля 2008 года).
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/>.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/>.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gazeta-pedagogov.ru/tsitaty-velikogo-antona-makarenko/@gazeta-pedagogov.ru>.

8 <https://gazeta-pedagogov.ru/tsitaty-velikogo-antona-makarenko/@gazeta-pedagogov.ru>

ТАТАРИНОВ Александр Владимирович

соискатель Университета прокуратуры Российской Федерации, заместитель председателя Реутовского гарнизонного военного суда

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

В статье рассматриваются актуальные проблемы содержания специального правила назначения наказания осужденным, признанным больным наркоманией в соответствии со ст. 72.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Дается общая правовая оценка содержанию данной нормы, а также практики ее применения судами Российской Федерации, обобщенной за период с 2017 по 2021 гг. Высказываются предложения о необходимости корректировки названия и отдельных положений указанной нормы в целях оптимизации ее целевого назначения.

Ключевые слова: больные наркоманией; назначение уголовного наказания; специальные правила назначения уголовного наказания; медицинская реабилитация; социальная реабилитация.

TATARINOV Alexander Vladimirovich

competitor of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Reutovsky Garrison Military Court

PECULIARITIES OF SENTENCING FOR DRUG ADDICTS

The article deals with topical problems of the content of a special rule for sentencing convicts recognized as drug addicts in accordance with Art. 72.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation). A general legal assessment is given of the content of this norm, as well as the practice of its application by the courts of the Russian Federation, summarized for the period from 2017 to 2021. Suggestions are made about the need to correct the name and certain provisions of this norm in order to optimize its intended purpose.

Keywords: drug addicts; the imposition of criminal punishment; special rules for the imposition of criminal punishment; medical rehabilitation; social rehabilitation.

Проблемы, связанные с наркотической зависимостью граждан Российской Федерации, вот уже долгие годы привлекают внимание государства, общественности, ученых и сотрудников правоохранительных органов. Вопросы возникают не только относительно лечения тех, кто страдает от такой пагубной привычки, но и по поводу предупреждения совершения ими преступлений, во многом обусловленных потребностями в незаконном приобретении наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Так, исследуя количественные показатели преступности в указанной области обнаруживаются следующие тенденции: в 2017 г. за соответствующие преступления было осуждено 103 908 чел., в 2018 г. – 92 528 чел., в 2019 г. – 79 631 чел., в 2020 г. – 70 142 чел., в 2021 г. – 76 548 чел. [14]. Указанные показатели отражают положительную динамику по снижению количества таких осужденных за пять лет практически на 27 360 чел., но при этом отличаются некоторой нестабильностью. В частности, к 2021 году вновь наблюдается увеличение количества осужденных.

Казалось бы, самым универсальным способом воздействия на подобных преступников является уголовное наказание, которое во многом призвано обеспечить исправление осужденных и предупредить совершение с их стороны новых преступлений. Но ввиду сложного механизма воздействия указанных средств и веществ на организм виновных лиц, требующего весьма длительной реабилитации и отвыкания как на физиологическом, так и на психологическом уровнях, полагаем, что только уголовное наказание вряд ли сможет достичь нужных целей.

В этой связи совершенно оправданным видится шаг законодателя, который в 2013 г. ввел в УК РФ ст. 72.1, предусмотрев особый порядок назначения наказания лицам, признанным больными наркоманией, признав тем самым

официально, что только мерами уголовно-правового воздействия невозможно вернуть такую категорию граждан к социально адаптированному поведению в обществе.

Особенностью является и то, что для применения правил, указанных в ст. 72.1 УК РФ, вовсе не обязательно, чтобы лицо совершило преступление в сфере незаконного оборота наркотиков или любое другое связанное с наркотиками преступление. Главное, чтобы в рамках предварительного расследования или судебного разбирательства был установлен факт наличия у лица заболевания, которое относится к категории наркомании. В таком случае данные правила применяются, даже если преступление совершено не в состоянии наркотического опьянения и не в отношении данных средств или веществ.

Вместе с тем ограничения по применению положений ст. 72.1 УК РФ обнаруживаются в видах основного наказания, которые реализуются в отношении лица, признанного больным наркоманией. К ним относятся пять видов: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы. Только при назначении указанных видов наказания суд исходя из медицинского диагноза, поставленного виновному, может прийти к выводу о необходимости возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. При этом суд в своем выборе оперирует данными, указанными в соответствующем заключении эксперта в соответствии с результатами судебно-психиатрической экспертизы. В нем эксперт подтверждает, либо не подтверждает наличие у субъекта преступления диагноза «наркомания» и «указывает нет ли медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания» [5].

Соответственно применение рассматриваемых мер зависит исключительно от судебного усмотрения, поскольку использование в тексте ч. 1 ст. 72.1 УК РФ фразы «...суд может возложить...» предопределяет не императивный характер данных предписаний. При этом сам суд не может оценить наличие или отсутствие у подсудимого соответствующего заболевания. Он лишь может опираться на заключение эксперта и результаты проведенной экспертизы и решить в конечном счете необходимость использования рассматриваемых мер.

Особенности назначения наказания лицу, признанному больным наркоманией, связаны с реализацией ряда функций. Гуманистическая функция ориентирует правоприменительную практику в этой области на оказание медицинской помощи и социальной поддержки лицам, страдающим наркоманией. Помимо этого, безусловно реализуется и функция обеспечения безопасности, направленная на устранение рисков причинения лицом, страдающим наркоманией, вреда самому себе и третьим лицам. И наконец, профилактическая функция нацелена на недопущение совершения этим лицом новых преступлений, связанных с детерминирующим влиянием наркотиков на преступную активность. Эти функции, как видим, во многом схожи с теми, которые выполняют принудительные меры медицинского характера. Только в отличие от последних, при лечении от наркомании, лицо не признается невменяемым, а совершенное им преступление не утрачивает юридически значимых признаков.

Сами же назначаемые судом медицинская [6] или социальная [7] виды реабилитации выходят за рамки исполнения основного уголовного наказания и реализуются уполномоченными на то организациями в сфере медицинского обеспечения, как правило, в стационарных условиях.

Обобщив материалы судебной практики по вопросам применения судами положений ст. 72.1 УК РФ, нами установлено, что суды при положительном решении о необходимости осужденным пройти лечение и реабилитацию от наркомании в отдельных приговорах указывали, что подсудимый «под диспансерным наблюдением врача – психиатра не находится» [11] или «на учете у врачей психиатра, нарколога, фтизиатра не состоит» [10], но иных оснований для назначения лечения от наркомании не указывали, хотя и применяли положения ст. 72.1 УК РФ. В других случаях суды прописывали в тексте приговора, что подсудимый состоит на том или ином учете в наркологии, например: «состоит на учете у врача нарколога с диагнозом Каннабиноидная наркомания» [9]. А в некоторых приговорах вообще не раскрывали обоснований применения ст. 72.1 УК РФ [12].

В этой связи можем сказать, что суды так или иначе дают оценку правовым механизмам применения или не применения положений ст. 72.1 УК РФ, но делают это не единообразно, что затрудняет восприятие обоснованности и целесообразности принимаемых решений.

Следует также отметить, что вопросы уголовно-правового воздействия в отношении лица, страдающего наркологическим заболеванием, решаются и при назначении условного осуждения и при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Это прямо следует из содержания ч. 5 ст. 73 УК РФ и ч. 2 ст. 79 УК РФ. Причем, как нами было указано ранее, в самой ст. 72.1 УК РФ, речь идет только о дополнении соответствующей реабилитацией основных видов наказания. Но, как можно понять, курс лечения от наркомании, который может обязать пройти суд условно осужден-

ного или условно-досрочно освобожденного, сродни тому, о котором идет речь в ст. 72.1 УК РФ.

Обращаясь к практической реализации рассматриваемых дополнительных мер лечения и реабилитации, отметим, что, к сожалению, ежегодно доля лиц, кому они назначаются сравнительно мала. В 2017 г. данный показатель равнялся 4 163 чел., что составило 4 % от общего количества осужденных за преступления, сопряженные с наркотиками, в 2018 г. – 3 595 чел. (3,9 %), в 2019 г. – 3 086 чел. (3,9 %), в 2020 г. – 2 652 чел. (3,8 %), в 2021 г. – 2 867 чел. (3,7 %) [14]. Указанные показатели ежегодно выглядят весьма стабильными, но в 2021 году имеют тенденции по уменьшению. С одной стороны, можно сказать, что лицами, которым ставится диагноз «наркомания» ежегодно совершается не такое большое количество преступлений. Ведь в масштабе общеуголовной преступности, доля лиц, которым ежегодно назначается обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию составляет не более 0,6 % [14]. Но с другой стороны возможно, что ввиду экономических сложностей по безвозмездной реализации указанных мероприятий в отношении осужденных – больных наркоманией, суды придерживаются практики по минимизации назначения соответствующих мер.

Насколько эффективны рассматриваемые мероприятия медицинского и социального характера в части предупреждения совершения новых преступлений такими лицами определить весьма сложно и не поддается объективной оценке в масштабах всей страны. Но совершенно справедливо подчеркивает К. В. Лутцева: «без наличия добровольного согласия и желания пройти курс лечения данная обязанность, возлагаемая судом, не будет эффективно реализована» [3, с. 114]. Приходится осознать тот факт, что вернуть в общество нормального гражданина, избавив его от пагубной зависимости только по решению суда, без его личностной заинтересованности практически невозможно. К сожалению, данные лица после отбывания основного наказания (либо даже в период его отбывания) и соответствующего лечения и реабилитации не прекращают свою деятельность по незаконному приобретению и потреблению наркотиков.

Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что рассмотренные выше правила ст. 72.1 УК РФ не применимы в отношении лиц, осужденных к лишению свободы. На этот счет существует не мало критических отзывов в научной среде [4, с. 64]. А некоторые ученые, занимавшиеся рассматриваемой проблематикой, приводят примеры судебной практики, согласно которой в отдельных случаях суды назначают рассматриваемые медицинские меры к лицам, чье наказание в виде лишения свободы признается условным [1, с. 144]. Остается, однако, открытым вопрос о том, каким образом, будет реализовываться назначенное лечение в случае, когда такой условно осужденный нарушит правила условного осуждения, за что будет направлен в исправительное учреждение для отбывания лишения свободы реально. Отвечая на данный вопрос, по всей видимости лечение должно будет проводиться уже не в медицинских организациях Министерства здравоохранения РФ по месту регистрации условно осужденного, а в лечебных исправительных учреждениях соответствующего профиля.

Также стоит подчеркнуть, что в ст. 72.1 УК РФ отсутствует указание на возможность применения соответствующих мероприятий по лечению и реабилитации в отношении лиц, которым назначены принудительные работы. Причем, если

осужденные к лишению свободы признаются больными наркоманией, то их содержание предполагается осуществлять в лечебных исправительных учреждениях (ч. 2 ст. 101 УИК РФ), то для аналогичных категорий осужденных к принудительным работам, никаких правовых оснований для их лечения или реабилитации не предусмотрено во все [2, с. 40]. Более того, новые Правила внутреннего распорядка исправительных центров, принятые в 2022 г., не предусматривают даже процедуры оказания медицинской помощи такой категории осужденных, не говоря уже об их лечении в целях последующей реабилитации [8]. Поэтому с учетом существенной популяризации наказания в виде принудительных работ [13, с. 79-82] считаем необходимым внести корректировки в содержание ч. 1 ст. 72.1 УК РФ, указав в перечне основных видов наказания принудительные работы. В последующем целесообразно реформировать и организационные процедуры по реализации указанных мероприятий в отношении осужденных к принудительным работам.

Таким образом, очевидно, что ст. 72.1 УК РФ, является правовым базисом скорее профилактики психосоматического состояния лиц, признанных больными наркоманией. А к превентивной деятельности по недопущению с их стороны повторных преступлений и исправлению таких осужденных относятся лишь косвенно. Соответственно в контексте содержания института назначения наказания считаем неудачным само название указанной статьи и предлагаем его формулировку в следующей редакции: «Статья 72.1. Обязанности осужденного, признанного больным наркоманией». Также предлагаем дополнить перечень основных видов наказания, указанных в ч. 1 ст. 72.1 УК РФ, принудительными работами. А само лечение и (или) реабилитацию назначать таким лицам в качестве обязательной меры, изменив для этого формулировку в ч. 1 ст. 72.1 УК РФ «суд может возложить» на «суд возлагает».

Пристатейный библиографический список

1. Готчина Л. В. Дискуссионные аспекты назначения наказания больным наркоманией и применения к ним отсрочки отбывания наказания // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 142-144.
2. Давыденко А. В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Российская юстиция. – 2018. – № 10. – С. 37-40.
3. Лутцева К. В. Криминологические особенности рецидивной преступности среди лиц, больных наркоманией // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2015. – № 2. – С. 111-114.
4. Малыгина А. А. Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 4 (31). – С. 63-67.
5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14: в ред. от 16 мая 2017 г. № 17] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8; 2017. – № 7.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (ч. 1 ст. 40): [федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: в ред. от 11 июня 2022 г. № 166-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724; 2022. – № 24. – Ст. 3926.
7. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации (ч. 1 ст. 26): [федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3851.
8. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: [приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.11.2022).
9. Приговор № 1-23/2022 от 22 февраля 2022 г. по делу № 1-23/2022 Шиловского районного суда (Рязанская область). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/USCSG8iRsRb/ (дата обращения: 21.11.2022).
10. Приговор № 1-35/2021 от 25 марта 2021 г. по делу № 1-35/2021 Шебалинского районного суда (Республика Алтай). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/EF10QnmeoJLp/ (дата обращения: 21.11.2022).
11. Приговор № 1-39/2022 от 24 февраля 2022 г. по делу № 1-39/2022 Шебекинского районного суда (Белгородская область). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/regular/doc/XLvrx87Jir5u/ (дата обращения: 21.11.2022).
12. Приговор № 1-В90/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-В90/2020 Павловского районного суда (Воронежская область). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//sudact.ru/regular/doc/Q7zaGfbiLtov/](http://sudact.ru/regular/doc/Q7zaGfbiLtov/) (дата обращения: 21.11.2022).
13. Расторопов С. В. Вектор уголовной политики в области назначения наказания в контексте содержания Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года / С. В. Расторопов, Н. А. Горшкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 4 (61). – С. 79–82.
14. Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ за 12 мес. 2018 г. – 12 мес. 2021 г. (Форма № 6-МВ-НОН). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.11.2022).

УЛЬЯНОВ Антон Сергеевич

соискатель Университета прокуратуры Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В статье рассматривается вопрос построения лестницы уголовных наказаний. Основываясь на анализе содержания наказаний, автор акцентирует внимание на их правоограничениях, сроках течения, а также последствиях. В результате проделанной работы автор констатирует необходимость принятия подхода законодателя как единственно верного в настоящее время.

Ключевые слова: уголовное наказание, система наказаний, лестница наказаний, правоограничения, срок наказания.

ULYANOV Anton Sergeevich

competitor of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ON THE QUESTION OF THE GROUNDS FOR CONSTRUCTING A LIST OF CRIMINAL PENALTIES

The article discusses the issue of building a ladder of criminal penalties. Based on the analysis of the content of punishments, the author focuses on their legal restrictions, the duration of the course, as well as the consequences. As a result of the work done, the author states the need to adopt the legislator's approach as the only correct one at the present time.

Keywords: criminal punishment, system of punishments, ladder of punishments, legal restrictions, term of punishment.

Отечественная система уголовных наказаний не является бесформенным образованием, наказания располагаются в строго определенной последовательности, на что прямо указывает ранее действовавшее постановление Пленума Верховного суда № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» [4] и косвенно предполагает действующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [5]. В соответствии с их положениями уголовные наказания, перечисленные в ст. 44 УК РФ расположены последовательно: от более мягких к более строгим, – чем образуется так называемая в юридической литературе лестница уголовных наказаний.

С учетом того, что отечественный законодатель установил порядок расположения наказаний и его значение, их перечень не может быть хаотичными. Он должен обладать полностью разработанной платформой, позволяющей эффективно функционировать механизму взаимодействия уголовных наказаний в целом. Исходя из такой потребности законодатель, в частности, установил, что уголовные наказания располагаются от более мягких к более строгим, в основу их построения законодатель заложил именно их строгость. На уровень их мягкости или строгости влияет ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов.

Во-первых, по общему признанию, строгость наказания определяется карой, заложенной в содержании каждого наказания: чем больший объем кары, тем строже уголовно-правовая мера. Кара уголовного наказания представляет собой совокупность правоограничений, его составляющих. Данные ограничения разнообразны по своему характеру и степени распространения. На страницах юридической литературы, в той или иной интерпретации, их принято условно делить на общие, содержащиеся во всех наказаниях, групповые, характерные отдельным группам или подгруппам наказаний, и индивидуальные, т. е. свойственные конкретным уголовным наказаниям.

К общим правоограничениям следует отнести, к примеру, ограничения конституционных свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства, неприкосновенности жилища, частной жизни, личной и семейной тайны, а также на управление делами государства, отправлению правосудия, свободное осуществление трудовой деятельности и т. д. в соответствии с федеральным законодательством [3], [6], [9], [10]. Данные правоограничения во многом обусловле-

ны необходимостью, вызванной режимными требованиями уголовных наказаний и связаны с судимостью. В связи с тем, что общие правоограничения наполняют все уголовные наказания, они не имеют принципиального значения в рамках нашего исследования. Они скорее важны для отграничения последствия совершения уголовно наказуемых деяний от других, имеющих меньшее общественное значение.

Правоограничения группового характера распространяются на несколько наказаний по какому-либо признаку, свойственному совершенному им преступному деянию или назначенной уголовно-правовой мере. Оценивая первое, приведем такие примеры: положения Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» [7] и Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [8] запрещают лицам, осужденным за совершение умышленных преступлений, сходных в руководящий состав соответствующих организаций. Второе – на основании Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [10] лица, отбывающие наказания в виде лишения свободы. В целом, отечественный законодатель установил много подобных ограничений и запретов для лиц, осужденных за совершение тех или иных преступлений или с учетом назначенного наказания.

К последней группе правоограничений относятся индивидуальные, наполняющие содержание каждого наказания. Среди таких правоограничений А. К. Щербаченко и Л. О. Рожкова относят ограничения или лишения свободы, правоограничения, которые своим объектом посягают на свободу передвижения и выбора места пребывания и жительства, а также смертная казнь [12, с. 41]. Более широкий перечень правоограничений предлагает А. В. Звонков: финансово-имущественные ограничения и морально-психологические, лишения и ограничения в трудовой сфере, ограничение личной свободы, лишение свободы и лишение жизни [2, с. 29–32]. Указанные и другие авторы правы в определении данных правоограничений в содержании уголовных наказаний, однако, на наш взгляд, их следует скорректировать, объединив ограничение свободы и ее лишение. Данная точка зрения обусловлена тем, что в указанных наказаниях предусматривается ограничение свободы, а лишение имеет достаточно условный характер. В обоих случаях ограничивается пространство: например, в одних случаях пределами муниципального района, в других пределами отдельных участков исправительного учреждения,

а в-третьих – конкретного помещения, в котором содержится осужденный.

С учетом того, что действующий уголовный закон предусматривает 13 видов наказаний, соотношение количества наказаний и правоограничений свидетельствует, что последние повторяются. Однако, наказания обладают своей индивидуальностью и неоднородны по содержанию. Секрет законодателя состоит в применении нескольких правоограничений в рамках каждого наказания и соотношении объемов реализации данных правоограничений.

Так, первое наказание в перечне ст. 44 УК РФ – штраф. В его основе лежат финансово-имущественные правоограничения. Однако, его дополняют и другие последствия применения данного наказания, среди которых следует отметить, как морально-психологические, ограничения в трудовой сфере и ограничение личной свободы.

Вообще, морально-психологические последствия присущи всем наказаниям, однако, они лежат в основе такого наказания, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, которое в свою очередь дополнительно наполняется финансово-имущественными правоограничениями: при лишении специального звания, воинского звания или классного чина в связи с осуждением лицо будет лишено выплат, положенных, например, в связи с уходом на пенсию; при лишении государственных наград, в частности, почетного звания осужденных будет лишен мер социальной поддержки.

В свою очередь, ограничения в трудовой сфере так же как и предыдущие сопровождает все уголовные наказания. Целый ряд должностей не предусматривают возможность наличия судимости, среди которых в первую очередь следует отметить государственную и муниципальную службу, а такое наказание, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью прямо на это указывает. В части других случаев следует и субъективный фактор: не все работодатели допускают трудоустройство осужденных лиц. В некоторых наказаниях данные правоограничения заложены законодателем в их основу, примерами чему, по общему признанию, являются такие уголовные наказания, как обязательные и исправительные работы, аналогично другим указанным видам наказаний, наполненные и другими правоограничениями за исключением лишения свободы и жизни. Однако и сами трудовые правоограничения различны: в части обязательных работ предусматривается частичная занятость, а исправительных – полная. Схожее с последним указанным наказанием ограничение по военной службе также предполагает ограничение в трудовой сфере.

Как следствие реализации трудовых правоограничений, осужденных прямо или косвенно преследуют финансово-имущественные: проблемы с трудоустройством или выбором желаемой профессии предполагает наличие таких последствий. В связи с этим последние аналогично предыдущим предполагают сопровождение всех уголовных наказаний в той или иной степени.

Ограничение свободы как правоограничение заложено в фундамент уголовного наказания в виде ограничения свободы, однако его объем ограничен, что связано с исполнением наказания среди правопослушной части общества, т. е. вне мест принудительной изоляции. Кроме того, как дополнение оно применяется в каждом наказании, что проявляется, например, в запрете покидать пределы Российской Федерации, а также обязанности уведомить контролирующий орган, осуществляющий исполнение назначенного наказания о смене места жительства, неисполнение чего может являться основанием объявления в розыск с последующей заменой более строгим наказанием.

В свою очередь, значительно больший объем ограничений свободы предусматривается группой наказаний, предусматривающих помещение осужденного в специализированные учреждения, т. е. изоляцию от общества. В таком виде данное правоограничение свойственно принудительным работам, аресту, содержанию в дисциплинарной воинской

части, лишению свободы на определенный срок, пожизненному лишению свободы и смертной казни.

За исключением последнего указанного наказания, перечисленные в основе своего содержания, предполагают ограничение свободы в качестве основы. Правоограничения, свойственные противоположной группе наказаний, альтернативных изоляции от общества, также включены в их содержание, однако уже в качестве дополнения к основному. Их наличие связано с самим условием изоляции осужденного. Так, если правоограничения в трудовой сфере сопровождаются не только самими ограничениями, обусловленными непрерывным содержанием в специализированном учреждении на протяжении длительного периода, но и обязанностями по выполнению возмездных и безвозмездных работ, что влечет наступление финансово-экономических последствий, то наличие морально-психологической составляющей и ограничений личной свободы, по нашему мнению, даже не нуждается в доказывании: безусловность их наличия обосновывалась нами выше, в связи с чем не будем повторяться в рассуждениях.

В свою очередь, уголовное наказание в виде смертной казни предусматривает лишение жизни, но ее также сопровождают и иные правоограничения, что обусловлено длительностью сроков с момента осуждения и назначения наказания до его исполнения. Данные сроки обусловлены процедурами применения помилования. На период принудительного содержания осужденный содержится в условиях изоляции, что предполагает реализацию правоограничений, свойственных всем вышеуказанным наказаниям, и, как следствие, приводится в исполнение смертная казнь.

Как следует из изложенного каждое уголовное наказание не может быть наполнено исключительно одним видом правоограничения, всегда присутствует совокупность, которая позволяет идентифицировать специфику каждой уголовно-правовой меры. Каждое наказание предполагает применение одного базового правоограничения, которое дополняется совокупностью других, применяемых в тех или иных пропорциях и модификациях. Таким образом, применяя набор одних и тех же ограничений и лишений, законодатель установил достаточно разнообразную по своему содержанию систему уголовных наказаний.

Аналогичного подхода придерживается и зарубежный законодатель. Он предусматривает смежный объем правоограничений, также используемый в различных сочетаниях и объемах. Вместе с тем нами был выявлен еще одно последствие – телесные меры воздействия, которое предусмотрено в соответствии с законодательством целого ряда стран, например, государств Ближнего Востока. Отметим, что данный вид воздействия не реализуется в современной России, что активно применялось в соответствии с ранее действовавшим законодательством: избивание в различных формах, повреждение или отсечение части тела осужденного и т. д., - вплоть до 1867 г. [11]. Отказ от данной группы последствий является проявлением гуманизма и в целом соответствует современным тенденциям международного права и поддерживается нами.

Кроме содержания правоограничений также следует учитывать и пределы их действия, под которыми понимаются его размеры. Размер представляют собой числовое значение какой-либо величины, выраженное в конкретной единице измерения. Среди таких единиц в части рассматриваемого вопроса отметим срок наказания и сумму, эквивалентную финансово-материальным последствиям.

Размеры наказаний представляют собой единицы измерения тех правоограничений, которые применяются к осужденному лицу. Они способны оказать существенное влияние на рост или снижение кары путем их уменьшения или увеличения.

Оценивая их поступательно, отметим, что под сроками следует понимать момент или период времени, наступление, течение или окончание которого предусматривает возникновение, изменение или прекращение отношений. В уголовно-правовом смысле указанные отношения предусматривают изменение в правовом положении лица, предполагающие применение к осужденному каких-либо обязанностей в виде

запретов, предписаний, ограничений, требования и т. д. Данные обязанности, предусмотренные содержанием уголовных наказаний, распространяются на весь установленный срок. При этом следует учитывать течение общих правоограничений, а также правоограничения, имеющие групповой характер.

В целом, большинство уголовных наказаний имеют сроки их течения, предусмотренные законодательством. Соотношение данных сроков, безусловно, учитывается законодателем при установлении места наказания в соответствующем перечне ст. 44 УК РФ. Ярким примером этому является расписание пожизненного лишения свободы вслед за лишением свободы на определенный срок.

Однако, если сроки правоограничений предусмотрены не во всех наказаниях, то последствия предполагают абсолютно все из них. К примеру, наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград имеет безвозвратный характер. Аналогично и в части наказания в виде штрафа, денежные средства уплачиваются без возможности возврата. В свою очередь, другие наказания, являющиеся более строгими, согласно содержания ст. 44 УК РФ, имеют менее значительные сроки, ограничивающиеся 2-4 годами.

В связи с изложенным отметим, что сроки применяются в отношении всех уголовных наказаний, даже тех из них, которые не имеют таковых в соответствии с уголовным законодательством. В этом случае, на наш взгляд, применима такая подмена понятий в связи с тем, что те обязанности, которые применяются к осужденным, безусловно, влияют на правоограничения как в период самого срока действия уголовно-правовой меры, так и по истечении его или при отсутствии его при одномоментном исполнении предусмотренной обязанности.

Вместе с тем, несмотря на некоторую логичность опоры на указанные пределы при построении лестницы уголовных наказаний, данный подход не может быть принят за основу по причине того, что правоограничения, действие которых является длительным, могут быть и во многих случаях фактически являются менее существенными по сравнению с правоограничениями, действие которых предполагается на протяжении значительно меньшего срока.

В свою очередь, оценивая сумму финансово-материальных последствий, следует учитывать, что они могут выражаться в нескольких формах. Среди них в первую очередь, следует отметить непосредственно сумму денежных средств, назначаемую в рамках уголовного наказания в виде штрафа. Среди таких последствий также следует отметить и суммы отчисленных из заработной платы средств при назначении наказаний в виде исправительных работ или ограничения по военной службе. Кроме того, следует учитывать и суммы недополученных денежных средств, что обусловлено отбыванием назначенного наказания, например, при отбывании изоляционных наказаний, осужденный достаточно сильно ограничен в возможностях ведения хозяйственной деятельности. И к последней форме следует отнести средства, утраченные ввиду отбывания назначенного уголовного наказания, например, вывод из эксплуатации целого ряда средств, предметов, вещей, предполагает приведение их в негодность с потерей стоимости.

Учитывая изложенное, отметим, что в юридической литературе можно встретить и еще один подход к установлению сравнительной тяжести уголовного наказания без изоляции от общества. Предлагается оценивать наказания с позиций финансово имущественных потерь, которые влечет отбывание наказания. Наказания группы, не связанной с лишением свободы, связанные с привлечением к трудовой деятельности предусматривают наступление данных последствий, но суммы, как отмечает А. В. Звонов, проведя данное исследование, будут менее значимы и за данный период времени будут более чем в 2 раза меньше [1, с. 65-76], а подсчет таких потерь при исполнении других наказаний, имеющих более длительные или неограниченные сроки исполнения, не представляется возможным. Из изложенного следует наличие непреодолимых сложностей и трудностей, связанных с установлением непосредственно сумм, что об-

условливает невозможность принятия данной идеи определения тяжести наказания в зависимости от позиций финансово имущественных потерь, обуславливающих применение наказания.

Указанные правоограничения, сроки их течения, а также последствия и составляют систему кары уголовного наказания. Вместе с тем, на основании того, что именно совокупность вышеуказанных последствий и образуют содержание уголовного наказания, законодатель установил перечень наказаний исходя из их значимости в воздействии на лиц, совершивших преступления: именно она влияет на его положение в перечне ст. 44 УК РФ, т. е. лестнице наказаний. На наш взгляд, следует согласиться с законодателем и принять данный подход как единственно верный в настоящее время, иных вариантов не предоставляет объективная реальность.

Пристатейный библиографический список

1. Звонов А. В. «Лестница» уголовных наказаний, альтернативных изоляции от общества: краткая оценка построения // Библиотека уголовного права и криминологии. - 2018. - № 1 (25). - С. 65-76.
2. Звонов А. В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями // Вестн. Рос. правовой акад. - 2017. - № 2. - С. 29-32.
3. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 3 февраля 1996 г. № 17-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 6. - Ст. 492.
4. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного суда № 2 от 11 января 2007 г. // Рос. газ. 2007, 24 янв.
5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания постановление: Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 // Рос. газ. 2015, 29 дек.
6. О статусе судей в Российской Федерации: закон от 26 июня 1992 г. № 3132 I // Рос. газ. 1992, 29 июля.
7. О частной детективной и охранной деятельности в РФ: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 // Рос. газ. 1992, 30 апр.
8. Об инвестиционных фондах: федер. закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 49. - Ст. 4562.
9. Об оружии: федер. закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 51. - Ст. 5681.
10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 24. - Ст. 2253.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1867 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с приведением статей свода законов, на которые сделаны ссылки в уложении (изд. 1866 г.) с прибавлением всех дополнений и изменений, опубликованных по 15-е июня 1867 г. - М.: Типография В. Готье, 1867. - 614 с.
12. Щербаченко А. К., Рожкова Л. О. Система дополнительных видов наказания по действующему российскому уголовному законодательству // Юристы-Правоведь. - 2015. - № 4 (71). - С. 41-44.

АРХИПКИН Игорь Валерьевич

доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ АСИММЕТРИИ ПРАВИЛ О ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся концепции асимметрии правил допустимости доказательств. Представлены аргументы «за» и «против» данной концепции, приводятся мнения ученых по этому поводу. Делается вывод о том, что существование данной концепции является оправданным, так как она призвана способствовать правильному разрешению уголовного дела. Возможным является и дальнейшая трансформация уголовно-процессуального законодательства в части введения такие понятий, как: существенные и несущественные нарушения норм закона, восполнимые и невосполнимые нарушения норм закона.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, допустимость доказательств.

ARKHIPKIN Igor Valerjevich

Ph.D. in economical sciences, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University

ON THE QUESTION OF THE ASYMMETRY OF THE RULES ON THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE

The article discusses issues related to the concept of asymmetry of the rules of admissibility of evidence. The arguments "for and against" this concept are presented, the opinions of scientists on this matter are given. It is concluded that the existence of this concept is justified, since it is designed to facilitate the correct resolution of the criminal case. It is also possible to further transform the criminal procedure legislation in terms of introducing such concepts as: essential and non-essential violations of the law, recoverable and irreparable violations of the law.

Keywords: criminal proceedings, proof, admissibility of evidence.

В советской доктрине конца 1980-х годов была разработана концепция, которая «подразумевает под собой право стороны защиты использовать ущербные доказательства, недопустимые в руках противной стороны» [1, с. 198]. Такая концепция была названа теорией «асимметрии правил о допустимости доказательств». Ее суть состоит в том, что по общему правилу доказательства, полученные с нарушением закона, являются «негодными» для дальнейшего их использования в процессе доказывания по уголовному делу. Если такие доказательства каким-либо образом улучшают положение стороны защиты (а именно подозреваемого, обвиняемого), такое доказательство должно быть признано допустимым и может быть положено в основу оправдательного приговора суда.

Предлагаем рассмотреть данную теорию с помощью аргументов «за» и «против» ее применения в российском законодательстве.

Основные аргументы сторонников теории асимметрии:

1. Прежде всего, стоит сказать, что доказывание — это процесс собирания, проверки и оценки доказательств, установление их связи с исследуемым событием и формирование на основе доказательств выводов о виновности или невиновности определенного лица в совершении конкретного преступного деяния. Непосредственной целью доказывания является установление истины по уголовному делу, поэтому при исключении доказательств, исключающих виновность

или иным способом смягчающих положение подозреваемого, обвиняемого, ставится под угрозу цель всего процесса доказывания.

2. Подозреваемый, обвиняемый не должен нести ответственность за ошибки следователя, дознавателя в процессе собирания доказательств, которые могут иметь оправдательное или смягчающее значение. Основными субъектами собирания доказательств, согласно толкованию ст. 86 УПК РФ, являются следователь и дознаватель, относящиеся к «профессионально подготовленной» стороне уголовного процесса, на которую возложена такая важная функция, как уголовное преследование.

3. Защитник является субъектом собирания доказательств, но на практике лишен возможности самостоятельно приобщать доказательства к уголовному делу [2, с. 45], а в случае исключения недопустимых доказательств, «помогающих» подозреваемому, обвиняемому, лишается возможности осуществлять свою основную функцию — функцию защиты. Таким образом, «прекращает» свое действие основной принцип уголовного судопроизводства, принцип состязательности, который и так многими учеными ставится под сомнение.

4. «Асимметрия правил допустимости доказательств» основана на принципе презумпции невиновности, который является одним из главных элементов справедливого судебного разбирательства [3, с. 29]. Данный принцип является

Архипкин И. В.

Корнакова С. В.

общеизвестным международным принципом (п. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Согласно действующему законодательству России бремя доказывания по уголовному делу лежит на стороне обвинения. Думается, что признание доказательств недопустимыми – процессуальная санкция, которой может быть подвергнуто обвинение, а если по содержанию такое доказательство оказалось оправдательным, то санкция к защите неприменима, поскольку с ее стороны отсутствует процессуальное нарушение.

Аргументами «против» теории выступают:

1. Защита имеет возможность нарушить закон при получении информации, которая по ее ходатайству приобщена к материалам уголовного дела. Действительно, на практике при применении теории «асимметрии правил о допустимости доказательств» такое становится возможным. Но в качестве исключения такой «порочной» практики можно предусмотреть правило, согласно которому, доказательство может считаться допустимым по ходатайству стороны защиты, если суд при оценке доказательства, придет к выводу о том, что нарушение законодательства не привело к подмене самого факта как такового. Так, примером может послужить допрос супруги обвиняемого, которая в ходе следственного действия, обеспечила надежным алиби обвиняемого, но при этом она не была уведомлена о конституционном праве «не свидетельствовать против своего супруга» (ст. 51 Конституции РФ). Данной позиции придерживается Ю. К. Орлов, считая, что при решении этого вопроса нужно исходить только из гносеологического критерия. Доказательства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, не могут использоваться только в случаях, когда к этому имеются неустранимые препятствия гносеологического характера. Поэтому при процессуальных нарушениях, связанных с гарантиями достоверности доказательств, нужно стремиться максимально их нейтрализовать либо заменить непригодное доказательство другими. В случае если такое действие невозможно, стоит считать доказательство недопустимым [4, с. 76].

2. В ответ на положение второе сторонников теории, ученые полагают, что потерпевший, который является стороной обвинения наравне со следователем, дознавателем, не имеет возможности контролировать действия правоохранительных органов, тем самым не должен нести ответственность за их недобросовестность или невнимательность. Во внимание берется принцип состязательности, который провозглашен в Конституции РФ (п. 3 ст. 123) и содержится в ст. 15 УПК РФ. Согласно данному принципу сторона обвинения и сторона защиты равны.

3. Данная теория прямо противоречит п. 2 ст. 50 Конституции РФ. Законодатель четко устанавливает равный запрет на использование недопустимых доказательств, как для сторон обвинения, так и для стороны защиты. Данное положение дублирует и УПК РФ, недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так недопустимые доказательства не могут устанавливать событие преступления, виновность и невиновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание и т.д.

Данная теория является остро дискуссионной и встречает больше негативных отзывов ученых-процессуалистов, на практике теория не применяется. Но с нашей позиции, данная теория имеет право на жизнь с учетом некоторых особенностей.

Строгое соблюдение законного порядка судопроизводства и, прежде всего, процессуальной формы, безусловно, способствует принятию по делу обоснованного и справедливого решения [5, с. 36]. С данным мнением невозможно не согласиться. Но стоит отметить, что не каждое нарушение требований УПК РФ приводит к признанию доказательства недопустимым. Так, в науке сложилась классификация нарушений в ходе уголовного судопроизводства на существенные и несущественные, восполнимые и невосполнимые.

Из трудов российских ученых прослеживается, что существенные нарушения должны влечь за собой их ничтожность. Существенными нарушениями должны признаваться

явные и непоправимые нарушения получения доказательств, которые грубо нарушают права и свободы человека и гражданина. Доказательства, полученные при несущественных нарушениях принципов правосудия, могут все еще являться допустимыми, т.к. не мешают процессу по уголовному делу и не меняют его ход.

В качестве примера несущественных нарушений обычно приводится отсутствие на протоколе следственного действия подписи понятого, или даже следователя, которая в принципе может быть поставлена и после составления протокола или по истечению небольшого промежутка времени, при этом доказательство не подменяется.

Восполнимыми, в свою очередь, должны признаваться доказательства, которые могут быть восстановлены или нейтрализованы. К восполнимым нарушениям могут быть отнесены нарушения, связанные с процессуальным оформлением документов. Таковым будет считаться неуказание продолжительности времени проведения следственного действия. Однако даже некоторые доказательства, полученные при существенном нарушении закона, могут быть восстановлены в результате замены такого доказательства аналогичным. Например, если возможно проведение повторного следственного или иного процессуального действия, в ходе которого будут нейтрализованы нарушения закона и не будут подменены изначальные результаты действий, такое доказательство будет признаваться допустимым.

На практике доказательства, изначально полученные с нарушением требований закона, и нейтрализованные в последующем, могут быть признаны допустимыми. Так, стороной защиты было заявлено ходатайство о признании заключения эксперта недопустимым доказательством, поскольку осужденный и его защитник не имели возможности своевременно ознакомиться с постановлением о назначении авто-технической экспертизы. Суд пришел к выводу, что заключение является допустимым доказательством, т.к. при последующем ознакомлении данные участники уголовного процесса воспользовались своим правом, предусмотренным ст. 198 УПК РФ, указав вопросы, которые необходимо поставить перед экспертом¹.

Проанализировав теорию «асимметрии правил о допустимости доказательств», можем сделать вывод, что существование данной концепции является оправданным, так как она призвана способствовать правильному разрешению по уголовному делу. Возможным является и дальнейшая трансформация уголовно-процессуального законодательства в части введения такие понятий, как: существенные и несущественные нарушения норм закона, восполнимые и невосполнимые нарушения норм закона. Безусловно, такие понятия являются оценочными и не могут быть четко регламентированы законом, но, представляется, что решение об отнесении любых нарушений уголовно-процессуального закона при получении доказательств должен выносить суд, присяжные заседатели, согласно своему внутреннему убеждению и руководствуясь законом и совестью.

Пристатейный библиографический список

1. Сушенова Е. В. Проблемы оценки доказательств при постановлении оправдательного приговора // Сб. мат-лов XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск. – С. 198-203.
2. Буфетова М. Ш., Лукошкина С. В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 4 (22). – С. 41-53.
3. Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 2. – С. 28-36.
4. Литвинцева Н. Ю. Законность при производстве по уголовному делу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 6 (14). – С. 31-39.
5. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Юрист, 2009. – 175 с.

1 Апелляционное постановление Курганского областного суда от 28 ноября 2019 г. № 1-18/2019.

КОНОВАЛОВА Екатерина Евгеньевна

аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ «СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ» В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Целью данной работы является анализ действующей статьи 5 УПК РФ – своего рода «специализированного толкового словаря», которая является «наследием» советских уголовно-процессуальных кодексов, также включавших статью с основными понятиями. В настоящей работе производится анализ некоторых содержащихся в статье 5 УПК РФ терминов, выявляются недостатки в законодательной регламентации данной статьи УПК РФ, предлагаются пути их устранения. В частности, обращается внимание на то, что в статье 5 УПК РФ содержатся следующие группы понятий: 1) понятия, которые не используются в иных статьях УПК РФ; 2) понятия, объём которых не совпадает с объёмом аналогичных понятий, употребляемых в кодексе; 3) понятия, которые лишены «особого» значения, и которые можно вывести исходя из содержания иных разделов, глав, статей УПК РФ; 4) понятия, которые уже определены в ином законодательстве и не требуют повторения в специальном уголовно-процессуальном. С учётом проанализированных точек зрения учёных-процессуалистов на критерии отнесения понятия, используемого в УПК РФ, к «основному», предпринимается попытка ответить на вопрос, какой главный критерий включения понятия в статью 5 УПК РФ.

Ключевые слова: основные понятия, уголовно-процессуальный кодекс, специализированный толковый словарь.

KONOVALOVA Ekaterina Evgenjevna

postgraduate student of Criminal process, justice and prosecutorial supervision sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

PROBLEMS OF THE “SPECIALIZED EXPLANATORY DICTIONARY” IN MODERN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

The purpose of this work is to analyze the current article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation - a kind of “specialized explanatory dictionary”, which is the “legacy” of the Soviet criminal procedure codes, which also included an article with basic concepts. This paper analyzes some of the terms contained in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, identifies shortcomings in the legislative regulation of this article of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and suggests ways to eliminate them. In particular, attention is drawn to the fact that Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation contains the following groups of concepts: 1) concepts that are not used in other articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; 2) concepts, the scope of which does not coincide with the scope of similar concepts used in the code; 3) concepts that are devoid of “special” meaning, and which can be derived from the content of other sections, chapters, articles of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; 4) concepts that are already defined in other legislation and do not require repetition in special criminal procedure. Taking into account the analyzed points of view of process scientists on the criteria for classifying a concept used in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a “basic” one, an attempt is made to answer the question of what is the main criterion for including a concept in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: basic concepts, code of criminal procedure, specialized explanatory dictionary.

Конювалова Е. Е.

Традиция включать в уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) статью, имеющую характер специализированного уголовно-процессуального «толкового словаря» зародилась в советский период. В ранее действовавшем законодательстве, например, Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, не содержалось статей, дающих толкование основным понятиям или терминам¹. Только в первом советском УПК РСФСР 1922 года появилась статья 23, раскрывающая термины, которые, по мнению законодателя, имели особое значение в УПК². Впоследствии данная статья сохранилась

в новой редакции УПК 1923 года, а количество таких понятий было увеличено³. В УПК 1960 года также была включена статья 34, которая разъясняла некоторые наименования, содержащиеся в Кодексе⁴. Таким образом, УПК РФ 2001⁵ года продолжил советскую традицию закрепления в уголовно-процессуальном законе некоторых понятий. Идею о внесении новых пунктов с основными понятиями в статью 5 УПК

1 Устав уголовного судопроизводства 1864 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения – 03.10.2022).

2 Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

3 Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

4 Закон РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 16.01.1990) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

5 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

РФ поддерживают многие учёные-исследователи⁶, предпринимаются попытки по уточнению и корректировке формулировок уже содержащихся в указанной статье терминов⁷.

При прочтении статьи 5 УПК РФ возникает множество вопросов. Почему в статье 5 указаны понятия, которые и во все в кодексе не используются? Какую цель преследовал законодатель, раскрывая «основные понятия» в общей норме иначе, чем в иных статьях УПК РФ? Но, пожалуй, главный вопрос, который возникает, – это вопрос о том, какой существует критерий отнесения понятия к «основному» в уголовно-процессуальном законодательстве? С учётом поставленных вопросов в настоящее время можно выделить несколько недостатков статьи 5 УПК РФ.

1. Использование в ст. 5 УПК РФ понятий, не используемых в иных статьях УПК РФ. Очевидно, что название статьи 5 УПК РФ наталкивает на мысль о том, что используемые в обозначенной статье понятия должны хотя бы несколько раз встречаться в иных статьях УПК РФ, помимо статьи 5. Но в настоящее время в данной статье содержатся понятия, которые не используются в иных статьях кодекса. К таковым относятся – «алиби» (п. 1 ст. 5 УПК РФ) и «следователь-криминалист» (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ). На подобное противоречие уже неоднократно обращалось внимание в литературе⁸, однако законодатель не спешит исключать данные понятия из ст. 5 УПК РФ. Примечательно, что понятие «алиби» ранее в кодексе использовалось в ч. 6 ст. 234 УПК РФ, однако в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 года № 13-П⁹ данная норма была признана утратившей силу¹⁰. Понятие «алиби» происходит от латинского «alibi», что означает «в другом месте»¹¹, понимание этого термина в УПК РФ не отличается от общепризнанного, поэтому сохранение понятия «алиби» в УПК РФ в настоящее время представляется неактуальным. Кроме того, необходимость его легализации («процессуализации») также вызывает сомнение. Понятие «следователь-криминалист» в законодательство было введено в 2008 году¹², но регламентация статуса данного

участника в статье «основные понятия» выглядит как минимум странным. Логичнее было бы регламентировать статус данного участника в отдельной статье главы 6 УПК РФ¹³, либо сделать упоминание о данном участнике в статье, регламентирующей статус следователя (статья 38 УПК РФ).

2. В статье 5 УПК РФ содержатся понятия, объём которых не совпадает с объёмом аналогичных понятий, употребляемых в кодексе. К числу таких понятий можно, например, отнести понятия «следователь», «частный обвинитель». Так, понятие «следователь», указанное в п. 41 ст. 5 УПК РФ является более широким, нежели, указанное в ч. 1 ст. 38 УПК РФ, поскольку в последнем случае полномочия следователя ограничиваются лишь предварительным следствием. Понятие «частный обвинитель», указанное в п. 59 ст. 5 УПК РФ вовсе соединило в себе трёх отдельных участников уголовного судопроизводства – потерпевшего, законного представителя потерпевшего, представителя частного обвинителя, что не согласуется с понятием «частный обвинитель», указанным в ч. 1 ст. 43 УПК РФ. В целях устранения противоречивости понятий в кодексе все понятия участников уголовного судопроизводства логичнее было бы поместить в соответствующие статьи, регламентирующие их статус. В случае отсутствия таковых статей, следовало бы ввести новые, регламентирующие статус соответствующих участников (например, как уже упоминалось в настоящей статье, понятие «следователь-криминалист» можно поместить в главу 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения»).

3. В статье 5 УПК РФ содержатся понятия, которые лишены «особого» значения, и которые можно вывести исходя из содержания иных разделов, глав, статей УПК РФ. Среди таких понятий следует выделить понятия «сторона защиты» (п. 46 ст. 5 УПК РФ), «сторона обвинения» (п. 47 ст. 5 УПК РФ). Смысла вводить данные термины в статью 5 УПК РФ нет, поскольку отнесение участников уголовного судопроизводства к сторонам обвинения и защиты следует из соответствующих глав 6 и 7 УПК РФ.

4. В статье 5 УПК РФ содержатся понятия, которые уже определены в ином законодательстве и не требуют повторения в специальном уголовно-процессуальном. Понятие «судья» (п. 54 ст. 5 УПК РФ) раскрывается, к примеру, в ч. 1 ст. 11 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации»¹⁴. К судьям как в уголовном, так и других видах судопроизводства (за исключением конституционного) предъявляются одинаковые требования по возрасту, стажу и т.д. Для всех видов судопроизводства действуют общие принципы, обеспечивающие осуществление правосудия (независимости, неприкосновенности и несменяемости судей и другие). Таким образом, понятие «судья», его полномочия и статус определены в Конституции Российской Федерации и законодательстве о судостроительстве и статусе судей,

6 Так, например, О. Б. Порцева высказывала мнение о том, что в ст. 5 УПК РФ необходимо ввести пункт, определяющий понятие «подсудность». См. подробнее: Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 5.

7 Например, О. Н. Тиссен предлагает скорректировать понятие «досудебное соглашение о сотрудничестве», указанное в п. 61 ст. 5 УПК РФ. См. подробнее об этом: Тиссен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Оренбург, 2017. С. 99-112.

8 См., например: Смирнова К. Н. Критерии классификации понятий, содержащихся в ст. 5 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 72.

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.

10 Федеральный закон от 03.06.2006 № 72-ФЗ «О признании утратившей силу части шестой статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2379.

11 Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. С. 13.

12 Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

13 О неясности логики законодателя при регламентации процессуальной фигуры следователя-криминалиста см. подробнее: Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М., 2021. С. 79.

14 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

в уголовном процессе данное понятие не приобретает какой-либо особый смысл, поэтому его включение в статью 5 УПК РФ кажется излишним. Уголовно-процессуальное законодательство должно регламентировать лишь процессуальный статус судьи, а не судоустройственный¹⁵.

5. Отсутствие критерия отнесения понятия к «основному». Исходя из анализа содержащихся в статье 5 УПК РФ понятий, можно сделать вывод о том, что отсутствует объективный критерий, которым следует руководствоваться законодателю при отнесении того или иного понятия в список «основных». Данная проблема может привести к «разрастанию» статьи 5 УПК РФ, поскольку при отсутствии критерия в данную статью можно помещать любые понятия. Зачастую в специализированной научной литературе предложения о внесении термина в статью 5 УПК РФ определяется тем, что учёный исследует соответствующую тему в уголовном процессе, и данного термина нет в статье 5 УПК РФ, то есть фактически субъективно, с чем сложно согласиться.

В литературе высказываются различные критерии отнесения понятия, используемого в УПК РФ, к «основному». Так, например, среди различных критериев предлагается критерий «функциональность понятия», когда «значимость понятия в масштабе нормативного акта определяется количеством норм, в которых оно используется»¹⁶. Некоторые исследователи, руководствуясь данным критерием, предлагают исключить понятия «непричастность», «свидетельский иммунитет», «реплика», «заклучение суда», «фактическое задержание» и еще несколько понятий из ст. 5 УПК РФ, в связи с тем, что они употребляются «крайне редко»¹⁷. Если придерживаться данной позиции, то в ст. 5 УПК РФ следовало бы добавить понятия «порядок» (упоминается в УПК РФ более 600 раз), «производство» (используется более 700 раз) и другие. Безусловно, добавление новых понятий по критерию «сколько раз понятие упоминается в кодексе», выглядело бы абсурдным. Но и исключение понятия в связи с тем, что оно «мало раз» упоминается в кодексе, тоже не решит проблемы, поскольку неопределение некоторых важных понятий в законе способно привести к необоснованному ограничению основных прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ. В связи с этим, представляется, что критерий отнесения понятия к «основному» должен быть качественным, а не количественным.

Помимо критерия «функциональность понятия» К. Н. Смирнова выделяет еще два критерия отнесения понятия к «основному»: 1) регулятивное воздействие понятия, или установление затруднительности применения иных норм Кодекса и связанных нормативных правовых актов, содержащих данное понятие, в отсутствие его законодательного опреде-

ления; 2) нецелесообразность определения понятия в ином нормативном правовом акте или иной статье (части, разделе) УПК РФ¹⁸. Данные критерии представляются сомнительными. Во-первых, при «затруднительности применения иных норм Кодекса» можно обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ, содержащимся в постановлениях Пленума, а также к научной литературе или правоприменительной практике. Критерий «затруднительности» способен привести только к увеличению понятий, содержащихся в статье 5 УПК РФ. Во-вторых, критерий «нецелесообразности определения понятия в ином нормативном правовом акте или иной статье (части, разделе) УПК РФ» способно превратить статью 5 УПК РФ в своеобразную «корзину», куда будут «складываться» ненужные или неуместные в иных нормативно-правовых актах понятия, что представляется неприемлемым.

Очевидно, что множественность критериев при включении понятия в статью 5 УПК РФ способно привести только к увеличению количества понятий, либо же необоснованному исключению понятия из данной статьи. По нашему мнению, критерий должен быть только один.

Если обратиться к уже упомянутым статьям советских уголовно-процессуальных кодексов, то в соответствующих статьях о понятиях было указано, что содержащиеся в них термины имеют «особое значение» в уголовно-процессуальном законодательстве, то есть термин не стоит понимать так, как указано в толковом словаре или ином законодательстве. Уголовно-процессуальное право, в отличие от иных отраслей права, непосредственно регламентирует порядок ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем определение некоторых терминов является крайне необходимым.

Смысл статьи 5 в УПК РФ должен сводиться не к тому, что есть понятия «основные», а есть «неосновные», а к тому, что есть понятия, которые имеют особое, отличное от иных отраслей законодательства и сфер применения значение в уголовном процессе. Например, к таким понятиям, следует отнести понятие «ночное время», поскольку оно в законодательстве Российской Федерации и субъектов Российской Федерации устанавливается по-разному в зависимости от сферы применения, и единства в определении ночного времени нет. Так, в ст. 96 Трудового кодекса РФ¹⁹ установлено, что ночное время – это время с 22 часов до 6 часов. В Законе города Москвы от 12.07.2002 № 42 «О соблюдении покоя граждан и тишины в городе Москве»²⁰ указано, что ночное время – это период времени с 23 часов до 7 часов (ст. 1), а в Законе Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»²¹ установлено, что «ночное время» - это период с 22.00 до 8.00 часов (ст. 2). То

15 См. подробнее о судопроизводственных (процессуальных) и судоустройственных аспектах статуса судьи: Судоустройство и правоохранительные органы / Под ред. Л. В. Головки: Учебник. 2-е изд. М., 2022. С. 223-224.

16 Баранов А. М., Смирнова К. Н. Понятие и свойства основных понятий УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 12. См. также: Смирнова К. Н. Основные понятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 10.

17 Баранов А. М., Смирнова К. Н. Понятие и свойства основных понятий УПК РФ. Указ. соч. С. 13.

18 Смирнова К. Н. Основные понятия уголовно-процессуального кодекса... Указ. соч. С. 10.

19 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

20 Закон г. Москвы от 12.07.2002 № 42 (ред. от 14.12.2016) «О соблюдении покоя граждан и тишины в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2002. № 32.

21 Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 № 273-70 (ред. от 30.06.2022) «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (принят ЗС СПб 12.05.2010) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2010. № 21.

есть исследуя приведенное законодательство, сложно предположить, что следователь, принимая решение о производстве следственного действия, должен руководствоваться при определении «ночного времени» каким-либо из перечисленных актов, поскольку порядок уголовного судопроизводства на территории РФ определяется УПК РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Но понятие «ночного времени» в уголовном процессе является важным, поскольку его определение напрямую влияет на возможность ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, формирует временные пределы производства следственных действий. Именно поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве должно быть четко установлено, с какого и до какого часа длится «ночное время».

В качестве примера понятия, которое должно быть закреплено в ст. 5 УПК РФ, можно привести также понятие «жилище», поскольку его значение не совпадает с тем, что указано в толковых словарях²², а отсутствие законодательного определения данного понятия в УПК РФ может повлечь существенное ограничение (нарушение) основных прав и свобод человека и гражданина. Примечательно, что понятие «жилище», указанное в п. 10 ст. 5 УПК РФ не совпадает с понятием «жилое помещение», закрепленным в ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса РФ²³.

Представляется, что понятие в УПК РФ может быть включенным в статью 5, если оно имеет отличное от иных отраслей права значение, или значение, отличающее его от обычного понимания гражданами и/или от указанного в толковом словаре, а отсутствие законодательного определения данного понятия в УПК РФ может повлечь существенное ограничение (нарушение) основных прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, руководствуясь данным критерием, можно выделить список понятий, которые следует оставить или включить в статью 5 УПК РФ.

Существующее название статьи 5 УПК РФ не дает понимания, для чего в УПК РФ необходим свой собственный «толковый словарь», а название «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» представляет широкий простор законодателю для включения в данный словарь множества понятий, зачастую излишних, дублирующих уже содержащиеся в законодательстве понятия, определять которые не имеет смысла. Приемлемым является обращение к советскому опыту, а именно УПК РСФСР 1960 года, в котором ст. 34 называлась следующим образом: «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе». Представляется, что статья 5 УПК РФ должна иметь следующее наименование: «Разъяснение некоторых понятий для целей уголовного судопроизводства».

На основе изложенных недостатков и проблем, связанных с существованием в УПК РФ «специализированного толкового словаря», можно сделать вывод о том, что статья 5 УПК РФ нуждается в совершенствовании и доработке.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов А. М., Смирнова К. Н. Понятие и свойства основных понятий УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 11-15.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М., 2021. 1328 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. 938 с.
4. Порцева О. Б. Подсудность уголовных дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 23 с.
5. Смирнова К. Н. Критерии классификации понятий, содержащихся в ст. 5 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 70-73.
6. Смирнова К. Н. Основные понятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 31 с.
7. Судостроительство и правоохранительные органы / Под ред. Л. В. Головки: Учебник. 2-е изд. М., 2022. 816 с.
8. Тиссен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. Оренбург, 2017. 487 с.
9. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. 800 с.

²² См., например: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 194; Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. С. 141.

²³ «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Проблематика народного участия в отправлении правосудия и функционирования суда присяжных достаточно актуальна в современном мире, так как непосредственно связана с фактической реализацией принципов правового государства и участия гражданского общества в общественных отношениях. Современный институт присяжных заседателей имеет глубокие исторические корни. В статье рассматриваются социально-правовые предпосылки зарождения института народного представительства в судебном разбирательстве, анализируются функции первичных представительных народных судебных органов, исследуется их вклад в развитие и становление справедливого правосудия, изучаются положительные и отрицательные стороны, актуализируется важность и необходимость народного представительства в осуществлении правосудия.

Ключевые слова: народное правосудие, присяжные заседатели, суд, гелиэя, комиции, история правосудия.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

TSIBULSKAYA Galina Zinovjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Logistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE ORIGIN OF THE INSTITUTE OF PEOPLE'S REPRESENTATION IN JUDICIAL PROCEEDINGS

The issue of popular participation in the administration of justice and the functioning of the jury is quite relevant in the modern world, as it is directly related to the actual implementation of the principles of the rule of law and the participation of civil society in public relations. The modern institution of jurors has deep historical roots. The article discusses the social and legal prerequisites for the emergence of the institution of popular representation in litigation, analyzes the functions of primary representative people's judicial bodies, explores their contribution to the development and establishment of fair justice, examines the positive and negative sides, actualizes the importance and necessity of popular representation in the administration of justice.

Keywords: people's justice, jurors, court, helium, comitia, history of justice.

Всемирной истории процессов разбирательств по делам в отношении лиц, совершивших преступные деяния, известны различные формы участия населения в осуществлении правосудия. Одной из таких форм, признаваемых исследователями в качестве предшественницы суда присяжных в его современном понимании, являлся «суд, осуществляемый всем народом». Такая форма была характерна для Древнего Рима и Греции, где в процессе принимали участие свободные граждане указанных государств. Реализация их права на участие в судебном процессе осуществлялась посредством проведения собраний, численность которых была громадной. Так, по утверждению О. Р. Рахметуллиной, состав участников такого собрания в Афинах достигал 6000 человек и именовался гелиэей (от греч. helios – солнце) [3, с. 27]. Афинская гелиэя безусловно является ярким примером возможности привлечения людей к судебным процессам, но она имела свои более древние исторические корни.

С древних времён участие граждан в общественной жизни признавалось в качестве элемента демократии. Еще в IV в. до н.э. Аристотель, в своём известном труде «Политика» отмечал, что закон Харонда предусматривал штрафы за отказ участвовать граждан в процессах над иными лицами. Отметим, что действие законов Харонда относится к середине VII в. до н.э., но уже в них были нормы, обязывающие не только пред-

ставителей знати, но и простой люд принимать участие в отправлении правосудия. Около 620 г. до н.э. в Древних Афинах разбирательства осуществлялись коллегией эфетов, но в их состав входили лишь представители знатного сословия. И только в результате реализации реформ Солона (начало VI в. до н.э.) был сформирован тот судебный орган, о котором мы говорили выше – гелиэя. Особенностью её функционирования являлось то, что любой афинянин в данный судебный орган мог обратиться только в случае оспаривания решения, принятого должностными лицами в результате первоначального рассмотрения дела. Как указывает Т. В. Кудрявцева, гелиэя «являясь апелляционным судом последней инстанции» [1, с. 23]. Если сравнивать с современным судом присяжных, в котором граждане в качестве присяжных заседателей принимают участие при рассмотрении дела в суде первой инстанции, то гелиэя представляет собой (по аналогии с ныне действующей системой судом) судебный орган второй инстанции. Таким образом, в Древних Афинах граждане принимали участие в рассмотрении дела, когда оно уже было рассмотрено судьями и перешло на стадию оспаривания решения, принятого этими судьями. Такая последовательность свидетельствует о достаточно большом уровне доверия к гражданам Афин, которым было предоставлено право рассматривать вопрос правомерности решений, принятых должностными лицами.

Курбатова Г. В.

Цибульская Г. З.

Исследователи обращают внимание на фундаментальные принципы, лежащие в основе отбора граждан в число участников народного суда. Помимо возрастного ценза (достижение тридцатилетнего возраста), кандидаты в члены гелиэи должны были отвечать принципам оседлости, здоровья, образованности и что очень важно, на наш взгляд, принципу благонадежности [2, с. 139]. Значимость данных принципов заключается в придании решениям гелиэи высокой степени авторитета и значимости.

В Древних Афинах народному суду придавалось громадное значение: его деятельность распространялась не только на рассмотрение судебных дел граждан в конечной, высшей инстанции, но и на рассмотрение вопросов заключения договоров с иностранными союзниками, разрешение дел, связанных с проверкой кандидатов и назначением их на государственные должности, рассмотрение дел на предмет законности принимаемых актов. Постепенно функции гелиэи только расширялись, вплоть до рассмотрения ошибок в военных операциях и наказания за их допущение военных начальников.

Народный суд Древних Афин был предтечей современного суда присяжных, а также отдельных элементов судебного производства, без которых современный уголовный процесс практически невозможно представить. Именно в гелиэе впервые была применена процедура прений сторон. Изначально прения возможны были только по делам об убийствах и участники прений не имели права плакать и обращаться к народным судьям с просьбами и умалениями, а должны были только говорить по обстоятельствам дела. Таким образом, уже в древнем мире учитывалась такая особенность непрофессионального суда, как эмоциональное восприятие. Народные судьи, как в Древних Афинах, так и в настоящее время, не имеют отношения к профессиональной работе суда, многие вопросы ими воспринимаются на эмоциональном, подсознательном уровне. Учитывая такую особенность, с целью снижения возможности эмоционального воздействия на судей, предъявлялось требование к участникам конфликта говорить по существу, по фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела.

Несмотря на прогрессивность народной гелиэи, она имела и негативные стороны: в процессе судебных разбирательств для получения доказательств возможно было применять пытки к рабам. Данная процедура, конечно же, ни в коей мере не способствовала правовой оценке народными судьями происходящих событий, а приводила к социальному, психологическому восприятию материалов дела.

В Древнем Риме образование суда присяжных относится ко II-I вв. до н. э., когда был сформирован суд постоянных комиссий, по-другому – комиций, квестий (лат. *quaestio* – исследование, рассмотрение). Таких комиций было восемь, каждая из которых состояла из нескольких сотен человек, из числа которых назначались отдельные лица для рассмотрения конкретного дела. Членами комиций могли стать граждане Рима в возрасте от 30 до 60 лет, относящиеся к высшему сословию. Такие ограничения привносят к мысли об отношении комиций просто к судебным органам, но их достаточной большой численный состав (более трехсот судей) позволяет говорить не о наличии профессионального судебного органа, а о функционировании в Древнем Риме именно народных собраний по осуществлению правосудия, что уже логически подводит нас к предположению, что комиции также, как и греческая гелиэя, являются предшественниками суда присяжных, то есть суда при участии представителей от населения своего государства. Комиции существовали до начала III века н.э. пока на смену принципату не пришёл доминат, исключающий какие-либо демократические элементы, в том числе в отправлении правосудия.

Если обратиться к древней истории Российского государства, то мы можем также найти отдалённые признаки современного суда присяжных в таком народном собрании, как вече. Начало истории вечевых судов относится к XI в. Широкая компетенция вечевого собрания чем-то схожа с афинской гелиэей: это не только разбирательство преступного деяния, совершенного князьями либо посадниками, но и рассмотрение вопросов государственной важности, вопросов в области заключения договоров с чужеземцами, сбор дани с населения и т.д. В состав вечевого суда входили представители как городского, так и сельского населения, что позволяет вече определять как народное собрание, а в его решениях отражалась именно воля народа.

На примере Древних Афин, Древнего Рима, Древнерусского государства видно, что издревле вопросы правосудия находились в центре внимания государства. Совершенно справедливо указывает О. Р. Рахметуллина, что народные собрания Древних Афин и Рима, гелиэя и комиции, соответственно,

свидетельствуют о наличии демократических институтов в древних государствах [3, с. 32]. Обратим внимание на то, что О. Р. Рахметуллина и ряд других исследователей в перечне государств, где изначально имели факты привлечения представителей народа к отправлению правосудия, незаслуженно, на наш взгляд, забывают о Руси. Так, В. И. Чесных указывает, что «корни участия представителей населения в отправлении правосудия прослеживаются в суде геалистов Греции и в суде центуриатных комиций Рима» [4, с. 18]. Считаем необходимым и обоснованным, в числе государств, где зарождался институт народного представительства в судебном разбирательстве, назвать и Древнерусское государство, в котором функционировало вече.

Наличие таких институтов, как гелиэя, комиции, вече говорят о внимании древних государств к поиску и реализации отдельных форм привлечения населения к государственным делам, к отправлению правосудия. В государствах древнего мира были лишь зачатки института народного представительства в судах, и они не были развиты в более совершенные формы по ряду исторических причин. Ужесточение власти, сосредоточение её в одних руках, возвышение монархических, имперских амбиций (напомним, что Греция стала колонией, Рим преобразовался в империю, Русь перешла к централизации и укреплению монархии) привело к утрате демократических элементов из судебной системы. Постепенно суд переходил на профессиональную основу и новое начало становления суда присяжных, в его современном понимании, относится уже к более позднему историческому периоду. Положительным моментом их наличия в истории человеческой цивилизации следует признать фактическую реализацию права граждан своей страны принимать участие в отправлении правосудия, что является одним из признаков демократии. Но народные собрания не были лишены и ряда недостатков, отрицательных черт, среди которых можно обозначить следующие: при рассмотрении дела непрофессиональным составом, при одновременном большом количестве участников собрания нет цели установления истинных обстоятельств произошедшего рассматриваемого события, принятие решение подчас осуществляется исходя из эмоциональных, социальных факторов, а не на основании норм права. Участники собрания устанавливали не обстоятельства дела, а определяли, кто из тяжущихся сторон является более достойным, уважаемым гражданином своего полиса. Значительную роль в принятии итогового решения выполняли такие факторы, как личность участников спора, ораторское искусство их представителей, субъективное отношение судей к сторонам спора, мнение большинства судей – народных представителей. Отметим, что указанные недостатки отмечаются исследователями и по отношению к современному суду присяжных. Понимая ряд неблагоприятных аспектов в привлечении представителей народа к отправлению правосудия, общество стремилось создать более совершенные, прогрессивные формы судопроизводства с привлечением к нему народных представителей.

Таким образом, предшественником современного института суда присяжных в мировой истории являются афинская гелиэя, а также римский суд так называемых постоянных комиссий, по-другому – комиций. На всём протяжении становления и развития суда присяжных его сущность практически неизменна: вопрос о виновности либо невиновности человека решают народные представители, исходя не из юридических умозаключений, а из внутренней убежденности, а вопрос о квалификации содеянного и о назначении наказания определяют квалифицированным лицом – судьей.

Пристатейный библиографический список

1. Кудрявцева Т. В. Гелиэя в контексте Афинских державных отношений // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. – 2007. – № 6. – С. 23-40.
2. Панюков А. М. Пересмотр судебных решений в Древней Греции и Древнем Риме // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10. – С. 138-146.
3. Рахметуллина О. Р. Суд присяжных как форма народного участия в отправлении правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2013. – 247 с.
4. Чесных В. И. Суд присяжных в России как комплексный правовой институт: теория, история, современность: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 172 с.

МАГОМЕДОВА Камила Булатовна

студент 1 курса ОЗО магистратуры, уголовно-процессуальный профиль Дагестанского государственного университета

РАМАЗАНОВ Тажутдин Бурганович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье анализируется роль и возможность участия на стадии возбуждения уголовного дела прокурора, целесообразность такого участия. Также оценена роль единой межведомственной цифровой онлайн-платформы, которая введена в целях совершенствования информационного обеспечения прокуратуры России Генеральным прокурором Российской Федерации. Отмечено, что работа с единым электронным делом посредством функционирования единой межведомственной цифровой онлайн-платформы исключит возможность потери уголовного дела или его материалов.

Ключевые слова: прокуратура, прокурор, возбуждение уголовного дела, защита прав граждан, предварительное расследование.

MAGOMEDOVA Kamila Bulatovna

magister student of the 1st course of the master's degree program, Criminal Procedure profile of the Dagestan State University

RAMAZANOV Tazhutdin Burganovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University

PROSECUTOR'S SUPERVISION AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

The article analyzes the role and possibility of participation at the stage of initiation of a criminal case of the prosecutor, the expediency of such participation. The role of the unified interdepartmental digital online platform, which was introduced in order to improve the information support of the Prosecutor's Office of Russia by the Prosecutor General of the Russian Federation, was also evaluated. It is noted that working with a single electronic file through the functioning of a single interdepartmental digital online platform will exclude the possibility of losing a criminal case or its materials.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor, initiation of criminal proceedings, protection of citizens' rights, preliminary investigation.

Контроль за точным и единообразным исполнением законов в нашей стране осуществляется Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами. С точки зрения уголовно-процессуального законодательства, осуществляется контроль за исполнением законов органами, осуществляющими досудебное расследование, дознание, доследственную проверку, предварительное расследование преступлений, сопровождение государственных обвинений при рассмотрении уголовных дел в судах и относятся к числу основных направлений деятельности из органов прокуратуры.

Важная роль в обеспечении строгого соблюдения законов отводится уголовному судопроизводству, и, в частности, его начальной стадии - возбуждению уголовного дела, избежать которого не может никакое расследование. Именно возбуждение уголовного дела является процессуальной основой для дальнейшего развития всего уголовного процесса и первым этапом движения уголовного дела, первой стадией уголовного процесса. Реализация цели уголовного процесса начинается уже в рамках первой стадии уголовного процесса - стадии возбуждения уголовного дела. В целях защиты прав и законных интересов личности, государства и общества от преступлений, а также для защиты личности от незаконного и необоснованного подозрения, обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод необходима организация работы на начальной стадии уголовного процесса, его соответствие закону. Это во многом определяет раскрытие преступлений, обеспечивает неотвратимость ответственности и наказания.

Ничто так не способствует совершению новых преступлений, как безнаказанность за предыдущее деяние. Непринятие надлежащих мер по каждому сигналу о преступлении существенно нарушает права граждан, ущемляет интересы общества, подрывает авторитет государства, создает впечатление профессиональной некомпетентности сотрудников правоохранительных органов.

С другой стороны, незаконное и необоснованное возбуждение уголовного дела не менее опасно. Нельзя не согласиться с А. Ф. Кони, который отмечал, что "уголовное преследование – слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самого тщательного обсуждения; ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до передачи в суд очень часто не могут уничтожить материальные и моральные вред, причиненный лицу поспешным и необоснованным привлечением его к уголовному делу" [1, С. 19]. По словам А. П. Рыжакова и И. В. Головинская, возбуждение уголовного дела следует понимать как решение, принятое следователем (дознавателем и т.д.) о наличии в его распоряжении законной причины и достаточных оснований, указывающих на признаки конкретного преступления [2, С. 3]. У. А. Тухташева считает, что возбуждение уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса, на которой соответствующие органы и должностные лица должны решить вопрос о начале производства по делу, основываясь на анализе причин и обоснований для этого, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом [3, С. 8].

При возбуждении уголовного дела прокурор выполняет функцию обвинения в форме надзора за соблюдением зако-

на органом предварительного расследования. Важность его участия в уголовном судопроизводстве в этом качестве зависит от определенных обстоятельств.

1. Контроль за законностью предварительного следствия и процессуальной деятельностью следственного органа является независимой и важной частью конституционной функции прокуратуры. Ее целью является осуществление контроля от имени Российской Федерации за соблюдением Конституции Российской Федерации и действующих законов на территории Российской Федерации.

2. Прокурор является основным субъектом доказывания в уголовном судопроизводстве. Это можно объяснить тем, что именно он доказал вину подсудимого в суде, опираясь на доказательства, полученные в ходе предварительного следствия, установив таким образом связь между предварительным следствием и судебным разбирательством.

3. Практика дает достаточные основания утверждать, что ошибки в решениях, выявленные Апелляционным судом, Верховным апелляционным судом и надзорными органами, хотя и допущены в рамках судебных процедур, часто вызваны расследованиями; поэтому, если прокурор немедленно не выявит и не устранит ошибки следователя или дознавателя, переданные в рамках уголовного дела в суд, он должен нести ответственность за необоснованные уголовные дела

Прокурор осуществляет контроль за точным и единообразным исполнением законов Российской Федерации на стадиях дознания и предварительного следствия уголовного процесса, осуществляет установленные законодательством процессуальные полномочия и процессуальную деятельность в поддержку государственного обвинения при рассмотрении дел в судах. Уголовно-процессуальное законодательство гласит, что на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия прокурор должен своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушения закона, независимо от того, кто его совершил, и прокурор должен осуществлять свои полномочия независимо от любого органа и должностного лица, подчиняясь только закону. Как субъект, возглавляющий «лагерь» обвинения, прокурор должен обладать большей независимостью, чем лица, проводящие предварительное расследование.

На этапе возбуждения уголовного дела прокурор должен обеспечить, чтобы права и законные интересы участников уголовного судопроизводства не нарушались, рассматривать жалобы на незаконное поведение и решения следователя, дознавателя и своевременно устранять ошибки и недочеты, строго соблюдать требования процессуального закона, при восстановлении и проверке доказательств преступлений выполняет ряд задач, таких как определение причин возникновения и принятие мер по их устранению, обеспечение беспристрастности и равенства всех перед законом. Поэтому целесообразно установить гарантии прокурорской деятельности в законодательстве, чтобы эта деятельность могла осуществляться без каких-либо препятствий.

Согласно закону, воздействие на прокурора в любой форме или воспрепятствование ему в осуществлении его деятельности с целью достижения незаконного решения, посягательство на его частную жизнь, а также проведение проверок без разрешения прокурора или следователя и разглашение информации получаемой на стадии возбуж-

дения уголовного дела, невыполнение требований прокурора влечет за собой ответственность в установленном порядке.

В целях совершенствования информационного обеспечения прокуратуры России Генеральным прокурором Российской Федерации утверждена концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года (далее - Концепция). Концепция предполагает создание и внедрение новых автоматизированных информационных систем, баз данных, обновление существующих, а также интеграцию их в единое информационное пространство. Цифровая трансформация прокуратуры осуществляется в рамках государственной политики по развитию цифровой экономики [1, С. 168].

Реализация Концепции направлена на комплексную оптимизацию деятельности прокуратуры и направлена на преимущественное использование цифровых данных, развитие цифровой инфраструктуры и формирование среды электронного взаимодействия. Концепция предусматривает развитие цифровой экосистемы органов прокуратуры, которая сформирует цифровую среду прокуратуры с учетом потребностей граждан, бизнеса и государства.

Развитая цифровая экосистема органов прокуратуры позволит населению получать качественную и достоверную информацию о работе государственных органов, а также получать необходимые государственные услуги.

Реализация Концепции цифровой трансформации прокуратуры должна привести к высокотехнологичному надзору со стороны прокурора. Высокотехнологичный надзор предусматривает формирование единой защищенной цифровой платформы для электронного взаимодействия прокуроров с другими государственными органами, организациями и гражданами, а также внедрение современных технологий в работу прокуратуры. Надзор за высокими технологиями неразрывно связан с развитием цифровой инфраструктуры. В то же время цифровая инфраструктура должна обеспечить новое качество электронного взаимодействия прокуратуры с общественностью и государственными органами путем создания безопасной высокотехнологичной цифровой среды.

Главной задачей развития цифровой инфраструктуры должна стать комплексная оптимизация внутренней и межведомственной деятельности прокуратуры. Предполагается создать единую межведомственную цифровую онлайн-платформу взаимодействия прокуроров, руководителей государственных органов, следователей, дознавателей для работы с единым электронным делом.

Работа с единой межведомственной цифровой онлайн-платформой имеет много преимуществ. Его внедрение позволит использовать в уголовном процессе недоступные при классическом подходе инструменты анализа материалов, зарекомендовавшие себя в других отраслях.

Создание единой межведомственной цифровой онлайн-платформы позволит прокурорам осуществлять надзор за уголовным производством в режиме реального времени. При разработке платформы необходимо предусмотреть возможность проверки прокурорами законности и обоснованности процессуальных решений в онлайн-режиме. В этом случае прокуроры будут получать процессуальные решения сразу после их вынесения, и прокурорам не нужно будет направлять запросы следователям и дозна-

вателям для ознакомления с материалами, обосновывающими процессуальное решение.

Работа с единым электронным делом посредством функционирования единой межведомственной цифровой онлайн-платформы исключит возможность потери уголовного дела или его материалов. В связи с этим возникает необходимость в порядке восстановления уголовных дел, установленном ст. 158.1 УПК России.

Представляется очень удобной перспектива передачи материалов проверки или материалов уголовных дел в электронном виде. Прокуроры смогут автоматически передавать уголовные дела или материалы проверки сообщения о преступлении из одного органа предварительного расследования в другой (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении в системе одного органа предварительного расследования) в соответствии с правилами, установленными ст. 151 УПК России, а также изъять любое уголовное дело или любые материалы для проверки сообщения о преступлении из органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации. Это значительно сократит

Единая система значительно увеличивает охват материалов, доступных для использования с помощью этих технологий. В частности, можно отследить образ одного человека во всем государстве в материалах дел разной тематики.

Быстрое реагирование на любое сообщение о совершенном преступлении или проведение подготовленного, своевременного, полного и тщательного расследования уголовного дела является ключом к защите прав потерпевших и привлечению виновного к уголовной ответственности. В данном случае деятельность прокуратуры, направленная на своевременное выявление и пресечение нарушений действующего законодательства, играет важную роль в борьбе с преступностью и защите прав граждан.

Очевидно, что в настоящее время существует проблема недостаточных полномочий прокуроров по обеспечению контроля на стадии уголовного производства, что проявляется в отсутствии полномочий по возбуждению уголовного дела. Принятие незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии признаков преступления является основным способом сокрытия преступления. Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела препятствует тщательному расследованию обстоятельств преступления, реализации права на правосудие и справедливое наказание преступников.

Таким образом, суть стадии возбуждения уголовного дела заключается в том, что органы предварительного следствия берут первоначальную информацию о любом совершенном, неосуществленном или планируемом преступлении, проводят комплексную проверку содержания информации, оценивают ее и принимают, руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, одно из следующие решения:

О возбуждении уголовного дела;

Об отказе в возбуждении дела;

О передаче заявления или сообщения в рамках расследования.

Уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо указаний на то, что при направлении материалов в

соответствии с юрисдикцией требуется мотивированное решение. Мы считаем, что должностные лица, уполномоченные уголовно-процессуальным законодательством на возбуждение уголовного дела, обязаны принять мотивированное решение о передаче заявления (сообщения) о преступлении следствием. Это следует прежде всего из того факта, что законодатель требует после получения информации о преступлении, а также непосредственного обнаружения такой информации необходимости принятия решения. Кроме того, при отправке заявления (сообщения) о расследуемом преступлении компетентное должностное лицо обязано изложить причины своего решения, а также указать, какие меры были приняты для предотвращения, пресечения преступления и фиксации следов преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Кони А. Ф. Избранные произведения. Том 1. – Москва, 1959.
2. Головинская И. В. Практические проблемы возбуждения уголовных дел // Русский Следователь. – 2007. – № 10.
3. Тухташева У.А. Уголовный процесс: Общая часть. Учебное пособие. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
4. Исмаилов Ч. М. Оптимизация полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3.
5. Лазарев В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: Науч.-практ. пособие. – М.: Юрайт, – 2020.
6. Швифель Д. И. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и перспективы развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2019. – № 3 (48).
7. Богатова Е. В. Надзор за законностью приема и регистрации сообщений о преступлении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015.

СОЧИВКО Ольга Ивановна

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк, майор внутренней службы

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ГРУППАМИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ

Автор отмечает, что работа нормально функционирующей следственно-оперативной группы является залогом успеха при раскрытии и расследовании тяжких преступлений против личности, в первую очередь неочевидных умышленных убийств. В статье рассмотрены особенности работы следователя по особо важным делам Рязанской областной прокуратуры Дмитрия Матвеевича Плоткина, который посвятил следственной работе четверть века в должности старшего следователя и следователя по особо важным делам прокуратуры Рязанской области, в том числе руководил следственно-оперативной группой по раскрытию и расследованию неочевидных убийств. Автор считает, что только в ходе взаимодействия при отработке определенной версии одновременно следственным и оперативным путем можно получить ответы на все вопросы следствия и прийти к истине. В качестве примеров приведены факты двух преступлений, которые пришлось раскрыть Д. М. Плоткину совместно с оперуполномоченными сотрудниками. Сделан вывод о том, что в настоящее время целесообразно возобновить практику расследования уголовных дел, которая имела место 40 лет назад, когда был организован постоянно действующий состав следственно-оперативной группы, в который входили сотрудники прокуратуры и оперуполномоченные районов и областного управления внутренних дел.

Ключевые слова: расследование, неочевидные умышленные убийства, оперативно-следственные группы, прокуратура Рязанской области.

SOCHIVKO Olga Ivanovna

Ph.D. in psychological sciences, lecturer of Penitentiary psychology and penitentiary pedagogy sub-faculty of the Kuzbass Institute of the FPS of Russia in Novokuznetsk, major of internal service

FEATURES OF THE INVESTIGATION BY OPERATIONAL INVESTIGATIVES GROUPS OF MURDERS COMMITTED IN CONDITIONS OF NON-OBVIOUSNESS

The author indicates that the work of a normally functioning investigative-operational group is the key to success in the disclosure and investigation of serious crimes against the individual, primarily unobvious intentional murders. The author examines the features of the investigator's work for especially important cases of the Ryazan regional prosecutor's office Dmitry Matveevich Plotkin, who devoted a quarter of a century to the investigative work of the senior investigator and investigator for particularly important cases of the prosecutor's office of the Ryazan region, including led the investigative-operational group for the disclosure and investigation of unobvious murders. The article notes that only with mutual work on working out a certain version simultaneously by investigative and operational, can answers to all questions of the investigation and achieve the truth. The author gives as examples two facts of crimes that D.M. Plotkin, together with operative officers. It is concluded that it is currently advisable to resume the practice of investigating criminal cases, which was operating about 40 years ago, when the permanent composition of the investigative-operational group was organized, which included prosecutors and operatives of regions and regional internal affairs department.

Keywords: investigation, unobvious intentional killings, operational investigative groups, prosecutor's office of the Ryazan region.

Российская Федерация, как и многие другие страны, переживает увеличение показателей преступности, которая меняется не только в количественном, но и в качественном отношении. Одним из пугающих образов криминального мира остается достаточно большое число серийных и заказных убийств, многие из которых остаются нераскрытыми.

Правоохранительные органы много лет ведут борьбу с прочно укоренившейся в стране профессиональной и организованной преступности, но успех не всегда венчает их старания по многим причинам [3]. Во-первых, нехватка позитивного опыта расследования преступлений, совершенных представителями оргпреступности. Во-вторых, вследствие объективных трудностей часто остается неизвестной причина совершения преступления, мотивы преступников, поэтому раскрываемость таких деяний оставляет желать лучшего.

Чтобы раскрыть преступление, нужно грамотно провести все необходимые процедуры: следственные и процес-

суальные действия, оперативно-розыскные мероприятия в необходимом сочетании, использовать криминалистические учеты [5].

Однако самое главное – наличие опытных следователей и условий для осуществления ими результативной деятельности [9]. Следователь стоит во главе всего процесса расследования преступления и отвечает за его раскрытие. Следственный аппарат должен стабильно работать, знать основы методики расследования преступлений и активно применять их [7].

На наш взгляд, именно работа нормально функционирующей следственно-оперативной группы – залог успешного раскрытия и расследования тяжких преступлений против личности, и прежде всего неочевидных умышленных убийств [4].

Это обусловлено тем, что в первые дни после возбуждения уголовного дела о преступлении, где много подозрева-

емых и потерпевших, следователю необходимо качественно провести большой объем первоначальных следственных действий, на что у него иногда просто не хватает времени.

В начале 80-х годов прошлого века срок задержания гражданина в качестве подозреваемого составлял трое суток. К настоящему времени он сокращен до двух суток. Законодатель руководствовался, видимо, тем, что у следователя будет один подозреваемый или чуть больше. Но в случае задержания по подозрению в совершенном преступлении 10 человек необходимо с каждым разобраться, каждого допросить, собрать доказательства для предъявления обвинения и ареста или, наоборот, для подтверждения невиновности лица, а еще предъявить обвинение задержанным, подготовить документы для решения вопроса об аресте, своевременно выйти в суд с ходатайством о заключении под стражу, успеть доставить подозреваемых в суд, чтоб суд произвел арест. И главное – грамотно и качественно оформить собранные доказательства.

В данной статье рассмотрим особенности работы следователя по особо важным делам Рязанской областной прокуратуры Дмитрия Матвеевича Плоткина, который посвятил следственной работе четверть века в должности старшего следователя и следователя по особо важным делам прокуратуры Рязанской области.

В то время ему приходилось руководить следственно-оперативной группой (далее – СОГ) по раскрытию и расследованию неочевидных убийств и СОГ по расследованию уголовных дел о бандитизме. Каждая из этих групп имела свою специфику работы.

СОГ по раскрытию и расследованию неочевидных умышленных убийств была создана в середине 80-х годов прошлого века совместным приказом прокурора Рязанской области и начальника УВД региона. В нее были включены три следователя областной прокуратуры (Д. М. Плоткин как руководитель следственной группы, следователи А. В. Широков, С. М. Бацура), заместитель начальника областного отдела уголовного розыска А. Н. Богачев, начальник отделения по раскрытию убийств ОУР А. Н. Савин и несколько оперативных работников из отдела по раскрытию убийств. Поскольку это были постоянные работники отдела уголовного розыска, то и в составе СОГ они работали постоянно.

Введение в СОГ двух руководителей областного отдела уголовного розыска решало абсолютно все вопросы по дальнейшему взаимодействию следователей с органами внутренних дел не только г. Рязани, но и всех районов Рязанской области, а также все вопросы с управлением уголовного розыска МВД России.

Группа с этим постоянным составом действовала несколько лет.

Все оперативные и следственные работники группы впоследствии добились успехов по службе. Так, полковник милиции А. Н. Богачев создал и возглавил Рязанское управление по борьбе с организованной преступностью. А. С. Савин был переведен в МВД России г. Москвы, где стал заместителем начальника Департамента уголовного розыска России, ему было присвоено звание генерал-майора милиции. Старший следователь А. В. Широков возглавил отдел по рассле-

дованию особо важных дел прокуратуры области, старший следователь С. М. Бацура был назначен следователем по особо важным делам.

При раскрытии преступлений и работе по уголовным делам оперативные работники выполняли все поручения следователей, в том числе по официальному письменному поручению следователя производили отдельные следственные действия, например допросы, выемки, обыски. Это было в тех случаях, когда одновременно необходимо было выполнить несколько следственных действий или следователь был занят другой работой.

При работе по уголовным делам выносились постановления о создании следственно-оперативной группы по конкретному делу, согласно которому руководителем группы назначался один из следователей областной СОГ, а в состав включался следователь районной прокуратуры, в отдельных случаях и следователь органов внутренних дел.

При необходимости в группу по конкретным преступлениям иногда входили сразу двое-трое следователей областной СОГ.

Для оперативного сопровождения по делу к следственной группе прикреплялись и оперативные работники районных отделов милиции.

В таком составе группа действовала до момента раскрытия убийства, предъявления обвинения и закрепления доказательств. Затем дело передавалось для дальнейшего производства следователю районной прокуратуры, а следователи СОГ могли переключиться на работу по новому делу.

В основу оперативно-следственных мероприятий был положен основной принцип: успех в раскрытии и расследовании преступления возможен только при полном взаимодействии оперуполномоченного и следователя. Разумеется, не в ущерб тайне следствия и оперативной работе, которую нельзя было разглашать.

Все результаты оперативной работы по делам, находящимся в производстве СОГ, докладывались в установленный срок. Это позволяло совместно разрабатывать оперативные мероприятия так, чтобы они «стыковались» со следственными мероприятиями. Например, оперативный источник в ходе камерной разработки обвиняемого оглашал в камере какую-то соответствующую легенду, а следователь в ходе допроса ненавязчиво эту легенду подтверждал. В результате подследственный укреплялся в мысли о том, что эта легенда соответствует действительности. Конечно, следователь своевременно знакомился с результатами оперативных мероприятий (донесениями источников, оперативными аудиовидеозаписями, результатами наружного наблюдения и т. д.), чтобы правильно выстроить следственную работу.

Считаем, что в настоящее время целесообразно оформлять допуск к работе с секретными документами следователям региональной СОГ.

В процессе своей следственной деятельности Д. М. Плоткин разрешал работающим с ним оперативным уполномоченным сотрудникам СОГ знакомиться в процессе работы с протоколами допросов по уголовному делу и другими материалами следственных действий.

Большинство преступлений, на которые выезжали сотрудники СОГ, раскрывалось. Авторитет следователей СОГ среди оперуполномоченных сотрудников был очень высок, они доверяли следователям. Решение вопроса основывалось не на бесосновательном мнении, а на реальных доводах следователя или оперативника в пользу той или иной версии.

В юридических вузах учат, что надо выдвигать и отрабатывать все возможные версии [1], [2]. В теории это так, но на практике это не всегда реально, и задача следователя – остановиться на верной версии или на одной-двух наиболее вероятных. При расследовании должны сработать его следственный опыт, интуиция и, главное, добротный анализ собранных по уголовному делу доказательств [6].

Часто невозможно отрабатывать качественно сразу все версии по уголовному делу. Как поступить, если сразу уголовных дел в производстве следователя несколько? Бывает, что версия выбрана неправильно и следствие зашло в тупик. В такой ситуации отрабатываются следующие версии. Если оперативники настаивали на отработке иной версии, то Д. М. Плоткин давал им такую возможность. Но, как правило, он достигал консенсуса с оперуполномоченными сотрудниками при решении вопроса о том, на какой или каких версиях остановиться.

Следственная практика привела Д. М. Плоткина к такому выводу: «Только при взаимной работе по отработке определенной версии одновременно следственным и оперативным путем можно получить ответы на все вопросы следствия и достичь истины» [8].

Учитывая, что руководство УВД Рязанской области было всегда заинтересовано в раскрытии преступления, а работа СОГ почти всегда приводила к этому, то у Д. М. Плоткина как у руководителя СОГ были прекрасные взаимоотношения с руководством УВД Рязанской области и руководством Рязанской областной прокуратуры. Руководители этих двух ведомств понимали, что группа работает на результат и для этого ей нужна помощь. Д. М. Плоткин и сотрудники СОГ работали сутками, часто без выходных и праздников, иногда не ходили в отпуска.

Д. М. Плоткин отмечает: «Следователю без оперативника сложно раскрыть преступление и уж тем более еще сложнее это сделать оперативнику без следователя». Например, если оперуполномоченный получает секретную информацию, то дальше без следователя не сможет построить работу, поскольку эту информацию необходимо реализовать (закрепить и подтвердить доказательствами, что может сделать только следователь).

По мнению Д. М. Плоткина, главное: «Подобрать состав СОГ, чтоб оперативники доверяли следователю, а следователь доверял оперативникам, и все понимали, что никто из них друг друга «не подставит»».

В ходе практической деятельности Д. М. Плоткину пришлось расследовать два факта преступлений, которые были раскрыты совместно с оперуполномоченными.

Первый факт. В поселке Кадам Рязанской области в 1987 году исчезла молодая женщина – Надя Рыбенко. Ее сожитель – ранее судимый Александр Спириков пояснил, что она с ним поссорилась, оставила ему грудного ребенка и пошла на дорогу, чтобы

уехать в Москву к матери. Труп Рыбенко был вскоре обнаружен в сарае асфальтового завода с признаками изнасилования и асфиксии в результате перелома подъязычной кости. Одежда на трупе была частично разорвана. На внутренней стороне бедер и в области половых органов имелись кровоподтеки. Первоначально отрабатывалась версия об изнасиловании и убийстве Рыбенко кем-то из водителей, прибывших из разных регионов страны на уборку овощей в колхозах. Следует заметить, что многие водители к моменту обнаружения трупа уже вернулись в свои места дислокации. Работа по отработке этой версии была очень трудоемка и к результатам не привела. Тогда Д. М. Плоткиным и оперативниками Богачевым и Савиным было принято решение отработать версию об убийстве женщины и сокрытии ее трупа в сарае завода ее сожителем – Спириковым. Опровергало эту версию то, что от дома Спирикова к сараю нужно было переносить труп ночью через водную преграду по бревну, а это было невозможно. Транспорта у Спирикова не было. Было установлено, что к его дому никакая машина в период исчезновения его сожительницы не подъезжала. В качестве подозреваемых были задержаны на трое суток Спириков и его друг Липатов. Они были помещены в камеры ИВС Кадамского РОВД. Их перекрестные допросы результатов не дали. Причина этого быстро выяснилась в результате внутрикамерной разработки Спирикова и Липатова. Оперативники сообщили Д. М. Плоткину, что, вернувшись с допросов, подозреваемые перекрикиваются между собой и вырабатывают общую тактику поведения на допросах. Исходя из полученной информации, Д. М. Плоткин принял решение о переводе Спирикова в ИВС соседнего районного центра. Далее в процессе внутрикамерной разработки от Липатова была получена информация, что он похитил со своего места работы на деревообрабатывающем комбинате две электродрели. Липатову было объявлено, что ему будет дана возможность добровольно вернуть их на предприятие и избежать возможности возбуждения уголовного дела о краже в случае, если он расскажет всё известное ему о смерти Рыбенко. Будучи разведенным со Спириковым и уже не зная, что тот поясняет по делу, в результате грамотно спланированного допроса Липатов рассказал со слов Спирикова следующее. Спириков поругался с Рыбенко, и та, объявив о разрыве отношений, пошла на дорогу, чтобы уехать к матери в Москву. Спириков догнал ее и стал угрожать вернуться. Так они перешли по бревну водную преграду и дошли до асфальтового завода. Там Спириков, разозлившись, нанес ей сильный удар ребром ладони по горлу, от которого впоследствии наступила смерть женщины. Желая создать себе алиби, Спириков решил имитировать изнасилование и убийство своей сожительницы неустановленным лицом. Он затащил труп в сарай завода, сорвал с нее верхнюю одежду и нижнее белье, причинил ей кровоподтеки в области бедер и половых органов. На следующий день Спириков сообщил якобы об отъезде Рыбенко в Москву к ее матери и заявил в органы внутренних дел об исчезновении сожительницы. После получения этих показаний Липатова была запланирована очная ставка между ним и Спириковым. Но это следственное действие пришлось первоначально отменить, так как оперативники доложили Д. М. Плоткину результат внутрикамерной разработки Спирикова. Тот собирался в случае такой очной ставки сразу же намекнуть Липатову, что знает о совершенном им преступлении в г. Москве, о чем сообщит органам внутренних дел. Эта угроза должна будет заставить Ли-

патов замолчать и не уличать его на очной ставке. С учетом этой информации Д. М. Плоткиным была изменена тактика следствия. Вместо очной ставки было спланировано провести дополнительный допрос Спирикова с неожиданным предъявлением ему аудиозаписи допроса Липатова, что и было сделано. Будучи неожиданно шокирован тем, что при оглашении показаний Липатова Д. М. Плоткин не может воздействовать и остановить их, Спириков признался в том, что причинил Рыбенко тяжкие телесные повреждения, приведшие ее к смерти.

Второй факт. В 1991 году в Милославском районе Рязанской области в своем доме в результате нескольких ударов ножом была убита учительница сельской школы. В доме на полу был обнаружен необычный нательный крестик зеленого цвета на разорванном шнурке. Дочка убитой пояснила, что этот предмет она видит в доме впервые. Следствием была выдвинута версия, что крестик принадлежал убийце и был сорван с него потерпевшей во время борьбы. Фотографии крестика были розданы оперативникам, которые проводили обходы домов в ближайших населенных пунктах. В процессе этой работы была получена оперативная информация о том, что такой крестик был у гражданина А., который недавно сменил место жительства и уехал в другой район. Оперативным путем было установлено его местонахождение, и он был задержан. На допросе А. признался в убийстве учительницы, при официальном опознании предметов опознал обнаруженный на месте происшествия крестик как свой. Казалось бы, дело раскрыто и можно предъявлять ему обвинение, но Д. М. Плоткин обратил внимание на то, что в его показаниях неправильно указано количество ударов и их локализация. Кроме того, в речке, в которую он якобы выбросил нож, орудие убийства найти не удалось. Тогда совместно с оперативниками было принято решение провести в отношении А. внутрикамерную разработку. Оперативники сообщили Д. М. Плоткину результаты. В камере А. сообщил источнику, что у него был такой крестик, но он, находясь в г. Москве, подарил его своей сестре. Один из оперативников на основании отдельного поручения следователя был командирован в г. Москву для отработки этой информации. У сестры А. был действительно обнаружен и изъят зеленый нательный крестик, аналогичный вещественному доказательству по делу. Он был предъявлен А. В ходе дополнительного допроса А. пояснил, что таких крестиков у него было два. Один из них он подарил сестре, а второй подарил своему другу – Исаеву по кличке Рыжий. Предполагая, что Исаев совершил убийство учительницы, он решил помочь ему – взять его вину на себя, решив, что доказательств, чтоб его осудить, не хватит, а Исаева он спасет. Вскоре Исаев был арестован, его вина в убийстве учительницы доказана, дело в отношении А. прекращено.

В завершение необходимо отметить, что, по мнению старшего советника юстиции в отставке Дмитрия Матвеевича Плоткина, сегодня утрачена проверенная временем и практикой форма деятельности следственно-оперативных групп, в постоянно действующий состав которых входили сотрудники прокуратуры и оперуполномоченные районов и областного управления внутренних дел. Этот опыт следует изучать и применять при расследовании преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Совершенствование преподавания дисциплины «Криминалистика» в вузах ФСИН России: учеб. пособие / В. В. Кубанов, И. Н. Коробова, Э. В. Лядов [и др.]. – Рязань, 2013. – 96 с.
2. Сочивко Д. В. Экзистенциальная психодинамика. – М.: Рязань, 2020. – 225 с.
3. Сочивко О. И., Плоткин Д. М., Мисник И. В. Системный подход к борьбе с бандитизмом // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул, 2022. – С. 124-125.
4. Сочивко О. И., Плоткин Д. М., Мисник И. В. Проблема аутоагрессии и самоповреждающего поведения // Экстремизм – новые вызовы региональной безопасности: сборник материалов Междунар. науч. конф. / Под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул, 2022. – С. 50-53.
5. Сочивко О. И., Плоткин Д. М. Применение гипноза в ходе расследования преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5 (168). – С. 350-351.
6. Ищенко Е. П., Сочивко О. И., Плоткин Д. М. Противодействие преступлениям экстремистской направленности в России // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 356-358.
7. Сочивко О. И., Плоткин Д. М., Мисник И. В. Применение психологического портрета личности преступника при расследовании серийных убийств // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 7 (170). – С. 450-453.
8. Сочивко О. И., Плоткин Д. М. Жизненный путь и деятельность пенитенциарного психолога доктора психологических наук, профессора полковника внутренней службы Дмитрия Владиславовича Сочивко // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16. № 3 (59). – С. 343-344.
9. Преступление и наказание от «А» до «Я» / Под общ. ред. Д. В. Сочивко. – М.: МПСИ, 2009. – 456 с.

ПОЛИКАРПОВА Ольга Сергеевна

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОМ СРОКЕ НЕЯВКИ ЗАЩИТНИКА, ПРИГЛАШЕННОГО ДЛЯ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В настоящей рукописи анализируются положения статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, указывается на запредельность срока допустимой неявки защитника для участия в следственных и иных процессуальных действиях составляемого 5 суток с момента его приглашения. Высказываются идеи приведения анализируемого срока в соответствие реальными возможностями уголовного судопроизводства, начиная с первой стадии процесса, на обеспечение посредством участия защитника квалифицированной юридической помощью фактически подвергнутого уголовному преследованию лица при производстве с его участием следственных и процессуальных действий.

Ключевые слова: защитник, обеспечение защиты, подозреваемый, злоупотребление правом, процессуальный срок, неявка защитника.

POLIKARPOVA Olga Sergeevna

lecturer of Administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ON THE QUESTION OF THE PERMISSIBLE PERIOD OF NON-APPEARANCE OF THE DEFENDER INVITED TO PARTICIPATE IN INVESTIGATIVE AND OTHER PROCEDURAL ACTIONS

In this manuscript, the provisions of Article 50 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, it is indicated that the deadline for the permissible absence of a defender to participate in investigative and other procedural actions is 5 days from the date of his invitation. The ideas are expressed to bring the analyzed period in line with the real possibilities of criminal proceedings, starting from the first stage of the process, to ensure, through the participation of the defender, qualified legal assistance to the person actually prosecuted during the production of investigative and procedural actions with his participation.

Keyword: defender, protection, suspect, abuse of the right, procedural term, failure of the defender.

Поликарпова О. С.

Защита прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве возведена в ранг конституционного принципа, что указывает на необходимость ее обеспечения вне зависимости от возникающих к тому препятствий.

Положения ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ предоставляют подозреваемому (обвиняемому) право пригласить защитника, которым на досудебных стадиях уголовного судопроизводства может выступать исключительно адвокат. Особо отметим, что возможность участия на судебных стадиях процесса наряду с адвокатом общественного защитника объясняет в настоящей рукописи ограничение исследования именно рамками досудебного производства². Вместе с тем, положения ч. 3 указанной нормы УПК РФ позволяют отсрочить момент обеспечения подвергнутого уголовному преследованию лица защитой, реализуемой адвокатом по заключенному с ним соглашению, не ущемляя при этом право подозреваемого (обвиняемого) в возможности выбора адвоката, которо-

му желает доверить обеспечение его защиты от уголовного преследования.

Безусловно, при назначении следователем либо дознавателем даты и времени производства следственных или иных процессуальных действий, необходимо учитывать возможную занятость защитника, приглашенного подозреваемым (обвиняемым) или по его поручению, но не следует забывать и о недопустимости затягивания срока расследования преступления в следствии наличия к тому причин, которые не в каждом случае возможно отнести к уважительным. С. А. Гордейчик обоснованно относит случаи неявки защитника без уважительной причины к злоупотреблению правом с его стороны, хоть и рассуждая о допущении подобных фактов в ходе судебного разбирательства [1].

Возникает вопрос: «Предусмотренный ч. 3 ст. 50 УПК РФ срок допустимой неявки защитника к назначенному следователем (дознавателем) времени для участия в производстве следственного или иного процессуального действия – это привилегия стороны защиты или препятствие обеспечения права на защиту подвергнутого уголовному преследованию лица?»

В рассуждениях нами не рассматриваются случаи отказа подозреваемого (обвиняемого) от участия по делу защитника в силу закрепленного в ст. 16 УПК РФ права, при отсут-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Российская газета. № 249. 22 декабря 2001 год; Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.12.2022.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – Сентябрь, 2015 г. – № 9.

ствии указанных в ч. 1 ст. 51 УПК РФ условий обязательного участия защитника.

Так, разбираясь детально по существу назревшего вопроса, прежде обратим внимание на положения ч. 4 ст. 50 УПК РФ, предусматривающие срок обязательной явки приглашенного защитника, сокращенный в пять раз, но с существенным ограничением условий, обязывающих защитника по соглашению явкой для обеспечения защиты подвергнутого уголовному преследованию лица. В частности, явка защитника в течение 24 часов должна обеспечиваться при задержании подозреваемого или в случае заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу, при этом, если следовать буквальному толкованию нормы, исчисляемых с момента задержания или заключения под стражу соответственно. Вот только, во-первых, согласно п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ право на защиту возникает с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, а во-вторых, положения ст. 108 УПК РФ, раскрывающие основания и порядок рассмотрения судом ходатайства органов предварительного расследования об избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражу, в части порядка рассмотрения вопроса об избрании указанной меры пресечения, имеют свое распространение и на менее строгие меры пресечения, предусмотренные ст.ст. 105.1, 106 и 107 УПК РФ, однако, что представляется не логичным, в ст. 50 УПК РФ законодатель не распространяет условия необходимой явки защитника по соглашению в срок, не превышающий 24 часа, неявка которого порождает возможность назначения защитника непосредственно по истечении суток с предусмотренных ч. 4 ст. 50 УПК РФ моментов на такие, избираемые исключительно судом меры пресечения, как: запрет определенных действий, залог и домашний арест. Кроме того, и избрание в отношении подозреваемого не требующих судебного разрешения мер пресечения, не должно выходить за пределы условий, закрепленных в ч. 4 ст. 50 УПК РФ.

Таким образом, положения ст. 50 УПК РФ с одной стороны не согласуются с п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, а также рядом иных положений ч. 3 ст. 49 УПК РФ, с другой, не обязывают в течении 5 суток к обеспечению посредством предоставляемой защитником квалифицированной юридической помощи защиты подозреваемого (обвиняемого), который не подвергался задержанию и применению в его отношении меры пресечения в виде заключения под стражу, но вместе с тем и от защитника не отказался.

Кроме того, обратим внимание на процессуальные сроки первой стадии уголовного судопроизводства, первоначальный из которых составляет 3 суток. Таким образом, если на первой стадии процесса лицо, в отношении которого инициировано осуществление определяемых п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ процессуальных действий без фактического его задержания, требования ч. 4 ст. 50 УПК РФ на приглашенного защитника не распространяются, а предоставленная ч. 3 ст. 50 УПК РФ защитнику возможность явиться в течении 5 суток, может привести к неоправданной необходимости продления срока проверки сообщения о преступлении, что, заметим, не является основанием продления либо может явиться

следствием производства процессуальных действий в отношении фактически подвергнутого уголовному преследованию лица без участия приглашенного защитника, поскольку назначение защитника на первой стадии затруднительно в следствии препятствий, обусловленных несовершенством автоматизированной системы, обеспечивающей назначение адвоката, как единственно допустимого на сегодняшний день способа его назначения³, и ввиду отсутствия разработанного алгоритма действий, направленных на обеспечение участия защитника на первой стадии уголовного судопроизводства.

Указанный в анализируемой ч. 3 ст. 50 УПК РФ срок нельзя признать оправданным даже для расследования преступления в форме предварительного следствия, поскольку, например, положения ст. 172 УПК РФ обязывают не превышая 3-х суток с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинение предъявить, и если защитник не вступил в дело ранее, необходимость его участия при предъявлении обвинения возникает с предусмотренного п. 1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ момента. Согласимся, на определенную дату вызова для участия при производстве следственных или иных процессуальных действий с участием подзащитного, защитник может быть занят в связи с участием в производстве по другому уголовному делу. Но срок, составляющий 5 суток, образует рабочую неделю без учета выходных дней. Таким образом считаем, что в случае, когда защита не намерена затягивать процесс расследования по уголовному делу, выбрать и согласовать время участия в запланированном к производству следственным или ином процессуальном действии с участием подзащитного, в течении даже 3-х суток не столь затруднительно. Изложенное нами связывается с обязанностью адвоката, принявшего на себя обязательство защиты, честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя⁴, а равно с недопустимостью со стороны адвоката принимать поручение на обеспечение защиты, если его исполнение создает препятствия к исполнению ранее принятого им поручения⁵.

Таким образом, предусмотренный ч. 3 ст. 50 УПК РФ срок, составляющий 5 суток, предоставленный защитнику для явки по приглашению, как нам представляется, не поддается никакой логике и в большинстве случаев, при фактической неявке защитника в течении указанного периода или его явки к моменту завершения 5-и суток, может привести к

3 Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве. Утвержден решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года (протокол № 4) (в ред. изм. от 18.02.2021 г. (протокол № 21), вступивших в силу с 01.03.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-appointment-of-lawyers-as-defenders-in-criminal-proceedings/>

4 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с изм. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ от 2002 г. 10 июня. – № 23. – Ст. 2102.

5 Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изм. и доп. на 15.04.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>

нарушению процессуальных сроков, предусмотренных иными положениями УПК РФ, и даже расцениваться как злоупотребление правом со стороны защиты.

Недопустим в правоприменительной практике подобное злоупотребление считаем возможно посредством внесения изменений в ст. 50 УПК РФ, сократив срок, в течении которого приглашенный подозреваемый (обвиняемый) или по поручению указанных участников процесса защитник обязан явиться по вызову следователя, дознавателя в срок, не превышающий 3-х суток. В случае приглашения/назначения защитника на стадии возбуждения уголовного дела и первоначальном этапе расследования преступления, который применительно ко второму из указанных моменту логично обозначить рамками в 10 суток, считаем оправданным закрепить в анализируемой норме обязанность явки защитника в максимально короткий срок, не превышающий 24 часа. В частности, представляется нам, что составляющий 24 часа срок выступает предельным для признания его оправданным в целях обеспечения права на защиту на первой стадии уголовного процесса в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, поскольку предусмотренный ч. 1 ст. 144 УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении не может находиться в зависимости от явки адвоката для обеспечения защиты.

В ходе сравнительно-правового исследования анализируемых в рукописи норм УПК РФ с теми же по сути положениями, предусмотренными Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК РБ)⁶, в основу которого заложена схожая с УПК РФ модель уголовного судопроизводства, нами установлено, что выступающий предельным для явки защитника с целью участия совместно с подзащитным в следственных и (или) иных процессуальных действиях срок в 3-е суток предусмотрен ч. 2 ст. 46 УПК РБ, особо при этом отметим, что срок, составляющий 3-е суток, допустим лишь при невозможности явки защитника, на участие в деле которого настаивает подозреваемый, обвиняемый. Во всех остальных случаях, не ограничивая их задержанием подозреваемого или избранием в его отношении меры пресечения, предельный срок неявки защитника, позволяющий при его превышении, обеспечить участие защитника по назначению, составляет 24 часа. Изложенное считаем положительным опытом, который может быть заимствован в целях совершенствования порядка участия защитника в уголовном судопроизводстве РФ основным предназначением которого выступает обеспечение правовой защиты фактически подвергнутого уголовному преследованию лица, но при этом не отступаем от вышеизложенной позиции об оправданности закрепления в ст. 50 УПК РФ требования о необходимости явки приглашенного защитника в максимально короткий срок, не превышающий 24 часа.

Превышение предложенного нами предельного срока явки защитника, составляющего 3-е суток, считаем допустимым только по письменному ходатайству защитника и лишь в случае, который не приведет к неоправданному за-

тягиванию срока расследования преступления и переносу производства следственных и (или) иных процессуальных действий, влекущих за собой необходимость ходатайствовать о продлении срока расследования преступления и (или) срока применения в отношении подвергнутого уголовному преследованию лица меры уголовно-процессуального принуждения, а как следствие увеличению срока до обеспечения реализации закрепленного в ст. 6.1 УПК РФ принципа, в частности, права заинтересованных участников процесса на доступ к правосудию, в чем мы полностью солидарны с Е. А. Киселевым и К. А. Костенко [2].

Эффективность соблюдения предложенного нами сокращения предельного срока допустимой неявки защитника полагаем может быть достигнута посредством установления ответственности адвоката за неисполнение процессуальной обязанности без наличия уважительной на то причины, что в качестве идеи рассматривается в том числе и К. М. Баевой [3].

Пристатейный библиографический список

1. Гордейчик С. Злоупотребление правом на защиту // Законность. – 2006. – № 12 (866). – С. 6-8. – EDN KWLHNV.
2. Киселев Е. А., Костенко К. А. Неявка защитника как фактор, ограничивающий право обвиняемого на доступ к правосудию в разумный срок // Проблемы противодействия расследованию преступлений и пути их преодоления: Сборник материалов Межведомственного научно-практического семинара, Хабаровск, 25 мая 2017 года. – Хабаровск: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 49-52. – EDN ZDVBUJ.
3. Баева К. М. Нравственные начала уголовно-процессуальных методов противодействия злоупотреблению правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 4. – С. 79-86. – EDN WQRJJI.

6 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изм. от 20.07.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958.

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

ПЕТРОВА Татьяна Николаевна

следователь по особо важным делам отдела по расследованию ятрогенных преступлений управления по расследованию отдельных видов преступлений Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции

ЧИГРИНА Олеся Руслановна

аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОГОНЯ ЗА КОЛИЧЕСТВОМ ИЛИ КАЧЕСТВОМ?

Избирательность использования в доказывании результатов экспертной оценки ненадлежащего оказания медицинской помощи при расследовании ятрогенных преступлений в судебно-следственной практике стала предметом актуальных обсуждений правоприменителями.

Наличие в уголовном деле множества заключений комиссии экспертов по оценке одного и того же ятрогенного события в определенных случаях ставит суд и следственные органы перед необходимостью оценки таких доказательств и обоснованного выбора.

В статье приведен анализ причин назначения последующих комиссионных судебно-медицинских экспертиз дефектов оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: ненадлежащее оказание медицинской помощи, ятрогенные преступления, комиссия судебно-медицинская экспертиза дефектов медицинской помощи, оценка доказательств.

RASTOROV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

PETROVA Tatyana Nikolaevna

special investigator of the Department for the investigation of iatrogenic crimes of the Department for the investigation of certain types of crimes of the Main Investigation Department Investigative Committee of the Russian Federation, lieutenant colonel of justice

CHIGRINA Olesya Ruslanovna

postgraduate student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

EXPERT ASSESSMENT OF INADEQUATE MEDICAL CARE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE PURSUIT OF QUANTITY OR QUALITY?

The selectivity of using in proving the results of an expert assessment of improper provision of medical care in the investigation of iatrogenic crimes in forensic investigative practice has become the subject of topical discussions by law enforcers.

The presence in a criminal case of a plurality of conclusions of a commission of experts on the assessment of the same iatrogenic event in certain cases puts the court and investigating authorities in front of the need to evaluate such evidence and make a reasonable choice.

The article provides an analysis of the reasons for the appointment of subsequent commission forensic medical examinations of defects in the provision of medical care.

Keywords: improper provision of medical care, iatrogenic crimes, commission forensic examination of defects in medical care, evaluation of evidence.

Несомненные успехи современной медицины, вместе с тем, сопровождаются неискоренимыми случаями ненадлежащего оказания медицинской помощи. Новейший этап развития медицинской науки и техники, расширив пределы возможностей диагностики и лечения, вместе с тем, сопровождается ростом их осложнений, обусловленных дефектами оказания медицинской помощи и их последствиями. В этом заключается некий парадокс, когда прогресс и новейшие высокотехнологичные достижения (современная медицина), направленные во благо (лечение больного), причиняют больший вред, нежели мог наступить до подобных «прорывов» в медицине. Медицина, как никакая другая область знания, вобрала в себя все новейшие достижения из различных областей науки, создала высокоэффективные и в то же время довольно агрессивные лекарственные препараты, методики

диагностирования и лечения. Поэтому наряду со значимыми достижениями в области медицины значительно возросла и опасность причинения вреда пациенту в процессе оказания медицинской помощи.

О такой тенденции эксперт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Х. Б. Вуори высказался так «...Мировая медицина подошла к такому рубежу, когда любое обращение к врачу несет не только благо, но и риск потери здоровья и даже жизни...». Сам процесс неизбежно усложняется, расширяя тем самым не только границы «допустимого вреда» - осложнений, но и порождая новые и более сложные дефекты оказания медицинской помощи.

Разбирательство каждого факта, связанного с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, представляет очевидную сложность, связанную со спецификой медицинского

происшествия (клинического случая), когда выяснению подлежат сугубо профессиональные вопросы медицины. Неправильная правовая оценка медицинского происшествия может сильно подорвать и без того хрупкое доверие пациента к отдельному врачу или медицинской организации в целом, а в общем - дискредитировать авторитет медицинской профессии и медицинского сообщества в глазах граждан, что, к сожалению, наблюдается в современном обществе, приобретающая черты массового недоверия медицине. Ответное поведение медиков в таких условиях, как закономерное противодействие, уже получило название «оборонительной медицины».

В ходе расследования уголовных дел о ятрогенных преступлениях¹ посредством проведения экспертных исследований решаются вопросы оценки правильности оказания медицинской помощи по конкретному ятрогенному событию. Это вызывает необходимость привлечения в состав экспертной комиссии лиц, обладающих специальными познаниями в исследуемой отрасли медицины, причем не просто имеющих профильное медицинское образование, а профессионалов, врачей-клиницистов, обладающих обширными теоретическими знаниями по исследуемому вопросу, большим практическим опытом и знающих обычаи медицинской практики. Участие представителей профессионального медицинского сообщества в проведении экспертных исследований призвано обеспечивать компетентность и объективность оценки.

Особенностью судебно-медицинских экспертиз (далее – СМЭ) дефектов оказания медицинской помощи является комиссионный характер ее проведения. Согласно части 1 ст. 200 УПК РФ комиссионная судебная экспертиза производится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Практика показывает, что минимальный состав экспертной комиссии представлен тремя специалистами. Традиционно считается, что комиссионная экспертиза проводится в особо сложных случаях, требующих тщательной объективной оценки происшествия и выработки консолидированного научно и практически обоснованного ответа на поставленные экспертные вопросы. В зависимости от специфики медицинского происшествия при производстве одной экспертизы могут одновременно исследоваться несколько клинических профилей. В целях объективности в состав такой экспертной комиссии обязательно должны включаться специалисты по всем исследуемым клиническим профилям. В отдельных случаях при необходимости оценки в ходе производства экспертизы гистологического материала (прижизненного, посмертного), результатов параклинических методов диагностики (лабораторных, инструментальных – УЗИ, рентгенография, КТ, МРТ, ПЭТ и пр.), результатов санитарно-эпидемиологического расследования в состав комиссии экспертов могут привлекаться врачи-патологоанатомы (гистологи), врачи УЗИ диагностики, врачи-рентгенологи, врачи-клинические лаборанты, врачи-эпидемиологи, врачи-генетики, врачи-профпатологи т.д., а итоговый состав комиссии может составлять несколько десятков человек.

Задачами СМЭ при расследовании ятрогенных преступлений являются установление механизма происхождения неблагоприятного последствия оказания медицинской помощи, выявление дефектов ее оказания, установление связи между дефектами оказания медицинской помощи и их последствиями, соответствие действий медицинских работников обстоятельствам, в которых они совершались [3].

СМЭ дефектов оказания медицинской помощи в уголовном судопроизводстве помимо общеизвестных критериев оценки клинического случая (таких как причина смерти, степень тяжести причиненного вреда здоровью, дефекты оказания медицинской помощи, наличие и характер причинно-следственной связи между повреждениями и наступившими последствиями) должна установить:

– связь выявленного дефекта с профессиональной деятельностью конкретного специалиста (без установления

персоналии медицинского работника), которая подвергается экспертной оценке;

– возможность предотвращения наступившего неблагоприятного исхода при надлежащем исполнении медицинским работником своих профессиональных обязанностей (при исключении недобросовестного отношения к ним);

– возможность правильных и адекватных ситуации действий медиков, исходя из компетенции и уровня подготовки специалиста и материально-технического оснащения медицинского учреждения;

– комплексно оценить сложившуюся ситуацию для установления медицинских признаков невиновного причинения вреда, обоснованного медицинского риска, крайней необходимости при оказании медицинской помощи, иных факторов, влияющих на оценку ятрогенного события правоприменителем (позднее обращение за медицинской помощью, поведение самого пациента, атипичное течение (особенности) заболевания, его редкость (орфанные заболевания) и пр.;

– определение медицинской (физиологической, биологической) причинно-следственной связи и ее вида между заболеванием (состоянием) и наступившими последствиями также входит в обязанности судебно-медицинских экспертов.

Судебно-медицинские экспертизы по делам о профессиональных правонарушениях медицинских являются наиболее актуальными, сложными и трудоемкими видами практической деятельности судебно-медицинских экспертов [1]. Исходя из этого, длительные сроки производства данного вида экспертиз в экспертном сообществе считаются оправданными. С такой позицией вряд ли согласятся суды и следствие, ведь процессуальные сроки весьма ограничены и, главное, за время производства комиссионной СМЭ (как правило, не одной) истекает предусмотренный процессуальным законодательством срок давности уголовного преследования, так как для большинства ятрогенных преступлений как преступлений небольшой тяжести он ограничен двумя годами. На сегодняшний день сроки производства комиссионных СМЭ в государственных экспертных учреждениях составляют, в среднем, один год, но и это не предел с учетом очередности ожидания начала экспертных исследований, обусловленных высочайшей нагрузкой на судебно-медицинских экспертов отделов сложных экспертиз.

Сегодня в уголовных делах о ятрогенных преступлениях содержится не одно заключение комиссионной СМЭ. Таких заключений может быть два, три, пять... УПК РФ не ограничивает количество проводимых в ходе расследования экспертиз, а разнообразие экспертных учреждений создает возможность выбора места проведения, в том числе, с учетом мнения участников уголовного судопроизводства, поскольку они в соответствии с положениями части 1 ст. 198 УПК РФ наделены правом ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении. С чем связано такое множество экспертиз и всегда ли решение о назначении очередной СМЭ действительно вызвано необходимостью всестороннего расследования уголовного дела? Попробуем разобраться, когда же проведение нескольких экспертиз одного клинического случая необходимо и оправдано, а когда – излишне и нерационально. И есть ли связь между количеством и качеством экспертиз?

Свое мнение о множественных комиссионных экспертизах по ятрогенным преступлениям высказал и главный надзорный орган. По мнению прокуратуры по некоторым делам следователи необоснованно «назначают повторные комиссионные экспертизы для переоценки доказательств, что свидетельствует о предубежденности и предвзятости предварительного следствия», а длительность их проведения приводит к затягиванию сроков расследования и в результате к нарушению принципа, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ – осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок.

Такая позиция прокуратуры не голословна и, тем не менее, по уголовным делам о ятрогенных преступлениях есть немало фактических веских оснований для инициирования новых экспертных исследований.

1 Ятрогенные преступления – группа преступлений, объединенных общим признаком – совершенные медицинскими работниками при оказании медицинской помощи.

Для ответа на поставленные выше вопросы нужно проанализировать причины, которые заставляют следствие и суд ходить по «экспертному кругу». Говоря процессуальным языком – это основания для назначения экспертиз, только не формализованные (предусмотренные УПК РФ), а реальные причины, вытекающие из особенностей расследования ятрогенных преступлений. Анализ судебно-следственной практики показал, что принцип достаточности доказательств сегодня весьма размыт и скорее трансформировался в принцип «доказательств много не бывает». Это, в свою очередь, привело к нарушению так называемого «качественно-количественного баланса» экспертиз. Если раньше в экспертном сообществе считалось, что после качественно проведенной экспертизы не назначаются дополнительные или повторные, то сейчас это точно не показатель качества проведенных экспертных исследований и, заодно, эффективности работы экспертного учреждения. Тем не менее, в последнее время наблюдается очевидное снижение качества выполнения экспертиз.

Условно причины назначения последующих комиссионных КСМЭ дефектов оказания медицинской помощи можно разделить на внешние и внутренние. Так, к внешним причинам можно отнести следующие:

- этапность расследования – первичная и последующие экспертизы исследуют разный объем объектов и материалов, по мере продолжения расследования устанавливаются новые обстоятельства совершения преступления, которые могут существенно повлиять на содержание экспертных выводов. Первичная экспертиза априори не может учесть сразу все особенности клинического случая, так как они устанавливаются в ходе расследования. «Картина» события и объем исследуемых материалов первичной экспертизы может разительно отличаться от того, что будет исследовать комиссия позднее. Следовательно, последующее заключение будет более полным и всесторонним.

- ошибки субъекта назначения экспертиз (суда и следствия) – довольно распространенная на сегодняшний день причина повтора экспертиз. Такие ошибки могут быть весьма разнообразными, наиболее типичные из них – выбор ненадлежащего экспертного учреждения, скудный перечень вопросов на разрешение комиссии экспертов, не учитывающий отдельные нюансы ятрогенного события, игнорирование ходатайств экспертов, отсутствие взаимодействия с экспертами и пр.

- процессуальные нарушения – незнакомство участников судопроизводства в части касающейся с назначением и заключением эксперта, нарушение процедуры привлечения внештатных экспертов, неразъяснение прав и ответственности внештатным экспертам

- неверная тактика расследования – отработка только одной следственной версии, прочие вопросы не ставятся перед комиссией экспертов (и не выясняются в ходе экспертизы), а когда они неизбежно возникают при изменении следственной версии – выясняется, что ответы на них можно получить только экспертным путем. Это прямой путь к назначению дополнительной экспертизы.

Ко внутренним причинам можно отнести следующие:

- существенные противоречия (разногласия) в выводах ранее проведенных экспертиз. Необходимо третейское компетентное мнение и оно может быть получено только в результате нового полноценного экспертного исследования. Практике известны случаи диаметрально противоположной экспертной оценки одного и того же ятрогенного события при одинаковом наборе объектов исследования: одна комиссия не нашла дефектов оказания медицинской помощи пациентке с онкологическим заболеванием, кроме неправильного оформления медицинских документов, другая – посчитала, что пациентке в ходе операции необоснованно были удалены некоторые внутренние органы, что повлекло причинение тяжкого вреда ее здоровью. В данном случае назначение третьей комиссионной СМЭ является безусловной необходимостью.

- объективная сложность случая в оценке (неоднозначность клинической ситуации) – разные клинические специ-

алисты могут иметь собственное профессиональное мнение об одном ятрогенном событии, что отразится на содержании выводов. В медицине, как и в любой научной среде, возможен профессиональный диспут, разные клинические подходы и применяемые методы диагностики и лечения, несмотря на унифицированное нормативное регулирование.

- ошибки экспертов – отсутствие взаимодействия со следователем по вопросам предоставления дополнительных материалов для исследования, нарушение порядка привлечения внештатных экспертов или «самовольное» формирование состава экспертной комиссии, технические ошибки в заключении, необоснованность выводов, отсутствие их «нормативного» подкрепления, ответа не на все поставленные на разрешение комиссии вопросы и пр.

Стоит отметить, что некоторые вышеуказанные причины легко устранимы и относятся к, так называемым, управляемым факторам. Сюда можно отнести ошибки суда, следствия и экспертов при назначении и производстве экспертиз, процессуальные нарушения, неверную тактику расследования.

При таком разнообразном перечне причин для назначения последующих комиссионных СМЭ дефектов оказания медицинской помощи определяющим становится вопрос целесообразности или, по-другому, разумности, ведь каждая экспертиза – это время (процессуальные сроки), силы (нагрузка на экспертные учреждения) и средства (процессуальные издержки), затраченные на ее выполнение. Целесообразность назначения очередной экспертизы определяется главным критерием – оценкой доказательств! Следователь, как и суд, имеет право оценивать доказательства в соответствии со статьями 87, 88 УПК РФ на предмет относимости, достоверности и допустимости (и сопоставлять их с другими) и при наличии оснований может самостоятельно признать любое доказательство недопустимым, и заключение экспертов – не исключение.

Таким образом, установлены и систематизированы фактические причины назначения последующих комиссионных СМЭ дефектов оказания медицинской помощи при расследовании ятрогенных преступлений. Приведенный анализ причин имеет профилактическое значение и позволит правоприменителям исключить те из них, которые не связаны с объективными сложностями. Минимизация количества проведенных комиссионных экспертиз существенно сократит процессуальные сроки, что будет способствовать скорейшему достижению целей уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Ковалев А. В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М., 2017. – 32 с.
2. Петрова Т. Н. Судебно-медицинская экспертиза дефектов оказания медицинской помощи. – М., 2016. – 32 с.
3. Сашко С. Ю., Кочорова Л. В. Медицинское право: учебное пособие. – М., 2009. – 352 с.

СЕНЧЕНКО Сергей Константинович

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, адвокат Коллегии адвокатов Енисейской Сибири (Красноярский край)

К ВОПРОСУ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В представленной статье автор рассматривает вопрос связанности адвоката позицией доверителя в уголовном судопроизводстве. В статье анализируются случаи, когда адвокат вправе занять позицию, противоположную воле доверителя. Автором детально рассматриваются признаки самооговора как ситуации допустимости отступления от позиции доверителя. Опираясь на материалы судебной, а также дисциплинарной практики адвокатской палаты субъекта, автор выделяет ситуации, когда защитник вправе занять позицию, противоположную воле доверителя, несмотря на законодательный запрет. Также автором предлагаются пути решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: адвокат, защитник, позиция, самооговор, доверитель.

SENCHENKO Sergey Konstantinovich

postgraduate student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University, lawyer of the Bar Association of the Yenisei Siberia (Krasnoyarsk Krai)

ON THE QUESTION OF THE INDEPENDENCE OF A LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

In the presented article, the author examines the issue of the lawyer's connection with the position of the principal in criminal proceedings. The article analyzes cases when a lawyer has the right to take a position contrary to the will of the principal. The author examines in detail the signs of self-incrimination as a situation of permissibility of deviation from the position of the principal. Based on the materials of the judicial, as well as disciplinary practice of the Chamber of Advocates of the subject, the author identifies situations when the defender has the right to take a position contrary to the will of the principal, despite the legislative prohibition. Also, the author suggests ways to solve the existing problems.

Keywords: lawyer, defender, position, self-incrimination, principal.

Сенченко С. К.

Согласно пп. 3 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ) и пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвокатов (далее – КПЭА), адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя.

Как следует из законодательной формулировки, только в ситуации убежденности адвоката в наличии самооговора, он может занять отличную от воли доверителя позицию. Таким образом, можно увидеть прямую связь между позицией адвоката и позицией своего доверителя.

Однако, в практической деятельности адвоката возникают случаи, когда он в силу своего профессионального долга не может разделить позицию своего подзащитного. В частности, это происходит тогда, когда доверитель, например, дает неправильную оценку своим действиям, соглашаясь с обвинением в более тяжком составе преступления. Или, когда подзащитный желает дать признательные показания, но адвокат понимает, что в силу определенных обстоятельств (состояние здоровья, усталость и т.д.) доверитель лишь навредит позиции защиты. Все, что может сделать адвокат – постараться убедить подзащитного в ошибочности таких действий. Но, тем не менее, если доверитель решит давать признательные показания, адвокат уже ничего не сможет с этим сделать.

В связи с этим возникает закономерный вопрос – не становится ли адвокат безвольным слугой своего доверителя?

Пункт 2 статьи 5 КПЭА говорит о том, что адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву до-

верия лично к нему или к адвокатуре. Но, не подрывает ли доверие к адвокатуре невозможность адвоката что-либо сделать, если он видит, что позиция его доверителя лишь усугубляет его положение? Естественно, речь не идет о случаях, когда подзащитный отрицает вину, а адвокат занимает противоположную позицию, считая, что так подзащитному будет назначено более мягкое наказание. Действительно, адвокат не должен задаваться вопросом о виновности своего подзащитного подвергать его показания сомнению. Речь идет о других случаях, когда подзащитный сознается в совершении более тяжкого преступления или желает дать показания без предварительной подготовки к допросу с адвокатом. Ведь и в приведенных случаях адвокат вынужден идти на поводу у подзащитного.

Конечно, действующее законодательство предусматривает возможность адвоката вносить замечания и делать заявления в протоколе следственного действия, а также заявлять различного рода ходатайства и подавать жалобы. Но окажут ли указанные процессуальные средства должный эффект и не будет ли это противоречить КПЭА? Полагаю, что указанные действия не приведут к желаемому результату.

Из-за оценочных и строгих формулировок закона и КПЭА, отсутствия соответствующих разъяснений, многие адвокаты действуют осторожно, опасаясь дисциплинарной ответственности и нарушения этических норм, что, в свою очередь, на наш взгляд не соответствует задачам адвокатуры.

В этой связи возникает вопрос, действительно ли только в рассматриваемом случае адвокат может занять иную позицию?

Ответ на этот вопрос, следует начать с выяснения тех обстоятельств, какие позиции существуют при рассмотрении положения о самостоятельности защитника.

На вопрос о самостоятельности позиции защитника по отношению к позиции подзащитного в науке выделяется две точки зрения [5, с. 365-366]. Согласно первой точке зрения, защитник – это представитель обвиняемого и, соответственно, не может занять какую-либо иную точку зрения. Следуя второй точке зрения, защитник является самостоятельным участником процесса, не связанным отношениями представительства с подзащитным. Также есть и еще одна позиция, согласно которой защитник является представителем особого рода. Именно последней позиции мы и придерживаемся, поскольку, с одной стороны, действительно, доверитель может отказаться от защитника, выбрать позицию, с другой стороны, стратегию и тактику защиты в рамках конкретной позиции адвокат выбирает самостоятельно, поэтому говорить об однозначной зависимости защитника от подзащитного не приходится.

Теперь перейдем непосредственно к ситуациям, когда адвокат вправе занять позицию, отличную от доверителя.

Как было отмечено выше, только в одном случае адвокат может занять позицию противоположную воли доверителя, а именно убеждению в наличии самоговора со стороны доверителя.

Однако, раскрытия содержания понятия «самоговор» ни в одном нормативном акте не имеется. Более того, может возникнуть ситуация, когда защитник, будучи уверенным в наличии самоговора, занимает позицию, противоположную воли его доверителя, а в итоге суд постановляет обвинительный приговор. Исходя из этого непонятно, что является самоговором и достаточно ли личной убежденности адвоката в его наличии или необходимо, чтобы суд постановил оправдательный приговор.

Толковый словарь С. И. Ожегова под самоговором понимает «ложное обвинение самого себя, взятие на себя чужой вины» [7].

Словарь психиатрических терминов В. М. Блейхера определяет самоговор как «приписывание себе не совершенных проступков и преступлений» [4].

В Большом юридическом словаре самоговор понимается как «заведомо ложные показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, данные с целью убедить органы предварительного расследования и суд в том, что именно им совершено преступление, чего в действительности не было».

Можно привести несколько определений самоговора, содержащихся в юридической литературе.

Так, В. Лоер трактует самоговор как заведомо ложные показания подозреваемого (обвиняемого) по поводу своей мнимой причастности к совершенному либо несовершенно совершенному преступлению [6]. О. В. Синеокий определяет самоговор как «признание подсудимым своей вины в совершении уголовно наказуемого деяния, которое в действительности он не совершал» [8].

К признакам самоговора, по мнению В. Лоера [6], относятся:

1. Получение достоверных данных, исключающих возможность совершения преступления конкретным лицом;
2. Обнаружение доказательств, ставящих под сомнение правдивость показаний подозреваемого или обвиняемого о совершенном им преступлении.
3. Факт отказа подозреваемого или обвиняемого от ранее данных показаний о своей причастности к преступлению.

Рассматривая вопрос о самостоятельности защитника, нельзя оставить без внимания позицию Верховного суда РФ, изложенную в Определении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 66-АПУ14-58 [1]. В приведенном деле подсудимый признавал свою вину в содеянном и не отрицал фактических обстоятельств совершенного им преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Защитник же придерживалась позиции, что даже при условии признания осужденным своей вины его действия должны быть квалифицированы по закону о менее тяжком преступлении, а именно по ст. 135 УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание. Судебная коллегия констатировала отсутствие в действиях защитника нарушений ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и права подсудимого на защиту.

Таким образом, по мнению Верховного суда РФ, если защитник занимает позицию, противоположную воли его доверителя в части квалификации действий подзащитного в благоприятную для него сторону, такие действия не являются нарушением этических норм.

Является ли подобная ситуация самоговором? Ведь, фактически лицо не отрицает, что совершило преступление, но в силу отсутствия специальных познаний в области юриспруденции дает своим действиям неверную правовую квалификацию.

Исходя из изложенного, ошибка обвиняемым при определении своих действий не может рассматриваться как самоговор, поскольку лицо действительно совершило действия, в которых оно признается, но из-за правовой безграмотности не может дать им надлежащую оценку.

Тем не менее ситуация, когда адвокат занимает позицию отличную от доверителя в части квалификации характера действий, как указано ранее, он не может рассматриваться как нарушающий этические нормы адвокатуры.

Несколько, на наш взгляд, расходит позиция по вопросу самостоятельности адвоката у Адвокатской палаты Московской области, указавшей п. 11 Обзора дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за первое полугодие 2020 года [3] на нарушение этических норм действиях защитника, заявившего в судебном разбирательстве ходатайство об освобождении его от участия в деле в связи с расхождением его позиции с подзащитной. На наш взгляд, в данном случае имеет место нарушение, поскольку подобное ходатайство следует рассматривать как отказ от защиты (пп. 6 п. 4 ст. 6 ФЗ). Интерес в конкретной ситуации представляет позиция адвокатской палаты, согласно которой занять позицию, расходящуюся с позицией доверителя, адвокат не вправе независимо от своего согласия или несогласия с избранной подзащитной позицией. В таком случае, если доверитель дает неправильную оценку своим действиям, то адвокат должен поддержать такую позицию.

С такой позицией, по нашему мнению, согласиться не представляется возможным, поскольку в таком случае, адвокат превращается в безвольного слугу своего доверителя.

Интересный вывод по данному вопросу содержится в п. 12 Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики (по уголовным делам) № 3 (2021). Суд указывает на относительно самостоятельный статус адвоката в уголовном судопроизводстве и осуществляемая им деятельность должна соответствовать интересам подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) [2]. Таким образом, самостоятельность адвоката ограничена интересами подзащитного.

Однако возникает вопрос о том, что представляет собой интерес подзащитного. С точки зрения защиты, иная квалификация, а также заявление тех или иных ходатайств может соответствовать интересам подзащитного. Но, ни один адвокат не может однозначно предсказать последствия своих действий, поскольку разрешение заявленных ходатайств и жалоб является прерогативой соответствующих должностных лиц. В результате, может возникнуть ситуация, когда адвокат действовал, по его мнению, в интересах подзащитного, заняв по отдельным вопросам позицию отличную от доверителя, ухудшил положение подзащитного, а в дальнейшем был привлечен к дисциплинарной ответственности.

Исходя из всего вышеизложенного, можно выделить две ситуации, когда адвокат может занять позицию, противоположную воле доверителя. Во-первых, при наличии самооговора так, как этого требует закон. По нашему мнению, для этого достаточно лишь внутреннего убеждения защитника. Во-вторых, когда такая ситуация продиктована интересами подзащитного. И в данном случае корректировка позиции защиты должна оставаться за адвокатом.

Чтобы не допустить злоупотребления в данной части со стороны адвоката, мы считаем необходимым обратить внимание на следующее. Недопустимо занимать позицию противоположную воли доверителя *in de-favorem* (в сторону, ухудшающую положение подзащитного). Однако, в случае, если позиция направлена *in fa-vorem* (в пользу подзащитного), то подобные действия защитника нельзя рассматривать как нарушающие КПЭА. В данном случае мы не имеем ввиду ситуации, когда подзащитный отрицает вину в совершении инкриминируемого ему деяния, а защитник, считая, что признание вины будет более благоприятным, занимает именно указанную позицию. Однако в тех случаях, когда подзащитный допускает ошибку в оценке своих действий, на наш взгляд, адвокат как лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь, может занять позицию, отличную от доверителя. Или возникает ситуация, когда, по мнению защитника, есть необходимость отложить производство того или иного следственного действия.

Подводя итог, мы считаем, что в целях разрешения проблемы самостоятельности защитника, Федеральная палата адвокатов должна дать официальные разъяснения, в которых должно быть раскрыто, что вкладывается в понятие «самооговор» и какие действия адвоката будут рассматриваться как совершенные в интересах подзащитного. Только официальные разъяснения устранят имеющиеся пробелы и ответят на вопрос: адвокат – слуга доверителя или нет?

Пристатейный библиографический список

1. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. N 66-АПУ14-58 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZAqLlvtA55L7Uvq7hiOmNkNWx00z_86WQ_J7y1KjOuca1zvOx8afikeKN_L_9hRXyKfCXte-y9rztvtsyP1bWp6pkX4LDojOix6MI/ (дата обращения: 16.12.2022).
2. Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики (по уголовным делам) № 3 (2021) (утвержден Президиумом Верховного Суда Чувашской Республики 19 июля 2021 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqx4rqMpPCavNO24r6bGvGio9C_4rjav-i_nOGC6Y6Q10G47f7ApZz8kfLbqMS5z7T487_wg-KO4739hg3iipKZ8aK17LL9vd2-y17itJsa8bTghuG54ozgu60= (дата обращения: 16.12.2022).

3. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за первое полугодие 2020 года от 01.09.2020 // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktikiadvokatskoy-palaty-moskovskoy-oblasti-za-pervoe-polugodie-2020-goda/?sphrase_id=131927 (дата обращения: 21.10.2022).
4. Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов // Академик. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychiatry.academic.ru/Самооговор> (дата обращения: 16.09.2022).
5. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н. Л. В. Головки.-2-е изд., испр. – М.: Статут, 2020. – 1280 с.
6. Лоер В. Криминалистика // Институт экономики и права Ивана Кушнера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://be5.biz/pravo/k015/29.html#3> (дата обращения: 20.09.2022).
7. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова // Академик. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/212834> (дата обращения: 16.09.2022).
8. Синецкий О. В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты // Lib.Sale. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.sale/advokatura_besplatno/loj-samoogovor-prinujdenie-priznaniyu-vzglyad-61124.html (дата обращения: 21.09.2022).

БАЖАНОВ Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ЖИЛЯЕВ Рустам Мухамедович

кандидат юридических наук, начальник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЧИСЛЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА КРАЖУ И МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

По инициативе Верховного Суда РФ в 2016 г. законодателем приняты изменения в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, которые вывели из-под действия уголовного закона ряд преступлений небольшой и средней тяжести. В частности, кража, совершенная на сумму менее 2,5 тыс. рублей, была переведена в разряд административного правонарушения (мелкое хищение). Ожидалось, что вышеуказанные изменения позволят сократить количество граждан, попавших под уголовное преследование за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, примерно на 200 тыс. человек ежегодно. В данной статье автор на основе анализа статистических данных, полученных в ходе научных исследований, из форм статистического наблюдения органов государственной власти и судов и иных источников, привел практику применения одной из статей (ст. 158.1 УК РФ), попавших под действие рассматриваемых изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство с 2016 г. по настоящее время.

Ключевые слова: кража, либерализация и гуманизация уголовной политики, мелкое хищение, осужденные, декриминализация, изменение численности.

BAZHANOV Sergey Andreevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Department for Improving the Regulatory Regulation of the Activities of the Penal Enforcement System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal Enforcement System of the Federal State Institution of the FPS of Russia

ZHILYAEV Rustam Mukhamedovich

Ph.D. in Law, Head of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of Execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF CHANGING THE NUMBER OF CONVICTS FOR THEFT AND PETTY THEFT COMMITTED BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

On the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation, in 2016 the legislator adopted amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by Federal Law No. 323-FZ of July 3, 2016, which removed a number of crimes of small and medium gravity from the scope of the criminal law. In particular, theft, committed in the amount of less than 2.5 thousand rubles, was transferred to the category of an administrative offense (petty theft). It was expected that the above changes would reduce the number of citizens prosecuted for crimes of small and medium gravity by about 200 thousand people annually. In this article, the author, based on the analysis of statistical data obtained in the course of scientific research, from the forms of statistical observation of state authorities and courts and other sources, cited the practice of applying one of the articles (Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) that fell under the considered changes in criminal and criminal procedure law from 2016 to the present.

Keywords: theft, liberalization and humanization of criminal policy, petty theft, convicts, decriminalization, change in the number.

Социально-экономические потрясения, произошедшие в стране в 90-х годах прошлого века и вначале 2000-х, привели к росту преступности в государстве и соответственно «тюремного населения». По мнению М. Е.

Поповой, численность граждан, находившихся «в местах не столь отдаленных», достигала в «лихие 90-е» примерно 15 миллионов [1]. Ситуацию удалось изменить в 2000-е годы благодаря взвешенной политике по гуманизации

Бажанов С. А.

Жиляев Р. М.

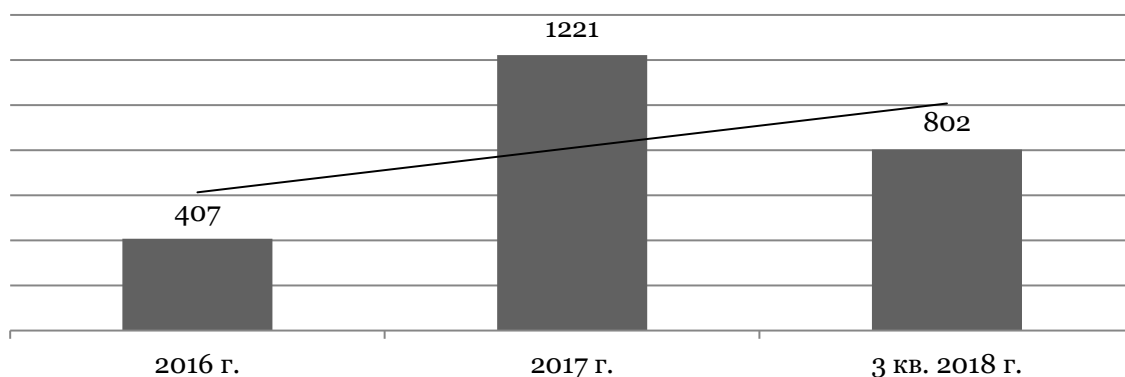

Рисунок 1. Сведения о численности лиц, освобожденных из мест лишения свободы в 2016-2017 гг. и 3 квартале 2018 г., в связи с декриминализацией ч. 1 ст. 158 УК РФ

уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Так, Правительством РФ были утверждены «Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. (распоряжение от 14.10.2010 № 1772-р)», «Государственная программа Российской Федерации «Юстиция» (постановление от 15.04.2014 № 312)», предусматривающие совершенствование уголовной и уголовно-исполнительной политики, создание условий для постепенного снижения количества осужденных, расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы и т.д. Вполне логичным продолжением реформ стало принятие поправок законодательство, в соответствии с которыми в Уголовный кодекс РФ были введены альтернативное лишению свободы наказание в виде принудительных работ (Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ), основание освобождения от уголовной ответственности в виде судебного штрафа, декриминализировано ряд составов преступлений небольшой и средней тяжести (Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ), изменен порядок зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей (Федеральным законом от 03.07.2018 № 186-ФЗ) и т.д.

Настоящая статья посвящена дальнейшей судьбе некогда самой «народной статье» Уголовного кодекса РФ – «Кража», попавшей под действие Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ, а именно ее первой части, которая при наличии ущерба менее 2,5 тыс. рублей была переведена в категорию административного правонарушения – «Мелкое хищение». Тем не менее, законодатель счел возможным ввести уголовную ответственность за повторное мелкое хищение, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ).

Так, до принятия рассматриваемых поправок, как следует из форм статистического наблюдения пенитенциарного ведомства, в 2015 г. в исправительных учреждениях (далее – ИУ) отбывало наказание в виде лишения свободы более 6,6 тыс. граждан, из них более 1 тыс. впервые осужденных [2]. После вступления в силу изменений в уголовное законодательство, внесенных Федеральным законом от 03.07.2018 № 186-ФЗ, как показало научное ис-

следование, проводившееся Научно-исследовательским институтом ФСИН России в 2016-2018 гг. (далее – мониторинг), из ИУ было освобождено в 2016-2017 гг. и 3 квартал 2018 г. в общей сложности 2430 осужденных, отбывавших наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ (рисунок 1) [3].

Увеличение нижнего предела суммы ущерба по ч. 1 ст. 158 УК РФ, с одной стороны, безусловно, позволило сократить количество осужденных, содержащихся в ИУ, за кражу без квалифицирующих признаков с 6,5 тыс. в 2015 г. до 4,9 тыс. в 2022 г., но с другой стороны, привело к росту числа лиц, поставленных на учет уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) за совершение преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», с 3,3 тыс. в 2018 г. до 5,8 тыс. в 2022 г. (таблица 1) [2], [4].

Статистические данные, представленные в таблице, позволяют говорить о четко прослеживающейся тенденции к ежегодному сокращению числа осужденных, отбывающих наказание в ИУ за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ. Здесь следует согласиться с мнением специалистов, которые объясняют данное обстоятельство двумя причинами. Во-первых, гуманизацией уголовной политики и соответствующей отрасли законодательства. Во-вторых, как следствие, или одна из основных составляющих гуманизации – расширением сферы применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы [5].

Тем не менее, дальнейший анализ массива статистической информации по теме исследования показал, что в 2016, 2017, 2020, 2021 и 2022 гг. за совершение мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию, в общей сложности было осуждено к реальному лишению свободы более 4 тыс. человек, а заключено под стражу на время следствия и суда в 2016, 2017, 2020, 2021 и 2022 гг. более 1,3 тыс. подозреваемых и обвиняемых [2], [3]. Факт назначения данной категории правонарушителей столь сурового наказания и избрание наиболее строгой меры пресечения, предусмотренной российским уголовно-процессуальным законодатель-

Таблица 1. Сведения о количестве осужденных за совершение преступлений, предусмотренных статьями 158 ч. 1 и ст. 158.1 УК РФ по годам

Период	Количество осужденных, отбывавших наказание в УИ за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ	Количество осужденных по ст. 158.1 УК РФ, поставленных на учет УИИ
2015 г.	6653	–
2016 г.	6252	–
2017 г.	6107	–
2018 г.	6273	3334
2019 г.	5748	3604
2020 г.	5075	4152
2021 г.	4954	5171
2022 г.	4906	5811

ством, можно объяснить преобладанием среди них лиц из неблагополучных социально уязвимых групп (безработных, без определенного места жительства и рода занятий, злоупотребляющих алкоголем, наркозависимых, ведущих асоциальный паразитический образ жизни), исправление которых без изоляции от общества не возможно, что позволяет с высокой вероятностью предполагать дальнейший ежегодный рост их числа.

Пристатейный библиографический список

1. Попова М. Е. Обязательные работы как вид уголовного наказания: проблемы назначения // Марийский юридический вестник. - 2017. - № 2 (21). - С. 14-20.
2. Отчет ФСИН России «Отчет о численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы по статьям уголовного кодекса Российской Федерации» за 2015-2022 гг. [Электронный ресурс] // Доступ из автоматиз.-информационной системы «Статистика УИС» (дата обращения: 21.12.2022). Жиляев Р. М., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. Прогноз (мониторинг) количества лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, на краткосрочную перспективу, среднесрочную перспективу и долгосрочную перспективу. Аналитический материал. - М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2018. - 38 с.
3. Отчет ФСИН России «Деятельность уголовно-исполнительных инспекций. ФСИН-16. Раздел 01. Сведения о криминогенном составе лиц, состоявших на учете УИИ (филиалов УИИ) и совершивших преступления после постановки на учет» за 2015-2022 гг. [Электронный ресурс] // Доступ из автоматиз.-информационной системы «Статистика УИС» (дата обращения: 21.12.2022).
4. Жиляев Р. М., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. К вопросу об изменении численности лиц, находящихся в местах лишения свободы, в связи с гуманизацией уголовного законодательства Российской Федерации (по результатам мониторинга 2016-2018 годов) // Ведомости УИС. - 2019. - № 6 (205). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izmenenii-chislennosti-lits-nahodyaschihsya-v-mestah-lisheniya-svobody-v-svyazi-s-gumanizatsiey-ugolovnogozakonodatelstva> (дата обращения: 21.12.2022).

ГАМЗАТОВА Марьям Магомедовна

магистрант 2 года обучения Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

КУХТЯЕВА Елена Алексеевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ К ОСУЖДЁННЫМ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ

Из данной статьи можно узнать о современных проблемах исправления осужденных, как вида воспитательного процесса. Применение государственного принуждения и обеспечение законных прав, свобод или интересов осужденного – это воспитательные процессы. Следует отметить, что основанием для применения названных мер к осужденным является приговор суда, который вступил в силу. Основная цель наказания – исправить осужденного и возложить ее на органы исполнения наказаний.

Статья описывает различия между порядком и условиями отбывания наказания, применением средств правовой защиты.

Ключевые слова: осужденный, исправления осужденных, наказание, отбывание наказаний, воспитательный процесс.

GAMZATOVA Maryam Magomedovna

magister student of the 2nd year of study of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

KUKHTYAEVA Elena Alexeevna

senior lecturer of Criminal law and process sub-faculty of the North-Caucasian Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

THE CONCEPT AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF CORRECTIVE MEASURES TO CONVICTS

The article deals with the issues of correction of convicts as a special type of educational process. Educational processes taking place in conditions of the use of measures of state coercion, as well as ensuring the legitimate rights, freedoms and interests of convicts. The basis for the application of corrective measures to convicts is only a court verdict that has entered into legal force. Correction of convicted persons is entrusted to state institutions and bodies of execution of punishments.

The article distinguishes between the procedure and conditions of serving a sentence and the use of legal remedies.

Keywords: convict, corrections of convicts, punishment, serving sentences, educational process.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 и ч. 2 ст. 9 УИК РФ, где установлены общие начала исполнения наказаний, установлено, что исправление осуществляется посредством установления определенного порядка. Так же установлены условия исполнения и отбывания наказаний и применения средств исправления осужденных. Деятельность органов ФСИН и других органов, на которые возложена функция исполнения наказаний урегулирована действующим законодательством.

Необходимо отметить, что так же методом исправления УИК РФ и УК РФ называет процедуру освобождения от наказаний, а случаях предусмотренных УК РФ, а так же устанавливает процедуру поддержки лицам, освобожденным от наказания.

Отметим, что УИК РФ называет основные средства исправления осужденных, что можно считать особым видом воспитательного процесса. К ним можно отнести:

- установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим),
- воспитательная работа,
- общественно полезный труд,
- получение общего образования,
- профессиональное обучение
- общественное воздействие.

Как комплекс средств исправительного характера, исправление осужденных, представляет собой особый вид воспитательного процесса. Он осуществляется по средствам исполнения приговора и, как следствие опосредован применением мер принуждения со стороны государства. С другой стороны эти меры ограничивают права и законные интересы человека и гражданина, осужденного к лишению свободы. Так же необходимо понимать, что такие ограничения не являются частью воспитательного процесса. Объем и характер средств исправления зависят от вида и содержания избранного наказания.

Гамзатова М. М.

Кухтяева Е. А.

С учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, а так же личности осужденного и его поведения выбирают средства исправления, в соответствии с частью 3 статьи 9 УИК РФ.

В полном объеме средства исправления применяются к тем осужденным, которым назначено наказание в виде лишения свободы. А вот к лицам, которым назначены другие наказания средства исправления могут применяться частично.

Так же необходимо сказать и о специальных наказаниях. При их реализации помимо общих мер воспитания, применяются и специальные. Например, при реализации наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части, помимо общих средств исправления, применяются еще и методы воинского воспитания.

Таким образом, характеристику и содержание такого фактора, как исправительное воздействие, необходимо изучать относительно конкретного наказания [1, С. 56].

На основании того, как мы говорим о заключении лица в места лишения свободы и его действиях по отношению к лицам из числа осужденных. Эти люди, чаще всего представляют наибольшую опасность для общества и находятся в социальной изоляции и обычно совершают преступления тяжкие и особо опасные. Реже преступления средней тяжести.

В соответствии со статьей 7 УИК РФ, основанием для применения исправительных мер к осужденным является вступивший в силу приговор суда. Поэтому, исправление осужденных возложено на госорганы и органы власти для осуществления наказания. Это необходимо для того, чтобы осужденные могли участвовать в воспитательной работе.

Нужно учитывать то, что уголовно-исполнительное законодательство разграничивает порядок и условия отбывания наказания.

Часть 1 ст. 82 УК РФ определяет основные элементы режима, но не включает в себя труд осужденных, воспитательную работу и обучение. В других главах уголовного кодекса содержатся вопросы, которые имеют отношение к уголовному праву.

Из воспитательного процесса исключается наказание. Основной задачей является исправление осужденного. Ни в коем случае нельзя считать источником страданий воспитание. Правильное воспитание не должно лишать осужденных права на свободу и законные интересы, а также не должно нарушать их права и законные интересы. Необходимо проводить комплекс мер по предотвращению дальнейшего распространения криминальной обстановки в стране.

Кроме того, стоит отметить особенности исправления осужденных при назначении им наказания без лишения свободы и изоляции человека от общества. Это очень специфические наказания. Их составные элементы – это содержание режима.

В данном случае законодателем не используется понятие «режим». С нашей точки зрения, употребление такого понятия оправдано. Закон использует такие термины, как «порядок», и условия».

При определении режима необходимо обратить внимание на ряд элементов, которые не являются реализацией принудительных мер. Понимаем их как некие условия или правила, которые необходимо соблюдать. Положения правил внутреннего распорядка, которые предписывают осужденным бережно относиться к имуществу ИУ, содержать в чистоте жилые помещения или соблюдать правила личной гигиены. Необходимо отметить, что такие правила не установлены и не регулируются исполнительным законодательством. Они направлены на создание нормальных условий и не содержат в себе норм ограничений. Лишь нормы установления.

Так что мы можем сделать вывод, то понятие «наказание» и «принуждение-кара-режим» это не синонимы. Режим - это не только правила, которые обеспечивают наказание, но и правила, которые не содержат карательного элемента (правила внутреннего распорядка). Мы говорим о том, что режим – это понятие более широкое.

Теперь рассмотрим «режим» в широком смысле. «Режим» в этом смысле охватывает всю совокупность материальных и процедурных норм, которые регламентируют деятельность администрации учреждений и органов, на которые законом возложено исполнение наказания, обеспечивающих его реализацию, а также совокупность условий и правил отбывания уголовного наказания осужденными [2, С. 84].

Для того, что бы понять полностью этот термин, нам необходимо рассмотреть его с точки зрения выполняемых им функций. Режим, выполняет сразу несколько функций в уголовно-исполнительном праве. Функцию карательную, функцию воспитательную, функцию обеспечение социальной защиты, а так же социального контроля.

Карающая функция реализуется через установление системы правоограничений, применяемых в отношении осужденных во время отбывания наказания. Карательная функция реализует цели наказания, установленные судом.

Посредством реализации карательной функции органами исполняющими наказания осуществляется воспитательная деятельность. Эта деятельность должна быть направлена на поддержание благоприятных условий жительства и развития человека в местах лишения свободы. По установленному порядку осужденные должны следовать правилам режима, чтобы дисциплинировать и приучать к соблюдению правил. Эта функция не была предусмотрена в ч. 2 ст. 9 УПК, но ее влияние на ситуацию было очень велико. При всем этом мы считаем ее лишь одним из возможных вариантов реализации воспитательного процесса в школе. Так как воспитательная функция для подростков, совершивших преступление и отбывающих наказания в местах лишения свободы, можно сказать одна из главных задач, стоящих перед органами исполнения наказания.

Создав правовые средства для привлечения осужденных к труду, проводить воспитательные мероприятия, общеобразовательное и профессиональное обучение, в результате реализации обеспечивающей функции. Привлечение осужденных к труду, организация воспитатель-

ных мероприятий, работа общеобразовательных школ, профтехучилищ и курсов в местах лишения свободы. Так же проведение развлекательных мероприятий, для проведения досуга несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы. Также все эти правила содержатся в различных нормативных актах, которые были приняты им самостоятельно или совместно с другими ведомствами.

При этом в рамках режима осуществляется функция социального контроля. При контроле за поведением осужденных используются правила поведения, организация наблюдения и оценка действий на основе негативных или позитивно принятых санкций. Анализируется поведение осужденных, учитывается количество замечаний и другие факторы.

УИК РФ регулирует образование и профессиональное обучение осужденных с учетом законодательства об образовании. Именно в этом заключается воспитательная и образовательная функция УИДа. Этот вопрос также затрагивается и международными правовыми актами.

Для этого в разделе Минимальных стандартных правил содержатся специальные положения, которые касаются обращения с заключенными. Согласно ему, в п. 2 ст. 77 говорится о том что «образование заключенных должно быть как можно более тесно связано с существующей системой образования в стране».

Так как осужденные являлись основной формой наказания в уголовном праве, то труд осужденных являлся одним из основных способов их исправления. Однако, его роль в теории и на практике была преувеличена: исправительные учреждения рассматривались как основа для исправления осужденных; они воспринимались как промышленные предприятия с целью выполнения плана и получения прибыли. У многих осужденных нет работы из-за отсутствия работы, а безделье в такой среде становится криминогенным фактором.

Принудительный труд осужденных признан в международных договорах о правах человека и обращении с заключенными. Международный пакт о гражданских и политических правах не рассматривает принудительный труд, запрещенный международным сообществом. На работу в УИК РФ осужденные обязаны ходить добровольно.

Кроме того, международные акты и национальное уголовное право считают труд осужденных необходимым средством исправления их положения. Их обязательный характер не указывает на то, что это форма принудительного труда.

Исполнение приговора подробно и исчерпывающе регулируется нормами уголовного права. Процессуальный аспект так же детально регламентируется законодательством. Разумеется корректирующие действия, связанные с исполнением судебных решений и их выполнением в строго определенных пределах должны регулироваться законом. При этом они определяют допустимость использования определенных форм, метод и приемов обучения. При посещении и телефонном разговоре осужденных разрешены законы. Но порядок предоставления этих услуг строго регулируется внутренним распорядком пенитенци-

арных учреждений. Помимо этого нормы уголовного права активно влияют на организацию и проведение корректирующих действий.

В то же время педагогический процесс носит творческий характер, не терпит подчинения и требует самостоятельности воспитателей в выборе методов и приемов воспитания для осужденных. Каждый препарат имеет свое правовое регулирование и поэтому, в зависимости от его назначения, он может быть использован по-разному. Работа осужденных в наибольшей степени регулируется правовыми нормами, поскольку социально-экономические отношения и социальные отношения наиболее важны для жизни отбывающих наказание. Нормы трудового законодательства определяют обязанности осужденных к работе и порядок ее выполнения [1, С. 58].

Педагогическая работа с осужденными, общеобразовательная и профессиональная подготовка, общественное влияние, как правило, регулируются нормами уголовного права. Они определяют свои задачи, принципы, важнейшие направления и формы. Ограниченный объем правового регулирования использования этого средства правовой защиты предлагает необходимую свободу действий для применения методов психологии и педагогики. В целом закон определяет категории лиц, подлежащих обязательному образованию, порядок и условия освобождения осужденных от работ, связанных с подготовкой и сдачей экзаменов. Воспитательное воздействие на осужденных осуществляется при исполнении всех видов наказаний как правоохранительными органами, так и обществом в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Малинин В. Б., Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительное право. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Межрегиональный институт экономики и права, Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ООО «ВОЛТЕРС КЛУБЕР». 2009
2. Хаитжанов А. Уголовно-исполнительное право РФ. Учебное пособие. Пенза: ИИЦ ПГУ, 2006.
3. Казабекова В. А., Пономарев П. Г. Уголовно-исполнительное право России. М., 2003.

КЛОПОТЕНКО Александр Григорьевич

преподаватель кафедры физической подготовки и спорта психологического факультета Академии ФСИН России

КРАТКОСРОЧНЫЕ ВЫЕЗДЫ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛЫ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА

В статье рассматриваются проблемы законодательного закрепления и практической реализации института краткосрочных выездов осужденных к лишению свободы за пределы исправительного учреждения. Отмечается неполнота закрепления оснований для предоставления таких выездов осужденным. Авторами предлагается внесение изменений в диспозицию статьи 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), касающихся законодательного уточнения оснований предоставления рассматриваемого законного интереса осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: законные интересы, осужденные, выезды за пределы исправительного учреждения, лишение свободы.

KLOPOTENKO Alexander Grigorjevich

lecturer of Physical training and sports sub-faculty of the Psychological Faculty of the Academy of the FPS of Russia

SHORT-TERM VISITS OF CONVICTS OUTSIDE THE CORRECTIONAL INSTITUTION: PROBLEMS OF THE GROUNDS FOR THE REALIZATION OF LEGITIMATE INTEREST

The article deals with the problems of legislative consolidation and practical implementation of the institution of short-term visits of prisoners sentenced to imprisonment outside the correctional institution. The incompleteness of fixing the grounds for providing such visits to convicts is noted. The authors propose amendments to the disposition of Article 97 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation concerning the legislative clarification of the grounds for granting the considered legitimate interest of convicted persons to imprisonment.

Keywords: legitimate interests, convicts, trips outside the correctional institution, deprivation of liberty.

Краткосрочный выезд осужденного к лишению свободы за пределы исправительного учреждения предоставляется при наличии определенных в законе оснований. В отличие от института поощрений, основаниями предоставления рассматриваемой льготы являются не заслуги и одобряемое поведение осужденного, а обстоятельства, которым закон придает правовое значение. Социальная направленность данного института выражена в способствовании поддержания социально полезных связей осужденного и возможности его скорейшей ресоциализации. Кроме того, выезды за пределы исправительного учреждения позволяют смягчить режим отбывания наказания, что является одним из основных признаков правовой льготы [5, с. 272].

Положения статьи 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации регламентируют порядок предоставления осужденным к лишению свободы, выездов за пределы исправительных учреждений. Закон определяет круг лиц, которым могут быть предоставлены такие выезды, основания и порядок их предоставления. В уголовно-исполнительном законе предусматриваются два вида таких выездов – краткосрочные и длительные.

Краткосрочные выезды за пределы исправительных учреждений могут предоставляться осужденным по двум основаниям: в связи с исключительными личными обстоятельствами, и выезды для предварительного решения вопроса трудового и бытового устройства после освобождения. Законом предусмотрен срок таких выездов, который определен в количестве до семи суток, без учета времени, необходимого для проезда туда и обратно.

Под исключительными обстоятельствами в уголовно-исполнительном законе понимаются следующие факты:

1. Смерть или болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного.

2. Стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье.

Следует отметить, что какое-либо законодательное закрепление понятия «стихийное бедствие» отсутствует. В статье 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ стихийное бедствие упоминается как одна из причин возникновения чрезвычайной ситуации. Субъективно, под последним можно понимать какие-либо природные явления, наносящие ущерб жизни и здоровью людей, а также значительные материальные потери (наводнение, землетрясение, ураган, сель, цунами и др.) [3, с. 766]. Возникает вопрос, почему законодатель определяет основанием для краткосрочного выезда осужденного причинение ущерба именно в результате стихийного бедствия? Ведь причинение такого ущерба возможно и в результате иных обстоятельств (аварии, опасного природного явления, катастрофы и др.).

Так, к примеру, пожар, не относящийся к стихийному бедствию и способный нанести ущерб такой же значительный, а иной раз и гораздо больший, не является основанием для выезда осужденного за пределы исправительного учреждения.

Количество пожаров традиционно превышает количество произошедших природных чрезвычайных ситуаций. Однако при причинении вреда в результате пожара осужденный не имеет никаких законных оснований для выезда за пределы исправительного учреждения. На наш взгляд, законодатель, не учитывая в полной мере всех обстоятельств, способных нанести значительный ущерб осужденному или его семье, лишает осужденного возможности реализации своего законного интереса в полной мере. Для решения указанной проблемы, по нашему мнению, необходимо расширить за-

конодательное закрепление таких обстоятельств, выразив их как «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное происшествие».

Так же в пользу предложенной позиции следовало бы добавить, что законный интерес осужденного на отсрочку исполнения приговора в п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ подразумевает в качестве оснований такой отсрочки «...тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием...». Приведенная выдержка из нормы уголовно-процессуального закона наглядно показывает, что пожар учтен в качестве обстоятельства реализации законного интереса осужденного.

Помимо этого, следует отметить, что УИК РФ не содержит критериев определения значительности ущерба и возлагает определение этого оценочного понятия на органы внутренних дел по месту жительства осужденного. При оценке величины ущерба должны учитываться стоимость поврежденного и уничтоженного имущества, его количество и значимость для осужденного или его семьи, материальное положение, наличие иждивенцев и т.д. [4, с. 350].

Предварительное решение вопросов трудового и бытового устройства осужденного после освобождения также входит в перечень оснований для предоставления краткосрочного выезда за пределы исправительного учреждения осужденных к лишению свободы.

Однако в законе не конкретизирован перечень решаемых вопросов, закреплена лишь их направленность, выраженная в трудовом и бытовом устройстве осужденного. Ведущие ученые-пенитенциаристы едины во мнении, что такой перечень должен быть указан в уголовно-исполнительном законе достаточно подробно [2, с. 66].

В то же время, факт того, что перечень личных обстоятельств является закрытым, существенно ограничивает осужденных в реализации своих прав и законных интересов, не позволяет ощутимым образом участвовать в жизни своей семьи. Рассматривая данную проблему, Л. И. Геманенко считает, что необходимо обратить особое внимание на указанную норму и расширить перечень личных обстоятельств для предоставления осужденным законного интереса на краткосрочный выезд за пределы исправительного учреждения. Автор предлагает включить в перечень личных обстоятельств такие юридические факты как защита гражданских прав, бракосочетание, процесс принятия наследства, рождение ребенка [1, с. 42].

Схожей позиции придерживается Ю. А. Кашуба, который предлагает, что к таким личным обстоятельствам могут относиться:

– семейные: заключение брака, рождение ребенка, решение вопросов, связанных с опекой, попечительством или иными гражданскими правами;

– гражданско-правовые: принятие либо передача наследства, защита имущественных, авторских и других прав [2, с. 66].

Представленные позиции достаточно интересны и несут в себе актуальные предложения: с одной стороны, они несут в себе достаточный ресоциализационный потенциал, а с другой, упростят работу социальных служб, связанных с организацией решения представленных семейных и гражданско-правовых правоотношений при нахождении осужденного в изоляции.

При этом, следует отметить, что несмотря на предлагаемое расширение и уточнение перечня обстоятельств, являю-

щихся основаниями для предоставления краткосрочного выезда за пределы исправительного учреждения, законодателю следует оставить рассматриваемый институт в виде законного интереса осужденного, а не закреплять указанные нормы в виде субъективного права. В виду того, что в противном случае могут участиться случаи злоупотребления правом со стороны осужденных, правоприменителем должен оцениваться и учитываться, наряду с характеризующими материалами, весь перечень критериев, подлежащих оценке при реализации законных интересов осужденных к лишению свободы.

Подводя итог, мы считаем целесообразным отразить следующие ключевые выводы:

– для устранения недостатка в статье 97 УИК, на наш взгляд, следует в пункте «а» части 1 статьи 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации слова «стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье» заменить словами «чрезвычайная ситуация, а также чрезвычайное происшествие, причинившие значительный материальный ущерб осужденному или его семье».

– для оптимизации правового применения рассматриваемого института, необходимо в пункте «а» части 1 статьи 97 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации произвести расширение и уточнение перечня личных обстоятельств для предоставления осужденным законного интереса на краткосрочный выезд за пределы исправительного учреждения, включив него ряд семейных и гражданско-правовых обстоятельств (заключение брака, рождение ребенка, решение вопросов, связанных с опекой, принятие либо передача наследства и т.д.).

Пристатейный библиографический список

1. Геманенко Л. И. Социально-правовая характеристика института выезда осужденных за пределы исправительного учреждения // Вестник Пермского института ФСИН России. - 2021. - № 3 (42). - С. 40-46.
2. Кашуба Ю. А. Выезды осужденных из учреждений УИС в связи с чрезвычайными обстоятельствами // Вестник Кузбасского института. - 2021. - № 2 (47). - С. 65-69.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под. ред. Н. Ю. Шведовой. - М., 1990. - С. 766.
4. Постатейный комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2007 г.: учебное пособие. / Под. ред. Ю. И. Калинина. - М., 2007. - 726 с.
5. Ушаков Р. В. К вопросу об основаниях классификации законных интересов осужденных // Уголовно-исполнительное право. - 2017. - Т. 12. - № 3. - С. 270-275.

УТКИНА Татьяна Владимировна

ученый секретарь Ученого совета Пермского института ФСИН России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассмотрены предупреждение и предостережение как средства уголовно-исполнительного обеспечения исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества. Анализ норм, регламентирующих их применение, позволяет отметить непродуманность и недостаточный исправительный потенциал применяемых взысканий. Предлагаемые изменения в действующее законодательство призваны усилить эффективность применяемых альтернативных наказаний посредством применения к нарушителям мер взыскания.

Ключевые слова: наказания без изоляции от общества, осужденный, предупреждение, предостережение.

UTKINA Tatyana Vladimirovna

academic secretary of the Academic council of the Perm Institute of the FPS of Russia

PREVENTION AND CAUTION AS A MEANS OF ENSURING THE EXECUTION OF PUNISHMENTS WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses prevention and caution as a means of criminal enforcement enforcement of criminal penalties without isolation from society. The analysis of the norms regulating their application makes it possible to note the ill-considered and insufficient correctional potential of the penalties applied. The proposed amendments to the current legislation are designed to strengthen the effectiveness of alternative punishments applied by applying penalties to violators.

Keywords: punishments without isolation from society, convict, warning.

Последовательное проведение мероприятий, направленных на гуманизацию политики государства в отношении лиц, вступивших в конфликт с законом, привело к качественному снижению численности лиц, находящихся в местах лишения свободы. Результаты реализации Концепции развития УИС до 2020 года фактически уравнили количество осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, и количество состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Действующая в настоящее время Концепция развития УИС на период до 2030 года¹ определяет новые цели для функционирования пенитенциарной системы, среди которых значимой остается и необходимость профилактики совершения уголовно-наказуемых деяний осужденными. Объективно стоит сделать вывод о том, что достичь целей исправления лица, преступившего закон, только посредством изменения алгоритма действий и ужесточения требований к должностным лицам, обеспечивающим исполнение назначенного судом наказания, невозможно. Необходимо и изменение отношения самого лица к установленным для него ограничениям и требованиям. Как отмечалось С. В. Познышевым, «Исправить юридически – значит, до известной степени, изменить, так сказать умонастроение субъекта, те идеи и расчеты, которые содействовали развитию у него преступной решимости» [3].

Традиционно, больше внимания уделялось именно вопросам организации исполнения изоляционных наказаний, но отмеченное выше увеличение численности подучетных уголовно-исполнительным инспекциям лиц ставит вопрос об изменении отношения к процессу взаимодействия с преступником, отбывающим наказание. В условиях складывающейся реальности учеными-юристами все чаще делается акцент на необходимости расширения практики применения к таким осужденным мер поощрения, как стимулирующим правомерное поведение. Но стоит обратить внимание и на необходимость ужесточения подхода к исправительному

процессу и повышению исполнительности и самодисциплины виновного в течение срока наказания.

В течение 2021 года районными судами было рассмотрено 33 тысячи материалов о замене обязательных работ более строгими изоляционными наказаниями². В 2020 году эти показатели составляли свыше 30 и 17 тысяч материалов соответственно. Таким образом, отмечается увеличение числа лиц, допустивших в период отбывания наказания правонарушение различной степени тяжести. Считаю целесообразным согласиться с мнением о необходимости создания условий, при которых неизоляционные наказания станут действительно реальной альтернативой лишению свободы, в том числе и посредством усиления воздействия на подучетное лицо [1].

В соответствии с действующим законодательством уголовно-исполнительные инспекции обеспечивают исполнение следующих наказаний:

- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение свободы.

Для различных категорий осужденных предусмотрены различные виды взысканий и условия их наложения, но мы остановимся на таких видах взысканий как предупреждение и предостережение. Сама практика назначения дисциплинарных взысканий должна выступать уголовно-исполнительным средством обеспечения исполнения судебного решения, но действующая редакция Уголовно-исполнительного кодекса России позволяет сделать вывод о низкой эффективности и слабом потенциале некоторых из этих мер.

Предупреждение о возможном изменении назначенного наказания более строгим применяется при исполнении обязательных, исправительных работ и ограничения свободы.

1 Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.01.2023).

2 Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 году. Сайт судебного департамента России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/?id=80> (дата обращения: 20.01.2023).

Отношение законодателя к предупреждению как форме реагирования на отклоняющееся поведение неоднозначно.

Вынесение предупреждения уголовно-исполнительной инспекцией осужденному к обязательным работам является формой реагирования на нарушение установленного порядка отбывания наказания (ст. 29 УИК РФ), но не влечет наступления негативных последствий для виновника. Таким образом, оно становится взысканием, не предусматривающим изменения правового статуса осужденного. В дальнейшем факт вынесения предупреждения, даже неоднократного, не рассматривается в качестве основания для признания лица злостно уклоняющимся от отбывания наказания.

Сравнивая предупреждение с мерами реагирования, применяемыми к осужденным, находящимся в местах лишения свободы, его разумно сравнить с профилактической беседой, либо выговором, вынесенным в устной или письменной форме (ст. 117 УИК РФ).

Вынесение предупреждения к осужденным к наказанию в виде исправительных работ предусмотрено также за нарушение порядка и условий отбывания наказания. При этом, исходя из содержания статьи 46 УИК РФ, вынесение предупреждения не является обязанностью уголовно-исполнительной системы и соответственно утрачивает одно из обязательных требований к взысканиям – неизбежности негативных последствий. При этом совместно с предупреждением (а равно и без него) контролирующая инспекция может изменить периодичность явки на регистрацию, увеличив ее до двух раз в месяц. Учитывая, что к нарушениям отнесены такие формы поведения осужденного, как неявка в инспекцию или на работу в течение 5 дней после получения предписания при отсутствии уважительных причин, либо прогул или нахождение на рабочем месте в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или токсического), т.е. объективно указывающие на слабую исполнительскую дисциплину и нежелание придерживаться установленных требований, то предъявление требований в части дополнительной явки для регистрации не всегда способствует формированию правомерного поведения осужденного.

Но в то же время неоднократное вынесение предупреждения является основанием для признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания. При этом законодателем не установлен временной промежуток между вынесением первого и последующего предупреждений. Учитывая, что максимально возможный срок исправительных работ составляет два года, то возможны ситуации, при которых вынесение повторного предупреждения возможно через год и более после первого задокументированного факта правонарушения.

С целью исключения существующего пробела целесообразно дополнить ст. 46 УИК РФ нормой об обязательном вынесении предупреждения в случае допущенного осужденным нарушения установленного порядка отбывания наказания, а также предусмотреть признание лица не имеющим взысканий в случае, если в течение года им не совершалось новых нарушений.

При нарушении порядка и условий отбывания ограничения свободы предупреждение выступает как мера взыскания (ст. 58 УИК РФ), и, в случае документирования новых фактов нарушений, выступает основанием для официально предостережения, выносимого уголовно-исполнительной инспекцией.

Предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений, по мнению законодателя, выступает более строгой формой ответственности. Совершение нового нарушения порядка и условий отбывания ограничения свободы в течение года после вынесения предостережения создает условия для признания лица злостно уклоняющимся от отбывания наказания. Целесообразно отметить, что само по себе вынесение предостережения также не изменяет правовое положение осужденного в сторону его ухудшения.

Если обратиться к толкованию терминов «предупреждение» и «предостережение», то толковый словарь Ушакова, а равно и толковый словарь Кузнецовой оценивают их как синонимичные, связанные с принятием предварительных мер, предостерегающих от опасности³. Объективно их природа в

качестве мер взыскания к лицам, осужденным к наказаниям без изоляции от общества, однородна. По мнению Н. В. Ольховика, предупреждение действует по принципу угрозы, а предостережение обеспечивает ее реальность. Считаем нецелесообразным согласиться с озвученным мнением, поскольку ни одна из вышеуказанных мер не влечет за собой новых ограничений для нарушителя, а фактически выступает напоминанием о возможной каре. При этом для признания осужденного к исправительным работам злостным нарушителем ему необходимо получить повторное предупреждение, а для осужденного к ограничению свободы – после совершения повторного нарушения, повлекшего вынесение предостережения, совершить третье по счету нарушение.

Считаем, что такие неоднократные упоминания о применении карательных мер в виде замены наказания на более строгое, не обеспеченные реальными карательными мерами, не способствуют достижению целей исправления и не повышают ответственность осужденного за возложенные на него обязанности.

В связи с вышеизложенным предлагаем исключить предостережение в качестве меры взыскания при неоднократно повторяющемся нарушающем поведении подучетного осужденного, как меру, не соответствующую принципу неотвратимости наказания.

Одновременно следует предусмотреть включение в ст. 30 УИК РФ в качестве основания для признания осужденного к обязательным работам злостно уклоняющимся от отбывания наказания повторного совершения нарушения после вынесения предупреждения.

Отдельного внимания заслуживают и вопросы исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Уклонение от его исполнения не предлагает традиционных для уголовного права вариантов замены на более строгое или привлечение к уголовной ответственности. Единственным вариантом реагирования выступает не зачет в срок наказания времени, в течение которого осужденный не исполнял требуемые судом ограничения. Отдельными исследователями предлагается, по аналогии с иными наказаниями, исполняемыми уголовно-исполнительными инспекциями, выносить нарушителям предупреждение об ответственности [4]. Однако формы такой ответственности не предусмотрены, в связи с чем предупредительные меры не обеспечены.

В данной ситуации считаем возможным согласиться с мнением о возможности рассмотрения незачета времени неисполнения требований суда в качестве меры взыскания, предусмотрев возможность признания лица злостно уклоняющимся от исполнения установленных ограничений в случае неоднократности совершения нарушений [2]. При таких условиях неоднократно выявленные факты занятия запрещенной должности или продолжения деятельности, признанной невозможной для виновного лица, повлекут за собой не бесконечное продление срока наказания, а создадут условия для замены наказания на более строгое, соответствующее личностным качествам осужденного и его отношению к процессу отбывания наказания.

Пристайный библиографический список

1. Карханина Л. В. Исполнение уголовно-исполнительными инспекциями некоторых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении несовершеннолетних // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – С. 135.
2. Ольховик Н. В. О социально-криминологических основаниях применения (назначения и исполнения) наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. – Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 4. – С. 113.
3. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. – М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – С. 43.
4. Панфилов Е. Е. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2020. – С. 14-15.

3 Толковый словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me> (дата обращения: 20.01.2023).

ЧУЛУНОВ Евгений Алексеевич

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье автор рассматривает уголовное наказание в виде исправительных работ в Российском законодательстве. Затрагивает вопросы назначения исправительных работ. Оценивает меру государственного принуждения со стороны социально-правового явления. Приводит различные мнения авторов, изучавших схожие проблемы. Предлагает внесение изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: труд, осужденный, уголовно-исполнительная инспекция, наказания с обязательным привлечением к труду, исправительные работы.

CHULUNOV Evgeniy Alexeevich

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

CORRECTIONAL LABOR: CRIMINAL-LEGAL ASPECT

In the article the author considers criminal punishment in the form of correctional labor in the Russian legislation. Touches upon the issues of assignment of corrective works. Assesses the measure of state coercion on the part of the socio-legal phenomenon. Gives different opinions of authors who have studied similar problems. Proposes amendments to the current legislation.

Keywords: job, convict, probation, punishments with compulsory involvement in labor, correctional labor.

Уголовное наказание в виде исправительных работ является одним из самых часто назначаемых санкций без изоляции от общества в Российской Федерации. И число лиц, в отношении которых применяется, неизменно растет. В подтверждении наших слов приведем статистику судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, если в 2007 году удельный вес исправительных работ из числа всех назначаемых наказаний составлял 4,5, то в 2021 году уже 8,3, то есть, в два раза чаще стали применять [1].

Профессор В. А. Уткин высказал свое мнение по поводу усиления внимания со стороны мирового сообщества в пользу наказаний, не связанных с изоляцией от общества, стремлением в первую очередь сократить тюремное население, во-вторых, по мере применения усиливается упор на соблюдение прав осужденных при реализации альтернативных видов наказания [2, с. 233-235]. Путем принятия международных актов при реализации альтернативных видов наказаний, регламентирующих соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

По смыслу закона наказанием является мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда¹.

Как отмечает Ф. Р. Сундуков, наказание «должно восприниматься адекватной компенсацией вреда, причиненного гражданам и обществу в целом совершением преступления в виде более или менее равнозначного лишения или ограничения прав и свобод осужденного. В конечном счете назначенное наказание должно признаваться социально справедливым как со стороны гражданина ощутившего последствия противоправного действия, так и со стороны лица, преступившего уголовный закон. Необходимо понимать, что назначение наказания для общества является неким «актом» правосудия» [3, с. 217].

Изучение вопросов по реализации наказаний без лишения свободы имеет важную научную и практическую значимость, т.к. политика государства направлена на расширение применения альтернативных видов наказания. Это соответствует общемировой тенденции в проводимой уголовно-правовой политике. Вместе с тем в доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права нет преобладающего подхода к сущности, эффективности исправительных работ. Есть

исследователи, которые высказываются о высокой эффективности и значимости исправительных работ, присутствуют и противоположные мнения.

Так по мнению Э. В. Лядова, исправительные работы обладают высокой эффективностью по той причине, что осужденный, отбывая наказание, не теряет социально полезных связей, воспитательное воздействие оказывается со стороны трудового коллектива, семьи, сотрудников контролирующего органа [4, с. 87-93].

В. М. Степашин считает, что исправительные работы не изолируют человека от общества, что позволяет корректировать поведение через администрацию предприятия, представителей института гражданского общества. С другой стороны, осужденный претерпевает определенные правоограничения, предусмотренные мерой уголовного принуждения [5].

В. П. Марков полагает, что исправительные работы необходимо назначать только при согласии осужденного [6, с. 56]. Например, такая практика назначения наказания используется в ряде зарубежных стран, при таком подходе можно сократить количество замен исправительных работ на более строгий вид в связи с уклонением от отбывания наказания.

Есть авторы, которые считают, что исправительные работы не состоятельны. Так В. И. Селиверстов говорил о том, что исправительные работы по своей сути являются штрафом в рассрочку [7, с. 18-21]. Мы полагаем, между исправительными работами и штрафом имеются некоторые отличия в части правоограничений. Штраф – это разовая выплата (кроме случаев, когда гражданину предоставляется рассрочка платежа) в свою очередь исправительные работы назначаются от 2 месяцев до 2 лет. Сущность наказания в виде исправительных работ оно заключается в том, что из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства от 5% до 20%. Ограничиваются трудовые права лица, например, он не имеет права отказаться от предложенной работы и самостоятельно прекратить трудовые отношения с работодателем. На вышеуказанные действия необходимо согласие уголовно-исполнительной инспекции. При трудоустройстве контролирующий орган согласовывает перечень предприятий для трудоустройства с органами местного самоуправления.

Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций осуществляют воспитательную работу совместно с сотрудниками органов внутренних дел, контролируют правильность

1 Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022). – Ст. 43. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант плюс.

удержаний, производимых из заработной платы. В свою очередь администрация предприятия, где осужденных работает, применяет к нему меры поощрения и взыскания, производит удержания из заработной платы в доход государства, сообщает о нарушениях трудовой дисциплины сотрудникам специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного.

На практике возникают проблемы следующего характера у правоприменителей, например, лицу, являющимся индивидуальным предпринимателем, назначаются исправительные работы, осужденный в свою очередь настаивает на том, что он трудоустроен и изъявляет желание самостоятельно производить исчисления в доход государства.

При обращении к нормам Гражданского кодекса РФ ст. 2 к предпринимательской деятельности отнесена самостоятельная деятельность лиц, направленная на систематическое получение прибыли, которая не является оплачиваемой работой, выполняемой по трудовому договору². Согласно ст. 16 ТК РФ трудовые правоотношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора³. В нашем случае для осуществления трудовой деятельности требуется внесение лица в реестр индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП).

Как применять к физическому лицу, зарегистрированному в установленном порядке и осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, положения статей 42, 43, 46 УИК РФ, где некоторые нормы в части обязанности организации по контролю за поведением осужденного в рабочее время, проведения с ним воспитательной работы, применения мер взыскания и поощрения, уведомления УИИ о нарушениях порядка и условий исправительных работ.

По мнению А. Ш. Габараева, применение мер взыскания и поощрения индивидуальным предпринимателем в отношении самого себя выглядят некорректно, даже абсурдно. Далее автор приводит обоснование своей точки зрения разъяснения сотрудников Роструда, что нормы трудового законодательства распространяются на предпринимателя, в части его прав и обязанностей в качестве работодателя (ст. 2 ТК РФ); во-вторых, в отношении себя предприниматель не является работником (ст. 20 ТК РФ), в-третьих, заработная плата выплачивается только работникам (ст. 129 ТК РФ) [8, с. 52-55]. Мы целиком и полностью согласны с суждениями автора, считаем, что лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не может в отношении себя выступать работодателем. Вместе с тем нет законодательного запрета на назначение судами исправительных работ лицам, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя. Обращая внимание на вышеуказанное обстоятельство, полагаем, необходимым судам при назначении наказания в виде исправительных работ учитывать тот факт, что индивидуальные предприниматели не обладают правосубъектностью в данном случае.

Так приговором Бийского городского суда Алтайского края от 18.05.2020 г. гражданин Х, являясь зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателем, был осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ к 6 месяцам исправительных работ с ежемесячным удержанием 5% от заработка в доход государства с отбыванием наказания по месту работы. После получения приговора уголовно-исполнительная инспекция обратилась в суд для получения разъяснений сомнений и неясностей, в обоснование приводя тот факт, что предпринимательская деятельность по ГК РФ не является оплачиваемой работой, в связи с чем, невозможно производить удержания в доход государства. Суд отказал в удовлетворении представления указав на ясность и доступность изложения приговора. В подобных случаях нарушается принцип неотвратимости

наказания в уголовно-исполнительном праве, он заключается в надлежащем исполнении установленного наказания [9, с. 722-753].

О. Г. Демидов считает, что: «в уголовном праве термин «уклонение» используется, главным образом, для обозначения поведения осужденного, заключающегося в отказе или избегании претерпевания негативных для него последствий, связанных с применением к нему уголовного наказания» [10, с. 9]. Также мы солидарны с автором, при вышеуказанных обстоятельствах лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, избегает негативных последствий, связанных с назначением уголовного наказания. Отсутствует надлежащий контроль за поведением осужденного в рабочее время.

В связи с вышесказанным, необходимо законодательное разъяснение судам о недопустимости назначения исправительных работ лицам, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя с отбыванием наказания по основному месту работы, как было в приговоре Бийского городского суда Алтайского края. Путем внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Пристайный библиографический список

1. Судебных департамент при Верховном суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 27.12.2022 г.).
2. Уткин В. А. К вопросу об общей части УИК РФ для альтернативных наказаний // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Самара, 21–22 мая 2020 года. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 233-235.
3. Сундуров Ф. Р. Понятие и цели наказания. Виды наказаний // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. – Москва: Проспект, 2019. – С. 217.
4. Лядов Э. В. Уголовно-исполнительная характеристика наказания в виде исправительных работ // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2 (18). – С. 87-93.
5. Степашин В. М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера. – М., 2012.
6. Марков В. П. Механизм реализации основных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Российской Федерации (уголовно-правовой анализ): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006. – С. 56.
7. Селиверстов В. И. Исправительные работы // Преступление и наказание. – 2009. – № 5. – С. 18-21.
8. Габараев А. Ш. Особенности уголовно-исполнительной правосубъектности индивидуальных предпринимателей, осужденных к исправительным работам // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 2 (24). – С. 52-55.
9. Шевелева С. В., Можайкина В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 54. – С. 722-753.
10. Демидов О. Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2004. – С. 9.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.04.1994 № 51-ФЗ (в ред. 16.04.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант плюс.

3 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант плюс.

БУГЕРА Михаил Александрович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ СРЕДСТВ СОТОВОЙ СВЯЗИ

В статье исследуются вопросы особенностей криминалистической характеристики хищений средств сотовой связи, а также ее отдельных элементов, таких как предмета преступного посягательства, места, времени и способа совершения преступления, следов совершенного преступления, личности преступника, личности потерпевшего. Рассмотрение данных вопросов является неотъемлемой частью методики расследования указанных видов преступления.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступление, хищение сотового телефона, средство сотовой связи, элементы криминалистической характеристики.

BUGERA Mikhail Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

TO THE QUESTION OF THE FEATURES OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THEFT OF THE MEANS OF CELLULAR COMMUNICATION

The article examines the issues of the features of the forensic characteristics of theft of the means of cellular communications, as well as its individual elements, such as the subject of a criminal attack, the place, time and method of committing a crime, traces of the crime committed, the identity of the offender, the identity of the victim. Consideration of these issues is an integral part of the methodology for investigating these types of crimes.

Keywords: forensic characterization, crime, cell phone theft, cellular communication facility, elements of forensic characterization.

Криминалистическая характеристика занимает одно из главенствующих мест при реализации раскрытия и расследования. Криминалистическая характеристика хищений сотовых телефонов содержит в себе следующие элементы: 1) предмета преступного посягательства; 2) способов совершения преступлений; 3) обстановки хищения средств сотовой связи, обуславливающей выбор преступником места, времени и способа совершения преступления; 4) следов совершенного преступления; 5) личности преступника; 6) потерпевшего от преступления. Покажем более подробно особенности каждого элемента криминалистической характеристики.

После хищения средств сотовой связи преступники проводят следующие манипуляции – достают и выбрасывают SIM-карту, которая была вставлена в телефон, а после выключают его. Преступники после хищения средства сотовой связи, имеют возможность хранить похищенный предмет у себя, что определено в первую очередь небольшими размерами сотового телефона, также телефон может храниться по месту жительства преступника, у соучастников данного преступления или у его знакомых.

Учитывая соответствующий спрос на рынке, одной из особенностей данного преступления, важно отметить лёгкий сбыт средства сотовой связи. В данном преступлении важную роль играют также покупатели, которые осуществляют покупку телефона, понимая при этом, что приобретенный ими телефон был добыт возможно незаконными действиями преступника (так как, в большинстве случаев документов купли-продажи нет), но несмотря на всё это доказать их вину и привлечь их непосредственно к уголовной ответственности не удается.

Чаще всего сбыт средства сотовой связи осуществляют преступники в месте большого скопления людей, в магазинах, на рынке, а также через объявления. Иногда продажа похищенного телефона осуществлялась при помощи ломбарда, который был расположен по месту жительства самого

преступника или его знакомых и родственников. Чаще всего похищенные средства сотовой связи сбываются или сразу, после его похищения, или же в первые сутки после осуществления преступления.

При сбыте сотового телефона преступники не предпринимают действий, которые могли бы придать видимость законности владения данным телефоном: не подыскивают документы и другие приспособления. С целью маскировки следов преступления преступники иногда меняют похищенный телефон на другой, менее значимый.

Правоохранительные органы должны незамедлительно установить участников, которые совершили преступное деяние. Информация о времени и месте осуществления данного преступления значительно сократит и окажет помощь в раскрытии данного преступления. Кроме того, временной промежуток, в момент которого осуществлялось хищение средств сотовой связи, а также место его сбыта и покупатель который приобрёл данный телефон, взаимосвязаны с предметом преступного посягательства, что оказывает большое влияние на эффективное установление преступного лица.

Каждый сотовый телефон имеет свой собственный международный идентификационный номер (IMEI (International Mobile station Equipment Identity) – международный идентификатор оборудования подвижной станции), который отражается в биллинговых записях центра коммутации сотовой сети через средства отображения и регистрации. SIM-карта – это съемный модуль, который вставляется в разъем мобильного телефона, хранящий идентификационную информацию об абоненте, вручается ему сразу с заключением договора на оказание услуг сотовой связи и может им использоваться с любым сотовым телефоном.

Важными элементами криминалистической характеристики являются место и способ совершения преступления. Местом совершения хищений средств сотовой связи, как правило, выступают: улицы – 46,7 % случаев; дома (квартиры

ры) – 15,2 %; места проведения досуга – 9,6 %; общественный транспорт – 8,7 %; помещения организаций – 8,2 %; места массового скопления людей (рынки, вокзалы) – 7,7 %; магазины – 3,9 %. Преступники совершают хищения в своем регионе – 77 %, за пределами района проживания – 15 %, и лишь 8 % проживали в другом населённом пункте.

Одним из основных элементов криминалистической характеристики является способ совершения преступления, так как высказать мнение и локализацию следов преступления, определить уровень навыков преступника, определить его действия после похищения, позволяют именно сведения, касающиеся способа преступного посягательства, кроме того, они позволяют сотрудникам правоохранительных органов установить личность преступника. Определённые действия, при реализации которых, виновник похищает средство сотовой связи, отражает способ осуществления преступного деяния. Данный способ, а также входящие в его состав элементы, ярко выражены в различных действиях преступного лица, а также его следах, причём как материальных, так и идеальных, что отражает значимый источник сведений совершенного преступного деяния. Подтверждением могут служить примеры, которые связаны с преступлением, основанным на хищении сотового телефона, когда осуществляется полноценное использование средства связи, не скрывая предмет похищения, проявляясь в скорейшем его сбыте, что в большинстве случаев приводит к вычислению и изобличению преступного лица, совершившего хищение средства сотовой связи.

Современными способами хищения сотовых телефонов являются кражи – 60 %; грабежи – 20 %, мошенничества – 10 %. Оставшуюся часть хищений, где предметом посягательства выступал сотовый телефон, составляли разбойные нападения, присвоение и вымогательство, и некоторые другие составы преступлений.

Исходя из преступной структуры, способ его осуществления имеет возможность быть, как полноструктурным, так и неполноструктурным, иными словами, в полноструктурное преступление входит, подготовка к его осуществлению, его исполнение, а также действия направленные на скрытие предмета преступления, в свою очередь неполноструктурное, может не иметь в своем составе, наличие абсолютно всех вышеперечисленных элементов, 1 или 2 из них исключаются.

Неполноструктурность является одной из особенностей способа осуществления преступного деяния, основанного на хищении средств сотовой связи. Подготовка к осуществлению данного деяния, наблюдалась всего в 5 % случаев всех рассмотренных уголовных дел, полученная информация о хищении средств сотовой связи составила 79 %, преступники лично сообщили в 11 % случаев. Исходя из этого, можно сказать, что действий, направленных на подготовку к осуществлению данного преступления, а также действий по получению необходимой информации о средстве сотовой связи виновными, не наблюдается. При реализации данного преступного деяния, основанного на хищении средств сотовой связи, преступник, опираясь на определённую ситуацию, выбирает способ хищения самостоятельно, с целью реализации своего умысла. Подтверждением этого является и тот факт, что прямой умысел наблюдался в 90 % случаев осуществления преступных деяний, основанных на хищении средств сотовой связи.

Большую роль, касаясь выбора способа реализации своего преступного деяния преступником, играют и неосмотрительные потерпевшие.

К следам совершенного преступления можно отнести: идеальные и материальные. Идеальные следы – это та информация, которую получают оперативные сотрудники и следователь при раскрытии и расследовании преступлений. Материальные следы – это следы наслоения и отслоения, оставленные преступником на месте совершения престу-

пления, на предмете преступного посягательства и потерпевшим. Особенно важны для расследования и доказывания вины преступника следы папиллярных узоров пальцев рук и следы-микрообъекты, которые, как правило, определяют индивидуальную и групповую идентификацию.

Личность преступника является одним из главных элементов криминалистической характеристики. Лицо, осуществляющее преступное деяние, связанное с хищением сотового телефона, имея при этом прямой или косвенный умысел, а также с наличием соответствующей цели и является преступной личностью.

Ими являются мужчины, возраст которых варьируется от четырнадцати до тридцати лет, не имеющие определенного места работы, семьи (или из малообеспеченной семьи), которые осуществляют преступное деяние, основанное на хищении средств сотовой связи в регионе своего проживания, имеющие корыстно-насильственные мотивации, которые осуществляли преступное деяние ещё до своего совершеннолетия. 44 % преступных лиц ранее были судимы, 45 % совершали преступления, основанные на хищении средств сотовой связи – 1 раз, 2 раза – 29 %, 3 и более – 26 %. Это своего рода промысел или основной источник дохода преступника-рецидивиста.

Преступниками были граждане у которых в наличии были собственные средства сотовой связи, а также которые имели соответствующие технические знания, касающиеся того, что если они будут использовать предмет преступления для своих личных нужд и целей, их изобличат в похищении сотового телефона, установив при этом владельца SIM-карты данного телефона или IMEI, а также через абонентов, которым осуществлялись звонки с данного телефона. Исходя из всего вышесказанного, лица, совершающие преступные деяния, основанные на хищении средств сотовой связи, осуществляют незамедлительный сбыт предмета преступления.

Проводя анализ личности, которые подвергались преступным деяниям, в большинстве случаев ими являлись женщины, что составило 66 %, лица до 18 лет составили 20 %, лица мужского пола – в 14 % случаях. Исходя из этого, можно сказать, что в большинстве случаев преступные деяния осуществляются в отношении представителей женского пола, а также подростков до 18 лет, которые не имеют возможности дать необходимый отпор преступным лицам.

Сотрудникам правоохранительных органов необходимо знать: особенности криминалистической характеристики, характеризующей предмет преступного посягательства, личность преступника, обстановку, способ совершения преступления, оставленные следы и потерпевшего, что позволяет успешно строить следственные и оперативные версии, проводить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, что приводит, в конечном итоге, к раскрытию преступлений данной категории. Поэтому криминалистический алгоритм в виде особенностей элементов криминалистической характеристики является основой эффективной борьбы с хищениями средств сотовой связи.

Пристатейный библиографический список

1. Ягодкина Ю. С. Некоторые аспекты раскрытия и расследования хищений сотовых телефонов // Теоретические и практические аспекты предварительного расследования: сборник научных статей. – Волгоград, 2020. – С. 472-477.
2. Галютдинов Р. Ф., Чембарисов Т. И. Статистика и методы противодействия преступлениям в сфере хищений сотовых телефонов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 8 (159). – С. 223-224.
3. Бутера М. А., Векленко В. В. О мерах предупреждения хищений сотовых телефонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (92). – С. 63-67.

КРАСНЕНКО Юрий Владимирович

преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Результативность раскрытия преступлений и расследования уголовных дел зависит от различных направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы реализации возможностей криминалистической деятельности в противодействии современной преступности. В ходе изучения вопроса автором проанализированы особенности применения криминалистического инструментария при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, затронуты некоторые аспекты использования технических средств в ходе криминалистического сопровождения.

Ключевые слова: криминалистическая деятельность, криминалистическое сопровождение, раскрытие и расследование преступлений, технические средства.

KRASNENKO Yuriy Vladimirovich

lecturer of Criminal process sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

THE CURRENT STATE AND IMPACT OF CRIMINALISTIC ACTIVITIES ON THE EFFECTIVENESS OF THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

The effectiveness of solving crimes and investigating criminal cases depends on various areas of activity of law enforcement agencies of the Russian Federation. The article deals with theoretical and practical issues of realizing the possibilities of criminalistic activity in countering modern crime. In the course of studying the issue the author analyzed the features of the use of criminalistic tools in the investigation of crimes in the field of information and telecommunications technologies, touched upon some aspects of the use of technical means in the course of criminalistic support.

Keywords: criminalistic activities, criminalistic support, disclosure and investigation of crimes, technical means.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и достижения научно-технического прогресса на сегодняшний день в полной мере способствуют их активному применению в различных сферах человеческой деятельности, в том числе деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Производство отдельных следственных действий в процессе доказывания по уголовным делам требует всестороннего исследования роли и значения современных технических средств, используемых в уголовном судопроизводстве. Особенности, связанные с непрерывным совершенствованием современных технических средств и информационных технологий, тесно связаны с собиранием, проверкой и оценкой доказательств, которые должны соответствовать требованиям достоверности, допустимости и относимости.

В свою очередь цифровизация различных сфер жизнедеятельности человеческого общества, в особенности финансовых и банковских институтов, направление по электронной почте копий документов, удостоверяющих личность, реквизитов счетов и банковских карт, передача в социальных сетях и мессенджерах личной, порой конфиденциальной информации, способствовали динамичному изменению структуры современной преступности, которая все больше занимает виртуальное пространство.

Так, согласно официальной статистике МВД России за несколько лет, количество преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий возросло со 174674 в 2018 году до 522065 в 2022 году (+298%)¹. Тем самым количественные показатели данной

категории преступлений увеличились практически втрое, и данная тенденция наблюдается в настоящее время.

Заметим, что эффективное раскрытие преступлений и расследование уголовных дел рассматриваемой нами категории, затрагивающей экономические интересы общества и государства, подразумевает слаженную работу сотрудников следственных органов, оперативно-разыскных аппаратов и экспертно-криминалистических подразделений. Именно в результате ведомственного взаимодействия становится возможным не только получение доказательств в форме заключения специалиста и его показаний, но и надлежащая подготовка объектов для дальнейшего экспертного исследования, формулировка соответствующих экспертных задач, в том числе при проверке и оценке полученных доказательств [2, с. 141].

Особую роль в противодействии современной высокотехнологичной преступности следует отвести осуществлению криминалистической, в особенности поисково-познавательной, деятельности специалистов, основанной на достижениях уголовно-правовых и естественно-технических наук. Преимущество данного вида деятельности перед производством судебной экспертизы заключается в том, что специалист действует в режиме реального времени вместе с другими субъектами раскрытия и расследования преступлений [3, с. 71].

С использованием специальной компьютерной техники и информационных технологий специалистом осуществляется выявление и документирование всех признаков преступного деяния в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. При получении информации ориентирующего и розыскного характера возможна ее без-

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в 2018 г. и 2022 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 16.01.2023).

отлагательная оперативная реализация, связанная с установлением и задержанием подозреваемых лиц «по горячим следам».

Следует отметить, что при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, достаточно часто требуется привлечение специалиста-криминалиста для обнаружения, фиксации и изъятия традиционных криминалистических следов, веществ и объектов. К ним относятся следы пальцев на клавиатуре, компьютерной мыши, принтере и других аппаратных устройствах; микрочастицы биологического и искусственного происхождения (например, частицы крови, волос, одежды, которые попали в клавиатуру); следы обуви и орудия преступления, а также непосредственные электронные носители информации, как объекты материального мира.

Однако исключительной спецификой в данном случае обладают именно виртуальные или электронные следы преступления, которые, по мнению Ю. В. Гаврилина, наделены следующими признаками:

- отражение события преступления в информационном поле;
- материальность природы, которая не отражает пространственную форму слеодообразующего объекта;
- формирование, в результате преобразования, компьютерной информации;
- обладание свойствами, присущими компьютерной информации;
- способность к дублированию и переносу на другие носители без изменения характеристик [4, с. 4].

В то же время для работы с подобной следовой картиной преступления требуются совершенно иные организационные, научно-технические и методические действия. Они должны быть направлены, во-первых, на формирование соответствующего криминалистического инструментария для создания условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному применению криминалистических методов, средств и рекомендаций, а, во-вторых, последующей реализации таких условий в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Отметим применение в судебно-следственной практике программно-аппаратного комплекса «Оттиск», используемого в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России. Данный комплекс предназначен как для создания копий содержимого, так и для восстановления информации, хранящейся (хранившейся) в микросхемах памяти SD, SM, MMC, USB Flash, MemoryStick, в том числе с неисправным контроллером доступа. Специалист, работающий с данным комплексом, получает доступ к информации, хранящейся на электронных носителях, производит автоматизированный сбор информации о накопителях на жестких дисках, копирует данные без внесения изменений на исходный носитель, создает копии накопителя на жестких дисках и иные осуществляет иные функции.

Достаточно широкое использование получили специальные аппаратно-программные комплексы для обнаружения и извлечения криминалистически значимой информации. Так, программный комплекс «Мобильный криминалист» позволяет извлекать данные из большинства моделей мобильных устройств (на платформе iOS, Android, и др.), импортировать резервные копии устройств, а так-

же их физические образы, извлекать контакты, сообщения, звонки, файловую систему, местоположения и удаленную информацию, выявлять общие связи между несколькими устройствами и устанавливать круг общения пользователя, просматривать все события в хронологическом порядке и выявлять периоды активности пользователя и другие возможности [5, с. 106].

В данном контексте следует обратить внимание на то, что цифровизация в криминалистике и деятельности по расследованию преступлений в перспективе все больше диктует нам востребованность методов работы с «большими данными», алгоритмов искусственного интеллекта, различных информационно-аналитических комплексов и систем поддержки принятия решений [1, с. 98]. Это обусловлено практической необходимостью подготовки таких сотрудников экспертно-криминалистических, следственных и оперативно-разыскных подразделений, которые будут владеть навыками, знаниями и умениями использования обозначенных технологий.

Между тем, специалисту в области расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следует иметь определенные теоретические знания и практические навыки, что является возможным при получении соответствующей, в том числе криминалистической, подготовки. Так, одним из основных направлений, характеризующих результативность криминалистической деятельности при раскрытии и расследовании преступлений, является внедрение достижений науки и техники в экспертную и следственную практику. Подобающее внедрение, как считает Н. П. Майлис, выражается в использовании инновационных технологий. Особенно актуально это выражается в умении непосредственно преподавателя владеть данным технологиями и передавать свой опыт обучающимся [7, с. 57].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение возможности технических средств, которые находят все более широкое применение в обнаружении и фиксации необходимой органам предварительного расследования информации. Это нашло свое отражение не только в использовании традиционных технических средств обнаружения следов преступления (криминалистические лупы, оптические приборы, фотоаппараты и видеокамеры, инфракрасные и ультрафиолетовые излучатели, компьютерная техника), но и, например, в устройствах определяющих геолокацию и позиционирование объектов, считывания и расшифровывания данных с электронных носителей информации, криминалистической аэросъемки с использованием беспилотных летательных аппаратов и других [6, с. 53].

В настоящее время, исходя из реалий судебно-следственной практики, одними из самых распространенных доказательств, представленных в электронном формате, являются аудио- и видеозаписи. В процессе их предварительного и последующего исследований, изучению подлежат не сами материальные носители данных, а электронные файлы, содержащие информацию. При этом не все технические средства могут сформировать подобные файлы и, соответственно, способствовать их изъятию. К подобным устройствам относятся персональные компьютеры и ноутбуки, цифровые фотоаппараты и видеокамеры, смартфоны и другие «умные» гаджеты.

Основными задачами, решаемыми технико-криминалистическими средствами, выступают обнаружение, фиксация, изъятие и исследование информации, имеющей как

доказательственное, так и ориентирующее либо разыскное значение. Данные положения предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, регламентирующем общие правила производства следственных действий (ч. 6 ст. 164 УПК РФ)². Использование технических средств, в особенности криминалистических, в большинстве случаев требует привлечения специально подготовленного участника уголовного процесса: эксперта-криминалиста (в качестве специалиста) либо следователя-криминалиста.

Примечательно, что область применения технико-криминалистических средств не ограничивается следственными действиями и является более обширной. Это подтверждается их использованием в ходе реализации оперативно-разыскных мероприятий и различных процессуальных действий. В своей совокупности использование технико-криминалистических средств всегда направлено на облегчение деятельности сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений, оперативно-разыскных аппаратов, а также на повышение эффективности расследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В качестве наглядного примера эффективного криминалистического сопровождения при производстве такого следственного действия, как осмотр места происшествия, следует привести деятельность следователя-криминалиста с использованием специальных технических средств при расследовании уголовного дела об убийстве. Так, в ходе его проведения был осуществлен тщательный осмотр с металлоискателем прилегающего к частному домовладению участка местности. Под снежной поверхностью толщиной более 30 сантиметров были обнаружены и изъяты нож и перчатки подозреваемого, который избавился от орудия преступления в указанном месте.

При этом было установлено, что подозреваемым ранее была предпринята попытка сокрытия следов преступления посредством уборки помещения с использованием моющих средств. Для обнаружения следов крови погибшего следователем-криминалистом применялся специальный фонарь, действующий в ультрафиолетовом спектре. С его помощью на тканевом покрытии дивана и демонтированном половом покрытии было обнаружено свечение, характерное для биологического вещества. При исследовании областей свечения с использованием экспресс-теста «Гемофан», было установлено, что данное вещество, действительно, является биологического происхождения и, вероятно, было кровью погибшего. Данные следы-вещества были соответствующим образом изъяты, упакованы и направлены на экспертное исследование, которое подтвердило данное предположение³.

Заметим, что использование технических средств определено дополнительными возможностями качественной фиксации и сохранения данных, необходимых впоследствии для отправления эффективного и справедливого правосудия. Отличительной чертой криминалистической техники при этом выступает использование достижений естественных и технических наук. Иными словами, используемые для получения доказательств технические средства, не только ос-

нованы на достижениях научно-технического прогресса, но и зарекомендовали себя в следственной практике, в том числе в ходе криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений. Впоследствии результаты их использования стали очевидными для правоприменительной деятельности правоохранительных министерств и ведомств.

Подводя итоги исследования, отметим, что автором было рассмотрено современное состояние криминалистической деятельности при раскрытии и расследовании преступлений, в том числе совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Повышение эффективности осуществления данной деятельности обусловлено рядом факторов, к которым следует отнести повсеместное внедрение и использование современных технико-криминалистических средств, тесное взаимодействие между субъектами расследования и их криминалистическую подготовку, необходимость привлечения экспертов-криминалистов и следователей-криминалистов для использования технических средств, связанная с дополнительными возможностями качественной фиксации и сохранения доказательств по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Бессонов А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 1 (35). – С. 94-100.
2. Вольнский А. Ф., Прорвич В. А. Интегрирующая роль криминалистики в формировании комплекса специальных знаний и алгоритмов их применения для выявления и надлежащего расследования преступлений в сфере цифровой экономики // Вестник экономической безопасности, 2021. – № 3. – С. 138-143.
3. Вольнский А. Ф., Прорвич В. А. Актуальные проблемы создания инструментария компьютерной криминалистики по преступлениям в сфере цифровой экономики и финансов // В сборнике: Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика. Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 2021. – С. 67-74.
4. Гаврилин Ю. В., Шипилов В. В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь, 2013. – № 23. – С. 2-6.
5. Гаврилин Ю. В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. / [Ю. В. Гаврилин, А. В. Аносов и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.
6. Красненко Ю. В. Некоторые аспекты использования технических средств субъектами раскрытия и расследования преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 2. – С. 53.
7. Майлис Н. П. О необходимости расширения рамок учебного процесса при подготовке судебных экспертов // Вестник Московского университета МВД России, 2016. – № 5. – С. 56-59.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. Подписан Президентом Российской Федерации 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – С. 4921.

3 Из материалов судебно-следственной практики Белгородского областного суда.

МИНКИНА Екатерина Сергеевна

Преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППОЙ: ПРАВОВОЙ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Точное определение криминалистической характеристики преступлений способствует их эффективному расследованию и раскрытию. В этой связи автором раскрываются основные конструктивные признаки организованной преступной группы, которые определяют сущность и направленность преступных деяний, осуществляемых ее членами, детерминируют способы совершения преступлений, взаимосвязи внутри группы и целый ряд смежных вопросов.

Ключевые слова: криминалистическая методика, организованная преступная группа, следы, способы, противодействие.

MINKINA Ekaterina Sergeevna

lecturer of Administrative activities and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

Минкина Е. С.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY AN ORGANIZED CRIMINAL GROUP: LEGAL AND ANALYTICAL ASPECT

The precise definition of the criminalistic characteristics of crimes contributes to their effective investigation and disclosure. In this regard, the author reveals the main constructive features of an organized criminal group, which determine the essence and direction of criminal acts carried out by its members, determine the ways of committing crimes, relationships within the group and a number of related issues.

Keywords: criminalistic methodology, organized criminal group, traces, methods, counteraction.

Организованная преступность – это опасная и серьезная проблема XXI века, которая имеет в современный период довольно надежные позиции в государственных органах, пользуется различными методиками лоббирования своих криминальных интересов в органах представительной власти, обладает реальными возможностями международного сотрудничества с преступными организациями зарубежных государств.

В современный период происходит рост и совершенствование деятельности организованных преступных групп (далее – ОПГ), как в нашей стране, так и во всем мире. Так, к примеру, в Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что одним из основных источников угроз национальной безопасности является деятельность транснациональных преступных организаций и группировок [1]. В исследованиях ученых (процессуалистов, криминологов, криминалистов и др.) подчеркивается то, что в последнее время изменились формы и направленность деятельности ОПГ. В России происходит рост числа ОПГ, что влечет увеличение количества членов таких групп (существующих длительное время, осуществляющих свою деятельность на больших территориях) [2].

В совершаемых членами ОПГ преступных деяниях находят проявление следующие основные их признаки:

1. *Количество лиц, состоящих в группе - группа лиц, т. е. два и более.* Какое минимальное количество лиц должно быть в составе ОПГ, чтобы признать ее таковой в УК РФ [3] не сказано. Если толковать нормы ст. 35 УК РФ системно, совместно со ст. 32 УК РФ, то к ч. 3 мы можем применить положения ст. 32 и ч. 1 ст. 35, где преступление совершается группой лиц, если в его совершении участвуют как минимум два лица. Если рассуждать таким образом, то объединение людей можно признать организованной группой (естественно в совокупности с другими признаками) если она состоит как минимум из двух

лиц. Хотя этот тезис многим кажется спорным, так как из логики законодателя можно проследить, что организованная группа, скорее всего, не объединение как минимум двух лиц, а больше. Если применять положения ч. 1 ст. 35, то в ней говорится именно об исполнителях. Мы знаем, что помимо исполнителя законодатель указывает еще на трех соучастников преступления, что естественно наталкивает на мысль о том, что само название «организованная группа» иллюстрирует нам как минимум трех лиц [4].

Анализ судебной практики показывает, что в действительности организованную группу можно признать таковой, если в нем участвуют как минимум два лица [5], хотя зачастую это объединение более чем двух лиц, так как им свойственно приготовление, распределение ролей и т.д.

2. *Предварительное объединение (заранее объединившихся).* Данный признак стоит отличать от предварительного сговора. Так как в организованной группе договоренность имеет больший временной промежуток и на основе такой договоренности между лицами возникает целостная структура, единство. Зачастую на практике данный признак усматривается в группе лиц по предварительному сговору. Тут нужно различать два этих аспекта. В организованной группе договоренность всегда будет совершаться заранее, перед совершением преступления и будет носить больше характер подготовительного этапа к преступлению. Данное положение находит свое отражение в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [6]. В ст. 2 Конвенции говорится, что организованная группа не может быть случайным образом создана для совершения немедленного преступления. Именно тот факт, что несколько лиц приготавливаются к преступлению, позволяет определить, что в своей совокупности они предстают как целостная структура с организационным единством.

Данный признак более сложный по своей сущности, чем предварительный сговор.

3. *Цель – совершение одного или нескольких преступлений.* Законодатель акцентирует внимание на цели организованной группы, так как ч. 1 и ч. 2 ст. 35 УК РФ об этом не упоминает. Нацеленность на совершении одного или нескольких преступлений – общая цель всех участников организованной группы. Упоминание о том, что организованная группа может совершать не одно, а несколько преступлений, также подтверждает тезис о том, что предварительная договоренность представляет собой некий подготовительный этап в совершении преступления.

4. *Устойчивость группы.* На данном аспекте хочется акцентировать внимание, поскольку он является одним из основополагающих признаков, отличающих ОПГ от группы лиц по предварительному сговору, и предполагает, что в ОПГ среди соучастников имеется руководитель (организатор). Здесь стоит разграничивать понятия «лидер» и «руководитель». Лидер появляется более стихийно, в то время как руководитель избирается участниками, возможно элемент стихийности присутствует, но он не явно выражен. «Официально» среди группы лиц на руководителя возложены обязанности по управлению группой лиц, корректировке направления преступной деятельности.

Помимо руководителя, устойчивость организованной группы характеризует и наличие планирования преступления, разработки плана совместной преступной деятельности, техническая оснащенность. Организованной группе свойственно и распределение функциональных ролей, специальная подготовка участников к совершению преступления. Устойчивость группы подтверждается также длительным временем существования группы, длительностью подготовки к преступлению.

Для организованной группы не имеет значения, состояла ли она только из соисполнителей или имело место распределение ролей. Если обратиться к вышеупомянутой ст. 2 Конвенции ООН, то в ней указано, что организованная группа будет признаваться таковой вне зависимости, были ли распределены роли между участниками или члены в группе находятся в ней на непрерывной основе.

Из чего следует сделать вывод, что во многом устойчивость как признак присущ тем ОПГ, которые создаются для совершения нескольких преступлений. Конечно, ОПГ может создаваться и для совершения одного преступления. В данном случае организованную группу нужно отличать от группы лиц по предварительному сговору тем, что в первом случае участники не просто соглашаются на совершение преступления, а именно объединяются, поэтапно планируют преступление, у них имеется сплоченность.

Помимо названных, для ОПГ могут быть характерны следующие признаки: наличие аппарата управления и четкой иерархии; прочные связи; высокая степень зависимости между членами организации; общая мотивация, стимулы и интересы; культура поведения внутри группы и вне ее; формирование психологической структуры, применение психического и физического давления на членов группы и др.

В последние несколько лет в большинстве стран мира отмечается сдвиг в поведении ОПГ. Сегодня более стабильные и устойчивые организации действуют одновременно в нескольких криминальных рынках и их уязвимость к традиционным методам правоприменительной практики и оперативной деятельности, по-видимому, уменьшилась. Как следствие, традиционные стратегии оперативно-розыскных мероприятий оказались слишком ограниченными по своей силе и масштабу. И в качестве ответа на эволюцию ОПГ, правоохранительные органы также пытаются модернизироваться.

Противодействие преступным сообществам требует методов, весьма отличающихся от традиционных, и опыт ряда

стран свидетельствует о том, что для повышения квалификации следователей и сокращения времени, затрачиваемого на проведение расследований или подготовку дел к судебному разбирательству, может быть эффективно использовать информацию, полученную с помощью кибертехнологий, тайных агентов, показаний сообщников и лиц, имеющих какие либо взаимоотношения с членами преступной организации и других методов сбора доказательств.

Можно выделить следующие векторы борьбы с преступлениями, совершаемыми ОПГ. Во-первых, это нарушение структурных компонентов организаций преступного толка. Ключевой способ работы в этом направлении – это привлечение к ответственности за конкретные преступления лидеров или групп лидеров преступных организаций. Это помогает более эффективно работать по рядовым участникам, ставит возможность распада преступного сообщества вплоть до его ликвидации.

Кроме того, расследование преступлений, совершаемых ОПГ, должно опираться на самое полное использование всех новейших научно-технических средств и в особенности тех, которые позволяют обнаруживать, исследовать и использовать следы. Отражения материальной и личностной среды не только помогают эффективному поиску лиц, совершающих преступления, но и создают прочную базу для успешного поддержания обвинения в суде. Это особенно важно тогда, когда имеется сильное противодействие правоохранительным органам, конспирация, запугивание свидетелей, сокрытие обстоятельств совершения преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. - 05.07.2021. - № 27. - Ст. 5351.
2. Стукалова Т. В. Актуальные вопросы криминализации и доказывания деяний в области организованной преступности по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ // Результаты современных научных исследований. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. - 2021. - С. 61-77.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.
4. Пинчук В. С. К вопросу о признаках организованной группы в уголовном праве России // Аллея науки. - 2022. - Т. 1. - № 5 (68). - С. 511-516.
5. Приговор № 1-313/2019 1-36/2020 от 30 января 2020 г. по делу № 1-313/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/rX11MljQY8Hc/> (дата обращения: 10.11.2022).
6. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000) // СЗ РФ от 4 октября 2004. - № 40. - Ст. 3882.

СЕЛЮЖИЦКАЯ Гульнара Мансуровна

адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

ОСОБЕННОСТИ ЭТАПА ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О МОШЕННИЧЕСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются проблемы, возникающие перед следователем (дознавателем) при поступлении сообщения о совершенном мошенничестве в отношении лица пожилого возраста. Люди старшего поколения являются наиболее «привлекательной» категорией населения, в связи с чем становятся частыми жертвами мошенников. В результате анализа материалов судебной и следственной практики автором описаны складывающиеся на этапе сбора материалов проверки для решения вопроса о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, или о передаче сообщения о преступлении по подследственности (этапе доследственной проверки) типичные доследственные ситуации, а также авторская программа доследственной проверки. Обосновывается вывод о необходимости включения в методику расследования мошенничеств, совершенных в отношении лиц пожилого возраста, этапа доследственной проверки.

Ключевые слова: мошенничество, лицо пожилого возраста, доследственная проверка, доследственная ситуация.

SELYUZHITSKAYA Gulnara Mansurovna

adjunct of Management of crime investigation bodies sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

FEATURES OF PRE-INVESTIGATION VERIFICATION OF REPORTS OF FRAUD COMMITTED AGAINST THE ELDERLY

The article deals with the problems that arise before the investigator (inquirer) when a report of fraud committed against an elderly person is received. Older people are the most “attractive” category of the population, and therefore become frequent victims of fraudsters. As a result of the analysis of materials of judicial and investigative practice, the author describes typical pre-investigation situations that develop at the stage of collecting verification materials to resolve the issue of initiating or refusing to initiate a criminal case, or sending materials on investigation (pre-investigation verification stage). The conclusion is substantiated that it is necessary to include in the methodology of investigation of frauds committed against the elderly, the stage of pre-investigation verification.

Keywords: fraud, elderly person, pre-investigation check, pre-investigation situation.

На протяжении последних лет одним из самых популярных видов хищения чужого имущества является мошенничество, способы и методы которого совершенствуются с учетом происходящих изменений в различных сферах жизни общества. Так, в период с 2018 года по 2022 год наблюдается значительный рост данного вида преступлений (за 2018 год число совершенных мошенничеств составило 215036 случаев, в 2019 году - 257187, 2020 году - 329123, 2021 году - 339606, по состоянию с января по ноябрь 2022 года - 311456¹. Данный факт закономерно определяет разнообразие возрастных групп жертв указанных преступлений, в массиве которых наибольшую привлекательность для мошенников вызывают лица пожилого возраста.

Анализ материалов судебно-следственной практики и статистических сведений показал, что «большая доля данного вида преступлений остается нераскрытой не только ввиду несовершенства деятельности следователей (дознавателей) с точки зрения эффективности проводимого расследования, но и в связи с латентным характером мошенничеств, поскольку пожилые люди порой не осознают обманных действий, а иногда намеренно скрывают сам факт совершенного в отношении их хищения» [7, С. 450].

В ходе проведенного в период с 2020 по 2022 гг. анализа материалов более 210 уголовных дел, находившихся в производстве органов предварительного расследования ГУ МВД России по Ставропольскому, Краснодарскому краев, республики Ингушетии, отмечено, что для полного и всестороннего рассмотрения материалов проверки следователю (дознавателю) недостаточно оговоренного в УПК РФ 3-хдневного срока, а в случае продления срока - 10 суток (в исклю-

чительных случаях - 30 суток) для проведения полноценной доследственной проверки, позволяющей принять законное и обоснованное решение. По этой причине следователями (дознавателями) были вынесены необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и, как следствие, это привело к утрате некоторых следов преступления.

Решение данной проблемы во многом зависит от деятельности следователя (дознавателя) еще до принятия им решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, или передаче сообщения о преступлении по подследственности, направленной на сбор и фиксацию «информации о предполагаемом преступном событии, выявление в ней наличия или отсутствия фактических данных, указывающих на признаки преступления, а также сбор дополнительных сведений о следах преступного события» [2].

На наш взгляд, справедливо мнение Л. А. Савиной, что «на пути от выявления преступления до привлечения к ответственности и наказания виновного лица правоохранительные органы осуществляют огромный объем работы, положительный результат которой чаще всего определяется на первоначальном этапе уголовного процесса. Это, в свою очередь, во многом зависит от эффективности проверки, предшествующей вынесению постановления о возбуждении уголовного дела либо отказе в таковом» [6, С. 6].

М. В. Авакьян отметил, что «успех в установлении события преступления, а также в выявлении, фиксации и изъятии его следов для дальнейшего расследования уголовно-наказуемого деяния, во многом зависит от эффективности работы правоохранительных органов в процессе проверки сообщений о противоправной деятельности, которая, по мнению многих отечественных исследователей, является неотъемлемым структурным элементом любой частной методики расследования» [1, С. 52], с чем мы выражаем согласие.

В результате изучения научных трудов различных отечественных ученых в области криминалистической и уго-

1 Сборники статистических данных Генеральной Прокуратуры РФ о состоянии преступности в России за 2018, 2019, 2020, 2021 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения 12.12.2022 г.)

ловно-процессуальной наук, а также анализа материалов судебно-следственной практики мы пришли к выводу о необходимости разработки методических рекомендаций по повышению эффективности деятельности, относящейся к проверке сообщений о преступлении, и включения этапа сбора и проверки материалов для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела, или передачи сообщения о преступлении по подследственности (этапа доследственной проверки) в структуру частной криминалистической методики расследования мошенничеств, совершенных в отношении лиц пожилого возраста.

По нашему мнению, на данной стадии следователь (дознатель) получает сведения об исходной информации, необходимой для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, обстоятельствах, которые подлежат доказыванию, и проводит работу по сбору доказательственной базы.

В частной криминалистической методике расследования мошенничеств, совершенных в отношении лиц пожилого возраста, невозможно рассматривать доследственную проверку, ее эффективное и оперативное осуществление без применения соответствующих рекомендаций криминалистической науки [1, С. 53; 4, С. 222].

Анализ судебной и следственной практики показал, что наиболее часто информация о совершенном в отношении пожилого человека мошенничестве поступает из следующих источников: заявлений или писем самих пожилых потерпевших или их родственников (61,4 %); рапортов об обнаружении признаков преступления (17,9 %); сообщений различных общественных организаций (10,8 %); статей, заметок и писем, опубликованных в печати (1,4 %); заявления о явке с повинной (8,5 %).

По времени поступления исходная информация о совершенном мошенничестве в отношении лица пожилого возраста подразделяется на полученную: сразу после совершения преступления; в течение 10 суток; до истечения 1 месяца с момента совершения преступления, но позднее 10 суток; по истечении 1 месяца.

По объему поступления исходная информация подразделяется на: материалы, не требующие доработки; материалы, требующие доработки; материалы, содержащие в себе некалфицируемую информацию.

Полученные результаты исследования позволили нам выявить следующие типичные доследственные ситуации, в которых оказывается следователь (дознатель) при получении сообщения о мошенничестве, совершенном в отношении лица пожилого возраста, с учетом источника, времени поступления и объема той исходной информации, которая находится в распоряжении следователя (дознателя) до принятия им решения в порядке ст. 145 УПК РФ:

ситуация 1 - материалы проверки собраны в полном объеме и не требуют доработки, что позволяет следователю (дознателю) решить вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче сообщения о преступлении по подследственности;

ситуация 2 - материалы проверки не содержат в себе исчерпывающую информацию о произошедшем событии, в связи с чем требуют проведения дополнительных следственных действий и иных процессуальных мероприятий;

ситуация 3 - материалы проверки содержат в себе некалфицируемую информацию об одновременном наличии признаков преступного деяния и сделки, заключенной в порядке гражданско-правовых отношений.

На этапе сбора материалов проверки после поступления информации о совершенном мошенничестве следователю (дознателю) необходимо принять оперативные меры по сохранению следовой картины произошедшего события, которая представлена совокупностью материальных (включая цифровые) и идеальных следов. В дальнейшем ему также предстоит найти ответы на вопросы, которые позволят принять законное и обоснованное решение в соответствии со ст. 145 УПК РФ.

На наш взгляд, перечень таких вопросов по делам о мошенничествах, совершенных в отношении лиц пожилого

возраста, выглядит следующим образом: имело ли место со- бытие мошенничества?

– является ли жертва лицом пожилого возраста согласно критериям, предложенным в настоящем исследовании (достигшее 60 лет, нетрудоспособное лицо)?

– кем совершено мошенничество (описание внешности, особых примет, используемого транспорта, орудий и т.д.)?

– совершено ли мошенничество группой лиц по предварительному сговору, организованной преступной группой (преступным сообществом)?

– какой способ был избран злоумышленником для совершения мошенничества в отношении пожилой жертвы?

– в каком направлении открылся заподозренный (лицо, в отношении которого следователь (дознатель) располагает сведениями, что оно может быть причастно к совершенному мошенничеству)?

– каков размер причиненного пожилому потерпевшему имущественного вреда? Разрешение данного вопроса необходимо для квалификации действий злоумышленника по соответствующим частям статьи 159 УК РФ.

– могло ли быть совершенное мошенничество лишь способом сокрытия иного, более тяжкого преступления?

– мог ли факт совершения мошенничества в отношении конкретного лица пожилого возраста быть одним из эпизодов преступной деятельности злоумышленника (группы), специализирующегося (щейся) на мошенничествах, совершаемых в отношении старшего поколения, с присущими им способами реализации преступного замысла?

По нашему мнению, следователю (дознателю) удастся получить ответы на данные вопросы посредством проведения следственных и иных процессуальных мероприятий на этапе доследственной проверки в зависимости от сложившейся доследственной ситуации.

На наш взгляд, по ситуации 1 программа проверочных действий выглядит следующим образом:

– регистрация заявления или сообщения о мошенничестве;

– комплектование специализированной «следственно-оперативной группы и осуществление ее выезда на место происшествия;

– проведение опроса заявителя либо иного лица, сообщившего о преступлении, возможных очевидцев и участников преступного события;

– при получении сведений о внешности злоумышленника ориентировать территориальные подразделения органов внутренних дел на принятие мер по задержанию последнего, а в случае наличия сведений об использованном транспортном средстве (приметы, государственный регистрационный знак) направить запрос в МРЭО ГИБДД с целью установления владельца;

– осмотр места происшествия с целью отыскания, фиксации и изъятия» [3, С. 18-23] следов мошеннических действий;

– получение от заявителя или иного лица необходимых документов, подтверждающих факт наличия у потерпевшего в собственности ранее похищенного имущества или о проведенной сделке по оказанию различного рода услуг либо приобретению/продаже им имущества;

– приобщение справок из банковской организации о факте совершения потерпевшим транзакции денежных средств с банковского счета, оформленного на его имя, в пользу злоумышленника; об оформленном кредите или займе; о продаже потерпевшим принадлежащего ему имущества;

– при совершении мошенничества в местах, где установлены камеры видеонаблюдения, или через устройство самообслуживания (банкомат, терминал) направить запросы в соответствующие организации для архивации файлов видеозаписи с целью их дальнейшего изъятия в ходе осмотра места происшествия;

– получение и приобщение справок о регистрации псевдозаконной фирмы или ИП в едином государственном реестре; отчетной налоговой документации из органа Федеральной налоговой службы РФ;

– сбор данных, характеризующих личность пожилого потерпевшего, мошенника, возможных свидетелей и очевидцев;

– гериатрическая оценка (освидетельствование) потерпевшего пожилого возраста врачом – гериатром;

– отыскание и мониторинг открытых интернет-ресурсов и социальных сетей с целью получения информации о размещенной рекламе, заказчиках и их возможных связях, контактах;

– истребование и приобщение информации о соединениях абонентов «от операторов сотовой связи (провайдеров) по определенному номеру, IP-адресу на определенный промежуток времени; сведения о подключении и местонахождении абонента (и) или абонентского устройства (для сопоставления дат, времени и места нахождения сим-карты мобильного телефона, смартфона или планшетного компьютера, принадлежащего подозреваемому, с местом и временем совершения конкретного факта мошенничества); сведения об идентификации устройств, через которые осуществлялся контакт посредством использования IP-телефонии; сведения между абонентами и трафике за определенный период времени, прошедшие через определенный сервер; о движении денежных средств по счету абонентских номеров, на которые поступили зачисления денежных средств потерпевшего» [5, С. 108], а также иных значимых сведений об информационных следах совершенного преступления;

– установление и «истребование предметов, на которые было направлено преступление; иных предметов, с помощью которых можно установить обстоятельства совершения мошенничества» [5, С. 108];

– направление в адрес руководителя органа дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление и изобличение злоумышленника и (или) его соучастников, а также документирование их преступной деятельности;

– вынесение постановления о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, или о передаче сообщения о преступлении по подследственности.

– проведение выборки, исследования и анализа ранее находившихся на рассмотрении сообщений о преступлении по аналогичным фактам мошенничества, по результатам которой вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

При возникновении следственной ситуации 2 следователю (дознавателю) предстоит провести ряд дополнительных следственных действий и иных процессуальных мероприятий, продиктованных особенностями каждого конкретного случая мошенничества. Как правило, среди таких значатся назначение и производство судебной экспертизы; приобщение не поступивших в установленный срок ответов на запросы; поручение о проведении дополнительных оперативно-розыскных мероприятий с целью установления отдельных обстоятельств совершенного преступления, о причастных к нему лицах (участниках группы, дополнительных свидетелей и очевидцев), истребования сведений от операторов сотовой связи, кредитных организаций или администрации платежной системы и т.д., анализ полученных данных и проверка абонентского номера, интернет-ресурса по ранее зарегистрированным преступлениям; проведение повторного опроса заявителя пожилого возраста с целью уточнения уже известных или установления новых обстоятельств совершенного мошенничества (уточнение примет злоумышленника, точного времени совершения действий по передаче имущества мошеннику и т.д.); проведение повторного или дополнительного следственного осмотра (места происшествия, отдельных предметов, документов) и т.д.

В условиях складывающейся следственной ситуации 3 следователем (дознавателем) могут быть проведены следующие следственные и иные процессуальные действия: назначение и производство судебных экспертиз (почерковедческой, фармацевтической, товароведческой, строительно-технической, технико-криминалистической экспертиза предметов и документов и т.д.); повторный опрос заявителем, очевидцев произошедшего, лица, в отношении которого проводится проверка; следственный осмотр ранее не осматриваемых помещений, предметов, документов, повторный или дополнительный осмотр места происшествия и т.д.

В зависимости от способа совершения мошенничества в отношении пожилого человека и той следственной ситуации, которая складывается на этапе следственной проверки, каждая модель может быть применена в полном или усеченном варианте, а также дополнена другими следственными и иными процессуальными действиями.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам, что этап следственной проверки является неотъемлемым структурным элементом в методике расследования мошенничества, совершенных в отношении лиц пожилого возраста, от полноты и всесторонности которого зависит первоначальный этап расследования исследуемой группы преступлений; а также данный этап позволит установить картину произошедшего события (признаки мошенничества), решить вопросы о возможном использовании конкретного факта мошенничества в качестве способа сокрытия иного, более тяжкого преступления, о групповом или специализированном характере совершенного деяния, выявить иные преступления, связанные и не связанные с расследуемым мошенничеством, определить направления поиска заподозренного лица, а также места сокрытия похищенного имущества.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян М. В. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2018.
2. Ильин А. Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009.
3. Макеев А. В. Особенности расследования преступлений против здоровья // Эпоха науки. – 2018. – № 15.
4. Меликян М. Н. Процессуальные и криминалистические аспекты предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Краснодар, 1998.
5. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании окуральных услуг: дис. ... канд. юр. наук. – Ростов-на-Дону, 2018.
6. Савина Л. А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях. – М., 2006.
7. Селюжицкая Г. М. Криминалистические знания об особенностях личности пожилого потерпевшего по делам о мошенничествах // 30 лет юридической науки КУБГАУ. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией В. Д. Зеленского, отв. за выпуск С. А. Куюмжиева, А. А. Тушев. – Краснодар, 2021. Издательство: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (Краснодар).

ХОРЕВ Михаил Владимирович

преподаватель кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Института права и управления Тульского государственного университета

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

В статье рассматривается проблема криминалистического определения понятия «источник повышенной опасности». Изучив различные подходы к толкованию исследуемого понятия в криминалистике, уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науке, автор приходит к выводу, что во всех существующих определениях отсутствуют чёткие критерии, которые позволяли бы безусловно относить те или иные объекты к источникам повышенной опасности, при этом избегая излишне широкого толкования данного понятия.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, сложная техническая система, вредоносный, неподконтрольный человеку, неосторожные преступления.

KHOREV Mikhail Vladimirovich

lecturer of Forensic science and customs sub-faculty of the Institute of Law and Management of the Tula State University

THE PROBLEM OF DETERMINING THE SOURCE OF INCREASED DANGER FOR THE PURPOSES OF FORENSICS

The article deals with the problem of forensic definition of the concept of “source of increased danger”. Having studied various approaches to the interpretation of the concept under study in forensic science, criminal law and criminal procedure science, the author comes to the conclusion that in all existing definitions there are no clear criteria that would allow one or another object to be unconditionally attributed to sources of increased danger, while avoiding an overly broad interpretation of the concept.

Keywords: source of increased danger, complex technical system, malicious, out of human control, careless crimes.

Хорев М. В.

В конце 90-х годов XX века У. Бек назвал современное общество «обществом риска», жизнь в котором заставляет искать возможности для снижения этих рисков и обеспечения общественной безопасности [5, с. 4]. Внутренняя политика любого государства направляет свои усилия на решение вопросов, связанных с повышением уровня безопасности населения и социальной инфраструктуры.

Все риски (угрозы для человека, общества и природной среды можно рассматривать как единую социальную систему, к которой следует отнести и чрезвычайные ситуации (ЧС) в качестве подсистемы.

В настоящее время в качестве одной из угроз безопасности современного общества можно рассматривать различные техногенные аварии и катастрофы. Главной их особенностью является то, что они тесно связаны с научно-техническим прогрессом, ускорением внедрения и масштабированием сложных технологических систем, которые принято относить к источникам повышенной опасности.

Впервые источник повышенной опасности упоминается ещё в ГК РСФСР 1922 года, однако, спустя более, чем сто лет, научная дискуссия вокруг него продолжается. Существуют различные точки зрения по вопросу сущности понятия источника повышенной опасности. Правоведы определяют его как:

- 1) определенного рода деятельность [1, с. 71];
- 2) объекты материального мира, опасные свойства которых не поддаются полному контролю человека [9, с. 7-8];
- 3) вещи и оборудование, которые находятся в процессе эксплуатации и создают при этом повышенную опасность для лиц, как задействованных в процессе эксплуатации, так и для окружающих (концепция «движущихся вещей»);
- 4) предметы и деятельность, создающие повышенную опасность для окружающих [8, с. 733].

Шишкин С. справедливо заметил, что «...законодатель и в действующем Гражданском кодексе не смог разрешить проблему определения этого понятия, так как из смысла, вытекающего из ст. 1079, деятельность, о которой в статье идет речь, не отождествляется с понятием источника повышенной опасности» [12, с. 20].

По мнению Ненашева М., источник повышенной опасности — это сложное понятие, связанное с тремя признаками:

- «1. Деятельностью, создающей повышенную опасность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека;
2. Явлением (вещью, энергией, мощностью и пр.), способным к передаче во владение;
3. Свойствами вещей, которые при достигнутом уровне развития науки и техники не поддаются полностью контролю человека, создают высокую степень вероятности причинения вреда его жизни или здоровью либо материальным благам».

В. М. Болдинов справедливо отмечает, что термины «деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих» и «источник повышенной опасности» не являются тождественными, а соотносятся друг с другом как процесс и предмет. Таким образом, он определяет источник повышенной опасности как специфический *вредоносный* объект, также обладающий своими признаками (*неподконтрольность* его человеку, высокая вероятность причинения вреда окружающим, возможность *случайного* причинения вреда)» [3, с. 189]. Наверное, можно возразить автору и поставить под сомнение термин «вредоносный» объект, так как неверно называть вредоносными объекты, изначальное целевое предназначение которых — не приносить вред, а способствовать повышению социального и экономического уровня жизнедеятельности населения и государства. Мы полагаем, что не корректно, например, в отношении транспортных средств (самолетов, поездов, кораблей, автомобилей и т.п.), зданий и сооружений (аквапарков, стадионов, торговых центров, развлекательных комплексов и т.п.), промышленных и энергетических предприятий использовать подобный термин.

Следует отметить, что термин «вредоносный» уместен только в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов, военной техники, оснащенной вооружением, а также иных объектов, изначально созданных для целей поражения и причинения вреда (эпидемиологическое, бактериологическое, химическое оружие и др.), поскольку целью разработ-

ки, создания и использования данных объектов можно назвать умышленное причинение вреда.

Флейшиц Е. Н. определяет источник повышенной опасности как свойства вещей, которые создают высокую вероятность причинения вреда [11, с. 131].

В энциклопедическом словаре гражданской обороны источник повышенной опасности определяется как техногенный объект, человеческий фактор или природный процесс, создающие угрозы жизни и здоровью людей, гибели животного и растительного мира, разрушения объектов техносферы и поражения природной среды [4, с. 195].

О. Г. Ершова и М. В. Виноградова относят к источникам повышенной опасности и строительную деятельность. Авторы полагают, что здание является объектом полностью подконтрольным человеку, а любые технические сооружения, необходимые для строительства, без эксплуатации теряют свои вредоносные свойства [6, с. 92-93]. Такая позиция представляется достаточно спорной, так как известно достаточно большое число случаев когда строения обрушались сами по себе по различным причинам, даже когда не эксплуатировались.

Вследствие того, что в научной литературе и нормативно-правовых актах отсутствует единообразный подход к определению источника повышенной опасности, возникает неоднозначное и необоснованно расширительное его толкование и различным произвольным трактовкам со стороны участников судопроизводства, а также невозможности разработки перечня ИПО и их классификации.

Из норм ст.ст. 168, 216 и 349 УК РФ следует, что законодатель относит к ИПО огонь, оружие, боеприпасы, радиоактивные материалы, взрывчатые или иные вещества и предметы. Не понятно, что законодатель понимает под иными источниками повышенной опасности. В нормах некоторых других статей УК РФ отсутствует прямое указание на источники повышенной опасности. Однако в Комментариях к этим статьям, а также из содержания их норм вытекают аналогичные нарушения в отношении объектов, которые можно отнести к ИПО.

Анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с источниками повышенной опасности, совершенно четко указывает на неосторожный характер данных преступлений, а также их связь с нарушением различных правил строительства, эксплуатации, хранения, а также уничтожения таких объектов.

Салтевский М. В. указывает, что источником повышенной опасности является уголовно-правовое понятие, включающее в себя *устройства и механизмы* производственного и *бытового назначения*, транспортные средства, сильнодействующие, ядовитые и легковоспламеняющиеся вещества и физические явления [7, с. 307]. Данное определение нам представляется чрезвычайно общим, как впрочем, и все остальные, поскольку затруднительно предположить, какое устройство или механизм производственного или бытового назначения автор относит к ИПО: токарный станок, транспортер, мясорубку, электродрель, фен, дрель, кофеварку, шуруповерт или нечто иное? Вероятно, по мнению автора, подобный список можно не ограничивать. В контексте подобного подхода ИПО нас окружают везде и всегда.

Например, И. М. Тяжкова отмечает, что «опасность неосторожных преступлений резко возрастает в условиях ускорения научно-технического прогресса, что обусловлено внедрением новых технологий, увеличением потока технических средств, использованием новых источников энергии, интенсификацией воздействия на природную среду и т.п.» [10, с. 9]. Автор пишет, что ИПО в уголовном праве – это «... характеризующиеся большой массой и скоростью движущиеся объекты, мгновенная остановка которых невозможна, что создает повышенную опасность для окружающих» [10], [13]. Нам представляется, что данное определение справедливо только лишь для транспортных средств. По этим критериям мы не сможем отнести к ИПО, например, объекты атомной энергетики или объекты по хранению боеприпасов или взрывчатых веществ и ряд подобных.

Не можем разделить точку зрения И. И. Бикеева, который предлагает источники повышенной опасности считать разновидностью объектов повышенной опасности [2, с. 141]. Совершенно очевидно, что с криминалистической точки зрения понятия являются синонимами и об их соподчиненности не может идти речь. Далее автор упоминает об

опасной (*не о повышено опасной!*) медицинской деятельности [2, с. 141]. По аналогии многие виды человеческой деятельности можно признать опасными.

Небесспорным представляется мнение ученых, которые на одну ступень повышенной опасности ставят опасность, исходящую от велосипеда, бытового прибора, самолета, нефтехранилища, атомного реактора и т.п. Подобный подход не представляется нам правильным и системно обоснованным.

Представляется, что *многопорядковость и разнообразие последствий* следует дополнить их *тяжестью*. Многопорядковость и разнообразие обусловлены тем, что в определенную чрезвычайную ситуацию могут быть втянуты не только лица, связанные с эксплуатацией, ремонтом или охраной определенных объектов, но и множество других лиц, находившихся в зоне действия чрезвычайной ситуации, жилые дома, производственные предприятия, здания и сооружения. Может быть заражена почва и вода. Так, в результате ДТП могут погибнуть люди, находившиеся на остановке. В результате авиационной катастрофы самолет может упасть на жилые районы, школы, предприятия или в водоем. Взрывы складов с боеприпасами могут продолжаться последовательно несколько дней, захватывая соседнюю инфраструктуру и т.д. Данную ситуацию можно рассматривать как экологически и социально чрезвычайную (криминальную).

Таким образом, анализ различных подходов к определению источников повышенной опасности свидетельствует о том, что отсутствует их системный криминалистический анализ и критерии, которые позволяли бы однозначно отнести те или иные объекты к источникам повышенной опасности. Все проанализированные определения имеют существенные внутренние противоречия. Бессистемность в решении данного вопроса привела к тому, что к источникам повышенной опасности ученые обосновательно (при отсутствии критериев) относят необоснованно широкий круг окружающих человека объектов, что представляется неверным и требующим более подробного анализа.

Приставный библиографический список

1. Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. - М., 1952. - 296 с.
2. Бикеев И. И. Понятие и виды объектов повышенной опасности в уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. - 2007. - № 1. - С. 141-149.
3. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - 372 с.
4. Гражданская защита: Энциклопедический словарь (издание третье, переработанное и дополненное); под общей ред. В. А. Пучкова / МЧС России. - М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. - 711 с.
5. Гурина А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. Автореф. ... докт. юрид. наук. - Калининград, 2018. - 46 с.
6. Ершов О. Г., Виноградов М. В. Строительная деятельность как источник повышенной опасности // Современное право. - 2008. - № 10. - С. 90-93.
7. Салтевский М. В. Криминалистика в современном изложении юристов: Учеб.-практич. пособие. - Харьков: «Рубикон», 1997. - 432 с.
8. Сергеев А. П. Гражданское право: Учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. - М., 1998. Ч. 2. - 778 с.
9. Тебряев А. А. Внедоговорная (деликтная) ответственность и меры защиты за причинение вреда источником повышенной опасности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2002. - 20 с.
10. Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности. Дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2003. - 399 с.
11. Флейшиц Е. Н. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. - М., 1951. - 239 с.
12. Шишкин С. К. Источник повышенной опасности и его виды // Российская юстиция. - 2002. - № 12. - 130 с.
13. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / Под ред. В. С. Комисарова. - СПб., 2002.

ШАМУРЗАЕВ Таалайбек Турсунович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина.

АРДАШЕВ Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА СМЕРТИ СПОРТИВНЫХ ТУРИСТОВ (АЛЬПИНИСТОВ) В ГОРНОЙ МЕСТНОСТИ

Авторами рассматриваются классические причины гибели спортивных туристов (альпинистов) в горной местности. Изложены примеры громких дел названной категории (исчезновение ленинградских альпинистов под руководством П. Клочкова, гибель группы лыжных туристов под руководством И. Дятлова, гибель туристов на Кольском полуострове и Восточных Саянах и т.д.). Приведена судебно-медицинская характеристика повреждений, полученных людьми в условиях высокогорья, что явилось причиной их смерти.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, горная местность, насильственная смерть, туризм, альпинизм.

SHAMURZAEV Taalaibek Tursunovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Faculty of Law of the B. N. Yeltsin Kyrgyz Russian Slavic University

ARDASHEV Roman Georgievich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

FORENSIC MEDICAL ASSESSMENT OF THE DEATH OF SPORTS TOURISTS (CLIMBERS) IN MOUNTAINOUS AREAS

The authors consider the classic causes of the death of sports tourists (climbers) in mountainous areas. Examples of high-profile cases of this category are presented (the disappearance of Leningrad climbers led by P. Klochkov, the death of a group of ski tourists led by I. Dyatlov, the death of tourists on the Kola Peninsula and the Eastern Sayans, etc.). A forensic medical description of the injuries received by people in high mountains, which was the cause of their death, is given.

Keywords: forensic medical examination, highlands, violent death, tourism, mountaineering.

Шамурзаев Т. Т.

Ардасhev P. Г.

Спортивный туризм является видом спорта, имеющим цель спортивное совершенствование человека в преодолении естественных препятствий. Данная спортивная дисциплина исторически сложилась в СССР, в свою очередь альпинизм как вид спорта зародился в Альпах, именно в этой местности он впервые стал развиваться как вид спорта. Спортивные восхождения начали происходить в Альпах еще в начале XIX в. Само возникновение альпинизма чаще всего связывают с покорением в 1786 г. врачом М.-Г. Паккардом и горным проводником Ж. Бальма высшей точки Альп – Монблана.

Известно, что альпинизм, горный туризм и другие виды экстремальной деятельности являются потенциально опасными для здоровья и жизни, требуют определенного уровня физической, психологической и технической подготовки. Федерация альпинизма РФ (со ссылкой на статистику МЧС РФ) сообщает, что на каждые 10 тысяч человек приходится погибших:

- в альпинизме – 24 человека;
- в сплавах по рекам – 15 человек;
- в лыжном туризме – 5 человек;
- в горно-пешеходном туризме – 4 человека [1].

Особый резонанс вызывают случаи массовой гибели (исчезновения) всей группы туристов (альпинистов). Так, летом 1989 г. в горах Памира бесследно исчезла группа ленинградских альпинистов (6 человек) под руководством П. Клочкова. Огромную известность получила гибель на Северном Урале в 1959 г. группы лыжных туристов под руководством И. Дятлова, повлекшая массу спекулятивных публикаций, фильмов, книг. Группа не вышла в назначенное время к финишу. Через

месяц спасатели нашли их палатку, засыпанную снегом, разрезанную изнутри, а в радиусе полутора километров от нее – пять замерших трупов. Еще четыре трупа туристов нашли в мае, когда растаяли большие массы снега в местном ручье. Почти все туристы были раздеты и полураздеты, некоторые имели тяжкие телесные повреждения. Совокупность данных позволяла полагать, что члены группы Дятлова спешно покинули палатку, разрезав ее, и пошли прочь, не одевшись и обувшись должным образом. Они пытались согреться, разведя костер из подобранных средств, но сильный ветер и мороз умертвили их.

28 мая 1959 г. органы прокуратуры Свердловской области вынесли постановление о прекращении настоящего уголовного дела. По мнению юристов, туристы погибли вследствие неодолимой природной силы. В ходе расследования проверялась версия о возможной причастности к данной гибели представителей народности манси, но никакого подтверждения это предположение не нашло. Уголовное дело долгое время хранилось в прокуратуре Свердловской области, а в настоящее время находится в государственном архиве Свердловской области, его материалы, скопированные разными исследователями, размещены на разных интернет-сайтах, широко цитируются в СМИ и книгах.

На самом деле причина гибели этих людей оказалась банальной: на палатку с туристами внезапно сошел небольшой, но тяжелый (весом до 10 тонн) пласт уплотненного снега. Срочно покинувшие придавленную палатку, без теплой одежды и обуви, ночью, в сильный мороз и ветер, туристы были деморализованы и погибли [2, с. 155-157].

Сходная картина наблюдалась при гибели десяти лыжных туристов (студенты вузов г. Куйбышева), путешествовавших в конце января 1973 г. в горном районе Хибин (Довозерские тундры Кольского полуострова). В тот период на полуостров надвинулся мощный циклон, температура воздуха быстро опустилась с минус 10 до минус 45 градусов Цельсия, что в совокупности с ураганным ветром (до 50 м/сек.) привело к быстрому замерзанию людей [3, с. 12-13]. В подобных случаях необычность получения травмы пострадавшими, либо уникальность условий и обстоятельства самого происшествия являются дополнительным основанием для внимательного экспертного изучения данного случая с последующим изложением полученных результатов в научных изданиях и периодической печати [4].

Случай массовой гибели туристов в горах имел место и на территории Республики Бурятия в августе 1993 г. Тогда в Восточных Саянах на высоте 2300 м умерла мастер спорта по туризму Л. Коровина (пропагандировавшая экстремальный туризм) и еще пять молодых туристов. Выжить смогла только 17-летняя участница похода В. Уточенко.

Иногда в СМИ встречаются сообщения о гибели людей, при проверке оказывающиеся обычным вымыслом. Так, в 2019 г. «Российская газета» поместила материал А. Грековича, утверждавшего, что еще в 1953 г. в Республике Тува бесследно исчезла целиком научная экспедиция под руководством Л. Н. Леонтьева [5]. На наше обращение заместитель министра внутренних дел по Республике Тыва М. С. Тарначы ответил, что факт пропажи экспедиции Л. Н. Леонтьева вообще не отражен в документах министерства, то есть является вымышленным [6].

Трагично завершилась экспедиция шести туристов-водников из России, которые должны были спуститься на двух катамаранах по неразведанным участкам горной реки Юрункаш (КНР). Вначале перевернулся один катамаран, а потом и другой, отчего трое человек погибло от утопления в ледяной воде, один – исчез без вести, и только двое туристов остались в живых [7]. Факты исчезновения тел людей, попавших в горные реки, не являются редкими [8, с. 203-206]. Судебными медиками установлен комплекс специфических повреждений, выявляемых при исследовании трупов лиц, извлеченных из горных рек [9, с. 128-131].

Изучение специальной литературы, материалов экспертной и следственной практики показывает, что в статистике насильственной смерти, происшедшей в условиях высокогорья, преобладают случаи тупой механической травмы в результате ступенчатого падения с большой высоты. Здесь распространена тяжелая черепно-мозговая травма (нередко – с разрушением вещества головного мозга), а также тупая травма грудной клетки с повреждением внутренних органов. Механизмы возникновения указанных повреждений – неоднократные удары тела о предмет с неограниченной, часто неровной поверхностью (скалы, ледяные поверхности).

При гибели туристов и альпинистов вследствие падения в горных массивах наиболее значимыми признаками, обнаруживаемыми судебными медиками, являются: множественные открытые многооскольчатые переломы костей мозгового и лицевого скелета; очаговые субдуральные гематомы; обширные осаднения кожи, подтверждающие факт скольжения тела по склону горы; множественные раны и кровоизлияния; крупные очаги ушиба и разможнения с удалением вещества головного мозга; множественные переломы костей таза, верхних и нижних конечностей; множественные переломы ребер по многим анатомическим линиям, отрывы и переломы рудины; кровоизлияния в плевральные полости, отрывы и разрывы легких, аорты; кровоизлияния в средостение, в сердечную сорочку с разрывом; малокровие внутренних органов, а также разрывы сердца, печени, почек, селезенки, поджелудочной железы [10, с. 10-14].

Падение с высоты в горных условиях почти всегда носит ступенчатый характер, обусловленный появлением специфических повреждений, отсутствующих при падении с большой высоты в условиях населенного пункта [11, с. 36-38].

Характерными признаками попадания человека в эпицентр снежной лавины являются: очаговые кровоизлияния – в мягкие ткани лицевого и мозгового черепа, в области конечностей; очаговые осаднения кожных покровов конечностей; изолированные непроникающие переломы ребер; выраженные венозное полнокровие легких, очаги острой эм-

физемы; венозное полнокровие миокарда с мелкоочаговыми субэндокардиальными геморрагиями; полнокровие печени, почек, поджелудочной железы [12, с. 12-16].

Классическими судебно-медицинскими признаками гибели туристов (альпинистов) от воздействия низкой температуры являются: а) мелкоочаговые кровоизлияния в области верхних конечностей, общеасфиктические признаки; б) морфологические признаки влияния низкой температуры окружающей среды; макроскопические признаки: поза зябнувшего человека, иногда – сосульки, иней в области рта и носа трупа, морозная эритема, «гусиная кожа», красноватый оттенок трупных пятен, сокращение кожи мошонки и подтягивание яичек к входам в паховые каналы, ярко-красная кровь в сердце и крупных сосудах, переполнение кровью левых отделов сердца и крупных артерий, красный цвет легочной ткани на разрезе, эмфизема легких, кровоизлияния в слизистую чашечек и лоханок почек, отсутствие аутолиза поджелудочной железы, кровоизлияния в слизистую оболочку желудка, пустой желудок, заполненный слизью, красная окраска поверхностных слоев мышц; в) отсутствие гликогена в мышцах сердца, печени, поджелудочной железы; пятна Вишневого; распространенный отек мягких мозговых оболочек и вещества мозга, бронхоспазм и острая эмфизема без наличия отека, мелкоочаговые интраальвеолярные геморрагии, спазм стенок протоков [13, с. 45-54].

Нужно отметить, что судебно-медицинским экспертом заключение о смерти от низкой температуры в условиях высокогорья должно быть дано с учетом сведений об обстоятельствах гибели человека, секционных, гистологических, биохимических данных, а также информации о патологических особенностях умершего [14, с. 34-42].

Пристатейный библиографический список

1. Подробная статистика гибели горных туристов и альпинистов в России и других государствах приведена в книге: Лукоянов П. И. Безопасность в лыжных походах и чрезвычайных ситуациях зимних условий. М., 1998. – 140 с. – Прим. авт.
2. Ардашев Р. Г., Туркова В. Н. Об ошибочных и надуманных версиях при расследовании массовой гибели людей (по материалам о гибели туристической группы Дятлова) // Закон и право. – 2018. – № 9. – С. 155-157.
3. Волков Е. Из похода не вернулись // Турист. – 1973. – № 6. – С. 12-13.
4. Архипов О. Н. Судмедэксперты в деле группы Дятлова. – Тюмень, 2015. – 200 с.
5. Грекович А. Группа Дятлова и другие, загадочно пропавшие экспедиции // Российская газета. – 2019. – 26 марта.
6. Письмо № 3/195401837598 от 8 мая 2019 г. Личный архив Р. Г. Ардашева.
7. Григорьев А. Умный в гору не пойдет. Без телефона // Аргументы и факты. – 2007. – 26 декабря. – № 52.
8. Архипова А. Н. Международная практика расследования убийства при отсутствии трупа потерпевшего // Криминалистика в системе правоприменения: Материалы конференции 27-28 октября 2008. – М., 2008. – С. 203-206.
9. Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г. Деятельность правоохранительных органов по розыску лиц, пропавших без вести, и трупов потерпевших. – Бишкек, 2022. – С. 128-131.
10. Мечукаев А. М., Мечукаев А. А. Анализ травматической гибели граждан в условиях высокогорья // Судебно-медицинская экспертиза. – 2006. – № 6. – С. 10-14.
11. Куликович К. Ю., Куценко К. И. Морфологические особенности и механизм формирования повреждений при падении с высотного здания // Судебно-медицинская экспертиза. – 2017. – № 1. – С. 36-38.
12. Маринов Б. Проблемы безопасности в горах. – М., 1981. – С. 12-16.
13. Десятков В. П. Смерть от переохлаждения организма. – Томск, 1977. – С. 45-54.
14. Миррахимов М. М. Сердечно-сосудистая система в условиях высокогорья. – Л., 1968. – С. 34-42.

ИСАЕВ Алиабас Ибрагимович

магистр юриспруденции, аспирант кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О КОНТРАБАНДЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И (ИЛИ) ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Данная статья направлена на выявление и рассмотрение основных особенностей производства осмотра по делам о контрабанде алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2 Уголовного кодекса РФ).

Практической базой данного исследования является анализ следственно-судебной практики с точки зрения криминалистики.

Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий является таможенным преступлением, характеризующимся высокой степенью опасности, в связи с чем особое значение приобретает формирование и развитие эффективных подходов к проведению наиболее часто встречающихся на практике следственных действий, направленных на расследование и раскрытие данного вида преступления. В статье рассмотрены особенности проведения таких видов осмотра, как осмотр места происшествия, предмета контрабанды и транспортного средства в рамках расследования данного вида контрабанды.

Выводы, сделанные в данной работе, могут быть применены в процессе расследования и раскрытия преступления, предусмотренного статьей 200.2 УК РФ.

Ключевые слова: контрабанда, контрабанда табачных изделий, контрабанда алкогольной продукции, следственный осмотр, осмотр места происшествия, осмотр предмета контрабанды.

ISAEV Aliabas Ibrahimovich

master of laws, postgraduate student of Criminalistics sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF INSPECTION IN CASES OF SMUGGLING ALCOHOLIC PRODUCTS AND (OR) TOBACCO PRODUCTS

This article is aimed at identifying and considering the main features of the inspection proceedings in cases of smuggling of alcoholic beverages and (or) tobacco products (Article 200.2 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The practical basis of this study is the analysis of investigative and judicial practice from the point of view of forensic science.

Smuggling of alcoholic products and (or) tobacco products is a customs crime characterized by a high degree of danger, in connection with which the formation and development of effective approaches to the most common investigative actions in practice aimed at investigating and disclosing this type is of particular importance crimes. The article discusses the features of such types of inspection as inspection of the scene, the subject of smuggling and the vehicle as part of the investigation of this type of smuggling.

The conclusions made in this work can be applied in the process of investigating and solving a crime under article 200.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: smuggling, smuggling of tobacco products, smuggling of alcoholic products, investigative inspection, inspection of the scene, inspection of the subject of contraband.

Введение

Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий, ответственность за которую предусмотрена в статье 200.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), является одним из видов контрабанды, что определяет её характеристику как таможенного преступления, посягающего на установленный порядок перемещения предметов через таможенную границу Российской Федерации [13].

Весь комплекс таможенных преступлений отличается высоким уровнем общественной опасности, имеет латентный характер и посягает на широкий круг общественных благ, в частности, на экономическую и социальную безопасность граждан и государства, а также жизнь и здоровье населения [4]. В связи с этим, особое значение приобретает учет особенностей производства отдельных следственных действий, направленных на выявление, пресечение и раскрытие преступлений данной категории, в частности, следственного осмотра как наиболее часто отмечаемого в правоприменительной и судебной практике следственного действия, совершаемого в рамках рассматриваемой категории преступлений.

Данный вопрос рассматривается в исследованиях таких авторов, как А. А. Боков [2], Г. А. Дугин [3], В. А. Жбанов [5], П.

Карнавский [7], И. В. Нецкин [11], М. М. Колесникова [9], В. Ф. Статкус [12] и другие.

В классическом понимании следственный осмотр представляет собой следственное действие, которое заключается в непосредственном восприятии, исследовании и фиксации материальных объектов в целях обнаружения следов преступления и выяснения иных обстоятельств, которые относятся к произошедшему событию [10]. Как указывает Э. Н. К. Шервани, именно в ходе осмотра возможно выявление следов подготовки, совершения и раскрытия преступления контрабанды [14].

Следственный осмотр может проводиться как самостоятельное следственное действие, так и проходить в рамках иных форм следственной деятельности (обыска, следственного эксперимента, при задержании подозреваемого и т.д.).

Статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), выделяется несколько видов осмотра. В частности, осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов. Также, ст. 178 УПК РФ предусмотрен осмотр трупа (в том числе при эксгумации). При этом, в ходе расследования преступления контрабанды наиболее часто встречающимися на практике видами осмотра являются:

– осмотр места обнаружения контрабанды (в случае перемещения контрабанды вне мест таможенного контроля – выявлен в 100 % случаев исследованных следственно-судебных материалов, в иных случаях в 75 %);

– осмотр жилища контрабандиста (выявлено в 6 % случаев, все из которых относятся к задержанию преступника «по горячим следам» в ситуации перемещения контрабанды вне мест таможенного контроля);

– осмотр предметов, к которым относятся как сами предметы контрабанды (100 % случаев);

– осмотр транспортного средства (далее – ТС), используемого для её перевозки, а также тайники, используемые для сокрытия предметов контрабанды (100 % случаев использования ТС в целях перемещения контрабанды).

Осмотр места происшествия

Данное следственное действие можно отнести в категорию обязательных, поскольку именно оно позволяет получить максимальный объем информации из материальных следов, связанных с совершением преступления. Данный вид осмотра должен происходить исходя из принципа «от общего к частному», в связи с чем, его условно можно разделить на два этапа: общий и детальный осмотр.

Важность данного следственного действия обуславливает необходимость четкого соблюдения последовательности действий с момента прибытия на место осмотра, которым, в большинстве случаев расследования контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий будет являться зона таможенного контроля или зона, близкая к границе, места задержания ТС на таможенной территории, а также таможенные склады и иные помещения, предназначенные для хранения товаров.

Стоит поддержать позицию А. Р. Белкина, согласно которой место происшествия, его обстановка по своей сути является комплексным вещественным доказательством, соответственно, она должна фиксироваться в полном объеме, в частности, путем ведения протокола осмотра, фотофиксацией, видеозаписью и т.д. [1]. Данные действия необходимы для общей оценки обстановки совершения преступления, так называемой ситуационной экспертизы [6].

При достаточно очевидном значении осмотра места происшествия, при анализе судебной практики было выявлено, что в ряде случаев (15 % исследованных судебных решений) данное действие не проводилось. Данный пробел, как правило, связан с тем, что первоначально работники таможенной инспекции принимали решение о составлении протокола об административном правонарушении, которое в последствии оценивалось как уголовное преступление, либо исследование места преступления проводилось в рамках оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), в соответствии с чем составлялся акт обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Так, в приговоре Донецкого городского суда Ростовской области от 03 июня 2022 года по делу № 1-70/2022 указано, что в ходе проведенного оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», после задержания подозреваемого лица, был исследован участок Государственной границы Российской Федерации расположен между делимитационными точками 1186 и 1187 на направлении: п. В. Герасимовка, Краснодонский район Луганская область (Украина), где, со слов подозреваемого, он «принял от неустановленных лиц картонные коробки, плотно обернутые в черные полиэ-

тиленовые пакеты, с табачной продукцией примерно после 8 часов утра». При этом, протокол осмотра места происшествия в материалах дела отсутствует.

Указанные данные подтверждают позицию, что осмотр места происшествия в случае совершения контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий обладает свойством неотложности и должен производиться лицом, осуществляющим расследование, как только последнему стало известно о факте совершения контрабанды. При этом стоит отметить, что осмотр места происшествия не всегда проводится в случае, когда есть исчерпывающие данные об обследовании участком местности в рамках ОРМ.

Осмотр предмета контрабанды

Данный вид осмотра проводился вне зависимости от того, находились ли предметы контрабанды на месте совершения преступления либо же были перемещены. При этом, осмотр алкогольной продукции и (или) табачных изделий в 85 % случаев был связан с обследованием места их нахождения. В ходе осмотра предмета контрабанды, помимо фиксации внешних характеристик предметов, специалистом производился отбор материала для экспресс-анализа на установление того, относится ли выявленные товары к предмету контрабанды рассматриваемого вида.

При том, стоит отметить, что, исходя из анализа судебной практики, в случае исследование предмета контрабанды в рамках оперативно-розыскных мероприятий, о чем составлялся акт обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, как правило проводился осмотр предметов контрабанды после их изъятия, что отмечается, например, в приговоре Донецкого городского суда Ростовской области от 01 июня 2022 года по делу № 1-89/2022, приговоре Магарамкентского районного суда Республики Дагестан от 27 мая 2022 по делу № 1-110/2022.

В ходе проведения данного вида осмотра значимой фиксируемой информацией является число изъятых предметов, наименование алкогольной продукции и (или) табачных изделий, описание тары и упаковки, идентификационных знаков (маркировки, акцизов). Указанная информация является значимой для установления акта совершения преступления контрабанды (для расчета стоимости перемещенного товара), а также для выявления признаков подготовки и сокрытия рассматриваемого вида преступления.

Осмотр ТС

В подавляющем числе случаев перемещения контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий преступником используется различные ТС, что отражено в более чем 90 % проанализированных судебных решений. Этот момент можно связать с тем, что законодателем установлена уголовная ответственность за перемещение алкогольной продукции и (или) табачных изделий в крупном размере, что создает дополнительные требования к объему и весу такой продукции. В связи с этим, осмотр ТС является важным и информативным следственным действием, при чем, как в случаях перемещения контрабанды через пункты таможенного контроля, так и вне его [8].

На пункте таможенного контроля осмотр транспортного средства является действием, регламентированным специальной Инструкцией о действиях должностных лиц таможенных органов при организации и проведении таможенного досмотра (осмотра) [15]. В данном акте отражено, на какие части ТС необходимо обращать внимание при про-

ведении осмотра (предметы в пустых пространствах, новые покрытия, масляные отпечатки, новая краска и т.д.), какие именно части автомобиля должны быть осмотрены в первую очередь (кабина, двери, шины, отсек двигателя и т.д.).

Данная Инструкция является в значительной мере актуальной в аспекте определения элементов конструкции ТС, наиболее часто используемых в качестве тайников (п. 4). Практическая значимость данного документа была подтверждена в ходе анализа судебных актов. В частности, в судебных решениях встречаются следующие положения, указанные в Инструкции:

- двойное днище кузова или прицепа (15 %);
- внутренние полости дверей (5 %);
- воздушный фильтр (5 %);
- багажный отсек (20 %);
- спальное место водителя (5 %);
- рама и полости в силовом наборе (20 %).

В случае перемещения контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий вне мест таможенного контроля при осмотре автомобиля особое внимание следует уделить поиску и изъятию тахографа. Использование данных устройства может способствовать установлению маршрута движения ТС. Осмотр ТС на наличие предмета контрабанды необходимо производить поэтапно, с учетом криминалистически значимой информации о наиболее распространенных местах её сокрытия. При этом, необходимо учитывать разнообразие способов маскировки контрабанды, в том числе путем придания одним товарам (предметам) вида других: перемещения табачных изделий под видом иных товаров, в частности, травы, сборы, парфюмерные материалы и т.д. Так, в Приговоре Советского районного суда г. Владикавказ РСО-Алания от 17.05.2022 по делу № 1-282/2018 указано, что табачные изделия были замаскированы под элитный чай путем упаковки их в соответствующие коробки.

Таким образом, при поведении отдельных видов осмотра необходимо учитывать их специфику, связанную с предметом контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий, способами и местами её перемещения, и потребностью преступника в использовании различных транспортных средств.

Заключение

В данной статье были выявлены основные виды следственного осмотра, применяемые на практике в процессе расследования преступления контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Каждый из видов был проанализирован на предмет особенностей проведения следственного действия с точки зрения криминалистики. Данные, полученные в ходе исследования, могут быть применены на практике в целях оптимизации процесса расследования и раскрытия рассматриваемого вида преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. – М., 1966. – С. 112.
2. Боков А. А. Первоначальный этап раскрытия и расследования контрабанды. Дис. ... к.ю.н. – Москва, 2004. – С. 162.
3. Дугин Г. А. Технические средства таможенного контроля. – М., 1993. – С. 144.
4. Жбанков В. А. Михайлов А. В. Тактика следственного осмотра по делам о преступлениях, отнесенных

к компетенции таможенных органов РФ. – М.: РИО РТА, 2004. – 112 с.

5. Жбанков В. А. Тактика следственного осмотра. – М.: Академия МВД РФ, 1982. – С. 56-57.
6. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Е. П. Ищенко. – М.: Контракт, Инфра-М, 2005. – С. 319.
7. Карнавский П. Собираение вещественных доказательств по делам о контрабанде // Закон и право. – 2008. – № 9. – С. 77-79.
8. Козловский Ю. О. противодействию контрабанде, перемещаемой автомобильным транспортом // Вестник Российской таможенной академии. – 2010. – № 3. – С. 73-82.
9. Колесникова М. М. Особенности проведения осмотра как тактика следственных действий в процессе получения доказательств по делам о таможенных преступлениях // Российский следователь. – 2010. – № 6. – С. 2-5.
10. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – С. 429.
11. Нецкин И. В. Противодействие расследованию таможенных преступлений, криминалистические средства и методы его преодоления: Дис. ... к.ю.н. – М., 2001.
12. Осмотр места происшествия. Учебное пособие под ред. В. Ф. Статкуса. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 1995. – С. 33.
13. Сучков Ю. И. Таможенные преступления: Учеб. пособие. – Калининград: Изд-во КГУ, 2000. – С. 4.
14. Шервани Э. Н. К. Особенности проведения следственного осмотра при расследовании контрабанды наркотиков в Республике Ирак // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 4-2. – С. 306-313.
15. Приказ ФТС России от 25.10.2011 № 2190 (ред. от 26.03.2013) Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных органов при организации и проведении таможенного досмотра (осмотра) // СПС Консультант-плюс.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-340-341

КОНОПЛЕВА Анастасия Дмитриевна

студент Российского государственного университета правосудия

ТЕРЕХОВ Андрей Михайлович

кандидат экономических наук, доцент Российского государственного университета правосудия

КУВЫЧКОВ Сергей Иванович

кандидат юридических наук, доцент Российского государственного университета правосудия

МАЗУНОВА Анна Альбертовна

старший преподаватель Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ РАЙОННЫЕ СУДЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена исследованию современного состояния коррупционных преступлений в Нижегородской области на основе официальных статистических сведений территориального Управления Судебного департамента. Рассмотрены результаты анализа данных по уголовным делам коррупционной направленности, прошедшим через районные суды, раскрыта структура таких преступлений и структура видов основных наказаний. Установлена причинно-следственная связь между статистическими показателями и социальными явлениями.

Ключевые слова: коррупция, судимость, статистика, анализ данных.

KONOPLEVA Anastasiya Dmitrievna

student of the Russian State University of Justice

TEREKHOV Andrey Mikhaylovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Russian State University of Justice

KUVYCHKOV Sergey Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Russian State University of Justice

MAZUNOVA Anna Albertovna

senior lecturer of the Volga branch of the Russian State University of Justice

ANALYSIS OF THE RESULTS OF CONSIDERATION OF CORRUPTION-RELATED CRIMINAL CASES THAT PASSED THROUGH THE DISTRICT COURTS OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

The article is devoted to the study of the current state of corruption crimes in the Nizhny Novgorod region on the basis of official statistical data of the territorial Administration of the Judicial Department. The results of the analysis of data on corruption-related criminal cases that have passed through district courts are considered, the structure of such crimes and the structure of the types of basic punishments are revealed. A causal relationship between statistical indicators and social phenomena has been established.

Keywords: corruption, criminal record, statistics, data analysis.

Вопросы, касающиеся коррупционных проявлений и противодействия им, входят в ряды самых актуальных как в мировом сообществе, так и на национальном уровне. Коррупцию выделяют в качестве одной из глобальных проблем человечества, и, действительно, она является серьезной преградой на пути динамичного, эффективного, благополучного и плодотворного развития большинства стран. Российская Федерация - не исключение. Явление коррупции в России имеет длительную историческую составляющую. На протяжении многих лет граждане продолжают задаваться вопросом - «Неужели наша страна тонет в коррупции?». Обращаясь к аналитическим данным, например, к индексу восприятия коррупции, составяемому Transparency International, можно заметить, что страна по-прежнему находится в ярко-красной зоне, что означает, что уровень коррупции действительно очень высок. На январь 2022 года по стобалльной системе оценки восприятия коррупции Россия набрала 29 баллов и заняла 136-е место из 180 наряду с Анголой, Либерией и Мали. Динамика представляется неутешительной, учитывая, что всего лишь за год мы опустились в рейтинге на 7 позиций.

«Коррупция» - феномен, не имеющий строгой и однообразной дефинитивной проработки, однако знакомый подавляющему большинству, если не каждому человеку. По мнению одних, коррупция - это некий эффект судьбы, прочно засевший в понимании тех, кто живет и работает в РФ, - явление, от которого никуда не денешься. Кто-то видит корруп-

цию, как нечто необъяснимое и даже мистическое, условно говоря, нападающее на страну по ночам и забирающее природные богатства, национальный бюджет, большие проекты. В противоположность этому взгляду - более приземленное представление о коррупции, как об обычной даче взятки, о механизме под названием «ты мне, я - тебе» и ничего сверхъестественного. Однако коррупция неизменно остается уголовно наказуемым деянием, объективируемым в различных его проявлениях посредством целого ряда составов преступлений, предусмотренных УК РФ.

Сегодня статистическая информация - одно из самых значимых средств комплексного представления действительной картины состояния законности и правопорядка в стране. В том числе, статистические сведения призваны формировать достоверную, точную, полную и научно обоснованную информацию о состоянии преступности коррупционной направленности. Статистика любых социальных явлений, в частности, характеристика судимости, наиболее интересна в динамике на протяжении временных периодов. В связи с этим, в качестве задач настоящего исследования мы выделяем: рассмотрение и анализ статистических данных о результатах рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности по делам, прошедшим через районные суды Нижегородской обл., а также представление и анализ структуры таких преступлений и структуры видов основных наказаний, назначенных по соответствующим уголовным делам.

Проанализируем динамику преступлений коррупционной направленности на примере уголовных дел, прошедших через районные суды Нижегородской области. Анализ официальных статистических показателей за период с 2018 по 2021 гг. показал неоднозначную тенденцию. Так в 2019 г. и в 2020 г. наблюдалось снижение числа осужденных на 17,9 % (до 69 чел.) и на 8,7 % (до 63 чел.) соответственно. В отчетном году наблюдался значительный прирост (+47,6 %), а значение показателя в целом за анализируемый период выросло до 93 чел. (+10,7 %).

С одной стороны, такая динамика может показаться весьма неутешительной, но, с другой – Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов расценил такого рода явления как «положительные сдвиги». Он пояснил, что рекордное за рассматриваемый период число преступлений коррупционной направленности вовсе не означает очередную волну коррупции, нахлынувшую на регионы Российской Федерации. Генпрокурор РФ назвал в качестве причины роста статистических показателей улучшение реагирования правоохранительных органов на преступления коррупционной направленности и повышение эффективности обнаружения и фиксации каждого конкретного коррупционного деяния. По нашему мнению, такого рода явление могло стать одним из следствий пандемии на территории Российской Федерации, связанной с распространением COVID-19. Пандемия не обошла стороной и Нижегородскую область, более того, наш регион стабильно держался в группе субъектов РФ с высоким уровнем заболеваемости и смертности от коронавируса. В связи с этим Нижегородская область в течение длительного периода времени подвергалась жестким ограничительным мерам. Влияние последних на состояние и уровень преступности рассматривается в исследовании [3], как разноразличное с точки зрения соотношения объемов и динамики преступлений различных категорий. Так, с одной стороны, количество преступлений в «реальном мире», таких как изнасилования, грабежи, убийства и др., снизилось, а с другой – ввиду перехода большинства видов человеческой деятельности в дистанционный режим функционирования наблюдался рост числа преступлений в виртуальной среде. Перекочевоало в цифровую среду и государственное управление. Мы согласны с Овчинниковым А.И. в том, что использование цифровых технологий сработало только на пользу борьбе с коррупцией, т.к. повысило открытость, и публичность государственной управленческой деятельности, а каждое конкретное решение того или иного должностного лица стало более уязвимым при проверке его на предмет наличия в нем коррупционных черт [2]. Таким образом, видится, что пандемия, внося существенные изменения в привычную жизнь нижегородцев, могла выступить в роли катализатора роста выявленных преступлений коррупционной направленности, что несомненно отразилось на статистических показателях.

Структурный анализ показал, что из всех дел по Главе 30 УК РФ, прошедших через районные суды Нижегородской области, наименьшую долю занимают дела по составу, предусмотренному ст. 291.2 УК РФ; 46,2 % составляют прочие. Обращает на себя внимание дисбаланс в соотношении количества дачи взятки и объемов ее получения: 18,3 % составляет объем дел по преступлению, предусмотренному ст. 291 УК РФ «Дача взятки», 17,2 % от общего объема занимают дела по ст. 290 УК РФ «Получение взятки». Это соотношение наглядно демонстрирует, что правоохранительным органам гораздо более трудно выявить факт получения взятки и собрать достаточную доказательственную базу для того, чтобы передать соответствующее уголовное дело в суд, чем доказать наличие состава преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ.

Структурный анализ видов основных наказаний, назначенных по итогам рассмотрения и разрешения уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности в районных судах Нижегородской области в 2021 году, позволил сделать вывод о том, что совсем редко назначались исправительные и обязательные работы – 2,2 % и 1,1 % соответственно. Очевидна причина столь небольшого удельного веса данных видов наказаний в общей их массе в пределах представляемой структуры: исправительные и обязательные работы – одни из самых мягких и щадящих видов наказаний за совершение коррупционного преступления, поэтому их назначение судом не содержит того объема предупредительного потенциала, который предполагает в качестве должного п. 25 Стратегии национальной безопасности РФ, закрепляя как национальный интерес тезис о необходимости уничтожения коррупции из рядов проблем, угрожающих государственной и общественной безопасности России.

Возвращаясь к характеристике структуры видов основного наказания по делам о преступлениях коррупционной направленности, прошедшим через районные суды Нижегородской области в 2021 году, отметим, что немногим меньше трети (22 %) коррупционеров были присуждены штрафы. Вторым по степени распространенности видом наказания за преступления коррупционной направленности стало лишение свободы. Такая мера в обозначенный период была определена 33 % осужденных за преступления рассматриваемой категории. При этом лишение свободы, выносимое районными судами Нижегородской области в качестве наказания, в основном представлено небольшими сроками. Большинство коррупционеров (43,3 %) получили наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 до 8 лет включительно, 23,3 % – на срок свыше 3 до 5 лет включительно, 13,3 % – свыше 2 до 3 лет включительно. При этом, более суровые наказания в приговорах районных судов Нижегородской области, вынесенных в 2021 году, имели место быть в крайне скромном объеме. Так всего 3,3 % коррупционеров были осуждены к лишению свободы на срок свыше 8 до 10 лет включительно и 6,7 % коррупционеров получили срок свыше 10 до 15 лет включительно. И, наконец, самым распространенным среди всех видов наказаний, назначенных за коррупционные деяния в 2021 году, стало условное осуждение к лишению свободы – 41,8 % коррупционеров фактически избежали реального наказания за свои преступные деяния.

Сравнивая объемы последних двух названных видов наказаний, назначенных коррупционерам судьями районных судов Нижегородской области в 2021 году, отметим, что мы полагаем, что факт преобладания условного осуждения над реальным лишением свободы за коррупционные преступления способствует формированию толерантного отношения граждан к коррупции и усилению чувства безнаказанности в сознании населения. В оценке подобного рода реагирования судебной власти, а первоначально – уголовно-правового реагирования, на коррупционные проявления мы согласны с Ивановой А.А., считающей подобного рода явление неадекватным уровню и характеру общественной опасности преступлений коррупционной направленности [1]. Представляется, что с учетом сущности коррупционных деяний и целого комплекса их негативных характеристик, наказание в виде лишения свободы обладает наибольшим эффектом сдерживания коррупционных посятельств.

В завершение исследования отметим, что резкий прирост осужденных за коррупционные преступления в отчетном году может являться индикатором изменения наметившейся ранее тенденции на снижение данного вида преступлений. Ввиду большого числа факторов, оказывающих влияние на формирование данного показателя, его значения на перспективу трудно спрогнозировать. Так, например, для этого, в первую очередь, необходимо учитывать отношение власти к вопросу коррупции, ее причастность. Только с учетом этого снизится латентность данной категории преступлений, повысится эффективность деятельности правоохранительных органов.

Наблюдения и выводы, полученные и описанные в ходе данного исследования, определяют высокую степень важности отслеживания динамики такого статистического показателя, как число осужденных за преступления коррупционной направленности. Нам видится, что это обуславливает необходимость планирования на перспективу профессиональной нагрузки судей районных судов Нижегородской области, повышения оперативности и качества реагирования правоохранительных органов на коррупционные проявления, а также необходимость планирования, выработки и реализации проектов антикоррупционных мероприятий, направленных на искоренение коррупции.

Приставейный библиографический список

1. Иванова А. А. Эффективность уголовного наказания за коррупционные преступления // *Lex russica (Русский закон)*. – 2022. – Т. 75. – № 6 (187). – С. 59-73.
2. Овчинников А. И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски // *Журнал российского права*. – 2019. – № 11. – С. 158-170.
3. Терехов А. М., Кувычков С. И., Смирнов С. А. Особенности статистического моделирования и прогнозирования преступности: теоретический аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2021. – № 2 (54). – С. 123-130.

СОКОЛОВ Илья Александрович

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья судебного участка № 336 Балашихинского судебного района Московской области

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Проблематика обеспечения информационной безопасности со стороны органов прокуратуры в условиях цифровизации общества выходит на новый уровень. Автор статьи уточняет правовую сущность и содержание категории «информационная безопасность органов прокуратуры». Итогом исследования стал сравнительный анализ существующих концепций, объясняющих сущность информационной безопасности.

Ключевые слова: прокуратура, закон, прокурорский надзор, информационная безопасность государства.

SOKOLOV Ilya Alexandrovich

postgraduate student of Organization of judicial and prosecutorial-investigative activities sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Justice of the Peace of the judicial district № 336 of the Balashikha Judicial District of the Moscow Region

INFORMATION SECURITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ESSENCE, CONTENT, BASIC CONCEPTS

The problems of ensuring information security on the part of the prosecutor's office in the conditions of digitalization of society are reaching a new level. The author of the article clarifies the legal essence and content of the category "information security of the prosecutor's office". The result of the study was a comparative analysis of existing concepts explaining the essence of information security.

Keywords: prosecutor's office, law, prosecutor's supervision, information security of the state.

Современная ситуация, складывающаяся вокруг Российской Федерации и ее безопасности, определяет новые вызовы и угрозы. Одним из таких вызовов, угрожающих стране, является безопасность информационного общества, и непосредственно органов прокуратуры, в деятельности которого угроз немало.

Вопросы обеспечения информационной безопасности в деятельности российских органов прокуратуры находятся в фокусе внимания ученых-правоведов.

Однако до настоящего времени сам феномен информационной безопасности органов прокуратуры, как вида информационной безопасности государства в целом и ключевым элементом системы безопасности страны в научной литературе представлен в недостаточной степени.

В российской теории информационной науки существует два подхода к понятию «информационная безопасность»: технологический (научно-технический) и гуманитарный (социально-гуманитарный) [1].

Так, сторонниками технологического подхода под термином «информационная безопасность» понимается прежде всего стабильное состояние защищенности информации, ее носителей, информационной инфраструктуры, обеспечивающей стабильность процессов, связанных с информацией, а также защищенности от намеренного или непреднамеренного воздействия естественного или искусственного характера [7].

Дуализм информации составляет основу гуманитарно-го подхода, объясняющего сущность информационной без-

опасности. В рамках этого подхода признается объективное и субъективное существование информации, объясняемые с позиций ряда точных естественных и гуманитарных наук. Тем не менее технический аспект информатизации является предметом исследования политических и гуманитарных наук [2].

В контексте указанных подходов понимание термина «информационная безопасность» также неоднородно.

В совместных материалах В. И. Кияева и О. Н. Границина термин «информационная безопасность» связывается с состоянием защищенности информационных ресурсов и связанной с этим инфраструктуры поддержки. При таком теоретическом подходе предметом внимания выступают умысленные и непреднамеренные влияния искусственного интеллекта, способные нанести убытки либо ущерб субъекту информационных правоотношений и поддерживающей их инфраструктуры [3].

Системное видение сущности термина «информационная безопасность» представлено в работе О. Н. Манжуевой. Автор выделяет необходимость организации следующих направлений информационной безопасности: во-первых, безопасность информации; во-вторых, безопасность взаимодействующих субъектов; в-третьих, обеспечение потребности в безопасном состоянии цифровой среды [5].

В утвержденной Президентом РФ «Доктрине информационной безопасности» дается оригинальное представление о термине «информационная безопасность». В документе такой вид безопасности связывается с необходимостью обеспече-

ния состояния личности и общества от любых угроз с опорой на соблюдение базовых принципов, изложенных в Конституции РФ¹.

Анализ указанных подходов к определению сущности подходов к информационной безопасности показывает, что у них объединяющим моментом является критерий защищенности информации, наличие угроз для ее обеспечения, и момент организации такой деятельности.

В нормативных актах, посвященных регулированию вопросов государственной безопасности, обеспечение информационной безопасности связывается с необходимостью обеспечения защиты национальных интересов и противодействие информационным угрозам на основе соблюдения базовых конституционных принципов, обеспечения территориальной целостности и устойчивого развития.

Таким образом, объектами обеспечения информационной безопасности являются личность, общество и государство, как в широком, так и в узком контексте.

Попытка исследователей дать узкое объяснение термину «информационная безопасность» позволяет выделить в нем особые постоянные устойчивые характеристики, дающие представления об уровне защищенности от угроз для институтов государства.

В широком смысле, информационная безопасность государства дополнительно включает в себя в качестве объектов интересы личности (человека, гражданина) и общества, которые подлежат защите от информационных угроз наравне с интересами непосредственно институтов государства.

В анализе перечисленных точек зрения исследователей защищенность органов прокуратуры от существующих информационных угроз, а также их компетентность в вопросах противодействия дезорганизации их работы и устойчивого их функционирования характеризуется как узкая трактовка.

Уровень информационной защищенности органов прокуратуры, реализуемый посредством соблюдения базовых конституционных принципов, на которых органы прокуратуры взаимодействуют, соблюдения интересов общества и отстаивания государственных интересов.

Обозначение предмета изучаемого понятия через такой критерий существенного признака, как совокупность основных параметров и характеристик, не является единственным подходом к пониманию данного феномена.

Информационную безопасность прокуратуры можно определить и как один из неотъемлемых элементов ряда принципов деятельности надзорного ведомства.

Так, например, принцип независимости прокуратуры включает в себя недопустимость вмешательства каких-либо лиц или органов (в том числе средств массовой информации) в деятельность прокуратуры с целью повлиять на решения, принимаемые сотрудниками прокуратуры, или воспрепятствовать законной деятельности органов прокуратуры. Кроме этого, в содержание указанного принципа входят положения, реализация которых составляет направление прокурорской деятельности по обеспечению внутренней ин-

формационной безопасности ведомства: невозможность разглашения материалов прокурорских проверок (без согласия прокурора) до их завершения; отсутствие обязанности предоставления объяснений или иной информации по существу находящихся в производстве дел и материалов и т.д.

Непосредственно в ведомственных документах, посвященных концептуальным вопросам цифровизации органов прокуратуры, представлено оригинальное видение правовой сущности информационной безопасности². В документе данная деятельность связывается с необходимостью обеспечения защищенности сведений об организации и инфраструктуры поддержки от ошибочных и преднамеренных влияний, способных причинить серьезный вред или убыток субъектам информационного взаимодействия.

В таком случае в качестве предмета информационной безопасности прокуратуры понимается установленная деятельность («обеспечение») уполномоченных лиц – субъектов обеспечения информационной безопасности прокуратуры.

С учетом взглядов на деятельность органов прокуратуры в сфере информационной безопасности рассматривается в контексте конституционных прав граждан, на регулирование которых распространяются надзорные полномочия прокуратуры [4]. С учетом данных представлений информационная безопасность выступает ключевым направлением деятельности этого государственного органа власти.

Нет единства мнений и при определении сущностных характеристик объекта, в отношении которого будут распространяться меры безопасности прокуратуры.

Теоретики в качестве объекта информационной безопасности выделяют интересы информационного общества, потребляющего информацию и эксплуатирующего инфраструктуру [6].

Распространяя данное положение по аналогии на орган прокуратуры, объектом информационной безопасности для этого ведомства будут непосредственно его служебно-профессиональные интересы, соблюдение которых будет определять состояние защищенности от угроз, а также непосредственно интересы государства, общества и его граждан, тесно связанные с информационной защитой.

Немного другое понимание правовой сущности и содержания информационной безопасности представлено в другом документе – «Концепция безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»³. Так, объектом информационной безопасности выступает информационные ресурсы, служебный доступ к которым ограничен, а также доступные сведения, зафиксированные в официальных документах; кроме того, сюда входят обработка данных в служебной информационной системе, а также техника и программы для обработки, передачи служебной информации, применяемой в органах прокуратуры.

1 Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2 Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 (ред. от 01.12.2021) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // «Законность». № 12. 2017.

3 Приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // «Законность». № 1. 2020.

В обозначенных подходах к пониманию объекта информационной безопасности ведомства можно проследить непосредственное влияние гуманитарной и технологической концепций сущности информационной безопасности

Следует признать, к объектам, на которые будут направлены ведомственные усилия по информационной безопасности, исследователи и эксперты относят следующие: служебная информация и обслуживающая ее инфраструктура. Однако, при этом игнорируется наличие интересов субъектов информационного взаимодействия, а также в расчет не берется компоненты системы образования, переработки и распространения информационных ресурсов.

В соответствии с Концепцией безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации специальными субъектами обеспечения безопасности в Генеральной прокуратуре Российской Федерации являются:

- управление физической защиты и обеспечения безопасности;
- Главное управление правовой статистики и информационных технологий;
- Главное управление кадров;
- Главное управление обеспечения деятельности органов и организаций прокуратуры;
- Первый отдел (на правах управления)⁴.

Стоит сказать, что задача по обеспечению внутриведомственной информационной безопасности в той или иной мере стоит перед каждым структурным подразделением Генеральной прокуратуры РФ.

Анализ официальных документов органов прокуратуры показывает, что существенный недостаток распределения полномочий в сфере информационной безопасности проявляется на разных уровнях иерархии между вышестоящими и нижестоящими организациями. Между федеральным, региональным и местным уровнем нет четкого разграничения полномочий в сфере информационной безопасности, что усложняет понимание зоны ответственности на каждом из уровне и ведет к дублированию полномочий.

За руководителями горрайспецпрокуратур распоряжениями о распределении полномочий закреплены вопросы безопасности прокуратуры и ее работников. Подобные формулировки локальных актов прокуратур районного звена представляются размытыми и недостаточными в контексте обеспечения внутриведомственной информационной безопасности.

В разделах таких распоряжений, регламентирующих универсальные обязанности, которые возлагаются на всех заместителей прокурора, помощников (старших помощников) прокурора (наподобие обязанностей по правовому просвещению, осуществлению приема граждан и т.д.), вопросы защиты органов прокуратуры от внутренних и внешних информационных угроз на местном уровне не отражены, в целом ответственные лица в указанной сфере не определены.

В этой связи в распоряжениях о распределении обязанностей между прокурорскими работниками на уровне

органов прокуратуры районного звена целесообразно предусматривать лиц, ответственных за обеспечение внутриведомственной информационной безопасности, в рамках той или иной прокуратуры (прежде всего на руководителя прокуратуры как на лицо, за которым закреплены вопросы безопасности прокуратуры в целом), возлагать обязанности по соблюдению «информационной гигиены» непосредственно на каждого сотрудника горрайспецпрокуратуры.

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что вопрос понимания и дальнейшего изучения такой категории, как информационная безопасность органов прокуратуры, ее содержания является основополагающим для определения проблем и перспектив защиты надзорного ведомства от внешних и внутренних информационных угроз, успешного завершения цифровой трансформации, а также надлежащей реализации управленческого механизма прокуратуры на указанном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход. Монография. – М: РАН, 2010. – 186 с.
2. Иншаков М. В. Обеспечение информационной безопасности России в условиях становления глобального информационного общества. Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М, 2007. – 23 с.
3. Кияев В. И., Граничин О. Н. Безопасность информационных систем: курс. – М.: Национальный открытый университет «ИНТУИТ», 2016. – 192 с.
4. Коршунова О. Н., Головкин И. И. Категория объекта в теории прокурорской деятельности: теоретический и прикладной аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 62-79.
5. Манжуева О. Н. Феномен информационной безопасности: сущность и особенности: дис. ... докт. философ. наук: 09.00.11. – Улан-Удэ, 2015. – 383 с.
6. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник и практикум для ВУЗов / Ред. Т. А. Поляковой, А. А. Стрельцова. – М: Юрайт, 2021. – С. 12-13.
7. Яснев В. Н. Информационная безопасность в экономических системах. – Н. Новгород: ННГУ, 2006. – 253 с.

4 Приказ Генпрокуратуры России от 27.11.2019 № 830 «Об утверждении Концепции безопасности органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ФАКТОРЫ НАРКОТИЗАЦИИ ЖЕНЩИН В ОТДЕЛЬНОМ РЕГИОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье на основе данных социологического опроса, проведенного в Красноярском крае в 2022 г. в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации в РФ, рассмотрены отдельные факторы распространения употребления наркотиков среди женской части населения. Определены ценностные установки женщин, их отношение к проблеме наркомании, а также степень их вовлеченности в немедицинское употребление наркотиков. Сформулированы некоторые предложения, направленные на повышение эффективности проведения исследований среди этой группы населения, а также акцентированы существенные моменты наркотизации женщин, которые следует учитывать при планировании и проведении профилактических мероприятий антинаркотической направленности.

Ключевые слова: наркотизация, наркомания, мониторинг наркоситуации, факторы наркопотребления, антинаркотическая профилактика.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

FACTORS OF NARCOSIS OF WOMEN IN A SEPARATE REGION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ON THE EXAMPLE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

In the article, based on the data of a sociological survey conducted in the Krasnoyarsk Territory in 2022 during the annual monitoring of the drug situation in the Russian Federation, some factors of the spread of drug use among the female population are considered. The values of women, their attitude to the problem of drug addiction, as well as the degree of their involvement in non-medical drug use are determined. Some proposals aimed at improving the effectiveness of research among this population group are formulated, and the essential aspects of women's anesthesia are emphasized, which should be taken into account when planning and conducting preventive anti-drug measures.

Keywords: anesthesia, drug addiction, monitoring of drug situation, factors of drug use, anti-drug prevention.

Ступина С. А.

Наркотизация, как процесс распространения употребления наркотиков, в современном обществе приобретает расширяющийся деструктивный асоциальный характер, требующий адекватной правовой и социальной реакции со стороны как самого общества, так и государства, что должно основываться на достоверном научном знании, на результатах исследований.

Несомненно, основанием для всестороннего понимания процесса наркотизации в России, выступает ежегодно проводимый мониторинг наркоситуации по утвержденной протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 26.06.2021 г. №48 Методике и порядком осуществления мониторинга, а также критериям оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах (Далее – Методика) в соответствии с требованиями Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485.

Достоверность полученных результатов определяется использованием такого эффективного инструмента, как проведение в рамках ежегодного мониторинга социологического исследования по репрезентативной выборке, целью которого является выявление уровня наркотизации общества и отношения населения к проблемам наркомании [1].

Отдельный научный интерес представляет изучение вовлеченности в немедицинское употребление наркотиков не только несовершеннолетних, но и женской части населения, поскольку, поскольку в сохранении традиционных семейных ценностей роль женщины, как хранительнице семейного очага неоспорима. Также важна и ее роль в воспитании детей.

На встрече Владимира Путина с матерями военнослужащих – участников специальной военной операции Президент РФ, обращаясь к матерям, сказал о том, что «всё идёт из семьи. То, что ваши ребята – большинство из них – выбрали такую судьбу, как служение Отечеству, защита Отечества, защита Родины, России, защита наших людей, в данном случае в Новороссии, на Донбассе, – это тоже результат вашей работы».

Следует отметить и то, что наркотическая зависимость у женщин фертильного возраста является и медико-социальной проблемой репродуктивного здоровья.

Рассмотрим некоторые особенности наркотизации женской части населения России на основе данных социологического исследования в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации в 2022 г. на примере отдельного субъекта РФ – Красноярского края.

Предварительно укажем, что согласно данным Росстата, численность женского населения Красноярского края

на 1 января 2022 года составила 1517,7 тысячи человек (53,3 процента от общей численности населения края).

В процессе приобщения человека к наркотикам ведущую роль играют психологические факторы.

Говоря о наркотизации следует понимать, что это не столько сам процесс распространения наркотиков в обществе, сколько степень психологической готовности как самого общества, так и отдельных его членов к началу принятия любого рода наркотических средств или психотропных веществ.

Именно поэтому представляю интерес результаты социологического исследования, позволяющие определить ценностные установки женской части населения, выявить его отношение к проблеме к проблеме немедицинского потребления наркотиков, а также установить готовность и мотивы у женщин к употреблению наркотиков.

При проведении такого исследования Антинаркотической комиссией в Красноярском крае в 2022 г. было опрошено 1344 женщины (54,4 %) и 1127 мужчин (45,6 %).

По возрасту респонденты распределились следующим образом: до 18 лет (несовершеннолетние) – 10,6 %, до 20 лет – 6,7 %, до 30 лет – 16,5 %, до 40 лет – 29,9 %, до 50 лет – 21,3 %, до 60 лет – 15 %.

Как видно, было опрошено больше женщин в возрасте от 30 лет, т.е. женщин периода зрелости, когда уже констатируется наиболее оптимальное сочетание функциональных состояний – настроения, активности и самочувствия.

Однако, по данным исследований специалистов совладание с кризисными периодами жизни легче будет удаваться в раннем молодом возрасте мужчинам и женщинам [2, с. 23].

Также исследователями отмечается, что порядка 30 % женщин достигают наиболее высокого показателя жизнестойкости к периоду кризиса 30-ти лет, и 29 % к периоду зрелости.

Таким образом, указанные демографические и сопутствующие им психологические особенности следует учитывать при проведении опроса женщин, а также при анализе их ценностных установок и отношения к немедицинскому употреблению наркотиков, а также процесса наркотизации женской части населения.

По нашему мнению, обоснованно включение в выборку респондентов больше лиц в возрасте до 30 лет, т.е. лиц, которые могут быть в большей мере вовлечены в немедицинское употребление наркотиков.

Указанное может быть учтено при планировании полевого исследования.

Также следует отметить, что обоснованно в большем процентном соотношении включать в выборку женщин рабочих профессий, а также, занимающихся домохозяйством, либо безработных, поскольку уровень социального функционирования женщин с наркотической зависимостью определяется в том числе и особенностями личностного профиля, и характером социального окружения, которые находятся во взаимовлияющем взаимодействии.

Опрошенные в Красноярском крае женщины меньше, чем мужчины актуализируют проблемы алкоголизма, поскольку только 12,7 % из них считают, что такая проблема в

регионе требует решения в первую очередь. Среди мужчин этот показатель составил 14,1 %.

Однако практически одинакова и у мужчин, и у женщин оценка проблемы наркомании (7,8 % и 7,6 % соответственно).

При этом, показательно, что эта проблема практически в два раза ниже тревожит население региона, нежели, чем проблема алкоголизма.

Обращает внимание то, что на проблему наркомании, как проблему, требующую незамедлительного решения в регионе, в большей мере указали несовершеннолетние и лица в возрасте от 30 лет.

Для лиц женского пола в возрастном периоде от 18 до 30 лет проблема наркомании практически не актуализируется. Им более важна в отличие от респондентов другого возраста такая проблема, как безработица.

Однако, давно установлена взаимосвязь социальной удовлетворенности и склонности к деструктивному поведению и болезненным зависимостям.

Это еще раз подтверждает ранее сформулированный вывод о необходимости более скрупулёзного исследования мнения безработных женщин в возрасте до 30 лет.

В контексте анализируемого взаимосвязанно следует обратить внимание и на то, что при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в Вашем населенном пункте (крае, области и т.д.)?», при условии только одного ответа, ответили, что широко распространена ответили 14,6 % женщин (16,8 % - мужчин), распространена, но не более, чем везде – 40,9 % женщин (41 % среди мужчин), распространена, но меньше, чем везде – 11,1 % и 13,5 % соответственно.

При этом 5,1 % женщин-респондентов и 5,4 % мужчин считают, что такая проблема вообще не характерна для региона.

Что же касается оценки проблемы наркомании на уровне РФ, то уже 61 % женщин признают эту проблему, как серьезную, в то время как среди мужчин такая оценка составляет 56,2 %.

Однако, что немаловажно, так это то, что такое мнение у 73 % опрошенных женщин (69,3 % среди мужчин) сложилось из информации в СМИ и из сети Интернет.

Мужчины (23,2 %) больше, чем женщины (18 %) склонны оценивать проблему наркомании на государственном уровне исходя из опыта друзей и знакомы.

Однако, нельзя не обратить внимание, что 8,9 % женщин указали, что серьезность проблемы наркомании ими оценена на основе личного опыта, в то время как так ответили 7,4 % мужчин.

Анализ таких данных может косвенно свидетельствовать, что, к примеру, у каждого пятого из опрошенных мужчин есть знакомые, связанных так или иначе с наркотиками, а каждая одиннадцатая женщина-респондент имеет личный опыт вовлеченности в проблему наркомании.

Следует понимать, что показатели этой группы женской части населения в определенной мере могут оказать детерминированное влияние на демографическую ситуацию в стране.

Прискорбное внимание заслуживает тот факт, что на мнение о проблеме наркомании, как серьезнейшей проблеме в российском обществе, среди женщин в большей мере,

чем у мужчин, повлиял личный опыт, на который указали девушки в возрасте до 18 лет, которые к тому же в большей мере, чем юноши отметили, что причина распространения наркомании в последнее время связана с самой доступностью наркотиков.

При этом 11,7 % опрошенных женщин считают, что наркотики сегодня достать очень легко. Среди мужчин так ответило 9,5 %.

Мнение о легкой доступности наркотиков в регионе наиболее распространено среди лиц в возрасте от 18 до 25 лет.

На данное следует обратить внимание, поскольку у лиц этой возрастной группы ещё не в полной мере сформировалось мировоззрение и жизненная позиция и ещё нет относительно объективного оценочного мнения об объективной реальности и происходящих процессах.

Важно учитывать, что эта группа подвержена негативному влиянию, в том числе со стороны противников России, которые всеми способами пытаются вовлечь молодежь в деструктивную деятельность.

При анализе социальной ситуации в России специалистами в качестве особенности выделяется такая, как возрастание манипулятивной направленности как в действиях общественных групп, так и в активности отдельных людей [3, с. 152].

По мнению специалистов, «мужчины, трактуя определенные отношения между людьми как манипуляцию, значимо чаще женщин склонны «принимать» такое отношение. Женщины значимо чаще проявляют отрицательное отношение к манипулированию, т.е. склонны «отвергать» манипулятивное поведение в отношениях» [4].

Показательно при этом, что на вопрос: «Что удерживает Вас от употребления наркотиков?» женщины в подавляющем большинстве (44,4 %) ответили, что связано с отрицательным осознанным отношением к употреблению наркотиков. Среди мужчин так думают 34,8 % респондентов.

Однако осознание негативного влияния наркотиков более характерно для женщин возрастной группы старше 25 лет. Для девушек до 18 лет сдерживающим факторов в большей мере выступают такие, как опасность быстрого привыкания и ранняя смерть.

Анализ блока ответов на вопросы, непосредственно связанные с наркотизацией, показал, практически каждой пятой из опрошенных женского пола хоть раз в жизни поступало предложение об употреблении наркотиков. Из ответивших на вопрос: «пробовали ли Вы наркотики?» положительно ответило 3,9 % женщин, в то время как среди мужчин этот показатель составил 3,4 %.

Среди респондентов женского пола оказалось и больше лиц, которые употребляли наркотики в течение последних 12 месяцев – 17,2 % (12,5 % среди мужчин). Причем это девушки в возрасте от 18 до 20 лет.

Показательно то, что женщины склонны считать причиной пробы наркотиков влияние окружающих, а мужчины больше склонны видеть причины во внутреннем, субъективном плане. Так, практически каждая пятая опрошенная (20,7 %) отметила, что причиной употребления наркотиков стала связь с плохой компанией. Мужчины же в качестве основной причины назвали такую, как глупость (23,1 %). Ни

одна из респондентов-женщин не ответила, что самостоятельно приняла решение о пробе наркотиков, в то время как так ответило 14,3 % мужчин.

Также по итогам исследования видно, что женщины в два раза меньше используют информационно-телекоммуникационную сеть Интернет как способ получения наркотиков.

Более половины опрошенных девушек в возрасте до 18 лет получают наркотики с помощью «закладок», а старше 18 лет – в основном через друзей и знакомых.

Таким образом, анализ отдельных показателей, полученных при обобщении результатов анкетирования населения Красноярского края, позволяет констатировать, что наркотизация женской части населения имеет некоторые значимые отличия, которые обоснованно учитывать как при планировании социологических исследований, так и, что более важно, при планировании и проведении профилактических мероприятий антинаркотической направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Динамика наркоситуации в Красноярском крае по результатам социологических исследований в формате ежегодного мониторинга (2017-2021 гг.) / Шинкевич В. Е., Бен Е. Н., Молоков В. В., Мамай Е. А., Калиниченко Я. Н., Зазулин Р. И. Отчет о НИР от 27.10.2021 (Министерство внутренних дел РФ).
2. Гвоздецкая В. К. Психологические особенности мужчин и женщин в различные периоды возрастных кризисов // Sciences of Europe. – 2016. – № 9-4 (9). – С. 12-24.
3. Танасов Г. Г., Сысоева О. А. Манипулирование в отношениях женщины с мужчиной // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – С. 152-157.
4. Руслина А. О. Возрастные, половые и профессиональные различия в понимании манипуляции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 24 с.

ЧАКИЕВ Мурат Ахмедович

старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ИНВАЛИДОВ, СТАВШИХ ЖЕРТВАМИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

В работе исследована необходимость повышения гарантий прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями, в особенности признанных инвалидами, ставших жертвами преступных посягательств, что на сегодняшний день недостаточно реализовано на государственном уровне в целом, в рамках уголовного и уголовно-процессуального законодательства в частности. На примере уголовного законодательства Республики Сербия предложены идеи совершенствования уголовного закона Российской Федерации в целях ужесточения наказания за совершение преступлений в отношении инвалидов, как наиболее уязвимой категории населения. Также указано на оправданность повышенного контроля со стороны государства за обеспечением гарантий прав инвалидов, что представляется недостаточно реализованным.

Ключевые слова: инвалид, предупреждение преступлений, защита прав инвалидов, виктимология, ужесточение наказания.

CHAKIEV Murat Akhmedovich

senior lecturer of Forensic science sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ON THE ISSUE OF GUARANTEEING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF DISABLED PEOPLE WHO HAVE BECOME VICTIMS OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS

The paper examines the need to increase the guarantees of the rights and legitimate interests of persons with disabilities, especially those recognized as disabled, who have become victims of criminal encroachments, which is currently insufficiently implemented at the state level in general, within the framework of criminal and criminal procedure legislation in particular. Using the example of the criminal legislation of the Republic of Serbia, the ideas of improving the criminal law of the Russian Federation in order to toughen the punishment for crimes against disabled people as the most vulnerable category of the population are proposed. It is also pointed out that the increased control by the State over ensuring guarantees of the rights of persons with disabilities is justified, which seems to be insufficiently implemented.

Keywords: disabled person, crime prevention, protection of the rights of disabled people, victimology, tougher punishment.

Самостоятельное направление криминологии, изучающее личность жертвы преступления, называется виктимологией. Бесспорно, любой человек может стать жертвой общественно опасного деяния не зависимо от пола, расы и его национальной принадлежности, а равно должностного и материального положения, то есть критериев, которые согласно ст. 19 Конституции Российской Федерации¹, не могут и не должны выступать препятствием к обеспечению гарантий прав и свобод личности. Однако, некоторые категории лиц наиболее подвержены преступным посягательствам, к которым мы отнесем: не достигших совершеннолетия лиц, в особенности малолетних детей; лиц преклонного возраста, критерием отнесения к которому является как престарелый возраст, начиная с пенсионного, зависимого в Российской Федерации от гендерных различий², так и старческий возраст (не исключая должителя), который А. Г. Ковалев обоснованно определяет начиная с 75 лет [1, с. 383-384]; а также инвалидов, то есть лиц, положениями Правил признания лица инвалидом³, относимым к названной категории, иными словами обуславливая предложенную в настоящей рукописи выборку группы менее защищенных лиц критериями возраста и (или) недостаточностью физических способностей вплоть до существенных физических недостатков, что выступает следствием неспособности в ряде случаев осознавать противоправный характер совершаемых в отношении них или их имущества (в том числе находящегося только в

пользовании таких лиц) противоправных действий, оказать сопротивление и логично, последовательно действовать по результатам совершенных в их отношении деяний, в особенности отнесенных законодателем к общественно опасным⁴.

Недостаточная защищенность лиц с ограниченными возможностями подавляющим большинством государств рассматривается с точки зрения социальных аспектов. Однако, нельзя умолять значимость для рассматриваемой категории лиц гарантий неприкосновенности от противоправных посягательств, чему, как нам представляется, уделяется недостаточное внимание.

Так, например, еще в 2015 году Законодательное Собрание г. Санкт-Петербурга выступило с инициативным обращением к Государственной Думе Федерального Собрания РФ, ориентированным на необходимость внесения изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях соблюдения прав лиц престарелого возраста, обосновав в представленном проекте Федерального закона необходимость внесения дополнений в ряд положений Кодекса об административных правонарушениях РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона «О полиции», ориентированных на меры обеспечения дополнительных гарантий свобод и законных интересов престарелых⁵, обоснованных примером правоприменительной практики о наступлении скорострительной смерти в территориальном отделе полиции г. Кронштадт уличенной в хищении продуктов питания из магазина жительницы указанного города, достиг-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с поправками от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

2 О страховых пенсиях: федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // Российская газета от 2013 г. – 31 декабря. – № 296.

3 О признании лица инвалидом: постановление Правительства РФ от 5 апреля 2022 г. № 588 // Собрание законодательства РФ от 2022 г. – 11 апреля. – № 15. – Ст. 2506.

4 Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ от 1996 г. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

5 Законопроект № 817501-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях соблюдения прав лиц престарелого возраста» // Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/817501-6>.

шей 81-летнего возраста. Однако, во-первых, изложенные в пояснительной записке к проекту Федерального закона суждения охватывались исключительно необходимостью повышения конституционных гарантий лиц, вовлекаемых в административное производство или подвергаемых уголовному преследованию в следствии совершения соответствующих противоправных деяний, а во-вторых, еще на этапе первого чтения законопроект Государственной Думой РФ отклонен.

В свою очередь, законодательных инициатив, предлагаемых на государственном уровне в Российской Федерации, направленных на повышение гарантий рассматриваемых в настоящей рукописи категорий лиц, ставших жертвами противоправных деяний в административном и уголовном судопроизводстве, нами в ходе исследования не обнаружено.

Далее, подробнее остановимся на исследовании вопросов обеспечения гарантий лишь в отношении последней из вышеназванных нами группы лиц, недостаточно, как нам представляется, защищенной от противоправных воздействий, что обусловлено повышенным научным интересом к вопросам виктимности инвалидов. Сразу обратим внимание на инициативное предложение депутата Государственной Думы РФ, предложившего введение в Российской Федерации института Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав инвалидов и уполномоченных по защите прав лиц, попадающих под названную категорию, в субъектах РФ, в целях общего обеспечения защиты прав и законных интересов инвалидов, в том числе достигаемого посредством контроля за соблюдением конституционных гарантий инвалидов федеральными органами исполнительной власти, однако и данный законопроект был отклонен по результатам его первого чтения⁶. В следствии указанного, повышение внимания со стороны государства к обеспечению законных интересов инвалидов, в отношении которых совершены административные правонарушения либо ставших жертвами преступлений, до настоящего времени в Российской Федерации не реализовано.

Особо отмечая повышенную значимость защищенности прав инвалидов, столкнувшихся с совершением в их отношении общественно опасных деяний, заметим, что в уголовном судопроизводстве Российской Федерации лиц с ограниченными возможностями, введенными в категорию «инвалид» в связи с диагностированным заболеванием, включенным в перечень Приказа Министерства труда и социального развития РФ № 585 н⁷, хоть и возможно отнести к категории лиц, не способных самостоятельно осуществлять защиту личных прав и законных интересов в следствии преступного посягательства на их неприкосновенность и положениями ч. 4 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)⁸ обеспечение в их отношении конституционных гарантий в части защиты прав, законных интересов и доступа к правосудию, возлагается на руководителя следственного органа, следователя и дознавателя при наличии согласия прокурора, но ограничена такая защита принятием процессуального решения о возбуждении уголовного дела по составам преступлений частного обвинения, освобождая таким образом не способное к самостоятельной защите лицо от необходимости самостоятельного обращения с заявлением о совершенном преступлении в мировой суд. Во всех остальных случаях особый порядок возбуждения и производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении лиц, не способных к самостоятельной защите, в частности в отношении инвалида, положениями УПК РФ не предусмотрен. Вме-

сте с тем и Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) не придает степень повышенной общественной опасности деяниям, совершенным в отношении инвалида. Так, квалифицирующие признаки ряда составов преступлений предусматривают ответственность за совершение общественно опасного деяния в отношении «лица, находящегося в беспомощном состоянии», что хоть и определяется такими причинами, как: «малолетство, старость, болезнь, беспомощность» [2, с. 120], однако лица с ограниченными физическими способностями, то есть отнесенные к лицам с инвалидностью различной степени, не в каждом случае являются беспомощными, но, в тоже время, они достаточно уязвимы, например: в силу существенного снижения слуха, остроты зрения, либо в следствии дефектов опорно-двигательного аппарата, образующих инвалидность той или иной степени.

Таким образом, недостаточная защищенность и, в большинстве случаев, неспособность к самостоятельной защите от преступных посягательств именно лиц, имеющих ту или иную степень инвалидности, не выступает на сегодняшний день на государственном уровне приоритетным направлением совершенствования, в частности, уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ.

Данный вопрос хоть и дискутируется научным сообществом [3], [4], в том числе с акцентом на социальную реабилитацию жертв преступлений [5], но, как нам представляется, не достаточно, что обуславливает значимость новых идей, направленных на формирование конкретных, перспективных предложений для предупреждения преступности в отношении инвалидов.

К положительным примерам уголовной политики государства в отношении инвалидов, считаем, следует отнести уголовное законодательство Республики Сербия, поскольку Уголовный кодекс Сербии⁹ по ряду составов преступлений против личности инвалидность жертвы предусматривает в качестве квалифицирующего признака, что выступает следствием ужесточения наказания за совершении преступлений в отношении указанной категории лиц, вплоть до изменения категории преступления.

Так, в целях повышения гарантий прав и законных интересов инвалидов, ставших жертвами преступлений, представляется нам логичным выделить данную категорию лиц в качестве квалифицирующего признака в составах общественно опасных деяний против личности, а равно в п. з ст. 63 УК РФ среди перечисленных лиц, преступление в отношении которых отягчает наказание, указать лицо с инвалидностью, что позволит предусмотреть возможность ужесточения наказания за совершение преступления в отношении инвалида. А в целях усиления контроля за соблюдением прав инвалидов, считаем оправданным возвращение к вопросу введения в РФ института Уполномоченного по правам инвалидов на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, инициативная разработка которым совместно с представителями федеральных органов исполнительной власти предложений по выработке превентивных мер предупреждения преступности не по единому для РФ шаблону, а с учетом криминогенной обстановки каждого региона РФ, считаем, позволит свести к минимуму преступления в отношении инвалидов.

Пристатейный библиографический список

1. Ковалев А. Г. Психология личности. – М., 1970. – 391 с.
2. Михайловская О. В. Лицо, находящееся в беспомощном состоянии, как конструктивный признак основных составов преступлений // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 120-125.
3. Тотоев Р. Р., Смелова С. В. К вопросу о классификации факторов виктимности инвалидов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 3 (54). – С. 68-71.
4. Майоров А. В. О концепции виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34). – С. 50-57.
5. Кучина М. С. Значимость виктимологической профилактики в системе мер предупреждения преступлений // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – № 3 (8). – С. 88-94.
6. Законопроект № 267609-7 «Об уполномоченных по защите прав инвалидов в Российской Федерации» // Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/267609-7>.
7. О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы: приказ Министерства труда и социального развития РФ от 27 августа 2019 г. № 585н // СПС Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/>
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 29.12.2022) // Российская газета. – 2001. – № 249. – 22 декабря.
9. Criminal code Republic of Serbia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mpravde.gov.rs/files/Criminal%20%20Code_2019.pdf.

ЕРМАКОВА Елена Петровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ «ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА»: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ИСКИ*

В статье утверждается, что суды стали решающим рычагом в борьбе за защиту климата от изменений. В апреле 2022 года МГЭИК впервые признала важную роль, которую судебные разбирательства по вопросам изменения климата играют во влиянии на «результаты и амбиции управления климатом». Всего по данным *Climate Change Laws of the World* на октябрь 2022 года в мире было возбуждено 2099 дел, связанных с изменением климата. В сентябре 2022 года был подан первый климатический иск к правительству РФ. Климатические иски против правительств получили наименование «стратегических судебных разбирательств» (или рамочных судебных разбирательств), поскольку они направлены на то, чтобы привести к более широким изменениям в государственной климатической политике, повысить осведомленность общественности или изменить поведение правительств или субъектов отрасли.

Ключевые слова: климатические иски, Парижское соглашение, стратегические судебные иски, дело «Urgenda», рамочные климатические судебные разбирательства.

ERMAKOVA Elena Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

THE IMPACT OF CLIMATE LITIGATION ON THE ACTIVITIES OF GOVERNMENTS IN THE FIELD OF “CLIMATE CHANGE”: STRATEGIC LAWSUITS**

The article argues that the courts have become a decisive lever in the fight to protect the climate from changes. In April 2022, the IPCC recognized for the first time the important role that climate change litigation plays in influencing “climate governance outcomes and ambitions.” In September 2022, the first climate lawsuit was filed against the government of the Russian Federation. In total, according to *Climate Change Laws of the World*, as of October 2022, 2,099 cases related to climate change were initiated in the world. Climate lawsuits against governments have been dubbed “strategic litigation” (or framework litigation) because they aim to bring about broader changes in government climate policy, raise public awareness, or change the behavior of governments or industry actors.

Keywords: climate lawsuits, Paris Agreement, strategic lawsuits, the “Urgenda” case, framework climate litigation.

Климатический кризис становится все более заметной проблемой в глобальной политической повестке дня после опубликования в 1990 году первого оценочного доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Почти тридцать лет спустя специальный доклад МГЭИК за 2018 год «Глобальное потепление на 1,5 градуса» продемонстрировал беспрецедентные масштабы изменения климата не только по масштабам, но и по времени и пространству, показав, что если глобальное потепление превысит 1,5 градуса по Цельсию, последствия будут глубоко разрушительными для человеческих систем (экономических, социальных и даже правовых), а также для экосистем и видов [8]. По мнению ученых, с учетом всего потраченного впустую времени крайне важно, чтобы в следующие 10-15 лет произошла фундаментальная, **общесистемная реорганизация** с участием технологических, экономических и социальных факторов с целью сократить выбросы парниковых газов до чистого нуля примерно к 2050 году и после этого перейти к отрицательным выбросам [6]. Необходимость таких преобразующих изменений была поддержана появлением судебных разбирательств по вопросам изменения климата, в которых граждане индивидуально, в группах или ассоциациях ставили под сомнение эффективность и целесообразность усилий, предпринимаемых от имени правительств для решения про-

блемы изменения климата. Таким образом, суды стали решающим рычагом в этой необходимой трансформации [1].

В апреле 2022 года МГЭИК впервые признала важную роль, которую судебные разбирательства по вопросам изменения климата играют во влиянии на «результаты и амбиции управления климатом»¹. Аналогичные идеи можно было проследить в «Отчете Научно-исследовательского института Грэнтема по изменению климата и окружающей среды при Лондонской школе экономики», где утверждалось, что судебные разбирательства по вопросам изменения климата против государств и частных субъектов начинают становиться все более разнообразными с точки зрения целевых секторов². Что обозначает термин целевые сектора? Судебные разбирательства по вопросам изменения климата относятся к разнородной группе дел, связанных с изменением климата, рассматриваемых судами, а также административными органами и их трибуналами [3].

Дело «Ecodefense & Other NGOs v. Russia» (2022)

В сентябре 2022 года был подан первый климатический иск к правительству РФ (жалоба в порядке административного судопроизводства) – дело «Ecodefense & Other NGOs v. Russia» (Дело № АКПИ22-879). 11 сентября 2022 года активи-

* Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00270 «а».

** Information about financing. The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 20-011-00270 “a”.

- 1 Climate Change 2022. IPCC_AR6_WGIII_SummaryForPolicymakers.pdf. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://report.ipcc.ch/ar6wg3/pdf/IPCC_AR6_WGIII_SummaryForPolicymakers.pdf (дата обращения: 02.10.22).
- 2 Setzer J. et al (2021). Climate change litigation and central banks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scplps/ecb.lwp21-f7a250787a.en.pdf> (дата обращения: 02.10.22).

сты 20 климатических групп в России (в т. ч., Калининградская областная общественная организация «Экозащита!», организация «Московская Хельсинская группа», и др.) подали иск в Верховный суд РФ. Заявители требовали, чтобы правительство России защитило своих граждан от риска смерти или тяжелого заболевания в будущем, удержав глобальные выбросы углекислого газа на уровне 1,5-1,8 °C в соответствии со своими обязательствами по внутреннему и международному праву.

Заявители утверждали, что в настоящее время Россия является четвертым по величине производителем выбросов углерода в мире, и ей необходимо сократить свои выбросы на 31 % по сравнению с уровнем 1991 года, чтобы достичь цели Парижского соглашения к 2030 году. Они считали, что недостаточные меры России по борьбе с изменением климата «нарушают Конституцию России и Европейскую конвенцию о правах человека»³. Заявители просили суд признать недействующими документы, которые устанавливают целевые показатели сокращения выбросов парниковых газов до 2030 и 2050 годов, — первый пункт указа президента «О сокращении выбросов парниковых газов» и приложение к Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года⁴.

21 сентября 2022 года Верховный суд отказал в принятии заявления. Заявители подали апелляционную жалобу на постановление суда, которая будет рассмотрена в судебном заседании 8 декабря 2022 года.

Уточним, что на октябрь 2022 года в мире было возбуждено **2099 дел, связанных с изменением климата** (по данным Climate Change Laws of the World)⁵. В частности, есть иски:

- 1) требующие привлечения правительств, членов правительств и иных лиц к ответственности;
- 2) направленные на возмещение ущерба,
- 3) сосредоточенные на тестировании правовых инструментов с целью не допустить глобального потепления 1,5 °C выше доиндустриальных уровней в период между 2030 и 2052 годами.

Тем не менее, общее обоснование, лежащее в основе климатических дел, заключается в том, что суды могут взять на себя легальную роль в привлечении правительств и компаний к ответственности за их недостаточные действия по решению проблемы климата и, как следствие, компенсировать отсутствие политической воли и вовлеченности, а также отсутствие эффективного применения существующих нормативных положений о климате.

Концепция «стратегического судебного разбирательства»

Климатические иски против правительств или «стратегические судебные разбирательства» (Strategic Litigation) являются новой тенденцией во всем мире. Концепция «стратегического судебного разбирательства» относится к искам, направленным на достижение более широких социальных сдвигов, которые обычно связаны с целевыми показателями сокращения выбросов и Парижским соглашением. Их называют «стратегическими», потому что они направлены на то, чтобы привести к более широким изменениям в государственной климатической политике, повысить осведомленность общественности или изменить поведение правительств или субъектов отрасли. Эти иски, как правило, предъявляют-

ся неправительственными организациями и группами давления и направлены на привлечение правительств к ответственности за неудачи в связи с невыполнением обязательств в области климата. Акцент делается на действиях или бездействии правительств, которые привели к увеличению выбросов парниковых газов или недостаточному сокращению выбросов, или неспособности адаптироваться к изменениям климата. В последнее время в Европе было много успешных климатических исков в этой категории⁶.

Так, К. Хайэм, Д. Сетцер и Э. Брейдин (аналитики института Грэнтема) в сентябре 2022 года отмечали, что успешные судебные разбирательства могут оказать значительное влияние на принятие правительственных решений, требуя от правительств разработки и осуществления более амбициозных политических мер реагирования на изменение климата⁷. **Дела, связанные с правительственными структурами (Government framework cases)**, могут поставить под сомнение общий уровень амбиций правительства в ответ на изменение климата или неспособность правительства принять адекватные меры. Такого рода дела возникают из-за широкого использования «**стратегических судебных разбирательств**» в качестве инструмента для подстрекательства к социальным изменениям, чаще всего организациями и движениями гражданского общества. Они часто сознательно «заимствуют» стратегические подходы из «небольшой горстки громких дел»⁸. По меньшей мере 80 таких «**рамочных судебных дел**» (framework litigation cases) были поданы против правительств по всему миру (по состоянию на 31 июля 2022 года), и половина из них – в одном только 2021 году. Большинство дел на сегодняшний день было возбуждено в странах Глобального Севера (63 дела), меньшинство – в Латинской Америке (8) и Южной Азии (7). Указанные иски были предъявлены в национальные суды, а также в Суд Европейского Союза, Европейский суд по правам человека, Межамериканскую комиссию по правам человека, Комитет ООН по правам ребенка и Комитет ООН по правам человека.

Большинство указанных выше дел, связанных с правительственными структурами, еще находится на рассмотрении суда. Тем не менее, из 9 дел, оспаривающих политику на национальном уровне, которые были рассмотрены до сих пор, 7 имели результаты, благоприятные для действий в области климата. Рамочные климатические судебные разбирательства (Framework climate litigation) затрагивают не только правительства, но и компании, инвесторов и других лиц, заинтересованных в усилиях по содействию к низкоуглеродному переходу⁹.

Бум климатических судебных разбирательств открыл дискуссию о роли судов в защите климата, ставя на первое место вопрос о разделении властей в конституционных демократиях. Это касается тех дел, когда суду предлагается издать приказ, который вторгается в полномочия, предоставленные другой ветви власти (напр., - законодательной, исполнительной). Основная критика касается вопроса о легитимности деятельности судов в решении вопросов, связанных с политикой в области изменения климата. В частности, о балансе между национальной законодательной властью и судебной властью, и о роли судебной системы в делах, связанных с климатом. В какой степени суду разрешено законно осуществлять власть над избранной правительством климатической политикой государства? И когда участие суда в продвижении далеко идущих целей по защите климата должно рассмат-

3 Ecodefense & Other NGOs v. Russia//Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/geographies/russia/litigation_cases/ecodefense-other-ngos-v-russia (дата обращения: 12.10.22).

4 В Верховный суд подали первый в истории климатический иск// Агентство социальной информации. 14.09.22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2022/09/14/v-verhovnyj-cud-rossii-podali-pervyj-v-istorii-strany-klimaticheskij-isk/> (дата обращения: 12.10.22).

5 Climate litigation cases. Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/litigation_cases (дата обращения: 02.10.22).

6 Pouikli, K. Op. cit.

7 Higham C. et al. (2022). Challenging government responses to climate change through framework litigation // The Centre for Climate Change Economics and Policy (CCCEP). Policy report. 7 September 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2022/09/Challenging-government-responses-to-climate-change-through-framework-litigation-final.pdf> (дата обращения: 02.10.22).

8 Там же.

9 Climate litigation cases//Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/litigation_cases (дата обращения: 02.10.22).

ваться как выходящее за рамки закона и входящее в сферу политики¹⁰?

Примеры судебных решений, признавших недостаточными действия правительств по сокращению выбросов парниковых газов:

А) Дело «Urgenda Foundation v. State of the Netherlands» (2013)

Самым первым рамочным делом, поданным против правительства, чтобы привлечь большое международное внимание, было дело «Urgenda Foundation v. State of the Netherlands», возбужденное в 2013 году. Голландская экологическая группа Фонд «Urgenda» и 900 голландских граждан подали в суд на правительство Нидерландов, требуя, чтобы оно действовало более активно для предотвращения глобального изменения климата. Рассмотрев исковое заявление Фонда «Urgenda», 24 июня 2015 г. Окружной суд Гааги постановил, что государство нарушило «стандарт должной заботы» о своих гражданах, что в соответствии с голландским деликтным законодательством является противоправным деянием [4]. Суд указал, что государство Нидерланды должно принять дополнительные меры по сокращению выбросов парниковых газов. В частности, государство должно обеспечить, чтобы выбросы парниковых газов в Нидерландах в 2020 г. были как минимум на 25 процентов ниже, чем в 1990 г. Это первое судебное решение в мире, предписывающее государству ограничивать выбросы парниковых газов по причинам, отличным от установленных законом обязанностей. 20 декабря 2019 года Верховный суд Нидерландов оставил в силе решение Окружного суда Гааги по ст. ст. 2 и 8 Европейской конвенции о правах человека. Решение по делу «Urgenda» имело последствия, которые вышли далеко за пределы Нидерландов [2]. В период с 2014 по 2015 год было возбуждено еще пять аналогичных дел в Индии, Пакистане, Соединенных Штатах, Новой Зеландии и Бельгии. Эти дела были основаны на зарождающейся в 2000-х годах в научных и политических дискуссиях тенденции, когда изменение климата все чаще рассматривалось как проблема прав человека¹¹.

Б) Дело «Neubauer, et al. v. Germany» (2019)

Иск был подан девятью молодыми людьми (детьми фермеров) против федерального правительства Германии при поддержке организаций «Greenpeace» и «Germanwatch». Один из истцов - Луиза Нойбауэр, соучредитель и лидер немецкого движения «Пятница ради будущего» [2, с. 617]. Истцы утверждали, что цель правительства по сокращению выбросов парниковых газов на 55 % к 2030 году по сравнению с уровнями 1990 года недостаточна - Германии необходимо будет сократить выбросы парниковых газов на 70 %. Истцы подчеркивали, что таким образом федеральное правительство нарушает их права человека, охраняемые статьями 1 и 2 Основного закона (конституции Германии).

29 апреля 2021 года Федеральный конституционный суд (Bundesverfassungsgericht - BVerfG) опубликовал свое постановление о том, что «Федеральный закон об изменении климата» от 12 декабря 2019 года (Bundes-Klimaschutzgesetz - KSG), устанавливающий национальные климатические цели и годовые объемы выбросов, разрешенные до 2030 года, нарушает основные права граждан¹². Суд отменил ст. 20а KSG как несовместимую с основными правами граждан в связи с тем, что статья не содержит положений о сокращении выбросов после 2030 года, что затрагивает права будущих поколений. Суд также пришел к выводу, что законодательный орган не пропорционально распределил бюджет между нынешним и будущими поколениями. Суд обязал законодательные органы установить четкие положения о целях сокращения с 2031 г. Согласно новостным сообщениям от 30 апреля 2021 года,

правительство Германии объявило, что оно приступит к быстрой корректировке своего закона о климате в ответ на это решение¹³.

Примеры судебных решений, когда суд отказался выдать судебный запрет на действия правительств на основании доктрины разделения властей

А) Дело «VZW Klimaatzaak v. Kingdom of Belgium» (2015)

Одним из дел, вдохновленных решением по делу «Urgenda», стало дело «VZW Klimaatzaak v. Kingdom of Belgium», возбужденное в 2015 году. В этом деле истцы утверждали, что бельгийское законодательство требует от правительства принятия более амбициозных целей по смягчению последствий изменения климата, чем оно делало ранее на основе статьи 1382 Гражданского кодекса Бельгии. В этом контексте истцы просили суд вынести судебный запрет на действия правительства, чтобы сократить выбросы на 48 % (а не на 42 % как планировало правительство) к 2025 году и, по крайней мере, на 65 % - к 2030 году (а не на 55 %).

17 июня 2021 года Суд Брюсселя первой инстанции постановил, что Бельгийское государство и три субрегиона признаны нарушившими статьи 1382 и 1383 ГК Бельгии, а также статьи 2 и 8 Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ) за недостаточное сокращение выбросов парниковых газов¹⁴. Однако суд отказался выдать судебный запрет, предписывающий правительству установить конкретные цели по сокращению выбросов, запрошенные истцами. Суд установил, что **доктрина разделения властей ограничивает способность Суда устанавливать такие цели**, и это противоречило бы полномочиям законодательной или исполнительной власти. Ни европейское, ни международное право не требовали конкретных целевых показателей сокращения выбросов, как того требовали истцы. А научный отчет, на который ссылались истцы, хотя и был заслуживающим научной оценки, не имел юридической силы. Таким образом, конкретные цели сокращения выбросов должны решаться законодательными и исполнительными органами, - постановил суд. 17 ноября 2021 года адвокаты истцов обжаловали решение суда первой инстанции Брюсселя в Апелляционный суд Брюсселя, который должен рассмотреть как фактическую, так и юридическую составляющие дела¹⁵.

Б) Дело «Juliana v. United States» (2015)

В законе конституционном климатическом иске «Джулиана против Соединенных Штатов»¹⁶ истцы опирались на «доктрину общественного доверия» (Public Trust Doctrine). В 2015 году 21 молодой человек, представленные организацией «Наш детский траст» (Our Children's Trust), подали иск против США в Девятый Федеральный районный по округу Орегон. Истцы утверждали, что правительство США сознательно нарушило их конституционные права на жизнь, свободу и собственность, а также нарушило суверенную обязанность правительства — защищать общественные ресурсы, то есть доктрину общественного доверия, поощряя и разрешая сжигание ископаемого топлива. Согласно доктрине «общественного доверия», государство держит природные ресурсы

10 Pouikli K. Op. cit.

11 Higham C. et al. (2022). Op. cit.

12 Eckes C. (2021). Separation of Powers in Climate Cases: Comparing cases in Germany and the Netherlands, VerfBlog. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://verfassungsblog.de/separation-of-powers-in-climate-cases/> (дата обращения: 10.05.2021) DOI: 10.17176/20210510-181511-0.

13 Neubauer, et al. v. Germany (2019) // Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/geographies/germany/litigation_cases/neubauer-et-al-v-germany (дата обращения: 12.10.22).

14 VZW Klimaatzaak v. Kingdom of Belgium, et al. // The University of Victoria. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlineacademiccommunity.uvic.ca/climatechangelitigation/2021/08/03/vzw-klimaatzaak-v-kingdom-of-belgium-et-al/> (дата обращения: 12.10.22).

15 VZW Klimaatzaak v. Kingdom of Belgium (2015)//Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/geographies/belgium/litigation_cases/vzw-klimaatzaak-v-kingdom-of-belgium-et-al-court-of-first-instance-brussels-2015 (дата обращения: 12.10.22).

16 Juliana v. United States//Climate Change Litigation Databases. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://climatecasechart.com/climate-change-litigation/case/juliana-v-united-states/> (дата обращения: 12.10.22).

в доверительном управлении и, как доверительный управляющий, обязано использовать эти ресурсы разумно и на благо граждан.

Иск был предъявлен против президента Барака Обамы и нескольких правительственных агентств. В качестве аргументов адвокаты истцов ссылались на то, что отсутствие действий правительства в отношении изменения климата дискриминирует поколение молодежи, поскольку молодежь больше всего пострадает в будущем от изменения климата, но не имеет права голоса, чтобы влиять на это. В этом иске оспаривались решения, которые ответчики (правительство США и его агентства) приняли по широкому кругу вопросов - например, решения о том, в какой степени следует регулировать выбросы CO₂ от электростанций и транспортных средств, разрешать ли добычу и разработку ископаемого топлива на федеральных землях, сколько взимать платы за использование этих земель, предоставлять ли налоговые льготы отрасли ископаемого топлива, следует ли финансировать строительство инфраструктуры на ископаемом топливе (такой как трубопроводы для природного газа в стране и за рубежом), разрешать ли экспорт и импорт ископаемого топлива из США и разрешать ли новые проекты морских угольных терминалов. Истцы утверждали, что решения ответчиков по этим вопросам уже привели к существенному потеплению планеты и повышению уровня океанов. Истцы провели прямую причинно-следственную связь между политическим выбором ответчиков и наводнениями, нехваткой продовольствия, уничтожением собственности, вымиранием видов и др. Перед судом были поставлены следующие вопросы: 1) несут ли ответчики ответственность за часть вреда, причиненного изменением климата; 2) могут ли истцы оспаривать политику ответчиков (правительства) в отношении изменения климата в суде; и 3) может ли суд предписать ответчикам изменить свою политику, не нарушая учение о разделении властей.

Ответчики (представители правительства) утверждали, что требования истцов должны быть отклонены: 1) из-за отсутствия юрисдикции, поскольку дело представляет собой обсуждение политических вопросов, не входящих в компетенцию судов, 2) истцы не имеют права на предъявление иска согласно статье III Конституции, 3) требования, вытекающие из «доктрины общественного доверия» не могут быть предъявлены федеральному правительству.

В январе 2020 года суд девятого округа прекратил дело на том основании, что у истцов не было полномочий для подачи иска о судебном запрете указанной выше деятельности правительства (из-за отсутствия процессуальной правоспособности по статье III Конституции). Суд со ссылкой на решение по делу «Corrie v. Caterpillar, Inc.» (2007) указал, что если дело представляет собой политический вопрос, то федеральные суды не обладают предметной юрисдикцией для решения этого вопроса. Суд подчеркнул, что «**доктрина политического вопроса**» (**political question doctrine**) является первоосновой учения о разделении властей (см. дело «Baker v. Carr» (1962)). Это ограничение для федеральных судов было признано еще в деле «Marbury v. Madison» (1803 г.), в котором главный судья Маршалл писал: «вопросы по своему характеру политические или которые согласно конституции и законам переданы на рассмотрение исполнительной власти, никогда не могут быть заданы в этом суде»¹⁷.

Истцы подали апелляционную жалобу на это постановление суда. 10 февраля 2021 г. суд издал приказ об отклонении апелляции без изложения мотивов отказа. Летом 2021 г. стороны по предложению суда обсудили вопрос о мирном урегулировании спора. По состоянию на май 2022 года дело ожидало решения районного суда по ходатайству истцов о разрешении на внесение поправок в их апелляционную жалобу.

В) Дело «Friends of the Irish Environment v. Government of Ireland» (2018)

Вопрос о разделении или балансе властей был всесторонне изучен и отражен Высоким судом Ирландии в деле «Friends of the Irish Environment v. Government of Ireland» (2018)¹⁸. В феврале 2018 года правительство Ирландии опубликовало программный документ «Национальная структура планирования Ирландии» (NPF), в котором, наряду с Национальным планом развития, были изложены общие цели Ирландии на период до 2040 года. В ходе подготовки NPF правительство разработало стратегическую экологическую оценку (СЭО). Были определены десять национальных стратегических результатов: компактный рост, улучшенная региональная доступность, укрепление сельских экономик и сообществ, высокое качество международной связи, устойчивая мобильность, сильная экономика, улучшенные удобства и наследие, переход к устойчивой энергетике, устойчивое управление водными ресурсами, отходами и другими ресурсами окружающей среды и доступ к качественным услугам по уходу за детьми, образованию и здравоохранению.

Истцы оспорили NPF по ряду причин, в том числе из-за того, что правительство не смогло оценить влияние NPF на изменение климата при подготовке СЭО. В иске утверждалось, что от правительства требовалось не только определить вероятное увеличение выбросов парниковых газов, которое произойдет в рамках NPF, но и проанализировать воздействие этих выбросов на климат.

Ответчики (ирландское правительство) утверждали, что План NPF, который оспаривали истцы, представляет собой политический программный документ и не может быть рассмотрен в судебном порядке. Его судебный пересмотр будет равносителен недопустимому вмешательству суда в область государственной политики. Высокий суд Ирландии разделил эту позицию ответчиков, утверждая, что «могут существовать обстоятельства, при которых суд может вынести обязательное постановление против государственного органа, но только тогда, когда ... сознательное и преднамеренное решение государственного органа действовать в нарушение своих конституционных обязательств перед другими сторонами».

Климатические иски и принцип разделения властей

По мере того, как признаки опасного изменения климата становятся все более очевидными, растет давление общества, чтобы привлечь правительства и крупные фирмы, выделяющие углерод, к ответственности [10]. Шведский автор Жасмина Недевска уточняла, что с точки зрения политологии, стратегические климатические судебные разбирательства можно рассматривать как относительно новую, упускаемую из виду форму управления климатом - суды используются для направления целей социальных систем в сторону устойчивой климатической политики [7]. Тем не менее, это поднимает вопрос о том, может ли и в какой степени суд закононо осуществлять власть над выбранной государством климатической политикой.

Можно утверждать, что суд не только должен защищать права человека в аспектах, связанных с изменением климата. Суд также должен придерживаться всеобъемлющих идеалов конституционных демократий (по крайней мере, в тех государствах, где такие демократии провозглашены). Согласно этим демократическим идеалам, различные ветви власти должны действовать в соответствии с принципом верховенством закона — заранее определенным набором ограничений — чтобы отражать волю народа. Судьи, ответчики и другие заинтересованные стороны в судебных разбирательствах по климату выдвинули доктрину разделения властей в качестве причины для отказа стратегическим климатическим исцам в доступе к суду. Например, ответчики (представители правительства США) в деле «Juliana v. United States» (2015) утверждали, что такой доступ к суду будет представлять собой «прямое посягательство на доктрину разделения властей».

17 Juliana v. United States // Casetext. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://casetext.com/case/juliana-v-united-states-3> (дата обращения: 12.10.22).

18 Friends of the Irish Environment v. Government of Ireland (2018) // Climate Change Laws of the World. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://climate-laws.org/geographies/ireland/litigation_cases/friends-of-the-irish-environment-v-the-government-of-ireland-et-al (дата обращения: 12.10.22).

Многие зарубежные авторы ставят вопрос: подрывают ли судьи в этих делах принцип разделения властей как освященное веками достижение современных конституционных демократий, чтобы заставить политические ветви власти предпринять срочно необходимые действия [9]? Профессор Кристина Эскес (Амстердамский университет) утверждает, что это не так: «Конституционные демократии привержены пониманию того, что усиление мажоритаризма не обязательно повышает демократическую легитимность. Распределяя различные функции между тремя ветвями власти - исполнительной, законодательной и судебной, разделение властей направлено на то, чтобы ни закон, ни политика не доминировали друг над другом. На судебную систему возложена важная функция защиты индивидуальной автономии как крайне необходимого элемента¹⁹». Далее автор подчеркивала, что права человека играют крайне важную роль в конституционных демократиях. Те, кто осуществляет государственную власть таким образом, чтобы ограничивать права, должны предлагать своим гражданам законные причины для таких действий. Именно здесь вступает в силу принцип разделения властей и функции судебной власти. Судьи должны – в соответствии с формальными правилами – обязать законодательную и исполнительную власть обосновывать свой выбор в свете его влияния на права человека. Как подчеркнула К. Эскес, судьи в решениях по делам «Urgenda» и «Neubauer» не заменили политическое решение своим собственным. Оба судебных решения подтвердили действующую систему разделения властей. Они создали условия для большей легитимности осуществления государственной власти. В обоих случаях судьи защищали качество принятия политических решений.

Выводы:

1. Очевидно, что перенесение вопросов о защите климата и климатическом кризисе в залы судебных заседаний, является эффективным способом борьбы за защиту окружающей среды. Хотя климатические судебные разбирательства в основном проходят в национальных судах, их последствия можно рассматривать как глобальные, поскольку конкретные климатические решения влияют на суды через национальные границы [7]. В апреле 2022 года МГЭИК впервые признала важную роль, которую судебные разбирательства по вопросам изменения климата играют во влиянии на «результаты и амбиции управления климатом». Всего по данным Climate Change Laws of the World на октябрь 2022 года в мире было возбуждено 2099 дел, связанных с изменением климата. В сентябре 2022 года был подан первый климатический иск к правительству РФ.

2. Громкие дела (например, дело «Urgenda», дело «Neubauer», дело «Juliana v. United States»), связанные с требованиями защиты климата от изменений, содержат новые правовые стратегии или формируют прецеденты для будущих дел. Граждане и общественные организации часто сознательно «заимствуют» стратегические подходы из небольшого количества громких дел. Поэтому не только успешные судебные иски, связанные с изменением климата, но даже неудачные дела имеют положительные побочные эффекты, которые не следует игнорировать.

3. Климатические иски против правительств получили наименование «стратегических судебных разбирательств», поскольку они направлены на то, чтобы привести к более широким изменениям в государственной климатической политике, повысить осведомленность общественности или изменить поведение правительств или субъектов отрасли.

4. Бум климатических судебных разбирательств открыл дискуссию о роли судов в защите климата, ставя на первое место вопрос о разделении властей в конституционных демократиях. Это касается тех дел, когда суду предлагается издать приказ, который вторгается в полномочия, предоставленные другой ветви власти (напр., - законодательной, исполнительной). Следует присоединиться к мнению зарубежных авторов К. Эскес, Ж. Недевска и др., что в климатических судебных разбирательствах суд не только должен защищать права

человека в аспектах, связанных с изменением климата. Суд также должен придерживаться всеобъемлющих идеалов конституционных демократий (в частности, принципа разделения властей).

Пристайный библиографический список

1. Гершинкова Д. А. (2021). Климатические судебные иски: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2021. - Т. 17. - № 3. - С. 116-131. DOI: 10.12737/jflcl.2021.033.
2. Ермакова Е. П. (2020). Судебные иски к правительствам и частным компаниям стран Европы о защите климата в рамках Парижского соглашения 2015 г. (Великобритания, Нидерланды, Германия, Франция) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2020. - Вып. 49. - С. 604-625. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-604-625. - С. 612.
3. Ермакова Е. П. (2022). Особенности разрешения споров в сфере защиты климата государственными судами и арбитражем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2022. - Т. 26. - № 1. - С. 192-209. - DOI 10.22363/2313-2337-2022-26-1-192-209.
4. Новель А. (2019). Изменение климата: новая тема в судебной практике // Курьер ЮНЕСКО. - 2019. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ru.unesco.org/courier/2019-3/izmenenie-klimata-novaya-tema-v-sudebnoy-praktike> (дата обращения: 12.10.22).
5. Клеандров М. И., Фролова Е. Е., Ермакова Е. П. Основы правового регулирования «зеленого» финансирования в России и Европейском Союзе: учебное пособие. - Москва: РУДН, 2021. - 74 с.
6. Фролова Е. Е. (2020) Цифровизация и зеленое финансирование: новые тренды правового регулирования экономических отношений XXI века // В сборнике: Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования. Материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 90-летию со дня рождения д.ю.н., профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семёновича Орданского. В 2-х частях. - 2020. - С. 328-334;
7. Nedevska J. (2021). An Attack on the Separation of Powers? Strategic Climate Litigation in the Eyes of U.S. Judges // Sustainability. - 2021. - № 13. - 8335 p. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su13158335>
8. Pouikli K. (2021). Editorial: a short history of the climate change litigation boom across Europe. ERA Forum 22, 569-586 (2021). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s12027-022-00700-1>.
9. Preston B. (2011). The Influence of Climate Change Litigation on Governments and the Private Sector // Climate Law. - 2011. - № 2. - P. 485. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2345988 (дата обращения: 12.10.22).
10. Schiermeier Q. (2021). Climate science is supporting lawsuits that could help save the world // Springer Nature. - 08 September 2021. - Nature 597. - P. 169-171. - 2021. doi: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://doi.org/10.1038/d41586-021-02424-7>.

19 Eckes C. (2021). Op. cit.

ИВАНОВА Людмила Аполлоновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Сегодня проведение массовых мероприятий невозможно представить без участия в них органов внутренних дел. Качественное и результативное разрешение указанными органами задач, стоящих перед ними в период проведения мероприятий (независимо от стадий), непосредственным образом связано с согласованной работой всех субъектов, задействованных в обеспечении общественного порядка и поддержании общественной безопасности. В статье рассматриваются понятия публичных, массовых мероприятий, в чем опасность массовых беспорядков.

Ключевые слова: публичные мероприятия, массовые мероприятия, массовые беспорядки.

IVANOVA Lyudmila Apollonovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES DURING MASS EVENTS

Today, it is impossible to imagine holding mass events without the participation of internal affairs bodies in them. The qualitative and effective resolution by these bodies of the tasks facing them during the events (regardless of the stages) is directly related to the coordinated work of all subjects involved in ensuring public order and maintaining public safety. The article discusses the concepts of public, mass events, what is the danger of mass riots.

Keywords: public events, mass events, mass riots.

Одной из форм реализации гражданами своих конституционных прав, является участие в массовых мероприятиях в целях проявления личной и групповой инициативы, выражения отношения к процессам и явления, происходящим в обществе.

Согласно Федеральному закону от 04.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» под публичным мероприятием понимается открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в различных формах акция, осуществляемая по инициативе граждан РФ, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств.

Публичное мероприятие проводится в целях выражения гражданами своего мнения относительно различных вопросов жизни государства, включая политическую, экономическую, социальную, культурную сферы.

Массовые мероприятия имеют определенную специфику, обусловленную одновременным нахождением большого количества людей на ограниченной территории, психологическими особенностями толпы, наличием остросоциальных причин, послуживших поводом к проведению массового мероприятия. В связи с этим, нередко такие мероприятия влекут за собой массовые беспорядки.

Под массовыми беспорядками понимается совершаемое большой группой людей (толпой) посягательство на общественную безопасность, сопровождающееся насилием над людьми, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, оказанием вооруженного сопротивления представителям власти [1, с. 287].

Опасность массовых беспорядков заключается не только в угрозе жизни и здоровью людей, их имуществу, но и в нарушении общественного порядка, дезорганизации общественной жизни, деятельности государственных органов.

Исходя из причин массовых беспорядков, можно выделить следующие их виды:

- социально-экономические;
- межнациональные;
- религиозные;
- политические;
- экологические;
- возникшие в ходе проведения массовых мероприятий.

Среди признаков массовых беспорядков можно отметить:

- Жестокость поведения участников, значительный материальный ущерб;
- Большое количество активных участников;
- Политический характер действий;
- Вооруженность участников.

Деятельность органов внутренних дел по пресечению массовых мероприятий включает несколько аспектов (этапов):

1. Подготовительные действия (привлечение сил и средств, распределение функций между подразделениями, организация оперативного штаба);
2. Предупреждение массовых беспорядков (выявление признаков обострения обстановки, мониторинг социальной напряженности);

3. Непосредственное пресечение массовых беспорядков;

4. Предупреждение повторности массовых беспорядков.

В целях пресечения массовых беспорядков органами внутренних дел проводятся специальные операции.

Руководитель территориального органа внутренних дел при получении информации о возникновении массовых беспорядков осуществляет:

- Уточнение полученной информации;
- Предварительное распоряжение;
- Доклад об оперативной обстановке, планируемых мерах вышестоящему должностному лицу;
- Разведку сущности и особенностей массовых беспорядков;
- Принятие решения о проведении специальной операции;
- Доведение плана пресечения беспорядков до непосредственных исполнителей, организация действий на местности.

При уточнении обстоятельств и особенностей массовых беспорядков выполняются задачи по:

- определению численности людей, участвующих в массовых беспорядках;
- определению численности оперативных групп, необходимой для пресечения беспорядков;
- всестороннему обеспечению деятельности органов внутренних дел;
- принятию решения о применении специальных сил и средств.

Особое место занимают меры предупредительного воздействия, направленные на уменьшение масштаба и негативных последствий беспорядков. В рамках таких предупредительных мер могут осуществляться действия по: проведению переговоров с организаторами беспорядков; выступлению перед толпой руководителей различных структур; агитации и пропаганде прекращения массовых беспорядков; усилению охраны специализированных объектов; введению временных ограничений.

После проведения предупредительных мероприятий сотрудники занимают заранее определенные позиции, сообщается о готовности применения силовых средств воздействия. При неэффективности предупредительных мер, после предупреждения о применении силовых средств, принимается решение на проведение силовых действий.

Воздействие на толпу людей осуществляется контактным и бесконтактным способом.

Бесконтактный способ воздействия осуществляется следующими способами:

- установка средств принудительной остановки транспортных средств, людей (бронетранспортеры, иная боевая техника, выставление цепочек и др.);
- создание газовых, водных и других препятствий, использование карабина с газовыми пулями;
- использование специальных средств, рассредоточение толпы;
- после остановки и отхода толпы, специальные средства применяются в направлении движения толпы.

Применение бесконтактного способа воздействия на толпу осуществляется при наличии у органов внутренних дел соответствующей техники, специальных средств, для воздействия на движущуюся толпу, если известно направление ее движения.

Контактный способ воздействия предполагает рассредоточение толпы, ее вытеснение, дробление на мелкие группы, изъятие наиболее опасных участников.

Все виды контактного воздействия можно объединить в четыре группы:

- Центростремительная блокада (воздействие с нескольких направлений, вытеснение в заранее подготовленный коридор, последующее дробление на мелкие группы);
- Боковой удар «клином» (воздействие с 1-2 направлений, разделение толпы на две части, вытеснение за пределы территории операции);
- Оттеснение толпы (воздействие в одном направлении, блокирование иных путей отхода);
- Центробежная блокада (изоляция территории операции в целях недопущения проникновения участников массовых беспорядков с других территорий, в дальнейшем осуществляется остановка и разделения участников, пришедших с других территорий, вытеснение толпы, находящейся в районе операции) [1, с. 291].

После проведения операции по пресечению массовых беспорядков осуществляется решение следующих задач:

- сбор личного состава, проверка наличия вооружения;
- оцепление территории, обеспечение охраны специальных объектов;
- обеспечение усиленного варианта охраны территории;
- принятие мер по предотвращению повторных массовых беспорядков;
- организации мероприятий по розыску и задержанию активных участников и организаторов массовых беспорядков;
- оказание помощи пострадавшим;
- подготовка отчета о результатах проведенной операции;

Согласно п. 16 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» на полицию возлагаются обязанности по предупреждению, выявлению и пресечению деятельности экстремистского характера¹. Для реализации данного направления деятельности в РФ созданы специализированные структурные подразделения МВД России, такие как Главное управление по противодействию экстремизму МВД России, Центр обеспечения оперативно-служебной деятельности по противодействию экстремизму МВД России и другие.

На указанные подразделения возложены задачи по оказанию помощи подразделениям ОВД в предоставлении информации по преступлениям экстремистской направленности; оказанию методической помощи ОВД по предупреждению данных проявлений.

1 О полиции: Федеральный закон от 07 февр. 2011 № 3-ФЗ // Рос. газ. - № 28. - 10 февр.

При обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий, в целях противодействия экстремизму, не сотрудников полиции возлагаются обязанности по:

- оперативному информированию дежурного ОВД об оперативной обстановке;
- принятию мер по контролю за порядком проведения публичного мероприятия;
- наблюдению за поведением участников.

В целях противодействия экстремизму при проведении массовых мероприятий к основным тактическим приемам можно отнести меры наблюдения, информирования руководителей, сопровождения, регулирования движения толпы, блокирование, препятствие незаконным действиям.

В целях обеспечения общественной безопасности и общественного порядка при проведении массовых мероприятий и пресечении массовых беспорядков, осуществляется группировка сотрудников ОВД по различным направлениям их деятельности, среди которых можно выделить следующие группировки.

Группа организации управления, включающая:

- 1) организационно-аналитическую группу, осуществляющую сбор, анализ оперативной информации; подготовку решений; доведение информации до непосредственных исполнителей и т.д.;
- 2) группу связи, отвечающую за доведение информации до исполнителей;
- 3) взаимодействия со СМИ, обеспечивающая предоставление информации о складывающейся обстановке; ведения переговоров, действия которой направлены на реализацию метода убеждения при воздействии на нарушителей.

Группа обеспечения режимных ограничений, включающая:

- 1) группу патрулирования, обеспечивающую охрану общественного порядка, пресечение правонарушений (наряды ППС классифицируются на пеший патруль – до 15 чел., парный патруль – до 5 чел., пост охраны – от 2 чел.)
- 2) группу охраны, деятельность которой направлена на обеспечение охраны специализированных объектов;
- 3) группу оцепления, осуществляющую изоляцию места проведения специальной операции. Состав группы определяется в зависимости от направления деятельности группы: на усиленном направлении оцепление осуществляется по 3 рубежам (первый рубеж включает грузовые автомобили; второй и третий рубеж – усиленные цепочки); на остальных направлениях простые и редкие цепочки; КПП (5-10 чел.); резерв (не менее 10% личного состава, участвующего в пресечении массовых беспорядков).
- 4) группу организации дорожного движения, обеспечивающую организацию дорожного движения, определение направлений движения транспортных средств. Для решения задач, стоящих перед указанной группой создаются посты и патрули;
- 5) группу маневрирования, действия которой направлены на предотвращение передвижения толпы из одного района в другой (не менее 100 чел.).

Группа ведения силовых действий, включающая:

- группу блокирования и изъятия, обеспечивающую отделение активных участников массовых беспорядков, их изоляцию и задержание;
- группу вытеснения, осуществляющую разделение толпы на мелкие группы.

Таким образом, обеспечение общественной безопасности и общественного порядка при проведении массовых мероприятий имеет два направления деятельности: осуществление контрольных функций за порядком проведения мероприятия, выполнение требований организаторами и участниками, а также пресечение массовых беспорядков, которые являются достаточно частым явлением при проведении такого рода мероприятий. Пресечение массовых беспорядков осуществляется путем применения бесконтактных и контактных способов воздействия. При этом контактное воздействие осуществляется при неэффективности бесконтактных способов воздействия. В целях эффективности пресечения массовых беспорядков создаются различные специализированные группы. Нередким явлением при проведении массовых мероприятий является проявление экстремизма, что требует от сотрудников ОВД особой бдительности и своевременного принятия мер по пресечению таких проявлений.

Пристатейный библиографический список

1. Плохих Г. И. Специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. - Курск: Юго-Зап. Гос. ун-т. - С. 287.

ОСПИЦЕВ Роман Игоревич

аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы в сфере миграции. Влияние иностранцев на безопасность страны. А также были предложены пути устранения и совершенствования действующего миграционного права России.

Ключевые слова: иностранный гражданин, миграционное право, миграция, правовое положение.

OSPISHCHEV Roman Igorevich

postgraduate student of Judiciary, civil society and law enforcement sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGNERS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with current problems in the field of migration. The influence of foreigners on the security of the country. Also, ways were proposed to eliminate and improve the current migration law of Russia.

Keywords: foreign citizen, migration law, migration, legal status.

Каждое в мире демократическое и правовое государство стремится привлечь мигрантов из-за пределов своей страны. Вследствие этих привлечений в государстве возникают ситуации, которые требуют своевременного реагирования на возникшие правовые проблемы, начиная от мелких социальных вопросов и заканчивая уголовными делами в отношении прибывших иностранцев.

Россия не является исключением. Так, например, привлекая граждан из стран Средней Азии, таких как Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, государство, располагая своей огромной территорией не в силах произвести тщательный контроль за лицами, пересекающими Государственную границу нашей страны. В последствии такие лица зачастую от «не знание закона, не освобождает от ответственности», исходя из данной формулировки, нарушают действующее законодательство, имея при этом в какой-то степени прямой умысел – нарушить (например, теневая трудовая миграция) или, напротив, в связи с отсутствием у такого лица возможности соблюсти законные обязанности миграционного законодательства (например, отсутствие жилплощади для постановки на миграционный учет).

Исходя из данной ситуации следует привести статистические данные совершаемых иностранцами преступлений на территории России. Так, согласно статистическим данным МВД РФ иностранцами на период январь – ноябрь 2022: всего совершено преступлений 37 тыс. (из которых 30,3 тыс. совершено преступлений гражданами СНГ)¹, а исходя из прошлогодних данных, то на период январь – ноябрь 2021: всего совершено преступлений 28,8 тыс. (из которых

23,3 тыс. совершено преступлений гражданами СНГ)². Проанализировав данные за вышеуказанный период времени, можно сделать вывод, что преступность иностранных граждан в России возросла, по сравнению с 2021 год в 2022 году количество совершенных преступлений увеличилось на 22,2 % (из которых увеличилось количество преступлений гражданами СНГ на 23,1 %).

Таким образом, рассмотрение вопроса о правовом положении иностранцев в России является одной из самых актуальных тем за последние 10 лет. Юристам известно из дисциплины конституционного права о том, кто имеет право на законодательную инициативу в РФ. В этой связи, чаще всего инициатором законопроектов выступает Президент РФ или же представители Государственной Думы РФ, которые регулярно вносят на рассмотрение законодательные инициативы по совершенствованию и устранению пробелов в действующем миграционном законодательстве и не только.

Рассматривая актуальные проблемы действующего законодательства, следовало бы выделить три миграционных режима регулирования иностранцев в России: 1) въездной режим; 2) выездной режим; 3) пребывающий режим [2].

Все три режима регулируются Конституцией РФ, Федеральными законами и отдельными нормативными актами, в т.ч. международными.

Въездной режим – регулирует правовой порядок въезда на территорию России. Иностранец из безвизового государства, пересекая Государственную границу России, при въезде через контрольно-пропускной пункт представляет документ, удостоверяющий его личность (например, гражданин Украины, цель въезда - частный, такое лицо представляет на российской границе внутренний паспорт

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - ноябрь 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/4635625> (дата обращения: 20.01.2023).

2 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - ноябрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.mvd.ru/files/application/2295009> (дата обращения: 20.01.2023).

Украины или ID-карту гражданина Украины или заграничный паспорт). Из этого следует, что Правительство России закрепило под понятием – документом, удостоверяющим личность гражданина Украины для пересечения Государственной границы РФ, является не только заграничный паспорт, а все виды паспортов, выданные Государственной миграционной службой Украины³. Обратная сторона межправительственного соглашения между Россией и Украиной по пересечению Государственной границы гласит, что Кабинетом министров Украины был ратифицировано Соглашение и так же определен соответствующий перечень документов, в котором Украина определила документом для пересечения Государственной границы Украины через контрольно-пропускной пункт документ, удостоверяющий личность гражданина Российской Федерации только заграничный паспорт. Общегражданский паспорт для пересечения границы запрещен для въезда в Украину. Если рассматривать аналогичную ситуацию с некоторыми государствами, являющимися членами СНГ, например, Республика Казахстан, то такого дискриминационного порядка в отношении как граждан Республики Казахстан, так и граждан Российской Федерации попросту нет. Они вправе пересекать границы по любым документам, удостоверяющим их личность⁴.

Так же проблемой въездного режима является отсутствие межправительственной Автоматизированной информационно-телекоммуникационной системы членов стран-участниц СНГ. Так, например, известны случаи, когда в отношении гражданина СНГ судом России выносится судебный акт, в связи с нарушением ст. 18.10 КоАП РФ (нарушения в сфере трудовой миграции). Например, иностранцем «Р» было совершено административное правонарушение, с последующим назначением санкции в виде N-суммы административного штрафа с самостоятельно контролируемым выдворением. Иностранец «Р» получив соответствующее Постановление суда РФ едет к местонахождению личных вещей и с момента вступившего в силу Постановления обязан в течение 5 дней самостоятельно покинуть страну⁵. На контрольно-пропускном пункте Государственной границы он под контролем сотрудника Пограничной службы ФСБ РФ передается представителю государства, в которое гражданин был выдворен судом РФ. К Постановлению суда РФ приобщается акт об исполнении Постановления. Гражданин, покинувший РФ, получает запрет на въезд компетентными органами РФ на N-количество лет. Пограничная служба ФСБ РФ уведомляет соответствующий суд об исполнении вынесенного данным судом РФ административного Постановления. Гражданин «Р» прибывает на территорию

своего государства и в ближайшее время обращается в компетентные государственные органы. Гражданин производит по собственному заявлению смену ФИО и обратно возвращается в Россию, совершая уже уголовно наказуемое деяние по ст. 322 УК РФ⁶, как «новое» мигрирующее лицо, не как гражданин «Р», а как гражданин «У», с новыми персональными данными и новым документом, удостоверяющим личность иностранца.

Исходя из вышесказанного, следовало бы закрепить на соответствующем международном уровне положения, а также в последующем разработать Автоматизированную информационно-коммуникационную систему, в которой будут храниться данные о перемене ФИО, пола, гражданства, а также о выдаче действующего документа, удостоверяющего личность гражданина или замене его, с предоставлением доступа к базе данных стран-участниц СНГ.

На государственном уровне в России были приняты меры по контролю за иностранцами, посредством прохождения обязательной дактилоскопической регистрации и фотографирования. Данный метод контроля действует с августа 2022 года и пока еще рано говорить о его эффективности. Государственная концепция верна и в ближайшие годы покажет свою эффективность в противодействии преступности иностранцев в России.

Въездной режим имеет аналогичную законодательную базу регулирования процессом выезда за пределы РФ. Основной проблемой является система «90 – 180 – 90» [1]. Вопросы режима пребывания мы рассмотрим далее. Суть данной системы с большинством безвизовых стран таких как Украина, Беларусь и так далее заключается в том, что иностранец вправе приехать в РФ на 90 дней, потом это лицо 180 дней обязано пребывать за пределами РФ и потом вправе снова приехать в РФ на 90 дней. Чаще всего граждане СНГ пользуются в России таким пробелом в действующем праве. Так, например, известны случаи, когда иностранец, прибыв из стран СНГ в РФ с частной целью, находит в РФ обстоятельства, из-за которых не желает покидать страну и не желает оформлять временное или постоянное проживание в РФ для дальнейшего законного нахождения в стране. Иностранец «Д» вопреки ст. 5 ФЗ № 115 от 25.07.2002, где устанавливается миграционный режим 90 дней в РФ и 180 дней за ее пределами⁷, пересекает Государственную границу РФ через контрольно-пропускной пункт путем «одного дня» по системе туда и обратно. Лицо, считает, что сроки обновлены, и исчисление срока 90 дней начинается сначала. Данное убеждение иностранца «Д» является неверным и нарушает ст. 18.8 КоАП РФ, где санкция предусмотрена в виде административного штрафа и выдворения за пределы РФ⁸.

Возникает вопрос контроля над данной проблемой. В подразделении ОВМ МВД РФ существует Автоматизированная система «Центральная база данных по учету ино-

3 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины (Москва, 16 января 1997 г.).

4 Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством РФ и Правительством Республики Таджикистан от 30.11.2000 (с изм. от 24.03.2005) «О взаимных безвизовых поездках граждан».

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).

6 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

7 Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002.

8 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).

странных граждан»⁹ или сокращенно ЦБД УИГ, в данной базе содержится вся персональная информация в т.ч. информация по месту пребывания и месту жительства иностранца, а также сроках его нахождения на территории РФ. Для устранения возникших нарушений миграционного режима иностранцами в РФ достаточно разработать методику по контролю и противодействию незаконной миграции для сотрудников ОВМ МВД РФ. Таким образом, данный метод контроля по противодействию незаконной миграции поможет своевременно привлекать к ответственности иностранцев, нарушающих миграционное законодательство, что прямо приведет к оперативному розыску таких иностранцев и выведет лиц, находившихся в РФ без разрешительного документа на право пребывания в РФ годами из миграционной тени.

Режим пребывания. Данный режим является основным для иностранца. Лицо, которое въезжает и выезжает из РФ обязано своевременно осуществлять постановку на миграционный учет по месту пребывания, а также получать разрешительные документы временного или постоянного проживания для проживания в РФ на более продолжительный срок.

Актуальной проблемой действующего режима является именно регистрация по месту жительства или месту пребывания. Согласно ст. 22 Федерального закона № 109 от 18.07.2006 закон обязывает осуществлять постановку на миграционный учет иностранцев по месту своего пребывания¹⁰. Так, например, граждане, приезжая в РФ из стран СНГ, с целью ведения трудовой деятельности (например, ведение строительных работ) обязаны осуществить постановку на миграционный учет по месту своего пребывания и получить патент, если того требует от иностранца закон. Ввиду того, что такие иностранцы проживают фактически неподалеку от строительной площадки «в вагончике» без соответствующих санитарно-гигиенических условий для проживания вынуждены обращаться к лицам или посредникам, оказывающим фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет в РФ.

Проблема получила свое распространение после изменения вышеупомянутой статьи, в которой законодательно разрешили постановку на миграционный учет по месту пребывания только в жилые помещения (ранее было разрешено регистрироваться по месту пребывания по адресу юридического лица где официально трудился мигрант). Подобного рода услуги оказываются на площадках публичных объявлений. Ранее данное деяние получило название - «резиновые фирмы» и «резиновые квартиры», теперь только «резиновые квартиры» остались.

Исходя из этого, следовало бы закрепить право регистрации по месту фактического проживания без уточнения жилого или нежилого помещения. Что касается проблемы, то она возникает и в уголовном преследовании по ст. 322.1 УК РФ и ст. 322.3 УК РФ, где по статистическим данным МВД

РФ подобного рода услуги оказывают граждане Российской Федерации, тем самым повышают преступность в нашей стране. А также возникают административные правонарушения по ст.ст. 18.8-18.9 КоАП РФ, где субъектом правонарушения выступает только иностранец. Решение данной проблемы, как минимум, устранил актуальность состава преступления по ст.ст. 322.1 и 322.3 УК РФ и в России уменьшится количество совершаемых преступлений по данным статьям УК РФ.

Подводя итог, следует отметить, что действующее миграционное законодательство не совершенно, но законодатель стремится привести его в соответствие. Проблем достаточно и над ними необходимо работать. Законодательной и исполнительной власти в РФ следовало бы обратить свое внимание на количество совершаемых уголовных преступлений, тем самым выявить причины и устранить их не только в миграционном праве, но и в иных нормативных актах, регулирующих социальные и экономические вопросы прав и обязанностей иностранных граждан в РФ.

Как заявил Президент России В. В. Путин в 2019 г. на Форуме ПМЭФ: «Россия – страна возможностей».

Правовая и демократическая Россия всегда будет интересна для миграции.

Пристатейный библиографический список

1. Зраева И. М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 153-156.
2. Степанов А. В. К вопросу о миграционном правовом статусе иностранцев в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – № 4 (22). – С. 84-97.

9 Постановление Правительства РФ от 06.04.2005 № 186 (ред. от 20.11.2018).

10 Федеральный закон № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006.

КУШХОВ Хажмурат Лионович

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

На сегодняшний день в Российской Федерации как в многонациональном и многоконфессиональном государстве основной задачей перед законодателями стоит разделение органов государственной власти и религиозных объединений. Взаимоотношение государства и религиозных объединений строится сугубо на законодательных актах и нормах Конституции Российской Федерации. Законодательство нашей страны направлено на равноправие между всеми людьми, живущими в стране, дает им одинаковые права, в том числе и свободу слова и вероисповедания, тем самым даря людям возможность придерживаться той религии, которая ему близка или не придерживаться никакой, свободно излагать свои мысли и карает тех, кто ущемляет права верующих и неверующих, а также использует религию для совершения преступных деяний, тем самым угрожая общественной безопасности, как всего общества, так и людей которые исповедуют ту же религию, потому что в обществе они будут ассоциироваться с преступной группой, которая использует религию как прикрытие. А поскольку никакая религия не признается государственной или обязательной, то и религиозные объединения, которые занимаются манипуляцией сознанием людей, разжиганием межконфессиональной розни, сектанством и т.д. считаются незаконными, запрещенными, а их организаторы должны нести административную и уголовную ответственность.

Ключевые слова: государство, религия, религиозные объединения, свобода совести, многоконфессиональность.

KUSHKHOV Khazhmurat Lionovich

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law, Economics and Finance of the Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

TO THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF RELATIONS BETWEEN PUBLIC AUTHORITIES AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS

Today, in the Russian Federation, as in a multinational and multi-confessional state, the main task for legislators is the separation of state authorities and religious associations. The relationship between the state and religious associations is based purely on legislative acts and norms of the Constitution of the Russian Federation. The legislation of our country is aimed at equality between all people living in the country, gives them the same rights, including freedom of speech and religion, thereby giving people the opportunity to adhere to the religion that is close to them or not to adhere to any, freely express their thoughts and punishes those who infringe on the rights of believers and non-believers, and also uses religion to commit criminal acts, thereby threatening public safety, both of the whole society and people who profess the same religion, because in society they will be associated with a criminal group that uses religion as a cover. And since no religion is recognized as a state or obligatory one, then religious associations that are engaged in manipulating the minds of people, inciting interfaith hatred, sectarianism, etc. are considered illegal, prohibited, and their organizers must bear administrative and criminal liability.

Keywords: state, religion, religious associations, freedom of conscience, multi-confessionalism.

На сегодняшний день, в Российской Федерации, в первую очередь, как в многонациональном и многоконфессиональном государстве основной задачей перед законодателями стоит разделение органов государственной власти и религиозных объединений.

Если обратится к истории как нашей, так и любой современной Европейской страны то основным отличием государств и стран в прошлом и сегодня будет то, что на современном этапе множество стран отошли от такого понятия как государственная религия или обязательная религия. Сейчас, современному человеку тяжело понять политику средневековых государств, которая предписывала неотделимость религиозной элиты от элиты правящей. Однако история помнит множество ярких примеров, когда в руках религиозных объединений и организаций было очень много власти и силы. Практически вся эпоха средневековья прошла в религиозных войнах не только между христианами и мусульманами. Самым ярким примером того что в средневековье религия и правящая элита были неразлучны и принадлежность к той или иной религиозной организации по сути определяла будущее человека, насколько высоко по карьерной лестнице

ему удастся подняться, уважение в обществе и то какую большой властью он может обладать. Человечеству потребовались многие века и войны, чтобы прийти к современной модели взаимоотношений между государством и религиозными объединениями.

Но в данной работе нас, конечно же, в основном порядке интересует Российская Федерация, а не Европейские страны.

Нельзя сказать, что путь становления России сильно отличался или был совершенно другим нежели у Европейских стран. Как и у наших соседей у нас в прошлом было тяжело представить, чтобы религия не вмешивалась в государственные дела и не имела политическую власть, которая давала возможность в некоторых моментах манипулировать людьми и общественным сознанием. Однако, сегодня это является пережитком прошлого и нашей историей от которой никуда не деться. Все это в совокупности позволило не только правящей элите, но и простым людям понять, что в России никакая религия не является государственной или обязательной, у всех религиозных объединений равные права и закон защищает каждого верующего и неверующего человека одинаково. В современной России ни одно религиозное объединение

Кушхов Х. Л.

не может вмешиваться как во внутреннюю, так и во внешнюю политику государства. Сегодня, перед религиозными объединениями стоит круг задач, которые они могут решать, в том числе и совместно с государственной властью.

В целом можно сказать, что религиозные объединения могут выступать лишь в качестве пристанища для людей верующих и помогать им при помощи веры и надежды преодолевать их жизненные трудности. Как упоминалось ранее, поскольку никакая религия не признается государственной или обязательной, то и религиозные объединения, которые занимаются манипуляцией сознанием людей, разжиганием межконфессиональной розни, сектанством и т.д. считаются незаконными, запрещенными, а их организаторы должны нести административную и уголовную ответственность [4].

После распада Советского Союза и появления новой страны — России, абсолютно всем было очевидно, что новое государство должно быть отличным от прошлого, иметь возможность конкурировать в разных аспектах с другими странами, но в то же время быть схожим с ними. В этой связи многое, что мы можем наблюдать в нашей стране, было сделано по образу и подобию Европейских стран и Запада, но многое также было сделано и иначе опять же благодаря неудачному опыту все тех же стран. Это коснулось и религии, так как стояла непростая задача — сделать так, чтобы люди всех религиозных и этнических групп жили мирно и не устраивали между собой конфликтов на религиозной и этнической почве. Решение данной проблемы лежит в плоскости уравнивания всех религиозных организаций в правах, следовательно, и граждане страны, исповедующие различные религии эгалитизированы в своих религиозных правах между собой.

На сегодняшний день взаимоотношение государства и религиозных объединений строится сугубо на законодательных актах и нормах Конституции Российской Федерации. Основную роль в данном случае, безусловно, играет Конституция Российской Федерации, которая как главный законодательный акт содержит в себе самый главный базовый принцип, но не становящийся от этого менее эффективным принципом, что в Российской Федерации гарантируется свобода слова, свобода вероисповедания, светский характер государства, отделение религии от государственной власти [1]. Однако Конституция РФ далеко не единственный документ, который, так или иначе, устанавливает принцип взаимоотношения государства и религиозных объединений. Статьи, которые продолжают и развивают мысль, изложенную в Конституции, имеются и в других федеральных законодательных актах, а именно в Федеральном законе от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2]. В данном законодательном акте изложены все права и обязанности государства перед гражданами и религиозными объединениями и религиозных объединений перед государством. Принятием указанного закона была сформулирована мысль о том, что на территории России органы государственной власти охраняют, как чувства верующих, так и неверующих, предоставляется право выбора быть верующим или неверующим самому человеку, а не религиозным объединением или органам власти, государство не имеет право вмешиваться в личную жизнь граждан и религиозных объединений, за небольшим исключением: если только религиозное объединение само не нарушит законодательство и не даст государству повода вмешаться в ее дела. Ни один человек может преследоваться законом за свои убеждения и мировоззрение до тех пор пока его убеждения и мысли не будут подкреплены действиями, которые расцениваются как общественно опасные деяния и караются законом. Помимо этого религиозные объединения не могут обладать функциями органов власти.

В последние годы наметились две тенденции в отношениях органов власти к религиозным конфессиям: поддержка лояльных государству организаций и активная борьба с организациями радикальными. Одним из направлений стало совершенствование механизма контроля за финансово-хозяйственной деятельностью религиозных организаций. Государственная Дума РФ приняла Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], закрепившие право Минюста России и его территориальных органов осуществлять

проверку финансовой деятельности религиозной организации по фактам получения ею денежных средств от международных организаций, нарушения законодательства Российской Федерации или наличия в ее деятельности признаков экстремизма. В случае признания Минюстом несоответствия целей, задач или практики религиозной организации законодательству РФ орган исполнительной власти имеет право приостанавливать её деятельность. Примером реализации Минюстом данного права является приостановление на территории РФ деятельности религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России», практика которой была признана экстремистской [3].

Подводя итоги, отметим, что на сегодняшний день, в Российской Федерации достаточно благоприятная обстановка, в которой могут жить и развиваться представители различных конфессиональных групп. Законодательство нашей страны направлено на равноправие между всеми людьми, живущими в стране, дает им одинаковые права, в том числе и свободу слова и вероисповедания, тем самым даруя людям возможность придерживаться той религии, которая ему близка или не придерживаться никакой, свободно излагать свои мысли и карает тех, кто ущемляет права верующих и неверующих, а также использует религию для совершения преступных деяний, тем самым угрожая общественной безопасности, как всего общества, так и людей которые исповедуют ту же религию, потому что в обществе они будут ассоциироваться с преступной группой, которая использует религию как прикрытие [5].

Также немаловажно, что взаимоотношение между органами власти и религиозными объединениями несут сугубо партнерский характер, где общими усилиями государства и религии ведется общественно значимая и полезная работа. И в данных отношениях ни одна из сторон не может перекладывать свои полномочия и задачи на другую. Законодательство нашей страны и взаимодействие или взаимоотношения органов публичной власти и религиозных объединений не сильно отличается от того что мы можем видеть в других крупных странах и государствах, и связать это можно с тем, что модель построения отношений и законодательства в религиозной сфере схожа, и используется большинством стран мира, что является несомненным плюсом. Благодаря этому люди в любой точке земного шара обладают схожими правами на свободу вероисповедания, и это облегчает их жизнь и комфортное существование.

Пристайный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 30.11.2022 г.).
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения 30.11.2022 г.).
3. Аванесова Е. Г. Опыт взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 157-166.
4. Кушхов Х. Л. Об административно-правовом статусе религиозных объединений // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6-3. С. 267-270.
5. Кушхов Х. Л. Организационно-правовые вопросы совершенствования взаимодействия правоохранительных органов с религиозными объединениями // В сборнике: Актуальные проблемы административного права и процесса. Материалы Международной научно-практической конференции. Редколлегия: И. В. Яблонский, С. Г. Денисенко, В. Н. Козлов [и др.]. Краснодар, 2021. С. 80-85.

ГАВРИКОВА Альбина Михайловна

аспирант и ассистент кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ: ПРИЗНАКИ, ТИПЫ И ФУНКЦИИ

В статье представлен теоретический анализ понятий «власть» и «государство». Автором сформулировано собственное понятие «верховная власть», выделены ее характерные признаки, такие как единство, полнота, неограниченность, постоянство и непрерывность. Показано, что в зависимости от типа суверена можно выделить основные типы верховной власти, а именно монархия, аристократия, демократия. Функции верховной власти по направлению воздействия власти разделены на внутренние и внешние, каждой из которых дана характеристика.

Ключевые слова: юриспруденция, государство, право, общество, власть, верховная власть.

GAVRIKOVA Albina Mikhailovna

postgraduate student and assistant of History of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State University of Law (MSAL)

SUPREME POWER: ELEMENTS, TYPES AND FUNCTIONS

The article contains theoretic analysis definitions of «authority» and «state». The author formulated her own definition «supreme power», emphasised its characteristics such as unity, fullness, unlimited, constancy and continuity. According to the article depending on the type of sovereign it is possible to distinguish the main types of supreme power, namely the monarchy, aristocracy, democracy, inter alia the monarchy, aristocracy, democracy. The functions of supreme power in terms of influence are separated into internal and external, each type was defined.

Keywords: state, law, society, authority, supreme power.

Гаврикова А. М.

Проблемой власти, осмыслением и исследованием ее природы занимались философы и правоведы практически сразу с возникновением первых государств. Аристотель, ставший одним из величайших основателей западной интеллектуальной культуры, пристальное внимание уделил проблеме власти.

По мнению Аристотеля властью обладает любая сложная система. Это обусловлено тем, что если система состоит из нескольких частей, то в ней обязательно есть элементы, которые находятся в подчиненном положении относительно тех элементов, которые занимают властвующее положение. Такое явление он называет «общим законом природы» [4, с. 24-39]. Согласно учению Аристотеля, власть обладает таким качеством, как активность, способная трансформировать пассивную материю в некоторые реальные предметы. Если говорить о власти и обществе, то в социальной системе власть является непременным условием для организации совместной деятельности индивидуумов. Кроме того, власть оказывает стабилизирующее влияние на отношения внутри социальной системы.

Политическая теория средневековья [3, с. 91-98] рассматривала понятие «власть» в четырех аспектах: auctoritas, potestas, dominium и imperium, каждое из которых освещало одну из граней феномена власти:

- 1) auctoritas – авторитет или социально признаваемое знание;
- 2) potestas – мощь;
- 3) dominium – обладание;
- 4) imperium – повеление.

При этом авторитет и мощь – это ключевые понятия, отражающие суть средневековой концепции власти.

Усиление положения институциональной религии (не религии вообще, а религии, как церкви) и укрепление государственной власти происходит практически параллельно. Поэтому уже в конце V века папа Геласий I, в своем письме к императору Восточной Римской империи Анастасию, пи-

шет: «Есть два начала, которыми управляется этот мир. Это царская власть (regalis potestas) и священная власть епископов (sacra auctoritas pontificum)» [2, с. 25-41].

Для мыслителей того времени, современников папы Геласия I, важным является понимание сущности светской власти, которая управляет телами и материальным миром. Церковная власть облакает эти действия правителей в легитимную форму, предоставляя светской власти правовую оболочку, превращая их действия в законные.

По мнению Льва Тихомирова государство не может существовать без власти, и власть государства является верховной.

Он, в частности, пишет: «Всякий союз человеческий, каковы бы ни были его цели – семья, общины экономические, религиозные, общества научные и т. д., – всякая коллективность характеризуется присутствием общей власти и частного подчинения. В национальной жизни, по разнообразным запросам ее, формируется бесчисленное множество таких небольших или даже очень крупных организаций, из которых каждая, в пределах своих целей и притягательной силы, имеет известную власть целого для соподчинения частей его. Но в государстве, как принято определять в государственном праве, власть получает некоторый специфический характер, а именно становится Верховной» [5, с. 214].

Таким образом, как видим из приведенной цитаты, Л. Тихомиров практически соглашается с постулатом Аристотеля, что всякая сложная система имеет элементы, которые управляемы и элементы, которые управляют (обладают властью). А в приложении этого постулата к государству, можно выделить верховную власть, являющуюся, по сути, властью государственной, призванной сохранить и укрепить его. В то же время власть делит общество, проживающее в государстве, на правительство и подданных. В различных государствах власть принимает различные формы, в зависимости от типа государственного управления.

Основываясь на философском понимании верховной власти и государства, можно сказать, следующее.

Государство – это форма организации политической власти, располагающей особым механизмом управления. Эта власть осуществляет управление обществом, обеспечивает стабильность и порядок, защищая его от внешних угроз.

С точки зрения исторической науки, государство – это социальная организация, обладающая властью над членами этой социальной организации, проживающими на территории, управляемой верховной властью данного государства. Государство имеет территорию, очерченную границами. Оно обеспечивает блага и возможность нормальной жизнедеятельности.

Таким образом, верховная власть – это господствующая власть в государстве, принадлежащая высшим его органам и являющаяся основой полномочий данных органов.

Верховная государственная власть обладает свойством суверенности и автономности. Суверенность и автономность направлены во внешний мир. Верховная власть обязана обеспечивать независимость государства от внешних сил, поскольку с утратой суверенитета утрачивается и сама верховная власть.

Верховная власть по сути своей – это высшая в государстве сила, самая главная и господствующая, которая разделяет народ на правительство и подчиненных.

Верховная власть, как уже было сказано выше, обладает такими признаками:

- 1) единством;
- 2) полнотой и неограниченностью;
- 3) постоянством и непрерывностью.

Верховная власть в государстве обязана быть единой. Поскольку государство представляет собой единое целое, то наличие двух или нескольких сил, противоречащих друг другу, будет разрушать государство. Это обусловлено тем, что каждая из противодействующих сторон представляет интересы отдельных групп людей, а значит, они принадлежат не государству в целом, а лишь его отдельной части. Это означает, что каждая из таких частей представляет собой отдельное государство. В случае, если разные, но зависящие друг от друга воли объединяются соглашением, создавая объединения и союзы, то такие объединения и союзы будут обладать верховной властью.

Чтобы реализовать свои функции, государственная власть должна быть организована и объединена общими целями и задачами. Цели и задачи государственной власти должны соответствовать ожиданиям, целям и задачам граждан государства.

Для того, чтобы верховная власть обладала функцией единства, в таком общественном единении разных социальных групп должен присутствовать единый источник власти, способный встать во главе общества, выражать интересы и волю тех членов, выразителем которых он является.

Верховная власть должна обладать свойством согласованности и скоординированности всех органов и звеньев системы. Это позволит верховной власти достичь поставленных целей и задач. Согласованность и координация осуществляются через единый управленческий центр, который контролирует правовые, организационные и функциональные действия всех ветвей и структур власти.

Свойство неограниченности представляет собой необходимость распространения верховной власти на всей территории государства.

Для государства губительно наличие других видов власти, неподчиненных и неконтролируемых верховной государственной власти.

Суть верховной власти всегда непрерывна, и если физические лица, обладающие ею, меняются, то на последователя от предшественника переходят все права и обязанности.

Неограниченность верховной власти проявляется и в том, что лицо, обладающее данной властью, полностью подчинено ей с юридической точки зрения.

Если верховная власть допускает юридическое подчинение какому-либо внешнему проявлению силы (например,

другому государству), то это означает, что к этой внешней силе переходит верховная власть.

Верховная власть, как власть государственная, не зависит ни от какой иной силы. Смена типа верховной власти возможна преимущественно революционным путем, а не путем эволюции. При этом меняется тип верховной власти, устанавливается новый государственный строй.

Лицо (или группа лиц), обладающее в течение определенного срока полной, неограниченной и безусловной верховной властью в государстве, называется сувереном. Это понятие ввел в науку французский юрист и политик Жан Боден [5, с. 689-695].

В зависимости от типа суверена различают следующие типы верховной власти:

монархия – тип государственного управления, при котором верховная власть полностью принадлежит одному правителю, чаще всего на правах наследства;

аристократия – тип государственного управления, в котором верховная власть принадлежит привилегированному слою населения: аристократии и знати;

демократия – при такой форме государственного управления власть принадлежит большинству граждан, которые свободно и коллективно выражают свою волю).

Функции государства разделяют на внутренние и внешние, по направлению воздействия власти. К внутренним функциям относят:

- 1) социальные;
- 2) стабилизационные;
- 3) хозяйственные;
- 4) координационные.

Внешние функции государства заключаются в обеспечении обороны и налаживании международным сотрудничеством.

Выполняя функцию верховной власти, государство одновременно официально представляет всех его членов, которые называются гражданами.

Функции верховной власти в государстве осуществляются через сеть организаций и учреждений, разделенных на три ветви власти, а именно:

- 1) судебную, которая состоит из судов и судебной исполнительной службы (приставы);
- 2) законодательную, включающую парламент и законодательную власть в регионах;
- 3) исполнительную – министерства и власть на местах (регионы).

Судебная деятельность охраняет верховную власть от возможного нарушения установленных юридических норм и законов.

Законодательная деятельность верховной власти определяет установление конкретных юридически обоснованных норм, подчиняющих порядок жизни и деятельности в государстве.

Правительственная (исполнительная) деятельность верховной власти заключается в исполнении норм, указанных в законах, а также в разрешении вопросов, которые не предусмотрены законодательством. Исполнительная функция является необходимой, так как закон не может всего предусмотреть.

Пристайный библиографический список

1. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли в 5 т. Т. 2: Европа. V-XVII вв. – М., 1999. – 829 с.
2. Грацианский М. В. Папа Геласий I (492±496) и его еkkлезииологические воззрения // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2016. – Вып. 3 (65). – С. 25-41
3. Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. – М.; Л., 1947. – 222 с.
4. Сморчков А. М. Куриатный закон об империи и ауспиции магистратов // Древнее право. – 2003. – № 11. – С. 24-39.
5. Тихомиров Л. Руководящие идеи русской жизни. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 637 с.

ЕГОРЕНКОВ Дмитрий Владимирович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России

БЕЛЕЦКИЙ Александр Александрович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Волгоградской академии МВД России.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБРАЗОВАНИЯ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ МВД

В данной статье автор рассматривает составляющие учебного процесса, особое внимание уделяется совмещению процесса обучения с выполнением служебных обязанностей.

Цель заключается в выявлении факторов, снижающих эффективность обучения сотрудников полиции в ВУЗах МВД.

Задачи исследования заключаются в рассмотрении составляющих учебного процесса, выявлении проблем, а также способов решения выявленных проблем.

В работе применялись следующие методы - диалектической и формальной логики, комплекс общенаучных и специальных методов изучения: анализ и синтез.

Результаты исследования и их обсуждение – автор выявил большое количество вошедших в традицию мероприятий, которые отнимают большое количество времени и препятствуют полноценному использованию времени для обучения, необходимого в рамках подготовки к будущей службе в территориальных органах МВД России. Таким образом, рекомендуется снизить нагрузку в виде нарядов, уборки территории, построений, чтобы позволить обучающимся больше времени выделять на освоение учебного плана.

Ключевые слова: ВУЗ МВД, трудности в обучении, дисциплина, служба.

EGORENKOV Dmitriy Vladimirovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

BELETSKIY Alexander Alexandrovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ABOUT SOME QUESTIONS OF EDUCATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

In this article the author considers the components of the educational process, special attention is paid to the combination of the learning process with the carrying out of official duties.

The aim is to identify the factors that reduce the effectiveness of police training in the MIA HEIs.

The objectives of the study are to consider the components of the educational process, to identify the problems, as well as to propose their solutions to the detected problems.

The following methods were used in the work - dialectical and formal logic, a set of general scientific and special methods of study: analysis and synthesis; some others.

Results of the study and their discussion - the author has identified a large number of entered into tradition activities that take a large amount of time and prevent the full use of time for training, necessary in preparation for future service in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Thus, it is recommended to reduce the load in the form of outfits, cleaning of the territory, formations to allow students to allocate more time for mastering the curriculum.

Keywords: higher education institution of the Ministry of Internal Affairs, learning difficulties, discipline, service.

В наше время преступность находится на высоком уровне, и для успешной борьбы с ней требуется большое количество высококвалифицированных специалистов органов внутренних дел различных специальностей, подготовка которых в настоящее время проводится не только на соответствующих курсах подготовки и переподготовки личного состава ОВД, но и по специальным программам получения высшего образования. Для выполнения указанной функции на 2022 год в Российской Федерации осуществляют свою деятельность 20 ведомственных образовательных организаций и 12 филиалов. Каждая образовательная организация имеет свои устои, традиции, уставы, приказы и распоряжения (не противоречащие основному законодательству), учит соблюдать законность, и помогать людям в обеспечении безопасности их жизни и здоровья.

В системе образовательных учреждений Министерства Внутренних Дел существуют три основных принципа работы, которые заключаются в следующем:

1. Служба;
2. Дисциплина;
3. Учебный процесс.

Данная иерархия была названа не случайно, так как все указанные выше положения имеют именно такое значение для «ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РФ».

1. Служба в образовательных организациях МВД России.

Во время обучения в образовательных организациях МВД служба занимает главное место и, именно поэтому, в иерархии она стоит на первом месте. Она проявляется в нарядах, строевых подготовках, занятиях по организации службы и других специфических мероприятиях.

Обучение в вузах МВД – это возможность получить престижное образование, которое позволит выпускнику занять интересную, перспективную и высокооплачиваемую вакансию в соответствующем территориальном органе вну-

тренних дел. В **вузах МВД** достаточно высокие требования к абитуриентам, что обусловлено спецификой учебного процесса и дальнейшим выполнением служебных обязанностей, в том числе по обеспечению правопорядка, жизни и безопасности граждан.

Один из видов подготовки обучающегося является служба в нарядах и функциональных группах по охране и обороне собственных объектов и других нарядов, определенных Уставом образовательной организации, в частности противопожарный патруль, наряд по пропускному режиму и т.д.

Наряды отнимают большую часть времени учебного процесса. По статистике на 1-2 курсах наряды составляют 3-4 раза в месяц, а это как минимум 1/9 пропуска занятий, а, следовательно, упущение материала почти на 10 процентов в год. Если обратиться к более старшим курсам (3-5), то там наряды увеличиваются почти в 2 раза, так как добавляются новые, например, взвод оперативного реагирования, группа быстрого реагирования, это связано с получением курсантами МВД России сертификата полицейского, то есть получение допуска на вышеперечисленные и другие наряды, входящие в функциональные группы - наряд по охране общественного порядка.

Помимо вышеизложенного, необходимо так же уделить внимание, состоянию курсанта после наряда. Так, сон составляет менее 4 часов в сутки, хотя согласно статистическим данным для человека необходимо спать не менее 7-8 часов в сутки, в следствие чего, в последующий день курсанты не восполняют свой отдых, представляющий собой состояние покоя, либо времяпрепровождение, целью которого является восстановление сил, достижение работоспособного состояния организма; время, свободное от работы, а наоборот идут получать знания, которые не будут усваиваться у них в голове по причинам усталости и недосыпа. В соответствии с научными исследованиями физиологов наибольшая активность и усвоение материала происходит после вышеуказанного времени отдыха, соответственно, отдых менее 4-х часов затрудняет успешное освоение учебного материала, выполнение оперативно-служебных задач, возложенных на сотрудников полиции, а также притупляет бдительность, внимание, что может повлечь негативные последствия.

Ещё одним видом служебной нагрузки являются занятия по организации службы – это часы, уделенные на изучение, освоение приказов, определенных действий, выполнение упражнений по строевой подготовке на месте и в движении. Они проходят раз в неделю, в определенные часы, где до обучающихся доводят информацию, необходимую для дальнейшего несения службы.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что данные мероприятия, отнимают у курсантов определенное количество времени, которые они могли затратить на получение знаний по его специальности, а также отдых и желание стремиться к научной деятельности. Решением данной проблемы может являться минимизация вышеизложенной нагрузки; строгий контроль за исполнением своих должностных обязанностей; наказание лиц, отклоняющихся от несения службы; дополнительный отдых и личное время.

2. Дисциплина

Служебная **дисциплина** – обязательный элемент реализации правового статуса сотрудника **органов внутренних дел**. **Дисциплина** в данном случае понимается, как соблюде-

ние сотрудником **ОВД** порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Дисциплина курсантов строго регламентирована нормативно-правовыми актами, распоряжениями ведомства в целом, а также Уставом учебных заведений.

Согласно статье 47 Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) служебная дисциплина – это соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Одно из мероприятий, применяемое к деятельности курсантов и слушателей являются так называемые «построения», представляющие собой строго регламентированные мероприятия, которое назначаются руководителем структурного подразделения для проведения определенных действий и доведения информации.

Согласно распорядку дня в образовательных организациях системы МВД России построения проводятся как минимум 4 раза в день. Количество построений может увеличиваться, в связи с мероприятиями, запланированными на день. Построения занимают как минимум 20 минут, данное время могло быть затрачено на подготовку к учебным занятиям.

Также большое количество времени, которое могло бы быть использовано на учебный процесс тратится на ежедневную уборку закрепленной территории.

Уборка закреплённой территории - это комплекс действий, необходимый для обеспечения чистоты в промышленных, коммерческих и бытовых помещениях. Помимо технического обслуживания и аспектов гигиены, она также включает в себя контроль безопасности и порядка, а также улучшения с эстетической точки зрения.

Исторически сложилось, что за уборку территории ведомственных организаций отвечают курсанты, которые итак загружены другими видами работ. Согласно дисциплины, курсанты выступают здесь, как «рабочая сила», которая, в первую очередь, должна ставить перед собой не процесс обучения, а умение поддерживать чистоту.

3. Учебный процесс

Учёба в образовательных организациях МВД России, к сожалению, занимает не главенствующее место, но подготавливает специалистов высшего класса

Структура получения знаний в образовательных учреждениях МВД имеет следующий вид:

- 1) лекционные занятия;
- 2) семинарские занятия;
- 3) практические занятия.

Лекционное занятие представляет собой систематическое, последовательное, монологическое изложение преподавателем-лектором учебного материала, как правило, теоретического характера. Такое **занятие** представляет собой элемент технологии представления учебного материала

путем логически стройного, систематически последовательного и ясного изложения.

Семинарское занятие - это форма учебно-практических занятий, при 8тьт которой учащиеся обсуждают сообщения, доклады и рефераты, выполненные ими по результатам учебных или научных исследований под руководством преподавателя.

Практическое занятие — это форма учебной работы, которая проходит под руководством преподавателя и предполагает активное участие и взаимодействие курсантов

Учебные занятия по длительности составляют полтора часа. Данное время, в принципе, является достаточным для изучения определенной темы. Но есть темы, которые наиболее шире и не вкладываются в данный период времени, что говорит о том, что быстрое объяснение темы плохо усваивается у курсантов.

Немало важно отметить, что дисциплины (предметы), подобранные под каждую специальность, имеют важное значение для квалифицированной работы в дальнейшем и здесь необходимо выделять по разному количеству практических и семинарских занятий, например: следователь получает высшее юридическое образование и, следовательно, на некоторых курсах наиболее разумно по изучению таких дисциплин, как уголовное право и уголовно-процессуальное право, необходимо больше времени уделять семинарским занятиям, чем практическим и наоборот, экспертным специальностям, которые получают только техническое образование, наиболее существенным будет уделять больше времени практическим занятиям. Так же необходимо уменьшить размер дисциплин, которые входят в юридическую направленность, поскольку практические занятия для экспертов-специалистов будут наиболее необходимыми, для того, чтобы усвоить ранее изученную информацию и уметь применять навыки в условиях работы (например: фиксация осмотра места происшествия)

Во времена коронавируса была введена система обучения в дистанционном режиме, что с одной стороны усугубила ситуацию восприятия учебной информации, но и с другой стороны, дала новый шаг к информационному прогрессу. Например, наиболее существеннее проводить лекции в дистанционном режиме, поскольку, все курсанты имеют индивидуальные признаки, такие как быстрое и медленное написание текста что говорит о том, что при очной форме обучения можно упустить материал, так же в лекционных залах находится большое количество людей, что также мешает восприятию определенной информации, в связи с излишним шумом, помимо изложенных проблем также есть вопросы в области показа и подачи преподавателями информации. Микрофон в отдаленных участках лекционного зала передает звук не качественно, что так же говорит о определенных вопросах в области очного режима проведения лекций.

Помимо всего изложенного, останавливаясь на дистанционном обучении, необходимо учесть, что желательно реализовывать средства дистанционно-образовательных технологий, в виде дополнительных занятий по дисциплинам для привлечения курсантов к научной деятельности путем возбуждения интереса в определённой теме.

Преимущества обучения в образовательных организациях системы МВД России:

- 1) бесплатное обучение, питание, обмундирование и проживание;
- 2) денежное довольствие с первого месяца обучения;

3) гарантированное трудоустройство в органы внутренних дел после окончания обучения;

4) обучение засчитывается в трудовой стаж;

5) отсрочка от призыва на военную службу на период обучения и службы в органах внутренних дел.

Актуальным решением перечисленных выше проблем является уменьшения количества нарядов, времени нахождения в нарядах и оптимизации отведённого времени на подготовку к учебным занятиям и отдыха, которая будет направлена на больший упор в учебную деятельность, так как знания, даваемые преподавателями, являются неотъемлемым показателем высококвалифицированных специалистов. Каждый преподаватель в своей учебной деятельности закладывает в обучающихся основу наиболее важных принципов для сотрудника полиции. Патриотизм, дисциплина, законность является основными ценностями, воспитываемыми в каждом курсанте и слушателе. А также старается передать подрастающему поколению наибольший опыт, который будет основой дальнейшей работы, развивает положительные качества и дает мотивацию на обучение с перспективой создания высококвалифицированного специалиста. Это одновременно является задачей каждого педагога, а также решением поставленных вопросов в образовательных организациях МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Бекк А. А., Евтихов О. В., Проблема адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к учебной и служебной деятельности // Научный компонент. – 2019. – № 3 (3). – С. 163-168. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-adaptatsii-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii-k-uchebnoy-i-služhebnoy-deyatelnosti/viewer>.
2. Башлуева Н. Н. Историко-педагогический анализ проблемы обучения курсантов военных вузов и вузов системы МВД в XVII-XIX веках // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – С. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pedagogicheskiy-analiz-problemy-obucheniya-kursantov-voennyh-vuzov-i-vuzov-sistemy-mvd-v-xvii-xix-vekah/viewer>.
3. Лопатин Е. А., Шкабин Г. С. Оценка курсантами ВУЗа МВД России эффективности применения электронной образовательной среды «Moodle» до и во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. Юридический журнал. – 2021. – С. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pedagogicheskiy-analiz-problemy-obucheniya-kursantov-voennyh-vuzov-i-vuzov-sistemy-mvd-v-xvii-xix-vekah/viewer>.

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, филиал в г. Стерлитамаке

ЕГОРОВА Диана Денисовна

магистрант 1 курса Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета, филиал в г. Стерлитамаке

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ

В статье анализируются проблемы и опыт в организации межнационального и межкультурного взаимодействия студентов в образовательной среде высшего учебного заведения. Для эффективного социального и профессионального развития обучающихся в процессе взаимодействия молодежи в образовательной среде российских университетов требуются определенные навыки и условия, чтобы обеспечить максимальное качество подачи учебного материала и улучшить процесс взаимопонимания. В данной статье отражается практический опыт взаимодействия иностранных студентов в Уфимском государственном нефтяном техническом университете в виде структурированной характеристики, которая объясняет влияние важнейших факторов внешней среды в социально-педагогическом сопровождении межэтнического взаимодействия. Особое внимание направлено на взаимодействие с комплексной программой социальной адаптации иностранных студентов к локальному окружению в рамках межэтнического и межкультурного взаимодействия во время обучения в образовательном учреждении.

Ключевые слова: педагогика профессионального образования, экологический подход к образованию, культурная ассимиляция, образовательная среда вуза, личностно-культурное профессиональное развитие.

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, branch in Sterlitamak

EGOROVA Diana Denisovna

magister student of the 1st course of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University, branch in Sterlitamak

INTER-ETHNIC AND INTERCULTURAL COMMUNICATION OF STUDENTS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article analyzes the problems and experience in the organization of interethnic and intercultural interaction of students in the educational environment of a higher educational institution. For effective students' social and professional development in this process certain skills and conditions are required to ensure the maximum quality of the presentation of educational material and improve the process of mutual understanding. This article reflects the practical experience of foreign students' interaction at Ufa State Petroleum Technical University in the form of a structured characteristic that explains the influence of the most important environmental factors in the socio-pedagogical support of interethnic interaction. Special attention is focused on interaction with a comprehensive program of foreign students' social adaptation to the environment during their interethnic and intercultural interaction at the educational institution.

Keywords: professional education pedagogy, ecological approach to education, cultural assimilation, university educational environment, personal and cultural professional development.

Благодаря расширению сотрудничества Российских высших учебных заведений с иностранными, количество иностранных студентов в учебных заведениях имеет тенденцию к увеличению. Многие российские вузы создают условия, необходимые для привлечения иностранных абитуриентов к обучению в России. Это желательно для повышения конкурентоспособности российских учебных заведений, а также является критерием их высокого качества.

Российские исследователи Л. П. Веревкин, С. В. Карелов, А. Н. Ромеро и другие, обсуждая тему обучения иностранных граждан в России, отмечают, важность данной задачи российского образования.

Роль университетов заключается в предоставлении иностранным гражданам максимально понятного и качественного высшего образования. Для выполнения этой задачи необходимо «создать комфортные условия для учебы и про-

живания, чтобы обеспечить безопасность студенческой жизни в университете, в городе, области и стране» [2].

Одной из главных составляющих в этом процессе является социальная адаптация иностранных студентов к русскому языку, а так же не допустить замедления этого процесса.

Цель данной статьи – предоставить аспекты взаимодействия и опыт Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ) в работе с иностранными студентами.

Согласно словарю определений Т. Ф. Ефремовой, под «межэтническим» обществом (социальной средой) понимается «состоящее из представителей разных народов» (современный словарь определений). Поскольку представители разных народов и этнических групп учатся в российских вузах, межэтническое и межкультурное общение и взаимодействие с чужой культурой для иностранных граждан является одним из наиболее важных аспектов коммуникации.

Большое значение имеет понимание культуры иностранных граждан педагогами и их окружением.

Как известно, иностранные студенты вступают во взаимоотношения не только во время учебы, но и в процессе совместного проживания в общежитии.

Межэтническое взаимодействие и общение понимаются в социально-педагогической литературе как контакты – межкультурные и межъязыковые для представителей разнообразных этнических групп в большинстве сфер жизни, например в образовании, политике, культуре и т. д.

Межэтническое общение и взаимодействие – это то, что мы называем «межъязыковыми, межкультурными и другими контактами». В следствии происходят перемены в социальных и индивидуальных группах общающихся студентов, причем в каждой из них. Помимо этого, происходит интеграция различных видов общения.

В России, определенно, существуют, некоторого рода, проблемы с миграционной политикой. Эти проблемы касаются и сферы образования. Одной из причин является невысокий интерес и внимания исследователей к этническому фактору в процессе интеграции иностранных студентов.

Во время процесса, в котором происходит адаптация иностранных студентов к их непривычному окружению – то есть новой социальной среде – традиционно появляются трудности образовательной миграции.

Подтверждает этот факт и О. Г. Доморовская, считая, что группами мигрантов, которые проявляют наибольшую способность к адаптации, являются именно иностранные студенты [4].

Н. В. Гончарова считает, что проблемы, возникающие при адаптации иностранных студентов, связаны с языковыми барьерами, то есть сложности в коммуникации людей, из-за принадлежности к другой культуре и расе, при взаимодействии с преподавателями и товарищами по учебе, психологической атмосферой в группе [3].

Исходя из опыта учебного заведения, для снятия языкового барьера требуется максимально интегрировать взаимодействие незнакомого языка в свою жизнь и культуры окружения, с которым происходит взаимодействие.

Литература, нацеленная на социальную педагогику, также отмечает влияние оппозиции: «русские – нерусские», подтверждая, что процесс восприятия этнического разнообразия российской молодежи опирается, в первую очередь на эту оппозицию.

В процессе исследований Н. В. Гончаровой стало очевидно, что такое поведение основывается не только на этническом уровне, но и по территориальным признакам («кавказцы», «азиаты», «африканцы» и т. д.), что происходит довольно часто, в современных реалиях [3].

Н. В. Гончарова так же полагает, что безудержное стремление студентов других культур самореализоваться в новой для них окружающей среде, среди всех возможных факторов, является одним из наиболее важных, и успешно способствует процессу адаптации мигрантов к национальному менталитету [3].

В то же время, известна еще одна проблема расовой дискриминации (культурной сегрегации), которой является

ксенофобия, другими словами, нетерпимость к незнакомому, чужому человеку, и его восприятие в качестве личности, опасной для общения и взаимодействия.

Таким образом, вследствие этой сегрегации, появляется негативное отношение в сторону представителей других этнических групп, принимающих участие во взаимодействии с окружением [3]. Решением подобных проблем является обеспечение условий, при которых формируется взаимопонимание культур и особенностей поведения определенных народов.

По опыту работы УГНТУ проанализирована информация, представленная на веб-сайте учебного заведения, которая отражает, что в университете обучается множество иностранных студентов, а также университет взаимодействует с более чем 50 иностранных научных и образовательных организаций. Преподаватели преподают академические дисциплины в университете: есть несколько международных лабораторий и совместные образовательные программы с ведущими университетами в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, было подписано 60 соглашений о сотрудничестве с партнерами из 35 стран.

Особое внимание в университете уделяется социально-образовательной работе с иностранными студентами, для обеспечения адаптации иностранных студентов к новой культурной и социальной среде и сфере образования.

Для эффективного процесса адаптации была разработана комплексная программа, которая включает в себя ряд мероприятий, направленных на ознакомление с правилами поведения и знакомство с городом, прохождение медицинских осмотров и решение проблем психического здоровья. В университете и в местах проживания иностранных студентов созданы хорошие социальные и жилищные условия.

Совет сообществ университета осуществляет организационную и координационную деятельность в следующих областях:

- правовая защита обучающихся из других стран;
- совместная разработка и проведение мероприятий, с целью улучшить взаимодействие и обеспечить условия взаимодействия в обществе обучающихся граждан иностранных государств с представителями «Нефтяного» университета;
- помощь в реализации разработки проектных работ и проявление инициативы в обучающихся из других стран в локальную социальную сферу;
- подача текстового материала с примерами межкультурного взаимодействия и нравственных ценностей [9];
- предоставление возможности информационного освещения событий и праздников ассоциациями иностранных студентов УГНТУ в средствах массовой информации;
- подготовка и представление материалов, связанных, как с иностранной культурой и историей, так и историей России, или их взаимодействием;
- реализация спортивных соревнований, концертов, показов фильмов, фестивалей, а также мероприятий в сференауки, образования и культуры на разных языках;
- организация иных мероприятий (лекций, акций и др.) в направлениях искусства, медиа-аспектов, спорта, а также политической и экономической сферах, с целью под-

черкнуть взаимодействие и его особенности в социальном и культурном развитии за рубежом и в России;

– поддержка в направлениях социологии и психологии для успешного процесса адаптации приезжих студентов к обучению в ВУЗе и локальным условиям существования в окружающей мультикультурной среде;

– создание условия для положительного восприятия русского народа с примерами в качестве, культурных и исторических аспектов и фактов в Республике Башкортостан, а также объяснение народных обрядов и традиций;

– проведение тематических выставок;

– воспитание приезжих обучающихся в сферах права и социологии, сопоставленных с законами, на территории российского государства и республики Башкортостан.

Следует отметить, что университет уделяет особое внимание ежегодным фестивалям. Приезжие обучающиеся взаимодействуют с окружением и познают культурные аспекты нации, знакомятся с бытом, местными блюдами и т.д.

Программа фестиваля также включает этнологические выставки, презентации стран-участниц, и концертные программы сообществ.

Университет прилагает большие усилия для продвижения этикета межкультурного взаимодействия и межэтнических толерантных отношений между представителями сообществ. УНТУ проводит мероприятия при активной поддержке «Кафедра гуманитарных наук» университета ежегодно проводит фотовыставки «Мир, это мы», «Круглый стол», «Давайте узнаем друг друга», а также «Диалог культур и языков». Организаторы рассказывают об особенностях культуры и традиций разных стран.

Представители Управления по делам иностранных студентов активно сотрудничают с Управлением по делам иностранных государств и администрацией университета. В Образовательно-спортивно-оздоровительном комплексе проводится спартакиада среди иностранных студентов, а также межкультурные соревнования по одиннадцати видам спорта.

Уникальное место встречи для межкультурного общения и взаимодействия студентов из разных стран является «Центр межкультурной коммуникации университета». В этом центре проводятся научно-практические конференции, посвященные перспективам международных отношений и межкультурного диалога между иностранными и российскими студентами.

Согласно исследованию, комплексная программа межкультурного и межэтнического взаимодействия студентов, направленная на помощь не только в получении высшего образования, но и в последипломном обучении для получения дальнейшего образования, также для ознакомления с ценностями культуры и образа жизни российских студентов.

Таким образом, чтобы оказать положительное воздействие на освоение иностранных студентов в образовательной среде, необходимо создать определенные условия, а именно – проводить организационно-координационные мероприятия, которые настроят студентов на дружеское общение представителей различных культур и снятие языковых барьеров.

Посредством межкультурного и межэтнического взаимодействия в образовательной среде университета происходит диалог представителей различных культур, который позволит оказывать большее влияние на развитие личности зарубежных и российских студентов.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнян Ю. В. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 271.
2. Веревкин Л. П., Карелов С. В. Иностранцы в российских вузах: мотивы приезда и перспективы трудоустройства // Энергетика: экономика, технологии, экология. – 2006. – № 5. – С. 68-73.
3. Гончарова Н. В. Отношение к иностранным студентам в университете: некоторые аспекты межкультурного взаимодействия // Симбирский научный вестник. – 2015. – № 4 (22). – С. 165-170.
4. Доморова О. Г. Социально-педагогические условия адаптации студентов с миграционным прошлым в культурно-образовательном пространстве университета: Автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 11.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения 08.10.2022).
6. Живкович Е. Е. Социально-психологические особенности межкультурных отношений в Сербии: дис. ... докт. фил. наук. – М., 2018. – С. 328.
7. Карнышев А. Д. Межкультурное взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. – Улан-Удэ: БГУ, 1997. – С. 184.
8. Кожанов И. В. Природа и структура этнокультурной социализации личности // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-5. – С. 1193-1197. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32109> (дата обращения 08.10.2022).
9. Латыпова Э. Р. Формирование межкультурных коммуникативных умений бакалавров в процессе обучения иностранному языку в современном вузе [Текст] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – № 2. – С. 74-76.
10. Павленко Н. В., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология // Общество Научных публикаций КМК. – М., 2005. – С. 483.

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН» ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Данная публикация является очередной в ряду подготовленных нами аналитических материалов по методике преподавания профильных дисциплин для студентов юридических специальностей в контексте Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). Выявлены и охарактеризованы особенности применения метода проектной деятельности в преподавании курса «История государства и права зарубежных стран» для студентов юридических специальностей. Обобщен отечественный и зарубежный опыт. Сделаны выводы о целесообразности внедрения творческих исследовательских приемов в академической практике преподавания.

Ключевые слова: проектная деятельность, метод проектной деятельности в преподавании, мотивация студентов, история государства и права зарубежных стран, творческая активность обучающихся, компетентностный подход в подготовке студентов-юристов.

NEDZELYUK Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in historical sciences, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Siberian Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

PROJECT ACTIVITY IN TEACHING THE COURSE “HISTORY OF STATE AND LAW OF FOREIGN COUNTRIES” FOR LAW STUDENTS

This publication is another in a series of analytical materials prepared by us on the methodology of teaching specialized disciplines for law students in the context of the Federal State Educational Standard (FGOS). The features of the application of the project activity method in teaching the course “History of State and law of foreign countries” for law students are identified and characterized. The domestic and foreign experience is summarized. Conclusions are drawn about the expediency of introducing creative research techniques in academic teaching practice.

Keywords: project activity, method of project activity in teaching, motivation of students, history of state and law of foreign countries, creative activity of students, competence approach in the training of law students.

Актуальность проблемы. Термин «проектная деятельность» в последние годы приобрел чрезвычайную популярность. Само по себе определение «проектной работы» не является новым, так как уже более ста лет назад, на заре XX столетия, выполнение последовательных действий, имеющих конечную, заранее определенную цель, изучалось и внедрялось в практику преподавания Джоном Дьюи, Стефаном Теофиловичем Шацким, Надеждой Константиновной Крупской. Громкие имена и позабытая практика. Основная критика проектного метода базируется на строгой технологичности дидактических действий, ведущих к достижению предопределенного заранее результата. Налицо теоретический диссонанс с эвристической деятельностью субъекта образовательного процесса. Критики метода забывают именно о дидактической стороне вопроса: научение практической деятельности долгое время было слабым звеном высшего профессионального образования.

Федеральный государственный образовательный стандарт, однако, предполагает проектную деятельность одной из универсальных компетенций. Паспорт направления «Юриспруденция» гражданско-правового профиля среди планируемых результатов освоения образовательной программы приводит перечень компетенций с указанием этапов их формирования в процессе освоения образовательной программы (паспорта компетенций), описание показателей

Недзелюк Т. Г.

и критериев оценивания компетенций на различных этапах их формирования, среди которых – «Способность разработать проект на основе оценки ресурсов и ограничений».

Перечень результатов освоения образовательной программы (формируемых компетенций) для обучающихся по направлению «Правовое обеспечение национальной безопасности» включает универсальную компетенцию УК ОС-2 «Способность управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла».

Налицо два разных подхода в современном юридическом образовании: «разработка проекта» и «управление проектом».

Степень изученности проблемы. На современном этапе обращение к методу проектной деятельности в структуре высшего образования было предпринято Д. А. Пятаевым и Е. С. Щербаковой [4]; Л. В. Мамедова и Н. А. Сафарова характеризуют проектную деятельность как средство формирования универсальных учебных действий [2]. О том, как проектная деятельность может способствовать эффективной подготовке студентов, размышляли Л. А. Колыванова и Е. Н. Чеканушкина [1]. Ранее я обращалась к проблемам преподавания дисциплины «Римское право» [3], настоящее же исследование посвящено анализу многолетней практики преподавания дисциплины «История государства и права зарубежных стран».

Практика применения. Как показывает собственный двадцатилетний педагогический опыт, на практике обращение к методу проектной деятельности вполне оправданно и целесообразно. Структурно дисциплина «История государства и права» состоит из двух равных модулей, каждый из которых включает четырнадцать блоков-тем, итого двадцать восемь.

Существуют разные подходы к изучению программного материала. Классический, основанный на классно-урочной системе, подразумевает поэтапное знакомство с лекционным материалом, затем закрепление полученных знаний на семинарских занятиях. Как мне представляется, в данной ситуации этот метод малопроизводителен, так как основывается на механическом запоминании-заучивании, попросту зубрежке. Да, при таком алгоритме изучения дисциплины представляется возможным достаточно качественно проработать основные термины и понятия, характеризующие правовые системы стран мира на разных этапах их формирования, однако механистичность запоминания демонстрирует крайне слабый эффект в практике правоприменения: студенты не умеют проводить аналогии, параллели, делать вывод о характере и степени заимствования терминов и правовых конструкций в целом.

Работа над проектом предполагает следование поставленной цели. Дидактическая цель утилитарна – для студентов это получение оценки «зачтено» в первом семестре и экзаменационной отметки – во втором семестре. С точки зрения преподавателя дидактическая цель, несомненно, шире. Важными для образования будущего юриста я считаю умение широко мыслить и выстраивать межпредметные связи. Чего греха таить, часто наши выпускники достаточно хорошо ориентируются в конституционном праве, знают понятия международного права, умеют пользоваться практическими инструментами права гражданского и уголовного, но не видят объединяющих их логических связей, не умеют характеризовать причины рецессии.

Итак, в начале учебного семестра я даю задание: каждый обучающийся (приветствуется и работа в микрогруппах) выбирает интересную для себя тему проекта. Как правило, темой определяется становление и генезис какой-либо отрасли права, отдельного правового института либо вовсе – понятия, термина. Обучающемуся (либо группе студентов) выдается задание: в процессе изучения материала курса, анализируя рекомендуемые учебные программой правовые источники (расширение их круга по инициативе студентов только поощряется), создается оригинальная творческая работа. Итогом проектной деятельности в курсе «История государства и права зарубежных стран» является создание самостоятельного творческого продукта, демонстрирующего различные национальные подходы к одному и тому же (либо сходным) правовым явлениям.

Таким образом, достигаются сразу несколько целей. Первая: освоение материала, предусмотренного рабочей программой. Вторая: студенты просто вынуждены достаточно глубоко знакомиться с текстами правовых источников. Третья: без знакомства с дополнительной научной литературой полноценная работа не может быть выполнена: студенты записываются в библиотеку, пользуются ресурсами E-library. Четвертая: в процессе выполнения проекта тренируется работа в группах, а в момент защиты – проекта – навыки ораторского искусства.

Возможно ли в процессе работы над проектом переориентироваться, сменить тему? Да, конечно. Именно свобода

творчества, по моему убеждению, является основной характерной чертой проектной деятельности.

К сожалению, среди большой массы обучающихся (а задание я выдаю на весь поток, в самом начале учебного года) порядка пяти, а в некоторых группах – и до десяти процентов студентов настроены только на репродуктивный метод воспроизведения знаний (прочел – пересказал, а нередко – зачитал вслух с экрана смартфона).

Итогом преподавательской рефлексии по поводу применимости метода проектной деятельности в организации изучения курса «История государства и права зарубежных стран» для студентов-юристов стали следующие выводы. Первый и главный: учебная дисциплина ИПЗС изучается на первом курсе и является дисциплиной государственного стандарта, что позволяет «задать тон» и создать настроенность на творческий подход, убрать страх перед «зарубежкой», встроить отечественный опыт государственного строительства и законодательных практик в общемировой контекст. Второй вывод, утилитарный: написание первого параграфа первой главы квалификационной работы, будь то курсовая, бакалаврская дипломная либо, в перспективе, магистерская диссертация, подразумевает анализ зарубежного опыта. Имея за плечами опыт проектной деятельности в курсе ИПЗС, студенты-первокурсники, будущие авторы квалификационных работ, не испытывают в дальнейшем страха перед научным литературным творчеством. Таким образом преодолевается дидактический барьер, искусственно разделяющий в сознании академического сообщества сферы изучения отечественного и зарубежного права и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Кольванова Л. А., Чеканушкина Е. Н. Проектная деятельность в подготовке обучающихся в вузах: современный аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 81. – С. 22-26.
2. Мамедова Л. В., Сафарова Н. А. Проектная деятельность как средство формирования универсальных учебных действий // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – № 6-1. – С. 176-180.
3. Недзелюк Т. Г. Римское право как учебная дисциплина в современной образовательной парадигме // Проблемы социально-ориентированного инновационного развития белорусского общества. – Гомель: МИТСО, 2017. – С. 328-330.
4. Пятаев Д. А., Щербакова Е. С. Проектная деятельность в структуре высшего образования // Человек. Социум. Общество. – 2022. – № 16. – С. 12-15.

ШАРТДИНОВ Айдар Шайхисламович

старший преподаватель Военного учебного центра Уфимского университета науки и технологий, подполковник

СЕРГЕЕВ Алексей Петрович

начальник кафедры авиационного оборудования и радиоэлектронного оборудования Военного учебного центра Уфимского университета науки и технологий, полковник

МАДЖУГА Анатолий Геннадьевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения Института развития образования Республики Башкортостан

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО УЧЕБНОГО ЦЕНТРА ВУЗА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье представлены дидактические возможности интерактивного обучения в процессе формирования профессиональной компетентности будущих офицеров запаса, обучающихся в военном учебном центре вуза по ряду военно-учётных специальностей, рассмотрены основные принципы интерактивного обучения. Авторы описывают результаты педагогического эксперимента по формированию профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза в ходе интерактивного обучения, а также комплекс педагогических условий, оказывающих влияние на результативность этого процесса. Они доказывают, что интерактивное обучение является способом познания, осуществляемым в формах совместной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: интерактивное обучение, интерактивность, диалог, обучающийся, саморазвитие личности, субъект, профессиональная компетентность, технология.

SHARTDINOV Aidar Shaikhislamovich

senior lecturer of the Military Training Center of Ufa University of Science and Technology, lieutenant colonel

SERGEEV Alexey Petrovich

Head of the Department of Aviation Equipment and Electronic Equipment of the Military Training Center of the Ufa University of Science and Technology, colonel

MADZHUGA Anatoliy Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Pedagogy, psychology and health care sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF CADETS OF THE MILITARY TRAINING CENTER OF THE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF INTERACTIVE LEARNING

The article presents the possibilities of interactive learning in the process of forming the professional competence of future reserve officers studying at the military training center of the university in a number of military accounting specialties and examines the didactic principles of interactive learning. The author describes the results of a pedagogical experiment on the formation of professional competence of cadets of the military training center of the university during interactive training, as well as a set of pedagogical conditions that affect the effectiveness of this process. They prove that interactive learning is a way of cognition carried out in the forms of joint activity of students.

Keywords: interactive learning, interactivity, dialogue, student, self-development of personality, subject, professional competence, technology.

В настоящее время для обеспечения высокого качества подготовки будущих специалистов военно-технической области, в условиях реформирования системы высшего образования, имеет большое значение функционирование военных учебных центров в вузах, оказывающих влияние на результативность процесса формирования профессиональной компетентности будущих офицеров запаса.

Теоретический анализ исследований по заявленной проблеме показал, что на современном этапе развития системы высшего образования все методические новеллы напрямую или косвенно связаны с использованием интерактивного обучения. По определению Е. В. Кортаевой, интерактивное обучение – это особая форма организации обучения, основанная на межличностных взаимодействиях субъектов, направленная на обеспечение их само- и взаимоактивности в решении учебно-познавательных, коммуникативно-развивающих и социально-ориентационных задач [1].

По мнению Т. С. Паниной, интерактивное обучение – это способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся: все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия участников и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем [2]. Как отмечает И. И. Голованова, интерактивное обучение – это специальная форма организации преподавателем познавательной деятельности, способ познания, осуществляемый как совместная деятельность обучающихся [3].

И. В. Плаксина утверждает, что интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, способ познания, осуществляемый в форме совместной деятельности студентов, при которой все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информа-

цией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия других и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблемы [10].

Интерактивное обучение, основанное на активном вовлечении обучающихся в образовательный процесс в целях получения соответствующего опыта взаимодействия, развития мышления и необходимых качеств, и его возможности определяют данный феномен как одно из эффективных средств, направленных на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов военно-технической сферы.

В современных педагогических исследованиях существует большое количество работ, посвященных формированию профессиональной компетентности обучающегося в ходе интерактивного обучения, однако в качестве предмета исследования в рамках обучения в военных учебных центрах вуза данное явление не представлялось. Весьма актуальным вопросом в рамках теоретических и прикладных аспектов обучения в вузе военно-технической направленности является моделирование образовательного процесса, базирующееся на закономерностях интерактивного обучения.

С точки зрения педагогической науки «интерактивность» рассматривается в рамках методики применения разнообразных форм, способов и средств вовлечения обучающегося в информационное пространство, неотъемлемым условием которого является субъект-субъектное взаимодействие. Изучение сущностных характеристик исследуемого явления и его специфических особенностей основано на положениях педагогической теории сотрудничества, представленных в трудах Ш. А. Амонашвили, И. П. Волкова, Е. Н. Ильина и др. Также необходимо упомянуть теоретиков и практиков зарубежной и отечественной педагогики, предметом исследований которых стали идеи сотрудничества: Я. А. Коменский, К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев.

В современной научной и научно-методической литературе обоснована возможность применения экстрактивного (лекции), интроактивного (семинар), интерактивного режимов обучения (беседа, консультация) [2]. Применение интерактивных форм обучения осуществляется в процессе формального и неформального обучения, что в свою очередь определяется целями образовательного процесса, характеристиками обучаемых и выбранной моделью обучения. Основываясь на идее о том, что обучающийся имеет свою уникальную систему ценностных ориентаций, следует подчеркнуть, что каждому свойственно проявление определенной реакции на реализуемые педагогические воздействия, используемые в рамках интерактивного обучения. Также важно учитывать сформированные у субъектов обучения коммуникативные навыки и умения, обеспечивающие позитивное межличностное взаимодействие и сотрудничество. Стоит обратить внимание на значимость, как самого процесса обучения, так и ожидаемого результата, потому что феномен интерактивности, в первую очередь, предполагает процесс самостоятельного поиска знаний, а не элементарную констатацию фактов.

В работах исследователей (Г. З. Арутюновой, Н. Г. Баженовой, П. Д. Гаджиева, Ю. Ю. Гавронской, И. Г. Долининой и др.), которые посвятили свои труды изучению интерактивного обучения можно заметить двойственность природы данного феномена. С одной стороны, интерактивность в образовательном процессе должна соотноситься со способами и формами организации данного процесса, а также с источ-

никами информации. С другой стороны, должна быть сформирована такая образовательная среда, которая позволит максимально реализовать функции взаимодействия: стимулирующую, коммуникативную и рефлексивную.

Следует подчеркнуть, что понятие «интерактивность» играет важную роль в системе профессиональной подготовки офицеров запаса в гражданских вузах, так как в современном мире возрастает многообразие связей человека и информационных технологий; появляется большое количество новых инновационных систем и приемов, способствующих взаимодействию субъектов обучения в режиме открытого интерактивного диалога. По нашему мнению, термин «интерактивность» стоит соотносить как с технологией, так и с формами и методами обучения, способствующими активному взаимодействию субъектов образовательного процесса, которые могут быть реализованы с помощью диалога и полилога, ориентирующие каждого обучающегося на учение и знакомство с будущей профессиональной деятельностью.

Интерактивная форма обучения предполагает взаимодействие в образовательной деятельности, которое реализуется с помощью диалога в нескольких направлениях: «субъект – субъект (преподаватель)», «субъект – субъект», «субъект – компьютер». В свою очередь полилог понимается с точки зрения активного взаимодействия, ориентированного на «присвоение» и осознание получаемых знаний, их использование в спроектированной профессиональной ситуации. Применение полилога в образовательной деятельности также предусматривает несколько видов взаимодействий: «субъект – команда субъектов», «команда субъектов – команда субъектов», «команда субъектов – все остальные субъекты», «команда субъектов – компьютер», «субъект – все остальные субъекты». Полагаем, что при реализации этих форм достигается такой эффект, когда все обучающиеся принимают активное участие в образовательном процессе, испытывают потребность в осмыслении и рефлексии полученной информации, что связано со следующими характеристиками интерактивного обучения: недопущением монолога при подаче информации; стимулированием познавательной активности; сменой предназначения преподавателя в сторону организатора.

Таким образом, интерактивное обучение – это способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся: все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия участников и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем. При интерактивном обучении осуществляется постоянная смена режимов деятельности: игр, дискуссий, работы в малых группах, теоретических блоков (мини-лекций).

Такое обучение предполагает отличную от привычной логику образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение. Опыт и знания участников образовательного процесса служат источником их взаимообучения и взаимообогащения. Обучающиеся берут на себя часть функций преподавателя, что повышает мотивацию и продуктивность обучения.

Обозначенные сущностные характеристики интерактивного обучения, позволили в большой степени согласиться с определениями, сформулированными С. С. Капшлевым, М. В. Клариним, Е. В. Коротаевой, И. В. Курышевой, которые под

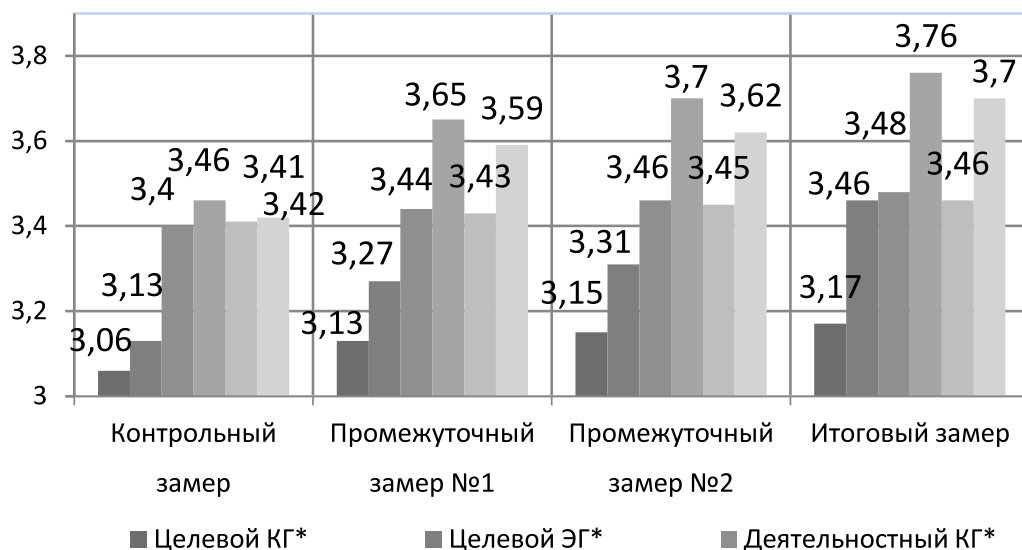

Рисунок 1. Диаграмма, отражающая качественную динамику уровня сформированности профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза
Примечание: КГ* – контрольная группа; ЭГ* – экспериментальная группа

интерактивными методами, понимают способ совместной деятельности обучающихся, связанный с процессом взаимодействия, обменом информацией, совместным решением учебных задач и моделированием учебных ситуаций, атмосферой сотрудничества и др. С нашей точки зрения, интерактивное обучение следует понимать как педагогический процесс, базирующийся на активном взаимодействии, во время обучения, всех его участников, реализующийся посредством диалога и полилога и предоставляющий возможность вовлечь обучающихся в образовательный процесс и смоделировать профессиональные ситуации с учетом различных особенностей деятельности конкретных специалистов.

С целью более глубокого понимания и последующего осмысления механизмов реализации интерактивного обучения в системе профессиональной подготовки курсантов в военном учебном центре вуза была разработана структурно-функциональная модель. Данная модель представляет собой четко выстроенную систему, которая демонстрирует взаимосвязь целей и задач обучения курсантов военного учебного центра вуза, актуализирует методологические подходы, закономерности и элементы, соответствующие социальному заказу государства в отношении подготовки высококвалифицированного специалиста в этой сфере [4].

В рамках разработанной модели был определен комплекс педагогических условий: создание образовательного пространства, позволяющего организовать многосторонний диалог; психологическая и педагогическая компетентность педагога в использовании методов интерактивного обучения; структурирование процесса обучения с учетом актуальных технических способов и средств; проигрывание различных ситуаций, потенциально возникающих в профессиональной деятельности будущего специалиста. Названный комплекс педагогических условий обеспечивает успешную реализацию структурно-функциональной модели.

Для оценки эффективности предложенной нами модели был организован педагогический эксперимент. Исследование проводилось на базе военного учебного центра Уфимского университета науки и технологий. Репрезентативную выборку составили 185 курсантов и 12 преподавателей этого

центра. Педагогический эксперимент осуществлялся в нескольких логически взаимосвязанных этапов: констатирующего, прогностического, формирующего и обобщающего.

На первом этапе эксперимента был выявлен начальный уровень сформированности знаний, умений, навыков, способствующих осуществлению профессиональной деятельности и саморазвитию личности обучающихся. Исследование на данном этапе было направлено на определение того, насколько обучающиеся удовлетворены профессиональной подготовкой, а также комплексом мотивов, с которыми связан устойчивый интерес и удовлетворенность будущей профессией. С этой целью была использована методика В. А. Ядова «Удовлетворенность избранной профессией» [5].

В целях реализации прогностического этапа была подготовлена программа экспериментальной работы, состоящая из таких элементов, как цель, качественные и количественные характеристики участников исследования. Данный этап был направлен на разработку практических способов реализации интерактивного обучения, выявление возможности их применения в военном учебном центре вуза, а также разработку критериально-диагностического аппарата. Важным звеном в рамках прогностического этапа выступила формулировка педагогических условий, способствующих более эффективной реализации методов, направленных на формирование профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза в процессе интерактивного обучения.

Формирующий этап включал в себя реализацию технологии интерактивного обучения, внесение корректив в организацию и применяемые методы, анализ и интерпретацию полученных результатов. Реализуемые на данном этапе интерактивные формы применялись в трех вариантах в соответствии с циклами процесса обучения (дисциплина, предмет, тема).

Следует отметить, что на начальном этапе обучения курсантов в военном учебном центре вуза могут применяться разнообразные формы и методы интерактивного обучения, которые выступают в качестве мотивационной составляющей, направленной на развитие мотивов, побуждающих об-

учающих профессионально совершенствоваться, или в виде практик, проводимых в форме «погружения» респондентов в проблемное поле дисциплины, обеспечивая развитие их познавательной активности и ускоряя процесс адаптации к условиям обучения.

На обобщающем этапе было проведено сопоставление результатов педагогического эксперимента, доказана его качественная и количественная эффективность. Для оценки уровня сформированности профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза были определены критерии: целевой (показателем являлся типовой уровень познания в профессиональной области), деятельностный (показателем являлся уровень развития навыков и умений в профессиональной области), личностный (показателем являлся уровень сформированности индивидуальных качеств мотивирующей и информационной среды) (рисунок 1).

В процессе диагностики уровня сформированности профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза по целевому критерию были использованы такие методы, как наблюдение, экспертная оценка и самооценка, а также методика определения профессиональной направленности В. А. Ядова [6], методика выявления мотивов выбора профессии Э. Ф. Зеера [7]. Деятельностный критерий включал оценку уровня сформированности коммуникативности (модифицированная анкета Ю. Ю. Андреева). Личностный критерий оценивался с помощью анкеты, направленной на определение уровня коммуникативной культуры В. С. Чернявской [9].

Для получения оценки качественной составляющей каждого критерия, вместе с учетом методик, нами использована (предложена) шкала, формируемая мнением экспертов (несколько преподавателей вуза использующие в образовательном процессе современные интерактивные методы обучения). Эта шкала включает следующие параметры: 4 балла – оцениваемый критерий выявлялся непрерывно; 3 балла – критерий выявлялся почти постоянно; 2 балла – критерий выявлялся нечасто; 1 балл – критерий не выявлялся. В соответствии с данной шкалой выявлялись изменения показателя в экспериментальной группе в сравнении с контрольной группой. Необходимо отметить, что контрольный замер производился на констатирующем этапе, два промежуточных замера – на формирующем этапе, а итоговый замер – на обобщающем этапе педагогического эксперимента.

Полученные в ходе педагогического эксперимента результаты представляют интерес и демонстрируют положительную динамику показателей, характеризующих уровень сформированности профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза, что доказывает эффективность разработанной и апробированной структурно-функциональной модели. Анализ результатов, полученных в контрольной и экспериментальной группах относительно показателей сформированности профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза, даёт нам основание утверждать, что произошли значимые положительные изменения в экспериментальной группе, в которой были реализованы структурно-функциональная модель, технология формирования профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза и комплекс педагогических условий. Материалы исследования могут быть применены в широкой практике профессиональной подготовки курсантов военного учебного центра вуза.

Достоверность и обоснованность результатов обеспечена исходными теоретическими позициями, использованием методов исследования, адекватных его целям, задачам, логике; комплексным применением взаимодополняющих методов теоретического и эмпирического исследования; достаточной выборкой обследуемых, применением репрезентативных методов статистического анализа, завершённой экспериментальной работы, подтвердившей первоначально выдвинутую гипотезу. Проведённое эмпирическое исследование подтвердило теоретическую и практическую значимость полученных результатов и позволило определить ряд направлений для успешного решения исследуемой проблемы: совершенствование методики формирования профессиональной компетентности курсантов военного учебного центра вуза, основанной на аксиологическом потенциале дисциплин специального цикла, имеющих военно-техническую направленность.

Пристатейный библиографический список

1. Коротгаева Е. В. Интерактивное обучение: мифы и реалии // Школьные технологии. – 2013. – № 4. – С. 41–48.
2. Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Интерактивное обучение // Образование и наука. Известия УРО РАО. – 2007. – № 6 (48). – С. 32–41.
3. Голованова И. И., Асафова Е. В., Телегина Н. В. Практики интерактивного обучения: метод. пособие. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 288 с.
4. Баринова В. И. Методика преодоления психолого-педагогических трудностей в процессе использования интерактивного обучения // Вестник Тульского филиала Финансового университета. Социально-экономическое развитие региона: теория и практика. – 2015. – С. 242–244.
5. Методика на выявление удовлетворённости избранной профессией (методика А. А. Реана; модификация методик В. А. Ядова и Н. В. Кузьминой).
6. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М., 2006. – 266 с.
7. Зеер Э. Ф., Рудей О. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности: Учеб. пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. – 256 с.
8. Чернявская В. С. Формирование коммуникативной культуры в структуре профессионального образования курсантов морского вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Владивосток, 1999. – 187 с.
9. Андреев Ю. Ю. Педагогическая технология воспитания позитивных межличностных отношений курсантов вузов внутренних войск МВД России средствами физической культуры: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – СПб., 2012. – 215 с.
10. Плаксина И. В. Интерактивные технологии в обучении и воспитании: метод. пособие / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. – 163 с.

МИТЯЕВА Юлия Владимировна

кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани

ВИДОВА Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин Филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин Филиала Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования УИС центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в УИС НИИ ФСИН России

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТНЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЕЕ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В рамках научной статьи проводится комплексный политический и правовой анализ сущностных факторов реализации концепции проведения и развития миграционной политики Российской Федерацией за последние десять лет. Авторами рассматривается природа миграционной политики как неотъемлемой составляющей государственной политики, ее целевых установок, акторов, функций, характерных черт. Особое внимание авторами фокусируется на вариативности проблематики в реализации положений концептуальной программы развития миграционных процессов в России в существующих политических, экономических реалиях.

Авторы приходят к выводам о желательности возможных изменений нормативной базы, регулирующей полномочия органов государственной власти в области миграционных отношений, которые затронут как управление внешними миграционными потоками, так и внутреннюю миграцию граждан РФ, способствующие преодолению депрессии демографического кризиса, компенсации асимметричного распределения населения и трудовых ресурсов по регионам, позволят усилить оперативные функции правоохранительных структур, в чьи полномочия входит контроль за деятельностью участников миграционных отношений и пресечение противоправных действий, повысят степень участия властей субъектов РФ в вопросах применения рабочего потенциала мигрантов.

Ключевые слова: политика, миграционная политика, иностранный гражданин, трудовые мигранты, органы государственной власти, миграционные потоки.

MITYAEVA Yuliya Vladimirovna

Ph.D. in political science, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Moscow Witte University, Ryazan branch

VIDOVA Tatyana Alexandrovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Deputy Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Moscow Witte University, Ryazan branch

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal executive law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia, professor of Criminal-Legal and humanitarian disciplines sub-faculty of the S. Yu. Witte Moscow University, Ryazan branch, chief researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penal Enforcement Center for the Study of Problems of management and organization of the execution of Sentences in the Penal Enforcement System Research Institute of the FPS of Russia

POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE ESSENTIAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION, ITS DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT

Within the framework of the scientific article, a comprehensive political and legal analysis of the essential factors of the implementation of the concept of the implementation and development of migration policy by the Russian Federation over the past ten years is carried out. The authors consider the nature of migration policy as an integral component of state policy, its targets, actors, functions, and characteristic features. The authors focus special attention on the variability of the issues in the implementation of the provisions of the conceptual program for the development of migration processes in Russia in the existing political and economic realities.

The authors come to conclusions about the desirability of possible changes in the regulatory framework governing the powers of state authorities in the field of migration relations, which will affect both the management of external migration flows and internal migration of citizens of the Russian Federation, contributing to overcoming the damping of the demographic crisis, compensation for the asymmetric distribution of population and labor resources by region, will strengthen the operational functions of law enforcement agencies, whose powers include monitoring the activities of participants in migration relations and the suppression of illegal actions will increase the degree of participation of the authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the use of the working potential of migrants.

Keywords: politics, migration policy, foreign citizen, labor migrants, state authorities, migration flows.

Миграционная политика

Рисунок 1

Реализация миграционной политики, происходящих в ней изменений в правовом регулировании статуса иностранных граждан, законно или нелегально находящихся на территории РФ и осуществляющих трудовую деятельность - является государствообразующей детерминантой.

Правовой статус иностранных граждан, находящихся на территории любого государства и осуществляющих на законных основаниях рабочую деятельность, обучающиеся в ВУЗах, проходящие лечение и иные виды деятельности, строго регламентируется законом и, прежде всего, конституцией. Согласно положениям главного закона страны, права и обязанности иностранных граждан, находящихся на территории России практически эквивалентны правам и обязанностям граждан за некоторыми ограничениями. Это дает те же возможности иностранным лицам участия в экономических, социальных, культурных сферах общественной жизни, что и гражданам РФ. Соответственно, подразумевается равная с гражданами степень ответственности за свои действия перед законом.

Безусловно, большая часть иностранцев, прибывающих на территории того или иного государства – это трудовые мигранты. То есть лица, приехавшие с целью получения работы, что подразумевает достаточно длительные сроки пребывания, необходимость адаптации к новой языковой, ментальной среде.

Обратимся к тому определению, которое дал этому понятию ее автор - древнегреческий философ Аристотель. С его точки зрения политика есть ни что иное, как деятельность общности, направленная на достижение счастливой жизни, общего блага. Естественно, что такого рода деятельность должна происходить в рамках какой-либо управляющей системы. Таковой изначально выступило государство. Во времена Аристотеля государство и гражданское общество отождествлялись, отсюда и понимание политики как деятельности, исходящей от общества в целом. Однако с развитием структуры государства и взаимосвязей внутри этой системы появилась необходимость в разведении этих образований.

На сегодняшний день и государство и гражданское общество оказывают взаимное управляюще-контрольное воздействие и их развитие также взаимосвязано. Несомненно, государство, как система в основе которой лежит власть и властные отношения имеет определенные преференции в осуществлении политики, однако это напрямую сопрягается с общественным контролем гражданских институтов за деятельностью властных органов.

Целью проведения политики государством по-прежнему остается руководство обществом, а в качестве предложенной Аристотелем формулы «...ради общего бла-

га и счастливой жизни» сегодня выступает - сохранение его целостности и развития.

Как любого рода деятельность политика подразумевает наличие субъектов, то есть акторов, реализующих властные компоненты политического воздействия и объектов – то есть тех, на кого, собственно, и направленно это властное воздействие. Говоря о политической сфере общественных отношений важно разделять понятие власти как таковой и публичной власти. Именно публичная власть и публичные властные отношения являются движущей силой политики государства.

В качестве акторов публичных властных отношений выступают государственные органы, политические партии, общественные движения, организации, политические лидеры, а в качестве объектов: социальные группы (в нашем случае, мигранты), нации, государства.

Подобное понимание политической деятельности неразрывно связано с ее правовым регулированием, которое реализуется через закрепление в законодательстве государства полномочий государственных органов власти, должностных лиц, прав и обязанностей всех участников политических отношений.

Принимая, что миграционная политика является компонентом политики как таковой, ей присуща та же структура и функционал. Особенностью данной политической компоненты выступает двойственный характер, проявляющийся в том, что миграционная политика проводится параллельно в двух сферах общественной жизни. (См. рис. 1.)

Исходя из сути политики государства, направленной на регулирование как миграционных процессов, так и миграционных отношений можно привести достаточно объективированное определение миграционной политики.

Миграционная политика представляет собой деятельность различного рода международных организаций, органов как государственной власти, так и местного самоуправления, иных акторов политики: политических партий, политических лидеров, общественных движений, направленную на развитие и контроль за миграционными процессами и отношениями через применение различного рода механизмов осуществления в государстве публичной власти в целях достижения важнейших жизненных потребностей общества [1].

Прежде всего, речь идет о развитии и оптимизации социально-экономического положения территорий. Помимо этого, в связи с установившимися в мировом пространстве экстремистскими и террористическими угрозами, а также европейской и американской санкционной политикой, направленной против государственных интересов России, базовой задачей в сфере управления миграционными потоками стала национальная безопасность, ее обеспечение и поддер-

жание правопорядка, что, несомненно, должно найти свое подтверждение в изменениях административной и уголовной ответственности для иностранных граждан, находящихся на территории РФ и совершивших правонарушения.

Осуществление любой компоненты политики, в том числе и миграционной ее составляющей, предполагает стратегическое планирование целей, форм и методов регулирования государствообразующих направлений развития. Соответственно, должны быть определены необходимые для проведения тех или иных управленческих решений организационные действия в рамках выработанной государством стратегии развития общественных отношений.

Так и миграционная политика должна иметь опору на выбранное государством стратегическое направление развития, которое отражает актуальные цели и задачи, стоящие перед обществом на определенном этапе, что предполагает сформированность политико-правовых форм управленческого воздействия на миграционные процесс и отношения.

Проведение миграционной политики во многом связано с демографической ситуацией в стране. Даже экономически развитые страны, столкнувшиеся в 21 веке с проблемой тотального старения населения, снижения рождаемости, для стабилизации рынка труда активно используют метод коррекции - увеличение миграционных потоков, создание условий для адаптации и включения трудовых мигрантов в общественные отношения, а в перспективе, мер, направленных на оптимизацию процесса получения гражданства для данной категории лиц.

Что же предпринимается в этой области сегодня в России? В рамках действующей Концепции демографической политики РФ до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351, в Российской Федерации к 2025 г. планируется увеличить миграционную составляющую за год более чем на 300 тысяч человек¹. Это, бесспорно, резкий скачок показателей, который может повлечь не менее резкое изменение в общественном мнении относительно необходимости включения в экономические, социальные, культурные отношения столь большого числа иностранных лиц, с перспективой получения российского гражданства.

Следует отметить, что подобная тенденция характерна для большинства обществ, переживающих миграционный бум сегодня. Россия также рискует столкнуться с негативной реакцией локального населения на определенные шаги в государственной политике в сфере трудовой миграции. Во многом это сопряжено с не проработанностью комплекса мер по оптимизации адаптации, прибывающих в РФ граждан бывших республик СССР, острой необходимостью усилить контроль за поведением таких лиц со стороны правоохранительных органов.

На самом деле, отношение к трудовой миграции в России складывается не только из взаимодействия с гражданами иностранных государств, но и из условий для развития внутренней миграции самих россиян. Не стоит забывать и о такой характерной особенности нашего государства – крайне низкий уровень миграционного передвижения населения внутри страны. И это несмотря на огромную территорию,

большое число промышленных, научных центров в каждом из субъектов федерации и многие другие объективно положительные факторы, которые должны способствовать развитию этого направления миграции трудоспособного населения.

Все они нивелируются практически равномерно низким уровнем заработной платы во многих профессиональных видах деятельности, сложностями с постоянной регистрацией в том или ином населенном пункте и зависимости от этого фактора предложений работы и уровня зарплаты, необходимостью «снимать» жилье в условиях фактически «серого» рынка аренды недвижимости для физических лиц и, как следствие, непредсказуемости цен и времени, на которое можно арендовать квартиру и другими обстоятельствами, тормозящими желание россиян регулярно переезжать в различные регионы в зависимости от предложений работодателей.

С точки зрения внутренних миграционных потоков сегодня самыми востребованными регионами остаются, по-прежнему, города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, притом, что всего субъектов в федерации более 80. Такая дивергенция миграционных потоков граждан РФ сохраняется практически в тех же пропорциях и относительно распределения рабочей силы иностранных граждан.

Так, можно проследить, что численность трудовых мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге значительно превышает все иные регионы России. Определенные отклонения есть в субъектах, территориально граничащих с Китаем, бывшими республиками СССР, однако это скорее объективно прогнозируемые исключения из общего принципа распределения трудовых мигрантов по всей территории РФ.

Как следствие подобного действия, сегодня в России и внутренняя миграция и миграционные потоки иностранных граждан, не выступают реально работающими условиями коррекции различий экономического и социального развития регионов. В свою очередь, для многих государств эффективность миграционной политики является одним из базовых факторов успешности экономики в целом.

Решение таких «болезненных» для нашей федерации вопросов как децентрализация рынков труда в регионах, актуализация обучающих программ по наиболее востребованным специальностям и профессиям с увеличением числа образовательных центров, стимулирование появления промышленных, IT кластеров, индустриальных парков в субъектах РФ – это первоочередные меры по преодолению негативных экономических факторов, замедляющих реализацию миграционных процессов.

Без эффективно работающей миграционной политики невозможно в короткие сроки преодолеть последствия таких глобальных проблем как: убыль населения, уменьшение численности трудоспособного населения, выезд российских специалистов за рубеж. Сегодняшняя ситуация на рынках труда такова, что спрос многократно превышает предложения по целому ряду рабочих, инженерных специальностей и наблюдается дальнейшее падение предложений рабочей силы, что на наш взгляд, приведет к еще большему замедлению развития внутренней трудовой миграции и, как следствие, мобильности населения в России.

Таким образом, мы можем подойти к пониманию необходимости планового подхода в ранжировании трудовых ресурсов для преодоления эффекта дивергенции исходя из показателей внутренней миграции граждан России, так и из показателей численности иностранных граждан, въехавших

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://67.мвд.рф/folder/20530277> (дата обращения: 14.01.2023).

на территорию РФ по трудовой визе, по всем субъектам единой территории. Несомненно, одним из методов ранжирования трудоспособного населения должна быть развитая внутренняя миграция населения, способствующая сглаживанию региональных различий и действенному поиску и предоставлению на локальные рынки труда востребованных специалистов.

Нельзя отрицать тот факт, что проводимая в РФ за последнее десятилетие миграционная политика привела к достаточно скромным достижениям в экономике страны и не дала в полной мере ожидаемых результатов подъема промышленного сектора. Требуется изменения концептуального подхода в оценке внешних и внутренних детерминант миграционных процессов и отношений, учета складывающихся сегодня вокруг России санкций внутреннего кризиса управления сферой трудовой миграции.

Конституционное государство, строящееся на принципах народовластия, приоритета прав и свобод личности подразумевает реальность осуществления гражданами данных им государством прав. Право на труд — это гарантированная государством возможность свободно применять свои способности в трудовой деятельности, выбирать профессию, получать за свой труд законное вознаграждение без какой-либо дискриминации и многое другое. Эти возможности в равной степени актуальны как для граждан, так и для иностранных граждан или апатридов.

Реализация этого права связана с необходимостью выработки комплекса мер с учетом уровня развития производства, предпринимательства, демографических показателей, общественного мнения и иных государствообразующих факторов, влияющих на формирование рынка труда.

Государство, как управляющая система, в соответствии с запросами и потребностями общества должна выстроить перераспределение имеющихся в распоряжении ресурсов и, прежде всего, демографических, финансовых, природных, для того чтобы гарантировать гражданам реализацию права на труд, при этом поступательно двигаясь вперед к стабилизации экономики и снижению ее зависимости от экспорта нефти и газа.

Миграционная политика может выступить важнейшим элементом регулирования спроса и предложения рабочей силы, снижения затрат в сфере производства, стабилизации цен.

Если конец 20 века для России стал временем глобальных трансформаций и, как всякое государство, проходящее через этап полного реформирования, во многих сферах применяло стихийное, оперативно-ситуационное регулирование взаимодействий между гражданами, организациями, органами власти, зачастую без нормативно-правовой основы, подготовленных профессиональных кадров, а порой и без соответствующих структур в региональном и муниципальном управлении, то сейчас Россия добилась установления конституционного регулирования общественно важных отношений, развитого федерального законодательства, выстроенной региональной структуры власти, что дает нам возможность своевременно корректировать положение в различных направлениях государственной политики.

Федеративная природа российского государства предопределяет соответствие правового регулирования региональных программ федеральному законодательству, в том числе и в сфере миграционных отношений. Миграционная политика, основной концепт которой разработан на федеральном уровне, не всегда актуализирована под проблематику субъек-

тов и, как следствие, достаточно сложно оптимизируется в регионах.

Механизм использования в экономических процессах трудовых мигрантов изначально подразумевает множественные связи, которые необходимо выстроить между акторами такого рода процессов, прежде всего, за счет решений, исходящих от государственных органов власти на федеральном уровне, но и не менее важное условие — это учет в этих взаимодействиях степени готовности инфраструктуры регионов к включению в жизнь большого числа мигрантов, а также социальные последствия таких изменений для граждан, проживающих в том или ином субъекте.

Мы уже отмечали, что одним из возможных решений контроля эффективности управления миграционными потоками станет планирование квот для приезда востребованных в регионах специалистов.

В свою очередь, внимание к корректировке программ по использованию иностранной рабочей силы в субъектах федерации зачастую не соответствует общегосударственному концепту. Так, в некоторых регионах, в принципе, нет разработанных местными законодателями региональных миграционных программ, либо откровенно слабо проработаны принципы и механизмы регулирования миграционных факторов экономического развития субъекта.

На наш взгляд, такое понимание миграционной политики, складывающееся на региональном уровне, складывается из многих составляющих, но ее изменение зависит от проработанности федерального законодательства, регулирующего миграционные отношения и потоки мигрантов. И, начинать здесь стоит с изменений в стратегии развития данной области. Действующая стратегия была принята на достаточно длительный срок, что делает ее содержание менее подвижным и актуализированным под изменяющиеся внешние и внутренние условия экономического, социального, политического движения нашего государства.

От государства требуется проведение такой миграционной политики, которая способствует реализации целей, стоящих перед нами в нынешних обстоятельствах, с учетом внешнеполитических, геополитических, демографических, экономических задач. А, следовательно, необходимо именно сейчас скорректировать стратегические и тактические цели и механизмы миграционной политики, привести к единому с регионами пониманию законодательства в этой сфере.

Говоря о тенденциях развития миграционных процессов в мире и России, в частности, можем утверждать, что существенные изменения начались с переделом сфер влияния в мировой геополитике, получением независимости бывшими колониями европейских держав, распадом СССР и созданием новых геополитических, экономических связей и союзов.

Изменились масштабы и направления перемещения миграционных потоков, они значительно выросли, стали сопрягаться с необходимостью разработки комплекса мер по адаптации мигрантов и усилению контроля за ними со стороны правоохранительных органов, в связи с возросшим уровнем экстремистских и террористических акций.

Исходя из действующего концепта миграционной политики Российской Федерации, действующей до 2025 года, мы можем выделить следующие наиболее важные задачи, на решение которых она направлена:

- результативная корректировка уровня депопуляции населения.
- компенсация дефицита трудовых ресурсов в регионах и на общегосударственном уровне. Необходимость стабили-

ровать число трудоспособного населения в связи с его стремительным «старением».

- поэтапное снижение степени диспропорции между территориальными размерами страны и числом проживающих на ее территории граждан.

- аметрическое распределение населения по регионам. Большая часть граждан размещена в центральных и южных районах страны, что соответственно, порождает высокую плотность миграционных потоков именно в этих направлениях, притом, что территория за Уралом, Дальний Восток имеют плотность один и менее человек на квадратный километр и уровень миграционных потоков здесь поддерживается на низких показателях, а фактически, прирост в них отрицательный.

- низкие показатели миграционных перемещений внутри страны, нежелание граждан менять место проживания в связи с поиском и получением работы, слабый контроль за внутренней миграцией. Как следствие - ни внутренняя ни внешняя миграция трудового населения не способна нивелировать процент естественной убыли. Устойчивых показателей роста населения добились лишь некоторые субъекты РФ.

Все-таки, несмотря на сложившиеся в России особенности территориального распределения населения, отсутствие системного подхода в регионах к эффективному регулированию миграционных отношений, крайне опасного для экономического суверенитета соотношения рождаемости и естественной убыли населения к числу трудоспособных граждан, фиксируется рост числа иностранных граждан, въезжающих по трудовой визе, либо вследствие иных жизненных обстоятельств ищущих работу в России на определенный срок или с перспективой на получение российского гражданства.

Существенная проблема, казалось бы, положительных показателей заключается в том, что аметрическое распределение населения по территории страны и низкий уровень внутренней миграции создают такую же асимметрию в движении и распределении трудовых мигрантов по субъектам федерации, а единого центра регулирования миграционных потоков, квотирования и адаптации нет.

Поступательный процесс децентрализации властных полномочий невозможен без приведения регионов к униформности экономического, демографического и иных показателей развития. Одна из первостепенных задач, обозначенная Президентом, заключается в создании привлекательных условий проживания в дальневосточном регионе, увеличении плотности населения в сибирских городах, строительстве новых населенных пунктов, открытие предприятий, создание новых рабочих мест с высоким уровнем заработной платы.

К сожалению, сегодня эти регионы находятся на одном из последних мест в Европе по плотности населения и уровню задействованных в экономике этих территорий трудовых мигрантов как из граждан РФ, так и из иностранных работников.

Это свидетельствует о том, что для результативной региональной миграционной политики в рамках федерации, уровень и условия жизни в отдельных регионах должны стимулироваться федеральными программами и дать больше возможностей в сфере реализации трудовых отношений, в противном случае сохранится резкий отрыв одних регионов от других по показателям экономического развития, привлекательности для проживания и другим, что в свою очередь спровоцирует рост конформистских настроений в обществе, дестабилизацию политической ситуации.

Эффективная миграционная политика, приведенная в соответствие с запросами регионов, позволит успешнее корректировать аметрическое распределение населения, компенсировать низкие показатели миграционных перемещений внутри страны, постепенно нивелировать процент естественной убыли и снизить темпы «старения» трудоспособного населения.

Поэтому, столь важно следить в рамках осуществления миграционной политики на общенациональном уровне за тем, чтобы не происходила абсолютизация концентрации трудоспособных лиц и экономики в одних регионах и обнуление в других. При этом соблюдать баланс занятости местного населения и иностранных граждан.

Какие же механизмы разработаны и действуют в Российской Федерации для реализации миграционной политики? Традиционно, вопросами мигрантов занимается Министерство внутренних дел РФ, Федеральная миграционная служба России, помимо этого - Правительственная комиссия по миграционной политике и Межведомственная рабочая группа по подготовке предложений по совершенствованию миграционного законодательства Российской Федерации. Разработаны и приняты концепция миграционной политики, концепция демографического развития Российской Федерации, основы государственной политики регионального развития и иные².

Однако, на наш взгляд, требуется дальнейшая институционализация данного направления государственной политики. Существующие пробелы в законодательстве, регулирующие пребывание мигрантов на территории Российской Федерации, в части уголовной и административной ответственности, также требуют пристального внимания законодателей и учета произошедших изменений во внешней политике России [2, с. 112].

По-прежнему Федеральная миграционная служба не имеет точных данных о числе, находящихся на территории страны легальных трудовых мигрантов и нелегалов, особенно острая ситуация с учетом незаконно въехавших в РФ китайцев и выходцев из восточных республик бывшего СССР.

Такое положение во многом объясняется слабой проработкой взаимодействующих друг друга межведомственных полномочий МВД и ФМС России, сокращением штатов в этих властных структурах, отсутствием специального подразделения в структуре правоохранительной системы, занимающейся не просто учетом прибывающих в Россию мигрантов и выезжающих с ее территории иностранных граждан, у которых закончилось пребывание по трудовой визе, численностью граждан России, получивших работу за рубежом и, выезжающих в связи с этим обстоятельством, на длительный срок, но и контролем, пресечением нарушений правопорядка трудовыми мигрантами из числа иностранных граждан, находящихся на законных основаниях в РФ и осуществляющих трудовую деятельность.

Для более структурного понимания последствий активации миграционной политики, проводимой государством, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть характерные черты, присущие данному виду политического воздействия на общественные отношения, дифференцировать их с позиции

2 Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://67.мвд.рф/folder/20530277> (дата обращения: 14.01.2023).

Таблица 1. Характер миграционных процессов в РФ

Положительные факторы влияния	Отрицательные факторы влияния
демпфирование демографического кризиса	рост незаконно находящихся на территории РФ иностранных граждан
выравнивание показателей спада прироста населения	неуправляемый наплыв законно находящихся на территории РФ трудовых мигрантов и нелегалов в центральные и южные регионы страны
компенсация асимметричного распределения населения и трудовых ресурсов за счет применения механизма квотирования по территориям и требуемым специальностям	увеличение нагрузки на сотрудников МВД и ФМС в связи с ростом числа трудовых мигрантов, прибывающих в РФ, осложнение криминогенной ситуации, необходимость ужесточения мер контроля и предотвращения совершения правонарушений в среде мигрантов

положительного или отрицательного влияния на экономические, социальные и демографические показатели развития государства. Представим такого рода Деление. (См. Табл. 1.)

Исходя из рассмотренных нами факторов влияния активации миграционных потоков и отношений в России, можно говорить о том, что направления, требующие коррекции, прежде всего, – это разработка механизма ранжирования и распределения миграционных потоков с учетом региональной и профессиональной выборки на общенациональном уровне. Расширение штата в структурах МВД и ФМС в связи с необходимостью усиления контроля за соблюдением правопорядка.

Последние изменения миграционного законодательства были связаны с переходом дел от ФМС к Главному управлению по вопросам миграции МВД РФ в 2017 году. Они затрагивают процедуры получения гражданства Российской Федерации для целого ряда категорий иностранных граждан.

Речь идет о так называемой группе носителей русского языка, для которой был упрощен стандартный механизм, благодаря введению нормы о том, что лицам, находящимся на территории российского государства, и признанным носителями русского языка, не нужно получать подтверждение выезда из гражданства.

Однако реализация данного правила блокировалась позицией ряда стран, в частности – Украины. Хотя, по вновь утвержденной схеме, нужно подать соответствующее заявление о выходе из гражданства и нотариально заверенную копию направить в посольство Украины. Не смотря на блокировку, подобные изменения в российском законодательстве позволили более чем одному миллиону жителей юго-востока Украины переехать в Россию после 2014 г. И открыли доступный путь для тех, кто определяется с возможным переездом в Россию как ментальную родину, считая себя людьми русской культуры.

Задача регионов в вопросе работы с переселенцами из Украины, мигрантами из бывшего советского пространства – максимально задействовать достаточно большое число высококвалифицированных кадров, разработать рабочие схемы ипотечного кредитования, снижения налогового бремени для тех, кто не просто приехал в Россию за работой, а принял гражданство и решил приносить пользу своей новой родине.

Сопряженными с этими нововведениями в российском миграционном законодательстве стали нормы, принятые в 2018 году и регулирующие порядок приема в гражданство в упрощенном порядке соотечественников, проживающих в странах «со сложной общественно-политической и экономической обстановкой, где происходят вооруженные конфликты и (или) смена политического режима».

Не вызывает каких-либо сомнений, что право определять «в гуманитарных целях» категории иностранных граждан, обладающих по российским законам правом на при-

обретение российского гражданства в подобных случаях, должно принадлежать Президенту РФ – как главе государства и гаранту конституционных прав и свобод.

Уже очевидно, что обострившаяся ситуация с Украиной и рядом недружественных России стран, требует особого контроля за реализацией права на прием в российское гражданство лиц, для которых духовно Россия всегда была и остается родиной. Сейчас управление миграционными потоками напрямую связано с внешнеполитическим положением как России, так и других стран, традиционно дающими нашему государству высокий процент трудовой миграции.

Если говорить о правовом регулировании статуса мигрантов из вышеобозначенных категорий иностранных лиц, находящихся на территории РФ в роли трудовых мигрантов, то следует отметить, что достаточно большое их число оказались ограниченными в праве на передвижение и выбор места жительства.

Оставаясь на российской территории, они принуждены нарушать правила и сроки пребывания, зачастую не в состоянии трудоустроиться на законных основаниях и временно найти жилье. В связи с чем, пребывание на полуправильном или вовсе нелегальном положении, в перспективе, осложняет получение ими российского вида на жительство и гражданства. Принятие законодательные нововведения предоставят лицам, реальную возможность выбраться из правового конфликта с контролирующими органами и подать соответствующие заявления на прием в российское гражданство.

Мы уже отмечали, в рамках нашего анализа ситуации с внутренней миграцией в РФ, что на сегодняшний момент складывается неблагоприятная ситуация с наполнением и распределением трудовых мигрантов, как из граждан РФ, так и из числа иностранных граждан в сибирском и дальневосточном регионах.

Определенные перемены начали происходить в 2018 году³. В качестве примера реально действующих мер поддержки мы должны привести разработку и реализацию государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», которая позволила скоординировать действия федеральных и региональных органов власти, направленные на повышение уровня привлекательности Дальнего Востока для проживания населения.

В части усиления контроля за соблюдением правопорядка со стороны трудовых мигрантов из числа иностранных граждан, следует отметить принятые поправки в закон «О

3 Официальные статистические данные - Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2018 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/15851053/>.

миграционном учете» (ФЗ № 163)⁴, которые гарантируют наличие у иностранных граждан адреса их фактического проживания. Для повышения оперативности в решение острых вопросов создана и работает прямая линия в ГУВМ МВД для приема обращений и жалоб российских и иностранных граждан.

Более чем трехлетний опыт работы, начиная с 2018 года, структур ГУВМ МВД по вопросам реализации миграционной политики РФ показал, что прогнозируемого некоторыми экспертами ужесточения мер контроля не произошло.

Что касается оценки результатов миграционной политики до 2018 года, то эксперты говорили о произошедшем усовершенствовании инструментов правового регулирования в сфере миграции, проведенной оптимизации правил пребывания обучающихся в Российской Федерации иностранных граждан, о том, что в России благополучно созданы и действуют дополнительные условия, способствующие на добровольной основе переезду соотечественников, проживающих за рубежом, помимо этого, значительно упрощены правила приема в российское гражданство иностранных граждан, являющихся русскоговорящими, инвесторами, вкладчиками или выпускниками российских образовательных организаций.

Итог таких действий - рост численности трудовых мигрантов за последние 5 лет более чем до полутора миллиона человек. Казалось бы, мы наблюдаем высокий уровень роста, однако, если сравнивать его с европейскими показателями даже по критерию «иностранцы граждане», законно въехавшие в ЕС по трудовой визе, без учета трудовой внутренней миграции среди граждан ЕС, то получим отрицательную динамику в более чем 2,5 раза [3, с. 136].

Это говорит о том, что условия привлекательности российских рынков труда, условий осуществления трудовой деятельности для высококвалифицированных кадров, равно как и для представителей рабочих специальностей, размер заработной платы, по-прежнему, находятся на гораздо более низком уровне гарантированности и безопасности, чем в европейских странах, что для многих трудовых мигрантов является решающим фактором при выборе страны, в которой они планируют найти работу, порой даже не соответствующую их образованию и опыту работы.

Безусловно, что за годы реализации концепции развития миграционной политики, начиная с 2012 года, статистический анализ подтвердит, произошедшую за счет увеличения миграционных потоков в Российскую Федерацию, компенсацию естественной убыли населения, но не решенными остаются проблемы аметрии в распределении трудовых ресурсов по регионам, отсутствия единой программы координации деятельности федеральных и региональных властей по включению трудовых мигрантов в экономические реалии того или иного региона, остро стоит вопрос занятости высококвалифицированных кадров в различных областях экономики, максимального использования их потенциала, особенно в условиях жесткой необходимости в быстром развитии самодостаточных высокотехнологичных производств, химической, фармакологической и иных сферах.

Все эти нерешенные задачи требуется учитывать при актуализации положений действующей концепции развития миграционной политики РФ на 2023-2025 годы.

Обозначенная в отчетности ФМС положительная динамика во внутренней миграции тоже имеет определенную двойственность в своей сути. Не стоит оспаривать тот факт, что число граждан РФ, принявших принцип совмещения поиска работы и возможной, в связи с этим обстоятельством, смены места жительства за естественный фактор успешности карьеры, за последние 10 лет в разы выросло. Но, этот фактор, в большинстве своем, реально работает только в случае, когда речь идет о переезде в Москву или Санкт-Петербург из других регионов. Такие предложения, связанные с работой, востребованы как среди коренного населения, так и в среде иностранных граждан, ищущих работу в России легально или нелегально. Актуальность же регионов Зауралья, Сибири, Дальнего Востока, все еще остается крайне низкой, притом, что речь идет об огромных территориях, большом числе городов и сел.

Одним из действенных изменений в миграционной политике последнего десятилетия стало существенное снижение числа иностранных лиц, незаконно находящихся в Российской Федерации, то есть уменьшения процента нелегальных мигрантов в РФ. Это стало возможно благодаря нововведениям в процедуре получения российского гражданства, ряда изменений в правовом статусе иностранных граждан, осуществляющих в РФ трудовую деятельность, смещения вектора властного воздействия с ФМС на МВД и ФСБ⁵.

На наш взгляд, это давно ожидаемые и эффективные меры должны в дальнейшем быть поддержаны необходимыми законодательными нормами, направленными на регулирование пробелов в области уголовной ответственности для иностранных граждан, совершивших правонарушения на территории РФ, расширению оперативных полномочий правоохранительных органов по контролю и пресечению противоправных действий со стороны трудовых мигрантов в связи с реальными угрозами национальной безопасности России, повышенному риску совершения на нашей территории террористических и экстремистских актов, подстрекательской деятельности, разжигания межнациональной розни.

Нужно отметить, что в концепте развития миграционной политики акцентируется внимание на дальнейшем совершенствовании механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции.

Такая постановка задачи означает, что принятые и работающие в течение длительного периода методы борьбы с коррупционной составляющей в этой сфере, неэффективны и должны быть изменены с учетом существующих пробелов в российском законодательстве.

Коррупция в органах власти, занимающихся вопросами миграционных потоков, формируется на почве несовершенства законодательства, но борьба с ней требует изменения не только правовой базы, но и подхода в пресечении незаконной деятельности лиц, занимающихся организацией прибытия незаконных мигрантов на территорию России из стран

4 Федеральный закон Российской Федерации от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.

5 Официальные статистические данные - Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации на ноябрь-декабрь 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/>.

СНГ, в усилении контроля за работодателями, использующими труд иностранных граждан.

Одним из действенных методов преодоления коррупционной составляющей в работе государственных органов власти, по нашему мнению, станет проводимая во многих сферах государственной деятельности цифровизация документооборота, повышение прозрачности административных процедур и снижения вероятности принятия необоснованных решений.

Несомненно, борьба с коррупцией в органах власти не будет эффективной без активизации участия в ней гражданских институтов. Деятельность общественных организаций, граждан по выявлению нарушений миграционного, трудового законодательства — это основополагающая составляющая успешного пресечения незаконных действий со стороны чиновников, предпринимателей, сотрудников фирм и иных акторов данных правоотношений.

В рамках нашего научного исследования мы неоднократно говорили о необходимости коррекции полномочий служб и ведомств, занимающихся управлением миграционными процессами. Учитывая, что за прошедшие 5 лет произошли сокращения штатов как в Федеральной Миграционной службе, так и в структурах МВД, целесообразно сфокусировать полномочия в области миграционной политики в рамках специально сформированной структуры, включенной в состав МВД РФ, которая сможет осуществлять оперативно-розыскную деятельность в этой сфере в полной мере.

Сегодняшнее положение того же ФМС ограничивается, по сути, паспортно-визовой деятельностью, численность сотрудников не позволяет решать какие-либо иные вопросы, связанные с положением работников из числа мигрантов. С нашей точки зрения, следует расширить полномочия и увеличить штат сотрудников ФМС для проведения мероприятий по контролю за соблюдением физическими и юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями законодательства в сфере трудовой миграции. Часть же нынешних полномочий миграционной службы перевести в ведение исполнительных органов власти субъектов РФ, которые должны самостоятельно формировать квоты, необходимых им трудовых ресурсов, как за счет внутренней миграции, так и из иностранных граждан, заинтересованных в получении работы.

На сегодняшний день, можно с уверенностью констатировать произошедшее за десятилетие реализации принятой концепции развития миграционной политики РФ усиление мер поддержки для такой категории иностранных граждан, находящихся на территории России в качестве трудовых мигрантов, как «носители русского языка» и, это позволило значительно повысить число лиц, изменивших свой правовой статус и подавших заявление на прием в российское гражданство, а следовательно мы получили поступательное увеличение численности трудоспособного населения уже в категории граждан.

Началось, пусть и не слишком активно, но все-таки устойчиво, снижаться число незаконно находящихся на территории РФ иностранных граждан, работающих на российский средний и малый бизнес, фактически, вне правового поля, и мы можем говорить, что происходящее выравнивание ситуации с численностью трудоспособного населения в России способствует решению такой острой проблемы как «старение» населения в целом.

Самое главное, что начало происходить с 2018 года в сфере регулирования миграционных потоков как внутри

страны, так и в управлении внешними миграционными потоками — это выстраивание логической последовательности в законодательных изменениях и последующих инициативах, исходящих не только от Президента и Правительства, но и от региональных властей и общественных организаций.

Решение стоящих на сегодняшний день перед Россией задач в сфере миграционной политики является условием успешности и самодостаточности российской экономики в существующих обстоятельствах, диктуемых внешнеполитическими изменениями и угрозами национальному суверенитету и безопасности страны.

Пристатейный библиографический список

1. Амирова Д. Р., Храмова А. И. Регулирование миграционных процессов как фактор обеспечения национальной безопасности страны // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69052> (дата обращения: 23.12.2022).
2. Брик А. Д. Миграционное право: проблемы становления как отрасли российского права // Юристы-Правоведь. - 2008. - № 2. - С. 110-114.
3. Зраева И. М., Лаптев В. И. Проблемы правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Вестник Брянского государственного университета. - 2019. - № 3. - С. 136-141.

УСТИНОВА Оксана Вячеславовна

кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

В статье представлены результаты анкетных опросов, проводимых в сельских поселениях юга Тюменской области на протяжении последних девяти лет учеными Тюменского индустриального университета. Результаты исследований подтверждают, что в исследованных районах на протяжении всех лет исследований сохраняются позитивные настроения у населения, что сказывается на социальном самочувствии сельских жителей.

Ключевые слова: Тюменская область, сельские поселения, сельские жители, ожидания и потребности населения, социальное самочувствие.

USTINOVA Oxana Vyacheslavovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University

SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION OF RURAL SETTLEMENTS

The article presents the results of questionnaire surveys conducted in rural settlements in the south of the Tyumen region over the past nine years by scientists from the Tyumen Industrial University. The results of the research confirm that in the studied areas, throughout the years of research, positive moods among the population remain, which affects the social well-being of rural residents.

Keywords: Tyumen region, rural settlements, rural residents, expectations and needs of the population, social well-being.

Введение

Тюменская область - быстроразвивающийся многонациональный регион России, который на протяжении последних лет занимает лидирующие позиции в социально-экономическом развитии страны. Регион привлекателен для трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и др., что не выступает фактором, вызывающим социальную напряженность в регионе, а эффективная государственная политика является залогом стабильности его развития.

В 2022 году общественно-политическая ситуация во многом определялась специальной военной операцией, проводимой РФ по защите жителей ЛНР и ДНР. Более того, после проведенного референдума Президент 30 сентября 2022 года подписал вместе с руководителями ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей договоры о вхождении в состав РФ. Сейчас в России четыре новых субъекта: ЛНР, ДНР, Запорожская и Херсонская области, которые сохраняют свой статус и на территории которых государственным языком стал русский язык. Таким образом, грамотная государственная политика является важным и необходимым условием стабильного развития новых регионов и страны в целом.

Проведение социологического мониторинга общественного мнения позволяет оперативно получать достоверную научную информацию, которая помогает принимать своевременные управленческие решения для развития сельских поселений; выяснять специфику гражданского общества в Тюменском регионе в целом и в муниципальных районах в частности. На региональном уровне ученые Тюменского индустриального университета в 26 муниципальных районах юга Тюменской области начиная с 2013 года (руководитель д.социол.н., профессор ТИУ Хайруллина Н.Г.) [1], [2], [3], [4] проводят социологические исследования.

Методика исследования

Исследование проводилось количественным методом путем проведения массового анкетного опроса населения сельских поселений муниципальных районов юга Тюменской области. В исследовании используется квотный тип выборки, представляющий собой микромодель изучаемого

объекта. Данная выборка формируется на основе статистических сведений (параметров квот) о социально-демографических характеристиках элементов генеральной совокупности. Объем выборочной совокупности у нас составил 300 респондентов.

Результаты

Сравнительный анализ результатов проведенных в сельских поселениях анкетных опросов начнем с ответов респондентов на вопросы анкеты, который включает индикаторы социального самочувствия. Первым индикатором выступают ответы на вопрос, устраивает ли жизнь, которую респонденты ведут сегодня. Более чем две трети опрошенных весной и осенью 2022 г. жителей в целом удовлетворены своей жизнью. При этом каждый второй житель отчасти удовлетворен, отчасти не удовлетворен своей жизнью. Несмотря на это, в районах на протяжении всех лет исследований, по данным опросов, сохраняются позитивные настроения у населения, что сказывается на социальном самочувствии жителей.

Большинство опрошенных сельских поселений в целом положительно оценивают свое материальное положение. Отметим, что каждый второй житель свое материальное положение оценили как очень хорошее и хорошее. Плохим материальное положение назвали своей семьи треть опрошенных. Очень плохим свое материальное положение оценил каждый десятый жителей сельских поселений. Отметим, что в 2022 г. в целом в ответах респондентов не выявлено значительного роста негативных самооценок в материальном положении жителей исследуемых районов.

Как изменилось материальное положение респондентов и их семей за последний год? Небольшие и заметные перемены к лучшему произошли, согласно полученным ответам, у более трети жителей. При этом от 40 до 82,0 % опрошенных респондентов признались, что никаких перемен не произошло. Об ухудшении своего материального положения за последний год сообщил каждый третий респондент.

Выявленная стабильность прослеживается и в ответах на следующие два вопроса. Так, на вопрос «Как бы Вы оценили нынешнее социально-экономическое положение в регионе в целом?» большинство опрошенных оценили как хорошее (от

20,0 до 84,0 %) и очень хорошее (от 8,0 до 50,0 %). При этом каждый второй оценил его как среднее, а каждый десятый как плохое. Негативные оценки отсутствуют в ответах жителей остальных сельских поселений.

Общение в ходе интервью с участниками опроса позволило сформировать представление о том, что жителей сельских поселений больше интересуют социальные проблемы своей «малой Родины» и для них вопросы развития Тюменского региона не имеют большого значения. Жители районных центров чаще выезжают в Тюмень, имеют возможность проводить оценки в своей профессиональной деятельности, что позволяет высказывать им отличные от сельчан оценки. В целом позитивная оценка сохраняется в ответах респондентов на протяжении всех лет исследований.

Анализ ответов на вопрос «Как изменилось социально-экономическое положение в районе/поселении за последний год?» показал, что позитивные оценки преобладают над негативными оценками. Так, по мнению более половины жителей сельских поселений в социально-экономическом положении их населенного пункта за последний год произошли заметные и небольшие перемены к лучшему. При этом каждый третий житель признался, что в социально-экономическом положении поселения произошли заметные и небольшие перемены к худшему. При этом от 32,0 до 72,0 % жителей других поселений считают, что никаких перемен не произошло.

В ходе опроса в сельских поселениях участники опроса поделились о произошедших изменениях в социально-экономическом положении. Например, жители удовлетворены обустройством детской площадки, проведенным во многие дома водопроводом, хорошей связью и хорошей скоростью интернета. Безусловно там есть определённые трудности, как и в других сельских поселениях: работы нет в достаточном количестве для молодёжи, поэтому в населённых пунктах больше проживают представители пенсионного возраста. Многие из них ведут активный образ жизни, собираются в клубе. Большой проблемой является работа фельдшерско-акушерских пунктов, не всегда сотрудники проявляют компетентность, это очень часто отмечалось в ходе опроса жителями сельских поселений. По их мнению, специалисты есть, но уровень квалификации многих жителей не устраивает. Они вынуждены искать медицинскую помощь в Тюмени, Ишиме, даже в Сургуте, а это дополнительные затраты. Жителям других сельских поселений еще сложнее, они могут приехать в районный центр, а там сталкиваются с некомпетентными специалистами. Некоторые жители отмечают на отсутствие возможности купить необходимые лекарственные препараты в своем сельском поселении, поэтому часто ездят в районный центр, а это дополнительные расходы.

Некоторые жители высказывают нарекания качеству дорог, отсутствию тротуаров. Как было отмечено выше, основной проблемой, по мнению жителей всех поселений, остается нехватка рабочих мест для молодёжи, которая вынуждена уезжать на работу в Тюмень или на Север. Поэтому в деревнях много пенсионеров. Несмотря на это, сельчане надеются на повышение зарплат и пенсий, поскольку цены в магазинах постоянно повышаются. Причём рост не в пользу заработной платы и пенсий.

Отдельно рассмотрим оценки жителей по отношению к различным сторонам их жизнедеятельности. Полученные оценки позволяют респондентов условно разделить на три категории: жители с активной жизненной позицией, пессимистически настроенные, их примерно равное число, а также на жителей с нейтральной позицией. Жители с нейтральной позицией в целом удовлетворены своей жизнью, поскольку имеют стабильный источник дохода, позволяющий им в целом оценивать свое материальное положение как хорошие и хорошее, а также быть удовлетворенными своей жизнью. Эта категория жителей не задействована в социальной жизни

района, поэтому на вопрос, какими формами общественной работы они задействованы, как правило, отвечают, что ни в каких мероприятиях участия не принимают.

Напротив, жители с активной и пассивной жизненной позициями, принимают участие в общественной жизни. Они в целом удовлетворены деятельностью органов власти Тюменской области по созданию благоприятных условий для реализации социальных инициатив граждан. При этом у них отличаются оценки материального положения и удовлетворённости в целом своей жизнью. Так, пессимистически настроенные жители не удовлетворены в целом уровнем материального положения своей семьи, а также жизнью, которую они сегодня ведут. Характеризуют свое материальное положение оценкой «плохое», а уровень жизни – «не удовлетворён или отчасти удовлетворён, отчасти не удовлетворён». Характеризуя социально-экономическое положение в районе, респонденты с активной жизненной позицией, отмечают в целом позитивные изменения, они считают, что произошедшие изменения либо незначительны, либо заметны в значительной степени. При этом обосновывают свои оценки такими ответами, как, например, «в центральной части районного центра обустраиваются общественные пространства, появилось освещение, красивые фонари, асфальтируются дороги». Жители, у которых сформировалась пессимистическая жизненная позиция, согласны с тем, что в центральной части районного центра произошли позитивные изменения, но они не затрагивают изменений на окраинах районного центра, где на отдельных улицах нет тротуаров, отсутствует освещение, качественные дороги и пр.

Заключение. Несмотря на выявленные особенности, данные мониторинговых исследований показывают, что ситуация в исследуемых районах остается позитивной и за последние годы ухудшения ситуации в социальном самочувствии сельских жителей не выявлено.

Приставленный библиографический список

1. Ковров В. Ф., Кинчагулова М. В. Влияние пандемии на общественно-политическую ситуацию: оценки сельских жителей // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 7 (158). - С. 471-472.
2. Хайруллина Н. Г. Российское гражданское общество: региональный аспект // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 375-376.
3. Хайруллина Н. Г. Сельское сообщество о социально-экономической ситуации в современных условиях // Koipon. - 2022. - Т. 3. - № 2. - С. 204-214.
4. Хайруллина Н. Г. Роль социологических исследований в деятельности глав сельских поселений / В сборнике: Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура. Сборник научных трудов. Научный редактор Т. И. Грабельных. - Иркутск, 2022. - С. 136-138.

ЯКУПОВА Гульнара Айдаровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАБДРАХМАНОВА Лиана Нильевна

кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ВАЛИТОВА Ника Эдуардовна

кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович

кандидат философских наук, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

МИНКОВИЧ Александр Михайлович

магистрант Уфимского университета науки и технологий

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ БЛОГОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье изучено состояние блогосферы в России и ее правовое регулирование, дается анализ статистики по активности аудитории в сети-Интернет, оценены темпы развития Интернет-коммуникаций в современной России. Делается вывод о недостатках и преимуществах блоггинга как феномена в системе массовых коммуникаций и разграничиваются понятия «журналист» и «блоггер».

Ключевые слова: блоги, журналисты, интернет коммуникация, блогосфера, СМИ, аудитория.

YAKUPOVA Gulnara Aidarovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GABDRAKHMANOVA Liana Nilevna

Ph.D. in political science, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

VALITOVA Nika Eduardovna

Ph.D. in political science, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GAREEV Eduard Sagidulloevich

Ph.D. in philosophical science, professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

MINKOVICH Alexander Mikhaylovich

magister student of the Ufa University of Science and Technology

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF THE BLOGOSPHERE IN MODERN RUSSIA

The article examines the state of the blogosphere in Russia and its legal regulation, analyzes statistics on the activity of the audience on the Internet, estimates the pace of development of Internet communications in modern Russia. The conclusion is made about the disadvantages and advantages of blogging as a phenomenon in the mass communications system and the concepts of "journalist" and "blogger" are distinguished.

Keywords: blogs, journalists, Internet communication.

Невозможно недооценить роль коммуникации в современном мире. Она охватывает все сферы жизнедеятельности человека и его повседневно бытовую жизнь.

Коммуникация стала трансграничной, благодаря Интернет-технологиям, который создали условия для появления нового коммуникативного пространства, в котором может находиться человек вне зависимости от своего географического положения.

На основании своей трансграничности Интернет стал выполнять социально-креативную функцию, другими словами мы видим формирование новейших общностей, обладающих единой информационной базой и общими ценностно-нормативными регуляторами. Общая направленность развития средств распространения информации состоит в утверждении гетерархического (горизонтального, равноправного) порядка на месте иерархического (вертикального,

с доминированием одного из субъектов общения). Происходит переход от односторонней к двухсторонней модели коммуникации, когда любой пользователь в Сети является и потребителем информации, и также ее источником. Коммуникационные процессы в блогосфере могут осуществляться в нескольких вариантах: блогер-блогер, блогер-читатель, читатель-читатель. Преимущества блога – это возможность осуществлять сразу как межличностную, так и массовую коммуникации, при этом первая будет более результативная, хоть и опосредованная компьютером и менее целенаправленная. Личное воздействие даже на случайного пользователя способно ослабить механизмы избирательного восприятия информации и снизить критичность мышления, что приведет к увеличению эффективности сообщения.

Владельцы блогов не стараются причислить себя к средствам массовой информации, чтобы избежать действия зако-

на о СМИ, тогда как сами СМИ склонны сравнивать блогеров с журналистами ввиду совпадения ряда традиционных функций и стадий производства и распространения информации. Однако, авторы статьи считают, что профессиональная журналистика – это обязательства и ответственность, а не просто право высказывать свое мнение. Человек, который не отвечает требованиям профессии, не может быть журналистом. Также нельзя забывать, что отношения журналиста, редакции и журналистских произведений определены законом.

Блоггерство доступно любому, кто владеет речевыми навыками и навыками письма. Можно сказать, что блог соединяет автора и аудиторию, становится площадкой, где можно говорить, слушать и отвечать. Подписчики, как правило, ведут свой блог и в любой момент могут самостоятельно организовывать собственный поток информации. Благодаря отсутствию входных барьеров социальный портрет аудитории и авторов блогов – это уменьшенная проекция социального портрета общества в России. По данным статистики в России существует 7,5 млн блогов. Население России – 146 млн человек. Таким образом, примерно каждый 19-й россиянин ведет блог. Авторам блогов в России в основном 18-45 лет, «среднему» блоггеру – 25-30 лет [1].

Как правило, блоггер – это индивидуальный коммуникатор, который говорит от своего лица, кроме случаев, когда блог ведет компания, где содержание будет наполняться в зависимости от ее интересов.

Сегодня есть огромное количество блогов, которые достаточно сложно квалифицировать по какому-то единому типу. По классификации П. Протасова, мы можем выделить следующие виды исходя из наполняемости контента [2]:

1. Блоги развлекательного характера с коллективным авторством.

2. Специализированные блоги, занимающиеся оценкой и интерпретацией для своей аудитории неких событий и сообщений СМИ.

3. Блоги знаменитостей, которые можно сравнить с «желтой» прессой по информационной наполненности.

4. Разъяснительные или тематические блоги.

Несмотря на стремительно растущую популярность блогосферы, в России, в отличие от США, блог не приравнивается к средствам массовой информации. Однако, любой дееспособный гражданин, достигший 18-ти летнего возраста и не отбывающий срок в местах лишения свободы, вправе зарегистрировать электронный дневник в качестве СМИ. В 2008 году со стороны Российского законодательства предпринималась попытка обязательной регистрации блогов с аудиторией более тысячи человек как средства массовой информации, а в 2014 году был принят «Закон о блогерах», который обязывает обладателей интернет-ресурса (сайта, блога) с аудиторией выше 3000 человек регистрироваться в Роскомнадзоре [3, 4]. Однако, данные законопроекты потерпели фиаско и в 2017 году из законодательства было изъято само понятие «блоггер», в результате чего появились пробелы в регулировании размещения рекламы в блогосфере, а также отношений блогеров с администраторами социальных сетей.

В современном мире ведутся частые дискуссии о пользе и вреде блогосферы. К явным достоинствам блогов можно отнести:

1. Получение быстрой и доступной информации.

2. Возможность находить собеседников по своему вкусу и интересам.

В эпоху коронавирусной эпидемии это стало одним из основных преимуществ блогосферы для одиноких людей, которые в одночасье лишились социальных контактов и могли использовать интернет-пространство для снижения социальной дистанцированности.

3. Заработок. Популярные блоги позволяют получать стабильный заработок с минимальными вложениями.

4. Саморазвитие и самовыражение через посты, опубликованные в

блоге, что способствует улучшению психического состояния пользователя.

Одним из недостатков блогов часто называют ограниченность аудитории, однако, судя по последним тенденциям, мы можем наблюдать активный рост количества пользователей в России. Так, на начало 2020 года интернет аудитория составила 87 млн. человек, а это на 3 млн. больше чем год назад [1]. Аудитория блогов имеет непосредственную связь с интеллектуальной и политической элитой и способна служить мощным ретранслятором информации, поэтому многие журналисты, пишущие по общественно-политической тематике, имеют аккаунты в социальных сетях.

К недостаткам блогинга можно отнести манипуляцию общественным мнением, призыв к определенным действиям, блоги, которые несут отрицательную информацию в общество, провоцируют людей на какие-то преступления или другие девиации.

Следующим недостатком является потеря большого количества времени, но при условии, что пользователь заинтересован не в получении качественной и полезной информации, а проводит время бесцельно, поглощая ненужный контент.

Роль блогов в современном обществе так же важна и масштабна, как и роль традиционных средств массовой информации, но нельзя забывать, что блогосфера – это специфическое и самостоятельное средство производства и передачи информации в системе массовых коммуникации. В отличие от традиционных СМИ, в блоге автор и аудитория не автономные субъекты, они объединены. В то время, как традиционные методы подачи информации массовыми каналами и способы организации обратной связи с аудиторией устаревают, а уровень технической и гуманитарной грамотности общества растет, возникают новые механизмы массовой коммуникации.

Рассмотрев достоинства и недостатки блогинга, мы можем заключить, что ведение блогов – это особый вид социальной коммуникации, который на сегодняшний день необходим обществу в рамках глобализационных процессов, он создает огромные возможности для журналистов получать и распространять информацию вне времени и пространстве. С другой стороны, манипуляция общественным сознанием и практически нерегулируемая законодательством блогосфера, может стать камнем преткновения между обществом и государством, что приведет к необратимым последствиям.

Пристатейный библиографический список

1. Данные статистики Technorati.com: State of the Blogosphere. 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://technorati.com/blogging/state-of-the-blogosphere/>, Яндекс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blogs.yandex.ru> и Interworldstats.com. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm>.
2. Пак Е. М. Блоги в системе творческой деятельности журналиста // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 9. Вып. 2. С. 283.
3. Баранова М. В., Фотиева И. В. Блогосфера в системе массовой коммуникации России и США: тематическое поле и социальные функции. Медиаисследования. 2015. № 2. 123 с.
4. Гареев Э. С., Валитова Н. Э., Галиев Г. Т., Гимаев Г. З., Патрушев В. И. Человек и общество: проблемы социальной технологии. Уфа, 2017.
5. Валитова Н. Э., Габдрахманова Л. Н., Гареев Э. С., Черемискин А. А., Якупова Г. А. Коммуникационное взаимодействие органов власти со средствами массовой информации // Казанская наука. 2020. № 12. С. 38-40.

ГРИН Даниил Михайлович

аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КОРРУПЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

В статье раскрывается реальное положение экономики Российской Федерации. Авторы показывают негативное влияние коррупции на экономическую деятельность и экономику в целом. Подчеркнута необходимость противодействия взяточничеству, также упоминается коммерческий подкуп.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, коммерческий подкуп, экономическая деятельность.

GRIN Daniil Mikhaylovich

postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation

STUDY ON CORRUPTION EFFECTS ON THE RUSSIAN ECONOMIC GROWTH

The article reveals the real situation of the economy of the Russian Federation. The authors show the negative impact of corruption on economic activity and the economy as a whole. The need to counter bribery is emphasized and commercial bribery is also mentioned.

Keywords: corruption, bribery, commercial bribery, economic activities.

В настоящее время экономика Российской Федерации входит в десятку худших в мире, наряду с Венесуэлой, Бразилией и Грецией. Некоторые формулировки коррупционных правонарушений особенно пагубно сказываются на «здоровье экономики»; прежде всего к ним относится коммерческий подкуп лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях. Данное преступление не только нарушает установленный порядок несения службы в коммерческих и иных организациях, причиняет им организационный, имущественный и иной вред, но и представляет угрозу для правоприменителей, интересы других хозяйствующих субъектов, общества и государства в целом.

Следует отметить, что особую тревогу вызывает транснациональная коррупция, проникающая в высшие эшелоны власти страны, государственные корпорации и организации, а также бюджетобразующие предприятия. Она может выступать как механизм давления на политические и экономические процессы в стране, поскольку во все времена есть руководители, которые, получив неправомерное денежное вознаграждение, готовы пренебречь государственными интересами или служебными обязанностями в коммерческих и иных организациях.

Проведем исследование, подберем необходимые данные, связанные с влиянием коррупции на экономический рост России. Для изучения влияния коррупции на российскую экономику мы создадим экономическую модель и проведем ряд тестов на данных, чтобы проверить ее правильность. Методы включают в себя:

- Анализ графика рассеяния
- Корреляционный анализ
- Линейный регрессионный анализ
- Критерий R-квадрата
- тест Фишера
- Студенческий тест
- GQ-тест (тест на гомоскедастичность)
- DW-тест (тест на остатки)
- Проверка доверительного интервала
- Адекватность модели
- Прогнозирование

Если рассматривать статистические данные, мы будем в первую очередь использовать данные Группы Всемирного банка. Мы построим линейную эконометрическую систему, в которой будет задействована одна экзогенная переменная и несколько эндогенных.

В качестве экзогенных мы используем темпы роста российской экономики.

Для эндогенных мы используем следующие наборы данных:

- Индекс восприятия коррупции – X1 Индекс восприятия коррупции (CPI) – это индекс, ежегодно публикуемый Transparency International с 1995 года, который ранжирует страны «по воспринимаемому ими уровню коррупции в государственном секторе, определяемому экспертными оценками и опросами общественного мнения».

- Заявок на товарные знаки, всего – X2 – Эта переменная объясняет, сколько заявок на товарные знаки подается каждый год в России.

- Рейтинг ведения бизнеса – X3 – Доклад о ведении бизнеса (DB) представляет собой отчет, начатый Симеоном Дьянковым и ежегодно разрабатываемый Группой Всемирного банка с 2003 года и предназначенный для измерения затрат фирм на регулирование бизнеса в 190 странах.

- Кредитный рейтинг Moody's (от 1 до 10) – X4 – Кредитный рейтинг представляет собой высококонцентрированную отрасль, в которой два крупнейших рейтинговых агентства – Moody's Investors Service и Standard & Poor's – занимают примерно 80 % мирового рынка, а кредитная «большая тройка» рейтинговых агентств – Moody's, S&P и Fitch Ratings – контролируют примерно 95 % рейтингового бизнеса. (См. табл. 1.)

По собранной статистике мы можем построить первую эконометрическую модель. Для выполнения этого шага мы используем MS Excel и строим таблицу, где каждый столбец соответствует переменной, а каждая строка содержит значения переменной в соответствующем году. (См. табл. 1.1.)

Проанализировав исходный набор данных, сформулируем следующую систему уравнений, состоящую из трех уравнений, а именно

$$\bullet Y1t = a0 + a1X1t + a2X2t + a3X3t + a4X4t + e1t$$

Таблица 1. Массив данных

Year	GDP growth (annual %) - Y	Corruption Perception Index - X1	Trademark applications, total - X2	Doing business rating - X3	Moody's credit rating (from 1 to 10) - X4
1990	-3.00	61	5610	123	2
1991	-5.05	60	5780	121	2
1992	-14.53	58	10250	132	2
1993	-8.67	58	13230	125	2
1994	-12.57	56	19850	128	3
1995	-4.14	55	25592	129	3
1996	-3.60	52	22871	122	4
1997	1.40	50	20578	119	4
1998	-5.30	51	23527	109	4
1999	6.40	59	26826	124	1
2000	10.00	57	27674	125	2
2001	5.09	51	28339	135	3
2002	4.74	50	42840	135	3
2003	7.30	49	52287	129	3
2004	7.18	47	43115	115	4
2005	6.38	45	34886	111	5
2006	8.15	42	41345	109	6
2007	8.54	40	45945	115	6
2008	5.25	41	50926	111	6
2009	-7.82	38	56187	111	7
2010	4.50	37	55632	124	7
2011	5.28	35	47539	120	7
2012	3.66	35	56070	111	7
2013	1.79	34	58334	92	7
2014	0.74	34	62206	54	4
2015	-2.83	35	63016	36	3
2016	-0.22	35	60545	40	4
2017	1.55	30	58625	35	5
2018	1.20	29	65822	31	5

Таблица 1.1

	GDP growth (annual %)	Corruption Perception Index	Trademark applications, total	Doing business rating	Moody's credit rating (from 1 to 10)
GDP growth	1				
Corruption P	-0.30789629	1			
Trademark a	0.420557665	-0.926423677	1		
Doing busine	-0.004780794	0.716908454	-0.652615158	1	
Moody's cred	0.293848482	-0.77738245	0.647984604	-0.194692426	1

Используя пакет инструментов анализа данных (регрессия), мы получаем первые три результата регрессии и анализа, которые мы используем для построения исходной формы. (См. табл. 2.)

Мы проведем ряд тестов, чтобы проверить, как именно работает модель и достаточно ли она адекватна и точна для практического использования.

$$\{Y_t = -2.80 - 0.328(X1) + 0.00023 \times (X2) + 0.146(X3) - 1.42(X4) + \varepsilon_t(40.60)(0.77)(0.00001)(0.1)(2.09)(-0.06)(-2.43)(2.22)(2.42)(-0.68)R^2 = 0.82; F = 2.87t_{crit} = 2.06; F_{crit} = 2.77df1 = 4; df2 = 24; df = 28$$

- Увеличение прочих факторов на 1% приведет к снижению расходов на 2,80 ед. в Y
- Увеличение X1 на 1 % приведет к уменьшению Y на 0,328 единицы.
- Увеличение X2 на 1 % приведет к увеличению Y на 0,00002 единицы.
- Увеличение X3 на 1 % приведет к уменьшению Y на 0,14 единицы.
- Увеличение X4 на 1 % приведет к уменьшению Y на 1,43 единицы.

Первый тест, который мы выполним, — это тест R-квadrата или Fit-тест, который определяет процент выборки, объясненной моделью. В нашем случае, как показано на рисунке 3, значение R-квadrата равно 0,82. В целом все, что выше 0,75, считается удовлетворительным для теоретической модели. Некоторые другие источники утверждают, что 0,7 является начальным порогом. В любом случае, дело в том,

что исследование следует продолжить, потому что значение R-квadrата намного выше первого возможного значения.

Второй тест, который мы проведем, — это F-тест, который определяет, достаточно ли надежна модель для правильного функционирования. Мы получаем значение через функцию $F_{inv.rt}$, выбираем доверительный уровень 0,05 и вводим степени свободы, найденные в нашей модели. Как

Таблица 2. Вывод регрессии для Y1t

SUMMARY OUTPUT						
<i>Regression Statistics</i>						
Multiple R	0.5689673					
R Square	0.82372378					
Adjusted R Square	0.81101108					
Standard Error	0.72497653					
Observations	29					
Model is statistically significant						
ANOVA						
	df	SS	MS	F	Significance F	
Regression	4	376.538301	94.1345752	2.87211448	0.0447019	
Residual	24	786.60855	32.7753562			
Total	28	1163.14685				
	<i>Coefficients</i>	<i>Standard Error</i>	<i>t Stat</i>	<i>P-value</i>	<i>Lower 95%</i>	<i>Upper 95%</i>
Intercept	-2.8055849	40.6020741	-0.0690995	0.94548289	-86.604147	80.9929774
Corruption Perception	-0.3287779	0.7721479	-2.4257965	0.00740504	-1.9224128	1.26485705
Trademark applications	0.00023549	0.00019258	2.222793	0.03328019	-0.000162	0.00063296
Doing business rating	0.14546357	0.1020113	2.42595547	0.01667597	-0.0650774	0.35600455
Moody's credit rating	-1.4354092	2.09969962	-0.683626	0.50075891	-5.7689763	2.89815779
			2.06389856			
			Discard X4			

показано в таблице, все случаи F-теста демонстрируют, что все модели статистически жизнеспособны.

Третий тест, который мы проведем, — это t-тест, который определяет значимость переменных, участвующих в модели. Мы используем функцию $t.inv.2t$ с доверительной вероятностью 0,05, значение t_{crit} равно 2,06. Теперь сравним значения t-stat, приведенные в таблице регрессионного анализа. В этом случае мы отбрасываем ряд переменных, которые не выделены зеленым цветом. (См. табл. 3 и 4.)

Теперь построим выполнение того же набора тестов для модели без реальной процентной ставки. Значение R-квадрата остается приемлемым и составляет 81 %, в то время как F увеличилось до 3,75 соответственно. Модель по-прежнему статистически значима; следовательно, это не имеет значения с точки зрения того, как значение F. В t-тесте для этой модели больше не отбрасываются никакие переменные, поскольку все его абсолютные значения больше, чем значение t.stat.

Окончательная модель, которую мы получаем, имеет не более 3 экзогенных переменных, однако это не проблема, поскольку мы можем продолжить работу над моделью.

Теперь нам нужно провести тесты, которые подтвердят, что наша модель не использует никаких искаженных коэффициентов, а именно GQ-тест и DW-тест.

Тест Гольдфельда-Кванда используется для проверки того, являются ли остатки, рассчитанные в модели, гомоскедастическими, что повышает точность модели. Чтобы выполнить этот тест, нам нужно использовать остаточный вывод, сгенерированный надстройкой, или просто рассчитать его вручную. Мы отказываемся от второго метода, сортируя наши переменные от наименьшего к наибольшему и выполняя отдельную регрессию для первого и третьего 33 % выборки. Мы делим остаточные суммы квадратов для обеих

Таблица 3. Итоговый режим для Y1t

Year	GDP growth (annual %) - Y	Corruption Perception Index - X1	Trademark applications, total - X2	Doing business rating - X3
1990	-3.00	61	5610	123
1991	-5.05	60	5780	121
1992	-14.53	58	10250	132
1993	-8.67	58	13230	125
1994	-12.57	56	19850	128
1995	-4.14	55	25592	129
1996	-3.60	52	22871	122
1997	1.40	50	20578	119
1998	-5.30	51	23527	109
1999	6.40	59	26826	124
2000	10.00	57	27674	125
2001	5.09	51	28339	135
2002	4.74	50	42840	135
2003	7.30	49	52287	129
2004	7.18	47	43115	115
2005	6.38	45	34886	111
2006	8.15	42	41345	109
2007	8.54	40	45945	115
2008	5.25	41	50926	111
2009	-7.82	38	56187	111
2010	4.50	37	55632	124
2011	5.28	35	47539	120
2012	3.66	35	56070	111
2013	1.79	34	58334	92
2014	0.74	34	62206	54
2015	-2.83	35	63016	36
2016	-0.22	35	60545	40
2017	1.55	30	58625	35
2018	1.20	29	65822	31

регрессий, чтобы получить GQ1 и GQ2. (Отсортированный набор данных и данные регрессионного анализа можно найти в приложении).

Теперь построим выполнение того же набора тестов для модели без реальной процентной ставки. Значение R-квадрата остается приемлемым и составляет 81 %, в то время как F увеличилось до 3,75 соответственно. Модель по-прежнему статистически значима; следовательно, это не имеет значения с точки зрения того, как значение F. В t-тесте для этой модели больше не отбрасываются никакие переменные, поскольку все его абсолютные значения больше, чем значение t.stat.

Окончательная модель, которую мы получаем, имеет не более 3 экзогенных переменных, однако это не проблема, поскольку мы можем продолжить работу над моделью.

Теперь нам нужно провести тесты, которые подтвердят, что наша модель не использует никаких искаженных коэффициентов, а именно GQ-тест и DW-тест.

Тест Гольдфельда-Кванда используется для проверки того, являются ли остатки, рассчитанные в модели, гомоскедастическими, что повышает точность модели. Чтобы выполнить этот тест, нам нужно использовать остаточный вывод, сгенерированный надстройкой, или просто рассчитать его вручную.

Таблица 4. Выходные данные регрессии для Y1t

SUMMARY OUTPUT									
Regression Statistics									
Multiple R	0.5572745								
R Square	0.81055487								
Adjusted R Square	0.72782145								
Standard Error	0.66365935								
Observations	29								
ANOVA									
				2.99124091					
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Significance F</i>				
Regression	3	361.220918	120.406973	3.75368123	0.02361114				
Residual	25	801.925932	32.0770373						
Total	28	1163.14685							
	<i>Coefficients</i>	<i>Standard Error</i>	<i>t Stat</i>	<i>P-value</i>	<i>Lower 95%</i>	<i>Upper 95%</i>	<i>Lower 95.0%</i>	<i>Upper 95.0%</i>	
Intercept	-27.445751	18.4921979	-1.48418	0.15026106	-65.531145	10.6396438	-65.531145	10.6396438	
Corruption Pe	0.1546227	0.30684576	2.50391015	0.6187365	-0.477338	0.78658338	-0.477338	0.78658338	
Trademark a	0.00031546	0.00015135	2.08428892	0.04750808	3.7459E-06	0.00062716	3.7459E-06	0.00062716	
Doing busine	0.08387451	0.04733915	2.77177896	0.0886215	-0.0136223	0.18137131	-0.0136223	0.18137131	
			2.05953855						

Таблица 5. GQ-тест для Yt.

RSS1	193.268529
RSS2	73.9188498
GQ1	2.61460411
GQ2	0.38246708
F	2.99124091
No homoscedascity	

Таблица 6. DW-тест для модели Y1t.

DW	
1.5617997	
dL	dU
0.988	1.418
No autocorrelation	

Таблица 7. Доверительный интервал для Y1t.

Confidence interval, model is adequate			
Yreal	Yteor	Y+	Y-
	1.20	0.40230547	1.76913749
SE	0.66365935		
tstat	2.05953855		

Мы отказываемся от второго метода, сортируя наши переменные от наименьшего к наибольшему и выполняя отдельную регрессию для первого и третьего 33 % выборки. Мы делим остаточные суммы квадратов для обеих регрессий, чтобы получить GQ1 и GQ2. (Отсортированный набор данных и данные регрессионного анализа можно найти в приложении).

Результаты GQ-теста следующие (См. табл. 5.):

Поскольку значение F_{crit} больше, чем оба значения GQ1 и GQ2, мы заключаем, что остатки гомоскедастичны во всех моделях.

Тест Дарбина-Ватсона используется для проверки автокорреляции остатков, рассчитанных как сумма квадратов

разностей последовательных остатков. Таблицу остатков можно найти в приложении.

Результат расчетов следующий (См. табл. 6.):

Если DW находится в пределах $[dU; 4-dU]$, мы предполагаем, что остатки не имеют автокорреляции.

Таким образом, модель прошла все существующие испытания и может применяться в практических целях.

Теперь нам нужно найти доверительные интервалы, чтобы узнать, адекватна ли модель с математической точки зрения. Рассчитываем доверительные интервалы по следующей формуле:

Таблица 8. Прогноз для модели Y_{it} .

	Y	X1	X2	X3
Optimist (2%)	0.95926659	29.58	67138.44	31.62
Neutral (1%)	0.40230547	29	65822	31
Pessimist (-2%)	-0.1546557	28.42	64505.56	30.38

$Y_{upper} = Y^{\wedge} + t_{crit} * \text{стандартная ошибка}$

$Y_{lower} = Y^{\wedge} - t_{crit} * \text{стандартная ошибка}$

Применяя формулу, мы получаем следующие значения для наших расчетов доверительного интервала (См. табл. 7.)

Следовательно, поскольку последнее реальное значение Y лежит в диапазоне между диапазоном левой и правой границы, модель полностью адекватна.

Теневая экономика и коррупция неразделимы и порождают друг друга. Теневой сектор является благодатной почвой для распространения коррупции, поскольку находится вне сферы правовой защиты. Теневая экономика создает устойчивый спрос на коррупционные услуги и программирует нужное ей количество коррупционеров. Коррупционная деятельность сама по себе является частью теневой экономики. Таким образом, борьба с коррупцией неэффективна без одновременной борьбы с теневой экономикой. В сфере теневой экономики существуют две основные проблемы, требующие безотлагательного вмешательства.

Таким образом, изучение взаимосвязи коррупции и теневой экономики в современной России позволяет выявить стратегические направления развития этих явлений и сформулировать программу национально-государственной политики по противодействию этим деструктивным процессам. Кроме того, политическая воля российского руководства, в частности, заявления Президента Российской Федерации о первоочередных действиях по борьбе с коррупцией, свидетельствуют о решительном наступлении на теневые и коррупционные схемы социально-экономического развития нашего государства.

Используя эту модель, мы попытаемся выполнить несколько прогнозов на основе трех наиболее популярных сценариев, а именно:

- Оптимистичный
- Пессимистичный
- Нейтральный

В случае нейтрально-оптимистического сценария мы предполагаем, что каждая отдельная экзогенная переменная вырастет на 2 %, пессимистический сценарий является противоположным оптимистическому сценарию событием и снизится на 2 %. Нейтральный уровень предполагает рост на 1 %. (См. табл. 8.)

В целом сценарий роста на 2 % (имеется в виду большинство экзогенных переменных) или сценарий роста на 1 % представляются наиболее вероятными из-за улучшения ситуации в российской экономике. Однако из-за стагнации российской экономики возможен и обратный сценарий.

Таким образом, в ходе теоретико-эмпирического анализа было выявлено, что факторы конкуренции, а именно состояние конкурентной среды, а также коррупция, имеют важное значение и должны учитываться при построении теоретической и эмпирической моделей экономического роста.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

– конкурентная среда, менее перегруженная административными барьерами, а также обеспечивающая правовую

защиту инвестиций, сбалансированная налоговая система, положительно влияет на темпы роста промышленного производства и ВВП;

– коррупция в форме взяточничества, подкупа должностных лиц, влекущие за собой получение субъектами хозяйствования необоснованных преимуществ, снижающие темпы роста отрасли, а также темпы роста ВВП, особенно в условиях экономического кризиса;

– взаимосвязь между экономическим ростом и коррупцией в период кризиса принимает форму тесной обратной связи, что может свидетельствовать об усилении восприятия коррупционных действий со стороны хозяйствующих субъектов;

– непроизводственный сектор экономики укрепляет свои позиции в экономической системе и становится важным фактором поддержания темпов экономического роста в условиях кризиса на современном этапе;

– эмпирический анализ экономических данных является методом, наиболее часто используемым в научных исследованиях при оценке взаимосвязи коррупция - конкуренция - экономический рост.

Пристатейный библиографический список

1. Пылаева Т. Как коррупция влияет на устойчивость экономического роста? // Балтийский край. 2011. № 4. С. 49-59.
2. Кузнец С. Экономический рост и качество доходов // The American Economic Review. 1955. Том. 45. № 1. С. 1-28.
3. Князева И. В. Антимонопольная политика в России: учеб. разрешение. М.: Омега-Л, 2011. 505 с.
4. Дамтофт Р. Пропаганда конкуренции, повышение осведомленности и экономическое развитие // Докл. в интерн. конф. по конкуренции под эгидой БРИК. Казань, 2009.
5. Симагина ОВ. Государственное управление экономической динамикой: монография. Новосибирск: СибАХС, 2006. 224 с.
6. Трегуб Ив. Методы визуализации модельных исследований. Саарбрюкен, 2013.
7. Трегуб И. В. Эконометрика. Модель реальной системы. М., 2016.
8. Трегуб И. В., Трегуб А. В. Математические и компьютерные модели ценообразования в условиях конкурентного рынка // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. 2008. № 4. С. 152-159.
9. Трегуб А. В., Трегуб И. В. Методика прогнозирования основных показателей развития отраслей экономики России // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. 2014. Т. 18. № 4. С. 231-236.
10. Трегуб И. В., Трегуб А. В. // Применение коинтеграционного анализа для изучения взаимного влияния финансовых временных рядов // Фундаментальные исследования. 2015. № 8-3. С. 620-623.

КАРПОВ Андрей Андреевич

менеджер II категории отдела аналитики, Государственное автономное учреждение Волгоградской области «Мой бизнес»

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕГИОНА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ

В статье рассмотрен экономико-правовой статус российских регионов в системе государственного управления пространственным развитием страны; обоснована детерминированность применения к выделению региона административно-территориального критерия; раскрыто содержание и проявление экономического статуса региона и его взаимосвязь с правовым; правовой статус региона предложено рассматривать аддитивно из двух элементов (общего и действующего правовых статусов); нормативные и правовые акты, регулирующие управление региональным развитием в России, разбиты на группы по сферам регулирования; проиллюстрирована проблема негармоничного правового регулирования управления региональным развитием.

Ключевые слова: регион, правовой статус региона, экономический статус региона, экономико-правовой статус региона, нормативное регулирование регионального развития.

KARPOV Andrey Andreevich

manager of the II category of the Analytics Department, the State autonomous institution of the Volgograd region «My business»

ECONOMIC AND LEGAL STATUS OF THE REGION IN THE SYSTEM OF STATE MANAGEMENT OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

The article considers the economic and legal status of the Russian regions in the system of state management of the spatial development of the country; the determinism of the application to the allocation of the region of administrative-territorial criterion is substantiated; the content and manifestation of the economic status of the region and its relationship with the legal one is revealed; the legal status of the region is proposed to be considered additively from two elements (general and current legal statuses); the normative and legal acts regulating the management of regional development in Russia are divided into groups according to the spheres of regulation; the problem of inharmonious legal regulation of regional development management is illustrated.

Keywords: region, legal status of the region, economic status of the region, economic and legal status of the region, regulatory regulation of regional development.

В экономических исследованиях регион выделяется как определенная географическая часть территории страны со всеми имеющимися на ней природно-географическими, человеческими, материально-техническими и финансовыми ресурсами, процессами, рынками, отношениями между экономическими агентами, границы выделения которой могут задаваться экономико-географическим, воспроизводственным, территориальным (пространственным), историко-культурным и административно-территориальным критериями [2]. С действующим в Российской Федерации нормативным полем согласуется нормативно закрепленное понимание региона как субъекта Российской Федерации¹, отвечающее административному дроблению федеративного государства. Регион рассматривается как «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и других условий»².

В таком понимании регион имеет одновременно статус экономического субъекта хозяйственной системы страны и субъекта национального права³, то есть обладает экономи-

ко-правовым статусом. Статус субъекта Федерации имеют республики, автономные округа, автономная область, края, области, города федерального значения [1]. Юридически их нормативный статус различается в сфере самостоятельности принятия решения о языке, конституции или уставах, способах выбора главы, и некоторых других моментах, несущественных для определения статуса региона в системе государственного управления пространственным развитием Российской Федерации.

Экономический статус региона характеризуется правами, обязанностями, зоной ответственности, ресурсными возможностями и ограничениями региональных органов власти в управлении социально-экономическим развитием региона в соответствии с его субъективными целями и задачами, непротиворечащими и содействующими достижению нормативно установленных общероссийских целей пространственного социально-экономического развития. В этом аспекте экономический статус региона переплетается с правовым.

На практике экономический статус региона проявляется на четырех уровнях хозяйственных отношений: 1) межрегиональном уровне во взаимодействии с другими регионами и с Федерацией (в форме вертикальных и горизонтальных отношений и связей региона самостоятельно или являясь участником макрорегиона); 2) собственно региональном – субфедеральном уровне в процессе своего функционирования и развития; 3) внутри региональном – локальном [8] уровне во взаимодействии с муниципальными образованиями, входящими в его состав; 4) наднациональном – международном уровне во взаимодействии с иностранными государствами, регионами и муниципалитетами, международными организациями, крупным международным бизнесом и фи-

1 Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

2 Постановление Правительства Российской Федерации от 23.03.1996 г. № 327 от 23 марта 1996 «Об одобрении и представлении на утверждение Президента Российской Федерации Основных положений региональной политики в Российской Федерации».

3 Павленко, В.Ф. Планирование территориального развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/1174>.

нансово-кредитными организациями и биржами. На всех уровнях регион формально и неформально осуществляет взаимодействие со всеми хозяйствующими экономическими субъектами, то есть встраивает в свою управляющую систему механизмы самоуправления посредством согласования и консолидации целей и инструментов развития региона с интересами основных групп его стейкхолдеров [9] (к региональным стейкхолдерам относятся государство, муниципалитеты, другие регионы, население, бизнес-структуры, кредитно-финансовые институты).

Основной ценностью Российской Федерации определен человек, его права и свобода, соответственно, целью стратегического развития страны определены россияне, их благосостояние, здоровье, уровень образования, культуры и духовности⁴, высокий уровень и качество жизни, независимо от места проживания. Эксперты отмечают высокую степень дифференциации и неравенства регионального социально-экономического развития современной России [7]. Экономические субъекты Федерации не равны между собой: они имеют разные по объемам территории, природно-ресурсный потенциал, разное по количеству и структуре население, разный экономический потенциал, и т.д. [6].

Региональные органы власти берут на себя выполнение государственных функций по регулированию региональной экономики и управлению региональным развитием, ориентируясь, с одной стороны, на общероссийские цели выравнивания и сглаживания дифференциации социально-экономического развития регионов, а с другой, на субъективные цели своего социально-экономического развития и доступные для этого ресурсы. Региональное развитие должно быть сбалансированным [5], устойчивым, инклюзивным [3] и экономически безопасным [4].

Правовой статус региона (субъекта Федерации) аддитивно может быть рассмотрен через две составляющие: общий и действующий. Общий правовой статус региона является его базовой характеристикой, поскольку очерчивает права, обязанности, полномочия⁵, нормативно установленные цели деятельности региональных органов публичной власти и их взаимодействия с внутренними и внешними экономическими агентами, в том числе с федеральным уровнем публичной власти. Правовой статус региона устанавливается на федеральном уровне Конституцией РФ, Конституцией суверенных республик и уставами субъектов Федерации.

Согласно общему правовому статусу, все регионы России имеют равные права в отношениях с Федерацией, между собой и в отношениях предметов несовместного ведения с Федерацией⁶. Ключевые вопросы управления субъектами Федерации находятся в совместном ведении региональных и федеральных органов публичной власти (установлено Конституцией РФ и Федеративным договором⁷). Установлено требование непротиворечивости регионального законодательства федеральному с определенной свободой по самостоятельному принятию органами региональной власти нормативных актов, по не входящим в общее ведение с Федерацией предметам. В систему органов государственной власти субъекта Федерации входят: законодательный орган субъекта, его высшее должностное, высший исполнительный орган субъекта, и иные органы, разрешенные его кон-

ституцией или уставом⁸. Перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации утверждается Президентом Российской Федерации.

Действующий правовой статус конкретного региона установлен на федеральном уровне и поддержан нормативным регулированием на субфедеральном и локальном уровнях данного региона.

Нормативное регулирование управления социально-экономическим развитием региона характеризуется большим количеством федеральных и региональных правовых и нормативных актов, гибкостью и изменчивостью, отсутствием единых шаблонов регионального регулирования, разным качеством разработки правовой базы субъектов Федерации.

Общие цели региональной политики, социально-экономического развития России вообще и в сфере выравнивания региональных диспропорций этого развития установлены Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года⁹, Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹⁰, Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹¹, и др..

Содержание стратегического регионального планирования и управления установлены Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹², Основами государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации¹³, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года¹⁴, Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹⁵, Стратегией экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года¹⁶, Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹⁷, и др.

Развитие регионов и страны опирается на Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года¹⁸, Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года¹⁹, Концепцию долгосрочного социально-эконо-

4 Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

5 Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

6 п. 1 Ст. 5 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.

7 Постановление Съезда народных депутатов РФ от 10.04.1992 г. «О Федеративном договоре».

8 Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

9 Указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

10 Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

11 Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

12 Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

13 Указ Президента РФ от 08.11.2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

14 Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

15 Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

16 Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

17 Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

18 Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России).

19 Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 г. № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года».

мического развития Российской Федерации на период до 2020 года²⁰, Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»²¹, и др.

Ключевым нормативным актом субъекта Федерации в управлении его развитием является Стратегия социально-экономического развития региона на период до 2030 года. Такая Стратегия содержит описание текущей социально-экономической ситуации в регионе с выявлением тенденций, проблем, общее видение состояния региона к 2030 году (включая стратегические цели, тактические задачи, механизмы и инструменты достижения стратегических целей развития региона, ресурсное обеспечение в том числе финансовое), детальное описание ключевых направлений развития ведущих элементов, ресурсов, факторов, ведущие к росту благосостояния жителей, высокому уровню конкурентоспособности региона и повышения эффективности регионального и муниципального управления. Конкретное наполнение региональной стратегии детерминировано его субъективными целями развития, ресурсами, возможностями и ограничениями. Шаблона региональной стратегии не существует. На практике, с одной стороны, это порождает разную степень проработанности и качества стратегического документа развития, с другой, дает возможность экспериментально выявить наиболее успешные региональные практики для дальнейшего их тиражирования.

Таким образом, проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Определено, что действующим российским законодательством правами, обязанностями, ответственностью и правомочиями экономического хозяйствующего субъекта и субъекта национального права наделен регион, представляющий собой субъект Федерации как часть территории страны, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и других условий. То есть регион в системе государственного управления пространственным развитием Российской Федерации имеет экономико-правовой статус.

2. Выявлено, что экономический статус региона проявляется на четырех уровнях его хозяйственных отношений (межрегиональном, субфедеральном, локальном и международном) и базируется на согласовании и консолидации целей и инструментов развития региона с интересами основных групп его стейкхолдеров (государства, муниципалитетами, населением, бизнес-структурами, финансово-кредитными институтами и объединениями этих лиц).

3. Предложено правовой статус региона в системе государственного управления пространственным развитием России аддитивно рассматривать из двух составляющих: общий правовой статус (установлен на федеральном уровне) и действующий правовой статус (установлен на федеральном уровне и поддержан нормативным регулированием на субфедеральном и локальном уровнях данного региона).

4. Проиллюстрирована проблема негармоничного правового регулирования управления региональным развитием, проявляющаяся в: множественности нормативных и правовых актов федерального и регионального уровней, принимаемых не по всем необходимым направлениям, а пост фактум по мере наступления рисков несвоевременности принятия регулирующих мер, что порождает наличие пробелов в нормативном регулировании, отставание нормотворчества

от реальной ситуации; неравномерном внедрении в отечественную практику регионов стратегического планирования. Ключевым нормативным актом субъекта Федерации должна стать Стратегия социально-экономического развития региона на период до 2030 года. Отсутствие жестких требований к ее наполнению порождает разный уровень качества ее проработанности. Накопление лучших региональных практик управления требует времени.

Пристатейный библиографический список

1. Агеева Ю. В. Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. - 2020. - № 6-2. - С. 153-155.
2. Анимича Е. Г. Региональная политика: сущность, основные цели, проблемы // *Экономика региона*. - 2005. - № 1. - С. 7-19.
3. Карпов А. А. Особенности инклюзивного развития региона // XVII Ежегодная молодежная научная конференция «Наука и технологии Юга России»: тезисы докладов. - Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. - С. 151-151.
4. Карпов А. А. Управление социально-экономическим развитием региона с позиции обеспечения его экономической безопасности // Стратегии обеспечения экономической безопасности российских регионов: материалы III Всерос. (нац.) конф. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. - С. 104-110.
5. Карпов А. А. Факторы сбалансированного регионального развития // Развитие системы знаний как ключевое условие научного прогресса: сборник научных трудов. - Казань, 2022. - С. 32-36.
6. Лебедев В. А. Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации // *Вестник Челябинского государственного университета*. - 2012. - № 1 (255). - С. 5-12.
7. Новоселов А. С., Маршалова А. С. Формирование современной системы регионального и муниципального управления // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. - 2019. - № 8 (542). - С. 83-102.
8. Татаркин А. И., Анимича Е. Г. Формирование парадигмальной теории региональной экономики // *Экономика региона (Economy of Region)*. - 2012. - № 3. - С. 11-31.
9. Шеховцева Л. С. Концептуальные основы стратегического управления развитием региона // *Вестник Мурманского государственного технического университета*. - 2006. - Т 9. - № 4. - С. 690-693.

20 Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»).

21 Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности».

КЛЯВЛИНА Яна Марсовна

кандидат экономических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления (УВШЭУ) Уфимского государственного нефтяного технического университета

КЛЯВЛИН Марс Салихович

доктор химических наук, профессор кафедры водоснабжения и водоотведения Уфимского государственного нефтяного технического университета

МУСТАФИНА Алсу Ильшатовна

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

ДАНИЛОВ Никита Валерьевич

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СИСТЕМЕ ВЕНТИЛЯЦИИ

В данной статье ставится задача исследования энергосберегающих мероприятий в системе вентиляции и их экономической целесообразности использования. Для создания превосходства с точки зрения уникальности продукта проанализирована система вентиляции, где в вентиляторах, а именно в электрических двигателях, электричество будет генерироваться за счет энергии от солнечных батарей [5]. Такая система наиболее энергосберегающая, поскольку используется энергия Солнца, и она экономически более эффективная, чем если бы питание электричеством происходило от сети. Тем не менее у такой установки были выявлены недостатки, такие как недостаточность энергии Солнца для обеспечения нормальной работы всей системы в российском климате вследствие того, что солнечных дней в северных районах Российской Федерации мало [9].

Для более полноценного исследования конкурентоспособности использования солнечных батарей как альтернативного источника энергии представлена сравнительная характеристика между электрическими двигателями и двигателями, работающими на солнечных батареях, а именно, показаны: анализ цен и их основные преимущества и недостатки. В результате данного проведенного анализа были выявлены сильные и слабые стороны предлагаемой установки и их способность выдержать конкуренцию на рынке.

Ключевые слова: энергосбережение, солнечные батареи, альтернативные источники тепла, экономическая целесообразность использования.

KLYAVLINA Yana Marsovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management (UHSEM) of the Ufa State Petroleum Technical University

KLYAVLIN Mars Salikhovich

Ph.D. in chemical sciences, professor of Water supply and sanitation sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

MUSTAFINA Alsu Ilshatovna

bachelor of the Ufa State Petroleum Technical University

DANILOV Nikita Valerjevich

bachelor of the Ufa State Petroleum Technical University

ENERGY-SAVING MEASURES IN THE VENTILATION SYSTEM

This article aims to study energy-saving measures in the ventilation system and their economic feasibility of use. In order to create superiority in terms of the uniqueness of the product, a ventilation system was analyzed, where in fans, namely in electric motors, electricity will be generated by energy from solar panels [5]. Such a system is the most energy-saving, since solar energy is used, and it is economically more efficient than if electricity was supplied from the grid. Nevertheless, such an installation had disadvantages such as insufficient solar energy to ensure the normal operation of the entire system in the Russian climate due to the fact that there are few sunny days in the northern regions of the Russian Federation [9].

For a more complete study of the competitiveness of the use of solar panels as an alternative energy source, a comparative characteristic between electric motors and solar-powered engines is presented, namely, an analysis of prices and their main advantages and disadvantages are shown. As a result of this analysis, the strengths and weaknesses of the proposed installation and their ability to withstand competition in the market were identified.

Keywords: energy saving, solar panels, alternative heat sources, economic feasibility of use.

Введение

В настоящее время существует необходимость использования альтернативных источников энергии, поскольку ресурсы страны являются ограниченными [1]. Система вентиляции с установкой солнечных батарей на двигателях необходима по трем причинам: это высокие энергозатраты на питание двигателей от сети, бесшумность работы системы на солнечной энергии и это возобновляемый источник энергии, в то время как в электродвигателях используется не восстанавливаемая энергия. Использование данного вида источника благоприятно влияет на экологическую чистоту Земли, так как частично заменяет энергию, которую получают от не возобновляемых источников, тем самым являясь защитой климата от глобального потепления. Таким образом, это лишь стимулирует активное развитие солнечных батарей на рынке.

Цель данной работы заключается в раскрытии потенциала использования солнечной энергии в системах вентиляции и сравнении преимуществ и недостатков конкурентов.

Методы и материалы: исследование проводилось на основе данных с официальных сайтов компаний в области электродвигателей и солнечных панелей, и их энергосбережения и экономической целесообразности использования данных двигателей.

Результаты и их обсуждение

Актуальность солнечной энергетики, в частности солнечных панелей для систем вентиляции, постоянно растет, потому что ресурсоемкость солнечной энергии очень высокая. Энергия от солнечных панелей, по сути, поставляется бесплатно и не оказывает влияния на окружающую среду.

Таблица 1. Сравнительная характеристика преимуществ и недостатков двух видов двигателей

	Электродвигатели	Двигатели на основе солнечных панелей
Минусы	Установка таких двигателей дорогая; функционирование требует постоянных финансовых затрат; не работает, если отсутствует подача питания от сети, нуждается в регулярном техническом обслуживании; загрязнение окружающей среды за счет того, что детали двигателя быстро выходят из строя; от них исходит шум и вибрации.	Высокая стоимость установки таких панелей; Непостоянство поскольку солнечный свет отсутствует в ночное время, а также в дождливые и пасмурные дни, соответственно и высокая стоимость аккумуляции энергии; значительная площадь солнечных панелей.
Плюсы	Размеры таких двигателей не такие большие и соответственно занимают мало места, работают бесперебойно, не требуют аккумуляции энергии.	Возобновляемость, экономичность в плане низких эксплуатационных расходов, бесшумность, ресурсоёмкость в плане того, что потенциал солнечной энергии огромен, ее невозможно перерасходовать.
Итог	Эксплуатация дорогостоящая и регулярная, неудобство технического обслуживания деталей двигателя	Эксплуатация такой модели наиболее экономична и не требует усилий, а гарантия от производителя составляет в среднем 20-30 лет, в то время как у электродвигателей 10-15 лет.

Таблица 2. Сравнительная характеристика затрат двух видов двигателей

Показатели затрат	Электродвигатели	Двигатели на основе солнечных панелей
Затраты в год на электроэнергию	В месяц – около 900-1100 рублей, в год – 11000-14000 рублей, по данным на 2023 год за 1 кВт*ч – 4,01 рубля для города Уфы.	Если система имеет аккумуляторы и не подключена к сети, то 0 рублей. Если подключена, то около 60-90 рублей в месяц и в год около 700-1100 рублей.
Затраты на установку оборудования	Монтаж с затратами на покупку самого электродвигателя составит в сумме около 70000 рублей по данным компании ПРОМЭЛВЕНТ [4].	Стоимость автономной солнечной электростанции для такого здания будет стоить примерно 250000-300000 рублей [5].
Затраты на техническое обслуживание	Техническое обслуживание приточной и вытяжной систем в год выходит около 22000-23000 рублей.	Чистка панелей проводится раз в год. Стоимость оборудования для чистки панелей варьируется в пределах 3000-15000 тысяч за 10 штук данного оборудования, соответственно цена в год падает до 300-1500, в силу использования только 1 оборудования в чистке в год.
Итоги	Установка дешевле, но затраты на электроэнергию и техническое обслуживание высокие.	Установка дорогая, она окупается в течение 5-10 лет, за счет того, что техническое обслуживание недорогое, а затраты на электроэнергию и вовсе приближаются к нулю

Если рассматривать детально преимущества и недостатки двух установок, то можно провести сравнительную характеристику, приведенную в таблице 1.

Для анализа конкурентоспособности двигателей необходимо провести сравнительную характеристику затрат (таблица 2).

С этой целью было взято здание, а конкретно детский сад-ясли [7]. В этом здании 2 этажа общей площадью около 1162 м². Соответственно мощность электродвигателя, которая нужна для нормальной работы системы вентиляции, равна 0,533 кВт.

С учетом этого показателя мы и рассчитываем цены на электроэнергию в год, на установку оборудования и на техническое обслуживание.

Вывод

При рассмотрении двух видов двигателей можно прийти к выводу, что наиболее экономичны солнечные панели в системе вентиляции. Несмотря на то, что в российском рынке солнечные панели не получили широкого применения, при переходе в скором будущем на альтернативные источники тепла солнечные панели будут выгоднее во много раз в сравнении с другими видами генерирования энергии.

Пристатейный библиографический список

- Гафизов О. Ф., Сюндюкова Д. Р., Клявлин М. С. Влияние альтернативных источников энергии на теплоснабжение гражданских и производственных зданий. Водоснабжение, водоотведение и системы защиты окружающей среды: Статьи и тезисы. - 2021. - С. 120-132
- ГОСТ Р 51387-99 Энергосбережение. Нормативно-методическое обеспечение. Основные положения.

- Дмитриев А. Н., Табунщиков Ю. А., Ковалев И. Н., Шилкин Н. В. Руководство по оценке экономической эффективности инвестиций в энергосберегающие мероприятия. - М.: АВОК-ПРЕСС, 2005. - 120 с.
- Купшинов Ю. З. Энергосбережение в системе обеспечения микроклимата зданий. - М.: АСВ, 2010. - 300 с.
- Клявлин М. С., Халфина Д. А., Талипов Р. А. Проектирование систем вентиляции с учетом влияния воздухопроницаемости ограждающих конструкций // Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. - 2020. - № 2.
- Прайс-лист на монтаж. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://promelvent.ru/uslugi/prajs-list-na-montazh/>
- Стоимость автономной системы электроснабжения с солнечными батареями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.solarhome.ru/solar/pv/tsena-srednej-solnechnoj-elektrostantsii/>
- Федеральный закон РФ № 261-ФЗ от 23.11.2009 «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
- Юсупов Д. Д., Талипов Р. А., Клявлин М. С. Энергосберегающие мероприятия при эксплуатации теплообменного оборудования горячего водоснабжения // Водоснабжение, водоотведение и системы защиты окружающей среды. - 2020. - С. 239-244.
- Райзер Ю. С., Мартьяшева В. А. Вентиляция общественного здания: учебно-методическое пособие к выполнению курсового проекта и самостоятельных работ по дисциплине «Вентиляция» для обучающихся по направлению 08.03.01 «Строительство» / УГНТУ, каф. ВВ. - Уфа: УГНТУ, 2018.

МЕХДИЕВ Сеймур Таджаддин оглы

магистрант Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета

СУЛЕЙМАНОВА Фаиля Халимовна

магистрант Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета

БОНДАРЕНКО Александр Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

РЕКЛАМА ПРОДУКТОВ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

Оставаться актуальным в финансовой индустрии - непростая задача. Особенно учитывая ускоренную цифровую трансформацию, которая в настоящее время формирует финансовые услуги. Даже лучшие идеи банковской рекламы следуют определенным принципам, таким как передача доверия, гуманизация бренда и объяснение ключевых функций / преимуществ. Реклама выполняет две основные функции в банковском секторе: привлекает депозиты клиентов; и привлекает заемщиков и пользователей других банковских услуг. В условиях постоянно растущей конкуренции в банковской среде реклама помогает создать мощный имидж и доверие к банку, с одной стороны, и придает уверенность клиентам, с другой стороны. Поэтому очевидно, что реклама остается убедительным и навязчивым социально-экономическим инструментом для влияния на потребительское поведение клиента.

Ключевые слова: банковский сектор, финансовая реклама, рекламная стратегия, продвижение банковских продуктов, PR-стратегия.

MEHDIYEV Seymour Tajaddin ogly

magister student of the Institute of Oil and Gas Business of the Ufa State Petroleum Technical University

SULEYMANOVA Faiyla Khalimovna

magister student of the Institute of Oil and Gas Business of the Ufa State Petroleum Technical University

BONDARENKO Alexander Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

ADVERTISING PRODUCTS OF THE BANKING SECTOR

Staying relevant in the financial industry is no easy task. Especially given the accelerated digital transformation that is currently shaping financial services. Even the best banking advertising ideas follow certain principles such as conveying trust, humanizing the brand, and explaining key features/benefits. Advertising performs two main functions in the banking sector: to attract customer deposits; and attract borrowers and users of other banking services. In the face of ever-increasing competition in the banking environment, advertising helps to create a powerful image and trust in the bank, on the one hand, and gives confidence to customers, on the other hand. It is therefore clear that advertising remains a persuasive and intrusive socio-economic tool for influencing consumer behavior.

Keywords: banking sector, financial advertising, advertising strategy, promotion of banking products, PR strategy.

Реклама — это любое платное продвижение продукта, услуги или идеи, направленное на то, чтобы повлиять на одного или нескольких людей. Это может происходить на нескольких носителях, таких как печать, радио, телевидение и цифровые медиа. Основная цель рекламы - убедить кого-то купить продукт или совершить какое-то действие.

Банковский маркетинг известен своей природой создания уникального имиджа бренда, который рассматривается как основная репутация финансовой академии. Для банка очень важно развивать хорошие отношения с клиентами, сопровождаемые инновационными идеями, которые могут быть использованы в качестве мер по удовлетворению их потребностей¹.

Клиенты ожидают качественных услуг и прибыли. Есть высокий шанс, что фактор качества будет единственным фактором, определяющим успешные банковские корпора-

ции. Поэтому банкам необходимо признать необходимость активного банковского маркетинга и управления взаимоотношениями с клиентами, а также предпринять систематические шаги в этом направлении.

Банковская отрасль предоставляет своим клиентам различные виды банковских и смежных услуг. Клиентами банка в основном являются люди и предприятия, у которых есть избыток или недостаток средств, а также те, кому требуются различные виды финансовых и сопутствующих услуг. Эти клиенты из разных слоев экономики, они принадлежат к разным географическим регионам, областям и занимаются разными профессиями и бизнесом².

Вполне естественно, что требования каждой отдельной группы клиентов отличаются от требований других групп. Таким образом, важно выделить отдельные однородные группы и даже подгруппы клиентов, а затем с максимальной

1 Банковский маркетинг // Сравни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sravni.ru/enciklopediya/info/bankovskij-marketing/> (дата обращения: 27.12.2022).

2 Bank advertising ideas, examples & principles // BankBound. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankbound.com/blog/bank-advertising-ideas/> (дата обращения: 25.12.2022).

Рисунок 1. Основные тенденции в банковской рекламе

точностью определить их требования, разработать схемы, соответствующие их конкретным требованиям, и обеспечить их наиболее эффективное выполнение.

В основном, банки занимаются передачей продуктов и услуг через свои розничные точки, известные как филиалы, различным клиентам на низовом уровне. Это называется подходом «сверху вниз»³.

Управление банком как коллективный подход или выборочный подход является фундаментальным определением того факта, что банкам нужен подход, ориентированный на клиента. Проще говоря, банковский маркетинг — это структура дизайна, структура и предоставление необходимых клиентам услуг, разработанных с учетом корпоративных целей банка и ограничений окружающей среды.

Но компаниям следует полагаться не только на цифровую финансовую рекламу. Предоставление клиентам персонализированной рекламы в автономном режиме может оказаться не менее эффективным.

Исследования показывают, что более 50 процентов активно вовлеченных клиентов получают нецелевое взаимодействие⁴.

В настоящее время клиенты ожидают целенаправленных и персонализированных сеансов взаимодействия. Все, что меньше этого, заставляет их терять доверие к банкам. В основном это относится к финансовым услугам, где клиент предоставил очень личную информацию и ожидает, что эта информация будет использована только для его выгоды.

Для установления надлежащего взаимодействия лучше всего задействовать сетку продаж услуг, которая отражает, на какие услуги следует обратить особое внимание при взаимодействии, учитывая текущее владение продуктом.

Несмотря на то, идет ли речь о традиционной рекламе, публикуемой на телевидении, радио и в печатных изданиях, или о цифровой рекламе, которая включает рекламу в поисковых системах, продвижение по электронной почте и рекламу в социальных сетях, ее основная цель - побудить людей к действию. Это способствует позитивному развитию бизнеса и в следствие повышает узнаваемость бренда, способствует росту продаж или какой-либо другой цели.

Преимущества рекламы:

1. Повышает узнаваемость бренда

Выделиться в такой конкурентной отрасли непросто. Однако подход, ориентированный на узнаваемость бренда, поможет клиентам ознакомиться с брендом.

Чтобы расширить охват и представить свой бренд большему количеству потенциальных клиентов, необходимо использовать многоканальную стратегию финансовой рекламы, включая рекламу в поисковых системах, социальных сетях и даже на телевидении, радио или в печатных изданиях. Общение с аудиторией в нескольких точках соприкосновения может стать конкурентным преимуществом [10].

2. Помогает установить связь с аудиторией

Решения, касающиеся финансов, в большей степени, чем любые другие решения о покупке, основаны на доверии.

Первым шагом к созданию столь необходимого доверия является установление значимой связи с аудиторией. Это можно сделать при помощи и персонализированной рекламы, которая отвечает потребностям аудитории. Потребители высоко оценивают прозрачность и честность, учитывая при этом совокупность предлагаемых услуг.

3. Напрямую способствует увеличению продаж

Увеличение продаж происходит не сразу, только после определенного количества времени и проделанных шагов. Необходимо проанализировать эффективность выполняемой маркетинговой кампании.

4. Поддерживает имидж компании.

Самые качественные услуги без должной рекламы не будут иметь смысла. Реклама играет ключевую роль в утверждении в качестве одного из самых важных игроков в отрасли. Помимо сохранения присутствия в сознании клиента, это может помочь подчеркнуть конкурентные преимущества и отличительные особенности продуктов, которые делают компанию лучшим выбором, чем конкуренты⁵.

Бренды все больше осознают силу контент-маркетинга и используют его для создания ценности для своих клиентов. Хотя контент наиболее известен тем, что генерирует трафик, он также является отличным способом наладить отношения с клиентами и позиционировать свой бизнес как эксперта в этой области.

Сообщения в блогах, подкасты, отчеты, электронные книги и тематические исследования - это всего лишь несколько примеров полезного контента, который предоставить аудитории.

В коротких видеороликах можно найти большую ценность, поскольку он позволяет эффективно донести любое

3 How to Master Financial Advertising and 10+ Ad Examples to Get You Inspired // Creatory. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.creatory.com/blog/financial-advertising/> (дата обращения: 27.12.2022).

4 Bank Management - Marketing // Tutorialspoint. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tutorialspoint.com/bank_management/bank_management_marketing.htm (дата обращения: 02.01.2023).

5 The Role of Advertising in Commercial Banking. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cerge-ei.cz/pdf/events/papers/031201_t.pdf (дата обращения: 02.01.2023).

Рисунок 2. Логотипы ведущих банков России

Таблица 1. Топ 10 Российских банков по расходам на рекламу в 2021 году*

II Топ-10 российских банков по расходам на рекламу в 2021 году

	Расходы на рекламу, млрд руб.	Динамика год к году	Доля расходов на рекламу в средних активах за год	ROE
ВТБ	23	32%	0,13%	16%
Тинькофф Банк	17	142%	1,86%	43%
СберБанк	10	82%	0,03%	25%
Газпромбанк	7	14%	0,09%	12%
Альфа-банк	6	31%	0,12%	21%
Совкомбанк	4,5	129%	0,27%	25%
Открытие	3,5	39%	0,13%	17%
Райффайзенбанк	3,5	70%	0,24%	23%
Почта Банк	2,6	59%	0,54%	5%
Ак Барс	2,5	-4%	0,43%	8%

Источники: отчётность банков по форме 0409102; расчёты НКР

сообщение и представить сложные услуги, такие как кредиты или страхование, в сжатой и увлекательной форме.

Все больше компаний сосредоточено на предоставлении уникального обслуживания клиентов с помощью персонализированной рекламы.

Поскольку персонализация направлена на удовлетворение потребностей клиентов, в первую очередь, необходимо проанализировать поведение клиента, что важно для создания релевантных объявлений и, как следствие, увеличения рентабельности инвестиций⁶.

Искусственный интеллект в последние годы вызывает много шума, и это справедливо. Излишне говорить, что это горячая тема и в этой отрасли, поскольку она помогает компаниям анализировать и использовать соответствующие

данные для принятия обоснованных бизнес- и маркетинговых решений.

Преимущества использования этой технологии для рекламы включают в себя поиск моделей поведения клиентов и сегментирование клиентов по интересам или демографическим признакам для лучшего таргетинга рекламы.

Люди утверждают, что они рациональны, но всеми движут эмоции. Известный психолог Абрахам Маслоу создал иерархию человеческих потребностей чтобы объяснить это.

Многие из этих потребностей связаны с такими эмоциями, как любовь, чувство завершенности и чувство безопасности. Эмоции, которые возникают при виде рекламы, могут победить потенциального клиента выбрать именно этот банк.

1. Эмоции.
2. Бренд.

⁶ Маркетинг банковских услуг в 2022 году: поисковое продвижение, digital-реклама и возможности маркетплейсов // vc.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/s/vbr-ru/470919-marketing-bankovskih-uslug-v-2022-godu-poiskovoe-prodvizhenie-digital-reklama-i-vozmozhnosti-marketpleysov> (дата обращения: 27.12.2022).

* Расходы банков на рекламу в 2021 году выросли в полтора раза // Adindex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adindex.ru/news/ad_budget/2022/02/3/302496.phtml (дата обращения: 27.12.2022).

Обычно при рекламе бренда используются простые изображения и логотипы для построения долгосрочных отношений. Простота поможет клиентам и потенциальным клиентам узнать компанию, укрепляя лояльность к бренду.

Также разумно убедиться, что логотип соответствует бренду. Простой логотип передает «стабильность».

3. Особенности/Преимущества

Важно перечислить ключевые особенности банковских предложений. Однако лучшие примеры банковской рекламы передают преимущества, а не только функции. Итак, мобильное приложение может быть функцией, но преимуществом будет то, что можно сэкономить время, делая банковские операции на ходу, в любое время и в любом месте.

Бюджет на рекламу в Российских банках увеличивается с каждым годом. Бюджет на рекламу Топ-10 российских банков по расходам на рекламу в 2021 году приведена в таблице 1.

Абсолютным лидером по затратам на рекламу остается ВТБ, маркетинговый бюджет которого оценен в 23 млрд руб. Второе место в общем рейтинге и первое — среди потребительских банков занимает «Тинькофф» с расходами в 17 млрд руб. Затраты кредитной организации за прошлый год продемонстрировали самый большой рост — 142 %. На третьем месте оказался Сбербанк, потративший на рекламу 10 млрд руб., что на 82 % больше, чем в 2020 г.

Усиливать продвижение банки могли побудить новые условия привлечения средств: в октябре — декабре 2021 г. наблюдался резкий рост стоимости фондирования, главной причиной которого стала более жесткая денежно-кредитная политика Банка России, отмечают эксперты. «Дополнительным стимулом могло стать и стремление банков предоставить больше потребительских кредитов в условиях растущих ставок и ожидаемого ужесточения регулирования», — говорится в отчете.

Заключение. Банковские отношения можно определить как процесс, который включает в себя упреждающее прогнозирование потребностей отдельных клиентов банка и принятие мер по удовлетворению этих требований до того, как клиент их предъявит. Основная концепция этого подхода заключается в разработке и построении более всеобъемлющих рабочих отношений с каждым клиентом, изучении его или ее индивидуальной ситуации и выработке рекомендаций по различным услугам, предлагаемым банком, чтобы помочь улучшить финансовое благополучие клиента.

К сожалению, в банковском деле концепция «если вы создадите это, они придут» не работает. Хотя можно создавать отличные продукты и предоставлять новые, инновационные услуги, в основном клиентам требуется дополнительная мотивация для оптимального использования продукта и расширения взаимодействия так, как мы бы хотели.

В результате в основном требуются предложения, чтобы спровоцировать желаемое поведение. При разработке предложений банки должны убедиться, что предложение должно основываться на уже имеющихся продуктах.

Исключительно в сфере финансовых услуг клиент не до конца понимает преимущества новой услуги.

Секрет создания персонализированной финансовой рекламы заключается в том, чтобы точно знать, кто ваша аудитория и какие потребности она ожидает удовлетворить. Если вы добавите немного честности, вам удастся установить доверительные отношения, что очень важно в этой отрасли.

Хороший дизайн не менее важен, но для этого вы можете положиться на инструменты дизайна рекламы, которые значительно упрощают превращение ваших идей в рекламу.

Пристатейный библиографический список

1. Role of Advertisement in the Banking Sector: Analysis of Some Selective Case Studies from UK and Lessons for Banks in Bangladesh // ResearchGate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/280136455_Role_of_Advertisement_in_the_Banking_Sector_Analysis_of_Some_Selective_Case_Studies_from_UK_and_Lessons_for_Banks_in_Bangladesh (дата обращения: 25.12.2022).
2. Бакулина А. А., Соколова Е. С. Исследование мирового и отечественного опыта управления процессами диверсификации предприятий ОПК в условиях цифровой экономики // Национальная безопасность / Nota bene. – 2019. – № 5. – С. 1-9.
3. What Is the Importance of Advertising? (Plus Definition and Tips) // indeed. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.indeed.com/career-advice/career-development/importance-of-advertising> (дата обращения: 27.12.2022).
4. Яровова Т. В., Степанов А. А., Савина М. В. Креативно-авторизовано-дистанционное обучение: теория, методика, практика // Педагогическое образование и наука. – 2020. – № 3. – С. 150-155.
5. Маркетинг банковских услуг // Энциклопедия маркетинга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://emjume.elpub.ru/jour/article/view/677> (дата обращения: 27.12.2022).
6. Умаров Х. С. Роль финтех-стартапов в современном обществе // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27. – № 8 (812). – С. 1911-1930.
7. Аржаев Ф. И. Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство как инструмент сокращения проблемы север-юг в азиатском регионе: настоящее и будущее // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 2 (129). – С. 435-438.
8. Микрина В. Г. Роль международной организации труда в защите и поощрении трудовых прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 11 (126). – С. 165-169.
9. Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Эволюция антикоррупционного законодательства в России (социально-философский анализ) // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 10 (77). – С. 213-215.
10. Валиев Э., Вейсов Э. Банковский маркетинг: особенности, новые тенденции и перспективы // Экономика и управление. – 2019. – № 7. – С. 83-88.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-403-404

ПОПОВА Юлия Александровна

старший преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАВКИ ДИСКОНТИРОВАНИЯ ДЛЯ УЧЁТА ОПЕРАЦИЙ АРЕНДЫ ПО ФСБУ 25/2018

В 2022 году принятие к обязательному использованию ФСБУ 25/2018 в целях учёта операций аренды поднимает ряд методических вопросов, связанных с определением ставки дисконтирования. Актуальность исследования определяется необходимостью теоретико-методического анализа проблемы определения и расчёта ставки дисконтирования для учёта будущих платежей по операциям аренды. Объект исследования – совокупность объектов бухгалтерского, предоставляемые за плату во временное пользования имущества. Предмет исследования – приведённая стоимость будущих платежей предмета аренды. Цель исследования – теоретическое описание методического инструментария определения ставки дисконтирования для учёта операций аренды по ФСБУ 25/2018. Результаты исследования: 1. Рассмотрена категория негарантированной ликвидационной стоимости предмета аренды; 2. Рассмотрена категория справедливой стоимости аренды; 3. Представлен формализованный вид рассмотренных категорий экономического знания в виде расчётных формул; 4. Обосновано различие в расчёте ставки дисконтирования будущей стоимости арендных платежей предмета аренды и ликвидационной стоимости предмета аренды.

Ключевые слова: предмет аренды, бухгалтерский учёт, арендный платёж, аннуитет, ликвидационная стоимость, восстановительная стоимость.

POPOVA Yuliya Alexandrovna

senior lecturer of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE PROBLEM OF DETERMINING THE DISCOUNT RATE FOR ACCOUNTING FOR LEASE TRANSACTIONS ACCORDING TO FSB 25/2018

In 2022, the adoption of the mandatory use of FSB 25/2018 in order to account for lease transactions raises a number of methodological issues related to the determination of the discount rate. The relevance of the study is determined by the need for a theoretical and methodological analysis of the problem of determining and calculating the discount rate to account for future payments on lease transactions. The object of research is accounting objects provided for a fee for the temporary use of property. The subject of the study is the present value of future payments of the rental item. The purpose of the study is a theoretical description of the methodological tools for determining the discount rate for accounting for lease transactions according to FSB 25/2018. Research results: 1. The category of the non-guaranteed liquidation value of the rental item is considered; 2. The category of the fair value of the lease is considered; 3. The formalized form of the considered categories of economic knowledge in the form of calculation formulas is presented; 4. The difference in the calculation of the discount rate of the future value of lease payments of the rental item and the liquidation value of the rental item is justified.

Keywords: rental item, accounting, rental payment, annuity, liquidation value, replacement value.

Основная часть

ФСБУ 25/2018 формирует новые необходимые требования бухгалтерского учёта организаций в случае получения платежей за временное пользование имуществом. Новые положения ФСБУ 25/2018 формируют ряд требований в части сближения с Международным стандартом финансовой отчётности МСФО (IFRS) 16 «Аренда» по трём основным категориям экономического знания:

1. Справедливая стоимость предмета аренды, которая формируется из двух составных элементов: негарантированная ликвидационная стоимость предмета аренды и сумма будущей стоимости арендных платежей;

2. Негарантированная ликвидационная стоимость предмета аренды суммы, как сумма средств, подлежащая оплате (получению) в связи с гарантией выкупа предмета аренды по истечению срока аренды;

3. Стоимость платежей за пользование предметом аренды, либо единовременная, либо периодическая: переменная или постоянная (аннуитет), которые требуют дисконтирования с целью приведения суммы будущих стоимостей к текущей стоимости;

4. Ставка дисконтирования процентная величина которой, по истечению срока эффективной эксплуатации пред-

мета аренды формирует величину справедливой стоимости (равной негарантированной ликвидационной стоимости аренды).

В части объекта бухгалтерского учёта при поступлении платежей от временного пользования имуществом в ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учёт аренды» в пункте 15 сказано следующее: «Приведенная стоимость будущих арендных платежей определяется путем дисконтирования их номинальных величин. Дисконтирование производится с применением ставки, при использовании которой приведенная стоимость будущих арендных платежей и негарантированной ликвидационной стоимости предмета аренды становится равна справедливой стоимости предмета аренды. При этом негарантированной ликвидационной стоимостью предмета аренды считается предполагаемая справедливая стоимость предмета аренды, которую он будет иметь к концу срока аренды...» [1]. Негарантированную ликвидационную стоимость аренды следует понимать как: «Ликвидационная стоимость – стоимость объекта основных средств, определяемая как стоимость основных средств на момент окончания срока технической эксплуатации (или полезного использования), которая состоит из потенциального дохода от реализации основных средств за минусом расходов по организации выбытия основных средств» [2, с. 74]. При этом справедливую стоимость, как

экономическую категорию мы понимаем как: «Справедливая стоимость (англ. «fair value») – такая сумма денежных средств, которая теоретически используется заинтересованными сторонами, как возможность покрытия активов или обязательств» [3, с. 88].

Тогда, учитывая дефиниции, представленные выше, мы можем формализовать содержание пункта 15 ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», формула 1:

$$CC_A = BC_{АП}/(1 + R)^t + LC_{НГ}/(1 + R')^t \quad (1)$$

где

CC_A – текущая справедливая стоимость накопленного объема арендных платежей за t лет, тыс. руб.

$BC_{АП}$ – будущая стоимость накопленного объема арендных платежей за t лет, руб.

$LC_{НГ}$ – негарантированной будущей ликвидационной стоимости предмета аренды, руб.

t – горизонт планирования, лет.

R, R' – ставки дисконтирования приведения будущей стоимости накопленного объема арендных платежей и приведения негарантированной будущей ликвидационной стоимости предмета аренды к стоимости текущего периода, доли.

Тогда негарантированная будущая ликвидационная стоимость предмета аренды будет формализована в следующем расчётном виде, формула 2:

$$LC_{НГ} = [(CM - PB) * (1 + i)^t]/(1 + R')^t \quad (2)$$

где

$LC_{НГ}$ – негарантированная будущая ликвидационная стоимость предмета аренды, руб.

CM – стоимость материалов и конструкций аренды в текущих ценах, руб.;

PB – стоимость расходов на выбытие предмета аренды, руб.

i – переводной коэффициент цен на конец и начало периода аренды, за весь срок полезного использования предмета аренды, проценты.

n – срок полезного использования предмета аренды, лет.

t – горизонт планирования, лет.

R' – ставка дисконтирования приведения негарантированной будущей ликвидационной стоимости предмета аренды к стоимости текущего периода, доли

Возникает первый методический вопрос – разделения ставок дисконтирования при приведении будущих стоимостей арендных платежей и негарантированной будущей ликвидационной стоимости предмета аренды. Логика схождения/различия значениях R и R' следующая:

1. в случае схождения, логика в следующем: текущая справедливая стоимость накопленного объема арендных платежей устанавливается в текущий момент при этом ставки дисконтирования для приведения будущих стоимостей арендных платежей и негарантированной будущей ликвидационной стоимости предмета аренды считаются равным между собой: $R = R' = x$, тогда формула 1 принимает виду

уравнения в котором мы легко можем найти ставку дисконтирования, формула 3:

$$\begin{aligned} CC_A &= BC_{АП}/(1 + R)^t + LC_{НГ}/(1 + R')^t = \\ &= x^t = [BC_{АП} + LC_{НГ}]/(1 + x)^t \\ &= BC_{АП}/(1 + x)^t + LC_{НГ}/(1 + \end{aligned} \quad (3)$$

Тогда $(1 + x)^t = [BC_{АП} + LC_{НГ}]/CC_A$, тогда

$$x = \sqrt[t]{\frac{[BC_{АП} + LC_{НГ}]}{CC_A}} - 1$$

где

$x = R = R'$ – единая ставка дисконтирования будущих стоимостей арендных платежей и негарантированной будущей ликвидационной стоимости предмета аренды, в долях.

2. в случае приведения будущих стоимостей арендных платежей согласно ФСБУ 25/2018 ставка дисконтирования рассчитывается исходя из стоимости заимствования, по которой арендатор гипотетически мог бы привлечь средства, тогда актуальной остаётся общий вид формулы 1:

$$CC_A = BC_{АП}/(1 + R)^t + LC_{НГ}/(1 + R')^t$$

Заключение

В данном исследовании рассмотрены вопросы, раскрываемые в ФСБУ 25/2018 в целях учёта операций аренды, представлен формализованный вид определения ставки дисконтирования для учёта операций по аренде. Приведение требований бухгалтерского учёта организаций в случае получения платежей за временное пользование имуществом к международным стандартам позволяет осуществить сопряжение национальных систем учёта.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный стандарт бухгалтерского учета ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды».
2. Попова Ю. А. Проблема оценки ликвидационной стоимости для учёта амортизационных отчислений // Дискуссия. – 2022. – № 2 (111). – С. 70-76. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-2-111-70-76. – EDN BDNBGS.
3. Попова Ю. А. Понятие справедливой стоимости основных средств в практике бухгалтерского учёта // Дискуссия. – 2022. – № 3 (112). – С. 86-92. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-3-112-86-92. – EDN WQEAAT.

ШАЛАГИН Александр Юрьевич

кандидат экономических наук, главный специалист – эксперт Отделения Социального фонда России по Республике Башкортостан

ХАРИСОВА Карина Рустамовна

студент 3 курса 307Б группы Педиатрического факультета Башкирского государственного медицинского университета

ЛАТЫПОВА Эльвира Робертовна

студент 3 курса 320А группы Лечебного факультета Башкирского государственного медицинского университета

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПОСТПАНДЕМИЙНОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается финансирование медицины в условиях довольно высокой турбулентности экономики. В свете последних событий, связанных с COVID-19, система здравоохранения оказалась не всегда готовой ответить на вызовы времени. Пандемия подчеркнула важность предоставления медицинских услуг новыми и абсолютно разными способами. В здравоохранении за довольно короткий период времени произошли серьезные изменения. Мединдустрия переживает множество преобразований и новые технологии требуют увеличения финансирования. Преодоление проблем системы здравоохранения даст толчок к новым открытиям, позитивным изменениям и выходу на совершенно новый уровень развития, что требует увеличения затрат. В работе освещаются источники финансирования и плановые показатели на будущий год, предлагаются конкретные механизмы стабилизации ситуации. Проведенный в статье анализ, указывает на необходимость динамики увеличения финансовых затрат данной сферы.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, медицинские услуги, финансирование, бюджет, рубли, технологии.

SHALAGIN Alexander Yurjevich

Ph.D. in economical sciences, chief specialist – expert of the Department of the Social Fund of Russia for the Republic of Bashkortostan

KHARISOVA Karina Rustamovna

student of the 3rd course of the 307B group of the Pediatric Faculty of the Bashkir State Medical University

LATYPOVA Elvira Robertovna

student of the 3rd course of the 320A group of the Medical Faculty of the Bashkir State Medical University

FINANCING OF POST-PANDEMIC HEALTH CARE

The article discusses the financing of medicine in conditions of rather high turbulence of the economy. In the light of recent events related to COVID-19, the healthcare system has not always been ready to respond to the challenges of the time. The pandemic highlighted the importance of providing medical services in new and completely different ways. Serious changes have taken place in healthcare in a fairly short period of time. The medical industry is undergoing many transformations and new technologies require increased funding. Overcoming the problems of the healthcare system will give impetus to new discoveries, positive changes and reaching a completely new level of development, which requires an increase in costs. The paper highlights the sources of funding and targets for the next year, and suggests specific mechanisms for stabilizing the situation. The analysis carried out in the article indicates the need for the dynamics of increasing the financial costs of this area.

Keywords: healthcare, medicine, medical services, financing, budget, rubles, technologies.

Финансирование обществом развития здравоохранения имеет не только социальное, но и экономическое значение. Опыт развитых стран показывает, что эффективность медицинской сферы обслуживания заключается в восстановлении и поддержании здоровья индивида, который является главной составной частью производительных сил общества. В конечном счете высокий уровень медицины дает высокую производительность труда.

Сегодня финансовое обеспечение медицины осуществляется из бюджетных источников, средств работодателей и средств населения. В зависимости от доли бюджетных ассигнований можно выделить большинство развитых стран (Германия, Франция, Швеция, Италия и др.) с бюджетно-страховой моделью. Эти страны финансируют медицинские расходы из бюджета и отчислений работодателей. Великобритания осуществляет финансирование, главным образом, из бюджета. США содержит систему здравоохранения через фонды добровольного медицинского страхования [1].

Сравнение расходов на здравоохранение в РФ и странах Евросоюза представлено на рисунке 1. Финансирование здравоохранения в РФ в 2018 г. составило 3,2 % ВВП, что в 1,6 раза ниже, чем в «новых-8» странах ЕС (5,0 %), и в 2,5 раза ниже, чем в «старых» странах ЕС (7,9 %). Подушевые государствен-

ные расходы на здравоохранение в РФ в 2018 г. составили 880 \$ППС в год, что в 1,9 раза ниже, чем в «новых-8» странах ЕС (1665 \$ППС), и в 4,1 раза ниже, чем в «старых» странах ЕС (3585 \$ППС). На данный год процентное соотношение, практически, не изменилось [4].

Основными источниками финансирования здравоохранения в России являются федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ, местные бюджеты и средства обязательного медицинского страхования (ОМС). Дополнительными источниками выступают добровольное медицинское страхование и платные услуги, однако их доля в структуре финансирования здравоохранения незначительна.

Место здравоохранения как отрасли услуг региональной экономики определяется тем, что оно наряду с социальным и пенсионным обеспечением, образованием, культурой и искусством, физической культурой и спортом, жилищно-коммунальным хозяйством является частью социальной сферы [6].

Учитывая данные тенденции Правительство России распорядилось затратить федерального бюджета на здравоохранение в 2023 году. На сферу медицины выделено 1,469 трлн рублей бюджетных средств (1 % от ВВП), что на 215 млрд рублей больше, чем в 2022 году. 1,1 трлн рублей выделены

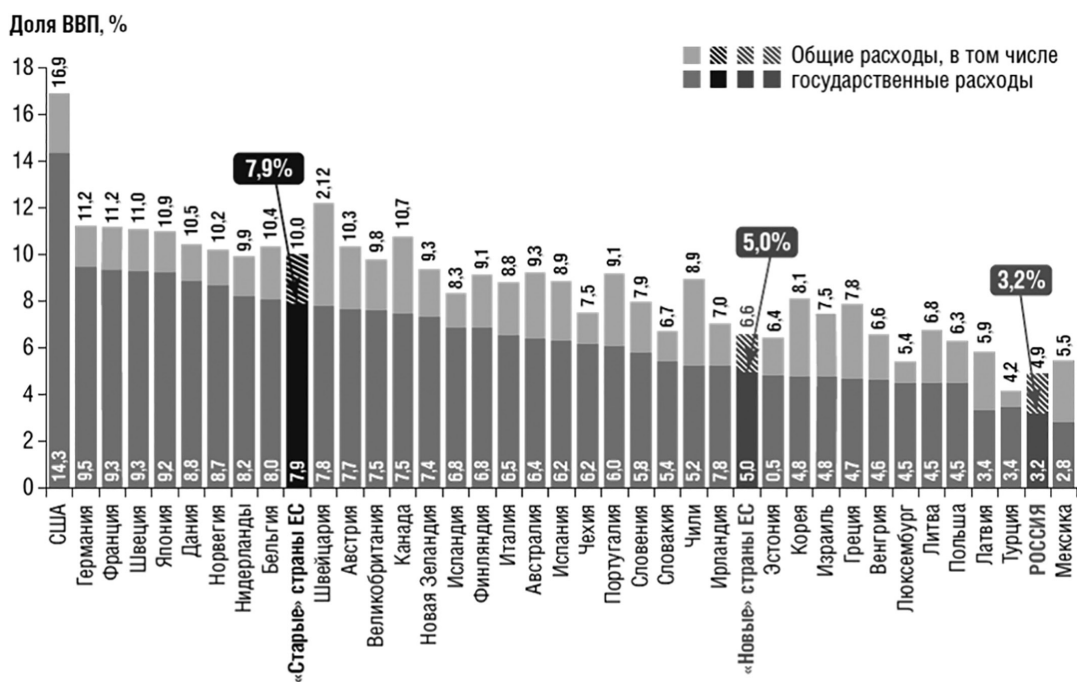

Рисунок 1. Государственные расходы на здравоохранение в РФ и странах ЕС [4].

по пункту «Развитие здравоохранения», а 309 млрд рублей – на профильный нацпроект. При этом больше всего, как и в 2022 году, заложено на «Борьбу с онкологическими заболеваниями», 153,7 млрд рублей, здесь финансируется переоборудование онкологических пунктов. Резкое удорожание оборудования и стройматериалов привело к нарушению графика сдачи некоторых медицинских объектов в 2021 году. Аналогичная проблема существует для базовой программы ОМС, темпы увеличения подушевого норматива финансового обеспечения которой, предусмотренные бюджетом ФОМС, второй год подряд не покрывают фактического уровня инфляции. Однако заложено дополнительное финансирование ряда медицинских строек, дооснащение объектов.

До 280 млрд рублей (со 177,4 млрд рублей) вырастут затраты на разработку программы госгарантий и организацию ОМС. Увеличение финансирования предусмотрено по федеральным проектам «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)» (в 2023 и 2024 году на 2,2 млрд и 2,4 млрд руб. соответственно) и «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» (на 1,8 млрд и 2,1 млрд руб.), оказывающим относительно слабое влияние на здоровье населения [5].

Запланирован рост государственных расходов на здравоохранение из всех источников в текущем году, по сравнению с 2022-м, в действующих ценах на 4 % (211 млрд руб.). В реальных ценах 2019 года они уменьшатся на 2 %, если инфляция не превысит 6 %. Там, где есть сокращение расходов, оно проведено не механически, как бывало ранее, – на все проекты в одинаковой пропорции, а по конкретным направлениям и объектам [3].

Наиболее существенное увеличение расходов ФОМС запланировано по статье нормированного страхового запаса (НСЗ), что может объясняться стремлением усилить защиту системы ОМС в условиях неопределенности. Одновременно пересмотрен порядок использования этих средств, допускающий расходование на финансовое обеспечение отдельных решений правительства без дальнейшей детализации [6].

Таким образом, совершенствование системы финансирования здравоохранения является ключевым звеном модернизации отрасли. Речь идет не только о необходимости увеличения объема выделяемых ассигнований, но и о финансовом механизме их эффективного использования [2]. Последствия пандемии COVID-19 будут проявляться в последующие годы, и для их преодоления нужны дополнительные расходы на профилактику

обострений, лечение заболеваний и реабилитацию пациентов. Сохраняются и высокие риски новых эпидемий. При том, что общие доходы федерального бюджета, должны уменьшиться, наблюдается рост масштабов финансирования медицинской сферы государством. Рост финансирования дает возможность добиться наилучших результатов в области медицины. Потому, что снижение государственных расходов на медицину может стать препятствием для снижения смертности населения, увеличения ожидаемой продолжительности жизни и расширения доступности бесплатной медицинской помощи.

Пристатейный библиографический список

- Iziliaeva L. O., Kharisova A. Z., Farkhutdinov A. M., Sultanova L. F. Economic and sociopolitical implications of the COVID-19 pandemic in global energy markets // В сборнике: Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham. – 2022. – С. 647-651.
- Харисова А. З., Карачурина Г. Г., Шарафуллина Р. Р. Модернизация социально-экономического состояния России: новая экономика // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 9 (136). – С. 395-396.
- Карачурина Г. Г., Садыков Р. М., Халикова Э. К. Оценка социально-экономического благосостояния населения российского региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18. – № 10 (481). – С. 1910-1925.
- Улумбекова Г. Э., Гинойн А. Б., Калашникова А. В., Альвианская Н. В. Финансирование здравоохранения в России (2021–2024 гг.). Высшая школа организации и управления здравоохранением. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vshouz.ru/journal/2019-god/finansirovanie-zdravookhraneniya-v-rossii-2021-2024-gg/> (дата обращения: 21.12.2022).
- Дмитрий К., Бородин М. Мединдустрия. Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 19.12.2022).
- Финансы медицинских учреждений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance-credit.news/osnovyi-finansov-ekonomika/finansyi-meditsinskih-uchrejdieniy-55025.html> (дата обращения: 20.12.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-407-408

ЧУМЛЯКОВ Кирилл Станиславович

кандидат технических наук, доцент кафедры транспортных и технологических систем Тюменского индустриального университета

ЧУМЛЯКОВА Дарья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета

ФОРМИРОВАНИЕ ПОРТФЕЛЯ СТРАТЕГИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Статья посвящена разработке механизма стратегирования развития международной транспортной инфраструктуры. Представлен процесс формирования портфеля альтернативных стратегий интернационализации транспортной инфраструктуры, который включает в себя ряд последовательных этапов (действий), таких как: проведение анализа; формулирование цели, задач и сценариев; построение матрицы; формирование портфеля стратегий; организация, принятие и контроль выполнения решений, подведение итогов и оценка результатов. Также для выявления стратегических траекторий развития определены критерии, ориентированные на интернационализацию транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: интернационализация, международная транспортная инфраструктура, международные транспортные коридоры, интеграция.

CHUMLYAKOV Kirill Stanislavovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport and technological systems sub-faculty of the Tyumen Industrial University

CHUMLYAKOVA Darya Vladimirovna

Ph.D. in Economical sciences, associate professor of Economics and production organization sub-faculty of the Tyumen Industrial University

FORMATION OF A PORTFOLIO OF STRATEGIES FOR THE INTERNATIONALIZATION OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE

The article is devoted to the development of a mechanism for strategizing the development of international transport infrastructure. The process of forming a portfolio of alternative strategies for the internationalization of transport infrastructure is presented. This process includes a series of sequential steps (or activities), such as conducting an analysis; formulation of goals, objectives and scenarios; building a matrix; formation of a portfolio of strategies; organization, adoption and control of the implementation of decisions, summing up and evaluating the results. The list of characteristics focused on the internationalization of transport infrastructure is determined to search for development trajectories.

Keywords: internationalization, international transport infrastructure, international transport corridors, integration.

Различными учеными и специалистами, в том числе российскими, исследуются тенденции и трансформации интернационализации. В общем смысле под интернационализацией подразумевается важнейший ресурс развития, отражающий процесс интеграции международного, межкультурного и глобального измерения во все аспекты деятельности (цели, функции и процессы) через развитие стратегических партнерств [7]. Особое внимание в исследованиях уделяется изучению мирового опыта интернационализации, совершенствованию национальной политики и реализации стратегий развития отраслей и организаций, задействованных в глобальных бизнес-процессах.

В равной мере представлены научные работы в сфере исследования транспортных систем. В частности, под интернационализацией транспорта понимается «явление в мировой экономике, неизбежно вытекающее из интернационализации всех сфер общественного воспроизводства (производства и капитала), а также выражающее процесс создания и развития связей между национальными транспортными системами, когда транспортная система одной страны выступает частью мирового транспортного про-

странства» [1]. Или, применительно к железнодорожному транспортному комплексу России и интеграции восточных регионов РФ, это явление представляется как вектор модернизации и интеграции транспортной системы в международное разделение труда через систему структур, институтов, механизмов, свойственных современному мировому интеграционному процессу [2].

Высокий потенциал и актуальность имеют перспективы научных исследований в сфере стратегического планирования интернационализации транспорта. Центральным и основополагающим моментом такого планирования является формирование стратегических альтернатив и стратегический выбор. В этой связи предметом исследования авторов станет формирование портфеля стратегий интернационализации транспортной инфраструктуры (далее – ТИ).

Для выявления стратегических траекторий интернационализации ТИ необходимо определить критерии, ориентированные на интернационализацию. На рис. 1 представлен предварительный перечень критериев, определяющих интернационализацию ТИ.

Рисунок 1. Предварительный перечень критериев, определяющих интернационализацию ТИ

Как видно, на формирование вариантов стратегий интернационализации ТИ могут оказывать решающее влияние различные критерии, характеристики ТИ. Отбор и формирование перечня критериев производился на основании анализа исследований отечественных и зарубежных авторов. Результаты отбора показали, что критерии целесообразно разделить на две основные группы: а) технико-экономические характеристики и прочие особенности ТИ; б) региональные особенности в развитии ТИ, характеризующие особенности региона присутствия.

Представленные критерии будут учитываться при формировании портфеля стратегий. Особенно важным является то, что необходима не просто констатация этих критериев, решающим будет являться стратегирование их изменения на перспективный период. Так, формируемый портфель стратегий интернационализации ТИ должен будет отражать прогноз относительно траекторий их изменения, а также относительно появления новых критериев. Такое стратегирование может осуществляться с применением известных аналитических методов и моделей стратегического планирования и прогнозирования, например, модели БКГ, МакКинси, Хофера-Шенделя, М. Портера, И.

Ансоффа и др. Не так давно учеными и практиками был разработан адаптивный инструмент для постановки стратегических планов – сценарное планирование. С его помощью формулируются цели и задачи, разрабатываются альтернативные сценарии развития.

В основе формирования портфеля стратегий интернационализации ТИ лежат социально-экономические цели и национальные транспортные задачи [3], [4]. Процесс формирования портфеля альтернативных стратегий интернационализации ТИ представлен на рис. 2.

Такой подход к формированию портфеля стратегий интернационализации ТИ позволяет анализировать внешнюю деятельность и внутреннюю структуру отрасли, при формировании сценариев сочетать как действительную информацию, так и предполагаемые важные события [5]. Разработанные решения будут отражать различные варианты развития этих событий, а сформированный портфель стратегий интернационализации – обладать гибкостью и позволять своевременно корректировать принятые стратегические решения в разных ситуациях.

Также отметим, что интернационализация национальной ТИ будет способствовать равномерному устойчи-

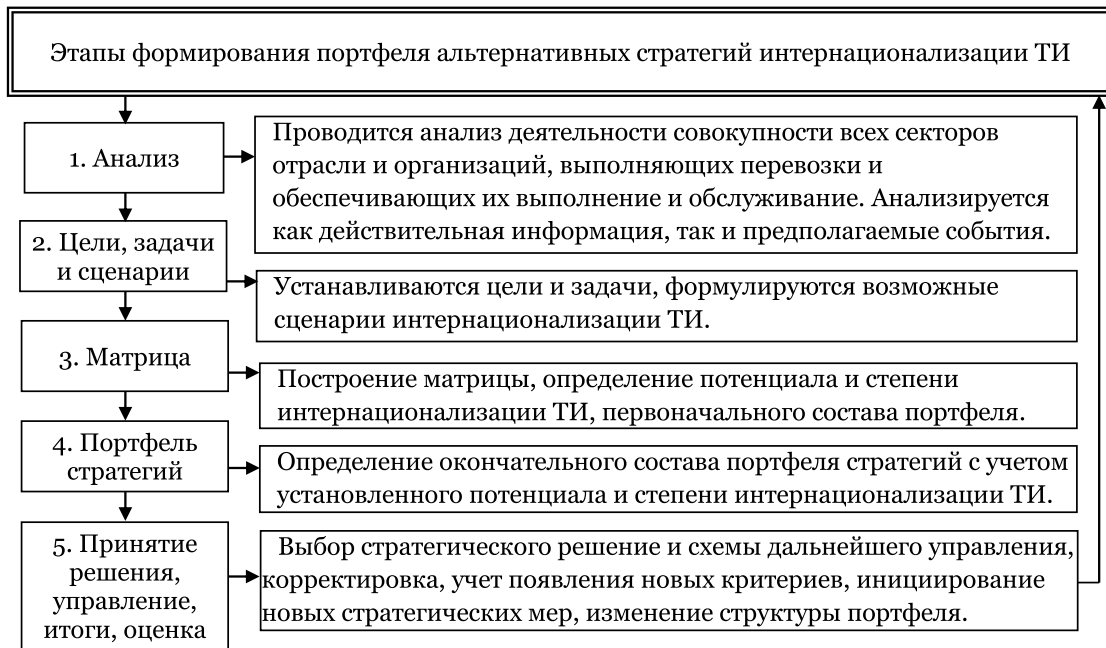

Рисунок 2. Процесс формирования портфеля альтернативных стратегий интернационализации ТИ

вому экономическому росту макрорегионов страны, обеспечит наиболее благоприятные условия для интеграции России в международное пространство [6].

Пристатейный библиографический список

1. Кизим А. А. Интернационализация транспорта как предпосылка развития мировой торговли // Транспортный вестник. – 2016. – № 1. – С. 23-26.
2. Нехорошков В. П. Интернационализация транспортного комплекса как фактор интеграции России в мировую экономику: дис. ... докт. эконом. наук: 08.00.14 / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2015. – 459 с.
3. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // Правительство России. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/7enYF2uL5kFZlOOpQhLl0nUT91RjCbeR.pdf> (дата обращения: 24.05.2022).
4. Гаваев А. С., Ярков С. А., Чикишев Е. М., Чумляков К. С. Транспортные системы и терминальные комплексы: Учебное пособие. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2020. – 92 с.
5. Чумляков К. С. Методологический подход к развитию международной транспортной инфраструктуры в условиях интернационализации мирохозяйственных связей // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики: Материалы XVII международной научно-практической конференции молодых ученых, Екатеринбург, 11-12 марта 2020 года, 2020. – С. 204-207.
6. Чумляков К. С. Интернационализация национальной транспортной инфраструктуры в условиях неравномерности пространственного развития // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 5 (144). – С. 447-449.
7. Knight J. Internationalization of Higher Education Practices and Priorities. – Paris: International Association of Universities (IAU), 2003.

БРОНДЗ Вадим Анатолевич

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

В условиях современных тенденций движущей силой социально-экономического развития являются инновации, определяющие сценарии инновационного развития общества. В статье представлены теоретические исследования инноваций и экономического развития, проанализированы известные подходы к классификации инноваций, обозначены и раскрыты основные факторы, способствующие переходу предприятия к инновационной экономике. Дана оценка вариантам функционирования инновационной сферы предприятия, предложенная учеными и предложен авторский инновационно-цифровой вариант функционирования инновационной сферы, дополняющий любой из имеющихся вариантов с целью получения синергетического эффекта. В завершении дано определение инновационной среды предприятия.

Ключевые слова: инновации, новшества, инновационное развитие, инновационная сфера, инновационная среда, цифровая экономика, информация.

BRONDZ Vadim Anatoljevich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technical University

THEORETICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF AN INNOVATIVE ENTERPRISE ENVIRONMENT

In the conditions of modern trends, the driving force of socio-economic development is innovation, which determines the scenarios of innovative development of society. The article presents theoretical studies of innovation and economic development, analyzes well-known approaches to the classification of innovations, identifies and reveals the main factors contributing to the transition of an enterprise to an innovative economy. The evaluation of the variants of the functioning of the innovative sphere of the enterprise, proposed by scientists, is given and the author's innovative digital version of the functioning of the innovative sphere is proposed, complementing any of the available options in order to obtain a synergetic effect. In conclusion, the definition of the innovative environment of the enterprise is given.

Keywords: innovations, innovations, innovative development, innovative sphere, innovative environment, digital economy, information.

Особенности современного этапа развития экономики, характеризующиеся технологический, продуктовый, рыночным и информационным разнообразием, зарождением экономики знаний и повышением качества человеческого капитала, определяют интеграцию национальных, региональных, отраслевых и корпоративных экономических систем в глобальные инновационные тенденции и соответствующие им эволюционные научно-технические перспективы. Безусловно, основным фактором успеха признаются инновации и эффективное управление инновационными процессами на всех уровнях.

Не всегда инновации связаны с большими компаниями. Существуют варианты, когда небольшие фирмы или же просто команда энтузиастов готова начать научный проект и после этого заняться коммерциализацией его результатов, однако не имеет достаточного количества средств. В этом случае они ищут инвесторов, которые заинтересовавшись проектом, могут выделить нужные средства.

Теоретические исследования инноваций и экономического развития были в центре внимания Н. Кондратьева, Й. Шумпетера, К. Маркса, Ф. Валенты, Ю. Яковца, Д. Твисса, С. Глазьева, П. Завлина, А. Казанцева, С. Дж. Уинтера, Р. Нельсона, и других. Новые веяния в развитии теории инноваций вносят В. Баранчев, Н. Масленникова, Б. Мильнер, О. Донцова, С. Ильенкова и другие.

Интенсивное развитие теоретико-методологических исследований позволило сформулировать научное объяснение инноваций как внедрение новшеств (Й. Шумпетер), как результат научно-технической деятельности (К. Маркс), как результат научно-технического прогресса (В. Комаров), как результат внедрения в производство новых ценностей (Б.

Твисс, С. Глазьев, В. Медынский) и как результат внедрения новшеств в практическую деятельность (П. Завлин, Ю. Яковец, А. Казанцев). Обобщёнными признаками инноваций выступают новизна, практическая реализуемость и экономическая полезность.

Шумпетер Й.– один из родоначальников теории инноваций в своей книге «Теория экономического развития» [1] выделил «пять типов инноваций»:

- 1) новый продукт или новое качество продукта;
- 2) новый технологический способ или метод производства, которые могут быть основаны на новых способах уже существующих благ;
- 3) освоение новых рынков сбыта, на которых продукция или технология еще не были представлены;
- 4) получение нового источника сырья;
- 5) проведение организационных мер по модернизации или совершенствованию внутренней структуры предприятия, укреплению его на рынке.

При этом инновации Шумпетер рассматривал не просто как новшества, а как комбинацию факторов производства, а нововведения он считал не более чем потенциалом, для использования которого необходима активность. При этом инновации Шумпетер рассматривал не просто как новшества, а как комбинацию факторов производства, а нововведения он считал не более чем потенциалом, для использования которого необходима активность. Менш Г. в своих исследованиях выявил неравномерный характер инновационной активности, появляющийся в виду того, что предприятия ориентируются на текущую доходность, допуская депрессивные состояния и упуская долгосрочные возможности инновационного инвестирования [2].

Ряд ученых в процессе исследований отождествляли инновации с инвестициями, хотя последние являются объектом капитальных вложений, в том числе участвуют в процессах инвестирования инновационных процессов. Так, на пороге нового тысячелетия Завлин П. Н. и Васильев А. В. утверждали, что «инновации становятся главным «действующим лицом» теоретических сценариев и практической реализации современной научно-технической революции, несколько оттеснив инвестиции, господствующие много лет в качестве главного фактора экономического роста» [3].

В руководстве Осло, инновации – это введение в употребление нового или значительно улучшенного продукта или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода. В этом документе обозначены «ключевые группы инноваций: технологические и институционные, маркетинговые и организационные» [4].

Технологические инновации являются результатом НИОКР, выступающих как важнейший вид научно-технической деятельности. Данные инновации распространяются на способы и методы производства, но технологические регламенты. Данный документ к технологическим инновациям относит продуктовые (разработка и освоение новых видов продукции) и процессные инновации (новые технологические процессы производства продукции). Между двумя данными типами существует тесная взаимосвязь – производство и продажа нового продукта влечет за собой изменение производственного процесса. Изменение же технологии производства влияет на концепцию конечного продукта.

Институциональные инновации затрагивают организационный аспект функционирования предприятия посредством изменений методов проведения операций в экономике, а также в организации рыночного и институционального взаимодействия.

Кроме вышеперечисленных типов инноваций, имеется в данном документе еще один признак типологизации инноваций в зависимости от степени новизны – радикальные и инкрементальные.

Радикальные инновации – это значимые инновации, базирующиеся на прорывных научных и прикладных исследованиях, основанных на новых знаниях и научно-технических принципах. Они требуют проведения фундаментальных исследований, значительных инвестиционных расходов, а потому сопровождаются неопределённостью и рисками долгосрочной окупаемости вложений. Инкрементальные инновации также базируются на научных и прикладных исследованиях, цель которых модернизация и модификация технологий и продукта. Они сопровождаются меньшим функциональным риском, не требуют больших инвестиционных вложений, но и преследуют меньшие объемы прибыли. Однако, инкрементальные инновации способствуют повышению деловой репутации предприятия за счет инновационного потенциала [4].

Типологически инновации классифицируются и по ряду других признаков, многие из которых являются тождественными. Но важными классификационными признаками инноваций остаются новизна потребительских качеств и содержательный характер нововведений. По новизне потребительских качеств выделяют базисные инновации, несущие на предприятия и в отрасли новые технологии, новые продукты и новую рыночную аудиторию. По содержательному характеру нововведений инновации подразделяются на технологические, оказывающие влияние на ресурсосбережение,

ресурсоемкость, производительность; на продуктовые, позволяющие сформировать новые подходы к ценообразованию и новые рыночные преимущества предприятия; на организационно-управленческие инновации, способствующие появлению новых методов управления организационного и финансово-экономического характера.

Переход к постиндустриальной экономике вносит новые тенденции в развитие инноваций, появляются информационные и социальные инновации развивая инновационную теорию в направлении гуманитаризации, информатизации и цифровизации. Информационные инновации связаны с формированием информационных потоков в научной, научно-технической и инновационной деятельности. Социальные инновации направлены на развитие социальной среды бизнеса и формирование корпоративной социальной ответственности.

Под влиянием научных исследований формируются убеждения последовательного перехода к инновационной экономике, сопровождающейся в том числе и проявлением противоречий при внедрении нововведений в процессы и пространства экономических систем на каждом уровне институциональной сферы. Последовательность событий, в процессе которых научное знание превращается в инновацию, представляет собой инновационный процесс, результатом которого становятся новые технологии, новые виды продуктов, новые рынки и т.д. Инновационный процесс осуществляется в тесном единстве с инновационной сферой и инновационной средой, направленность которых зависит жизненного цикла предприятия.

Инновации являются частью воспроизводственных процессов, а потому должны осуществляться на постоянной основе, а мероприятия воспроизводственного характера должны взаимосвязываться между собой как через научный труд, так и по времени. Основными факторами, способствующими переходу предприятия к инновационной экономике, являются процессы инновационного типа, человеческий капитал, инновационные цели и полнота решения задач для достижения целей.

Запуск процессов инновационного типа связан с необходимостью зарождения инновационных идей в ответ на новые потребности потребителей и новые возможности конкурентов.

Человеческий капитал выполняет роль интеллектуальных трудовых ресурсов, отвечающих за генерирование идей и воплощение их в жизнь, за новые знания и их интерпретацию, за проявление творческих способностей, стимулирующих мышление, изобретательство, за проявление инициативы в продвижении процесса разработки инноваций до их внедрения, вплоть до их коммерциализации. Человеческий капитал определяет инициативу, является движущей силой, разрабатывает программы и мероприятия по переходу к экономике инновационного типа.

При формировании инновационных целей акцент делается на формировании стратегии внедрения инноваций, ее нацеленность на разработку технологий и производство продукции нового технологического уклада, формирование направлений инновационной деятельности, способствующих решению конкурентных задач. Полнота решения задач для достижения целей перехода предприятия к инновационной экономике зависит от арсенала инструментария организации, регулирования и стимулирования инновационной деятельности предприятия.

Развитие парадигмы инновационной ориентации привело к формированию инновационной модели, основанной на расширении масштабов научной, научно-технической, инновационной деятельности. Таким образом, теория инноваций и инновационного развития не стоит на месте, она обогащается новыми подходами, совершенствуются концептуальные положения по мере усложнения целей инновационного бизнеса и появления новых инновационных вызовов.

Так группа ученых [5] считает, что инновационная сфера, как сфера высоких технологий, в России может иметь четыре варианта функционирования:

– инерционный пессимистический вариант, характеризующийся низким уровнем приоритетности инновационной деятельности, в виду чего практически невозможен переход от сырьевой экономики к инновационной;

– инерционный оптимистический вариант, направленный на формирование прорывной стратегии экономического развития при учете модернизации базовых отраслей промышленности;

– умеренно оптимистический вариант, предполагающий формирование прорывных направлений нового технологического уклада, которые будут способствовать инновационному развитию системообразующих промышленных компаний, в том числе за счет активизации государственной инновационной политики;

– оптимистический вариант, связанный с созданием инновационного ядра в добывающих и перерабатывающих отраслях экономики с последующим преимущественным выпуском высокотехнологичной продукции.

Реализация любого из данных вариантов невозможна без повышения наукоемкости и инновационности экономических систем на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях, а также без цифровой трансформации экономической и инновационной деятельности.

В этих условиях, предложенный авторами перечень вариантов можно дополнить еще одним в контексте развития цифровой экономики и адаптации к ней передовых российских компаний: сбалансированный инновационно-цифровой вариант, предполагающий ускорение процессов создания новшеств и внедрения инноваций за счет цифровых инструментов системы управления инновационной деятельностью. Здесь речь идет о формировании, извлечении, структурировании, формализации информации о новых продуктах, новых технологиях, новых методах организации производства и управления бизнес-процессами предприятия, новых способах определения рынков. Обмен и использование данной информации через глобальную сеть позволит наиболее быстро генерировать и внедрять инновации во всех звеньях и на всех уровнях. Ценность данного варианта заключается в формировании единой базы данных о высокотехнологичной продукции, о высококонкурентных рынках, о высокопроизводительных рабочих местах, о наукоемких технологиях и т.д. [6]. Сочетание сформированных баз данных с новейшими технологиями доступа к информации, с инновационно-ориентированным программным обеспечением, а также с инновационной информационной инфраструктурой, содержащей определенный электронный контент об инновационном состоянии, позволит провести гибкую инновационную политику и определить контуры инновационной среды предприятия. Именно в этой среде зарождаются, создаются и внедряются инновации.

Следует отметить, что предложенный пятый вариант функционирования инновационной сферы, дополнит любой

из имеющихся вариантов, но синергетический эффект от реализации одновременно любого из вариантов с предложенным, определит интеграцию технологических и информационных возможностей формирования инновационной среды предприятия.

С этих позиций инновационную среду предприятия можно представить как единую площадку генерации идей, обмена знаниями, получения инновационных предложений из внешней среды, совокупность условий, в которых осуществляется инновационный процесс и факторов, стимулирующих развитие научного, научно-технического труда и инновационной деятельности [7].

И в заключении хотелось бы отметить, что первое упоминание об инновационной среде сделал Кондратьев Н. Д., разрабатывая концепцию длинных волн и подтвердив, что в экономике существуют средние и короткие циклы [8]. Он предположил, что для периодического циклического обновления экономических систем по траектории повышательных и понижательных волн должны быть созданы условия для внедрения инноваций. Именно совокупность условий для эффективной диффузии инноваций, переводящих хозяйственную конъюнктуру с понижательной волны на повышательную, и, наоборот, может называться инновационной средой.

Пристатейный библиографический список

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1992. – 286 с.
2. Mensch G. Das Technologische Patt: Innovationen überwinden die depression. Frankfurt am Main: Umschau. – Verlag, 1975. – 115 p.
3. Завлин П. Н., Васильев А. В. Оценка эффективности инноваций. – СПб.: Издательский дом «Бизнес-пресса», 1998. – 2016 с.
4. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3-е изд. Пер. с англ. – М.: ЦНИС, 2010. – 107 с. Oslo manual: Guidelines for collecting and interpreting innovation data. 3rd ed. – Paris: OECD/European Communities Publ., 2005. – 164 p. (Russ. ed.: Rukovodstvo Oslo. Rekomendatsii po sboru i analizu dannykh po innovatsiyam. 3-e izd. – Moscow: Centre for Science Research and Statistics Publ., 2010. – 107 p.).
5. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б. З. Мильнера. – М.: ИНФРА – М., 2010. – 624 с.
6. Valinurova L. S., Leibert T. B., Khalikova E. A. Innovative approaches to corporate financial management in business systems // В сборнике: The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects. – Cham, 2020. – С. 83-95.
7. Лейберт Т. Б., Третьяков К. А. Моделирование управления инновационными процессами развития предприятий // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 1. – С. 276-283.
8. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. – Вологда: Обл. отделение гос. изд-ва, 1922. – 258 с.

ГАЛИМНУРОВ Альберт Фидаилович

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИННОВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕХОДА ОТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ К ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются концептуальные и фундаментальные основы формирования теории инноваций. Дана содержательная характеристика и оценка вклада ученых в становление и развитие теории инноваций и инновационного развития. Рассмотрены инновации новейшего этапа экономического развития. Выявлено и определено доминирование информационных и цифровых инноваций при переходе общества от постиндустриальной к цифровой эпохе. Дано определение инновациям информационного содержания. Также обозначены цифровые и интеллектуальные факторы инновационного развития.

Ключевые слова: инновации, экономические инновации, инновационная деятельность, цикл, цифровые инновации, интеллектуальные ресурсы, инновационные факторы, постиндустриальное общество.

GALIMNUROV Albert Fidailovich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technical University

INNOVATIVE FACTORS OF TRANSITION FROM THE POST-INDUSTRIAL TO THE DIGITAL ERA OF SOCIETY DEVELOPMENT

The article discusses the conceptual and fundamental foundations of the formation of the theory of innovation. A meaningful characteristic and assessment of the contribution of scientists to the formation and development of the theory of innovation and innovative development is given. Innovations of the newest stage of economic development are considered. The dominance of information and digital innovations in the transition of society from the post-industrial to the digital era has been identified and determined. The definition of information content innovations is given. Digital and intellectual factors of innovative development are also identified.

Keywords: innovation, economic innovation, innovation activity, cycle, digital innovation, intellectual resources, innovative factors, post-industrial society.

Выбор пути развития экономики предприятия зависит от различных предпосылок концептуального и фундаментального характера. В данном случае речь идет о формировании новых экономических режимов и регламентов, способствующих не только эффективному использованию всех видов ресурсов в рамках созданного потенциала, но и заинтересованности предприятия в поиске собственных разработок экономических нововведений, способствующих созиданию нового образа развития, структурных сдвигов, коррелирующих с инновационными вызовами. Принципиально необходимым и важным становится сочетание внедрения механизмов инновационного развития во все бизнес-процессы.

Прежде всего, экономика предприятия, настроенная на его развитие, на рациональные изменения в структуре и формах производства и управления, на технологические преобразования, на внедрение новых знаний и развитие интеллектуальных ресурсов, всегда инновационна. Ее инновационность не означает стабильности, упорядоченности. Инновационность всегда сопровождается подъемами, спадами, прорывами, причем как во времени, так и в пространстве. В конечном итоге, это приведёт к формированию инновационного типа экономики, что, с точки зрения эволюционной теории, означает переход к новым технологиям, новым знаниям, новым продуктам, к новым рынкам в зависимости от их потребностей. А, с точки зрения теории инновационного развития – выявление так называемых внутренних факторов, производственное, комбинаторное сочетание которых подрывает равновесное развитие предприятия и открывает новые возможности, благодаря которым стержнем конкуренции становятся инновации, а прибыль становится вознаграждением за производство продуктов высокой технологии и открытие новых рыночных возможностей.

В экономической науке выделяется три этапа от зарождения до развития теории инноваций: первый этап приходится на начало двадцатого века и связан с именами таких ученых как Шумпетер Й, Кондрачев Н. Д. Тутан-Барановский М. Второй этап приходится на середину двадцатого столетия и связан с именами С. Кузнецца, Б. Твисса и других. И, третий этап, продолжается по настоящее время и связан с исследованиями Менша Г., Яковца Ю. В., Таффлера Э., Анчишкина А. И., Ван Дейна Я. и других.

Становление теории инноваций и инновационного развития связано с именем Й. Шумпетера, являющегося основоположников теории инновационного предпринимательства [1]. Шумпетер связывал появление инноваций с выявлением новых возможностей в комбинациях имеющихся и новых факторов производства, которые, по его мнению, определяют «динамические изменения в экономике» [1]. Он считал, что любое новшество может стать инновацией только при условии наличия потребности в нем, включении его в практическую реализацию в процессе технико-технологических, организационных и рыночных преобразований, при грамотной организации управленческой деятельности, повышающей заинтересованность в развитии инновационного бизнеса и проявлении инновационной активности.

Вклад Шумпетера в развитие определил развитие экономической системы в контексте следующих положений:

- управление инновациями;
- управление человеческими ресурсами;
- управление интеллектуальным потенциалом;
- управление инновационными проектами;
- коммерциализация инновационных продуктов, новых технологий;

Рисунок 1. Становление инноваций

- управление инновационными изменениями;
- управление неопределенностью и инновационными рисками.

В основе появления инноваций были факторы и знания, которые при условии интеллектуальных способностей и творческой деятельности новатора превращались в новшества. Новация обладает признаками новизны как совокупности потребности, исследований, решений и изменений.

И, наконец, ядро теории инноваций, сами инновации или нововведения. Исследованиями этой категории занимаются ученые по сей день. Но основоположники теории инноваций рассматривали ее с разных сторон (рисунок 1):

- во-первых, это процесс создания новшества, его трансформации и адаптации;
- во-вторых, как ограничения, определенные потребностями потребителя, использующего новшества;
- в-третьих, как результат использования новации, когда формируется инновационная стратегия по использованию этого новшества; осуществляется трансформация его функциональных качеств под нужды и потребности потребителя; новшество становится частью инновационной культуры и повышает инновационную восприимчивость к нему потребителя; новшество способствует повышению компетентности потребителя и приобретению им новых компетенций, повышающих качество его труда и способность участвовать в производстве высокотехнологичной продукции.

Крупным ученым-теоретиком в области инноваций являлся Н. Д. Кондратьев, открывший «длинные волны» и создавший модели циклических колебаний. Так называемые длинные волны Кондратьева имеют повышательную и понижательную тенденции, что выражалось в изменениях техники, технологий, в появлении новых изобретений, в изменении денежного обращения. Длинные волны сопровождаются длительными колебаниями, в которых, по мнению

Кондратьева, главную роль играют новации. То есть, структурные изменения экономики реагируют на нововведения, что в динамике влечет за собой прогрессивные изменения [2].

Благодаря усилиям Шумпетера, Кондратьева, сумевших научный опыт в инновационно-циклическую аксиому развития экономики, в последующем были разработаны глобальные инновационные модели, использовавшиеся для выработки ориентиров экономической политики долгосрочного экономического развития. Отечественные и зарубежные классики экономической науки в последующем в разных направлениях развили теорию инноваций. Существенный вклад в формулирование ключевых положений теории инноваций с позиции циклической конъюнктуры внес Туган-Барановский М. И. [3]. В итоге, опираясь на исследования циклической теории, Шумпетер сделал вывод, что инновационная активность в большей степени зависит от уровня циклических колебаний.

Янсен Ф. назвал инновацию коммерциализацией новой бизнес-идеи, выделив несколько аспектов очередности получения инновационного результата: технологический, прикладной, логистический и организационно-управленческий. Вместе с тем, используя комплексный метод, он показал процесс создания «арены инноваций», на которой без каких-либо противоречий реализуется упорядоченная последовательная цепь: технология-продуктовые инновации – рыночные инновации – организационно-управленческие инновации [4].

Кузнец С. ввел в экономическую теорию понятие эпохальных инноваций, определил влияние инноваций на экономический рост, причем не только технологических, а действующих комплексно с инновациями в других сферах жизнедеятельности [5].

Яковец Ю. В. в процессе исследований выявил взаимосвязь инновационных циклов и инновационных фаз, сформу-

лировал факторы и условия внедрения инноваций [6], что легло в основу разработанной им стратегии инновационного прорыва России на период до 2050 года [7], ориентированную «на распространение пятого и отдельных направлений перспективного шестого технологических укладов, на реализацию селективной научно-технической и инновационной политики, на активную поддержку государством базисных инноваций и создание благоприятного инновационного климата» [8].

Рассматривая природу инноваций, с тем, чтобы обеспечить согласованное представление о них и уменьшить степень неопределённости в результатах их внедрения, исследователи классифицировали их по различным признакам. То есть, изучая инновации, они выделяли их по разным признакам в зависимости от целеполагания в инновационно-ориентированных системах. Традиционно признаками классификации выступали: объект, сфера применения, уровень новизны, культура, пространство действия, роль в производстве.

Инновации новейшего этапа экономического развития в некоторых аспектах изменяют их суть, так как появляются новые знания, новые компетенции, новые потребности, происходят глобальные изменения в климате и окружающей среде, усиливается социальная направленность технологических преобразований, формируются новый финансово-кредитный механизм и новые источники инноваций. Ускорение темпов и ритмов прогрессирования и эволюционирования целей развития промышленных, финансовых и социальных сфер предопределило, по мнению Донцовой О. И. и Логвинова С. А. формирование нового формата современных экономических инноваций [9].

Совершенствуя содержательные аспекты инноваций, следует отметить их роль для разных заинтересованных лиц [10]. Так, для потребителей, задающих сам вектор потребностей в новшествах, инновации задают потребительскую стоимость; для собственников и акционеров инновации способствуют росту капитализации и наращению и моделированию акционерной стоимости; для работников компании инновации определяют стабильность в получении заработной платы; для партнеров и контрагентов инновации повышают инновационную привлекательность.

Переход общества от постиндустриальной к цифровой эпохе определил доминирование информационных и цифровых инноваций над продуктовыми, технологическими и рыночными. Если последние способствуют повышению конкурентоспособности продукции и поиску новых рыночных каналов реализации, росту конкуренции компаний в сфере производства, то цифровые инновации направлены на выявление новых возможностей и повышение эффективности во всех сферах деятельности компании.

Тем самым можно расширить сферу действия экономических инноваций нового формата, выделив организацию создания цифровых инноваций. Здесь речь идет об инновациях информационного содержания, представляющих собой не новый продукт, а новую функцию, позволяющих компании создавать информационное поле, в котором будут появляться извне технологические новинки из других институциональных, отраслевых и корпоративных систем. Изучение, внедрение и модернизация этих новшеств с использованием информационных технологий ускорит процесс информационной трансформации компании. Таким образом, цифровые инновации способствуют ускорению обмена в сфере новых научных разработок, новых технологий, новых продуктов, новых рынков сбыта, новых способов организации производства и управления. Тем самым, можно

констатировать, что цифровые инновации не пришли на замену технологическим, продуктовым, рыночным, организационно-управленческим инновациям базисного и улучшающего типа – они позволили их обогатить информационным инструментарием использования.

Также современная постиндустриальная эпоха, кроме цифровых факторов инновационного развития, дополняется и интеллектуальными факторами, которые появляются в результате развития знаний. Ведь именно знания являются источником инноваций, а значит, и факторами развития конкуренции и повышения конкурентоспособности компании. Вовлечение знаний в процесс разработки инноваций является доминирующим условием инновационного развития. Поэтому особый вид экономических инноваций нового формата связан с развитием и трансформацией инфраструктуры экономики знаний. Знания способствуют формированию технологического ядра инноваций, причем любых, так как именно технологии определяют прогрессивные изменения не только в технических регламентах, но и в продуктах, рынках. Обработка знаний и их передача осуществляются с помощью информации. Таким образом знания и информация становятся инновационным фактором развития постиндустриального общества.

Отсюда следует, что сегодня успех в реализации политики экономического роста и развития зависит от установления сложных нелинейных зависимостей между элементами новых технологий, новых продуктов, новых рынков, новых знаний, объединения цифровых и интеллектуальных ресурсов, что, в конечном итоге, усилит интеграцию инновационного и информационного полей развития экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1992. 286 с.
2. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда: Обл. отделение гос. изд-ва, 1922. 258 с.
3. Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы: История английских кризисов. Общая теория кризисов. 3-е, соверш. перераб. изд. СПб.: Т-во О. Н. Поповой, 1914. 466 с.
4. Янсен Ф. Эпоха инноваций. М: ИНФРА – М, 2002. 308 с.
5. Кузнец Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений. Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России. Под ред. Ю. В. Яковца. СПб.: Гуманистика, 2003 с.
6. Яковец Ю. В. М., Кузык Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М.: Институт экономических стратегий, 2006. Т. I: Теория и история цивилизаций. 768 с.
7. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва М.: Экономика, 2005. 624 с.
8. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Национальная стратегия инновационного прорыва // Экономика и управление. 2006. № 5. С. 2-8.
9. Донцова О. И., Логвинов С. А. Инновационная экономика: стратегия и инструменты формирования: учеб. пособие. М.: Альфа – М: ИНФРА – М, 2019. 208 с.
10. Belenkova O. A., Vanchukhina L. I., Leybert T. B. Innovative culture: nature, structure, implementation // В сборнике: 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on social sciences and arts SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. С. 531-538.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-416-418

ДОЛДА Наталия Ивановна

аспирант кафедры международного бизнеса и таможенного дела Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТОРГОВЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛОЩАДОК

В статье рассматривается выход российских малых и средних предприятий на внешние рынки, который сопряжен с рядом барьеров. Используя маркетплейсы компании имеют возможность интернационализировать свою деятельность и максимизировать прибыль с меньшим количеством издержек и рисков. Однако, выход на внешние рынки посредством торговых онлайн-площадок имеет свои особенности.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, торговые интернет-площадки, интернационализация, маркетплейс, электронная коммерция, международный рынок.

DOLDA Nataliya Ivanovna

postgraduate student of International business and customs sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

PROSPECTS FOR THE INTERNATIONALIZATION OF RUSSIAN SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES USING INTERNET TRADING PLANTS

The article discusses the entry of Russian small and medium-sized enterprises into foreign markets, which is associated with a number of barriers. Using marketplaces, companies have the opportunity to internationalize their activities and maximize profits with fewer costs and risks. However, access to foreign markets through online trading platforms has its own characteristics.

Keywords: small and medium enterprises, online trading platforms, internationalization, marketplace, e-commerce, international market.

Процесс выхода предприятий малого и среднего бизнеса на внешние рынки зачастую является длительным, финансово- и трудозатратным процессом. Оценив возможные перспективы экспорта, такие как предложение товаров для большего числа потребителей, реализация на внешних рынках уникального продукта или технологии, максимальное использование производственных возможностей для минимизации предельных издержек, экономия на масштабах производства, использование налоговых и финансовых выгод, повышение конкурентных преимуществ и узнаваемости бренда компании, предприниматели решаются на запуск процесса интернационализации деятельности.

Учитывая, что основными проблемами малых и средних предприятий при выходе на внешние рынки являются отсутствие необходимых финансовых ресурсов и кадровых компетенций, одним из перспективных направлений выхода на внешние рынки, которое минимизирует влияние указанных барьеров, может выступать онлайн-торговля.

С начал периода пандемии Covid-19 как в России, так и на международной арене электронные торговые площадки стали своеобразным полигоном для реализации товаров и услуг. В 2021 году топ-100 мировых маркетплейсов увеличили количество продаж на 28,37 %, в 2020-м году суммарная реализация товаров на площадках увеличилась на 19,54 %. Лидером среди торговых площадок в последние годы является входящий в группу компаний Alibaba маркетплейс Таобао, доход которого за последние 5 лет увеличился в пятикратном размере. На втором месте по величине продаж находится

компания Amazon, ее капитализация с 2016 года увеличилась в три раза [1, с. 18-19].

При первых шагах интернационализации бизнеса продвижение товаров посредством сети Интернет имеет определенные преимущества:

1. Выход международный на рынок посредством электронной торговли является менее затратным;
2. Компания имеет возможность предлагать свои товары покупателям всего мира и не нуждается в проведении маркетинговых исследований в каких-то определенных странах;
3. Предприятие имеет возможность, используя минимальные финансовые, трудовые и временные ресурсы, протестировать внешние рынки и получить обратную связь от клиентов;
4. Между покупателем и продавцом находится меньшее количество посредников;
5. Затраты, связанные с продажей товаров, легко спрогнозировать;
6. Для начала работы на международных маркетплейсах компании не требуется большой штат специализированных сотрудников.

Трансграничная онлайн-торговля имеет ряд отличий от классического экспорта товаров. В случае поставки своих товаров с использованием Интернет-площадок клиент в большинстве случаев покупает товар напрямую у продавца, не привлекая в сделку таких посредников как всевозможные торговые дома, дистрибьюторы, ритейл-сети. Также при использовании маркетплейсов не ограничены ни минимальные, ни максимальные размеры партий товаров, а отдельные

заказы доставляются международными курьерскими службами в любую точку мира в сроки от 2 – 3 дней.

При этом для эффективной трансграничной Интернет-торговли компаниям необходимо понимать свою целевую аудиторию, каким группам клиентов будет товар предприятия наиболее интересен. Эксперты рекомендуют начинать онлайн-экспорт с той модели продаж, которая используется на внутреннем рынке, в осуществлении которой есть опыт: B2B, B2C, B2B2C. Однако, стоит понимать, что продажа продукции B2B – это не всегда оптовые поставки. К примеру, юридическое лицо может купить на электронной площадке один станок по производству швейной продукции.

По модели B2C чаще всего экспортируют такие товарные группы как одежда и обувь, коллекционные вещи, товары для дома, косметика, электроника. В то время как B2C модель чаще всего используют для реализации товаров агропромышленного и лесопромышленного комплексов, оборудование, металлургия.

Трансграничная Интернет-торговля делится на два вида: продажа продукции через собственный интернет-магазин или посредством международных маркетплейсов. Для малых и средних предприятий, которые не имеют известного имени на глобальном или международном рынке, актуальным будет второй вариант продаж продукции. Кроме того, многие российские предприниматели малого бизнеса уже знакомы с ведением коммерческой деятельности путем продажи своих товаров на отечественных маркетплейсах.

Однако, учитывая специфику ведения трансграничной торговли таким путем, необходимо знать ряд особенностей перед началом международной деятельности. Во-первых, поскольку большинство площадок англоязычные, в штате компании должен быть сотрудник, владеющий английским языком не ниже среднего уровня, чтобы компания имела возможность оперативно отвечать на запросы клиентов, общаться в режиме онлайн. Также необходимо подготовить фотографии, текст и коммерческие предложения на английском языке. Кроме того, преимуществом будет наличие версии собственного сайта на английском языке. Это даст возможность потенциальным покупателям ознакомиться с другими предложениями компании. Во-вторых, перед размещением товаров на площадке маркетплейса, необходимо открыть в банке валютный счет или зарегистрироваться в валютных системах для совершения денежных операций. В-третьих, необходимо изучить все правила и ограничения электронной площадки, а также определить, не запрещена ли предлагаемая продукция в выбранных странах [6].

Также важный момент – выбор логистических партнеров. Необходимо убедиться, что они готовы осуществить поставку клиенту точно в срок. Выбор способа доставки зависит от модели продаж за рубеж. Это может быть трансграничная торговля: международное почтовое отправление, экспресс-доставка, грузовая отправка или же вывоз товаров за рубеж с помощью партнеров, фулфилмент, бондовая зона.

Одной из важнейших задач компании, планирующей выход на международный рынок, является выбор международных B2B и B2C площадок. Наиболее популярными мировыми B2B маркетплейсами являются: Alibaba.com,

Indiamart.com, Globalsources.com, Europages, EC21.com, Tradeindia.com.

Менеджерам компании необходимо подробно изучить условия регистрации на сайте, стоимость обязательных и дополнительных услуг, преимущества и конкурентные особенности площадок, требования к продавцам, а также способы продвижения товаров площадкой. Используя открытые интернет-ресурсы, можно ознакомиться со статистикой посещений пользователями маркетплейсов, отзывами компаний, уже работающих на определенных площадках. Полезным инструментом для ведения МСП онлайн-экспорта является веб-приложение корпорации «Google» – «Google Trends», «Consumer Barometer with Google». Данные приложения позволяют анализировать предпочтения пользователей на определенных международных рынках, узнавать, что вбивают в поисковые запросы потребители из других стран.

При планировании бюджета и выборе площадки стоит отметить, что маркетплейсы используют различные модели заработка. Это может быть платная регистрация (Alibaba), оплата процентов с каждой совершенной транзакции (Ebay.com), комбинированные модели при которых площадки взимают плату нескольких видов (JD, Tmall).

Государство активно поддерживает экспортеров малого и среднего предпринимательства, которые стремятся продвигать свои товары за рубежом посредством электронных площадок. Российским экспортным центром создан единый государственный портал Мой Экспорт. На портале малые и средние предприниматели могут ознакомиться с бесплатными учебными пособиями по возможностям онлайн-торговли, воспользоваться такими услугами как оценка рынка и поставляемого товара, подбор иностранного маркетплейса, размещение российских товаров в Национальных магазинах за рубежом, получить бесплатную консультацию специалистов по внешнеэкономической деятельности. Государственную поддержку могут получить предприниматели, которые зарегистрированы в реестре малых и средних предприятий России, в тех регионах страны, где созданы центры поддержки экспорта.

Так, РЭЦ были реализованы меры поддержки компаний-экспортеров Ярославля и Ярославской области. В конце 2018 года был запущен совместный проект Российского экспортного центра, Центра экспорта Ярославской области и международного маркетплейса eBay – «Город экспорта». Инвесторов торговой площадки заинтересовал данный регион такими группами товаров как детская одежда и игрушки, автомобильные принадлежности из овечьих шкур, керамическая посуда ручной работы. Для предпринимателей были проведены обучающие занятия по ведению онлайн – торговли, осуществлению логистических мероприятий, оформлению в подготовке необходимых документов. Позднее подобные меры поддержки были реализованы в Нижегородской области и Удмуртии, в результате обучения товары российского производства более чем 50 компаний малого бизнеса были представлены на международной торговой площадке [2].

Малым и средним предприятиям России доступно размещение своих товаров на китайской торговой площадке – Tmall.com. На данной маркетплейсе РЭЦ была организована программа по открытию магазина произведен-

ных в Российской Федерации пищевых товаров питания, оператором которого стала компания Хэйхэская научно-техническая компания Ер1Мио. Также в ближайшее время планируется открытие цифровой витрины Российского экспортного центра на китайской платформе WeChat [3].

Российский экспортный центр на конкурсной основе также предоставляет возможность получить первоначальный капитал до 1 млн. рублей на осуществление начала внешнеэкономической торговли на таких площадках как Amazon, Alibaba, Etsy, eBay.

С целью минимизации затрат и получения опыта на начальных этапах осуществление внешнеэкономической деятельности перспективным направлением для малых предприятий является участие в международных тендерных-онлайн площадках. Наиболее популярной площадкой является единая закупочная площадка Организации Объединенных Наций – The United Nations Global Marketplace. Ежегодный объем закупок организаций ООН, осуществляемых с помощью электронные площадки, составляет более 18 млрд. долл. США. Малые и средние предприниматели могут размещать свои товары и услуги и участвовать в тендерах на бесплатной основе.

Согласно статистике закупок, наиболее популярными товарными группами являются пищевые и табачные изделия, лекарственные и фармацевтические товары и электронная аппаратура. Среди услуг, объем закупок которых максимален, можно выделить транспортные и экспедиторские услуги, услуги переводчиков. Также предпринимателю необходимо ознакомиться с правилами и требованиями, на основании которых принимается решение о допуске предприятия к участию в поставках. При проведении оценки предприятия большое внимание уделяется наличию производственных возможностей, конкурентоспособным ценам и знанию сотрудниками фирмы английского языка.

На текущий момент в Российской Федерации существует ряд ограничений при работе с зарубежными маркетплейсами недружественных стран. Это связано с удлинением логистических цепочек, уходом иностранных платежных сервисов для приема платежей от покупателей. До 2022 года был ориентир на европейских покупателей, сейчас произошло переориентирование на маркетплейсы стран Латинской Америки, Турции, Китая, Юго-Восточной Азии. В 2022 году набирает популярности китайская торговая площадка Tmall Food & Fresh на которой в 2019 году был открыт Национальный магазин российских пищевых товаров. Оборот данной площадки в 2020 – 2021 годах не достигал и 1 млн. долл. США в месяц, в то время как после февраля 2022 года ежемесячные оборот товаров превышает 20 млн. долл. США.

Актуальность приобретают онлайн-площадки Юго-Восточной Азии. На сингапурском маркетплейсе Lazada также размещены товары российских производителей, основную часть которых занимают продукты питания. Розничная турецкая торговая интернет-площадка Trendyol при поддержке Российского экспортного центра заинтересовала турецких покупателей качественной недорогой и высокотехнологичной продукцией [5].

Несмотря на широкий перечень проблем МСП при выходе на внешние рынки, на сегодняшний день компании

имеет широкий круг возможностей интернационализации деятельности через интернет. Пользуясь международными торговыми площадками, предприниматели имеют возможность знакомить потенциальных иностранных покупателей со своими товарами и услугами.

Пристатейный библиографический список

1. Долда Н. И. Анализ факторов, препятствующих интернационализации российских малых и средних предприятий. // Вестник российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2022. – № 2 (38).
2. Кордина И. В., Кручинин И. С., Степанова В. А. Стратегические альтернативы маркетплейсов при интернационализации деятельности // Baikal Research Journal. – 2022. – № 1.
3. Морозенкова О. В. Новые возможности для развития российских экспортно-ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 6.
4. Национальный магазин российских пищевых товаров на внутрикитайской площадке Tmall.com. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ric46.com/news/natsionalnyy-magazin-rossiyskikh-pishchevykh-tovarov-na-vnutrikitayskoy-ploshchadke-tmall-com/> (дата обращения: 22.11.2022).
5. Российский экспортный центр. Энциклопедия экспортера. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.exportcenter.ru/international-markets/classification/> (дата обращения: 22.11.2022).
6. Прогунова Л. В., Петров Д. М. Барьеры для развития электронной торговли // Торговля будущего: Вызовы времени, концепции, стратегии и модели развития. – 2022.

ЯНТУДИН Артур Нуруллович

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

КИРЕЕВА Ольга Александровна

доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОНКУРЕНЦИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОГО НАУЧНО-ПРОЕКТНОГО КОМПЛЕКСА ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННОЙ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИИ

В данной статье предлагается вектор развития корпоративного научно-проектного комплекса вертикально интегрированной нефтегазодобывающей компании ПАО НК «Роснефть» на основе внутренней конкуренции с целью повышения производительности труда, снижения затрат на проектную деятельность и побуждения проектных институтов к улучшению качества и разнообразия научно-исследовательских и проектных работ.

Ключевые слова: корпоративный научно-проектный комплекс, проектный подход, конкуренция.

YANTUDIN Artur Nurulloevich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

KIREEVA Olga Alexandrovna

associate professor of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

COMPETITION AS A VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE CORPORATE R&D COMPLEX OF A VERTICALLY INTEGRATED OIL AND GAS PRODUCING COMPANY

This article proposes a vector for the development of the corporate research and development complex of a vertically integrated oil and gas company PJSC «Rosneft» based on internal competition in order to increase labor productivity, reduce project costs and encourage design institutes to improve the quality and diversity of research and design projects works.

Keywords: corporate research and development complex, project approach, competition.

Вертикально интегрированные нефтегазодобывающие компании (ВИНГДК), такие как Роснефть, Газпром или Лукойл, самые крупные игроки не только российского, но и мирового нефтегазового рынка, для удержания лидерства должны постоянно развиваться, запускать новые проекты, отвечающие последним трендам технологического развития отрасли и увеличивающие капитализацию Компании.

Проектный подход к управлению компаниями становится одним из перспективных направлений для практического внедрения и реализации. Особенностью нефтегазовых компаний является то, что они по своей природе могут быть рассмотрены не только как промышленные предприятия, но и как проекты. Например, это может быть проект по разведке и освоению новых месторождений, а также проект по строительству нефте- и газодобывающих производственных мощностей, а также заводов по переработке нефтепродуктов [1].

Развитием ключевых для Компании проектов занимаются корпоративные научные проектные институты. В данной связи именно от институтов зависит, насколько быстро головная Компания будет реагировать на внешние изменения. Тем не менее, несмотря на наличие большого потенциала по развитию, процессы по трансформации часто проходят очень долго и болезненно. Во-первых, это связано со сложностью согласования изменений в сложившейся иерархической структуре предприятий ТЭК. Во-вторых, любое изменение это кризис для Компании: новая организационная структура, схемы взаимодействия, процессы. Не всегда структурные подразделения Компаний готовы к новым изменениям.

Корпоративные институты создавались в свое время подобно традиционным российским научно-исследовательским и проектным институтам, которые в основном оценивали запасы месторождений углеводородного сырья, ставили их на баланс и формировали проектные документы на разработку залежей. Распределение компетенций для выполнения указанных видов работ было достаточно равномерное с закреплением проектов базисных производственных активов за каждым проектным институтом. Узкоспециальные виды работ отдавались на внешний субподряд, поскольку не хватало соответствующих компетенций (например, проектирование систем автоматизации технологических процессов, инженерные изыскания и др.). При этом основное внимание в деятельности КНИПИ было направлено на своевременное предоставление документации для обеспечения производства [2].

С середины 2000-х годов во всех проектных институтах страны пошла волна переориентации на производственные задачи. Начали появляться первые договоры текущего мониторинга разработки. Институт ранее не решал производственных задач, а теперь нужно было погрузиться во все оперативные вопросы добывающих обществ. С этого момента началось формирование корпоративного научно-проектного комплекса (КНПК).

Важными вехами развития научного и инновационного потенциала Компании явилось объединение научно-исследовательских и проектных институтов (КНИПИ) Компании в единый КНПК и создание в 2016 году системы головных и специализированных институтов (центров компетенций по различным направлениям деятельности). В 2019 году КНПК стал крупнейшим научным нефтегазовым сообществом в Европе, объединяющим 29 корпоративных научно-исследовательских и проектных институтов, на базе которых создано 44 специализированных института, свыше 17 тысяч человек [3].

Знания и информация концентрировались внутри КНИПИ статистически неравномерно, образуя де-факто экспертные сообщества на базе профильных подразделений. На текущий момент сформировался целый кластер центров компетенций по востребованным направлениям деятельности [2].

Несмотря на децентрализацию компетенций, одним институтам удалось добиться больших результатов, аккумулировав у себя большую экспертную область знаний, чем у других, что по идее должно давать конкурентное преимущество при формировании портфеля проектов. Но сложившаяся за долгие годы система закрепления сопровождения базисных активов сдерживает развитие лидеров и проектного комплекса в целом, снижает потенциальную эффективность конечного продукта и влечет к повышению издержек Компа-

нии на выполнение научно-исследовательских и проектных работ (НИИПР) в целом.

Авторы считают, что дальнейшее развитие КНПК должно основываться на рыночных отношениях КНИПИ с заказчиками работ, при этом конкуренция будет являться его движущей силой. В случае КНПК здоровая конкуренция будет принуждать проектные институты учитывать интересы производственных предприятий, а значит, и интересы Компании в целом.

Например, Компания ПАО НК «Роснефть» уже готова к таким изменениям – единые корпоративные базы данных, единая линейка программного обеспечения будут обеспечивать преемственность накопленной информации и знаний по проекту, а новые подходы и новая команда способствовать новому витку развития проекта.

Трансформация взаимоотношений и переход на рыночную конъюнктуру должны происходить поэтапно, при этом необходимо:

1. Создать среду, в которой КНИПИ будут **конкурировать на внутреннем рынке** Компании посредством постепенного **отказа от закрепления активов**.

2. Разработать **матрицу оценки компетенций** институтов. По каждой компетенции необходимо **оценить уровень развития**.

3. Распределение объемов работ привязать к **комплексному параметру**, учитывающему самую **низкую стоимость**, возможность выполнения определенного вида работ за счет **наличия соответствующих компетенций** и высокое качество за счет **уровня развития компетенций** в институте.

Процесс перераспределения должен быть саморегулируемым, как и внутренняя рыночная цена. Конкуренция будет давать стимул для более интенсивного развития КНИПИ. И в этой связи ограничением для роста объемов института могут являться только внутренние ограничения: физические ограничения на прирост численности из-за низкого ресурсного потенциала в регионе, текущие ограничения по размещению персонала и ограничения производственных мощностей IT-оборудования.

Еще один важный аспект для успешного функционирования данной схемы перераспределения сопровождаемых активов – КНИПИ должен быть конкурентоспособным и среди других проектных институтов компаний-конкурентов. Для этого КНИПИ должен предлагать заработную плату для высококвалифицированных кадров выше, чем на внешнем рынке, а для этого ставка института должна постоянно пересматриваться.

Ставка – это удельный показатель стоимости единицы типового вида работ для каждого отдельного проектного института / вида бизнеса в отчетный период времени. На размер ставки влияет множество параметров: расходы на персонал, IT, амортизация основных фондов, затраты на аренду, командировочные и прочие расходы. Также ставки по видам деятельности могут отличаться по причине разной трудоемкости выполнения различных видов работ и различных объемов затрачиваемых ресурсов на выполнение единицы продукции. При этом до 80% всех затрат в проектных институтах приходится на персонал – главный ресурс научных предприятий. Еще одной важной отличительной чертой проектных институтов является факт практически прямой увязки ставки с удельными расходами, что означает, что КНИПИ не могут «зарабатывать деньги», они производят продукт по определенным фиксированным на данный момент времени ценам за единицу продукции. Но и в данном случае не работает правило «больше произвел проектов – больше заработал». Проектов, или точнее совокупной стоимости этих проектов, должно хватать институту на выплату заработной платы, премий и покрытия всех накладных расходов. Так как за проектным институтом на текущий момент закреплено сопровождение определенного портфеля проектов головной Компании, то КНИПИ должен обеспечивать удовлетворение спроса на выполнение научно-исследовательских и проектных работ (НИИПР) в рамках данного портфеля проектов. Поэтому при увеличении активности по портфелю проектов логично вырастает спрос на выполнение определенных ви-

дов НИИПР в отдельно взятом институте, а в связи с этим и стоимость данных работ. Часть из них приходится отдавать на субподряд, чтобы не превышать утвержденную численность сотрудников.

Соответственно, HR-служба проектных институтов должна отслеживать ситуацию на рынке вакансий и готовить прогнозы по росту стоимости специалистов соответствующего уровня, эти показатели должны закладываться в бизнес-план КНИПИ. Необходимо отслеживать тенденции по развитию программного обеспечения и технологий и использованию их в других компаниях. Для выполнения сложных проектов и мотивации высококвалифицированных сотрудников это очень важный фактор. Только в таком случае можно реализовать устойчивый тренд на повышения качества выполняемых услуг и повышения общего уровня экспертности, а также иметь высокий потенциал для развития.

С другой стороны, увеличение затрат института повлечёт к повышению ставки КНИПИ внутри КНПК и снижения привлекательности института для Компании с точки зрения минимизации затрат на научную деятельность. В таком случае можно выполнить такие же работы за меньшую стоимость в другом КНИПИ Компании, который расположен территориально в регионе с меньшей внешней конкуренцией за ресурсный потенциал и уровнем цен в целом. Данная проблема может решаться только расширением спектра предоставляемых услуг конкретным институтом. Для удержания лидерства и сохранения численности каждый КНИПИ будет вынужден осваивать новые направления, и повышать уровень сопровождения текущих проектов, чтобы быть конкурентным как внутри Компании, так и не внешним рынке. Сочетание: уникальные проекты, не имеющие аналогов, новые направления развития, конкурентная заработная плата и уровень технологического развития будут ещё больше привлекать самых лучших специалистов отрасли. Это будет рождать синергетический эффект, от которого выигрывают все, и КНИПИ, и Компания. Корпоративные институты будут интенсивно развиваться, расширяться, повышать благосостояние сотрудников. Компания при этом всегда будет являться лидером в технологическом развитии в отрасли, и при этом снизит удельную стоимость конечного продукта за счёт саморегуляции системы перераспределения.

При наличии конкуренции в КНПК проектные институты будут постоянно стремиться снизить свои производственные затраты и повысить общий уровень компетенций, чтобы улучшить свое место в рейтинге. В результате будет повышаться производительность, снижаться издержки, и Компания в целом получит возможность снизить затраты на проектную деятельность. Конкуренция также будет побуждать проектные институты улучшать качество конечного продукта и постоянно увеличивать разнообразие предлагаемых НИИПР, способствуя ускоренному технологическому и инновационному росту ПАО «НК «Роснефть»».

Пристатейный библиографический список

1. Фролькис В. А., Чернов А. В., Чернов В. П. Управление проектами. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 349 с.
2. Тимашев Э. О., Павлов В. А., Угрюмов О. В., Коркин А. М., Аржиловский А. В. Специализация проектных и научных компетенций как конкурентное преимущество компании «Роснефть» // Нефтяное хозяйство. – 2020. – № 11. – С. 8-12.
3. История КНПК, официальный сайт «НК «Роснефть». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rosneft.ru/Development/knpk/Istoriya_KNPK
4. Портер М. Конкуренция / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 495с.

КОСТИНА Ольга Викторовна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии

ШУГУРОВ Марк Владимирович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии

МИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ М. ХАЙДЕГГЕРА: НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА*

В статье анализируются причины и последствия обращения М. Хайдеггера к религиозно-мистическим мотивам в рамках формирования и развития свойственной ему уникальной версии философской онтологии. Авторами обосновывается, что междисциплинарность, предполагающая синтез философских вопрошаний о бытии, с одной стороны, и опыта религиозно-мистических исканий – с другой, в лице М. Хайдеггера привела к переплетению философского и религиозного мистицизма, но не привела к утрате философской дисциплинарности его творчества. Особое внимание в статье было уделено другому направлению междисциплинарного синтеза, а именно проникновенному вниманию философа к поэтическому слову, также содержащему в себе мистические интенции.

Ключевые слова: религиозно-мистический опыт, фундаментальная онтология, философский мистицизм, европейская метафизика, апофатика, метафизика, поэтическое слово.

KOSTINA Olga Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy sub-faculty of the Saratov State Law Academy

SHUGUROV Mark Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy sub-faculty of the Saratov State Law Academy

THE MYSTICAL COMPONENT OF M. HEIDEGGER'S ONTOLOGICAL SEARCH: DIRECTIONS AND RESULTS OF INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS

This study analyzes the causes and consequences of M. Heidegger's appeal to religious-mystical motives within the framework of the formation and development of his unique version of philosophical ontology. The authors substantiate that interdisciplinarity, which involves the synthesis of philosophical questions about being, on the one hand, and the experience of religious-mystical quests, on the other, in the person of M. Heidegger, led to the interweaving of philosophical and religious mysticism, but did not lead to the loss of the philosophical discipline of his creativity. Particular attention in the article was paid to another direction of interdisciplinary synthesis, namely the philosopher's penetrating attention to the poetic word, which also contains mystical intentions.

Keywords: religious-mystical experience, fundamental ontology, philosophical mysticism, European metaphysics, apophaticism, metaphysics, poetic word.

Как известно, XX век был ознаменован формированием в рамках философии глубочайших онтологических систем как на Западе, так и в России. В первом случае – это фундаментальная онтология М. Хайдеггера. Во втором – учение о трансфинитной природе бытия С. Л. Франка. Сравнение их онтологических концепций нашло свое детальное освещение в литературе [2], [5]. От внимания исследователей не ускользнул также существенный мистический элемент, который стал не просто аспектом, но и своего рода духовной почвой, на основе которой произрастали философские построения теоретического характера в сфере онтологии. Именно эта особенность привела к тому, что онтологические учения Хайдеггера и Франка представляют со-

бой не просто абстрактные схемы в противоположность традиционной метафизике, а философствование, понятое как опыт бытия, который не может не быть мистическим. Как показано в литературе, Франк сумел создать собственный вариант философской мистической теологии, представшей в качестве его самобытной философской теологии [10], которая в силу своей философичности соприкасалась не только с христианской, но и иными мистическими традициями, но при разумеющемся доминировании идеи христианства.

В этой связи возникает вопрос о специфике мистической основы философской онтологии Хайдеггера с точки зрения междисциплинарного синтеза идей и подходов, в частности, философии и мистической теологии. Цель представленной статьи заключается не в развернутом анализе освещения мистики и мистических традиций в творчестве Хайдеггера, но в обозначении тех идей, которые важны для понимания мистического как такового в рамках его философско-онтологических исканий, а также в демонстрации данной основы его творчества.

Костина О. В.

Шугуров М. В.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

Следует начать с того, что мистицизм в его философской форме был не только одной из значимых предпосылок формирования философии Хайдеггера, но стал ключевым моментом и даже основой его онтологии. В качестве таковых укажем на признание дефицита непосредственных способов осмысления действительности и соприкосновения с бытием в рамках европейской метафизики. В частности, Хайдеггер противопоставляет вычисляющему мышлению, подспудно базирующегося в формате онтологического нигилизма, мышление осмысляющее, которое учитывает фактичность жизни, а также взаимоотношения человека и бытия. Осмысляющее мышление предполагает не заслонение одной возможности другой, не одностороннее цепляние за одно какое-то представление, а предполагает избегание привычной колеи мысли, которая традиционно ведет в технизированный мир, расчерченный непрерывной калькуляцией. Как говорит философ, «...нам необходим скачок для того, чтобы испытать в нас самих взаимоотношения человека и бытия» [9, с. 75].

Подобный прыжок как «соскакивание» с привычной колеи расхожего, одностороннего, неживого и технического позволяет приблизиться к тайне бытия, к возможностям языка божественных имен. Вот это «вдруг», перемена взгляда и положения, внезапное оскудевание всех привычных форм речений о Боге как раз и фиксируется в том внимании к мистическим элементам, которые становятся важными для понимания абсолютного бытия в целом и для возможностей онтологического вопрошания в частности. По Хайдеггеру, концентрация на фактичности жизни, на мире самом по себе может быть открыта в христианской общине, а также сквозь античное знание и в рамках мощных «извержений» духовного у Августина, средневековой мистики, учения Лютера, философии Кьеркегора [11, р. 274].

Данного рода высказывания философа далеко не случайны. Так, уже в 1919 г. он делает свои наброски для лекционного курса «Философские основания средневековой мистики», который, к сожалению, не был им прочитан. В зимнем семестре 1920-1921 гг. он читает курс «Введение в феноменологию религии», а затем семестровые лекции, посвященные Августину и неоплатонизму. Его хабилюационный научный труд был посвящен учению Дунса Скота, в рамках которого мистические установки пронизывали схоластические рассуждения на уровне сущностной установки «абсолютной преданности» и «аффективного погружения в полученное знание». Однако все же первым в списке имен, значимых для Хайдеггера, назван М. Экхарт (напомним, что у Франка в качестве наиболее значимых для него фигур назван Н. Кузанский). По авторитетному замечанию О. Пегеллера, М. Экхарт интересен Хайдеггеру не столько как мастер чтения, сколько как мастер жизни, который может привести своих учеников к новой жизни [11, р. 277].

Что это означает? С точки зрения С. Коначевой, философский мистицизм подобного рода работает на территории «трансформативных перемен, открывающих взор к изначальному» [4, с. 35]. В качестве образца подобной интенции философской мистики необходимо считать учение Гуго Сен-Викторского о трех способах видения (око плоти, око рассудка и око созерцания). Путь обновления находится на пути от чувства и рассудка – к созерцанию. Именно на последней ступени обретается истинное знание. Вполне очевидно, что путь понимания нечто изначального в рамках этого мистического направления выходит за пределы рациональности. Исконное и изначальное не только, если использовать терминологию Хайдеггера, есть нечто еще-не-определенное, но и, в принципе, оно вообще пребывает вне всяких определений. В этом смысле оно абсолютно. По сути, здесь можно констатировать почти полное совпадение с учением Франка о трансфинитности бытия.

Суть обращения Хайдеггера к средневековой мистике вызвана его поисками необъективирующего способа мышления, которое одновременно отводит угрозу от непосредственности религиозной жизни, зачастую сковываемой теологической догмой. Поэтому мистический опыт как мощный пласт религиозности обладает необходимым потенциалом религи-

озного творчества. «Мистика учит закрывать глаза и молчать, но она все же обретает путь в зыбком жизненном опыте там, где другие способы терпят неудачу» [11, р. 300]. Зададимся вопросом о том, в чем же состоит удача на мистическом пути? Нам представляется, что это в первую очередь вхождение в полноту бытия. Как отмечает С. Коначева, «Хайдеггер видит в средневековом мистицизме средство приближения к тому, что он называл полнотой опыта и ориентацией на трансцендентность, характерных для средневекового мировоззрения» [6, с. 39]. Только абсолютная предметность без атрибутов, исключение всего конкретного может соответствовать интенции мистического субъекта. Думается, что данная конститутивная особенность мистического субъекта, есть необходимая предпосылка общения с трансцендентным, т.е. условие возможности мистического опыта как такового. А это есть та отрешенность (*abgeschiedenheit*), которую воспел М. Экхарт. В ней вершится просветление затемненного бытия и высвечивается присутствие Бога. Отсюда само познание изначального бытия, идентифицируемого с божественной реальностью, представляет собой стезю трансформативной практики, т.е. практики изменения субъекта в мистическом ключе. Только на этом пути познание и бытие становятся единением с Божественным Абсолютом. Отмеченную практику следует понимать как переход от философии чтения (*lesephilosophie*) к философии жизни (*lebphilosophie*). Последняя, безусловно, мистична и, более того, может быть мистична в религиозном смысле слова. Практика трансформативного мышления предполагает перемену в самом познающем, его затронутость истиной (например, герменевтика субъекта М. Фуко), а также затронутость божественным.

Обращение к мистике также имело место в поздних работах философа и вновь в горизонте концепции *Gelassenheit* М. Экхарта. Можно согласиться с авторами, которые интерпретируют *Gelassenheit* как возможность жить в открытости непредсказуемой истине бытия. «Если и существует хайдеггеровская мистика, то найти ее можно именно в понимании живой практики мышления как никогда не прекращающегося упражнения: оставаться свободным для прихода сущего в отрешенной открытости для тайны» [4, с. 178]. Подобную ситуацию можно охарактеризовать как ситуацию онтологического размыкания. В этом случае мистическое измерение является необходимым для любого религиозного, как, впрочем, и для философского вопрошания.

Путь познания, прокладываемый Хайдеггером, представляет собой главным образом путь, ведущий к вхождению в философский мистицизм. Но он не лишен религиозных черт и к тому же направлен на их утверждение в философствующем субъекте. Отсюда параллели с опытом средневековых европейских, а именно немецких мистиков. В этом случае можно увидеть не только сохранение приверженности традиции, но и ее актуализацию. Но это не означает, как нам представляется, полного перехода в лоно этой традиции, в которой высокой интенсивностью отличается не только философский, но и сугубо религиозный момент. Последний в практике хайдеггеровской онтологии имеет особый, а именно философский характер. В целом это то, что позволяет добиться расширения возможности рационального познания мира, когда познание уже не объективируется и не опредмечивается.

Представляется, что в пределах именно такого способа познания пробуждается богословие особого рода. И это уже не схоластическое богословие, как овнешненное говорение о Боге, но со-ответствие, т.е. диалог человека и Бога. Такой диалог, даже на примере молитвы, не может не иметь мистической природу. Поэтому со-ответный характер мистической теологии, действительно, показывает уровень смысловой внятности воспринимающего, ибо суть состоит не только в том, как выглядит преобразившийся в своем со-присутствии Бог, но и где ты находишься, что ты предпринял лично для того, чтобы увидеть Бога в его божественной сути. Разумеется, при всей невозможности сделать это физическим зрением, но с учетом возможности апофатического его постижения на основе актуализации духовного ока в акте умного видения. Отметим, что данная программа боговидения онтологически

прорабатывалась в различных традициях, связанных с духовными упражнениями. Например, в мистическом опыте неоплатонизма, где, с одной стороны, божественная иерархия предполагает, что каждому уровню открывается своя тайна мира, при этом, с другой стороны, – возможно преодоление уровней и соединение с божественной простотой Единого. Экстатическое выхождение за собственные пределы человеческого естества и есть мистический путь, отличный от последующих «сложений и вычислений» в схоластическом богословии. Собственно говоря, именно здесь согласно православной традиции как раз и возникает личность как некая актуализация внутреннего человека в качестве существа, которое превосходит самого себя [1, с. 80].

Другой аспект такого пути – вхождение в соприсутствие с основанием, а не его «доставка». Напомним, что требование доставки основания в отношении каждого представления являлось алгоритмом новоевропейского мышления, когда бытие поднималось сущим, а наличие ресурса становилось главным двигателем прогресса техники в пику способности человека жить и чувствовать в сфере сущностного. Таким образом, ничего нет без «почему», и, тем не менее, есть состояния мира, где эта доставка основания не требуется. «Роза есть без «почему»; она цветет, потому что она цветет, не обращая на себя внимания, не спрашивая, видят ли ее». Эти стихи философ приводит из первой книги духовной поэзии Ангелуса Силезиуса, озаглавленной «Херувимский странник» [8, с. 72]. Подобный, казалось бы, странный способ бытия есть, по Хайдеггеру, цветение, чистое распускание из самого себя, сияние, близкое греческому слову «фюзис». Путь представления и своеволия перекрывается этим чистым сиянием красоты, которая есть «...высочайший способ бытия, т.е. здесь: чистое из-себя-распускание и сияние (das reine aussich-Aufgehen und Schemen)» [8, с. 105].

В этом безосновном бытии невозможно редуцировать тайну мира до суммы полезных сведений потому, что здесь явлена возможность встречи с трансцендентным, неведомым, несканым. Не случайно, что Хайдеггер говорит здесь языком поэзии: о предельном можно сказывать лишь по-особенному, а именно путем «незаконорожденного» суждения, как Платон, который, говоря о священном, переходил на язык мифа. Обращение к поэтическому опыту – это лаборатория хайдеггеровской мысли, предпринимающей усилия, направленные на формулировку и одновременно заострение вопроса относительно опыта, который соответствует вот-бытию. А здесь содержится предпосылка по раскрытию того, как возможен опыт Бога, ибо только «слова певца удерживают еще след священного». На наш взгляд, вполне поэтично также слово мистика и мистически одаренного аскета. Дело в том, что их повествование о встрече с божественным наполнено восторгом, сопровождающегося фонтанированием символов и метафор. Поэтическая речь была характерна и для тягостной сменя экстаза ситуацией расставания. Но во всех случаях эта речь адогматична и чужда схоластическим клише.

Как можно видеть, философ обращался в своем творчестве и более того искал источник философского вопрошания о бытии не только в пульсациях религиозной мистики, но и в религиозно-мистических пластах и смыслах поэзии. Согласно С. Коначевой, по Хайдеггеру «поэты освящают землю и благодаря этому готовят фундамент для строительства дома, в который может прийти неизвестный Бог» [3, с. 51]. Прочитав Хайдеггера, где он размышляет о поэтическом модусе бытия человека. По его мнению, жить поэтически – значит «находиться в присутствии богов и быть потрясенным сущностной близостью вещей» [7, с. 17]. Поэзия не является временным воодушевлением или развлечением: само бытие в своем остоле поэтично, поэты учреждают то, что намеками и знаками продвигает человека к Божественному, целительной открытости, историчности бытия. Можно сказать и так: поэты меняют оптику восприятия мира и вместо тесного и калькулирующего представления, в неумолимом волевом продвижении к успеху, возникает неповрежденная целостность бытия, где возможно восхождение в безграничное и бесконечное. Так, поэты священнодействуют своим сказом, идя по следу Священного. «Сказ

певца сказывает благою целостность мирового бытия, что невидимо поселяется в мировом сердечном пространстве» [7, с. 81]. Если сочинение стихов, как полагает Хайдеггер, суть поименование богов, то сказывание – это перехват намеков, чтобы далее передавать эти знаки своему народу. Причем, поэт собственной речью проясняет то, что еще не завершено в бытии. Он стоит в промежутке между богами и людьми. Именно здесь, по Хайдеггеру, решается судьба человека и его жительства. И это важно в нашу скудную эпоху, когда стираются даже сами следы к священному. Разумеется, это особый тип религиозности, схватывающий основу, на которой возникают религиозные традиции и системы. Более того, это специфическая разновидность мистицизма, а именно религиозного мистицизма. По крайней мере, так об этом можно судить, исходя из мыслдвижений философа.

В заключение отметим, что специфика основы онтологии Хайдеггера заключается не только в пронизанности мотивами религиозной мистики, но и в перенимании мотивов поэзии, имеющей, по сути, религиозно-мистическое ядро. В итоге мы имеем некий универсальный и неоформленный в одежды догматов той или иной религиозной деноминации первичный опыт соприкосновения с божественным. По всей видимости, именно в этом мистическом средостении находится изначальная почва хайдеггеровской философии. В этом средостении находилась и почва онтологии Франка, тем не менее, существенно откорректированная алгоритмами интеллектуалистского дискурса умудренного неведения.

Пристатейный библиографический список

1. Аванесов С. С. Мистический аспект православно-христианского религиозного опыта // Идеи и идеалы. – 2012. – № 4. – С. 75-83.
2. Беспечанский Ю. В. Влияние М. Хайдеггера на позднее философское творчество С. Л. Франка. Концепция Dasein М. Хайдеггера и ее значение для современной философской мысли // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 21. – С. 122-128.
3. Коначева С. Религиозные феномены в перспективе вопроса о бытии: хайдеггеровская интерпретация поэзии Гельдерлина как феноменология священного // Логос. – 2010. – № 5. – С. 43-54.
4. Коначева С. Философская мистика как трансформативная философия: Мартин Хайдеггер и Владимир Лосский // Хайдеггер и русская философская мысль: коллективная монография / Отв. редактор Ю. М. Романенко. 2-е изд. – СПб: Изд-во РХГА, 2021. – 383 с.
5. Рад-Хассан С. М. Влияние творчества М. Хайдеггера на философские взгляды С. Франка // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 274-277.
6. Руин Х. Статья свободным для сущего: о понятии Gelassenheit как этике мышления у Экхарта и Хайдеггера // Фактичность и событие мысли. Сб. научн. тр. / Ред. Т. Щитцова В. Фурс. – Вильнюс: ЕГУ, 2009. – 280 с.
7. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гельдерлин. Рильке. Трагедия / Сост., пер. с нем. Н. Болдырева. – М.: Водолей, 2017. – 240 с.
8. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. с нем., глоссарий, послесловие О. А. Коваль, предисловие Е. Ю. Сиверцева. – СПб.: Алетейя, 2000. – 290 с.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: пер. с нем. / Под ред. А. Л. Доброхотова. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
10. Шугуров М. В., Дуплинская Ю. М. Апофатическая модель философии религии С. Л. Франка и христианский религиозно-мистический опыт: основы и результаты междисциплинарного синтеза // Философская мысль. – 2022. – № 1. – С. 34-72.
11. Pöggeler O. Sein und Nichts. Mystische Elemente bei Heidegger und Celan // Zu dr Hin. Über mystische Lebenserfahrung von Meister Eckhart bis Paul Celan. Frankfurt am Main: Verlag, 1987. – P. 270-307.

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

РОССИЯ И МИР: КОГНИТИВНО-СМЫСЛОВЫЕ ОПЕРАТОРЫ БУДУЩЕГО

Одним из аспектов когнитивного противостояния разных систем является трансляция представлений о лучшей форме глобальной устойчивости, управляемости и безопасности. США создали образ успешной либеральной демократии, общества возможностей, сияющего града на холме, где исполняются мечты. Для России принципиально важно сформулировать долгосрочные ценности, идеалы, смыслы. Ведь СССР распался, прежде всего, как следствие истощения идеологических ресурсов и ориентиров. Какие новые смыслы формулирует Россия? Какой образ будущего она предлагает?

Ключевые слова: психологические операции, информационная политика, философия коммуникации, когнитивная война, специальная военная операция (СВО).

TIMOSCHUK Alexey Stanislavovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

RUSSIA AND THE WORLD: COGNITIVE AND SEMANTIC OPERATORS OF THE FUTURE

One aspect of the cognitive confrontation between different systems is the translation of ideas about the best form of global sustainability, governability and security. The U.S. has created an image of a successful liberal democracy, a society of opportunity, a shining city upon a hill where dreams come true. For Russia, it is fundamentally important to formulate long-term values, ideals and meanings. After all, the USSR collapsed primarily as a consequence of the depletion of ideological resources and value reference points. What new meanings does Russia formulate? What image of the future does it offer?

Keywords: psychological operations, information policy, philosophy of communication, cognitive warfare, special military operation (SMO).

Тимощук А. С.

Завершая 2022 год, нельзя не вспомнить про столетний юбилей СССР. Свой формальный отсчёт Советский Союз, государство, ставшее альтернативной планетарной моделью построения общества, ведёт от 30 декабря 1922 года. Глобальный успех СССР в XX веке стал возможен во многом благодаря смелой инновационной ценностно-смысловой программе советского марксизма: всеобщие экономические и социальные права, деколонизация, рабочая демократия. Это был беспрецедентный поворот хода мировой истории, направленный против старых элит и их сложившихся пищевых цепочек. Впервые социализм, в отличие от мечтаний Кампанеллы, Сен-Симона, Фурье, Оуэна, приобрёл конкретные государственно-пролетарские формы. Как говорили будущие лидеры социалистических стран – «Революция в России вселила в нас великую надежду».

Красный проект стал вызовом системе мирового порядка империалистического капитализма и оказал влияние на всё развитие человечества, масштабно воплотив идеалы и практики французской революции, в частности, первое поколение прав (свободы, гражданские, политические и культурные права); а также содействовал созданию второго поколения прав, социально-экономических. Вдобавок социализм стал практическим воплощением идей антиэлитаризма, в противовес своему современнику фашизму, тоже социаль-

ному массовому движению, но основанному на практике исключительности одной группы.

В этом году мы также хоронили тех, кто когда-то хоронил СССР: М. С. Горбачёв, Г. Э. Бурбулис, С. С. Шушкевич, Л. М. Кравчук. Распад СССР стал естественным результатом изменения запросов массового общества, которое переросло узость утопического мышления. Запад победил, прежде всего, своим прагматизмом и более качественными (конкретными, социально выверенными) идеалами, ценностями и целями. Концепция человекомерной жизни победила косное парткратическое мышление.

В этом смысле гораздо мудрее по отношению к социалистическим идеалам поступил Китай, где нашлись рациональные лидеры (Бо Ибо, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Хуа Гофэн, Дэн Сяопин и др.) которые убеждали в первостепенном значении экономических достижений, а не идеологических штампов. Китай преодолел притяжение утопии, теории волевого партийного улучшения экономики и «больших скачков». Для того, чтобы победить буржуазного соперника, необходимо быть сверх прагматичным. Поэтому целеполагание китайского социализма является в наибольшей степени реальным направлением развития постмарксизма. В России до сих пор не могут прийти к здоровой оценке большевистской революции, что сделал весьма прагматично Китай по отношению к своему революционному прошлому:

«70 % побед и 30 % ошибок», «заслуги Мао Цзэдуна должны ставиться на первое место, а его ошибки на второе место» и т.п.

В сравнении с Дэн Сяопином отечественные реформаторы, такие как М.С. Горбачёв, Б.Н. Ельцин, Б.Е. Немцов выглядят недалёкими конъюнктурщиками и западными эпигонами, не обладающими долгосрочным системным мышлением. Если в СССР наибольшая часть усилий была направлена в информационном направлении по деконструкции прошлого, в Китае максимизировали экономические и модернизационные усилия. В итоге мы получили «дешёвые» политические права и сырьевое место в глобальной экономике, а Китай – «дорогие» экономические права и долгосрочную цивилизационную перспективу [4].

Инвестиции, индустриализация, региональная инициатива – такова формула китайского экономического чуда. Пока в СССР в 80-е продолжали воспроизводить цель построения коммунистического общества, Китай поставил весьма практические цели повысить показатели ВВП. Вместо перманентной мобилизации, формализма и уравниловки, Китай стал развивать проект социализма с человеческим лицом, рынком и конкуренцией.

СССР выполнил свою историческую миссию, запустив глобальные процессы обновления управленческих элит, создав массовые социальные лифты. Однако это не помогло на поздних этапах сохранить конкурентные позиции. Ценностно-смысловое и когнитивное лидерство нужно постоянно завоёвывать [9]. Социально-экономические права во второй половине XX века стали нормой, а такие инструментальные ориентиры как мобилизационная экономика, авторитарный режим и сырьевое развитие не могут выступать драйверами глобальных смыслов, это лишь краткосрочные инструменты.

Другое дело, что в условиях ограниченности ресурсов образ экономной экономики СССР и мобилизационной экономики России являются лишь возвращением к суровой реальности: мы живём в убийственно холодном космосе на маленькой планете, с которой никогда не улетим. Мы обречены делить углеводороды, землю, воду с растущим населением, каждый индивид которого мечтает о лучшей доле. Советское общество, как ни странно, создавало более экоммерный и реальный вариант общежития, который, однако, был разрушен амбициями партийной номенклатуры, предавшей криптоправославное нестяжательство большевиков за возможность приватизации благ для своего истеблишмента. Однако готово ли человечество принять образ ограниченного потребления, довольствоваться малым и открывать нематериальное счастье?

США, реализовав в значительной сфере социально-экономические права трудящихся, благодаря конкуренции стали во второй половине XX веке Новым Иерусалимом потребления, процветающим мировым порядком, средоточием жизненных универсалий (равенство, справедливость, свобода, богатство). Жёсткая посадка на советский идеал мобилизационной экономики вряд ли сможет стать популярным образом будущего. Однако вера в идеал рыночной демократии также была подорвана агрессивной хищнической политикой США ради сохранения своего доминирования и профицита.

Устойчивое развитие при сохранении доступа широких масс к достижениям цивилизации соответствует общей консервативной программе В. В. Путина, которую он развивает на Валдайском клубе: традиционная семья, уважение к религиям, память о защитниках отечества [1, 3]. В условиях усложняющихся геополитических порядков Россия предлагает всем сделать ставку на технологии устойчивого развития, взамен политического и технократического авантюризма (зеленый радикализм, фашизм, нацизм, экстремизм, терроризм, шантаж, диверсии, политический диктат и т.п.). Реальная антихрупкость мира зиждется на справедливом доступе к образованию, технологиям, здравоохранению, а также глобальном сотрудничестве вместо продвижения военного блока НАТО ради доминирования западной финансовой системы. Стратегический курс, задаваемый Президентом, заключается в противостоянии цивилизационному кризису. Опоры здорового консерватизма, это: 1) национальные государства, в противовес транснациональным корпорациям, продвигавшим неокOLONIALISM под брендом «мир без границ», 2) традиционная семья с ценностями детства, материнства, отцовства, 3) международное сотрудничество и паритетный диалог в решении глобальных проблем,

В. В. Путин называет умеренный консерватизм наиболее адекватной стратегией реагирования на скорость глобальных изменений, надёжный путь между бездумным новационизмом и косным охранительством [6, 7, 8]. Китай, лидер третьего тысячелетия, при всей его вовлечённости в хайтек, не торопится подменять ценности, а стоит на консервативной платформе: «сохранить мир во всем мире и содействовать всеобщему развитию», «человечество единой судьбы», «один пояс – один путь как общественное благо», «сотрудничество и общая выгода», «глобальная инициатива безопасности», «добродетель превыше всего», «больше отдавай, чем получи», «умеренное процветание». Китайская (и индийская) цивилизация являются образцом устойчивого многовекового развития. Распространённое мнение, что Китай не может быть мировым лидером, т.к. ничего нового не придумал, а лишь копирует западные технологии, является поверхностным [11].

Цивилизационная динамика насчитывает несколько тысяч лет, чему предшествовали миллионы лет эволюции человека. На Востоке были изобретены тригонометрия и практическая числовая запись, компас, порох, колесница, ракета, бумага, печать, ноты, металлургия, фарфор, шелк и т.д. Современность не принадлежит одной системе, – это убегающие ориентиры человечества уже на протяжении миллионов лет антропогенеза. Комплексный продукт modernity создаётся усилиями многих субъектов Запада и Востока, Севера и Юга, а глобализация сопровождает рождение любой цивилизаторской системы. Те или иные проекты регионального экспансионизма мы наблюдаем во всех цивилизациях даже островных, таких как Япония, вытеснявшая аборигенов айнов. То, что сейчас доминирует вестернизация как глобальный проект не означает, что она не может смениться ориентализмом или каким-то более комплексным, гибридным вариантом глобализации, когда Запад масштабируется на Востоке и снова приходит на Запад. Собственно, Китай сегодня

ня является тем, чем когда-то были США для развивающихся стран, сформировавшие четкие правила справедливой конкуренции, защиты частной собственности, свободы предпринимательства, религиозности, автономности личности и частной жизни.

В свою очередь, Америка не может вырваться из культурологической «ловушки Фукидида», когда военно-политическая элита не способна ограничить свои аппетиты и нарушает свои же правила, которые привели их когда-то к успеху. Вероятно, Китай со своей комплексной цивилизационной прививкой в виде мистики даосизма, этатизма конфуцианства, жёсткости легизма и буддийской аскетики сможет преодолеть римскую ловушку деградации элит из-за её неспособности к самоограничению.

Советское миссианство потерпело крах из-за неспособности партийной элиты сохранить бескорыстие старой элиты, угасания преданности идеалам. Сохранение ценностно-смыслового ядра цивилизации является сложным качеством, которое вырабатывается тысячелетиями, обычно в условиях религиозно-мистической среды. Советская мифология сохраняла признаки квазирелигиозной системы, но не смогла транслировать свою ценностно-смысловую систему дальше 1-2 поколений коммунистов. Вдобавок мессиянская направленность СССР имела ограниченную ресурсную базу для поддержки революционных движений и социалистических стран, большинство из которых перекупило США [10].

При выветривании мифологического и мистического компонентов советского идеала произошло их замещение на исходные этно-религиозные структуры, что стало одной из причин распада государства и локальных конфликтов в Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии и Украине.

Уничтожая своё христианское ядро, западный проект теряет свою способность к устойчивости. В своё время католицизм выработал успешные формы сопротивления исламу, сегодня же общим местом стал прогноз об исламизации Европы. Всё это следствие утраты (самоуничтожения) мифолого-мистических структур воспроизводства цивилизационного кода.

«Москва – третий Рим», «Всемирная пролетарская революция», равно как «теория подвижной границы», «перманентная колонизация» – обоюдоострые идеи, которые показали свою историческую ограниченность как экспансионизм ради победы над противником. В этом смысле целеполагание Китая, – глобальная устойчивость, является оптимальным цивилизационным проектом, который может гарантировать какое-то пролонгированное существование человека на Земле.

СССР реализовал своё историческое предназначение в области социально-экономических прав трудящихся, но проиграл в потребительской экономике. США создали идеалы потребительского разнообразия, но не смогли преодолеть границы своей элитарной конструкции, фундаментального культурного расизма, модели исходного превосходства Запада [2, 5]. Лидерство в новой эпохе будет за государством, которое сможет сочетать высокие экономические показатели, конкурентное равенство, открытость и глубинное ценностно-смысловое ядро. Практичным является осознание,

что Россия не претендует на глобальное лидерство в конкуренции США и Китая. Представляется, однако, что занять сторону Китая является весьма логичным, т.к. его ценности и цели содействуют глобальной устойчивости и долгосрочному сотрудничеству.

Пристатейный библиографический список

1. Барабанов О. Н. Роль истории во внешнеполитической стратегии В. В. Путина // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 84-92.
2. Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. Цивилизации границ. Москва: Академический Проект, 2014. 696 с.
3. Калюга А. А. Китайская тематика в выступлениях Владимира Путина на итоговых пленарных сессиях международного дискуссионного клуба «Валдай» (2012-2020 гг.) // 30 лет без Союза: потери, удача, перспективы. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 89-94.
4. Кива А. В. Китай и Россия: разные модели реформ – разные результаты // Мир перемен. Москва: ИВ РАН, 2009. С. 38-52.
5. Лукин А. В. Теория всеобщего расизма – новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. 2020. № 5 (105). С. 119-136.
6. Тимощук А. С. Россия Путина как эмерджентный проект // Учёные записки: научно-практический журнал (ВФ РАНХиГС). 2018. № 1 (25). С. 78-81.
7. Тимощук А. С. Философия В. В. Путина как противостояние политическому хаосу // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13. № 3 (64). С. 122-127.
8. Тимощук А.С. Философия Путина как национальная философия адекватности // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 185-192.
9. Штоль В., Задохин А. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2019. № 1 (348). С. 5-20.
10. Штоль В., Задохин А. США – истоки и пределы американского империализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2018. № 7 (342). С. 5-16.
11. Tong L. Will China become a world leader? // Скиф. 2019. № 4 (32). С. 435-447.

ЧУДИНА-ШМИДТ Наталья Витальевна

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ: ОТ МЫСЛИ К ДЕЙСТВИЮ

В данной статье рассматриваются два феномена современного социокультурного пространства «экстремизм» и «терроризм» с позиции внутреннего (мысли) по отношению к первому и внешнего (действия) «терроризм». Поскольку в современном мире часто происходит подмена понятий в отношении исследуемых феноменов, то актуальность изложенной в статье идеи очень высока. Для возможности противодействия данным проявлением современного мира крайне важным выступает вопрос о разделении и разграничении данных феноменов, как на уровне понятийного аппарата, так и с точки зрения современного законодательства. Только определение того, что в своей основе имеет каждый из этих феноменов, даст возможность более эффективного противодействия им и повысит уровень обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, экстремальность.

CHUDINA-SHMIDT Natalya Vitaljevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Humanitarian and social-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

EXTREMISM AND TERRORISM: FROM THOUGHT TO ACTION

This article discusses two phenomena of the modern socio-cultural space “extremism” and “terrorism” from the position of internal (thought) in relation to the first and external (action) “terrorism”. Since in the modern world there is often a substitution of concepts in relation to the phenomena under study, the relevance of the idea presented in the article is very high. For the possibility of countering these manifestations of the modern world, the issue of separating and delimiting these phenomena both at the level of the conceptual apparatus and from the point of view of modern legislation is extremely important. Only by determining, what each of these phenomena is based on will make it possible to more effectively counter them and increase the level of ensuring the national security of the Russian Federation.

Keywords: extremism, terrorism, extremality.

Чудина-Шмидт Н. В.

Сегодня в мире и социокультурном пространстве на первый план выходят проблемы, связанные с проявлениями таких феноменов как экстремизм и терроризм [4].

Исследованию их природы, сущности и форм проявления уделяется особое внимание со стороны мыслителей разных областей знания. При этом каждый ученый исходит из своей научной матрицы и базового категориального аппарата. Однако такое узконаправленное видение приводит к формированию плюралистичности понимания и определения данных феноменов и, как следствие, к размыванию и смещению границ между ними. Именно в связи с этим сегодня можно встретить отождествление понятий экстремизм и терроризм, когда представители СМИ, ученые, видные государственные деятели и юристы, говоря об одном из этих феноменов допускают их отождествление или низведение до уровня деяния, хоть и ужасающего в своей основе, но, в то же время, только деяния [1], [2], [3]. Однако это вовсе не так поскольку каждый из исследуемых феноменов не может быть низведен только лишь до уровня человеческого деяния, так как в самой их сущности заложено гораздо больше оснований, нежели только отдельный вид деятельности человека.

В связи с изложенным видится целесообразным рассмотрение предложенных феноменов с позиций демаркационной линии, заявленной в названии, границей которой выступает дихотомия внутреннего и внешнего в форме «мысль - действие». В связи с чем представляется необходимым про-

ведение разграничения в нескольких областях: семантической, семиотической и социальной.

Тогда для разведения границ и определения базовых, сущностных характеристик исследуемых феноменов следует предположить, что и экстремизм, и терроризм здесь выступают как формы человеческого действия. Но, при этом, следует отметить, что экстремизм представляет собой ДЕЙСТВИЯ УМА В ФОРМЕ МЫСЛИ. Под которой принято понимать то, что явилось в результате размышления, то есть мысль – это результат деятельности человеческого мозга по формированию нового знания, приобретая собой форму внутриличностного действия. В то время как терроризм представляет собой форму внешнего действия, имеющего собственное проявление в социуме, так как под действием в таком случае понимается структурная единица деятельности как относительно завершеного отдельного акта человеческой активности, для которого основной характерной чертой выступает направленность на достижение определенной осознанной цели, и как следствие произвольной и преднамеренной индивидуальной активности.

Тогда, исходя из изложенного можно сделать вывод, что при разговоре об экстремизме следует особо учитывать, что это в первую очередь система взглядов и убеждений, крайне радикального характера, что, в принципе, и закладывается на уровне семиотики исследуемого понятия. Так, к исследуемому феномену по смыслу подходят такой корень как extreme и его производные extremum (крайнее) и extremus (крайний), а

также корень extra и его производные extra (вне, сверх, крайне) и extraordinarius (внеочередной, чрезвычайный).

Тогда можно за основу взять следующее определение экстремизма – это приверженность к крайним взглядам. Однако если мы переводим спектр внимания от личности к социуму, то тут уже появляется тот, необходимый для рассмотрения момент, когда к самому феномену экстремизм добавляется термин действие и тогда исследование переходит из области внутреннего в необходимость рассмотрения внешнего: в форме экстремистской деятельности. Тогда следует отметить, что при ведении разговора об экстремизме с позиций внутреннего, следует подразумевать форму мысли, приверженность к определенной форме воззрений, становление радикальной формы видения окружающего мира, которые могут проявляться в социальной действительности, а могут оставаться на уровне мыслей и взглядов. И этом заключается основное различие между исследуемыми феноменами экстремизма и терроризма, но об этом несколько позже, после рассмотрения что же в своей основе представляет собой терроризм.

Терроризм предстает перед исследователями уже с позиций деятельности внешнего своего проявления в форме насилия. Однако если рассматривать законодательную базу, то согласно ФЗ № 35 – «О противодействии терроризму»¹, терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий, что соответственно приводит к закономерному выводу, что терроризм это форма действия, которая имеет свою цель, которую и можно определить только с позиций действия. Тогда встает вопрос о привлечении к действию понятия – идеология, которое подразумевает под собой все возведение исследуемого до уровня внутреннего, мыслительного процесса, что, опять-таки, приводит к необходимости отождествления с феноменом экстремизм.

И таким образом, исследователи могут долго и непродуктивно ходить по замкнутому кругу определения исследуемого, но вопрос предотвращения и борьбы с обозначенными феноменами, проявления которых в условиях развития современного общества не перестают расти и приобретают уже катастрофические масштабы, так и останется на уровне борьбы с «Ветряными мельницами».

Как же тогда быть не только на уровне теоретического рассмотрения поставленной проблемы, но и на уровне практического решения данной проблемы, а также в формировании путей полной ее ликвидации. Каким образом возможно разорвать «порочный круг» понятийной путаницы, тем более, что сегодня на уровне большого количества ее теоретического рассмотрения уже определились как минимум две исследовательские группы, которые под одним и тем же видят совсем разное.

К примеру, исходя из наиболее общих абстракций исследователи одного направления отстаивают идею причисления исследуемого, к области феноменального, расширяя проблемное поле и выводя его на уровень взаимодействия «внешнего и внутреннего», «Человека - социума», тогда здесь следует учитывать, не только действия человека, но и его

мысль, которая может приобрести форму действия, а может так и остаться на уровне мысли.

Вторая группа склонна видеть в исследуемом только форму действия, причисляя экстремизм и терроризм к поведению, то есть к крайне неодобряемому его виду – преступлению, тогда остается вне понимания причисление к исследуемым явлениям понятия – идеология и идеологема. И рассмотрение отдельно понятий экстремизм и терроризм, наряду с понятиями экстремистская деятельность и террористическая деятельность.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в современной теоретико-практической исследовательской практике относительно экстремизма и терроризма до сих пор существует столько спорных и неопределенных моментов, что не представляется возможным имея такой абсолютный хаос понятийно-смыслового уровня, выйти на уровень действенной и продуктивной борьбы с условием полной в ней победы над данными феноменами.

Пристатейный библиографический список

1. Коноплева А. А. Трансформация коммуникативного взаимодействия в пространстве информационно-телекоммуникационных сетей // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. - 2021. - Т. 10. № 5. - С. 64-69.
2. Коноплева А. А. Роль межкультурных конфликтов в развитии экстремизма и терроризма (на примере опыта Российской Федерации и Республики Крым) // В книге: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики Крым, 2015. - С. 64-75.
3. Никитина Л. Н. Pokemon go: массовость как результат воздействия эмоционального заражения и подражания, возникающие в связи с этим угрозы правопорядку и общественной безопасности // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. - 2016. - № 4. - С. 47-55.
4. Чудина Н. В. Homo extremality - человек XXI века // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. - 2014. - Т. 27. - № 1-2 (66). - С. 99-104.
5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ о противодействии терроризму. Редакция от 26.05.2021.

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ о противодействии терроризму – Редакция от 26.05.2021.

ХАЗИПОВА Эвелина Рифовна

магистрант 2-го года обучения Факультет философии и социологии Башкирского государственного университета

РОЛЬ УБЕЖДЕНИЙ О МИРЕ И ЦЕННОСТЯХ КАК ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В данной статье представлен теоретический анализ проблемы взаимозависимости личностных убеждений о мире и ценностях с демонстрируемым поведением у молодого поколения. Автором также представлены результаты собственно проведенного исследования среди студентов БашГУ на предмет подтверждения гипотезы о том, что мировоззренческие установки являются предикторами поведения у современной молодежи.

Ключевые слова: молодежь, мировоззрение, ценности, убеждения, мотивация, поведенческие стереотипы.

KHAZIPOVA Evelina Rifovna

magister student of the 2nd year of study of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

THE ROLE OF BELIEFS ABOUT THE WORLD AND VALUES AS BEHAVIORAL DETERMINANTS OF MODERN YOUTH

This article presents a theoretical analysis of the problem of the interdependence of personal beliefs about the world and values with the demonstrated behavior of the younger generation. The author also presents the results of his own study among students of Bashkir State University in order to confirm the hypothesis that worldview attitudes are predictors of behavior among today's youth.

Keywords: youth, worldview, values, beliefs, motivation, behavioral stereotypes.

Феномен исследования мировоззрения личности был и остается центральной проблемой философии. Особую актуальность данная тема приобретает в современных реалиях, потому как в настоящее время происходит модернизация нового образа научного знания – личностно-ориентированного, развивающегося в культуросообразном контексте.

Рассматриваемый образ трансформируется в процессе освоения культурно-исторического опыта, а также имеет организующее значение при познании индивидом не только самого себя, но и мира, где выбор конкретной стратегии поведения в нем закономерен с процессом обогащения внутреннего, духовного мира и ростом самоосознанности.

Обращаясь непосредственно к формированию осознанности и характеризуя особенности мировоззрения российской молодежи, нельзя не отметить, что формирование вышеуказанных феноменов происходит в весьма неоднозначный период: в условиях девальвации морально-нравственных ценностей и упразднении старых установок. Данный период интересен и тем, что в современном мире только начинается формирование новой системы взглядов индивидов, в то время как архаичные ценности еще до конца не ликвидированы.

На наш взгляд, тот факт, что молодежь является катализатором будущих изменений и прогресса обуславливает актуальность настоящего исследования с целью изучения и корректировки процесса качественной трансформации сознания молодежи в новых условиях.

В рамках данной темы нам представляется необходимым обратиться к мнению создателя теории человеческих ценностей Ш. Шварца, согласно мнению которого: «Ценности как верования образуют определенные мотивационные цепочки, объединенные в группы, обуславливающие определенное поведение» [4, p. 44].

Действительно, нельзя не согласиться с точкой зрения автора, поскольку ценности определяют приоритетную направленность личности и раскрывают систему актуализации ее социальной активности.

Наши умозаключения подтверждает высказывание Д. А. Леонтьева: «доминирующие ценности, их конфигурация определяют «смысловое поле» приложения социальной активности личности, реализация которой происходит в процессе социальных взаимодействий и направлена на самоизменение и преобразование действительности в соответствии с собственными потребностями и требованиями общества» [1, с. 35].

Так, ценностно-ориентационную деятельность можно рассматривать как основной способ освоения и познания социальной реальности. При этом немаловажно подчеркнуть, что при ее реализации происходит не только осознание закономерностей функционирования мира, но и преобразовательная деятельность по отношению к нему.

Наличие высокого уровня перспективизации жизненных целей и осознанности, стойких морально-нравственных убеждений, а также мотивов поступков детерминируют ценности, которые в последующем выступают как социальные ориентиры при выборе приоритетной деятельности. Немаловажно подчеркнуть, что внутренние убеждения и система ценностей определяют место индивида в социуме, характер межличностной коммуникации и возможности по реализации собственного потенциала. На основе обозначенных аспектов выстраивается социальная активность при достижении ведущих, жизненно важных целей.

Исследуя научную литературу на предмет выявления ведущих ценностных ориентаций современной молодежи, мы находим весьма интересной позицию профессора в сфере социальной психологии Р. М. Шамионова: «Ценности, определяющие ведущую направленность личности, раскрывают систему актуализации ее социальной активности. Доминирующие ценности, их конфигурация определяют «смысловое поле» приложения социальной активности личности, реализация которой происходит в процессе социальных взаимодействий и направлена на самоизменение и преоб-

Таблица 1. Результаты выраженности терминальных ценностей в структуре ценностных ориентаций студентов

Терминальные ценности	Среднее значение	Стандартное отклонение
Активная деятельная жизнь	7,2	4,66
Жизненная мудрость	9,9	6,16
Здоровье	10,07	5,53
Интересная работа	9,44	5,19
Красота природы и искусства	10	5,9
Любовь	8,67	5,72
Материально обеспеченная жизнь	11,33	5,03
Наличие хороших и верных друзей	10,34	5,78
Общественное признание	9,3	5,17
Познание	9,37	5,12
Продуктивная жизнь	10,27	5,18
Развитие	10,18	5,61
Развлечения	9,07	3,86
Свобода	9,1	4,59
Семейная счастливая жизнь	10,14	5,08
Счастье других	9,9	5,14
Творчество	8,7	4,13
Уверенность в себе	8,4	3,86

разование действительности в соответствии с собственными потребностями и требованиями общества» [3, с. 124].

Исходя из авторской точки зрения становится очевидным, что ценности являются детерминантами демонстрируемого поведения. Их индивидуальное своеобразие и трансформационные процессы определяют вектор поведения личности при выборе ведущей социально-активной деятельности. Отсюда закономерным является то, что обуславливается потребность в изучении специфики ценностной детерминации определенных видов активности среди молодого поколения. Мы убеждены, что научное исследование в данной сфере способно определить направление ценностных ориентаций студенческой молодежи, а также спрогнозировать особенности ее становления и трансформации в дальнейшем.

Объектом нашего исследования выступают ценности студенческой молодежи.

Предметом исследования – роль убеждений о мире и ценностях в социальной активности студенческой молодежи.

Целью исследования мы определили проанализировать роль убеждений о мире и ценностей в проявлении социальной активности студенческой молодежи.

В качестве гипотезы исследования мы обозначили следующее: предикторами включенности в социальную активность студентов являются мировоззренческие установки, а также ценностные установки в отношении мира.

Совокупность и сочетание обозначенных методик адекватны объекту, предмету, цели и задач исследования настоящей работы.

Нами было проведено эмпирическое исследование роли убеждений о мире и ценностях в социальной активности студенческой молодежи. Результаты были получены с помощью составленной анкеты на основании диагностического инструментария: собственно разработанной анкеты, ориентированной на анализ форм социальной активности; методика нормативной активности Р. М. Шамянова, М. В.

Григорьевой и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

В исследовании приняли участие 70 студентов Башкирского государственного университета. Данные первичной обработки результатов были произведены на базе программы Microsoft Excel, а статистическая обработка данных была выполнена с помощью программы SPSS Statistics.

Для данной темы актуально исследование выраженности терминальных ценностей в структуре ценностных ориентаций студентов, для наглядности данных обратимся к таблице 1.

Исходя из данных, представленных в таблице, мы видим, что среди терминальных ценностей в качестве ведущей прослеживается материально обеспеченная и продуктивная жизнь, семейная счастливая жизнь, наличие хороших и верных друзей. Чуть меньшее количество среди важных терминальных ценностей обозначает здоровье, красоту природы, жизненную мудрость, интересную работу, общественное признание, познание и счастье других людей. Наименьшее значение, что говорит о их слабой востребованности у молодежи, принадлежит таким терминальным ценностям, как: любовь, развлечения, свобода, творчество и уверенность в себе.

Обратимся к анализу результатов исследования инструментальных ценностей молодежи, представленных в таблице 2.

Опираясь на данные таблицы становится очевидным, что у студенческой молодежи отмечается в качестве приоритетных инструментальных ценностей воспитанность, высокие запросы, жизнерадостность, исполнительность, нетерпимость к недостаткам, терпимость. Немного меньше востребованы образованность, самоконтроль, смелость, твердая воля, чуткость. Наименьшее число студентов демонстрирует в качестве инструментальных ценностей аккуратность, независимость, ответственность, честность, широту взглядов и эффективность в делах.

Таблица 2. Результаты выраженности у студентов инструментальных ценностей

Инструментальные ценности	Среднее значение	Стандартное отклонение
Аккуратность	8,4	5,03
Воспитанность	10,52	5,54
Высокие запросы	10,51	5,47
Жизнерадостность	10,27	5,25
Исполнительность	10,46	5,21
Независимость	7,96	5,41
Нетерпимость к недостаткам	10,86	5,49
Образованность	9,27	5,48
Ответственность	8,63	5,14
Рационализм	10	5,12
Самоконтроль	9,34	4,95
Смелость	9,91	5,12
Твердая воля	9,32	4,95
Терпимость	10,31	4,23
Честность	8,47	5,02
Чуткость	9,73	5,52
Широта взглядов	8,62	4,6
Эффективность в делах	8,61	4,95

Так, на основании части исследования, мы определяем, что ведущими среди ценностей-средств у студентов является нетерпимость к недостаткам у окружающих, а также приоритетность материального благополучия.

Далее нами был проведен корреляционный анализ полученных результатов, на основании которого было выявлено, что ценности имеют роль в выраженности того или иного компонента социально-ориентированной активности.

Мы отмечаем, что полученные результаты частично коррелируют с данными ранее проведенных исследований, например, М. В. Шабаловской среди студенческой молодежи г. Томск. В исследовании был выявлен аналогичный факт: для студенческой молодежи особую ценность представляет материально обеспеченная жизнь. Интересным в данном исследовании является то, что подобные убеждения характерны для студентов юридических и экономических специальностей, в то время как обучающиеся по направлению помогающих профессий в качестве приоритетных ценностей выбрали счастье других, творчество, красоту природы и искусства. То есть, преобладающей для второй группы стала ориентация на свободу и процесс, а не на материальные блага и результат [2, с. 81].

Резюмируя выше сказанное, в теоретическом анализе данного вопроса мы акцентировали внимание на определении взаимозависимости ценностных ориентаций, личностных возможностей индивида к самореализации и проявлениях форм социальной активности молодежи. В свою очередь, опираясь на результаты эмпирического исследования, мы пришли к следующим выводам:

Студенты БашГУ замотивированы к реализации социально-ориентированной деятельности и взаимодействию с другими людьми;

Уровень социальной активности молодежи можно охарактеризовать как средний, потому как в своем большинстве она проявляется в мероприятиях, которые связаны с решением трудных жизненных ситуаций.

На основании данных таблиц, представленных в настоящем исследовании, очевидно, что для студентов преобладает ценность материального благополучия, в то время как духовным началам отводится наименьшая по значимости роль. Также, у студентов отмечается яркая выраженность нетерпимости к ошибкам и недостаткам окружающих людей.

Таким образом, гипотеза исследования о том, что предикторами включенности в социальную активность студентов являются мировоззренческие установки, а также ценностные установки в отношении мира была подтверждена. Цель работы достигнута.

Пристайный библиографический список

1. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Психология. – 1996. – № 4. – С. 35-41.
2. Шабаловская М. В. Аксиологический аспект развития активности современных студентов // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 6. – С. 81-85.
3. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е. В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. – 2022. – № 1. – С. 124-141.
4. Rokeach M. Understanding human values: Individual and societal. – New York: Free Press, 1979. – 302 p.

ХИСМАТУЛЛИН Сергей Александрович

аспирант 3-го года обучения Факультета философии и социологии Уфимского университета науки и технологий

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье отмечаются актуальные проблемы особенностей политического сознания молодежи, проблемы его формирования в условиях современного общества. В современном мире можно столкнуться с низким качеством работы институтов политической социализации, что требует актуализации данной проблемы в обществе для дальнейшего развития политической деятельности страны. Необходимо направлять и интегрировать инновационный потенциал молодежи для развития государства.

Ключевые слова: политическое сознание, молодежь, политическая социализация, политические партии, политическая активность, развитие, общество.

KHISMATULLIN Sergey Alexandrovich

postgraduate student of the 3rd year of study of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Ufa University of Science and Technology

FEATURES OF THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE

The article highlights the actual problems of the peculiarities of the political consciousness of young people, the problems of its formation in the conditions of modern society. In the modern world, one can face the low quality of the work of the institutions of political socialization, which requires the actualization of this problem in society for the further development of the country's political activity. It is necessary to direct and integrate the innovative potential of young people for development of our country.

Keywords: political consciousness, youth, political socialization, political parties, political activity, development, society.

Политическое сознание — это комплекс знаний, оценок, представлений и идей, которые выражают интересы социальных субъектов: индивидов, групп, классов, государства [1, с. 145]. Оно является отражением реальной политики в сознании людей: зависит от условий жизни социального субъекта и является реакцией на общественно-политическую жизнь, поэтому изучение особенностей политического сознания является важным вопросом. В современных реалиях трансформации социокультурной среды как внутри государства, так и на мировой арене особенно актуален анализ сознания такой уязвимой части населения как молодежь, ведь именно данная категория является движущей силой развития российского общества.

Молодежь может являться как субъектом, так и объектом политики. Если рассматривать с позиции субъекта политики, молодежь в ней стремится реализовать свои цели, этой категории присуща личная система политических ценностей. Рассматривая же молодежь как объект политики, можно утверждать, что она является объектом влияния политической системы конкретного общества, в которой политические партии, организации и, в целом, государство преследуют собственные интересы по привлечению представителей молодого поколения в сферу своей деятельности.

В нынешнее время политика встала на путь модернизации, и для того, чтобы эффективно использовать инновационный потенциал молодежи, интегрировать ее в общественно-политические отношения, необходимо уделять особое внимание молодому поколению. Активное участие молодежи в политической деятельности общества является

самым важным условием развития всей политической системы государства.

Политическое сознание молодежи отражают их коллективные интересы. Это может отражаться в их отношении к действующим политическим партиям, политическим структурам и общественным движениям [2, с. 7]. Касаясь вопроса современных форм участия молодежи в политической жизни социума, можно выделить участие в голосовании, организацию молодежных организаций, участие в деятельности политической партии, участие в акциях с целью отстаивания своих интересов и взглядов, участие молодого поколения в органах местного самоуправления. Однако нельзя утверждать, что в данной сфере имеют место быть только позитивные тенденции. Отмечается, что молодежь имеет низкий уровень доверия к действующим государственным институтам, а также политическим партиям [3, с. 14]. Это, на наш взгляд, может быть связано с тем, что представители молодого поколения не могут реализовать на практике собственные идеи, и это снижает их роль в системе общественно-политической деятельности (отношений).

Стоит отметить, что на сегодняшний день молодое поколение в значительной степени отказалось от политической активности, как деятельности, имеющей важную социальную значимость. Молодежь в малой степени следит за политическими нововведениями, изменениями законов и равнодушна к деятельности властных структур. У данной категории граждан мало мотивации для общественно важной деятельности, к тому же еще нет способностей и навыков к самоуправлению.

Касаемо причин низкой политической активности среди молодежи, можно выделить такие причины как противоречия в нынешней политической культуре, негативная репутация политиков, отсутствие харизмы у большинства политиков для молодого поколения, малый опыт участия в политической жизни, недостаточное внимание к социализации молодежи.

К факторам, определяющим политическое сознание молодого поколения и направления изменений относят, во-первых, фактор материального положения. Снижение уровня жизни влияет на политическую ориентацию молодых людей и их отношения к властным структурам. Нестабильность экономики, социальная неопределенность, также, имеют влияние на отношение молодого поколения к своей стране.

Во-вторых, это фактор ориентации на будущее. Нынешнее молодое поколение выросло в новых социальных и экономических условиях. Интересы, а также ценности родителей и молодежи расходятся. Молодые люди стараются освободиться от бремени прошлого, определить свои собственные значимые ценности и выбрать поведение, отвечающее требованиям завтрашнего дня. По этой причине попытки использовать советские подходы к социализации современной молодежи являются вовсе не эффективными, и должны быть модернизированы.

Упомянув факторы, невозможно обойти стороной влияние средств массовой информации на сознание молодежи. Хотя и сохраняется тенденция недоверия средствам массовой информации со стороны молодых людей, но тем не менее влияние их на молодежь остается высоким. Особенно велико влияние сети Интернет, социальных сетей, новостных пабликов.

Значительное влияние имеют и региональные факторы. Характеристики политического сознания среди молодежи и взрослого поколения широко варьируются от региона к региону. Это связано со многими факторами, а в частности с различиями, которые присутствуют в условиях жизни и социальным составом населения. Этнические и национальные факторы часто оказываются, также, решающими. Зачастую наибольшего успеха достигают политики и партии, работающие над решением конкретных местных проблем.

Тем не менее, учитывая все вышесказанное, можно наблюдать и позитивную тенденцию, согласно которой увеличивается политическая активность и проникновение молодого поколения в социальные институты. Можно обратить внимание на выдвижение молодых политических лидеров, омоложение государственных структур, организация собственных молодежных организаций [4, с. 5].

Сегодня преобладающее большинство политических партий имеют собственные молодежные партийные организации. Некоторые партии создают партийные школы для подготовки активистов для будущей политической деятельности [6, с. 74]. Эти школы предоставляют возможности для ознакомления с партийной работой, приобрести необходимый опыт; развития карьеры в политической деятельности. Ценности, которые усваивает молодежь в про-

цессе политической социализации, играют решающую роль в формировании типа их политического поведения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что политическое сознание, установки молодежи в настоящее время многомерны и неоднозначны. Одновременно можно отметить вовлеченность молодежи к политическим событиям, так и низкую активность в политической жизни страны. Поэтому очень важным является построение институтов социализации молодежи в политическую сферу, изучение и эффективное использование инструментов для активации представителей молодого поколения, в ином случае такой важнейший ресурс как молодежь будет потерян для государства.

Пристатейный библиографический список

1. Зубок Ю. А., Сорокин О. В. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия // Социология власти. - 2010. - № 4.
2. Игнатова Т. В. Политическая активность как основная форма политического участия российской молодежи // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. - 2016. - № 1.
3. Кесаева Ж. Э., Елов А. А. Молодёжные политические партии и их функции в структуре гражданского общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2020. - № 3 (64).
4. Рожкова Л. В., Влазнева С. А., Сальникова О. В., Дубина А. Ш. Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. - 2022. - № 1 (61).
5. Титова Е. В., Лупандин В. Н. Политическое знание: сущность, свойства, границы и пределы // Среднерусский вестник общественных наук. - 2019. - № 4.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-434-435

ИКСАНОВ Радмир Аузагиевич

старший преподаватель кафедры экономической теории Уфимского университета науки и технологий, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Башкирского кооперативного института, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Башкирского института социальных технологий

ГАРИПОВ Равиль Касимович

доктор филологических наук, профессор Башкирского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации

ИЛЪЯСОВ Радик Равилович

доктор философских наук, профессор Башкирского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации

НЕИГРАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В статье исследуется феномен неиграющего человека в познавательном дискурсе. Проводимый авторами мониторинг показателей среднего и высшего образования логично подводит к выводу, что среди многих её проблем выделяется проблема достижимости подлинности личности, насколько субъект принимает себя в качестве реализованного установленным моделям и образцам. Для мыслящего субъекта более очевиден не личный успех в образовании, а его неуспех, его нереализованность в освоенных им, как он считал, компетенциях. Проблема подмены образовательного дискурса имитацией не может быть решена в пространстве локального нормативного акта. Доминирующие формализованные процедуры измерения результата познания не могут приниматься в качестве безусловных критериев истины.

Ключевые слова: образование, философия, образовательный дискурс, неиграющий человек, абнегизм.

IKSANOV Radmir Auzagievich

senior lecturer of Economic theory sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology, senior lecturer of Humanitarian and natural sciences sub-faculty of the Bashkir Cooperative Institute, senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Bashkir Institute of Social Technologies

GARIPOV Ravil Kasimovich

Ph.D. in philological sciences, professor of the Bashkir Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

ILYASOV Radik Ravilovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of the Bashkir Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

GENERAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF LAND EASEMENTS

The article examines the phenomenon of a non-playing person in cognitive discourse. The monitoring of the indicators of secondary and higher education carried out by the authors logically leads to the conclusion that among its many problems, the problem of the achievability of identity authenticity stands out, as far as the subject accepts himself as realized by established models and samples. For a thinking subject, it is not personal success in education that is more obvious, but his failure, his unrealisation in the competencies he has mastered, as he believed. The problem of substitution of educational discourse by imitation cannot be solved in the space of a local normative act. The dominant formalized procedures for measuring the result of cognition cannot be accepted as an unconditional criterion of truth.

Keywords: education, philosophy, educational discourse, non-playing person.

Отдельный человек во многом понимается не как реализованная сущность в пространстве благоприятного для развития его существования, а как множество разрушенных и разрушаемых возможностей в жизненном сценарии. На определенном этапе социализации молодой человек обнаруживает, что его сущность, и даже его существование не удовлетворяет его, они оказываются иными: можно имитировать эмоциональное состояние, и даже мысли, и отдельные поступки и в целом поведение. Феномен фальшивых, не искренних, ненатурных людей актуализируется и в среднем звене обучения. Произведения русских классиков включаются для пронизательного исследователя в игровой космос как постоянно воспроизводящиеся и доступные для понимания универсалии культуры. Собственно, в этом тезисе и сокрыта основная мысль: достаточно скрупулезно перечитать, продумать и осмыслить, провести параллели и ассоциации, только одно произведение, for example, А. П. Чехова («Дама с собачкой»), и восхититься богатством содержания и «про-

рисованности» множества рациональных и иррациональных интенций думающей личности. Даже образованные люди докомпьютерной эпохи не могли быть естественными, множество объективных и субъективных факторов, обстоятельства, нормы морали и этики, соображения ложного престижа, намеки, слухи, интриги не позволяют им стать естественными. Они становятся играющими, исполнителями навязываемых, ложных ролей.

И теперь, когда естественное общение лицом к лицу заменилось виртуальными симуляциями, экран смартфона позволяет субъекту впитать готовые **искусственные** события, модели, образцы притворства, имитации, маскировки, замещения, комбинации. И вопрос заключается в следующем: насколько это затрудняет познавательные процессы, если большая часть бытия становится виртуальной, то возможно ли истинными само познание и его результаты. Студентам данный тезис объясняется так: имеется ли разница между «экранным» специалистом и специалистом, прошед-

шим длительный путь практико-предметного «рукодельного» преобразования объекта.

С другой стороны, несмотря на расширения дидактического инструментария, проблема повышения степени усвоения, освоения и демонстрации учебного материала до сих пор не имеет эффективных механизмов решения. Часть причин данного феномена связывается с установкой обучаемого на прямое отождествление знания с информацией. Взаимодействовать «с экраном» подросток начинает, не вполне овладев традиционными источниками знания. Информационная машина становится для него непререкаемым авторитетом, гаджет не требует значительных личных усилий, он готов искать, представлять текстовый, графический материал. Хотя отметим, пока студент соглашается, что полноценное знание в отличие от информации «добываются» многими годами напряженного мыслительного труда. Присутствие информационных массивов не гарантирует автоматизированной скорости получения из него верифицированного и деятельного знания. И в начальном и среднем звене обучения не проводится деятельность по различению знания от информации, феномены по умолчанию принимаются синонимичными.

Рано ли поздно студент задумывается над антагонизмом: если весь материал уже находится в битах интернета, то почему обучение связывается со значительными усилиями, с напряжением интеллектуальных сил, с самоограничением, приходится заставлять себя упорно учить, запоминать, связывать, систематизировать, создавая шаг за шагом активную научную картину мира. Для мыслящего субъекта со временем очевиден не личный успех в образовании, а его неуспех, его нереализованность в освоенных им, как он полагал, компетенциях. Ошибается и тот, кто не знает, но ошибается и тот, кто считает, что он знает. Выигрывает на чемпионате мира по футболу не обязательно сильная команда, проигрывает и фаворит. Такая аналогия допустима и оправдана, так как познание есть сложный многофакторный процесс, противоречивый, незавершенный и во многом относительно оцениваемый.

Только в отдельных инновационных школах вводятся учебные предметы, прививающие культуру мышления, культуру научного познания не только на теоретическом, но и практическом уровне. Пока явно доминирующая «пустая» теоретизация знания создает слабых специалистов, которым приходится переучиваться на рабочем месте. Тезис «забуди, чему тебя учили в институте, будешь переучиваться» до сих пор остается воспроизводимой процедурой вхождения в профессиональную область. Почему химия не стала доминантой в картине мироздания первокурсника-экономиста? Объясняется просто: химическое движение материи становится доступным и актуальным, если постоянно, длительно проводить опыты, эксперименты, натурные исследования, и надо приобрести сопутствующие «рукотворные» навыки, **самому готовить** лабораторную посуду, манипулировать с реактивами, подсчитывать, доказывать, отвергать, добиваться истинного результата, надо и делать, и думать, и обосновывать добываемое знание.

Отсутствия практических навыков и умений обеспечивает перевес спекулятивного знания над личностным и эмпирическим знаниями с самыми негативными последствиями. Студент проговаривает готовый текст с экрана, не может преобразовывать знание в действие, он полагает, что такой переход осуществляется автоматически. Но предметное, практическое имеет существенные отличия от описательных

текстов, это расхождение обнаруживается, когда время и ресурсы на изучение уже исчерпаны.

С материалистических позиций противоречивость уровней и проявлений бытия сущего неуничтожима, но из этого вовсе не вытекает вывод о бесплодности усилия по преодолению ложности и заблуждения. Уже в античности стоицизм сформулировал выход из подобной ситуации. Невозможно всем одновременно победить, всегда обнаруживаются проигравшие, и не добежавшие до финиша, и отказавшиеся стартовать. Также отметим, слабость аргумента, что имитация не может длительное время заполнять жизненное пространство, напрашивается другой вариант – может, такие проявления как абнегизм и эскапизм прекрасно выводятся из признания имитации как значимого и оправданного социального движения. Дополнительным аргументом выступает экономический парадокс: он проявляется в цикле работника, удлиняющего рабочее время, одновременно обозначающего себя как работающего на двух, и более рабочих местах. Трудовое право разрешает множество «подработок», и если студент одновременно выполнению роли студента оказывается способным подрабатывать разносчиком, грузчиком, курьером, то такое положение расценивается как разрушение его Я. Физиологические и психологические показатели рассчитаны на эффективный «труд» студентом только в единой и единичной образовательной активности. Педагогический опыт свидетельствует, что и единственное пропущенное занятие вносит необратимую деформацию в структуру формирующихся, неустойчивых, ценных умений и не может быть в будущем компенсировано дополнительными усилиями.

Для философии важно исследование области духовного воспроизводства личности, та область нематериального блага, которая определяет качество человека и его жизни. Проблема подмены образовательного усилия (и профессионального труда в целом) имитацией с последующим обнулением результата не может быть решена в пространстве локального нормативного акта. Поставленная проблема и философская, и юридическая, так как формализованное измерение результата представляет собой неизбежное искажение истинного положения, поэтому открываются перспективы более глубокого и фундаментального исследования обозначенных феноменов.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-436-437

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна

доктор философских наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук

КУТЛОВА Регина Рашитовна

аспирант Уфимского университета науки и технологий

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Внедрение цифровых технологий во все сферы социальной деятельности, изменяя их, приводит к возникновению ряда диалектических противоречий, таких как «цифровой разрыв», низкий уровень информационной культуры и риск изменения сущности отечественного образования, требующих, помимо философского осмысления, разработки практико-ориентированных моделей, эксплицирующих механизм функционирования сложных социальных систем в условиях цифровизации, детерминирующих перспективы их развития и позволяющих прогнозировать последствия принимаемых управленческих решений.

Ключевые слова: социальная деятельность, цифровые технологии, цифровизация образования, цифровой разрыв, информационная культура, сущность отечественного образования, бенефициары цифровизации, управление цифровизацией образования.

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Head of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

KUTLOVA Regina Rashitovna

postgraduate student of the Ufa University of Science and Technology

THE DOMESTIC EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF MODERN INFORMATION CHALLENGES

Changing of the digitalization in all spheres of social activity leads to the emergence of some dialectical contradictions, such as the "digital divide". It also leads to the low level of information culture and the risk of domestic education being changed. What is required is philosophical reflection and development of practice-oriented models that explicate the mechanism of functioning of complex social systems in the conditions of digitalization. It determines the prospects for their development and allow predicting the consequences of management decisions.

Keywords: digital technologies, social activity, digitalization of education, digital divide, information culture, the essence of domestic education, beneficiaries of digitalization, management of digitalization of education.

Телекоммуникационная революция конца XX века повлекла за собой повсеместное преобразование социальных институтов в быстро изменяющиеся взаимозависимые подсистемы общества, подвергнутого процессам цифровой трансформации. Многократное увеличение скорости информационных потоков привело к ускорению принятия решений, определяющих динамику экономических, политических и социокультурных изменений.

Цифровизация всех сфер социальной деятельности – феномен современной реальности, который претендует на её изменение, так как влияет не только на экономический, но и на онтологический, гносеологический, психологический, физиологический, аксиологический, этический, эстетический и другие аспекты жизни общества и человека [8, с. 61]

Под воздействием развивающейся техносферы общество актуализировало потребность в адаптированных к современной жизни индивидах. Система образования приняла этот заказ к выполнению, так как данный социальный институт реализует функцию подготовки молодых людей для включения их в различные сферы социальной деятельности в интересах национальной экономики. За последние тридцать лет система образования, пройдя путь от компьютеризации до цифровизации, превратилась в одну из наиболее технически оснащенных отраслей хозяйственной системы.

На современном этапе в процесс обработки информации вовлекается все большее число трудоспособного населения, усиливается динамика политических, экономических и культурных явлений, увеличивается скорость обмена информацией, скорость принятия решений, и, как следствие, про-

исходит неоднократная смена специальностей и профессий в течение жизни конкретного человека.

Исследователи социальных преобразований, последовавших за повсеместным внедрением цифровых технологий, делятся на три основные группы: первые оптимистично смотрят в будущее, полагая, что цифровизация содействует прогрессу, приветствуют новые стандарты информационной жизни, требующие расширенных возможностей человека. Вторые считают, что любые перемены усложняют жизнь людей и не все готовы к преобразованиям, третьи видят как новые возможности и перспективы для дальнейшего личностного и социального роста, так и сложности и противоречия, которые необходимо своевременно осознать и решить, используя в том числе и ресурсы системы образования.

Одно из таких противоречий получило название «цифровой разрыв» – социальное явление, связанное с различным уровнем готовности индивидов к жизни в цифровом обществе, которое детерминируется не только расхождением в социально-экономических условиях, но и различным уровнем информационной культуры, которая в контексте процессов цифровизации связана с сущностью человека и представляет собой умение повсеместно применять цифровые технологии для автоматизации бытовых операций, повседневной коммуникации и решения производственных задач. Информационная культура является продуктом разносторонних креативных способностей человека, включенного в систему общественных отношений, характерных для информационного общества [5, с. 95].

«Необходимо развивать и сохранять способность молодежи к чтению, умение критически извлекать и усваивать

смыслы, способность выделять информацию, в том числе и скрытую, стремление к собственным выводам и решениям» [2, с. 33]. Важно обучить педагогов и обучающихся информационным концептам и правилам работы с информацией, что повысит уровень критичности участников образовательного процесса, их способность обрабатывать информацию по ее основным свойствам, ведь «жить действительно – значит жить, располагая корректной информацией» [1, с. 19].

Таким образом, можно отметить, что одной из важных задач современного образования становится формирование у каждого участника образовательного процесса информационной культуры, которая включает в себя не только технологические умения и навыки, характерные для ранних этапов цифровизации, получивших название «компьютерная грамотность», но и предполагает наличие у индивидуумов, активно включенных в современные социальные процессы, навыков ускоренного получения, обработки и выдачи достоверной, полной, актуальной и точной информации.

Образование – одна из немногих систем, которая исторически сложившейся консервативностью обеспечивает не только собственный гомеостаз, но и детерминирует устойчивость к спонтанным изменениям взаимосвязанных с ней социальных подсистем, превращаясь в один из самых важных социальных институтов нового высокотехнологичного мира. Изменение сущности системы образования, разрушение ее исторически сложившейся роли в формировании граждан страны могут привести к необратимым изменениям в социальных институтах, с которыми система образования активно взаимодействует.

Как известно, сущность отечественного образования не сводится исключительно к императивной трансляции знаний, а решает фундаментальные задачи сохранения и преумножения традиционных ценностей, формирования духовного человека. «Духовный человек – это прежде всего гражданин и патриот своей родной земли, Отечества, подвижник возрождения и развития собственного народа и культуры. Главный принцип его формирования: приверженность духу своего народа, без которого вырастет поколение образованных интеллектуалов-грабителей, которые будут использовать свой интеллектуальный и культурный потенциал исключительно для личного обогащения» [6, с. 162].

В условиях информационной перенасыщенности с усилением роли цифровых технологий повышаются риски изменения сущности отечественного образования, цель которой – обеспечение формирования развитой высоко нравственной личности, патриота своего Отечества. Риски эти обусловлены не критичной и где-то пассивной позицией по отношению к процессу внедрения информационно-коммуникационных технологий в образование, спонтанного, неосознаваемого развития отношений обучающийся - цифровые устройства с размещенной в них информацией, не рецензируемой социальными институтами, формирующими духовные и нравственные качества личности.

В целях формирования высоко нравственной, духовной, устойчивой к дезинформации в условиях «информационной войны» личности отечественной системе образования необходимо сохранить свою сущность, обеспечивающую конвергентность исторически сложившейся стабильности и устойчивого развития с применением актуального и исчерпывающего знания, направленного на достижение основных целей образования как социального института.

Стоит отметить, что развитие информационно-коммуникационных технологий и их интеграция во все сферы социальной деятельности, фундаментально изменяя, не определяет их полюс. Выбор смысла сообщений и нарративов, направление формирования социума и отдельных индивидуумов отнесены к зоне ответственности бенефициаров процессов цифровизации.

Бенефициары-глобалисты до недавнего времени открыто декларировали изменения, повышающие риск разрушения одной из устойчивых социальных систем. Отечественному образованию под видом конструктивных изменений предлагалось видоизменить учебную архитектуру, перепроектировать учебные аудитории в целях индивидуализации учащихся, что целенаправленно вело к отсутствию единого, общего для всех, содержания образования, обучения без учителя, которому навязывалась роль «урокодателя» или тьютора, при этом роль воспитательной работы нивелировалась.

Ограничения в ковидный период и быстрый полномасштабный переход к дистанционной форме обучения, «с которым отечественная система образования в целом справилась, приостановили процессы изменений и показали, что роль педагога в условиях цифровизации возрастает» [4, с. 180].

Текущая геополитическая ситуация продемонстрировала противоречие, связанное со степенью вторжения в умы подрастающего поколения чуждых нашему обществу ценностей: этическую дезориентацию и «склонность к массивификации» [7], сформированные глобальными информационными ресурсами, имевшими открытый и бесконтрольный доступ к сознанию обучающихся. Под воздействием неуправляемого и «несоизмеримого по сравнению с прошлым веком возросшего объема информации, многоканальности информационного потока» [3, с. 16], а также отсутствия у индивидуумов знаний и практических навыков проверки информации на достоверность, неумение различать истинную информацию от дезинформации увеличили риск «промывания мозгов» обучающихся, способствовали принятию ими асоциальных установок и шаблонов поведения.

Данное противоречие, которое можно назвать «цифровой незрелостью», обусловлено тем, что в начале XX века система образования, перенимая основные тенденции цифровизации общества, выполняла роль ведомой системы по отношению к процессу внедрения информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения и воспитания и не использовала специфику образовательной сферы, оказывающую положительное воздействие на формирование личности.

Риск спонтанности и бессистемности цифровизации можно предотвратить – для этого цифровизацией необходимо управлять и использовать не только те же технические средства, что вывели общество на новый этап развития, но и передовых технологий, например, применяя искусственный интеллект. Управление цифровизацией образования не только определит пути внедрения и применения информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс, но и детерминирует использование методик, основанных на современных технологиях, предусматривающих формирование гармоничной личности, преданного своему делу и Отечеству.

Система отечественного образования должна занять проактивную позицию, стать владельцем процессов цифровизации, и не только координировать цифровой образовательный процесс, но и формировать и направлять в образование информационные потоки, необходимые для сохранения и преумножения национальных духовных, этических и культурных ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Винер Н. Кибернетика и общество: [сборник] / [Пер. с англ. В Желнинова]. Москва: Издательство АСТ, 2019. 288 с.
2. Горшкова В. В. Проблемы образования и жизнедеятельности человека в контексте цифровой цивилизации // Человек и образование. 2020. № 2 (63). С. 29-35.
3. Кораблева Е. В., Музыченко М. Я. Информационная культура как фактор идентификации человека в цифровом пространстве // Цивилизация – Общество – Человек. 2018. № 12. С. 15-16.
4. Кутлова Р. Р. Сущность отечественного образования в условиях цифровой трансформации общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 4А. С. 178-182.
5. Павельева Т. Ю. Информационная культура: понятие, содержание // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 94-96.
6. Рахматуллина З. Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография / З. Я. Рахматуллина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 226 с.
7. Соммэр Д. С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2019. 480 с.
8. Шматков М. Н. Информатизация образования с точки зрения социальной философии: методологические аспекты / Философия образования: Часть 1. Проблемы современной философии образования. 2011. С. 60-66.

УСТИНОВА Оксана Вячеславовна

кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета

ПИВОВАРОВА Ирина Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

16 декабря 2022 года в Тюмени прошла II Международная научная конференция «Социальная безопасность в евразийском пространстве». На конференции зарубежные и российские социологи представили результаты своих исследований, связанных с социальной безопасностью как в духовной сфере, так и в сферах демографической, информационной, экономической, военно-политической, этнокультурной безопасности в условиях современных вызовов, а также безопасностью молодежи и семьи.

Ключевые слова: социальные процессы, социальная безопасность, угрозы безопасности, геополитические вызовы, безопасность.

USTINOVA Oxana Vyacheslavovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University

PIVOVAROVA Irina Valerjevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University

SOCIAL SECURITY: RESEARCH RESULTS

On December 16, 2022, the II International Scientific Conference "Social Security in the Eurasian Space" was held in Tyumen. At the conference, foreign and Russian sociologists presented the results of their research related to social security both in the spiritual sphere and in the areas of demographic, informational, economic, military-political, ethno-cultural security in the face of modern challenges, as well as the security of youth and families.

Keywords: social processes, social security, security threats, geopolitical challenges, security.

В Тюмени прошла II Международная научная конференция «Социальная безопасность в евразийском пространстве», в работе которой приняли участие ученые из Республик Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Азербайджан и 40 российских регионов. В приветственных выступлениях подчеркивалась актуальность конференции, связанную с новыми вызовами, которые исследует социологическая наука. В ходе работы ученые смогут установить научный диалог, представить результаты эмпирических исследований коллегам по научному сообществу.

В ходе конференции прошли два круглых стола. Участники первого «Безопасное формирование человеческого потенциала в информационном и социокультурном измерении» обсудили научные результаты в исследовании вопросов духовной и этнокультурной безопасности в евразийском пространстве, информационной безопасности в условиях рисков и угроз, безопасности молодежи и её здоровья в обществе потребления, а также безопасности семьи и семейно-демографической политики. Предметом обсуждения участниками второго стола «Проблемы безопасности в сферах военно-политической, экономической и юридической деятельности» стали актуальные вопросы военно-политической и экономической безопасности в условиях геополитических вызовов, преступности как угроза безопасности и юридической безопасности.

В пленарном докладе д-р философии по географии, доцент. Бадалов Э. С. (г. Баку, АР) представил результаты исследований, проведенных на основе статистических данных по Республике Азербайджан. На основе полученных данных докладчиком выявлены тенденции и особенности в этнодемографических процессах, среди изменение этнической структуры городского населения, консолидация национальных меньшинств с азербайджанцами, увеличение межнациональных браков азербайджанцев с женщинами русской, украинской и татарской национальности, малодетных семей и др.

В своем докладе об экологической безопасности как основе устойчивого развития регионов д. социол. н., проф. Со-

сунова И. А. (РОС, г. Москва) отметила, что успешность развития российских регионов во многом зависит субъективных оценок экологической успешности страны. По ее мнению, следует формировать экологические ценности у различных социально-демографических групп, в первую очередь среди молодежи, социальных и национальных общностей и др.

Интересный доклад представила д-р социол. наук, профессор Хайруллина Н. Г. (ТИУ г. Тюмень), в котором прозвучали результаты анкетного опроса, проведенного в 2022 году среди тюменской молодежи. Результаты исследования, посвященного молодёжному предпринимательству, выявили не высокую готовность тюменской молодежи к занятиям предпринимательством. Большинство современной молодежи не готовы рисковать и открывать собственный бизнес. В университете, отметила, докладчик организован бизнес-инкубатор, на базе которого студенты могут защитить свои проекты в рамках программы стартап как диплом.

Мурзакулов С. В., сотрудник национальной академии образования им. И. Алтынсарина (Астана, Республика Казахстан) рассмотрел перспективы по улучшению образовательного процесса, развитию дистанционного обучения, проведению исследований в российских и казахстанских вузах. Докладчик заметил, что вместе с возможностью роста и развития доступа к цифровому образованию зарождается социальная проблема по анализу освоения учебного материала, появляются риски адаптивного обучения, понимания цифровых инструментов обучения и образовательных ресурсов. Для обеспечения безопасности образовательного процесса необходимо повышать роль аналитики в вузах. Он описал систему образовательной аналитики и ее влияние на построение индивидуальной траектории обучения.

В ходе конференции одновременно с круглыми столами была организована работа студенческих сессий, где звучали доклады с результатами исследований студентов, магистров, аспирантов российских вузов, а также курсантов Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.